ДЖОНАТАН СТРЕНДЖ & МИСТЕР НОРРЕЛЛ

Сюзанна Кларк

Джонатан Стрендж и мистер Норрелл [Литрес, с иллюстрациями]

Сюзанна Кларк

Аннотация
Сюзанна Кларк. Джонатан Стрендж и мистер Норрелл
Предисловие
Том I. Мистер Норрелл
1. Библиотека Хартфью
2. Таверна «Старая звезда»
3. Йоркские камни
4. Друзья английской магии
5. Дролайт
6. «Магия малопочтенна, сэр»
7. Такой случай может не повториться
8. Джентльмен с волосами, как пух на отцветшем чертополохе
9. Леди Поул
10. Трудно подыскать занятие для волшебника
11. Брест
12. Дух английской магии побуждает мистера Норрелла встать на защиту Британии
13. Чародей с Треднидл-стрит
14. Ферма «Разбитое сердце»

15. «Как здоровье леди Поул?»
16. «Утраченная Надежда»
17. Необъяснимое появление двадцати пяти гиней
18. Сэр Уолтер советуется с джентльменами разных профессий
19. «Патриотический клуб камердинеров и дворецких»
20. Подозрительный шляпник
21. Марсельское Таро
22. Рыцарь Жезлов
Том II. Джонатан Стрендж
23. Призрачный дом
24. Другой чародей
25. Обучение волшебника
26. Корона, скипетр и держава
27. Жена волшебника
28. Библиотека герцога Роксбурга
29. В доме Жозе Эшторила
30. Книга Роберта Финдхельма
31. Семнадцать мертвых неаполитанцев
32. Король
33. «Наполни мои глаза сиянием луны»
34. На краю пустыни
35. Джентльмен из Ноттингемшира
36. Все зеркала мира

37. Пять Драконов
38. Из «Эдинбургского обозрения»
39. Два волшебника
40. «Поверьте, такого места просто не существует»
41. Старкросс
42. Стрендж решает написать книгу
43. Странное приключение мистера Хайда
44. Арабелла
Том III. Джон Аскгласс
45. Пролог к книге Джонатана Стренджа «История и практика английской магии»
46. «Со мной говорило небо…»
47. «Собрать в одном месте и черного, и синего – уж чой-то да значит»
48. Гравюры
49. Безумство и необузданность
50. «История и практика английской магии»
51. Семейство Грейстил
52. Пожилая дама из Каннареджо
53. Мертвая серая мышка
54. Маленькая шкатулка цвета сердечной боли
55. Второй увидит сокровище свое в руках недруга
56. Черная Башня
57. Черные письма

58. Генри Вудхоуп наносит визит
59. Левкрота, Волк Сумерек
60. Гроза и ложь
61. «Дерево говорит с камнем; камень говорит с водой»
62. Я приду к ним в крике, что разрушит безмолвие зимнего леса
63. Первый похоронит сердце свое под снегом в темном лесу, но боль его не уймется
64. Две леди Поул
65. Пепел, жемчуг, покрывало и поцелуй
66. Джонатан Стрендж и мистер Норрелл
67. Боярышник
68. «Да»
69. Стренджисты и норреллиты
Благодарности
Примечания

Аннотация

«Так мог бы выглядеть роман „Мастер и Маргарита“, если бы его написал Диккенс», – полагает Александр Генис, а Нил Гейман называл эту книгу «лучшей литературной сказкой на английском языке за последние семьдесят лет». Здесь Англия – страна древних магических традиций, оставшихся в прошлом, – воюет с Наполеоном, а осторожный мистер Норрелл и его порывистый ученик Джонатан Стрендж мечтают возродить волшебное искусство. Здесь «темная мифология на фоне восхитительной комедии нравов в духе Джейн Остен рождает шедевр толкиновских масштабов» (Time). Здесь невероятные конфликты, человеческие и нечеловеческие, описаны с абсолютной достоверностью, а реалии, стиль, язык ушедшей эпохи воссозданы с размахом и дотошностью «Имени Розы» Умберто Эко. Роман был переведен на десятки языков, разошелся по миру тиражом свыше миллиона экземпляров и был экранизирован: в 2015 году на экраны вышел одноименный мини-сериал первого телеканала Би-би-си,

главные роли исполнили Берти Карвел и Эдди Марсан. Перевод публикуется в новой редакции, с дополнительными материалами и множеством иллюстраций.

Сюзанна Кларк
Джонатан Стрендж и мистер Норрелл

Susanna Clarke
JONATHAN STRANGE & MR. NORRELL

© Е. Доброхотова-Майкова, перевод (гл. 1–10), примечания, 2016
© М. Клеветенко, перевод (гл. 11–24, 59–69), 2016
© А. Коноплев, перевод (гл. 25–29, 33–44), 2016
© С. Самуйлов, перевод (гл. 30–32, 45–58), 2016
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016
Издательство АЗБУКА®

* * *

Безусловно лучшая литературная сказка на английском языке за последние семьдесят лет. Смешная, трогательная, страшная, потусторонняя, практическая и магическая, путешествие сквозь тень и свет. Упоительное чтение, изящный и точный стиль: госпожа Кларк выстраивает слова так же хитроумно и грозно, как герцог Веллингтон выстраивал свои полки, а финальная часть истории таит множество неожиданных поворотов, словно лабиринт старых лондонских улочек или темный английский лес. Закрывая «Джонатана Стренджа и мистера Норрелла» на восьмисотой странице, я жалел лишь, что книга не оказалась вдвое длиннее… Чистое наслаждение от первой до последней строки.

Нил Гейман

Роман захватил меня и увлек так, что я не мог его отложить, пока не прочел до конца. Тон рассказчика выбран превосходно. Он полон иронии, преподносимой с серьезной миной, а его сдержанность позволяет читателю самому составить мнение о персонажах. Меня восхищала вымышленная ученость, завораживала смесь исторического реализма и чудесных событий. Я почти верил, что и впрямь существовала традиция «английской магии», о которой мне не доводилось слышать. Автор убедительнейше воспроизводит время и его литературные условности. И часть удовольствия от книги – наблюдать, как легко магия вписалась в роман XIX века. Настоящий шедевр. Не могу припомнить ничего хоть сколько-нибудь похожего.

Чарльз Паллисер

До ужаса правдоподобная параллельная история Британии, в которой волшебники играют не меньшую роль, чем известные нам исторические лица.

Мишель Фейбер

Книга для ума, книга для души, повод для разговоров и легкое чтение в дорогу – все это соединилось для меня в «Джонатане Стрендже и мистере Норрелле»... Я буквально не мог оторваться от этого романа.

Джулиан Феллоуз

Всякая книга, кроме телефонной, – вымысел уже потому, что ее единственным содержанием является чудо, преображающее жизнь в буквы, настоящее – в вечное, быль – в сказку. Когда я был маленьким, этот обман назывался «научной фантастикой».

Сегодня фантастическое не нуждается в алиби. С тех пор как Гарри Поттер стал главным героем нашего еще незрелого

столетия, писатели всех стран и народов вступили в борьбу за его наследство. Мы живем в эпоху, переплавившую магический реализм в обычную сказку, упразднившую критерий правдоподобного для детей любого возраста. Выдавив другие жанры в нон-фикшн, сказка захватила единоличную власть над словесностью. В том числе и отечественной, что доказывают старые герои новой русской прозы – Сорокин и Пелевин. Первый сочиняет сказки для гностиков, второй – для агностиков. Сорокин выдает быль за сказку, Пелевин опрокидывает сказку в быль. У обоих подлинный смысл истории открывается лишь тем, кто приобщен к ее темным тайнам.

Сказка делает мнимую жизнь зловещей и подлинной. В сущности, тут не нужна магия. Но без нее не обойтись другой – еще более широкой – аудитории. С тех пор как истощенная расточительным постмодернистским эпилогом литература, впав в детство, вернулась к своему истоку и стала тем, чем, в сущности, всегда была – рассказом о чудесах. За что мы

ее готовы простить и снова полюбить.

Со мной такое произошло, когда я прочел 800-страничный фолиант 50-летней дебютантки из Кембриджа Сюзанны Кларк под обманчиво скучным названием «Джонатан Стрендж и мистер Норрелл». Восторженные критики уже успели назвать ее «Гарри Поттером для взрослых», но, по-моему, это сомнительный комплимент для автора, открывшего новый способ обращаться с чудесами.

Так мог бы выглядеть роман «Мастер и Маргарита», если бы его написал Диккенс.

Дело в том, что книга Кларк – грандиозный анахронизм: она написана так, будто мы еще живем в Викторианскую эпоху. Презрев «страх влияния», автор перебралась в XIX век, чтобы медленно и верно выткать подробный гобелен давно умершей эпохи.

Писать сегодня викторианскую книгу – все равно что строить действующую модель кареты в натуральную величину. Самое странное, что она действительно ездит, перенося читателя в бурную

наполеоновскую эру, так хорошо нам знакомую по «Войне и миру». Обманчивая убедительность исторического повествования настолько обескураживает читателя, что он принимает главную, и единственную, условность романа – чудеса. Англия Сюзанны Кларк – страна великих магических традиций. Деяния средневековых волшебников, выходцев из смежного, но невидимого мира, – непреложный факт, документированная часть британской истории. Однако, вступив на путь прогресса, Англия утратила древнее магическое искусство, которое и взялся возродить тщеславный мизантроп мистер Норрелл со своим добродушным учеником Джонатаном Стренджем.

Тут-то и начинается самое интересное. Чудеса в книге изображены с той же неторопливой дотошностью, что и все остальное. Ирония уже давно научила сказку встречаться с прозой жизни, как это бывало у Гофмана, Андерсена и Шварца. Но, кажется, впервые магия, реанимировав старомодный жанр, сошла на страницы толстого реалистического романа. Отказав сверхъестественному в специальном статусе, Кларк вплетает волшебство в ткань подлинной истории с ее реальными героями, вроде Веллингтона или Байрона.

Александр Генис
(Иностранная литература)

Сюзанне Кларк удалось неподдельное чудо: ее «викторианская фэнтези» – всамделишная литература, без кавычек и оговорок; не постмодернистская игра, не изящный жанровый эксперимент – живая, сильная книга. Содержащая вдобавок ноу-хау. Да, были уже Толкин и последователи, Урсула Ле Гуин, в конце концов, Нил Гейман (назвавший, между прочим, «Стренджа…» «лучшей литературной сказкой на английском языке за последние семьдесят лет»), но только Кларк столь естественно удается вплести свою волшебную нить, свалянную из кошачьих шагов и голосов рыб, в масштабный и дотошный гобелен исторической реальности эпохи Регентства и литературного канона Диккенса и Джейн Остен. Ну подумаешь, магия. Чем не занятие для джентльмена. В сущности, рутина: кто-то воюет с Бонапартием, кто-то торгует в заморских колониях, кто-то колдует и общается с эльфами. Бывает.

Александр Гаррос
(Эксперт Online)

Удивительная неспешность повествования, заставляющая вас позабыть о том, что на свете уже существуют метро, интернет и авиастроение. Абсурдное внимание к деталям (ко всем деталям: историческое и фантастическое Кларк живописует с одинаковой дотошностью). Ну и главное – язык, конечно. О событиях начала XIX века автор имеет наглость рассказывать языком начала XIX века – языком Диккенса, языком Вальтера Скотта. Впрочем, наглость эта простительна: Сюзанна Кларк – прирожденный стилист; она пишет – ты веришь. Вероятно, именно это ощущение подлинности, которое, точно пряный запах старинного фолианта, насквозь пропитывает книгу, и превращает «Джонатана Стренджа…» в блестящий сеанс магии – причем без последующего разоблачения. Невозмутимая леди Кларк внушает читателю даже не то, что волшебство существует, но то, что оно так же банально и естественно,

как, скажем, насморк, который читатель наверняка схватит, если промочит ноги.

Анна Старобинец
(Гудок)

Девятисотстраничный фолиант Сюзанны Кларк способен понравиться самым разным читателям. Во-первых, это исторический роман, в котором дотошно воссозданы не только реалии эпохи, но и ее язык, ее стиль, – история современной литературы знает только один подобный подвиг: «Имя Розы» Умберто Эко. Радует то, что языковые прелести книги доступны и россиянам: книга великолепно переведена, что заставляет вспомнить и сдержанную прозу Пушкина, и достоверные гоголевские гротески. Во-вторых, Кларк должна прийтись по нраву каждому поклоннику фэнтези. «Стрендж и Норрелл» – дальние родственники «Волшебника Земноморья»: автор использует магию не только как прием авантюрного романа, но описывает очертания границ, за которые не следует заглядывать человеку, и причины, по которым

их порой все же стоит пересекать. В-третьих, «Стрендж и Норрелл» – подарок для англомана: за тем, что покажется иным читателям занудством и бесчувственностью, поклонники Вальтера Скотта и Кольриджа увидят английскую сдержанность, способ передавать через недосказанность массу косвенной информации. Кларк обставила свою выдумку с беспримерным вкусом и вниманием: обилие ссылок на несуществующие труды по магии, исторических ироничных анекдотов, вставных новелл и красочных описаний иных миров заставляет читателя поверить, что перед ним не просто огромный роман, но достоверный исторический рассказ о возрождении магии.

Иван Якшин
(Книжная витрина)

Что же такое «Джонатан Стрендж и мистер Норрелл»? Самым коротким ответом будет: Джейн Остен в Стране чудес. Викторианская Англия, Наполеоновские войны, зеленые лужайки, экипажи, кукольные домики, мильные столбы и

вересковые пустоши. Это не только место действия, это время написания. Представьте себе роман Чарлза Диккенса или Джейн Остен, где чопорные политики становятся жертвами зловредных эльфов, а на приеме у тетушек, жаждущих пристроить своих племянниц замуж, появляется пара волшебников, только что отчитавшихся в Министерстве внутренних дел об исполнении поручения о предотвращении разлива рек в графстве Суффолк.

Стилизация выполнена настолько идеально, что даже вызывает оторопь. Это что, всерьез? Ну кому сейчас придет в голову писать, а уж тем более издать викторианский роман? Его многословие, пространные описания чувств и пейзажей, неторопливая размеренность были хороши во времена, когда скорость передвижения не превышала 15 километров в час, а новости недельной давности считались последними известиями. Но в наше время читать эти 890 страниц, где динамичность повествования развертывается со скоростью перемещения дамы

в кринолине? Как выясняется, и в карете прошлого можно уехать далеко, если она находится в рабочем состоянии.

Приключения мистера Норрелла, задумавшего воскресить в Англии утраченное искусство магии, и его ученика Джонатана Стренджа, однажды покинувшего учителя, прибирают тебя к рукам постепенно и исподволь, и вскоре ты, успокоившись, перестаешь досадовать на неспешность езды и начинаешь получать удовольствие от забытых, а то и никогда не испытанных ощущений альтернативного способа перемещения в альтернативном мире.

Вадим Нестеров
(Gazeta.Ru)

Эта Кларк оказалась такой изобретательной и остроумной рассказчицей, что нет ни одной причины, по которой взрослый человек может позволить себе проигнорировать этот роман про волшебников; и вам вовсе не нужно быть литературным критиком, предсказуемо реагирующим на подмигивания в сторону Джейн Остен и Мэри Шелли, чтобы понимать, ознакомившись с первой же сотней страниц, что в ваших руках – классическое произведение, которое будут читать в вашей семье еще в нескольких поколениях. «Гарри Поттер» для взрослых? Дж. Роулинг со своей метлой «Нимбус-2000» может наниматься к Кларк в дворники.

Лев Данилкин
(Афиша)

Эта волшебная история затянула меня… увлекательный сюжет и магическая премудрость. Великолепно!

Independent on Sunday

Плотный, написанный слогом XIX века роман согреет читателя в темные и ненастные ночи… не книга, а огромный бурлящий котел.

Daily Telegraph

Блистательно, остроумно, увлекательно, триумф многовековой литературной традиции… Книга берет читателя в плен и отправляет в странствие, полное невероятных приключений.

Irish Times

Изящная и остроумная историческая фантазия, достойная того, чтобы ее оценивали по ее собственным (значительным) достоинствам.

Sunday Telegraph

Книга, полная заклинаний, непогоды, говорящих статуй, призрачных бальных залов и зловещих джентльменов с волосами, как пух на отцветшем чертополохе… поддайтесь чарам!

Elle

Книга сказочная и в прямом, и в переносном смысле слова… в высшей степени неординарная и увлекательная.

Sunday Times

Мастерская шлифовка деталей и щедрый юмор, интригующие загадки и приключения черпают энергию из самых мрачных фантазий.

Zembla

Волшебно… Мастерское, блистательно размеренное повествование… буйство воображения, изящный юмор, чарующий слог.

Scotsman

От оригинальности и смелости захватывает дух… ошеломляющий полет воображения. Читать всенепременно.

Image

Изумительно… Роман, в котором темная мифология на фоне восхитительной комедии нравов в духе Джейн Остен рождает шедевр толкиновских масштабов… Уникальность «Джонатана Стренджа и мистера Норрелла» – в отношении к магии. Магия у Кларк печальна и зловеща; она соткана из дождя, снега и зеркал и описана с абсолютным реализмом… У Кларк есть и другое редкое достоинство: она умеет живописать зло… через темные, спутанные корни жанра она углубляется в Средневековье и страшную, фрейдистскую составляющую сказок. «Джонатан Стрендж и мистер Норрелл» объясняет живучесть литературного вымысла: он говорит на языке наших снов. И наших кошмаров.

Time

Воображение Кларк не знает пределов; волшебный темп повествования и тонкая ирония сплетаются в величественную картину.

The New York Times

Восхищает способность Кларк выстроить полностью воображаемый мир, раскрываемый в длинных остроумных примечаниях…

The New Yorker

Какое волшебство надо вложить в восьмисотстраничный роман, чтобы он показался коротким? В чем бы ни состояло это волшебство, Сюзанна Кларк им владеет.

USA Today

Грандиозно, умно, изобретательно… Кларк пишет сдержанно и остроумно; ее стиль великолепен.

Entertainment Weekly

Кларк мастерски вместила в свои восемьсот страниц мир Джейн Остен, готический роман, светскую новеллу, военно-исторические приключения в духе «Стрелка Шарпа» и «Хозяина морей», романтический байронизм и вальтер-скоттовскую страсть к героическому прошлому Севера. Есть книги, которые читаешь, книги, которые изучаешь, и книги, в которых живешь. «Джонатан Стрендж и мистер Норрелл» – из тех книг, в которых живешь.

The Washington Post

Соединяя фольклор с вымыслом, от которого веет романом ужасов, Кларк создает Англию наполеоновских времен, полную обещаний… опасностей… неуправляемых сил… Точный и строгий стиль придает фантазии весомость, а тщательные исторические изыскания наделяют магические эпизоды пугающим реализмом.

People

Самый блистательный литературный дебют года.

Salon

Завораживающе.

Harper's Bazaar

Восьмисотстраничный литературный вымысел – представьте себе Гарри Поттера с толкиновским флером, – альтернативная история Англии, где магия, эльфы и колдовство присутствуют в обыденной жизни… Роман, который Кларк писала больше десяти лет, заканчивается чересчур быстро.

New York Post

Вот писатель, который помнит, что сказочные персонажи вовсе не так безобидны, как предстают в пересказах для детей. Ее бесподобная книга – наглядный урок наслаждения, риска и волшебства.

Village Voice

Роскошно… Блестящая, феноменально смелая книга.

The Onion

Роман, мгновенно ставший классикой. Одна из лучших литературных фантазий всех времен.

Kirkus Reviews

Невероятно… Одинаково понравится любителям мейнстрима и фантастической прозы.

Publishers Weekly

Оглушительный успех… История и вымысел идут рука об руку…

Booklist

Чудесно. Почти восемьсот страниц плотного, закрученного повествования наполнены мастерски прописанными персонажами, неожиданными поворотами, древними пророчествами и самыми невероятными человеческими и нечеловеческими конфликтами… одна великолепная сцена сменяет другую.

Toronto Globe and Mail

«Джонатан Стрендж и мистер Норрелл» составлен из равных частей Джейн Остен и Диккенса, приправленных Толкином и Роулинг. Безусловно лучший и самый оригинальный роман года.

National Post (Canada)

Ехидное остроумие Джейн Остен в сочетании с мистическим ужасом Артура Конан Дойла.

Seattle Times

Книга, которая затягивает с головой.

Baltimore Sun

Остроумные диалоги, меткие наблюдения, интригующие примечания… Головокружительное приключение, полное выразительных деталей. Из смеси истории и воображения рождается вымышленный мир, который выглядит таким же реальным, как наш собственный.

San Francisco Chronicle

Хотя в «Джонатане Стрендже и мистере Норрелле» присутствует тот же элемент игры, что в «Гарри Поттере», роман одновременно грустный и трагический – прямая противоположность детскому чтению… Кларк написала пронзительно точную книгу о вечных истинах.

Fort Worth Star-Telegram

Дивно. Затейливое переплетение исторической прозы с литературной сказкой понравится каждому, кто любит погрузиться в мир, созданный великолепным рассказчиком.

Denver Post

Феноменально… Если, читая «Гарри Поттера», хочется вновь стать ребенком, «Джонатан Стрендж и мистер Норрелл» напоминает, что быть взрослым куда увлекательнее.

Atlanta Journal-Constitution

Памяти моего брата Пола Фредерика Ганна Кларка (1961–2000)

Предисловие

Январь, я приезжаю в загородный йоркширский дворец. Парк скрыт за туманом и дождем. Дворец — полутемный лабиринт великолепных, но запустелых комнат, наполненных зимними тенями и отзвуками шагов.

Все нравится мне невероятно: идеальная обстановка для романа, стилизованного под девятнадцатый век.

Первый раз мне позвонили и сказали о возможной съемке телесериала по «Джонатану Стренджу и мистеру Норреллу» много лет назад, но теперь, когда время пришло и я здесь, в Вентворт-Вудхаусе, на меня накатывает растерянность. И дело не только в масштабе происходящего. (Взять хоть целый парад грузовиков перед фасадом, — может, мне надо кого-нибудь найти и попросить извинения за доставленные хлопоты?) И не в ощущении потусторонней, вывернутой реальности, — наверное, это свойство всех съемочных площадок. (Взять хоть мили проводов, что змеятся по лестницам и пропадают в темноте одной из сотни безымянных комнат.) Нет, больше всего меня

ошеломили люди с прическами начала девятнадцатого века и в нарядах начала девятнадцатого века. Наверное, мне следовало этого ожидать, да их тут и не так много, во всяком случае, по сравнению со съемочной группой.

Однако ничто не подготовило меня к виду собственных персонажей, разгуливающих по дому. Сценарист или драматург, наверное, предвидят такое, писательница — нет и, естественно, решает, что сошла с ума. (Зачем им столько зонтов? Разве эти люди не понимают, что они все вымышленные?)

В той части Вентворт-Вудхауса, которая сейчас изображает палату общин, сэр Уолтер Поул с улыбкой бросается ко мне, чтобы сказать несколько слов. В неимоверно роскошном бальном зале леди Поул и миссис Стрендж исполняют танец собственного сочинения, комичный и в то же время грациозный. (Потом мне подарят фотографию с этой сценой.) Стивен Блэк, серьезный и сосредоточенный, держится в тени. Чилдермасс по-йоркширски раскованно протягивает мне свою колоду Таро — она теплая и приятно грубая на ощупь. Из выстроенного для танца ряда эльфов и фей машет мне джентльмен с волосами, как пух на отцветшем чертополохе. (Что, признаю,

совершенно не в его образе.)

Кого я, к некоторому облегчению, не встретила на съемках, так это Джонатана Стренджа и Гильберта Норрелла. Я знаю, что не встретила их, потому что самые заметные черты Стренджа и Норрелла — заносчивость и самовлюбленность. (Мне печально говорить такое о близких людях, но это правда). Те, кого я встретила вместо них — Берти Карвел и Эдди Марсан, — совсем другие, очень милые и душевные.

Месяц спустя мы в Йорке перед собором. Люди идут домой с работы, едут на машинах, едят в ресторанах. Все тихо и обыденно. И только здесь, перед величественным западным фасадом, метет метель. Через нее пробиваются волшебники в черных сюртуках и черных треуголках. В руках у них фонари. Сейчас мистер Норрелл вновь сотворит волшебство в Йоркском соборе. Прохожие останавливаются и смотрят. Посреди Йорка двадцать первого века в обычный будний день внезапно возник странный пузырь никогда не существовавшей Англии девятнадцатого столетия.

На следующий день мы с приятельницей проходим перед собором. Я смотрю под ноги и вижу, что в щелях булыжной мостовой что-то белеется.

— Ой, глянь, — говорю я. — Это мой снег.

Сюзанна Кларк
Ноябрь 2014-го

Том I. Мистер Норрелл

Он редко говорил о магии, а если и говорил, это больше напоминало урок истории, и ни у кого не

хватало терпения его слушать.

1. Библиотека Хартфью

Осень 1806 — январь 1807 года

Некоторое время назад существовало в городе Йорке общество волшебников. Каждую третью среду месяца его члены собирались и читали друг другу длинные скучные статьи по истории английской магии.

То были волшебники-джентльмены: своим колдовством они никому не принесли и малейшего вреда, как, впрочем, и малейшей пользы. Вообще-то, сказать по правде, ни один из них за целую жизнь не произнес и одного заклинания; ни один листик не дрогнул под воздействием их чар, ни одна пылинка не сменила курса, ни один волосок не упал с чьей-либо головы. Впрочем, несмотря на упомянутое мелкое обстоятельство, они пользовались репутацией наимудрейших джентльменов в Йоркшире.

Один великий волшебник как-то сказал о своих коллегах, что те «не могут вбить себе в голову и крупицу знания, а вот ссоры и свары даются

им без труда»[1], и йоркские волшебники на протяжении многих лет успешно доказывали справедливость его слов.

Осенью 1806-го к ним прибыло пополнение в лице некого Джона Сегундуса. На первом же собрании этот джентльмен обратился к коллегам с речью. Для начала он упомянул о славной истории общества и перечислил множество именитых волшебников и ученых, состоявших в разное время в его рядах, а также намекнул, что именно желание познакомиться с обществом главным образом и привело его в Йорк. Северные волшебники, напомнил он слушателям, всегда пользовались бóльшим уважением, чем их южные собратья. Мистер Сегундус поведал, что изучает магию на протяжении многих лет и знает практически обо всех великих чародеях прошлого, читал все последние публикации, посвященные магии, и даже сам выступил с несколькими скромными статьями. Однако с недавних пор он серьезно задумался над тем, почему великие магические свершения предстают лишь на страницах книг, но не на улицах или в газетной хронике. Мистер Сегундус желал знать,

[1] Примечания: 1

Джонатан Стрендж. «История и практика английской магии». Том I, глава 2. Изд-во Джона Мюррея: Лондон, 1816.

почему современные волшебники уже не способны на то колдовство, о котором так красиво пишут. Неужто в Англии разучились колдовать?

Трудно вообразить более избитый вопрос. Каждый английский ребенок рано или поздно задает его гувернантке, учителю или кому-нибудь из родителей. Однако высокоученым членам Йоркского общества вопрос этот не понравился, и вот почему: они, как и все остальные, не могли на него ответить.

Президент Йоркского общества доктор Фокскасл повернулся к Джону Сегундусу и объяснил, что неправильна сама постановка вопроса.

— Считается, будто практиковать магию — святая обязанность волшебников. Это нелепое заблуждение. Надеюсь, вы не полагаете, что задача ботаников — изобретать новые цветы? Или что астрономы должны передвигать звезды на небе? Волшебники, мистер Сегундус, изучают магию прошлого. Чего еще можно требовать?

Пожилой джентльмен с блеклыми глазами и в блеклой одежде (не то Харт, не то Хант — мистеру Сегундусу никак не удавалось толком расслышать его имя) блеклым голосом произнес, что неважно, кто чего требует. Джентльмен не может заниматься магией. Магия — это то, чем улич-

ные шарлатаны выманивают у детишек мелкие деньги. Магия (в практическом смысле) себя скомпрометировала. Она вращается в дурном обществе, водит знакомство с бородачами, цыганами, карманниками, живет в обшарпанных комнатушках за грязными желтыми занавесками. Ну уж нет! Настоящий джентльмен никогда не будет таким заниматься! Джентльмену прилично изучать историю магии (разве можно придумать занятие благороднее!), но дальше идти не следует. Пожилой джентльмен посмотрел на мистера Сегундуса блеклым отеческим взором и выразил надежду, что тот никогда не пытался произносить заклинания.

Джон Сегундус залился краской.

Однако давно подмечено, что два волшебника — в нашем случае доктор Фокскасл и мистер Хант (он же Харт) — не могут прийти к единому мнению без того, чтобы два других не заняли тут же противоположную позицию. Некоторые совершенно неожиданно открыли для себя, что всецело согласны с мистером Сегундусом по вопросу о важности практической магии. Наиболее рьяно поддержал его некий Хонифут, приятный и дружелюбный господин лет пятидесяти пяти, седой и краснолицый. По мере того как спор

накалялся и доктор Фокскасл метал в мистера Сегундуса все более и более острые стрелы сарказма, мистер Хонифут то и дело поворачивался к нему и ободряюще шептал: «Не слушайте их, сэр. Я полностью на вашей стороне», или «Вы правы, не дайте им себя смутить», или «Вы попали в самую точку, сэр! Мы никуда не движемся, потому что не догадывались задать нужный вопрос. Зато теперь, с вашей помощью, мы придем к великим свершениям».

Эти добрые слова не замедлили произвести приятное впечатление на Джона Сегундуса, глубоко потрясенного столь жарким отпором.

— Боюсь, я не угодил обществу, — прошептал он мистеру Хонифуту. — Однако, уверяю, это никак не входило в мои намерения.

Поначалу мистер Сегундус безропотно терпел, но некоторые особо язвительные выпады доктора Фокскасла вызвали его негодование.

— Этот джентльмен, — начал Фокскасл, пригвождая мистера Сегундуса ледяным взглядом, — кажется, желает, чтобы мы разделили печальную участь Манчестерского общества волшебников!

Мистер Сегундус наклонился к мистеру Хонифуту и сказал:

— Я никак не ожидал, что йоркширские вол-

шебники окажутся такими твердолобыми. Если в Йоркшире не любят волшебство, то где же тогда его любят?

Доброта мистера Хонифута не закончилась после закрытия заседания. Он пригласил мистера Сегундуса в свой дом на Хайпитергейт — отобедать в компании миссис Хонифут и трех ее очаровательных дочерей. Мистер Сегундус, будучи холост и небогат, с огромным удовольствием принял столь лестное приглашение. После обеда старшая мисс Хонифут играла на фортепьяно, а мисс Джейн пела по-итальянски. На следующий день миссис Хонифут сказала мужу, что Джон Сегундус — истинный джентльмен, но едва ли добьется в жизни больших успехов, ибо доброта и скромность нынче не в моде.

Знакомство быстро переросло в прочную дружбу. Вскоре мистер Сегундус уже проводил в доме на Хайпитергейт два или три вечера в неделю. Когда собиралось много молодых людей, устраивали танцы. Все было очень мило, но частенько мистер Хонифут и мистер Сегундус тихонько ускользали, чтобы обсудить то единственное, что занимало обоих — почему в Англии больше не колдуют? Однако, сколько бы они ни говорили (а их беседы частенько длились до самого утра),

они ни на дюйм не приблизились к разгадке. Впрочем, это и неудивительно, ведь множество волшебников, историков, ученых или просто любителей древностей спрашивали о том же вот уже двести с лишним лет.

Мистер Хонифут — высокий, бодрый, улыбчивый джентльмен с неисчерпаемым запасом энергии — любил что-нибудь делать или планировать, редко удосуживаясь спросить, зачем это надо. Нынешняя задача напомнила ему про средневековых волшебников[2], которые, столкнувшись с неразрешимым на первый взгляд вопросом, уезжали на год и один день в сопровождении лишь эльфа-слуги в качестве провожатого и непременно находили ответ. Мистер Хонифут сказал мистеру Сегундусу, что, по его мнению, им следует взять пример с этих великих людей, уезжавших в наиболее отдаленные уголки Англии, Шотландии или Ирландии (где самый воздух пронизан магическими чарами) либо вообще покидавших наш мир, так что никто теперь не скажет наверняка, где они были и что там делали. Мистер Хонифут не предлагал заходить столь далеко и вообще сильно отдаляться от дома:

---

[2] Примечания: 2

Правильнее называемых *ауреатами,* или волшебниками Золотого века.

стояла зима и дороги были ужасны. Однако он был твердо убежден, что им нужно *куда-нибудь* отправиться и с *кем-нибудь* посоветоваться. Они топчутся на месте; им нужна свежая струя. Впрочем, куда или к кому ехать, мистер Хонифут не знал и потому совершенно пал духом.

Несколько лет назад до Йоркского общества дошли слухи, что в Йоркшире обитает еще один волшебник. Этот джентльмен жил в самой отдаленной части графства, где (как рассказывали) проводил дни и ночи в собственной удивительной библиотеке, изучая редкие и древние магические тексты. Доктор Фокскасл выяснил, как зовут волшебника, где он живет, и отправил ему письмо с вежливым приглашением вступить в общество. В ответном письме тот благодарил за оказанную честь и выражал глубокое сожаление, что не сможет приехать: огромное расстояние между Йорком и аббатством Хартфью… дурное состояние дорог… невозможность оставить работу… и прочая, и прочая.

Все йоркские волшебники прочли письмо и сошлись во мнении, что человек с таким мелким почерком вряд ли может быть дельным волшебником. Потом — легонько вздохнув из-за того, что не увидят прославленной библиотеки, — вы-

бросили строптивого коллегу из головы. Однако мистер Хонифут сказал мистеру Сегундусу, что ввиду чрезвычайной важности вопроса «Почему в Англии больше не колдуют?» им не следует упускать ни единой возможности. Кто знает, быть может, тот волшебник скажет что-нибудь толковое. Поэтому мистер Хонифут написал письмо, где сообщал, что они с мистером Сегундусом хотели бы посетить его в третий вторник после Рождества в два часа пополудни. Ответ пришел быстро, и мистер Хонифут со свойственной ему душевной щедростью сразу же послал за мистером Сегундусом, дабы и тот мог прочесть письмо. Мелким почерком волшебник писал, что рад будет свести знакомство. Мистер Хонифут был очень доволен и тут же пошел сказать Уотерсу, кучеру, в какой день тот будет им нужен.

Мистер Сегундус остался в комнате один на один с письмом. Он прочел: «Признаюсь, я в легкой растерянности, ибо затрудняюсь понять, чему обязан столь неожиданной честью. Трудно поверить, что йоркские волшебники, которым выпало счастье жить в окружении множества высокоученых коллег, сочли нужным советоваться с таким одиноким отшельником, как я…»

В письме сквозил тонкий сарказм; казалось,

автор в каждом слове смеется над мистером Хонифутом. Мистер Сегундус порадовался, что мистер Хонифут этого не заметил, — иначе не пошел бы в таком воодушевлении говорить с Уотерсом. Послание было выдержано в столь недружелюбной манере, что мистеру Сегундусу решительно расхотелось встречаться с автором. Впрочем, подумал он, какая разница, я поеду, коли того желает мистер Хонифут. В конце концов, что мы теряем? В худшем случае увидим его, разочаруемся, и делу конец.

За день до визита погода выдалась дождливая, на бурых опустелых полях блестели длинные зигзаги луж, черепичные крыши домов превратились в каменные зеркала; экипаж мистера Хонифута ехал через мир, в котором пасмурного неба было куда больше, а твердой земли куда меньше, нежели в обычные дни.

С первого вечера мистер Сегундус намеревался расспросить мистера Хонифута об Ученом обществе манчестерских волшебников, которое доктор Фокскасл упомянул в споре. Сейчас он наконец исполнил свое намерение.

— Общество было основано в самое недавнее время, — сказал Хонифут, — и состояло из бедных священников, аптекарей, адвокатов, отошедших

от дел фабрикантов и респектабельных торговцев, вызубривших пару латинских слов, и тому подобных людей, которых обычно именуют полуджентльменами. Полагаю, доктор Фокскасл был рад, когда общество распалось: он считал, что у публики такого сорта не может быть ничего общего с магией. Впрочем, среди них попадались умные люди. Они, как и вы, начали с того, что решили возродить практическую магию. Люди деловые, они решили применить принципы разума и науки к чародейству, как применили к производству. Они назвали свое направление «Рациональным чудотворением». Когда ничего не получилось, они были сильно разочарованы, и здесь их можно понять. Однако, поддавшись разочарованию, они пришли к самым нелепым выводам. Им начало казаться, что магии вообще нет и никогда не было. Они объявили, что волшебники-ауреаты обманывали себя либо других, а Король-во́рон вообще выдуман северными англичанами для защиты от тирании южных (будучи северянами, они вполне им в этом сочувствовали). Каких только доводов они не насочиняли, вполне изобретательных… забыл, как они объясняли эльфов и фей. Общество самораспустилось, а один из членов, по фамилии

Обри, если не ошибаюсь, решил все записать и опубликовать. Впрочем, когда дошло до дела, на него напала сильнейшая меланхолия, и он так и не набрался сил приступить к работе.

— Бедняга, — вздохнул мистер Сегундус. — Может быть, сейчас просто не время для магии, сэр? Коммерсанты процветают, мореходы и политики тоже, да кто угодно, только не волшебники. Наше время ушло. — Он задумался. — Три года назад я был в Лондоне, там мне встретился уличный чародей, бродячий шарлатан со странным шрамом на шее. Этот человек убеждал меня расстаться со значительной суммой денег, обещая взамен раскрыть величайший секрет. Получив деньги, бродяга поведал мне, что когда-нибудь два волшебника возродят английскую магию. Не то чтобы я верил в пророчества, однако именно его слова побудили меня задуматься о причинах нашего нынешнего упадка — не странно ли?

— Вы абсолютно правы, все предсказания — чепуха, — рассмеялся мистер Хонифут. И замер, пораженный внезапно пришедшей мыслью. — Нас двое волшебников, Хонифут и Сегундус, — произнес он, словно представляя, как будут смотреться их фамилии в газетах и учебниках истории. — Хонифут и Сегундус — звучит неплохо.

Мистер Сегундус покачал головой:

— Фокусник знал, что я волшебник. Ему естественно было бы мне польстить, сказав, что я — один из этих двоих. Однако под конец он ясно дал понять, что это не я, хотя в начале разговора, кажется, еще сомневался. Что-то во мне… Он попросил меня написать мое имя на бумажке и довольно долго на нее смотрел.

— Наверняка он просто решил, что больше денег из вас не вытянешь, — сказал мистер Хонифут.

Аббатство Хартфью лежало в четырнадцати милях от Йорка. В самом его названии ощущался аромат старины. Когда-то здесь действительно было аббатство, но очень давно; нынешний дом воздвигли в правление королевы Анны. Живописная и основательная усадьба стояла в красивом парке, полном призрачных деревьев (ибо начал спускаться туман). Речка (носящая название Харт) неторопливо пересекала парк; над нею красивой дугой изгибался классических очертаний мост.

Волшебник (фамилия его была Норрелл) встретил гостей в прихожей. Он был мелкий, как и его почерк, а говорил так тихо, словно не привык выражать мысли вслух. Мистер Хонифут, чуть ту-

говатый на ухо, не разобрал его слова: «Я старею, сэр, — недостаток довольно распространенный, так что не обессудьте».

Мистер Норрелл провел гостей в красивую гостиную, в которой ярко пылал камин. Свечи были погашены; свет лился через два больших окна, впрочем серый и безрадостный. Мистеру Сегундусу все время казалось, что в комнате горят свечи или второй камин, поэтому он часто оборачивался, ища их глазами, однако ничего такого не видел — разве что зеркало или старинные часы.

Мистер Норрелл сообщил, что ему доводилось читать работу мистера Сегундуса о волшебных слугах Мартина Пейла[3]:

— Добротное исследование, сэр, однако вы не упомянули о мастере Пустодуме. Безусловно, малозначительный дух, чья полезность для великого доктора Пейла весьма сомнительна[4]. Тем не менее без него ваша работа неполна.

---

[3] Примечания: 3

Джон Сегундус. «Полное описание волшебных слуг доктора Пейла, их имена, история и характеры». Изд-во Томаса Бернхема: Нортгемптон, 1799.

[4] Примечания: 4

Доктор Мартин Пейл (1485–1567), сын уорикского кожевника, был последним из ауреатов, или волшебников Золотого века. После него и другие называли себя волшебниками (как, например, Грегори Авессалом), но их репутация небесспорна. Пейл определенно последним из английских волшебников посетил Страну Фей.

— Эльф Пустодум, сэр? — повторил мистер Сегундус после непродолжительного молчания. — Мм… Что-то не припомню такого — в этом мире или в другом.

Впервые с их встречи мистер Норрелл улыбнулся, однако как будто про себя.

— Ну конечно. Простите, запамятовал. Пикл и Холгарт рассказывают о нем в своей книге, которую вы вряд ли читали. И хорошо — отвратительная была парочка, более мошенники, нежели чародеи; чем меньше о них знать, тем лучше.

— О да, сэр! — воскликнул мистер Хонифут, подозревая, что волшебник рассказывает об одной из своих книг. — Мы наслышаны о вашей библиотеке. Все волшебники Йоркшира умирают от зависти, когда слышат о вашем великолепном собрании!

— Неужто? — холодно бросил мистер Норрелл. — Не ожидал. Вот уж не думал, что мои дела столь широко обсуждаются… наверно, это Торогуд. — Волшебник назвал человека, который торговал книгами и разными диковинами на улице Кофе-Ярд в Йорке. — Чилдермасс несколько раз предупреждал, что Торогуд — болтун.

Мистер Хонифут не понимал недовольства хозяина. Будь у него самого столько магических

книг, он бы радовался, что их обсуждают и превозносят; ему трудно было поверить, что мистеру Норреллу это неприятно. Поэтому он вообразил, будто тот робок, и, дабы его подбодрить, продолжил:

— Простите, сэр, не позволите ли вы нам взглянуть на вашу прославленную библиотеку?

Мистер Сегундус был уверен, что мистер Норрелл откажет, но тот, еще раз внимательно оглядев гостей (глаза его, маленькие и голубые, смотрели словно из какого-то укрытия), согласился почти любезно. Мистер Хонифут рассыпался в благодарностях, убежденный, что угодил и хозяину, и самому себе.

Мистер Норрелл повел их по коридору (самому обычному, подумал мистер Сегундус), обшитому дубом и с дубовыми же, пахнущими воском полами, затем по лестнице — хотя, может быть, то были лишь три или четыре ступени — и по другому коридору, где воздух был холоднее, а пол — вымощен добрым йоркским камнем. Все выглядело совершенно непримечательным. (Только вот шли они вторым коридором до лестницы или позже? И была ли вообще лестница?) Мистер Сегундус обладал счастливой способностью всегда знать, где север, где юг, где запад и где восток. Он

ничуть не гордился своим талантом — это было столь же естественно, как знать, что голова по-прежнему находится у него на плечах, — однако в доме мистера Норрелла этот дар полностью исчез. Мистер Сегундус не мог восстановить в памяти последовательность комнат и коридоров, ни даже сказать, как долго они шли до библиотеки. И он не чувствовал направления, как будто мистер Норрелл открыл некую пятую страну света: ни запад, ни восток, ни север, ни юг, а какую-то иную, — и в эту сторону он их как раз и вел. Впрочем, по мистеру Хонифуту было не сказать, чтобы он заметил какую-нибудь странность.

Библиотека была, наверное, чуть меньше гостиной. Здесь тоже жарко пылал камин и все дышало спокойствием и уютом. Однако освещение комнаты опять не соответствовало трем высоким решетчатым окнам, и у мистера Сегундуса вновь появилось неуютное чувство, будто должен быть второй камин, еще окна, свечи или что-нибудь в таком роде. За теми окнами, которые он видел, лил серый английский дождь, и мистер Сегундус не мог определить, в какой части дома они находятся.

Комната была не пуста. При их появлении из-за стола поднялся человек, которого мистер

Норрелл представил как Чилдермасса — своего управляющего.

Мистеру Хонифуту и мистеру Сегундусу можно было не говорить, что библиотека аббатства Хартфью дороже ее обладателю всех остальных сокровищ; они ничуть не удивились, что мистер Норрелл соорудил для любимого детища изысканный ларец. Шкафы английского дерева напоминали резные готические арки. Резьба изображала листья (сухие и скрученные, словно художник хотел передать осень), переплетенные ветви и корни, ягоды и плющ — все изумительной работы. Однако куда удивительнее шкафов были сами книги.

Человек, приступающий к изучению колдовского искусства, первым делом узнает, что есть книги *о* магии, а есть — *по* магии. Следом он узнает и другое: что первые можно приобрести за две-три гинеи в хорошей книжной лавке, а

вторые ценятся превыше рубинов[5]. Библиотека Йоркского общества считалась очень хорошей, почти исключительной; ее обширное собрание включало целых пять трудов, которые были написаны между 1550 и 1700 годами и могли, следовательно, без большого преувеличения именоваться книгами по магии (хотя одна и состояла лишь из двух затертых страниц). Книги по магии почитались большой редкостью; ни Сегундусу, ни Хонифуту не доводилось видеть в частном собрании больше одной-двух. В Хартфью все стены были заставлены шкафами, а все шкафы — наполнены фолиантами. И все или почти все они были старыми — книги по магии! Да, среди переплетов попадались и новые, но то были тома, которые мистер Норрелл сам отдал переплести

[5] Примечания: 5

Волшебники, как мы знаем по изречению Джонатана Стренджа, ссорятся и спорят по любому поводу; много времени и усилий потрачено на изучение вопроса, может ли то или иное сочинение считаться книгой по магии. Однако рядовые волшебники довольствуются следующим простым правилом: книги, написанные до того, как в Англии иссякло колдовское искусство, — по магии; все, что позже, — о магии. Они исходят из того, что книги по волшебству должны писать практикующие волшебники, а не теоретики и не историки магии. Казалось бы, что может быть логичнее? Однако мы тут же сталкиваемся с затруднением. Великие мастера магии, те, кого мы зовем ауреатами, или магами Золотого века (Томас Годблесс, Ральф Стокси, Екатерина Винчестерская, Король-ворон), либо почти ничего не писали, либо их сочинения не дошли до нашего времени. Весьма вероятно, что Томас Годблесс был неграмотным. Стокси посещал приходскую школу в Девоншире, где учил в том числе латынь, однако мы знаем о нем из чужих трудов.

5 *(прод.)* Волшебники начали писать книги лишь на закате магии. Свет английской магии уже частично померк; те, кого мы зовем магами Серебряного века, или аргентианами (Томас Ланчестер, 1518–1590; Жак Белазис, 1526–1604; Никлас Губерт, 1535–1578; Грегори Авессалом, 1507–1599), были слабыми огоньками в сумерках, в первую очередь учеными и лишь во вторую — волшебниками. Разумеется, они уверяли, будто творят какие-то чары, у некоторых был даже волшебный слуга или два, однако достижения их невелики, и ряд современных исследователей вообще отказывает им в умении колдовать.

(очевидно, он предпочитал бурую кожу с серебряным тиснением). Однако были и совсем старые, с ветхими корешками и затертыми углами.

Мистер Сегундус взглянул на ближайшую полку; первым ему попалось на глаза название «Как вопросить тьму и ответы ея уразуметь».

— Пустая книжонка, — сказал мистер Норрелл.

Мистер Сегундус вздрогнул: он не думал, что хозяин стоит так близко.

Мистер Норрелл продолжил:

— Не советую забивать ею голову.

Мистер Сегундус взглянул на следующую книгу: «Наставления» Белазиса.

— Вы ведь знаете Белазиса? — спросил мистер Норрелл.

— Только понаслышке, сэр, — ответил мистер Сегундус. — Говорят, будто он владел ключами от многих тайн, но сведущие люди в один голос уверяют, что все экземпляры «Наставлений» давным-давно утрачены. Однако вы владеете одним из них! Это поразительно, сэр! Какое счастье!

— Вы возлагаете на Белазиса чересчур большие надежды, — заметил Норрелл. — Когда-то я думал в точности как вы. Помню, несколько месяцев я каждый день посвящал его книгам по восемь часов — честь, которой не удостаивал ни одно-

го автора ни до, ни после. В конечном счете он меня разочаровал. Он туманен там, где следует быть вразумительным, и вразумителен там, где следует прибегнуть к иносказаниям. Есть вещи, не предназначенные для всех. Теперь я уже не такого высокого мнения об этом человеке.

— Здесь есть книга, о которой я никогда не слышал, — произнес мистер Сегундус, — «Преимущества иудеохристианской магии». Что вы о ней скажете?

— Ха! — вскричал Норрелл. — Данный труд датируется семнадцатым веком, но я бы не стал его превозносить. Автор — пьяница, мошенник, распутник и лгун. Я рад, что его безвозвратно забыли.

По-видимому, мистер Норрелл презирал не только ныне живущих магов. Он взвесил всех волшебников прошлого на весах и нашел их очень легкими.

Хонифут тем временем, воздев руки, словно методистский священник, возносящий хвалу Господу, быстро переходил от шкафа к шкафу; не успевал он прочитать одно название, как взгляд его привлекала другая книга в противоположном конце комнаты.

— О, мистер Норрелл! — вскричал он. — Сколь-

ко книг! Здесь-то мы точно найдем ответы на все наши вопросы!

— Сомневаюсь, сэр, — сухо отвечал мистер Норрелл.

Управляющий коротко хохотнул; смех явно относился на счет мистера Хонифута, однако мистер Норрелл не выразил упрека ни взглядом, ни словом, так что мистер Сегундус подумал: интересно, какого рода дела поручает ему мистер Норрелл? С длинными волосами, спутанными, как дождь, и черными, как буря, он естественнее смотрелся бы на вересковой пустоши, или в темной подворотне, или, возможно, в романе госпожи Радклиф.

Сегундус снял «Наставления» Жака Белазиса и, несмотря на скептическое отношение к ним хозяина, сразу же прочел два удивительных

отрывка[6], затем, понимая, что время идет, и чувствуя на себе недружелюбные взгляды управляющего, открыл другой том — «Преимущества иудеохристианской магии». Это была не напечатанная книга, как он ожидал, а торопливые рукописные заметки на оборотной стороне всевозможных клочков бумаги, главным образом — на счетах питейных заведений. На них мистер Сегундус прочитал о невероятных приключениях. Живший в семнадцатом веке волшебник с помощью скудных колдовских средств силился противостоять великим и могущественным неприятелям в борьбе, на которую волшебнику-человеку дерзать не следовало. Покуда он записывал историю своих побед и поражений, вокруг сжималось кольцо врагов. Автор знал,

---

[6] Примечания: 6

В первом абзаце, который мистер Сегундус прочел, говорилось об Англии, Стране Фей (которую волшебники иногда называют «Иные Края») и некой местности, лежащей якобы по дальнюю сторону ада. Мистер Сегундус что-то слышал о символической и магической связи между этими землями, но ни разу не читал столь четкого разъяснения.

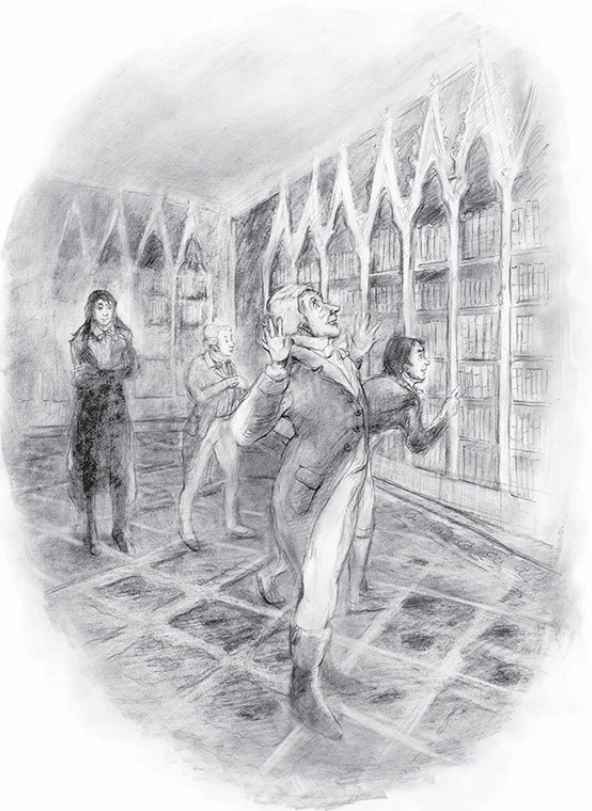
Второй отрывок рассказывал о величайшем английском волшебнике, Мартине Пейле. В «Древе познания» Грегори Авессалома есть знаменитое описание того, как Мартин Пейл, последним из англичан путешествуя по Стране Фей, посетил тамошнего принца. Как большинство эльфов и фей, принц этот носил множество имен, титулов, почетных званий и прозвищ; однако обычно его называют Холодным Генри. Холодный Генри встретил гостя пространной и почтительной речью. Она была полна метафор и невнятных аллюзий, однако, судя по всему, Холодный Генри говорил о том, что эльфы и феи — существа по

природе своей зловредные и порою сами не понимают, когда творят дурное. На это Мартин Пейл коротко и загадочно ответил, что не у всех англичан ноги одинакового размера.

Несколько столетий никто не мог взять в толк, что это означает. Выдвигался ряд теорий, и Джон Сегундус знал их все. Самую популярную предложил Уильям Пантлер в начале XVIII века. Пантлер сказал, что Холодный Генри и Пейл говорили о богословии. Волшебные существа (как всем известно) не могут принадлежать к Церкви; Искупление на них не распространяется, и что с ними будет в день Страшного суда, никто не знает. Согласно Пантлеру, Холодный Генри спрашивал Пейла, могут ли эльфы, подобно людям, наследовать жизнь вечную. Своим ответом — что не у всех англичан ноги одного размера — Пейл выразил мысль, что не все англичане спасутся. Исходя из своей гипотезы, Пантлер приписал Пейлу довольно странную веру, будто Царствие Небесное может вместить лишь ограниченное число праведников — всякий англичанин, обреченный вечному проклятию, освобождает место для эльфа. Вся репутация Пантлера как волшебника-теоретика основана исключительно на книге, посвященной развитию этой его мысли.

В «Наставлениях» Жака Белазиса мистер Сегундус прочел совершенно другое объяснение. За три столетия до Мартина Пейла замок Холодного Генри посетил еще более великий английский волшебник — Ральф Стокси — и оставил там свои башмаки. Башмаки, пишет Белазис, были старые — потому-то Стокси и не забрал их с собой, однако их присутствие в замке наводило ужас на эльфов, которые к английским волшебникам относились с огромным благоговением. В частности, Холодный Генри не находил себе покоя, ибо вообразил, будто неким непостижимым образом христианская мораль осудит его в случае утраты башмаков. Он пытался избавиться от тягостной обузы, передав башмаки Пейлу, однако тот отказался их брать.

что время на исходе и лучшее, на что он может надеяться, — это смерть.



Темнело, и старинный почерк все труднее было разбирать. Вошли слуги и под взглядами странного управляющего зажгли свечи, задернули шторы и подбросили в камин угля. Мистер Сегундус решил напомнить мистеру Хонифуту, что они еще не сказали мистеру Норреллу о цели своего визита.

Покидая библиотеку, мистер Сегундус обратил внимание на одну странность: возле камина стояло кресло, рядом на столике лежал кожаный переплет очень древней книги, ножницы и большой нож (садовники обычно обрезают такими ветки), но самих страниц было не видать. Может, их отправили в мастерскую, чтобы переплести заново? Однако старый переплет выглядел довольно прочным, да и зачем бы мистеру Норреллу вынимать их самому с риском испортить? Это работа для опытного переплетчика.

Когда они вновь уселись в гостиной, мистер Хонифут обратился к хозяину:

— Сэр, увиденное сегодня убеждает меня, что именно вы сумеете нам помочь. Мы с мистером Сегундусом считаем, что современные волшебники идут по ложному пути; они тратят силы на пустяки. Вы согласны?

— О, несомненно! — отвечал мистер Норрелл.

— Так вот наш вопрос, сэр, — продолжил мистер Хонифут. — Отчего великое искусство захирело? Почему в Англии больше не колдуют?

Маленькие глаза мистера Норрелла стали жестче и ярче; он сжал губы, словно перебарывая тайную радость. Казалось, он долгие годы ждал этого вопроса и давно приготовил ответ.

— Простите, сэр, но я вряд ли смогу вам помочь, ибо не понимаю вопрос. Он неверен. Магия в Англии не умерла. Я, к примеру, вполне сносный практикующий волшебник.

2. Таверна «Старая звезда»

Январь-февраль 1807 года

Как только экипаж выехал за ворота владений мистера Норрелла, мистер Хонифут воскликнул:

— Настоящий практикующий волшебник в Англии! Здесь, в Йоркшире! Какая удача! И все благодаря вам, мистер Сегундус. Вы бодрствовали, покуда мы все спали. Если бы не вы, мы, возможно, никогда бы не нашли мистера Норрелла. И я убежден, что он, как человек немного замкнутый, никогда не стал бы искать нас сам. Он не распространялся о своих достижениях, лишь упомянув самый их факт. Полагаю, это признак робкой натуры. Мистер Сегундус, думаю, вы согласитесь, что наша задача ясна. Нам выпала великая миссия, сэр, преодолеть природную робость Норрелла и торжествующе вывести его на широкую публику!

— Возможно, — неуверенно отвечал мистер Сегундус.

— Я не говорю, что это будет просто, — произнес мистер Хонифут. — Он чуточку замкнут и не любит общества. Однако должен же он понять, что столь ценное знание необходимо делить с други-

ми ради блага страны! Он джентльмен, сознает свой долг и выполнит его, я уверен. Ах, мистер Сегундус! Вы заслуживаете самой глубокой признательности со стороны всех английских волшебников!

Однако вне зависимости от того, что мистер Сегундус заслужил, печальный факт остается фактом: английские волшебники на редкость неблагодарные люди. Мистер Хонифут и мистер Сегундус сделали, возможно, самое значительное открытие в магической науке за последние три столетия — и что с того? Едва ли не каждый член Йоркского общества, узнав об их открытии, тут же подумал, что справился бы значительно лучше, — и в следующий вторник на чрезвычайном собрании Ученого общества йоркских волшебников многие поспешили об этом заявить.

В семь часов во вторник вечером верхняя комната таверны «Старая звезда» на Стоунгейт была переполнена. Весть, которую доставили мистер Хонифут и мистер Сегундус, всколыхнула всех джентльменов, когда-либо заглядывавших в магическую книгу, — а Йорк, несмотря ни на что, оставался одним из центров волшебства в Англии; бóльшим количеством чародеев мог похвастаться разве что Ньюкасл, город короля.

Хотя слуги непрерывно приносили снизу все новые стулья, многим пришлось стоять. Доктор Фокскасл завладел превосходным креслом, высоким, черным, покрытым причудливой резьбой; кресло это (скорее напоминавшее трон), красные бархатные занавеси за спиной и то, как он сидел, положив руки на большой круглый живот, — все придавало ему величавый вид.

Слуги развели в камине жаркий огонь, чтобы прогнать январскую стужу, и рядом с ним расположились старейшие волшебники (времен, надо думать, примерно Георга II) — закутанные в пледы, с паутиной старческих морщин на увядших лицах, в сопровождении столь же дряхлых лакеев, держащих наготове склянки с лекарствами. Мистер Хонифут приветствовал их словами:

— Здравствуйте, мистер Аптри! Здравствуйте, мистер Грейшип! Надеюсь, вы в добром здравии, мистер Танстол? Рад видеть вас здесь, джентльмены! Надеюсь, вы прибыли, дабы разделить нашу радость? Годы бесплодных скитаний позади! Ах! Вам ли, мистер Аптри и мистер Грейшип, не знать, что это были за годы — ведь вы столько их прожили! Однако теперь волшебство вновь станет Англии советником и защитником! А французы, мистер Танстол! Что почувствуют

французы, когда узнают? Ничуть не удивлюсь, если они тут же капитулируют.

Мистер Хонифут мог бы говорить еще долго; он подготовил целую речь, в которой намеревался изложить все преимущества, какие сулит Великобритании их открытие. Однако ему дали произнести лишь несколько фраз, ибо каждого джентльмена в комнате распирало собственное мнение и каждый желал безотлагательно высказаться. Первым мистера Хонифута прервал доктор Фокскасл. Сидя на большом черном троне, он изрек следующее:

— Прискорбно видеть, сэр, как вы порочите магию — к которой, знаю, питаете самое искреннее уважение — небылицами и вздорными выдумками. Мистер Сегундус, — он повернулся к джентльмену, которого считал источником всех нынешних неприятностей, — уж не знаю, каковы обычаи в краях, откуда вы родом, но мы в Йоркшире не любим тех, кто добивается известности за счет чужого спокойствия.

Это все, что доктор Фокскасл успел сказать, прежде чем сторонники мистера Сегундуса и мистера Хонифута заглушили его возмущенными криками. Следующий оратор задался вопросом, не обманулись ли мистер Сегундус и мистер

Хонифут. Ведь ясно, что Норрелл — сумасшедший и ничем не отличается от умалишенного, который стоит на улице и кричит, что он — Король-ворон.

Джентльмен с соломенными волосами в большом волнении обратился к мистеру Хонифуту и мистеру Сегундусу и потребовал, чтобы мистер Норрелл немедленно оставил свой дом и торжественно прибыл в Йорк в открытой коляске (хотя стоял январь), дабы джентльмен с соломенными волосами мог усыпать дорогу перед ним листьями плюща[7], а некий дряхлый волшебник у камина что-то страстно объяснял другому, но, поскольку от старости голос у него был совсем тихий, никто не удосужился разобрать, что он говорит.

Был в комнате высокий, рассудительный джентльмен по фамилии Торп, мало смыслящий в магии, зато обладающий редким для волшебника здравым смыслом. Он и раньше считал, что мистер Сегундус заслуживает поддержки в решении вопроса, отчего в Англии нет практической магии, хотя, как и все остальные, не думал, что

---

[7] Примечания: 7

В Древнем Риме триумфаторов венчали лавровыми венками; дорога любимцев Фортуны, как уверяют, усеяна розами, однако английские волшебники всегда удостаивались лишь простого плюща.

ответ будет получен так скоро. И теперь мистер Торп полагал, что ответ этот не следует отметать с порога.

— Господа, нам сказали, что мистер Норрелл умеет колдовать. Весьма отрадно. Мы все слышали о редкостных текстах, которыми Норрелл якобы владеет, и уже по одной этой причине не должны сразу от него отмахиваться. Однако главный аргумент в пользу мистера Норрелла таков: два наших собрата, оба трезвомыслящие ученые, видели Норрелла и поверили ему. — Он обратился к мистеру Хонифуту: — Вы верите в Норрелла — любой может прочесть это по вашему лицу. Вы видели что-то, убедившее вас в его способностях, — не расскажете ли нам, что это было?

Тут мистер Хонифут повел себя немного странно. Сначала он благодарно улыбнулся мистеру Торпу, как если бы только и мечтал объявить во всеуслышание причины, по которым поверил в магию мистера Норрелла, и уже открыл было рот, чтобы начать, но резко замер, осекся и принялся озираться по сторонам, словно превосходные доводы, казавшиеся столь вескими мгновение назад, обратились в пар, а губы и язык не успели схватить и одного из них, дабы облечь в связное английское предложение. Он пробормотал что-то

о честном выражении лица мистера Норрелла.

Йоркских волшебников такой ответ явно не удовлетворил (а если бы они имели честь самолично лицезреть мистера Норрелла, этот довод убедил бы их еще меньше). Так что Торп повернулся к мистеру Сегундусу и сказал:

— Мистер Сегундус, вы тоже видели Норрелла. Каково ваше мнение?

Только тут йоркские волшебники заметили, как бледен мистер Сегундус. Некоторые вспомнили, что он не ответил на их приветствия при встрече, как если бы пребывал в некоторой рассеянности.

— Вам нездоровится, сэр? — мягко спросил мистер Торп.

— Нет-нет, — пробормотал мистер Сегундус. — Пустяки.

Однако выглядел он настолько потерянным, что один джентльмен уступил ему стул, другой принес бокал канарского, а взволнованный джентльмен с соломенными волосами, желавший устлать дорогу мистера Норрелла листьями плюща, втайне подумал, что мистер Сегундус заколдован и они смогут увидеть что-то необычайное!

Мистер Сегундус сказал со вздохом:

— Благодарю вас. Я здоров, но на прошлой неделе меня не отпускали тягостная подавленность и отупение. Миссис Плезанс поила меня горячей лакричной настойкой, однако без всякого результата — что неудивительно, ибо, полагаю, причина расстройства заключается в моей голове. Сейчас мне лучше. На ваш вопрос, господа, отчего я полагаю, будто волшебство вернулось в Англию, я должен был бы ответить: потому что я видел его в действии. Ощущение, что я видел волшебство, живет здесь и здесь… — Мистер Сегундус приложил руку сначала ко лбу, потом к сердцу. — И все же… я знаю, что не видел ровным счетом ничего. За то время, что мы с ним провели, мистер Норрелл не сделал ничего особенного. Посему полагаю, что мне почудилось.

Новая вспышка чувств среди собравшихся. Блеклый джентльмен блекло улыбнулся и спросил, удалось ли кому-нибудь хоть что-либо понять. Тут мистер Торп вскричал:

— Господи! Без толку сидеть и спорить, умеет Норрелл колдовать или нет. Думаю, все мы разумные люди, и ответ, конечно же, прост: попросим его в подтверждение своих слов совершить какое-нибудь волшебство.

Идея показалась настолько здравой, что вол-

шебники на мгновение затихли, хотя нельзя сказать, что предложение всем пришлось по душе. Некоторым (в том числе доктору Фокс-каслу) оно решительно не понравилось. Если они попросят Норрелла сотворить волшебство, есть опасность, что тот и впрямь его сотворит. Они не желали видеть настоящее волшебство, а хотели лишь читать про него в книгах. Другие полагали, что, даже согласившись на такую малость, Йоркское общество выставит себя на посмешище. Однако в конце концов большинство джентльменов согласилось с мистером Торпом, что «как ученые, господа, мы должны хотя бы предоставить мистеру Норреллу возможность нас убедить». Посему решили, что кто-нибудь напишет мистеру Норреллу письмо.

Всем было ясно, что мистер Хонифут и мистер Сегундус показали себя не с лучшей стороны, а в случае замечательной библиотеки мистера Норрелла так и совсем оплошали, поскольку не могли дать о ней никакого связного отчета. Что они видели? О, книги, очень много книг. Великое множество? Да, они полагали, что собрание изумило их своей обширностью. Редкие книги? Ах, вероятно. Им позволили снять их и полистать? О нет! Мистер Норрелл не зашел в своей любез-

ности так далеко. Но они ведь читали названия? Да, конечно. Ладно, так пусть скажут хотя бы, что это были за книги. Они не знали; не могли вспомнить. Мистер Сегундус сказал, что название одной начиналось на букву «Б», но ничего более сообщить не сумел. Это было очень странно.

Мистер Торп хотел сам написать мистеру Норреллу, но большинство присутствующих стремились главным образом поставить мистера Норрелла на место и справедливо полагали, что лучший способ оскорбить самозванца — поручить составление письма доктору Фокскаслу. Итак, письмо было написано и отправлено. Через некоторое время пришел сердитый ответ.

Аббатство Хартфью, Йоркшир
1 февраля 1807 года
Сэр!

Дважды за последние годы я имел честь получить от членов Ученого общества йоркских волшебников письмо с просьбою о знакомстве. Теперь приходит третье, извещающее, что общество недовольно. Сдается, что доброе мнение Йоркского общества утратить так же легко, как и приобрести, оставаясь при

сем в неведении о причинах как одного, так и другого. В ответ на изложенные в письме обвинения, будто я приписал себе способности, коими якобы не могу обладать, отвечу одно: другие легко объясняют свои неуспехи изъянами мира, а не собственным невежеством, однако истина такова: волшебство столь же достижимо в нашем веке, как и в любом другом, что я за последние двадцать лет не раз доказал, к полному своему удовлетворению. И какова же награда за то, что я люблю магическое искусство более других? За то, что штудировал его прилежней? Теперь распространяются слухи, будто я выдумщик; мои профессиональные способности приуменьшаются, а мои слова ставятся под сомнение. В данных обстоятельствах вы, полагаю, не сильно удивитесь, если я скажу, что не слишком расположен делать Йоркскому обществу какие-либо одолжения и в особенности демонстрировать колдовство. Ученое общество йоркских волшебников встретится в следующую среду; к этому сроку я и сообщу вам о своих намерениях.

Ваш покорный слуга

Гильберт Норрелл.

Все это было загадочно и неприятно. Волшебники-теоретики нервно ждали, что же теперь пришлет им практикующий чародей. Однако мистер Норрелл прислал им всего лишь стряпчего — весьма обходительного и совершенно обычного стряпчего по фамилии Робинсон, в аккуратном черном костюме, лайковых перчатках и с документом, подобных которому члены Йоркского общества никогда прежде не видели, — проектом соглашения, составленным в соответствии с давно забытым кодексом английской магии.

Мистер Робинсон вошел в верхнюю комнату таверны ровно в восемь, явно полагая, что его там ждут.

У мистера Робинсона была контора с двумя клерками на Кони-стрит, и многие джентльмены его знали.

— Признаюсь, господа, — улыбнулся мистер Робинсон, — что документ сей по большей части составлен моим клиентом, мистером Норреллом. Я не разбираюсь в чародейском праве, да и кто теперь разбирается? Если я в чем-то ошибся, вы любезно меня поправите.

Несколько йоркских волшебников важно кивнули.

Мистер Робинсон был человеком безупречным во всех отношениях. Он был настолько чист, здоров и доволен жизнью, что практически светился — качество, естественное в ангеле или эльфе, но несколько смущающее в стряпчем. Он был очень почтителен к членам Йоркского общества, ибо ничего не знал о магии, однако полагал, что дело это трудное и требующее большого напряжения ума. Ему льстила мысль, что столь ученые мужи временно оставят размышления о глубоких и загадочных материях, дабы его выслушать. Он надел золотое пенсне, добавив еще немного блеска своей сияющей особе.

Мистер Робинсон объявил, что мистер Норрелл готов показать волшебство в определенном месте в определенное время.

— Надеюсь, джентльмены, вы не возражаете против того, чтобы мой клиент назначил место и время?

Волшебники не возражали.

— В таком случае кафедральный собор, в пят-

ницу через две недели[8].

Мистер Робинсон сказал, что если мистер Норрелл не сумеет сотворить волшебство, то публично откажется от притязаний на звание практикующего волшебника и волшебника вообще и даст клятву никогда их больше не повторять.

— В этом нет надобности, — отвечал мистер Торп. — Мы не желаем наказать его; мы просто хотим убедиться в правдивости его слов.

Сияющая улыбка мистера Робинсона померкла, как будто он собирался сказать что-то неприятное и не знал, как к этому приступить.

— Погодите, — сказал мистер Сегундус. — Мы еще не выслушали другую часть сделки и не знаем, чего он хочет от нас.

Мистер Робинсон кивнул. Мистер Норрелл желал получить от них точно такое же обещание. Другими словами, если он докажет свои магические способности, то они должны беспрекословно

---

[8] Примечания: 8

Главная церковь Йорка — собор в двух смыслах: кафедральный собор, поскольку здесь расположена архиепископская кафедра, и просто собор, или соборный храм, как называют церкви, основанные в древности римскими миссионерами. Прежде жители Йорка называли его просто собором, но теперь предпочитают говорить «кафедральный собор», поскольку это возвышает их храм над церквями соседних городов Рипон и Беверли. В Рипоне и Беверли есть соборы, но не кафедральные.

распустить Ученое общество и не претендовать более на звание волшебников. В конце концов, сказал мистер Робинсон, это будет только справедливо, ведь мистер Норрелл докажет свое право именоваться единственным волшебником в Йоркшире.

— Можем ли мы взять с собою третье лицо, некую независимую сторону, которая решит, было ли волшебство? — спросил мистер Торп.

Вопрос, казалось, озадачил мистера Робинсона. Он выразил надежду, что они не сочтут его слова за обиду, но он полагал, что все здесь присутствующие джентльмены — волшебники.

О да, закивали члены Йоркского общества, они все волшебники.

В таком случае, сказал мистер Робинсон, они призна́ют волшебство, когда его увидят? Кто справится с этим лучше их?

Другой джентльмен спросил, какое волшебство Норрелл намеревается показать? Мистер Робинсон рассыпался в учтивых извинениях: на этот вопрос он ответить не может, поскольку сам ничего не знает.

Не стану утомлять читателя перечислением всего, что члены Йоркского общества сказали перед тем, как подписать документ. Многими

двигало тщеславие: они публично объявили, что не верят Норреллу, и публично бросили ему вызов; в таких обстоятельствах глупо было бы менять позицию — по крайней мере, так они полагали.

Мистер Хонифут, с другой стороны, подписался именно потому, что искренне верил в Норрелла. Мистер Хонифут надеялся, что мистер Норрелл получит всеобщее признание и употребит свое волшебство на благо страны.

Некоторых джентльменов толкнула на подписание мысль (высказанная Норреллом и подспудно переданная Робинсоном), что в противном случае они не вправе именоваться волшебниками.

Так, один за другим, все волшебники Йорка подписали документ. Остался только мистер Сегундус.

— Я не подпишу, — сказал он. — Ибо магия — моя жизнь, и хотя мистер Норрелл справедливо называет меня невеждой, что я буду делать, если ее лишусь?

Тишина.

— О! — сказал мистер Робинсон. — Хорошо… вы уверены, сэр, что не хотите подписывать документ? Все ваши друзья его подписали. Вы

остаетесь в одиночестве.

— Уверен, — ответил мистер Сегундус. — Спасибо.

— О! — вновь промолвил мистер Робинсон. — Должен признать, что не знаю, как поступить. Клиент поручил мне совершить дальнейшие шаги лишь в том случае, если все подпишутся. Я посоветуюсь с клиентом завтра утром.

Доктор Фокскасл довольно громко шепнул мистеру Харту не то Ханту, что снова от новоприбывшего одни неприятности.

Однако через два дня мистер Робинсон явился к доктору Фокскаслу с известием, что мистер Норрелл принимает отказ мистера Сегундуса; он считает, что заключил контракт со всеми членами Йоркского общества, *за изъятием* мистера Сегундуса.

В ночь перед назначенной встречей пошел снег, к утру городские слякоть и грязь исчезли, сменившись безукоризненной белизной. Люди и лошади ступали почти бесшумно, и даже голоса йоркцев звучали как-то необычно. Мистер Норрелл назначил очень раннее время. В своих домах члены Йоркского общества завтракали поодиночке, молча глядя, как слуга наливает кофе и мажет маслом белую булочку. Жена, сестра, дочь,

невестка или племянница, которая обычно брала на себя эти заботы, еще не встала с постели; милая женская болтовня, которую члены Йоркского общества на словах так презирали и которая на самом деле звучала уютным и тихим рефреном к музыке их обыденной жизни, отсутствовала. Да и сами комнаты, в которых эти джентльмены завтракали, переменились. Зимний полумрак уступил место пугающему свету зимнего солнца, многократно отраженного от заснеженной земли. Розочки на дочерином кофейном сервизе как будто приплясывали. Зайчики били от племянницына серебряного кофейника, а невесткины улыбающиеся фарфоровые пасту́шки преобразились в светозарных ангелов. Казалось, стол накрыт волшебным хрусталем и серебром.

Мистер Сегундус, выглянув в окно четвертого этажа на Леди-Пекитс-Ярд, подумал, что, может быть, мистер Норрелл уже начал колдовать и снег — его рук дело. Сверху что-то зловеще зашуршало, и мистер Сегундус поспешно убрал голову, уворачиваясь от сорвавшегося с крыши снега. У мистера Сегундуса не было слуги, как не было жены, сестры, дочери, невестки или племянницы, однако миссис Плезанс, его хозяйка, вставала рано. Много раз за последние две недели она

видела, как он вздыхает над книгой, и надеялась подбодрить его завтраком из двух свежезажаренных селедок, чая со свежим молоком и белого хлеба с маслом на белой с синим фарфоровой тарелке. Из тех же благих побуждений она присела поговорить с ним и, видя отчаяние молодого постояльца, воскликнула:

— Как же я ненавижу этого мерзкого старикашку!

Мистер Сегундус не сказал миссис Плезанс, что мистер Норрелл стар, и все же она воображала его стариком. Со слов мистера Сегундуса она заключила, что мистер Норрелл — скряга, который копит волшебство, как другие копят золото; по мере нашей истории читатель будет иметь возможность убедиться в правдивости этого портрета. Подобно миссис Плезанс, я всегда представляю скряг стариками — не знаю почему, ведь молодых скряг ничуть не меньше, чем старых. Что до мистера Норрелла и его истинного возраста, он был из тех, кто уже в семнадцать кажется стариком.

Миссис Плезанс продолжала:

— Когда жив был мистер Плезанс, он уверял, будто никто в Йорке, мужчина или женщина, не печет хлеб вкуснее моего, да и другие люди по

доброте душевной говорили, что лучше хлеба в жизни не пробовали. Однако я всегда стараюсь хорошо готовить, потому что ничего не делаю спустя рукава. И если сейчас из этой чашки вылезет аравийский джинн и предложит исполнить три моих желания, я не попрошу, чтобы другие люди разучились печь хлеб; а если их хлеб окажется не хуже моего, я только за них порадуюсь. Вот, сэр, попробуйте кусочек, — сказала она, придвигая жильцу тарелку с прославленным хлебом. — Не нравится мне, что вы совсем с лица спали. Соседи скажут, Хетти Плезанс разучилась вести хозяйство. Не надо так убиваться, сэр. Вы не подписали этот мерзкий договор. Когда другие джентльмены вынуждены будут бросить магию, вы сможете продолжать, и надеюсь, мистер Сегундус, сделаете великие открытия. Тогда, быть может, самонадеянный мистер Норрелл раскается в своей глупой гордости и охотно возьмет вас в партнеры.

Мистер Сегундус улыбнулся и поблагодарил ее.

— Не думаю, что такое случится. Моя главная беда — скудость материалов. Своих у меня мало, а когда общество распустят… ну, не знаю, что будет с книгами, но вряд ли они достанутся мне.

Мистер Сегундус съел хлеб (и впрямь достой-

ный своей репутации) и выпил немного чаю. Вероятно, их целительное воздействие на измученную душу было и впрямь сильнее, нежели он предполагал, во всяком случае, надевая плащ, перчатки и шляпу, мистер Сегундус чувствовал себя много лучше. Он вышел на снежную улицу и направился к месту, где мистер Норрелл обещал сегодня показать чудеса, — к Йоркскому кафедральному собору.

Надеюсь, все читатели хорошо представляют себе старый английский кафедральный город, иначе им не понять, почему мистер Норрелл выбрал именно это место. Следует помнить, что в старом кафедральном городе главная церковь — не просто одно здание из многих; она многократно превосходит их всех масштабами, красотой и величием. Даже в наше время, когда кафедральные города обзавелись множеством гражданских строений для разного рода собраний и ассамблей (а в Йорке их предостаточно), старый собор по-прежнему высится над ними свидетельством набожности наших предков, как если бы город заключал в себе нечто большее, чем он сам. Спеша по узкой улочке, его легко потерять из виду, но внезапно дома расступаются, глазам вновь предстает собор, выше и больше всех

остальных построек; тут-то и понимаешь, что попал в сердце города, что все улицы сходятся сюда, к вместилищу тайн более глубоких, нежели все, что ведомо мистеру Норреллу. Так думал мистер Сегундус, входя в церковную ограду и останавливаясь в густой синей тени западного фасада. Из-за угла, словно толстый черный корабль, величаво выплыл доктор Фокскасл. Заметив мистера Сегундуса, он взял курс на указанного джентльмена и пожелал ему доброго утра.

— Не соблаговолите ли представить меня мистеру Норреллу, сэр? — сказал доктор Фокскасл. — Мне бы очень хотелось свести с ним знакомство.

— Охотно, сэр, — отвечал мистер Сегундус, озираясь.

Из-за погоды большинство жителей сидели по домам, и лишь несколько черных фигурок пробирались через заснеженное поле к собору. При ближайшем рассмотрении это оказывались члены Йоркского общества либо священники, причетники, регенты, пономари, сторожа и метельщики, отправленные начальством по церковным делам, несмотря на холод и ранний час.

— Я не хотел бы разочаровывать вас, сэр, — сказал мистер Сегундус, — но я не вижу мистера

Норрелла.

Впрочем, кто-то тут был.

Кто-то стоял на снегу прямо перед собором. Кто-то темный, сомнительного вида, с интересом глядящий на мистера Сегундуса и доктора Фокскасла. Черные спутанные волосы ниспадали на плечи, волевое лицо с длинным и узким носом казалось узловатым, словно древесный корень, и хотя кожа была очень бледной, лицо выглядело темным то ли из-за черных глаз, то ли из-за длинных сальных волос. Через мгновение этот человек приблизился к двум волшебникам, отвесил небрежный поклон и, коротко извинившись, предположил, что они здесь по одному делу. Он представился Джоном Чилдермассом, доверенным лицом мистера Норрелла в некоторых вопросах (хоть и не уточнил в каких).

— Кажется, — задумчиво произнес мистер Сегундус, — мне знакомы ваши черты. Полагаю, мы где-то виделись?

Что-то промелькнуло на темном лице Чилдермасса, но тут же исчезло — усмехнулся он или нахмурился, мистер Сегундус не разобрал.

— Я бываю в Йорке по делам мистера Норрелла, сэр. Возможно, вы видели меня в книжной лавке?

— Нет, — отвечал мистер Сегундус. — Я видел вас… я могу вас представить… где? Ой! Сейчас вспомню!

Чилдермасс поднял бровь, как будто хотел сказать, что сильно в этом сомневается.

— Но, разумеется, мистер Норрелл и сам приедет? — спросил доктор Фокскасл.

Чилдермасс отвечал, что мистер Норрелл не приедет, ибо не видит в этом никакой надобности.

— А! — вскричал доктор Фокскасл. — Так он признал свое поражение? Ну, ну, ну. Бедный джентльмен. Полагаю, он чувствует себя очень глупо. Ну что ж. Сама попытка достойна всяческой хвалы. Мы решительно не в претензии.

От радости, что волшебства не будет, доктор Фокскасл преисполнился несвойственным ему великодушием.

Чилдермасс все так же вежливо отвечал, что доктор Фокскасл, вероятно, неверно понял его слова. Мистер Норрелл непременно будет колдовать; он будет колдовать в аббатстве, а результаты будут видны в Йорке.

— Джентльмены, — сказал Чилдермасс доктору Фокскаслу, — не любят без надобности покидать уютную гостиную. Полагаю, сэр, если бы вы мог-

ли увидеть все из своего уютного кресла, то не стояли бы здесь в холоде и сырости.

Доктор Фокскасл сердито втянул воздух и бросил на Джона Чилдермасса взгляд, означавший, что тот ведет себя очень дерзко.

Чилдермасс ничуть не смутился; скорее уж возмущение доктора Фокскасла его позабавило. Он сказал:

— Пора, господа. Прошу войти в церковь. Полагаю, вы бы не хотели пропустить самое интересное.

С назначенного часа прошло двадцать минут, и джентльмены из Йоркского общества уже входили в собор через дверь южного трансепта. Некоторые оглядывались, перед тем как шагнуть внутрь, словно прощались с миром на случай, если не смогут снова его увидеть.

3. Йоркские камни

Февраль 1807 года

Величественная старая церковь в феврале всегда выглядит неуютно; холод сотен зим словно впитался в ее камни и сочится наружу. В промозглом полумраке собора члены Йоркского общества вынуждены были стоять и ждать чего-то неожиданного без всякой гарантии, что неожиданность окажется приятной.

Мистер Хонифут силился выдавить ободряющую улыбку, но для столь жизнерадостного джентльмена улыбка выходила довольно кривой.

Внезапно зазвучали колокола, и хотя это всего лишь часы на колокольне Святого Михаила отбивали половину, под сводами собора звон казался нездешним и отнюдь не радостным. Члены Йоркского общества очень хорошо знали, что колокола связаны с магией и в особенности с магией эльфов; знали и то, что в древние времена перезвон серебряных колокольчиков нередко слышался в тот миг, когда англичанку или англичанина, отмеченных редкостными достоинствами либо красотой, похищали в волшебную страну, откуда

те больше не возвращались. Даже Король-ворон, хоть и был не эльф, не дух, а человек, имел прискорбное обыкновение похищать людей для своего замка в Иных Краях[9]. Разумеется, владей вы или я способностью похитить любого, кто нам приглянулся, и удерживать его при себе целую вечность, мы бы, вероятно, выбрали кого-нибудь поинтереснее членов Ученого общества йоркских волшебников, однако эта утешительная мысль не пришла в голову собравшимся джентльменам. Некоторые из них начали задаваться вопросом, насколько письмо доктора Фокскасла раздосадовало мистера Норрелла, и многие не на шутку перепугались.

Когда звуки колоколов смолкли, из сумеречной вышины над головами послышался голос.

---

[9] Примечания: 9

Одно из таких похищений описано в знаменитой балладе:

Недолго, недолго, отец говорил,
Будешь с нами, сынок,
Ворон-король из цветов земли
Выбирает лучший цветок.
Печально, что поп у нас простак,
Он кадил и в колокол бил,
Ворон-король три свечи зажег.
Поп сник и отступил.
Печально, что руки ее слабы,
Ворон-король простер крыла,

И та, что клялась всю жизнь любить,
Вздохнув, объятья разорвала.
Печальна смутная наша страна,
Как белый туман болот,
Как ветром гонимые клочья дождя,
Когда Ворон-король грядет.
Дни пройдут, и пройдут года,
Меня вспоминайте, молю,
Над диким полем в мерцании звезд,
Летящего вслед Королю.

Волшебники напрягли слух. Многие были до того взвинчены, что вообразили, будто им, как в сказке, делают наставление, может быть, излагают таинственные запреты. Такие наставления и запреты, как известно из сказок, необычны, но легко исполнимы — по крайней мере, на первый взгляд. Обычно они звучат примерно так: «Не ешь последнюю засахаренную сливу из синей банки в дальнем углу буфета» или «Не бей жену кленовым прутом». Впрочем, в сказках обстоятельства всегда складываются против героя, он непременно делает именно то, чего делать не должен, и навлекает на себя страшную кару.

Волшебникам казалось, будто голос предрекает им грядущую участь, только не ясно было, на каком языке. Раз мистер Сегундус вроде бы различил слово «злодеяние» и раз — *«interficere»*, что на латыни означает «убивать». Голос вещал невнятно — он не походил на человеческий и еще усиливал опасения волшебников, что сейчас появятся эльфы. Резкий и скрипучий, он напоминал звук трущихся друг о друга камней — и все же это явно была речь. Джентльмены со страхом вглядывались в сумрак, но видели лишь смутную каменную фигурку на одной из колонн. Постепенно они привыкли к странному голосу

и начали различать все больше и больше слов; староанглийский мешался с латынью, как будто говорящий не чувствует разницы между этими языками. К счастью, волшебникам, привыкшим к невнятице старинных трактатов, разобраться в сумбурной мешанине не стоило ни малейшего труда. В переводе на простой и ясный язык это звучало бы так: *«Давным-давно,* — говорил голос, — *пять или более столетий назад, в сумеречный час зимнего дня в церковь вошли юноша и девушка с волосами, увитыми плющом. Никого не было внутри, кроме камней. Никто не видел, как он ее задушил, кроме камней. Он оставил ее мертвой на камнях, и никто не видел, кроме камней. Он не понес расплаты за грех, ибо не было других свидетелей, кроме камней. Годы шли: всякий раз, как тот человек входил в церковь и занимал место среди молящихся, камни вопили, что это он убил девушку с волосами, увитыми плющом, но никто нас не слышал. Однако еще не поздно! Мы знаем, где он погребен! В углу южного трансепта! Быстрее! Быстрее! Несите кирки! Несите лопаты! Выломайте плиты! Выкопайте его кости! Раздробите их лопатами! Разбейте его череп о колонну! Пусть камни свершат свою месть! Еще не поздно! Не поздно!»*

Не успели волшебники переварить услышанное, как раздался другой каменный голос. Он доносился из алтаря и говорил на английском, но на каком-то странном, со множеством древних забытых слов. Голос жаловался на солдат, что вошли в церковь и разбили несколько витражей. Через сто лет они вернулись и сломали алтарную преграду, изуродовали статуи, забрали пожертвования. Как-то они точили наконечники стрел о край купели, через три столетия палили из ружей в доме капитула. Голос, казалось, не понимал, что, хотя каменная церковь может стоять тысячелетия, люди не живут так долго. «Им любо лишь разрушение! — кричал он. — Да будет их уделом погибель!» Подобно первому, говорящий, судя по всему, провел в церкви бессчетные годы и, надо полагать, слышал множество проповедей и молитв, но лучшие из христианских добродетелей — милость, любовь, кротость — остались ему неведомы. А тем временем первый голос все оплакивал мертвую девушку с волосами, увитыми плющом, и два скрипучих каменных голоса сливались в немелодичный дуэт.

Отважный мистер Торп в одиночку заглянул в алтарь, чтобы понять, кто говорит.

— Это статуя, — сказал он.

И тут члены Йоркского общества вгляделись во мрак над головами, откуда звучал первый нездешний голос. Теперь уже почти никто не сомневался, что говорит каменная фигурка, ибо видно было, как она, рыдая, заламывает каменные руки.

Внезапно все остальные статуи в соборе принялись каменными голосами рассказывать обо всем, что видели за свою каменную жизнь. Шум, как мистер Сегундус позже рассказывал миссис Плезанс, стоял неописуемый. Ибо в йоркском соборе было много маленьких человеческих фигур и странных животных, которые теперь хлопали крыльями.

Многие статуи жаловались на соседей, что неудивительно — ведь им пришлось стоять рядом многие сотни лет. Пятнадцать каменных королей возвышались на каменных пьедесталах. Волосы у монархов лежали тугими завитками, как будто их накрутили на папильотки, да так и не расчесали. Миссис Хонифут, взглянув на королей, всякий раз говорила, что охотно прошлась бы щеткой по августейшим волосам. Едва обретя речь, короли начали ссориться, ибо все пьедесталы были одинаковой высоты, а короли — даже каменные — не желают ни с кем стоять

вровень. Одну из колонн украшала скульптурная группа, все члены которой держались за руки. Чуть только чары подействовали, они принялись отталкивать друг друга, как будто даже каменные руки через столетие начинают болеть и даже каменные люди устают от общества себе подобных.

Одна статуя говорила на каком-то языке, напоминающем итальянский. Никто не знал почему; позже мистер Сегундус выяснил, что это копия с работы Микеланджело. Казалось, она описывает совершенно другую церковь, ту, где резкие черные тени контрастируют со слепящим светом, другими словами — то, что видит ее оригинал в Риме.

Мистер Сегундус с удовольствием отметил, что волшебники, несмотря на страх, оставались в стенах собора. Некоторые были так изумлены, что совершенно позабыли испуг и забегали, открывая все новые и новые дива, делая наблюдения, записывая что-то в книжечки, словно не помнили про ужасный документ, запрещавший им с этого дня заниматься магией. Еще долго волшебники Йорка (увы, более не волшебники!) бродили под сводами собора и созерцали чудеса. И каждый миг в их уши врывалась ужасающая

какофония каменных голосов.

В доме капитула стояли каменные балдахины с множеством головок в самых причудливых уборах, и все эти головки болтали и хихикали. Здесь же была чудесная каменная резьба, изображавшая сотни английских деревьев: боярышник, дуб, терновник, дикую вишню и переступень. Мистер Сегундус нашел двух каменных дракончиков размером не больше его руки, которые скользили друг по другу, по каменным веткам боярышника, каменным боярышниковым листьям, корням и ягодам. Они двигались с проворством живых существ, но скрежет каменных мускулов под каменной кожей, трущейся о каменные ребра, и цокот каменных коготков по каменным ветвям были совершенно невыносимы — мистер Сегундус подивился, как они сами его терпят. Он приметил маленькое облако пыли, как от шлифовального станка, и подумал, что, если чары еще продержатся, дракончики сотрутся до тонких полосок известняка.

Каменные листья и травы трепетали, словно от ветерка; некоторые даже росли, подражая живым собратьям. Позже, когда чары разрушились, плети каменного плюща и ежевики обнаружили на ножках скамей, кафедрах и молитвенниках,

где ни каменного плюща, ни ежевики отродясь не было.

Не только волшебники из Йоркского общества видели в тот день чудеса. Хотел того мистер Норрелл или нет, волшебство распространилось за пределы собора и проникло в город. Три статуи с западного фасада не так давно отправили в мастерскую мистера Тейлора на реставрацию. Столетия дождей и сырости источили резные лица, так что никто теперь и не знал, каких прославленных людей они изображали. В половину одиннадцатого каменщик мистера Тейлора занес резец над ликом одной из статуй, намереваясь придать ей внешность хорошенькой святой; в тот самый миг статуя громко вскрикнула и загородилась рукой от резца, так что бедняга со страху лишился чувств. Статуи позже вернули на церковный фасад нетронутыми, с лицами плоскими, как галета, и ровными, как масло.

Внезапно каменные голоса один за другим умолкли, и волшебники услышали, как часы на колокольне Святого Михаила вновь отбивают половину. Первый голос (исходивший от маленькой фигурки во тьме) продолжал твердить о нераскрытом убийстве («Еще не поздно! Еще не поздно!»), однако замолк и он.

Покуда волшебники были в церкви, мир изменился. Волшебство возвратилось в Англию, хотели они того или нет. Произошли и другие перемены, пусть и более прозаического толка: небо затянули тяжелые тучи, вовсе не серые, а иссиня-черные с переходами в зеленовато-желтый. Этот любопытный оттенок создавал ощущение сумерек, какие, по слухам, царят в легендарном подводном царстве.

Мистер Сегундус очень устал. Другие джентльмены были в большей степени напуганы, его же увиденное колдовство привело в неописуемый восторг; однако теперь, когда все волнения остались позади, он хотел одного — ни с кем не разговаривая, отправиться домой. В таком-то состоянии его и остановил управляющий мистера Норрелла.

— Полагаю, сэр, — сказал мистер Чилдермасс, — что общество следует распустить. Весьма сожалею.

Может быть, по причине душевного упадка, но мистеру Сегундусу показалось, что при всей своей внешней почтительности Чилдермасс внутренне потешается над йоркскими волшебниками. Чилдермасс принадлежал к тому неприятному типу людей, которые по низости

рождения вынуждены всю жизнь состоять на службе у других, однако сообразительный ум и способности заставляют их мечтать о большем. Иногда, по редкому стечению счастливых обстоятельств, такие люди пробиваются к величию, но чаще мысль о несбывшемся ведет к озлоблению; они становятся нерадивыми и выполняют свои обязанности не лучше — а то и хуже — менее даровитых собратьев. Они становятся грубыми, теряют место и плохо кончают.

— Прошу прощения, сэр, — сказал Чилдермасс, — но у меня вопрос. Не сочтите за дерзость, но я хотел бы знать, читаете ли вы лондонские газеты?

Мистер Сегундус ответил, что читает.

— Вот как? Любопытно. Я и сам до них охотник. Вот только читать не успеваю — разве что книги, которые приобретаю для мистера Норрелла. И о чем же пишут нынче лондонские газеты? Извините, что спрашиваю, сэр, просто мистер Норрелл, который газет не читает никогда, задал мне вчера этот вопрос, и я счел себя недостаточно компетентным, чтобы ответить.

— Ну, — произнес мистер Сегундус слегка озадаченно, — много о чем пишут. Что именно вас интересует? Есть отчеты о действиях Королев-

ского флота против французов, речи министров, сообщения о скандалах и разводах. Вы об этом?

— О да! Вы превосходно объяснили, сэр. Интересно, — продолжал Чилдермасс, сосредоточенно хмуря лоб, — а сообщают ли в лондонских газетах о новостях из провинции? Могут ли, например, сегодняшние события удостоиться пары строк?

— Не знаю, — отвечал мистер Сегундус. — Это представляется возможным, но, с другой стороны, Йорк так далеко от Лондона… может, тамошние издатели никогда не узнают о случившемся.

— А-а… — протянул мистер Чилдермасс и замолчал.

Пошел снег — сперва редкие хлопья, потом все больше и больше, покуда с набрякшего зеленовато-серого неба не полетели мириады снежинок. Дома в Йорке стали чуть серее, люди как будто уменьшились в росте, крики, звук копыт и шагов, скрип экипажей и хлопанье дверей отдалились. И все они утратили свою значимость: в мире остались только летящий снег, зеленоватое небо, призрачная громада Йоркского собора — и Чилдермасс.

Все это время Чилдермасс молчал. Мистер Сегундус гадал, чего еще тому надо, — на все его вопросы уже ответили. Однако Чилдермасс смот-

рел на мистера Сегундуса неприятными черными глазами, словно ждал каких-то слов — более того, ничуть не сомневался, что мистер Сегундус их произнесет.

— Если желаете, — сказал мистер Сегундус, стряхивая с крылатки снег, — я могу устранить всякую неопределенность в этом вопросе: написать в «Таймс» об удивительных свершениях мистера Норрелла.

— Ах! Как любезно с вашей стороны! — воскликнул Чилдермасс. — Поверьте мне, сэр, я прекрасно знаю, что далеко не всякий джентльмен был бы столь благороден в своем поражении. Впрочем, ничего другого я и не ожидал. Так и сказал мистеру Норреллу: «Мистер Сегундус — джентльмен в высшей степени любезный».

— Не стоит благодарности, — сказал мистер Сегундус. — Пустяки.

Ученое общество йоркских волшебников распустили, и его члены (за исключением мистера Сегундуса) вынуждены были оставить занятия магией. Хотя иные из них были глупы и не слишком приятны в общении, не думаю, что они заслужили такую участь. Что делает волшебник, которому в соответствии с досадным соглашением не позволено изучать магию? Он

бездельничает день за днем, отвлекает племянницу (или жену, или дочь) от рукоделия, пристает к слугам с вопросами о том, чем никогда прежде не интересовался, — все ради того, чтобы хоть с кем-нибудь поговорить, — пока те не бегут жаловаться хозяйке. Он берет книгу и начинает читать, но не вникает в прочитанное и лишь на двадцать второй странице обнаруживает, что это *роман* — род литературы, который он более всего презирает, — и отбрасывает с отвращением. Он десять раз на дню спрашивает племянницу (или жену, или дочь), который час, ибо не может поверить, что время тянется так медленно; по этой же причине он уверен, что его карманные часы безбожно врут.

Приятно сообщить, что мистер Хонифут поживал лучше других. Его, человека доброго и отзывчивого, глубоко затронула история, поведанная во тьме каменной фигуркой. Веками хранила она в маленьком каменном сердце память об убийстве и помнила мертвую девушку с волосами, увитыми плющом, когда все остальные ее забыли. Мистер Хонифут рассудил, что такое постоянство достойно награды. Он написал настоятелю, каноникам и архиепископу и был так назойлив, что ему наконец разрешили

поднять плиты в углу южного трансепта. Там и впрямь обнаружились кости в свинцовом гробу. Однако настоятель заявил, что не позволит вынести останки из собора (а именно этого добивался мистер Хонифут) на основании слов какой-то каменной фигурки; история не знает подобного прецедента. Ах! — отвечал мистер Хонифут, такой прецедент был. Спор затянулся на долгие годы, и мистеру Хонифуту некогда было жалеть, что он подписал пресловутое соглашение[10].

Библиотеку Ученого общества йоркских волшебников продали мистеру Торогуду. Однако мистеру Сегундусу сказать позабыли, и тот узнал о продаже через третьи руки: посыльный мистера Торогуда сказал приятелю (приказчику в полотняной лавке Пристли), приятель сказал

---

[10] Примечания: 10

Мистер Хонифут ссылался на следующий прецедент. В 1279 году в городе Олстоне произошло страшное убийство. На терновом дереве перед церковью нашли повешенного мальчика. Над церковной дверью стояла статуя Мадонны с Младенцем. Олстонцы отправили гонцов в Ньюкасл, в замок Короля-ворона, и Король-ворон прислал двух волшебников, дабы те оживили статую. Мадонна и Младенец заговорили и сказали, что мальчика убил чужак, который им незнаком. С тех пор всякий раз, как в Олстон приходил кто-то чужой, горожане тащили его к церкви и спрашивали: «Это он?» — но всякий раз Мадонна и Младенец отвечали: «Нет». Под ногами у Мадонны были каменные лев и дракон, переплетенные немыслимым образом и вцепившиеся друг другу в шею. Их высек из камня человек, никогда не видевший ни льва, ни дракона, но много собак и овец, поэтому в фигурах было что-то собачье и овечье. Всякий раз, как очередного беднягу притаскивали к церкви, лев и дракон переставали грызться и поднимали голову,

причем лев лаял, а дракон возмущенно блеял.
Прошли годы. Все горожане, знавшие мальчика, умерли, да и убийца, надо полагать, тоже. Однако у Мадонны и Младенца осталась привычка говорить; всякий раз, как какой-нибудь бедолага-чужак проходил на расстоянии видимости от церкви, они поворачивали каменные головы и говорили: «Это не он». В итоге Олстон приобрел недобрую репутацию, и люди из соседних городов предпочитали по возможности туда не ездить.

миссис Кокрофт, хозяйке гостиницы «Георг», а та — миссис Плезанс, хозяйке мистера Сегундуса. Едва он об этом узнал, как бросился к мистеру Торогуду по снежным улицам, не потрудившись надеть шляпу, плащ и уличную обувь. Однако книги были уже проданы. Мистер Сегундус спросил кому. Мистер Торогуд с извинениями сказал, что не вправе разглашать имя покупателя. Мистер Сегундус, запыхавшийся, без шляпы и без пальто, в мокрых домашних туфлях, отчасти вознаградил себя, заявив, что нимало не огорчен отказом мистера Торогуда назвать имя загадочного покупателя, ибо почти наверняка знает, кто этот джентльмен.

Мистер Сегундус постоянно думал о мистере Норрелле и даже беседовал о нем с мистером Хонифутом[11]. Мистер Хонифут считал, что все происшедшее объясняется исключительно же-

---

[11] Примечания: 11

Дабы лучше разобраться в характере и магических силах мистера Норрелла, мистер Сегундус написал подробное изложение визита в аббатство Хартфью. Увы, он обнаружил, что в данном случае память его подводит. Всякий раз, перечитывая написанное, он замечал, что помнит события несколько иначе. Он принимался исправлять слова и фразы и в конце концов полностью все переписывал. По прошествии четырех или пяти месяцев он вынужден был признаться себе, что не помнит ни слов мистера Хонифута мистеру Норреллу, ни ответа мистера Норрелла, ни того, что сам видел в доме. Мистер Сегундус пришел к выводу, что ничего дельного на эту тему не напишет, и бросил рукопись в камин.

ланием мистера Норрелла возродить в Англии волшебство. Мистер Сегундус, не удовлетворяясь этим объяснением, искал случая свести знакомство с кем-нибудь, кто знает мистера Норрелла, и выяснить про него что-нибудь еще.

Джентльмен в положении Норрелла, владелец красивого дома и большого поместья, всегда вызывает любопытство соседей, и если соседи эти не очень глупы, они всегда найдут случай что-нибудь про него выведать. Мистер Сегундус узнал, что на Стоунгейт живет некая семья, у которой есть родственники в пяти милях от аббатства Хартфью. Он сдружился со стоунгейтским семейством и убедил новых знакомых пригласить в гости родственников. (Мистер Сегундус сам не ожидал от себя такого хитроумия.) Родственники приехали и охотно разговорились о богатом чудаке-соседе, который заколдовал Йоркский собор, но сообщить сумели только одно: мистер Норрелл собирается переехать в Лондон.

Мистер Сегундус удивился новости, но еще более удивился чувствам, которые она у него вызвала. Он был в полном замешательстве, хотя и убеждал себя, что это нелепо: Норрелл никогда не проявлял к нему и малейшего участия. И все же Норрелл был теперь единственным его колле-

гой. А когда тот уедет в Лондон, мистер Сегундус останется последним волшебником в Йоркшире.

4. Друзья английской магии

Начало весны 1807 года

Представьте себе человека, который просиживает в библиотеке день за днем; маленького человечка довольно нерасполагающей внешности. Перед ним на столе книги. Запас перьев, нож, чтобы их чинить, чернила, бумага, записные книжки — все под рукой. В камине постоянно горит огонь: человечек боится холода. Комната меняется в зависимости от времени года, он — нет. Из трех высоких окон открывается вид на английскую сельскую местность, спокойную весной, веселую летом, грустную осенью и мрачную зимой, как и пристало английскому пейзажу. Однако смена времен года его не занимает — он едва поднимает глаза от книги. Да, как все джентльмены, он совершает моцион: в сухую погоду — долгую прогулку через парк, вдоль леса, в сырую — короткую вдоль живой изгороди. Однако он почти ничего не знает о парке, лесе, кустах. Книга ждет в библиотеке; глаза мысленно все еще скользят по строкам, в голове крутится прочитанное, пальцы мечтают вернуться к страницам. Он видится с соседями

два-три раза за сезон, ибо это Англия, где человека никогда не оставят в покое, даже если он сухарь и встречает гостей кислой миной. Они наносят визиты, оставляют прислуге карточки, приглашают отобедать или потанцевать на балу. Делается это по большей части из доброты, ибо считается, что плохо человеку все время быть одному, но к тому же им хочется узнать, изменился ли он за прошедшее время. Не изменился. Ему не о чем с ними говорить, и его считают самым скучным человеком в Йоркшире.

И все же в сухом маленьком сердце мистера Норрелла жила мечта возродить в Англии волшебство, которая удовлетворила бы даже мистера Хонифута; ради того, чтобы осуществить эту давнюю мечту, мистер Норрелл и собрался сейчас в Лондон.

Чилдермасс сказал, что время благоприятно, а Чилдермасс знал мир. Чилдермасс знал, в какие игры играют дети на улицах города — в игры, которые взрослые давно позабыли. Чилдермасс знал, о чем думают старики, сидя перед камином, хотя никто не спрашивал их об этом уже долгие годы; Чилдермасс знал, что́ молодым людям слышится в грохоте барабанов и звуке труб, когда они оставляют дом и идут в солдаты; знал и то, что их

ждет ложка славы в бочке лишений. Чилдермасс мог увидеть стряпчего, идущего навстречу по улице, и сказать, что́ у того в задних карманах. И все, что Чилдермасс знал, вызывало у него усмешку, а порою и смех, но ни на грош жалости.

Так что, когда Чилдермасс сказал хозяину: «Поезжайте в Лондон. Прямо сейчас», — мистер Норрелл ему поверил.

— Единственное, что мне не нравится, — сказал мистер Норрелл, — так это ваш план, чтобы Сегундус написал о нас в лондонскую газету. Он точно наделает ошибок — об этом вы подумали? И наверняка полезет со своими толкованиями. Эти третьесортные ученые не упустят случая что-нибудь добавить от себя. Он будет строить догадки — ложные, разумеется — насчет того, какой род волшебства использовал я в Йорке. Как будто мало вокруг магии других нелепиц и домыслов! Так стоит ли с ним связываться?

Чилдермасс устремил на хозяина мрачный взгляд и с еще более мрачной улыбкой ответил, что, по его мнению, стоит.

— Скажите, сэр, — сказал он, — вам не случалось слышать о флотском офицере по фамилии Бейнс?

— Кажется, я знаю, о ком вы, — ответил мистер

Норрелл.

— А! — сказал Чилдермасс. — И откуда же вы про него знаете?

Короткое молчание.

— Ну, — нехотя проговорил мистер Норрелл, — наверное, я видел фамилию капитана Бейнса в газете.

— Лейтенант Гектор Бейнс служил на фрегате «Король Севера», — сказал Чилдермасс. — В двадцать один год он потерял ногу и два или три пальца на руке во время боя в Вест-Индии. В том же бою капитан корабля и многие моряки погибли. Рассказ, согласно которому лейтенант Бейнс продолжал командовать судном и отдавать приказы в то время, когда корабельный врач пилил ему ногу, трудно расценить иначе, чем преувеличение, однако он и впрямь бесстрашно вывел сильно потрепанный корабль из Вест-Индии, атаковал и захватил испанское судно с сокровищами, заработал себе состояние и вернулся домой героем. Он разорвал помолвку с невестой и женился на другой. Вот, сэр, история капитана, как ее напечатали в «Морнинг пост». А теперь я расскажу, что было дальше. Бейнс — северянин, подобно вам, сэр, из никому не ведомой семьи, без могущественных друзей.

Вместе с молодой женой он приехал в Лондон и остановился у знакомых на Сикоул-лейн, и к ним тут же потянулись с визитами люди всех рангов и положений. Лейтенант с супругой обедали у виконтесс, члены парламента пили за их здоровье, и Бейнс заручился протекцией на самом высоком уровне. Такой успех, сэр, я приписываю тому всеобщему уважению, которое он снискал благодаря газетной заметке. Однако возможно, у вас есть друзья в Лондоне, которые сослужат вам ту же службу, не утруждая газетчиков?

— Вы отлично знаете, что нет, — с досадой отвечал мистер Норрелл.

Тем временем мистер Сегундус трудился над письмом и огорчался, что не может теплее отозваться о мистере Норрелле. Ему казалось, что читатели будут ждать каких-то слов в отношении личных достоинств мистера Норрелла и удивятся, если их не окажется.

Наконец в «Таймс» появилось письмо, озаглавленное: «НЕВЕРОЯТНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ В ЙОРКЕ. ОБРАЩЕНИЕ К ДРУЗЬЯМ АНГЛИЙСКОЙ МАГИИ». Мистер Сегундус закончил описание волшебства словами о том, что друзья английской магии должны возблагодарить склонность мистера Норрелла к уединению, позволившую

ему достичь столь замечательных результатов; однако он, мистер Сегундус, призывает всех друзей английской магии вместе с ним обратиться к мистеру Норреллу с призывом нарушить добровольное затворничество и занять место на более широкой сцене государственных дел, дабы таким образом начать новую главу в истории английского чародейства.

«ОБРАЩЕНИЕ К ДРУЗЬЯМ АНГЛИЙСКОЙ МАГИИ» произвело сенсацию, особенно в Лондоне. Читатели «Таймс» были ошеломлены достижениями мистера Норрелла. Все желали видеть мистера Норрелла; юные дамы жалели бедных йоркских джентльменов, напуганных волшебством, и сами желали пережить такой же испуг. Судя по всему, такая возможность должна была им скоро представиться; мистер Норрелл решил со всей поспешностью перебираться в Лондон.

— Найдите мне дом, Чилдермасс, — сказал он. — Найдите мне дом, который будет говорить посетителям, что магия — респектабельное занятие; не менее респектабельное, чем юриспруденция, и куда более, нежели медицина.

Чилдермасс сухо спросил, не следует ли отыскать нечто архитектурно значительное, дабы

внушить мысль, что магия не менее респектабельна, чем Церковь?

Мистер Норрелл (который слышал, что есть такая вещь, как юмор, иначе о нем не писали бы в книгах, но лично юмору не представленный и руку ему не пожимавший) задумался и ответил наконец, что нет, так далеко его притязания не заходят.

Итак, Чилдермасс (рассудив, вероятно, что нет ничего респектабельнее денег) нашел хозяину дом на Ганновер-Сквер, где живут преуспевающие богачи. Не знаю, как вам, но мне не слишком по душе южная сторона Ганновер-Сквер; дома здесь узкие и высокие — не ниже четырех этажей, мрачные высокие окна идут ровными рядами, а здания настолько похожи, что напоминают сплошную стену, заслоняющую свет. Так или иначе, мистер Норрелл (не разделявший моего предубеждения) остался доволен — в той мере, в какой может быть доволен джентльмен, проживший более тридцати лет в усадьбе, окруженной парком, лесами и фермами, иными словами, джентльмен, чей взгляд из окна никогда не оскорбляло зрелище чужой собственности.

— Дом, конечно, маловат, — сказал он, — но я не жалуюсь. Сами знаете, я готов поступиться

собственным удобством.

Чилдермасс ответил, что дом больше, чем значительная часть остальных.

— Неужто? — удивился мистер Норрелл. Его особенно возмутила малость библиотеки, в которой нельзя было разместить и треть необходимых книг; он спросил Чилдермасса, где лондонцы держат книги? Или они вообще ничего не читают?

Мистер Норрелл не пробыл в Лондоне и трех недель, как получил письмо от миссис Годсден, о которой никогда прежде не слышал.

«…Понимаю, как это возмутительно, что я пишу вам, человеку совершенно незнакомому; без сомнения, вы спрашиваете себя: „Кто эта назойливая особа? Я впервые о ней слышу!“ и считаете меня несносной, дерзкой и так далее и тому подобное, но Дролайт — мой близкий друг; он и уверяет, что вы добрейшая душа и ничуть меня не осудите. Мне не терпится свести знакомство, и я почту за величайшую честь, если вы осчастливите нас своим обществом в четверг вечером. Пусть неприязнь к многолюдству вас не останавливает — я сама терпеть не могу шумные сборища и приглашу на встречу с вами лишь самых близких друзей…»

Такого рода письмо никак не могло произвести

благоприятное впечатление на мистера Норрелла. Тот быстренько проглядел его, отложил с легким возгласом отвращения и вернулся к книге. Через некоторое время зашел по утренним делам Чилдермасс, прочел письмо миссис Годсден и спросил, как мистер Норрелл намерен на него ответить.

— Отказом, — сказал мистер Норрелл.

— Да? Мне написать, что вы обещались быть в другом месте? — спросил Чилдермасс.

— Если хотите.

— А вы действительно обещались?

— Нет, — сказал мистер Норрелл.

— А! Так вы отказываетесь из-за множества приглашений в другие дни? Боитесь переутомиться?

— Нет у меня никаких других приглашений, как вам прекрасно известно. — Мистер Норрелл читал еще минуту-две, потом произнес (обращаясь, вероятно, к книге): — Вы все еще здесь.

— Да.

— Ну ладно, — проговорил мистер Норрелл. — Что такое? В чем дело?

— Мне казалось, вы прибыли в Лондон, дабы показать людям, что представляет собой современный волшебник. Это займет долгое время,

если вы будете все время сидеть дома.

Мистер Норрелл не ответил. Он взял письмо и проглядел его еще раз.

— Дролайт… — пробормотал он. — Кто это? Не знаю никакого Дролайта.

— Я тоже, — заметил Чилдермасс, — но знаю другое: сейчас не время пренебрегать вежливостью.

В восемь часов вечера мистер Норрелл в лучшем сером сюртуке сидел в карете, гадая, кто такой близкий друг миссис Годсден, Дролайт, как вдруг обнаружил, что карета больше не движется. Выглянув из окна, он увидел освещенное уличным фонарем скопление людей, лошадей и карет. Полагая, что все, как и он, путаются в лондонских улицах, мистер Норрелл решил, будто кучер с лакеем заблудились, и, стуча по крыше кареты тростью, закричал:

— Дэйви! Лукас! Вы что, не слышали, как я сказал «на Манчестер-стрит»? Почему не узнали дорогу перед тем, как выезжать?

Лукас объявил с козел, что они на Манчестер-стрит, но вынуждены ждать, потому что перед домом выстроилась целая вереница карет.

— Перед каким домом? — вскричал мистер Норрелл.

Лукас объяснил, что перед тем домом, в который они направляются.

— Нет, нет! Ты обознался, — сказал мистер Норрелл. — Там будет совсем скромный прием.

Однако, едва войдя в дом, мистер Норрелл оказался среди примерно ста самых близких друзей миссис Годсден. Залы были переполнены людьми, которых с каждой минутой становилось все больше. Мистер Норрелл был очень удивлен, хотя чему было дивиться? Он попал на обычный лондонский прием, неотличимый от тех, что проходят по всему городу каждый день.

Как описать лондонский прием? Повсюду свечи в хрустальных люстрах и канделябрах, изящные зеркала удваивают и утраивают их свет, посрамляя дневной; разноцветные оранжерейные фрукты величественными пирамидами громоздятся на белых скатертях; дивные создания, усыпанные драгоценностями, прохаживаются под ручку, вызывая всеобщее восхищение. При этом духота нестерпимая, шум и теснота — тоже; негде сесть и почти негде стоять. Вы видите лучшего друга в дальнем конце зала и хотели бы с ним поговорить — но как до него добраться? Ваше счастье, если вы столкнетесь в давке и пожмете друг другу руки перед тем, как людской поток

снова вас разделит. В окружении распаренных незнакомцев вы так же лишены возможности вести разумную беседу, как в африканской пустыне. Все жалуются на жар и духоту. Все объявляют, что это просто невыносимо. Однако если таковы страдания гостей, то сколь же несчастнее те, кто не получил приглашения! Наши муки — ничто в сравнении с их участью! И завтра мы будем говорить друг другу, что прием был замечательный.

Так случилось, что мистер Норрелл прибыл одновременно с очень пожилой дамой. Маленькая и уродливая, она тем не менее явно была чрезвычайно важной особой (вся в бриллиантах). Слуги обступили ее, и мистер Норрелл вошел в дом, никем не замеченный. Он оказался в комнате, полной людей, и заметил на столе чашу с пуншем. Покуда он пил пунш, ему в голову пришла мысль, что он никому не назвал своего имени и, следовательно, никто не знает, что он здесь. Мистер Норрелл был в растерянности касательно того, как быть дальше. Гости здоровались со знакомыми, а подойти к кому-нибудь из слуг и назваться мистер Норрелл не решался — так важно они держались. Жаль, что никто из бывших членов Общества йоркских волшебников не видел его замешательства — уж они-то бы пора-

довались! Впрочем, все мы таковы. В привычной обстановке мы ведем себя легко и непринужденно, но стоит попасть в такое место, где мы никого не знаем и никто нас не знает — о боже! — какую неловкость мы сразу испытываем!

Мистер Норрелл блуждал из комнаты в комнату, мечтая лишь о том, чтобы уйти, когда внезапно его остановили звук собственного имени и следующие загадочные слова: «…заверил, что он всегда появляется в иссиня-черной мантии, расшитой неведомыми символами! Однако Дролайт, который отлично знает Норрелла, утверждает…»

Шум в комнате стоял невообразимый; странно, как мистер Норрелл вообще что-то услышал. Говорила молодая дама, и мистер Норрелл попытался отыскать ее глазами, но безуспешно. Он уже сомневался, что говорили действительно о нем.

Рядом с ним стояли леди и джентльмен. Дама была довольно неприметная — благоразумного вида особа лет сорока-пятидесяти, джентльмен же — того разряда, какой в Йоркшире встретишь нечасто. Он был довольно мал ростом, в очень хорошем черном сюртуке и ослепительно-белой манишке. Пенсне в серебряной оправе висело на черной бархатной ленточке. Черты лица были идеально правильные и даже красивые, волосы

— короткие и темные, кожа чистая и очень белая, только на щеках угадывались следы румян. Однако что изумляло, так это глаза: большие, с красивым разрезом, черные, очень яркие и почти влажные. Их обрамляли ресницы, тоже очень темные и невероятно длинные. Некоторые мелкие женственные черты он внес в свою внешность путем сознательных ухищрений; однако глаза и ресницы подарила ему природа.

Мистер Норрелл внимательно прислушался к разговору, дабы понять, не о нем ли говорят.

— …совет, что я дал леди Данком касательно ее дочери, — говорил джентльмен. — Леди Данком нашла ей самого заурядного мужа с девятью сотнями в год! Однако глупышка влюбилась в драгунского капитана без гроша за душой, и бедная леди Данком была в ужасе. «Ваша милость! — вскричал я, как только услышал. — Не беспокойтесь! Предоставьте это мне. Я, конечно, не гений, но мои скромные дарования как нельзя больше подходят к этому случаю». О мадам! Вы будете смеяться, когда узнаете, как я разрешил затруднение! Уверен, никто другой не придумал бы столь забавный план! Я повел мисс Сьюзен в магазин Грея на Бонд-стрит, где она очень приятно провела время, примеряя колье и серьги.

Она выросла в Дербишире и прежде не видела по-настоящему замечательных драгоценностей. Затем мы с леди Данком пару раз намекнули, что, выйдя за капитана Херста, она никогда не сможет делать такие покупки, а в качестве супруги мистера Уотса получит возможность приобретать в ювелирных магазинах самое лучше. Полагаю, она никогда прежде об этом не задумывалась. Затем я познакомился с капитаном Херстом и позвал его к Будлу, где — не стану вас обманывать, мадам, — играют в карты! — Маленький джентльмен хихикнул. — Я ссудил ему небольшую сумму, чтоб попытать удачу, — деньги, разумеется, были не мои, леди Данком дала их мне специально для этой цели. Мы сходили туда раза три или четыре, и в кратчайший срок долги капитана достигли… ну, мадам, не представляю, как он будет с ними расплачиваться! Мы с леди Данком поставили его перед фактом, что одно дело жених с небольшим доходом и другое — увязший в неоплатных долгах. Поначалу он не желал нас слушать и даже прибег к… как бы это сказать… армейским выражениям, но в конце концов вынужден был признать нашу правоту.

Мистер Норрелл заметил, что благоразумного вида дама лет сорока-пятидесяти посмотрела

на собеседника с некоторой неприязнью. Потом она очень холодно кивнула и без единого слова отошла в толпу; маленький джентльмен тут же повернулся в другую сторону и окликнул какого-то знакомого.

Затем мистер Норрелл остановил взгляд на чрезвычайно интересной молодой даме в белом с серебром платье. Она слушала высокого привлекательного джентльмена и очень искренне смеялась его словам.

— …что, если он обнаружит в основании дома двух драконов — красного и белого, сплетенных в извечной борьбе и знаменующих грядущую погибель мистера Годсдена? Полагаю, — улыбнулся джентльмен, — вы ничуть не огорчитесь.

Дама рассмеялась еще веселее прежнего, и мистер Норрелл очень удивился, когда в следующий миг кто-то обратился к ней «миссис Годсден».

По размышлении мистер Норрелл решил, что надо с нею заговорить, однако она куда-то исчезла. Ему было нехорошо от шума и зрелища стольких людей; он уже собрался тихонько уйти, однако именно сейчас толпа перед дверью была почти непроницаема. Людской поток подхватил его и увлек в другую часть комнаты. По кругу и по кругу его носило, словно сухой лист в водостоке,

покуда в какой-то миг он не заметил тихий уголок возле окна. Высокая ширма черного дерева, инкрустированная перламутром, полускрывала — о радость! — книжный шкаф. Мистер Норрелл проскользнул в уголок, снял с полки «Простое истолкование всего Откровения Иоанна Богослова» Джона Непера и стал читать.

Прочитав совсем немного, он случайно поднял глаза и увидел, что высокий красавец, недавний собеседник миссис Годсден, разговаривает с низеньким темноволосым человеком, приложившим столько усилий, чтобы расстроить брак капитана Херста. Они говорили с большим жаром, но шум и толчея были такие, что высокий без церемоний схватил низенького за рукав и втащил за ширму, туда, где сидел мистер Норрелл.

— Его здесь нет, — сказал высокий, при каждом слове тыча собеседника в плечо. — Где яростно горящие глаза, которые вы нам обещали? Где необъяснимый транс? Хоть кто-нибудь подвергся проклятию? Не думаю. Вы вызвали его, как духа из бездны, а он не пришел.

— Я видел его утром, — отвечал низенький, — он рассказывал об удивительном колдовстве, которое совершил в последнее время, и обещал прийти.

— Уже за полночь. Он не придет. — Высокий улыбнулся с видом превосходства. — Сознайтесь, что вы с ним не знакомы.

Низенький улыбнулся с видом еще большего превосходства (два собеседника положительно жонглировали улыбками) и сказал:

— Никто в Лондоне не знает его лучше меня. Должен признать, что я немного — очень немного — разочарован.

— Ха! — вскричал высокий. — Кто разочарован, так это гости. Мы приехали сюда в ожидании чего-то невероятного, а вместо этого вынуждены развлекать себя сами. — Взгляд его упал на мистера Норрелла. — Этот джентльмен уже читает книгу.

Низенький обернулся и при этом ушиб локоть о «Простое истолкование всего Откровения Иоанна Богослова». Он холодно взглянул на мистера Норрелла, возмущаясь, что тот занял столь тесный угол столь большой книгой.

— Я сказал, что разочарован, — продолжал низенький, — однако ничуть не удивлен. Вы не знаете его, как я. О! Смею вас заверить, он очень высоко себя ценит. Человек, который покупает дом на Ганновер-Сквер, умеет правильно себя поставить. О да! Он приобрел дом на Ганновер-

Сквер! Вы, полагаю, не знали? Он богат, как жид. У него был дядя по фамилии Хейторнтуейт, который умер и оставил ему кучу денег. Помимо прочих пустяков он владеет большим домом и обширным поместьем — аббатством Хартфью в Йоркшире.

— Ха! — сухо проговорил высокий. — Ему повезло. Богатые старые дяди, которые умирают, в наше время большая редкость.

— О да! — вскричал низенький. — У одних моих друзей, Гриффинов, есть невероятно богатый старый дядя, которого они старательно обхаживают уже много лет. Так вот, хотя в самом начале событий ему было как минимум сто, он еще жив и, судя по всему, намерен жить вечно, а Гриффины тем временем сами состарились и умирают один за другим в самом горьком разочаровании. И все же я уверен, что вам, мой дорогой Лассельс, нет нужды заискивать перед вздорными стариками — вы ведь обладаете вполне приличным состоянием, если не ошибаюсь?

Высокий решил пропустить дерзкий выпад мимо ушей и заметил прохладно:

— Мне кажется, этот джентльмен желает с вами поговорить.

Этим джентльменом был мистер Норрелл.

Изумленный тем, что его состояние обсуждают столь открыто, он уже несколько минут искал возможности заговорить.

— Прошу прощения, — сказал он.

— Да? — резко отозвался низенький.

— Я — мистер Норрелл.

Сначала на лице низенького проступило возмущение, затем — растерянность и, наконец, недоумение. Он попросил мистера Норрелла повторить свое имя.

Мистер Норрелл повторил, после чего низенький джентльмен сказал:

— Простите, но… То есть… Надеюсь, вы извините мой вопрос, но нет ли в вашем доме на Ганновер-Сквер кого-то во всем черном, с лицом худым, как сельдерей?

Мистер Норрелл задумался на мгновение, потом сказал:

— Чилдермасс, вы имеете в виду Чилдермасса.

— О, Чилдермасс! — вскричал низенький так, как будто теперь все совершенно прояснилось. — Да, конечно! Как глупо с моей стороны! Это — Чилдермасс! О мистер Норрелл! Бесконечно рад знакомству! Моя фамилия Дролайт.

— Вы знаете Чилдермасса? — озадаченно спросил мистер Норрелл.

— Я… — Мистер Дролайт сделал паузу. — Я видел, как человек, которого я описал, выходит из вашего дома и… О мистер Норрелл! Ну и попал же я впросак! Принял его за вас! Умоляю не обижаться, сэр. Теперь, глядя на вас, я отчетливо вижу, что он обладает дикой, романтической внешностью, которую мы склонны приписывать волшебникам, в вас же сразу угадывается созерцательный ум. Лассельс, вы согласны, что мистер Норрелл держится с основательной строгостью истинного ученого?

Высокий (без всякого энтузиазма) согласился.

— Мистер Норрелл, мой друг, мистер Лассельс, — представил Дролайт.

Мистер Лассельс отвесил легчайший поклон.

— О мистер Норрелл! — вскричал мистер Дролайт. — Вы не в силах вообразить те муки, которые я пережил сегодня, гадая, приедете вы или нет! В семь часов волнение мое достигло такой степени, что я не мог больше терпеть! Я отправился в трактир на Гласхаус-стрит поговорить с Дэйви и Лукасом и узнать, придете ли вы сегодня. Кстати, Дэйви сказал, что, скорее всего, нет, чем поверг меня в бездну отчаяния!

— С Дэйви и Лукасом! — вскричал мистер Норрелл в величайшем изумлении. (Так, если вы

помните, звали лакея и кучера.)

— О да! — сказал мистер Дролайт. — В трактир на Гласхаус-стрит, где Дэйви и Лукас иногда обедают, что вам, вероятно, известно.

Мистер Дролайт сделал паузу, и мистер Норрелл еле-еле успел вставить, что нет, ему это неизвестно.

— Я изо всех сил расписываю ваши необыкновенные способности всем моим многочисленным знакомым, — продолжал мистер Дролайт. — Я был вашим Иоанном Предтечей, сэр, приготовляющим вам путь, и без колебаний объявлял, что мы с вами большие друзья, ибо заранее предчувствовал, дорогой мистер Норрелл, что мы сблизимся! И как видите, я не ошибся — вот мы уже сидим рядом и беседуем самым приятельским образом!

5. Дролайт

С весны по осень 1807 года

На следующее утро управляющий мистера Норрелла, Чилдермасс, был вызван к хозяину. Он нашел мистера Норрелла бледным и в состоянии нервного возбуждения.

— В чем дело? — спросил Чилдермасс.

— О! — закричал мистер Норрелл, поднимая глаза от завтрака. — И вы еще смеете спрашивать! Вы пренебрегли своими прямыми обязанностями! Любой негодяй может расспрашивать моих слуг! И получить ответы на все вопросы! Для чего я вас нанял, если вы не способны оградить меня от такой дерзости?

Чилдермасс пожал плечами:

— Вы о Дролайте, полагаю.

Короткое изумленное молчание.

— Вы знали? — вскричал мистер Норрелл. — Боже! О чем вы думаете? Не вы ли сотни раз говорили мне, что надо исключить всякие сплетни со стороны слуг?

— О да, конечно! — сказал Чилдермасс. — Однако боюсь, сэр, что вам придется несколько поступиться привычной скрытностью. Уедине-

ние хорошо в Йоркшире, но мы больше не там.

— Да, да! — с досадой произнес мистер Норрелл. — Знаю. Однако вопрос в другом: чего хочет Дролайт?

— Быть первым в Лондоне, кто свел знакомство с волшебником, ничего более.

Но страхи мистера Норрелла не так легко было развеять. Он нервно потер желтовато-бледные руки и с опаской огляделся, как будто по углам комнаты прячутся другие дролайты.

— Он не похож на ученого, — проговорил мистер Норрелл, — однако ничего нельзя знать наверняка. Он не носит колец власти или покорности, и все же…

— Я не совсем вас понимаю, — сказал Чилдермасс. — Говорите напрямик.

— Не может ли он обладать какими-то собственными *умениями*? — спросил мистер Норрелл. — Или, может быть, у него есть друзья, которые завидуют моему успеху! Кто его сообщники? Какое у него образование?

Лицо Чилдермасса скривила длинная кривая усмешка.

— О! Вы вообразили, будто его подослали какие-то другие волшебники. Так вот, сэр, это не так. Поверьте мне. Я не только не пренебрег вашими

интересами, но, как только пришло письмо от миссис Годсден, навел справки об этом джентльмене — не менее тщательно, чем он наводил о вас. Затрудняюсь представить волшебника, который воспользовался бы услугами подобного лица. К тому же, если бы такой волшебник существовал, вы давно бы его нашли — не так ли? — после чего изыскали бы средства оставить его без книг и без возможности продолжать исследования. Вы такое уже проделывали.

— Так этот Дролайт не опасен?

Чилдермасс поднял бровь и криво усмехнулся.

— Напротив, очень опасен, — сказал он.

— Ах! — вскричал мистер Норрелл. — Так я и знал! Что ж, буду всячески избегать его общества.

— Почему? — спросил Чилдермасс. — Я так не говорил. Разве я не сказал, что для вас он не представляет никакой угрозы? Если он скверный человек, что вам с того? Послушайте моего совета, сэр, и воспользуйтесь орудием, которое у вас под рукой.

И Чилдермасс поведал мистеру Норреллу, что разузнал о Дролайте. Есть особая порода джентльменов, которая встречается исключительно в Лондоне. Их главное занятие — одеваться дорого

и по моде; жизнь они проводят в праздности, азартных играх и пьянстве, по несколько месяцев кряду живут в Брайтоне и на других модных водах. Порода эта достигла своего совершенства в Кристофере Дролайте. Даже лучшие друзья признают, что он не обладает ни одним хорошим качеством[12].

Мистер Норрелл несколько раз неодобрительно прищелкнул языком, тем не менее разговор явно пошел ему на пользу. Когда через десять минут Лукас внес горячий шоколад, мистер Норрелл уже спокойно ел поджаренный хлебец и вообще не обнаруживал никаких признаков утренней нервозности.

Послышался громкий стук в дверь, и Лукас пошел открывать. По лестнице прошелестели шаги, и Лукас, вернувшись, объявил:

— Мистер Дролайт!

— Ах, мистер Норрелл! Здравствуйте, сэр! — вскричал мистер Дролайт, входя в комнату.

Он был в темно-синем сюртуке и держал трость

---

[12] Примечания: 12

Однажды он оказался в гостиной леди Бесборо вместе с белой длинношерстой кошкой. Дролайт был одет в безупречно черные сюртук и панталоны, а кошка ходила кругами с явным намерением запрыгнуть ему на колени. Он выждал, пока рядом никого не будет, и, схватив кошку, выбросил ее в окно. Хотя гостиная находилась на третьем этаже, кошка осталась жива, но с тех пор прихрамывала на одну ногу и проявляла большую неприязнь к джентльменам в черной одежде.

черного дерева с серебряным набалдашником. От него так и веяло превосходным настроением; он кланялся, улыбался и расхаживал по комнате туда-сюда, так что через пять минут не нашлось бы дюйма ковра, на котором мистер Дролайт не постоял, стола или стула, которых бы он не погладил, зеркала, в котором бы он не мелькнул, и картины, которой бы мимолетно не улыбнулся.

Мистер Норрелл, хоть и поверил, что его гость не волшебник и не служит другому волшебнику, был не склонен следовать совету Чилдермасса. Приглашение выпить кофе он произнес самым что ни на есть ледяным тоном. Однако мрачная тишина и недружелюбные взгляды Норрелла на мистера Дролайта не действовали, ибо тишину он заполнял собственной болтовней, а к недружелюбным взглядам привык и давно не обращал на них внимания.

— Вы согласны со мной, сэр, что вчерашний прием был чрезвычайно мил? Хотя, если мне позволительно высказать свое мнение, думаю, вы совершенно правильно с него уехали. Я сумел обойти всех и каждому сказать, что джентльмен, который сейчас вышел из комнаты, — сам мистер Норрелл! О! Поверьте, сэр, ваш отъезд не прошел незамеченным. Досточтимый мистер Мешем был

совершенно уверен, что успел заметить ваше уважаемое плечо, леди Баркли, кажется, имела честь увидеть седой завиток вашего почтенного парика, а мисс Фискертон с восторгом объявила, что ее взгляд на мгновение коснулся вашего ученого носа! И то немногое, что они видели, сэр, заставило их желать большего. Они с нетерпением ждут возможности рассмотреть столь замечательного человека полностью!

— Ах! Не может быть! — не без удовольствия вскричал мистер Норрелл.

Повторные заверения мистера Дролайта, что гости миссис Годсден очарованы мистером Норреллом, произвели желаемое действие и в значительной степени развеяли предубеждения хозяина. Мистер Дролайт уверял, что общество мистера Норрелла подобно приправе: маленькая щепотка придает вкус целому блюду. Он был настолько любезен, что мистер Норрелл постепенно делался все более и более словоохотливым.

— И каким же удачным обстоятельствам, сэр, — спросил мистер Дролайт, — мы обязаны счастьем вас лицезреть? Что привело вас в Лондон?

— Я прибыл в Лондон, дабы способствовать современной магии. Я намерен вернуть волшебство в Великобританию, — важно отвечал мистер

Норрелл. — Я могу многое рассказать великим людям нашего времени и во многом был бы им полезен.

Мистер Дролайт вежливо пробормотал, что ничуть в этом не сомневается.

— Я бы предпочел, сэр, чтобы миссия эта досталась какому-нибудь другому волшебнику, — со вздохом проговорил мистер Норрелл.

Вид у него был настолько благородный, насколько позволяли мелкие черты лица. Удивительно, как мистер Норрелл, загубивший карьеру стольких коллег, сумел себя убедить, будто охотно уступил бы всю славу одному из них. Однако, как ни странно, мистер Норрелл, безусловно, верил в свои слова.

Мистер Дролайт выразил уверенность, что мистер Норрелл чересчур скромен. Невозможно помыслить, что кто-то другой вернет волшебство в Великобританию лучше мистера Норрелла.

— Однако я в невыгодном положении, сэр, — промолвил мистер Норрелл.

Мистер Дролайт отказался в это поверить.

— Я не знаю света, сэр. Как ученый, я склонен к тишине и одиночеству. Проводить час за часом в бессмысленной болтовне с незнакомыми людьми для меня худшая пытка. Однако Чилдермасс

уверяет, что без этого не обойтись. — И мистер Норрелл посмотрел на Дролайта в надежде, что тот его разуверит.

— Ах! — воскликнул мистер Дролайт. — Вот почему я так рад, что мы стали друзьями! Не стану выдавать себя за ученого, сэр; я ничего не знаю о волшебниках и, полагаю, временами кажусь вам назойливым. Однако вы должны оставить мелкое раздражение ради высшего блага. Я могу ввести вас в свет и познакомить с обществом. О мистер Норрелл! Вы не в силах вообразить, насколько я могу быть вам полезен!

Мистер Норрелл не стал обещать, что поедет с мистером Дролайтом во все те места, которые мистер Дролайт находил восхитительными, и познакомится со всеми теми людьми, чья дружба, по словам мистера Дролайта, придаст новую прелесть его существованию, однако согласился сегодня вечером отобедать с мистером Дролайтом в доме леди Роутенстол на Бедфорд-Сквер.

Мистер Норрелл устал от обеда меньше, чем ожидал, и даже согласился назавтра встретиться с мистером Дролайтом в гостях у мистера Пламтри. С таким советчиком и проводником мистер Норрелл почувствовал себя в обществе куда более уверенно. У него появилось множество дел;

он был занят с одиннадцати утра и до полуночи. Он наносил утренние визиты; посещал званые обеды, балы и концерты итальянской музыки; он встречался с баронетами, лордами, леди и виконтессами, прогуливался по Бонд-стрит под руку с мистером Дролайтом или катался в карете по Гайд-парку вместе с мистером Дролайтом и близким другом мистера Дролайта, мистером Лассельсом.

В дни, когда мистер Норрелл обедал у себя на Ганновер-Сквер, мистер Дролайт составлял ему компанию. Мистер Норрелл предполагал, что тому это весьма удобно; Чилдермасс сказал, что у мистера Дролайта практически нет денег. Чилдермасс сообщил, что Дролайт живет за счет ума и долгов; он никогда никого не приглашает в гости, потому что снимает жилье над сапожной мастерской на Литтл-Райдер-стрит.

Как всякий новый дом, особняк на Ганновер-Сквер, казавшийся поначалу идеальным, вскоре потребовал усовершенствований. Естественно, мистер Норрелл хотел сделать все как можно быстрее; однако, когда он посетовал Дролайту на медлительность лондонских рабочих, тот воспользовался случаем, чтобы выяснить планы мистера Норрелла касательно обоев, ковров,

мебели и декора и во всем отыскать изъяны. Они спорили над каждым пунктом по четверти часа, потом мистер Дролайт велел заложить карету мистера Норрелла и приказал Дэйви ехать на Стрэнд в салон мистера Аккермана. Там мистер Дролайт показал мистеру Норреллу альбом; на первой странице была помещена гравюра работы мистера Рептона: пустая старомодная гостиная, с портрета на стене сурово глядит старик в наряде елизаветинских времен, ободранные стулья таращатся друг на друга, подобно гостям на званом вечере, не знающим, что сказать. Однако уже на следующей странице — о чудо! — благородное искусство обойщиков и меблировщиков преобразило гостиную до неузнаваемости! С десяток модно разодетых леди и джентльменов в непринужденных позах расположились на стульях или прохаживались по завитой виноградом оранжерее, невесть как возникшей за высокими стеклянными дверями. Из этого мистер Дролайт вывел следующую мораль: если мистер Норрелл желает найти друзей для английской магии, он должен устроить в своем доме как можно больше стеклянных дверей.

Под руководством мистера Дролайта мистер Норрелл выбрал для картинной галереи красную

гамму взамен строгой темно-зеленой. В интересах английской магии каждый элемент декора предстояло покрыть краской и лаком, дабы он, словно актер, представлялся чем-то иным. Лепнину покрасили под дерево, дерево — под другое дерево. К тому времени, когда пришла пора выбирать обстановку для гостиной, мистер Норрелл уже настолько верил вкусу Дролайта, что поручил тому заказать все самостоятельно.

— Вы не пожалеете, дорогой сэр! — воскликнул Дролайт. — Три недели назад я выбирал обеденный гарнитур для герцогини Б., и она с первого взгляда объявила, что в жизни не видела ничего прекрасней!

Однажды ясным майским утром мистер Норрелл сидел в доме миссис Литтлуорт на Уимполстрит. Среди собравшихся были мистер Дролайт и мистер Лассельс. Мистер Лассельс чрезвычайно любил общество мистера Норрелла, уступая в этом лишь мистеру Дролайту, но по совершенно иным причинам. Его, человека циничного и умного, безумно веселило, что старик-ученый вообразил себя чародеем. Поэтому мистер Лассельс при всяком удобном случае задавал мистеру Норреллу вопросы о волшебстве и втайне потешался над ответами.

— Вам нравится в Лондоне, сэр? — спросил он.

— Ничуть, — отвечал мистер Норрелл.

— Очень жаль, — сказал мистер Лассельс. — Разыскали коллег?

Мистер Норрелл нахмурился и ответил, что, по его сведениям, в Лондоне нет других волшебников; во всяком случае, все попытки их отыскать оказались тщетными.

— Ах, сэр! — вскричал мистер Дролайт. — Вы ошибаетесь! Вас ввели в заблуждение! В Лондоне тоже есть чародеи — не менее сорока. Лассельс, вы подтвердите, что у нас в Лондоне сотни чародеев? Стоят почти на каждом углу. Мы с мистером Лассельсом охотно их вам покажем. У них есть своего рода король, которого они зовут Винкулюсом, — высокий оборванец, он еще держит палатку у церкви Святого Христофора на Бирже. Сидит за грязной желтой занавеской и за два пенни предсказывает судьбу.

— Винкулюс предрекает одни бедствия, — со смехом заметил мистер Лассельс. — Недавно он пообещал, что я утону, сойду с ума, все мое имущество сгорит в огне, а еще у меня будет незаконная дочь, которая в старости разобьет мне сердце своим презрением.

— Охотно отвезу вас к нему, сэр, — сказал Дро-

лайт. — Я в восторге от Винкулюса.

— Будьте осторожны, сэр, — вставила миссис Литтлуорт. — Иногда эти люди способны нагнать страха. Крукшенки привели в дом мага — очень грязного, — чтобы тот показал их друзьям несколько фокусов. Когда выяснилось, что он не умеет показывать фокусы, Крукшенки отказались ему платить. В ярости он поклялся, что превратит хозяйского ребенка в совок для угля. Все были в панике, потому что младенец исчез, а ни одного нового совка в доме не появилось. Обыскали дом сверху донизу, миссис Крукшенк от волнения лишилась чувств, пришлось вызывать врача. И так продолжалось, пока не вернулась нянька с младенцем на руках — она ходила показать его своей матери на Джеймс-стрит.

Несмотря на все убеждения, мистер Норрелл отказался ехать с мистером Дролайтом смотреть Винкулюса в желтой палатке.

— А что вы думаете о Короле-вороне, мистер Норрелл? — с жаром спросила миссис Литтлуорт.

— Ничего. Я никогда о нем не думаю.

— Правда? — заметил мистер Лассельс. — Извините мою дерзость, мистер Норрелл, но это весьма необычное утверждение. Все маги в один голос

заявляют, что Король-ворон — величайший из них всех! Человек, который мог, если бы только захотел, снять Мерлина с дерева, перекувырнуть и посадить обратно[13].

Мистер Норрелл ничего не ответил.

— Но ведь верно, — продолжал мистер Ласселъс, — что никто из волшебников-ауреатов не мог с ним сравниться? Королевства по всем мирам, сколько бы их ни на есть[14]. Толпы рыцарей — людей и эльфов, готовых исполнить его волю. Не говоря уже о его долголетии: нас уверяют, что под конец своего трехсотвекового правления он оставался, во всяком случае внешне, юношей.

Мистер Норрелл вновь ничего не ответил.

— Или вы думаете, что истории лгут? Я часто слышал, что Короля-ворона не было или что то был не один человек, а целая череда волшебников с одинаковой внешностью. Может быть, вы тоже так думаете?

Мистер Норрелл явно предпочел бы промолчать, но прямота вопроса обязывала его

---

[13] Примечания: 13

По преданию, волшебница Нимуэ заточила Мерлина на верхушке боярышника.

[14] Примечания: 14

Ласселъс преувеличивает. Число королевств Короля-ворона никогда не превышало трех.

ответить.

— Нет, — сказал он наконец. — Я твердо убежден, что он существовал, однако не могу назвать его влияние на английское волшебство иначе как пагубным. Он употреблял магию самого скверного свойства, и я бы хотел, чтобы и самое его имя забылось навсегда.

— А как насчет ваших волшебных слуг, сэр? — спросил мистер Лассельс. — Они видны только вам? Или другие тоже могут их видеть?

Мистер Норрелл фыркнул и ответил, что у него их нет.

— Чего нет? — изумленно воскликнула дама в алом платье.

— Вы мудры, мистер Норрелл, — сказал мистер Лассельс. — Дело «Таббс против Стархауса» стало

предостережением для всех волшебников[15].

— Мистер Таббс не был волшебником, — отвечал мистер Норрелл. — Однако, будь он величайшим волшебником христианского мира, ему бы все равно не следовало стремиться к обществу эльфов. Никогда в Англии не было ничего опаснее и вреднее этой породы. Слишком многие волшебники по лени или по невежеству пренебрегали наукой и направляли все усилия на то, чтобы приобрести себе слугу-эльфа и переложить колдовство на его плечи. В истории Англии полно таких людей, и некоторые, рад заметить, наказаны по заслугам. Вспомните Бладворта[16].

Мистер Норрелл обзавелся кучей новых знакомых, однако никто не воспылал к нему искренней дружбой. В целом лондонцы нашли его весьма

---

[15] Примечания: 15

Таббс против Стархауса: знаменитое дело, слушавшееся в Ноттингеме несколько лет назад.

Житель Ноттингема по фамилии Таббс очень хотел увидеть эльфа или фею; из-за постоянных мыслей об эльфах и феях, а также от соответствующего чтения ему втемяшилось в голову, будто его кучер — эльф.

Кучер (которого звали Джек Стархаус) был высокого роста, темноволос и отличался крайней молчаливостью, смущавшей остальных слуг, которые относили ее на счет заносчивости. Он совсем недавно поступил на службу к мистеру Таббсу; устраиваясь на работу, он сообщил, что прежде был кучером у некого мистера Брауна в месте под названием Колдмиклхилл на севере. У кучера был необыкновенный дар: все животные его любили. Лошади, когда он их запрягал, стояли смирно. Еще он умел разговаривать с кошками, причем обращался к ним каким-то особенным шепотом, а кошки сидели и внимали с видом

легкой заинтересованности, словно никогда в жизни не слышали ничего более разумного и не рассчитывают услышать впредь. Кошки в доме мистера Таббса обычно вели себя с тем же важным достоинством, что и все прочие, однако у Джека Стархауса они пускались в пляс, подпрыгивали на задних лапах и скакали из стороны в сторону. Всего этого он добивался шепотом, свистом и вздохами.

Один из слуг заметил, что кошек имело бы смысл дрессировать, если бы те хоть на что-то годились. Однако в удивительных талантах Джека Стархауса не было никакого проку, и кошачьи фокусы не развлекали других слуг, а лишь приводили в еще большее замешательство.

Это ли или красивое лицо с широко расставленными глазами заставило мистера Таббса заподозрить в кучере эльфа — неизвестно; однако мистер Таббс стал тайно наводить о нем справки.

Однажды мистер Таббс вызвал Стархауса в свой кабинет и сообщил, что, по его сведениям, мистер Браун очень болен — был болен все то время, когда Стархаус у него якобы работал, — и уже много лет никуда не выезжает. Поэтому мистер Таббс хотел бы знать, зачем мистер Браун держал кучера.

Некоторое время Джек Стархаус молчал, потом признал, что никогда не служил у мистера Брауна. Он сказал, что работал в одной семье неподалеку; работал на совесть, и место было хорошее, однако другие слуги его невзлюбили, за что — неизвестно. Одна служанка наговорила на него хозяйке, и Стархауса уволили. Он сказал, что сожалеет о своей лжи, но не знал, как еще поступить.

Мистер Таббс сказал, что незачем выдумывать новую ложь. Он знает, что Стархаус — эльф, и пусть тот не боится, что хозяин его выдаст. Хозяин хочет лишь одного — говорить со Стархаусом о его сородичах.

Сперва Стархаус не понимал, к чему клонит мистер Таббс, а когда наконец понял и принялся уверять, что никакой он не эльф, а человек и англичанин, мистер Таббс ему не поверил.

После этого, что бы Стархаус ни делал, куда бы ни шел, его везде подстерегал мистер Таббс с сотнями вопросов про Страну Фей. Стархаус

не выдержал и (хотя мистер Таббс всегда был очень к нему добр) уволился. Еще не найдя нового места, он сошелся в трактире с неким человеком, который посоветовал ему подать на прежнего хозяина в суд за клевету. На знаменитом процессе Джек Стархаус стал первым, кого по английским законам официально признали человеком.

Однако этот занятный эпизод имел дурные последствия как для Таббса, так и для Стархауса. Таббс за свое невинное желание увидеть эльфа стал всеобщим посмешищем. Карикатуры на него печатали в лондонских, ноттингемских и шеффилдских газетах, а соседи, с которыми он долгие годы поддерживал близкую дружбу, не желали с ним больше знаться. Тем временем Стархаус понял, что никто не хочет нанимать кучера, затеявшего тяжбу с хозяином; он вынужден был браться за самую унизительную работу и вскоре впал в нищету.

Дело «Таббс против Стархауса» интересно и тем, что показывает живучесть убеждения, будто эльфы и посейчас обитают в Англии. Многие англичане считают, что их повсюду окружают эльфы. Некоторые из них невидимы, другие притворяются христианами и могут быть в числе наших знакомых. Ученые спорят по этому вопросу много столетий, но так и не пришли к согласию.

[16] Примечания: 16

Волшебный слуга явился к Саймону Бладворту по собственному почину, назвался Баклером и сказал, что хочет поступить на службу. Как знает теперь каждый английский школьник, Бладворту следовало бы с пристрастием выспросить, откуда Баклер взялся и почему пришел из Страны Фей с единственной целью поступить в услужение к третьеразрядному английскому волшебнику.

Баклер был очень искусен в разного рода магии. Дела Бладворта в маленьком шерстопрядильном городке Бредфорде-на-Эйвоне быстро пошли в гору. Лишь раз Баклер доставил ему неприятности — когда, в приступе ярости, уничтожил книжицу, принадлежавшую капеллану лорда Ловела.

Чем дольше Баклер жил у Бладворта, тем больше набирался сил, а, набравшись сил, первым делом изменил свой вид: грязные лохмотья стали парчовым платьем, ржавые ножницы, украденные у жестянщика, — мечом; пегая лисья мордочка превратилась в красивое человеческое лицо, а сам он внезапно вырос на два или три фута. Он быстро уверил миссис Бладворт и ее дочерей, что это и есть его истинное обличье, прежняя же уродливая внешность была следствием злых чар.

Однажды погожим майским утром 1310 года, когда мистер Бладворт был в отъезде, миссис Бладворт обнаружила в углу кухни высокий буфет, которого там прежде не было. На ее вопросы Баклер ответил, что буфет волшебный и это его, Баклера, рук дело. Он сказал, что ему больно видеть, как миссис Бладворт и ее дочери стирают, готовят и убираются от зари до зари, в то время как им пристало сидеть в богатых платьях на шелковых подушках и есть сладости. Ответ этот показался миссис Бладворт весьма разумным. Баклер сказал, что частенько упрекал мистера Бладворта за неспособность сделать жизнь миссис Бладворт более приятной и легкой, но хозяин его не слушал. Миссис Бладворт ответила, что ничуть не удивлена.

Баклер сказал, что если она вступит в этот шкаф, то окажется в волшебном месте, где выучит заклинания, позволяющие вмиг завершить любую работу, заставить мужа ее слушаться, явить ее прекрасной в глазах окружающих, сделать груды золота из ничего и так далее и так далее.

Миссис Бладворт спросила, много ли этих заклинаний.

Баклер отвечал, что примерно три.

Трудно ли их выучить?

О нет, ничуть.

Много ли времени это займет?

О нет, немного, она поспеет назад к обедне.

5 *(прод.)* Семнадцать людей вошли в шкаф тем утром и больше не

вернулись, в том числе миссис Бладворт, две ее младшие дочери, две горничные, двое слуг, дядя миссис Бладворт и шесть соседок. Только Маргарет Бладворт, старшая дочь Бладворта, отказалась входить.

Король-ворон отрядил двух волшебников расследовать дело; по их письменным отчетам мы и знаем эту историю. Главной свидетельницей была Маргарет, рассказавшая, что по возвращении «мой бедный отец вошел в шкаф, дабы их выручить, как я ни молила его остаться. Больше он не возвращался».

Двумя столетиями позже доктор Мартин Пейл путешествовал по Стране Фей. В замке Джона Каблука (древнего и могущественного эльфийского принца) он обнаружил человеческое дитя лет семи-восьми. Девочка, очень бледная и заморенная, сказала, что ее зовут Анна Бладворт. Она считала, что попала в Страну Фей две недели назад. Ей поручили перемыть огромную груду грязных котлов, чем она и занималась все это время. Она сказала, что, когда домоет, сможет вернуться домой и встретиться с родителями и сестрами. Она надеялась управиться за день-два.

скучным. Он ничего не наколдовал, никого не проклял и ничего не предсказал. Однажды в доме миссис Годсден он заметил, что, кажется, скоро пойдет дождь, но пророчество не сбылось — дождь так и не пошел до следующей субботы. Он редко говорил о магии, а если и говорил, это больше напоминало урок истории, и ни у кого не хватало терпения его слушать. О волшебниках прошлого он упоминал неодобрительно, за исключением одного случая, когда с похвалой отозвался о Фрэнсисе Саттон-Гроуве[17].

— А мне казалось, сэр, — сказал мистер Ласселъс, — что Фрэнсиса Саттон-Гроува читать невозможно. Я вечно слышу, что *«De Generibus Artium»* читать невозможно.

— О! — сказал мистер Норрелл. — Не знаю,

---

[17] Примечания: 17

Фрэнсис Саттон-Гроув (1682–1765) — маг-теоретик. Он написал две книги: «*De Generibus Artium Magicarum Anglorum*» («О родах искусства английской магии»; 1741) и «Предписания и описания» (1749). Даже мистер Норрелл, главный (и единственный) поклонник Саттон-Гроува, находил «Предписания и описания» (в которых тот пытался изложить правила практической магии) в высшей степени скверными, а ученик мистера Норрелла, Джонатан Стрендж, так ненавидел эту книгу, что изорвал свой экземпляр в клочки и скормил ослику лудильщика (см. Джон Сегундус. «Жизнеописание Джонатана Стренджа». Изд-во Джона Мюррея, 1820).

«*De Generibus Artium Magicarum Anglorum*» считается нуднейшей книгой во всем своде английской магии (который включает в себя много скучных трудов). Это первая в Англии попытка определить области магии, которые должен изучить современный волшебник; согласно

Саттон-Гроуву, их тридцать восемь тысяч девятьсот сорок пять, и каждой посвящена отдельная глава. Саттон-Гроув предвосхитил мистера Норрелла еще в одном отношении: ни в одном его перечне не упоминаются магические свойства, традиционно приписываемые птицам или диким животным; кроме того, он тщательно обходит молчанием те виды колдовства, в которых требуется помощь эльфов, например возвращение к жизни мертвых.

насколько подобные труды занимают светскую публику, но полагаю, что для серьезного ученого, посвятившего себя изучению магии, Саттон-Гроув неоценим. В его книге вы найдете первую попытку обозначить те области магии, которые современный волшебник должен изучить, изложенную в перечнях и таблицах. Безусловно, классификация Саттон-Гроува во многом ошибочна, — вероятно, именно это вы имели в виду, утверждая, что его невозможно читать? Однако, на мой взгляд, нет в мире зрелища более отрадного, нежели десяток его списков. Ученый скользит по ним глазами и думает: «Это я знаю» или «Это мне еще предстоит» — и вот перед ним работа на четыре, может быть, на пять лет.

История о статуях в Йоркском соборе так приелась от частого повторения, что многие задавались вопросом, способен ли мистер Норрелл на что-либо еще. Мистер Дролайт счел себя обязанным придумать несколько свежих примеров.

— Но что этот волшебник умеет, Дролайт? — спросила миссис Годсден однажды вечером, когда мистера Норрелла рядом не было.

— Ах, мадам! — вскричал Дролайт. — Лучше спросите, чего он не умеет! Прошлой зимой в Йорке — как вы знаете, это родной город мистера

Норрелла — сильнейший северный ветер сорвал с веревок все сохнувшее белье и бросил его в грязь. Олдермен, желая избавить дам от новой стирки, обратился к мистеру Норреллу, и мистер Норрелл призвал отряд фей, которые все перестирали. Кроме того, дыры на рубашках, нижних юбках и ночных колпаках оказались заштопаны, затрепанные края сделались как новые, и все горожане клялись, что никогда не видели такой ослепительной белизны!

Эта история стала очень популярной и подняла репутацию мистера Норрелла еще на несколько недель; всякий раз, как мистер Норрелл заводил речь о современной магии, слушатели полагали, что он говорит о чем-то подобном.

Однажды унылым сентябрьским утром, в среду, мистер Норрелл и мистер Дролайт сидели в библиотеке на Ганновер-Сквер. Мистер Дролайт был в середине длинного рассказа о том, что́ мистер Ф. произнес с намерением оскорбить лорда С. и что́ леди Д. об этом подумала, когда мистер Норрелл внезапно проговорил:

— Я буду признателен вам, мистер Дролайт, если вы скажете, сообщил ли кто-нибудь герцогу

Портлендскому[18] о моем прибытии в Лондон?

— Ах, сэр! — вскричал Дролайт. — Только вы, сэр, при вашей скромности, могли задать подобный вопрос. Уверяю вас, *все* министры уже наслышаны об удивительном мистере Норрелле.

— Однако в таком случае, — сказал мистер Норрелл, — почему его светлость до сих пор ко мне не обратился? Я начинаю думать, что кабинет не ведает о моем существовании, — итак, мистер Дролайт, я был бы благодарен, если бы вы сообщили, есть ли у вас знакомства в правительстве, которыми я мог бы воспользоваться.

— В правительстве, сэр? — переспросил мистер Дролайт.

— Я прибыл сюда, дабы принести пользу отечеству, — скорбно произнес мистер Норрелл, — и надеялся к настоящему времени сыграть выдающуюся роль в борьбе с Францией.

— Если вам кажется, что вами пренебрегают, то я искренне сожалею! — воскликнул Дролайт. — Однако вам не следует так думать. В Лондоне достаточно дам и джентльменов, которые были бы счастливы увидеть ваши магические трюки в любой вечер. Не бойтесь нас напугать — у нас

---

[18] Примечания: 18

Герцог Портлендский, премьер-министр и первый лорд казначейства в 1807–1809 годах.

крепкие нервы.

Мистер Норрелл промолчал.

— Что ж, сэр, — сказал мистер Дролайт с вкрадчивой улыбкой и примирительным взглядом черных влажных глаз. — Не будем спорить. Однако, увы, помочь вам не в моей власти. У правительства своя сфера, у меня — своя.

На самом деле мистер Дролайт лукавил: он знал некоторых джентльменов, которые занимали различные посты в правительстве и охотно согласились бы встретиться с другом мистера Дролайта, если бы в обмен мистер Дролайт обязался не разглашать кое-какие факты из их частной жизни. Однако мистер Дролайт не видел в этом никакой для себя выгоды. Он предпочитал возить мистера Норрелла по гостям в надежде, что однажды тот все же согласится показать пару магических трюков, о которых так мечтают знакомцы мистера Дролайта.

Мистер Норрелл начал писать письма членам правительства, которые показывал мистеру Дролайту перед тем, как отдать Чилдермассу для отправки, однако члены правительства не отвечали. Мистер Дролайт предупреждал мистера Норрелла, что так оно и будет. Члены правительства всегда очень заняты.

Неделей или двумя позже мистера Дролайта пригласили в дом на Сохо-Сквер послушать итальянскую певицу, только что из Рима. Естественно, был приглашен и мистер Норрелл. Однако по прибытии Дролайт не сумел разыскать волшебника в толпе. Лассельс, облокотясь на каминную полку, беседовал с какими-то джентльменами. Дролайт подошел и спросил, не знает ли он, где мистер Норрелл.

— О! — сказал мистер Лассельс. — Он отправился с визитом к сэру Уолтеру Поулу. Мистер Норрелл владеет важными сведениями, которые желает безотлагательно довести до сведения герцога Портлендского. И мистер Норрелл намерен передать эти сведения через сэра Уолтера Поула.

— Герцог Портлендский? — вскричал другой джентльмен. — Как?! Неужели министры настолько отчаялись? Они уже советуются с волшебниками?

— Вы неверно поняли, — улыбнулся мистер Лассельс. — Это Норрелл хлопочет о встрече. Он намеревается предложить услуги правительству. Кажется, он придумал, как разбить французов с помощью волшебства. Однако вряд ли министры согласятся его выслушать. Сейчас, когда в Европе им вцепились в глотку французы, а здесь

— парламент, им решительно не до чудачеств пожилого йоркширского джентльмена.

Подобно сказочному герою, мистер Норрелл обнаружил, что средство к исполнению цели давно у него в руках. Даже у волшебников есть родственники; вот и у мистера Норрелла имелся дальний родич (по материнской линии), который однажды набрался наглости написать ему письмо. Дабы пресечь дальнейшие поползновения такого рода, мистер Норрелл отправил молодому человеку восемьсот фунтов, о которых тот просил и которые, как ни прискорбно, отнюдь не умерили его эпистолярного пыла. Родственник усугубил свой грех, отправив *второе* письмо, в котором выражал благодетелю самую горячую признательность и писал: «…посему я и мои друзья отныне целиком на вашей стороне и готовы голосовать на следующих выборах в соответствии с вашими пожеланиями; а буде у меня возникнет какая возможность вам услужить, любые ваши распоряжения станут большой честью и случаем возвыситься в глазах общества для вашего покорного слуги Уэнделла Маркворти».

До сих пор мистер Норрелл не пытался возвысить мистера Маркворти в глазах общества, оказав ему честь своими распоряжениями, но тут

выяснилось (усилиями мистера Чилдермасса), что на деньги, полученные от благодетеля, мистер Маркворти купил себе и брату места клерков в Ост-Индской компании. Они отправились в Индию и через десять лет вернулись богачами. Не получив от первого покровителя никаких указаний, как ему голосовать, мистер Маркворти решил следовать советам своего начальника в Ост-Индской компании, мистера Боннела, и убедил друзей поступить так же. Он сумел стать весьма полезным для мистера Боннела, который в свою очередь был дружен с одним политиком, сэром Уолтером Поулом. В мире политики и коммерции каждый кому-то обязан, а кто-то другой обязан ему, так что возникает длинная цепочка обещаний и обязательств. В данном случае цепочка протянулась от мистера Норрелла к сэру Уолтеру Поулу, а сэр Уолтер Поул в то время занимал должность министра.

6. «Магия малопочтенна, сэр»

Октябрь 1807 года

Трудно тогда приходилось министрам.

Война шла то скверно, то очень скверно, и все дружно ненавидели кабинет. Порой часть вины за очередную неудачу удавалось возложить на конкретного человека, но в целом все в один голос винили министров; им же, бедолагам, оставалось винить друг друга, что они и делали все чаще и чаще.

Не то чтобы министры страдали тупостью, — напротив, среди них встречались блистательные умы. Не были они поголовно мерзавцами — среди них попадались безупречные семьянины, любящие детей, музыку, собак и живопись. И все же кабинет был настолько непопулярен, что, если бы не речи министра иностранных дел, вряд ли удалось бы провести хоть один вопрос через палату общин.

Министр иностранных дел был несравненным оратором. Как бы низко ни стояло правительство в общественном мнении, стоило министру иностранных дел заговорить — ах! насколько в ином свете все представало! Как быстро все

дурное оказывалось виною прежнего кабинета (ужасных людей, совмещавших общую тупость с коварством умыслов). Что касается нынешнего кабинета, со времен Античности мир не видел мужей столь добродетельных и столь оклеветанных врагами. Все они мудры, как Соломон, благородны, как Цезарь, бесстрашны, как Марк Антоний; никто более министра финансов не напоминает Сократа своей честностью. Увы, несмотря на все эти добродетели и дарования, министрам никак не удавалось добиться успеха в борьбе с Францией, и даже самый их ум вызывал нарекания. Сельские джентльмены, читая в газетах речь того или иного министра, бормотали себе под нос, что он, видать, умный малый. Однако сельские джентльмены сильно подозревали, что в уме есть что-то не британское. Такого рода непредсказуемая гениальность была свойственна в первую очередь заклятому врагу Англии, императору Наполеону Бонапарту; сельские джентльмены ее не одобряли.

Сэру Уолтеру Поулу было сорок два. Печально, но факт: он отличался таким же умом, как остальные члены кабинета. Он успел перессориться с большинством выдающихся политиков эпохи и как-то в разгар пьяного кутежа получил по

голове бутылкой мадеры от Ричарда Бринсли Шеридана. Впоследствии Шеридан заметил герцогу Йоркскому: «Поул принял мои извинения самым джентльменским образом. По счастью, он так нехорош собой, что лишний шрам никак не испортит его внешность».

На мой взгляд, он не был столь уж нехорош собой. Действительно, черты его были чрезвычайно дурны: лицо, в полтора раза длиннее обычного, крупный, заостренный на конце нос, глаза — два умных куска угля и щетинистые брови, похожие на очень мелких рыбешек, отважно бороздящих безбрежные просторы лица. И все же, взятые вместе, уродливые черты составляли довольно приятное целое. Если вы видели это лицо в покое (гордое, с легким оттенком меланхолии), вы воображали, будто оно всегда так выглядит и неспособно выразить какое-либо иное чувство. Коли так, вы в корне ошибались.

Главным выражением сэра Уолтера Поула было *Изумление*. Глаза его расширялись, брови взлетали на полдюйма, он откидывался назад и становился похож на персонажа с гравюры мистера Роулендсона или мистера Гилрея. «Но, конечно, — восклицал он, — вы же не утверждаете то-то и то-то!» И если джентльмен, неосторожно

утверждавший то-то и то-то в присутствии сэра Уолтера, не был вам другом или вам нравится наблюдать, как злое остроумие посрамляет тупость, вы могли изрядно позабавиться. Исполненный ехидства сэр Уолтер был занятнее пьесы в Друри-лейн. Скучные джентльмены из обеих палат старались всячески его избегать. (Старый лорд Такой-то, спеша по коридору, соединяющему палату общин с конногвардейскими казармами, машет на сэра Уолтера тростью и кричит: «Я не буду говорить с вами, сэр! Вы извращаете мои слова! Вы приписываете мне то, чего я никогда не утверждал!»)

Однажды на публичном выступлении в Сити сэр Уолтер удачно сравнил Англию и ее политиков с осиротевшей молодой леди, оставленной на попечении развратных и жадных стариков. Вместо того чтобы печься об интересах молодой дамы, эти негодяи растратили ее наследство и разорили дом. И хотя слушатели сэра Уолтера понимали не все его заумные словечки (результат превосходного классического образования), речь имела грандиозный успех. Все легко представили себе бедную молодую леди, которая стоит на кровати в одной нижней юбке, в то время как виги роются в ее шкафах и распродают вещи ста-

рьевщику. Всех молодых джентльменов приятно возмутила эта картина.

Сэр Уолтер отличался душевной широтой и даже мягкосердечностью. Он как-то выразил надежду, что у врагов есть основания его бояться, у друзей — любить; думаю, так в целом оно и было. Его веселость, доброта и ум, высокое положение, которое он теперь занимал в обществе, восхищали еще больше из-за умения их сохранять в обстоятельствах, сломивших бы человека более слабого. Сэр Уолтер отчаянно нуждался в деньгах. Я не имею в виду просто стесненные обстоятельства. Одно дело — бедность, совсем другое — долги сэра Уолтера. Прискорбная ситуация! И тем более прискорбная, что в ней не было вины сэра Уолтера: сам он денег на ветер не бросал, но был сыном одного мота и внуком другого. Сэр Уолтер родился в долгах. Будь он человеком иного склада, все могло бы обернуться к лучшему. Имей он склонность к флотской карьере, ему, возможно, удалось бы сделать состояние на призовых деньгах; обладай он расположением к сельскому хозяйству, возможно, завел бы в своем поместье разумное землепользование и разбогател на зерне. Даже стань сэр Уолтер министром на пятьдесят лет раньше, он мог бы ссужать го-

сударственные деньги под двадцать процентов годовых и класть прибыль себе в карман. Однако что может современный политик? Он будет скорее тратить деньги, чем зарабатывать.

Несколько лет назад друзья в правительстве выхлопотали ему должность постоянного секретаря в Департаменте петиций, благодаря которой он получил особую шляпу, маленький предмет из слоновой кости и семьсот фунтов в год. Должность не предполагала никаких обязанностей, поскольку никто не помнил, что должен делать Департамент петиций и для чего нужен маленький предмет из слоновой кости. Однако потом друзья сэра Уолтера проиграли выборы, пришли новые министры и объявили, что упразднят синекуры. В числе многих ветвей, которые они отсекли от правительственного древа, оказался и Департамент петиций.

К весне 1807 года начало казаться, что политическая карьера сэра Уолтера близится к концу (последние выборы обошлись ему почти в две тысячи фунтов). Его друзья были в отчаянии. Одна из знакомых сэра Уолтера, леди Уинзелл, отправилась в Бат и там на концерте итальянской музыки свела знакомство с некими дамами по фамилии Уинтертаун, вдовой и дочерью. Неделю

спустя леди Уинзелл написала сэру Уолтеру: «Это именно то, чего я всегда для вас желала. Мать грезит великосветским браком и возражать не станет — а если и станет, полагаю, вы сумеете ее обворожить. Что касается денег! ах, мой друг, когда она назвала сумму приданого, у меня слезы выступили на глазах! Как бы вам понравилась тысяча в год? Не буду ничего говорить касательно самой юной особы — увидев своими глазами, вы станете хвалить ее мне куда красноречивее, чем я могу сделать это в письме».

Около трех часов в тот самый день, когда мистер Дролайт слушал итальянскую певицу, Лукас, лакей мистера Норрелла, постучал в дверь дома на Брунсвик-Сквер, куда мистера Норрелла пригласили для встречи с сэром Уолтером. Мистера Норрелла впустили в дом и проводили в красиво обставленную гостиную на первом этаже.

По стенам висели огромные живописные полотна в массивных золоченых рамах. Все они изображали Венецию, однако день выдался пасмурный, лил холодный дождь, и Венеция — город, состоящий из равных частей залитого солнцем мрамора и залитого солнцем моря, — утонула в лондонском сумраке. Бирюза волн, белизна облаков и редкие проблески золота отдавали

зеленоватой серостью. Время от времени ветер бросал в окна струи дождя (печальный звук); в сером свете полированная гладь палисандровых шифоньеров и письменных столов орехового дерева превратилась в черные зеркала. При всем своем великолепии комната выглядела на удивление неуютной; не было ни свечей, чтобы развеять мрак, ни огня в камине, чтобы прогнать холод, как будто хозяин или хозяйка обладает великолепным зрением и никогда не зябнет.

Сэр Уолтер Поул поднялся, чтобы поприветствовать мистера Норрелла и представить его миссис Уинтертаун и ее дочери, мисс Уинтертаун. Хотя сэр Уолтер говорил о *двух* леди, мистер Норрелл видел только одну: даму зрелых лет, властную и преисполненную величавого достоинства. Это несколько озадачило мистера Норрелла. Он подумал, что сэр Уолтер ошибся, но не захотел перечить ему в самом начале беседы. В легком замешательстве мистер Норрелл поклонился властной даме.

— Рад знакомству, сэр, — сказал сэр Уолтер. — Я о вас наслышан. Весь Лондон только и говорит, что об удивительном мистере Норрелле. — И, повернувшись к властной даме, добавил: — Мистер Норрелл — волшебник, мэм, весьма известный в

родном Йоркшире.

Дама уставилась на мистера Норрелла.

— Я ожидал увидеть вас совершенно другим, мистер Норрелл, — заметил сэр Уолтер, — мне сказали, что вы *практикующий* волшебник, — надеюсь, вы не обиделись, сэр, — просто мне так говорили. Я очень рад, что ошибся. Лондон кишит самозваными чародеями, которые выманивают деньги у простаков, обещая им что-то несусветное. Вы знаете Винкулюса, у него еще палатка возле церкви Святого Христофора на Бирже? Он — худший из них. Вы — маг-теоретик, я полагаю? — Сэр Уолтер ободряюще улыбнулся. — Однако мне сказали, что у вас какая-то просьба, сэр.

Мистер Норрелл попросил прощения, но сказал, что он действительно практикующий волшебник; сэр Уолтер сделал удивленное лицо. Мистер Норрелл выразил надежду, что не уронил себя в его мнении.

— Нет-нет. Ни в коем случае, — вежливо пробормотал сэр Уолтер.

— Заблуждение, которое вы разделяете, — сказал мистер Норрелл, — я имею в виду взгляд, будто все практикующие волшебники не более чем шарлатаны, — есть результат постыдного

безделья английских магов в последние двести лет. Я совершил одно чародейство, которое жители Йорка любезно назвали удивительным, — и все же говорю, сэр Уолтер, что любой заурядный волшебник сделал бы не меньше. Общая летаргия лишила нашу страну лучшей поддержки и оставила нас беззащитными. Именно это я и пытаюсь исправить. Другие волшебники способны пренебречь своими обязанностями, я — нет; я прибыл сюда, сэр Уолтер, чтобы предложить помощь в нынешнем затруднительном положении.

— В нынешнем положении? — переспросил сэр Уолтер. — Вы о войне? — Он широко открыл маленькие черные глазки. — Мой дорогой мистер Норрелл! Что общего у магии с войной? Или у войны с магией? Я, кажется, слышал о том, что вы совершили в Йорке. Надеюсь, домохозяйки были и впрямь благодарны, но не представляю, как можно применить такое волшебство на войне! Верно, солдаты очень грязны… — сэр Уолтер хохотнул, — однако это не главная их забота.

Бедный мистер Норрелл! Он не слышал историю Дролайта о том, как феи перестирали йоркцам одежду, и теперь пришел в ужас. Он заверил сэра Уолтера, что ни разу в жизни не стирал белье — ни волшебством, ни каким-либо

иным способом, — и поведал о подлинном своем свершении. Однако странное дело: захватывающие дух чудеса он описывал в обычной сухой и скучной манере. Сэр Уолтер остался под впечатлением, будто происшествие со статуями в Йоркском соборе было весьма унылым и хорошо, что он в это время находился в другом месте.

— Вот как? — сказал он. — Что ж, любопытно. Однако я все равно не совсем понимаю, как…

Тут кто-то кашлянул. Сэр Уолтер замолк, словно прислушиваясь.

Мистер Норрелл оглянулся. В самом далеком и темном углу комнаты лежала на оттоманке девушка в белом платье, закутанная в белую шаль. Она лежала очень тихо, прижимая к губам платок. Ее поза, ее неподвижность, все в ней говорило о тяжелой болезни.

До сей минуты мистер Норрелл был убежден, что в углу никого нет; он изумился не меньше, чем если бы девушка возникла там по волшебству. Покуда он смотрел, девушка зашлась в приступе кашля. Сэр Уолтер, казалось, чувствовал себя крайне неловко. Он не смотрел на молодую даму, хотя взгляд его беспрерывно блуждал по комнате. Он взял со стола золоченую безделушку, перевернул ее, оглядел снизу и поставил на место.

Наконец он кашлянул — прочистил горло, словно желая показать, что нет ничего естественнее кашля и кашель никогда, ни при каких обстоятельствах не может быть поводом для волнения. Девушка на оттоманке наконец справилась с приступом, хотя дышала она по-прежнему тяжело.

Мистер Норрелл перевел взгляд с молодой особы на большую мрачную картину у нее над головой и попытался вспомнить, о чем они говорили.

— Это — бракосочетание, — сказала величественная дама.

— Прошу прощения, мэм? — не понял мистер Норрелл.

Дама кивнула в сторону картины и величаво улыбнулась.

Полотно над головою молодой особы, как и все картины в комнате, изображало Венецию. Английские города выстроены главным образом на холмах; их улицы ведут то вверх, то вниз. Мистеру Норреллу подумалось, что Венеция, построенная на море, должно быть, самый плоский и удивительный город в мире. Это ее свойство делало картину похожей на упражнение в перспективе: статуи, колонны, купола, дворцы и соборы уходили к горизонту, а море, плещущее у

их подножия, было наполнено резными золочеными барками и черными гондолами, похожими на вдовьи домашние туфли.

— Здесь изображено символическое бракосочетание Венеции с Адриатикой, — сказала дама (как мы можем теперь предположить, миссис Уинтертаун). — Занятный итальянский обычай. Картины, которые вы видите в этой комнате, покойный мистер Уинтертаун приобрел во время путешествий в Европу; когда мы поженились, он подарил их мне на свадьбу. Художник — итальянец — был в то время совершенно неизвестен, а позже, ободренный покровительством мистера Уинтертауна, переехал в Лондон.

Речь ее была столь же величава, как и она сама. После каждого предложения дама делала паузу, чтобы дать время мистеру Норреллу осознать всю значимость услышанного.

— И когда моя дорогая Эмма выйдет замуж, — продолжала она, — эти картины станут моим свадебным подарком ей и сэру Уолтеру.

Мистер Норрелл спросил, как скоро мисс Уинтертаун и сэр Уолтер намерены пожениться.

— Через десять дней! — торжествующе ответила миссис Уинтертаун.

Мистер Норрелл высказал свои поздравления.

— Вы волшебник, сэр? — спросила миссис Уинтертаун. — Очень жаль. К этой профессии я питаю особую неприязнь.

Она посмотрела так, будто, узнав о ее неодобрении, мистер Норрелл немедленно отречется от волшебства и найдет себе другое занятие.

Когда этого не произошло, она повернулась к будущему зятю:

— Моя мачеха, сэр Уолтер, безгранично верила одному волшебнику. После смерти отца он неотлучно находился в доме. Можно было войти в комнату, полагая, что там никого нет, и обнаружить его в углу за портьерой или спящим на диване в грязных башмаках. Он был сыном кожевника, и его низкое происхождение проявлялось во всем. У него были длинные грязные волосы и лицо, похожее на собачью морду, однако его сажали за стол, как джентльмена. Моя мачеха во всем его слушалась, и в течение семи лет он полностью управлял нашей жизнью.

— А вашим мнением пренебрегали, сударыня? — сказал сэр Уолтер. — Я удивлен!

Миссис Уинтертаун рассмеялась:

— Мне было всего восемь или девять лет, когда это началось, сэр Уолтер. Его звали Дримдич, и он постоянно твердил, как рад нашей дружбе,

хотя мы с братом не раз повторяли, что он нам не друг. Однако он только улыбался, словно пес, который научился улыбаться и не знает, как перестать. Поймите меня правильно, сэр Уолтер. Моя мачеха была во многом превосходная женщина. Отец настолько уважал ее, что оставил ей шестьсот фунтов в год и попечение о трех своих детях. Единственным ее недостатком было глупое неверие в свои силы. Отец полагал, что в рассуждении нравственном и во многом другом женщины ничуть не уступают мужчинам, и я полностью с ним согласна. Мачеха не должна была уклоняться от ответственности. Когда умер мистер Уинтертаун, я не уклонилась.

— Да, сударыня, — пробормотал сэр Уолтер.

— Вместо этого, — продолжала миссис Уинтертаун, — она целиком положилась на этого Дримдича. Он ничего не смыслил в магии и потому должен был сочинять что-то свое. Он изобрел правила для брата, моей сестры и меня и уверил мачеху, что все это необходимо для нашей безопасности. Мы носили пурпурные ленты, туго обвязанные вокруг груди. На стол в детской ставили шесть приборов, по одному для каждого из нас и для каждого из духов, которые нас якобы охраняли. Он сказал нам их имена. Как вы думаете какие, сэр Уолтер?

— Не имею ни малейшего представления, сударыня.

Миссис Уинтертаун засмеялась:

— Мятлик, Робин Мотылек и Лютик. Мой брат, сэр Уолтер, напоминавший меня независимым характером, часто говорил в присутствии мачехи: «Сгинь, Мятлик! Сгинь, Робин Мотылек! Сгинь, Лютик!» — и та, бедная глупая женщина, слезно умоляла его замолчать. Духи не принесли нам добра. Однажды моя сестра заболела. Часто я заставала в ее комнате Дримдича; он, едва не плача, грязными желтыми ногтями гладил ее бледные щеки и безвольную руку. Он спас бы ее,

если бы мог. Он творил заклинания, и все равно она умерла. Прелестное дитя, сэр Уолтер. Много лет я ненавидела волшебника моей мачехи. Много лет я думала, что он злой человек, но в конце концов, сэр Уолтер, поняла, что он всего лишь жалкий глупец.

Сэр Уолтер повернулся на стуле:

— Мисс Уинтертаун! Вы что-то сказали — но я не услышал, что именно.

— Эмма! Что такое? — воскликнула миссис Уинтертаун.

Скрипнула оттоманка, потом тихий и ясный голос произнес:

— Я сказала, что вы очень и очень не правы, мама.

— Да, ангел мой? — Миссис Уинтертаун, дама властная и высказывающая свое мнение тоном Моисея, провозглашающего заповеди, не только не обиделась на дочь, но как будто даже обрадовалась.

— Конечно, — промолвила мисс Уинтертаун. — У нас должны быть волшебники. Кто еще растолкует нам историю Англии, и в особенности северную историю, историю ее мрачного северного короля? Обычным историкам это не по плечу. — Она помолчала. — Я люблю историю.

— Я не знал, — заметил сэр Уолтер.

— Ах, сэр Уолтер! — вскричала миссис Уинтертаун. — Дорогая Эмма, в отличие от других барышень, не тратит времени на романы. Ее чтение чрезвычайно обширно; она знает больше биографий и поэзии, чем все прочие молодые особы.

— И все же надеюсь, — с жаром произнес сэр Уолтер, перегибаясь через спинку стула, чтобы обратиться к невесте, — что романы вы тоже любите. В таком случае мы могли бы читать их друг другу вслух. Что вы думаете о госпоже Радклиф? Или о мадам д'Арбле?

Однако сэру Уолтеру не суждено было узнать мнение мисс Уинтертаун об этих выдающихся дамах, поскольку она снова зашлась в кашле и даже вынуждена была — явно с большим усилием — сесть. Сэр Уолтер некоторое время дожидался ответа, однако, когда приступ закончился, мисс Уинтертаун вновь легла и обессиленно закрыла глаза.

Мистер Норрелл дивился, почему никто не предложит ей помощь. Казалось, это своего рода заговор: всеми силами отрицать, что бедняжка больна. Никто не спросил, принести ли воды. Никто не посоветовал ей лечь в постель, хотя

мистер Норрелл, сам часто болевший, подумал, что покой был бы для нее полезней всего.

— Мистер Норрелл, — сказал сэр Уолтер, — я не совсем понял, что именно вы нам предлагаете…

— О! Что до частностей, — отвечал мистер Норрелл, — я знаю о войне столько же, сколько генералы и адмиралы — о волшебстве, однако…

— …но в любом случае, — продолжал сэр Уолтер, — магия малопочтенна, сэр. Она не… — сэр Уолтер замолчал, подыскивая слово, — солидна. Правительство не может связываться с такого рода вещами. Даже наш с вами невинный разговор, если получит огласку, причинит нам определенные затруднения. Честно скажу, мистер Норрелл, если бы я знал, что́ вы собираетесь предложить, я бы не согласился на встречу.

Все это было сказано самым любезным тоном, но… о бедный мистер Норрелл! Услышать, что магия малопочтенна, было для него тяжелым ударом. Узнать, что его ставят в один ряд с дримдичами и винкулюсами сего мира, — сокрушительным. Тщетно он убеждал собеседника, что всеми силами старается вернуть магии былую роль, тщетно совал сэру Уолтеру свои предложения по упорядочению деятельности английских волшебников. Сэр Уолтер не захотел на них даже

взглянуть. Он покачал головой, улыбнулся и сказал только:

— Боюсь, мистер Норрелл, я ничем не смогу вам помочь.

Вечером, приехав на Ганновер-Сквер, мистер Дролайт вынужден был выслушать жалобы мистера Норрелла на крушение всех надежд, связанных с сэром Уолтером Поулом.

— Ну, сэр, что я вам говорил? — вскричал Дролайт. — Бедный мистер Норрелл! Как нехорошо с вами обошлись! Искренне сочувствую. Однако я нисколько не удивлен! Мне всегда говорили, что Уинтертауны — напыщенные снобы!

Впрочем, как мне ни прискорбно об этом писать, в характере мистера Дролайта присутствовала некоторая двуличность. На самом деле слова сочувствия были не совсем искренни. Проявление независимости возмутило его, и он вознамерился наказать мистера Норрелла. На следующей неделе мистер Норрелл и мистер Дролайт посещали лишь самые тихие обеды. Если мистер Дролайт и не довел дело до визитов к своему сапожнику или к старушке, которая протирает памятники в Вестминстерском аббатстве, он старался возить мистера Норрелла к людям по возможности малозначительным и не поль-

зующимся влиянием. Таким образом Дролайт рассчитывал создать у мистера Норрелла впечатление, что его чураются не только Уинтертауны и Поулы, но и весь свет. Тогда, возможно, Норрелл поймет, кто его истинный друг, и согласится наконец показать те мелкие фокусы, которые Дролайт обещал знакомым много месяцев назад.

Такие надежды лелеял лучший друг мистера Норрелла, но, к несчастью для мистера Дролайта, ученый волшебник, раздавленный отказом сэра Уолтера, едва ли замечал перемену обстановки, и Дролайт не наказал никого, кроме себя.

Мистер Норрелл все больше укреплялся во мнении, что недостижимый сэр Уолтер — тот самый покровитель, который ему нужен. Энергичный, жизнерадостный, приятный и непринужденный в общении, он обладал всем тем, чего недоставало мистеру Норреллу. Сэр Уолтер, рассуждал мистер Норрелл, легко устранил бы все препятствия с его пути. Великие мира сего послушают сэра Уолтера.

— Если бы только он мне внял, — вздыхал мистер Норрелл однажды вечером, когда они с Дролайтом обедали вдвоем. — Однако я не сумел найти убедительных доводов. Разумеется, теперь я жалею, что не взял с собой вас или мистера Лас-

сельса. Светские люди предпочитают говорить со светскими людьми. Это я понял. Возможно, мне следовало показать какое-нибудь волшебство — превратить чайные чашки в кроликов или вилки в золотых рыбок. Тогда бы он мне поверил. Впрочем, сомневаюсь, что это понравилось бы миссис Уинтертаун. А вы как думаете?

Однако Дролайт, думавший, что если бы со скуки умирали, то он бы скончался в ближайшие полчаса, утратил всякое желание говорить и с трудом выдавил кривую улыбку.

7. Такой случай может не повториться

Октябрь 1807 года

— Ну, сэр! Вы отмщены! — воскликнул мистер Дролайт, неожиданно входя в библиотеку дома на Ганновер-Сквер.

— Отмщен? — переспросил мистер Норрелл. — О чем вы?

— О! — сказал мистер Дролайт. — Невеста сэра Уолтера, мисс Уинтертаун, умерла. Умерла сегодня днем. Они должны были пожениться через два дня. Тысяча фунтов в год! Вообразите его отчаянье! Если бы только она дожила до конца недели! Он в долгах как в шелках. Не удивлюсь, если завтра мы узнаем, что он перерезал себе горло.

Мистер Дролайт облокотился на спинку кресла у камина и, посмотрев вниз, обнаружил приятеля.

— А, это вы, Лассельс? За газетой спрятались, я вас сразу не заметил. Как поживаете?

Тем временем мистер Норрелл смотрел на мистера Дролайта.

— Умерла, говорите? — изумленно промолвил он. — Та самая барышня, которую я видел? Невоз-

можно поверить. Все так неожиданно.

— Вот уж ничуть, — заметил Дролайт. — Вряд ли что-то могло быть более закономерным.

— А как же свадьба? — воскликнул мистер Норрелл. — Все необходимые приготовления! Мать и жених наверняка не знали, насколько она больна!

— Уверяю вас, — парировал Дролайт, — знали. Знали все. Да что там! Зимой они были на Лимингтонских водах, и некий Драммонд, видевший ее на рождественском балу, заключил с лордом Карлайлом пари на пятьдесят фунтов, что она не доживет до конца месяца.

Мистер Лассельс раздраженно прищелкнул языком и отложил газету.

— Нет-нет, — сказал он, — то была не мисс Уинтертаун. Вы о мисс Хукхем-Никс, которую брат обещал застрелить, если она опозорит их семью, что, как все ожидали, рано или поздно случится. Только это было в Уортинге, и спорил он не с лордом Карлайлом, а с герцогом Эксмурским.

Дролайт задумался.

— Наверное, вы правы, — проговорил он наконец. — Впрочем, это не имеет никакого значения. Все знали, что мисс Уинтертаун больна. Кроме, разумеется, ее матери. Та считала свою дочь

Совершенством — а разве Совершенство может болеть? Совершенство существует лишь для того, чтобы им восхищались; Совершенство должно составить блестящую партию. Старуха не допускала и мысли, что ее Совершенство болеет, — не желала и слова об этом слышать. Сколько бы мисс Уинтертаун ни кашляла, ни падала в обмороки, ни опускалась без сил на диван, к ней ни разу не вызвали врача.

— Сэр Уолтер бы позаботился о ней лучше, — сказал Лассельс, встряхивая газету, чтобы вернуться к прерванному чтению. — Насчет его политических взглядов можно поспорить, но человек он разумный. Жаль, что она не дотянула до четверга.

— Ах, мистер Норрелл! — воскликнул Дролайт, поворачиваясь к другу. — Вы так побледнели! Понимаю, вам больно видеть, как пресеклась юная и невинная жизнь. Ваши благородные чувства делают вам честь, и я целиком их разделяю; самая мысль, что несчастная барышня увяла до срока, подобно прелестному цветку, раздавленному беспечным прохожим, терзает мое сердце, как острый нож. С другой стороны, она сильно болела и должна была умереть раньше или позже; к тому же, по вашим собственным словам, она

была с вами не слишком любезна. Знаю, сейчас не модно так говорить, но я по-прежнему считаю, что молодые должны с почтением относиться к возрасту и учености. Дерзость и заносчивость глубоко мне ненавистны.

Однако мистер Норрелл как будто не слышал слов утешения, которыми тщился поддержать его собеседник. Заговорил он нескоро и с тяжелым вздохом, как будто обращался к самому себе:

— Я не думал, что магию здесь ставят настолько низко. — Он помолчал и пробормотал тихо: — Очень опасно воскрешать мертвых. Уже триста лет никто такого не делал. Я не посмею!

Все это было чрезвычайно необычно; мистер Дролайт и мистер Лассельс в изумлении обернулись к своему другу.

— Разумеется, сэр, — сказал мистер Дролайт. — Никто от вас этого и не ждет.

— Конечно, я знаю нужные заклинания, — продолжал мистер Норрелл, словно не слышал ответа, — однако это тот самый род магии, от которого я отказался! Все слишком сильно зависит… Зависит от… То есть, я хочу сказать, результат абсолютно непредсказуем. Волшебник совершенно бессилен на него повлиять. Нет! Не буду и пытаться. Даже думать об этом не стану.

Наступила короткая тишина. Однако, несмотря на свою решимость не думать об опасной магии, мистер Норрелл по-прежнему ерзал на стуле, барабанил пальцами по столу, часто дышал и проявлял другие признаки сильного душевного волнения.

— Мой дорогой мистер Норрелл, — медленно проговорил Дролайт, — кажется, я начинаю вас понимать. И признаюсь, что нахожу вашу мысль превосходной! Вы хотите совершить великое волшебство, дабы засвидетельствовать свои необычайные возможности! О сэр! Если вам это удастся, все уинтертауны и поулы Англии будут искать знакомства с удивительным мистером Норреллом!

— А если не удастся, — сухо заметил мистер Лассельс, — все в Англии захлопнут дверь перед бесславным мистером Норреллом.

— Мой дорогой Лассельс, — вскричал Дролайт, — что за чушь вы несете! Легче легкого объяснить неудачу — они случаются со всеми на каждом шагу.

Мистер Лассельс сказал, что не понимает, о чем речь. Они заспорили, но тут с губ мистера Норрелла сорвался страдальческий возглас:

— О боже! Что делать? Что делать? Все эти ме-

сяцы я трудился, чтобы сделать мою профессию приемлемой в глазах людей, и все равно меня презирают! Мистер Лассельс, вы знаете свет. Скажите…

— Увы, сэр, — поспешно перебил его мистер Лассельс. — Я взял за правило никому ничего не советовать.

И он вновь вернулся к газете.

— Мой дорогой мистер Норрелл! — сказал Дролайт (не дожидаясь, когда поинтересуются *его* мнением). — Такой случай может не повториться… — (Сильный довод, исторгший у мистера Норрелла глубокий вздох.) —…и я бы не простил себе, если бы позволил вам его упустить. Одним махом вы возвращаете нам очаровательную особу, о чьей смерти никто не может думать без слез, спасаете от нужды достойного джентльмена и обеспечиваете будущность английской магии! Как только вы докажете полезность ваших умений, кто посмеет отказать волшебникам в должном почете и уважении? Волшебников будут почитать наравне с адмиралами, гораздо больше, чем генералов; возможно, так же, как архиепископов и канцлеров! Не удивлюсь, если его величество немедленно введет для них табель о рангах: камер-маги, обер-маги, действительные

титулярные маги. А вы, мистер Норрелл, займете вершину иерархии как архимаг! И все это одним махом! Одним махом!

Дролайт был, очевидно, доволен своей речью. Лассельс раздраженно шелестел газетой; ему явно было что возразить, но он сам отрезал себе путь, когда сказал, что никому не дает советов.

— Едва ли возможно найти более опасный вид магии! — испуганно прошептал мистер Норрелл. — Она опасна как для самого волшебника, так и для объекта.

— Но, сэр, — разумно отвечал Дролайт, — вам лучше судить касательно опасности для себя, а что до объекта, как вы выражаетесь, юная дама уже мертва. Разве может ей стать хуже?

Дролайт подождал ответа на свой вопрос, однако мистер Норрелл не отвечал.

— Я велю подать карету, — объявил Дролайт, берясь за звонок, — и немедленно поеду на Брунсвик-Сквер. Не тревожьтесь, мистер Норрелл, я убежден, что наше предложение будет принято с большим жаром. Ждите меня через час!

Дролайт выбежал из комнаты. С четверть часа мистер Норрелл сидел, уставившись в одну точку, и хотя Лассельс не верил в колдовство, которое намеревался совершить мистер Норрелл

(а следовательно, и в грозящую ему опасность), он все же порадовался, что не видит картин, проплывающих перед глазами мистера Норрелла.

Затем мистер Норрелл очнулся от забытья, взял пять или шесть книг и принялся их торопливо листать, желая, по-видимому, найти страницы, на которых приведены советы для волшебников, желающих пробудить юных покойниц. Это заняло еще примерно три четверти часа. Наконец за дверью послышались шум и ликующий голос мистера Дролайта:

— …величайшее одолжение! Премного вам обязаны… — Мистер Дролайт, пританцовывая, ворвался в библиотеку. — Все отлично, сэр! Сэр Уолтер вначале отреагировал немного сдержанно, но все уладилось! Он попросил передать, что благодарен вам за участие, но не видит смысла в этой затее. Я ответил, что если он боится огласки, то пусть не беспокоится, ибо мы не желаем ставить его в неловкое положение; мистер Норрелл стремится лишь ему услужить, а мы с Лассельсом будем немы как могила. Он ответил, что ему безразлично чужое мнение, — над министрами всегда смеются, — однако он хотел бы, чтобы мисс Уинтертаун оставили в покое, ибо считает, что так приличнее в ее нынешнем положении.

«Дорогой сэр Уолтер! — вскричал я. — Да как вы можете так говорить? Не хотите же вы сказать, что юная и богатая дама добровольно покинула бы наш мир накануне свадьбы с вами? О сэр Уолтер! — продолжал я. — Даже если вы не верите в магию мистера Норрелла, что за беда, если он хотя бы попытается вернуть к жизни вашу невесту?» Старая леди тут же оценила справедливость этих слов и присовокупила свои доводы к моим. Она рассказала мне о волшебнике, которого знала в детстве, даровитейшем человеке и близком друге их семьи, много лет поддерживавшем жизнь в ее умирающей сестре. Уверяю вас, мистер Норрелл, невозможно выразить благодарность, которую испытывает к вам миссис Уинтертаун. Она просила, чтобы вы приехали немедленно, да и сэр Уолтер сказал, что не видит причины откладывать ваш визит. Поэтому я велел Дэйви ждать у дверей и никуда не отлучаться. О мистер Норрелл, это будет ночь всеобщего примирения! Всякое непонимание, основанное на двух-трех некстати оброненных словах, развеется как дым! Все будет как в шекспировской пьесе!

Мистера Норрелла облачили в плащ и усадили в карету; по изумлению, отразившемуся на его лице, когда дверцы отворились и мистер Дролайт

запрыгнул с одной стороны, а мистер Лассельс — с другой, можно предположить, что решимость этих двух джентльменов сопровождать его на Брунсвик-Сквер стала для мистера Норрелла полной неожиданностью.

Лассельс уселся в карету, фыркая от смеха и говоря, что в жизни не видел ничего более комичного; они похожи на глупцов из старых итальянских или французских сказок, которые в подойниках отправились добывать отражение луны со дна пруда. Замечание это, вероятно, обидело бы мистера Норрелла, будь тот в настроении слушать.

На крыльце дома миссис Уинтертаун собралась небольшая толпа. Двое выбежали к карете, и в свете фонаря над лестницей можно было различить с десяток слуг, собравшихся взглянуть на волшебника, который вернет к жизни их молодую хозяйку. Зная человеческую природу, естественно предположить, что кем-то из них двигало исключительно любопытство. Однако у многих лица были бледные и заплаканные — я полагаю, что их выгнали на темную морозную улицу более благородные чувства.

Один из слуг взял свечу и пошел перед мистером Норреллом и его друзьями, освещая путь,

ибо в доме было темно и холодно. На лестнице они услышали голос миссис Уинтертаун, которая звала сверху:

— Роберт! Роберт! Это мистер Норрелл? О, слава богу, сэр!

Внезапно она появилась в дверном проеме.

— Я боялась, что вы никогда не приедете!

К ужасу мистера Норрелла, она взяла его руки в свои и, сжимая их, молила его применить самые действенные чары, чтобы вернуть мисс Уинтертаун к жизни. Пусть он не думает о деньгах и называет любую сумму! Лишь бы он сказал, что вернет к жизни ее дорогое дитя! Пусть он немедля это пообещает!

Мистер Норрелл прочистил горло и наверняка пустился бы в пространное и скучное рассуждение о философии современной магии, однако Дролайт проскочил вперед и, схватив миссис Уинтертаун за руки, спас обоих.

— Умоляю, сударыня, — воскликнул он, — успокойтесь! Мистер Норрелл приехал, и мы сделаем все, что в его силах. Он просит вас более не упоминать о деньгах. Все, что он совершит сегодня, будет сделано во имя дружбы… — Здесь мистер Дролайт приподнялся на цыпочки и, вытянув шею, взглянул через плечо миссис Уинтертаун

туда, где стоял сэр Уолтер Поул.

Сэр Уолтер только что поднялся с кресла и стоял в некотором отдалении, разглядывая новоприбывших. В свете свечей видны были его бледность, ввалившиеся глаза и заострившиеся черты. Обычная вежливость требовала, чтобы он подошел и заговорил с гостями, однако сэр Уолтер не трогался с места.

Мистер Норрелл замешкался в дверях; он явно не хотел идти дальше, пока не побеседует с сэром Уолтером.

— Но мне надо поговорить с сэром Уолтером! Всего несколько слов сэру Уолтеру! Я сделаю все, что в моих силах, сэр Уолтер! — кричал он. — Поскольку молодая особа… гм… не так давно покинула наш мир, могу сказать, что ситуация обнадеживающая. Да, думаю, можно сказать, что ситуация внушает надежды. Теперь я пойду, сэр Уолтер, и сделаю все, что в моих силах. Надеюсь, в скором времени я смогу сообщить вам добрую весть!

Все те заверения, о которых молила — и которых не получила — миссис Уинтертаун, мистер Норрелл рвался изложить сэру Уолтеру, явно не желавшему их слушать. Из безопасного далека сэр Уолтер безучастно кивнул, а когда мистер

Норрелл все равно не ушел, выкрикнул хрипло: «Спасибо! Спасибо!» Губы его странным образом искривились. Возможно, это должно было изображать улыбку.

— Я бы всем сердцем желал, сэр Уолтер, — воскликнул мистер Норрелл, — пригласить вас с собой и показать все, что я буду делать, однако особая природа этого конкретного волшебства требует полного одиночества. Надеюсь, у меня еще будет случай продемонстрировать вам свою магию.

Сэр Уолтер отвесил легкий поклон и отвернулся.

Миссис Уинтертаун в этот момент говорила со своим слугой Робертом, и Дролайт, воспользовавшись тем, что никто не обращает на них внимания, подбежал к мистеру Норреллу и лихорадочно зашептал ему в ухо:

— Нет-нет, сэр! Не отсылайте их! Я советую собрать у кровати как можно больше народа. Это, я уверяю вас, лучшая гарантия того, что ваши сегодняшние свершения утром станут известны всему городу. И не бойтесь небольшой суматохи, чтобы привлечь внимание слуг, — ваши лучшие заклинания, пожалуйста! Ах, какой же я тупица! Надо было прихватить опия, чтобы бросить в

камин! У вас ведь, наверное, с собой нет?

Мистер Норрелл не ответил и только попросил, чтобы его без промедления провели к мисс Уинтертаун.

Хотя волшебник ясно дал понять, что хочет подняться к ней один, мистер Дролайт и мистер Лассельс не могли бросить дорогого друга перед лицом такого испытания, и Роберту пришлось проводить на второй этаж всех троих.

8. Джентльмен с волосами, как пух на отцветшем чертополохе

Октябрь 1807 года

В комнате никого не было.

То есть не совсем так. На кровати лежала мисс Уинтертаун, однако сложно сказать с точки зрения философии, была она «кто-то» или «никто».

Ее обрядили в белое платье, надели на шею серебряную цепочку, прекрасные волосы расчесали и уложили, а в уши вставили серьги с гранатами и жемчугами. Впрочем, крайне маловероятно, чтобы мисс Уинтертаун сейчас это заботило. Слуги зажгли свечи, в камине развели жаркий огонь, а комнату убрали розами, источающими сладостное благоухание, но мисс Уинтертаун с тем же спокойствием лежала бы сейчас в самой вонючей лондонской каморке.

— Говорите, она была вполне ничего? — спросил мистер Лассельс.

— Вы ее не видели?! — изумился Дролайт. — О да, она была небесное создание. Совершенно божественна. Ангел красоты.

— Вот как? А сейчас такая дурнушка! Я по-

советую знакомым красивым барышням не умирать. — Мистер Лассельс наклонился чуть ближе. — Ей закрыли глаза.

— Ее глаза являли собой само совершенство, — сказал Дролайт, — ясные, серые, с длинными темными ресницами. Жаль, что вы ее не видели, — она была как раз в вашем вкусе. — Он повернулся к мистеру Норреллу. — Ну, сэр, готовы приступить?

Мистер Норрелл сидел в кресле возле камина. Решимость, с которой он вошел в дом, улетучилась; он сидел, опустив голову, и вздыхал; взгляд его был прикован к ковру. Мистер Лассельс и мистер Дролайт смотрели на него с интересом, свойственным их натуре, то есть мистер Дролайт — в радостном предвкушении, мистер Лассельс — с ироничным скепсисом. Мистер Дролайт почтительно отступил от кровати на несколько шагов, дабы мистер Норрелл мог без помех к ней подойти, а мистер Лассельс прислонился к стене и сложил руки на груди (поза, которую он часто принимал в театре).

Мистер Норрелл вновь тяжело вздохнул:

— Мистер Дролайт, я уже сказал, что этот конкретный вид магии требует полнейшего одиночества, а посему должен просить, чтобы вы

подождали меня внизу.

— Ах, сэр! — возразил Дролайт. — Разумеется, такие близкие друзья, как Лассельс и я, не могут быть вам помехой! Мы будем тихи как мыши! Через две минуты вы позабудете, что мы здесь. И должен сказать, что считаю наше присутствие абсолютно необходимым! Кто завтра утром поведает миру о ваших свершениях, если не мистер Лассельс и я? Кто опишет несказанное величие мига, когда ваше волшебство воскресит молодую особу из мертвых? Или нестерпимую горечь вашего поражения? Сами знаете, сэр, вы не сумеете сделать это и вполовину так хорошо, как мы.

— Возможно, — отвечал мистер Норрелл. — Однако то, что вы предлагаете, абсолютно невозможно. Я не стану начинать, *не могу* начать, пока вы не покинете комнату.

Бедный Дролайт! Он не мог заставить волшебника приступить к колдовству против его воли, но ждать чуда столь долго и не увидеть — это ли не худшее из наказаний! Казалось, он не снесет удара. Даже мистер Лассельс был немного разочарован — он рассчитывал увидеть что-нибудь комичное.

Когда они ушли, мистер Норрелл устало поднялся со стула и взял книгу, которую привез с

собой. Он открыл ее на странице, заложенной письмом, пристроил на туалетном столике, чтобы при необходимости свериться с текстом, и начал наизусть читать заклинание.

Оно подействовало почти мгновенно: что-то зеленое появилось там, где ничего зеленого не было, и в комнате повеяло свежим ароматом полей и рощ. Мистер Норрелл умолк.

Кто-то стоял посреди комнаты: высокий, очень красивый джентльмен с бледной кожей и волосами прозрачными, как пух на отцветшем чертополохе. Под темными бровями вразлет блестели холодные синие глаза. Одет он был в точности как мистер Норрелл, только сюртук на нем был зеленый-презеленый, цвета весенней листвы.

– *О Lar!* — начал мистер Норрелл дрожащим голосом. — *О Lar! Magnum opus est mihi tuo auxilio. Haec virgo mortua est et familia eius eam vitae redire vult*[19].

[19] Примечания: 19

О дух! Я очень нуждаюсь в твоей помощи. Дева сия умерла, и семья желает возвратить ее к жизни *(лат.)*.

Мистер Норрелл указал на тело.

При виде мисс Уинтертаун джентльмен с волосами как пух чрезвычайно взволновался. Он раскинул руки в жесте приятного изумления и быстро-быстро заговорил на латыни. Мистер Норрелл, который привык видеть латынь в рукописях или книгах, обнаружил, что не понимает ее в столь беглой речи, хотя ему удалось узнать несколько слов, например *«formosa»* и *«venusta»*, описывающих женскую красоту.

Мистер Норрелл подождал, когда джентльмен умерит свои восторги, и указал тому на зеркало над камином. В нем появилось изображение мисс Уинтертаун, бредущей по узкой каменистой тропе средь бесприютных гор.

– *Ecce mortua inter terram et caelum!* — объявил мистер Норрелл. — *Scito igitur, O Lar, me ad hanc magnam operam te elegisse quia…*[20]

— Да, да! — вскричал джентльмен, внезапно переходя на английский. — Ты призвал *меня*, потому что мне нет равных. Потому что я был слугой и близким другом Томаса Годблесса, Ральфа Стокси, Мартина Пейла и Короля-ворона. Потому что я доблестен, учтив, щедр и прекрасен, как

[20] Примечания: 20

Вот умершая между небом и землей! Знай же, о дух, что я избрал тебя для этого великого дела, ибо… *(лат.)*

ясный день! Это все понятно! Безумием было бы вызвать кого-либо другого! Мы оба знаем, кто *я*. Вопрос в другом: кто *ты*?

— Я? — потрясенно переспросил мистер Норрелл. — Я — лучший из ныне живущих волшебников!

Джентльмен выгнул одну идеальную бровь, выражая крайнее изумление. Он обошел мистера Норрелла, разглядывая его со всех сторон. Затем самым бесцеремонным образом он сорвал с мистера Норрелла парик и заглянул под него, как если бы мистер Норрелл был котелком на плите, а джентльмен желал узнать, что сегодня на обед.

— Я… я — человек, которому предначертано возродить английскую магию! — выговорил мистер Норрелл, выхватывая парик и нахлобучивая себе на голову.

— Очевидно, так оно и есть, — сказал джентльмен, — иначе бы меня здесь не было! Ты же не думаешь, что я стал бы тратить время на грошового подзаборного чародея? Однако *кто* ты? Вот что я желаю знать. Какой магией ты владеешь? Кто был твоим наставником? Какие волшебные земли ты посетил? Каких врагов поверг? Кто твои союзники?

Мистер Норрелл опешил от такого количества

вопросов. Он долго мялся, прежде чем ответить на тот единственный, по которому мог хоть что-то сказать.

— У меня не было наставника. Я учился сам.

— Как?

— По книгам.

— По книгам! — (Тоном крайнего презрения.)

— Да, конечно. Сейчас в книгах много магии. Разумеется, значительная часть — полнейшая ерунда. Мне ли не знать, сколько чепухи печатают в книгах. Однако много и полезного; удивительно, как, поучившись немного, начинаешь видеть…

Мистер Норрелл чуть воодушевился, но джентльмен с волосами как пух явно предпочитал слушать самого себя.

— Так я первый из моего племени, кого ты видишь?

— О да!

Ответ, по-видимому, угодил джентльмену с волосами как пух, и тот улыбнулся:

— Итак! Что я получу в награду, если соглашусь вернуть к жизни эту молодую особу?

Мистер Норрелл прочистил горло.

— Нельзя ли уточнить?.. — севшим голосом проговорил он.

— О! Это легко согласовать! — вскричал джентльмен с волосами как пух. — Мои пожелания в высшей степени скромны. К счастью, я совершенно свободен от алчности и честолюбия. Собственно, ты убедишься, что мое предложение куда выгоднее тебе, нежели мне, — такова уж моя бескорыстная натура! Я просто хочу помогать тебе во всех начинаниях, советовать во всех делах и руководить всеми твоими изысканиями. Ну и тебе придется поведать всему миру, что всеми своими успехами ты обязан главным образом мне!

Норрелл немного сник. Он кашлянул и пробормотал кое-что о великодушии джентльмена.

— Будь я из тех, кто стремится переложить все обязанности на других, я бы охотно принял твое предложение. Однако, увы… боюсь… Короче, я не намерен впредь прибегать к твоим услугам или к услугам кого-либо из твоего племени.

Долгое молчание.

— Какая неблагодарность! — холодно объявил джентльмен. — Я взял на себя труд нанести тебе визит. Я терпеливо внимал твоим скучным рассуждениям. Я закрыл глаза на твое невежество в области магического этикета. А теперь ты отвергаешь мою помощь. Другие волшебники пошли

бы на любые мучения, чтобы заручиться моей поддержкой. Возможно, мне следует поговорить с другим. Возможно, он лучше тебя понимает, как обращаться к особе моего ранга. — Джентльмен оглядел комнату. — Я не вижу его. Где он?

— Кто?

— Другой.

— Другой кто?

— Волшебник.

— Волше… — Мистер Норрелл осекся. — Нет-нет! Нет никакого другого волшебника! Я — единственный. Уверяю тебя. С чего ты взял, будто…

– *Разумеется,* есть другой волшебник! — объявил джентльмен, как будто мистер Норрелл отрицает очевидный факт. — Он твой ближайший друг!

— У меня нет друзей, — сказал мистер Норрелл.

Он был крайне озадачен. О ком говорит дух? Чилдермасс? Лассельс? *Дролайт?*

— У него рыжие волосы и длинный нос. И он очень самоуверен — как все англичане! — объявил джентльмен с волосами как пух.

Подсказка не помогла. Чилдермасс, Лассельс и Дролайт все были очень самоуверенны, а Чилдермасс и Лассельс еще и длинноносы, но ни у

одного из них не было рыжих волос. Мистер Норрелл, так ничего и не поняв, со вздохом вернулся к насущному вопросу.

— Ты не станешь мне помогать? — спросил он. — Не вернешь молодую даму из мертвых?

— Я этого не говорил! — произнес джентльмен с волосами как пух, словно недоумевая, отчего мистеру Норреллу пришла в голову такая мысль. — Должен признаться, за последние столетия мне несколько прискучило общество родных и слуг. Мои сестры и кузины, при всех своих достоинствах, не лишены некоторых изъянов. Они, как ни горько заметить, хвастливы, тщеславны и заносчивы. Эта молодая дама, — он указал на мисс Уинтертаун, — обладала ли она всеми положенными достоинствами? Была ли она изящна? Остроумна? Переменчива? Исполнена жизни? Танцевала, как солнечный луч? Скакала на лошади, как ветер? Пела, как ангел? Вышивала, как Пенелопа? Говорила по-французски, по-итальянски, по-немецки, знала бретонский, валлийский и множество других языков?

Норрелл предположил, что именно так оно и было. В его представлении именно таким вещам обучали современных барышень.

— Тогда она будет для меня очаровательной

спутницей! — воскликнул джентльмен с волосами как пух, хлопая в ладоши.

Мистер Норрелл нервно облизнул губы.

— Что именно ты предлагаешь?

— Отдай мне половину ее жизни, и по рукам.

— Половину ее жизни? — переспросил мистер Норрелл.

— Половину, — повторил джентльмен с волосами как пух.

— Однако что скажут друзья мисс Уинтертаун, когда узнают, что я отдал половину ее жизни? — спросил мистер Норрелл.

— О! Они не узнают. Можешь на меня положиться, — сказал джентльмен. — Кроме того, посуди сам, сейчас у нее нет и этого. Половина жизни лучше, чем ничего.

Трудно было не согласиться. За половину жизни мисс Уинтертаун успеет стать женой сэра Уолтера и спасти его от разорения. Сэр Уолтер останется министром и сможет поддержать планы мистера Норрелла по возрождению английской магии. Однако мистер Норрелл читал о сделках других английских чародеев с духами и очень хорошо знал, насколько коварны волшебные существа. Ему казалось, что он угадал, в чем подвох.

— Сколько длится жизнь? — спросил он.

Джентльмен с волосами как пух вскинул руки в жесте предельной искренности:

— Сколько бы ты хотел?

Мистер Норрелл задумался.

— Предположим, что она бы дожила до девяноста четырех. Девяносто четыре года — вполне преклонный возраст. Сейчас ей девятнадцать. Остается семьдесят пять лет. Если ты подаришь ей еще семьдесят пять лет, я не вижу причины, почему бы тебе не забрать половину.

— Значит, семьдесят пять, — согласился джентльмен с волосами как пух. — И ровно половина принадлежит мне.

Мистер Норрелл нервно поднял глаза.

— Должны ли мы сделать что-нибудь еще? — спросил он. — Что-нибудь подписать?

— Нет, но я должен взять у леди какой-то залог.

— Возьми кольцо, — предложил мистер Норрелл. — Или цепочку с шеи. Уверен, что смогу объяснить их отсутствие.

— Нет, — сказал джентльмен с волосами как пух. — Это должно быть что-то… А! Придумал!

Дролайт и Лассельс сидели в гостиной, в которой мистер Норрелл и сэр Уолтер Поул виделись

в первый раз. Огонь в камине еле теплился, свечи почти догорели. Занавеси на окнах были не задернуты, ставни — открыты. Стук дождя по стеклам нагонял тоску.

— Самая ночь, чтобы воскрешать мертвецов, — заметил мистер Лассельс. — Дождь, ветки хлещут по стеклам, ветер завывает в каминной трубе — все необходимые сценические атрибуты. Я порою балуюсь написанием пьес, — может быть, сегодняшние события снова меня вдохновят. Это будет трагикомедия: обедневший министр пытается поправить свое состояние всеми средствами, начиная с брака по расчету и заканчивая колдовством. Думаю, публике понравится. Озаглавлю «Как жаль ее покойницей назвать».

Лассельс выдержал паузу, чтобы Дролайт посмеялся его остроте, но тот, расстроенный тем, что волшебник не дал ему посмотреть колдовство, сказал только:

— Как вы думаете, куда все запропастились?

— Не знаю.

— После всего, что мы с вами для них сделали, они могли бы вести себя и полюбезнее! Всего полчаса назад они рассыпались в благодарностях, и вот уже мы позабыты! Заметьте, с тех пор, как мы здесь, нам не предложили даже кусочек кекса.

Разумеется, для обеда сейчас поздновато, хотя я, например, умираю с голоду! — Он помолчал. — Да и огонь в камине почти потух.

— Подбросьте угля, — предложил Лассельс.

— Да? И перепачкать себе костюм?

Свечи догорали одна за другой, огонь в камине угасал с каждой минутой. Венецианские пейзажи по стенам превратились в черные квадраты на фоне чуть менее густой черноты. Довольно долго оба джентльмена сидели в молчании.

— Часы пробили половину второго! — внезапно воскликнул Дролайт. — Какой зловещий звук! Уф! В романах все страшное начинается с того, что звонит колокол или часы бьют в темном доме!

— Не припомню, чтобы нечто ужасное случилось в половине второго, — отвечал Лассельс.

В этот миг послышались шаги на лестнице, затем в коридоре. Дверь распахнулась, на пороге стоял кто-то со свечой в руке.

Дролайт схватил кочергу.

Однако это был мистер Норрелл.

— Не пугайтесь, мистер Дролайт. Бояться нечего.

И все же лицо мистер Норрелла, когда тот поднял подсвечник, свидетельствовало об обратном; оно было бледным, в расширенных глазах угады-

вался пережитый ужас.

— Где сэр Уолтер? — спросил он. — Где остальные? Мисс Уинтертаун зовет матушку.

Мистеру Норреллу пришлось дважды повторить последнюю фразу, прежде чем до собеседников дошел смысл его слов.

Лассельс быстро заморгал и открыл рот, словно от изумления, но тут же оправился, снова его закрыл и тут же принял надменное выражение, которое и сохранял до конца ночи, как будто регулярно посещает дома, где воскрешают молодых леди, и находит сегодняшний случай довольно заурядным. Дролайту тем временем надо было сказать тысячу разных вещей, и он сказал их все, хотя, боюсь, никто не удосужился в них вникнуть.

Дролайта и Лассельса послали за сэром Уолтером. Затем сэр Уолтер сходил за миссис Уинтертаун, и мистер Норрелл повел ее, рыдающую и дрожащую, в комнату дочери. Тем временем новость о воскрешении мисс Уинтертаун распространилась по дому; слуги, услышав ее, преисполнились радости и благодарности мистеру Норреллу, мистеру Дролайту и мистеру Лассельсу. Дворецкий и двое лакеев подошли к мистеру Дролайту и мистеру Лассельсу и сказа-

ли, что, если когда-либо мистеру Дролайту или мистеру Лассельсу потребуется их скромная помощь, пусть только скажут.

Мистер Лассельс шепнул мистеру Дролайту на ухо, что, оказывается, добрые дела чреваты фамильярным обращением большого количества мужланов и он постарается их больше не совершать. По счастью, мужланы так радовались, что не заметили его досады.

Вскоре стало известно, что мисс Уинтертаун встала с постели и, опираясь на руку мистера Норрелла, вышла в гостиную, где села в кресло у камина и попросила чаю.

Дролайта и Лассельса пригласили в уютную маленькую гостиную, где они нашли мисс Уинтертаун, ее мать, сэра Уолтера, мистера Норрелла и нескольких слуг.

Миссис Уинтертаун и сэр Уолтер выглядели так, будто это они за ночь посетили несколько потусторонних миров, такие серые и осунувшиеся были у них лица; миссис Уинтертаун плакала, а сэр Уолтер время от времени проводил рукой по бледному лбу как человек, которому приснился кошмарный сон.

Мисс Уинтертаун, наоборот, казалась весьма спокойной и собранной, словно провела весь ве-

чер в кругу семьи. Она была в том самом изящном платье, в котором Дролайт и Лассельс видели ее в последний раз. Она поднялась и улыбнулась Дролайту:

— Мы с вами едва знакомы, сэр, но мне сказали, как многим я вам обязана. Боюсь, мой долг вам неоплатен. То, что я здесь, во многом результат ваших усилий и настойчивости. Спасибо, сэр. Большое, огромное спасибо.

И она протянула ему обе руки.

— Ах, сударыня! — вскричал Дролайт, рассыпаясь в поклонах и улыбках. — Поверьте, для меня было величайшей че…

Он осекся и на мгновение замолчал.

— Сударыня? — Дролайт коротко, смущенно хохотнул (что само по себе было ему несвойственно).

Не выпуская пальцев мисс Уинтертаун, он огляделся, словно ища кого-нибудь, кто сможет ему помочь, потом поднял ее руку и показал девушке. Та ничуть не испугалась, но явно удивилась; она повернула ладонь так, чтобы увидела мать.

У нее недоставало мизинца на левой руке.

9. Леди Поул

Октябрь 1807 года

Как было замечено (дамой бесконечно более умной, нежели автор этих строк), мир благорасположен к тем, кто женится или умирает в юные лета. Вообразите же интерес к мисс Уинтертаун! Ни одной юной леди еще не удавалось умереть во вторник, воскреснуть в ночь на среду и выйти замуж в четверг; некоторые даже считали, что для одной недели волнующих событий многовато.

Все желали видеть счастливицу. Большинство слышало только, что при переходе из нашего мира в иной и обратно она лишилась мизинца. Всех занимало: изменилась ли она в чем-нибудь еще? Об этом слухи умалчивали.

В среду (наутро после счастливого оживления) все главные участники событий, как сговорившись, хранили молчание; визитеры, прибывшие на Брунсвик-Сквер, узнали только, что мисс Уинтертаун и ее матушка отдыхают; на Ганновер-Сквер прислуга давала такой же ответ: мистер Норрелл очень утомился и не может никого принять; что же до сэра Уолтера Поула, то его местопребывание выяснить не могли (хоть

и подозревали, что он у миссис Уинтертаун на Брунсвик-Сквер). Если бы не мистер Дролайт и мистер Лассельс (всеобщие благодетели!), город так и прозябал бы в мучительном неведении. Без устали разъезжали они по Лондону и успели за одно утро посетить бесчисленное множество гостиных. Невозможно сказать, сколько приглашений на обед получил мистер Дролайт в тот день — счастье, что он никогда не был усердным едоком, а то не миновать бы ему расстройства пищеварения. Пятьдесят или более раз он описывал, как после воскрешения мисс Уинтертаун рыдал вместе с ее матушкой, как сэр Уолтер Поул пожал ему руку со словами самой искренней признательности; как он умолял сэра Уолтера не благодарить его и как миссис Уинтертаун настояла, чтобы их с мистером Лассельсом отвезли домой в ее собственной карете.

Сэр Уолтер Поул вышел от миссис Уинтертаун примерно в семь часов утра, отправился к себе и лег спать, однако около полудня (как и предполагали лондонцы) вернулся на Брунсвик-Сквер. (Удивительно, сколько знают о нас соседи!) К этому времени миссис Уинтертаун уже поняла, что ее дочь в некотором роде знаменитость. Помимо визитных карточек, которые посетители

оставляли в прихожей, каждый час приносили множество писем с поздравлениями мисс Уинтертаун, в том числе от людей, о которых миссис Уинтертаун никогда не слышала. «Дражайшая сударыня, — писал один из них, — желаю вам поскорее стряхнуть уныние, навеянное мрачной сенью, которую вам пришлось посетить».

То, что незнакомые люди считают себя вправе высказываться по столь личным вопросам, как смерть и воскрешение, и выражают свое любопытство и догадки в письмах к ее дочери, вызвало крайнее неудовольствие миссис Уинтертаун. У нее накопилось немало возмущенных слов по поводу этих дурно воспитанных особ, и сэр Уолтер, прибыв на Брунсвик-Сквер, вынужден был выслушать их все.

— Мой совет, мэм, — сказал он, — больше о них не думать. Мы, политики, знаем, что лучшее средство против наглецов — достоинство и молчание.

— Ах! Сэр Уолтер! — воскликнула его будущая теща. — Отрадно видеть, что наши мнения так часто совпадают! Достоинство и молчание. Да, да! Чем меньше мы будем говорить о страданиях бедной Эммы, тем лучше. С завтрашнего дня я намерена никогда их больше не упоминать.

— Я бы не стал заходить так далеко, — промолвил сэр Уолтер, — поскольку мы не должны забывать про мистера Норрелла. В его лице мы всегда будем иметь живое напоминание о случившемся. Боюсь, нам часто придется его видеть — после услуги, которую он нам оказал, мы обязаны проявлять к нему всяческое внимание. — Он помолчал и добавил, дернувшись некрасивым лицом: — По счастью, мистер Норрелл любезно дал понять, в какой форме *я* могу вернуть ему долг.

Сэр Уолтер имел в виду разговор, который произошел в пятом часу утра, когда мистер Норрелл поймал сэра Уолтера на лестнице и долго излагал ему свои планы победить французов при помощи волшебства.

Миссис Уинтертаун ответила, что, разумеется, рада будет окружить мистера Норрелла особым вниманием; пусть все видят, как высоко она его ценит. Помимо его исключительных магических способностей — которые, сказала миссис Уинтертаун, нет надобности упоминать в этом доме, — он милейший старый джентльмен.

— Да, конечно, — сказал сэр Уолтер. — Однако сейчас наша главная забота — чтобы мисс Уинтертаун не переутомилась. Именно об этом

я и хотел с вами поговорить. Не знаю, как вам, но мне кажется разумным отложить свадьбу на неделю-другую.

Миссис Уинтертаун не могла одобрить такой план; все приготовления к свадебному обеду уже сделаны. Супы, заливное, вареное мясо, соленая осетрина — неужто дать всему этому испортиться, а через неделю готовить снова? Сэр Уолтер не мог ничего ответить по поводу домашнего хозяйства и предложил спросить мисс Уинтертаун, чувствует ли она в себе силы для завтрашней церемонии.

Они встали с кресел в холодной гостиной, поднялись к мисс Уинтертаун на второй этаж и задали ей этот вопрос.

— О! — воскликнула она. — Я чувствую себя как нельзя лучше. Спасибо. Я уже выходила погулять. Я редко гуляю, однако сегодня дом показался мне тюрьмой. Меня неудержимо тянуло на улицу.

Сэр Уолтер встревожился.

— Было ли это разумно? — обратился он к миссис Уинтертаун. — Стоило ли это делать?

Миссис Уинтертаун открыла было рот, но дочь ее со смехом воскликнула:

— О! Мама ничего не знала, уверяю вас. Когда я вышла, она спала. Со мной пошла Барнард. И я

обошла Брунсвик-Сквер двадцать раз. Двадцать! Ну может ли что-нибудь быть смешнее? Но мне так хотелось двигаться! Я бы побежала, если бы это было возможно, но в Лондоне, сами понимаете… — Она рассмеялась. — Я хотела идти дальше, но Барнард не позволила. Она все боялась, что я упаду в обморок, поэтому не разрешала отходить далеко от дому.

Мать и жених в изумлении вытаращили глаза. Это была, помимо прочего, самая длинная речь, какую сэр Уолтер когда-либо слышал от своей невесты. Мисс Уинтертаун сидела очень прямо, глаза ее сверкали, щеки разрумянились — воплощение здоровья и красоты. Она говорила так быстро и с таким выражением, выглядела настолько веселой и оживленной, как будто мистер Норрелл не только вернул ее к жизни, но и добавил ей сил вдвое или втрое супротив прежнего.

Это было очень странно.

— Конечно, — сказал сэр Уолтер, — если вы чувствуете себя в силах совершать моцион, то никто не должен вам препятствовать — ничто лучше моциона не поможет вам сохранить здоровье и силы. Однако, возможно, вам покамест не следует выходить из дому, никого не предупредив. Вам нужен кто-то понадежнее Барнард. С завтрашне-

го дня я буду сам сопровождать вас на прогулках.

— Однако вам будет некогда, сэр Уолтер, — напомнила девушка. — Вы будете заняты государственными делами.

— Да, но…

— О! Я знаю, что вы будете постоянно в делах и мне не следует рассчитывать на ваше время.

Она с таким бодрым самоотречением принимала грядущее невнимание мужа, что он хотел было возразить, однако справедливость ее слов заставила его закрыть рот. С первой встречи на водах в доме леди Уинзелл он был глубоко потрясен ее красотой и сразу преисполнился желанием не только жениться на ней как можно скорее, но поближе свести знакомство — поскольку начал подозревать, что, помимо меркантильного интереса, она может стать ему прекрасной женой. Сэр Уолтер рассчитывал, что часа или чуть больше хватит, дабы заложить основы гармонии и взаимопонимания, которые составляют основу счастливого брака, и надеялся, что такие встречи вскоре докажут совпадение их вкусов и увлечений. Некоторые ее слова подогревали его надежды. И будучи мужчиной — умным мужчиной сорока двух лет, — он, естественно, накопил множество сведений и мнений, которыми охотно

бы поделился с очаровательной девятнадцатилетней особой и которые, он полагал, смогут ее заинтересовать. Однако, учитывая его занятость и ее слабое здоровье, им ни разу не удалось поговорить по душам. А теперь она сказала, что так, по ее мнению, будет и после свадьбы, — сказала без всякой горечи. Ее словно даже позабавило, что он самообольщается на сей счет.

К сожалению, он уже опаздывал на встречу с министром иностранных дел, поэтому взял руку мисс Уинтертаун (ее целую, правую руку) и галантно поцеловал, сказав, что с нетерпением ждет завтрашнего дня, который сделает его счастливейшим человеком на свете; затем вежливо — со шляпой в руках — выслушал короткую речь миссис Уинтертаун и вышел из дому с намерением тщательно обдумать этот вопрос — как только выдастся время.

Бракосочетание и впрямь прошло на следующее утро в церкви Святого Георгия на Ганновер-Сквер. На церемонии присутствовали почти все министры его величества, два или три герцога из числа младших королевских детей, полдюжины адмиралов, епископ и несколько генералов. Увы, как ни важны были эти достойные мужи для блага и процветания Англии, в день свадьбы мисс

Уинтертаун и Уолтера Поула в их сторону никто даже не поглядел. На кого все смотрели, на кого с тихим шепотом украдкой показывали соседям, так это на волшебника, мистера Норрелла.

10. Трудно подыскать занятие для волшебника

Октябрь 1807 года

Сэр Уолтер намеревался вводить тему волшебства постепенно, чтобы приучить министров к самой мысли, прежде чем вынести на их суд предложения мистера Норрелла. Он боялся, что мистер Каннинг иронически скривит губы, лорд Каслри сделает непроницаемое лицо, а граф Чатемский совершенно растеряется.

Опасения эти оказались совершенно беспочвенны. Министры, как вскоре выяснилось, были заинтригованы не меньше остального Лондона. В следующий раз, когда кабинет собрался в Бер-

лингтон-хаусе[21], они сами объявили о своем желании прибегнуть к услугам единственного английского волшебника. Правда, никто не знал, что с ним делать. Прошло почти двести лет с тех пор, как английское правительство последний раз обращалось к волшебнику, и все уже успели немного отвыкнуть.

– *Моя* главная забота, — объяснил лорд Каслри, — сыскать рекрутов для армии. Задача, уверяю вас, почти невыполнимая; британцы — исключительно невоинственная нация. Однако я возлагаю большие надежды на Линкольншир; говорят, тамошние свиньи особенно хороши, и те, кто питается их мясом, отличаются здоровьем и крепостью. Вот если бы кто-нибудь навел чары на Линкольншир, чтобы три-четыре тысячи

[21] Примечания: 21

Берлингтон-хаус на Пиккадилли был лондонской резиденцией герцога Портлендского, первого лорда казначейства (которого многие сегодня на французский манер именуют премьер-министром). Дом был воздвигнут в то время, когда английская знать не боялась соперничать с монархом в проявлении могущества и богатства, и по красоте не имел равных в столице. Что до самого герцога, он был достойнейшим пожилым джентльменом, но не соответствовал ничьим представлениям о премьер-министре. Он был очень болен и стар. В описываемый день он лежал в занавешенной комнате в дальнем конце дома, накачанный лауданумом, и потихонечку умирал. Он не приносил никакой пользы стране и почти никакой — министрам. Единственным достоинством его правления была возможность собирать заседания кабинета в роскошном особняке на Пиккадилли и время от времени гонять великолепно вышколенных слуг в погреб. (У министров от управления Британией постоянно пересыхало горло.)

молодых людей разом преисполнились желания пойти в солдаты и сражаться с французами. — Он с надеждой глянул на сэра Уолтера. — У вашего друга нет такого заклинания, а, сэр Уолтер?

Сэр Уолтер не знал, но пообещал спросить мистера Норрелла.

В тот же день сэр Уолтер навестил мистера Норрелла и передал ему вопрос министра. Мистер Норрелл пришел в восторг. Он полагал, что никто прежде не предлагал такого волшебства, и просил сэра Уолтера поздравить лорда Каслри со столь свежей идеей. Что до возможности такого заклятья:

— Труднее всего будет ограничить его действие Линкольнширом — и молодыми людьми. Есть опасность, что, если мы добьемся успеха — а я льщу себе мыслью, что так оно и будет, — Линкольншир и несколько соседних графств могут совершенно обезлюдеть.

Сэр Уолтер возвратился к лорду Каслри с отрицательным ответом.

Следующая идея, которую предложили министры, понравилась мистеру Норреллу еще меньше. Воскрешение леди Поул потрясло каждого лондонца, не исключая и членов кабинета. Лорд Каслри начал с того, что спросил других

министров, кого Наполеон Бонапарт страшился больше всего на свете? Кто заранее знал каждый шаг корсиканца? Кто нанес французам столь сокрушительное поражение, что они носа не смели показать в море? Кто объединил в себе все достоинства, присущие англичанину? Кто, как не лорд Нельсон? Ясно, что первым делом надо воскресить лорда Нельсона. Лорд Каслри попросил у сэра Уолтера прощения, — может быть, он чего-то не понимает, — но какого дьявола они мешкают?

На это мистер Каннинг, человек решительный и склочный, ответил, что, конечно, гибель лорда Нельсона — большая утрата. Нельсон был национальным героем, и лорд Каслри нимало не преувеличил его заслуги… Однако, без всякого неуважения к флоту — славнейшей из британских институций, — Нельсон был всего лишь моряком, а покойный мистер Питт — всем[22]. Если кого из мертвецов и надо возвращать к жизни, то, без сомнения, Питта.

Лорд Чатем (брат покойного мистера Питта),

---

[22] Примечания: 22

Уильям Питт Младший (1759–1806). Вряд ли Англия когда-нибудь увидит такого государственного мужа, ибо он стал премьер-министром в двадцать четыре года и, не считая короткого трехлетнего перерыва, руководил страной до самой смерти.

естественно, поддержал эту идею, но спросил, зачем выбирать — почему бы не воскресить и Питта, и Нельсона? Как он понимает, речь лишь о том, чтобы заплатить волшебнику дважды, и тут ведь никто возражать не будет?

Тогда другие министры начали предлагать своих кандидатов на воскрешение, и уже казалось, что в ближайшее время половина склепов в Англии опустеет. Очень скоро они составили длинный список и, как всегда, заспорили.

— Так не пойдет, — сказал сэр Уолтер. — Мы должны с кого-нибудь начать. Полагаю, каждый из нас обязан своим нынешним положением дружбе мистера Питта. Было бы несправедливо уступить первенство кому-то другому.

За Норреллом отправили посыльного. Волшебника провели в великолепную гостиную, где заседали министры. Сэр Уолтер сказал ему, что они хотели бы совершить еще одно воскрешение.

Мистер Норрелл побледнел и забормотал, что особое отношение к сэру Уолтеру заставило его прибегнуть к весьма нежелательному роду волшебства — министры явно не понимают, о чем просят.

Однако, когда мистер Норрелл понял, *о ком*

речь, он заметно приободрился и полюбопытствовал о состоянии *тела*.

Министры подумали, что мистер Питт умер более двух лет назад и, при всей преданности покойному премьеру, они не хотели бы увидеть его в нынешнем состоянии. Лорд Чатем (брат мистера Питта) печально заметил, что бедный Уильям, наверное, уже в значительной степени разложился.

Тема была закрыта.

Неделей или двумя позже лорд Каслри предложил отправить мистера Норрелла в Нидерланды или в Португалию, где мистер Норрелл мог бы творить волшебство под руководством генералов и адмиралов. Для рекогносцировки на Ганновер-Сквер отрядили сухопутно-морской экспедиционный корпус в составе адмирала Пейкока (старого краснолицего морского волка) и Харкорт-Брюса (капитана 20-го легкого драгунского полка).

Капитан Харкорт-Брюс был не только красив, решителен и смел, но и романтичен. Возрождение волшебства в Англии привело его в неописуемый трепет. Он любил увлекательное чтение — его голова была забита древними историями, в которых англичане, теснимые превосходящи-

ми силами французов, внезапно слышали звук странной, неземной музыки; на вершине холма возникал Король-ворон в высоком черном шлеме с плюмажем из вороновых перьев и во весь опор устремлялся вниз на высоком вороном скакуне, а за ним мчали сто рыцарей-людей и сто рыцарей-эльфов, неся англичанам победу.

Так капитан Харкорт-Брюс представлял себе волшебника. *Что-то такое*, в его воображении, должен был явить мистер Норрелл на полях нынешних сражений. Однако, посидев с мистером Норреллом в гостиной на Ганновер-Сквер и послушав, как тот выговаривает лакею сначала за слишком густые сливки в чае, потом за слишком жидкие, — ну, думаю, я не удивлю вас, сказав, что он был немного разочарован. Собственно, он был настолько удручен, что адмирал Пейкок, добросердечный, хоть и несколько бесцеремонный старый джентльмен, даже не стал очень уж сильно над ним подтрунивать.

Адмирал Пейкок и капитан Харкорт-Брюс возвратились к министрам и сказали, что мистера Норрелла никуда отправлять нельзя; адмиралы и генералы никогда не простят правительству такого поступка. В течение нескольких недель казалось, что министры так и не смогут найти

работу для своего единственного волшебника.

11. Брест

Ноябрь 1807 года

В первую неделю ноября эскадра французских кораблей готовилась покинуть порт Брест — самую западную точку Бретани. Французы намеревались курсировать по Бискайскому заливу в поисках британских кораблей, и если не удастся эти корабли захватить, то хотя бы помешать их капитанам осуществить свои недобрые замыслы.

Ветер дул с побережья. Французские моряки умело и споро подготовили корабли к отплытию, как вдруг небо затянули черные тучи и хлынул ливень.

Брест — город портовый, потому неудивительно, что жители его привыкли следить за погодой и ветрами. И вот, когда корабли уже готовы были отплыть, несколько местных прибежали в порт и взволнованно сообщили морякам, что с дождем что-то неладно. Дует ост, говорили они, а тучи идут с норда, хотя такого просто не может быть. Капитаны только успели удивиться, недоверчиво усмехнуться или испугаться — всякий по своему разумению и характеру, — как события приняли

совершенно новый оборот.

Брестская гавань состоит из двух бухт: внешней и внутренней, отделенной от моря длинным узким мысом. Как раз когда дождь зарядил сильнее, французским капитанам доложили, что во внешней бухте появились британские корабли — целый флот!

Сколько? Этого говорящие сообщить не могли. Да сразу и не сосчитать — может, сто. Как и дождь, корабли словно возникли разом посреди пустого доселе моря. Какие? А вот это самое удивительное! Все как один линейные, тяжеловооруженные, двух- и трехпалубные.

Вот уж и впрямь новости! Размер и число кораблей ошарашивали даже больше, чем их внезапное появление. К английской блокаде жителям Бреста было не привыкать, но никогда в ней не участвовало больше двадцати пяти кораблей, из которых только четыре-пять были линейные, а остальные два десятка — юркие фрегаты, шлюпы и бриги.

Известие казалось настолько невероятным, что французские капитаны не поверили, пока сами верхом или на лодке не добрались до Лошри или Камаре-Сен-Жульена, где с высоких утесов смогли воочию наблюдать британскую флотилию.

Шли дни. Небо по-прежнему затягивали свинцовые тучи, из которых без остановки сыпал дождь. Британские корабли упрямо стояли на рейде. Жители Бреста тревожились, что англичане высадятся в городе или обстреляют его из пушек. Однако корабли не двигались с места.

Еще удивительнее были вести, приходившие из прочих портов Империи: из Рошфора, Тулона, Марселя, Генуи, Венеции, Флиссингена, Лорьяна, Антверпена и сотен менее значительных приморских городов. Британские боевые корабли числом не менее сотни блокировали и эти порты. Подобное не укладывалось в голове. Если сложить количество кораблей, то получалось больше, чем весь английский флот! Да столько боевых кораблей не нашлось бы и в целом мире!

В то время военно-морскими силами в Бресте командовал адмирал Демулен. У него был слуга — ростом с восьмилетнего ребенка и для европейца необыкновенно смуглый. Казалось, слугу посадили в печь и там на время позабыли, так что он слегка подгорел. Кожа слуги была цвета кофейных зерен, а на ощупь напоминала пересушенный рисовый пудинг. Курчавые и сальные черные волосы торчали, словно перья из тощих боков жареного цыпленка. Звали слугу Перроке

(что означает попугай). Адмирал Демулен весьма гордился Перроке — его ростом, сообразительностью, живостью, но более всего цветом кожи. Хозяин часто хвастался, что ему доводилось видеть негров много светлее Перроке.

Перроке просидел под дождем четыре дня, наблюдая в подзорную трубу за кораблями неприятеля. Дождь стекал с полей его треуголки детского размера, словно по водостокам. Дождь пропитал детский сюртучишко, превратив шерсть в тяжелый войлок. Струйки воды скользили по смуглой блестящей коже. Однако Перроке не обращал на дождь никакого внимания.

Спустя четыре дня он вздохнул, вскочил на ноги, потянулся, снял шляпу, поскреб макушку, зевнул и произнес:

— Мой адмирал, это самые странные корабли, какие мне случалось видеть.

— О чем ты, Перроке? — поинтересовался адмирал, который стоял на утесе рядом с Перроке и капитаном Жюмо, а дождь стекал с полей их треуголок, превращая шерсть в тяжелый войлок и наполняя башмаки водой на целый дюйм.

— Посмотрите, — сказал Перроке, — корабли замерли, словно в штиль, а на море между тем неспокойно. Сильный вест должен был давно

пригнать их вон к тем скалам. Но нет. Может быть, они убрали паруса? Тоже нет. Ветер менялся уже несколько раз, а что делала команда? Да ничего!

Капитан Жюмо, не любивший Перроке и завидовавший его влиянию на адмирала Демулена, рассмеялся:

— Он сошел с ума, мой адмирал. Если бы англичане были так глупы и ленивы, корабли давно разнесло бы в щепки!

— Они больше похожи на картинки, — размышлял вслух Перроке, словно не слышал замечания капитана, — чем на настоящие корабли. Однако самое удивительное, что вот тот трехпалубник, самый крайний к северу, в понедельник выглядел как прочие, а теперь паруса все в лохмотьях, бизань-мачты нет, а в борту зияет дыра.

— Ура! — вскричал капитан. — Пока мы стоим и болтаем, французские храбрецы занялись делом!

Перроке усмехнулся:

— Вы полагаете, капитан, что англичане позволили бы французскому судну подойти к сотне своих кораблей, ударить по одному из них из пушки и спокойно улизнуть? Ха! Посмотреть бы, как вам удастся подобный маневр на вашем маленьком суденышке, капитан! Нет, мой ад-

мирал, я думаю, английский корабль попросту растворяется.

— Растворяется! — удивился адмирал Демулен.

— Корпус корабля раздулся и осел, будто старушечья сумка с клубками и спицами, — сказал Перроке. — А бушприт и утлегарь сползают в воду.

— Что за бред? — возмутился капитан. — Как корабль может растворяться?

— Не знаю, — задумчиво проговорил Перроке. — Смотря из чего он сделан.

— Жюмо, Перроке, — начал адмирал, — я полагаю, что нам следует отправиться к этим кораблям. Если англичане соберутся нас атаковать, мы повернем обратно, а тем временем что-нибудь да разглядим.

И вот Перроке, адмирал Демулен и капитан Жюмо уселись в шлюпку. Лишь несколько смельчаков вызвались отправиться с ними, ибо матросы, хоть и стойко переносят тяготы морской жизни, донельзя суеверны, и не только Перроке подметил странность английских кораблей.

Подойдя к флотилии неприятеля, отважные исследователи обнаружили, что вблизи удивительные корабли совершенно серые, однако поблескивают, несмотря на затянутое тучами небо и моросящий дождь. Внезапно тучи разошлись, и выглянуло солнце. Корабли пропали. Затем тучи вновь сошлись, и корабли возникли на прежнем месте.

— Боже! — воскликнул адмирал Демулен. — Что все это значит?

— Возможно, — с тревогой сказал Перроке, — все британские корабли потонули, а это их призраки.

Так как удивительные корабли продолжали сиять и сверкать изо всей мочи, исследователи начали спорить, из чего они сделаны. Адмирал полагал, что из железа и стали. (Корабли из металла! Придет же такое в голову! Нет, все-таки французам странностей не занимать.)

Капитан предположил, что корабли изготовле-

ны из серебряной фольги.

— Серебряной фольги! — воскликнул адмирал Демулен.

— Да, — подтвердил капитан. — Дамы, как известно, скручивают серебряную фольгу в трубочки и делают из нее корзиночки, которые потом украшают цветами, а в корзиночки кладут монпансье.

Адмирал Демулен и Перроке удивились, но спорить не стали — капитан был мужчиной видным и знал о женских хитростях не в пример больше их.

Однако если за вечер дама успевает сплести не более одной корзиночки, то сколько же надобно дам, чтобы сплести целый британский флот? Адмирал Демулен сказал, что у него голова болит даже думать об этом.

Снова выглянуло солнце. Теперь французы увидели, что солнце просвечивает сквозь корабли и делает их бесцветными, а после и вовсе обращает в слабые искорки над водой.

— Стекло. — Адмирал почти угодил в цель, но тут сообразительный Перроке наконец догадался:

— Нет, мой адмирал, это дождь. Корабли сделаны из дождя.

Падая с небес, дождевые капли сливались в сплошные формы, которым некто придал видимость сотни кораблей.

И Перроке, и адмирала Демулена, и капитана Жюмо снедало любопытство: кто мог совершить подобное? Они сошлись на том, что это дождевых дел мастер.

— И он не только дождевых дел мастер, — воскликнул адмирал, — но и кукловод! Только посмотрите, как корабли качаются на волнах, а паруса то вздымаются, то опадают!

— Ничего красивей я в жизни не видел, мой адмирал, — согласился Перроке, — но повторяю, кем бы он ни был, он ничего не смыслит в морской науке!

Около двух часов адмиральский катер скользил туда и обратно сквозь удивительные корабли. На них царило безмолвие: ни скрипа мачт, ни хлопанья парусов на ветру, ни матросских окриков. Несколько раз гладколицые дождевые матросы подходили к борту и вглядывались в моряков из плоти и крови на деревянной шлюпке, но кто мог сказать, о чем они думали? И адмирал, и капитан, и Перроке чувствовали себя в безопасности. Перроке рассуждал так: «Если дождевые матросы и решат дать залп, мы всего лишь вымокнем».

Перроке, адмирал и капитан самозабвенно восхищались невиданным чудом. Они забыли, что их провели, забыли, что целую неделю теряли драгоценное время, покуда британские корабли проскальзывали в балтийские порты, португальские порты и все прочие порты, где император Наполеон Бонапарт не желал их видеть. Однако, судя по всему, заклинание слабело (что объясняло разрушение корабля на северном конце линии). Еще через два часа дождь прекратился, и в тот же миг чары рассеялись. Перроке, адмирал Демулен и капитан Жюмо поняли это по странной перемене ощущений, будто они почувствовали вкус струнного квартета или их на миг оглушил синий цвет. Почти мгновенно дождевые корабли превратились в мглистые корабли, и слабый бриз унес их прочь.

Перед французами простирался пустынный Атлантический океан.

12. Дух английской магии побуждает мистера Норрелла встать на защиту Британии

Декабрь 1807 года

Однажды декабрьским днем в Чипсайде столкнулись две телеги. Одна из них, груженная бочками с хересом, перевернулась. Покуда возчики спорили, кто виноват, прохожие заметили в одном из бочонков пробоину. Вскоре целая толпа пьянчуг сгрудилась вокруг, подставляя стаканы и кружки под струю хереса и пробивая дырки в еще целых бочонках. Телеги и собравшаяся толпа перегородили дорогу, так что скоро на всех близлежащих улицах: Поултри, Треднидл-стрит, Бартоломью-лейн и Олдерсгейт, Ньюгейт и Патерностер-роу образовался затор из карет. Казалось, что столпотворению не будет конца.

Один из возчиков был хорош собой, а второй — толст. Закончив ругаться, они возглавили бражников наподобие Вакха и Силена. Им пришло в голову повеселиться самим и повеселить новых друзей, открывая дверцы карет, чтобы посмотреть, чем там заняты богатеи? Слуги и

кучера пытались предотвратить эти дерзкие выходки, но толпа была столь многочисленна, да к тому же навеселе, что удары хлыстом на нее не действовали. В одной из карет толстый возчик обнаружил мистера Норрелла и воскликнул: «Ба! Старина Норрелл!» Возчики полезли в карету и начали трясти мистеру Норреллу руку, обдавая того парами хереса и заверяя, что, ни минуты не мешкая, расчистят дорогу, чтобы он — герой французской блокады — смог беспрепятственно продолжить путь, каковое обещание тут же и выполнили. У многих почтенных людей выпрягли лошадей, их кареты затащили на задние дворы кожевников или в грязные переулки, где они застряли и поободрали позолоту. Возчики и их товарищи проводили карету мистера Норрелла до самой Ганновер-Сквер, выкрикивая здравицы, подбрасывая в воздух шляпы и распевая хвалебные песни собственного сочинения.

Все были в восторге от успеха мистера Норрелла. Значительная часть французского флота на целых одиннадцать дней оказалась обманом заперта в портах, что позволило англичанам без помех пересекать Бискайский залив, Ла-Манш и Северное море. Тайных агентов Британии забросили во все уголки империи, а другие лазутчики

вернулись на родину с сообщениями о планах Наполеона. Британские торговые суда беспрепятственно выгружали кофе, хлопок и специи в голландских и балтийских портах.

Говорили также, что Наполеон Бонапарт прочесывает Францию в поисках собственного волшебника, но безуспешно. В Лондоне министры, к своему удивлению, обнаружили, что они в кои-то веки вызвали народное одобрение.

Мистера Норрелла пригласили в адмиралтейство, где он пил мадеру в парадной гостиной. Сидя в удобном кресле у камина, волшебник имел долгую и приятную беседу с первым лордом и первым секретарем адмиралтейства: лордом Малгрейвом и мистером Хорроксом. Резной орнамент из навигационных инструментов и цветочных гирлянд над камином привлек внимание мистера Норрелла, и тот принялся описывать прекрасную резьбу в библиотеке аббатства Хартфью.

— И тем не менее, — заметил он, — я завидую вам, милорд. Да-да, завидую. Какое превосходное изображение инструментов, используемых в вашей профессии! Мне хотелось бы иметь такое же, ибо ничто так не впечатляет, ничто так не вдохновляет в начале рабочего дня, как вид аккуратно разложенных инструментов — или

их изображений из доброго английского дуба. Однако, сказать по правде, волшебнику нужно не так уж много орудий. Открою секрет, милорд: чем больше магических предметов — цветных порошков, кошачьих чучел, колдовских шляп и прочего — носит с собой волшебник, тем больше он вас обманывает!

А какие же орудия, вежливо вопросил мистер Хоррокс, требуются настоящему волшебнику?

— Да почти никаких, — отвечал мистер Норрелл. — Разве что серебряная чаша с водой.

— Ах! — воскликнул мистер Хоррокс. — Я бы многое отдал, чтобы увидеть настоящее чудо, а вы, милорд? Мистер Норрелл, не окажете ли вы нам честь и не покажете какое-нибудь видение в чаше?

Обычно мистер Норрелл ни за что не соглашался удовлетворять чужое праздное любопытство, но сегодня он был так польщен приемом в адмиралтействе (эти двое джентльменов наговорили ему кучу комплиментов), что согласился почти мгновенно, и слугу отправили на поиски чаши.

— Серебряная чаша диаметром около фута, — уточнил мистер Норрелл, — и наполните ее чистой водой.

На днях адмиралтейство послало трем бри-

танским кораблям приказ собраться к югу от Гибралтара, и сейчас лорду Малгрейву не терпелось узнать, удалось ли им встретиться. Не сможет ли мистер Норрелл показать корабли? Мистер Норрелл не знал, но обещал попробовать. Когда принесли чашу и мистер Норрелл склонился над ней, лорд Малгрейв и мистер Хоррокс ощутили себя так, словно перенеслись в древние времена славы английской магии — времена Стокси, Годблесса и Короля-ворона.

На поверхности воды появилось изображение трех кораблей, скользящих по волнам. Яркое средиземноморское солнце просияло в хмурой декабрьской столице, озаряя лица склоненных над чашей мужчин.

— Они движутся! — изумился лорд Малгрейв.

Корабли действительно двигались. Нежнейшие облачка скользили по синему небу, корабли вспенивали волны, можно было разглядеть даже крошечные фигурки матросов. Лорд Малгрейв и мистер Хоррокс тотчас узнали корабли военно-морских сил его величества «Екатерину Винчестерскую», «Лавр» и «Кентавр».

— Ах, мистер Норрелл! — воскликнул мистер Хоррокс. — «Кентавр» — корабль моего кузена. Не могли бы вы показать мне капитана Барри?

Мистер Норрелл заерзал, с шипением втянул воздух и вперил свирепый взгляд в серебряную чашу. Постепенно на поверхности воды возник розовощекий, златокудрый херувим, страдающий лишним весом, который прохаживался по шканцам. Мистер Хоррокс подтвердил, что толстяк и есть его кузен, капитан Барри.

— Неплохо выглядит, не правда ли? — воскликнул мистер Хоррокс. — Рад видеть, что он находится в добром здравии.

— Где они? Вы можете нам сказать? — спросил лорд Малгрейв.

— Увы, — отвечал мистер Норрелл, — искусство создания изображений — самое неточное из искусств[23]. Для меня было честью показать вашей милости некоторые корабли его величества. Я еще более польщен, что корабли оказались те самые — честно говоря, этого я и не ожидал, — но боюсь, что больше ничем не смогу вам помочь.

Адмиралтейство было настолько довольно, что лорд Малгрейв и мистер Хоррокс принялись размышлять, какое бы еще поручение придумать волшебнику?

---

[23] Примечания: 23

Четырьмя годами позже во время Пиренейской войны ученик мистера Норрелла Джонатан Стрендж выражал сходные сомнения в эффективности этого рода магии.

Королевский флот недавно захватил французский линейный корабль с прекрасной резной фигурой на носу. Фигура изображала русалку с яркими голубыми глазами, кораллово-красными губами, копной роскошных золотых кудрей, усыпанных морскими звездами и крабами, и посеребренным, словно имбирный пряник, хвостом. Было также известно, что до захвата англичанами корабль побывал в Тулоне, Шербуре, Антверпене, Роттердаме и Генуе, и русалка могла бы многое рассказать об оборонительных сооружениях французов и о грандиозном плане строительства кораблей, затеянном Наполеоном Бонапартом. Мистер Хоррокс попросил мистера Норрелла с помощью заклинания заставить русалку разговориться, что и было сделано. Однако, хотя русалка и обрела внезапно дар речи, она не спешила делиться французскими секретами с англичанами. Русалка оказалась ярой ненавистницей Британии и с радостью использовала неожиданный дар, чтобы выразить свою ненависть к англичанам. Проведя жизнь среди матросов, русалка набралась матросских ругательств и с большой охотой принялась выкрикивать их, адресуясь всем, кто оказался рядом. Голос ее напоминал скрип мачт и шпангоутов на

сильном ветру. Впрочем, одними оскорблениями русалка не ограничилась. Когда трое матросов, занятых судовыми работами, оказались с нею рядом, русалка ухватила их деревянными руками и швырнула в море.

Мистер Хорркокс, который приехал в Портсмут специально ради нее, уже успел устать от русалки и заявил ей, что, если она не будет отвечать, ее порубят на куски и сожгут. Однако русалка (даром что француженка!) оказалась особой храброй и заявила, что хотела бы посмотреть на человека, который осмелится ее сжечь. Затем она устрашающе хлестнула хвостом и затрясла кулаками, а все морские звезды и крабы в ее волосах злобно ощетинились.

Ситуация разрешилась, когда урезонивать русалку прислали молодого красавца-капитана, захватившего французский корабль. На чистом и понятном французском он объяснил русалке правоту Британии и чудовищную неправоту французов. То ли слова его оказались столь убедительны, то ли русалку поразила красота молодого лица, но она согласилась рассказать мистеру Хорроксу все, что тот хотел узнать.

С каждым днем публичное признание и вес в обществе мистера Норрелла все возрастали, что

побудило печатника по имени Холланд, державшего лавку на площади собора Святого Павла, заказать гравюру с изображением волшебника и выставить ее на продажу. Гравюра изображала мистера Норрелла в компании юной барышни, облаченной в сорочку свободного покроя, едва прикрывающую ее прелести. Стан девушки обвивали жесткие складки темного материала, почти не касаясь его, а для пущего украшательства в кудрявых локонах прелестницы прятался полумесяц. Барышня держала мистера Норрелла за руку (к несказанному изумлению последнего) и изо всех сил тянула его к лестнице, весьма энергично указывая на зрелую даму, сидевшую на ее вершине. Зрелая дама, как и юная, была облачена в складки и драпировки, а для придания картине благородства на голову ей водрузили римский шлем. Зрелая леди бурно рыдала, а у ног ее с мрачным выражением на морде возлежал единственный спутник, престарелый лев. Гравюра, названная «Дух английской магии побуждает мистера Норрелла встать на защиту Британии», имела громадный успех, и за месяц мистер Холланд продал почти семьсот оттисков.

Теперь мистер Норрелл редко выходил из дому — столичные знаменитости сами наносили ему

визиты. Нередко пять-шесть карет с гербами толпились у дома на Ганновер-Сквер. Мистер Норрелл оставался тем же молчаливым нервным человечком, каким был всегда, и если бы не мистер Дролайт и мистер Лассельс, сиятельным визитерам пришлось бы скучать. Мистер Дролайт и мистер Лассельс разговаривали и за себя, и за хозяина; более того, зависимость мистера Норрелла от этих двоих возрастала с каждым днем. Чилдермасс как-то заметил, что нужно быть очень странным волшебником, чтобы пользоваться услугами Дролайта, однако мистер Норрелл пользовался его услугами постоянно. Дролайт почти все время разъезжал в карете мистера Норрелла, выполняя поручения волшебника. Каждое утро он появлялся на Ганновер-Сквер и докладывал мистеру Норреллу, о чем говорят в городе, кто сегодня в фаворе, а кто в опале, кто влез в долги, а кто влюбился, так что мистер Норрелл, сидя в библиотеке, знал о столичных новостях не меньше городских кумушек.

Однако еще удивительнее был пыл, с каким радел о благе английской магии мистер Лассельс. Хотя объяснялось все довольно просто. Мистер Лассельс принадлежал к той беспокойной породе людей, которые презирают упорный труд.

Совершенно уверенный в своих выдающихся способностях, Лассельс никогда не пытался развить в себе какие-либо навыки или знания. Достигнув тридцати девяти лет, он так и не нашел подходящего занятия. Оглядываясь вокруг, он видел людей, которые благодаря усердному труду в юности ныне достигли высокого положения, — и, разумеется, Лассельс им завидовал. Именно поэтому ему так нравилось быть главным советчиком при величайшем волшебнике современности и с важным видом отвечать на уважительные расспросы королевских министров. Разумеется, на публике мистер Лассельс старательно изображал того же беззаботного прожигателя жизни, каким когда-то был, но в глубине души весьма ревностно относился к только что обретенному статусу. Однажды вечером в кофейне Бедфорда за бутылкой портвейна они с Дролайтом пришли к полному взаимопониманию. Для такого тихого и замкнутого человека, как мистер Норрелл, рассудили они, двух друзей более чем достаточно. Поэтому они заключили союз, дабы держать оборону против всех, кто задумает покуситься на их влияние.

Именно мистер Лассельс первым посоветовал мистеру Норреллу подумать о публикации своих

трудов. Бедного мистера Норрелла очень расстраивали неправильные представления публики в вопросах магии, и он не уставал жаловаться на полное невежество общества. «Меня просят показать волшебных существ, — сетовал он, — единорогов, мантикор и прочее в том же роде. Они совершенно не видят полезности магии, и только самые пустяковые ее виды способны их привлечь».

— Магические подвиги, — заметил Лассельс, — прославят ваше имя, но, если вы не будете печататься, публика никогда не проникнется вашими убеждениями.

— Да-да, разумеется, — живо откликнулся мистер Норрелл, — я и сам, как вы советовали, уже задумывался о книге, но боюсь, что не скоро найду свободное время, чтобы осуществить этот замысел.

— Конечно же, книга требует бездны труда, — вяло согласился мистер Лассельс, — но я не имел в виду книгу. Две-три статьи о магии — вот что нужно. Полагаю, любой издатель в Лондоне или Эдинбурге с радостью опубликует то, что вы ему предложите. Вы сами можете выбрать издание, но я посоветовал бы «Эдинбургское обозрение». Едва ли во всем королевстве найдется дом, пре-

тендующий на аристократизм, где бы не читали этот журнал. Нет более быстрого способа сделать ваши взгляды общедоступными.

Мистер Лассельс был так красноречив, так убедительно расписывал, что статьи мистера Норрелла будут лежать на каждом библиотечном столе и обсуждаться в каждой гостиной, что, если бы не великая неприязнь, которую мистер Норрелл питал к «Эдинбургскому обозрению», волшебник непременно засел бы за писание. К несчастью, «Эдинбургское обозрение» славилось своими радикальными взглядами, критиковало правительство и выступало против войны с Францией — всего этого мистер Норрелл решительно не одобрял.

— Кроме того, — говорил мистер Норрелл, — я не желаю писать рецензии на чужие книги. Современные издания о магии — самая большая пагуба в мире. Там одна неправда и ошибочные взгляды.

— Вот и напишите об этом, сэр. И чем резче вы выступите, тем сильнее угодите издателям.

— Я хочу, чтобы люди знали о моих взглядах, а не о взглядах других.

— Но, сэр, — возражал мистер Лассельс, — выносся суждение о работах других, указывая на чужие

ошибки, вы позволите читателю узнать ваши убеждения. Легче легкого использовать критическую статью для выражения своей позиции. Только и нужно, что упомянуть пару раз книжку, а все остальное время развивать собственные идеи. Уверяю вас, все вокруг так и делают.

— Хм, — задумчиво протянул мистер Норрелл, — пожалуй, вы правы. А впрочем, нет, это будет выглядеть так, словно я поддерживаю творения, которым вообще не следовало появляться на свет.

И мистер Норрелл остался при своем мнении.

Лассельс был разочарован. «Эдинбургское обозрение» далеко превосходило своих соперников в яркости и остроумии. Его статьи с жадностью поглощали все — от младшего священника до премьер-министра. По сравнению с «Эдинбургским обозрением» все прочие издания казались пресными и нудными.

Лассельс решил оставить эту идею и уже почти позабыл о ней, когда получил письмо от молодого книготорговца по фамилии Мюррей. Мистер Мюррей почтительно осведомлялся, не соблаговолят ли мистер Лассельс и мистер Дролайт принять его в любой день и час, когда им будет угодно? У него есть предложение, касающееся

мистера Норрелла.

Спустя несколько дней Лассельс и Дролайт приняли книготорговца в доме Лассельса на Брутон-стрит. Книготорговец оказался человеком деловым и энергичным и, не входя в долгие объяснения, сразу же изложил суть дела:

— Подобно прочим жителям этих островов, джентльмены, я поражен и изумлен нынешним удивительным возрождением английской магии, а также тем воодушевлением, с которым публика приветствует некогда забытое искусство. Я убежден, что идея периодического издания, посвященного миру магии, будет встречена с одобрением. Литература, политика, религия, путешествия — все это прекрасно, но магия — практическая магия мистера Норрелла — имеет безусловное преимущество новизны. Как вы думаете, джентльмены, способен ли мистер Норрелл отнестись благосклонно к моему предложению? Я слышал, у него есть что сказать по этому вопросу. Слышал также, что взгляды мистера Норрелла очень своеобразны! Разумеется, в школе мы все немного изучали историю и теорию магии, но на Британских островах магия не практикуется так давно, что наверняка наши скудные познания изобилуют ошибками и

неточностями.

— Ах, мистер Мюррей! — воскликнул мистер Дролайт. — Как вы проницательны! Если бы мистер Норрелл мог вас услышать! Ошибками и неточностями — вот именно! Если бы вам, мой дорогой сэр, как мне, выпало счастье наслаждаться беседами с мистером Норреллом — вы бы поняли, что дело обстоит именно так!

— Поверьте, сэр, сформировать у английской публики правильное представление об английской магии долгие годы было величайшим чаянием мистера Норрелла, — сказал Лассельс, — однако, увы, нередко наши частные желания отступают перед общественным долгом. Адмиралтейство и военное министерство занимают все время мистера Норрелла.

Мистер Мюррей вежливо отвечал, что, конечно же, все прочие соображения отступают перед соображениями военной необходимости и что мистер Норрелл, безусловно, национальное достояние Британии.

— Однако я полагаю, мы могли бы устроить так, чтобы основной груз не лег на плечи мистера Норрелла. Наняли бы редактора, который будет готовить выпуск, работать с отдельными статьями и рецензиями, вносить изменения

— все это, разумеется, под руководством мистера Норрелла.

— Разумеется, — произнес Лассельс. — Непременно под руководством мистера Норрелла. На этом мы настаиваем.

Встреча завершилась ко всеобщему удовлетворению. Мистер Лассельс и мистер Дролайт пообещали, что немедленно переговорят с мистером Норреллом.

Дролайт смотрел, как мистер Мюррей покидает комнату.

— Шотландец, — произнес он, когда за гостем закрылась дверь.

— Ну конечно! — согласился Лассельс. — Однако меня это не пугает. В делах шотландцы довольно практичны и умелы. Этот шотландец все сделает как надо.

— Он показался мне вполне респектабельным — почти что джентльмен. Если забыть о его странной привычке пристально смотреть на вас одним глазом, в то время как второй путешествует по комнате. Меня это сбивало с толку.

— Он слеп на правый глаз.

— Неужели?

— Да, Каннинг мне сказал. В детстве школьный учитель воткнул ему в глаз перочинный ножик.

— Господи! Однако только вообразите, дорогой Лассельс! Целое издание, выражающее мнение одного человека! В это трудно поверить! Волшебник удивится, когда мы ему расскажем.

Мистер Лассельс рассмеялся:

— Напротив, он решит, что нет ничего естественнее. Его тщеславие не знает границ.

Как и предполагал Лассельс, мистер Норрелл не нашел ничего удивительного в предложении мистера Мюррея, однако тут же начал перечислять всевозможные трудности.

— План превосходный, — заявил он, — однако практически неосуществимый. У меня нет времени редактировать издание, и я вряд ли доверю эту задачу кому-либо другому.

— Я был почти такого же мнения, сэр, — согласился мистер Лассельс, — пока не подумал о Портисхеде.

— Портисхед? Что еще за Портисхед? — спросил мистер Норрелл.

— Видите ли, — начал Лассельс, — когда-то он был волшебником-теоретиком, но…

— Волшебником-теоретиком? — взволнованно перебил мистер Норрелл. — Вы же знаете, что я о них думаю!

— Да, но вы не дослушали, — продолжил

Лассельс, — его восхищение вами невероятно велико, сэр. Прослышав, что вы не одобряете волшебников-теоретиков, он немедленно забросил свои занятия.

— Вот как? — спросил мистер Норрелл уже более спокойно.

— Он опубликовал одну или две книги — вроде бы историю магии шестнадцатого века для детей или что-то в таком роде[24]. Я полагаю, что вы вполне можете доверить редактирование лорду Портисхеду, сэр. Он никогда не опубликует ничего, что могло бы заслужить ваше неодобрение. Лорд Портисхед известен как один из самых достойных людей в королевстве. И я совершенно уверен, что его главным желанием будет вам угодить[25].

---

[24] Примечания: 24

Лассельс смешал все сочинения лорда Портисхеда в одно. К тому времени как в начале 1808 года его милость оставил занятия магией, он успел опубликовать три книги: «Жизнь Жака Белазиса» (изд-во Лонгмана: Лондон, 1801); «Жизнь Никласа Губерта» (изд-во Лонгмана: Лондон, 1805); «История Короля-ворона для детей» (изд-во Лонгмана: Лондон, 1807, с гравюрами Томаса Бевика). Первые две представляют собой научные исследования о волшебниках XVI века. Мистер Норрелл ценил их не слишком высоко, но особенно не любил «Историю Короля-ворона для детей». Джонатан Стрендж, напротив, считал «Историю» блистательной книжицей.

[25] Примечания: 25

«Удивительно, но такой богатый человек — а лорду Портисхеду принадлежала немалая часть английских земель — отличался редкой скромностью. Кроме того, его милость был преданным мужем и отцом

десятерых детей. Мистер Стрендж рассказывал мне, что не видел в своей жизни зрелища приятнее, чем лорд Портисхед, возящийся с детьми. Честно говоря, в нем самом было много детского. Несмотря на обширные познания, лорд Портисхед был так же неспособен распознать зло, как ни с того ни с сего заговорить по-китайски. Он был самым благородным представителем британской аристократии». (Джон Сегундус. «Жизнеописание Джонатана Стренджа». Изд-во Джона Мюррея: Лондон, 1820).

С некоторой неохотой мистер Норрелл согласился принять лорда Портисхеда, и мистер Дролайт написал письмо, приглашающее его милость на Ганновер-Сквер.

Лорду Портисхеду к тому времени исполнилось тридцать восемь. Он был высок и долговяз, носил сюртуки и панталоны светлых цветов. Душа у его милости была нежная, и все вокруг заставляло его испытывать неловкость. Лорд Портисхед стеснялся своего высокого роста, своего статуса бывшего волшебника-теоретика (человек умный, его милость понимал, что это не нравится мистеру Норреллу). Встреча с такими светскими джентльменами, как Дролайт и Лассельс, чрезвычайно смутила лорда Портисхеда, а что уж и говорить о встрече с мистером Норреллом — его кумиром! В какой-то момент он от волнения начал раскачиваться из стороны в сторону — из-за роста и светлого костюма это придавало лорду Портисхеду сходство с серебристой березой на сильном ветру.

Несмотря на нервозность, лорду Портисхеду удалось-таки выразить, как он польщен приглашением мистера Норрелла, который в свою очередь был так приятно удивлен необыкновенным уважением со стороны волшебника-теоретика,

что любезно позволил его милости вновь заняться изучением магии.

Разумеется, лорд Портисхед был очень рад, но, когда он услыхал, что ему будет позволено сидеть в уголке гостиной на Ганновер-Сквер, впитывая суждения мистера Норрелла о современной магии, и заниматься редактированием (под руководством мистера Норрелла) нового периодического издания мистера Мюррея, счастье его перешло все границы.

Новый журнал назвали «Друзья английской магии» — выражение, позаимствованное из письма мистера Сегундуса в газету «Таймс» прошлой весной. Удивительно, но в журнале не было публикаций самого мистера Норрелла, который обнаружил, что совершенно не способен дописать до конца ни одной статьи — его никогда не устраивало написанное. Он никак не мог решить, сказал ли слишком много или, напротив, слиш-

ком мало[26].

В первых выпусках серьезный исследователь магии не найдет ничего, заслуживающего внимания. Занятны разве что статьи, в которых Портисхед от имени мистера Норрелла громит его врагов: джентльменов-волшебников, леди-волшебниц, уличных магов, бродячих чародеев, волшебников-вундеркиндов, Ученое общество йоркских волшебников, Ученое общество манчестерских волшебников, ученые общества волшебников в целом, а также всех прочих волшебников без разбору.

---

[26] Примечания: 26

Первый выпуск «Друзей английской магии» вышел в феврале 1808 года и сразу же приобрел популярность. В 1812 году Норрелл и Лассельс хвастались тиражом в тринадцать тысяч экземпляров журнала, хотя проверить точность этого утверждения нет никакой возможности.

С 1808 по 1810 год редактором журнала номинально числился лорд Портисхед, хотя не подлежит сомнению, что не обошлось без вмешательства в редакционные дела мистера Норрелла и мистера Лассельса. Между Лассельсом и Норреллом существовали разногласия по поводу редакционной политики. Мистеру Норреллу хотелось, чтобы журнал прежде всего упирал на великие заслуги современной магии, кроме того, исправлял неверные представления об истории магии и, наконец, обличал те разновидности волшебников, а также отдельных персон, занимающихся магией, которых ненавидел мистер Норрелл. Он вовсе не собирался разъяснять на страницах журнала технику магического искусства — или, другими словами, сделать журнал сколько-нибудь познавательным. Лорд Портисхед, чье преклонение перед мистером Норреллом не знало границ, первейшей редакторской обязанностью почитал неукоснительное следование бесчисленным инструкциям волшебника с Ганновер-Сквер. В результате первые выпуски «Друзей английской магии» оказались невыносимо скучными, а зачастую просто оставляли в недоумении — так много там было умолчаний,

противоречий и недомолвок. Лассельс, в свою очередь, прекрасно понимал, как использовать журнал для возрождения английской магии, поэтому все время пытался стремиться к развлекательности. Его все больше раздражал боязливый подход Портисхеда, и Лассельс добился того, что с 1810 года они с его милостью стали соредакторами. До 1815 года «Друзей английской магии» издавал Джон Мюррей, а затем он поссорился с мистером Норреллом. Лишенный поддержки волшебника, Мюррей вынужден был продать журнал другому издателю — Томасу Нортону Лонгману. В 1816 году Мюррей и Стрендж задумали издавать журнал-конкурент, назвав его «Фамулюс», однако вышел только один номер.

13. Чародей с Треднидл-стрит

Декабрь 1807 года

Самым известным уличным магом в Лондоне был, несомненно, Винкулюс. Его палатка стояла перед церковью Святого Христофора на Бирже, прямо напротив Английского банка, и нельзя было с уверенностью сказать, кто из них — банк или Винкулюс — более знаменит.

Происхождение его славы, причем славы весьма сомнительного свойства, не поддавалось объяснению. Винкулюс ничем не отличался от прочих шарлатанов с немытыми патлами за желтой занавеской. Заклинания его не работали, предсказания не сбывались, а мистические экстазы были ложью от начала до конца.

Много лет Винкулюс состоял в особых доверительных отношениях с Духом Реки Темзы. Впадая в транс, Винкулюс задавал Духу вопросы, на которые отвечал голос реки, раздающийся изо рта чародея, — голос глубокий, хлюпающий и завывающий. Зимой тысяча восемьсот пятого года одна женщина заплатила Винкулюсу шиллинг и попросила Дух Реки найти ее сбежавшего мужа. В ответ Дух разразился пространной и весьма

неожиданной речью, и вокруг палатки начала собираться толпа любопытных. Находились такие, кто свято верил в способности Винкулюса, но некоторые просто смеялись над чародеем и его простодушной клиенткой. Один из шутников (весьма находчивый малый) задумал поджечь башмаки Винкулюса, покуда тот завывал голосом Духа. Чародей тут же вышел из транса: с воплем он вскочил на ноги и попытался одновременно сбросить башмаки и потушить огонь. При этом Винкулюс тряс головой, и вдруг толпа, донельзя обрадованная зрелищем, заметила, как у него что-то выпало изо рта. Двое зевак подобрали предмет и принялись рассматривать: это оказалась хитрая металлическая штуковина, не более дюйма с половиной в длину — своего рода губная гармоника, и когда один из зевак засунул штуковину в рот, то не хуже Винкулюса изобразил голос Духа Реки Темзы.

Несмотря на публичное унижение, Винкулюсу удалось сохранить некоторый авторитет и не утратить природного достоинства, которое отличало его от прочих уличных магов Лондона. Друзья и почитатели мистера Норрелла без конца убеждали волшебника с Ганновер-Сквер нанести визит уличному чародею и недоумевали, почему

тот неизменно отказывается.

Однажды в конце декабря, когда грозовые тучи рисовали альпийские пейзажи над Лондоном, ветер свирепствовал в небесах, заставляя город то покрываться мглой, то сиять под лучами зимнего солнца, а дождь то и дело принимался барабанить в окна, мистер Норрелл с удобством расположился возле камина в своей библиотеке. Перед ним стоял чайный столик со всяческими вкусностями, на коленях лежал «Язык птиц» Томаса Ланчестера. Мистер Норрелл не спеша переворачивал страницы, отыскивая любимый отрывок, как вдруг с ужасом услыхал громкий и презрительный голос:

— Чародей! Ты думаешь, что поразил всех своими деяниями!

Мистер Норрелл поднял голову от книги и с изумлением заметил, что в комнате находится кто-то чужой — совершенно ему незнакомый худой оборванец, нахохлившийся, словно ястреб. Лицо его имело оттенок прокисшего трехдневного молока, волосы были цвета лондонского неба, затянутого угольным дымом и гарью, одежда — цвета Темзы в Уоппинге. Лицо, волосы и одежда были довольно грязны, но в остальном пришлец вполне мог служить воплощением

расхожего представления о чародее (чего никто бы не сказал о мистере Норрелле). Держался он с достоинством, а в яростных серых глазах застыло высокомерие.

— Как же! — продолжил оборванец, злобно уставившись на хозяина. — Считаешь себя лучше всех! Так знай же, чародей, — твой приход был предсказан. Я ждал тебя целых двадцать лет! Где ты прятался до сих пор?

Мистер Норрелл с открытым ртом смотрел на обвинителя. Незнакомец как будто проник в его душу и вытащил на свет все скрытые мысли. С тех пор как мистер Норрелл приехал в столицу, его непрестанно мучила мысль, что он давно был готов трудиться на благо английской магии, что французы давно были бы посрамлены, а магия еще много лет назад заняла бы подобающее ей высокое положение в обществе. Волшебник проклинал свою медлительность, считая ее предательством по отношению к английской магии. Казалось, его совесть обрела плоть и бросает ему упрек, что делало положение мистера Норрелла довольно затруднительным. Заикаясь, волшебник спросил таинственного незнакомца, кто он такой.

— Я — Винкулюс, чародей с Треднидл-стрит!

— Вот оно что! — с облегчением вздохнул мистер Норрелл, обрадовавшись, что перед ним хотя бы не призрак, а существо из плоти и крови. — Полагаю, ты явился просить милостыню? Напрасно. Я не признаю в тебе собрата-волшебника, и ты ничего от меня не получишь! Ни денег. Ни обещаний помощи. Ни рекомендаций. Более того, я намереваюсь…

— Снова не угадал, чародей! Мне от тебя ничего не нужно. Я пришел, чтобы предсказать твою судьбу, ибо для того я рожден.

— Судьбу? Так ты предсказатель? — презрительно воскликнул мистер Норрелл. Он привстал с кресла и с силой потянул за шнурок звонка, но слуги не спешили на зов хозяина. — Мне нечего сказать человеку, который изображает из себя предсказателя! *Лукас!* Предсказания — отвратительные фокусы, посредством которых негодяи вроде тебя морочат честных людей! Магия не предназначена для предсказания будущего, а волшебники, которые утверждают обратное, попросту лгут! *Лукас!*

Винкулюс огляделся.

— Я слыхал, ты собрал все книги по магии, — сказал он, — а еще говорят, вернул книги из сгоревшей Александрийской библиотеки и вы-

учил наизусть!

— Книги и рукописи — основа истинной учености и прочного знания, — с важным видом заявил мистер Норрелл. — В этом магия ничем не отличается от прочих наук.

Внезапно Винкулюс наклонился и вперил в мистера Норрелла горящий взор. Волшебник невольно умолк и подался вперед.

– *Я простер руку*, — зашептал Винкулюс, — *и английские реки потекли вспять*…

— Что-что?

– *Я простер руку*, — повторил Винкулюс чуть громче, — *и кровь моих врагов застыла в жилах…*

Уличный чародей выпрямился, раскинул руки и прикрыл глаза, словно в религиозном экстазе. Сильным и чистым, исполненным страсти голосом он продолжил:

– Я простер руку,

И мысли моих врагов унеслись, как стая скворцов;

И съежились они, словно куча тряпья.

Я пришел к ним туманом и дождем;

Я пришел к ним в полуденной дреме;

Стаей воронов, что закрыла рассветное небо на севере;

А когда враги решили, что спасены,

Я пришел к ним в крике, что разрушил безмолвие зимнего леса…

— Ты и впрямь решил, — перебил его мистер Норрелл, — что придумал нечто новенькое? На каждом углу безумцы выкрикивают подобную абракадабру, а всякий бродяга за желтой занавеской норовит продекламировать что-нибудь

эдакое, чтобы напустить на себя таинственность. Да эти пророчества встречаются в каждой третьесортной книжонке о магии, опубликованной за последние двести лет! *«Я пришел к ним стаей воронов!»* Что это может значить, хотелось бы мне знать? Кто к кому пришел стаей воронов? *Да где же ты, Лукас?!*

Однако Винкулюс не обращал на мистера Норрелла никакого внимания. Его звучный голос без труда заглушал слабый и визгливый тенорок волшебника.

– Дождь отворил мне дверь, и я вошел в нее;

Камни соорудили мне трон, и я воссел на него;

Три королевства стали моими навеки;

Англия стала моею навеки.

Безымянный раб надел серебряную корону;

Безымянный раб воцарился в чужой земле…

— Три королевства! — воскликнул мистер Норрелл. — Вот оно что! Теперь я понимаю, что за чушь ты тут городишь! Пророчество о Коро-

ле-вороне! Не хочется огорчать тебя, но если ты задумал поразить меня сказочками об этом господине, то я тебя разочарую. Да-да, ты жестоко ошибаешься! Из всех волшебников его я ненавижу больше других![27]

– Оружие врагов моих чтят в аду, как святыню;

Замыслы их лелеют, как священные тексты;

Кровь, что я проливал на полях древних сражений,

Собрана адскими ризничими с запятнанной земли,

Собрана в сосуды из серебра и слоновой кости.

Я принес Англии магию, бесценный дар,

Но англичане презрели его;

Магию напишут на небе косые струи дождя,

Но им ее не прочесть;

Магия будет начертана на каменных

---

[27] Примечания: 27

Считается, что Король-ворон владел тремя королевствами: одним — в Англии, вторым — в Стране Фей, а третьим — в странных землях по другую сторону ада.

лицах холмов,

Но их разуму ее не вместить;

Облетевшие деревья зимой —

Черные письмена, которых им не постичь…

— Каждый англичанин должен иметь возможность обратиться к знающему и хорошо образованному волшебнику, — снова перебил мистер Норрелл. — А что предлагаешь ты? Мистический бред о камнях, дожде и деревьях! Так некогда и Годблесс призывал учиться магии у диких зверей в лесу. А почему тогда не у свиней в хлеву? Не у бродячих собак? В наши дни культурный человек просто не имеет права практиковать магию подобного сорта!

Мистер Норрелл метнул в Винкулюса гневный взгляд. Внезапно кое-что бросилось ему в глаза.

Уличный чародей явно не слишком заботился о своей одежде. На шее бродяги небрежно болтался грязный шейный платок, а между платком и рубашкой оставался просвет. И в просвете виднелась странная синяя закорючка, немного похожая на росчерк пера. Это мог быть шрам — память об уличной драке, однако куда больше было сходство с варварской росписью, которой

покрывают свое тело островные туземцы Южных морей. Как ни странно, но Винкулюс, способный забраться в чужой дом и без стеснения поучать хозяина, смутился и прикрыл горло рукой, а затем потуже затянул шейный платок.

— *Два чародея появятся в Англии…*

У мистера Норрелла вырвался странный звук — то, что начиналось как крик, обратилось в едва различимый, горестный вздох.

> *– Первый будет страшиться меня, второй возжаждет узреть меня;*
>
> *Первым будут управлять убийцы и воры;*
>
> *Второй устремится к саморазрушению;*
>
> *Первый похоронит сердце свое под снегом в темном лесу,*
>
> *Но боль его не уймется;*
>
> *Второй увидит сокровище свое в руках недруга…*

— Теперь я понял: ты пришел сюда, чтобы ранить меня! Ты завидуешь моему успеху, лжечародей! Ты не можешь разрушить мою магию и поэтому собрался очернить мое имя и лишить

меня покоя…

– Первый жизнь проведет в одиночестве, сам заточив себя

в тюрьму;

Второму уготовано бродить одинокими тропами,

В поисках темной башни на высоком склоне холма…

Открылась дверь, и вошли двое.

— Лукас! Дэйви! — истерически взвизгнул мистер Норрелл. — Куда вы пропали?

Лукас начал что-то говорить о шнурке.

— Что? Хватайте его! Живо!

Дэйви, кучер мистера Норрелла, малый крепкий, как и положено людям его рода занятий, закалил свою силу в ежедневном противостоянии с четверкой норовистых лошадей. Обеими руками он схватил Винкулюса поперек туловища и за горло. Бродяга яростно отбивался, не забывая при этом честить мистера Норрелла:

– Я восседаю на черном троне во тьме, но им не дано

увидеть меня.

Дождь отворит мне дверь, и я пройду

сквозь нее;

Камни соорудят трон для меня, и я взойду на него…

Дэйви и Винкулюс задели столик, потревожив лежавшую на нем стопку книг.

— Ах! Осторожнее! — воскликнул мистер Норрелл. — Ради бога, осторожнее! Он опрокинет чернильницу! Он испортит мои книги!

Покуда Лукас помогал Дэйви скрутить Винкулюса, который размахивал руками, словно ветряная мельница, мистер Норрелл бегал по комнате с несвойственной ему живостью, выдергивал книги из-под рук Винкулюса и складывал их в безопасное место.

– *Безымянный раб наденет серебряную корону*, — хрипел Винкулюс — руки Дэйви все теснее сжимали его горло. Из последних сил Винкулюс вырвался из объятий Дэйви и просипел: — *Безымянный раб воцарится в чужой земле…*

И тут Лукас и Дэйви выволокли бродягу из комнаты.

Мистер Норрелл уселся в кресло у камина. Он снова открыл книгу, но обнаружил, что от волнения не может читать. Волшебник поерзал, погрыз ногти, походил по комнате, снова и снова

возвращаясь к томам, которые мог повредить Винкулюс, — но нет, все обошлось. Однако чаще всего он подходил к окну и беспокойно выглядывал наружу, словно опасаясь, что за домом наблюдают. Около трех стало смеркаться. Вошел Лукас, чтобы зажечь свечи и пошевелить угли в камине, и сразу за ним появился Чилдермасс.

— Наконец-то! — воскликнул мистер Норрелл. — Вы слышали, что случилось? Все вокруг меня предали! Другие волшебники плетут против меня заговоры! Мои ленивые слуги забыли о своих обязанностях! Они не пошевелятся, пока мне горло не перережут! А вы, злодей, вы хуже всех! Этот человек появился в комнате так внезапно, *словно по волшебству*, а когда я стал звонить, *никто* не откликнулся! Отныне вашей главной задачей станет выяснить, каким заклинанием он воспользовался, чтобы пробраться в дом! Где он обучался колдовству? Откуда знает заклинания?

Чилдермасс иронически посмотрел на хозяина:

— Что ж, если это моя главная задача, считайте, она уже выполнена. Никакой магии не было. Служанка оставила открытым окно кладовки, и через это окно бродяга пробрался в дом. Вот и все объяснение. А никто не пришел на ваши

крики, потому что он обрезал шнур звонка. Когда слуги услышали его вопли, они тут же явились, верно, Лукас?

Лукас, стоявший на коленях перед очагом с кочергой в руке, подтвердил, что так оно и было.

— Я пытался объяснить, сэр, но вы не стали слушать.

Однако мистер Норрелл успел так распалить себя думами о предполагаемой магической силе Винкулюса, что простое объяснение его не устроило.

— Все равно, — сказал он, — я уверен, он хотел мне навредить. Он и так нанес немалый ущерб.

— Еще какой! — согласился Чилдермасс. — В кладовой он успел съесть целых три мясных пирога.

— И два круга сыра, — добавил Лукас.

Мистер Норрелл с неохотой признался себе, что подобные подвиги вряд ли мог свершить великий волшебник, но успокоился он только после того, как излил свое раздражение на окружающих. Под рукой оказались Чилдермасс и Лукас, поэтому волшебник обратил свою гневную речь именно к ним, начав с того, что Винкулюс, без сомнения, величайший злодей на свете, а закончив намеками на то, что дерзкие и нерадивые слуги плохо

кончают.

Чилдермасс и Лукас, которым к такому было не привыкать — они выслушивали подобное чуть ли не каждую неделю, — просто дождались, когда хозяин закончит выражать свое неудовольствие, затем Чилдермасс спросил:

— Если забыть о пирогах и сыре, то зачем этот человек так рисковал? За то, что он забрался в чужой дом, его вполне могли повесить. Чего он хотел?

— Чего хотел? Доставить послание от Короля-ворона! Нашел чем удивить! Ума не приложу, откуда берутся подобные глупости? Он плел что-то о полях сражений, тронах, серебряной короне, но в основном хвастливые сплетни о другом волшебнике, коим, очевидно, мнит себя самого.

Осознав, что Винкулюс не подходит для роли грозного соперника, мистер Норрелл пожалел, что вступил с ним в спор. Куда лучше, рассуждал он, было бы встретить все обвинения возвышенным и таинственным молчанием. Утешало одно: когда Лукас и Дэйви выводили Винкулюса под руки, бродяга выглядел весьма жалко. Затем мистер Норрелл вспомнил о своих выдающихся магических способностях и несравненно более обширных знаниях и окончательно успокоился.

Увы, долго это не продлилось. Снова взявшись за «Язык птиц», волшебник сразу наткнулся на следующий пассаж:

Что есть волшебство, если не дикая мысль птицы, когда та устремляется ввысь? На земле нет других созданий, столь восприимчивых к волшебному. Самые ничтожные из них способны покидать пределы этого мира и проникать в Иные Края. Откуда дует ветер, что шевелит страницы вашей книги? Там, где беззаботная магия крошечных диких созданий встречается с магией человеческой, там, где становится понятным язык ветра, дождя и деревьев, там обретем мы Короля-ворона…[28]

В следующий раз, встретив лорда Портисхеда (случилось это через два дня после описываемых событий), мистер Норрелл обратился к его милости со следующей речью:

— Надеюсь, в одном из ближайших выпусков журнала вы упомянете парочкой резких слов Томаса Ланчестера. Долгие годы я считал «Язык птиц» отважной попыткой донести до читателя ясное и исчерпывающее описание магии аурeатов, однако при более тщательном изучении

---

[28] Примечания: 28
Томас Ланчестер. Трактат «О языке птиц», гл. 6.

его работ я нашел там возмутительные вещи! Мистика, милорд, мистика!

14. Ферма «Разбитое сердце»

Январь 1808 года

Лет за тридцать за прибытия в Лондон мистера Норрелла, задумавшего поразить мир возрождением английской магии, джентльмен по имени Лоуренс Стрендж вступил в права наследования. Наследство его состояло из полуразрушенной усадьбы, пустынных земель, а также гор долговых обязательств и закладных. Испытание серьезное, что и говорить, однако, рассуждал Лоуренс Стрендж, не существует таких затруднений, которые нельзя разрешить при помощи значительной суммы денег. Поэтому, как множество представителей сильного пола до и после него, Лоуренс Стрендж начал присматриваться к наследницам больших состояний, а так как мужчина он был видный, с изящными манерами и хорошо подвешенным языком, то довольно скоро сумел пленить мисс Эрквистаун, шотландскую барышню с девятьюстами фунтами годовых.

На деньги мисс Эрквистаун Лоуренс Стрендж восстановил дом, улучшил состояние земель и выплатил долги. Он даже расширил поместье и начал ссужать деньги под пятнадцать про-

центов. Эти заботы отнимали у Стренджа все время, поэтому он совершенно забросил жену. Более того, Стрендж дал понять бедняжке, что ее общество и беседа ему докучны. Для миссис Стрендж настали тяжелые времена. Поместье Лоуренса Стренджа располагалось в Шропшире, в уединенной местности почти на границе с Уэльсом. Бедная женщина никого там не знала. Привычная к городской жизни, эдинбургским балам, модным лавкам и умным разговорам, она вынуждена была с утра до ночи созерцать высокие и мрачные холмы под бесконечным дождем. Так в одиночестве и тоске прошли пять лет, а затем, простудившись после одинокой прогулки в грозу по тем самым унылым холмам, несчастная умерла.

У мистера и миссис Стрендж был единственный сын, которому ко времени смерти матери исполнилось четыре года. Не прошло и недели после того, как тело миссис Стрендж предали земле, а мальчик уже стал предметом ожесточенного спора между Лоуренсом Стренджем и родственниками его жены. Эрквистауны настаивали, чтобы, по условиям брачного соглашения, бóльшая часть приданого миссис Стрендж оставалась в неприкосновенности, пока ее сын не

достигнет совершеннолетия и не вступит в права наследования. Лоуренс Стрендж, чему никто не удивился, напротив, считал, что волен по своему усмотрению распоряжаться каждым пенни, принадлежавшим миссис Стрендж. Обе стороны наняли адвокатов, и начались два процесса: один в лондонской коллегии юристов гражданского права, другой — в шотландском суде. Обе тяжбы, «Стрендж против Эквистауна» и «Эрквистаун против Стренджа», тянулись годами, и скоро один только вид сына начал вызывать у отца неприязнь. Мальчик казался Лоуренсу Стренджу заболоченным полем или рощицей с больными деревьями — на бумаге вещь стоящая, в действительности же никакого дохода, одни убытки. Если бы английские законы разрешили Лоуренсу Стренджу продать сына и купить другого, повыгоднее, он, несомненно, так бы и поступил[29].

Эрквистауны понимали, что Лоуренс Стрендж вполне способен сделать несчастным сына, как некогда сделал жену, поэтому брат покойной миссис Стрендж предложил Стренджу каждый год отпускать сына погостить в его эдинбургском доме. К немалому удивлению мистера Эрквиста-

---

[29] Примечания: 29

Со временем оба процесса завершились в пользу сына Лоуренса Стренджа.

уна, мистер Стрендж не возражал[30].

Так и случилось, что в детстве Джонатан Стрендж проводил половину года в доме мистера Эрквистауна на Шарлот-Сквер в Эдинбурге, где, как и следовало ожидать, ему привили не самые теплые чувства к отцу. Начальное образование юный Стрендж получил в компании кузин: Маргарет, Марии и Джорджианы Эрквистаун[31].

Эдинбург, несомненно, всегда был одним из самых культурных городов в мире, жители его славились своей образованностью не меньше лондонцев и не меньше их ценили развлечения. Мистер и миссис Эрквистаун изо всех сил старались сделать мальчика хоть немного счастливее, выполняя все его прихоти в надежде, что это поможет юному Стренджу позабыть ту холодность и пренебрежение, которые ждали его в родительском доме. Стоит ли удивляться, что он

---

[30] Примечания: 30

Более того, Лоуренс Стрендж поздравил себя с тем, что ему удастся несколько месяцев в году экономить на питании и одежде для мальчика, что лишний раз доказывает, как непомерная любовь к деньгам способна сделать далеко не глупого человека мелочным и попросту смешным.

[31] Примечания: 31

Биограф Стренджа Джон Сегундус несколько раз упоминает о том, что Стрендж всегда предпочитал общество образованных женщин мужскому обществу («Жизнеописание Джонатана Стренджа». Изд-во Джона Мюррея: Лондон, 1820).

вырос немного избалованным, своевольным и с несколько завышенным мнением о собственной особе?

Тем временем Лоуренс Стрендж старел и богател, но отнюдь не становился добрее.

За несколько дней до того, как Винкулюс ворвался в библиотеку мистера Норрелла, в доме Лоуренса Стренджа появился новый слуга. Старые слуги встретили новичка радушно. Они поведали ему, что Лоуренс Стрендж горд и злобен и поэтому все его ненавидят, что хозяин больше всего на свете любит деньги, а за последние несколько лет едва ли перекинулся парой слов с собственным сыном. Они также добавили, что по характеру старый Стрендж — сущий дьявол и новый слуга должен ни при каких обстоятельствах не вызывать его гнева, иначе ему несдобровать.

Новый слуга поблагодарил коллег и пообещал придерживаться их советов. Однако старым слугам было невдомек, что характером новичок не уступал хозяину. Язвительный, а зачастую и грубый, новый слуга придерживался самого высокого мнения о собственной персоне, ни во что ни ставя других. Об этих своих недостатках новый слуга не упомянул, поскольку сам о них не ведал. То, что он слишком часто ссорился с

друзьями и соседями, порой ставило его в тупик, однако он всегда приходил к заключению, что виноваты сами друзья и соседи. Чтобы читатель не подумал, будто в этой главе речь пойдет о героях исключительно неприятных и злобных, стоит заметить следующее. Злоба составляла альфу и омегу характера Лоуренса Стренджа, в то время как характеру нового слуги были не чужды светлые стороны. Он был не лишен здравого смысла и за других вступался с тем же пылом, с каким мстил за свои воображаемые обиды.

В старости Лоуренс Стрендж спал очень мало. Довольно часто ночью он был даже бодрее, чем днем. Тогда Лоуренс Стрендж мог до утра сидеть за письменным столом, занимаясь бумагами и письмами. Естественно, кто-нибудь из челядинцев вынужден был бодрствовать вместе с хозяином, и спустя несколько дней после прихода в дом нового слуги настала его очередь.

Все шло хорошо, пока около двух часов ночи мистер Стрендж не кликнул нового слугу и не потребовал бокальчик хереса. В подобном приказании не было ничего особенного, однако для нового слуги задача оказалась непростой. Не найдя вина в обычном месте, слуга разбудил сначала горничную, чтобы спросить, где спальня дворец-

кого, а затем и самого дворецкого, чтобы узнать, где хранится херес. Новый слуга потерял еще немного времени, выслушивая речь дворецкого: тот удивлялся, что мистер Стрендж попросил именно херес, чего обычно с ним не случалось. Сын старого мистера Стренджа, мистер Джонатан Стрендж, добавил дворецкий, чтобы дать новому слуге представление об укладе дома, напротив, неравнодушен к хересу и всегда держит бутылочку-другую в своей гардеробной.

В соответствии с полученными инструкциями новый слуга посреди ночи полез за хересом в подвал. Для этого пришлось зажечь свечу, долго идти с ней мрачными холодными коридорами, отряхивая с одежды старую паутину, биться головой о ржавые железки, свисавшие со старого заплесневелого потолка, а потом долго вытирать с лица кровь и грязь. Получив желаемое, мистер Стрендж, недолго думая, осушил бокал и потребовал еще.

Новый слуга решил, что одной прогулки в подвал за ночь вполне достаточно, и, вспомнив слова дворецкого, направился в гардеробную мистера Джонатана Стренджа.

Осторожно войдя внутрь, он обнаружил комнату пустой, однако свечи еще горели. Это не сильно

удивило слугу, который всегда подозревал, что среди грехов, присущих богатым холостым джентльменам, значится также и отсутствие бережливости. Слуга начал открывать комоды и шкафы, заглянул в ночной горшок, под столы и кресла, а также обследовал цветочные вазы. (Если читателя удивили места, куда заглядывал новый слуга, замечу, что в отличие от читателя новый слуга был не понаслышке знаком с домашним укладом богатых холостых джентльменов, и впрямь отличавшимся некоторой эксцентричностью.) Бутылку с хересом он обнаружил, как и ожидал, в хозяйском сапоге, где она выполняла роль колодки.

Наливая вино в бокал, слуга случайно бросил взгляд на зеркало, висевшее на стене, и обнаружил, что комната отнюдь не пуста. Джонатан Стрендж сидел в кресле с высокой спинкой и изумленно наблюдал за действиями нового слуги. Тот не сказал в свое оправдание ничего — в отличие от собрата-слуги, который схватил бы все с полуслова, джентльмен попросту его не понял бы — и вышел из комнаты.

С первого дня в доме новый слуга питал надежды возвыситься над прочей челядью. Ему казалось, что незаурядный ум и жизненный опыт

вскоре позволят ему стать незаменимым помощником обоих Стренджей. В воображении слуги хозяева уже обращались к нему с такой, например, речью: «Как ты понимаешь, Джереми, дело важное, и я не могу поручить его никому, кроме тебя». Не то чтобы после этого происшествия слуга оставил надежды на скорое возвышение, но даже он понимал, что вряд ли Джонатан Стрендж захочет иметь дело с человеком, который забрался в его комнату за вином.

Так и случилось, что, обманувшись в своих карьерных ожиданиях, слуга вошел в кабинет мистера Стренджа в самом раздраженном состоянии духа. Мистер Стрендж осушил бокал и заметил, что не прочь повторить. На это новый слуга издал глухой возглас, дернул себя за волосы и выкрикнул:

— Зачем же тогда, старый дуралей, не сказали сразу? Я бы принес бутылку!

Мистер Стрендж удивленно посмотрел на слугу и мягко промолвил, что раз тому так трудно, то не стоит беспокоиться.

Новый слуга вернулся на кухню (гадая, не грубовато ли ответил). Через несколько минут снова раздался звонок. Мистер Стрендж сидел за столом с письмом в руке, глядя в окно, за которым царил

непроглядный мрак и хлестал дождь.

— По другую сторону холма живет человек, — сказал мистер Стрендж, — и это письмо, Джереми, должно попасть к нему до восхода солнца.

Ага, подумал слуга, началось! Срочное дело, которое необходимо решить не иначе как под покровом ночи. Как это понимать? Объяснение могло быть одно: хозяин предпочел доверить ответственное поручение именно ему. Весьма польщенный, новый слуга с жаром заявил, что отправится немедленно, и взял письмо, на котором значилось одно таинственное слово — «Виверн». Он спросил, есть ли у дома название, чтобы он мог в случае надобности узнать дорогу.

Мистер Стрендж начал объяснять, что у дома нет названия, но внезапно остановился и рассмеялся:

— Просто спроси Виверна с фермы «Разбитое сердце».

Мистер Стрендж велел слуге свернуть с дороги рядом со сломанной калиткой напротив таверны «Черный пень» — за калиткой он найдет тропу, которая и приведет его к ферме.

Слуга взял большой фонарь, оседлал коня и поскакал по дороге. Ночь выдалась ненастная. Дул сильный ветер, неистовый ливень хлестал в

лицо, и скоро слуга промок до нитки и до смерти замерз.

Тропинка начиналась сразу за таверной и вела к заросшему холму. Хотя вряд ли справедливо назвать ее тропинкой — молодые деревца пробивались прямо посередине, а ветер так раскачивал ветки, что они хлестали слугу, словно плети. За полмили слуга устал, словно после потасовки с четырьмя здоровыми молодцами (что ему, по горячности характера частенько ввязывавшемуся в драки, было не в новинку). Он проклинал ленивца и неряху Виверна, который не озаботился привести свою изгородь в порядок. Прошло не меньше часа, прежде чем слуга добрался до чего-то, отдаленно напоминавшего поле, но вскоре опять пошли заросли колючих кустов и ежевики, и он жалел, что не захватил топор.

Он привязал лошадь к дереву и попытался пробиться сквозь заросли на своих двоих. Кустарник разросся так, что временами слуге казалось, будто колючки впились в него одновременно в нескольких местах и ему уже никогда не выбраться. Странно, что кто-то жил за такой высокой и колючей изгородью. Слуга не удивился бы, обнаружив, что мистер Виверн спит уже добрую сотню лет. Ладно, подумал он, лишь бы не при-

шлось этого Виверна целовать.

Когда хмурый серый рассвет окрасил небо над холмом, слуга добрался до разрушенного домишки, которому, казалось, не столько разбили сердце, сколько свернули шею.

Стена склонилась в земном поклоне, над ней нависла дымовая труба. Каменная черепица осыпалась, и в прорехах крыши проглядывали деревянные перекрытия, словно ребра. Кусты бузины и боярышника заполонили внутреннее пространство дома; в безудержном стремлении вырваться наружу они давно разбили стекла и сорвали двери с петель.

Новый слуга стоял под дождем, разглядывая мрачный пейзаж. Подняв голову, он заметил, что кто-то спускается с холма — сказочного вида фигура в огромной шляпе странной формы и с посохом в руке. Когда фигура приблизилась, стало понятно, что это обычный фермер, а сходство со сказочным существом ему придает кусок ткани на голове, намотанный для защиты от дождя.

Пришелец приветствовал слугу:

— Эй, парень! Что ты с собой сделал? Смотри, ты весь в крови, а одежда разодрана в клочья!

Новый слуга опустил глаза и убедился, что незнакомец прав. Он объяснил, что тропинка

слишком заросла колючим кустарником.

Фермер в удивлении воззрился на него.

— Но ведь есть же хорошая дорога, — воскликнул он, — в четверти мили к западу, да и идти в два раза ближе! Кто посоветовал тебе старую тропинку?

Новый слуга не ответил, но спросил фермера, где ему найти мистера Виверна с фермы «Разбитое сердце»?

— Да, точно, это дом Виверна, но он уже пять лет как помер. Ферма «Разбитое сердце», говоришь? Кто тебе сказал, что это место так называется? Тебя точно разыграли. Ну еще бы, старая тропинка, «Разбитое сердце»! Хотя это название не хуже прочих. Здесь и вправду разбилось сердце бедного Виверна. Ему не повезло владеть землей, на которую положил глаз один джентльмен в долине, и когда Виверн отказался продать землю, джентльмен нанял негодяев, которые ночью выкопали все его бобы, морковь и капусту, а когда и это не сработало, он стал судиться с бедным Виверном. Конечно же, Виверн ничего не смыслил в судебном крючкотворстве и дело проиграл.

Новый слуга призадумался.

— Мне кажется, — наконец сказал он, — я знаю, как зовут этого джентльмена.

— Эх, — вздохнул фермер, — кто ж его не знает. — Он вгляделся в слугу. — Парень, да ты белый, как молочная запеканка, а трясешься так, что того и гляди развалишься на куски.

— Я продрог, — сказал новый слуга.

Фермер (которого звали Бульбридж) стал настойчиво уговаривать слугу пойти к нему домой, обогреться, поесть и выпить чего-нибудь, а то и полежать малость. Однако новый слуга, поблагодарив фермера, ответил, что не стоит беспокоиться, он просто замерз.

Другой тропинкой Бульбридж вывел его к дороге, и слуга поскакал обратно, к дому мистера Стренджа.

Покуда он скакал, безрадостное белесое солнце поднималось на безрадостное бледное небо, словно аллегория отчаяния. Новому слуге казалось, что солнце — злосчастный Виверн, а небо — ад и мистер Стрендж поместил Виверна на небо, чтобы тот мучился вечно.

По возвращении нового слуги прочая челядь собралась вокруг него.

— Эх, малый, — сочувственно восклицал дворецкий, — на кого ты похож! Это из-за хереса, а, Джереми? Он разозлился на тебя из-за хереса?

Новый слуга свалился с лошади на землю, затем

схватил дворецкого за полу сюртука и стал умолять выдать ему удочку, чтобы он мог вытащить бедного Виверна из ада.

Из-за этой и прочих столь же невразумительных речей остальные поняли, что нового слугу лихорадит. Беднягу положили в постель и послали за доктором. Однако Лоуренс Стрендж, прослышав об этом, тут же послал второго гонца с сообщением, что доктор не требуется. Затем Лоуренс Стрендж заявил, что хочет овсянки и требует, чтобы принес ее именно новый слуга. Дворецкий отправился на поиски Джонатана Стренджа, чтобы тот вмешался, но выяснилось, что молодой хозяин рано утром ускакал в Шрусбери и ожидается только на следующий день. Слуги вытащили несчастного больного из постели, одели его, впихнули поднос с овсянкой в негнущиеся руки и вытолкнули в дверь. Весь день мистер Стрендж выдумывал все новые незначительные поручения, каждое из которых — и хозяин особенно на этом настаивал — непременно предполагало участие нового слуги.

К ночи новый слуга пылал жаром, как железный чайник, и нес какой-то горячечный бред о бочках с устрицами. Однако мистер Стрендж приказал новому слуге бодрствовать и эту ночь и

велел дожидаться его в кабинете.

Дворецкий отважно предложил заменить собой несчастного больного.

— Нет, ты не подходишь для того поручения, которое я намерен ему дать, — заявил мистер Стрендж, а в глазах его вспыхнул опасный огонек, — к тому же я так ценю его присутствие. Ты говоришь, он выглядит больным? А я утверждаю, что ему всего лишь необходим свежий воздух.

И старый Стрендж открыл окно над письменным столом. В комнату ворвался холодный ветер, а в воздухе закружились снежные хлопья.

Дворецкий вздохнул и прислонил нового слугу (который тут же начал заваливаться набок) к стене, а в карман его тайно засунул грелки для рук.

В полночь служанка отнесла мистеру Стренджу овсянку. Вернувшись на кухню, она сообщила, что хозяин обнаружил грелки и вытряхнул их на стол. Слуги печально разошлись по спальням, уверенные, что назавтра обнаружат нового слугу мертвым.

Наступило утро. Дверь кабинета мистера Стренджа оставалась закрытой. В семь утра никто не позвонил в колокольчик. Восемь часов. Девять. Десять. Слуги в отчаянии заламывали руки.

Однако слуги забыли, как, впрочем, и их хозяин, что новый слуга молод и силен, а Лоуренс Стрендж стар и, что бы ни пришлось вытерпеть этой ночью слуге, хозяин вынужден был делить с ним все испытания. В семь минут одиннадцатого дворецкий и кучер отважились войти в кабинет и обнаружили, что новый слуга спит на полу, а его лихорадки как не бывало. В другом конце кабинета за письменным столом сидел Лоуренс Стрендж, замерзший насмерть.

Когда события этой и предыдущей ночи стали достоянием общественности, новый слуга проснулся знаменитостью, словно победитель дракона или великана.

Разумеется, новому слуге очень льстила подобная известность, и он рассказывал и пересказывал историю, пока сам не начал верить в то, что после требования принести третий бокал хереса разразился следующей речью: «Ага, старый злыдень, недолго тебе осталось оскорблять честных людей и сводить их в могилу, придет день — и ждать его недолго, — тогда ты ответишь за каждый вздох, что исторг из их груди, и за каждую вдовью слезинку!» Точно так же вскоре все в округе знали, что когда старый мистер Стрендж открыл окно, движимый благим побуждением заморозить

нового слугу до смерти, тот выкрикнул: «Сначала холод, Лоуренс Стрендж, жар в конце! Сначала холод, жар в конце!» — пророческое замечание о месте, где ныне пребывает Лоуренс Стрендж.

15. «Как здоровье леди Поул?»

Январь 1808 года

«Как здоровье леди Поул?»

Вопрос этот без конца задавали друг другу лондонцы разных сословий. На рассвете на рынке Ковент-Гарден продавец овощей спрашивал у цветочницы: «Как здоровье леди Поул?» В магазине Аккермана на Стрэнде сам владелец расспрашивал посетителей (среди которых были титулованные особы и столичные знаменитости) о состоянии здоровья ее милости. На нудных заседаниях в палате общин члены парламента шептались об этом со своими соседями (предварительно удостоверившись, что сэр Уолтер их не слышит). Ранним утром в Мэйфере горничные с замиранием сердца интересовались у своих хозяек: «А была вчера на приеме леди Поул? Как здоровье ее милости?»

Вопрос витал в воздухе: «Как здоровье леди Поул?»

Ответ же был таков: «Ах, все хорошо, просто замечательно!»

Впрочем, английский язык слишком беден, чтобы выразить, насколько хорошо чувствова-

ла себя ее милость. По сравнению с леди Поул все прочие люди на свете казались бледными, усталыми, полуживыми. Бьющая через край энергия не оставляла леди Поул с первого утра ее воскресения из мертвых. На улице люди удивлялись, что знатная леди вышагивает с такой быстротой, а красный, запыхавшийся лакей на несколько шагов отстает от госпожи. Однажды утром военный министр, выходя от Драммонда на Чаринг-кросс, был сбит с ног ее милостью, стремительно несшейся навстречу. Она помогла ему подняться, поинтересовалась, не ушибла ли его, и, прежде чем министр нашелся с ответом, умчалась прочь.

Как все девятнадцатилетние женщины, леди Поул была без ума от балов. Она могла протанцевать все танцы подряд, ничуть не запыхавшись, и удивлялась, когда кто-нибудь уходил до окончания празднества.

— И это вялое действо они называют балом? — говорила она сэру Уолтеру. — Мы танцевали всего три часа!

Кроме того, ее милость изумлялась слабости прочих танцоров:

— Бедняжки! Как мне их жалко!

За здоровье леди Поул пили военные, флотские

и духовенство. Сэра Уолтера Поула называли главным счастливцем королевства, да и сам сэр Уолтер придерживался того же мнения. Мисс Уинтертаун — бледная, немощная мисс Уинтертаун — будила в нем жалость, но леди Поул, беспечно сияющая превосходным здоровьем и неизменно бодрым настроением, вызывала его восхищение. Случай с военным министром казался сэру Уолтеру лучшей шуткой на свете, и он не уставал пересказывать его всем знакомым. Сэр Уолтер доверительно признался леди Уинзелл, своему близкому другу, что леди Поул — такая остроумная, такая живая — и есть женщина, какую он искал всю жизнь. Его особенно изумляла независимость ее суждений.

— На прошлой неделе она высказала мысль, что правительству не следует помогать деньгами и войсками королю Швеции, как мы решили, а напротив, поддержать правительства Португалии и Испании, дабы использовать их территории как плацдарм в войне с Бонапартом. Такая глубина мысли и точность суждений всего в девятнадцать лет! Так смело противоречить политике правительства! Разумеется, я сказал леди Поул, что ей следовало бы заседать в парламенте!

Леди Поул соединяла очарование красоты, по-

литики, богатства и магии. В лондонском модном свете не сомневались, что именно ей предстоит стать в скором времени его украшением. Леди Поул вышла замуж почти три месяца назад — пришло время доказать, что она достойна той роли, которую прочили ей судьба и модный свет. Вскоре были разосланы приглашения, извещающие, что во вторую неделю января на Харли-стрит состоится великолепный обед.

Первый обед, который дает молодая хозяйка, — важнейшее событие в ее жизни, влекущее бездну хлопот. Мало заслужить всеобщее одобрение манерами и воспитанием. Недостаточно изысканного платья и безошибочно подобранных украшений, умения непринужденно беседовать по-французски, петь и играть на фортепьяно. Теперь молодая хозяйка должна обратить свое внимание к французской кухне и французским винам. Несмотря на множество советчиков, превосходно разбирающихся в этих тонких материях, направлять даму должны собственный вкус и наклонности. Долой материнское попечение — молодая хозяйка все устроит на свой лад. В лондонском высшем свете было принято обедать вне дома четыре-пять раз в неделю. Как новобрачной — пусть ей исполнилось всего лишь

девятнадцать и она едва ли когда-нибудь в своей недолгой жизни заглядывала на кухню — потрафить столь пресыщенным вкусам?

Затем слуги. В доме новобрачной все слуги, как правило, новенькие. Когда что-то срочно понадобится — свечи, особые вилки, салфетки, чтобы нести горячую супницу, — смогут ли они это отыскать? В случае леди Поул сложности утраивались. Половина слуг была из Нортгемптоншира, из поместья ее милости в Грейт-Хизердене, а другую половину наняли в Лондоне.

Общеизвестно, какая громадная пропасть пролегает между провинциальными и столичными слугами. Дело тут не в том, что им приходится выполнять разные обязанности. И в Нортгемптоншире, и в Лондоне слуги должны готовить, убирать и быть на побегушках. Нет, тонкое различие заключается в том, *как* исполняются эти обязанности в столице и в провинции.

Вот, скажем, провинциальный сквайр из Нортгемптоншира решит посетить соседа. Визит завершен, и лакей подает сквайру плащ. Здесь он вполне может почтительно поинтересоваться здоровьем жены сквайра, а тот в свою очередь, нисколько не оскорбившись, задаст вопрос сам. Возможно, сквайр слышал, что бабушка лакея

упала и поранилась, когда срезала капусту в огороде, вот он и спросит, оправилась ли старушка? И сквайр, и лакей живут в тесном, замкнутом мирке и наверняка знают друг друга с детства.

Совсем не так обстоят дела в Лондоне. Здесь и помыслить нельзя, чтобы лакей обратился к гостям хозяина. Слуга должен вести себя так, словно никогда в жизни и слыхом не слыхивал, что в мире существуют такие диковины, как бабушки и капуста.

В доме девять по Харли-стрит провинциальные слуги леди Поул утратили покой — они все время боялись сделать что-нибудь не так и никогда не были уверены, что делают все как полагается. Даже их выговор служил поводом для насмешек. Лондонские слуги не всегда понимали их провинциальный акцент (впрочем, и не особенно к этому стремились). Так, провинциалы именовали крыжовенный джем — кружовенным, смородинный — смородиновым и прочее в том же духе, а незатейливые петрушка и сельдерей были им гораздо роднее заморских спаржи и артишоков.

Лондонским слугам нравилось потешаться над провинциалами. Однажды они подали молодому лакею Альфреду тарелки с вонючей грязной водой, сказав, что это французский суп и ему

следует подать его на обед слугам. Частенько столичные слуги передавали через провинциалов послания помощнику мясника, пекарю и фонарщику. Послания эти были составлены из самых грубых и оскорбительных столичных словечек, которых провинциалы слыхом не слыхивали. Однажды, получив подобное сообщение, помощник мясника в сердцах заехал бедному Альфреду в глаз, а столичные слуги в это время прятались в кладовке и помирали со смеху.

Разумеется, провинциальные слуги не переставая жаловались леди Поул (которую знали с детства). Леди Поул с горечью сознавала, что старые друзья несчастливы в ее новом доме. Неопытная в таких делах, ее милость не знала, как поступить. Леди Поул не сомневалась в правдивости старых слуг, но боялась своим вмешательством только ухудшить дело.

— Что я должна делать, сэр Уолтер? — спросила она у мужа.

— Делать? — удивился сэр Уолтер. — Ничего не надо делать. Предоставьте все Стивену Блэку. Скоро под его началом слуги станут кроткими, как овечки, и дружными, как стайка дроздов.

До женитьбы у сэра Уолтера был только один слуга — Стивен Блэк, которому он безгранично

доверял. В доме на Харли-стрит Стивена Блэка называли «дворецким», но обязанности его простирались гораздо шире обязанностей обычного дворецкого. Стивен Блэк вел дела с банкирами и поверенными сэра Уолтера; изучал отчеты управляющих имением леди Поул; оплачивал счета; полагаясь только на собственное суждение, нанимал слуг, управлял их работой и выплачивал жалованье.

Разумеется, во многих домах есть слуги, которые благодаря своим исключительным способностям и дарованиям занимают особое положение среди прочей челяди. Однако в случае Стивена Блэка это положение было тем более исключительным, что Стивен Блэк был негром. Я говорю «исключительным», ибо нечасто негр становится самым уважаемым слугой в доме — и не важно, усердно ли он трудится, не важно, умен ли он. Однако Стивену Блэку удалось каким-то неведомым образом разорвать этот порочный круг. Конечно, дворецкий с Харли-стрит обладал немалыми достоинствами, среди которых значились красивое лицо и статная фигура. К тому же хозяин его был политиком и не собирался упускать случай подчеркнуть свои либеральные принципы, фактически доверив управление

домом чернокожему.

Новые слуги слегка удивились, увидев, что отныне им предстоит трудиться под началом чернокожего. Многим из них до сей поры даже не доводилось видеть негров. Поначалу они встретили это известие с негодованием и решили ответить грубостью, если негр вздумает им указывать. Впрочем, каковы бы ни были их первоначальные намерения, вскоре слуги обнаружили, что Стивену Блэку не очень-то нагрубишь. Его степенный вид, властные манеры и продуманные указания убедили слуг, что лучше подчиниться.

Помощник мясника, пекарь, фонарщик и прочие персоны из окружения слуг с Харли-стрит проявляли немалый интерес к чернокожему дворецкому. Они расспрашивали у слуг сэра Уолтера о жизни Стивена Блэка. Что он ест и пьет? Кто числится в его друзьях? Выходит ли он в свободное время? И когда слуги с Харли-стрит ответили, что дворецкий на завтрак съедает три вареных яйца, его лучший друг — валлиец — камердинер военного министра, а прошлым вечером дворецкий танцевал на балу для слуг в Уоппинге, помощник мясника, пекарь и фонарщик остались весьма довольны столь подробным ответом.

Слуги с Харли-стрит поинтересовались, зачем им эти сведения? Помощник мясника, пекарь и фонарщик были потрясены. Как, разве слуги с Харли-стрит не знают? Слуги с Харли-стрит не знали. Помощник мясника, пекарь и фонарщик объяснили, что вот уже многие годы по Лондону ходят слухи, будто Стивен Блэк вовсе не дворецкий, а тайный африканский принц, наследник громадного королевства, и всем давно известно, что когда он устанет служить дворецким, то вернется домой и женится на принцессе, такой же черной, как и он сам.

После такого открытия слуги с Харли-стрит стали потихоньку наблюдать за дворецким и скоро сочли, что в слухах нет ничего удивительного. И действительно, разве их послушание не может служить лучшим тому подтверждением? Трудно представить, чтобы независимые и гордые англичане признали авторитет чернокожего, если бы безотчетно не почитали в нем особу королевской крови!

Стивен Блэк и не подозревал об этих любопытных теориях. Он, как всегда, усердно исполнял свои обязанности. Чистил серебро, учил лакеев сервировать стол на французский манер, выговаривал поварам, заказывал скатерти, ножи и

вилки — в общем, пытался переделать сразу те тысячу и одно дело, необходимые, чтобы подготовить дом к великолепному обеду, который давала ее милость. К назначенному вечеру его усилиями все было устроено в лучшем виде. Вазы с оранжерейными розами стояли в гостиной, столовой и на лестницах. Белоснежная камчатная скатерть покрывала обеденный стол, сиявший всем блеском серебра, хрусталя и пламенем свечей. Два громадных венецианских зеркала висели на противоположных стенах — следуя инструкциям Стивена, слуги расположили зеркала так, чтобы отражения серебра, хрусталя и свечей двоились, троились и вновь троились. Когда гости расселись по местам, они растворились в золотом сиянии, словно в лучах славы.

Самым важным из гостей был мистер Норрелл. Как изменился он со времени приезда в Лондон! Тогда он был никому не известен — тогда он был никем. Теперь же вся знать добивалась его внимания. Гости постоянно интересовались его мнением по тому или иному вопросу и чувствовали себя польщенными, получив короткий и не слишком учтивый ответ: «Понятия не имею, о ком вы говорите», или «Не имел чести знать этого джентльмена», или «Никогда не бывал в

тех местах».

Некоторые замечания мистера Норрелла, наиболее значимые, подхватывали мистер Дролайт и мистер Лассельс. Они сидели по обе стороны от волшебника, без устали развивая его мысли о современной магии, чтобы сделать их понятными для прочих гостей. В этот вечер темой разговора стала магия. Сидя за одним столом с единственным в Англии волшебником и дамой, ставшей объектом его чар, гости просто не могли говорить или думать ни о чем другом. Вскоре разговор коснулся бессчетных случаев удачного использования магических заклинаний, которые участились после воскрешения леди Поул.

— Каждая провинциальная газета может похвастаться двумя-тремя подобными примерами, — согласился лорд Каслри. — Вчера в «Батском вестнике» я прочел о некоем человеке по имени Гиббонс с Милсом-стрит, который проснулся ночью, услышав, как воры лезут в его дом. Кажется, он владел большим собранием магических книг. Он применил заклинание, которое превратило грабителей в мышей.

— Неужели? — удивился мистер Каннинг. — А что же случилось с мышами?

— Они юркнули в дыру под обшивкой стены.

— Ха! — сказал мистер Лассельс. — Поверьте мне, милорд, не было там никакой магии. Этот Гиббонс услыхал шум, испугался грабителей, произнес заклинание, открыл дверь и обнаружил за ней — нет, не грабителей, а всего лишь мышей. Дело в том, что там с самого начала не было никого, кроме мышей. Все эти истории — ложь от начала до конца. В Линкольне живет один священник по фамилии Мальпас; так вот, они с сестрой — жены у него нет — занимаются тем, что исследуют подобные случаи, но до сих пор не обнаружили ни одного настоящего чуда.

— Они преклоняются перед мистером Норреллом, священник и его сестра! — с воодушевлением подхватил Дролайт. — Они счастливы, что явился человек, который возродил искусство английской магии! Им невыносимо думать, что находятся люди, которые хотят присвоить себе его великие свершения! Одна мысль, что кто-то тщится сравняться с мистером Норреллом, им ненавистна! Для них это — личное оскорбление! Мистер Норрелл был так добр, что снабдил их надежными средствами определения подлинности чудес, и теперь мистер Мальпас и мисс Мальпас колесят по стране в своем фаэтоне и выводят мошенников на чистую воду!

— Вы слишком великодушны к этому Гиббонсу, мистер Лассельс, — заметил мистер Норрелл в своей обычной суховатой манере, — не столь уж очевидно, что у него не было злодейских намерений. Прежде всего, он лжет, будто владеет собранием магических книг. Я послал Чилдермасса проверить, и тот говорит, что там нет книг, изданных ранее тысяча семьсот шестидесятого года. Ничтожество! Совершеннейшее ничтожество!

— И тем не менее, — обратилась леди Поул к мистеру Норреллу, — мы надеемся, что священник и его сестра вскоре отыщут настоящего волшебника, который станет вашим помощником, сэр.

— Ах, да где же? — воскликнул Дролайт. — Больше нет никого! Никого! Ради того, чтобы свершить все эти великие деяния, мистер Норрелл на долгие годы запер себя в библиотеке. Увы, ныне подобное самопожертвование ради блага страны столь редко! Уверяю вас, больше в Англии волшебников нет!

— Все равно, — настаивала ее милость, — священник с сестрой не должны бросать поиски! На собственном опыте мне известно, сколько трудов требуется ради одного магического опыта. Только представьте себе, чего бы достиг мистер Норрелл,

работай он вместе с помощником!

— Увы, — сказал мистер Лассельс. — Брат и сестра Мальпас не нашли никаких следов подобного человека.

— Однако, судя по вашим словам, мистер Лассельс, — воскликнула леди Поул, — их цель — разоблачать фальшивую магию, а не искать новых магов. Но раз уж они путешествуют по стране в своем фаэтоне, то могли бы провести некоторые изыскания — разузнать, кто занимается магией, у кого есть собрания магических книг. Полагаю, это не составит для них большого труда. Они будут только рады помочь вам, сэр, — обратилась ее милость к мистеру Норреллу. — А нам остается надеяться, что в скором времени их поиски завершатся удачей, и тогда вам не будет так одиноко.

Наконец гости воздали должное всем пятидесяти или около того блюдам, а остатки лакеи убрали со стола. Дамы удалились, а джентльмены остались с портвейном и сигарами. Однако сегодня что-то мешало им наслаждаться обществом друг друга. Джентльменам хотелось продолжить разговор о магии. Даже сплетни про общих знакомых и, страшно подумать, разговоры о политике не приносили облегчения. Вскоре джентльмены

почувствовали, что им просто необходимо увидеть очаровательную хозяйку дома, и довольно безапелляционно заявили сэру Уолтеру, что он соскучился по жене. Сэр Уолтер уверил их, что это не так. Нет, разве такое возможно? Общеизвестно, что молодожены несчастливы в разлуке и даже недолгая отлучка супруги способна выбить молодого мужа из колеи и лишить аппетита. Не кажется ли вам, господа, что вид у сэра Уолтера болезненный, словно у пациента, страдающего от разлития желчи? Сэр Уолтер отверг и эти обвинения. Ему нравится делать хорошую мину при плохой игре? Что ж, достойно джентльмена. Однако его отчаянное состояние просто бросается в глаза! Из сострадания друзья сэра Уолтера должны немедленно воссоединиться с дамами.

Из угла рядом с буфетом Стивен Блэк смотрел, как джентльмены выходят. В комнате остались лакеи: Альфред, Джеффри и Роберт.

— Подавать чай, мистер Блэк? — с невинным видом поинтересовался Альфред.

Стивен Блэк поднял вверх тонкий палец и слегка нахмурился, давая понять, что лакеям следует оставаться на местах и не шуметь. Он подождал, когда джентльмены уйдут, а затем воскликнул:

— Да что с вами сегодня? Альфред! Я понимаю,

что тебе нечасто приходится прислуживать таким гостям, но это не повод забыть все свои навыки! Я поражен твоей бестолковостью!

Альфред пробормотал извинения.

— Лорд Каслри попросил тебя передать куропатку с трюфелем. Я отчетливо слышал его слова! А ты подал ему клубничное желе! О чем ты только думал?

Альфред снова неразборчиво что-то пробормотал — слышно было только слово «испугался».

— Испугался? Чего?

— Мне показалось, что за креслом ее милости стоит странный незнакомец.

— Альфред, о чем ты толкуешь?

— Высокий господин в зеленом сюртуке с сияющей копной седых волос склонился над леди Поул. А через секунду исчез.

— Альфред, посмотри туда.

— Слушаюсь, мистер Блэк.

— Что ты видишь?

— Шторы, мистер Блэк.

— А еще что?

— Канделябр.

— Зеленые бархатные шторы и горящий канделябр. Вот и твой незнакомец в зеленом сюртуке с седой головой, Альфред. А теперь ступай и помо-

ги Кисси вынуть фарфор и в будущем постарайся вести себя благоразумнее. — Стивен Блэк повернулся к другим лакеям. — Джеффри! Ты ничем не лучше Альфреда! Могу поклясться, даже сейчас ты витаешь в облаках! Что ты можешь сказать в свое оправдание?

Джеффри не сразу нашелся с ответом. Бедняга моргал и сжимал губы, словно боялся расплакаться.

— Простите, мистер Блэк, меня расстроила музыка.

— Музыка? — переспросил дворецкий. — Какая музыка? А, вот и она! Струнный квартет в гостиной. Но они только что вступили!

— Нет, мистер Блэк! Я о скрипках и флейтах, что весь обед играли в соседней комнате. Ах, мистер Блэк! Это самая печальная музыка на свете! Я думал, она разобьет мне сердце!

Стивен недоуменно уставился на лакея:

— Не понимаю тебя, Джеффри. Я не слышал никаких скрипок и флейт. — Он повернулся к третьему лакею, черноволосому крепышу лет сорока. — Роберт! У меня нет слов! Ты забыл наш вчерашний разговор?

— Нет, мистер Блэк.

— Разве я не говорил тебе, что ты должен пока-

зывать пример остальным слугам?

— Говорили, мистер Блэк.

— Ты не меньше полудюжины раз за вечер подходил к окну. О чем ты только думал? Леди Уинзелл искала глазами кого-нибудь — попросить чистый бокал. Ты должен был прислуживать гостям ее милости, а не глазеть в окно!

— Простите меня, мистер Блэк, но я услышал стук.

— Стук? Что за стук?

— Ветки бились о стекло, мистер Блэк.

Стивен Блэк издал нетерпеливый возглас:

— Роберт, рядом с домом нет деревьев! Ты это знаешь не хуже меня!

— Мне показалось, что вокруг дома вырос лес.

— Что? — воскликнул Стивен.

16. «Утраченная Надежда»

Январь 1808 года

Слуги с Харли-стрит по-прежнему считали, что их преследуют зловещие призраки и скорбные звуки. Повара Джона Лонгриджа и судомоек беспокоил бой колокола. От этого звука, объяснял повар Стивену Блэку, на ум приходили все некогда умершие близкие, все лучшие, но, увы, прошедшие минуты и все грустные события в жизни. Слуги тосковали, их посещали странные мысли: а стоит ли вообще жить на этом печальном свете?

Джеффри и Альфреда, самых молодых, мучили звуки флейт и скрипок, которые Джеффри впервые услыхал в вечер памятного обеда, причем обоим казалось, что музыка всегда играет в соседней комнате. Стивен водил их по дому, показывал, что нигде нет музыкантов, играющих на скрипках и флейтах, но безуспешно — лакеи становились все печальнее и боязливее.

Однако больше всего Стивена изумляло поведение Роберта, старшего из слуг. Стивен всегда считал Роберта разумным, добросовестным и заслуживающим доверия и меньше всего ожидал,

что именно Роберт станет жертвой вымышленных страхов. Тем не менее Роберт по-прежнему утверждал, что слышит, как невидимый лес разрастается вокруг дома. Роберт чувствовал, как призрачные ветки царапают стены и стучатся в окно, а корни украдкой пробираются под фундамент и выталкивают кирпичи. Этот лес стар, говорил Роберт, и исполнен злобы. Путешественнику следует бояться деревьев не меньше, чем тех, кто за ними прячется.

Ближайший лес, возражал Стивен Блэк, в четырех милях отсюда, в Хэмпстеде, и там деревья выглядят довольно ухоженными. Они не теснят человеческие жилища и не разрушают их. Однако, что бы ни говорил Стивен, Роберт лишь качал головой и трясся от страха.

Дворецкого утешало одно: странная мания стерла различия между слугами. Лондонцам больше не было дела до медлительности и неотесанности провинциалов. Провинциалы перестали жаловаться Стивену, что столичные слуги в насмешку посылают их выполнять несуществующие поручения. Слуг объединил страх, что дом захвачен призраками. После дневных трудов слуги собирались на кухне и рассказывали страшные истории о домах с привидениями и о страшных судьбах

их обитателей.

Через две недели после обеда, который давала леди Поул, слуги сидели на кухне, предаваясь любимому занятию. Стивен устал слушать одно и то же и ушел в свою комнатку почитать газеты. Он не пробыл там и нескольких минут, как услыхал колокольчик. Стивен отложил газету, надел черный сюртук и отправился узнать, что случилось.

В коридорчике между кухней и комнатой дворецкого на стене висели колокольчики, под которыми значились названия комнат, аккуратно выведенные коричневой краской: «венецианская гостиная», «желтая гостиная», «столовая», «гостиная леди Поул», «спальня леди Поул», «гардеробная леди Поул», «кабинет сэра Уолтера», «спальня сэра Уолтера», «гардеробная сэра Уолтера», «Утраченная Надежда».

— «Утраченная Надежда»? — удивился про себя Стивен. — Что за чертовщина?

Сегодня утром он собственноручно заплатил за работу плотнику и внес сумму в учетную книгу: «Амосу Джадду, за установку девяти колокольчиков и надписи под ними — четыре шиллинга». Однако перед глазами дворецкого висели десять колокольчиков. И десятый дергался изо всех сил.

«Должно быть, это Джадд, — подумал Стивен. —

Вздумал надо мной подшутить. Придется ему завтра утром все переделать».

Не зная, что предпринять, Стивен обошел первый этаж и заглянул в комнаты — все были пусты. Затем поднялся на второй этаж.

На лестничной площадке перед ним была совершенно новая дверь.

— Кто там? — прошептал из-за двери незнакомый голос.

Казалось удивительным, что шепот может быть столь проникновенным. Кроме того, голос как будто входил в голову не через уши, а другим, неведомым образом.

— Кто-то стоит на лестнице! — настаивал шепот. — Слуга? Заходи, ты мне нужен.

Стивен постучался и вошел.

Внутри комната оказалась не менее таинственной, чем непонятно откуда взявшаяся дверь. Если бы Стивена попросили ее описать, он сказал бы, что она убрана в готическом стиле. Однако здесь не было обычных готических украшений, приведенных, к примеру, на страницах «Хранилища искусств» мистера Аккермана. Ни средневековых стрельчатых арок, ни изысканной деревянной резьбы, ни религиозных мотивов. Стены и пол из простого серого камня, очень потертого и

местами неровного, потолок сводчатый. В единственном оконце проглядывало усыпанное звездами небо. В оконце торчали осколки стекла, а по комнате гулял зимний ветер.

Бледный джентльмен с удивительной копной серебристых волос, словно пух на отцветшем чертополохе, неодобрительно изучал свое отражение в старом треснувшем зеркале.

— А, наконец-то! — сказал он Стивену с кислым видом. — В этом доме вечно никого не дозовешься!

— Приношу вам глубокие извинения, сэр, — ответил Стивен, — но никто не сказал мне о вашем приезде.

Он решил, что бледный джентльмен — гость сэра Уолтера или леди Поул; это, впрочем, объясняло присутствие джентльмена, но не таинственной комнаты. Джентльменам свойственно останавливаться в чужих домах, чего не скажешь о комнатах.

— Чем могу вам служить, сэр? — спросил Стивен.

— До чего же ты глуп! — воскликнул джентльмен с волосами как пух. — Разве тебе не известно, что сегодня ко мне на бал приглашена леди Поул? Мой слуга куда-то запропастился. Как я предстану

перед прекрасной леди Поул в таком виде?

Бесспорно, у джентльмена был повод для жалоб: небритое лицо, удивительные серебристые волосы спутаны, а из одежды — старомодный шлафрок.

— Я к вашим услугам, сэр, — сказал Стивен. — Только мне понадобится бритва. Полагаю, вам неизвестно, где ваш слуга хранит бритву?

Джентльмен пожал плечами.

В комнате не оказалось туалетного столика. В ней вообще почти не было мебели. На стене висело зеркало, на полу стояли трехногий табурет для дойки коров и удивительное кресло. Стивен не стал бы утверждать, что оно собрано из человеческих костей, хотя выглядело именно так.

На табурете, рядом с прелестной маленькой шкатулкой, Стивен обнаружил острую серебряную бритву. Видавшая виды оловянная миска с водой стояла на полу.

Удивительно, но в комнате не было также и камина, только ржавая железная жаровня, наполненная горячими углями, из которой на пол сыпался пепел. Стивен подогрел миску с водой и побрил джентльмена с волосами, как пух от чертополоха. Когда Стивен закончил, джентльмен провел рукой по лицу и заметил, что очень

доволен бритьем. Затем он спокойно снял шлафрок и стоял в кальсонах, пока Стивен растирал его тело щеткой. Стивену бросилось в глаза, что в отличие от прочих джентльменов, которые после подобной процедуры становились красными, словно вареные раки, этот оставался таким же бледным, только кожа слегка светилась, точно луна или перламутр.

Одежда джентльмена оказалась превосходного качества — Стивен никогда такой не видел. Белоснежная сорочка тщательно наглажена, туфли сияют, словно черные зеркала. Однако лучше всего были шейные платки из белого муслина — тонкие, словно паутинки, и тугие, как нотная бумага, числом не менее дюжины.

На туалет джентльмена Стивену потребовались добрых два часа, ибо тот отличался немалым тщеславием. С каждой минутой он все больше восхищался умелыми манипуляциями Стивена.

— Скажу тебе по секрету, в искусстве завивки волос ни один из моих слуг тебе и в подметки не годится, — заявил джентльмен, — а что уж говорить о том, как ловко ты завязываешь шейный платок! По сравнению с тобой они просто ничего в этом не смыслят!

— Просто мне очень нравится эта работа, — ска-

зал Стивен, — мне всегда хотелось убедить сэра Уолтера уделять своей одежде больше внимания, но у политиков вечно не хватает времени думать о подобных вещах.

Стивен помог джентльмену облачиться в лиственно-зеленый сюртук (отменного сукна и модно скроенный), затем джентльмен подошел к табурету и поднял шкатулку. Изготовленная из фарфора и серебра, она по размеру была не больше табакерки, только вытянутой формы. Стивен вслух восхитился цветом коробочки — ни голубым, ни серым, а скорее сиренево-лавандовым, хотя и это определение было не совсем точным.

— Да, разумеется, цвет прекрасен, — согласился джентльмен с волосами, как пух от чертополоха. — И его не так-то просто получить. Пигмент смешивают со слезами старых дев из благородных семей, которые прожили долгую безгрешную жизнь и поэтому не знали ни одного счастливого дня!

— Бедные дамы! — промолвил Стивен. — Хорошо, что эта краска так редка.

— Ах нет, редкой эту краску делают не слезы — у меня их целые бутыли! Главное — правильно смешать цвета.

Джентльмен был так любезен, так разговорчив,

что Стивен набрался смелости и прямо спросил:

— А что же вы держите в этой симпатичной коробочке? Нюхательный табак?

— Ах нет! Это мое величайшее сокровище, которое леди Поул наденет сегодня на бал! — Он открыл коробочку и показал Стивену белый мизинец.

Сначала Стивен слегка удивился, но удивление тут же улетучилось, и если бы кто-нибудь спросил его об этом происшествии прямо сейчас, Стивен наверняка ответил бы, что многие джентльмены носят с собой коробочки с дамскими мизинчиками и он видел такие неоднократно.

— Давно он у вас? — вежливо поинтересовался Стивен.

— Нет, не слишком.

Джентльмен захлопнул коробочку и опустил в карман.

Оба смотрели в зеркало на свои отражения. Невольно Стивен отметил, как они дополняют друг друга: сияющая черная кожа и прозрачно-белая. Каждый представлял собой определенный тип мужской красоты. Очевидно, та же мысль пришла и джентльмену с волосами, словно пух от чертополоха.

— Как же мы оба прекрасны! — изумился он. —

Теперь я понимаю, что допустил досаднейший промах! Я принял тебя за слугу! Невероятно! Твое достоинство и благородный вид свидетельствуют о знатном, возможно королевском, происхождении! Полагаю, что ты гость здесь, так же как и я. Прошу простить мою навязчивость и благодарю, что помог мне подготовиться к встрече с прекрасной леди Поул!

Стивен улыбнулся:

— Нет, сэр. Я слуга. Слуга сэра Уолтера.

Джентльмен с волосами, как пух от чертополоха, удивленно поднял брови.

— При такой красоте и талантах ты просто не можешь быть слугой! — потрясенно промолвил он. — Ты должен управлять громадным владением! Ибо что есть красота, хотелось бы мне знать, как не признак превосходства? Теперь я понял, в чем дело! Враги отняли твои владения и бросили тебя среди невежественных простолюдинов!

— Нет, сэр, вы ошибаетесь. Я всегда был слугой.

— Ничего не понимаю, — повторил джентльмен, изумленно тряся головой. — Здесь есть какая-то тайна, и, как только выберу время, я ею займусь. А сейчас, в благодарность за то, что ты так красиво уложил мои волосы и прочее, я приглашаю тебя на сегодняшний бал.

Приглашение прозвучало так неожиданно, что несколько мгновений Стивен не находил слов для ответа. «Он или безумен, — думал дворецкий, — или один из тех политиков-радикалов, что спят и видят, как бы стереть все сословные различия».

Вслух он произнес:

— Весьма тронут честью, которую вы мне оказали, но только вообразите, сэр! Ваши гости придут в дом, ожидая встретить дам и джентльменов своего круга. Когда они поймут, что вынужде-

ны находиться в одной компании со слугой, их возмущению не будет предела! Благодарю вас за доброту, однако меньше всего на свете мне хотелось бы смутить или оскорбить ваших гостей.

Речь Стивена, казалось, поразила джентльмена еще сильнее.

— Какое благородство чувств! — воскликнул он. — Жертвовать собственным удовольствием ради того, чтобы не нарушить покой других! Хотя, по правде сказать, этот довод не приходил мне в голову. Подобная несговорчивость только усиливает мое желание видеть тебя среди своих друзей и помогать тебе. Однако ты не понял. Гости, о которых ты печешься, вовсе не так щепетильны. Все они — мои вассалы и подданные, и никто не посмеет порицать меня или того, кого я считаю своим другом. А если и посмеют, что ж, тогда мы их убьем! Впрочем, — добавил джентльмен, внезапно устав от разговора, — какой смысл спорить, если мы уже на месте!

С этими словами джентльмен удалился, а Стивен обнаружил, что стоит в огромном зале, а вокруг под печальную музыку танцуют пары.

Как и раньше, он слегка удивился, но снова с поразительной быстротой освоился и принялся разглядывать толпу. Несмотря на уверения

джентльмена с волосами, словно пух от чертополоха, Стивен опасливо искал знакомые лица. Обнаружив, что в зале нет друзей сэра Уолтера, Стивен решил, что среди этих незнакомцев в своем черном сюртуке и белой сорочке вполне сойдет за джентльмена. Какая удача, что сэр Уолтер не заставлял его носить ливрею и пудреный парик, по которым любой безошибочно угадал бы в нем слугу.

Танцующие были одеты по последней моде. Платья дам поражали изысканностью цветов (хотя, сказать по правде, таких оттенков Стивену видеть не доводилось). Джентльмены носили панталоны до колен, светлые чулки, коричневые, зеленые, синие и черные сюртуки и сияющие белизной сорочки, а также лайковые перчатки без единого пятнышка.

Однако, несмотря на веселых гостей и красоту их нарядов, чувствовалось, что дом этот не столь роскошен, как казалось на первый взгляд. Несколько сальных свечей не рассеивали полумрак, а аккомпанировали танцорам только скрипка и флейта.

«Наверное, это та самая музыка, о которой говорили Альфред и Джеффри, — подумал Стивен. — Странно, и почему я не слышал ее прежде?

А ведь Альфред и Джеффри были правы: музыка и впрямь очень печальная».

Стивен подошел к узкому незастекленному окну и посмотрел на темный глухой лес под сияющими звездами.

«А вот и лес, о котором рассказывал Роберт. Как зловеще он выглядит! А это, вероятно, колокольный звон?»

— Да, вы правы, это именно он, — сказала дама рядом со Стивеном.

На ней было платье цвета грозы, полумрака и ливня, а ожерелье было сделано из сожалений и разбитых надежд. Стивен удивился ответу дамы: он был уверен, что вслух своего вопроса не задавал.

— Это колокол, — продолжила дама. — Колокол бьет на одной из башен.

Дама улыбнулась и посмотрела на Стивена с таким открытым восхищением, что он счел необходимым сказать несколько вежливых слов:

— Какое изящное собрание, мадам. Не припомню, когда мне в последний раз доводилось видеть в одном месте столько красивых лиц и благородных фигур. И каждый из гостей пребывает в самом расцвете юности! Должен признаться, я удивлен, что в зале совсем нет людей пожилых.

Где отцы и матери, дяди и тети этих прекрасных дам и господ?

— Странное замечание! — рассмеялась дама. — Зачем хозяину «Утраченной Надежды» приглашать на бал старых и уродливых? Кому интересно на них смотреть? Впрочем, мы не столь юны, как кажемся. На месте Англии были непроходимые леса и голые пустоши, когда мы в последний раз видели наших родителей и родительниц. Ах, постойте! Смотрите! Вот и леди Поул!

Между танцорами Стивен заметил леди Поул. На ней было голубое бархатное платье, а вел ее джентльмен с волосами, словно пух на отцветшем чертополохе.

И тут дама в платье цвета грозы, полумрака и ливня пригласила Стивена на танец.

— С радостью, — ответил он.

Когда прочие дамы увидели, как хорошо Стивен танцует, каждая захотела составить ему пару. После дамы в платье цвета грозы, полумрака и ливня Стивен танцевал с юной лысой особой, на голове у которой шевелился парик из сияющих жуков. Третья партнерша обиженно вскрикнула, когда рука Стивена случайно задела ее платье, заявив, что он мешает платью петь. Стивен опу-

стил взгляд и обнаружил, что платье ее и впрямь состоит из крошечных ртов: они раскрывались, и оттуда доносился пронзительно-жуткий напев.

Хотя партнеры менялись, как правило, после двух танцев, Стивен заметил, что джентльмен с волосами, словно пух от чертополоха, весь вечер протанцевал с леди Поул и разговаривал только с ней. Однако джентльмен не забывал и о Стивене. Когда бы дворецкому ни доводилось поймать его взгляд, джентльмен улыбался, кланялся и всячески давал понять, что среди прочих удовольствий этого вечера больше всего его радует именно присутствие Стивена Блэка.

17. Необъяснимое появление двадцати пяти гиней

Январь 1808 года

Лучшая бакалейная лавка в городе находилась на Сент-Джеймс-стрит, и владел ею мистер Бренди. Дед сэра Уолтера Поула, сэр Уильям Поул, решительно отказывался покупать кофе, шоколад или чай в других местах, заявляя, что по сравнению с хорошо обжаренным турецким кофе мистера Бренди все прочие на вкус напоминают муку. Впрочем, доброе расположение сэра Уильяма оказалось не таким уж благом. Щедрый на похвалу, неизменно любезный и не кичливый старый лорд редко оплачивал счета; после его смерти выяснилось, что сэр Уильям задолжал мистеру Бренди громадную сумму. Хозяин — вспыльчивый, остролицый старичок — не мог сдержать гнева. Он умер вскоре после старого Поула, и многие сочли, что хозяин лавки отправился на тот свет, чтобы отыскать знатного должника.

После его смерти дело перешло в руки вдовы. Хозяин бакалейной лавки женился поздно, и

читателя вряд ли удивит, что жена его не была счастлива в браке. Она рано поняла, что для мужа созерцание гиней и шиллингов милей ее общества, хотя, на мой взгляд, красотой миссис Бренди нельзя было не залюбоваться. Мягкие каштановые локоны, яркие синие глаза и нежное лицо — хозяйка была само очарование и любезность. Казалось бы, старик, единственной привлекательной чертой которого было богатство, должен беречь молодую красавицу-жену как зеницу ока и угождать ей во всем. Но нет — мистер Бренди даже не озаботился покупкой собственного дома, хотя денег у него хватало. Хозяин лавки трясся над каждым шестипенсовиком, поэтому заявил, что жить они будут в комнатушке над лавкой, и все двенадцать лет замужества комната эта служила его жене гостиной, спальней, столовой и кухней. Впрочем, не прошло и трех недель после смерти мужа, как она приобрела дом в Ислингтоне и взяла трех служанок — Сьюки, Дафни и Дельфину.

Кроме того, миссис Бренди наняла двух приказчиков. Джон Апчерч оказался человеком надежным, неленивым и умелым. Поведение рыжеволосого, нервного Тоби Смита часто удивляло миссис Бренди. Иногда он выглядел молчаливым

и несчастным, а порой поражал приветливостью и неожиданной открытостью. В любом торговом деле случаются недостачи. Когда миссис Бренди принималась расспрашивать Тоби о причинах несовпадений в цифрах, тот держался так зажато и скованно, что хозяйка заподозрила его в воровстве. Однажды январским вечером подозрения миссис Бренди получили новый, весьма неожиданный толчок. Она сидела в комнате над лавкой, когда в дверь постучали. Тоби Смит мялся в дверях, стараясь не встречаться с хозяйкой взглядом.

— Что случилось, Тоби?

— Если позволите, мэм, — Тоби старательно отводил глаза, — деньги не сходятся. Мы с Джоном считали и так и этак, дюжину раз проверили, но все зря.

Миссис Бренди издала недовольный возглас и спросила, велико ли расхождение.

— Двадцать пять гиней, мэм.

— Двадцать пять гиней! — ужаснулась миссис Бренди. — Двадцать пять гиней! Невозможно! Нет, ты, должно быть, ошибаешься, Тоби. У нас в лавке и денег-то столько не бывает! — Затем ей в голову пришла новая мысль. — Наверное, нас ограбили!

— Нет, мэм, — отвечал Тоби. — Вы уж простите, но вы меня не так поняли. Я не говорил, что у нас не хватает двадцати пяти гиней. У нас на двадцать пять гиней больше!

Миссис Бренди молча уставилась на него.

— Сами увидите, — сказал Тоби, — если пожелаете спуститься. — И с озабоченным выражением на лице он открыл перед хозяйкой дверь.

Миссис Бренди устремилась в лавку, а Тоби последовал за ней.

Стоял безлунный вечер, на часах было около девяти. Джон закрыл ставни и потушил лампы. В лавке должен был царить непроглядный мрак, как в чайнице, однако комнату освещал мягкий золотистый свет от стопки золотых монет на прилавке.

Миссис Бренди подняла одну и внимательно осмотрела. Ей показалось, что она держит в руках нежный желтый огонек с монетой внутри. Свет оказывал на стоящих рядом людей странное действие. Миссис Бренди, Джон и Том ощущали себя не в своей тарелке: в лице хозяйки появилось что-то высокомерное и заносчивое, в чертах Тома проступили коварство и хитрость, а Джон и вовсе показался бы стороннему наблюдателю человеком свирепым и диким. Не стоит упоминать,

что эти черты никогда не были свойственны их характеру. Однако еще чуднее были изменения, которые произошли с ящичками красного дерева, занимавшими целую стену лавки. Еще совсем недавно позолоченные буквы на них обозначали названия пряностей, теперь же «Мята (лимонная)» превратилось в «Маята (любовная)», «Мускатный орех» — в «Непрощенный грех», «Горчичное семя» — в «Горькое бремя», «Молотый кардамон» — в «Молодости неугомон», «Зерна перца» — в «Разбитое сердце». Никто, однако, этих изменений не замечал — и хорошо, не то хозяйка бы очень огорчилась: что делать с новыми товарами, кому такое продашь?

— Итак, — наконец решилась миссис Бренди, — откуда-то эти деньги взялись. Может быть, кто-нибудь решил заплатить долг?

Джон мотнул головой. Тоби повторил движение товарища.

— У нас и должников-то таких нет, — добавил он, — ну, за исключением герцогини Уорксоп, но, откровенно говоря, мэм, сомневаюсь я, что герцогиня…

— Да-да, Тоби, понимаю, — перебила хозяйка. Несколько мгновений она размышляла. — Возможно, какой-нибудь джентльмен вытирал лицо

носовым платком, а деньги возьми да выпади из кармана на пол.

— Мы нашли их не на полу, — сказал Джон. — Деньги лежали в кассе вместе с остальной выручкой.

— Не знаю, что и сказать, — промолвила миссис Бренди. — Сегодня кто-нибудь расплачивался гинеями?

Джон и Тоби заверили хозяйку, что никто в тот день гинеями не расплачивался, иначе они непременно запомнили бы хотя бы одного из двадцати пяти покупателей.

— А какие они яркие, мэм, — заметил Джон, — все как одна, ни грязи, ни пятнышка.

— Может быть, сбегать за мистером Блэком, мэм? — спросил Тоби.

— Ах да, конечно! — радостно вскричала хозяйка. — Или нет, ах, не стоит! Зачем тревожить мистера Блэка по пустякам? Разве случилось что-нибудь плохое? Или случилось, Тоби? Или пустяк? Никак не могу решить.

В наш век неожиданное и необъяснимое появление такой огромной суммы денег — явление чрезвычайно редкое, посему ни Тоби, ни Джон не могли сказать хозяйке, благо это или зло.

— И все же, — продолжила миссис Бренди, —

мистер Блэк так умен! Он разгадает нашу загадку, не сходя с места. Ступай на Харли-стрит, Тоби. Передай мои наилучшие пожелания мистеру Блэку и спроси, не сможет ли он уделить мне несколько минут своего драгоценного времени? Нет, постой! Лучше вот: извинись, что тревожишь его покой, и намекни, что, если он будет так любезен и поговорит со мной, я буду весьма благодарна… нет-нет, польщена… нет, благодарна… нет, все-таки польщена его вниманием.

Знакомство миссис Бренди со Стивеном Блэком состоялось тогда, когда сэр Уолтер унаследовал долги своего деда, а миссис Бренди — дело своего мужа. Каждую неделю Стивен Блэк приходил в лавку с гинеей-двумя в уплату долга. Тем не менее миссис Бренди, как ни странно, часто отказывалась принять деньги.

— Ах, мистер Блэк! — вздыхала она. — Умоляю, заберите ваши деньги. Уверена, сэр Уолтер сейчас находится в более стесненных обстоятельствах, чем я. Последнюю неделю дела в лавке шли исключительно удачно! У нас появился шоколад карак. Покупатели так добры, что утверждают: больше в Лондоне нигде такого нет! Ни по аромату, ни по густоте. Люди стекаются к нам со всего города. Не хотите ли чашечку, мистер Блэк?

Миссис Бренди приносила фарфоровый кофейник с росписью синим по белому, наливала чашку и с тревогой спрашивала, нравится ли мистеру Блэку шоколад? Несмотря на то что люди стекались к ней со всего Лондона, миссис Бренди начинала верить в превосходное качество шоколада только после того, как узнавала мнение мистера Блэка. Впрочем, шоколадом заботы хозяйки о мистере Блэке не ограничивались. Она пеклась о его здоровье. Если день был холодным, миссис Бренди беспокоилась, не замерз ли он. Если шел дождь, хозяйка волновалась, не простудился ли. Если же стоял жаркий сухой день, она предлагала гостю посидеть у окна, выходившего в маленький садик, чтобы освежиться на ветерке.

Когда мистеру Блэку приходило время откланяться, хозяйка говорила примерно следующее:

— Не знаю, как насчет той недели. Скорее всего, мне понадобится эта гинея. Сами знаете, покупатели не всегда оплачивают счета, поэтому я наберусь нахальства просить вас прийти в четверг. Около трех. В это время я буду совершенно свободна и кофейник как раз согреется, раз уж вам так понравился мой горячий шоколад.

Возможно, читатели-джентльмены тут должны улыбнуться и заметить про себя, что женщины,

как обычно, ничего не смыслят в делах. Дамы-читательницы, напротив, согласятся, что миссис Бренди превосходно разбиралась в делах, а главным делом жизни миссис Бренди было внушить мистеру Блэку те же нежные чувства, какие она испытывала к нему.

Когда Тоби вернулся не с посланием от мистера Блэка, а с самим мистером Блэком, тревога миссис Бренди по поводу богатства, свалившегося как снег на голову, уступила место более приятному волнению.

— Ах, мистер Блэк! Не ожидала увидеть вас так скоро! Даже не предполагала, что в это время вы ничем не заняты!

Стивен стоял за пределами круга света, который отбрасывали монеты.

— Не важно, чем я был занят, — проговорил он странным замедленным голосом. — В доме все пошло вверх дном. С ее милостью совсем плохо.

Миссис Бренди, Джон и Тоби замерли в изумлении. Как и все лондонцы, они питали самый живой интерес к ее милости. Миссис Бренди гордилась всеми своими знатными завсегдатаями, но леди Поул — в особенности. Как-никак, приятно сообщить покупателям, что за завтраком леди Поул кушает булочку с джемом из лавки миссис

Бренди и пьет кофе из купленных там зерен.

Внезапно в голову хозяйки пришла тревожная мысль.

— Надеюсь, ее милость не съела чего-нибудь нехорошего?

— Нет, — вздохнул Стивен, — ничего подобного. Ее милость жалуется на боль в конечностях, странные сны и холод. Она почти не раскрывает рта, всегда грустна, а ее кожа холодна как лед.

Стивен вступил в круг света, отбрасываемого странными монетами.

Если странный свет преобразил миссис Бренди и ее приказчиков, то перемены в Стивене были стократ разительнее. Его природная красота увеличилась в пять, семь, нет, в десять раз. На лице проступило неописуемо благородное выражение; свет, сгустившись вокруг лба, образовал подобие венца. Впрочем, как и прежде, никто из присутствующих не заметил ничего необычного.

Длинными черными пальцами Стивен начал перебирать монеты.

— Где вы нашли их, Джон?

— В кассе, вместе с прочими монетами. Как, ради всего святого, они попали туда, мистер Блэк?

— Я удивлен не меньше вашего. Даже не знаю, что и предположить. — Стивен обернулся к мис-

сис Бренди. — Больше всего я беспокоюсь, мэм, как бы вас не заподозрили в том, что деньги получены нечестным путем. Я думаю, вы должны передать монеты своему поверенному. Пусть даст объявление в «Таймс» и «Утреннее обозрение»: не терял ли кто-нибудь двадцать пять гиней в лавке миссис Бренди.

— Поверенному, мистер Блэк! — ужаснулась миссис Бренди. — Но они столько дерут!

— Поверенные дорого обходятся, мэм, — согласился Стивен.

В это самое время джентльмен, прогуливавшийся по Сент-Джеймс-стрит, заметил идущий сквозь ставни свет. Тут же оказалось, что ему просто необходимы чай и сахар, и джентльмен, недолго думая, постучал в дверь.

— Тоби, посетитель! — крикнула миссис Бренди.

Тоби поспешил к двери, а Джон убрал деньги с прилавка. Комната тут же погрузилась во мрак. Только сейчас они поняли, что до сих пор видели друг друга лишь в неверном свете злополучных монет. Джон зажег лампы, снова придав лавке уютный вид, а Тоби занялся посетителем.

Стивен Блэк упал в кресло и поднес руку ко лбу. Лицо его посерело, весь вид выражал смертель-

ную усталость.

Миссис Бренди уселась в кресло напротив и мягко коснулась руки Стивена.

— Вам нездоровится, дорогой мистер Блэк?

— Нет… просто я разбит, как человек, который плясал ночь напролет.

Дворецкий снова вздохнул и уронил голову на руки.

Миссис Бренди отняла руку.

— Не слышала, что прошлой ночью был бал. — В ее словах послышалась ревнивая нотка. — Надеюсь, вы приятно провели время. С кем танцевали?

— Ах нет. Не было никакого бала, только боль в мышцах и никакой радости. — Внезапно Стивен поднял голову. — Вы слышите?

— Что, мистер Блэк?

— Колокол. Колокол звонит по покойнику.

Несколько секунд женщина прислушивалась.

— Нет, ничего не слышу. Надеюсь, вы останетесь на ужин, мистер Блэк? Вы окажете нам большую честь. Боюсь, что еду вы не сочтете изысканной. Даже совсем неизысканной — устрицы, пирог с голубятиной и рагу из барашка. Впрочем, такой старый друг, как вы, не будет в претензии. Тоби принесет еще…

— Вы уверены, что ничего не слышите?

— Уверена.

— Я не могу остаться. — Казалось, Стивен хочет сказать что-то еще, он даже открыл рот, но слышный лишь ему колокол вновь сбил с мысли, и он промолчал. — Всего наилучшего!

Стивен встал и, небрежно поклонившись, вышел.

На улице колокол продолжал звонить. Стивен шел словно в тумане. Он уже добрался до Пиккадилли, как неожиданно ему навстречу из переулка выскочил разносчик в фартуке, волочивший корзину с рыбой. Пытаясь обойти разносчика, Стивен столкнулся с дородным джентльменом в синем сюртуке и бедфордской шляпе, стоявшим на углу Альбемарл-стрит.

Джентльмен посмотрел на Стивена и испугался: перед ним маячило черное лицо, черные руки подбирались к его карманам. Не обращая внимания на приличный костюм и респектабельный вид Стивена, джентльмен решил, что его хотят ограбить, и поднял зонтик, чтобы защититься.

Всю свою жизнь Стивен прожил в страхе перед этим мгновением. Сейчас позовут констебля, его поволокут к мировому судье, и даже покровительство сэра Уолтера Поула не спасет бедного

дворецкого! Разве английские судьи поверят, что чернокожий не обязательно грабитель и лжец? Разве негр может быть приличным человеком? И хотя сейчас решалась его судьба, Стивен взирал на происходящее словно со стороны, как на пьесу за толстым стеклом или сценку на дне глубокого пруда.

Дородный джентльмен смотрел на Стивена со смесью гнева и страха. Он уже открыл рот, чтобы разразиться упреками, но внезапно начал меняться. Туловище стало стволом, руки (уже не две, а намного больше) раскинулись в разные стороны и обратились ветками, лицо покрылось корой и взмыло на двадцать футов вверх, а шляпа и зонтик оказались густой кроной плюща.

«Дуб. На Пиккадилли, — подумал Стивен, впрочем не особенно удивившись. — Странно».

Изменилась и улица. Мимо Стивена только что проезжала карета. Очевидно, она принадлежала какой-то важной персоне: на запятках стояли два лакея, дверцы украшал герб. Карету везла четверка лошадей серой масти. На глазах Стивена лошади истончились и удлинились, превратившись в купу серебристых берез. Карета обратилась зарослями падуба, а кучер и лакеи — совой и соловьями и тут же упорхнули прочь.

Только что джентльмен с дамой прогуливались по улице, но вот они выпустили ветки, и на их месте вырос куст бузины, а там, где мгновение назад пробегала собака, торчали сухие папоротники. Небо словно втянуло в себя газовые фонари, и они замигали звездами на фоне узора из голых ветвей. Пиккадилли сузилась до едва различимой тропинки в сумрачном зимнем лесу.

Стивен ничему не удивлялся, словно во сне, где все подчиняется собственной логике. Более того, он как будто всегда знал, что от Пиккадилли рукой подать до волшебного леса.

Стивен пошел по тропинке.

В лесу было тихо и темно. Над головой сияли немыслимо яркие звезды, древесные стволы угадывались по черным силуэтам, где звезд не было.

Тупая серая тоска, что целый день окутывала его разум и дух, отступила, и Стивен стал размышлять о занятном вчерашнем сновидении. В этом сновидении некто в зеленом сюртуке и с волосами, словно пух на отцветшем чертополохе, привел его в странное место, где он до утра танцевал с удивительными партнершами.

В лесу печальный звон колокола звучал громче, чем в городе, и Стивен шел по тропе на звук. В

скором времени он приблизился к громадному каменному дому с сотней окон, из некоторых струился слабый свет. Дом окружала высокая стена. Стивен прошел сквозь нее (не поняв как — в стене не было прохода) и оказался посреди широкого унылого двора, усеянного черепами, обломками костей и ржавыми доспехами. Казалось, они лежат тут столетия. Несмотря на громадный размер дома, внутрь вела низенькая дверца, и Стивену пришлось пригнуться, чтобы войти. Его немедленно окружила толпа нарядно разодетых людей.

Рядом с дверью стояли два джентльмена в прекрасных черных сюртуках, белоснежных чулках, перчатках и лакированных туфлях. Они беседовали, но, когда Стивен вошел, один из джентльменов с улыбкой обернулся.

— А вот и Стивен Блэк! — воскликнул он. — Мы только тебя и ждали!

И тут вступили скрипки и флейты.

18. Сэр Уолтер советуется с джентльменами разных профессий

Февраль 1808 года

Бледная и грустная леди Поул сидела у окна. Она почти не разговаривала, а отвечала резко и невпопад. Когда озабоченный муж и друзья спрашивали ее милость, что случилось, леди Поул говорила, что устала от балов и больше не в состоянии танцевать. Что до музыки, то она и не подозревала раньше, что музыка ей так отвратительна.

Сэра Уолтера беспокоили молчание и безразличие жены. Все это слишком напоминало болезнь, которой леди Поул страдала до замужества и которая привела ее к смерти в столь юном возрасте. Та же бледность, тот же озноб.

Тогда докторам не дали осмотреть ее милость, и стоит ли удивляться, что они восприняли это как оскорбление своей профессии. «Магия! — негодовали медики при всяком упоминании леди Поул. — Может быть, магия, вернувшая ее к жизни, и замечательна, но при должном лечении никакого волшебства не потребовалось бы!»

Прав был мистер Лассельс, возлагая вину всецело на миссис Уинтертаун. Она презирала докторов и не допускала их к дочери. Сэр Уолтер, однако, подобных предрассудков не разделял, поэтому, недолго думая, послал за мистером Бейли.

Шотландец по происхождению, мистер Бейли был самым известным практикующим врачом в Лондоне. Он написал множество книг с учеными названиями и числился лейб-медиком короля. Чтобы подчеркнуть свой вес и значимость, этот рассудительный господин носил трость с золотым набалдашником. Не мешкая ни минуты, он прибыл на зов сэра Уолтера, горя желанием доказать преимущество медицины над магией. Мистер Бейли осмотрел леди Поул и сообщил, что ее милость совершенно здорова, даже не простужена.

Сэр Уолтер снова начал объяснять, насколько поведение леди Поул отличается от обычного.

Мистер Бейли внимательно выслушал сэра Уолтера. Затем заявил, что, кажется, понял, в чем суть проблемы. Сэр Уолтер и ее милость женаты недавно, не так ли? Сэр Уолтер должен простить его, но иногда докторам позволено переходить границы, установленные для простых смертных. Сэр Уолтер еще не привык к семейной жизни.

Ему покамест трудно смириться с тем, что муж и жена часто ссорятся. Этого не стоит стыдиться — в лучших семьях иногда случаются размолвки. В таких случаях один из супругов может притвориться, будто испытывает легкое недомогание. Женщины почти всегда используют этот прием. Возможно, леди Поул чего-нибудь хочется? Если речь о пустяке вроде нового наряда или шляпки, почему бы не пойти ей навстречу? Если же речь о новом доме или поездке в Шотландию, то не мешало бы еще раз обсудить с ее милостью этот вопрос. Мистер Бейли уверен, что леди Поул — особа весьма здравомыслящая.

Возникла пауза — сэр Поул внимательно изучал длинный нос мистера Бейли.

— Мы с ее милостью не ссорились, — ответил он наконец.

Ах, разумеется, добродушно промолвил мистер Бейли. Возможно, сэру Уолтеру просто кажется, что ссоры не было? Иногда джентльмены не замечают очевидного в поведении жен. Мистер Бейли советует сэру Уолтеру хорошенько подумать. Что, если он чем-нибудь досадил ее милости? Мистер Бейли далек от обвинений. Подобные трудности нередки в начале совместной жизни.

— Не в характере леди Поул капризничать,

словно испорченный ребенок!

Конечно-конечно, согласился мистер Бейли. Однако леди Поул очень молода, а молодости свойственно совершать глупости. Старая голова не подходит для молодых плеч. Мистер Бейли имеет большой опыт в подобных делах. Он готов привести исторические и литературные примеры, которые доказывают, что в молодости многим трезвомыслящим и разумным людям были свойственны необдуманные поступки. Однако выражение лица сэра Уолтера предостерегло доктора от дальнейшего развития благодатной темы.

Сэр Уолтер тоже молчал. Ему было что сказать в ответ, однако он чувствовал себя неуверенно. Если вы впервые женитесь в сорок два года, то обнаруживаете, что окружающие лучше вас разбираются в ваших семейных делах. Поэтому в ответ на рассуждения мистера Бейли сэр Уолтер только нахмурился. Около одиннадцати часов утра он вызвал карету и отправился в Берлингтон-хаус на встречу с другими министрами.

Добравшись до Берлингтон-хауса, сэр Уолтер миновал колоннаду и череду позолоченных прихожих и начал подниматься по огромной мраморной лестнице. На потолке нарисованные

боги, богини, герои и нимфы парили в синем небе и кувыркались в пушистых облаках. Слуги в ливреях и напудренных париках кланялись ему, покуда сэр Уолтер шел в кабинет, где министры листали бумаги и спорили друг с другом.

— Почему бы вам не послать за мистером Норреллом, сэр Уолтер? — спросил мистер Каннинг, выслушав его историю. — Удивлен, что вы до сих пор этого не сделали. Наверняка недомогание леди Поул связано с последствиями колдовства, вернувшего ее к жизни. Мистер Норрелл внесет в заклинание необходимые поправки, и она выздоровеет.

— И впрямь, — согласился лорд Каслри. — Едва ли леди Поул помогут доктора. Мы с вами, сэр Уолтер, живем на этом свете по милости Божией, а ваша супруга — по милости мистера Норрелла. Леди Поул привязана к жизни иначе, чем мы с вами, — как с точки зрения теологии, так и с точки зрения медицины.

— Когда миссис Персиваль нездоровится, — вмешался мистер Персиваль, маленький, аккуратный правовед с непримечательной внешностью, занимающий высокий пост канцлера казначейства, — я прежде всего зову ее горничную. Кто лучше служанки знает о здоровье

госпожи? Что говорит горничная леди Поул?

Сэр Уолтер покачал головой:

— Памписфорд озадачена не меньше, чем я. Она тоже заметила, что всего два дня назад леди Поул была здорова, а теперь бледна, холодна и несчастна. Вот и все, что известно Памписфорд. А еще всякая чепуха о привидениях, якобы обитающих в доме. Я не понимаю, что случилось со слугами. Сегодня утром лакей рассказал, что посреди ночи видел на лестнице человека в зеленом сюртуке и с копной серебристых волос.

— Призрак? Видение? — спросил лорд Хоксбери.

— Видимо, так он считает.

— Удивительно! Привидение что-нибудь сказало? — спросил мистер Каннинг.

— Нет. Джеффри утверждает, будто призрак одарил его холодным презрительным взглядом и прошествовал мимо.

— Вероятно, ваш слуга спал на ходу, сэр Уолтер, — предположил мистер Персиваль.

— Или был пьян, — добавил мистер Каннинг.

— Мне тоже так показалось. Поэтому я вызвал Стивена Блэка, — сказал сэр Уолтер. — Однако дворецкий оказался не умнее прочих слуг. Не мог связать и двух слов.

— Теперь, я полагаю, вы не станете отрицать, что дело в магии? — воскликнул мистер Каннинг. — Кто лучше мистера Норрелла сумеет все объяснить? Немедленно пошлите за мистером Норреллом, сэр Уолтер!

Слова эти звучали так убедительно, что сэр Уолтер удивился, почему ему самому не пришло в голову послать за мистером Норреллом? Сэр Уолтер высоко ценил собственную проницательность. Как же он просмотрел столь очевидную связь! Разгадка сыскалась тут же: в глубине души сэр Уолтер не жаловал магию — ни тогда, когда считал ее шарлатанством, ни теперь, когда убедился в ее реальности. Однако сэр Уолтер не мог поведать о своих чувствах министрам — ведь именно он впервые за двести лет предложил взять волшебника на государственную службу!

В половине четвертого, в самое зловещее время зимнего дня, сэр Уолтер вернулся на Харли-стрит. Зимние сумерки стерли силуэты людей и домов, а небо еще сияло серебристо-голубым холодным светом. В просветах между домами закат окрасил небосвод розовым и кроваво-красным — цветом приятным для глаз, но тревожащим душу.

Разглядывая улицы из окна кареты, сэр Уолтер поздравил себя с тем, что ему не свойствен-

на особая впечатлительность. Любого другого предстоящая нежеланная встреча в сочетании с кроваво-черным маревом лондонских улиц могла бы изрядно выбить из колеи.

Джеффри открыл дверь, и сэр Уолтер начал быстро подниматься по ступенькам. На втором этаже он миновал венецианскую гостиную, где сегодня утром оставил ее милость. Любопытство заставило его заглянуть внутрь. На первый взгляд гостиная была пуста. Камин догорал, создавая в комнате полумрак. Никто не зажигал ни ламп, ни свечей. И тут сэр Уолтер увидел жену.

Она сидела в кресле около окна спиной к нему. Кресло, поза, даже складки на платье и шали ничуть не изменились с утра.

Дойдя до кабинета, сэр Уолтер сел и немедленно написал мистеру Норреллу. Письмо содержало просьбу срочно прибыть на Харли-стрит.

Однако мистер Норрелл не торопился. Наконец, часа два спустя, он появился на Харли-стрит с преувеличенно спокойным выражением на лице. Сэр Уолтер встретил гостя внизу и объяснил, что случилось. Он настаивал, чтобы они немедленно поднялись на второй этаж и зашли в венецианскую гостиную к леди Поул.

— Ах нет! — быстро возразил мистер Нор-

релл. — Из вашего рассказа, сэр Уолтер, я понял, что нам незачем тревожить леди Поул. Боюсь, я ничем не могу ей помочь. Мне больно говорить вам об этом, дорогой сэр Уолтер, но, при всем моем горячем желании вам услужить, не думаю, что волшебство вылечит леди Поул.

Сэр Уолтер вздохнул. С несчастным видом он провел рукой по волосам.

— Мистер Бейли не нашел у нее никаких болезней, и я подумал…

— Тогда я тем более уверен, что ничем не могу помочь. Волшебство и медицина не так далеки друг от друга, как принято считать. Зачастую они пересекаются. Болезнь можно излечить как медицинским способом, так и волшебным. Если ее милость на самом деле заболеет или — не дай бог! — умрет, можно попробовать излечить или воскресить ее при помощи волшебства. Однако, простите, сэр Уолтер, то, что вы описываете, больше похоже на душевный недуг, нежели на телесный, а здесь бессильны и медицина, и волшебство. Я не слишком разбираюсь в этих материях, но возможно, вам следует поговорить со священником?

— Но лорд Каслри считает — я не утверждаю, что дело обстоит именно так, — так вот, лорд

Каслри считает, что с тех пор, как леди Поул доверила свою жизнь волшебству… Боюсь, я не слишком хорошо понял, что он имел в виду, но лорд Каслри сказал: если жизнь леди Поул поддерживается волшебством, то излечить ее способно только волшебство.

— Неужели? Он так сказал? Лорд Каслри заблуждается, но сама мысль заслуживает внимания. Эту теорию называют ересью Меро[32]. В двенадцатом веке аббат из Риво посвятил жизнь ее искоренению и был впоследствии прославлен в лике святых. Я не слишком силен в магической теологии, но вряд ли ошибусь, если скажу, что в шестьдесят девятой главе «Трех родов существ» Уильяма Пантлера…[33]

Мистер Норрелл уже приготовился прочесть

---

[32] Примечания: 32

1 Теория была впервые сформулирована корнуолльским чародеем Меро в XII веке и известна во многих изводах. Самые ярые последователи теории утверждают, будто человек, излеченный или оживленный с помощью магии, больше не принадлежит Господу и Его Церкви, но приобретает обязательства перед тем чародеем или духом, который ему помог.

Меро был схвачен и предстал перед Стивеном, королем Южной Англии, и его епископами в Винчестере. Чародея раздели, заклеймили, высекли и выгнали вон, запретив людям помогать ему. Меро попытался добраться до Ньюкасла, где стоял замок Короля-ворона, но умер в дороге.

Поверье, бытующее в Северной Англии, согласно которому души убийц не принадлежат ни Богу, ни дьяволу, а только Королю-ворону, называют разновидностью ереси Меро.

[33] Примечания: 33

Уильям Пантлер. «Три рода существ, способных к усовершенствованию» (Изд-во Генри Линтота: Лондон, 1735). Существа, способные к усовершенствованию, — ангелы, люди и эльфы.

очередную долгую и нудную лекцию по истории английской магии, со ссылками на никому не известные источники, но сэр Уолтер его перебил:

— Да-да, разумеется. А известно ли вам что-нибудь о некоем господине в зеленом сюртуке и с копною серебристых волос?

— Ах! — воскликнул мистер Норрелл. — Вы думаете, он существует на самом деле? Вряд ли. Возможно, то был всего лишь халат, забытый нерадивым слугой? Вот кому-то и почудилось невесть что. Я и сам иногда пугаюсь собственного парика. Лукас знает, что вечером должен уносить его из спальни, но иногда забывает парик перед зеркалом на каминной полке, и тогда я вижу над камином двух джентльменов, которые, сдвинув головы, шепчутся обо мне.

Мистер Норрелл быстро заморгал маленькими глазками, затем, объявив, что ничем не может помочь ее милости, покинул дом на Харли-стрит.

Он сразу же отправился домой и прямиком поднялся в маленький кабинет на третьем этаже. Кабинет выходил окнами в сад. Слугам не разрешалось туда заходить, и даже Чилдермассу требовался для этого весомый предлог. Хотя мистер Норрелл редко предупреждал, что собирается поработать в кабинете, комната была всегда

готова к его услугам. Вот и теперь в камине пылал огонь, горели лампы. Однако нерадивый слуга забыл задвинуть портьеры, и окно превратилось в большое черное зеркало, в котором отражалась комната.

Мистер Норрелл сел за письменный стол лицом к окну, открыл большой том — один из многих на столе — и зашептал заклинание.

Из камина выпал уголек, тень промелькнула по комнате, заставив волшебника поднять глаза. В темном окне он увидел свое испуганное лицо и отражение другого у себя за спиной. Бледное лицо гостя окаймляла копна сияющих волос.

Не оборачиваясь, мистер Норрелл с горьким упреком воскликнул:

— Когда ты говорил, что заберешь половину жизни юной леди, я думал, что ты позволишь ей оставаться с друзьями и родными половину от семидесяти пяти лет! После чего им покажется, что она просто умерла!

— Я этого не говорил.

— Ты обманул меня! Ты нарушил наш договор! Из-за твоей хитрости все пропало! — вскричал мистер Норрелл.

Дух в окне издал недовольный возглас:

— Зря я надеялся, что при нашей второй встре-

че ты будешь вести себя благоразумнее. Опять эти злоба и высокомерие! Я выполнил условия договора! Я сделал то, о чем ты просил, и претендую только на законную награду! Если бы тебя по-настоящему заботило благополучие леди Поул, ты бы радовался, что она среди тех, кто любит и почитает ее!

— Ах, она меня нисколько не волнует, — презрительно заметил мистер Норрелл. — Что значит судьба одной юной леди по сравнению с будущностью английской магии? Нет, меня беспокоит ее муж, ради которого я на это пошел! Он может пострадать от твоего вероломства! Что будет, если она не поправится? Если он уйдет в отставку? Я больше не найду сторонников среди министров![34] Никто из них уже не будет передо мной в таком неоплатном долгу!

— Ее муж? Если захочешь, я вознесу его на небывалую высоту! Дарую положение, какого он никогда не достиг бы своими силами! Он станет премьер-министром! Или императором Великобритании! Годится?

— Нет! — воскликнул мистер Норрелл. — Ты не

---

[34] Примечания: 34

Из этого замечания следует, что мистер Норрелл не сознавал, как ценят его министры и как стремятся использовать его способности при ведении военных действий.

понимаешь! Я хочу только, чтобы он был мною доволен и убеждал других министров, что магия принесет Англии великое благо!

— Никогда не понимал, — надменно процедило отражение, — почему ты предпочитаешь его помощь моей? Что он знает о магии? Да ничего! Я научу тебя, как поднять горы и обрушить их на головы твоих врагов! Облака будут петь в твою честь! Весна будет следовать за тобой по пятам, а там, откуда ты уйдешь, завьюжит зима. Я мог бы…

— Разумеется, а в обмен ты потребуешь, чтобы английская магия подчинялась твоим прихотям! Ты будешь похищать англичан и англичанок, и в Англии не будет житья никому, кроме твоего гнусного племени! Цена твоей помощи слишком высока!

Отражение не дало прямого ответа, но подсвечник на столе неожиданно подпрыгнул, перелетел через комнату и разбил зеркало на противоположной стене, а также маленький фарфоровый бюст Томаса Ланчестера.

Все стихло.

Мистер Норрелл дрожал. Он уставился в книгу, лежавшую перед ним на столе, но если и читал ее, то способом, известным лишь волшебникам,

ибо глаза его не следили за строчками. Через несколько минут мистер Норрелл поднял голову от книги. Отражение в зеленом сюртуке пропало.

Следует признать, что надежды на счастливую семейную жизнь леди Поул обратились в ничто. Брак, обещавший столько благ жениху и невесте, привел к молчаливому безразличию одной стороны и горю другой. Леди Поул больше не блистала в обществе и никуда не выходила. Никто не навещал ее, и скоро модный лондонский свет совершенно о ней забыл.

Слуги неохотно заходили в гостиную, где сидела леди Поул, хотя никто из них не смог бы объяснить почему. Дело было в том, что рядом с леди Поул в воздухе висел слабый отзвук колокольного звона. Промозглый ветер гулял по комнате, заставляя вошедших ежиться. Так она и сидела, час за часом, завернувшись в шаль, безмолвно и неподвижно, а вокруг роились нехорошие сны и тени.

19. «Патриотический клуб камердинеров и дворецких»

Февраль 1808 года

Как ни удивительно, но никто не заметил, что Стивена Блэка поразила та же странная хворь, что и ее милость. Оба жаловались на озноб и усталость, оба почти все время молчали, а если и говорили, то с видом замученным и унылым.

Впрочем, едва ли этому стоит удивляться. Разница в образе жизни стирала всякое сходство. Несмотря на подавленное состояние духа, дворецкий обязан выполнять свою работу. Как бы ни страдал Стивен, он не мог целые дни молчаливо просиживать у окна, подобно госпоже. Симптомы, принятые за болезнь у благородной леди, у дворецкого сочтут в лучшем случае хандрой.

Джон Лонгридж, повар с Харли-стрит, страдал от сходной болезни более тридцати лет и, сразу же распознав в Стивене родственную душу, с распростертыми объятиями принял его в орден меланхоликов. Бедняга очень обрадовался, что нашел собрата по несчастью. Однажды вечером, когда Стивен сидел на кухне, опустив голову на

руки, повар пристроился напротив и принялся выражать свое сочувствие:

— Соболезную, сэр, от всей души соболезную. Меланхолия, мистер Блэк, вот сущее мучение. Иногда мне кажется, что весь Лондон превратился в холодную гороховую кашу. Лица и руки у людей цвета холодной гороховой каши, и они бредут по улицам, продираясь сквозь гороховую кашу. Боже, как мне бывает тяжело! Даже солнце тогда кажется серым и вязким, словно гороховая каша, и ничто не может меня согреть. Вас ведь тоже часто знобит, не так ли, сэр?

Джон Лонгридж накрыл ладонью руку Стивена Блэка.

— Ах, мистер Блэк, сэр, — заметил он, — вы холодны как могила.

Стивен жил словно во сне. Ему снился дом на Харли-стрит со всей прислугой. Работа, друзья и даже миссис Бренди тоже являлись дворецкому во снах. Иногда Стивена посещали странные сновидения, и где-то глубоко внутри некая крохотная, замерзшая крупица его личности понимала, что такого быть не должно. Стивен мог идти по коридору или подниматься по ступеням в доме на Харли-стрит, но, завернув за угол, обнаруживал, что попал в другой коридор или

на лестничный пролет, которого здесь отродясь не бывало. Дом на Харли-стрит словно бы поместили внутрь другого дома, большого и древнего. Сверху нависали каменные своды, кругом лежала пыль, в углах замерли тени. Потертые каменные ступени выглядели необработанными. Однако самым удивительным было то, что Стивен как будто узнавал эти призрачные залы. Он то и дело ловил себя на странных мыслях: «Вот сейчас за поворотом будет Восточная Оружейная» или «Эти ступеньки ведут в Башню Потрошителя».

Обнаруживая загадочные коридоры или просто ощущая их присутствие, Стивен немного оживлялся. Что-то размораживало лед, сковавший душу и сердце, и пробуждало любопытство. Больше ничто не забавляло Стивена, ничто не казалось ему желанным. Вокруг были только тени, пустота, эхо и пыль.

Временами беспокойство выгоняло Стивена на улицу — бродить по темным переулкам вокруг Пиккадилли и Мэйфер. В один из таких вечеров в конце февраля он обнаружил, что стоит рядом с кофейней мистера Уортона на Оксфорд-стрит. Стивен хорошо знал это место. Комнату на верхнем этаже занимал «Патриотический клуб камердинеров и дворецких»: здесь собирались

уважаемые слуги из самых респектабельных домов Лондона. Среди почитаемых членов клуба значились: камердинер лорда Каслри, кучер герцога Портлендского и Стивен Блэк. Члены клуба собирались каждый третий четверг месяца и развлекались тем, чем обычно развлекаются члены любого мужского клуба, — пили, обедали, играли, говорили о политике и сплетничали о любовницах. В другие вечера свободные от трудов члены клуба приходили в кофейню мистера Уортона, чтобы поднять дух общением с приятелями. Стивен вошел в кофейню и поднялся по ступенькам на верхний этаж.

Комната выглядела как любой лондонский клуб. Сильная половина человечества утопала в клубах табачного дыма. Стены были обшиты темными дубовыми панелями. Комнату разделяли деревянные перегородки, чтобы каждый член клуба мог чувствовать себя уединенно. Ежедневно пол посыпали свежими опилками. Столы были застелены белыми скатертями, лампы заправлены, фитили прочищены. Стивен уселся за перегородку, заказал портвейн и мрачно уставился в бокал.

Обычно, когда кто-нибудь из членов клуба проходил мимо закутка, Стивен поднимал руку.

Сегодня же он не отвечал на приветствия приятелей. Внезапно в ухе раздался резкий шепот: «Молодец, что не отвечаешь им! Кто они такие? Простые слуги! В будущем, когда с моей помощью ты займешь подобающее тебе высокое и благородное положение, с каким удовольствием ты вспомнишь, что отверг их дружбу!» Этот отчетливый шепот перекрывал голоса и смех посетителей. Казалось, он проходит сквозь камни, железо и бронзу. Шепот спускался с высоты в тысячу футов, он мог раскрошить драгоценные камни в пыль и свести с ума.

Все это было столь необычно, что Стивен очнулся от забытья. Он с живым любопытством огляделся вокруг, затем привстал и заглянул в соседний закуток. Там с удобством расположился джентльмен весьма неординарной наружности. Он явно чувствовал себя крайне непринужденно. Сидел закинув руки на перегородку и задрав ноги на стол. Самой же примечательной чертой его облика была копна серебристых волос, мягких и сияющих, словно пух на отцветшем чертополохе. Джентльмен подмигнул Стивену, затем встал и перешел в его закуток.

— Должен заметить, — сообщил незнакомец доверительным тоном, — что нынешний город в

подметки не годится прежнему. Куда подевалось былое великолепие? С тех пор как я прибыл в Лондон, моему разочарованию нет пределов. Когда-то город казался сверху лесом шпилей и башен. Многоцветные флаги и знамена развевались по ветру, лаская взор! Дома покрывала резьба, тонкая, словно фаланга пальчика, и замысловатая, как бурлящий поток. Фасады украшали каменные драконы, грифоны и львы, символизируя мудрость, храбрость и ярость их обитателей, а в садах жили драконы, грифоны и львы из плоти и крови, запертые в прочных клетках. Их рев, отчетливо слышный на улице, устрашал малодушных. В каждой церкви лежали святые мощи, ежечасно совершавшие чудеса по просьбе прихожан. Мощи хранились в раках слоновой кости, помещенных в украшенные самоцветами усыпальницы, а те, в свою очередь, заключались в великолепных склепах. День и ночь сияли они золотом и серебром в свете тысяч восковых свечей! Каждый день устраивались величественные процессии в честь того или иного святого, а слава Лондона гремела среди других городов! И то сказать, в те времена лондонцы приходили ко мне, чтобы спросить, как строить церкви, разбивать сады и украшать дома. Если

просители были достаточно почтительны, я не отказывал им в добром совете. При мне Лондон славился своим великолепием, а ныне…

Джентльмен сделал красноречивый жест, словно смял город в ладони и отбросил прочь.

— Чего ты так уставился на меня? Ты выглядишь глупо, Стивен. Чтобы нанести тебе визит, мне пришлось изрядно постараться, а ты сидишь с открытым ртом и молчишь! Разумеется, ты удивлен, но это не повод забыть о хороших манерах. Впрочем, — добавил незнакомец, словно делая Стивену огромное одолжение, — в моем присутствии англичане часто изумленно замирают. Что может быть естественнее? Однако мы ведь старинные приятели, и я заслужил более теплый прием.

— Разве мы знакомы, сэр? — изумленно промолвил Стивен. — Я уверен, что видел вас во сне. Мы вместе бродили по громадному зданию с бесконечными пыльными коридорами!

— «Разве мы знакомы, сэр?» — передразнил его джентльмен. — Что за ерунду ты несешь? Да каждую ночь мы разделяем трапезу и танцуем на балах!

— Но ведь все это мне только снится…

— Какой же ты бестолковый, Стивен! — вскри-

чал джентльмен. — «Утраченная Надежда» — не сон! Это старейший и прекраснейший из моих бесчисленных дворцов, и он ничуть не менее реален, чем дом принца Уэльского на Пэлл-Мэлл. И даже более того. Я могу видеть будущее, поэтому мне известно, что через двадцать лет Карлтон-хаус[35] сровняют с землей, а Лондону осталось еще всего лишь две тысячи лет, в то время как «Утраченная Надежда» будет стоять, пока не наступит новая эра этого мира! — Казалось, незнакомца вдохновляют собственные слова, да и вся его речь была не чем иным, как безудержным самовосхвалением. — Нет, то был не сон. Ты находишься под воздействием чар, которые каждую ночь приводят тебя во Дворец Утраченной Надежды, дабы пировать и веселиться вместе с жителями волшебной страны!

Стивен непонимающе воззрился на незнакомца. Затем, вспомнив, что должен подобающим образом поприветствовать гостя и извиниться за свою угрюмость и дурные манеры, он собрался с мыслями и, запинаясь, произнес:

— Э… а… эти чары… они ваши?

— А ты как думал? — Джентльмен явно считал,

---

[35] Примечания: 35

Лондонская резиденция принца Уэльского на Пэлл-Мэлл.

что даровал Стивену некую великую милость.

Стивен вежливо поблагодарил незнакомца.

— Должен сказать, — добавил он, — что я ума не приложу, чем заслужил подобную милость? Я не совершил ничего особенного.

— Ах! — довольно воскликнул джентльмен. — У тебя превосходные манеры, Стивен Блэк! Ты способен показать англичанам, как надлежит обращаться к высоким особам! Твои манеры когда-нибудь принесут тебе великую удачу!

— А золотые гинеи в кассе миссис Бренди, — начал догадываться Стивен, — они тоже ваши?

— Ты только сейчас это понял? Подумай, до чего славно я все устроил! Ты жаловался, что днем и ночью окружен врагами, и я передал деньги твоей доброй знакомой. Когда ты женишься на ней, деньги станут твоими.

— Откуда вы… — начал Стивен и остановился. От внимания джентльмена ничего не ускользало — тот знал все и считал себя вправе во все вмешиваться. — А что до врагов, сэр, то здесь вы ошибаетесь, — добавил Стивен. — У меня нет врагов.

— Дорогой мой Стивен! — вскричал джентльмен. — Конечно же, они у тебя есть! И самый главный из них — твой хозяин, муж леди Поул!

Он заставляет тебя прислуживать себе, не дает тебе покою ни днем ни ночью. Да как он смеет приказывать человеку, наделенному такой красотой и благородством? По какому праву?

— Наверное, потому… — начал Стивен.

— Вот именно! — победно воскликнул джентльмен. — Потому что этот злодей в своей гнусности поработил тебя и заковал в цепи. Ах, как он торжествует, как радостно пляшет, оглашая воздух пронзительным хохотом!

Стивен открыл рот. Он хотел сказать, что сэр Уолтер в жизни не проделывал ничего подобного, напротив, всегда относился к нему с большим участием. В молодости сэр Уолтер всегда выкраивал деньги на обучение Стивена, чтобы тот мог ходить в школу; позже, когда сэр Уолтер впал в еще более стесненные обстоятельства, они часто ели за одним столом и грелись у одного камина. Что до торжества над врагами, сэр Уолтер, одержав победу над очередным политическим противником, мог ухмыльнуться, но никогда еще не плясал, оглашая воздух пронзительным хохотом! Стивен собирался сказать все это джентльмену с волосами, словно пух от чертополоха, но упоминание о цепях поразило его, словно удар молнии. В воображении возник-

ло жаркое, зловонное замкнутое пространство. Мелькали страшные тени, лязгали кандалы. Стивен не понимал, откуда пришло видение и что оно означает. Это не могло быть воспоминанием. Он никогда, никогда не был в подобном месте!

— …а если он обнаружит, что каждую ночь вы с ней веселитесь в моем доме, то забьется в припадке ревности и попытается убить вас обоих! Ничего не бойся, дорогой мой Стивен! Я позабочусь о том, чтобы он не смог осуществить свои намерения. Как же я ненавижу подобных себялюбцев! Я-то знаю, что́ значит жить под гнетом этих гордецов-англичан и выполнять унизительные обязанности! Мне больно видеть, что и тебе выпала подобная участь! — Ледяными пальцами джентльмен погладил Стивена по щеке — словно мурашки пробежали по коже. — Ты даже не представляешь, как я забочусь о твоем будущем! Я вынашиваю план сделать тебя королем какого-нибудь волшебного королевства!

— Э… простите, сэр, я отвлекся. Королем, вы сказали? Нет. Я не могу стать королем, сэр. Вы так добры ко мне, но это вряд ли возможно. Кроме того, боюсь, воздух волшебной страны не очень-то мне полезен. С самого первого визита в ваш дом я испытываю неловкость и тяжесть. Утром, днем

и ночью я чувствую утомление. Жизнь стала тяжкой ношей. Очевидно, я сам в этом виноват, но возможно, блаженство волшебной страны не годится для смертного?

— Нет-нет, Стивен, тебя тяготит тоскливая Англия! Ты скучаешь по восхитительной жизни, сплошь состоящей из роскошных пиров и изысканных балов, жизни, которую ведешь в моем доме!

— Вероятно, вы правы, сэр, однако, если бы вы решили освободить меня от чар, я был бы весьма признателен.

— Но это невозможно! — вскричал джентльмен. — Разве ты не знаешь, что мои прекрасные сестры и кузины — а ради них короли убивали друг друга и целые империи обращались в прах — перессорились из-за того, кому быть твоей следующей партнершей? Что с ними станет, если я скажу, что больше ты не появишься в бальной зале «Утраченной Надежды»? Ко всем моим прочим добродетелям я еще заботливый брат и кузен и не упускаю случая доставить удовольствие моим дорогим родственницам. И зря ты отказываешься стать королем — нет ничего приятнее, чем принимать поклоны и именоваться высокими титулами!

Джентльмен продолжал расхваливать красоту Стивена, достоинство, с которым тот держится, и его умение танцевать. Он уверял, что для управления волшебным королевством необходимы именно эти качества. Затем джентльмен стал прикидывать, какое из волшебных королевств подойдет Стивену больше:

— Безмерная благодать — превосходное место, с темными непроходимыми лесами, высокими горами и глубокими морями. Там сейчас нет правителя, и это большое преимущество, а недостаток в том, что на место короля уже двадцать шесть претендентов, и ты окажешься прямо в гуще кровавой междоусобицы. Вряд ли тебе это подойдет. Еще есть герцогство Горестей. У тамошнего герцога почти нет серьезных сторонников, однако я не могу допустить, чтобы мой друг управлял таким жалким владением, как Горести!

20. Подозрительный шляпник

Февраль 1808 года

Тех, кто полагал, что с появлением волшебника война немедленно завершится, ждало разочарование.

— Магия! — восклицал министр иностранных дел мистер Каннинг. — Не говорите мне о магии! От нее одни разочарования!

Бесспорно, в этом утверждении содержалась крупица истины, и мистер Норрелл всегда готов был обстоятельно и многословно разъяснить, почему то или иное требуемое волшебство невозможно. Во время одного из подобных объяснений ему случилось обронить несколько слов, о которых он впоследствии сильно сожалел. Разговор происходил в Берлингтон-хаусе, и мистер Норрелл втолковывал лорду Хоксбери, министру внутренних дел[36], что для какой-то его просьбы необходима дюжина — никак не меньше! — волшебников, которые будут трудиться, не смыкая

[36] Примечания: 36

Роберт Бенкс Дженкинсон, лорд Хоксбери (1770–1828). После смерти своего отца в декабре 1808 года стал лордом Ливерпулем. В последующие девять лет — один из самых верных сторонников мистера Норрелла.

глаз ни днем ни ночью. Долгая и утомительная речь, посвященная плачевному состоянию английской магии, заканчивалась так: «Все могло бы сложиться иначе, но, как известно вашей милости, наши одаренные юноши избирают армию, флот или церковь. Моя бедная профессия находится в печальном небрежении!» И мистер Норрелл испустил глубокий вздох.

Мистер Норрелл хотел всего только лишний раз подчеркнуть свои выдающиеся таланты, но, к несчастью, лорд Хоксбери понял его превратно.

— Вот как! — воскликнул он. — Вы хотите сказать, что нам нужно больше волшебников? Разумеется, я и сам это вижу. Как насчет школы? Или Королевского общества под патронажем его величества? Уверен, мистер Норрелл, вы сами выберете необходимую форму. Если возьмете на себя труд написать докладную записку по этому вопросу, я с удовольствием прочту ее и предложу обсудить министрам. Нам известно, что вы большой мастер писать подобные проекты четко, ясно и подробно, да и почерк у вас превосходный. Рискну предположить, что мы сумеем добыть денег на ваши планы. Можете не спешить — всем известна ваша загруженность.

Бедному мистеру Норреллу меньше всего на

свете хотелось заниматься разведением новых волшебников. Он утешался мыслью, что лорд Хоксбери, будучи образцовым министром, слишком занят повседневными заботами. Вряд ли министр еще раз вспомнит о его неосторожном высказывании.

Однако в следующее посещение Берлингтон-хауса мистер Норрелл понял, что ошибался. Лорд Хоксбери бросился к нему со словами:

— Мистер Норрелл, я говорил с королем о вашем плане воспитания новых волшебников! Его величеству очень понравилась эта мысль, и он с радостью готов взять ваш план под свое покровительство.

К счастью, ответить мистер Норрелл не успел, так как внезапное появление шведского посла заставило министра умчаться прочь.

Тем не менее через неделю на приеме, который принц Уэльский давал в честь мистера Норрелла в Карлтон-хаусе, лорд Хоксбери вновь принялся за свое:

— А, вот вы где, мистер Норрелл! Вы захватили с собой рекомендации по устройству школы? Я только что говорил об этом с герцогом Девонширским, и он очень заинтересовался. Герцог считает, что его дом на Лимингтонских водах

прекрасно для нее подойдет. Он задавал мне вопросы об учебной программе, и предполагается ли общая молитва, и где будут спать волшебники, а я понятия не имею. Не будете ли вы так любезны поговорить с герцогом? Вон он, у камина. Ага, заметил нас — идет сюда. Ваша светлость, мистер Норрелл с радостью посвятит вас во все детали!

С большим трудом мистеру Норреллу удалось убедить лорда Хоксбери и герцога Девонширского, что устройство школы сопряжено со слишком большими затратами времени и средств, да и одаренных молодых людей пока сыскать не удалось. Собеседники с неохотой согласились, и мистер Норрелл смог перевести разговор на более насущную проблему истребления волшебников уже существующих.

Уличные маги давно вызывали у мистера Норрелла стойкое раздражение. Еще пребывая в безвестности, мистер Норрелл писал петиции членам правительства и прочим выдающимся джентльменам, требуя изгнать бродячих чародеев. Разумеется, став знаменитым, он удвоил и даже утроил усилия. Мистер Норрелл считал, что магия должна регулироваться правительством, а каждый волшебник обязан получить лицензию (хотя мистер Норрелл и не видел кандидатов для

получения оной, кроме себя самого). Он даже предлагал создать для этой цели Совет по магии и чародейству, хотя здесь мистер Норрелл, пожалуй, несколько перегнул палку.

Как сказал лорд Хоксбери сэру Уолтеру:

— Нам бы не хотелось обижать столь заслуженного человека, но создавать новый Совет со всякими тайными советниками, секретарями, да еще бог знает кем, в разгар тяжелой и затяжной войны! Да и зачем? Выслушивать речи мистера Норрелла и бесконечно восхвалять его? Решительно невозможно! Дорогой сэр Уолтер, умоляю, убедите мистера Норрелла обратить свой ум к более насущным задачам.

Посему, когда сэр Уолтер и мистер Норрелл встретились в доме на Ганновер-Сквер, сэр Уолтер заявил следующее:

— Никто не сомневается, что вы стремитесь к самым похвальным целям, но создание Совета не лучший способ их осуществить. Внутри Лондонского Сити — а как я понимаю, это главный источник вашего беспокойства — решения Совета не будут иметь силы. Вот что мы сделаем: завтра же отправимся в Мэншн-хаус и поговорим с лорд-мэром и одним-двумя олдерменами. Уверен, мы найдем там сторонников.

— Ах, сэр Уолтер! — вскричал мистер Норрелл. — Проблема не ограничивается пределами Лондона! Я занимаюсь ею еще с тех пор, как жил в Йоркшире… — Он покопался в стопке бумаг на маленьком столике и выудил оттуда листок. — Вот, двенадцать уличных чародеев в Норидже, два — в Ярмуте, два — в Глостере, шесть — в Винчестере и *сорок два* — в Пензансе! И это еще не все! Недавно одна из них — грязная попрошайка — заявилась ко мне в дом и настаивала, чтобы я выдал ей бумагу — удостоверение ее способностей, ни много ни мало, — что она может творить магию! Я был изумлен, как никогда в жизни! Я сказал ей: «Женщина…»

— Что до прочих мест, о которых вы упомянули, — поспешно перебил его сэр Уолтер, — уж если Лондон избавится от этой заразы, то и в других городах с нею скоро покончат.

Вскоре мистер Норрелл убедился в правоте сэра Уолтера. Лорд-мэр и его олдермены изъявили радостную готовность поучаствовать в возрождении английской магии. Им удалось убедить суд городского совета учредить Комитет магических актов, который и постановил, что в границах Сити только мистеру Норреллу дозволено творить волшебство, а прочие, осмелившиеся «открыть

лавку, установить балаган либо каким-либо иным способом досаждать жителям Лондона предложениями магических услуг», будут незамедлительно выдворены из города.

Уличные чародеи собрали свои палатки, уложили потрепанный скарб и потащились вон из города. Некоторые, уходя, сыпали проклятиями, однако большинство отнеслось к превратностям судьбы с философским спокойствием. Они решили, что раз уж им не позволяют заниматься магией, то придется податься в воры и нищие, а поскольку они и в прежние годы клянчили или подворовывали, то разница была не очень и велика.

Впрочем, один остался. Винкулюс, чародей с Треднидл-стрит, по-прежнему сидел в своей палатке, предсказывал несчастья и помогал брошенным любовницам и обиженным подмастерьям чинить мелкую месть. Разумеется, мистер Норрелл часто обращался в Комитет магических актов, сетуя на подобное состояние дел, ибо из всех уличных магов мистер Норрелл особенно ненавидел Винкулюса. Комитет посылал бидлов и констеблей, чтобы запугать Винкулюса, однако тот не обращал на служителей закона никакого внимания. Винкулюс был так популярен среди

лондонцев, что Комитет, опасаясь беспорядков, не решался изгнать его силой.

Одним пасмурным февральским днем замерзший до полусмерти Винкулюс сидел в своей палатке у церкви Святого Христофора на Бирже. Если читателям в детстве доводилось видеть палатку уличного мага, они согласятся, что сооружение это больше походит на кукольный театр Панча и Джуди или ярмарочный балаган. Строится оно из досок и ткани. Желтая занавеска, обрамленная снизу жирной полосой грязи, служила дверью и одновременно извещала желающих о том, чем здесь торгуют.

Впрочем, сегодня у Винкулюса посетителей не было. Улицы опустели. Серый туман, отдававший дымом и дегтем, накрыл город. Лавочники подбрасывали уголь в очаги и жгли лампы в тщетной надежде хоть немного рассеять серость и мглу, но сегодня их эркеры не бросали на улицы приветные отблески; свет не пробивался сквозь густой смог. Никто не шел в лавки потратить деньги, и лавочники в длинных белых фартуках и пудреных париках лениво перебрасывались словами друг с другом или грелись у каминов. В такой день счастливцы, у которых не было дел вне дома, с радостью оставались в тепле, а те, ко-

му приходилось выходить, стремились поскорее вернуться к домашнему очагу.

Замерзший Винкулюс мрачно сидел за желтой занавеской и перебирал в уме трактирщиков, которые согласятся налить в долг стаканчик-другой глинтвейна. Он почти уже определился, с кого начнет, когда услыхал, что долгожданный посетитель за занавеской топает ногами и дует на пальцы, чтобы согреться. Винкулюс отдернул занавеску и вышел наружу.

— Ты чародей?

Винкулюс опасливо кивнул — уж больно посетитель походил на судебного пристава.

— Превосходно. У меня к тебе дело.

— Первая консультация — два шиллинга.

Человек опустил руку в карман, достал кошелек и положил два шиллинга в ладонь Винкулюса.

Затем он принялся излагать историю, которая привела его к уличному чародею. Незнакомец изъяснялся ясно и четко: он твердо знал, чего хочет. Однако чем дальше он рассказывал, тем меньше Винкулюс ему верил. Незнакомец поведал, что прибыл из Виндзора. Что ж, возможно. Правда, выговор у него был северный, однако многие северяне отправляются на юг в поисках лучшей доли. Незнакомец также сообщил, что у

него успешное шляпное дело, а вот это уже вызывало серьезные сомнения — на галантерейщика он точно не походил. Винкулюс мало что знал о галантерейщиках, но в одном не сомневался: они всегда одевались лучше прочих. Незнакомец же был облачен в латаный-перелатаный черный сюртук; рубашка, пусть чистая и хорошего полотна, выглядела бы старомодной лет двадцать назад. Винкулюс не знал, как называются всяческие галантерейные мелочи, но любой шляпник должен был знать их наперечет. Этот человек именовал их попросту финтифлюшками.

Подморозило, и земля превратилась в корку изо льда и замерзшей грязи. Винкулюс, делавший пометки в маленькой засаленной книжечке, поскользнулся и повалился на сомнительного шляпника. Предательский лед не давал ему подняться, заставляя перебирать ногами и хвататься за незнакомца, словно за перила лестницы. Подозрительный шляпник был явно недоволен, что в лицо ему дышат парами эля вперемешку с капустным духом, а костлявые пальцы хватают его за одежду, однако вслух ничего не сказал.

— Извините, — пробормотал Винкулюс, с трудом поднимаясь на ноги.

— Ничего, — вежливо отвечал подозрительный

шляпник, стряхивая с сюртука черствые крошки, жирные ошметки, грязь и прочие следы, оставленные Винкулюсом.

Последний тем временем приводил в порядок свои растрепавшиеся от внезапного падения лохмотья.

Подозрительный шляпник продолжил рассказ:

— Так вот, дело мое процветает, товар славится по всему Виндзору: недели не проходит, чтобы какая-нибудь из принцесс не заказала у меня новую шляпку или финтифлюшку. Я повесил над дверью золоченый королевский герб — пусть видят, что официальный поставщик двора. Труд шляпника тяжел: просиживать ночи за шитьем, пересчитывать выручку и прочее. Моя жизнь могла бы стать не в пример легче, если бы одна из принцесс влюбилась и вышла за меня замуж. У тебя есть такое заклинание, маг?

— Приворотное заклинание? А как же! Но это дорого. Обычно я беру четыре шиллинга за молочницу, десять — за швею и шесть гиней — за вдову с собственным делом. А принцесса… хм. — Винкулюс поскреб небритую щеку грязным ногтем. — Сорок гиней.

— Прекрасно.

— Которую? — спросил Винкулюс.

— В каком смысле которую? — не понял подозрительный шляпник.

— Которую принцессу?

— А разве они не все одинаковые? Разве цена от этого зависит?

— Да нет. Я дам вам заклинание на листке бумаги. Разорвете листок на две части. Одну спрячьте на груди, вторую тайно вложите в одежду той из принцесс, которую выбрали.

Подозрительный шляпник глянул изумленно:

— И как же, черт возьми, я это проделаю?

Винкулюс посмотрел на незнакомца:

— Вы только что сказали, что шьете им шляпки.

Подозрительный шляпник рассмеялся:

— Ах да! Разумеется.

Винкулюс вгляделся в незнакомца:

— Ты такой же шляпник, как я…

— Маг? — пришел на помощь подозрительный шляпник. — Признайся, что чародейство не единственная твоя профессия. Только что, например, ты обчистил мне карманы.

— Я всего лишь хотел узнать, что ты за каналья, — парировал Винкулюс, вытряхивая из рукава предметы, которые извлек из карманов незнакомца. Здесь были: пригоршня серебряных

монет, две золотые гинеи и несколько сложенных листков бумаги. Винкулюс развернул их.

Листки были маленькие, плотные и превосходного качества, сверху донизу исписанные мелким аккуратным почерком. В самом верху первого значилось: «Два заклинания, как заставить упрямца покинуть Лондон, и одно — как узнать, чем занят сейчас мой враг».

— Чародей с Ганновер-Сквер! — вскричал Винкулюс.

Чилдермасс (ибо это был именно он) кивнул.

Винкулюс попытался разобрать мелкие строчки. Первое заклинание должно было внушить жертве, что на каждом лондонском кладбище водятся привидения, а каждый мост стерегут души самоубийц, которые некогда бросились с него в воду. Жертва должна была узреть призраков во всем их великолепии: со следами насилия, болезней и глубокой старости. В результате жертва начинала бояться церквей и мостов, что в Лондоне представляло серьезное неудобство, так как церквей здесь было едва ли не больше, чем мостов, которые попадались через каждую сотню ярдов. Второе заклинание убеждало жертву, что лишь в сельской местности обретет он свою истинную любовь и все мыслимые удоволь-

ствия. Третье — то, что показывало, чем занят в настоящее время враг, — предполагало наличие зеркала. Вероятно, мистер Норрелл дал его Чилдермассу, чтобы тот шпионил за уличным магом.

Винкулюс ухмыльнулся:

— Передай мэйферскому чародею, что его заклинания на меня не действуют!

— Неужто? — ехидно осведомился Чилдермасс. — Вероятно, потому, что я еще их не произнес.

Винкулюс швырнул бумажки на землю.

— Давай же, заклинай! — Защищаясь, он выставил руки перед собой, а глаза вспыхнули, словно Винкулюс собрался, по своему обыкновению, вызвать Дух Темзы.

— Спасибо, не буду.

— Почему это?

— Потому что, как и ты, я не люблю, когда мне указывают. Хозяин велел мне удостовериться, что ты покинул Лондон. Однако в нашем случае я предпочитаю действовать по своему разумению, а не по его указке. Пошли, Винкулюс, нам есть о чем потолковать.

Уличный маг задумался.

— Может, найдем для этого местечко потеплее,

где подают эль?

— Как скажешь.

Ветер трепал листки с заклинаниями мистера Норрелла. Винкулюс нагнулся, собрал их и, не обращая внимания на соломинки и комки грязи, налипшие на бумагу, сунул за пазуху.

21. Марсельское Таро

Февраль 1808 года

Пивная «Ананас» некогда служила прибежищем одному прославленному вору и убийце. У этого злодея был враг, столь же отъявленный негодяй. Вместе они совершили ужасное преступление, но вор, чтобы не делиться добычей, выдал сообщника властям. Сбежав из Ньюгейтской тюрьмы, глухой полуночью сообщник явился в пивную с тремя десятками своих подручных. Они разобрали черепичную крышу и вынули камни из стен пивной, лишь бы добраться до предателя. Никто не знает, что случилось потом, но многие слышали в глухой ночи леденящие душу крики. Владелец обнаружил, что мрачная репутация идет заведению на пользу, и не стал чинить стены и крышу. Он ограничился тем, что замазал щели и забил дыры досками. Теперь пивная выглядела как замотанный бинтами, заклеенный пластырем драчун.

Скользкие ступени спускались в мрачный зал. У пивной был свой узнаваемый запах: смесь эля, табака, немытого тела и непередаваемой вони реки Флит, с незапамятных времен служившей

лондонцам сточной канавой. Речушка текла прямо под фундаментом пивной, грозя когда-нибудь поглотить славное заведение. Дешевые гравюры по стенам изображали знаменитых разбойников прошлого столетия, повешенных за свои ужасные преступления, и беспутных сыновей короля, пока не повешенных.

Чилдермасс и Винкулюс уселись за столик в углу. Мрачная служанка поставила на стол дешевую сальную свечу и две оловянные кружки с горячим, сдобренным пряностями элем. Чилдермасс заплатил.

Некоторое время они пили в молчании, затем Винкулюс поднял глаза на Чилдермасса:

— Что ты там плел о шляпках и принцессах?

Чилдермасс рассмеялся:

— Да так, выдумал. С тех пор как ты вломился в библиотеку моего хозяина, он изводит своих высокопоставленных друзей просьбами тебя уничтожить. Даже просил лорда Хоксбери и сэра Уолтера Поула пожаловаться королю. Наверное, хозяин думает, что его величество направит против тебя армию, однако лорд Хоксбери и сэр Уолтер вряд ли станут связываться с вонючим оборванцем за желтой занавеской. Вот я и решил: если его величество узнает, что ты угрожаешь

непорочности его дочерей, он может изменить свою точку зрения[37]. — Чилдермасс глотнул эля. — Послушай, Винкулюс, неужели тебе не надоело продавать фальшивые заклинания и корчить из себя предсказателя? Половина посетителей ходит над тобой посмеяться. Они больше не верят в твои магические способности. Дни твои сочтены. В Англии появился настоящий волшебник.

Винкулюс с отвращением фыркнул:

— Волшебник с Ганновер-Сквер! Все большие лондонские шишки твердят, что твой хозяин — честный волшебник, но я-то знаю магов и магию и вот что тебе скажу: все волшебники лгут, а этот — больше всех.

Чилдермасс пожал плечами, словно и не собирался спорить.

Винкулюс подался вперед:

> *– Магия будет начертана на каменных лицах холмов,*
>
> *Но их разуму ее не вместить;*

---

[37] Примечания: 37

Любящий отец шести дочерей, король, сам того не желая, превратился в их тюремщика. Он и слышать не хотел о том, что дочери когда-нибудь выйдут замуж и оставят его. Бедняжки вынуждены были прозябать в Виндзорском замке рядом с королевой, славившейся своим дурным нравом. Из шести только одна сумела выйти замуж до сорока лет.

Облетевшие деревья зимой —

Черные письмена, которых им не постичь…

— Деревья? Холмы? Да когда ты в последний раз видел живое дерево или холм, Винкулюс? Почему бы тебе не сказать, что магия написана на грязных стенах домов, а дым из труб чертит магические знаки на небе?

— Это не мое предсказание!

— Ну да, разумеется. Предсказание Короля-ворона. Ничего удивительного. Каждый шарлатан уверяет, будто ему ведомо пророчество короля.

– *Я восседаю на черном троне*, — бормотал Винкулюс, — *но им не дано увидеть меня. Дождь отворит мне дверь, и я войду.*

— Ладно, если не ты его сочинил, то где нашел?

Поначалу казалось, что Винкулюс не ответит, однако несколько секунд спустя он промолвил:

— Так написано в книге.

— В книге? В какой книге? У моего хозяина громадная библиотека, а ему не известно о таком предсказании.

Винкулюс промолчал.

— Это твоя книга? — продолжал допытываться

Чилдермасс.

— Я храню ее.

— Где ты взял ее? У кого стащил?

— Я не крал. Это мое наследство. Величайшая честь и величайшее бремя, доставшееся человеку в наш век.

— Если книга и впрямь ценная, ты мог бы продать ее Норреллу. Он заплатит любые деньги.

— Волшебнику с Ганновер-Сквер не завладеть этой книгой! Он даже никогда ее не увидит!

— И где же ты хранишь свое сокровище?

Винкулюс холодно рассмеялся, давая понять, что не скажет об этом слуге своего врага.

Чилдермасс окликнул служанку и заказал еще эля. Некоторое время они пили в молчании. Затем Чилдермасс вынул из-за пазухи колоду и показал Винкулюсу:

— Марсельское Таро. Видел такие когда-нибудь?

— Много раз, — ответил Винкулюс. — Однако твои отличаются от обычных.

— Это копия колоды, принадлежавшей матросу, которого я встретил в Уитби. Он купил карты в Генуе, чтобы с их помощью находить спрятанное пиратское золото, но понял, что вряд ли когда-нибудь в них разберется. Матрос предложил

продать карты мне, но я в ту пору был беден и не смог заплатить цену, которую он запросил. Тогда мы заключили сделку: я ему погадаю, а он даст мне карты, чтобы я смог их перерисовать. К сожалению, корабль отплывал слишком скоро, и половину карт мне пришлось дорисовывать по памяти.

— Какую же судьбу ты ему предсказал?

— Настоящую. Что он утонет еще до конца года.

Винкулюс одобрительно рассмеялся.

Видимо, когда Чилдермасс заключал сделку с матросом, ему не на что было купить не то что карты — даже бумагу. Карты были нарисованы на обороте счетов из пивных и прачечных, театральных афишек и писем. Позднее Чилдермасс раскрасил карты, однако на некоторых просвечивала оборотная сторона, придавая колоде комичный вид.

Чилдермасс разложил девять карт в ряд. Открыл первую.

Под картинкой были изображены номер и название карты: *VIIII. L'Ermite* — «Отшельник». Картинка изображала старика в рясе и монашеском клобуке. Старик держал фонарь и тяжело опирался на посох, словно его, более привычного

к сидению и размышлению, тяготила необходимость стоять на ногах. На худом лице застыло подозрительное выражение. От картинки как будто тянуло пылью.

— Хм! — промолвил Чилдермасс. — В настоящем твоими действиями управляет затворник. Ну, это мы и так знаем.

Следующей картой оказалась *Le Mat*, «Дурак». Номера на карте не было, словно фигура на ней осталась за рамками основного повествования. Карта изображала мужчину, бредущего по дороге мимо дерева, покрытого листвой. Мужчина опирался на палку, а котомка его свисала с другой палки, перекинутой через плечо. Рядом бежала собака. Фигура изображала дурака или шута старых времен — колокольчик на шляпе и ленты на штанах Чилдермасс раскрасил красным и зеленым. Он немного помедлил, видимо не зная, как растолковать этот символ, затем перевернул еще две карты: *VIII. La Justice* — «Правосудие» (картинка изображала женщину в короне с мечом и весами в руках) и двойку Жезлов. Жезлы перекрещивались и могли, кроме всего прочего, обозначать распутье.

Чилдермасс хмыкнул.

— Итак, — произнес он, скрестив руки и с

некоторым изумлением поглядывая на Винкулюса. — Вот эта карта, — Чилдермасс ткнул в *La Justice*, — говорит мне, что тебя тяготит твой выбор и ты готов принять решение. А эта… — указывая на двойку Жезлов, — что выбор твой — скитания. Так что зря я тут трачу время. Ты собираешься оставить Лондон. Стоило возмущаться, если ты уже сам все решил!

Винкулюс пожал плечами, словно недоумевал, а чего еще Чилдермасс от него ждал.

Пятая карта оказалась валетом Чаш, *Valet de Coupe*. Считается, что валету надлежит быть юным, но картинка изображала зрелого мужчину со склоненной головой, курчавыми волосами и окладистой бородой. В левой руке он держал тяжелую чашу, хотя тяжесть ее не могла объяснить странного выражения не то муки, не то натуги — не иначе, тяжелей этой чаши не было во всем свете, или его тяготила иная, невидимая ноша. Так как Чилдермасс рисовал на чем попало, то карта приобрела весьма необычный вид. Сквозь бумагу просвечивали буквы с оборотной стороны листа. На одежде, на руках и лице валета проступали каракули.

Увидев карту, Винкулюс рассмеялся, словно встретил старого знакомого, и трижды друже-

ски по ней постучал. Непонятный жест смутил Чилдермасса.

— Ты должен передать кому-то известие, — осторожно предположил он.

Винкулюс кивнул:

— А следующая карта должна показать этого человека?

— Да.

— Скорее! — Винкулюс, не дожидаясь Чилдермасса, сам перевернул карту.

Шестая карта оказалась рыцарем Жезлов — *Cavalier de Baton*. Мужчина в широкополой шляпе сидел на лошади. Местность вокруг была обозначена несколькими камнями и пучками травы под лошадиными копытами. Одежда рыцаря производила впечатление богатой и ладно скроенной, но по непонятной причине он держал в руках тяжелую дубинку. Впрочем, сей предмет и дубинкой-то нельзя было назвать — так, толстый сук с торчащими ветками и листьями.

Винкулюс схватил карту и принялся пристально ее разглядывать.

Седьмой оказалась двойка Мечей. Чилдермасс ничего не сказал и тут же перевернул восьмую — *Le Pendu* — «Повешенный». Девятая карта называлась *Le Monde* — «Мир». На ней плясала нагая

женщина, а в углах были изображены ангел, орел, крылатый вол и крылатый лев — эмблемы евангелистов.

— Тебе предстоит встреча, — сказал Чилдермасс, — и приведет она к испытанию, возможно, к смерти. Карта не говорит, уцелеешь ли ты, но что бы ни случилось, — он ткнул в последнюю карту, — здесь говорится, что ты достигнешь своей цели.

— Ну, теперь ты знаешь, кто я такой? — спросил Винкулюс.

— Не совсем, но теперь я знаю о тебе гораздо больше.

— Ты видишь, я не такой, как все, — сказал Винкулюс.

— Нигде здесь не сказано, что ты не шарлатан. — Чилдермасс начал собирать карты.

— Постой, — сказал Винкулюс, — давай я покажу тебе твое будущее.

Винкулюс взял колоду и, повторяя действия Чилдермасса, разложил девять карт. Карты легли так: *XVIII. La Lune* — «Луна», *XVI. La Maison Dieu* — «Башня» (перевернута), девятка Мечей, валет Жезлов, десятка Жезлов (перевернута), *II. La Papesse* — «Папесса», *X. La Rove de Fortune* — «Колесо Фортуны», двойка Монет, король Чаш.

Винкулюс смотрел на карты. Затем поднес к глазам *La Maison Dieu*, но ничего не сказал.

Чилдермасс рассмеялся:

— Ты прав, Винкулюс. Ты не такой, как все. Здесь перед тобой вся моя жизнь. Однако ты не можешь прочесть ее. Ты странное создание, Винкулюс, — полная противоположность волшебникам прошлого века. Они многое знали, но не обладали магическими способностями. Ты же, напротив, ничего не знаешь, но у тебя есть талант. Ты не можешь объяснить то, что способен совершить.

Винкулюс поскреб желтоватую щеку грязным ногтем.

Чилдермасс начал собирать колоду, но Винкулюс снова прервал его и жестом показал, что хочет опять разложить карты.

— Зачем? — удивленно спросил Чилдермасс. — Я уже рассказал тебе о твоем будущем. Ты не смог ничего сказать о моем. Что дальше?

— Я собираюсь предсказать его будущее.

— Чье? Норрелла? Ты опять не поймешь.

— Тасуй колоду, — настаивал Винкулюс.

Чилдермасс стасовал колоду. Винкулюс разложил девять карт и перевернул первую. *IIII. L'Empereur* — «Император». Картинка изображала

короля на троне с обычными знаками власти: скипетром и короной. Чилдермасс наклонился, чтобы рассмотреть карту.

— Что там? — спросил Винкулюс.

— Кажется, я плохо скопировал эту карту и только сейчас заметил. Чернила смазались, поэтому волосы и мантия кажутся почти черными. А еще кто-то оставил грязный отпечаток пальца прямо поперек орла. Император должен быть старше, а я нарисовал юношу. Что скажешь, Винкулюс?

— Ничего. — Винкулюс пренебрежительно дернул подбородком, и Чилдермасс вынужден был перевернуть следующую карту.

IIII. L'Empereur.

Последовало короткое молчание.

— Невозможно, — сказал Чилдермасс. — В колоде только один Император.

Этот король оказался еще моложе и свирепее на вид. Волосы и мантия стали совершенно черными, а корона превратилась в тонкую полоску бледного металла. На карте не было отпечатка грязного пальца, но птица в углу окончательно почернела и теперь больше походила на английского ворона, чем на орла.

Чилдермасс перевернул третью карту. *IIII. L'Empereur.* И четвертую. *IIII. L'Empereur.* На пятой

номер и название карты исчезли, но картинка осталась прежней: юный черноволосый король, у ног которого притулилась огромная черная птица. Чилдермасс перевернул последние карты. Он хотел рассмотреть карты, оставшиеся в колоде, но от волнения заторопился и выпустил ее из рук. Черные короли закружились в холодном сером воздухе. На каждой карте была изображена все та же фигура с мертвенно-бледным лицом и неумолимым взглядом.

— Ну вот, — мягко промолвил Винкулюс. — Вот это и передай своему волшебнику с Ганновер-Сквер! Перед тобой его прошлое, настоящее и будущее!

Незачем и говорить, что, когда Чилдермасс вернулся на Ганновер-Сквер и рассказал обо всем хозяину, тот ужасно разозлился. Хватило бы и того, что Винкулюс упорствовал, не желая подчиниться, но его слова о книге, которую мистеру Норреллу никогда не прочесть, возмущали до крайности, а уж то, что Винкулюс посмел угрожать ему Королем-вороном, выходило за всякие рамки!

— Он провел вас! — возмущенно объявил мистер Норрелл. — Подменил вашу колоду своей. И куда только вы смотрели?

— Да уж, — согласился Лассельс, холодно поглядывая на Чилдермасса.

— Конечно, Винкулюс передернул колоду, — поддакнул Дролайт, — и все равно жаль, что я этого не видел. Зря вы не сказали, что собрались к Винкулюсу. Я бы пошел с вами.

Чилдермасс, словно не слыша Лассельса и Дролайта, обратился к мистеру Норреллу:

— Даже если предположить, что Винкулюс способен на такой трюк, в чем я сильно сомневаюсь, откуда ему было знать, что у меня есть колода Марсельского Таро? Даже вы о ней не знали!

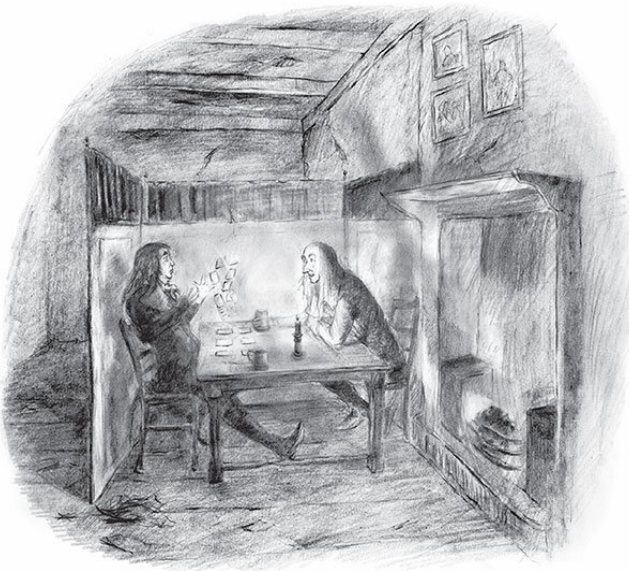
— Вот и хорошо, что не знал! Нет ничего хуже гадания на картах! Ваша затея была непродуманной от начала до конца!

— А о какой книге толкует этот шарлатан? — спросил Лассельс.

— Да-да, то странное пророчество, — подхватил мистер Норрелл. — Полагаю, это всего лишь набор слов, однако некоторые обороты говорят в пользу его древности. Я бы не отказался ее увидеть.

— Что скажете, мистер Чилдермасс? — спросил Лассельс.

— Я не знаю, где он хранит книгу.



— Так узнайте!

И Чилдермасс начал шпионить за Винкулюсом. Первым и самым удивительным открытием оказалось то, что Винкулюс женат, причем в куда большей степени, чем большинство людей. Жен у бродячего чародея оказалось пять, и жили они в разных приходах Лондона и ближайших окрестностях. Старшей исполнилось сорок пять, младшей — пятнадцать, причем ни одна не подозревала о существовании остальных. Чилдермасс решил познакомиться с каждой. Двум он предстал в образе сомнительного шляпника, третьей представился таможенным чиновником, ради четвертой стал пьяницей и игроком, а пятой сказал, что, хотя в миру служит у великого мистера Норрелла с Ганновер-Сквер, на самом деле он и сам чародей. Две попытались его обокрасть, одна поклялась выложить за выпивку всю правду, четвертая чуть не утащила Чилдермасса на молитвенное собрание методистов, а пятая, ни много ни мало, без памяти в него влюбилась. Тем не менее к концу своих приключений Чилдермассу пришлось признать, что жены Винкулюса не подозревали о существовании книги и уж тем более не знали, где муж ее прячет.

Мистер Норрелл отказывался этому верить. В своем уединенном кабинете он снова и снова

всматривался в серебряную чашу, изучая жилища Винкулюсовых жен, но не нашел ничего, хоть отдаленно напоминающего книгу.

Тем временем этажом выше, в своей каморке, Чилдермасс раскладывал карты. Они снова стали прежними, за исключением Императора, который так и остался в личине Короля-ворона. Некоторые карты выпадали снова и снова, например, туз Чаш — церковный потир в таком вычурном стиле, что казался городом на ножке, обнесенным крепостной стеной, и *II. La Papesse* — «Папесса». Чилдермасс считал, что обе карты означают нечто скрытое. С невиданной частотой выпадала масть Жезл, почти всегда семерка, восьмерка, девятка и десятка. Чем больше Чилдермасс вглядывался в вереницу жезлов, тем больше они походили на письмена. Одновременно жезлы образовывали преграду, препятствие, мешавшее Чилдермассу разгадать их скрытый смысл. В конце концов он пришел к заключению, что книга Винкулюса, где бы ее ни прятали, написана на неизвестном языке.

22. Рыцарь Жезлов

Февраль 1808 года

Джонатан Стрендж не походил на отца: ему были чужды алчность, сварливость и несговорчивость. Не обладая серьезными пороками, Стрендж вряд ли мог похвастаться и особенными добродетелями. На приемах в Уэймуте и в гостиных Бата среди модной молодежи он слыл «приятнейшим человеком на свете», хотя это означало всего лишь умение болтать ни о чем, хорошо танцевать, знать толк в карточной игре и охоте, как и положено джентльмену.

Джонатан Стрендж был высок и хорошо сложен. Кое-кто даже находил его красивым, хотя далеко не все. У Стренджа было два недостатка: ироническое выражение лица и длинный нос. Правда и то, что волосы его слегка отдавали рыжиной, а всем известно, что обладатель рыжих волос не может называться красавцем.

Как раз в то время, когда умер его отец, Стрендж задумал склонить некую молодую даму к замужеству. По прибытии в Шрусбери, узнав от слуг печальную новость, Стрендж сразу же подумал о своей избраннице. Каков теперь будет ее ответ?

Казалось, ничто не могло помешать этому браку. Друзья одобряли выбор Стренджа, а брат девушки — ее единственный родственник — не меньше Стренджа хотел, чтобы дело устроилось ко всеобщему удовольствию. Лоуренсу Стренджу не нравилось, что избранница его сына бедна, но он сам устранил это препятствие, заморозив себя до смерти.

Однако, хотя Стрендж уже несколько месяцев считался признанным ухажером, помолвка — ожидаемая знакомыми и друзьями с часу на час — еще не состоялась. Не то чтобы избранница не любила его (Стрендж был совершенно уверен в ее чувствах), однако иногда казалось, что она влюбилась только ради того, чтобы без конца с ним ссориться. Причин ее недовольства Стрендж не понимал. Ему казалось, что в угоду возлюбленной он уже изменил свой образ жизни. Почти забросил карты и другие азартные игры, стал меньше пить — редко более бутылки в день — и даже уверил избранницу, что готов чаще ходить в церковь — раз в неделю или даже два, если ей так хочется. Однако девушка заявила, что это вопрос его собственной совести и она не считает себя вправе вмешиваться. Стрендж знал, что ей не нравятся его частые визиты в Бат, Брайтон,

Уэймут и Челтнем. Он заверил, что нимало не интересуется тамошними дамами, — разумеется, им не откажешь в очаровании, но ему решительно нет до них дела. Барышня ответила, что ее это нисколько не беспокоит, ей лишь хочется, чтобы Стрендж нашел себе более достойное занятие. Она не собирается читать ему морали и сама не меньше других любит повеселиться, но этот бесконечный праздник! Неужто он ничего другого не хочет? Ни к чему не стремится?

Стрендж отвечал, что полностью с ней согласен: он и сам вынашивал планы найти себе достойное дело. Планы были не то чтобы дурны. В разное время Стрендж думал, что станет покровителем какого-нибудь непризнанного поэта, займется изучением права или поиском окаменелостей на пляже в Лайм-Риджисе, купит железоплавильный завод, изучит технологию плавки, отыщет одного старого приятеля, который расскажет ему о новейших способах ведения сельского хозяйства, посвятит себя теологии и дочитает наконец одну ученую книгу по инженерному искусству, которую вроде бы оставил на столике в дальнем углу отцовской библиотеки два-три года назад. Однако все эти идеи натыкались на непреодолимые препятствия. Обездоленные поэты на

пути Стренджа не попадались[38], книги по юриспруденции оказались невыносимо нудными, фамилию старого приятеля — большого знатока сельского хозяйства — Стрендж забыл, а в тот день, когда он отправился изучать окаменелости, в Лайм-Риджисе, как назло, зарядил дождь.

И так далее и тому подобное. Стрендж поведал барышне, что в юности страстно хотел стать моряком. Ничто на свете не влекло его так сильно, как военный флот! Однако отец не поддержал его стремления, а сейчас, в двадцать восемь, было поздно задумываться о морской карьере.

Несговорчивую особу звали Арабелла Вудхоуп. Она была дочерью покойного младшего священника церкви Святого Свитина Винчестерского в Кланбери[39]. В то время, когда умер старый

---

[38] Примечания: 38

Решение отказаться от поэтической карьеры далось Стренджу нелегко. В «Жизнеописании Джонатана Стренджа» (Изд-во Джона Мюррея: Лондон, 1820) Джон Сегундус рассказывает, как, отчаявшись отыскать подходящий объект для покровительства, Стрендж сам решил написать поэму. «Начиналось все прекрасно: от завтрака до обеда Стрендж просидел в халате у маленького столика и успел исписать виршами несколько дюжин страниц форматом в четвертую долю листа. Ему самому очень нравились собственные творения, равно как и его камердинеру, малому, не чуждому литературе, который давал хозяину дельные советы по метафорам и риторике и время от времени собирал листочки, раскиданные по комнате. Камердинер складывал их в аккуратную стопку, а иногда спускался на кухню [1] (*прод.*) и давал прочесть особенно волнующие места своему приятелю — младшему садовнику. Стрендж сочинял с удивительной быстротой. Камердинер утверждал, что, поднося руку к голове хозяина, он ощущает жар творческого

вдохновения. На второй день Стрендж уселся за стол с намерением написать еще полсотни страниц, но тут же запнулся на рифме к строке „и пусть любовь осуществится!“. „Две девицы“ казались ему сущей чепухой, „и так сгодится“ решительно не устраивало, а «поживиться» звучало слишком вульгарно. Стрендж сражался с непокорной рифмой битый час, так ничего и не придумал и решил прокатиться верхом, чтобы освежить голову, однако больше к недописанной поэме не возвращался».

[39] Примечания: 39

Деревня в пяти-шести милях от усадьбы Стренджа.

мистер Стрендж, девушка гостила у друзей в Глостершире, в сельской местности, где ее брат тоже служил младшим священником. Утром в день похорон Стрендж получил от нее письмо с соболезнованиями. Письмо содержало положенные случаю слова утешения и надежду, что Джонатан простил старому мистеру Стренджу все обиды и несправедливости. Однако этим Арабелла не ограничилась. Она беспокоилась о нем. Сожалела, что ее нет в Шропшире. Огорчалась, что он сейчас один и без друзей.

Стрендж решил ковать железо, пока горячо. Ситуация складывалась на редкость благоприятная: никогда Арабелла не будет испытывать к нему такого участия; никогда сам он не будет богаче. (Стрендж никак не мог поверить уверениям Арабеллы, что она совершенно равнодушна к его деньгам.) Он решил, что выждет диктуемый приличиями срок и сделает предложение. Трех дней ему показалось вполне довольно; утром четвертого дня Стрендж велел лакею сложить вещи, а конюху подготовить лошадь. Он отправлялся в Глостершир.

Стрендж брал с собой нового слугу. Обстоятельно побеседовав с ним, хозяин счел, что новый работник энергичен, находчив и знает свое дело.

Слуге польстил выбор хозяина (хотя тщеславие подсказывало ему, что иначе и быть не может). Теперь, когда новый слуга минует этап низвержения великанов и перешагивает из мифа в реальность, будет уместнее называть его по имени, как обычного смертного. Итак, звали слугу Джереми Джонс.

В первый день пути никаких особенных происшествий не случилось. Путешественники повздорили с владельцем собаки, облаявшей их без всякого повода, да еще лошадь Стренджа начала выказывать признаки нездоровья, которое при тщательном осмотре не подтвердилось. Утром второго дня они скакали по приятной для глаз местности — мягкие очертания низких холмов, зимний лес и ухоженные фермы. Джереми Джонс тренировал надменное выражение, приличествующее слуге, чей господин унаследовал крупное состояние, а Джонатан Стрендж думал о мисс Вудхоуп.

Чем ближе становилась встреча с Арабеллой, тем бóльшие сомнения охватывали Стренджа. Его радовала мысль, что рядом с мисс Вудхоуп ее брат, славный старина Генри, который всегда хотел этой помолвки и всячески склонял к ней сестру. Однако Стрендж сомневался в друзьях

Арабеллы, у которых она гостила, — священнике и его жене. Он ничего не знал о них, но как любой богатый молодой человек, привыкший не отказывать себе в удовольствиях, с опасениями относился к духовенству. Кто знает, какие нелепые добродетели и ненужное самопожертвование они привьют Арабелле?

Низкое зимнее солнце отбрасывало длинные тени. Иней сверкал на ветках. Вид крестьянина, идущего за плугом, навел Джонатана на мысль о тех семействах, что жили на его собственных землях и служили предметом неустанных забот мисс Вудхоуп. В голове его начал складываться воображаемый диалог. «Как вы намерены стоить отношения с арендаторами?» — спросит она. «Отношения?» — переспросит Джонатан. «Да, — ответит Арабелла. — Вы собираетесь облегчить их жизнь? Ваш отец забирал у них все до последнего пенни». — «Знаю, — скажет Стрендж. — Я никогда не оправдывал отца». — «Вы уже снизили ренту? Поговорили с приходским советом? Подумали о богадельне и школе?»

«Вот ведь придумает, рента, школы и богадельни! — мрачно подумал Стрендж. — Отец умер только в прошлый четверг».

— Странно! — заметил Джереми Джонс.

— Хм? — пробурчал Стрендж. Он обнаружил, что они остановились рядом с белыми воротами. Сбоку располагался новенький опрятный домик с белеными стенами и готическими окнами.

— А где сборщик пошлины? — спросил Джереми Джонс.

— Хм? — снова промычал Джонатан.

— Это сторожка, сэр. А вот листок, на котором написано, сколько мы должны заплатить, но нигде не видно сборщика. Оставить шесть пенсов?

— Да-да, поступай как знаешь.

Джереми Джонс оставил плату за проезд на пороге домика и открыл калитку. В ста ярдах от сторожки начиналась деревня. Солнце золотило древнюю каменную церковь, поодаль тянулась аллея старых скрюченных грабов, из труб двух десятков каменных домов струился дым. Рядом с дорогой тек ручей, окаймленный полоской сухой желтой травы. На траве блестел иней.

— А где местные жители? — спросил Джереми.

— Жители? — переспросил Стрендж. Он огляделся и в окнах ближайшего дома заметил двух маленьких девочек. — Вот они.

— Нет, сэр. Это дети. Я о взрослых. Никого не видать.

По дороге с гордым видом прохаживались ку-

ры, кошка сидела на соломе в видавшей виды тележке, на поле паслись лошади, но нигде не было видно людей. Только выехав из деревни, Стрендж и Джереми Джонс поняли, что случилось. В ста ярдах от последнего дома у живой изгороди собралась толпа, вооруженная топорами, серпами, палками и ружьями. Картина получалась зловещая и одновременно нелепая. Можно было подумать, что жители собрались воевать с зарослями боярышника и бузины. Низкое зимнее солнце отбрасывало странные тени на лица фермеров, придавая им решительное выражение. Толпа безмолвствовала, фермеры осторожно переминались с ноги на ногу, явно стараясь не шуметь.

Проезжая мимо, Стрендж и Джереми Джонс привстали на стременах, чтобы увидеть, вокруг чего сгрудились крестьяне.

— До чего странно! — воскликнул Джереми. — Там ничего нет.

— Ошибаешься, — сказал Стрендж, — там человек. Неудивительно, что ты его не заметил. Я тоже сначала принял его за корягу, но это все-таки человек — бледный, изможденный, потрепанный, и тем не менее человек.

Дорога привела их в зимний лес. Джереми

возбужденно гадал, что за человек лежал под изгородью и что с ним собирались сделать жители деревни. Стрендж пару раз отвечал невпопад, но вскоре мысли его вновь обратились к мисс Вудхоуп.

«Не стоит обсуждать те изменения, которые должны последовать за смертью моего отца, — думал он. — Это слишком опасно. Начну-ка с чего-нибудь полегче, например с приключений, которые случились с нами в дороге. Что бы могло ее заинтересовать? — Джонатан посмотрел вверх. Его окружали темные мокрые ветки. — Ну должно же быть хоть что-нибудь. — Он вспомнил ветряную мельницу возле Херефорда с детским платьем, зацепившимся за одно из крыльев. Платье то окуналось в слякоть на дороге, то взмывало вверх ярким алым стягом. — Словно аллегория чего-то там. Потом я расскажу ей о пустой деревне и двух девочках за занавесками: у одной в руках кукла, у другой — деревянная лошадка; затем перейду к молчаливой толпе с топорами и палками и человеку под изгородью».

«Ах! — воскликнет она. — Бедняга! Что с ним случилось?» — «Не знаю», — ответит он. «Но вы ведь остановились, чтобы помочь ему?» — скажет тогда Арабелла. «Нет», — ответит Стрендж.

«Ах!» — снова воскликнет она…

— Стой! — вскричал Стрендж, натягивая уздечку. — Надо вернуться. Тот бедолага под изгородью не идет у меня из головы.

— Отлично! — облегченно воскликнул Джереми Джонс. — Я рад, что вы так решили, сэр. Очень рад.

— Полагаю, ты и не подумал захватить с собой парочку пистолетов? — спросил Стрендж.

— Нет, сэр.

— Вот ч…! — начал было Стрендж, но вовремя спохватился, вспомнив, что Арабелла не одобряет проклятий. — А нож или что-то в этом роде?

— Нет, ничего нет, сэр. Но не волнуйтесь, я знаю, что делать. — Джереми спрыгнул с лошади и углубился в подлесок. — Я сделаю нам дубинки — будет ничуть не хуже пистолетов.

Кто-то срубил крепкие ветки и оставил лежать у дороги. Джереми поднял одну и подал Стренджу. Орудие не слишком напоминало дубинку, скорее оно походило на ветку с сучьями.

— Ладно, — с сомнением протянул Стрендж, — все лучше, чем ничего.

Джереми тоже взял ветку. Вооружившись таким образом, они возвратились к безмолвной толпе.

— Эй, любезный, — обратился Стрендж к мужчине в пастушьей куртке, обмотанной вязаными платками, и широкополой шляпе. Для убедительности он сопроводил свои слова угрожающим взмахом дубинки. — Что здесь происходит?

Внезапно крестьяне обернулись, и все как один приложили палец к губам.

К Стренджу подошел человек, одетый приличнее прочих — в коричневую плисовую куртку. Он коснулся шляпы и вежливо обратился к Стренджу:

— Уж простите, сэр, не могли бы отвести вашу лошадь подальше? Она слишком громко дышит.

— Но… — начал Стрендж.

— Ш-ш-ш, — зашипел мужчина. — Громко. Вы говорите очень громко. Вы его разбудите.

— Кого разбужу?

— Человека под изгородью, сэр. Он чародей. Разве вы не слышали, что, если разбудить чародея, можно выпустить его сны в мир?

— А кто знает, что за ужасы ему снятся! — шепотом согласился другой крестьянин.

Стрендж попытался было что-то возразить, но несколько человек в толпе нахмурились и возмущенно замахали на него руками, призывая говорить тише.

— Откуда вы знаете, что он чародей? — шепотом спросил Стрендж.

— Он уже два дня живет в Монк-Греттон и всем говорит, что чародей. В первый же день заставил детей залезть в кладовку и украсть для него пирог и пиво, утверждая, что это для королевы Фей. А вчера бродил в окрестностях Форватер-Холл — это здешняя усадьба, сэр. Владелица усадьбы миссис Морроу попросила его предсказать будущее, а он заявил, что ее сына, капитана Морроу, убьют французы. Теперь бедняжка от горя не встает с постели. Мы уже устали от него, сэр. Хотим, чтобы этот бродяга ушел. Если не послушается, отправим его в работный дом.

— Что ж, весьма разумно, — прошептал Стрендж, — только я не понимаю…

В это мгновение человек под изгородью открыл глаза. Толпа издала общий вздох, некоторые отступили на шаг назад.

Человек отлепился от изгороди. Это оказалось не таким уж легким делом: веточки боярышника, побеги плюща, омелы и ракитника забились в одежду, в волосах застыл иней. Бродяга выпрямился. Казалось, его совсем не удивила собравшаяся вокруг толпа, напротив, по его поведению было заметно, что он ждал чего-то подобного.

Посмотрев на крестьян, он пренебрежительно хмыкнул.

Затем бродяга запустил пятерню в волосы, вытряхивая оттуда листья, веточки и полдюжины уховерток.

– *Я простер руку*, — пробормотал он, ни к кому не обращаясь. — *И английские реки потекли вспять*.

Затем ослабил шейный платок и вытащил из-под рубашки нескольких пауков. Шею и горло бродяги покрывали синие линии, точки, крестики и кружочки. Затянув шейный платок и завершив таким образом свой нехитрый туалет, бродяга поднялся на ноги.

— Меня зовут Винкулюс, — объявил он. Для человека, проведшего ночь под изгородью, он говорил на удивление бодро и звонко. — Я путешествую на запад в поисках человека, которому суждено стать великим волшебником. Десять дней назад мне показали его изображение, а сейчас по неким мистическим знакам я вижу, что этот человек — ты!

Все оглянулись.

Мужчина в пастушеской куртке потянул Стренджа за сюртук.

— Он о вас, сэр, — сказал он.

— Обо мне? — удивился Стрендж.

Винкулюс подошел ближе.

— *Два чародея появятся в Англии,* — промолвил он.

– Первый будет страшиться меня, второй возжаждет

узреть меня;

Первым будут управлять убийцы и воры;

Второй устремится к саморазрушению;

Первый похоронит сердце свое под снегом в темном лесу,

Но боль его не уймется;

Второй увидит сокровище свое в руках недруга…

— Ясно, — перебил Стрендж бродягу. — И кто же из этих двоих я? Нет, не говори. Не стоит. Обе судьбы кажутся мне достаточно печальными. Если хочешь, чтобы я сделался волшебником, надо было сочинить что-нибудь не столь пугающее. В скором времени я собираюсь жениться и совершенно не намерен жить в лесу с ворами и убийцами. Выбери кого-нибудь другого.

— Не я выбирал тебя, чародей! Ты избран давным-давно.

— Кто бы меня ни выбрал, они будут разочарованы.

Винкулюс не обратил внимания на это замечание и крепко ухватился за уздечку коня, на котором восседал Стрендж, продолжая нараспев повторять предсказание, которое некогда читал перед мистером Норреллом в библиотеке на Ганновер-Сквер.

Стрендж слушал предсказание с тем же неудовольствием, что и мистер Норрелл, а когда Винкулюс закончил, нагнулся и отчетливо произнес:

— Я знать не хочу никакой магии!

Винкулюс замолчал. Казалось, он на мгновение согласился, что это и впрямь серьезное препятствие. К счастью, бродяга тут же нашелся: он засунул руку за пазуху и вытащил клочки бумаги с налипшей на них соломой.

— Вот, — сказал он с таинственным и многозначительным видом, — заклинания, которые… Нет, нет! Я не могу отдать их вам! — вскричал он, когда Стрендж потянулся к клочкам бумаги. — Это весьма ценные заклинания. Чтобы добыть их, мне понадобились годы страданий и мучительных испытаний.

— Сколько? — спросил Стрендж.

— Семь шиллингов шесть пенсов, — ответил Винкулюс.

— Хорошо.

— Вы же не собираетесь давать ему деньги, сэр? — спросил Джереми Джонс.

— Если он от меня отвяжется, то с превеликим удовольствием.

Тем временем толпа разглядывала Стренджа и Джереми Джонса самым недружелюбным образом. Их появление совпало с пробуждением Винкулюса, и теперь крестьяне гадали, не явились ли эти двое из его сна? Они начали выяснять, кто разбудил чародея. Спор разгорался. Тут появилось некое должностное лицо в официального вида шляпе и заявило, что Винкулюс — нищий и должен отправляться в работный дом. Винкулюс резко возразил, что он уже не нищий: у него есть семь шиллингов и шесть пенсов, — и в доказательство своих слов с дерзким видом позвенел монетами под носом у должностного лица. Неизвестно, чем бы разрешился конфликт, если бы Винкулюс не развернулся и не побрел в одну сторону, а Стрендж с Джереми Джонсом не поскакали в другую. Мир в деревне Монк-Греттон был восстановлен.

Около пяти вечера путешественники прибыли на место и остановились в гостинице недалеко от Глостера. Стрендж так боялся предстоящего разговора с мисс Вудхоуп и так свято верил, что встреча не принесет ничего, кроме страданий, что решил отложить ее на следующее утро. Он заказал плотный обед и уселся в удобном кресле с газетой, однако вскоре понял, что удобство и безмятежность — плохая замена обществу мисс Вудхоуп, отменил обед и решил немедля отправиться к мистеру и миссис Редмонд, чтобы узнать свою участь. Застал он только дам — миссис Редмонд и мисс Вудхоуп.

Влюбленные — не самые разумные создания на свете, и читатель ничуть не удивится, узнав, что мысли Стренджа о мисс Вудхоуп рисуют совершенно неверный ее портрет. Да, воображаемый разговор с Арабеллой давал некоторое понятие об ее *убеждениях*, однако не показывал *манеры* и *нрав*. Мисс Вудхоуп не имела обыкновение требовать от только что осиротевших знакомых строительства школ и богаделен или придираться к их каждому слову.

Вот и сейчас в ее поведении не было ничего от той сердитой ворчуньи, которую вообразил себе бедный влюбленный. Арабелла не только не

потребовала немедля исправить все злодеяния отца, но приветствовала Стренджа с особым теплом и нескрываемой радостью.

Ей было года двадцать два. Красота девушки не бросалась в глаза. В лице и фигуре не было ничего особенно примечательного, но когда Арабелла улыбалась или беседовала, черты ее совершенно преображались. Мисс Вудхоуп отличали живость, сообразительность и веселый нрав. Когда на лице ее играла улыбка — истинное украшение любой леди, — Арабелла могла затмить первых красавиц трех графств.

Ее подруга миссис Редмонд, доброе и кроткое создание сорока пяти лет от роду, не могла похвастаться ни богатством, ни знанием света, ни особенным умом. При других обстоятельствах миссис Редмонд не посмела бы и слова вымолвить в компании такого светского человека, как Джонатан Стрендж, но, к счастью, недавняя смерть его отца предоставила ей тему для беседы.

— Полагаю, сейчас вы очень заняты, мистер Стрендж, — сказала она. — Когда умер мой отец, мне пришлось заниматься тысячей дел сразу. Он оставил так много распоряжений! Помню, у нас на кухонной полке стояли кувшины, и отец

завещал их старым слугам, но как понять, кому какой полагается? Поэтому слуги начали спорить — всем хотелось заполучить желтый с розовыми розочками. Ах! Я думала, это никогда не кончится! А ваш отец оставил много распоряжений по наследству, мистер Стрендж?

— Нет, мадам. Ни единого. Он всех ненавидел.

— Ах! Какая удача, не правда ли? И что вы делаете сейчас?

— Делаю? — переспросил Стрендж.

— Мисс Вудхоуп сказала, что ваш бедный дорогой отец занимался куплей и продажей. Вы пойдете по его стопам?

— Нет, мадам. Если мне удастся… а я полагаю, это мой долг, — я как можно быстрее сверну отцовское дело.

— Ах! Тогда, стало быть, вы посвятите себя сельскому хозяйству? Мисс Вудхоуп говорила, что у вас большое имение.

— Да, мадам. Однако я уже пробовал и могу сказать, что не рожден для сельского хозяйства.

— Что вы говорите! — промолвила миссис Редмонд с важным видом.

Наступило молчание. Тикали часы, в камине трещал уголь. Хозяйка начала распутывать клубок шелковых ниток для вышивания, лежащий у

нее на коленях. Черная кошка сочла это приглашением к игре и, подкравшись к дивану, стала хватать лапой нитки. Арабелла засмеялась и принялась дразнить кошку. Именно о таких мирных домашних сценах мечтал Стрендж (только без миссис Редмонд, да и насчет кошки он сомневался). Оставалось лишь убедить Арабеллу, что их желания совпадают. В порыве внезапного вдохновения Стрендж вновь обратился к миссис Редмонд:

— Впрочем, мадам, не думаю, что у меня будет много свободного времени. Я собираюсь заняться изучением волшебства.

— Волшебства! — воскликнула Арабелла, удивленно взглянув на него.

Она явно хотела продолжить интересную тему, но тут в прихожей раздался голос мистера Редмонда. С ним пришел младший священник, тот самый Генри Вудхоуп — брат Арабеллы и друг детства Джонатана Стренджа. Последовали представления и объяснения, ибо Генри не знал о визите Джонатана, и на некоторое время о неожиданном заявлении Стренджа забыли.

Джентльмены пришли с приходского собрания, поэтому, усевшись в гостиной, они начали пересказывать миссис Редмонд и мисс Вудхоуп

новости. Затем обсудили путешествие Стренджа, сравнительное состояние дорог и фермерства в Шропшире, Херефордшире и Глостершире (Стрендж проехал через три этих графства). В семь подали чай. В наступившем засим молчании миссис Редмонд обратилась к мужу:

— Мистер Стрендж собирается стать волшебником, милый.

В ее устах это прозвучало как нельзя более естественно.

— Волшебником? — переспросил Генри удивленно. — Зачем ему это?

Стрендж медлил. Он не хотел называть истинную причину — желание поразить Арабеллу решением найти себе достойное занятие, — поэтому предложил единственное объяснение, которое пришло в голову:

— Человек, сидевший под изгородью в деревне Монк-Греттон, сказал мне, что я волшебник.

Миссис Редмонд засмеялась отличной шутке.

— Восхитительно! — воскликнула она.

— А вы и вправду волшебник? — поинтересовался мистер Редмонд.

— Ничего не понимаю, — заявил Генри Вудхоуп.

— Очевидно, вы мне не верите? — обратился

Стрендж к Арабелле.

— Напротив, мистер Стрендж! — улыбнулась мисс Вудхоуп. — Это так на вас похоже — построить свою будущую карьеру на столь прочном фундаменте.

— Если ты решил избрать себе профессию — хотя я не могу понять, почему именно эту, — именно теперь, когда получил наследство, не лучше ли остановиться на чем-нибудь другом? В изучении волшебства нет никакого практического смысла, — вступил в разговор Генри.

— Ах нет, вы ошибаетесь! — воскликнул мистер Редмонд. — В Лондоне живет волшебник, который победил французов, наслав на них магические иллюзии. Забыла его имя. Как же он называет свою теорию? Современной магией?

— А чем современная магия отличается от старинной? — спросила миссис Редмонд. — И какой из них вы намерены заняться, мистер Стрендж?

— Да уж, не скрывайте от нас, — Арабелла насмешливо посмотрела на Стренджа, — которой из двух?

— Обеими понемногу, мисс Вудхоуп, обеими понемногу! — Обернувшись к миссис Редмонд, Стрендж продолжил: — Я купил у человека под изгородью три заклинания. Не хотите ли посмот-

реть, мадам?

— Ах да, разумеется, хочу!

— А мисс Вудхоуп?

— Какие заклинания?

— Не знаю, еще не читал. — Джонатан Стрендж вынул листки из нагрудного кармана и протянул собеседникам.

— Какие грязные, — заметила Арабелла.

— Что с того? Для нас, волшебников, это не грязь. Полагаю, они ужасно древние. Подобные таинственные заклинания зачастую…

— Сверху написана дата. Второе февраля тысяча восемьсот восьмого года. Две недели назад.

— Вот как! Кто бы мог подумать!

— «Два заклинания, как заставить упрямца покинуть Лондон», — прочла Арабелла. — Зачем волшебнику выгонять кого-то из Лондона?

— Откуда мне знать? Определенно в Лондоне слишком много народу, но выгнать всех разом — задача не из легких…

— Какой кошмар! Сплошные привидения и ужасы! Заставить их думать, что вскоре они встретят настоящую любовь, когда на самом деле это обман!

— Дайте посмотреть! — Стрендж выхватил из рук Арабеллы злосчастный листок, быстро пробежал его глазами и заявил: — Клянусь, ко-

гда я покупал это, то не подозревал, что здесь написано! Тот человек выглядел обездоленным бродягой. Благодаря моим деньгам он избежал работного дома.

— Рада слышать. Однако заклинания все равно ужасны, и я надеюсь, что вы не станете их применять.

— А что вы скажете о последнем? «Заклинание, как узнать, чем занят сейчас мой враг». Полагаю, вы не станете возражать, если я его испробую.

— А оно подействует? И разве у вас есть враги?

— Никого, о ком бы я знал. Однако что мешает нам рискнуть?

В инструкциях упоминалось зеркало и засушенные цветы[40]. Стрендж и Генри сняли зеркало со стены и положили на стол. С цветами оказалось сложнее: среди зимы у миссис Редмонд нашлись только сухая лаванда, розы и тимьян.

— Подойдет? — спросила хозяйка.

Стрендж пожал плечами:

— Кто знает? Итак… — Он еще раз перечитал инструкции. — Разложить цветы, пальцем описать круг над зеркалом. Разделить круг на четыре части. Трижды ударить по зеркалу и сказать…

---

[40] Примечания: 40

Вероятно, мистер Норрелл взял за основу ланкастерское заклинание, приведенное в «Библиотеке смерти» Питера Уотершиппа (1448).

— Стрендж, — не выдержал Генри Вудхоуп, — где ты взял эту чушь?

— У бродяги под изгородью. Генри, ты совсем не слушаешь.

— А он производил впечатление честного человека?

— Честного? Да не особенно. Он был продрогшим, да, именно продрогшим, и голодным в придачу.

— И сколько ты ему заплатил?

— Генри! — вмешалась его сестра. — Разве ты не слышал, что мистер Стрендж купил заклинания из милосердия?

Стрендж бездумно очертил над зеркалом круг и разделил его на четыре части. Арабелла, сидевшая ближе всех, удивленно вскрикнула. Стрендж опустил глаза.

— Боже всемогущий! — вскричал он.

В зеркале появилось изображение комнаты, но это была не гостиная мистера Редмонда. Маленький, хорошо обставленный кабинет. Высокий потолок наводил на мысль, что помещение расположено в большом и довольно богатом доме. Книги на полках и столах. В камине ярко горел огонь, на столе стояли свечи. Над столом склонился человек лет пятидесяти — ничем

не примечательный господин в простом сером сюртуке и старомодном парике. На столе перед ним лежали открытые книги, он читал в одной и что-то записывал на полях другой.

— Мистер Редмонд! Генри! — воскликнула Арабелла. — Скорее! Посмотрите, что сделал мистер Стрендж!

— Кто бы это мог быть? — удивился Стрендж.

Он поднял зеркало и заглянул под него, вероятно решив, что крохотный джентльмен в сером сюртуке скрывается там и готов ответить на все вопросы.

Когда Стрендж положил зеркало на место, изображение не изменилось — они по-прежнему ничего не слышали, но видели, как пламя танцует на каминной решетке, отбрасывая свет на стекла очков на носу человека, который переворачивает страницы.

— Почему он стал вашим врагом? — спросила Арабелла.

— Не имею ни малейшего понятия.

— Может быть, вы должны ему деньги? — предположил мистер Редмонд.

— Вряд ли.

— Должно быть, он банкир. Комната напоминает банк, — сказала Арабелла.

Стрендж начал смеяться.

— Генри, можешь продолжать хмуриться. Если я и волшебник, то весьма посредственный. Другие волшебники вызывают духов и давно умерших королей, а я умудрился наколдовать банкира!

Том II. Джонатан Стрендж

— Может ли волшебник убить человека с помощью магии? — спросил лорд Веллингтон у Стренджа.

Стрендж нахмурился. Судя по всему, вопрос ему не понравился.

— Полагаю, волшебник может, — допустил он, — но джентльмен не станет.

23. Призрачный дом

Июль 1809 года

Летним днем тысяча восемьсот девятого года двое всадников ехали по пыльной дороге в Уилтшире. Небо сияло синевой, а под небом, под неистовым летним солнцем в глубоких тенях и призрачной дымке лежала Англия. Громадный конский каштан простер свою тень над дорогой, тень поглотила всадников, оставив только их голоса.

— …почему вы медлите с публикацией? — спрашивал один. — Это ваш долг, сами знаете. Я пришел к заключению, что первейшая обязанность современного волшебника — опубликовать свои работы. Странно, что Норрелл до сих пор этого не сделал.

— Сделает, — отвечал второй голос. — А что до меня, кто, скажите на милость, будет читать мои труды? В то время, когда Норрелл чуть ли не ежедневно изумляет свет новыми чудесами, кого привлечет работа волшебника-теоретика?

— Вы слишком скромны, — заметил первый голос. — Не стоит так полагаться на Норрелла. Он не всесилен.

— Однако он прекрасно справляется, — вздохнул второй.

Встреча со старыми друзьями всегда приятна, особенно с такими, как мистер Хонифут и мистер Сегундус. Что заставило их забраться в седло, да еще в столь жаркий день? Это упражнение они проделывали нечасто, ибо мистер Хонифут был слишком стар, а мистер Сегундус слишком беден. От жары мистер Хонифут сначала вспотел, потом зачесался и, наконец, покрылся крапивницей, а от ослепительного солнца голова у мистера Сегундуса раскалывалась. Что же привело этих двоих в Уилтшир?

А случилось вот что. Изыскания вокруг маленькой каменной фигурки и девушки с волосами, увитыми плющом, привели мистера Хонифута к определенным выводам. Он считал, что нашел убийцу, — им оказался человек из Эйвбери. Поэтому мистер Хонифут отправился в приходскую церковь Эйвбери, чтобы изучить старинные документы. «Теперь, когда я узнал, кто убийца, — объяснял мистер Хонифут мистеру Сегундусу, — возможно, мне удастся выяснить что-нибудь о девушке и о том, какие темные причины подтолкнули злодея к убийству». Мистер Сегундус поехал вместе с другом, чтобы помочь

тому разобраться с латынью. Однако, несмотря на любовь мистера Сегундуса к древним манускриптам (поистине, никто в целом свете не любил их больше) и веру в конечный успех, втайне он сомневался, что семь латинских слов пятисотлетней давности прольют свет на загадку человеческой жизни. Что до мистера Хонифута, то он излучал оптимизм. Затем мистеру Сегундусу пришло в голову, что раз уж они попали в Уилтшир, то неплохо бы осмотреть Призрачный дом, который никто из них раньше не видел.

Почти все мы слышали в школе о Призрачном доме. Название вызывает смутные воспоминания о колдовстве и руинах, хотя мало кто вспомнит, чем этот дом так важен. Правда состоит в том, что историки магии по-прежнему спорят о Призрачном доме, и многие склонны считать, что значение этого памятника преувеличено. Дом не был отмечен знаменательными событиями английской магической истории, а из двух чародеев, некогда в нем живших, один был шарлатаном, другая — женщиной (и то и другое — дурная рекомендация в глазах современных джентльменов-историков и джентльменов-волшебников). Тем не менее на протяжении двух столетий Призрачный дом считался самым вол-

шебным местом в Англии.

Его построил в шестнадцатом веке Грегори Авессалом, придворный волшебник Генриха VIII, королевы Марии и королевы Елизаветы. Если измерять успех чародея количеством произведенных чудес, то назвать Грегори Авессалома волшебником будет преувеличением, ибо его магические опыты редко заканчивались удачей. Однако если измерять успех чародея в денежном выражении, то Грегори Авессалома придется признать величайшим английским волшебником, ибо, родившись в бедности, умер он богачом.

Едва ли не самой дерзкой его авантюрой была продажа датскому королю заклинания, которое обратит плоть короля Швеции в воду. Заклинание чародей оценил в пригоршню алмазов. Разумеется, оно не подействовало, но на деньги, вырученные за половину алмазов, Авессалом построил дом. Хозяин украсил его турецкими коврами, венецианскими зеркалами и сотнями других роскошеств, и вот, когда дом был построен и обставлен, произошло (а возможно, не произошло) нечто чрезвычайно странное. Некоторые ученые считают (а другие с ними не соглашаются), что вся та магическая сила, на обладание которой претендовал Авессалом, стала прояв-

ляться в доме помимо воли хозяина.

Лунной ночью 1610 года две горничные, выглянув из окна, увидели толпу прекрасных женщин и мужчин, водивших хороводы на лужайке перед домом. В феврале 1666 года ирландец Валентин Грейтрейкс имел обстоятельный разговор на древнееврейском с пророками Моисеем и Ааро-ном в коридорчике около огромного бельевого шкафа. В 1667 году миссис Пенелопа Чилмортон, гостившая в доме, заглянула в зеркало и увидела девочку трех-четырех лет. На глазах женщины девочка в зеркале росла и взрослела, пока миссис Чилмортон не узнала в ней саму себя. Между тем отражение продолжало меняться, пока не обратилось в иссохший труп. Репутация дома основывалась на этих и сотнях подобных историй.

У Авессалома была единственная дочь по имени Мария. Она родилась в Призрачном доме и прожила там всю жизнь, не покидая его более чем на день или два. В дни ее юности в доме гостили короли и дипломаты, ученые, полководцы и поэты. Даже после смерти отца Марии многие посещали его, чтобы взглянуть на последние ростки некогда пышной английской магии перед наступлением долгой зимы. Когда о доме начали забывать, он захирел, а сад одичал. Однако Мария

Авессалом отказывалась чинить отцовский дом. Даже разбитую посуду она оставляла на полу[41].

В год ее пятидесятилетия плющ разросся так буйно, что заплел все углы и пол, мешая ходить. Птицы пели внутри и снаружи. Когда Марии исполнилось сто лет, и дом, и она сама окончательно одряхлели, хотя жизнь в них еще теплилась. Так продолжалось еще сорок пять лет, пока одним прекрасным летним утром Мария Авессалом не умерла в своей постели, осененная листвой громадного ясеня, а солнечный свет дробился в листьях и заливал все вокруг.

Приближаясь в этот жаркий полдень к Призрачному дому, мистер Сегундус и мистер Хонифут немного волновались, что мистер Норрелл узнает об их путешествии, ибо с каждым часом,

---

[41] Примечания: 41

Некоторые ученые (в том числе Джонатан Стрендж) утверждают, что Мария Авессалом намеренно позволила дому рассыпаться, исходя из распространенного суждения, что все разрушенные дома принадлежат Королю-ворону. Это подтверждается тем, что после превращения дома в руины магии в нем заметно прибавилось.

«Все людские деяния, все города, империи и памятники когда-нибудь рассыплются в прах. Даже дома моих дорогих читателей должны — пусть на один день, на один час — обратиться в руины, где окна из лунного света, а вместо мебели — ветер, носящий по комнатам пыль. Говорят, что в этот день и в этот час дома наши перейдут к Королю-ворону. Хотя мы и скорбим о закате английской магии и спрашиваем, как могли мы утратить нечто столь ценное, давайте не забывать, что ждет нас при конце Англии: тогда мы не сможем избежать встречи с Королем-вороном, как ныне не способны его призвать» (Джонатан

Стрендж. «История и практика английской магии». Изд-во Джона Мюррея: Лондон, 1816).

вращаясь среди министров и адмиралов, тот становился все более важной персоной. Больше всего их пугало, что он заподозрит мистера Хонифута в нарушении договора. Поэтому, стремясь, чтобы как можно меньше людей знали о цели их путешествия, они никому не сказали, куда направляются, и ранним утром, наняв на ферме лошадей, окольными путями поскакали к дому.

Длинная пыльная аллея заканчивалась высокими воротами. Мистер Сегундус спрыгнул с лошади, чтобы их открыть. Кованое железное кружево ворот насквозь проржавело; от прикосновения к нему на ладони мистера Сегундуса остался пыльный след, словно от высохших и измельченных розовых лепестков. Железные завитки были некогда украшены крохотными барельефами. Лица, искаженные злобными гримасами, были теперь цвета алых углей и рассыпались, словно демон, ответственный за ту часть ада, где жарились эти язычники, по небрежности дал печам разгореться чересчур сильно.

За воротами над аллеей нависали вязы, ясени и каштаны, цвели бледными цветами тысячи кустов шиповника, яркой лазурью синело небо. Вдали поднимались четыре высоких фронтона, торчали печные трубы. Однако сам дом лежал в

руинах уже более столетия, и сейчас в нем было не меньше бузины и шиповника, чем известняка, не меньше летнего ветра, чем железа и дерева.

— Похоже на Иные Края[42], — заметил мистер Сегундус.

Он прижался лицом к воротам, и на щеках и лбу остался отпечаток, будто из толченых сухих роз. Мистер Сегундус открыл ворота и ввел лошадь внутрь. Мистер Хонифут последовал за ним. Они привязали лошадей к каменному столбу и отправились исследовать сад.

[42] Примечания: 42

Когда люди говорят об «Иных Краях», они имеют в виду Страну Фей или другие не менее расплывчатые понятия. Для обычного разговора подобные определения вполне подходят, но волшебникам надлежит быть более точными. Известно, что Король-ворон правил тремя королевствами: первое называлось королевством Северной Англии — оно включало в себя Камберленд, Нортумберленд, Дарем, Йоркшир, Ланкашир, Дербишир и часть Нотингемпшира. Два других именовались «иными королевскими краями»: одно включало в себя часть Страны Фей, второе считалось местностью по дальнюю сторону ада, иногда называемую «Горькими землями». Враги Короля-ворона утверждали, будто он арендует их у Люцифера.

Земли, на которых стоял Призрачный дом, с большой натяжкой можно было назвать садом. Более ста лет никто за ними не ухаживал. Еще менее местность походила на дикий лес. Язык

отказывался найти подходящее слово для сада, некогда принадлежавшего волшебнику и заброшенного двести лет назад. Такой пышной и беспорядочной растительности ни мистер Сегундус, ни мистер Хонифут в жизни не видели.

Мистер Хонифут не уставал вслух восторгаться тем, что его окружало. Широкая аллея из вязов утопала в море розовой наперстянки. Мистер Хонифут громко вскрикнул, заметив каменную резьбу: лиса несла в зубах младенца. Он без конца восхищался магической атмосферой этого места и заявлял, что самому мистеру Норреллу не помешало бы его посетить.

На деле мистер Хонифут преувеличивал свою магическую восприимчивость, в то время как мистеру Сегундусу и впрямь было немного не по себе. Сад Авессалома оказывал на него странное воздействие. Временами он ловил себя на том, что собирается заговорить со старым знакомцем или узнает какие-то уголки, словно бывал здесь раньше. Однако, прежде чем мистер Сегундус вспоминал, что́ собирался сказать, он замечал, что обращается к тени на кусте шиповника. То, что мгновение назад обманчиво походило на голову и руку, оказывалось цветущими ветками, а уголок, знакомый с детства, — случайным со-

четанием куста люпина, трепещущей на ветру бузины и залитых солнцем руин. А главное, мистер Сегундус никак не мог взять в толк, с кем это его тянет перемолвиться и почему тот или иной уголок сада представляется странно знакомым. Он так разволновался, что примерно через полчаса предложил мистеру Хонифуту присесть.

— Дорогой друг! — воскликнул мистер Хонифут. — Что с вами? Вы заболели? На вас лица нет, и руки трясутся! Почему вы раньше не сказали?

Мистер Сегундус приложил руку ко лбу и что-то промямлил про магию, которая сейчас начнется.

— Магия? — переспросил мистер Хонифут. — О чем вы? — Он нервно оглянулся, словно боясь, что из-за ближайшего ствола выступит мистер Норрелл. — Вас просто разморило. Я и сам изрядно утомился. Глупо разгуливать по такой жаре! Сюда, мистер Сегундус, присядем в тени высоких деревьев рядом с журчащим ручьем, хотя бы здесь. Мы не найдем лучшего места! Сюда, мистер Сегундус!

Они присели на травянистый берег бурого ручья. Свежий ветерок и аромат шиповника успокоили мистера Сегундуса. Он закрыл глаза, затем открыл. Снова закрыл, и только начал с трудом разлеплять веки, как внезапно уснул.

Он видел в темноте высокий дверной проем из серебристого камня, слегка блестевшего в лунном свете. Дверные косяки были сделаны в виде двух мужских фигур (или одной, так как фигуры выглядели одинаково). Мужчина словно выступал из стены, и Джон Сегундус немедленно признал в нем волшебника. Лицо пряталось в тени, но видно было, что мужчина молод и хорош собой. На голове у него был остроконечный колпак с вороньими крыльями по обеим сторонам.

Джон Сегундус вошел в дверь и несколько мгновений ощущал лишь темное небо, звезды и ветер. И все же он стоял посреди комнаты, пусть и разрушенной. Стены тем не менее украшали картины, шпалеры и зеркала. Фигуры на шпалерах двигались и обращались друг к другу, а в некоторых зеркалах отражались совершенно иные места.

В дальнем углу в странном смешении лунного серебра и света от свечей за столом сидела женщина в костюме старинного покроя — мистер Сегундус никогда бы не подумал, что на одно платье может пойти столько ткани. Особенно изумлял цвет — глубокий, насыщенный синий, а по всему платью, как звезды, были рассыпаны алмазы датского короля. Женщина смотрела

на приближающегося мистера Сегундуса — раскосые, слишком широко посаженные глаза не позволяли назвать ее красавицей. Затем губы сложились в загадочную улыбку. В отблесках свечей ее волосы отливали столь же насыщенной рыжиной, сколь насыщенной была синева ее платья.

Внезапно в сновидении Джона Сегундуса появился еще один человек — джентльмен, одетый на современный лад. Этого джентльмена, судя по всему, совершенно не удивляла изысканно, хотя и на старомодный манер наряженная дама, однако при виде Джона Сегундуса он не на шутку изумился. Джентльмен схватил мистера Сегундуса за плечи и принялся трясти изо всех сил.

Мистер Сегундус почувствовал, что мистер Хонифут сжал его плечо и легонько встряхнул.

— Прошу прощения! — воскликнул мистер Хонифут. — Вы кричали во сне, и я почел за благо вас разбудить.

Мистер Сегундус недоуменно уставился на спутника.

— Я видел сон, — произнес он. — И преудивительный!

И мистер Сегундус пересказал мистеру Хонифуту свой сон.

— Какое магическое место! — одобрительно

заметил мистер Хонифут. — И ваш сон, полный странных символов и знаков, лишнее тому подтверждение!

— Но в чем его смысл?

— Ах! — воскликнул мистер Хонифут, выйдя из задумчивости. — Говорите, дама была в синем? Синий цвет означает… дайте подумать… бессмертие, целомудрие и преданность, планета — Юпитер, металл — олово. И что это нам дает?

— Похоже, что ничего, — вздохнул мистер Сегундус. — Идемте.

Мистер Хонифут, горевший желанием осмотреть развалины Призрачного дома, с готовностью согласился.

Под испепеляющими лучами летнего солнца дом зеленоватой дымкой застыл на фоне неба. Когда они вошли в главный зал, мистер Сегундус вскрикнул.

— Что случилось? Что на сей раз? — испугался мистер Хонифут.

По обеим сторонам прохода высились каменные изваяния Короля-ворона.

— Я видел их во сне, — объяснил мистер Сегундус.

В зале он огляделся. Зеркала и картины давным-давно исчезли. Сквозь разрушенные стены

пробивались бузина и сирень. Конский каштан и ясень накрыли комнату серебристо-зеленой крышей, образуя пятнистый узор на фоне небесной синевы. Золотистые метелки травы и кукушкин цвет заплели оконные проемы.

В глубине зала в слепящих солнечных лучах маячили два нечетких силуэта. Пол усеивали разнообразные магические предметы: листки с заклинаниями, серебряная чаша с водой и оплывшая свеча в старинном медном подсвечнике.

Мистер Хонифут пожелал незнакомцам доброго утра, на что один из них ответил вежливо и учтиво, однако другой вскричал:

— Генри, это он! Тот, кого я тебе описывал! Разве сам не видишь? Маленький, чернявый и черноглазый, на вид почти итальянец, в волосах седина. Впрочем, судя по робкому взгляду, он наверняка англичанин. Пыльный сюртук весь в заплатах, а манжеты так обтерлись, что он их подрезал. Генри, это он! Эй, вы, сэр, — неожиданно обратился незнакомец к мистеру Сегундусу, — объяснитесь!

Бедный мистер Сегундус опешил, слушая, как незнакомец в весьма нелестном тоне расписывает его внешность и сюртук. Вышло крайне невежливо. Пока он собирался с мыслями, дерз-

кий незнакомец вступил в тень ясеня, закрывавшего проем в северной стене, и перед мистером Сегундусом впервые предстал Джонатан Стрендж во плоти.

Заикаясь (ибо понимал, как нелепо это звучит), мистер Сегундус промолвил:

— Я видел вас во сне, сэр.

Его слова еще больше разъярили незнакомца.

— Это был мой сон! Мой, сэр! Я прилег здесь с целью его увидеть! У меня и свидетель есть. Мистер Вудхоуп. — Он показал на своего спутника. — Мистер Вудхоуп — священник, ректор прихода в Глостершире, едва ли вы станете подвергать сомнению его слова. Я полагал, сны в Англии — частная собственность. Должен существовать закон, защищающий сны, а если такового нет, то парламенту следует принять его без промедления! Никому не позволено без спросу вторгаться в чужие сновидения!

Стрендж перевел дыхание.

— Сэр! — горячо вступился за друга мистер Хонифут. — Извольте обращаться к этому джентльмену с должным почтением. Вам не довелось узнать его так хорошо, как мне, поэтому поверьте на слово — оскорблять кого бы то ни было ему в высшей степени несвойственно!

Стрендж что-то недовольно буркнул.

— И впрямь способность проникать в чужие сны весьма удивительна, — заметил Генри Вудхоуп. — Определенно это не мог быть один и тот же сон!

— Боюсь, вы ошибаетесь, — вздохнул мистер Сегундус. — Как только я вошел в сад, я почувствовал, что кругом невидимые двери, и я входил в них, одну за другой, пока не заснул и не увидел во сне этого джентльмена. Однако не я ставил эти двери, не я открывал их; впрочем, какая разница. Я лишь хотел увидеть, что скрывается за ними.

Генри Вудхоуп уставился на мистера Сегундуса, словно не вполне понял его речь.

— И все же я не думаю, что это был один и тот же сон, — повторил он еще раз, словно неразумному ребенку. — Что вам приснилось?

— Дама в синем — полагаю, мисс Авессалом, — ответил мистер Сегундус.

— Разумеется, мисс Авессалом, кто ж еще? — нетерпеливо вскричал Стрендж, негодуя, что приходится разжевывать столь очевидные истины. — Однако, к сожалению, на свидание к мисс Авессалом пришли сразу двое джентльменов. Она разволновалась и немедленно исчезла! — Стрендж покачал головой. — Подумать только,

в Англии не найдется и пяти человек, мнящих себя волшебниками, и один из них оказался здесь, чтобы помешать моей встрече с дочерью Авессалома! Поверить не могу! Я самый невезучий человек в Англии! Господь свидетель, мне пришлось изрядно потрудиться, чтобы увидеть этот сон. Три недели, не смыкая глаз, я готовил заклинание вызова, и все для того…

— Но ведь это великолепно! — перебил его мистер Хонифут. — Это удивительно! Даже мистеру Норреллу такое не под силу!

— Вовсе нет, — Стрендж обернулся к мистеру Хонифуту, — это не так сложно, как вы полагаете. Сначала вы шлете даме приглашение — сойдет любое заклинание вызова, я взял Ормскирка[43]. Пришлось потрудиться, чтобы мы с мисс Авес-

---

[43] Примечания: 43

Парис Ормскирк (1496–1587) — школьный учитель из деревни Клеркенвелл около Лондона. Написал несколько трактатов по магии. Не будучи оригинальным мыслителем, отличался усердием и прилежанием. Ормскирк поставил себе целью собрать все заклинания вызова и отыскать среди них лучшее. Работа заняла двенадцать лет — за это время его маленький домик заполнили тысячи бумажек с заклинаниями. Разумеется, миссис Ормскирк все это отнюдь не радовало. Бедная женщина стала прототипом жены чародея во второсортных комедиях и романах — сварливой, несчастной брюзгой.

Заклинание Ормскирка широко применялось в его время и еще два столетия спустя. Впрочем, мне неизвестно, чтобы до Джонатана Стренджа, который, доработав заклинание, вызвал Марию Авессалом в свой сон и сон мистера Сегундуса, кому-то удалось им успешно воспользоваться — вероятно, по причинам, о которых упоминает сам Стрендж.

салом оказались в моем сне одновременно. Заклинание Ормскирка столь расплывчато, что вызываемый волен явиться, когда заблагорассудится, и счесть свои обязательства исполненными. Да, было нелегко, и, пожалуй, я доволен результатом. Затем мне следовало усыпить себя. Я слышал о подобных заклинаниях, однако, признаюсь, мне они не встречались. Натурально, пришлось изобрести собственное — довольно слабое, но что мне оставалось?

— Боже милосердный! — воскликнул мистер Хонифут. — Вы утверждаете, что это магия вашего изобретения?

— Как вам сказать, — отвечал Стрендж, — у меня был Ормскирк, я работал на основе Ормскирка.

— Не лучше ли было воспользоваться заклинанием Хизер-Грея? — спросил мистер Сегундус[44]. — Простите, что даю советы — сам-то я не практикующий волшебник, но Хизер-Грей, по моему скромному мнению, куда лучше Ормскирка.

— Вы полагаете? — спросил Стрендж. — Ко-

---

[44] Примечания: 44

В этом вопросе превосходный здравый смысл мистера Сегундуса его подвел. *Чарльз Хизер-Грей* (1712–1789) — еще один историк магии, опубликовавший знаменитое заклинание вызова. И заклинание Хизер-Грея, и заклинания Ормскирка одинаково нехороши — и в этом смысле разница между ними невелика.

нечно, я слышал о Хизер-Грее. Я даже вступил в переписку с джентльменом из Линкольншира, утверждающим, что у него есть экземпляр хизер-греевской «Анатомии минотавра». А что, этот Хизер-Грей действительно заслуживает внимания?

Тут мистер Хонифут заявил, что Хизер-Грей отнюдь не заслуживает внимания, а его книга — глупейшее сочинение на свете. Мистер Сегундус принялся возражать, и Стрендж, увлекшись спором, почти позабыл, что недавно досадовал на мистера Сегундуса.

Да и кто в целом свете мог долго злиться на мистера Сегундуса? Вероятно, есть люди, которых возмущает дружелюбие и любезность, раздражает мягкость и добродушие, однако Джонатан Стрендж, по счастью, не принадлежал к их числу. Мистер Сегундус извинился, что испортил магический опыт Стренджа; тот с улыбкой и поклоном заверил мистера Сегундуса, что ему не о чем беспокоиться.

— Я не стану спрашивать вас, сэр, — сказал Стрендж, — волшебник ли вы? Легкость, с которой вы проникли в мой сон, свидетельствует о вашей магической силе. — Стрендж повернулся к мистеру Хонифуту. — Вы тоже волшебник, сэр?

Бедный мистер Хонифут! В какое затруднение поставил его этот простой вопрос! В глубине души он оставался волшебником и не любил напоминаний о том, что утратил. Мистер Хонифут отвечал, что был волшебником еще несколько лет назад, но ему *пришлось* оставить это занятие. Это случилось помимо его воли, ибо изучение магии, — старой доброй английской магии — несомненно, благороднейшая профессия на свете!

Стрендж взирал на него с некоторым удивлением.

— Не совсем понимаю, сэр. Кто заставил вас бросить занятия вопреки собственной воле?

Мистер Сегундус и мистер Хонифут рассказали ему, что некогда состояли в Ученом обществе йоркских волшебников и о том, как мистер Норрелл его уничтожил.

Мистер Хонифут спросил, что думает Стрендж о мистере Норрелле.

— Знаменитый мистер Норрелл, — улыбнулся Стрендж, — святой покровитель английских книготорговцев.

— Как вы сказали? — переспросил мистер Хонифут.

— От Ньюкасла до Пензанса — везде, где су-

ществует книжная торговля, — знают мистера Норрелла. Книгопродавцы улыбаются вам, кланяются и говорят: «Ах, сэр, вы опоздали! У меня было много книг по магии, но я продал их одному ученому джентльмену из Йоркшира». И всегда этим джентльменом оказывается мистер Норрелл. Вы можете рассчитывать, если, конечно, повезет, только на те книги, от которых мистер Норрелл отказался, а книги эти таковы, что ими впору растапливать камин.

Натурально, мистер Сегундус и мистер Хонифут захотели продолжить знакомство с мистером Стренджем, а его весьма увлекала возможность возобновить ученую беседу. После того как джентльмены выяснили детали («Где вы остановились?» — «Гостиница „Георг“ в Эйвбери». — «Превосходно. И мы там же»), они решили вместе отобедать в гостинице.

Когда они проходили мимо каменных изваяний Короля-ворона, Стрендж поинтересовался, не посещали ли мистер Сегундус или мистер Хонифут Ньюкасл — древнюю северную столицу Короля? Оказалось, что нет.

— Эта дверь — копия тех, что встречаются на севере на каждом шагу, — сказал Стрендж. — Первые установили, когда Король еще жил в

Англии. В Ньюкасле, куда ни сверни, прямо на тебя из мрачной пыльной арки выступает Король. — Стрендж криво усмехнулся. — Однако лицо его всегда полускрыто, и он никогда с тобой не заговорит.

В пять часов джентльмены сели за стол в общей комнате гостиницы. Мистер Сегундус и мистер Хонифут нашли Джонатана Стренджа живым и общительным собеседником. Генри Вудхоуп, напротив, прилежно поглощал пищу, а в перерывах посматривал в окно. Мистер Сегундус, желая вовлечь его в общую беседу, повернулся к Генри и похвалил магический опыт Стренджа в Призрачном доме.

Генри Вудхоуп удивился.

— Я не знал, что это повод для поздравлений, — сказал он. — Стрендж не говорил, что занимается чем-то из ряда вон выходящим.

— Но, дорогой сэр! — воскликнул мистер Сегундус. — Последний раз в Англии подобный опыт проводился столетия назад!

— Я ничего не смыслю в магии. Вероятно, это весьма достойное занятие — я видел статьи о магии в лондонских газетах. Однако священнослужителю некогда читать газеты. Кроме того, я с детства знаю Стренджа как самого непостоянного

человека на свете. Удивлен, что магия так долго занимает его ум. Полагаю, скоро он забросит и ее, как забросил все остальное.

Засим Генри Вудхоуп встал из-за стола и объявил, что прогуляется по деревне. Пожелав мистеру Сегундусу и мистеру Хонифуту приятного вечера, он оставил их.

— Бедный Генри, — вздохнул Стрендж, когда мистер Вудхоуп ушел. — Наши разговоры смертельно его утомили.

— Со стороны вашего друга было весьма благородно сопровождать вас в путешествии, если сам он не питает к магии интереса, — заметил мистер Хонифут.

— Несомненно, — согласился Стрендж. — Однако боюсь, присоединиться ко мне его вынудила скука. Он гостит у нас уже несколько недель, живем мы весьма уединенно, а я почти все время отдаю моим занятиям.

Мистер Сегундус спросил Стренджа, когда он начал заниматься магией.

— Прошлой весной.

— И столь многого достигли! — воскликнул мистер Хонифут. — И двух лет не прошло! Мой дорогой мистер Стрендж, это удивительно!

— Вы действительно так считаете? А мне ка-

жется, я не совершил ничего стоящего. К тому же я не знаю, к кому обратиться за советом. Вы — первые волшебники, которых я встретил, и даю вам слово, я замучаю вас вопросами и не отпущу раньше полуночи!

— Можете всецело нами располагать, — заверил его мистер Сегундус, — однако сомневаюсь, что вас удовлетворят наши ответы. Мы занимаемся теоретическим волшебством.

— Вы чересчур скромны, — заявил Стрендж. — Только подумайте, сколько магических книг вы прочли!

Мистер Сегундус начал перечислять авторов магических книг, а Стрендж — быстро записывать их имена в книжечку, на счете и даже на ладони.

Бедный мистер Хонифут! Как хотелось ему принять участие в столь увлекательной беседе! Порой он даже вставлял пару фраз, при этом старательно делая вид, будто не участвует в разговоре. Впрочем, обманывал он только себя.

— Скажите, что ему непременно надо прочесть «Язык птиц» Томаса Ланчестера, — обращался он к мистеру Сегундусу. — Да-да, знаю, вы совершенно ее не цените, но я думаю, книга Ланчестера пригодится любому.

Мистер Стрендж заявил, что, по его сведениям, еще пять лет назад в Англии было четыре экземпляра «Языка птиц». Один — в Глостере, у книготорговца, один — в частной библиотеке джентльмена-волшебника в Кендале, еще один — в собственности кузнеца, жившего около Пензанса, — кузнец получил книгу в уплату за починку железных ворот. Четвертым затыкали щель в окне школы для мальчиков при Даремском соборе.

— А где они теперь? — воскликнул мистер Хонифут. — Почему вы не купили хотя бы один?

— Потому что мистер Норрелл успел везде побывать до меня и скупил их, — отвечал Стрендж. — Я не имел удовольствия видеть этого джентльмена, тем не менее он с завидным постоянством нарушает мои планы. Поэтому я и решил призвать умерших чародеев и поспрашивать их. Счел, что дама будет уступчивее, и выбрал мисс Авессалом[45].

Мистер Сегундус покачал головой:

— Подобный способ получения магических знаний представляется мне скорее эффектным,

---

[45] Примечания: 45

В Средние века было принято вызывать умерших, к тому же считалось, что проще всего вызвать и разговорить именно мертвого волшебника.

нежели удобным. Не приходило вам в голову что-нибудь попроще? В Золотой век английской магии книги были еще более редки, чем ныне, однако волшебники не переводились.

— Я изучал биографии ауреатов, — сказал Стрендж, — хотел понять, с чего они начинали. И оказалось, как только ауреат понимал, что обладает мало-мальскими способностями к магии, он тут же пускался на поиски более опытного волшебника и просился к нему в ученики[46].

— Вы должны попроситься в ученики к мистеру Норреллу! — вскричал мистер Хонифут. — Какие могут быть сомнения? Да-да, я знаю… — начал он, заметив, что мистер Сегундус собирается возразить, — знаю, что Норрелл несколько замкнут, но велика ли беда? Вот увидите, мистер Стрендж

---

[46] Примечания: 46

Редкий волшебник начинал изучение магии без наставника — более опытного волшебника. Король-ворон не был первым чародеем в Англии. Широко известен полудемон-получеловек Мерлин, живший в VII веке, но ко времени Короля-ворона волшебников в Англии не осталось. О юношеских годах короля известно мало, но можно предположить, что он изучал магию и искусство правления в Стране Фей. Первые средневековые кудесники постигали магическое искусство при дворе Короля-ворона, обучая, в свою очередь, следующие поколения чародеев.

Исключением может считаться волшебник из Ноттингемшира Томас Годблесс (1105?–1182). О его жизни почти ничего не известно — Томас Годблесс встречался с Королем-вороном, но в зрелые годы, уже будучи волшебником. Возможно, это единственный пример волшебника-самоучки, разумеется, за исключением Гильберта Норрелла и Джонатана

Стренджа.

растопит этот лед. При всех своих недостатках Норрелл неглуп и поймет, как выгодно иметь такого помощника!

У мистера Сегундуса нашлось множество возражений. В особенности он напирал на то, что мистер Норрелл ненавидит других волшебников. Однако мистер Хонифут уже вцепился в эту идею и не собирался отступать.

— Не стану отрицать, — продолжал мистер Хонифут гнуть свое, — что Норрелл никогда не питал любви к волшебникам-теоретикам. Однако с *равным* он изменит свое поведение.

Стренджу идея понравилась; он был не прочь взглянуть на мистера Норрелла. Мистер Сегундус заподозрил, что подобные мысли посещали его и раньше, посему оставил дальнейшие возражения при себе.

— Великий день для Великобритании! — вскричал мистер Хонифут. — Только подумайте, каких высот смогут достичь эти двое! Стрендж и Норрелл! Звучит великолепно!

Мистер Хонифут еще несколько раз повторил «Стрендж и Норрелл» с таким довольным видом, что Стрендж расхохотался.

Однако, как свойственно слабохарактерным людям, мистер Сегундус вскоре изменил свою

точку зрения. Пока мистер Стрендж стоял перед ним — высокий, улыбающийся, уверенный в себе, — мистер Сегундус верил, что талант мистера Стренджа обязательно пробьет себе дорогу — с помощью мистера Норрелла или без оной. Однако наутро после отъезда Стренджа и Генри Вудхоупа он вспомнил волшебников, которых мистер Норрелл сознательно уничтожал, и засомневался, не внушил ли мистер Хонифут Стренджу ложных надежд?

— Меня не оставляет мысль, — сказал он мистеру Хонифуту, — что нам следовало предостеречь мистера Стренджа от встречи с мистером Норреллом. Лучше бы ему не искать этого знакомства, а затаиться.

Мистер Хонифут не согласился.

— Затаиться? Какому джентльмену придется по душе подобный совет? Впрочем, — добавил он, — если мистер Норрелл задумает причинить Стренджу какой-либо вред, в чем я весьма сомневаюсь, уверен, мистер Стрендж не даст себя в обиду.

24. Другой чародей

Сентябрь 1809 года

Мистер Дролайт слегка обернулся в кресле и, улыбаясь, промолвил:

— Сдается, сэр, у вас объявился соперник.

Не успел мистер Норрелл придумать подобающий ответ, как Лассельс спросил имя этого человека.

— Стрендж, — отвечал Дролайт.

— Не знаю такого, — сказал Лассельс.

— Знаете, уверяю вас! — воскликнул Дролайт. — Джонатан Стрендж из Шропшира. Две тысячи годовых.

— Понятия не имею, о ком вы толкуете. Хотя нет, погодите! А не тот ли Стрендж, который, учась в Кембридже, испугал кошку ректора Корпус-Кристи?

Дролайт подтвердил. Лассельс тотчас вспомнил, и оба расхохотались.

Тем временем мистер Норрелл окаменел в кресле. У него было такое чувство, будто Дролайт повернулся и нанес ему удар — как если бы фигура на картине, стол или стул внезапно повернулись и ударили его. Дыхание перехватило,

мистер Норрелл ощущал себя совершенно разбитым. Он боялся услышать, что чудеса, которые сотворил новоиспеченный волшебник, многократно превосходят его, Норрелла, чудеса. Так чувствует себя человек, который запер в доме все двери и окна и неожиданно услышал, как кто-то разгуливает в комнатах наверху.

Однако, прислушавшись к разговору, мистер Норрелл постепенно успокоился. Дролайт и Лассельс обсуждали увеселительные поездки Стренджа в Брайтон и Бат: по всему выходило, что Стрендж — такой же светский вертопрах, как и Лассельс. Возможно (сказал себе мистер Норрелл), фраза о сопернике относилась не к нему, а к Лассельсу. Этот Стрендж, вероятно, соперник Лассельса в какой-нибудь любовной интрижке. Норрелл опустил глаза на свои сжатые кулаки и улыбнулся собственной глупости.

— Стало быть, — спросил Лассельс, — теперь Стрендж заделался волшебником?

— Вот именно. — Дролайт повернулся к мистеру Норреллу. — Скоро все вокруг, не только приятели Стренджа, захотят сравнить его магические дарования с признанными талантами мистера Норрелла. Впрочем, его известность до сих пор ограничивалась пределами Бристоля и

Бата. Сейчас Стрендж в Лондоне и мечтает свести с вами знакомство. Могу я рассчитывать, что мне удастся присутствовать при встрече двух творцов, практикующих магическое искусство?

Очень медленно мистер Норрелл поднял глаза.

— Я буду рад познакомиться с мистером Стренджем, — произнес он.

Мистеру Дролайту не пришлось долго ждать встречи двух волшебников (по счастью, ибо мистер Дролайт ненавидел ожидание). Приглашение было отослано, а Лассельс с Дролайтом сделали все от них зависящее, чтобы при сем присутствовать.

Мистер Норрелл опасался зря — Стрендж не был ни молод, ни особенно хорош собой. На вид ему было скорее тридцать, чем двадцать, и, насколько джентльмену дозволено судить о внешности другого джентльмена, красотой он не блистал. К удивлению хозяина, Стрендж привел с собой хорошенькую молодую женщину — миссис Стрендж.

Мистер Норрелл спросил, захватил ли Стрендж свои статьи? Ему было бы весьма любопытно с ними ознакомиться.

— Статьи? — Стрендж запнулся. — Боюсь, сэр, я вас не понимаю. Я ничего не написал.

— Вот как, — заметил мистер Норрелл. — А мистер Дролайт сказал мне, что «Журнал джентльмена» заказал вам статью, но, возможно…

— Ах да! — сказал Стрендж. — Я и думать о ней забыл. Николс уверил меня, что ждет ее не раньше следующей пятницы.

— До пятницы осталась неделя, а вы еще не приступили! — изумился мистер Норрелл.

— Я полагаю, что чем быстрее выброшу этот хлам из головы, перенесу на бумагу и отдам в печать, тем лучше. Уверен, сэр, — и тут мистер Стрендж добродушно улыбнулся мистеру Норреллу, — вы разделяете мои чувства.

Мистер Норрелл, которому процесс перенесения на бумагу собственных мыслей давался с трудом и все предыдущие попытки этого рода застряли на разной степени завершения, промолчал.

— Я еще не определился, — продолжил Стрендж, — о чем буду писать, но, скорее всего, выступлю с опровержением статьи Портисхеда в «Современном волшебнике»[47]. Вы ее читали,

---

[47] Примечания: 47

«Современный волшебник» — один из нескольких периодических журналов по магии, продолживших дело «Друзей английской магии» (1808). Редакторы этих журналов хоть и не назначались Норреллом, не смели помыслить о том, чтобы отступить от его взглядов.

сэр? Я целую неделю не находил себе места от ярости. Он пытается доказать, что современный волшебник не должен искать встречи с эльфами. Признавать, что ныне мы утратили нужный дух и настрой, — одно, но заранее отвергать все попытки! Меня возмущает подобное чистоплюйство. А что самое удивительное, мне не встретилось ни одного критического отклика на статью Портисхеда! Если мы считаем себя членами сообщества волшебников, подобную чушь нельзя оставлять безнаказанной!

Решив, что сказал достаточно, Стрендж замолчал, чтобы дать высказаться собеседникам.

Последовало непродолжительное молчание, после чего мистер Лассельс заметил, что лорд Портисхед написал свою статью по предложению, а также с помощью и при поддержке мистера Норрелла.

— Неужели? — изумился Стрендж.

Снова молчание, затем Лассельс вяло поинтересовался, откуда мистер Стрендж черпает магические знания.

— Из книг, — ответил Стрендж.

— Ах, сэр, как приятно это слышать! — воскликнул мистер Норрелл. — Умоляю, не отвлекайтесь ни на что другое, приобщайтесь к чтению! Пои-

стине это занятие стоит потраченного времени и отказа от иных удовольствий!

Стрендж с ироническим выражением выслушал речь мистера Норрелла и заметил:

— К сожалению, этому препятствует нехватка книг. Вряд ли вам известно, сэр, как мало магических книг продается в Англии. Все книготорговцы уверяют, что еще несколько лет назад книг по магии было великое множество, ныне, увы…

— Да что вы говорите? — поспешно перебил его мистер Норрелл. — Это очень странно.

Последовало неловкое молчание. Два современных английских волшебника сидели друг против друга. Один признался, что страдает без книг, другой, как все знали, владел двумя крупнейшими собраниями. Простая вежливость требовала, чтобы мистер Норрелл предложил коллеге помощь, однако мистер Норрелл молчал.

— Должно быть, вашему решению стать волшебником, — заметил мистер Лассельс некоторое время спустя, — сопутствовали какие-нибудь любопытные обстоятельства?

— Вы правы, — согласился Стрендж, — весьма любопытные.

— И какие же?

Стрендж недобро усмехнулся:

— Полагаю, мистеру Норреллу будет приятно узнать, что именно ему я обязан своим решением. Не будет преувеличением сказать, что именно мистер Норрелл сделал меня волшебником.

— Я? — в ужасе воскликнул Норрелл.

— Видите ли, сэр, — поспешно вставила Арабелла Стрендж, — мистер Стрендж чем только не увлекался: сельским хозяйством, стихосложением, обработкой металла. За год он перепробовал множество дел, но без особого успеха. Рано или поздно он должен был обратиться к магии.

После молчания Стрендж заметил:

— Раньше я не понимал, что лорд Портисхед писал по вашему указанию, сэр. Возможно, вас не затруднит объяснить мне кое-что. Я прочел все статьи его милости в «Друзьях английской магии» и «Современном волшебнике», но нигде не встретил упоминания о Короле-вороне. Теперь подобное упущение представляется мне умышленным.

Мистер Норрелл кивнул:

— Одна из моих целей — предать этого человека заслуженному забвению.

— Как, сэр? Ведь без Короля-ворона не существовало бы ни волшебства, ни волшебников!

— Таково общепринятое суждение. Возможно,

так и было когда-то, в чем я весьма сомневаюсь, однако ныне он утратил право на уважение и почет. С чего начал Король-ворон, придя в Англию? Пошел войной на законного короля и отобрал у него половину владений! И такого человека, мистер Стрендж, вы предлагаете считать образцом для подражания? Признать его первым среди нас? Вы полагаете, это придаст вес нашей профессии? Заставит министров больше нам доверять? Я так не думаю. Нет, мистер Стрендж, если мы не в состоянии предать его имя забвению, наш долг — выразить свою ненависть! Пусть все знают, что мы питаем отвращение к его порочной натуре и злодейским делам!

Было совершенно ясно, что два волшебника решительно расходятся во мнениях и характерах, и Арабелле Стрендж пришло в голову, что им нет смысла долее находиться в одной комнате, с каждой минутой ожесточаясь. Довольно скоро они с мужем ушли.

Разумеется, первым свое впечатление о новом волшебнике высказал мистер Дролайт.

— Не знаю, как вы, — заявил он, не успела дверь за Стренджами закрыться, — а я никогда не был так разочарован! Мне говорили, что он хорош собой. Куда эти люди смотрели, скажите

на милость? С его-то носом и цветом волос! Рыжевато-русый такой непостоянный цвет, к нему и одежды подходящей не подберешь! К тому же я совершенно уверен, что у него седина, хотя на вид ему не больше тридцати — тридцати двух. Она же, напротив, очаровательна! Такая порывистая, а ее каштановые локоны лежат так премило. Жаль, что она не уделяет достаточного внимания столичной моде. Муслин в мелкий цветочек очень мил, но ей больше пошло бы что-нибудь помоднее, скажем, темно-зеленый шелк с черными лентами и черным стеклярусом. Впрочем, это лишь первое впечатление — в следующий раз при встрече с ней мне может прийти в голову что-нибудь совершенно иное.

— Как вы думаете, он вызовет интерес? — спросил мистер Норрелл.

— Вне всяких сомнений, — ответил мистер Лассельс.

— Ах, — вздохнул мистер Норрелл. — Этого я и боюсь. Я был бы признателен вам за совет, мистер Лассельс. Лорд Малгрейв может послать за мистером Стренджем. Его милость так рвется использовать магию в военных действиях — сама по себе мысль превосходная, — что, начитавшись книг по истории магии, вынашивает план

пригласить мне на помощь в противостоянии с французами всех английских ведьм. Он имеет в виду полуженщин-полудухов, к которым злые люди обращаются, когда хотят навредить соседям, — другими словами, тех ведьм, которых Шекспир описал в «Макбете». Он просил меня вызвать трех-четырех и, когда я отказался, остался весьма недоволен. Современному волшебству многое по плечу, но если мы начнем вызывать ведьм, то навлечем на себя неисчислимые бедствия. Теперь я опасаюсь, что вместо меня лорд Малгрейв уговорит мистера Стренджа. Вы согласны, мистер Лассельс? А мистер Стрендж может принять предложение его милости, не понимая всей опасности положения. Возможно, мне следует написать сэру Уолтеру, пусть предостережет его милость от мистера Стренджа?

— Не вижу в этом необходимости. Если *вы* считаете, что магия мистера Стренджа небезопасна, рано или поздно это и так откроется, — отвечал Лассельс.

В тот же день в честь мистера Норрелла в доме на Грейт-Тичфилд-стрит давался обед, где присутствовали Дролайт и Лассельс. И вскоре мистера Норрелла спросили, как он находит чародея из Шропшира.

— Мистер Стрендж, — сказал мистер Норрелл, — показался мне весьма приятным джентльменом и очень талантливым волшебником, делающим честь нашей профессии, что в наши времена большая редкость.

— Кажется, мистер Стрендж высказывает довольно странные суждения о магии, — добавил Лассельс. — Его не интересуют новейшие идеи в области магических знаний — идеи мистера Норрелла, являющие собой образец точности и краткости.

Мистер Дролайт повторил речь о неподобающем цвете волос мистера Стренджа и платье миссис Стрендж, не слишком модном, но сшитом из прелестного муслина.

В то же самое время другая компания (и среди них мистер и миссис Стрендж) сидела за обеденным столом в гораздо более скромной гостиной дома на Чартерхаус-Сквер. Друзей мистера и миссис Стрендж занимал вопрос, какое впечатление произвел на них великий мистер Норрелл.

— Он полагает, что Короля-ворона надо поскорее забыть, — удивленно произнес Стрендж. — Что вы на это скажете? Волшебник, который хочет, чтобы про Короля-ворона поскорее забыли! Все равно как если бы архиепископ Кентерберий-

ский втайне старался истребить всякое знание о Троице!

— Или музыкант — скрыть от людей музыку мистера Генделя, — согласилась леди в тюрбане, евшая артишоки с миндалем.

— Или торговец рыбой принялся уверять всех, что моря не существует, — сказал джентльмен, кладя себе большой кусок кефали в превосходном винном соусе.

Прочие гости принялись перечислять похожие примеры недальновидности и глупости. Общество развеселилось, за исключением мистера Стренджа, который поник головой над тарелкой.

— А я-то думала, ты решил просить мистера Норрелла о помощи, — заметила Арабелла.

— Но как? Мы заспорили с первой минуты знакомства! — воскликнул Стрендж. — Он не понравился мне, а я — ему.

— Это ты ему не понравился? Нет, возможно, ты ему и не понравился, но он просто пожирал тебя глазами. Вероятно, мистер Норрелл очень одинок. Все эти годы он изучал магию, но ему было не с кем поделиться своими наблюдениями. В самом деле, не обсуждать же магическое искусство с теми неприятными джентльменами — забыла их имена! А теперь он встретил тебя и

понял, что ему есть с кем перемолвиться словом, поэтому я очень удивлюсь, если мистер Норрелл не захочет снова с тобой увидеться.

На Грейт-Тичфилд-стрит мистер Норрелл опустил вилку и промокнул губы салфеткой.

— Разумеется, он должен приобщиться, — промолвил он. — Я посоветовал ему приобщиться.

На Чартерхаус-Сквер мистер Стрендж сказал:

— Он велел мне приобщиться. К чему, спросил я. К чтению, ответил он. Я еще никогда так не удивлялся. Чуть не спросил, что же мне читать, если все книги у него?

На следующий день Стрендж сказал Арабелле, что они могут вернуться в Шропшир, когда ей захочется, ибо в Лондоне их ничего не удерживает. И добавил, что не желает больше думать о мистере Норрелле. Однако следующие несколько дней Арабелле не раз пришлось выслушивать от мужа длинное перечисление недостатков мистера Норрелла, как личных, так и профессиональных.

Тем временем на Ганновер-Сквер мистер Норрелл без конца допрашивал мистера Дролайта о том, чем занят мистер Стрендж, куда приглашен и что о нем думают.

Мистера Лассельса и мистера Дролайта такой поворот дел не на шутку встревожил. Вот

уже больше года они числились друзьями волшебника и в качестве таковых принимались адмиралами, генералами и политиками, желавшими знать мнение мистера Норрелла о том-то или получить помощь мистера Норрелла в таком-то деле. Мысль, что другой волшебник сможет занять при мистере Норрелле их место, привязать его к себе более крепкими узами, была совершенно невыносима. Мистер Дролайт сказал мистеру Лассельсу, что думы о шропширском волшебнике не дают Норреллу покоя. И хотя эксцентричная натура Лассельса не позволяла тому сразу с этим согласиться, про себя он думал так же.

На третий или четвертый день после визита Стренджей мистер Норрелл сказал:

— Я изучил этот вопрос более тщательно и пришел к выводу, что должен кое-что сделать для мистера Стренджа. Он жалуется на отсутствие материалов. Возможно, я и впрямь несколько… Короче, я решил подарить ему книгу.

— Как, сэр, одну из ваших бесценных книг? — вскричал Дролайт. — Вы не должны их никому отдавать, особенно волшебникам, которые не сумеют правильно ими распорядиться!

— Нет, речь не идет о моих книгах, — отвечал

мистер Норрелл. — Я чувствую, что не в состоянии расстаться ни с одной из них. Я купил книгу в лавке Эдвардса и Скиттеринга и собираюсь подарить ее мистеру Стренджу. Выбор дался мне нелегко. Честно говоря, я не готов рекомендовать ему некоторые книги, потому что он еще не созрел для их понимания и может почерпнуть из них неправильные идеи. У этой книги, — озабоченно продолжал мистер Норрелл, — множество недостатков. Прочтя ее, мистер Стрендж не научится истинному волшебству, однако эта книга научит его упорному труду и укажет на опасности, которые подстерегают любого, кто слишком поспешно и непродуманно доверяет свои мысли бумаге, — уроки, которые, я надеюсь, мистер Стрендж воспримет с благодарностью.

Так и случилось, что мистер Норрелл снова пригласил Стренджа на Ганновер-Сквер. Как в прошлый раз, с ним были Лассельс и Дролайт, однако Стрендж пришел без жены.

Вторая встреча волшебников состоялась в библиотеке. Стрендж молча разглядывал книжные полки. Вероятно, он больше не сердился на хозяина. Казалось, обе стороны решили проявить дружелюбие.

— Вы оказали мне большую честь, сэр, — сказал

Стрендж, когда Норрелл преподнес ему книгу. — «Английская магия» Джереми Тотта. — Стрендж перелистал страницы. — Никогда не слышал о таком авторе.

— Это биография его брата, волшебника-теоретика и историка магии прошлого века Горация Тотта[48], — сказал мистер Норрелл и повторил свое замечание относительно пользы упорного труда и опасностей, которые таит в себе необдуманное сочинительство.

Стрендж вежливо улыбнулся, поклонился и заверил дарителя, что книга, несомненно, принесет ему большую пользу.

Мистер Дролайт не упустил случая восхититься подарком.

Мистер Норрелл разглядывал Стренджа со странным выражением, словно хотел поговорить, но не знал, с чего начать.

Мистер Лассельс напомнил мистеру Норреллу, что лорд Малгрейв ждет его через час.

— Должно быть, вы заняты, сэр, — сказал

---

[48] Примечания: 48

Гораций Тотт прожил бедную событиями жизнь в Чешире. Он собирался написать большую книгу по английской магии, но так и не приступил к сему славному труду. Умер Гораций Тотт в возрасте семидесяти четырех лет, до последнего мгновения собираясь приступить к написанию книги на следующей неделе, в крайнем случае, через неделю.

Стрендж, — а мне не хочется быть назойливым. К тому же миссис Стрендж поручила мне сделать кое-какие покупки на Бонд-стрит.

— Возможно, когда-нибудь, — заметил Дролайт, — нам выпадет честь лицезреть волшебство мистера Стренджа. Я заядлый любитель чудес.

— Возможно, — не стал спорить мистер Стрендж.

Мистер Лассельс позвонил в колокольчик. Внезапно мистер Норрелл промолвил:

— Я был бы рад увидеть магию мистера Стренджа прямо сейчас, если он готов ее продемонстрировать.

— Э-э-э, я не… — начал Стрендж.

— Вы окажете мне великую честь, — настаивал мистер Норрелл.

— Что ж, будь по-вашему, — согласился Стрендж. — Я с радостью покажу вам кое-что. Должно быть, по сравнению с тем, к чему вы привыкли, мое волшебство представится вам слегка неуклюжим. Сомневаюсь, мистер Норрелл, что я смогу превзойти вас в изяществе исполнения.

Мистер Норрелл поклонился.

Стрендж несколько раз оглядел комнату в поисках подходящего предмета. Взгляд его упал на зеркало в углу, куда никогда не проникали лучи

солнца. Стрендж положил «Английскую магию» Джереми Тотта на стол так, чтобы она четко отражалась в зеркале. Несколько мгновений он смотрел на книгу — ничего не происходило. После чего Стрендж сделал странный жест: провел руками по волосам, крепко сжал затылок и судорожно дернул плечами. Затем улыбнулся, явно довольный собой.

Книга по-прежнему лежала на столе.

Лассельса и Дролайта, которым доводилось наблюдать за чудесной магией мистера Норрелла, манипуляции Стренджа совершенно не впечатлили — да любой ярмарочный шут способен на большее! Лассельс открыл было рот, чтобы сказать что-нибудь оскорбительное, но мистер Норрелл опередил его:

— Великолепно! Поистине это… Мой дорогой мистер Стрендж! Я никогда ранее не слышал о подобной магии! Она не упомянута у Саттон-Гроува! Уверяю вас, мой дорогой сэр, ее нет у Саттон-Гроува! — восторженно восклицал мистер Норрелл.

Лассельс и Дролайт в замешательстве переводили глаза с одного волшебника на другого.

Лассельс подошел к столу и пристально всмотрелся в книгу.

— Возможно, она стала длиннее? — предполо-

жил он.

— Вряд ли, — промолвил Дролайт.

— Обложка теперь светло-коричневая, — снова попробовал Лассельс. — А раньше была синяя, не так ли?

— Нет, — ответил Дролайт. — Она и раньше была светло-коричневая.

Мистер Норрелл расхохотался. Мистер Норрелл, от которого в былые времена и улыбки не дождешься, от души хохотал над Лассельсом и Дролайтом.

— Нет-нет, джентльмены! Ни за что не угадаете! Ни за что! Мистер Стрендж, не могу выразить, как… но ведь они так и не поняли, что вы сделали! Возьмите книгу! — воскликнул он. — Мистер Лассельс, возьмите ее!

Еще сильнее заинтригованный, Лассельс протянул руку, чтобы взять книгу, но рука схватила пустоту. Перед ним была не сама книга, а ее отражение.

— Мистер Стрендж поменял местами книгу и ее отражение, — объяснил мистер Норрелл. — Настоящая книга теперь в зеркале. — Он с профессиональной заинтересованностью всмотрелся в зеркало. — Как вам это удалось?

— Хотел бы я знать, — пробормотал Стрендж.

Он обошел комнату, приглядываясь к книге под разными углами, закрывая то один глаз, то другой, словно бильярдист.

— Вы можете вернуть ее обратно? — спросил Дролайт.

— Увы, нет, — ответил Стрендж. — По правде сказать, я плохо понимаю, что делаю. Наверное, вам знакомо это ощущение, сэр. Похоже на музыку, которая играет у вас в голове, — вы просто откуда-то знаете следующую ноту.

— Совершенно поразительно, — сказал мистер Норрелл.

Еще более поразительным было то, что мистер Норрелл, всю жизнь проживший в страхе перед воображаемым соперником, узрев наконец магию, сотворенную другим волшебником, не только не озлобился, но, напротив, испытал душевный подъем.

В тот вечер мистер Норрелл и мистер Стрендж простились весьма сердечно, а на следующее утро встретились уже без Лассельса и Дролайта. Встреча завершилась тем, что мистер Норрелл предложил мистеру Стренджу стать своим учеником. Предложение было с благодарностью принято.

— Жаль только, что он женат, — ворчливо за-

метил мистер Норрелл. — Не дело волшебнику вступать в брак.

25. Обучение волшебника

Сентябрь — декабрь 1809 года

В первый день ученичества Стренджа пригласили на Ганновер-Сквер к раннему завтраку. Когда волшебники заняли свои места за накрытым столом, мистер Норрелл сообщил:

— Я позволил себе набросать план вашего обучения на ближайшие три-четыре года.

Стрендж был явно озадачен подобными сроками, но вслух ничего не сказал.

— Три-четыре года — крайне незначительное время, — вздохнув, продолжил мистер Норрелл, — поэтому, даже прилагая максимум усилий, мы едва ли достигнем многого.

Он протянул Стренджу дюжину исписанных листов бумаги. На каждом бисерным почерком мистера Норрелла в три колонки давался перечень всевозможных видов, приемов и способов магии[49]. Стрендж просмотрел листы и сказал, что освоить предстоит гораздо больше, чем он

---

[49] Примечания: 49

Естественно, мистер Норрелл построил программу обучения на классификации из *«De Generibus Artium Magicarum Anglorum»* Фрэнсиса Саттон-Гроува.

предполагал.

— Ах! Я вам завидую, сэр, — ответил мистер Норрелл. — Просто завидую. *Практиковать* магию — занятие неблагодарное, *изучать* — подлинное наслаждение! Величайшие волшебники Англии станут вашими учителями и собеседниками. Упорная учеба будет вознаграждена знанием, и, главное, можно месяцами вообще не видеться с другими людьми!

Несколько мгновений мистер Норрелл мысленно предавался сладостным воспоминаниям о счастливых годах обучения, потом встал из-за стола и предложил Стренджу, не откладывая, пройти в библиотеку и приступить к делу.

Библиотека в доме мистера Норрелла располагалась на первом этаже. Это была прелестная комната, отделанная в соответствии со вкусами хозяина, который удалялся сюда, чтобы насладиться покоем и одиночеством. Мистер Дролайт убедил мистера Норрелла расположить по стенам небольшие зеркала под самыми причудливыми углами. Взгляд посетителя то и дело ловил неожиданные блики серебристого света или отражение человека, идущего по улице. Стены были оклеены светло-зелеными обоями с рисунком, изображающим листья и узловатые ветви

дуба, а купол расписали под лиственный полог лесной поляны. Все книги были в одинаковых переплетах светлой телячьей кожи, с серебряным тиснением на корешке. Тем удивительнее смотрелись зияющие пустоты между книгами и целые пустые полки.

Стрендж и мистер Норрелл уселись у камина друг напротив друга.

— Если позволите, сэр, я хотел бы начать с нескольких вопросов, — произнес Стрендж. — Признаюсь, что в прошлый раз меня изумило то, что я узнал об эльфах. Не могли бы вы подробнее рассказать об этом? Каким опасностям подвергается волшебник, обратившийся к ним за помощью? Как вы считаете, они могут быть полезны?

— Их полезность сильно переоценивают, а опасности, связанные с их появлением, не хотят замечать.

— Вот как? Некоторые считают эльфов демонами. Вы тоже так думаете? — спросил Стрендж.

— Напротив. Я совершенно уверен, что правилен самый распространенный взгляд. Вы знаете, что пишет о них Частон? Меня не удивит, если

окажется, что Частон очень близок к истине[50]. Нет-нет, мое предубеждение относительно эльфов объясняется другими причинами. Скажите, мистер Стрендж, как по-вашему, почему английская магия в такой степени зависела — или якобы зависела — от помощи эльфов?

Стрендж ненадолго задумался.

— Полагаю, потому, что английская магия берет начало от Короля-ворона, который получил образование при эльфийском дворе и там же обучился волшебству.

— Я согласен, что Король-ворон имеет к предмету самое прямое отношение, — сказал мистер Норрелл, — но не такое, как вы думаете. Учтите, сэр, что в течение всего периода своего правления в Северной Англии Король-ворон повелевал и Страной Фей. Согласитесь, еще ни один король не управлял одновременно двумя столь непохожими народами. К тому же ясно, что королем он был ничуть не менее великим, чем волшебником, — факт, которым историки почему-то пренебрегают. Я полагаю совершенно очевид-

---

[50] Примечания: 50

Ричард Частон (1620–1695). Частон писал, что и люди, и эльфы обладают разумом и способностью к магии. В людях силен разум, а способность к волшебству слаба. Эльфам, напротив, магия присуща от природы, а что касается разума, то по человеческим меркам они просто сумасшедшие.

ным, что в основном Король-ворон был занят задачей, которую он решил, мистер Стрендж, за счет *намеренного преувеличения роли эльфов в области магии*. Таким образом он добился от людей уважения к эльфам, а последним открыл полезную сферу деятельности, и между двумя народами установились дружественные отношения.

— Да, — задумчиво произнес Стрендж. — Понятно.

— Мне кажется, — продолжал мистер Норрелл, — что даже величайшие из ауреатов переоценивали влияние эльфов на магию людей. Возьмите Пейла! Он считал, будто эльфы совершенно необходимы ему для совершенствования в искусстве волшебства, и писал, что величайшее сокровище его дома — трое или четверо слуг-эльфов! Однако мой личный опыт свидетельствует, что почти любое *респектабельное* волшебство возможно и выполнимо без посторонней помощи! Что я такого совершил, чего нельзя сделать без помощи эльфов?

— Понимаю, — сказал Стрендж, который счел последний вопрос собеседника риторическим. — И должен признать, что эта точка зрения для меня совершенно нова. Я прежде не встречал

подобного в книгах.

— Я тоже, — заметил мистер Норрелл. — Конечно, есть виды магии, которые без пособничества эльфов вообще невозможны. Могут возникнуть ситуации, когда вы и я вынуждены будем общаться с этими вредными созданиями. Надеюсь, не очень часто. Естественно, придется соблюдать величайшую осторожность. Любой эльф, которого мы вызовем, почти наверняка уже имел дело с каким-нибудь английским волшебником. Он перечислит нам имена величайших волшебников, которым служил, и расскажет, какие именно услуги оказал каждому. И он будет знать, каковы были причины и последствия всех этих прецедентов, а мы — нет, что поставит нас в невыгодное положение. Уверяю вас, мистер Стрендж, нигде так хорошо не осведомлены об упадке английской магии, как в Иных Краях.

— Однако для обычных людей эльфы очень заманчивы, — задумчиво произнес Стрендж, — и, возможно, время от времени привлекая их к работе, мы повысили бы популярность нашей профессии. По-прежнему сильно предубеждение против использования магии на войне.

— О да! Ну конечно! — раздраженно воскликнул мистер Норрелл. — Люди верят, что магия

начинается с эльфов и с ними же кончается. Они не учитывают искусство и познания самого мага! Нет, мистер Стрендж, это не аргумент в пользу привлечения эльфов! Как раз наоборот! Сто лет назад историк магии Валентин Монди отрицал, что Иные Края существуют. Он считал лжецами всех, кто там якобы побывал. Он был не прав, но мне близка его точка зрения, и я желал бы ее распространить. Конечно, — продолжал мистер Норрелл, как бы раздумывая над сказанным, — потом Монди стал отрицать существование Америки, а чуть позже — Франции, незадолго до смерти он усомнился в существовании Шотландии и в реальности Карлайла… У меня есть его книга[51].

Мистер Норрелл встал, подошел к одной из полок, взял книгу, но передавать ее Стренджу не спешил.

После непродолжительного молчания Стрендж спросил:

— Вы советуете мне ее прочитать?

— Да, конечно. Думаю, ее стоит прочесть, — от-

---

[51] Примечания: 51

«Голубая книга: опыт разоблачения самых распространенных заблуждений и мистификаций, в которых английские волшебники виновны перед подданными короля и друг перед другом». Валентин Монди, изд. 1698 г.

ветил Норрелл.

Стрендж ждал. Мистер Норрелл смотрел на книгу, которую держал в руках, и словно не знал, что делать дальше.

— Дайте же мне книгу, сэр, — тихо сказал Стрендж.

— Да-да, — пробормотал мистер Норрелл.

Он приблизился к Стренджу, замер, держа книгу на весу, потом быстрым движением скинул ее в руку ученику, как будто это не книга вовсе, а робкая птичка, которая не пойдет к чужому и надо ее обмануть. Хорошо, что мистер Норрелл не смотрел в лицо Стренджу — тот едва сдерживался, чтобы не расхохотаться.

Мистер Норрелл стоял не двигаясь и потерянно глядел на книгу, перекочевавшую в руки другого волшебника.

Впрочем, расстаться с первой книгой было тяжелее всего; выдержав испытание, мистер Норрелл заметно приободрился. Спустя полчаса он порекомендовал Стренджу другое сочинение, снял его с полки и почти безболезненно, без суеты, отдал. К полудню он так разошелся, что просто указывал на книгу и позволял Стренджу самому пойти и ее взять. К вечеру Стрендж получил множество сочинений и задание прочесть

их в течение недели.

Однако целый день, посвященный беседам, был для них редкой роскошью. Обычно часть дня занимал прием посетителей, являвшихся с визитами к мистеру Норреллу. Как правило, то были светские люди, с которыми старый волшебник считал необходимым поддерживать отношения, или джентльмены из правительственных департаментов.

Уже через пару недель мистер Норрелл был в восторге от своего ученика.

— Ему не надо ничего объяснять, — говорил он сэру Уолтеру, — он все схватывает на лету! Я прекрасно помню, сколько недель упорного труда мне потребовалось, чтобы постичь «Предположения, касающиеся предвидения будущего» Пейла, а мистер Стрендж овладел этой исключительно сложной теорией немногим более чем за четыре часа!

Сэр Уолтер улыбнулся:

— Я не сомневаюсь в его способностях, но мне кажется, что вы склонны умалять собственные достижения. В отличие от вас у мистера Стренджа есть учитель, который может растолковать ему все трудное. Именно вы подготовили ему путь и сделали познание легким и приятным.

— Все так! — вскричал мистер Норрелл. — Но когда мы продолжили обсуждение «Предположений», я вдруг понял, что у них может быть более широкая область применения! Видите ли, именно вопросы мистера Стренджа привели меня к новому взгляду на идеи доктора Пейла!

На это сэр Уолтер сказал следующее:

— Ну что же, сэр, я рад, что вы обрели друга, разум которого столь сочетается с вашим. Согласие выдающихся умов — что может быть прекрасней!

— Вы правы, сэр Уолтер! — воскликнул мистер Норрелл. — Ах, как вы правы!

Стрендж восторгался мистером Норреллом более умеренно. Его раздражали скучная манера речи и странности поведения. В то время как мистер Норрелл нахваливал ученика сэру Уолтеру, Стрендж жаловался на учителя Арабелле:

— До сих пор не знаю, как себя вести и чего от него ожидать. Сегодня утром он дважды прерывал беседу, потому что ему показалось, будто где-то в комнате скребется мышь. Он ужасно боится мышей. Мне пришлось с помощью двух лакеев и двух горничных передвинуть всю мебель в библиотеке в поисках мыши, а он тем временем стоял у камина и дрожал от страха.

— А кошки у него нет? — спросила Арабелла. — Пусть заведет кошку.

— Увы, это невозможно! Кошек он ненавидит даже больше, чем мышей. Он как-то сказал, что если окажется в одной комнате с кошкой, то через час весь покроется сыпью.

Мистер Норрелл желал дать Стренджу точные и глубокие знания, но всегдашняя привычка утаивать и недоговаривать очень этому мешала. Как-то в декабре, когда с низкого серо-зеленого неба валил пушистыми хлопьями снег, два волшебника сидели у камина в библиотеке на Ганновер-Сквер. Снегопад за окнами, жар огня и большой бокал хереса, предложенный хозяином дома, почти усыпили Стренджа. Глаза его слипались, но, поддерживая голову рукой, он старался следить за монологом мистера Норрелла.

— Многие волшебники, — не спеша рассказывал мистер Норрелл, — пытались передать свою магическую силу какому-нибудь физическому объекту. Это совсем нетрудное колдовство, а объект можно выбрать любой. Деревья, книги, камни, пули, шляпы — чего только они не заколдовывали! — Мистер Норрелл внимательно рассматривал кончики пальцев. Внезапно он помрачнел. — Волшебник заключает свою силу

в объект, чтобы не растерять ее в случае болезни или в старости. Я тоже над этим работал, ведь даже обычная простуда может очень серьезно повлиять на способности мага. Однако по зрелом размышлении я пришел к выводу, что опасно перекачивать силы в предмет. Возьмем хотя бы кольца. Вроде бы идеальное вместилище волшебных чар — оно невелико, вы можете годами носить кольцо на пальце, не привлекая внимания окружающих, это не книга и не камень, которые надо прятать; и тем не менее из истории мы знаем, что многие волшебники теряли кольца, в которых заключалось их могущество, и вынуждены были преодолевать невероятные трудности, чтобы заполучить кольцо обратно. В качестве примера приведу историю, случившуюся в двенадцатом веке с магистром из Ноттингема, дочка которого по ошибке надела на палец не свою безделушку, а кольцо отца и отправилась на ярмарку, где проходил праздник святого Матфея. Это беззаботное юное создание…

— Что?! — вскричал Стрендж.

— Что? — испуганно переспросил мистер Норрелл.

Стрендж с изумлением уставился на учителя. Мистер Норрелл, ничего не понимая, с испугом

смотрел на ученика.

— Простите, сэр, — произнес Стрендж. — Дело в том, что… — Он старался говорить как можно мягче. — Кажется, пару недель назад вы говорили мне, что волшебные кольца и камни — сплошная выдумка.

Испуг в глазах мистера Норрелла сменился тревогой.

— Возможно, я что-то путаю? — предположил Стрендж.

Мистер Норрелл хранил молчание.

— Значит, я ошибся, — облегченно вздохнул Стрендж. — Простите, сэр, что прервал ваш рассказ. Прошу вас, продолжайте.

Мистер Норрелл немного успокоился, увидев, к какому выводу пришел его ученик, однако продолжить не захотел и вместо этого предложил выпить чаю, на что Стрендж с готовностью

согласился[52].

В тот же вечер Стрендж рассказал Арабелле обо всем, что случилось в библиотеке мистера Норрелла.

— Это было так странно! Он испугался и не знал, что сказать. Тут до меня дошло, что он мне врал. Я был вынужден подыграть ему и сделать вид, будто сам запутался.

— Не понимаю, — сказала Арабелла, — зачем он сам себе противоречит?

— О! Он твердо решил многое от меня утаить. Это же очевидно. Просто временами забывает, что можно говорить, а что нельзя. Помнишь, я тебе рассказывал о пробелах на полках? Так вот, в тот день, когда он принял меня в ученики, мистер Норрелл распорядился убрать книги с пяти полок

---

[52] Примечания: 52

История, случившаяся с дочкой магистра из Ноттингема, заслуживает внимания, поэтому я привожу ее полностью.

Девушка отправилась на ярмарку, которая проводилась в Ноттингеме на праздник святого Матфея. Она весело провела время, бродила от прилавка к прилавку, покупая платочки, шпильки, пряности. Вдруг она обернулась посмотреть на итальянских акробатов и задела плащом проходящего гуся. Птица зашипела и, расправив крылья, бросилась на бедняжку. Девушка от неожиданности выронила кольцо прямиком в клюв разозленной птицы, и та, тоже от неожиданности, его проглотила. Тут, словно из-под земли, появился пастух с хворостиной, погнал гуся и растворился с ним в рыночной толпе. Девушка и сказать ничего не успела.

Гуся купил человек по имени Джон Форд. Он отвез его домой, в деревню Фискертон, и на следующий день жена хозяина, Маргарет

Форд, зарезала и выпотрошила птицу. В желудке она нашла тяжелое серебряное кольцо с кривым куском желтого янтаря. Маргарет положила его на стол рядом с тремя куриными яйцами, собранными утром того же дня.

Яйца сразу же начали вздрагивать, а потом раскололись, и из каждого на свет появилось настоящее чудо. Из первого вылупился струнный инструмент, похожий на скрипку, но с крошечными ручками и ножками, который немедленно принялся играть сам на себе и при этом приплясывать. Из второго выплыл кораблик слоновой кости с белыми льняными парусами и двумя рядами серебряных весел. А из последнего яйца вылупился птенец с красивым золотисто-пурпурным хохолком. Из трех этих чудес к вечеру остался только птенец. Скрипка через два часа с треском распалась на кусочки, а кораблик из слоновой кости на закате поднялся в воздух, выплыл из дома и улетел куда-то. Птенец какое-то время жил в доме и впоследствии явился причиной пожара, который уничтожил почти всю деревню. Очевидцы сообщали, что птица купалась в пламени горящих домов. Вполне вероятно, что это был феникс.

Маргарет Форд догадалась, что к ней попало волшебное кольцо, и решила использовать его в своих целях. К несчастью, она была женщиной злой и порочной, тиранила своего безвольного супруга и все время мечтала о том, как отомстит тем людям, которых считала своими врагами. Джон Форд владел поместьем Фискертон, но спустя несколько месяцев к его землям добавились новые угодья, а сундуки наполнились серебром, потому что даже знатные лорды начали бояться его жены-колдуньи.

Вскоре слухи о чудесах, сотворенных Маргарет Форд, достигли Ноттингема. Магистр не вставал с постели — все думали, что он умирает. Волшебник передал кольцу слишком много своей силы и, утратив его, впал сначала в меланхолию, затем — в отчаяние и, наконец, заболел. Когда он узнал о судьбе кольца, то сделать уже ничего не мог.

Между тем дочь его сильно терзалась из-за того, что навлекла на семью

несчастье, и твердила себе, что должна вернуть кольцо истинному владельцу. Не сказав никому ни слова, она покинула дом и берегом реки пошла к деревне Фискертон.

Возле Ганторпа она увидела страшное зрелище: небольшая роща была объята бушующим пламенем. От горящих деревьев валил едкий черный дым, и девушка, задыхаясь, начала кашлять и тереть слезящиеся глаза. Она заметила, что деревья горят, но огонь не пожирает их древесину. Из рощи доносился низкий мучительный стон, словно кто-то страдал от невыносимой пытки. Девушка не могла понять, что происходит; она посмотрела вокруг и увидела проходившего мимо молодого дровосека. Он объяснил ей, что это дело рук злой волшебницы:

— В июне по дороге в Тиргартен Маргарет Форд остановилась отдохнуть в этой роще. Она подремала в тени под ветвями деревьев, напилась из ручья и поела земляники, а когда уходила, споткнулась о корень и упала. При этом шиповник имел наглость оцарапать ей руку. Она рассердилась и заколдовала рощу, велев ей гореть вечным пламенем.

Дочка магистра поблагодарила дровосека и пошла дальше. Ей захотелось пить, и она решила спуститься к реке. Когда она вышла на берег, навстречу ей из воды поднялось существо, напоминающее женщину. Его тело было покрыто чешуей, как у форели, а на голове вместо волос росли плавники. Существо уставилось на девушку холодными рыбьими глазами.

— Ох! Простите за беспокойство, — пролепетала та.

Женщина-рыба открыла пасть, показав острые зубы, но не произнесла ни звука. Потом она перевернулась в воздухе и шлепнулась в воду.

Невдалеке какая-то крестьянка полоскала в реке белье. Она рассказала дочке магистра, что это существо — Джослин Трент. Маргарет Форд влюбилась в мужа Джослин. Из ревности колдунья превратила несчастную в речное чудище, и теперь Джослин живет в заводях, где помельче. Глубины она боится, потому что плавать не умеет, а на воздухе находиться не может, потому что рыбья кожа быстро высыхает.

Дочка магистра поблагодарила крестьянку и пошла дальше.

Вскоре она подошла к деревушке Ховерингем. У околицы ей встретились мужчина и женщина верхом на пони. Они посоветовали девушке не заходить в деревню и провели ее стороной, по узкой дорожке. С холмика дочка магистра увидела, что по деревне бродят люди с завязанными глазами. Они натыкались друг на друга, бились лбами о стены, спотыкались о табуретки, кувыркались через бревна, ранились об острые предметы и топтали грядки. Все жители деревушки были изранены — кто порезался, кто обжегся, кто голову расшиб, — но повязок с глаз не снимали.

— Вот так, — сказала девушке проводница. — Ховерингемский священник смело осудил с амвона злые дела Маргарет Форд. Все молчали — епископы, аббаты, каноники, а этот хлипкий старичок осудил колдунью, и она в ответ прокляла всю деревню. Теперь им, стоит открыть глаза, являются ужасные картины: бедняги видят, как умирают их дети, сходят с ума старики-родители, изменяют любимые. Жены и мужья видят, как убивают их супругов. Все понимают, что это только иллюзии, но носят повязки, чтобы не сойти с ума.

Девушка только головой покачала, дивясь злобной выходке колдуньи, и пошла дальше, к поместью Джона Форда. Там она встретила Маргарет, которая вместе с работницами гнала стадо коров на вечернюю дойку.

4 *(прод.)* Дочка магистра подошла прямо к Маргарет Форд. Та сразу же обернулась и ударила ее палкой.

— Ах ты, негодница! — закричала она. — Я знаю, что ты задумала, кольцо мне все рассказало. Ты хотела обмануть меня, наняться служанкой и украсть кольцо. Так знай: я наложила на него крепкое заклятье. Стоит вору только прикоснуться к нему, как тут же налетят пчелы и осы и станут жалить негодяя, с неба слетят орлы и коршуны и исклюют его, из леса прибегут медведи и кабаны и разорвут вора в клочки!

Потом Маргарет Форд избила дочку магистра и велела служанкам, чтобы девушку заставили работать на кухне.

Запуганные и озлобленные женщины свалили на бедняжку самую тяжелую работу, а когда Маргарет Форд их била, отыгрывались на

девушке. Однако дочка магистра выдержала все и не пала духом. Несколько месяцев она работала на кухне и каждый день думала о том, как же ей обмануть колдунью и вернуть кольцо.

Маргарет Форд была женщиной жестокой, скорой на расправу. Если она начинала злиться, успокоить ее было невозможно. При всем при этом она обожала маленьких детей, никогда не упускала случая понянчить чужого ребенка, и когда брала дитя на руки, просто преображалась. Своих детей у нее не было, и все знали, что Маргарет об этом сильно горюет. Поговаривали, что она даже прибегала к колдовству, чтобы зачать ребенка, но все безуспешно.

Как-то раз колдунья играла с соседской девочкой, приговаривая, что хотела бы себе такую крошку, только с молочно-белой кожей, зелеными глазками и рыжими кудряшками. (Маргарет сама была рыжая и зеленоглазая.)

Дочка магистра как бы случайно подошла к ним и невинно сообщила:

— У жены церковного старосты в Эпперстоне как раз такой ребенок, как вы говорите. Просто прелесть, а не девочка.

Тогда Маргарет Форд велела девушке поехать вместе с ней в Эпперстон и показать, где живет семья той девочки. Когда колдунья увидела ребенка, милейшее и забавнейшее создание, она заявила изумленной матери, что забирает ее дочурку себе.

Отобрав крошку у родителей, Маргарет Форд изменилась до неузнаваемости. Все дни она проводила, ухаживая за девочкой, играя с ней и баюкая. Она перестала издеваться над слугами, в доме наступил покой, и люди почти забыли о скверном характере хозяйки.

Так они и жили. Дочка магистра находилась в доме Маргарет Форд уже больше года. Как-то летним погожим днем хозяйка решила устроить пикник на берегу реки. Она взяла с собой ребенка, дочку магистра и других служанок. Покушав, Маргарет прилегла отдохнуть в тени розового куста. День был жаркий, и вскоре она задремала. Девочка играла рядом.

4 *(прод.)* Убедившись, что Маргарет спит, дочка магистра взяла леденец и показала девочке. Ребенок тут же широко разинул рот. Девушка впихнула туда леденец, потом она быстро и незаметно сняла кольцо с пальца Маргарет Форд и закричала:

— Проснитесь, проснитесь, госпожа! Ребенок засунул в рот ваше кольцо! О боже, скорее снимите заклятье! Расколдуйте его!

Маргарет очнулась, увидела, что девочка что-то засунула в рот, но сначала не поняла, что происходит.

Тут прилетела пчела, и дочка магистра завизжала. Поднялся переполох.

— Быстрее, госпожа, умоляю! — кричала девушка. Она взглянула в небо. — Уже орлы летят и коршуны! Ох! Из леса бегут кабаны и медведи! Они разорвут нашу крошку в клочки!

Маргарет Форд громко произнесла заклинание, и чары немедленно слетели с кольца. В ту же секунду девочка проглотила леденец. Пока Маргарет и служанки трясли малышку, надеясь, что та закашляется и кольцо выскочит, дочка магистра побежала берегом реки в сторону Ноттингема.

Заканчивается история, как и многие сказки. Как только Маргарет Форд поняла, что ее обманули, она приказала седлать лошадей и спустить собак и бросилась в погоню за дочкой магистра. Несколько раз девушку чуть не схватили, но предание гласит, что ей помогали жертвы злой колдуньи. Жители Ховерингема сорвали повязки с глаз и, не обращая внимания на донимавшие их ужасные видения, бросились сооружать баррикады, чтобы остановить погоню; бедняжка Джослин Трент поднялась из реки, бросилась на Маргарет и пыталась стащить ее с лошади в грязь; горящая роща забрасывала преследователей огненными ветвями.

Кольцо вернулось к магистру из Ноттингема. Он снял все чары, наложенные Маргарет Форд, исправил все ее злодеяния, восстановил свое доброе имя и снова стал влиятельным и уважаемым волшебником.

Существует и другая версия этих событий, в которой нет волшебно-

го кольца, вечно горящей рощи и феникса, то есть вообще ничего чудесного. Согласно этой версии, Маргарет Форд и дочка магистра, которую звали Доната Торел, не враждовали, а вместе возглавляли сообщество волшебниц, процветавшее в Ноттингеме в XII веке. Хью Торел, магистр из Ноттингема, выступил против этого объединения и старался его уничтожить (несмотря на то, что в нем состояла его дочь). Он почти достиг своей цели, но женщины покинули свои дома, отцов и мужей и удалились в леса под защиту Томаса Годблесса, чародея более могущественного, чем Хью Торел. Эта вторая, совсем не красочная, версия никогда не была столь популярна, как первая, но Джонатан Стрендж считал правильной именно ее и поэтому включил в свою книгу «История и практика английской магии».

и отправить их назад в Йоркшир. Он считает, что мне их давать опасно.

— Господи боже! Как ты об этом узнал? — спросила изумленная Арабелла.

— Дролайт и Лассельс сказали. С большим удовольствием.

— Мерзавцы!

Мистер Норрелл был очень недоволен, когда Стрендж на два дня прервал занятия — они с женой подыскивали себе дом.

— Все дело в его жене, — жаловался мистер Норрелл Дролайту. — Если бы он был холост, то, смею надеяться, без возражений переехал бы ко мне.

Дролайт испугался, что мистеру Норреллу пришла в голову такая мысль, и принялся убеждать волшебника:

— Как можно, сэр! Подумайте о вашей работе на адмиралтейство и военное ведомство — она так важна и строго конфиденциальна! Присутствие постороннего лица крайне нежелательно!

— Но ведь мистер Стрендж будет помогать мне в этой работе! — возразил мистер Норрелл. — С моей стороны было бы неправильно утаивать от государства таланты мистера Стренджа. В четверг мы вместе ходили в адмиралтейство на прием к лорду Малгрейву. Конечно, поначалу

лорд был не совсем доволен тем, что я привел мистера Стренджа…

— Потому что его милость полностью полагается на ваше искусство! Наверняка он считает, что простого любителя, пусть даже талантливого, нельзя допускать к делам адмиралтейства.

— Однако, когда лорд выслушал соображения мистера Стренджа по поводу применения магии в военных действиях против Франции, он радостно улыбнулся и сказал мне: «Мы с вами, мистер Норрелл, отстали от жизни. Кажется, нам нужна молодая кровь, как вы думаете?»

— Лорд Малгрейв? Сказал вам? — переспросил Дролайт. — Какая грубость! Надеюсь, вы одарили его своим знаменитым взглядом!

— Что? — Мистер Норрелл был поглощен рассказом и не обращал внимания на то, что говорил мистер Дролайт. — О! Да, я сказал ему: полностью с вами согласен, милорд. Но погодите, мистер Стрендж изложил не все свои идеи. Вы не слышали и половины!

Не только у адмиралтейства и военного ведомства, но и у прочих правительственных департаментов был повод радоваться появлению Джонатана Стренджа. Многое, казавшееся трудным, стало вдруг простым и легко разреши-

мым. Министры короля давно мечтали насылать ночные кошмары на врагов Англии. Министр иностранных дел впервые высказал эту идею в январе 1808-го, и в течение года мистер Норрелл каждую ночь посылал императору Наполеону Бонапарту дурные сны, но положительных результатов не достиг. Империя не рассыпалась, а Наполеон сохранял в сражениях обычное хладнокровие. Поэтому мистер Норрелл получил указание прекратить работу в данном направлении. Сэр Уолтер и мистер Каннинг втайне считали, что план провалился, потому что мистер Норрелл не обладал талантом к созданию кошмаров. Мистер Каннинг говорил, что кошмары, посылаемые мистером Норреллом императору (преимущественно драгунский капитан, спрятавшийся в шкафу у Наполеона), не способны напугать и ребенка, не то что покорителя половины Европы. Он даже пытался убедить остальных министров нанять мистера Бекфорда, мистера Льюиса и миссис Радклиф, чтобы они состряпали описание какого-нибудь ужасного сна, с тем чтобы мистер Норрелл затем вложил его в голову Бонапарта. Однако министры заявили, что использовать волшебника — это одно, а привлекать литераторов — совсем другое, и дело заглохло.

Когда появился Стрендж, работу с кошмарами возобновили. Стрендж и мистер Каннинг подозревали, что император Франции как-то защищен от страшных снов, поэтому решили воздействовать на его союзника, российского императора Александра. При русском дворе было много друзей Англии — представителей знати, которые сделали состояние на продаже англичанам леса и хотели возобновить выгодную торговлю; кроме того, камердинер Александра был женат на шотландке — смелой и умной женщине.

Стрендж узнал, что Александр — натура впечатлительная, склонная к мистической религиозности, и решил послать ему сон, наполненный аллегориями и символами. Семь ночей подряд Александр видел один и тот же сон: он сидит за столом с Наполеоном и им подают замечательный суп с олениной. Наполеон пробует суп, тут же вскакивает и кричит: *«J'ai une faim qui ne saurait se satisfaire de potage»*[53], превращается в волчицу и съедает сначала кота русского императора, потом его собаку, затем коня и, наконец, его прелестную любовницу-турчанку. Потом волчица принимается за друзей и родственников

---

[53] Примечания: 53
«Мой голод не утолить супом!» *(фр.)*

императора, а тем временем утроба хищницы открывается и начинает извергать кошку, собаку, коня, любовницу-турчанку, друзей и родственников, но уже в изуродованных, неестественных формах. Меж тем зверь непрерывно растет, и когда волчица становится размером с Кремль, она поводит окровавленной пастью по сторонам, явно собираясь опустошить всю Москву.

— Нет ничего бесчестного в отправке сновидения, из которого следует, что Александр допустил ошибку и Бонапарт его в конце концов предаст, — объяснял Стрендж Арабелле. — В конце концов, я могу написать ему письмо и повторить то же самое словами. Он ошибается, и Бонапарт непременно его предаст.

От шотландки вскоре пришло сообщение: русский император очень встревожен снами и, подобно библейскому царю Навуходоносору, собрал астрологов и прорицателей, дабы ему растолковали их смысл.

Тогда Стрендж послал Александру новые сновидения.

— Я последовал вашему совету, — сообщил он мистеру Каннингу, — и сделал их более туманными и трудно толкуемыми, чтобы задать императорским гадателям работу.

Неутомимая госпожа Джанет Арчибальдовна Барсукова вновь прислала письмо с хорошими новостями: Александр отложил все дела, забыл о войне и сутками сидит с астрологами и волшебниками, толкуя свои сны, а когда приходят послания от Наполеона, бледнеет и вздрагивает.

26. Корона, скипетр и держава

Сентябрь 1809 года

Каждую ночь печальный колокольный звон уводил леди Поул и Стивена Блэка в сумеречные залы «Утраченной Надежды». Стивен никогда не видел таких роскошных балов, однако пышные наряды являли странный контраст самому дворцу, где все свидетельствовало о бедности и упадке. Музыка никогда не менялась. Одинокая скрипка выводила одну и ту же пронзительную мелодию, ей вторила грустная флейта. Оплывающие сальные свечи (Стивен опытным глазом дворецкого сразу подметил, что их слишком мало для столь обширного зала) отбрасывали на стены странные тревожные тени, повторявшие движения танцующих.

Некоторыми ночами леди Поул и Стивен участвовали в длинной процессии по пыльным сумрачным залам (джентльмен с волосами как пух очень любил подобные шествия). Процессия несла знамена: ветхие, плотно расшитые хоругви и другие, которые и знаменами-то назвать было нельзя: жуткие символы былых побед джентльмена. Они были изготовлены из высушенной

кожи поверженных врагов, на которой родственницы победителя вышили глаза, губы, волосы и одежду. Джентльмен обожал такие церемонии и нимало не сомневался, что Стивен и леди Поул тоже от них без ума.

Крайне изменчивый и непредсказуемый, он проявлял постоянство лишь в одном: в восторженном отношении к леди Поул и глубочайшей симпатии к Стивену. Он часто делал ему необычные подарки и подбрасывал вещицы, символизирующие грядущее величие. Кое-что он посылал для него миссис Бренди, кое-что — лично Стивену, а потом при встрече с заговорщицким видом говорил:

— Твой злобный враг об этом никогда не узнает! — (Он имел в виду сэра Уолтера.) — Я очень ловко отвел ему глаза своей магией, и ему даже в голову не придет о чем-нибудь спрашивать. О чем я говорю! Я хоть завтра сделаю тебя архиепископом Кентерберийским, а он и не узнает! — Эта мысль засела у него в голове. — Хочешь завтра стать архиепископом, Стивен?

— Нет, сэр, благодарю вас.

— Ты уверен? Это совсем нетрудно, и если у тебя есть тяга к церковной карьере…

— Уверяю вас, сэр, ни малейшей.

— Как всегда, хороший вкус подсказывает тебе верное решение. Митру ужасно неудобно носить. И она не всем идет.

Бедного Стивена одолели чудеса. Через каждые несколько дней случалось нечто, приносившее ему выгоду или пользу. Иногда в денежном выражении выигрыш был невелик — несколько шиллингов, но всегда сопровождался какими-нибудь невероятными событиями. Например, однажды Стивена посетил управляющий некоей фермой, который утверждал, будто несколько лет назад они повстречались на петушиных боях недалеко от Ричмонда, в северной части Йоркшира, и заключили пари. Предметом спора стал вопрос: может ли принц Уэльский совершить поступок, который опозорит страну? Стивен якобы считал, что может. И вот теперь, когда это случилось (принц бросил жену), управляющий из Йоркшира приехал в Лондон почтовой каретой и привез двадцать семь шиллингов шесть пенсов — сумму, на которую заключалось пари. Стивен объяснял, что никогда не посещал петушиные бои, не был ни в Ричмонде, ни вообще в Йоркшире, — все бесполезно: управляющий ушел только после того, как Стивен принял у него деньги.

Через несколько дней обитатели особняка на

Харли-Сквер заметили, что под дверью стоит большой серый пес. Шел сильный дождь; пес был мокрый, грязный и, судя по виду, проделал немалый путь. Удивительное дело: в зубах он держал какой-то документ. Лакеи Роберт и Джеффри и повар Джон Лонгридж попытались отогнать пса, кричали на него, бросались пустыми бутылками и камнями, но тот философски сносил нападки и не желал уходить, пока Стивен Блэк не вышел под дождь и не взял документ из пасти. Тогда пес с довольным видом, словно выполнил трудное задание, развернулся и убежал. Документ оказался картой деревни в Дербишире, на которой, среди прочих удивительных вещей, была обозначена потайная дверь в склоне холма.

В другой раз Стивен получил письмо от мэра и олдерменов Бата. В нем говорилось, что два месяца назад Бат посетил маркиз Уэлсли. Будучи в городе, маркиз непрерывно хвалил Стивена Блэка, его замечательную честность, ум и верность хозяину. На мэра и олдерменов рассказ его милости произвел такое впечатление, что они решили выбить медаль в честь добродетельного Стивена. Отчеканили пятьсот медалей и при всеобщем ликовании раздали крупнейшим домовладельцам Бата. Для Стивена оставили один экземпляр и

просят его, как только он заглянет в Бат, явиться за наградой и принять участие в торжественном обеде, который устроят в его честь.

Ни одно из этих чудесных событий не порадовало Стивена. Они только подчеркивали всю убогость его существования. Он понимал, что управляющий, пес и мэр с олдерменами действовали не по своей воле: управляющие любят деньги и без серьезной причины с ними не расстаются, собаки не пускаются в странствия, чтобы доставить кому-либо документы, а мэры с олдерменами не интересуются чернокожими слугами, которых ни разу не видели. Однако никого из знакомых Стивена не удивляли эти необычайные происшествия. А он уже смотреть не мог на золото и серебро — его комнатка в мансарде дома на Харли-Сквер ломилась от ненужных сокровищ.

Уже почти два года он находился во власти джентльмена с волосами как пух. Стивен часто просил отпустить его — а если не его самого, то хотя бы леди Поул, — но джентльмен и слышать ничего не хотел. Поэтому, собравшись с духом, Стивен решил поведать кому-нибудь об их с леди Поул муках. Он хотел узнать, случалось ли подобное раньше. Быть может, кто-нибудь сумеет им помочь? Для начала он обратился к

лакею Роберту. Стивен предупредил, что сейчас расскажет о своей беде, и Роберт принял участливый вид. Однако едва Стивен заговорил, как с ужасом понял, что говорит решительно о другом. Он обстоятельно, со знанием дела рассуждал о том, как надо ухаживать за горохом и бобами, хотя и не знал об этом предмете ровным счетом ничего. Хуже всего, некоторые его заявления могли озадачить любого искушенного фермера или садовника. Он объяснял различные достоинства бобовых, посаженных или собранных в новолунье и в полнолунье, на Бельтайн и в день летнего солнцеворота, и как эти свойства меняются, если срезать стручки серебряным ножом.

Затем он попытался поведать о своих несчастьях Джону Лонгриджу. На сей раз Стивен обнаружил, что подробно описывает деяния и приключения Юлия Цезаря в Британии. Даже ученый, посвятивший этой теме двадцать лет жизни, не смог бы дать столь детального отчета. Стивен излагал сведения, которые невозможно

найти ни в одной книге[54].

Стивен предпринял еще две попытки поведать кому-либо о своем несчастье. Перед миссис Бренди он выступил с оправдательной речью в адрес Иуды Искариота, в которой заявил, что Иуда действовал по указанию двух людей, а именно Джона Медная Голова и Джона Латунная Ступня, которых Искариот считал ангелами. Тоби Смиту, приказчику в лавке миссис Бренди, Стивен сообщил полный перечень людей, украденных эльфами за последние двести лет на территории Ирландии, Шотландии, Уэльса и Англии. Ни об одном из этих несчастных он раньше не слышал.

В конце концов Стивен пришел к выводу, что не может никому рассказать о том, что околдован.

Из знакомых Стивена больше всего страдала

---

[54] Примечания: 54

Стивен рассказал, как вскоре после прибытия в Британию Юлий Цезарь, покинув расположение войск, прогуливался по зеленой рощице. Неожиданно он увидел двух молодых людей, которые горестно вздыхали и, видимо, были чем-то сильно расстроены. Оба были прекрасны собой и носили великолепные одежды, выкрашенные в редчайшие цвета. Благородная внешность незнакомцев восхитила Цезаря, и он задал им множество вопросов, а они вежливо отвечали. Молодые люди сообщили, что направляются на заседание суда, где оба будут выступать истцами. Суд проводится неподалеку, раз в три месяца, улаживает споры и наказывает провинившихся, но, к сожалению, народ, к которому они принадлежат, славится злонамеренностью и сварливостью, и дело их не могут рассмотреть, потому что не удалось сыскать беспристрастного судью: все уважаемые люди либо сами находятся под подозрением, либо состоят в родстве с одной из сторон. Цезарь пожалел юношей и сказал, что готов выступить судьей. Моло-

дые люди радостно согласились.

Из рощи молодые люди вывели его в цветущую лощину меж зеленых холмов. Там собралось около тысячи человек; людей, столь прекрасных обликом, Цезарь никогда еще не видел. Он сел на склоне холма и принялся выслушивать обвинения и оправдания, разбирать споры и выносить решения, и были они столь мудры, что никто из тяжущихся не ушел обиженным.

Народ этот был так благодарен Цезарю, что в качестве платы предложил исполнить любое его желание. Немного подумав, Цезарь сказал, что хотел бы править миром. Это они ему и обещали.

миссис Бренди. Не замечая, что он по-новому смотрит на мир, она видела, как изменилось его отношение к ней. Как-то раз в начале сентября Стивен навестил миссис Бренди. Они не виделись несколько недель, и женщина была так несчастна, что написала Роберту Остину, а тот пошел к Стивену и попенял ему за такое поведение. Когда Стивен явился в небольшую гостиную над магазином на Сент-Джеймс-стрит, он не услышал ни слова упрека. Сам Стивен молчал, сидел, понурив голову, и горестно вздыхал. Миссис Бренди предложила ему бокал констанцского вина, варенье и домашние булочки, но он от всего отказался. Хозяйка, усевшись напротив Стивена у камина, взялась за рукоделие — она вышивала для него красивый ночной колпак.

— Возможно, — предположила миссис Бренди, — вы устали от Лондона и от меня и хотите вернуться в Африку?

— Нет, — коротко возразил Стивен.

— Думаю, Африка — замечательное место. — Миссис Бренди, очевидно, решила усугубить свои страдания, немедленно отослав Стивена на родину предков. — Многие так говорят. Повсюду апельсины, ананасы, сахарный тростник, шоколадные деревья. — Она уже четырнадцать

лет торговала бакалеей и знала страны мира по разным колониальным товарам. Миссис Бренди горько рассмеялась. — Наверное, в Африке моя торговля не пошла бы. Зачем людям идти в лавку, если можно протянуть руку и сорвать плод с дерева? О да! В Африке я непременно разорилась бы. — Она откусила нитку. — Но я согласилась бы ехать хоть завтра… — дрожащими пальцами миссис Бренди тыкала ниткой в ни в чем не повинное игольное ушко, — если бы кто-то меня позвал.

— Вы поедете в Африку ради меня? — изумился Стивен.

Она подняла глаза от вышивки:

— Ради вас я поеду куда угодно. Мне казалось, вы это знаете.

Они с болью смотрели друг на друга.

Стивен сказал, что должен вернуться к своим обязанностям на Харли-Сквер.

На улице потемнело, пошел дождь. Прохожие раскрыли зонты. Стивен брел по Сент-Джеймс-стрит и вдруг увидел странное зрелище: над головами людей в воздухе, пронизанном нитями дождя, плыл черный корабль. То был фрегат фута два высотой с изорванными грязными парусами и облупившейся краской. Он взмывал ввысь и

падал, словно на волнах. Увидев корабль, Стивен вздрогнул. Потом из толпы появился попрошайка-негр с такой же черной блестящей кожей, как и у Стивена. Кораблик размещался у него на шляпе. На ходу негр то специально приседал, то выпрямлялся, чтобы его фрегат «плыл» по воздуху. Все движения он выполнял очень медленно и аккуратно, чтобы сооружение не свалилось с головы, и удивительно напоминал танцора. Попрошайку звали Джонсоном. Это был нищий калека, старый моряк, оставшийся без пенсии. Чтобы выжить, он пел и побирался, и весь город узнавал его по кораблику на шляпе. Джонсон подошел к Стивену и протянул руку, но тот отвернулся. Он никогда не разговаривал с неграми, стоявшими ниже его, — из страха, что кто-нибудь подумает, будто он им ровня.

Тут Стивен услышал, что его зовут. Это был Тоби Смит, приказчик миссис Бренди.

— Ох, мистер Блэк, — проговорил он, задыхаясь, — насилу догнал! Вы так быстро ходите, сэр! Я думал, вы уже на Харли-Сквер. Миссис Бренди желает вам всего наилучшего и просит взять то, что вы забыли возле кресла.

Тоби достал серебряную диадему — тонкий металлический обруч как раз по голове Стивена.

На ней не было украшений — только несколько странных знаков и букв.

— Это не мое! — воскликнул Стивен.

— Как, сэр! — Видно было, что Тоби принял эти слова за шутку. — О, мистер Блэк, я сотни раз видел эту штуку у вас на голове!

Он рассмеялся, поклонился и побежал назад в лавку, оставив Стивена посреди улицы с диадемой в руках.

Пройдя Пиккадилли, Стивен двинулся по Бонд-стрит. Вдруг он услышал крики. По улице навстречу ему бежал кто-то маленький. По росту это мог быть мальчик лет четырех-пяти, но бледное лицо с заострившимися чертами выдавало гораздо больший возраст. Следом с криками: «Вор! Держите вора!» — бежали несколько человек.

Стивен бросился наперерез. Он был проворен, но и воришка выказал ловкость. Он кинул в Стивена что-то длинное, завернутое в красную материю, резко свернул и растворился в толпе, образовавшейся у лавки ювелира Хеммингса. Люди, выходившие из лавки, ничего не знали о погоне и не попытались задержать преступника, проскользнувшего между ними. Вор как сквозь землю провалился.

Стивен держал в руке сверток. Мягкий старинный бархат, в который был завернут неизвестный предмет, соскользнул, и Стивен увидел длинный серебряный жезл.

Первым к Стивену подбежал красивый темноволосый мужчина в строгом черном наряде.

— Вы его чуть не поймали, — проговорил он срывающимся голосом.

— Жаль, сэр, что он убежал, — ответил Стивен. — По крайней мере, ваша собственность спасена.

Он протянул мужчине жезл и кусок красного бархата, но тот не спешил их принять.

— Это все моя матушка! — сердито объяснил джентльмен. — Ну почему она так небрежна? Я тысячу раз говорил ей: если не закрывать окно в гостиной, то рано или поздно в него заберутся воры. Разве не повторял я этого сотни раз, Эдвард? Разве не говорил, Джон?

Последние фразы были обращены к подбежавшим слугам. Они не могли ответить, потому что запыхались, но подтвердили слова хозяина энергичными кивками.

— Всякий знает, что у меня в доме полно сокровищ, — продолжал мужчина, — а она, сколько ни проси, постоянно открывает окно! Теперь

она, конечно, сидит и горюет о фамильной реликвии, которой много сотен лет. Моя матушка очень гордится нашей семьей и ее достоянием. Например, этот скипетр подтверждает, что мы ведем свой род от древних королей Уэссекса — он принадлежал то ли Эдгару, то ли Альфреду, то ли кому-то в таком роде.

— Значит, вы должны вернуть его на место, — сказал Стивен. — Ваша матушка утешится, увидев, что он возвращен целым и невредимым.

Джентльмен уже протянул руку, чтобы принять скипетр, но вдруг отдернул ее.

— О нет! — воскликнул он. — Я не возьму! Клянусь, что не возьму! Если вернуть его матери, она никогда не поймет, к чему может привести неосторожность. Она так и не привыкнет держать окно закрытым! И что мы потеряем в следующий раз — кто знает? В один прекрасный день я вернусь в пустой дом! Нет уж, сэр, оставьте скипетр себе. Пусть он будет наградой за то, что вы пытались поймать вора.

Слуги покивали, подтверждая правоту хозяина. Тут подъехал экипаж, вся троица уселась в него и укатила.

Стивен стоял под дождем с диадемой в одной руке и скипетром в другой. Перед ним лежала

Бонд-стрит, улица шикарных магазинов, самых дорогих в королевстве. В стеклянных витринах были выставлены платья из шелка и бархата, шляпы с жемчугами и павлиньими перьями, бриллианты, рубины, ювелирные изделия, украшения из золота и серебра.

— Ладно, — сказал себе Стивен, — он, конечно, постарается всучить мне в качестве подарка что-нибудь из этих магазинов. Но я сделаю хитрее. Пойду-ка я домой другой дорогой.

Он свернул в узкий переулок между двумя зданиями, пересек дворик, прошел в ворота, миновал еще один переулок и вышел на узкую улочку, застроенную скромными домами. Здесь было пустынно и странно тихо, только дождь стучал по мостовой и мокрым крышам. Стены домов потемнели от дождя и казались почти черными. Вероятно, люди здесь обитали прижимистые, потому что ни в одном окне не виднелось лампы или свечи, хотя день выдался серый и пасмурный. Все небо покрывали свинцовые тучи, и только вдоль горизонта водянисто светилась бледная полоса, серебря струи дождя.

Вдруг из темного переулка выкатилось что-то крупное, блестящее; оно несколько раз подпрыгнуло на булыжниках и замерло у ног Стивена.

Он наклонил голову, присмотрелся и охнул, увидев, что это, как он и предполагал, небольшой шар из серебра. Шар сильно побился о булыжники и выглядел очень старым. На верхушке, там, где должен находиться крест, означающий, что весь мир принадлежит Богу, торчала маленькая раскрытая ладонь. Один палец был отломан. Этот символ, раскрытую ладонь, Стивен знал очень хорошо как эмблему джентльмена с волосами словно пух. Как раз прошлой ночью Стивен принимал участие в процессии и нес знамя именно с этой эмблемой по выметенному ветром двору замка и по аллее из огромных дубов, где ветер шелестел в невидимых кронах.

Послышался звук открывающегося окна. С верхнего этажа выглянула женщина; волосы ее были усеяны папильотками.

— А ну подбери! — крикнула она, зло глядя на Стивена.

— Это не мое! — возразил Стивен.

— Не твое, говоришь? — Она разозлилась еще сильнее. — Думаешь, я не видела, как эта штука выпала у тебя из кармана? Может, я уже не Мария Томпинкс и мне не надо больше трудиться день и ночь, убирая всякую дрянь с Пеппер-стрит, может, я буду спокойно смотреть, как ты разбра-

сываешь тут свой хлам?

Тяжело вздохнув, Стивен подобрал державу. Он сразу подумал, что Мария Томпинкс все равно не права — шар был столь тяжел, что, положи его Стивен в карман, он обязательно прорвал бы материю. Поэтому он побрел под дождем, взяв державу в одну руку, скипетр — в другую, а диадему поместив на голову — больше деть ее было некуда. В таком виде он и пришел домой.

Войдя в особняк на Харли-Сквер с черного хода, он сразу же направился к двери, ведущей на кухню. Однако, открыв ее, он увидел комнату, в которой раньше никогда не бывал. Стивен трижды чихнул.

Ему хватило мгновения, чтобы понять: это не «Утраченная Надежда». Комната была обычная, такую можно найти в любом обеспеченном лондонском доме. Однако в ней царил полный беспорядок. Очевидно, жильцы недавно въехали и начали распаковывать вещи, но бросили это занятие где-то на полпути. Здесь присутствовала вся обстановка гостиной и кабинета: ломберные и письменные столы, каминные решетки, разновеликие стулья и кресла разной степени комфортности, зеркала, чайные чашки, воск для печатей, свечи, картины, книги (великое

множество книг), пепельницы, чернильницы, перья, карандаши, часы, клубки ниток, подставки для ног, каминные экраны и конторки. Все это было перемешано в самых неожиданных сочетаниях. Сундуки, ларцы и свертки стояли и лежали там и тут — распакованные, закрытые, полуразобранные. В воздухе висела пыль от разбросанной соломы. Стивен чихнул еще дважды. Часть соломы лежала возле самого камина, угрожая вспыхнуть.

В комнате находились два человека. Одного Стивен раньше не видел, вторым был джентльмен с волосами как пух. Незнакомец сидел за небольшим столом у окна. Вероятно, он должен был распаковать вещи и навести в комнате порядок, но по какой-то причине бросил дело и с головой ушел в чтение. Он то и дело отрывался от одной книги, хватал другую, быстро листал, что-то жадно читал, бормотал какие-то фразы и делал пометки в заляпанном кляксами блокноте.

Меж тем джентльмен с волосами как пух сидел в кресле у камина, бросая на незнакомца такие яростные, раздраженные взгляды, что Стивен испугался за жизнь молодого человека. Однако при виде Стивена джентльмен весь залучился радостью и приязнью.

— А, вот и ты! — воскликнул он. — Как величественно ты смотришься с этими атрибутами королевской власти!

Напротив двери у стены стояло большое зеркало. Стивен впервые увидел себя в диадеме, со скипетром и державой. Он выглядел как истинный король. Стивен повернулся в сторону незнакомца, чтобы проверить, какое впечатление произвело на него внезапное появление чернокожего в короне.

— О, не беспокойся! — сказал джентльмен с волосами как пух. — Он нас не видит и не слышит. Таланта у него не больше, чем у другого. Гляди!

Он скомкал листок бумаги и запустил им в голову молодого человека. Незнакомец не вздрогнул, не поднял головы, вообще никак не отреагировал.

— Другого, сэр? — спросил Стивен. — О чем вы?

— Это младший волшебник. Тот, который приехал в Лондон недавно.

— Вот как? Я, конечно, слышал о нем. Сэр Уолтер очень высокого мнения об этом молодом человеке. Признаюсь, забыл его имя.

— Кому есть дело до его имени! Важно то, что он глуп, как и старик, и почти так же уродлив.

— Что? — Волшебник оторвался от книги и

обвел комнату подозрительным взглядом. — Джереми!

Слуга просунул голову в дверь, но заходить не стал.

— Сэр? — спросил он.

Стивен от таких вольностей просто опешил — на Харли-Сквер подобное не допускалось. Он посмотрел на слугу очень холодно, давая понять, что о нем думает, но потом вспомнил: его не видят.

— Эти лондонские дома выстроены кое-как, — сказал волшебник. — Я слышу, о чем говорят в соседнем доме.

Джереми, заинтересовавшись, все-таки вошел в комнату, замер и прислушался.

— Как ты думаешь, — продолжал волшебник, — это стены тонкие или с домом что-то не так?

Джереми простучал стену, отделявшую дом от соседнего. Она отозвалась тупым коротким звуком, как и следовало добропорядочной стене. Ничего не поняв, слуга заметил:

— Не слышу никаких голосов, сэр. О чем они говорили?

— Кажется, кого-то обозвали глупцом и уродом.

— Вы уверены, сэр? За стеной проживают две

престарелые дамы.

— Ха! Это ни о чем не говорит. В наши дни почтенный возраст ничего не гарантирует.

Внезапно волшебник потерял всякий интерес к разговору, повернулся спиной к слуге и снова уткнулся в книгу.

Джереми немного постоял, убедился, что хозяин о нем забыл, и тихо вышел.

— Я не успел поблагодарить вас за чудесные подарки, — сказал Стивен джентльмену.

— Ах, Стивен, как я рад, что они тебе понравились. Признаюсь, что диадема — всего лишь твоя шляпа, трансформированная магией. Хотелось бы подарить тебе настоящую корону, но под рукой не оказалось. Ты разочарован? Погоди! Мне пришло в голову, что у короля Англии их несколько, а в коронах он почти не появляется…

Джентльмен поднял руки и направил в потолок невероятно длинные и белые указательные пальцы.

— О нет! — вскричал Стивен, сообразив, что собирается сделать джентльмен. — Если вы решили доставить сюда короля Англии с одной из его корон — прошу вас, не утруждайтесь! В данный момент в короне я не нуждаюсь, а король — престарелый джентльмен, и лучше ему оста-

ваться дома.

— Ну что ж, — уступил джентльмен, опуская руки.

Затем он принялся отпускать ехидные замечания в адрес младшего волшебника. Ему не нравилось решительно все. Он высмеивал книгу, которую читал хозяин дома, говорил, что у того нелепые туфли и несообразный рост (хотя джентльмен и волшебник были одного роста).

Стивен с тревогой думал, что необходимо скорее вернуться на Харли-Сквер и приступить к своим обязанностям. В то же время он боялся оставить волшебника наедине с джентльменом — как бы тот не стал бросаться чем-нибудь потяжелее скомканной бумаги.

— Не прогуляться ли нам вместе до Харли-Сквер, сэр? — спросил Стивен. — По дороге вы мне расскажете, как благодаря вашим деяниям Лондон стал большим прославленным городом. Это просто захватывающие истории! Я не устаю их слушать.

— С радостью, Стивен! С радостью!

— Мы далеко, сэр?

— Далеко откуда, Стивен?

— От Харли-Сквер, сэр. Я не знаю, где мы сейчас.

— На Сохо-Сквер, это совсем близко от твоего дома.

Когда они приблизились к особняку сэра Уолтера, джентльмен сердечно попрощался со Стивеном и попросил не грустить, ведь расстаются они ненадолго и этой же ночью снова увидятся в «Утраченной Надежде».

— …Совершенно очаровательная церемония состоится в колокольне Самой Восточной Башни. Она проводится в память о знаменательном событии, которое произошло… О! Уже пятьсот лет назад. Я тогда исхитрился захватить маленьких детей своего врага, мы сбросили их с колокольни, и они разбились насмерть. Сегодня мы воспроизведем этот славный триумф! Оденем соломенные чучела в окровавленные детские одежды, сбросим на брусчатку и будем петь, танцевать и веселиться, радуясь их гибели!

— Вы проводите эту церемонию каждый год, сэр? Кажется, я ее еще не видел. Это должно быть… поразительно.

— Рад, что ты так полагаешь. Я провожу ее, когда мне хочется. Конечно, когда мы сбрасывали живых детей, она была еще поразительней.

27. Жена волшебника

Декабрь 1809 — январь 1810 года

Теперь лондонцы могли восхищаться и гордиться двумя волшебниками; полагаю, вы не сильно удивитесь, узнав, что наибольшей любовью пользовался мистер Стрендж. Все считали, что он вылитый волшебник: высокий, красивый, с ироничной улыбкой на устах, охотно рассуждающий о магии (чем разительно отличался от мистера Норрелла) и готовый ответить на любые вопросы о своей профессии. Мистер и миссис Стрендж регулярно посещали обеды и светские рауты, где младший волшебник, как правило, демонстрировал собравшимся простейшее колдовство. Наибольшей популярностью пользовались видения, вызываемые на поверхности

воды[55].

В отличие от Норрелла, Стрендж не применял серебряную чашу — традиционный сосуд для подобного колдовства. Он говорил, что ради такого мелкого изображения не стоит и произносить заклинания. Ему больше нравилось дождаться, когда слуги уберут со стола посуду и скатерть, потом вылить на столешницу стакан воды или вина и вызвать видения в образовавшейся лужице. По счастью, хозяева были обычно так очарованы волшебным зрелищем, что редко жаловались на испорченные столы и ковры.

Стренджи обживались в Лондоне. Они купили дом на Сохо-Сквер, и Арабелла погрузилась в приятные хлопоты, связанные с обустройством нового жилья. Она заказывала модную мебель

---

[55] Примечания: 55

14 мая 1810 года Стрендж писал Джону Сегундусу: «…Здешние жители просто одержимы подобными трюками, и я всегда с радостью выполняю их просьбы. Что бы ни говорил Норрелл, вреда от этого никакого, а удовольствие люди получают огромное. Жалею об одном — под конец все просят показать родственников. Во вторник я был на Тэвисток-Сквер в доме Фалчеров. Плеснул на стол вина, применил магию и показал присутствующим морское сражение на Багамах, пейзаж с разрушенным неаполитанским монастырем в лунном свете и Наполеона Бонапарта, который пил горячий шоколад, опустив ноги в таз с горячей водой.

Фалчеры достаточно хорошо воспитаны — они проявили интерес ко всем этим картинкам, но затем попросили показать, чем занимается их тетушка в Карлайле. Я выполнил их просьбу, и в ближайшие полчаса мы с Арабеллой беседовали только друг с другом — все остальные

смотрели не отрываясь на изображение престарелой леди в белом чепце, которая сидела у камина и что-то вышивала» («Собрание писем и бумаг Джонатана Стренджа», подготовленное Джоном Сегундусом. Изд-во Джона Мюррея: Лондон, 1824).

для кабинета, каждый день ходила по магазинам и через друзей и знакомых подыскивала надежных слуг.

Как-то утром в середине декабря она получила записку из магазина «Хейг и Чиппендейл». Один из приказчиков (в высшей степени внимательный и услужливый) сообщал, что в продажу поступила шелковая драпировочная материя цвета бронзы с чередованием атласных и муаровых полос, которая может заинтересовать миссис Стрендж. Арабелла как раз подыскивала материю для портьер в гостиную. Записка заставила ее пересмотреть планы на следующий день.

— По словам мистера Самнера, рисунок и цвет очень хороши, — сказала Арабелла мужу за завтраком, — думаю, они мне понравятся. Но если я остановлюсь на шелке под бронзу для портьер, то придется отказаться от винно-красного бархата для кресел. Не думаю, что бронза и винно-красный сочетаются. Я схожу к «Флинту и Кларку», еще раз посмотрю бархат и на месте решу, покупать или нет. Потом зайду в «Хейг и Чиппендейл». Но тогда у меня не будет времени, чтобы навестить твою тетушку, а это надо сделать обязательно, потому что завтра она уедет в Эдинбург. Я хочу сказать ей спасибо за Мэри.

— Гм? — промычал Стрендж, который все это время ел горячие булочки и читал «Любопытные замечания об анатомии эльфов» Холгарта и Пикла[56].

— Мэри. Новая горничная. Ты ее вчера видел.

— А, — произнес Стрендж, переворачивая страницу.

— Приятная девушка с хорошими манерами. Уверена, что нам с ней повезло. Так вот, Джонатан, я буду тебе очень благодарна, если ты прямо утром заедешь к тете. Сразу после завтрака ты сможешь дойти до нее по Генриетта-стрит и поблагодарить за Мэри. Потом пойдешь к «Хейгу и Чиппендейлу» и подождешь меня там. Да! Ты не мог бы заглянуть к «Веджвуду и Байерли»? Надо узнать, когда будет готов обеденный сервиз. Тебе это не составит труда — зайдешь по дороге. — Она с сомнением посмотрела на мужа. — Джонатан, ты меня слушаешь?

— Гм? — промычал Стрендж, поднимая глаза от книги. — Да-да, очень внимательно!

Итак, Арабелла в сопровождении лакея отправилась на Уигмор-стрит, где находился магазин

---

[56] Примечания: 56

Одна из книг мистера Норрелла. Он мельком упоминал о ней, когда в начале января 1807 года к нему приезжали мистер Сегундус и мистер Хонифут.

Флинта и Кларка. Еще раз осмотрев винно-красный бархат, она пришла к заключению, что в целом он хорош, но мрачноват. Поэтому она пошла на Сент-Мартинс-лейн, предвкушая зрелище бронзового шелка. У «Хейга и Чиппендейла» ее уже ждал приказчик, но мужа еще не было. Продавец сообщил, что мистер Стрендж, к сожалению, пока не появлялся.

Арабелла вышла из магазина на улицу.

— Джордж, ты видишь хозяина? — спросила она у лакея.

— Нет, мадам.

Начал накрапывать дождь. Некое дурное предчувствие заставило Арабеллу заглянуть в окно книжной лавки. Она сразу заметила внутри Стренджа, который о чем-то увлеченно беседовал с сэром Уолтером Поулом. Арабелла зашла в лавку, пожелала сэру Уолтеру доброго утра и ласково осведомилась у мужа, посетил ли он тетю, а также магазин Веджвуда и Байерли.

Вопрос поверг Стренджа в некоторое замешательство. Он посмотрел вниз, обнаружил, что держит в руках большую книгу, и нахмурился, словно не мог понять, как она у него оказалась.

— Как раз собирался, любовь моя, — ответил он, — но сэр Уолтер поведал мне такое, что все

наши заботы отодвинулись на второй план.

— Это я виноват, — поспешно заверил Арабеллу сэр Уолтер. — Речь идет о морской блокаде. С ней вечно сложности, и я сообщил кое-что мистеру Стренджу в надежде, что они с мистером Норрелом сумеют помочь.

— А ты можешь помочь? — спросила Арабелла.

— Думаю, да, — ответил Стрендж.

Сэр Уолтер сообщил следующее: британское правительство получило донесение разведки, что несколько французских кораблей — возможно, до десяти — прорвали английскую блокаду. Никто не знает, куда они направляются и что собираются предпринять. Кроме того, правительство понятия не имело, как найти адмирала Армингкрофта, чьей обязанностью было не допускать подобных прорывов. Адмирал с флотом из десяти фрегатов и двух линейных кораблей просто исчез. Предполагали, что он преследует французскую эскадру. Один молодой многообещающий капитан как раз сейчас находился на Мадейре, и если бы выяснилось, что и где происходит, то адмиралтейство с радостью отрядило бы капитана Лайтвуда с четырьмя-пятью кораблями на помощь адмиралу Армингкрофту. Лорд Малгрейв осведомился у адмирала Гринуокса, что, по его

мнению, следует делать, адмирал задал тот же вопрос министрам, а министры ответили, что надо немедленно проконсультироваться с мистером Норреллом и мистером Стренджем.

— Не надо думать, что без мистера Стренджа адмиралтейство совершенно беспомощно, — улыбаясь, заметил сэр Уолтер. — Они делают, что могут. В Гринвич послали одного клерка, мистера Петрофакса, чтобы тот увиделся с другом детства Армингкрофта, лучше других знающим характер старого приятеля, и спросил, что адмирал вероятнее всего предпримет в этих обстоятельствах. Однако, приехав в Гринвич, мистер Петрофакс обнаружил этого человека мертвецки пьяным и ничего от него не добился.

— Думаю, мы с Норреллом сможем что-нибудь предложить, — сказал Стрендж задумчиво, — но желательно разбирать ситуацию, опираясь на карту.

— Все необходимые карты и бумаги у меня дома. Один из слуг принесет их на Ганновер-Сквер чуть позже, и, надеюсь, вы будете столь любезны, что расскажете мистеру Норреллу…

— Но мы можем заняться этим прямо сейчас! — воскликнул Стрендж. — Арабелла не обидится, если ей придется немного подождать! Ты ведь не

обидишься, дорогая? — спросил он у жены. — С мистером Норреллом я встречаюсь в два часа, и если к этому времени я сам войду в курс дела, то, полагаю, еще до вечера мы сможем предложить адмиралтейству какой-нибудь результат!

Арабелла как женщина умная, покладистая и хорошая жена решила отложить выбор материи и заверила обоих джентльменов, что ей ничуть не трудно подождать. Было решено, что все трое отправляются в дом сэра Уолтера на Харли-стрит.

Стрендж достал часы и посмотрел время.

— Двадцать минут до Харли-стрит. Три четверти часа на изучение вопроса. Еще пятнадцать минут до Сохо-Сквер. У нас куча времени.

Арабелла рассмеялась.

— Уверяю вас, он не всегда так пунктуален, — сказала она сэру Уолтеру, — не далее как во вторник он опоздал на встречу с лордом Хоксбери, и мистер Норрелл был очень недоволен.

— Я не виноват, — заметил Стрендж. — Я был готов выйти из дома вовремя, но не смог найти перчатки.

Замечание Арабеллы задело его, и по пути на Харли-стрит он то и дело посматривал на часы, словно пытался постичь, как все-таки время его

обманывает.

Подойдя к особняку на Харли-стрит, он снова взглянул на часы и с удовлетворением заметил:

— Глядите-ка, я так и знал! Мои часы идут неверно!

— Я так не думаю, — произнес сэр Уолтер, доставая свои часы и показывая их Стренджу. — Ровно полдень. Как и на ваших.

— Тогда почему не звонят колокола? — спросил Стрендж. — Ты слышишь звон колоколов? — обратился он к Арабелле.

— Нет, не слышу.

Сэр Уолтер покраснел и принялся сбивчиво объяснять, что в этом и соседних приходах колокола больше не звонят.

— Вот как? — изумился Стрендж. — Почему же?

По виду сэра Уолтера можно было понять, что любопытство Стренджа его раздражает, но он ответил:

— Болезнь леди Поул привела к нервическому расстройству. Особенно удручает ее звон колоколов; я попросил настоятелей храмов Святой Марии на ручье и Святого Петра ради нервов леди Поул временно отменить колокольные звоны, и они были столь любезны, что с пониманием

отнеслись к моей просьбе.

Все это было чрезвычайно странно. Впрочем, все соглашались, что и сама болезнь леди Поул чрезвычайно странна, а ее симптомы не похожи ни на какие другие. Ни Стрендж, ни Арабелла не видели жену сэра Уолтера. Ее никто не видел уже два года.

Стрендж горел желанием скорее посмотреть документы, но вынужден был сдержать свой пыл, потому что сэр Уолтер хотел прежде убедиться, что Арабелла не будет скучать в их отсутствие. Как истинный джентльмен, он не мог оставить гостя, а тем более гостью, в одиночестве. Стрендж, со своей стороны, очень боялся опоздать на встречу с мистером Норреллом и поспешил заверить министра, что Арабелла не нуждается в развлечениях.

Сэр Уолтер подвел Арабеллу к книжному шкафу и порекомендовал ей «Белинду» миссис Эджуорт.

— Я читал «Белинду» Арабелле года два назад, — вмешался Стрендж. — Кроме того, ей все равно не хватит времени, чтобы прочесть все три тома.

— Тогда, может быть, чай и тминные кексы? — предложил сэр Уолтер.

— Арабелла не любит тминных кексов, — заметил Стрендж, углубляясь в чтение «Белинды». — Она их просто ненавидит.

— Ну, тогда — бокал мадеры, — решил сэр Уолтер. — От мадеры вы не откажетесь? Стивен! — позвал он. — Стивен, подай миссис Стрендж бокал мадеры.

Возле локтя сэра Уолтера словно из пустоты возник высокий негр. Слуги в лучших домах Лондона обладали этим жутковатым свойством — появляться из ничего. Казалось, Стрендж был поражен таким фокусом и некоторое время рассматривал Стивена, а потом сказал супруге:

— Ведь ты не хочешь мадеры, друг мой? Ты вообще ничего не хочешь.

— Правильно, Джонатан. Ничего не надо, — согласилась Арабелла, рассмеявшись. — Благодарю вас, сэр Уолтер, я прекрасно проведу время — просто посижу и полистаю какую-нибудь книжку.

Черный слуга поклонился и исчез так же бесшумно, как и вошел. Стрендж и сэр Уолтер удалились в кабинет лорда, рассуждая о французской эскадре и пропавших английских кораблях.

Оставшись одна, Арабелла обнаружила, что вовсе не расположена к чтению. Она обвела взглядом комнату. Ее внимание привлекла большая

картина — лесной пейзаж с полуразрушенным замком на вершине обрыва. Темные деревья, руины и обрыв были тронуты золотом заходящего солнца, небо полнилось жемчужным сиянием уходящего на покой светила. На переднем плане был изображен серебристый водоем, в котором тонула молодая женщина. Какое-то существо — мужчина или женщина, сатир или фавн — пыталось спасти ее, а может, и утопить — Арабелла, сколько ни вглядывалась в изображение, так и не смогла понять. Оторвавшись от пейзажа, Арабелла вышла из гостиной в коридор, стены которого были украшены акварелями, но, едва взглянув на них, поняла, что это всего лишь виды Брайтона и Чемсфорда, и прошла дальше.

Она слышала голоса Стренджа и сэра Уолтера, которые кого-то громко обсуждали в кабинете.

— …просто невероятно! Хотя по-своему он малый неплохой, — говорил сэр Уолтер.

— О! Я знаю, о ком вы! Его брат служит органистом в Батском соборе, — вторил Стрендж. — У него черно-белый кот, которого он выгуливает на поводке. Как-то раз на Милсом-стрит…

Прогуливаясь по коридору, Арабелла подошла к открытой двери. Заглянув внутрь, она увидела изысканно обставленную гостиную с великолеп-

ными картинами по стенам и решила войти.

Казалось, помещение переполнено светом, хотя за окнами царил серый ненастный день.

— Откуда же свет? — вслух размышляла Арабелла. — Такое впечатление, что он льется из картин, хотя это невозможно…

Все полотна были выполнены мастерами венецианской школы[57]. В них было много неба и моря, и комната словно растворялась в этом безбрежном пространстве.

Осмотрев полотна на одной из стен, Арабелла повернулась, чтобы подойти к противоположной, и тут, к величайшему своему смущению, обнаружила, что в комнате есть кто-то еще. У камина на голубом диване сидела молодая женщина и с легким любопытством рассматривала Арабеллу. Из-за высокой спинки дивана та не сразу увидела незнакомку.

— О, простите, пожалуйста!

Молодая женщина молчала. Она была прекрасна — совершенные черты, изящная бледность, темные волосы уложены в безукоризненную

---

[57] Примечания: 57

Эти картины мистер Норрелл видел в доме миссис Уинтертаун двумя годами ранее. Тогда миссис Уинтертаун сказала мистеру Норреллу, что намерена вручить их сэру Уолтеру и мисс Уинтертаун в качестве свадебного подарка.

элегантную прическу. Поверх домашнего платья из белого муслина была наброшена индийская шаль, в которой сочетались цвета слоновой кости, черный и серебряный. Для гувернантки она была одета чересчур богато, для компаньонки выглядела слишком спокойной и уверенной. Если же она пришла в гости, то почему сэр Уолтер их друг другу не представил?

Арабелла сделала реверанс, немного зарумянившись, сказала:

— Я думала, здесь никого нет! Извините за беспокойство, — и повернулась, собираясь выйти из гостиной.

— О нет! — негромко произнесла молодая женщина. — Надеюсь, вы не покинете меня! Я редко вижу людей — можно сказать, вообще не вижу. Вы хотели посмотреть картины? Не возражайте, я наблюдала за вами в зеркало и знаю, что хотели.

(Над камином висело большое венецианское зеркало в затейливо украшенной раме зеркального стекла, с причудливыми завитками и прозрачными бутонами.)

— Надеюсь, — продолжала незнакомка, — мое присутствие не помешает вам насладиться живописью.

— Но я побеспокоила вас, — все еще пытаясь

извиниться, заметила Арабелла.

— Вовсе нет! — воскликнула молодая женщина и указала рукой на картины. — Прошу вас, смотрите.

Арабелла поняла, что уйти теперь будет бестактностью, поблагодарила незнакомку и подошла к полотнам, однако чувствовала себя неуютно, зная, что женщина не сводит глаз с ее отражения.

Осмотрев картины, Арабелла подошла к незнакомке, и та попросила ее присесть.

— Что вы о них скажете? — поинтересовалась она.

— Что ж, — отвечала Арабелла, — они определенно очень хороши. Особенно мне понравились изображения процессий и праздников — у нас в Англии нет ничего подобного. Столько реющих флагов! Столько позолоченных лодок, такие изысканные наряды! Однако складывается впечатление, что художнику люди не так интересны, как здания или голубые небеса. Они такие маленькие, незначительные! Просто теряются среди мрамора дворцов и мостов. Вам так не кажется?

Вопрос позабавил женщину. Она странно улыбнулась.

— Теряются, говорите? Что ж, вы правильно подметили. Воистину эти несчастные потеряны. Ведь Венеция всего лишь лабиринт — огромный прекрасный лабиринт, из которого могут найти выход только истинные старожилы. По крайней мере, я так думаю.

— Вот как? — произнесла Арабелла. — Но ведь это очень неудобно. Хотя чувства, которые переживает заблудившийся в лабиринте, должны быть просто незабываемы. Честное слово, я все отдала бы, чтобы испытать нечто подобное!

Молодая женщина рассматривала Арабеллу и улыбалась как-то мрачно и странно.

— Если вам случится, как мне, месяцами блуждать по бесконечным сумрачным переходам, то ваше мнение переменится. Стоит вам заблудиться в чуждой бесконечности, удовольствие быстро пойдет на убыль. А что до ярких церемоний, шествий и праздников… — Она содрогнулась. — Вы их возненавидите!

Арабелла не могла взять в толк, о чем та говорит. Она решила, что знакомство поможет лучшему взаимопониманию, и осведомилась, как зовут собеседницу.

— Я леди Поул.

— Ах! Ну конечно! — воскликнула Арабелла,

недоумевая, как сразу не догадалась. Она представилась и сообщила, что сэр Уолтер и мистер Стрендж заняты сейчас делами, а она пока что предоставлена себе.

Из библиотеки донеслись раскаты хохота.

— Предполагается, что они беседуют о войне, — заметила Арабелла, — но, кажется, дела отложены в сторону и сейчас они перемывают косточки общим знакомым. Еще полчаса назад мистер Стрендж говорил только о новом задании. Судя по всему, о нем забыто и сэр Уолтер предложил более интересные темы для разговора. — Она по-доброму улыбнулась — так делают жены, снисходительно критикуя слабости супругов. — Вы знаете, мой муж — самый рассеянный человек на свете. Бедный мистер Норрелл! Джонатан частенько испытывает его терпение.

— Мистер Норрелл? — переспросила леди Поул.

— Мистер Стрендж имеет честь состоять учеником мистера Норрелла, — ответила Арабелла.

Она ожидала, что леди Поул ответит похвалой в адрес старого волшебника и выразит благодарность за его доброту. Однако леди Поул молчала, и Арабелла, вызывая ее на продолжение разговора, бодро заметила:

— Само собой, мы слышали о тех чудесах, которые мистер Норрелл сделал для вашего блага…

— Мистер Норрелл мне не друг, — сухо произнесла леди Поул. — Лучше бы я умерла.

Арабелла растерялась. У нее тоже не было причин любить мистера Норрелла — добра от него она не видела, как раз наоборот, он не упускал случая показать, как мало с нею считается. Однако мистер Норрелл был коллегой — более того, единственным коллегой ее супруга. Жена адмирала всегда принимает сторону флота, супруга епископа в любом разговоре будет защищать церковь, и Арабелла как жена волшебника ощущала потребность вступиться за старого джентльмена.

— Боль и страдание — дурные советчики. Не сомневаюсь, что они могут изменить отношение к окружающим. Никто не станет винить вашу милость за желание избавиться от мучений… — Арабелла говорила спокойно и сочувственно и в то же время думала про себя, что леди Поул совсем не выглядит больной. — Но если правильно то, что я слышала, вы не покинуты, не предоставлены самой себе — все только и говорят о заботливости и преданности вашего супруга. Разве вы согласитесь расстаться с ним? Наверня-

ка вы должны испытывать к мистеру Норреллу некоторую благодарность — хотя бы ради сэра Уолтера.

Леди Поул на это ничего не сказала, но приняла расспрашивать Арабеллу о Стрендже. Как долго он занимается магией? Давно ли он стал учеником мистера Норрелла? Успешны ли его занятия? Практикует ли самостоятельно или только под руководством мистера Норрелла?

Арабелла постаралась ответить как можно более подробно и добавила:

— Если ваша милость соблаговолит передать через меня мистеру Стренджу какую-нибудь просьбу, он сочтет за честь сделать для вас все возможное.

— Благодарю. То, что я хотела бы сообщить, в гораздо большей степени касается участи вашего мужа, чем моей. Полагаю, мистер Стрендж должен узнать, на какую ужасную судьбу обрек меня мистер Норрелл и с кем он имеет дело. Вы ему расскажете?

— Конечно. Я…

— Обещайте, что расскажете.

— Я передам мистеру Стренджу все, что от вас услышу.

— Хочу предупредить, что уже пыталась ранее

рассказать людям о своей беде, но безуспешно.

При этих словах в комнате произошло нечто странное — то ли в одной из картин что-то шевельнулось, то ли в одном из зеркал промелькнула чья-то тень, и Арабелла снова почувствовала, что у комнаты нет стен и сидят они с леди Поул не в помещении, а на каком-то перекрестке, продуваемом нездешними ветрами.

— В тысяча шестьсот седьмом году, — начала леди Поул, — в Галифаксе, что в Западном Йоркшире, джентльмен по фамилии Ридшо унаследовал от тетки десять фунтов. На эти деньги он купил турецкий ковер, принес его домой и постелил на каменном полу в гостиной. Потом джентльмен выпил пива и заснул в кресле у камина. Проснувшись в два часа ночи, он увидел, что поверхность ковра кишит маленькими человечками — их было сотни три или четыре — ростом не более трех дюймов. Наиболее важные лилипуты, мужчины и женщины, были одеты в роскошные золотые и серебряные доспехи и разъезжали верхом на белых кроликах — по сравнению с человечками кролики казались настоящими слонами. Когда джентльмен спросил, что они делают в его доме, один маленький храбрец взобрался к нему на плечо и прокричал

в ухо, что они намерены устроить сражение по правилам Оноре Боне, а ковер мистера Ридшо как нельзя лучше подходит для этой цели: строгость орнамента позволит герольдам точно указать места бойцам и никто не будет иметь преимущества до начала боя. Однако мистер Ридшо не желал, чтобы на его ковре устраивали турнир, поэтому он взял метлу и… Погодите! — Внезапно леди Поул замолчала и закрыла ладонями лицо. — Я говорю не то, что хотела!

Собравшись с духом, она начала снова. На сей раз она повела рассказ о человеке, который отправился на охоту в лес, отстал от друзей и заблудился. Его конь угодил копытом в кроличью нору, и охотник упал на землю. В падении у него было престранное ощущение, будто он летит вниз сквозь кроличью нору. Очнувшись, он обнаружил, что попал в какой-то другой мир. Там светило солнце и шел дождь, там был лес, очень похожий на тот, в котором он охотился, и человек набрел на особняк, в котором несколько мужчин, довольно странных, играли в карты.

Леди Поул дошла до того, как джентльмены предложили охотнику присоединиться к ним, когда Арабелла услышала за спиной легкий звук, похожий на вздох, и обернулась. У дверей стоял

сэр Уолтер и в отчаянии смотрел на жену.

— Вы устали, — сказал он леди Поул.

Та взглянула на мужа. Выражение ее лица при этом было очень любопытное — в нем сочетались печаль, жалость и в то же время что-то вроде иронии. Оно словно говорило: «Взгляните на нас! Какая мы грустная пара!» Вслух ее милость произнесла:

— Я устала не больше обычного. Прошлой ночью мне пришлось прошагать много миль. И несколько часов протанцевать!

— Значит, вам следует отдохнуть, — настаивал сэр Уолтер. — Позвольте мне проводить вас наверх. Памписфорд о вас позаботится.

Казалось, ее милость не послушается. Она схватила Арабеллу за руку, всем видом показывая, что не желает расставаться с ней. Потом так же внезапно отпустила, встала и направилась к выходу из комнаты. В дверях леди Поул остановилась.

— До свидания, миссис Стрендж. Надеюсь, вам позволят прийти снова. Рассчитываю, что вы окажете мне эту честь. Я никого не вижу. Вернее, вижу переполненные залы, но в них нет ни одного христианина.

Арабелла шагнула к ней — она хотела пожать ее милости руку и заверить, что с радостью

придет снова, но сэр Уолтер уже вывел жену из комнаты. Второй раз за день Арабелла осталась в одиночестве в доме на Харли-стрит.

Зазвонил колокол.

Арабелла удивилась, памятуя слова сэра Уолтера, что колокола Мэрилебоун молчат из уважения к недугу леди Поул. Звон звучал очень грустно, откуда-то издалека, и внутреннему взору Арабеллы одна за другой являлись печальные картины…

…унылые вересковые пустоши, над которыми дует холодный ветер; незасеянные поля, полуобвалившиеся стены, ворота, болтающиеся на петлях; черная разрушенная церковь; открытая могила; место на безлюдном перекрестке, где зарыли самоубийцу; костер из костей на мерцающем снегу; виселица с покачивающимся трупом; колесо с изуродованным телом казненного; древнее копье, воткнутое в грязь, на нем странный талисман, похожий на мизинец; пугало в черных лохмотьях — лохмотья так бьются на ветру, что, кажется, пугало сейчас взлетит в серый воздух и понесется к тебе на огромных черных крыльях…

— Должен извиниться, если что-то здесь вас расстроило, — произнес сэр Уолтер, внезапно входя в комнату.

Арабелла оперлась на спинку стула, чтобы не упасть.

— Миссис Стрендж! Вам нехорошо? — Он поддержал ее и помог присесть. — Принести чего-нибудь? Позвать мужа? Или горничную?

— Нет-нет, — проговорила Арабелла. Дыхание у нее сбилось. — Ничего и никого не надо. Я подумала… Я просто не знала, что вы здесь. Вот и все.

Сэр Уолтер с тревогой смотрел на нее. Арабелла попыталась улыбнуться, но не была уверена, что получилось хорошо.

Он засунул руки в карманы, вынул, пробежал пальцами по волосам, глубоко вздохнул.

— Полагаю, ее милость рассказывала вам всякие небылицы, — с горечью в голосе произнес сэр Уолтер.

Арабелла кивнула.

— Вы огорчились. Мне очень жаль.

— Нет, вовсе нет. Ее милость совсем недолго говорила как-то… странно, но я не обратила на это внимания. Ни малейшего! Мне стало чуточку нехорошо, но связи с разговором здесь нет. Мне показалось, будто я вижу перед собой что-то вроде зеркала, в нем проносились всякие видения, и мне почудилось, что я вот-вот в него упаду. Я едва не потеряла сознание, но тут вошли вы и спасли

меня от обморока. Все же странно — раньше со мной такого не бывало.

— Позвольте, я позову мистера Стренджа.

Арабелла рассмеялась:

— Позовите, если хотите, но я уверяю вас, он не станет тревожиться так сильно, как вы. Мистер Стрендж редко интересуется чужими недомоганиями. Если что-то беспокоит его — о, тогда другое дело! Не надо никого звать. Видите, я вполне оправилась и прекрасно себя чувствую.

Последовала небольшая пауза.

— Леди Поул… — начала Арабелла и запнулась, не зная, как продолжить.

— Вообще, ее милость обычно спокойна, — произнес сэр Уолтер, — понимаете, не умиротворена, а спокойно себя ведет. Однако временами, когда в доме появляется свежий человек, это провоцирует ее на нелепые рассказы. Уверен, вы будете столь любезны, что не станете передавать кому-либо ее выдумки.

— О! Конечно! Я никому ничего не скажу!

— Вы очень добры.

— А можно… можно мне прийти снова? Кажется, ее милость этого хотела, и я буду очень рада навестить ее.

Сэр Уолтер молчал, обдумывая просьбу Ара-

беллы. Наконец он кивнул и перевел кивок в церемонный поклон.

— Будем премного обязаны, — сказал он. — Благодарю вас.

Когда Стрендж и Арабелла выходили из дома на Харли-стрит, у волшебника было отличное настроение.

— Я уже знаю, что следует делать, — сообщил он жене. — Нет ничего проще. Жаль, что необходимо выслушать мнение Норрелла — я бы справился с делом за полчаса. В нем два ключевых момента. Во-первых… Что случилось?

Арабелла внезапно охнула и остановилась. Она вдруг поняла, что дала два взаимоисключающих обещания: одно — леди Поул, что расскажет Стренджу про джентльмена из Йоркшира, купившего ковер, второе — сэру Уолтеру, что не передаст никому слов ее милости.

— Ничего, — ответила она.

— Какое из многочисленных развлечений, предложенных сэром Уолтером, ты предпочла?

— Никакого. Я… я видела леди Поул и беседовала с ней. Вот и все.

— Правда? Жаль, что меня с вами не было. Хотелось бы увидеть женщину, которая обязана жизнью магии Норрелла. Но я не рассказал тебе,

что случилось со мной! Помнишь, как внезапно появился слуга-негр? Какое-то мгновение мне казалось, что рядом с нами стоит высокий черный король в серебряном венце, с блестящим скипетром и державой в руках, а через секунду он оказался дворецким сэра Уолтера. Правда, нелепо? — Стрендж захохотал.

Волшебник и сэр Уолтер сплетничали так долго, что Стрендж опоздал к мистеру Норреллу почти на час. Старик был очень сердит. В тот же день ближе к вечеру Стрендж отправил в адмиралтейство письмо, где сообщал, что они с мистером Норреллом исследовали вопрос об исчезнувшей французской эскадре и пришли к следующему выводу: неприятельские корабли сейчас в Атлантике и держат путь в Вест-Индию, чтобы там навредить англичанам. Оба волшебника полагали, что адмирал Армингкрофт разгадал намерения врага и преследует французов. По совету мистера Стренджа и мистера Норрелла адмиралтейство приказало капитану Лайтвуду отплыть на запад, дабы оказать поддержку адмиралу. В результате несколько французских кораблей было захвачено англичанами; остатки неприятельской эскадры, спасаясь от преследования, вернулись во французские порты.

Арабелла мучилась из-за обещаний, которые дала. Она решилась поделиться затруднениями с несколькими почтенными дамами, которых считала приятельницами. Арабелла очень рассчитывала на их здравомыслие. Естественно, никаких имен и обстоятельств она не упоминала и подавала ситуацию в отвлеченной форме. Увы, так разобраться в дилемме было невозможно, и уважаемые матроны ничем не смогли помочь. Арабелла переживала, что не может рассказать все Стренджу, но не могла нарушить обещание, данное сэру Уолтеру. В итоге, после долгих раздумий и нравственных терзаний, она решила, что слово, данное человеку здоровому, весит больше, нежели обещание душевнобольному. В конце концов, что толку пересказывать безумные бредни? Стрендж так и не узнал, о чем говорила леди Поул его жене.

Через несколько дней супруги Стрендж были в одном особняке на Бедфорд-Сквер на концерте итальянской музыки. В комнате, где шел концерт, оказалось довольно холодно, и в антракте Арабелла вышла в соседний зал взять шаль. Она услышала шорох, обернулась и увидела, что к ней с быстротою сновидения скользит Дролайт.

— Миссис Стрендж! — воскликнул он. — Как я

рад вас видеть! Как дела у нашей дорогой леди Поул? Я слышал, вы с ней встречались?

Арабелла неохотно ответила, что да, встречалась.

Дролайт взял ее под руку, не давая уйти, и доверительно поведал:

— Вы не представляете, сколько усилий я потратил, чтобы добиться приглашения в их дом! И все безуспешно! Сэр Уолтер отказывает мне под разными предлогами. Всегда одно и то же — леди Поул нездорова или ей немного лучше, но она никого не может видеть.

— Что ж, я полагаю… — начала Арабелла.

— Нет, позвольте! — прервал ее Дролайт. — Если она больна, то, конечно, нечего пускать к ней кого попало. Но я? Я видел ее мертвой! О да! Полагаю, вы об этом не знали? В ту ночь, когда мистер Норрелл ее воскресил, он попросил меня проводить его до дома миссис Уинтертаун. Он тогда сказал: «Проводите меня, дорогой Дролайт, потому что душа моя не выдержит зрелища юной, прекрасной и невинной девушки, жизнь которой оборвалась в самом расцвете!» А теперь она не выходит из дому и никого не желает видеть. Некоторые считают, что воскрешение сделало ее гордячкой — она не хочет общаться

с простыми смертными. Однако я думаю иначе. Уверен, что смерть и воскрешение привили ей вкус к необычным переживаниям. Вы не согласны? А мне кажется вполне возможным, что она принимает снадобья, чтобы видеть ужасы! Вы ничего такого у нее не заметили? Она не пила из пузырька жидкость странного цвета? Не прятала в карман какой-нибудь пакетик, когда вы вошли в комнату? В такие пакетики насыпают ложечку-две особого порошка. Нет? Настойку опия продают в маленьких синих пузырьках, дюйма два-три в высоту. Человек пристрастится, а родные думают, что сумеют это скрыть. Но рано или поздно все всплывает. — Он мерзко хихикнул. — *Мне* всегда удается выяснить.

Арабелла осторожно высвободила руку и ответила, что ничего не может ему сообщить. Она ничего не знает ни о пузырьках, ни о порошках.

В концертную залу она возвращалась с испорченным настроением.

— Отвратительный, негодный человечишка!

28. Библиотека герцога Роксбурга

Ноябрь 1810 — январь 1811 года

К концу 1810 года правительство оказалось в тяжелейшей ситуации. Отовсюду поступали дурные вести. Французы побеждали везде; великие державы Европы, ранее выступавшие заодно с Британией в борьбе против Бонапарта (и впоследствии им разбитые), перешли на сторону Франции. Торговля была подорвана войной, по всему королевству состоятельные граждане разорялись, два года подряд случался неурожай. У короля заболела и умерла младшая дочь, и он от горя сошел с ума.

Война разрушила безмятежное настоящее и покрыла мраком неизвестности будущее. Солдаты, купцы, политики и фермеры — все проклинали час своего рождения, но волшебники (вот уж воистину совсем иная порода людей!) были безмерно рады такому развитию событий. Уже много столетий их профессия не пользовалась столь большим спросом и уважением. Все попытки справиться с неприятелем оказывались безуспешными, и теперь Британия уповала на магию. Во всех департаментах военного ведом-

ства и адмиралтейства жаждали видеть мистера Норрелла и мистера Стренджа. В доме на Ганновер-Сквер дел было столько, что визитеры порой дожидались приема до трех-четырех часов ночи. Поначалу это было нестрашно — джентльмены неплохо проводили время в гостиной мистера Норрелла, — но для тех, кто пришел последним, ожидание превращалось в пытку: сидеть среди ночи перед закрытой дверью и знать, что за нею два волшебника творят колдовство[58].

Повсюду рассказывали, что Бонапарт ищет себе волшебника. Шпионы лорда Ливерпуля[59] сообщали, что успехи английских волшебников вызвали зависть императора и он разослал по своим владениям офицеров на поиски собственных чародеев. Посланцы сумели найти только

---

[58] Примечания: 58

Среди прочего Стрендж и Норрелл в 1810 году применяли следующие магические приемы: приподняли часть дна в Бискайском заливе и вырастили на его поверхности густые леса (это привело к крушению двадцати французских кораблей); вызывали огромные волны и свирепые ветры, губившие французские суда, склады с продовольствием и урожай на корню; придавали потокам дождя и грозовым тучам формы кораблей, городов, гигантских фигур, летящих ангелов и так [1] (*прод.*) далее и тому подобное, чтобы смутить и испугать французских солдат и моряков; заставляли ночную тьму опускаться в дневное время и наоборот.

Все вышеприведенное описано в книге Фрэнсиса Саттон-Гроува *«De Generibus Artium Magicarum Anglorum»*.

[59] Примечания: 59

Предыдущий военный министр, лорд Каслри, поссорился с мистером

Каннингом в конце 1809 года. Они дрались на дуэли, после которой обоим пришлось подать в отставку. Новым военным министром назначили уже упомянутого на этих страницах лорда Хоксбери. Теперь он звался лордом Ливерпулем, потому что в декабре 1808 года унаследовал отцовский титул.

одного — голландца по фамилии Витлоф, который обладал волшебным платяным шкафом. Шкаф погрузили на баруш-ландо и привезли в Париж. Витлоф предстал в Версале перед Наполеоном и заявил, что найдет в своем шкафу ответ на любой вопрос.

По рассказам агентов, император задал следующие три вопроса: «Родит ли императрица мальчика? Ждать ли новой измены русского царя? Когда будет побеждена Англия?»

Витлоф забирался в шкаф и вылезал с ответами: «да», «нет» и «через четыре недели». Всякий раз, как он входил в шкаф, оттуда раздавались страшные звуки, словно внутри бушевала стая демонов, из щелей валили облака серебристых звездочек, а сам гардероб раскачивался на коротеньких ножках, выполненных в форме когтистых лап. Выслушав ответы, Бонапарт некоторое время молча рассматривал шкаф, потом быстро подошел и отворил дверцы. Внутри оказался гусь (который и производил шум), запас селитры (для производства серебряных звездочек) и карлик (который поджигал селитру и дразнил гуся). Что стало с карликом и Витлофом — неизвестно, но гуся император съел за обедом на следующий день.

В середине ноября адмиралтейство пригласило мистера Норрелла и мистера Стренджа в Портсмут, дать смотр ла-маншскому флоту. Этой чести прежде удостаивались адмиралы, герои и короли. В назначенный день два волшебника и Арабелла отправились в Портсмут в карете мистера Норрелла. Город встретил их орудийным салютом со всех кораблей, стоявших в гавани, и всех ее фортов. Почетные гости сели в шлюпку, и меж салютующих кораблей их доставили в Спитхед; за ними на катерах следовали адмиралы, флаг-офицеры и капитаны. Гавань была заполнена лодками, на которых волшебников встречали добрые граждане Портсмута, громко кричавшие «ура!». Вернувшись на берег, мистер Норрелл, мистер и миссис Стрендж осмотрели портсмутскую верфь и портовые доки, а вечером в их честь устроили иллюминацию и большой бал в городской Ассамблее.

По общему мнению, бал удался. Единственная неловкость произошла, когда кто-то из гостей по простоте душевной осведомился у мистера Норрелла, как тому понравились город и бал. Мистер Норрелл ответил грубо и резко, словно желая показать, что не намерен беседовать с лицами рангом ниже адмирала. Впрочем, разо-

чарование обывателей быстро сгладило веселое, непринужденное поведение мистера и миссис Стрендж. Они были счастливы познакомиться со славными жителями Портсмута и отцами города, восхищались оказанным приемом, флотом, верфями и портом. Мистер Стрендж не пропустил ни одного танца, его супруга — всего два, чтобы перевести дух, и в свои апартаменты в «Короне» они приехали только в два часа ночи.

Спать они легли около трех, а уже в семь Стренджа разбудил стук в дверь. Недовольный, он поднялся с постели, открыл дверь и увидел в коридоре гостиничного слугу.

— Прошу прощения, сэр, — произнес тот, — но адмирал порта просил известить вас, что «Лжепрелат» налетел на Песчаную Лошадь. Он послал капитана Гилби с приказом привезти одного из волшебников, но у другого болит голова, и он не хочет ехать.

Стрендж почти ничего не понял. Он подозревал, что, даже выспавшись, полного смысла услышанного все равно не постиг бы. Ясно было — что-то случилось и ему надо куда-то ехать.

— Скажите этому самому… капитану, что я иду, — вздохнув, произнес он.

Стрендж оделся и спустился в кофейню, где

приятный молодой человек в капитанском мундире мерил шагами комнату. Это был капитан Гилби. Стрендж видел его на балу — он обладал прекрасными манерами и, несомненно, был умен. Заметив Стренджа, капитан облегченно вздохнул и объяснил, что корабль «Лжепрелат» сел на мель возле Спитхеда. Возможно, корабль удастся снять с мели без серьезных повреждений, а возможно — нет. Адмирал порта умолял волшебников приехать и посмотреть, не могут ли они чем-либо помочь.

У дверей «Короны» ждала двуколка, гостиничный слуга держал лошадь под уздцы. Стрендж и капитан уселись, капитан взял вожжи, и лошадь резво побежала по утреннему городу. Портсмут уже знал о тревожной новости, на улицах началась суета. Открывались ставни, из окон высовывались головы в ночных колпаках, кто-то что-то кричал, спрашивал, им отвечали с улицы. Многие уже спешили в том направлении, куда ехали капитан и волшебник.

У пристани капитан Гилби остановил коляску. Было холодно и сыро, с моря дул свежий бриз. Невдалеке лежал на боку огромный корабль. Маленькие черные фигурки матросов карабкались по борту. Вокруг корабля теснились шлюпки

и небольшие парусные суда. Люди с этих суденышек громко перекликались с матросами на корабле.

Неопытному взгляду Стренджа казалось, что корабль решил прилечь и поспать. Он подумал, что на месте капитана просто строго поговорил бы с судном и заставил его встать.

— В гавань Портсмута постоянно входят десятки кораблей, и столько же покидают ее, — сказал он. — Как такое могло случиться?

Капитан Гилби пожал плечами:

— Боюсь, тут нет ничего невероятного. Штурман мог не знать спитхедские фарватеры или был пьян.

На пристани уже собралась большая толпа. В Портсмуте каждый житель связан с морем и флотом, и когда подобное случается, то затрагивает буквально всех. Повседневные разговоры крутятся вокруг кораблей, вошедших в гавань, и судов на рейде. Если корабль садится на мель — до этого есть дело каждому. Зрелище привлекает внимание не только местных бездельников (а их и здесь достаточно), но и почтенных граждан, торговцев и, конечно, матросов и офицеров, у которых есть свободное время.

В толпе уже начались жаркие споры, что имен-

но штурман сделал не так и что следует делать теперь. Когда люди узнали Стренджа и поняли, зачем он явился, каждый постарался довести свое мнение до сведения волшебника. К сожалению, обилие морских терминов мешало Стренджу понять услышанное. В какой-то момент он имел неосторожность спросить, что означает «идти в бейдевинд» и «увалиться под ветер», и в итоге выслушал подробное объяснение принципов хождения под парусами, из которого вообще ничего не понял.

— Хорошо, — сказал Стрендж, — главная беда, как я понял, в том, что оно лежит на боку. Я могу поставить корабль прямо. Это совсем несложно.

— Господи! Ни в коем случае! — вскричал капитан Гилби. — Если не сделать это с величайшей осторожностью, корпус расколется пополам и все утонут.

— Вот как, — пробормотал Стрендж.

Следующее его предложение оказалось еще более неприемлемым. Кто-то в толпе обмолвился о сильном ветре и высокой волне, которые могут стронуть корабль, и волшебник решил вызвать ветер. Стрендж поднял руки и приготовился произнести заклинание.

— Что вы собираетесь делать? — задал вопрос

капитан Гилби.

Стрендж объяснил.

— Нет! Нет! Нет! — с мольбой в голосе закричал капитан.

Несколько человек схватили Стренджа. Один из них принялся трясти его изо всех сил, словно думал, что может таким образом развеять чары, пока они не подействовали.

— Сейчас дует зюйд-вест, — пояснил капитан Гилби. — Если он станет крепче, то потащит судно по отмели и оно наверняка расколется. Все утонут!

Кто-то вслух поинтересовался, как могут в адмиралтействе восторгаться таким невеждой, как этот малый. Ему с ехидцей вторили, что Стрендж — волшебник никудышный, но, по крайней мере, отличный танцор. Послышался хохот.

— Как называется песок? — не обращая внимания на издевки, спросил Стрендж.

Капитан Гилби недоуменно посмотрел на волшебника и потряс головой, давая понять, что озадачен вопросом.

— Это… это место… за которое зацепился корабль, — терпеливо втолковывал Стрендж. — Там что-то про лошадей?

— Отмель называется Песчаная Лошадь, — сухо

ответил капитан и заговорил с кем-то еще.

Следующие несколько минут никто не обращал внимания на волшебника. Все наблюдали за шлюпами, бригами и катерами, снующими вокруг «Лжепрелата», смотрели на небо и обсуждали, как меняется погода и какой ветер будет к приливу.

Вдруг несколько человек заметили что-то в воде — там появилось нечто странное, продолговатое, серебристое, имеющее голову необычной формы с гривой, которая развевалась, как бледная пелена на ветру. Нечто двигалось к «Лжепрелату». Не успели наблюдатели удивиться этому зрелищу, как в воде возникло еще несколько таких существ. Через мгновение там была уже целая стая серебристых силуэтов, легко и быстро скользящих в воде по направлению к кораблю.

— Что за чудеса? — проговорил кто-то в толпе.

Существа были гораздо крупнее человека, но не походили на рыб или дельфинов.

— Лошади, — откликнулся на вопрос из толпы Стрендж.

— Откуда они взялись?

— Их сделал я, — объяснил волшебник, — из песка. Если точнее, из песка Песчаной Лошади.

— А они не растворятся в воде? — спросили

из толпы.

— Зачем они? — поинтересовался капитан Гилби.

Стрендж принялся объяснять:

— Они сделаны из песка, морской воды и магии и будут существовать, пока для них есть работа. Капитан Гилби, отправьте шлюпку на «Лжепрелата», чтобы сообщить капитану: пусть его люди привяжут к кораблю как можно больше этих лошадей. Они стащат судно с отмели.

— О! — воскликнул капитан Гилби. — Очень хорошо. Да, конечно.

Через полчаса после того, как капитан «Лжепрелата» получил это распоряжение, его корабль был снят с мели, матросы брасопили паруса по ветру и были заняты еще тысячью и одним делом, которыми постоянно заняты матросы (и которые по-своему не менее загадочны, чем действия волшебников). Тем не менее надо признать, что волшебство сработало не совсем так, как рассчитывал Стрендж. Он не предполагал, что заарканить и запрячь песчаных лошадей будет очень трудно, хотя и постарался сделать их максимально послушными. Однако моряки плохо знают, как обращаться с лошадьми. Они знают море — и больше ничего. Некоторые умудрились

заарканить лошадь и привязать ее, а другие либо не знали, с чего начать, либо боялись серебристых призрачных существ и отказывались иметь с ними дело. Из сотни лошадей, созданных Стренджем, сумели запрячь десятка два. Конечно, они помогли стянуть «Лжепрелата» с отмели, но главным оказалось то, что за счет создания множества песчаных животных в отмели образовалось понижение.

В самом Портсмуте мнения жителей разделились. Сделал ли Стрендж действительно нечто замечательное, спасая «Лжепрелата», или просто использовал бедствие для своей карьеры? Многие капитаны и офицеры считали, что волшебство слишком отдавало показухой и его целью было не столько спасти корабль, сколько привлечь внимание адмиралтейства. Сделав свою работу, лошади не исчезли, как обещал Стрендж; вместо этого они плавали по гавани еще полтора дня, после чего легли на дно отмели в новых и самых неожиданных местах. Капитаны и лоцманы жаловались адмиралу порта, что Стрендж полностью изменил фарватеры и отмели и теперь флот должен заново делать промеры глубин и составлять новые лоции.

Однако в Лондоне, где министры знали о морях

и мореходстве не больше Стренджа, поняли одно: волшебник спас судно, потеря которого стоила бы адмиралтейству кучу денег.

— Главное, что показало спасение «Лжепрелата», — говорил сэр Уолтер Поул лорду Ливерпулю, — очень важно иметь под рукою волшебника, который справится с неожиданностью на месте. Это дает огромные преимущества. Я знаю, что обсуждалось предложение командировать в район боевых действий мистера Норрелла, но от него пришлось отказаться. Как насчет Стренджа?

Лорд Ливерпуль задумался.

— Полагаю, — ответил он, — отправка мистера Стренджа в распоряжение одного из наших военачальников будет оправданна, если только мы уверены, что этот военачальник скоро одержит блестящую победу. Иначе это будет непростительной тратой талантов мистера Стренджа, которые, видит бог, остро нужны нам в Лондоне. Честно говоря, выбор невелик. Речь может идти только о лорде Веллингтоне.

— Вы совершенно правы.

Лорд Веллингтон со своей армией находился в Португалии, поэтому узнать его мнение по данному вопросу не представлялось возможным, однако супруга его проживала в доме номер

одиннадцать по Харли-стрит, как раз напротив особняка сэра Уолтера. В тот же вечер сэр Уолтер постучался к леди Веллингтон и спросил: как, по ее мнению, отнесется лорд Веллингтон к идее прислать в его армию волшебника? Леди Веллингтон — маленькая несчастная женщина, мнением которой супруг нисколько не дорожил, — затруднилась ответить на этот вопрос.

Стрендж, со своей стороны, был в восторге от предложения. Арабелла, хотя обрадовалась несколько меньше, дала свое согласие. Наиболее серьезным препятствием — что никого не удивило — оказался мистер Норрелл. Прошел год с начала ученичества, и мистер Норрелл привык во многом полагаться на Стренджа. Он консультировался с ним по всем вопросам, по которым прежде обращался к Дролайту и Лассельсу. В отсутствие Стренджа мистер Норрелл говорил только о нем, в присутствии Стренджа — только с ним. Чувство привязанности было для Норрелла совершенно новым и потому чрезвычайно сильным; никогда раньше чье-либо общество не доставляло ему удовольствия. Если Стрендж умудрялся исчезнуть на четверть часа из переполненной гостиной или где-нибудь на балу, мистер Норрелл посылал Дролайта посмотреть,

куда тот ушел и с кем разговаривает. Когда мистер Норрелл узнал, что его единственного ученика собираются послать на войну, то возмутился.

— Меня изумляет, сэр Уолтер, — сказал он, — что вы решились хотя бы заговорить об этом!

— Когда идет война, каждый должен быть готов принести жертвы ради своей страны, — несколько раздраженно возразил сэр Уолтер. — И вы знаете, что тысячи людей уже отдали за нее жизнь.

— Но то были солдаты! — вскричал мистер Норрелл. — О! Я готов признать, что солдат по-своему очень ценен, но потеря солдатской жизни для нации — ничто по сравнению с потерей мистера Стренджа! В Хай-Уикомбе есть школа, где каждый год готовят по три сотни офицеров. Дал бы мне Господь иметь триста учеников, будущих волшебников! Тогда у английской магии были бы блестящие перспективы!

После неудачной попытки сэра Уолтера с мистером Норреллом решили поговорить лорд Ливерпуль и герцог Йоркский, но и они не смогли убедить старика. Само упоминание об отъезде Стренджа на войну приводило его в ужас.

— Вы не хотите учитывать, сэр, — убеждал его Стрендж, — что английская магия может заслу-

жить глубочайшую признательность нации.

— О да, конечно, — сварливо соглашался мистер Норрелл, — но ничто другое так не напомнит о Короле-вороне и всей той дикой, вредоносной магии, которую применяли английские волшебники на полях сражений! Люди подумают, что мы вызываем эльфов и советуемся с совами и медведями. А я хочу, чтобы английскую магию считали спокойной, респектабельной профессией, которая…

— Но, сэр, — прервал его Стрендж, не желая слушать в сотый раз знакомую речь, — у меня не будет за спиной свиты из рыцарей-эльфов. И есть другие соображения, которые не следует оставлять без внимания. Мы с вами часто жаловались, что нас просят выполнять одни и те же магические практики. Смею предположить, что превратности войны заставят меня прибегнуть к волшебству, которое я раньше не использовал, и, таким образом, появится возможность через практику магии углубить ее теорию. Мы с вами об этом не раз говорили.

Однако коллеги-волшебники слишком разнились характером, чтобы прийти к согласию по такому вопросу. Стрендж говорил о пренебрежении опасностью во славу английской магии. Его

язык и метафоры были почерпнуты из азартных игр или из военного искусства и не могли убедить мистера Норрелла. Мистер Норрелл силился внушить Стренджу, что тот найдет войну чрезвычайно неприятной:

— На полях сражений часто бывает холодно и сыро. Вам это понравится куда меньше, чем вы сейчас воображаете.

В течение нескольких недель в январе — феврале 1811 года казалось, что твердая позиция мистера Норрелла остановит Стренджа. Сэр Уолтер, лорд Ливерпуль, герцог Йоркский и Стрендж допустили одну и ту же ошибку: они взывали к лучшим качествам мистера Норрелла — благородству, чувству долга и патриотизму. Несомненно, мистер Норрелл обладал этими добродетелями, но у него были и другие качества, более развитые и способные возобладать над высшими соображениями.

К счастью, рядом с мистером Норреллом находились два джентльмена, которые знали, как правильно подойти к делу. Лассельс и Дролайт не меньше Стренджа хотели, чтобы тот отправился в Португалию, и решили сыграть на озабоченности мистера Норрелла судьбой библиотеки герцога Роксбургского.

Эта библиотека давно мучила старого волшебника. Она была одной из лучших в королевстве и уступала только личной библиотеке мистера Норрелла. Судьба ее была любопытна и непроста. Лет пятьдесят назад герцог Роксбургский — умнейший и образованнейший джентльмен — влюбился в сестру королевы и просил у монарха разрешения на ней жениться. По разным причинам, связанным с иерархией и придворным этикетом, король отказал. Сердца герцога и его возлюбленной были разбиты, и оба торжественно поклялись любить друг друга вечно и никогда, ни при каких обстоятельствах не сочетаться браком ни с кем другим. Я не знаю, сдержала ли обет сестра королевы, но герцог удалился в свой замок на границе с Шотландией и, дабы наполнить смыслом одинокое существование, начал собирать редкие книги: уникальные средневековые манускрипты и первопечатные книги, созданные такими гениями, как Уильям Кэкстон из Лондона и Вальдарфер из Венеции. К началу века библиотека герцога стала одним из чудес света. Его светлость увлекался поэзией, рыцарством, историей и богословием. К магии он особого интереса не питал, но ему нравились все старинные книги, и было бы странно, если бы

в его библиотеку не попали один-два сборника магических текстов.

Мистер Норрелл много раз писал герцогу, просил разрешения осмотреть библиотеку и, возможно, приобрести книги по магии, которыми владеет герцог. Однако тот не пожелал удовлетворить любопытство мистера Норрелла и, обладая несметными богатствами, не нуждался в деньгах волшебника. Поскольку он остался верен обещанию, данному сестре королевы, детей у него не было, как не было и очевидных наследников. После смерти герцога у нескольких его дальних родственников появилась навязчивая идея, что именно им надлежит стать следующим герцогом Роксбургом. Они предъявили свои претензии Комитету по привилегиям при палате лордов. Комитет разобрал дело и пришел к заключению, что новым герцогом должен стать либо генерал-майор Кер, либо сэр Джеймс Иннес, но кто именно, комитет не определился и постановил, что разыскания надо продолжить. К началу 1811 года дело оставалось нерешенным.

Во вторник, холодным мокрым утром, мистер Норрелл сидел в своей библиотеке на Ганновер-Сквер с мистером Лассельсом и мистером Дролайтом. В комнате находился и Чилдермасс

— он по поручению мистера Норрелла составлял письма в различные правительственные департаменты. Стрендж с женой уехали в Твикенем навестить друга.

Лассельс и Дролайт обсуждали тяжбу Кера с Иннесом. Несколько внешне случайных упоминаний о знаменитой библиотеке привлекли внимание мистера Норрелла.

— Что мы знаем об этих людях? — спросил он Лассельса. — Они интересуются магической практикой?

Лассельс улыбнулся:

— Не беспокойтесь, сэр. Уверяю вас, их интересует одно — герцогский титул. Не думаю, что кто-нибудь из них хоть раз в жизни открывал книгу.

— Вот как? Им нет дела до книг? Что ж, это обнадеживает. — Мистер Норрелл на минуту задумался. — Предположим, один из них вступил во владение библиотекой, решил переставить книги на полке, нашел редкий магический текст и заинтересовался. Вы ведь знаете, магия вызывает человеческое любопытство. Это прискорбное последствие моих собственных успехов. Он может что-нибудь прочесть, и на него найдет блажь попробовать парочку заклинаний. В конце кон-

цов, я сам так начинал, когда двенадцатилетним мальчиком открыл книгу в библиотеке моего дяди и нашел там один-единственный лист, вырванный из какого-то старинного манускрипта. Стоило его прочесть, как ко мне пришло убеждение — я должен быть волшебником!

— Действительно? Как интересно! — скучающим тоном отозвался Лассельс. — Но вряд ли это случится с Кером или Иннесом. Иннесу за семьдесят, Керу — столько же. Не тот возраст, чтобы начинать новую карьеру.

— О! У них могут быть молодые родственники! И они, возможно, читают «Друзей английской магии» и «Современного волшебника». Такие люди не упустят книгу по магии, если она попадется им на глаза. Нет уж, простите, мистер Лассельс, но преклонный возраст этих двух джентльменов еще не гарантирует безопасность!

— Сомневаюсь, сэр, что кто-то из юных тауматоманов[60], которых вы так живо описали, вообще увидит эту библиотеку. В борьбе за герцогское наследство и Кер, и Иннес понесли огромные расходы. Кто бы ни стал новым герцогом, ему первым делом надо будет расплатиться с ад-

---

[60] Примечания: 60

Тауматоман — человек, одержимый страстью к магии и чудесам («Словарь английского языка» Сэмюеля Джонсона).

вокатами. Когда они войдут в замок Флорс, то примутся искать, что можно продать[61]. Я очень удивлюсь, если через неделю после окончательного определения наследника библиотеку не выставят на торги.

— На торги?! — с явной тревогой в голосе вскричал мистер Норрелл.

— Чего вы испугались? — спросил Чилдермасс, поднимая голову от писем. — Обычно вы ничему так не радуетесь, как книжным аукционам.

— То было раньше, — ответил мистер Норрелл, — когда в королевстве книгами по магии никто не интересовался, кроме меня, разумеется. Теперь, боюсь, многие захотят их приобрести. Наверное, в «Таймс» поместят объявление об аукционе и его результаты.

— Ничего! — заметил Дролайт. — Если книги купит кто-нибудь другой, вы можете пожаловаться министрам! Даже принцу Уэльскому! Нация заинтересована в том, чтобы книги по магии сосредоточились именно в ваших руках, мистер Норрелл, а не в чьих-либо еще.

— Исключая Стренджа, — вставил Лассельс. — Не думаю, что министры или принц Уэльский

---

[61] Примечания: 61
Замок Флорс — резиденция герцогов Роксбургских.

станут возражать, если Стрендж приобретет эти книги.

— Это так, — согласился Дролайт. — О Стрендже я забыл.

Мистер Норрелл был на грани паники.

— Мистер Стрендж должен понимать, что эти книги следует купить мне. Их необходимо собрать в одной библиотеке. Нельзя их разделять. — Он оглядел присутствующих, ища поддержки. — Естественно, — продолжил мистер Норрелл, — я не возражаю, если мистер Стрендж прочтет их. Всем известно, сколько моих книг, притом ценнейших, я передал мистеру Стренджу. Это… это будет зависеть от их содержания.

Дролайт, Лассельс и Чилдермасс молчали. Они знали, сколько книг мистер Норрелл отдал Стренджу для прочтения и сколько от него спрятал.

— Стрендж — джентльмен, — прервал затянувшееся молчание Лассельс. — Он ведет себя как джентльмен и ожидает от вас того же. Ежели книги будут предложены именно вам, то вы их спокойно купите, но если их выставят на аукцион, он будет вправе составить вам конкуренцию.

Наступила пауза. Мистер Норрелл нервно облизнул губы и обратился к Лассельсу с вопросом:

— Как, вы считаете, будут проданы книги? Че-

рез аукцион или путем частной сделки?

— Через аукцион, — в один голос заявили Лассельс, Дролайт и Чилдермасс.

Мистер Норрелл закрыл лицо ладонями.

— Что ж, — неторопливо начал Лассельс, словно обдумывая мысль, которая только что пришла ему в голову, — Стрендж, конечно, не сможет принять участие в аукционе, если уедет за границу. — Он отхлебнул кофе. — Ведь он собирается ехать?

Лицо мистера Норрелла осветилось надеждой.

Вдруг стало ясно, что отъезд Стренджа в Португалию на год-другой в высшей степени желателен[62].

---

[62] Примечания: 62

Комитет по привилегиям принял решение в пользу сэра Джеймса Иннеса; как и предполагал Лассельс, новый герцог немедленно выставил библиотеку на торги.

Аукцион, проведенный летом 1812 года (когда Стрендж был на Пиренейском полуострове), стал, возможно, самым замечательным библиографическим событием в истории после пожара Александрийской библиотеки. Он продолжался сорок один день и стал причиной по меньшей мере двух дуэлей.

Среди книг герцога обнаружились семь магических текстов, все — чрезвычайно ценные.

«Rosa et Fons» — мистическое сочинение неизвестного волшебника XIV века, размышляющего о магии.

«Томас из Дандейла» — ранее неизвестная поэма Кретьена де Труа, красочное жизнеописание Томаса Дандейла, первого человека на службе у Короля-ворона.

«Книга Лавдея Ингема» — отчет о повседневных занятиях волшебника, жившего в XV веке в Кембридже.

«Exercitatio Magica Nobilissima» — предпринятая в XVII веке попытка описания всей английской магии.

«История Семи» — запутанное сочинение, частью на английском, частью на латыни, частью на неизвестном эльфийском языке. Возраст определению не поддается, автор неизвестен, сама цель написания неясна. В целом речь идет об истории эльфийского города со странным названием Семь, но сведения изложены чрезвычайно беспорядочным образом. Автор часто отвлекается от повествования, чтобы обвинить каких-то неустановленных личностей в причинении ему вреда разными мистическими средствами. Эти части произведения больше всего напоминают гневные письма.

«Парламент женщин» — аллегорическое описание мудрости и волшебства, явленных исключительно женщинами, сочинение XVI века.

Самое замечательное произведение, «Зерцало жития Ральфа Стокси», вместе с первым изданием «Декамерона» Боккаччо было выставлено на аукцион в последний день. Даже мистер Норрелл не подозревал о существовании этой книги. Оказалось, что у нее два автора; первый — волшебник XV века по имени Вильям Торп, второй — эльф, который служил Ральфу Стокси, Том Голубое Седло. За это сокровище мистер Норрелл заплатил неслыханную сумму — две тысячи сто гиней.

Всеобщее уважение к мистеру Норреллу было столь велико, что никто в зале не состязался с ним — за исключением одной дамы, боровшейся за каждую книгу.

Несколько недель перед началом аукциона Арабелла Стрендж была очень занята. Она написала множество писем родственникам супруга и посетила всех своих друзей в Лондоне, стараясь занять достаточно денег, чтобы купить мужу несколько книг. Тем не менее все книги скупил Норрелл.

5 *(прод.)* Сэр Вальтер Скотт, писатель, присутствовал на аукционе и описал его завершение:

«Миссис Стрендж была так расстроена утратой „Жизни Ральфа Стокси“, что сидела вся в слезах. В этот момент мимо проходил мистер Норрелл с книгой в руке. Этот человек даже не взглянул на жену своего ученика, не сказал ей ни слова. Не помню, когда в последний раз я видел столь предосудительное поведение. Кое-кто тоже это заметил, и в адрес мистера Норрелла прозвучали резкие упреки. Даже лорд Портисхед, который безмерно восторгается волшебником, признает, что Норрелл вел себя в отношении миссис Стрендж скверно».

Не только этот поступок мистера Норрелла вызвал нелестные отзывы. Много недель после аукциона ученые и историки ждали сообщения о том, какие же новые знания обнаружены в семи замечательных книгах. Особенные надежды возлагались на «Зерцало жития Ральфа Стокси» — говорили, что книга может пролить свет на самые загадочные вопросы английской магии. Все полагали, что мистер Норрелл опубликует свои открытия на страницах «Друзей английской магии» или издаст факсимиле этих книг. Он не сделал ни того, ни другого. Два или три человека письменно обратили к нему конкретные вопросы. Он не ответил. Когда в прессе раздались недовольные голоса, Норрелл был возмущен. В конце концов он поступил так, как поступал всегда, — заполучил ценные книги и спрятал туда, где никто их не найдет. Разница состояла в том, что раньше он был никому не ведом, теперь же на него смотрел весь свет. Его молчанию изумлялись, потом стали припоминать и другие случаи, когда мистер Норрелл поступал грубо и дерзко.

29. В доме Жозе Эшторила

Январь — март 1811 года

— Я подумал, сэр, что мой отъезд на Пиренейский полуостров во многом изменит ваши отношения с военным ведомством, — сказал Стрендж. — Боюсь, в мое отсутствие вам будет утомительно, что к вам приезжают днем и ночью с просьбой исполнить то или иное волшебство. Кроме вас, некому будет ими заниматься. Когда вы будете спать? Полагаю, надо вести дела по-другому. Рад буду вам помочь. Не пригласить ли нам на этой неделе лорда Ливерпуля на обед?

— Действительно, почему бы и нет? — отвечал мистер Норрелл, очень довольный заботливостью Стренджа. — И вам непременно следует присутствовать. Вы так доходчиво все объясняете! Стоит вам только сказать, и лорд Ливерпуль сразу вникает в суть проблемы!

— Так я напишу приглашение его милости?

— Да-да, напишите!

Разговор происходил в первую неделю января. День отъезда Стренджа еще не был назначен, но все знали, что он недалек. Стрендж немедленно написал приглашение, лорд Ливерпуль быстро

ответил и уже через день приехал на Ганновер-Сквер.

У мистера Норрелла и Джонатана Стренджа вошло в привычку перед обедом проводить часок в библиотеке старого волшебника. Именно здесь они и приняли лорда. Присутствовал Чилдермасс, готовый исполнить обязанности писца, советчика, курьера или слуги — в зависимости от обстоятельств.

Лорд Ливерпуль еще не бывал в библиотеке мистера Норрелла и перед тем, как сесть, быстро ее обошел.

— Мне говорили, сэр, — заметил он, — что ваша библиотека — одно из чудес нашего времени, но то, что я воображал, вполовину беднее истинного ее великолепия.

Мистер Норрелл был очень польщен. Лорд Ливерпуль относился к тому сорту гостей, которых он любил, — то есть восхищался библиотекой, но не выказывал желания взять с полки книгу и почитать.

Затем Стрендж обратился к мистеру Норреллу:

— Мы еще не обсудили, сэр, какие книги я возьму с собою на Пиренейский полуостров. Я составил список из сорока наименований, но, если вы считаете, что его необходимо дополнить,

я с радостью выслушаю ваше мнение.

Он вытащил лист бумаги из беспорядочной груды на столе и вручил его мистеру Норреллу.

Список никак не мог порадовать мистера Норрелла. Он был полон исправлений — написано, зачеркнуто, снова написано, опять зачеркнуто, наконец, приписано сбоку, вкривь и вкось; названия были приведены не совсем правильно, а фамилии авторов указаны не вполне точно. Лист был заляпан чернилами, и вдобавок ко всему в уголке располагался набросок стихотворной шарады, которую Стрендж начал сочинять в подарок Арабелле перед разлукой. Однако мистер Норрелл побледнел не из-за небрежности списка. Ему и в голову не приходило, что ученику в Португалии понадобятся книги. Мысль, что сорок ценнейших фолиантов отправятся в страну, объятую войной, где могут сгореть, утонуть, пропасть, привела его в ужас. Мистер Норрелл мало знал о войне, но подозревал, что солдаты в большинстве своем не ценят книги. Они способны прикоснуться к ним грязными руками. Могут порвать их! Они — о ужас! — прочтут их и применят заклинания! Умеют ли солдаты читать? Мистер Норрелл не знал. Однако речь шла о судьбе Европы, в комнате сидел лорд Ливерпуль, и

мистер Норрелл понял, что отказать будет очень трудно — а вернее, невозможно.

Он в отчаянии оглянулся на Чилдермасса.

Помощник пожал плечами.

Лорд Ливерпуль меж тем спокойно рассматривал библиотеку. Вероятно, он считал, что временная утрата сорока книг будет незаметна — ведь их здесь тысячи.

— Не хотелось бы брать больше сорока, — продолжал Стрендж деловым тоном.

— Правильное решение, сэр, — откликнулся лорд Ливерпуль. — Очень правильное. Не следует брать больше, чем вы сможете возить с собой.

— Возить с собой! — вскричал мистер Норрелл потрясенно. — Но вы же не собираетесь перевозить их с места на место? Необходимо, как только вы доберетесь до места, поместить их в библиотеку. В библиотеку какого-нибудь замка. Прочного, хорошо защищенного замка…

— Боюсь, что в библиотеке от них будет мало проку, — с ужасающим спокойствием отвечал Стрендж. — Я буду на бивуаках и на полях сражений. Книги должны находиться со мной.

— Тогда необходимо спрятать их в ящик! — потребовал мистер Норрелл. — В прочный деревянный ящик, а лучше — в железный сундук! Да-да,

железный сундук подойдет. Мы можем заказать его прямо здесь. И еще…

— Простите, мистер Норрелл, — вмешался лорд Ливерпуль, — но я категорически против железного сундука. Не рассчитывайте, мистер Стрендж, что вам выделят повозку. Они необходимы для провианта, боеприпасов, обмундирования и так далее. Чтобы не причинять армии неудобства, мистеру Стренджу придется возить свое имущество на осле или муле, как это делают офицеры. — Он повернулся к Стренджу. — Купите хорошего крепкого мула для поклажи и вашего слуги. У Хьюли и Рэтта можно приобрести седельные сумки. Лучше всего подойдут сумки военного образца. Кроме того, с повозки книги могут стащить солдаты. Надо признать, они тащат все, что под руку попадет. — Помолчав, его милость добавил: — По крайней мере, наши солдаты.

Мистер Норрелл плохо помнил, как прошел обед. Его милость и Стрендж много разговаривали и очень много смеялись. Несколько раз Стрендж спрашивал: «Ну так решено?», а лорд весело отвечал: «О, конечно!», но о чем они говорили, мистера Норрелла не интересовало. Он страшно жалел, что приехал в Лондон. Жалел, что взялся возрождать английскую магию. Луч-

ше бы он остался в аббатстве Хартфью, читал и занимался волшебством в свое удовольствие! Все достижения последних лет не стоили потери сорока книг.

Когда лорд Ливерпуль и Стрендж ушли, он направился в библиотеку, чтобы посмотреть на книги и подержать их в руках, пока возможно.

Чилдермасс все еще сидел в библиотеке. Он принес сюда ужин, расположился за столом и делал подсчеты по домашнему хозяйству. Когда вошел мистер Норрелл, Чилдермасс хитро взглянул на него и улыбнулся:

— Думаю, сэр, мистер Стрендж добьется на войне больших успехов. Он уже переиграл вас с помощью ловкого маневра.

В начале февраля прохладной лунной ночью британский корабль «Благословение святого Серло»[63] поднялся по Тежу и пристал у площади Черной Лошади в центре Лиссабона. Одними из первых с корабля сошли Стрендж и его слуга Джереми Джонс. Стрендж никогда не бывал за границей, а деловитая суета матросов и солдат

[63] Примечания: 63

«Благословение святого Серло» был захвачен у французов и прежде назывался *«Le Temple Foudroyé»*. Новое имя корабль получил по названию одного из четырех волшебных лесов, окружавших и защищавших столицу Короля-ворона — Ньюкасл.

на пристани еще усиливала его восторг и ощущение значимости. Ему не терпелось приступить к новым обязанностям и сделать что-нибудь волшебное.

— Интересно, где сейчас лорд Веллингтон? — спросил он у Джереми Джонса. — Как ты думаешь, кто-нибудь знает?

Стрендж с интересом осматривал площадь. Невдалеке высилась огромная недостроенная арка довольно воинственного вида, и ему думалось, что Веллингтон должен быть где-то поблизости.

— Сейчас два часа ночи, сэр, — заметил Джереми. — Его светлость наверняка спит.

— Ты полагаешь, человек, от которого зависит судьба Европы, способен спать? Что ж, может, ты и прав.

Стрендж нехотя согласился отправиться в гостиницу и отложить поиски лорда до утра.

Им рекомендовали гостиницу на улице Башмачников. Ею владел некий мистер Придо, уроженец Корнуолла. Почти все постояльцы мистера Придо были британские офицеры, которые либо недавно прибыли из Англии, либо собирались туда отплыть. Хозяин старался, чтобы все в его заведении напоминало офицерам о родине, но преуспел в этом лишь отчасти.

Португалия настойчиво вторгалась в жизнь гостиницы, придавая ей местный колорит. Обои и мебель были выписаны из Лондона, но на португальском солнце за пять лет выцвели. Мистер Придо лично отдавал указания повару, как готовить английские блюда, но в них оказывалось многовато перца и оливкового масла — повар был португалец. Даже от офицерских сапог шел неанглийский запах, потому что чистил их португальский мальчишка.

На следующее утро Стрендж встал довольно поздно. Он плотно позавтракал и примерно час бродил по городу. Оказалось, что в Лиссабоне много живописных площадей с аркадами, красивых современных зданий, скульптур, театров и магазинов. Он начинал думать, что, может быть, война не так и ужасна.

Возвращаясь в гостиницу, он заметил у дверей группу из четырех-пяти британских офицеров. Они были увлечены разговором. Стрендж обрадовался, подошел к военным, извинился, представился и попросил объяснить, где в Лиссабоне найти лорда Веллингтона.

Офицеры посмотрели на него с удивлением, словно он задал неправильный вопрос, но они не могут сразу сообразить, в чем же неправиль-

ность.

— Лорда Веллингтона нет в Лиссабоне, — ответил офицер в ментике и белых гусарских штанах.

— Вот как? А когда он вернется? — поинтересовался Стрендж.

— Вернется? — переспросил офицер. — Думаю, через несколько недель. Скорее, месяцев. А может, никогда.

— Где же мне его искать?

— Господи! Он может быть где угодно.

— А вы не знаете, где именно?

Офицер смотрел на него довольно холодно.

— Лорд Веллингтон не сидит на одном месте. Лорд Веллингтон едет туда, где он нужен. А нужен он везде, — внушительно объяснил он Стренджу.

Другой офицер, в алом мундире, богато расшитом серебряным галуном, сообщил более приветливо:

— Лорд Веллингтон на линиях.

— На линиях? — переспросил Стрендж.

— Да.

Боясь показаться невеждой, Стрендж не стал уточнять, но предположил, что на военном жаргоне это означает «пьян в стельку».

Вернувшись в гостиницу, Стрендж велел пор-

тье найти Джереми Джонса. Если уж необходимо выставить кого-то болваном перед британской армией, то пусть это будет Джереми, а не он.

— Ага, вот и ты! — сказал он Джонсу, когда тот вошел в номер. — Сходи узнай у солдат или офицеров, где найти лорда Веллингтона.

— Слушаюсь, сэр. А почему бы вам не расспросить самому?

— Это невозможно. Я должен заняться магией.

Джереми вышел и очень скоро вернулся.

— Узнал? — спросил Стрендж.

— Да, сэр! — весело ответил слуга. — Секрета здесь нет. Лорд Веллингтон на линиях.

— Знаю, но где это?

— Простите, сэр! Джентльмен говорил так естественно, будто все должны знать это слово. Я подумал, оно вам знакомо.

— Увы, нет. Может, спросить у Придо?

Хозяин гостиницы с готовностью пришел на помощь. Нет ничего проще. Мистеру Стренджу надо ехать в ставку. Там он наверняка найдет его светлость. Это примерно полдня пути от города или чуть больше.

— Как от Тайберна до Годелминга, сэр.

— Не могли бы вы показать на карте…

— Господь с вами, сэр! — Придо, смеясь, зама-

хал руками. — Сами вы ни за что не найдете. Я подыщу человека, который вас проводит.

Хозяин гостиницы привел человека, который служил помощником интенданта в Торреш-Ведраше — городке в четырех-пяти милях от ставки Веллингтона. Помощник интенданта заявил, что будет счастлив сопроводить Стренджа до места.

«Ну наконец-то, — подумал Стрендж, — хоть какой-то результат».

Сначала они ехали по живописной долине между полей и виноградников. Тут и там виднелись уютные белые домики и каменные ветряные мельницы с бурыми парусиновыми лопастями на деревянных каркасах. По дороге в разных направлениях перемещались колонны португальских солдат в бурых мундирах, встречались и британские офицеры: их алые и голубые мундиры выглядели (по крайней мере, на патриотический взгляд Стренджа) более мужественно и воинственно. Через три часа перед ними выросла стена гор.

Путники въехали в ущелье между двумя самыми высокими горами, и помощник интенданта сказал:

— Здесь начинаются линии. Видите форт высо-

ко на склоне горы? — Он указал вправо; очевидно, «форт» когда-то был обыкновенной мельницей, но теперь обзавелся бастионами, укреплениями и орудийными амбразурами. — И другой форт на противоположном склоне? — продолжал попутчик, указывая влево. — И маленький форт над обрывом? И дальше по склонам — еще и еще, хотя сегодня из-за тумана и облаков их не видно. От самого Тежу и до моря — целая линия фортов! Но это не все! К северу от нас — еще две укрепленные линии. Всего — три!

— Впечатляет. Это сделали португальцы?

— Нет, сэр. Это сделал лорд Веллингтон. Здесь французы не пройдут. Да что там французы! Даже мышь не проскочит, если у нее нет бумаги с подписью лорда Веллингтона! Вот почему, сэр, французская армия сидит в Сантарене, а мы с вами можем спокойно спать в своих постелях в Лиссабоне!

Вскоре они съехали с дороги и по крутому склону начали подъем к крохотной деревушке Перу-Негру. Стренджа поразила разница между войной, которую он воображал, и действительностью. В Лондоне он представлял себе лорда Веллингтона сидящим в большом особняке в Лиссабоне и отдающим приказы. Вместо этого

его привезли в селение, даже не обозначенное на карте. В Англии эти несколько домишек никто не назвал бы деревней.

Ставка Веллингтона размещалась в ничем не примечательном доме. Двор был вымощен булыжником. Стрендж узнал, что лорд Веллингтон уехал осматривать позиции. Никто не мог сказать, когда он вернется — во всяком случае, не раньше обеда. Никто не возражал, если Стрендж будет его дожидаться, — главное, чтобы не мешал.

Однако, едва войдя в дом, Стрендж подпал под действие очень неприятного закона природы, согласно которому человек, приехавший в незнакомое место, тут же начинает мешать окружающим. Присесть он не мог — в помещении не было стульев. Вероятно, их убрали, чтобы за ними не притаились французы. Поэтому Стрендж встал у окна. Тут же вошли два офицера; один из них горел желанием продемонстрировать некоторые важные особенности португальского ландшафта, для чего необходимо было окно. Они уставились на Стренджа, и тот вынужден был переместиться к полузавешенной арке.

Тем временем снаружи раздался голос, который звал некого Уайнспилла и требовал, чтобы тот

принес наконец бочонок с порохом. В комнату вбежал маленький, слегка горбатый солдат с огромным родимым пятном на лице. Все детали его обмундирования принадлежали к разным родам войск британской армии. Вероятно, это и был Уайнспилл. Выглядел он несчастным. Уайнспилл никак не мог найти порох. Он обследовал шкаф с кухонной утварью, посмотрел под лестницей, выглянул на балкон. Он то и дело выкрикивал: «Минуточку!» — пока наконец не додумался заглянуть Стренджу за спину. Тут же он закричал, что нашел бочонок с порохом и сделал бы это раньше, если бы некоторые — он сердито глянул на Стренджа — не торчали здесь и не загораживали.

Время шло очень медленно. Стрендж снова перебрался к окну и чуть не заснул возле него, когда во дворе поднялась суета и послышались крики, возвещавшие, что подъезжает какая-то важная персона. Через несколько секунд в комнату вошли трое, и Стрендж увидел перед собой лорда Веллингтона.

Как описать этого человека? Возможно ли это, да и нужно ли? Его лицо повсюду, куда ни глянь: на дешевых гравюрах в любой гостинице и на полотне, в обрамлении знамен, барабанов, пушек

и труб в любой ассамблее. В наши дни каждая юная леди в романтическом возрасте до семнадцати лет имеет хотя бы один портрет лорда Веллингтона. Она уверена, что крупный орлиный нос гораздо красивее короткого и вздернутого, а главным несчастьем своей жизни почитает то обстоятельство, что Веллингтон уже женат. Чтобы утешиться, она называет своего первенца Артуром. И она не одинока в своем обожании. Ее младшие братья и сестры — тоже фанатичные поклонники лорда Веллингтона. Самый красивый солдатик в детской получает это славное имя, и на его долю выпадает больше приключений, чем на долю всех остальных обитателей сундука с игрушками, вместе взятых. Каждый школьник воображает себя Веллингтоном не реже одного раза в неделю, причем не только мальчики, но и девочки. Веллингтон — воплощение всех английских добродетелей. Объединив их в себе, он развил их до совершенства. Если французы хранят Наполеона в желудках (ведь они придумали коньяк с таким названием), то мы носим Веллингтона в наших сердцах[64].

Лорд Веллингтон был явно чем-то недоволен.

---

[64] Примечания: 64

Могут возразить, что Веллингтон был *ирландец*, но патриотичное английское перо даже не станет отвечать на подобные придирки.

— Мои приказы были совершенно ясны! — говорил он одному из двух офицеров. — Португальцам надлежало уничтожить все запасы зерна, которые они не в состоянии вывезти, дабы хлеб не достался французам. Но я только что полдня наблюдал, как у Карташу неприятельские солдаты вытаскивают из пещер мешок за мешком.

— Португальским крестьянам трудно сжигать зерно. Они боятся голода, — объяснил первый офицер.

Второй предположил, что в мешках было не зерно, а что-то менее ценное. Возможно, золото или серебро.

Лорд Веллингтон холодно посмотрел на него:

— Французы таскали зерно к мельницам. Лопасти вращались вовсю! Полагаете, они мололи золото? Далзел, я попрошу вас пожаловаться португальским властям. — Сердитый взгляд Веллингтона метнулся по комнате и уперся в Стренджа. — Это кто? — спросил он.

Далзел прошептал что-то на ухо его светлости.

— Так вы волшебник, — произнес Веллингтон без тени интереса.

— Да, — ответил Стрендж.

— Мистер Норрелл?

— Нет, мистер Норрелл остался в Англии. Меня

зовут Стрендж.

Лорд Веллингтон был озадачен.

— Второй волшебник, — пояснил Стрендж.

— Понятно, — произнес Веллингтон.

Офицер по фамилии Далзел изумленно воззрился на Стренджа. Очевидно, он считал, что, если его светлость назвал вас Норреллом, неучтиво настаивать на другой фамилии.

— Что ж, мистер Стрендж, — начал лорд Веллингтон, — боюсь, вы напрасно проделали столь долгий путь. Скажу прямо: если бы я мог предупредить вас, то сделал бы это. Но раз уж вы приехали, то я воспользуюсь случаем объяснить, что вы и ваш коллега были для моей армии большой помехой.

— Помехой?

— Помехой, — повторил Веллингтон. — Видения, которые вы демонстрировали министрам в Лондоне, создали у тех иллюзию, будто они знают, как обстоят дела в Португалии. Они завалили меня приказами и стали вмешиваться в управление войсками гораздо назойливее, чем раньше. Только я, мистер Стрендж, знаю, что надо делать в Португалии, потому что мне хорошо известны местные условия. Я не говорю, что вы совершенно бесполезны — адмиралтейство вроде бы вами

довольно, тут я ничего не знаю, — но мне в Португалии волшебник не нужен.

— Милорд, я уверен, что здесь магия не причинит неприятностей, ведь я буду целиком в вашем распоряжении и действовать только по вашим указаниям.

Лорд Веллингтон пристально посмотрел на Стренджа.

— В основном мне нужны люди. Вы можете их наделать побольше?

— Люди? Интересный вопрос… Все зависит от того, что ваша светлость имеет в виду… — К неудовольствию Стренджа, он обнаружил, что говорит в точности как мистер Норрелл.

— Вы можете наделать их побольше? — повторил вопрос Веллингтон.

— Нет.

— Вы можете заставить пули летать быстрее и точнее поражать французов? Они и так быстро летают. Вы способны поднять на дыбы землю и камни, чтобы они сложились в редуты, люнеты и прочие оборонительные сооружения?

— Нет, милорд. Но я…

— Капеллана, состоящего при ставке, зовут мистер Брисколл. Старшего военного врача — доктор Макгрейгер. Если решите остаться в

Португалии, советую вам познакомиться с этими джентльменами. Возможно, вы будете им полезны. Мне вы не нужны.

Лорд Веллингтон отвернулся и крикнул какому-то Торнтону, чтобы подавали обед. Стрендж понял, что аудиенция окончена.

Общаясь с министрами, Стрендж привык к другому отношению. Первые лица страны обращались к нему как к равному. И вдруг его поставили в один ряд с армейскими капелланами и врачами! Это было очень неприятно.

Ночь он провел на убогом постоялом дворе в Перу-Негру и с рассветом уехал в Лиссабон. В гостинице на улице Башмачников Стрендж сразу же сел за стол и написал длинное письмо Арабелле, в котором подробно рассказал о том возмутительном приеме, который ему устроили. Почувствовав облегчение, он решил, что мужчине не к лицу жаловаться, и порвал письмо в клочки.

Потом Стрендж составил перечень всех услуг, которые они с Норреллом оказали адмиралтейству с помощью волшебства, и принялся размышлять, что из этого списка может пригодиться Веллингтону. В конце концов он решил, что неплохо будет наслать на французскую армию грозы и проливные дожди. Стрендж уже собирался написать Веллингтону и предложить подобное волшебство, но случайно взгляд его упал за окно. Небо покрывали черные тучи, дождь лил как из ведра, дул порывистый ветер. Ливень готов был перерасти в настоящую бурю. Стрендж отправился на поиски мистера Придо. Тот объяснил, что непогода держится уж много недель и, по мнению португальцев, дожди зарядили надолго. Французы действительно сильно страдают от холода и сырости.

Стрендж задумался. Послать Веллингтону предложение прекратить дожди или не стоит? Ведь и британским солдатам они наверняка досаждают не меньше, чем французам. В итоге он решил отложить погодную магию до той поры, когда узнает армию и лорда Веллингтона получше. Его захватила идея обрушить на французов нашествие лягушек. Было в этом что-то библейское, некое подобие египетских язв, и он решил напи-

сать Веллингтону.

Утром следующего дня он скучал у окна, делая вид, будто читает одну из книг мистера Норрелла. На самом деле Стрендж бездумно смотрел на струи дождя. В дверь постучали. Вошел шотландский офицер в гусарском мундире, с любопытством взглянул на Стренджа и спросил:

— Мистер Норрелл?

— Я не… Ах, какая разница! Чем могу служить?

— Вам пакет из ставки, мистер Норрелл. — Офицер протянул Стренджу письмо.

Это было его собственное письмо с предложением обрушить на французов дождь из лягушек. На конверте синим карандашом крупно вывели слово: «Отказать».

— Кто это написал? — спросил Стрендж.

— Лорд Веллингтон, мистер Норрелл.

— Понятно.

Через день он отправил Веллингтону предложение заставить Тежу выйти из берегов и поглотить французов. На сей раз Веллингтон прислал довольно длинный ответ, в котором объяснил, что британская армия и значительная часть португальской стоят *между* Тежу и французами, поэтому наводнение не вполне желательно.

Однако Стренджа это не смутило. Он продол-

жал аккуратно писать лорду каждый день. Все его предложения отклонялись.

В один особенно унылый вечер в конце февраля он шел по коридору гостиницы, направляясь в обеденную залу, чтобы перекусить в одиночестве, и чуть не столкнулся с розоволицым молодым человеком в английском костюме. Молодой человек извинился и спросил, где можно найти волшебника, мистера Стренджа.

— Это я. А вы кто?

— Моя фамилия Брисколл. Я состою капелланом при ставке.

— Мистер Брисколл? Ах да, конечно.

— Лорд Веллингтон просил меня навестить вас. Он советовал вам помогать мне? — Брисколл улыбнулся. — Думаю, на самом деле он рассчитывает, что я уговорю вас не досаждать ему письмами.

— Даже так? Я буду писать, пока он не даст мне какого-нибудь поручения.

Брисколл рассмеялся:

— Хорошо, я ему передам.

— Благодарю вас. Могу я чем-то вам помочь? Раньше я не занимался магией для церкви. Честно сказать, о взаимодействии духовных лиц и магии мне известно очень мало, но я буду рад

принести хоть какую-то пользу.

— Что ж, я также буду откровенен с вами, мистер Стрендж. Мои обязанности крайне просты. Я навещаю больных и раненых. Я отправляю службы и стараюсь достойно похоронить убитых. Не вижу, чем вы можете мне помочь.

— Никто этого не видит, — сообщил Стрендж, вздохнув. — Но идемте, пообедаем вместе. По крайней мере, сегодня я буду за столом не один.

Брисколл сразу же принял приглашение, и оба джентльмена вошли в обеденный зал. Капеллан оказался отличным собеседником; он с удовольствием рассказал Стренджу все, что знал о лорде Веллингтоне и армии.

— В целом солдаты не религиозны, — говорил он, — но я иного и не ожидал. Кроме того, я слышал, что ни один капеллан здесь не прижился — все очень быстро уезжали. Я остался, и люди благодарны мне за это. Они ценят всякого, кто готов разделить с ними тяготы военной жизни.

Стрендж сказал, что нисколько не сомневается.

— Так что же, мистер Стрендж? Каковы ваши планы?

— Планы? Понятия не имею. Я никому не нужен. Если ко мне кто-то и обращается, непременно

называет то мистером Норреллом, то мистером Стренджем. Сдается, никто не подозревает, что это разные люди.

Брисколл захохотал.

— А Веллингтон отклоняет все мои предложения о помощи.

— Вот как? Что вы ему предлагали?

Стрендж рассказал о своем плане наслать на французов дождь из лягушек.

— Ну, я не удивлен, что на это он не согласился! — заметил Брисколл. — Французы готовят и едят лягушек, вы разве не знаете? А лорд Веллингтон хочет, чтобы они голодали. Вы бы еще призвали на их головы жареных цыплят и пироги со свининой!

— Я не виноват, — ответил Стрендж смущенно. — Я был бы рад учитывать планы лорда Веллингтона, но они мне неизвестны. В Лондоне адмиралтейство формулировало задачу, и мы действовали в соответствии с ней.

— Ясно, — протянул Брисколл. — Простите меня, мистер Стрендж, но, думаю, здесь у вас открываются большие возможности. В Лондоне вы должны были полагаться на мнение адмиралтейства о том, что происходит в сотнях тысяч миль, и, думаю, адмиралтейство частенько ошибается.

Здесь вы можете поехать и посмотреть сами. Со мной было то же самое. Когда я приехал, никто не хотел меня замечать. Кочевал из полка в полк и никому не приносил пользы.

— Но теперь вы в штабе Веллингтона. Как вам это удалось?

— На это потребовалось время, но я сумел доказать его светлости свою полезность. Уверен, вам это тоже удастся.

Стрендж вздохнул:

— Я пытаюсь. Но пока демонстрирую полную непригодность — снова и снова.

— Ерунда! Думаю, пока вы совершили лишь одну серьезную ошибку, а именно — остались в Лиссабоне. Если хотите, вот мой совет — уезжайте немедленно! Живите и спите в горах, вместе с солдатами и офицерами! Иначе вы не сможете их понять. Говорите с ними. Проводите дни в пустых деревнях за линиями. Вскоре вас полюбят. Это лучшие люди в мире.

— Действительно? В Лондоне мне говорили, что Веллингтон называет их сбродом.

Брисколл рассмеялся, словно услышал комплимент в адрес армии. Странная позиция для духовного лица, подумал Стрендж.

— Так кто же они? — спросил он.

— И то и другое, мистер Стрендж. И то и другое. Ну так что? Вы едете?

Стрендж нахмурился:

— Не знаю. Не то чтобы я боялся трудностей и неудобств. Думаю, я не слабее любого солдата. Но ведь никто меня не знает. Друзей у меня нет, буду только мешать…

— О, это легко преодолимо! Здесь не Лондон и не Бат, рекомендательные письма не потребуются. Возьмите бочонок бренди и ящик-другой шампанского, если ваш слуга сможет все это довезти, и вскоре среди офицеров у вас будет много знакомых.

— Вот как? Так просто?

— Уверяю вас, это так! Только красного вина не надо. У них его предостаточно.

Через несколько дней Стрендж и Джереми Джонс выехали из Лиссабона и направились к линиям. Британские офицеры и солдаты были удивлены, узнав, что в их среде появился волшебник. В письмах домой они выражали удивление приездом волшебника и очень нелестно отзывались в его адрес. Однако Стрендж неукоснительно следовал советам мистера Брисколла. Каждого офицера он приглашал зайти к нему вечером выпить шампанского. Вскоре ему простили

экстравагантную профессию. Немного времени спустя каждый знал, что на бивуаке у Стренджа всегда найдется компания добрых товарищей и пристойная выпивка.

Стрендж начал курить. Раньше ему это не нравилось, теперь он обнаружил, что запас табака просто необходим, если хочешь свести знакомство с нижними чинами.

Это была странная жизнь в безрадостной местности. По распоряжению Веллингтона жители ушли из всех деревень за линиями. Урожай сожгли. Солдаты обеих армий наведывались в заброшенные селения и уносили все, что могло пригодиться. В расположении британских войск можно было увидеть диваны, шкафы, кровати, стулья и столы, расставленные прямо на склоне холма или в роще. Порой можно было видеть целые спальни и гостиные с книгами, лампами и даже туалетными столиками, на которых лежали бритвенные приборы, но без стен и потолка.

Британцев обдували ветры и поливали дожди, но французы подвергались куда большим лишениям. Обмундирование износилось, а главное — у них не было продовольствия. Они стояли у линий лорда Веллингтона с октября. Атаковать британцев французы не решались — английская

армия была защищена тремя рядами линий и могла последовательно отступать за них, нанося противнику огромные потери. Сам Веллингтон нападать не собирался. Зачем? Голод и холод истребляли вражеских солдат не хуже пуль и штыков. Пятого марта французская армия свернула лагерь и двинулась на север. Через несколько часов Веллингтон начал преследование. Джонатан Стрендж двинулся с армией англичан.

В одно очень дождливое утро Стрендж ехал вдоль обочины дороги, по которой маршировал 95-й егерский полк. Впереди он заметил группу знакомых солдат. Пришпорив лошадь, Стрендж вскоре догнал их.

— Доброе утро, Нед, — обратился он к егерю, которого знал как человека основательного и здравомыслящего.

— Доброе, сэр, — весело ответил солдат.

— Нед!

— Да, сэр!

— У тебя есть заветное желание? Ты извини, я понимаю, что вопрос странный, но мне действительно надо знать.

Нед ответил не сразу. Он вздохнул, принялся двигать бровями и проявлять прочие признаки глубокого раздумья. Его товарищи выкрикивали

подсказки — волшебный горшок, в котором не иссякают золотые монеты, дом из цельного алмаза. Один валлиец несколько раз скорбно пропел: «Жареного сыра! Жареного сыра!» — чем вызвал взрыв хохота среди остальных солдат; валлийцев от природы отличает склонность к юмору.

Тем временем Нед закончил мучительные раздумья.

— Новые сапоги, — заявил он.

— В самом деле? — удивился Стрендж.

— Так точно, сэр, новые сапоги. Ох уж эти треклятые португальские дороги! — Солдат указал на полосу земли, покрытую камнями и рытвинами, которую местные жители называли дорогой. — Они превращают обувь в лохмотья, и к ночи ноги болят так, что мочи нет. А будь у меня новые сапоги… О! Да я бы был свеженьким, иди хоть целый день! Разве не лучше я стал бы бить французов? Разве не задал бы им перца?

— Твое стремление в бой похвально, Нед, — сказал Стрендж. — Спасибо. Ты мне очень помог.

И он отъехал от группы солдат, провожаемый шутками:

— И когда у Неда будет новая обувка? Эй, где сапоги для Неда?

В тот вечер штаб Веллингтона остановился

в некогда красивом особняке в деревне Лозау. Раньше здесь жил богатый и знатный человек, португальский патриот Жозе Эшторил. Его вместе с сыновьями замучили и убили французы, жена умерла от лихорадки, а о печальной судьбе дочерей ходили разные рассказы. Многие месяцы дом стоял в мрачном запустении, но штаб британской армии наполнил его громкими шутками, спорами и суетой; алые и голубые офицерские мундиры придали угрюмым комнатам почти праздничный вид.

Предобеденный час был самым суматошным — в доме толклись офицеры, пришедшие с докладами, за приказами или просто узнать последние сплетни. В одном конце зала располагалась древняя, затейливо украшенная каменная лестница со стертыми ступенями, ведущими к старинным дверям. За ними, как говорили, Веллингтон составляет новые планы, как победить французов, и всякий, входивший в особняк, тут же бросал уважительный взгляд на эти двери. У лестницы по две стороны длинного стола сидели два старших офицера Веллингтона — генеральный квартирмейстер полковник сэр Джордж Мюррей и генерал-адъютант сэр Чарльз Стюарт — и составляли приказы по армии на следующий день.

Здесь мне придется сделать паузу и заметить, что если, прочтя слова «полковник» и «генерал», вы представили двух *стариков*, то вы сильно ошиблись. Да, когда восемнадцать лет назад началась война с Францией, британской армией командовали глубокие старцы, многие из которых в жизни не нюхали пороху. Но за прошедшее время они либо умерли, либо ушли в отставку, а на их место назначили молодых и энергичных офицеров. Самому Веллингтону едва исполнилось сорок, а бóльшая часть старших офицеров в его армии были моложе своего главнокомандующего. В доме Жозе Эшторила собрались люди молодые, жадные до сражений и балов, очень преданные лорду Веллингтону.

Был мартовский вечер, дождливый, но теплый. Так тепло бывает в Англии в мае. После смерти Жозе Эшторила сад буйно разросся. Особенно много было сирени, кусты которой окружали весь дом. Сирень цвела, и ее аромат вместе с влажным воздухом проникал в открытые окна особняка. Внезапно полковник Мюррей и генерал Чарльз Стюарт обнаружили, что на них и на важные бумаги, разложенные на столе, летят капли влаги. Изумленно подняв глаза, они увидели Стренджа, который на веранде стряхивал дождевую воду

с зонта.

Он вошел, поздоровался со знакомыми офицерами, затем приблизился к столу и спросил, можно ли поговорить с лордом Веллингтоном. Сэр Чарльз Стюарт, заносчивый красавец, только сердито мотнул головой. Полковник Мюррей, человек более мягкий и обходительный, сообщил, что это, скорее всего, невозможно.

Стрендж взглянул на древнюю лестницу и резные двери, за которыми сидел его светлость. (Любопытно, что всякий вновь прибывший интуитивно угадывал, где именно находится его светлость. Такова сила величия!) Уходить он не собирался. Полковник Мюррей предположил, что волшебник чувствует себя одиноко.

К столу подошел высокий чернобровый человек с длинными черными же усами. На нем был темно-синий мундир с золотым шитьем легкого драгунского полка.

— Куда вы поместили пленных французов? — спросил он полковника Мюррея.

— В колокольню, — отвечал полковник.

— Хорошо, — сказал драгун. — Я интересуюсь, потому что вчера полковник Перси запер трех французов в небольшом сарае, полагая, что там они ничего не натворят. А ребята из пятьдесят

второго полка еще раньше спрятали там кур. Ночью французы их съели. Полковник Перси говорил, сегодня его ребята как-то очень странно поглядывали на французов, словно гадали, много ли в тех осталось куриного вкуса и не стоит ли зажарить одного, чтобы проверить.

— В этот раз подобного не случится, — заверил полковник Мюррей. — Единственные живые твари в колокольне, кроме французов, — крысы, и если уж кто-нибудь надумает кого-нибудь съесть, то скорее уж крысы сожрут французов.

Все засмеялись, и тут Стрендж громко сказал:

— Дорога между Эшпиньялом и Лозау просто отвратительная.

(Именно по ней в этот день шла бóльшая часть британской армии.)

Полковник Мюррей согласился, что дорога и впрямь скверная.

Стрендж продолжил:

— Уж не знаю, сколько раз сегодня моя лошадь попадала копытом в рытвины и падала в грязь. Я был уверен, что она переломает ноги и падет. Сдается мне, в этой стране других дорог не существует. А завтра, как я понял, некоторые части пойдут вообще по бездорожью.

— Да, — согласился полковник Мюррей, всем

сердцем желая, чтобы волшебник ушел.

— Через разлившиеся реки, по каменистым равнинам, через леса и заросли, полагаю, — не умолкал Стрендж. — Боюсь, продвинутся они недалеко. Если вообще продвинутся.

— Нелегко воевать в отсталой стране, — согласился полковник Мюррей.

Сэр Чарльз Стюарт молчал, но его сердитый взгляд явственно советовал Стренджу сесть на лошадь и продвинуться подальше в сторону Лондона.

— Провести сорок пять тысяч человек, лошадей и повозки со снаряжением по непроходимой местности! В Англии сказали бы, что это невозможно. — Стрендж рассмеялся. — Жаль, что его светлость не может уделить мне толику внимания, но, может быть, вы не откажетесь передать ему мои слова? Скажите: мистер Стрендж кланяется лорду Веллингтону и заверяет, что если лорду на завтрашний день нужна добротная дорога для армии, то мистер Стрендж будет рад ее наколдовать. Да! Это касается и мостов — взамен тех, что сожгли французы. Доброго всем вечера.

Стрендж поклонился обоим джентльменам, взял зонтик и вышел.

Стрендж и Джереми Джонс долго не могли най-

ти, где остановиться в Лозау на ночь. Генералы ночевали на подготовленных квартирах, солдаты — на мокрой земле, а волшебника со слугой в конце концов приютил в крошечной верхней комнате владелец винной лавки в нескольких милях по дороге в Миранда-ди-Корву.

Хозяин подал ужин — какую-то похлебку, и главным развлечением волшебника и его слуги до конца дня было гадать, из чего она приготовлена.

— Что за дьявольщина? — вопрошал Стрендж, подцепив что-то вилкой. С нее свисало нечто белесое, блестящее и узловатое.

— Может, рыба? — предположил Джереми.

— Больше похоже на улитку.

— Или кусок уха.

Стрендж некоторое время рассматривал загадочное нечто на вилке.

— Будешь? — спросил он.

— Нет, благодарю вас, сэр. — Джереми обреченно глянул в свою выщербленную миску. — У меня таких тоже хватает.

Когда ужин был съеден и догорела последняя свеча, не оставалось ничего другого, кроме как лечь спать, что они и сделали. Джереми свернулся калачиком у одной стены, Стрендж лег возле

другой. Каждый изготовил себе ложе из подручных материалов: Джонс соорудил подушку из сменной одежды, волшебнику служили подушкой книги мистера Норрелла.

Вскоре послышался стук копыт, и к винной лавке кто-то подъехал. По шаткой лестнице затопали сапоги, и в дверцу комнатушки ударил чей-то кулак. Открыв, Стрендж увидел запыхавшегося молодого человека в гусарском мундире. Хватая ртом воздух, тот сообщил, что лорд Веллингтон шлет мистеру Стренджу свои приветствия и просит того, если возможно, немедленно приехать в штаб.

В доме Жозе Эшторила Веллингтон обедал со штабными офицерами и какими-то джентльменами. Стрендж мог поклясться, что сидящие за столом только что о чем-то оживленно беседовали, но, когда он вошел в комнату, все умолкли. Напрашивалась догадка, что говорили о нем.

— А, Стрендж! — воскликнул лорд Веллингтон, приветственно поднимая бокал. — Вот и вы! Три моих адъютанта искали вас весь вечер. Я хотел пригласить вас на обед, а вы куда-то пропали. Садитесь, выпейте шампанского, угощайтесь десертом.

Стрендж с сожалением смотрел, как слуги

убирают остатки пиршества. Судя по всему, на обед подавали жареного гуся, омаров, рагу с сельдереем и пряные португальские колбаски. Поблагодарив его светлость, он сел. Слуга подал ему бокал шампанского; Стрендж взял кусок пирога с миндалем и сушеных вишен.

— Как вам нравится на войне, мистер Стрендж? — спросил рыжий джентльмен с лисьими глазками, сидевший напротив волшебника.

— О, сначала она озадачивает, как и все новое, — ответил Стрендж. — Но теперь, получив некоторый опыт, я почти привык. Один раз меня ограбили. Один раз в меня стреляли. Однажды я застал на кухне француза и прогнал его, и один раз дом, в котором я спал, подожгли.

— Французы? — поинтересовался генерал Стюарт.

— Нет-нет. Англичане. Ребята из сорок третьего полка; кажется, ночью они продрогли и решили поджечь дом, чтобы согреться.

— Обычная история! — заметил генерал Стюарт.

Последовала небольшая пауза, после которой джентльмен в кавалерийском мундире сообщил:

— Мы здесь говорили — вернее, спорили — о магии и о том, как ее практикуют. Стратклайд

утверждает, что вы и другой волшебник присваиваете каждому слову в Библии номер, потом подбираете слова для заклинания, складываете соответствующие числа, делаете еще что-то и затем…

— Этого я не говорил! — возразил другой джентльмен, очевидно Стратклайд. — Вы ничего не поняли!

— Боюсь, что разочарую вас, но мы ничего подобного не делаем, — сказал Стрендж. — Это слишком сложно, кроме того, не думаю, что такая магия сработает. Что касается моего волшебства, то существует множество приемов и методов. Думаю, не меньше, чем в искусстве ведения войны.

— Хотел бы я заняться магией, — вставил рыжий джентльмен с лисьими глазками. — Каждый вечер я устраивал бы бал с чудесной музыкой и фейерверками и приглашал бы самых знаменитых красавиц в истории — Елену Прекрасную, Клеопатру, Лукрецию Борджиа, деву Мариан и мадам де Помпадур. Я бы вызвал их потанцевать с вами, друзья. А если бы на горизонте показались французы… — он взмахнул руками, — сделал бы что-нибудь, и они все упали бы замертво.

— Может ли волшебник убить человека с помощью магии? — спросил лорд Веллингтон у

Стренджа.

Стрендж нахмурился. Судя по всему, вопрос ему не понравился.

— Полагаю, волшебник может, — допустил он, — но джентльмен не станет.

Лорд Веллингтон кивнул, словно ожидал подобного ответа. Потом спросил:

— Эта дорога, которую вы, мистер Стрендж, столь любезно нам предложили, — какая она будет?

— О милорд, легче всего договориться о деталях. Какая дорога вам нужна?

Офицеры начали переглядываться; об этом они не подумали.

— Может, меловая? — предложил Стрендж. — Отличная меловая дорога.

— Слишком пыльно в сушь и очень грязно в дождь, — возразил лорд Веллингтон. — Нет-нет, меловая не годится. Лучше уж никакой, чем меловая дорога.

— Возможно, мощенная булыжником? — предположил полковник Мюррей.

— На булыжниках от солдатской обуви ничего не останется, — с ходу отверг Веллингтон.

— Не забывайте об артиллерии, — вставил рыжий джентльмен с лисьими глазками. — По-

требуется черт знает сколько времени, чтобы провезти пушки по булыжникам.

Кто-то предложил гравийную дорогу. Веллингтон возразил по той же причине, что и в случае с меловой дорогой: в дождь она превратится в грязевый поток, а португальцы уверены, что завтра снова будет дождь.

— Нет, — сказал Веллингтон, — думаю, мистер Стрендж, что нам нужна дорога римского образца, с хорошими канавами на обочинах для стока воды и плотно подогнанными плитами на поверхности.

— Замечательно, — ответил Стрендж.

— Мы выступаем на рассвете, — предупредил Веллингтон.

— Тогда, милорд, я прошу прямо сейчас показать, куда должна вести дорога.

К утру она была готова, и лорд Веллингтон проехал по ней на Копенгагене — своем любимом жеребце, а Стрендж ехал рядом на Египтянине (*своем* любимом жеребце). Веллингтон с присущей ему решительностью указывал на детали, которые ему особенно понравились, и на недоработки:

— …На самом деле, придраться почти не к чему. Отличная дорога! Только, пожалуйста, к завтраш-

нему дню сделайте ее немного шире.

Лорд Веллингтон и Стрендж договорились на будущее, что дорога будет появляться часа за два до выступления первого полка и исчезать через час после того, как по ней пройдет последний солдат. Успех плана целиком зависел от штаба Веллингтона, который обязан был сообщать Стренджу точное время начала и завершения марша. Очевидно, подсчеты не всегда оказывались верными. Примерно через неделю после первого опыта полковник Маккензи, командир 11-го пехотного полка, явился к лорду Веллингтону очень недовольный и пожаловался, что волшебник убрал дорогу до того, как его солдаты на нее вступили.

— К тому времени как мы дошли до Селорику, милорд, она начала исчезать у нас под ногами, а через час и вовсе пропала! Не мог бы волшебник вызывать видения и следить, где какой полк? Насколько я понимаю, это не составит ему никакого труда! Тогда он не убирал бы дороги, пока все по ним не пройдут.

Лорд Веллингтон ответил резко:

— У волшебника масса забот. Бересфорду нуж-

ны дороги[65]. Мне нужны дороги. Я не могу заставить мистера Стренджа постоянно смотреть в зеркало или лохань с водой и отслеживать движение каждого полка. А вам с вашими ребятами надо выступать вовремя, полковник Маккензи. Всё.

Вскоре британская разведка донесла в штаб Веллингтона, что с крупным отрядом французской армии, направлявшимся из Гуарды в Сабугал, что-то случилось. Французы нашли отличную дорогу и выслали патруль, чтобы проверить ее состояние между этими городами. Однако патруль встретил португальских крестьян, которые предупредили, что это одна из дорог, созданных английским колдуном. Если кто-нибудь ступит на нее, то через час-два попадет прямиком в преисподнюю, а может, в Англию. Как только об этом узнали солдаты, они категорически отказались следовать по этой дороге. На самом деле то была редкая в Португалии хорошая дорога, по которой ходили и ездили уже тысячу лет. Однако французы предпочли идти по какому-то серпантину

[65] Примечания: 65

Границу с Испанией охраняли три крупные крепости: Альмейда, Бадахос и Сьюдад-Родриго. К началу 1811 года все они были в руках французов. Сам Веллингтон шел на Альмейду; генерала Бересфорда с португальской армией он направил южнее для осады крепости Бадахос.

в обход через горы, стоптали башмаки, изорвали мундиры и опоздали в пункт назначения на несколько дней.

Лорд Веллингтон остался очень доволен.

30. Книга Роберта Финдхельма

Январь-февраль 1812 года

От дома, в котором живет волшебник, ждут странностей, но необычнее всего в обители мистера Норрелла был, вне всякого сомнения, Чилдермасс. Ни в одном другом лондонском доме не было подобного слуги. Вчера он мог убирать грязную посуду и смахивать со стола крошки, как простой лакей, назавтра — войти в заполненную адмиралами, генералами и пэрами залу и объяснить, в чем, по его мнению, они заблуждаются. Как-то мистер Норрелл прилюдно выговорил герцогу Девонширскому за то, что тот перебил Чилдермасса.

Однажды туманным январским днем тысяча восемьсот двенадцатого года Чилдермасс вошел в библиотеку дома на Ганновер-Сквер и коротко уведомил мистера Норрелла, что убывает по делам на неопределенный срок. Затем, раздав многочисленной прислуге указания на время своего отсутствия, он вскочил в седло и ускакал.

В следующие три недели мистер Норрелл получил от него четыре письма: одно из Ньюарка в Ноттингемшире, другое — из Йорка в восточ-

ном округе Йоркшира, третье — из Ричмонда в северном округе и четвертое — из Шеффилда в западном. Однако письма сообщали об обычных делах и не проливали свет на цель таинственного путешествия.

Он вернулся однажды вечером во второй половине февраля. Приглашенные к обеду Лассельс и Дролайт сидели в гостиной вместе с мистером Норреллом, когда дверь отворилась и вошел Чилдермасс. Явился он, судя по забрызганным грязью сапогам и мокрому от дождя сюртуку, прямиком из конюшни.

— Где вы пропадали? — требовательным тоном вопросил мистер Норрелл.

— В Йоркшире, — ответил Чилдермасс. — Наводил справки о Винкулюсе.

— Видели его? — живо поинтересовался Дролайт.

— Нет.

— Вам известно, где он? — спросил мистер Норрелл.

— Нет.

— Может быть, вы отыскали его книгу? — осведомился Лассельс.

— Нет.

— Вот как. — Лассельс смерил Чилдермасса

неодобрительным взглядом. — Примите совет, мистер Норрелл. Не позволяйте мистеру Чилдермассу тратить время на бесплодные поиски Винкулюса. О нем вот уже несколько лет нет никаких известий. Наверняка он давно умер.

Чилдермасс преспокойно, как человек, имеющий на то полное право, опустился на диван.

— Карты говорят, что он не умер. Карты говорят, что Винкулюс жив и книга у него.

— Карты! Карты! — вскричал мистер Норрелл. — Тысячу раз я говорил вам, что не желаю даже слышать о них! И вы сделаете мне одолжение, если уберете их из моего дома и никогда более не станете упоминать!

Чилдермасс холодно посмотрел на своего господина:

— Так вы хотите услышать, что мне удалось узнать, или нет?

Мистер Норрелл угрюмо кивнул.

— Хорошо, — сказал Чилдермасс. — Исходя из ваших интересов, мистер Норрелл, я постарался свести знакомство со всеми женами Винкулюса. Мне всегда представлялось маловероятным, что никто из них не знает ничего для нас полезного. Я решил, что нужно лишь сводить каждую в трактир, щедро угостить джином и разговорить

— рано или поздно не одна так другая сообщит что-нибудь ценное. Так и вышло. Три недели назад Нэн Первис поведала историю, которая навела меня на след книги.

— Нэн Первис? — спросил Лассельс. — Это которая?

— Первая. Она рассказала об одном случае, происшедшем то ли двадцать, то ли тридцать лет назад, когда они только поженились. Супруги засиделись в трактире, спустили все деньги, а в долг им больше не наливали. Пришло время возвращаться домой. Они брели по улице, когда увидели в канаве еще более горького пропойцу. То был мертвецки пьяный старик. Зловонный поток перекатывался через его лицо, и если несчастный не захлебнулся, то лишь чудом. Что-то в бедолаге привлекло внимание Винкулюса. Он как будто узнал старика, по крайней мере наклонился и пригляделся. Потом расхохотался и пнул пьянчужку в бок. Нэн спросила мужа, кто этот старик, и Винкулюс ответил, что того зовут Клегг. Она спросила, откуда он его знает. Винкулюс сердито ответил, что и не знает вовсе. И никогда не знал! Более того — и не хочет знать! Короче, в мире нет человека, которого Винкулюс презирал бы больше, чем Клегга! Когда же Нэн не

удовлетворилась таким объяснением, Винкулюс нехотя признал, что пьянчуга в канаве — его отец. Больше на данную тему он разговаривать не пожелал.

— Да, но какое отношение все это имеет к нашему делу? — прервал рассказ мистер Норрелл. — Почему вы не расспросили жен Винкулюса о *книге*?

На лице Чилдермасса мелькнуло раздражение.

— Именно этим я и занимался, сэр. Четыре года назад. Вспомните, я вам рассказывал. Никто из них ничего не знает.

С трудом сдерживая досаду, мистер Норрелл лишь махнул рукой. Чилдермасс продолжил:

— Несколько месяцев спустя Нэн услышала в таверне рассказ о том, как в Йорке повесили некоего преступника. Такого рода истории всегда были ей по вкусу, а тут ее особенно поразило, что повешенного звали Клегг. В тот же вечер она рассказала об услышанном мужу. Оказалось, что Винкулюс уже знает. Более того, он подтвердил, что казненный действительно его отец, и не скрывал своей радости. Клегг якобы ничего другого и не заслужил. Винкулюс обвинил его в ужасном преступлении, самом страшном из всех, совершенных в Англии за последние столетия.

— Что же это за преступление? — спросил Ласселъс.

— Поначалу Нэн никак не могла вспомнить, — ответил Чилдермасс, — но потом обещание угостить джином благотворно сказалось на ее памяти. Оказывается, Клегг украл книгу.

— Книгу! — воскликнул мистер Норрелл.

— О мистер Норрелл! — возопил Дролайт. — Это, должно быть, та самая книга. Книга Винкулюса!

— Она? — спросил мистер Норрелл.

— Полагаю, что да, — ответил Чилдермасс.

— Знает ли женщина, где книга? — Мистер Норрелл даже подался вперед.

— Нет. Никакими другими сведениями Нэн не располагает. Поэтому я отправился на север, в Йорк, где осудили и повесили Клегга. Я просмотрел все отчеты квартальных сессий и обнаружил, что Клегг родом из йоркширского Ричмонда. О да! — Тут Чилдермасс многозначительно посмотрел на хозяина. — Винкулюс, как известно, тоже происходит из Йоркшира[66]. Вначале Клегг был канатоходцем и выступал на ярмарках, но такого рода занятие плохо сочетается с пьянством — а

[66] Примечания: 66

Йоркшир был частью королевства Короля-ворона в Северной Англии. Чилдермасс и Норрелл относились бы к Винкулюсу с бóльшим уважением, если бы знали, что он, как и они, северянин.

Клегг был знатным пьянчугой, — и ему пришлось искать иную работу. Вернувшись в Ричмонд, он нанялся работником в одно преуспевающее хозяйство. Хозяин был вполне доволен его сообразительностью и расторопностью и со временем начал доверять ему кое-какие дела. Время от времени Клегг, однако, связывался с дурной компанией и уходил в запой, так как никогда не находил в себе сил ограничиться одной-двумя бутылками. Пил он до беспамятства, пока было что пить. Загул растягивался на несколько дней, и в таком состоянии бедняга пускался во все тяжкие — воровал, играл на деньги, дрался, портил чужую собственность, — но, надо отдать ему должное, вольности позволял себе только вдали от фермы, а по возвращении всегда приводил убедительную причину отсутствия, так что хозяин ни о чем не догадывался, хотя другие слуги, конечно, были в курсе его похождений. Звали хозяина Роберт Финдхельм. Тихий, спокойный, добрый и уважаемый человек, как раз из разряда тех, кто легко попадается на удочку мошенникам, вроде Клегга. Хозяйством его семья владела уже несколько поколений, хотя когда-то, очень давно, оно принадлежало аббатству Изби…

Мистер Норрелл тяжело вздохнул и заерзал в

кресле.

Лассельс обратил к нему вопрошающий взгляд.

— Аббатство Изби, — объяснил мистер Норрелл, — основано Королем-вороном.

— Как и Хартфью, — добавил Чилдермасс.

— Вот как! — удивился Лассельс[67]. — Получается, что вы жили в доме, имеющем с ним весьма прочные связи. Признаюсь, после всего сказанного вами в его адрес это выглядит несколько странно.

— Вы не понимаете, — раздраженно сказал мистер Норрелл. — Речь о Йоркшире, королевстве Джона Аскгласса в Северной Англии, которым он правил на протяжении трех сотен лет. Вряд ли вы найдете в тех краях деревушку или даже поле, так или иначе не связанные с его памятью.

— Семья Финдхельм владела и еще одним достоянием аббатства. Сокровище это отдал им на сохранение последний аббат, и оно переходило от отца к сыну вместе с землей.

— Книга по магии? — не удержался Норрелл.

---

[67] Примечания: 67

Многие, помимо Лассельса, удивлялись тому, что мистер Норрелл, не терпевший даже упоминания о Короле-вороне, жил в доме, построенном из камня, добытого по указанию Короля, и на земле, которой некогда владел Король.

— Если то, что рассказали мне в Йоркшире, правда, то это нечто большее, чем просто книга по магии. Это Книга Магии. Книга, написанная собственноручно Королем-вороном.

Все замолчали.

— Возможно ли такое? — обратился к мистеру Норреллу Лассельс.

Хозяин дома не ответил. Новость глубоко и, видимо, неприятно его поразила.

Наконец мистер Норрелл заговорил. Казалось, он не столько отвечает на вопрос, сколько размышляет вслух:

— Книга, принадлежащая Королю-ворону либо написанная им самим, — один из величайших обманов в истории английской магии. Некоторые уверяли, будто видели ее или знают, где она спрятана. Среди поддавшихся обману были умные люди, способные написать нечто достойное внимания; вместо этого они растратили отведенные им годы на поиски книги, которая, вероятно, никогда и не существовала…

— А если она все же существует, если ее нашли, что тогда? — не отставал Лассельс.

Мистер Норрелл лишь покачал головой и ничего не сказал.

За него ответил Чилдермасс:

— Тогда всю английскую магию следовало бы пересмотреть в свете обнаруженных знаний.

Лассельс вскинул брови:

— Это так?

Мистер Норрелл нахмурился. Судя по всему, ему очень хотелось ответить «нет».

Лассельс повернулся к Чилдермассу:

— Вы верите, что то была Книга Короля?

Чилдермасс пожал плечами:

— Финдхельм определенно так думал. В Ричмонде мне удалось разыскать двух стариков, служивших в пору юности у Финдхельмов. Оба утверждали, что хозяин гордился ею и считал ее смыслом своей жизни. Он был прежде всего Хранителем Книги и лишь потом — мужем, отцом, фермером. — Чилдермасс помолчал. — «Величайшая честь и величайшее бремя, какие могут быть возложены на человека в наш век», — задумчиво повторил он. — Финдхельм, как мне представляется, и сам был в некоторой степени магом-теоретиком. Покупал книги по магии и даже брал платные уроки у некоего волшебника в Норталлертоне. Меня же заинтересовало другое: оба старика утверждали, будто хозяин никогда не читал Книгу Короля и очень смутно представлял, что в ней написано.

— А! — негромко воскликнул мистер Норрелл.

Лассельс и Чилдермасс посмотрели на него.

— То есть он не мог ее прочесть, — сказал мистер Норрелл. — Что ж, это очень…

Он снова замолчал и начал грызть ногти.

— Возможно, она была на латыни, — предположил Лассельс.

— Почему вы думаете, что Финдхельм не знал латыни? — с некоторым раздражением возразил Чилдермасс. — Если человек работает на земле, это еще не значит…

— О нет! Нет! Я с уважением отношусь к таким людям, уверяю вас, — рассмеялся Лассельс. — Земледелие — полезное занятие. Однако мало кто из фермеров может похвастаться классическим образованием. Сумел бы такой человек узнать латынь, если б ее увидел?

Чилдермасс возразил, что Финдхельм, конечно, узнал бы латынь. Он был не дурак.

На это Лассельс резко ответил, что ничего подобного и не утверждал.

Перепалка грозила перерасти в ссору, однако пыл спорщиков охладил мистер Норрелл. Он медленно и задумчиво проговорил:

— Когда Король-ворон впервые появился в Англии, он не умел ни читать, ни писать. В те дни

грамоту знали очень немногие. И далеко не все короли. А Король-ворон рос среди эльфов, которые не пользовались письменностью. До прихода в Англию он вообще не видел письменных знаков. Бывшие у него в услужении люди показали ему буквы и объяснили их назначение. Однако он был тогда совсем юн, ему едва ли исполнилось пятнадцать. Он успел покорить королевства двух миров и имел в своем распоряжении всю магию, какую только мог пожелать. Самонадеянность и гордость переполняли его. Зачем ему знать мысли других? Что такое чьи-то мысли в сравнении с его собственными! Так что он отказался учиться латыни, как хотели его слуги, и вместо этого изобрел собственное письмо, дабы сохранить свои мысли для грядущих времен, — якобы оно лучше латыни отражало работу его ума. Так было в начале правления Короля-ворона. Однако чем дольше оставался он в Англии, тем сильнее менялся, становясь менее молчаливым и более общительным, то есть делаясь менее похожим на эльфа и более — на человека. В конце концов он согласился освоить латинскую грамоту, но при этом не забыл и свой алфавит — так называемые «королевские письмена». Он даже обучил им нескольких доверенных магов, чтобы те лучше

понимали его волшебство. О «королевских письменах» упоминают в своих трудах Мартин Пейл и Белазис, но ни тому, ни другому не довелось увидеть их даже мельком. Если сохранился хотя бы малейший отрывок, написанный рукой самого Короля-ворона, то, несомненно…

Тут мистер Норрелл снова погрузился в молчание.

— Ну и ну, — подал голос Лассельс. — Сегодня вы не перестаете нас удивлять! Какое восхищение тем, кого вы, по вашему собственному утверждению, всегда ненавидели и презирали!

— Мое восхищение ни в коей мере не уменьшает моей ненависти! — резко возразил мистер Норрелл. — Да, я сказал, что он великий волшебник. Но я не говорил, что он приличный человек, и я по-прежнему убежден в том, что его влияние не принесло английской магии ничего хорошего. К тому же я выражал сейчас мое частное мнение, не предназначенное для публичного распространения. Чилдермасс знает. Чилдермасс понимает.

Мистер Норрелл с некоторой тревогой взглянул на Дролайта, но тот уже давно утратил интерес к истории Чилдермасса, поняв, что речь не о великосветских особах, а о йоркширских фермерах да пропойцах-слугах. Сейчас он полировал табакер-

ку носовым платком и ничего не слышал.

— Итак, Клегг украл книгу? — обращаясь к Чилдермассу, спросил Лассельс. — Вы же это собираетесь нам сообщить?

— Можно и так сказать, хотя выглядело это несколько иначе. Осенью тысяча семьсот пятьдесят четвертого года Финдхельм поручил Клеггу отвезти книгу одному человеку в деревню Бреттон в Дербишире. Зачем — не знаю. Клегг отправился в путь и на второй или третий день достиг Шеффилда, где и остановился на ночь в таверне. Там он познакомился с неким кузнецом, тоже отъявленным пьяницей. Они поспорили, кто кого перепьет. Состязание длилось два дня и две ночи. Сперва они просто пили, потом принялись заключать самые безумные пари. В углу таверны стояла бочка с соленой селедкой. Клегг заявил, что кузнец не пройдет от стены до стены по усыпанному рыбой полу. Поглазеть на необычное соревнование собралась изрядная толпа бездельников. Зрители тут же перевернули бочку и разбросали селедку. Кузнец добрался-таки до противоположной стены, правда перепачкавшись с ног до головы в давленой рыбе — столько он падал. Теперь он бросил вызов: предложил Клеггу прогуляться по коньку крыши. Тот согла-

сился, хотя пил уже второй день и едва держался на ногах. Не раз и не два зрителям казалось, что он сорвется и сломает свою никчемную шею, но ничего подобного не случилось. Следом Клегг объявил, что кузнец ни за что не сумеет поджарить и съесть собственные сапоги. Кузнец поджарил их и съел, а в ответ предложил Клеггу съесть книгу Роберта Финдхельма. И тогда Клегг разорвал ее на полосы и съел по кусочкам.

Мистер Норрелл вскрикнул от ужаса. Даже Лассельс удивленно заморгал.

— Через несколько дней, — продолжал Чилдермасс, — Клегг протрезвел и понял, что натворил. Он отправился в Лондон, а четыре года спустя сошелся в Уоппинге с одной служанкой, которая и родила Винкулюса.

— Все ясно! — вскричал мистер Норрелл. — Вот вам и объяснение. Книга вовсе не была утеряна! Историю о состязании в таверне придумал сам Клегг для того, чтобы обмануть Финдхельма. На самом деле он присвоил книгу, а впоследствии передал ее сыну! Если бы только удалось узнать…

— Но почему? — сказал Чилдермасс. — Зачем идти на такие ухищрения? Чтобы передать книгу сыну, которого он ни разу не видел и до которого, похоже, ему не было никакого дела? К тому же

ко времени путешествия Клегга в Дербишир этот самый сын еще не родился.

— Э… мистер Норрелл… — Лассельс прочистил горло. — Признаюсь, здесь я на стороне мистера Чилдермасса. Если бы Клегг имел книгу при себе или хотя бы знал, где она находится, он, несомненно, предъявил бы ее в суде и попытался обменять на свою жизнь.

— И если Винкулюс получил от отца такое сокровище, то почему всю жизнь его ненавидел? — добавил Чилдермасс. — Почему так обрадовался, когда Клегга повесили? Роберт Финдхельм был совершенно уверен, что книга уничтожена, — тут сомнений нет. Нэн упомянула, что Клегга повесили за кражу книги, но Роберт Финдхельм обвинил его не в краже, а в книгоубийстве. Известно, что Клегг стал последним, повешенным в Англии за такого рода преступление[68].

— Тогда почему Винкулюс утверждает, будто владеет книгой, если его отец ее съел? — ни к кому в отдельности не обращаясь, произнес Лассельс. — Чушь какая-то!

— Так или иначе, сокровище Роберта Финдхель-

---

[68] Примечания: 68

Статья о книгоубийстве была поздним дополнением к своду английского магического права. Намеренное уничтожение книги по магии приравнивалось к убийству христианина.

ма перешло к Винкулюсу, вот только не понимаю как, — сказал Чилдермасс.

— А тот человек в Дербишире? — спросил вдруг мистер Норрелл. — Вы говорили, что Финдхельм отсылал книгу какому-то человеку в Дербишире.

Чилдермасс вздохнул:

— Возвращаясь в Лондон, я побывал в Дербишире и даже посетил деревню Бреттон. Три домишки да постоялый двор. Тот, кому Финдхельм отправлял книгу, несомненно, давным-давно умер. Выяснить что-либо я, к сожалению, не сумел.

Стивен Блэк и джентльмен с волосами, как пух на отцветшем чертополохе, сидели в верхней комнате кофейни мистера Уортона на Оксфорд-стрит, где встречались члены «Патриотического клуба дворецких и камердинеров». Джентльмен, по обыкновению, выражал Стивену свои самые теплые чувства.

— Кстати, — сказал он, — я уже давно хотел извиниться перед тобой и предложить тебе мое объяснение.

— Извиниться передо мной, сэр?

— Да, Стивен. Более всего на свете мы с тобой хотим обеспечить счастье леди Поул, однако же, связанный условиями недостойного соглашения с магом, я обязан каждое утро возвращать ее в

дом супруга и оставлять там до вечера. Но ты, конечно, уже заметил, что эти обязательства ни в коей мере не касаются тебя, и, очевидно, задаешься вопросом, почему я не увожу тебя в «Утраченную Надежду», где бы ты предавался вечному счастью.

— Да, сэр, я задавал себе такой вопрос, — признался Стивен и, зная, что от ответа на следующий вопрос зависит все его будущее, немного помедлил. — Существует ли какое-то препятствие?

— Да, Стивен, существует.

— Понятно. Что ж, очень жаль.

— А разве ты не хочешь узнать, в чем оно заключается? — поинтересовался джентльмен.

— О да, сэр! Конечно, сэр!

— Так знай же, — провозгласил джентльмен с необычной для себя важностью, — что мы, духи-эльфы, кое-что знаем о будущем. Судьба часто выбирает нас на роль предсказателей. В прошлом мы не раз оказывали помощь христианам в достижении великих и благородных целей — Юлию Цезарю, Александру Македонскому, Карлу Великому, Уильяму Шекспиру, Джону Уэсли и так

далее[69]. И все же порой наше ви́дение грядущего туманно и… — тут джентльмен решительно махнул рукой, как будто сметал повисшую перед лицом паутину, — несовершенно. Желая раскрыть твое будущее и движимый любовью к тебе, Стивен, я изучал клубы дыма, поднимающиеся от горящих городов и полей сражений, вытаскивал кровавые внутренности из тел умирающих. Воистину тебе суждено быть королем! Должен сказать, меня это нисколько не удивляет! С самого начала я почувствовал, что такова твоя судьба, а мне несвойственно ошибаться. Более того, я даже знаю, какое королевство станет твоим. Дым, внутренности и все прочие знаки вполне ясно указывают: это страна, в которой ты бывал прежде! Королевство, с которым ты уже связан тесными узами.

Стивен ждал.

— Неужто не понимаешь? — в нетерпении воскликнул джентльмен. — Это же Англия! Не могу передать, как я обрадовался столь важной новости!

---

[69] Примечания: 69

Не все упомянутые джентльменом великие люди были христианами. Как мы называем все многочисленные племена и расы «эльфами», так и они обычно называют нас христианами, независимо от религии, расы и так далее.

— Англия?! — изумленно повторил Стивен.

— Да, именно так! Лучшего короля этой стране нечего и желать. Твое правление принесет ей огромную пользу. Нынешний король стар и слеп, а его сыновья — жирные пьяницы! Теперь ты понимаешь, почему я не могу увезти тебя отсюда в «Утраченную Надежду». Я просто не имею права оставлять королевство без законного короля!

Некоторое время Стивен молчал, силясь переварить услышанное.

— А нельзя ли подыскать королевство где-нибудь в Африке? — спросил он наконец. — Может быть, мне суждено вернуться туда и, может быть, тамошний народ согласится признать меня потомком одного из своих правителей?

— Я не исключал бы такой возможности, — с сомнением заметил джентльмен. — Но… Нет! Я не мог ошибиться. Видишь ли, все указывает на то, что ты *уже бывал в этом королевстве*. А в Африке ты не был. О Стивен! Как я хочу, чтобы чудесное предсказание осуществилось. В тот день мои королевства объединятся с Великобританией в могущественном союзе, и все мы заживем в дружбе и братстве. Подумай, как смущены будут наши враги! Подумай, в какую бессильную ярость впадут волшебники! Как станут они ко-

рить себя за то, что не отнеслись к нам с большим почтением!

— Но мне кажется, сэр… Мне кажется, что вы ошибаетесь. Я не могу править Англией. Ведь у меня же… — Он развел руки и подумал про себя: «Черная кожа», а вслух произнес: — Только вы, сэр, вы в своей доброте могли подумать, будто такое возможно. Рабы королями не становятся, сэр.

— Рабы? Что ты хочешь этим сказать, Стивен?

— Я родился рабом, сэр. Как и многие мои соплеменники. Моя мать была рабыней в одном поместье на Ямайке, которым владел дед сэра Уолтера. Обремененный долгами, сэр Уильям сам приехал на Ямайку, чтобы продать плантацию, а с собой увез немногое, в том числе и мою мать. Точнее, он намеревался привезти ее в Англию, чтобы сделать прислугой в доме, но в пути она родила меня и умерла.

— Ха! — триумфально воскликнул джентльмен. — Все именно так, как я и сказал! Коварные англичане поработили и обездолили тебя и твою достойную матушку.

— Ну да, сэр. В некотором смысле так оно и было. Однако сейчас я уже не раб. Воздух Англии — воздух свободы. Англичане чрезвычайно этим гордятся.

«И притом владеют рабами в других странах», — подумал он, а вслух сказал:

— В то мгновение, как слуга сэра Уильяма снес меня с корабля на берег, я стал свободным.

— И тем не менее их до́лжно наказать! — воскликнул джентльмен. — Мы легко убьем мужа леди Поул, а потом я спущусь в ад, найду его деда и…

— Но они не виноваты! Ни сэр Уильям, ни сэр Уолтер! Не они сделали меня рабом, — запротестовал Стивен. — Сэр Уолтер всегда осуждал работорговлю. И сэр Уильям был добр ко мне. Он крестил меня и дал мне образование.

— Крестил? Что? Так, значит, ты носишь имя, данное врагами? Печать рабства? В таком случае настоятельно советую при восшествии на английский престол отбросить его и выбрать другое! Каким именем называла тебя мать?

— Не знаю, сэр. Я даже не уверен, что она вообще как-то меня называла.

Джентльмен прищурился, как делал всякий раз, когда напряженно размышлял.

— Не может быть, чтобы мать никак не называла сына. Имя должно быть. И оно будет. Истинное твое имя. То самое, которым она называла тебя в лучшие мгновения жизни, когда держала на

руках. Разве тебе не любопытно его узнать?

— Конечно, сэр, хотелось бы. Однако моя мать давно умерла. И может быть, она не назвала его никому на свете. Даже ее собственное утрачено. Однажды, когда я был еще маленьким, я спросил об этом сэра Уильяма, но он не смог вспомнить.

— Уж он-то наверняка знал, но утаил по злобе. И чтобы восстановить твое имя, нужен некто исключительный, некто, обладающий редкой проницательностью, необычайными талантами и несравненным душевным благородством. Короче, я. Да, именно это я и сделаю. В знак приязни я возвращу тебе истинное имя.

31. Семнадцать мертвых неаполитанцев

Апрель 1812 — июнь 1814 года

В то время в британской армии было много офицеров-разведчиков, которые занимались тем, что беседовали с местными жителями, перехватывали французские депеши и отслеживали перемещения французских войск. Какой бы романтичной ни представлялась вам война, жизнь разведчиков была еще романтичнее. При свете луны они переходили вброд бурные реки, под палящим солнцем преодолевали горные перевалы. На французской стороне линий они бывали чаще, чем на английской, и знали каждого сочувствующего британской армии.

Самым известным разведчиком был, несомненно, майор Колхаун Грант из 11-го пехотного полка. Нередко занятые своим делом французы замечали Гранта на соседней вершине: сидя на лошади, он наблюдал за их действиями в подзорную трубу и записывал что-то в книжечку. Не стоит, наверно, и говорить, как им это было неприятно.

Однажды апрельским утром 1812 года майор Грант неожиданно для себя оказался между двумя кавалерийскими патрулями противника. Поняв, что уйти невозможно, он спешился и укрылся в небольшом леске. Упрямо считая себя солдатом, а не шпионом, майор почитал за честь постоянно носить военный мундир. К несчастью, форма 11-го полка, как и всех пехотных частей, имела ярко-красный цвет, и французам не составило большого труда обнаружить майора в буйной весенней зелени.

Для британцев пленение Гранта было равносильно потере целой бригады. Лорд Веллингтон тут же разослал срочные послания — французским генералам с предложением обмена пленными и командирам партизанских отрядов, так называемым *гверильяс*[70], с обещанием заплатить серебряными песо и артиллерией, если они вызволят доблестного майора. Когда ни одно, ни другое предложение не дало результата, лорду Веллингтону ничего не оставалось, как испробо-

[70] Примечания: 70

Гверилья на испанском означает «маленькая война». Отряды *гверильяс* численностью от нескольких десятков до нескольких тысяч человек нападали на французскую армию. Те из них, что возглавлялись бывшими военными, соблюдали некое подобие дисциплины; другие представляли собой обычные банды и не столько сражались с французами, сколько терроризировали собственных несчастных соотечественников.

вать иной план. Одному из самых знаменитых и жестоких повстанческих вождей, Херонимо Саорнилю, поручили сопроводить Джонатана Стренджа к майору Гранту.

— Этот Саорниль довольно впечатляющий тип, в чем вы сами вскорости убедитесь, — напутствовал Стренджа лорд Веллингтон, — но я за вас спокоен. Сказать по правде, мистер Стрендж, вы в этом отношении ему не уступите.

Саорниль и его люди и впрямь были самыми отъявленными головорезами, каких только можно себе представить: вонючие, небритые, с саблями и кинжалами за поясом, с ружьями за спиной. Их одежду и конские попоны украшали жуткие образы: черепа с перекрещенными костями, пронзенные кинжалами сердца, вороны, выклевывающие глаза, виселицы, распятия на повозках и прочие приятности. Все эти ужасные картины были вышиты чем-то, что на первый взгляд казалось перламутровыми пуговицами, но при ближайшем рассмотрении оказалось зубами убитых французов. У самого Саорниля этих зубов было столько, что при малейшем движении они начинали лязгать, как будто французы и после смерти дрожат от страха.

Украшенные всеми этими символами смер-

ти, люди Саорниля наводили ужас на каждого встречного и были немало обескуражены, когда обнаружили, что английский волшебник их перещеголял — он притащил с собой гроб. Жестокости всегда сопутствует суеверие. На вопрос одного из партизан, что в гробу, Стрендж небрежно ответил: «Человек».

После нескольких дней трудного пути партизаны доставили Стренджа к холму, с которого открывался вид на дорогу, ведущую из Испании во Францию. По этой дороге, сказали они, враги повезут плененного майора Гранта.

Разбив неподалеку лагерь, люди Саорниля стали ждать. Через два дня на дороге показался большой конный отряд. Майор отчетливо выделялся среди вражеских солдат благодаря красному мундиру. Стрендж тут же распорядился открыть гроб. Несколько партизан, вооружившись ломиками, подняли крышку. Внутри они обнаружили человеческую фигуру, вылепленную из самой обычной глины, из какой испанцы делают свои пестрые миски и горшки. Кукла была ростом с человека, но изготовлена очень грубо: две дырки вместо глаз, а уж про нос и говорить нечего. Одета она была в полную форму офицера 11-го пехотного полка.

— А теперь слушайте меня, — сказал Стрендж, обращаясь к Саорнилю. — Когда передовые французы достигнут вон того камня, атакуйте.

Саорнилю потребовалось некоторое время, чтобы понять услышанное, не в последнюю очередь потому, что испанская грамматика и произношение Стренджа оставляли желать лучшего.

Поняв, он спросил:

— Нужно ли нам освобождать *эль буэно Гранто*?

(Так испанцы называли майора Гранта.)

— Безусловно нет! — ответил Стрендж. — Предоставьте *эль буэно Гранто* мне!

Саорниль и его люди спустились по склону холма и, укрывшись за деревьями, открыли огонь. Не ожидавшие засады французы оказались застигнуты врасплох. Некоторые были убиты, другие — ранены. Укрыться было негде, но впереди лежала дорога. Минуты через две французы опомнились и, прихватив раненых, во весь опор поскакали прочь.

Поднимаясь на вершину холма, партизаны растерянно переглядывались, неуверенные в успехе предприятия, — в конце концов человек в красном мундире скрылся из виду вместе с врагами. Достигнув места, где оставался волшебник, они с

изумлением обнаружили, что он более не один. Рядом со Стренджем сидел майор Грант. Мужчины преспокойно беседовали, расположившись на обломке скалы, и запивали кларетом холодную вареную курицу.

— …Брайтон и впрямь неплох, — говорил майор Грант, — но я все же предпочитаю Уэймут.

— Вы меня удивляете, — ответил Стрендж. — Ненавижу Уэймут. Провел там едва ли не самую ужасную неделю в моей жизни. Я без памяти влюбился в девушку по имени Марианна, а она предпочла мне ямайского плантатора со вставным глазом.

— Ну, Уэймут тут ни при чем, — возразил майор Грант. — А! Капитан Саорниль! — Он помахал командиру партизан куриной ножкой. — Буэнос диос!

Между тем французы продолжили путь. В Байонне они передали пленника главе местной тайной полиции, который поспешил познакомиться с тем, кого считал прославленным майором Грантом. Каково же было его огорчение, когда рука пленника отвалилась при первой же попытке рукопожатия. Изумленный, глава тайной полиции выронил руку пленника, и она, упав на пол, рассыпалась на кусочки. Повернувшись к

майору, дабы принести самые искренние извинения, он с еще большим изумлением обнаружил, что лицо англичанина пошло глубокими трещинами. В следующий миг от головы отвалился изрядный кусок, и стало ясно, что она полая. Еще через мгновение майор рухнул и разбился, как Шалтай-Болтай из детского стишка.

Двадцать второго июля Веллингтон дал бой у стен старинного университетского города Саламанка и одержал одну из самых впечатляющих побед за последние годы войны.

В ту же ночь французская армия, спасаясь бегством, укрылась в лесу южнее Саламанки. Продираясь сквозь заросли, солдаты вдруг увидели спускающийся с неба сонм ангелов. От ангелов исходил яркий, почти слепящий свет. У них были белые, как у лебедей, крылья, а одежды переливались цветами, напоминавшими то перламутр, то рыбью чешую, то предгрозовое небо. В руках они держали огненные пики, в глазах пламенел огонь небесного гнева. Пролетая между деревьями с невероятной скоростью, ангелы нацеливали пики прямо в лица несчастных французов.

Некоторые перепуганные насмерть солдаты повернули и устремились к городу, навстречу преследующей их британской армии, но боль-

шинство, парализованное ужасом, осталось на месте. Один солдат, посмелее и порешительнее остальных, все же попытался понять, что происходит. Ему не верилось, что Небеса вдруг заключили союз с недругами Франции, — в конце концов, ничего подобного не наблюдалось с ветхозаветных времен. Он-то и подметил любопытную деталь: ангелы, угрожая пиками, все же не нападали на солдат. Подождав, пока одно из небесных созданий опустится на землю рядом с ним, смельчак дерзко воткнул в него саблю. Клинок не встретил сопротивления, как будто прошел сквозь воздух, да и сам ангел не проявил ни малейших признаков обиды или гнева. Герой тут же прокричал товарищам, что бояться нечего и ангелы лишь иллюзия, насланная волшебником Веллингтона.

Преследуемые призрачным небесным воинством, французы миновали лес и оказались на берегу реки Тормес, через которую был переброшен мост к городку Альба-де-Тормес. По недосмотру кого-то из союзников лорда Веллингтона мост не охранялся, и отступающие продолжили бегство уже через город.

Несколько часов спустя по тому же мосту в Альба-де-Тормес въехал усталый лорд Веллинг-

тон. Его сопровождали заместитель интенданта полковник де Ланси, красивый молодой человек по имени Фицрой Сомерсет, исполнявший при Веллингтоне обязанности секретаря, и Джонатан Стрендж. Все четверо были в пыли и грязи сражения. Они не спали уже несколько суток. Более того, рассчитывать на скорый отдых не приходилось: лорд Веллингтон намеревался преследовать отступающих французов.

Городок с его церквями, монастырями и средневековыми зданиями отчетливо выступал на фоне бледного неба. Несмотря на ранний час (была всего лишь половина шестого), жители уже проснулись. По всему городу колокола славили изгнание французов. Полки уставших британских и португальских солдат вступали на узкие улочки; горожане приветствовали освободителей хлебом, фруктами и цветами. Повозки с ранеными останавливались у стен, и командиры рассылали людей на поиски больниц и других мест, где их могли бы принять. Между тем пять или шесть пожилых монахинь из ближайшего монастыря уже обходили несчастных и поили их молоком из оловянных кружек. Забывшие про сон мальчишки радостными криками встречали каждого солдата и гордо маршировали за любым,

кто был не против такого импровизированного парада.

Лорд Веллингтон огляделся, отыскивая кого-то взглядом.

— Уоткинс! — крикнул он, подзывая оказавшегося поблизости солдата в артиллерийской форме.

— Да, милорд?

— Я ищу свой завтрак. Ты, случайно, не видел моего повара?

— Сержант Джеффорд сказал, что видел, как ваши люди отправились к замку, милорд.

— Спасибо, Уоткинс, — бросил его светлость и продолжил путь со своими сопровождающими.

От замка Альба-де-Тормес мало что сохранилось. В самом начале войны французы взяли его в осаду, в результате которой он весь, за исключением одной башни, превратился в руины. Там, где некогда в невообразимой роскоши жили герцоги Альба, теперь гнездились птицы и дикие звери. Чудесные итальянские фрески, былая гордость замка, изрядно поблекли от непогоды. Трапезная под открытым небом была лишена многих привычных удобств, а посреди нее уже успела вырасти молоденькая березка. Впрочем, все это нисколько не смущало слуг лорда Веллингтона,

которым доводилось кормить его светлость и в куда более странных местах. Установив под березкой стол, они покрыли его белой скатертью. Когда Веллингтон со спутниками подъехал к замку, на столе уже расставляли тарелки и блюда с хлебом, испанской ветчиной, абрикосами и свежим маслом. Повар его светлости жарил рыбу, приправлял специями почки и варил кофе.

Четыре джентльмена сели за стол. Полковник де Ланси заметил, что уже и не помнит, когда в последний раз ел. Кто-то согласился, и за столом надолго воцарилась тишина: все сосредоточенно поглощали пищу.

Едва они немного насытились и возобновили разговор, как появился майор Грант.

— А, майор! — воскликнул Веллингтон. — Доброе утро. Садитесь и позавтракайте с нами.

— Охотно, милорд, но прежде позвольте сообщить вам некоторые новости. Сдается, французы потеряли шесть пушек.

— Пушки? — Его светлость не выразил особенного интереса. По крайней мере, сообщение майора не отвлекло его от тушеных почек. — Конечно, они потеряли сколько-то пушек. Сомерсет! — Он повернулся к секретарю. — Сколько французских пушек мы захватили вчера?

— Одиннадцать, милорд.

— Нет-нет, ваша светлость. Прошу прощения, вы неверно меня поняли, — заметил майор Грант. — Я не о пушках, захваченных в битве, а о тех, что еще не побывали в сражении. Генерал Каффарелли отправил эти орудия французской армии, но они не прибыли к бою. Точнее, не прибыли вообще. Зная о ваших успехах, милорд, и неудачах французов, генерал очень торопился и составил эскорт из тридцати первых попавших под руку солдат. Как это часто бывает, спешка к добру не привела: десять из тридцати оказались неаполитанцами.

— Неаполитанцами? Вот как?

Де Ланси и Сомерсет обменялись многозначительными взглядами, и даже Стрендж позволил себе улыбнуться.

Дело в том, что хотя Неаполь и входил в состав Французской империи, его жители ненавидели французов. Насильно завербованные молодые неаполитанцы при первой же возможности дезертировали или переходили на сторону врага.

— А что же другие солдаты? — поинтересовался Сомерсет. — Они ведь должны были приглядеть за неаполитанцами?

— Другие ничего не успели, — сообщил майор

Грант, — поскольку все мертвы. В данный момент в лавке одного старьевщика в Саламанке лежат двадцать пар военной обуви и двадцать французских мундиров. На последних отчетливо видны следы, оставленные, по-видимому, итальянским стилетом, и пятна крови.

— Итак, орудия сейчас в руках банды итальянских дезертиров, если я правильно понял? — спросил Стрендж. — И что они будут с ними делать? Затеют собственную войну?

— Нет-нет! — покачал головой Грант. — Они собираются продать пушки. Разумеется, по самой высокой цене. Либо вам, милорд, либо генералу Кастаносу.

(Так звали главнокомандующего испанской армией.)

— Сомерсет, — обратился к секретарю лорд Веллингтон, — что мы можем предложить за шесть французских орудий? Как насчет четырех сотен песо?

— О милорд! Четыреста песо вполне приемлемая цена за то, чтобы дать французам ощутить последствия их глупости. Я только не понимаю, почему неаполитанцы до сих пор не обратились к нам. Чего они ждут?

— Полагаю, я знаю ответ, — сказал майор

Грант. — Четверо суток назад в небольшом винограднике на склоне холма неподалеку от Кастрехона тайно встретились двое. Они были в потрепанной французской форме и разговаривали на языке, напоминающем итальянский. После непродолжительного разговора один направился на юг, к Канталапьедре, где, как вам известно, стоят французские части, а другой взял курс на север, к Дуэро. По моим предположениям, милорд, дезертиры-неаполитанцы рассылают весточки своим соотечественникам, призывая их к себе. По всей вероятности, эти люди считают, что денег, полученных за пушки от вас, милорд, или генерала Кастаноса, вполне хватит, чтобы вернуться в родной Неаполь не с пустыми карманами и к тому же героями. Почти у каждого наверняка есть родственники в той или иной французской части, и они не хотят возвращаться к матерям и тетушкам без братьев и кузенов.

— Да, я слыхал, что итальянки довольно-таки свирепы, — согласился полковник де Ланси.

— Нам необходимо, милорд, — продолжал майор Грант, — разыскать нескольких итальянцев и допросить их. Уверен, мы сразу узнаем, где скрываются эти проходимцы и где они прячут орудия.

— А нет ли неаполитанцев среди вчерашних пленных? — спросил Веллингтон.

Полковник де Ланси тут же послал ординарца с поручением.

— Конечно, — задумчиво продолжал Веллингтон, — я бы предпочел получить орудия бесплатно. Мерлин! — (Так его светлость называл Джонатана Стренджа.) — Не могли бы вы узнать, где сейчас неаполитанцы? Тогда мы просто пойдем и заберем пушки!

— Возможно, — сказал Стрендж.

— Уверен, если вы сотворите один из ваших фокусов, то, несомненно, обнаружите что-нибудь примечательное, — бодро продолжал его светлость. — Например, необычной формы гору или деревушку с живописной церковью. Наши испанские проводники сумеют определить, что это за место.

— Не исключено, — заметил Стрендж.

— Вы, можно подумать, не очень-то полагаетесь на свои способности?

— Простите, милорд, мне казалось, я уже говорил: видения — самый не подходящий для этой

задачи род волшебства[71].

— Хм, можете предложить что-нибудь лучше? — спросил Веллингтон.

— Нет, милорд. В данный момент ничего.

— Тогда решено! Мистер Стрендж, полковник де Ланси и майор Грант займутся поиском орудий. Мы с Сомерсетом зададим жару французам.

Судя по тону, его светлость ожидал, что указания начнут претворяться в жизнь незамедлительно. Стрендж и офицеры торопливо проглотили остатки завтрака и разошлись.

Полдень застал лорда Веллингтона и Фицроя Сомерсета на невысокой гряде неподалеку от деревни Гарсия-Эрнандес. Под ними, на каменистой равнине, британские драгуны готовились атаковать арьергард французской армии.

---

[71] Примечания: 71

Джонатан Стрендж — Джону Сегундусу. Мадрид, 20 августа 1812 г. «Когда лорду Веллингтону требуется срочно что-либо или кого-либо найти, он просит меня вызвать видение. Из этого никогда ничего не получается. Король-ворон и другие ауреаты умели отыскивать людей и предметы с помощью колдовства. Насколько я понимаю, они пользовались серебряной чашей. Поверхность воды делили на четверти светящимися линиями. (Кстати, Джон, не могу поверить, что вам и впрямь не удается провести эти линии. Я *не могу* доходчивей объяснить, как это делаю. Проще нет ничего на свете!) Четверти представляют Рай, Ад, Землю и Страну Фей. Для определения четверти, в которой находится человек или вещь, применяется вроде бы заклинание выбора, но что дальше — ни я, ни Норрелл не имеем ни малейшего понятия. Если бы только я владел этим колдовством! Лорд Веллингтон и его офицеры постоянно дают поручения, которые

я не могу выполнить, потому что знания мои ограниченны. При этом у меня нет времени на эксперименты. Вот почему, Джон, я был бы бесконечно признателен, если бы вы попробовали осуществить этот опыт и немедленно сообщили мне о малейшем успехе».

У нас нет никаких свидетельств, что Джон Сегундус сумел возродить древнее заклинание. Однако осенью 1814 года Стрендж вдруг понял, что отрывок из «Откровений о тридцати шести иных мирах» Париса Ормскирка, который всегда считался пастушьей считалочкой, на самом деле искаженная версия искомого заклинания. К концу 1814-го и Стрендж, и мистер Норрелл применяли его без всякого труда.

Подъехал полковник де Ланси.

— А, полковник! — встретил его Веллингтон. — Ну как? Узнали что-нибудь о неаполитанцах?

— Среди пленных нет неаполитанцев, милорд, — ответил де Ланси. — Однако мистер Стрендж предложил поискать их среди павших во вчерашнем сражении и с помощью магических средств обнаружил семнадцать мертвых неаполитанцев.

— Мертвых? — От удивления лорд Веллингтон даже опустил подзорную трубу. — Зачем ему покойники?

— Мы задали ему тот же вопрос, милорд, но он так толком и не ответил. Однако же попросил, чтобы трупы положили в надежное место, где их никто не тронет.

— Что ж, взяв на службу волшебника, не стоит жаловаться, что он ведет себя необычно, — заметил Веллингтон.

Тут стоявший поблизости офицер крикнул, что драгуны перешли на галоп и вот-вот обрушатся на французов. Эксцентричная выходка волшебника мгновенно забылась; лорд Веллингтон поднес к глазу подзорную трубу, остальные тоже перенесли внимание на поле боя.

Между тем Стрендж возвратился с места сра-

жения в замок Альба-де-Тормес. В оружейной башне (единственной уцелевшей части замка) он отыскал пустую комнату и объявил, что занимает ее для своих опытов. Теперь здесь лежали около сорока книг мистера Норрелла, более или менее целые, хоть и порядком затрепанные. На полу валялись записные книжки самого Стренджа и обрывки бумаги с заклинаниями и магическими расчетами. На столе посреди комнаты стояла широкая, но мелкая серебряная чаша с водой. Ставни на окнах были плотно закрыты, и свет шел только от чаши. Короче, это было типичное обиталище волшебника, и миловидная испанская служанка, приносившая время от времени кофе и миндальное печенье, всякий раз убегала в ужасе, едва поставив поднос.

Для помощи Стренджу прибыл офицер 18-го гусарского полка по фамилии Уайт. Капитан Уайт проработал некоторое время в британском посольстве в Неаполе, хорошо знал языки и отлично понимал неаполитанский диалект.

Стрендж получил видения без особого труда, но, как он и предсказывал, без всякой пользы. Выяснилось, что пушки спрятаны за желтоватыми скалами, каких на полуострове не счесть, а люди укрылись за редколесьем из олив и пальм

— такой пейзаж встречается повсюду, куда ни кинь взгляд.

Капитан Уайт стоял рядом с волшебником и переводил все, что говорили неаполитанцы, на ясный и понятный английский язык. За день у чаши узнали они немногое. Когда человек восемнадцать месяцев голодает, два года не видит жену или любимую, четыре месяца кряду спит в грязи и на камнях, его способность вести внятный разговор несколько притупляется. Неаполитанцы почти не общались друг с другом, а когда все же открывали рот, то рассказывали главным образом о том, что хотели бы съесть, о прелестях оставшихся на родине жен и подружек и о перинах, на которых неплохо было бы растянуться.

Полночи и бóльшую часть следующего дня оставались Стрендж и капитан Уайт в оружейной башне, наблюдая за неаполитанцами. К вечеру второго дня адъютант доставил послание от Веллингтона. Его светлость перенес ставку в местечко под названием Флорес-де-Авила и требовал Стренджа и капитана Уайта к себе. Они собрали книги, прихватили серебряную чашу и пустились в путь под жарким солнцем по пыльной дороге.

Найти Флорес-де-Авилу оказалось не так-то

просто — никто из встречных испанцев не слыхал о таком местечке. Однако две крупнейшие европейские армии не могут пройти по дороге без всякого следа; Стренджу и Уайту оставалось лишь высматривать разбитые повозки, выброшенный хлам, трупы да кормящихся на них черных птиц. На фоне обезлюдевших каменистых равнин эти знаки войны вызывали в памяти средневековые изображения ада, побуждая Стренджа то и дело отпускать мрачные замечания об ужасе и бессмысленности войн. Капитан Уайт как профессиональный военный, вероятно, мог бы поспорить, но, пораженный унылым запустением, лишь время от времени поддакивал:

— Верно, сэр. Верно.

Однако солдату не положено долго предаваться таким настроениям. Жизнь его полна тягот, посему не следует упускать маленькие радости. Пусть зрелище неизбежных ужасов войны угнетает дух; помести солдата среди боевых товарищей, и он тут же взбодрится. Около девяти часов Стрендж и капитан Уайт достигли наконец Флорес-де-Авилы и уже через пять минут в компании друзей слушали последние сплетни о лорде Веллингтоне и расспрашивали о вчерашнем победоносном сражении. Можно было подумать, что за послед-

ний год они не видели ничего неприятного или мрачного.

Штаб-квартира разместилась в разрушенной церквушке на склоне холма. Там Стренджа и капитана Уайта ждали лорд Веллингтон, Фицрой Сомерсет, полковник де Ланси и майор Грант.

Выиграв два сражения на протяжении двух дней, лорд Веллингтон пребывал тем не менее в мрачном расположении духа. Французская армия, прославленная на всю Европу быстротой переходов, снова оторвалась от него и находилась в данный момент на пути к Вальядолиду, а значит, к безопасности.

— В толк не возьму, как им удается двигаться так быстро, — жаловался его светлость. — Многое я бы отдал за возможность догнать их и уничтожить. Однако армия у меня одна — если вымотать ее на марше, другую будет взять неоткуда.

— Мы получили известие от неаполитанцев, — сообщил майор Грант. — Орудия у них, и они требуют по сотне песо за каждое. Всего получается шестьсот песо.

— Слишком много, — резко отвечал его светлость. — Мистер Стрендж, капитан Уайт, надеюсь, у вас для меня хорошие новости?

— Едва ли, — сказал Стрендж. — Неаполитанцы

в каком-то лесу, но где этот лес, не имею ни малейшего представления. Что дальше — не знаю. Все известные средства исчерпаны.

— Так изобретите что-нибудь новенькое!

Какой-то миг присутствующим казалось, что Стрендж ответит резкостью, однако волшебник сдержался, вздохнул и осведомился, сберегли ли семнадцать мертвых неаполитанцев.

— Их сложили в колокольне, — ответил полковник де Ланси. — Их сторожит сержант Нэш. Не знаю, зачем они вам нужны, но в любом случае советую поторопиться: в такую жару они долго не продержатся.

— Еще ночь полежат, — заметил Стрендж. — Ночи холодные. — С этим он повернулся и вышел из церкви.

Офицеры Веллингтона с любопытством посмотрели ему вслед.

— Интересно, — сказал Фицрой Сомерсет, — что он собирается делать с семнадцатью трупами?

— Что бы ни собирался, — заметил Веллингтон, обмакивая перо в чернильницу и принимаясь за письмо в Лондон, — ему это очень не по душе. Он всячески пытается увильнуть.

В ту ночь Стрендж испробовал магический прием, к которому ни разу не прибегал прежде.

Он попытался проникнуть в сны неаполитанцев. И, надо признать, преуспел.

Одному солдату снилось, что его преследует Жареный Бараний Окорок. Загнанный на дерево, бедолага плакал от голода, а Бараний Окорок кругами носился внизу, угрожающе тыча в сторону несчастного выпирающей костью. Затем к Окороку присоединились пять или шесть злобных Вареных Яиц, которые принялись всячески поносить несчастного.

Другой во сне шел по лесу и неожиданно встретил покойную мать. Она рассказала, что только что заглянула в кроличью нору и увидела там Наполеона Бонапарта, короля Англии, папу римского и русского царя. Солдат спустился в нору и увидел Наполеона Бонапарта, короля Англии, папу римского и русского царя, которые оказались одним толстяком-великаном с ржавыми железными зубами и глазами как тележные колеса. «Ха! — ухмыльнулось чудище. — Ты что думал, мы разные люди?» Потом великан сунул руку в кипящий котел, вынул оттуда младенца (в котором спящий узнал своего малютку-сына) и проглотил.

В общем, сны неаполитанцев были весьма любопытны, но малосодержательны для Стренджа.

На следующее утро, около десяти часов, лорд Веллингтон сидел за самодельным столом у алтаря разрушенной церкви. Подняв голову, его светлость увидел входящего в церковь волшебника.

— Ну что? — спросил он.

Стрендж вздохнул:

— Где сержант Нэш? Нужно, чтобы он доставил сюда тела мертвых неаполитанцев. С вашего разрешения, милорд, я постараюсь испытать один магический прием, о котором мне доводилось только слышать[72].

По ставке тут же распространилось известие, что маг собирается сделать что-то с мертвыми неаполитанцами. Флорес-де-Авила — небольшой поселок, насчитывающий едва ли сотню домов.

---

[72] Примечания: 72

Стрендж слышал о магическом приеме, которым пользовался Король-ворон. Колдовство его по большей части отличалось загадочностью, изяществом и красотой, и для нас удивительно, что он прибегал и к жестоким чарам.

В середине XIII века некоторые из врагов Короля заключили против него союз. Среди них были старые недруги короля, например французский и шотландский монархи, а также некоторые недовольные эльфы, присвоившие себе звучные титулы и владевшие — а может, и нет — обширными землями. Были и другие персонажи, более загадочные и более могущественные. На протяжении почти всего своего правления Король поддерживал добрые отношения с ангелами и демонами, но в то время, как гласят слухи, он поссорился с двумя: Цадкиилом, архангелом милосердия, и Альринах, демоницей кораблекрушений.

Судя по всему, Короля не особенно беспокоили происки недругов.

Однако вскоре некие магические знамения показали, что к врагам тайно примкнул и один из его приближенных. Подозрение пало на Роберта Барбатуса, графа Уорфдейлского, человека столь изворотливого и хитрого, что его даже прозвали Лисом. В глазах Короля не было преступления тяжелее предательства.

Когда старший сын Лиса, Генри Барбатус, умер от лихорадки, Король-ворон извлек из могилы его тело и оживил, чтобы допросить. Томас Дандейл и Вильям Ланчестер, считавшие такие методы недолжными, молили Короля испробовать другие средства, однако не смогли разубедить разгневанного владыку. Того же результата можно было добиться множеством способов, но все они требовали времени и уступали в точности, а Король-ворон, как все великие волшебники, превыше всего ценил практичность.

Говорят, разозлившись, Король-ворон даже ударил Генри Барбатуса. При жизни Генри был красивым и отважным юношей. То, что Король превратил доблестного рыцаря в хнычущую куклу, послужило причиной многолетней ссоры между ним и Вильямом Ланчестером.

Вчерашний вечер показался очень скучным целой армии молодых людей, которые только что одержали великую победу и надеялись ее отпраздновать. Теперь они рассчитывали, что хоть опыт Стренджа их позабавит. Поглазеть на представление собралось несколько десятков любопытных.

Возле церкви была небольшая каменная терраса с видом на узкую долину и туманную горную гряду. Склоны холмов укрывали зеленые ковры виноградников. Сержант Нэш и его люди принесли из колокольни семнадцать трупов и усадили их вдоль стены на краю террасы.

Стрендж прошел вдоль покойников, поочередно оглядывая каждого.

— Я, кажется, говорил вам, — обратился он к сержанту Нэшу, — чтобы трупы не трогали.

Сержант Нэш сделал возмущенную мину.

— Уверен, сэр, что никто из наших ребят и пальцем их не коснулся. Но, ваша светлость, — воззвал он к лорду Веллингтону, — испанские партизаны не пропустили ни одного трупа на поле.

Далее последовал короткий экскурс в особенности испанского национального характера. По словам сержанта Нэша выходило, что за этими испанцами не усмотришь: на ходу подметки режут.

Лорд Веллингтон нетерпеливо махнул рукой, приказывая сержанту замолчать.

— Не вижу, чтобы они были сильно изуродованы, — сказал он Стренджу. — А это важно?

Волшебник, нахмурясь, пробормотал, что, может, и нет, но ему все равно нужно на них взглянуть.

И впрямь, раны неаполитанцев были получены в бою, но всех раздели догола, а некоторым отрубили пальцы, чтобы снять кольца. Красоту одного молодого солдата портило отсутствие зубов (их вырывали, чтобы делать вставные) и волос (они шли на парики).

Стрендж попросил принести ему острый нож и чистые бинты. Когда требуемое доставили, волшебник снял сюртук, закатал рукава рубашки и начал бормотать что-то на латыни. Потом

он сделал длинный глубокий надрез на руке и принялся брызгать кровью на головы трупов, стараясь, чтобы попало на глаза, ноздри, язык. Через некоторое время один мертвец зашевелился и поднялся. Из горла его вырвался страшный хрипящий звук, как будто высохшие легкие наполнились воздухом, а руки и ноги задрожали так, что некоторые зрители попятились в страхе. Один за другим трупы ожили и заговорили на странном гортанном языке, содержащем куда больше пронзительных вскриков, чем любое известное наречие.

Даже Веллингтон немного побледнел. Только Стрендж оставался с виду совершенно бесстрастен.

— Боже! — воскликнул Фицрой Сомерсет. — Что же это за язык?

— Полагаю, один из диалектов ада, — ответил Стрендж.

— Неужели? — удивился Сомерсет. — Как интересно!

— Быстро же они его выучили. Они там всего три дня, — заметил лорд Веллингтон. Он любил, когда люди все делают быстро, не тратя времени на пустяки. — Вы знаете этот язык, Стрендж?

— Нет, милорд.

— Тогда как мы будем с ними разговаривать?

Вместо ответа Стрендж схватил за волосы ближайшего из оживших покойников, оттянул нижнюю челюсть и плюнул ему в рот. В тот же миг бывший труп перешел на свой родной, земной язык, неаполитанский диалект итальянского, который для большинства присутствующих оставался таким же непонятным, как и язык ада, да и звучал почти так же ужасно. Впрочем, у этого языка было заметное преимущество: его вполне хорошо понимал капитан Уайт.

С помощью капитана майор Грант и полковник де Ланси допросили мертвых неаполитанцев и остались очень довольны ответами. Мертвые неаполитанцы в отличие от любых живых пленных старались во всем угодить дознавателям. Выяснилось, что незадолго до гибели несчастные получили весточку от укрывшихся в лесу собратьев. Те сообщали о захваченных пушках и объясняли, как добраться до деревеньки в нескольких лигах от города Саламанка, откуда путь до убежища легко найти по нанесенным мелом на камнях и деревьях тайным знакам.

Майор Грант взял с собой небольшой кавалерийский отряд и через три дня вернулся с пушками и дезертирами. Веллингтон был в вос-

торге.

К несчастью, Стрендж так и не смог отыскать заклинания, чтобы вернуть неаполитанцев в печальный сон[73]. Он предпринял несколько попыток, но результата не добился, если не считать того, что в какой-то момент все семнадцать трупов вдруг начали расти и раздуваться, пока не достигли двадцати футов в высоту и не сделались странно прозрачными, словно громадные акварельные изображения самих себя на тонком муслине. Стрендж возвратил их к обычному размеру, но, что делать с ними дальше, никто по-прежнему не знал.

Сперва мертвых неаполитанцев поместили вместе с пленными французами, но те принялись громко роптать на такое соседство. («Их недовольство можно понять», — заметил лорд Веллингтон, с отвращением разглядывая покойников.)

Затем пленных отправили в Англию, а неаполитанцы остались с армией. Все лето они разъезжали с войсковым обозом, закованные по приказу его светлости в цепи. Предполагалось, что кандалы не дадут им разбредаться, но мертвецы не боялись боли и легко избавлялись от оков,

---

[73] Примечания: 73

Чтобы «убить» мертвеца, ему надо вырезать сердце, глаза и язык.

нередко оставляя на цепях куски мяса. Освободившись, они отправлялись на поиски Стренджа и слезно молили его каким угодно способом вернуть их к полноценной жизни. Неаполитанцы повидали ад и не хотели снова там оказаться.

В Мадриде испанский художник Франсиско Гойя сделал сангиной набросок Джонатана Стренджа в окружении мертвых неаполитанцев. На рисунке волшебник сидит на земле, опустив голову и бессильно уронив руки; вся поза свидетельствует о беспомощности и отчаянии. Неаполитанцы стоят за его спиной. Одни смотрят на волшебника голодными глазами, на других лицах застыло выражение мольбы, а один робко тянется рукой к его волосам. Нет необходимости говорить, насколько этот портрет отличен от других изображений Стренджа.

Двадцать пятого августа лорд Веллингтон отдал

приказ уничтожить мертвых неаполитанцев[74].

Стрендж не хотел, чтобы слухи о его магических экспериментах на развалинах церкви во Флорес-де-Авиле достигли ушей мистера Норрелла, и потому ни разу не упомянул о них в письмах и даже попросил его светлость не включать этот эпизод в официальные донесения.

— Хорошо, хорошо! — ответил его светлость.

Лорд Веллингтон и сам не любил писать о волшебстве — ему вообще не нравилось то, в чем он не до конца разбирался.

— Хотя вам это не поможет, — заметил он. — Всякий, кто писал домой в последние пять дней, изложил все самым детальным образом.

— Знаю, — сказал Стрендж. — Однако люди склонны преувеличивать мои свершения, и в Англии к этому привыкли. Решат, будто я исцелил нескольких раненых неаполитанцев или

---

[74] Примечания: 74

«Касательно мертвых итальянских солдат, могу лишь сказать, что мы очень сожалели о жестокости по отношению к тем, кто и без того достаточно пострадал. Однако ничего иного нам не оставалось. Мертвецы никак не желали оставить волшебника в покое; если бы они его не убили, то определенно довели бы до умопомешательства. Каждый раз, когда он ложился спать, нам приходилось выставлять двух часовых, чтобы те отгоняли мертвецов, не давали им тормошить его и будить. После смерти бедолаги порядком пообтрепались — увидеть такое, проснувшись, не пожелал бы никто. В конце концов мы развели костер и бросили несчастных в огонь» (лорд Фицрой Сомерсет — брату. 2 сентября 1812 г.).

что-нибудь в таком роде.

Оживление семнадцати мертвых неаполитанцев — показательный пример того, с какого рода задачами сталкивался Стрендж до конца войны. Подобно министрам, лорд Веллингтон быстро привык к услугам волшебника и требовал от него все более сложных чар. Правда, в отличие от министров Веллингтон не любил выслушивать объяснения, почему то или это невозможно. Он постоянно требовал невозможного от саперов, генералов и офицеров, поэтому не видел оснований делать исключение для волшебника. «Придумайте что-нибудь!» — говорил обычно его светлость, когда Стрендж начинал объяснять, что такое-то заклинание не применялось с тысяча триста второго года, а другое полностью утрачено, если вообще существовало. Как до встречи с Норреллом, Стренджу приходилось изобретать заклинания самому, исходя из общих принципов или опираясь на полузабытые истории из старинных книг.

В начале лета 1813 года Стрендж совершил то, чего мир не видел со времен Короля-ворона: передвинул реку. Случилось это так. Боевые действия в то лето развивались успешно, и все военные начинания лорда Веллингтона заканчивались

победой. Однако в то июньское утро французы впервые за последние месяцы оказались в более выгодной позиции. Его светлость незамедлительно созвал генералов на военный совет. Вместе с ними в палатку главнокомандующего вошел Стрендж. Генералы окружили стол, на котором была расстелена большая карта.

Его светлость в то лето пребывал в прекрасном настроении, а потому, увидев волшебника, приветствовал его почти дружески:

— А, Мерлин! Вот и вы! Вот, послушайте. Мы на этой стороне реки, французы — на той. Я бы предпочел, чтобы было наоборот.

Один из генералов начал объяснять, что если армия совершит переход *сюда* и наведет переправу *здесь*, то французы попадут в окружение *вот там*...

— Слишком долго! — объявил лорд Веллингтон. — У нас нет столько времени. Мерлин, не могли бы вы сделать так, чтобы армия перелетела к французам? — Он отчасти шутил, но только отчасти. — Всего-то и нужно, что дать каждому по паре крыльев. Возьмем, к примеру, капитана Макферсона. — Его светлость бросил взгляд на великана-шотландца. — Признаюсь, я бы с удовольствием посмотрел, как он порхает

над рекой.

Стрендж задумчиво посмотрел на капитана.

— Нет, — сказал он наконец, — но я буду признателен, если вы позволите мне позаимствовать его и карту. На час-другой.

Какое-то время волшебник и шотландец рассматривали карту, потом Стрендж вернулся и сообщил лорду Веллингтону, что отращивать крылья слишком долго, зато он может передвинуть реку — устранит ли это затруднения?

— Сейчас река течет на юг — здесь, а потом поворачивает к северу — здесь. Если бы она текла на север — здесь, а поворачивала на юг — там, как вы видите, мы оказались бы на северном берегу, а французы на южном.

— О! Очень хорошо!

Новое положение реки так смутило французов, что несколько рот, получив приказ идти на север, двинулись на юг. Больше эти роты никто не видел; вероятно, их уничтожили испанские *гверильяс*.

Позже в разговоре с генералом Пиктоном лорд Веллингтон в шутку заметил, что нет ничего более утомительного для солдат и лошадей, чем постоянные марши, передислокации и прочее; впредь он собирается держать войска на месте,

и пусть мистер Стрендж движет Испанию у них под ногами, как ковер.

Меж тем члены заседающего в Кадисе Регентского совета забеспокоились: узнают ли они собственную страну после изгнания французов? Они даже обратились с жалобой к британскому министру иностранных дел (многие сочли такой поступок вопиющей неблагодарностью). Министр убедил Стренджа написать письмо Регентскому совету с обещанием по окончании войны вернуть реку в исходное состояние и «…восстановить все прочее, что будет перемещено в ходе боевых действий по требованию лорда Веллингтона». В числе географических объектов, подвергшихся воздействию Стренджа, были: роща из олив и пиний в Наварре[75], город Пам-

[75] Примечания: 75

Проведя рекогносцировку, полковник Виккери выяснил, что в лесу полным-полно французских солдат, готовых обстрелять британскую армию. Офицеры обсуждали, что делать, когда появился лорд Веллингтон. «Полагаю, мы могли бы обойти лес, — сказал Веллингтон, — но это долго, а я спешу. Где волшебник?»

Кто-то ушел и привел Стренджа.

«Мистер Стрендж, — сказал лорд Веллингтон, — думаю, вам не составит труда переместить несколько деревьев. Пожалуйста, уберите лес!»

Стрендж сделал, как было приказано, и перенес лес на другую сторону долины. Французы остались на голых камнях без всякого прикрытия и быстро сдались.

плона[76] и две церкви в городке Сен-Жан-де-Люс во Франции[77].

Шестого апреля 1814 года император Наполеон Бонапарт отрекся от престола. Говорят, когда об этом сообщили лорду Веллингтону, его светлость пустился в пляс. Получив то же известие, Стрендж громко рассмеялся, потом смолк и пробормотал:

— Господи! Что с нами-то будет?

Тогда все решили, что он говорит об армии, но впоследствии некоторые предположили, что Стрендж имел в виду себя и другого волшебника.

Карта Европы кроилась заново: королевства, созданные Бонапартом, упразднялись, их место занимали старые; одних королей низлагали, других возвращали на трон. Народы Европы поздравляли друг друга. Что до британцев, то

---

[76] Примечания: 76

Из-за ошибки на карте Веллингтона испанский город Памплона оказался не совсем там, где рассчитывали найти его англичане. Главнокомандующий пребывал не в лучшем расположении духа — его армия прошла двадцать миль, но так и не достигла Памплоны, до которой, как выяснилось, оставалось еще десять миль. После торопливого обсуждения было решено, что проще попросить мистера Стренджа передвинуть город, чем исправлять карты.

[77] Примечания: 77

Что касается церквей в Сен-Жан-де-Люсе, то в данном случае произошло досадное недоразумение. Однажды воскресным утром Стрендж пил бренди на завтрак в компании трех капитанов и двух лейтенантов 16-го полка легких драгун. Он пытался объяснить вышеуказанным джентльменам теорию магического перемещения предметов в про-

странстве. Занятие это, как легко представить, было безнадежное, поскольку офицеры не поняли бы его даже на трезвую голову, а ни они, ни Стрендж не были вполне трезвы последние два дня. В качестве иллюстрации волшебник переставил две церкви вместе с прихожанами. Разумеется, он намеревался исправить все до конца обедни, но тут его позвали играть в бильярд. Следует отметить, что, несмотря на все обещания, Стрендж так ни разу не удосужился вернуть на место реку, лес, город или что-либо еще.

они внезапно осознали, что война превратила их в величайшую нацию мира. В Лондоне мистер Норрелл удовлетворенно потирал руки, слыша ото всех, что магия — его и Стренджа — во многом способствовала достижению успеха.

Однажды вечером в конце мая Арабелла вернулась с обеда в ознаменование победы, устроенного в Карлтон-хаусе. О ее муже говорили много и в самых восторженных тонах, в его честь провозглашали тосты, и даже сам принц-регент сказал ей немало приятного. Время близилось к полуночи, и Арабелла села в гостиной, думая, что для полного счастья ей не хватает одного: чтобы муж поскорее вернулся домой. Внезапно в комнату ворвалась одна из служанок:

— О мадам! Хозяин здесь!

Кто-то вошел в комнату.

Похудевший. Загорелый. Она помнила его другим. В волосах прибавилось седины, над левой бровью белел шрам. Шрам не был свежим, но она его никогда раньше не видела. Черты остались прежними, и все же он выглядел иначе. В общем, вошедший мало напоминал того, о ком Арабелла только что думала. Однако не успела она выказать недоумение, растерянность или что-то еще, как Джонатан обвел комнату быстрым, немного

ироничным взглядом, и она вмиг его узнала. Потом он посмотрел на нее, улыбнулся самой знакомой в мире улыбкой и промолвил:

— Я дома.

К следующему утру они не сказали друг другу и сотой доли того, что хотели.

— Сядь туда, — попросил Стрендж Арабеллу.

— В то кресло?

— Да.

— Зачем?

— Чтобы я мог смотреть на тебя. Я не видел тебя два года, и мне очень тебя не хватало. Хочу наверстать упущенное.

Она села, но уже через секунду улыбнулась:

— Джонатан, я не могу оставаться серьезной, когда ты так на меня смотришь. Таким манером ты наверстаешь упущенное за полчаса. Не хотелось бы тебя огорчать, но ты никогда не смотрел на меня так долго. Предпочитал утыкаться носом в пыльные книги.

— Неправда. Я совсем забыл, какая ты вздорная. Подай вон тот листок — я запишу.

— Не получишь, — рассмеялась Арабелла.

— Знаешь, о чем я первым делом подумал, когда проснулся сегодня утром? Что надо побыстрее встать, побриться и позавтракать, пока чужие

слуги не разобрали горячую воду и булочки. И только потом вспомнил, что слуги в доме — мои, горячая вода — моя и булочки — тоже. Никогда в жизни я не был так счастлив.

— Тебе очень трудно приходилось в Испании?

— На войне человек живет либо как принц, либо как бродяга. Я видел, как лорд Веллингтон — герцог Веллингтон[78] — спал под деревом, положив голову на камень. Видел я и другое: как воры и нищие дрыхли на пуховых перинах в дворцовых опочивальнях. Война все переворачивает вверх дном.

— Надеюсь, ты не станешь скучать в Лондоне. Джентльмен с волосами как пух сказал, что тому, кто попробовал вкус войны, наверняка будет скучно дома.

— Ха! Ну уж нет! Он так сказал? Скучать, когда под рукой столько книг? Скучать, когда рядом жена? Кстати, кто это тебе сказал? Джентльмен с

---

[78] Примечания: 78

Британское правительство пожаловало лорду Веллингтону титул герцога. Тогда многие поговаривали о том, чтобы отметить и Стренджа. «Он вправе рассчитывать по меньшей мере на баронета, — сказал лорд Ливерпуль сэру Уолтеру, — а справедливость требует даже большего. Что вы думаете о том, чтобы сделать его виконтом?» Слова эти остались словами, потому что, как заметил в ответ сэр Уолтер, нельзя было даровать титул Стренджу, не отметив таким же образом мистера Норрелла, а в правительстве мало кто настолько симпатизировал Норреллу. Мысль, что к нему придется обращаться «сэр Гильберт» или «милорд», наводила на всех тоску.

какими волосами?

— Как пух. Думаю, ты знаешь, о ком я говорю. Он живет с сэром Уолтером и леди Поул. Хотя… Нет, я не уверена, что он там живет, просто я встречаю его каждый раз, когда к ним прихожу.

Стрендж нахмурился:

— Я такого не знаю. Как его зовут?

Этого Арабелла тоже не знала.

— Мне почему-то казалось, что он какой-то родственник сэра Уолтера или леди Поул. Как странно, что я ни разу даже не спросила его имени. Зато я много-много раз с ним разговаривала.

— Вот как? Хм, вряд ли мне это по душе. Он красивый?

— О да! Очень! Действительно, почему я не знаю его имени? Он очень забавный и такой интересный собеседник! В отличие от многих.

— И о чем же вы разговариваете?

— Обо всем! И всякий раз в конце беседы он выражает желание сделать мне подарок. В прошлый понедельник, например, предложил привезти тигра из Бенгалии. В среду пообещал неаполитанскую королеву — сказал, что у нас с ней много общего и мы наверняка подружимся. А в пятницу собирался отправить слугу за музыкальным деревом…

— Что еще за музыкальное дерево?

Арабелла рассмеялась:

— Музыкальное дерево! Он уверяет, будто где-то, на какой-то горе со сказочным названием растет дерево с нотными листами вместо плодов и музыка эта лучше любой другой. Уж и не знаю, верит он сам в свои рассказы. Иногда мне кажется, что он немного не в себе. Я всегда нахожу предлог отказаться от его подарков.

— Рад слышать. Не хотелось бы, приходя домой, обнаруживать здесь тигров, королев или музыкальные деревья. Кстати, есть что-нибудь от мистера Норрелла?

— В последнее время ничего.

— А почему улыбаешься? — спросил Стрендж.

— Улыбаюсь? Я не улыбаюсь. Ладно, скажу. Он один раз прислал записку.

— Всего один раз? За три года?

— Да. Примерно год назад прошел слух, будто тебя убили в бою под Виторией, и мистер Норрелл прислал Чилдермасса узнать, так ли это. Я сама ничего не знала. В тот же вечер меня навестил капитан Моултроп, прямиком из Портсмута. Он сказал, что во всех этих слухах нет ни слова правды. Никогда не забуду его доброту! Бедный молодой человек! За месяц до того ему ампути-

ровали руку, и я видела, как он страдает. Между прочим, на столе лежит письмо от мистера Норрелла. Его принес вчера вечером Чилдермасс.

Стрендж подошел к столу, взял письмо и повертел в руках.

— Полагаю, придется к нему сходить, — задумчиво проговорил он.

Сказать по правде, его не очень-то радовала предстоящая встреча со старым наставником. За годы войны он привык к независимости как в мыслях, так и в действиях. В Испании, получая указание от лорда Веллингтона сделать то-то и то-то, Стрендж сам решал, каким путем достичь цели. Перспектива заниматься магией под руководством мистера Норрелла не вызывала у него восторга. После долгих месяцев в кругу молодых и решительных офицеров он плохо представлял, как будет выдерживать утомительные беседы с мистером Норреллом.

Однако опасения не подтвердились: встреча оказалась очень теплой и даже сердечной. Мистер Норрелл был так рад его видеть, задавал столько вопросов, так живо интересовался заклинаниями, которые коллега применял в Испании, так расхваливал его успехи, что Стрендж почти забыл недавние подозрения.

Разумеется, мистер Норрелл и слышать не хотел о том, чтобы Стрендж бросил ученичество.

— Нет, нет, нет! Вы должны вернуться сюда! У нас так много дел. Теперь, когда война закончилась, начинается настоящая работа. Мы должны учредить магию Нового века! Ко мне уже обращались некоторые министры, обеспокоенные слухами о прекращении исследований. Все в один голос утверждают, что не смогут управлять страной без помощи магии! К тому же, вопреки всем нашим достижениям, по-прежнему идут кривотолки. Буквально на днях я собственными ушами слышал, как лорд Каслри говорил кому-то, будто вы, уступив требованиям лорда Веллингтона, применяли в Испании черную магию! Я, разумеется, тут же поспешил заверить его милость, что вы пользовались исключительно современными методами.

Стрендж в неуверенности слегка наклонил голову, предоставив мистеру Норреллу самому истолковать этот жест.

— Мы говорим сейчас о том, следует ли мне продолжать работу в качестве вашего ученика. Я освоил все виды волшебства из списка, составленного вами четыре года назад. Вы сказали мне, сэр, перед самым отъездом в Испанию, что

удовлетворены моими успехами. Надеюсь, вы не забыли.

— О! Но то было всего лишь начало. Пока вы находились в Испании, я составил новый список. Сейчас позову Лукаса, чтобы принес его из библиотеки. К тому же есть и *другие* книги, которые вам обязательно следует прочитать.

Мистер Норрелл нервно заморгал, с тревогой глядя на Стренджа.

Стрендж замялся. Он понимал, что речь о библиотеке Хартфью.

— О мистер Стрендж! — воскликнул мистер Норрелл. — Я так рад вашему возвращению, сэр. И я так рад видеть вас! Надеюсь, у нас впереди еще много часов приятной беседы. Здесь у меня часто бывали мистер Лассельс и мистер Дролайт…

Стрендж заметил, что нимало в этом не сомневается.

— …но с ними о магии не побеседуешь. Приходите завтра. Пораньше. Приходите к завтраку!

32. Король

Ноябрь 1814 года

В начале ноября 1814 года мистер Норрелл удостоился чести принять у себя нескольких очень знатных джентльменов — графа, герцога и двух баронетов. Они явились, чтобы обсудить с ним крайне деликатный вопрос, и повели себя столь осторожно, что через полчаса после начала разговора мистер Норрелл все еще пребывал в неведении касательно цели их визита.

Оказалось, что сии высокопоставленные джентльмены представляют интересы лица еще более знатного, а именно герцога Йоркского, и явились обсудить с волшебником безумие короля. Незадолго до того королевские сыновья посетили отца и были потрясены его состоянием. Люди эгоистичные, распущенные и не склонные к самопожертвованию, они тем не менее заявили, что готовы отдать любые деньги и отсечь себе любое количество рук ради облегчения доли своего родителя.

Следует отметить, что вопрос, приглашать ли волшебника, вызвал среди королевских детей не меньшие разногласия, чем выбор лечащего

врача. Главным противником идеи выступил принц-регент. Много лет назад, еще при жизни великого Питта, короля уже постиг жестокий приступ безумия, и тогда вместо него страной управлял принц. Потом король оправился, а принц обнаружил, что в одночасье лишился власти и привилегий. Нет ничего хуже, считал принц-регент, чем подниматься утром с кровати, не зная, правишь ли ты Великобританией. Так что, быть может, не стоит строго судить принца за желание, чтобы отец оставался безумным или получил то облегчение, какое дает только смерть.

Мистер Норрелл, не желая ссориться с принцем-регентом, решительно отклонил предложение гостей, присовокупив, что болезнь короля вряд ли излечима с помощью магии. Тогда второй сын короля, герцог Йоркский, человек военной закалки, спросил герцога Веллингтона, не окажется ли мистер Стрендж посговорчивее.

— О, разумеется! — отвечал герцог Веллингтон. — Мистер Стрендж всегда рад случаю употребить свои магические познания. Ничто другое не доставляет ему такого удовольствия. Задачи, которые я ставил перед ним в Испании, представляли немалую сложность, и хотя он для

вида постоянно жаловался на трудности, на самом деле всегда брался за них с большой охотой. Я очень высокого мнения о способностях мистера Стренджа. Испания, как, без сомнения, известно вашему королевскому высочеству, одна из наименее цивилизованных стран в мире, и дороги там мало чем отличаются от козьих троп. Однако благодаря мистеру Стренджу мои солдаты всегда передвигались по добрым английским дорогам, а если на пути встречался лес, гора или город — что ж! — мистер Стрендж просто отодвигал их в сторону.

Герцог Йоркский заметил, что испанский король Фердинанд недавно прислал принцу-регенту письмо с жалобой. Он писал, что по воле английского мага многие части королевства изменились до неузнаваемости, и требовал, чтобы мистер Стрендж вернулся и привел страну в изначальный вид.

— О, — равнодушно бросил лорд Веллингтон, — так они все еще жалуются?

Вследствие этого разговора Арабелла Стрендж, войдя утром четверга в гостиную, обнаружила там нескольких королевских сыновей. Точнее, пятерых: их королевских высочеств герцогов Йоркского, Кларенского, Сассекского, Кентского и

Кембриджского. Все они были в возрасте от сорока до пятидесяти и когда-то отличались красотой, но по причине невоздержанности в еде и питье раздались вширь.

В то время как их королевские высочества наперебой, не слушая друг друга, расписывали ужасное состояние несчастного короля, Стрендж стоял, облокотившись о каминную полку, и слушал с выражением вежливого интереса. В руке у него была одна из книг мистера Норрелла.

— Вы бы видели, как его величество ест свой размоченный в молоке хлеб: еда течет у него по подбородку! — Герцог Кларенс со слезами в глазах повернулся к Арабелле. — Его терзают придуманные страхи; он ведет продолжительные беседы с мистером Питтом, который сто лет как умер. Ах, милочка, на это невозможно смотреть.

Герцог взял руку Арабеллы и принялся гладить, очевидно приняв хозяйку дома за горничную.

— Все подданные его величества чрезвычайно опечалены, — сказала Арабелла. — Никто не может оставаться равнодушным к постигшим его страданиям.

— О, дорогуша! — обрадованно воскликнул герцог. — Вы даже не представляете, до чего приятно слышать от вас такие слова!

Он горячо облобызал ее руку и одарил Арабеллу самым нежным взглядом.

— Если мистер Норрелл считает, что лечение невозможно, то, откровенно говоря, шансы и впрямь невелики, — сказал Стрендж. — Однако я охотно навещу его величество.

— В таком случае, — заметил герцог Йоркский, — остается одна загвоздка — Уиллисы.

— Уиллисы? — переспросил Стрендж.

— О да! — воскликнул герцог Кембриджский. — Уиллисы — редкие наглецы.

— Нужно действовать осторожно и не раздражать их уж очень сильно, — предупредил герцог Кентский, — не то они отыграются на его величестве.

— Уиллисы, несомненно, будут против визита мистера Стренджа, — вздохнул герцог Йоркский.

Братья Уиллис были владельцами скорбного дома в Линкольншире. На протяжении многих лет они брали опеку над королем, когда того одолевала болезнь. Возвращаясь в здравый рассудок, его величество неоднократно говорил всем, что ненавидит Уиллисов за жестокое обращение, и просил королеву, герцогов и принцесс никогда больше — в случае новой болезни — не предавать его в руки братьев. Все без толку: при

первых же признаках безумия родные посылали за Уиллисами. Те незамедлительно являлись на зов, запирали короля в комнате, одевали в смирительную рубашку и пичкали сильными слабительными.

Наверное, читателей удивит, что король в столь малой степени распоряжался собственной судьбой. Однако вспомните, какую тревогу вызывает в любой семье даже малейший слух о безумии. Теперь представьте, насколько больше пугали слухи о том, что сумасшествием страдает сам король Великобритании! Если с ума сходите вы или я — это несчастье для нас, для наших близких и друзей. Когда с ума сходит король — это несчастье для всей страны. Болезнь короля Георга уже не раз ставила на повестку дня вопрос, кто должен управлять государством. Прецедентов не было. Никто не знал, что делать. Не то чтобы Уиллисов любили или уважали — скорее наоборот. Не то чтобы их методы приносили королю облегчение — напротив, они усиливали его страдания. Секрет братьев заключался в том, что они сохраняли спокойствие, когда все остальные впадали в панику. Они охотно брали на себя ответственность, которой остальные боялись как огня. Взамен Уиллисы требовали абсолютного контроля над

королевской особой. Никому не разрешалось разговаривать с его величеством наедине. Ни королеве, ни премьер-министру. Ни даже кому-либо из тринадцати сыновей и дочерей.

— Что ж, — сказал Стрендж, когда ему все это объяснили. — Сознаюсь, я предпочел бы разговаривать с его величеством без вмешательства других, особенно недоброжелательных людей. Впрочем, мне как-то удалось сбить с толку целую французскую армию. Осмелюсь предположить, что с двумя врачами я как-нибудь справлюсь. Предоставьте Уиллисов мне.

Стрендж отказался обсуждать вопрос о гонораре до тех пор, пока не увидит короля. Он заявил, что посетит его величество бесплатно. Герцоги, обремененные карточными долгами и незаконными отпрысками, которых надо было кормить и обучать, сочли такое решение благородным.

Ранним утром следующего дня Стрендж отправился в Виндзорский замок. Утро выдалось холодное, повсюду лежал густой белый туман. По пути волшебник произнес три небольших заклинания. Первое должно было погрузить Уиллисов в глубокий и сверх обычного долгий сон; второе — сделать так, чтобы жены и прислуга забыли их разбудить; благодаря третьему Уилли-

сы, проснувшись, должны были не обнаружить одежду и обувь на привычных местах. Двумя годами ранее волшебник не позволил бы себе сыграть с посторонними даже такую мелкую шутку, однако сейчас не испытал и малейших уколов совести. Как и многие, кто служил в Испании под командованием герцога Веллингтона, он бессознательно подражал его светлости, который всегда следовал к цели самым прямым путем[79].

Около десяти часов Стрендж пересек Темзу по небольшому деревянному мосту у деревушки Датчет, проехал по аллее под стеной замка и оказался в городке Виндзор. У ворот замка волшебник сообщил стражнику, кто он такой и какое у него дело к королю. Лакей в синей ливрее проводил его к апартаментам короля. Как часто бывает с прислугой в такого рода дворцах, он неимоверно гордился замком. Главной его радостью в жизни было показывать замок и воображать изумление и восторги гостей.

— Вы ведь не первый раз здесь, сэр? — сразу осведомился он у Стренджа.

— Напротив, я никогда здесь не был.

---

[79] Примечания: 79

В «Жизнеописании Джонатана Стренджа» (изд-во Джона Мюррея) Джон Сегундус подробно обсуждает влияние герцога Веллингтона на дальнейшие поступки Стренджа.

Лакей был глубоко потрясен.

— В таком случае вы многое потеряли, сэр!

— Неужели? Ну что ж, я здесь.

— Однако пришли по делу, сэр, — укоризненным тоном напомнил лакей, — и вряд ли сумеете все внимательно осмотреть. Обязательно приезжайте еще раз. Летом. А на случай, если вы женаты, позволю себе заметить, что у дам замок всегда вызывает особое восхищение.

Он провел гостя через внушительных размеров двор. В давние времена здесь могло укрыться от вражеских набегов немало людей и скота; несколько незамысловатого вида старинных построек и сейчас напоминали о былом оборонительном назначении замка. Однако в последующие века тяга к помпезности начала брать верх над соображениями практичности, и во дворе воздвигли великолепную церковь, которая заняла почти все свободное место. Церковь эта (которая называлась часовней, но более походила на собор) демонстрировала всю сложность и изысканность готического стиля. Она ощетинилась контрфорсами, венчалась остроконечными башенками, а изнутри ее распирало множество капелл, ораториев и ризниц.

Лакей провел Стренджа мимо крутого холма,

на котором высилась круглая башня — самая заметная часть замка, если смотреть издали. Миновав средневековые ворота, они оказались в следующем дворе. Он был почти так же велик, как и первый, но если там толпились слуги, солдаты и чиновники, то здесь было пустынно и тихо.

— Какая жалость, сэр, что вы не были здесь несколько лет назад, — заметил лакей. — Тогда, чтобы посетить апартаменты короля и королевы, довольно было попросить разрешения у дворецкого, но теперь в связи с болезнью его величества это невозможно.

Лакей провел Стренджа по каменным ступенькам, поминутно сетуя на многочисленные препятствия, из-за которых тот не может осмотреть замок. Понимая великое разочарование гостя, он наконец нашел выход:

— Придумал! Я покажу вам зал святого Георгия! Конечно, это даже не сотая часть того, что вам следовало бы увидеть, но вы получите хотя бы некоторое представление о величии Виндзорского замка!

На верхней площадке лакей повернул направо и быстро прошел через коридор, увешанный саблями и мушкетами. Стрендж следовал за ним. За холлом открылся высокий зал футов в двести

или триста длиной.

— Вот! — с гордостью, как будто он сам все это построил и украсил, объявил лакей.

Сквозь высокие сводчатые окна южной стены бил холодный мглистый свет. Нижнюю часть стен закрывали резные деревянные панели с позолоченными бордюрами. Верхняя часть стен и потолок были расписаны богами и богинями, королями и королевами. Одна из фресок на потолке изображала Карла II, возносящегося к вечной славе на бело-голубом облаке в окружении пухлых розовощеких херувимов. Генералы и дипломаты возлагали трофеи к его ногам, а Юлий Цезарь, Марс, Геркулес и другие важные особы стояли чуть поодаль, смущенные своим ничтожеством по сравнению с британским королем.

Все это было в высшей степени великолепно, но внимание Стренджа привлекла фреска, растянувшаяся на всю длину северной стены. В центре ее были изображены два короля на тронах. По обе стороны от каждого стояли (некоторые — преклонив колени) рыцари, дамы, придворные, пажи, боги и богини. Левую часть фрески заливал солнечный свет; король на этой половине — могучий красавец — излучал юность и жизнелюбие. На нем была светлая тога, золотистые

волосы курчавились, голову украшал лавровый венок, а в руке он держал скипетр. Окружавшие его люди и боги были экипированы шлемами, кирасами, копьями и мечами, как будто художник давал понять, что друзьями этого короля могут быть только воины. Правую часть фрески живописец погрузил в слабеющий тусклый свет, словно поставил перед собой цель изобразить приближение сумерек. Вверху и вокруг фигур сияли звезды. Король на этой половине, бледнокожий и темноволосый, был одет в темную тогу; художник придал его лицу непостижимо загадочное выражение. Голову венчала корона из темных листьев, а в левой руке он держал не скипетр, а изящную палочку слоновой кости. Свита его состояла главным образом из мифических существ — феникса, единорога, мантикоры, фавнов и сатиров, — но присутствовали также несколько загадочных персонажей: мужчина в монашеском облачении и надвинутом на глаза капюшоне и женщина в темной сверкающей мантии, закрывающая рукой лицо. Между двумя тронами стояла юная особа в свободном белом платье с золотым шлемом на голове. Ладонь воинственного короля лежала на ее плече, темный же король протянул к ней правую руку, так что

их пальцы соприкасались.

— Работа Антонио Веррьо, итальянского джентльмена, — сказал слуга и, указав на короля слева, добавил: — Эдуард Третий, король Южной Англии. А тот, — он показал на второго короля, — король-волшебник Северной Англии, Джон Аскгласс.

— Вот как? — Стрендж покачал головой. — Я, конечно, видел его статуи и на книжных гравюрах, но на картине вижу впервые. А дама между ними, кто она?

— Миссис Гвин, сэр, одна из фавориток Карла Второго. Здесь она олицетворяет Британию.

— Понятно. Вижу, в доме короля он все еще занимает почетное место. Вот только его одели в римскую тогу и заставили держаться за руку с актрисой. Интересно, что бы он сам на это сказал?

Они прошли через украшенный оружием зал и остановились перед массивной черной дверью с рельефным мраморным фронтоном.

— Дальше я вести вас не могу, сэр. Здесь мои обязанности кончаются, и вы вступаете во владения докторов Уиллисов. Король за этой дверью.

Слуга поклонился и направился к лестнице.

Стрендж постучал. Из-за двери доносились звуки пения и клавесина.

Дверь открылась, и перед посетителем предстал высокий широкоплечий мужчина лет тридцати или сорока, с круглым белым лицом в оспинах и капельках пота, что делало его похожим на чеширский сыр. Человек этот — то ли по причине спешки, то ли вследствие нехватки опыта — был плохо выбрит, так что в некоторых местах на белой коже виднелись короткие и жесткие черные щетинки, словно в молоке, прежде чем из него изготовили сыр, утонули несколько мух. Сюртук из толстого коричневого сукна, как и рубашка и шейный платок из грубой льняной ткани, не отличался особенной чистотой.

— Да? — произнес он, придерживая одной рукой дверь, как будто готов был захлопнуть ее при малейшем подозрительном движении гостя. На дворцового слугу этот тип не походил нисколько, зато сильно смахивал на смотрителя скорбного дома, коим, собственно, и являлся.

Удивленный столь грубым приемом, Стрендж вскинул бровь, потом холодно сообщил свое имя и заявил, что пришел к королю.

Страж королевского покоя вздохнул:

— Не стану отрицать, что мы извещены о вашем визите, но, видите ли, впустить вас я не могу. Доктор Джон и доктор Роберт, — (так звали

братьев Уиллис), — отсутствуют. Мы ожидаем их с минуты на минуту вот уже добрых полтора часа. Никто не понимает, что с ними случилось.

— Очень жаль, — сказал Стрендж. — Впрочем, меня это не касается. В мои планы не входит встреча с упомянутыми джентльменами. Я пришел повидаться с королем. У меня с собой письмо, подписанное архиепископами Кентерберийским и Йоркским и разрешающее мне сегодня увидеться с его величеством.

Волшебник помахал письмом перед носом смотрителя.

— И все же, сэр, вам придется подождать, пока прибудут доктор Джон и доктор Роберт. Они никому не дозволяют вмешиваться в их систему лечения короля. Его величество нуждается в тишине и уединении. Разговоры ему категорически противопоказаны. Вы и представить себе не можете, какими ужасными последствиями может обернуться ваш разговор. Например, вы упомянете, что на улице идет дождь. Казалось бы, невиннейшее замечание. Однако оно натолкнет короля на размышления, его помутившийся рассудок заработает, одна мысль потянет за собой другую, и в итоге состояние его величества ухудшится. В его памяти могут всплыть проигранные

битвы, умершие дочери и недостойные сыновья. Да что там! Король и сам может умереть от таких мыслей! Вы же не хотите убить короля, сэр?

— Нет, — ответил Стрендж.

— Ну вот, — удовлетворенно хмыкнул смотритель. — Теперь вы сами понимаете, что вам лучше подождать.

— Спасибо, но я все же рискну. Будьте любезны провести меня к королю.

— Доктор Джон и доктор Роберт очень рассердятся.

— Мне нет до этого никакого дела, — холодно ответил волшебник.

Смотритель удивленно взглянул на него.

— Вот что, — твердо продолжал Стрендж, — либо вы пропускаете меня к королю, либо отказываетесь подчиняться двум архиепископам. Это очень тяжкий проступок, караемый… не помню точно как, но уверен, что чрезвычайно сурово.

Слуга вздохнул, потом кликнул своего подчиненного (такого же грязного и грубого, как и он сам), приказал ему немедленно отправляться за докторами и лишь после этого с превеликой неохотой отступил в сторону и пропустил Стренджа.

Комната, в которой оказался волшебник, была

очень велика. Стены покрывали дубовые панели с искусной резьбой. На потолке здесь тоже разместились августейшие и символические персонажи, сидящие на облаках. И все же место навевало уныние. Голый, ничем не прикрытый пол дышал холодом. Всю мебель составляли стул да видавший виды клавесин. У инструмента, спиной к двери, сидел старик, одетый в халат старинной пурпурной парчи. На голове у него был помятый ночной колпак алого бархата, на ногах — засаленные и стоптанные домашние туфли. Играя, он громко напевал что-то на немецком. Услышав шаги, старик обернулся и перестал играть.

— Кто там? — спросил он. — Кто это?

— Волшебник, ваше величество, — отозвался смотритель.

Старик на секунду задумался, потом громко сказал:

— Терпеть не могу волшебников!

Он снова повернулся к инструменту и заиграл с еще большим пылом, сопровождая музыку громким пением.

Такое начало не предвещало ничего хорошего. Смотритель презрительно хмыкнул и отошел, оставив Стренджа и короля наедине. Волшебник

сделал несколько шагов вперед и встал так, чтобы видеть лицо его величества.

Безумие короля усугублялось слепотой. Радужка была затянута мутно-голубой пленкой, белки глаз напоминали цветом скисшее молоко. Тронутые сединой волосы грязными прядями свисали вдоль дряблых, в сетке лопнувших сосудов, щек. С безвольных губ стекала слюна. Белая борода была почти такая же длинная и неухоженная, как и волосы. Король ничуть не походил на те портреты, которые доводилось видеть Стренджу, ведь их писали в то время, когда его величество пребывал в здравом рассудке. В своем нынешнем облике, со спутанной бородой и растрепанными волосами, в длинном пурпурном халате король походил на трагического старика из шекспировской драмы, точнее, сразу на двух трагических стариков: безумный и слепой, он был Лиром и Глостером в одном лице.

Стренджа предупредили, что согласно дворцовому этикету разговаривать с королем следует лишь после того, как тот первым к вам обратится. Однако такой вариант выглядел малоперспективным, поскольку король уже заявил о своей нелюбви к волшебникам. Поэтому, дождавшись, когда его величество прекратит петь и играть, гость заговорил сам:

— Я покорный слуга вашего величества, Джонатан Стрендж из Эшфера в Шропшире. Во время последней войны в Испании я был штабным волшебником и, рад сообщить, принес некоторую пользу вашему величеству. Сыновья и дочери вашего величества надеются, что моя магия даст вам некоторое облегчение от болезни.

— Скажи волшебнику, что я не вижу его! — беспечно бросил король.

Стрендж оставил без ответа эту бессмысленную ремарку. Разумеется, король не мог его видеть, поскольку был слеп.

— Однако я очень хорошо вижу его спутника! — продолжал его величество одобрительным тоном и повернул голову так, будто рассматривает что-то в двух-трех футах от волшебника. — Да и как его не увидеть, с такими-то серебристыми волосами! Сдается, весьма бойкий малый.

Все это звучало настолько убедительно, что Стрендж даже повернулся. Разумеется, рядом никого не было.

Последние дни волшебник занимался тем, что просматривал книги Норрелла в поисках чего-то подходящего. Оказалось, что заклинаний для излечения безумия очень мало. Точнее, ему попалось только одно, да и в его значении Стрендж не был вполне уверен. Оно представляло собой рецепт из книги Ормскирка «Откровения о тридцати шести иных мирах». Ормскирк утверждал, что приводимая им формула рассеивает иллюзии и поправляет неверные мысли. Стрендж открыл книгу и прочел рецепт еще раз. Звучало заклинание довольно туманно.

Наполни его глаза сиянием луны, и оно развеет лживые мóроки.

Уши его наполни пчелами. Пчелы любят правду, они разрушат уловки лжеца.

Наполни его рот солью, да лжец не соблазнит его вкусом меда, не удручит вкусом пепла и праха.

Пронзи ему ладонь железом, да не поднимется у него рука исполнить повеление лжеца.

Спрячь его сердце в тайник, да будут все желания его собственными, и да не сумеет лжец

добраться до них.

Дополнение. Полезным может оказаться красный цвет.

Читая эти слова, Стрендж отдавал себе отчет, что ничего решительно не понимает[80]. Как, скажите на милость, приложить луну к глазам больного? А если верна вторая часть рецепта, то герцогам следует пригласить не волшебника, а пасечника. Не был Стрендж уверен и в том, что его величеству так уж понравится, если его ладони начнут пробивать железными гвоздями. И к чему тут красный цвет? Он вроде бы читал где-то что-то о красном цвете, но вспомнить не мог, как ни напрягал память.

Между тем король завел разговор с воображаемым джентльменом:

— Прошу извинить, что принял вас за простолюдина. Вы, должно быть, и впрямь король. Но я всего лишь позволил себе вольность заметить, что никогда не слышал о ваших королевствах. Где расположен Дом Утраченной Надежды? Где

---

[80] Примечания: 80

По всей вероятности, в том же положении был и Ормскирк, который всего лишь записал заклинание с чьих-то слов или позаимствовал из другой книги. С писаниями магов-аргентианов такая проблема возникает постоянно. В стремлении сохранить все, даже самые отрывочные знания, они часто записывали даже то, чего сами не понимали.

искать Голубые За́мки? Где Город Железных Ангелов? Вот я — король Великобритании, и мое королевство обозначено на карте, его все знают! — Его величество замолчал, как будто выслушал ответ невидимого собеседника, затем воскликнул: — О, не злитесь! Умоляю вас, не злитесь! Вы — король, и я — король! Мы оба короли! Не нужно злиться! Давайте я сыграю вам и спою!

Он вытащил из кармана флейту и заиграл что-то меланхолическое.

Стрендж протянул руку и сдернул с короля ночной колпак, проверяя, не станет ли его величество вести себя еще безумнее, но через несколько минут убедился в отсутствии каких-либо перемен и вернул колпак на место.

Добрых полтора часа волшебник испытывал все известные ему заклинания. Заклинания, восстанавливающие память. Заклинания пробуждения. Заклинания отыскания. Заклинания концентрации ума. Заклинания, рассеивающие кошмары и недобрые мысли. Заклинания по поиску системы в хаосе. Заклинания, помогающие заблудшим. Заклинания демистификации. Заклинания по усилению мыслительной силы. Заклинания против болезней и для поправления поврежденных органов. Одни заклинания были

длинные и сложные. Другие состояли из одного-единственного слова. Некоторые следовало произносить вслух. Другие — только мысленно. Были и такие, которые вообще не содержали слов и представляли собой лишь жест. Одни из них Стренджу и Норреллу приходилось использовать едва ли не ежедневно, другие не применялись, возможно, столетиями. Некоторые требовали вспомогательных средств: зеркала, капли крови из пальца самого волшебника, свечи и ленточки. Однако все они имели нечто общее: решительно не действовали на короля.

Сдаюсь, подумал Стрендж.

Король же, пребывающий в счастливом неведении относительно направленной на него магии, продолжал доверительный разговор с невидимым джентльменом:

— Так вас выслали сюда навсегда или же вы можете вернуться? Только не позволяйте им поймать вас здесь! Они наденут на вас смирительную рубашку! Последний раз я выходил отсюда в понедельник тысяча восемьсот одиннадцатого! Говорят, с тех пор прошло три года, но я же знаю, что они лгут! По моим подсчетам через две недели, в пятницу, будет ровно двести сорок шесть лет!

Несчастный, подумал Стрендж. Сидеть взаперти в холодной комнате, без друзей, без развлечений! Немудрено, что у него свой счет времени. Немудрено, что он лишился рассудка!

Вслух же волшебник сказал:

— Если желаете, ваше величество, я с удовольствием прогуляюсь с вами на свежем воздухе.

Король замолчал, слегка наклонил голову и спросил:

— Кто это сказал?

— Я, ваше величество, Джонатан Стрендж, волшебник.

Он почтительно поклонился и с опозданием вспомнил, что король его не видит.

— Великобритания! Мое дорогое королевство! — воскликнул монарх. — Как бы хотел я снова увидеть мою страну, особенно сейчас, летом. Деревья и лужайки зеленеют, а воздух сладок, как вишневый пирог!

Выглянув в окно, Стрендж увидел белый холодный туман и голые скелеты деревьев.

— Совершенно верно. Почту за честь, если ваше величество согласится выйти вместе со мной.

Король задумался. Он снял одну туфлю и попытался поставить ее на голову. Когда фокус не удался, его величество вернул туфлю на положен-

ное место, потом сунул в рот кисточку на конце шнура, которым был подвязан его халат.

— Откуда мне знать, что вы не злой демон, явившийся искушать меня? — спросил он наконец самым что ни на есть рассудительным тоном.

Стрендж не сразу нашелся что ответить. Король же продолжил:

— Конечно, если вы злой демон, то должны знать, что я вечен и не могу умереть. Если выяснится, что вы враг, я просто топну ногой и отошлю вас назад в преисподнюю!

— Неужели? Вы, ваше величество, обязательно должны научить меня этому трюку. Хотелось бы узнать хоть что-то полезное. Однако позвольте заметить, что, обладая такой магической силой, вы можете меня не бояться. Только нам нужно поторопиться и выйти как можно быстрее и незаметнее. Скоро здесь будут Уиллисы. Старайтесь не шуметь, ваше величество.

Король ничего не сказал, но притронулся пальцем к носу, и на его лице появилось хитроватое выражение.

Дальше перед Стренджем встала задача найти выход, не встревожив при этом смотрителей. Ждать помощи от короля не приходилось. На вопрос, куда ведут двери, он ответил, что, по

его мнению, одна ведет в Америку, другая — к Вечным Мукам, а третья, вероятно, в следующую пятницу. Стрендж открыл ту, что, на взгляд его величества, вела в Америку, и быстро провел короля через несколько комнат. Потолки их были расписаны фресками, на которых английские монархи носились по небесам в огненных колесницах, побеждая аллегорические фигуры Зависти, Греха и Бунта и учреждая Храмы Добродетели, Дворцы Вечной Справедливости и прочие полезные институции подобного рода. Однако если на потолках кипела бурная деятельность, то помещения под ними выглядели заброшенными, пустыми и были полны пыли и паутины. Мебель покрывали серые чехлы, и казалось, что все эти стулья и столы давно умерли, оставив после себя только могильные камни.

Они вышли к лестнице, и король, принявший близко к сердцу предостережение спутника, пожелал всенепременно спуститься на цыпочках, что и проделал с преувеличенной детской серьезностью. Это заняло немало времени.

— Что ж, ваше величество, — бодро заметил Стрендж, когда они наконец оказались у подножия ступенек, — думаю, мы неплохо справились. По крайней мере, погони не слышно. Герцог

Веллингтон был бы рад взять нас разведчиками. Полагаю, ни капитан Сомерс-Кокс, ни даже сам Колхаун Грант не смогли бы пересечь вражескую территорию…

Договорить ему не дал король, извлекший из флейты громкий победный вопль.

— Ч…т! — выдохнул Стрендж и настороженно прислушался.

Ничего, однако, не случилось. Где-то неподалеку что-то стучало и царапалось, кто-то повизгивал и вскрикивал — как будто на кого-то набросился целый шкаф со щетками. В остальном все было тихо.

Дверь вела на широкую каменную террасу, за которой, если спуститься по крутому склону, лежал парк, казавшийся сейчас призрачным, поскольку все детали и цвета стер белый туман. Земля и небо смешались в неопределенную, невесомую серую стихию, и только справа виднелась уходящая вдаль двойная линия деревьев.

Рука об руку Стрендж и король дошли до угла замка, где волшебник обнаружил идущую вниз по склону тропинку. Углубившись в парк, они оказались у небольшого пруда, окруженного

невысоким каменным бордюром[81]. В центре пруда возвышался павильон, украшенный вырезанными из камня существами. Некоторые из них напоминали собак, хотя туловища у них были более вытянутыми и длинными, как у ящериц, а на спине торчали шипы. Другие изображали дельфинов, ухитрившихся неким чудесным образом прилепиться к стене. На крыше восседали в античных позах античные леди и джентльмены с вазами в руках. Судя по всему, архитектор хотел, чтобы струи воды, извергаясь из пастей животных и ваз, падали на крышу, а затем живописно стекали в пруд. К сожалению, в данный момент все застыло и замерло.

Стрендж уже собрался отпустить замечание по поводу меланхолического настроения, навеваемого видом зимнего пруда, когда внезапно услышал крики и, обернувшись, увидел, что по склону торопливо спускаются четверо. Двое были уже знакомые смотрители скорбного дома, двух других джентльменов ему прежде видеть не доводилось. Все четверо выглядели весьма

[81] Примечания: 81

Пруд и деревья — все, что осталось от огромного регулярного парка, который король Вильгельм III начал создавать, но так и не закончил. От плана пришлось отказаться из-за слишком большой стоимости, и парк вернулся в свое прежнее естественное состояние.

недовольными.

Оба джентльмена хмурились, тщась придать себе важный вид и оскорбленное выражение. Судя по всему, одевались они в крайней спешке. Один все еще продолжал застегиваться, но безуспешно — стоило ему просунуть пуговицы в петли, как они моментально выскакивали. Примерно одних с мистером Норреллом лет, этот господин носил такой же старомодный парик, который то подпрыгивал, то начинал съезжать в одну либо в другую сторону. В отличие от мистера Норрелла джентльмен был высок, обладал довольно приятной наружностью, держался уверенно и с сознанием собственной значимости. Второй (на несколько лет моложе) вел отчаянную борьбу с башмаками, которые, судя по всему, имели собственное мнение по поводу происходящего. Их хозяин пытался идти вперед, они же всячески старались нести его в противоположном направлении. Стренджу оставалось только предположить, что магия сработала даже лучше, чем можно было ожидать.

Высокий джентльмен (с шаловливым париком) весьма недружественно посмотрел на волшебника.

— Кто разрешил вывести короля на улицу? —

гневно спросил он.

Стрендж пожал плечами:

— Я.

— Вы! Кто вы?

Манера, в которой к нему обращались, пришлась волшебнику не по вкусу.

— А кто вы?

— Я доктор Джон Уиллис. Это мой брат, доктор Роберт Дарлинг Уиллис. Мы врачи короля и несем ответственность за его состояние перед Королевским советом. Никому не позволено посещать его величество без нашего разрешения. Я спрашиваю еще раз: кто вы?

— Джонатан Стрендж. Я прибыл сюда по просьбе их королевских высочеств герцогов Йоркского, Кларенского, Сассекского, Кентского и Кембриджского, которые пожелали определить, поддается ли болезнь короля лечению магией.

— Ха! — презрительно воскликнул доктор Джон. — Магия! Она ведь годится только убивать французов, не так ли?

Доктор Роберт саркастически рассмеялся. Однако желаемого результата его смех не достиг, потому что башмаки вдруг устремились вперед и королевский лекарь стукнулся носом о дерево.

— Волшебник, ну-ну! — бросил доктор Джон. —

Вы сильно ошибаетесь, если думаете, будто можете обращаться со мной и моими слугами столь непочтительным образом. А теперь признавайтесь, это ведь вы закрыли ворота, чтобы мои люди не могли вас остановить?

— Вот уж нет! — заявил Стрендж. — Ничего подобного я не делал. Хотя и мог бы, — признал он, — если бы в том возникла необходимость. Сдается, ваши люди не только наглецы, но и лжецы! Покидая замок, мы с его величеством не видели никого из них!

Первый смотритель (с лицом, похожим на чеширский сыр) чуть не взорвался от возмущения.

— Неправда! — закричал он. — Доктор Джон, доктор Роберт! Умоляю вас не слушать эти лживые наветы. Мартин… Мартин лишился голоса и не мог издать ни звука, чтобы поднять тревогу!

Он указал на второго смотрителя. Тот энергично закивал, подтверждая свидетельство напарника.

— Что касается меня, сэр, — продолжал первый смотритель, — я был в конце коридора, когда услышал, как открывается дверь. Я только собрался заговорить с волшебником — и будьте уверены, приготовил для этого несколько крепких словечек, — как магическая сила втолкнула

меня в шкаф со щетками, а дверь закрылась, и я не мог оттуда выбраться.

— Чепуха! — запротестовал Стрендж.

— Чепуха, да? Так, значит, это не вы приказали щеткам избить меня? Посмотрите, я весь в синяках!

Последнее утверждение, по крайней мере, соответствовало действительности — лицо его покрывали кровоподтеки.

— Ну что, волшебник! — торжествующе воскликнул доктор Джон. — Что вы скажете теперь, когда ваши трюки полностью изобличены?

— Как же! — ответил Стрендж. — Он все это сделал, чтобы подкрепить свою ложь!

Король подул во флейту — получилось довольно вульгарно.

— Будьте уверены, — сказал доктор Джон, — Королевский совет в самом скором времени узнает о вашем самоуправстве. — Он повернулся к королю. — Ваше величество! Идите сюда!

Король попытался спрятаться за Стренджа.

— Вы очень меня обяжете, если вернете его величество под мою опеку.

— Ничего подобного я не сделаю, — твердо ответил Стрендж.

— А известно ли вам, как следует обращаться с

безумцами? — усмехнулся доктор Роберт. — Изучали ли вы этот вопрос?

— Я знаю, что человек никогда не выздоровеет, если его держат под замком, лишают общения, отказывают в прогулках и свежем воздухе, — парировал Стрендж. — Это варварство! Я бы и собаку не подверг таким истязаниям!

— Говоря так, вы только выдаете собственное невежество. Одиночество и покой, против которых вы столь энергично выступаете, — краеугольный камень всей нашей системы, нацеленной на излечение короля.

— О! Вы называете это системой? Из чего же состоит ваша система?

— Есть три главных принципа, — объявил доктор Роберт. — Устрашение…

Флейта короля отозвалась жалобной нотой.

— …изоляция…

Еще один печальный звук.

— …и ограничение свободы.

Долгий, похожий на вздох звук.

— Таким образом, — продолжал доктор Роберт, — подавляются все возможные источники возбуждения, и пациент лишается материала для фантазий.

— Самый же главный целебный эффект, — до-

бавил доктор Джон, — достигается подчинением пациента воле врача. Именно сила характера лечащего определяет успех или провал его усилий. Многие подтверждают, что наш отец укрощал помешанных одним взглядом.

— Вот как? — Стренджу стало интересно. — Никогда об этом не думал, но с магией зачастую дело обстоит очень похоже. Я и сам не раз убеждался, что в некоторых случаях действие заклинания зависит от силы личности волшебника.

— Неужели? — Доктор Джон бросил взгляд влево.

— Да. Возьмите, к примеру, Мартина Пейла. Он…

Говоря, Стрендж невольно проследил за взглядом доктора Джона. Один из смотрителей (тот, что утратил дар речи) осторожно подбирался к королю по краю пруда с чем-то подозрительно похожим на смирительную рубашку.

И тут началось. Стрендж вскрикнул… второй смотритель бросился к королю… оба Уиллиса попытались схватить Стренджа… король протрубил тревогу… и послышался странный шум, как если бы сотня человек одновременно пытались прочистить горло.

Все остановились. Звук шел со стороны ка-

менного павильона посреди замерзшего пруда. Внезапно из пасти каждого каменного изваяния выползло по густому белому облачку, как будто они разом выдохнули. Облачка эти засияли, переливаясь в рассеянном свете, и с легким звоном упали на лед.

На какой-то миг наступила тишина, почти сразу же сменившаяся ужасным хрустом крошащегося мрамора. В следующее мгновение каменные звери оторвались от стен и медленно двинулись по льду к братьям Уиллисам. Пустые каменные глаза ожили. Пасти раскрылись, из каменных глоток ударили струи воды. Каменные хвосты принялись мести лед, каменные лапы неуклюже сгибались и разгибались. Свинцовые трубы, по которым вода подавалась к фонтану, волшебным образом растянулись.

Не понимая, что происходит, Уиллисы и смотрители лишь тупо таращились на приближающихся хищников. Гротескные фигуры ползли, загадочным образом таща за собой трубы и поливая братьев водой. Уиллисы завизжали и запрыгали, больше от страха, чем от реального ущерба.

Смотрители бросились наутек, что же касается Уиллисов, задержавшихся возле короля, то

они уже не могли позволить себе такой прыти, поскольку вода на холоде быстро превращалась в лед.

— Волшебник! — воскликнул доктор Джон, поворачивая к замку. — Вот как! Не волшебник, а лгун! Лорд Ливерпуль обо всем узнает! Узнает, как вы обошлись с верными слугами короля! О! У!

Наверно, он сказал бы что-нибудь еще, но каменные фигуры на крыше павильона привстали и начали обстреливать его камнями.

Стрендж ничего не сказал на эти обвинения, ограничившись презрительным взглядом. Впрочем, показная уверенность далась ему не без труда. Волшебнику и самому становилось все больше не по себе. Какая бы магия здесь ни творилась, он не имел к ней ни малейшего отношения.

33. «Наполни мои глаза сиянием луны»

Ноябрь 1814 года

Это было непостижимо. Неужто в замке есть еще волшебник? Может, кто-то из слуг? Или одна из принцесс? Вряд ли. А может, это дело рук мистера Норрелла? Стрендж вообразил, как его наставник сидит в своей комнатушке на Ганновер-Сквер, смотрит в серебряную миску на все происходящее, а потом изгоняет Уиллисов с помощью магии. В это можно было поверить. В конце концов, оживление статуй было для мистера Норрелла чем-то вроде коронного блюда. Именно оно принесло ему широкую известность. И все же, все же… С какой стати мистер Норрелл стал бы ему помогать? По доброте душевной? Трудно поверить. Кроме того, в колдовстве был какой-то черный юмор, несвойственный Норреллу. Тот, кто творил магию, хотел не просто напугать Уиллисов; он стремился унизить их, поставить в нелепое положение. Нет, это не Норрелл. Но кто же тогда?

Король не выглядел утомленным. Скорее он был настроен плясать, прыгать и вообще ликовать по случаю поражения Уиллисов. Стрендж

решил, что моцион не причинит его величеству вреда, и они вышли в парк.

Белый туман стер детали и краски, сделав все призрачным. Земля и небо сливались в одну серую зыбкую стихию.

Король самым что ни на есть дружеским жестом взял Стренджа под руку, словно позабыв, что не любит волшебников. Он заговорил о вещах, которые переполняли его безумную голову. Король был убежден, что огромное количество бедствий свалилось на Британию с тех пор, как он сошел с ума. Судя по всему, он воображал, что если сам повредился в рассудке, то нечто подобное произошло и с королевством. Главной навязчивой идеей была уверенность, что Лондон постигло страшное наводнение.

— ...не могу описать, что пережил, когда мне сообщили, что хладные волны сомкнулись над куполом собора Святого Павла! Я рыдал три недели кряду! Теперь все дома обросли ракушками, а на рынках продают только устриц и морских ежей! Мистер Фокс поведал мне, что три воскресенья назад он посетил церковь Святого Ведаста на Фостер-лейн, где прослушал замечательную

проповедь, прочитанную камбалой[82]. Но я придумал, как спасти королевство! Отправил посольство к морскому царю с предложением: я женюсь на русалке и таким образом положу конец раздору между двумя нашими народами!..

Второй навязчивой идеей его величества был некто сребровласый, которого никто больше не видел.

— Он называет себя королем, — настойчиво шептал безумец, — но я думаю, он ангел! Наверняка ангел, с такими-то волосами. А те два злых духа, с которыми вы говорили, ну он и задал им трепку! Полагаю, он явился, чтобы покарать их и ввергнуть в геенну огненную. А потом он, несомненно, заберет меня и вас в благословенный Ганновер!

— На благословенные небеса, — поправил Стрендж. — Ваше величество хотели сказать, на благословенные небеса.

Они шли дальше. Начал сыпаться снег, покрывая серый мир белой пеленой. Было очень тихо.

Неожиданно послышались звуки флейты. Му-

---

[82] Примечания: 82

Чарльз Джеймс Фокс, радикальный политик, умерший за восемь лет до этого. Замечание показывает, насколько сильно король повредился в уме: мистер Фокс был известным атеистом и ни при каких обстоятельствах не пошел бы в церковь.

зыка звучала скорбно и одиноко, но в то же время очень возвышенно.

Стрендж подумал, что заиграл король, и обернулся. Однако его спутник стоял, опустив руки; флейта лежала в кармане. Стрендж огляделся. Редкий туман не скрыл бы человеческую фигуру. Парк был пуст.

— Ах, слушайте! — вскричал король. — Он поет о трагедии короля Великобритании. Эти быстрые ноты! Они говорят об утраченной власти! Какие грустные трели! Они рассказывают о разуме, загубленном коварными политиканами и постыдным поведением сыновей. О, эта мелодия надрывает мне сердце, она поет о прелестном юном создании, которое король боготворил в юности и от которого отказался по принуждению друзей. О боже, как я тогда рыдал!

По лицу короля бежали слезы. Он принялся исполнять какой-то медленный грустный танец, раскачиваясь всем телом, плавно поводя руками и кружась на месте. Музыка начала удаляться вглубь парка, и король, танцуя, последовал за ней.

Стрендж был заинтригован. Музыка, казалось, вела короля к группе деревьев. Стрендж готов был поклясться, что мгновение назад их было не

более дюжины, но теперь там появилась целая роща, да нет, уже настоящий лес — густая чаща древних лесных исполинов. Толстые ветви походили на извивающиеся руки, корни — на клубок змей. Стволы были увиты плющом и омелой. Между деревьев виднелась узкая тропинка, изрытая норами и заросшая заиндевелой травой. Слабый свет, мерцавший в глубине леса, шел словно из какого-то дома, хотя никакого дома там быть не могло.

— Ваше величество! — воскликнул Стрендж. Он бросился за королем и схватил того за руки. — Простите меня, ваше величество, но мне не нравятся эти деревья. Думаю, нам лучше вернуться в замок.

Король был совершенно зачарован музыкой и не желал уходить. Он вырывался, отталкивал руки Стренджа, а тот снова хватал его и полувел, полутащил назад, к воротам парка.

Однако невидимый флейтист, по-видимому, не собирался так просто их отпускать. Внезапно музыка зазвучала громче; теперь она была повсюду. Новая тема возникла и сплелась с первой.

— Ах! Послушайте! Послушайте! — вскричал король, поворачиваясь. — Теперь он играет для вас! Пронзительная мелодия говорит про жесто-

кого наставника, который не хочет поведать вам то, что вы имеете право знать. Этот диссонанс описывает ваш гнев, вызванный тем, что вам не дают совершать новые открытия. А медленный печальный марш напоминает о большой библиотеке, куда этот себялюбец не хочет вас пускать.

— Но как… — начал Стрендж и осекся.

Он тоже слышал ее — музыку, которая рассказывала о его жизни. Впервые он осознал, сколько в ней уныния и печали. Его окружали двоедушные люди, тайные завистники и недоброжелатели. Теперь он знал, что каждая злая его мысль была оправданна, а каждая добрая — наивна. Все его враги заслуживали ненависти, все друзья были предателями. Норрелл (разумеется) был хуже всех, и даже Арабелла не стоила его любви.

— Ах, — вздохнул король, — значит, вас тоже предали.

— Да, — грустно отвечал Стрендж.

Они опять повернулись к лесу. Крохотные огоньки меж деревьев внушили Стренджу мысль об уютном доме там, в чаще. Он почти видел мягкий свет свечей над удобными креслами, старинный камин, в котором весело пылали дрова, стаканы с глинтвейном, который согреет их после прогулки по темному лесу. Огоньки

подсказывали и кое-что еще.

— Думаю, там библиотека, — проговорил Стрендж.

— Ну конечно же! — вскричал король, хлопая в ладоши от радости. — Вы станете читать книги, а когда ваши глаза устанут, я буду читать вам вслух! Но мы должны спешить! Послушайте музыку! Он нас торопит!

Его величество протянулся, чтобы взять Стренджа под локоть, и тут волшебник заметил, что его левая рука занята. Он держал книгу Ормскирка «Откровения о тридцати шести иных мирах».

«Ах, это! — подумал Стрендж. — Мне она больше не нужна. Наверняка в лесном домике найдутся книги получше».

Он разжал пальцы — «Откровения» упали на заснеженную землю.

Снег пошел сильнее. Флейтист играл. Они поспешили к лесу. Алый ночной колпак сполз королю на глаза, Стрендж его поправил. Тут он неожиданно вспомнил, что красный цвет защищает от колдовских чар.

— Скорее! Скорее! — кричал король.

Флейтист исполнил серию быстрых рулад, которые взлетали и падали, имитируя звуки ветра. Из ниоткуда подул настоящий ветер и понес их

к лесу. Когда ветер опустил Стренджа и короля на землю, они были куда ближе к странным деревьям.

— Замечательно! — вскричал король.

Ночной колпак словно притягивал взгляд Стренджа.

…Защита от колдовских чар…

Флейтист вызвал еще один порыв ветра, который сорвал колпак с головы короля.

— Неважно! Неважно! — весело крикнул король. — Он обещал мне кучу ночных колпаков, когда мы доберемся до его дома.

Однако Стрендж уже выпустил руку короля и ринулся против ветра и снега, чтобы подобрать красный колпак. Он лежал в снегу — яркая алая тряпка посреди мутных белесых и серых теней.

…Защита от колдовских чар…

Он вспомнил, как сказал одному из Уиллисов: чтобы успешно практиковать магию, волшебник должен использовать силу характера. Почему он подумал об этом сейчас?

Наполни мои глаза сиянием луны (подумал он), *и оно развеет лживые мóроки.*

Ослепительный белый лунный диск появился внезапно — не в небе, а где-то еще. Если бы Стренджа принудили сказать, где именно, он ответил

бы, что прямо у него в голове. Ощущение было не из приятных. Стрендж видел только лунный лик, белый, как старая кость. Он забыл о короле. Забыл, что он волшебник. Забыл о мистере Норрелле. Забыл свое собственное имя.

Забыл обо всем, кроме луны.

Луна исчезла. Стрендж огляделся и обнаружил, что стоит в снегу неподалеку от темного леса. Между ним и деревьями застыл незрячий король в халате. Должно быть, он еще бежал, когда Стрендж остановился. Однако без спутника король почувствовал себя одиноким и испугался. Он кричал:

— Волшебник! Волшебник! Где вы?

Лес больше не казался Стренджу гостеприимным. Он снова видел его зловещим, чуждым, *неанглийским.* Что до огоньков, теперь он их едва различал; это были просто светлые точки во тьме леса, и они говорили, что обитатели дома не могут себе позволить обилия свечей.

— Волшебник! — снова крикнул король.

— Я здесь, ваше величество.

Уши мои наполни пчелами (подумал он). *Пчелы любят правду, они разрушат уловки лжеца.*

Низкое жужжание наполнило слух, заглушая музыку флейтиста. Оно походило на язык, и

Стренджу казалось, что он вот-вот начнет разбирать слова. Жужжание усиливалось, заполняло голову и грудь, распространялось до кончиков пальцев на руках и ногах. Казалось, даже волосы наэлектризовались, а кожа вибрирует от всепроникающего звука. На какой-то миг Стренджу почудилось, что у него полный рот пчел, что они жужжат и летают под кожей, в кишках и голове.

Жужжание смолкло. Стрендж вновь услышал флейту, но теперь она звучала совсем не сладко и не рассказывала про его жизнь.

Наполни мой рот солью, да лжец не соблазнит меня вкусом меда, не удручит вкусом пепла и праха.

Эта часть заклинания не вызвала у него никаких ощущений[83].

Пронзи мне ладонь железом, да не поднимется у меня рука исполнить повеление лжеца.

— А-а-а! Боже! — завопил Стрендж.

Острая боль пронзила ладонь левой руки. Когда она исчезла — так же внезапно, как появилась, — у него окончательно пропало желание приближаться к лесу.

Спрячь мое сердце в тайник, да будут все жела-

---

[83] Примечания: 83

Когда позже Стрендж обдумывал события того утра, он предположил, что флейтист не стремился обмануть его вкус.

ния моими собственными, и да не сумеет лжец добраться до них.

Он увидел Арабеллу такой, какой видел тысячи раз, — нарядно приодетой, в окружении смеющихся и беседующих гостей. Стрендж протянул ей свое сердце. Она взяла его и спокойно положила в карман платья. Никто этого не заметил.

Стрендж применил то же заклинание к королю и на последних словах отдал его сердце Арабелле. Интересно было наблюдать за действием магии со стороны. Голова короля была забита таким множеством невероятных образов, что внезапное появление в ней луны вряд ли могло поразить беднягу. А вот пчелы его напугали, и он еще долго от них отмахивался.

Как только заклинание было завершено, флейтист прекратил играть.

— А теперь, ваше величество, — обратился к спутнику Стрендж, — полагаю, настало время вернуться в замок. Вы и я, ваше величество, — британский король и британский волшебник. Великобритания может бросить нас в беде, но мы не вправе бросить Великобританию. Мы еще можем ей понадобиться.

— Истинная правда! На коронации я клялся всегда ей служить! О, моя бедная страна!

Король обернулся и помахал рукой в ту сторону, где, по его мнению, находился таинственный флейтист.

— Прощайте! Прощайте, дорогой сэр! Господь благословит вас за доброту к Георгу Третьему!

«Откровения о тридцати шести иных мирах» лежали, полузасыпанные снегом. Стрендж подобрал книгу и стряхнул с нее снег.

У ворот парка волшебник оглянулся. Темный лес исчез. На его месте вновь была невинная рощица из пяти облетевших буков.

В Лондон Стрендж возвращался в глубокой задумчивости. Он понимал, что приключение в Виндзоре должно встревожить, возможно, даже испугать его. Однако гораздо сильнее были любопытство и возбуждение. Несмотря на все старания неведомых сил, применивших магию, он победил, сумел своей волей превозмочь их намерения. Противник был силен, но Стрендж оказался сильнее. В целом происшествие подтвердило то, о чем он давно подозревал: в Англии сохранилось гораздо больше магии, нежели полагал мистер Норрелл.

Обдумывая приключение со всех сторон, Стрендж вновь и вновь возвращался мыслями к человеку с серебряными волосами, которого

никто, кроме короля, не видел. Он постарался вспомнить, что именно рассказывал король, однако в памяти осталось только одно — серебряные волосы.

Стрендж приехал в Лондон примерно в полпятого. На город опускались сумерки. В лавках зажгли огни, на улицах горели фонари. Добравшись до перекрестка Оксфорд-стрит и Нью-Бонд-стрит, он свернул и поехал на Ганновер-Сквер. Мистера Норрелла он застал в библиотеке за чашкой чая.

Старик, как всегда, рад был видеть собрата по ремеслу и очень хотел узнать подробности визита Стренджа к его величеству.

Стрендж рассказал, что короля содержат в собственном дворце, как одинокого узника, и перечислил заклинания, которые пробовал применить. Однако об изгнании Уиллисов, зачарованном лесе и невидимом флейтисте не произнес ни слова.

— Я ничуть не удивлен, что вы не смогли помочь его величеству, — заметил мистер Норрелл. — Думаю, даже маги-ауреаты не умели лечить безумие, да и вряд ли пытались. Судя по всему, они совершенно иначе смотрели на сумасшествие. Они чтили безумцев, считая, что те знают нечто, недоступное всем прочим и полез-

ное для волшебников. Рассказывают, что Ральф Стокси и Екатерина Винчестерская обращались за советом к безумцам.

— Но так поступали не только волшебники, не правда ли? — спросил Стрендж. — Феи и эльфы тоже очень интересуются умалишенными. Я точно где-то об этом читал.

— Да, конечно! Некоторые крупнейшие авторы отмечают близкое сходство между эльфами и безумцами. Те и другие говорят бессмыслицу; уверен, нечто подобное вы заметили в короле. Однако есть и другие общие черты. Насколько я помню, Частон сообщает кое-что по этому вопросу. Он приводит пример с умалишенным из Бристоля, который каждое утро сообщал семье о намерении прогуляться в компании стула из гостиной. Человек этот был очень привязан к стульям, считал их своими друзьями, вел с ними воображаемые беседы касательно предстоящей прогулки и возможности встретить другие столы и стулья. Он очень сердился, если кто-нибудь хотел сесть на его друга. Ясно, что он был душевнобольным, но Частон пишет, что эльфы не сочли бы поведение таким уж нелепым. Они не проводят четкой грани между одушевленным и неодушевленным, верят, что камни,

двери, деревья, огонь, облака и все вокруг имеют душу, желания и относятся либо к мужскому, либо к женскому полу. Вероятно, именно этим объясняется любовь эльфов к умалишенным. Общеизвестно, например, что эльфы, которые обычно прячутся от людских взоров, часто являются безумцам. Наиболее замечательный пример, который я могу припомнить, связан с мальчиком по имени Даффи, который жил в Честерфилде, графство Дербишир, в четырнадцатом веке. Он был любимцем одного озорного духа, который на протяжении многих лет вредил жителям города. Эльф очень любил мальчика и делал ему необычные подарки, от которых Даффи едва ли был бы прок, даже будь тот в своем уме: лодку, изукрашенную алмазами, пару серебряных башмаков, поющего поросенка…

— Почему же этот эльф уделял Даффи столько внимания и заботы?

— О! Он говорил мальчику, что они собратья по несчастью. Не знаю почему. Частон пишет, что очень многие эльфы вбили себе в голову, будто англичане их обижают. Хотя для Частона, да и для меня, осталось загадкой, почему они так думают. В домах великих английских волшебников они были первыми среди слуг, сидели на лучших

местах рядом с хозяином и хозяйкой. По этому вопросу он рассказывает очень много интересного. Его лучшая работа — *«Liber Novus»*. — Здесь мистер Норрелл строго посмотрел на ученика и ворчливо заметил: — Помнится, я вам ее неоднократно рекомендовал. Вы так и не прочли?

К сожалению, мистер Норрелл не всегда помнил, какие книги он советовал Стренджу прочесть, а какие отослал в Йоркшир нарочно, чтобы ученик до них не добрался. «*Liber Novus*» надежно стояла на полке в аббатстве Хартфью. Стрендж вздохнул и ответил, что охотно прочтет книгу, как только ее получит.

— А пока, сэр, не угодно ли вам будет закончить рассказ об эльфе из Честерфилда? — спросил он.

— Ах да! На чем я остановился? Ну вот, на протяжении многих лет дела шли очень хорошо для Даффи и очень неважно для жителей города. На месте базарной площади вырос густой лес, и дела у торговцев расстроились. У коз и свиней выросли крылья, и они разлетелись кто куда. Эльф превратил камни недостроенной приходской церкви в головки сахара, сахар нагрелся на солнце, и часть храма растаяла. В городе пахло, как в гигантской кондитерской. Хуже всего, что кошки и собаки принялись лизать и грызть сахар,

а птицы, крысы и мыши понаделали в церкви гнезд и дыр. Горожане остались с полусъеденной, перекособоченной церковью. Они были вынуждены пойти к Даффи на поклон и просить, чтобы тот походатайствовал за них перед эльфом. Однако мальчик встретил земляков неласково и не захотел помочь им, потому что помнил, как они насмехались над ним раньше. Горожанам пришлось улещивать безумца, превознося его ум и красоту. В конце концов Даффи согласился поговорить с эльфом, и сразу же произошли разительные перемены. Эльф перестал вредить городу, а сахарную церковь вновь превратил в каменную. Жители вырубили деревья на базарной площади и закупили новый скот. Впрочем, с церковью дела все же окончательно не наладились. Даже и сегодня она выглядит странновато.

Стрендж помолчал, потом спросил:

— Как вы считаете, мистер Норрелл, эльфы совсем покинули Англию?

— Не знаю. Есть множество рассказов о том, что жители Англии, мужчины и женщины, последние три-четыре столетия встречали их в глухих местах, но никто из видевших не был ни ученым, ни волшебником, поэтому их рассказы нельзя считать настоящими свидетельствами

и принимать всерьез. Когда вы или я вызываем эльфов… — Здесь он спохватился. — Я имею в виду, если мы решимся на такой опрометчивый шаг и прочтем заклинания правильно, они появятся сразу. Однако, откуда они приходят, какими путями странствуют, неизвестно. Во дни Джона Аскгласса были проложены дороги из Англии в страну эльфов — широкие зеленые дороги, огражденные живой изгородью или каменными стенами. Эти дороги еще целы, но едва ли эльфы в наши дни ими пользуются. Они заброшены и поросли бурьяном. Выглядят они мрачно, и, как я слышал, люди их сторонятся.

— В народе говорят, что дороги эльфов могут привести к несчастью, — заметил Стрендж.

— Люди глупы, — ответил Норрелл. — Дороги эльфов не могут причинить им вреда. Они вооб-

ще никуда не ведут[84].

— А как насчет полукровок, потомков от смешанных союзов эльфов и людей? Они наследуют знания и силы предков? — спросил Стрендж.

— О, это уже совсем другой вопрос. Многие люди сегодня носят фамилии, которые указывают на их эльфийское происхождение, — Эльфчайлд, например. Помню одного Джона Эльфчайлда, который работал на нашей ферме, когда я был ребенком. Впрочем, крайне редко потомки эльфов обнаруживают какие-либо способности к магии. Гораздо чаще этих людей отличает злоба, заносчивость и лень — качества, присущие их предкам-эльфам.

На следующий день Стрендж посетил их высочеств и с глубочайшим сожалением сообщил,

---

[84] Примечания: 84

Утверждение мистера Норрелла, что дороги эльфов не могут причинить вреда, довольно спорно. Дороги эти вызывают у людей беспричинный, но сильный страх, и существуют рассказы о странных приключениях, происшедших со смельчаками, которые отважились по ним пойти. Вот один из таких рассказов. Трудно сказать, что случилось с людьми на дороге, однако наверняка ни вы, ни я не захотели бы разделить их участь. В Йоркшире в конце XVI века жил фермер. Однажды летним утром, взяв двух-трех работников, он отправился на сенокос. Над землей еще стлался белый туман, а воздух был прохладен. По краю поля шла древняя дорога эльфов, огороженная зарослями боярышника. Она заросла травой и молодыми деревцами и даже в солнечный день оставалась сырой и тенистой. Фермер никогда и никого на ней не видел, но в то утро он заметил на дороге каких-то людей. Одеты они были по-иноземному, и лица их выглядели странно. Один из них, мужчина, шагал впереди остальных. Он свернул с дороги и пошел по полю. Он

был молод, красив и одет во все черное. Фермер и работники никогда его прежде не видели, но тотчас узнали. Это был король чародеев Джон Аскгласс. Они преклонили перед ним колени, а он попросил их подняться и сказал, что путешествует. Тогда они привели ему лошадь, предложили еду и питье. Потом привели своих жен и детей, а Джон Аскгласс благословил их и даровал им удачу.

Фермер с опаской посматривал на людей, которые остались на дороге, но Джон Аскгласс сказал, что их не стоит бояться. Он заверил фермера, что они не причинят ему вреда. Вскоре он уехал.

Странные люди некоторые время оставались на древней дороге, но, едва первые яркие лучи солнца их коснулись, растаяли вместе с туманом.

что не смог излечить безумие короля. Герцоги были весьма опечалены, но отнюдь не удивлены известием. Они это предвидели и заверили Стренджа, что ничуть его не винят. На самом деле они радовались уже тому, что он вообще съездил к королю, а в особенности что не потребовал никакой платы. В награду они даровали ему право именоваться их личным волшебником. Это значило, что он может, если пожелает, поместить над входом в свое жилище на Сохо-Сквер лепные позолоченные гербы всех пяти высочеств и всем подряд говорить, что он личный волшебник королевских сыновей.

Стрендж не стал объяснять, что заслуживает благодарности больше, нежели думают их высочества. Он был уверен, что спас короля от какой-то страшной опасности. Только не знал от какой.

34. На краю пустыни

Ноябрь 1814 года

Стивен и джентльмен с волосами, как пух на отцветшем чертополохе, шли по странному городу.

— Вы не устали, сэр? — спросил Стивен. — Я устал. Мы идем уже много часов.

Джентльмен пронзительно расхохотался:

— Мой дорогой Стивен! Ты попал сюда только что! Всего мгновение назад ты был в доме леди Поул, где по принуждению ее злобного мужа выполнял самую унизительную работу!

— О! — Стивен вспомнил, что и впрямь совсем недавно чистил серебряную посуду в комнатке возле кухни. Однако сейчас ему казалось, что это было давным-давно.

Он огляделся. Место было совершенно незнакомое. Даже здешний запах казался непривычным — смесь пряностей, кофе, гниющих овощей и жареного мяса.

Стивен вздохнул:

— Наверное, все дело в магии, сэр. Она сбила меня с толку.

Джентльмен ободряюще стиснул его локоть.

Город прилепился на склоне крутого холма.

Улиц не было — только каменные лестницы между домами. Здания выглядели весьма просто, если не сказать сурово. Стены глинобитные, беленые, двери — простые деревянные, окна закрыты крепкими ставнями, ступени лестниц и те выкрашены белой краской. Ни одного яркого пятна — ни цветов на подоконниках, ни пестрой игрушки, забытой ребенком возле дома. «Словно не по городу идешь, а заплутал в складках исполинской льняной салфетки», — подумалось Стивену.

Стояла тягостная тишина. Они поднимались и спускались по узким лестницам и временами различали глухие голоса за стенами жилищ, однако в этом городе не смеялись, не пели, здесь не раздавались веселые голоса детей. Изредка попадались местные жители — замкнутые смуглолицые люди во всем белом, с тюрбанами на голове. Даже самые молодые опирались на посохи. Обитатели этого города рождались стариками.

Лишь раз они видели женщину (по крайней мере, джентльмен с волосами как пух сказал, что это женщина). Она стояла рядом с мужем, закутанная с головы до пят в ткань цвета сумерек. Сперва Стивен увидел ее со спины; в полном соответствии с ощущением сна, когда женщина медленно повернулась к нему, он увидел, что

вместо лица у нее плотно расшитая ткань все того же сумеречного цвета.

— Какие странные люди, — прошептал Стивен. — Кажется, они ничуть нам не удивляются.

— Конечно, — ответил джентльмен. — Я сделал так, что мы выглядим для них как местные жители. Им кажется, будто они знают нас с детства. Более того, ты увидишь, что прекрасно понимаешь их речь, а они — твою, хотя здешний язык очень сложен и за двадцать пять миль отсюда его уже разбирают с трудом.

Возможно, так же по волшебству, горожане не замечали, что джентльмен говорит очень громко и голос его гулко отдается среди беленых стен.

Улица круто повернула. Они оказались перед низкой каменной оградой, поставленной для того, чтобы неосторожный пешеход не сорвался с кручи. Отсюда вся округа была как на ладони. Под безоблачным небом расстилалась белая каменистая долина. По ней гулял горячий ветер. То был мир, обнаженный до костей.

Стивен думал бы, что все вокруг — сон или порождение чар, не сообщи джентльмен взволнованно, что это:

— …Африка! Земля твоих предков, мой дорогой Стивен!

«Однако я уверен, что мои предки здесь не жили, — подумал Стивен. — Эти люди смуглее англичан, но куда светлее меня. Думаю, они арабы». Вслух он произнес:

— Куда мы сейчас направляемся, сэр?

— На базар, Стивен!

Стивен обрадовался. Тишина и пустота действовали гнетуще. На базаре должно быть шумно и оживленно.

Базар в городе оказался какой-то чудной. Он располагался у высокой городской стены, недалеко от огромных деревянных ворот. Здесь не было прилавков и палаток, не сновали туда-сюда покупатели, высматривая товар. Желающие что-либо приобрести сидели на земле, сложив руки на груди, и молча ждали, пока служащий — кто-то вроде аукциониста — не подойдет и не предложит товар. Аукционист называл последнюю цену, которую ему предложили, а покупатель либо отрицательно мотал головой, либо набавлял. Выбор товаров был невелик — тонкая материя в рулонах, немного вышивки, но в основном ковры. Когда Стивен сказал об этом своему спутнику, тот объяснил: «У них очень строгая религия. Им запрещено почти все, кроме ковров».

Стивен смотрел, как уныло бродят по рынку эти

люди. Уста их хранили молчание, чтобы не произнести чего-нибудь запретного, глаза постоянно избегали запретных зрелищ, руки — прикосновения к запретным вещам. Он подумал, что такое существование нельзя назвать жизнью. Казалось, это не живые люди, а призраки. Единственной живой стихией в молчащем городе и на молчащей равнине был горячий ветер. Стивена бы не удивило, если бы город сдуло вместе со всеми жителями.

Они уселись в углу под драным бурым навесом.

— Зачем мы здесь, сэр? — спросил Стивен.

— Чтобы спокойно поговорить. У нас возникли непредвиденные сложности. Увы, наши планы рухнули, и вновь в этом виноваты волшебники! Вот негодяи! Можно подумать, у них одна радость — глумиться над нами. Однако придет день, когда…

Джентльмен явно не очень стремился ввести Стивена в курс дела, ему куда интереснее было ругать волшебников. Как выяснилось, Джонатан Стрендж посетил короля Англии (Стивен так и не понял, с какой целью), и джентльмен тоже там побывал: во-первых, чтобы узнать о замыслах соперника, во-вторых — увидеться с королем.

— …не знаю, как так вышло, но я еще ни разу не засвидетельствовал свое почтение королю. Он оказался милейшим старичком! Отнесся ко мне с большим уважением! Мы долго беседовали. Он много пострадал от жестокого отношения подданных. Англичане любят унижать великих и благородных. Множество достойных людей стало мишенью их злобного преследования — Карл Первый, Юлий Цезарь, а более всех — мы с тобой!

— Прошу прощения, сэр, но вы упомянули планы. Какие именно?

— Как какие? Наши планы сделать тебя королем Англии, конечно! Ты не забыл?

— Не забыл, но…

— Так вот! Не знаю, что ты думаешь, дражайший Стивен, — заявил джентльмен, не давая себе труда выслушать собеседника, — но лично я устал ждать, когда твое великое предназначение свершится само по себе. Мне не терпится подстегнуть медлительную Фортуну и самому сделать тебя королем. Как знать? Возможно, мне суждено стать орудием, которое вознесет тебя на высоту, должную принадлежать тебе по праву рождения! Очень может быть! Так вот, пока мы с королем беседовали, мне подумалось, что первым шагом на

твоем пути к престолу должно стать устранение нынешнего короля. Заметь, я не желаю старичку ничего худого! Напротив! Я напоил его душу сладостной безмятежностью и впервые за долгие годы дал испытать счастье. Однако волшебнику это не понравилось! Едва я принялся сплетать заклинание, как он ополчился против меня. Он применил древнюю магию эльфов огромной мощи. Изумление мое не знало границ! Кто бы мог подумать, что он владеет такими видами колдовства?

Джентльмен остановился перевести дух, так что Стивен успел вставить:

— Очень благодарен вам за заботу, сэр, но позвольте напомнить, что у нынешнего короля тринадцать сыновей и дочерей, старший из которых уже правит страной. Даже если король умрет, корону унаследует кто-то из них.

— Да-да! Но все королевские дети — разжиревшие тупицы. Кто захочет иметь таких правителей? Как только англичане поймут, что могут вместо них получить в короли тебя, Стивен, воплощенные изящество и обаяние, тебя, чей благородный профиль будет так хорошо смотреться на монетах, они превратятся в самых горячих твоих приверженцев!

Стивену подумалось, что джентльмен плохо представляет себе характер и наклонности англичан.

Тут беседу их прервал звук огромного рога. Местные жители бросились к воротам и закрыли огромные деревянные створки. Стивен с тревогой огляделся, решив, что городу угрожает какая-то опасность.

— Что происходит, сэр?

— У этого народа существует обычай запираться на ночь от свирепых язычников, — спокойно ответил джентльмен, — к которым они относят всех, кроме себя. Однако скажи мне, Стивен, как ты думаешь? Что нам делать?

— Делать, сэр? С кем?

— С волшебниками, Стивен! С волшебниками! Как только ты двинешься к своему высокому предназначению, они начнут вставлять нам палки в колеса. Хотя не понимаю, какое им дело до того, кто правит Англией. Наверное, им хочется иметь короля, такого же глупого и уродливого, как они сами. Нет, они наши враги, и надо изыскать средства, чтобы их уничтожить. Яд? Ножи? Пистолеты?..

К ним приблизился аукционист с очередным ковром в руках.

— Двадцать серебряных монет, — произнес он мрачно и медленно, словно зачитывал справедливый приговор всему миру.

Джентльмен с волосами как пух в задумчивости смотрел на предлагаемый товар.

— Можно, конечно, превратить их в изображение на ковре лет так на тысячу, — сказал он. — Столь ужасное наказание я приберегаю для тех, кто тяжко меня оскорбляет, — таких, как эти волшебники! Бесконечное повторение узора и цветов, не говоря уже о пыли и пятнах, неизбежно сводят жертву с ума! Когда наконец узник освобождается из плена, он преисполнен ненависти ко всему миру; волшебники и герои эпохи должны объединиться, дабы уничтожить его или, как чаще случается, заключить на следующую тысячу лет в еще более отвратительную тюрьму. Так проходят тысячелетия, а безумие и злоба жертвы все растут. Итак, ковер! Возможно…

— Спасибо, — быстро сказал Стивен продавцу, — мы не будем брать этот ковер. Пожалуйста, проходите.

— Ты прав, Стивен, — заметил джентльмен. — При всех своих недостатках они доказали, что умеют защищаться от чар. Мы должны найти другой способ сломить их дух! Они еще пожалеют

о том дне, когда взялись за практическую магию!

35. Джентльмен из Ноттингемшира

Ноябрь 1814 года

За те три года, что Стренджа не было в Лондоне, мистер Дролайт и мистер Лассельс отчасти восстановили свое влияние на мистера Норрелла. Всякий, кто хотел поговорить с ним или попросить его о помощи, должен был сначала встретиться с ними. Они советовали мистеру Норреллу, как вести себя с министрами, министрам — как вести себя с мистером Норреллом. Они считались друзьями и советниками величайшего волшебника Англии, знакомства с которым искали самые богатые и влиятельные люди королевства.

По возвращении Стренджа их визиты к мистеру Норреллу не стали более редкими, но теперь мистер Норрелл желал прежде всего знать мнение Стренджа и за советом первым делом обращался к нему. Естественно, такое положение дел их не устраивало, и Дролайт, в частности, старался всячески раздуть мелкую досаду, которую один волшебник порой вызывал у другого.

— Наверняка у меня есть средство чем-нибудь ему навредить, — говорил Дролайт Лассель-

су. — Ходят довольно темные слухи о том, чем он занимался в Испании. Мне рассказывали, что он оживил для борьбы с французами целую армию покойников. Покойников с перебитыми руками и ногами, с выпавшими глазами и всеми прочими ужасами, какие можно вообразить? Что скажет мистер Норрелл, если об этом узнает?

Лассельс вздохнул:

— Как убедить вас в бессмысленности любых попыток произвести между ними ссору? Рано или поздно они поссорятся сами.

Спустя несколько дней после визита Стрендж к королю в библиотеке на Ганновер-Сквер собралась толпа друзей и почитателей мистера Норрелла. Все восхищались новой картиной мистера Лоренса, на которой были изображены оба

волшебника[85].

Среди присутствующих были мистер Лассельс и мистер Дролайт, мистер и миссис Стрендж и несколько министров.

Художник запечатлел мистера Норрелла в простом сером сюртуке и старомодном парике с косичкой. И сюртук, и парик были ему великоваты. Казалось, он тонет в них, а взгляд, исполненный высокомерия и страха одновременно, напомнил сэру Уолтеру Поулу кота одного из его слуг. Присутствующие почти не выразили похвал этой части картины, зато изображение мистера Стренджа вызвало бурные восторги. Живописец поместил Стренджа позади мистера Норрелла; волшебник полусидел в небрежной позе, облокотясь на столик, на губах его замерла

---

[85] Примечания: 85

Портрет этот, ныне утерянный, висел в библиотеке мистера Норрелла с ноября 1814-го по лето следующего года, после чего его убрали. Дальнейшее его местонахождение неизвестно.

Из приводимого отрывка мемуаров видно, с какими трудностями столкнулся во время работы мистер Лоренс (позднее — сэр Томас Лоренс). Отрывок также интересен тем, что проливает свет на отношения Норрелла и Стренджа на исходе 1814 года. Видимо, невзирая ни на что, Стрендж старался проявлять терпимость к старому магу и поощрял к этому остальных.

«Волшебники позировали в библиотеке мистера Норрелла. Мистер Лоренс нашел мистера Стренджа приятнейшим джентльменом, и его портрет продвигался быстро. Мистер Норрелл, напротив, с самого начала был очень беспокоен. Он вертелся, наклонял голову, словно старался увидеть, чем заняты руки мистера Лоренса, — совершенно

тщетно, ибо между ними стоял мольберт. Мистер Лоренс предположил, что волшебник беспокоится о картине, и заверил, что работа идет хорошо. Он добавил, что мистер Норрелл может посмотреть, если желает, однако волшебник продолжал вертеться и ерзать.

Неожиданно мистер Норрелл обратился к мистеру Стренджу, который в это время находился в комнате и писал письмо одному министру. «Мистер Стрендж, я чувствую сквозняк! Кажется, окно у мистера Лоренса за спиной открыто. Прошу, мистер Стрендж, пойдите и посмотрите, открыто ли окно». Не поворачивая головы, Стрендж отвечал: «Нет, окно закрыто. Вам показалось». Через несколько минут мистеру Норреллу почудилось, будто с улицы доносится голос булочника, и он попросил мистера Стренджа подойти к окну и еще раз проверить, закрыто ли оно. Мистер Стрендж отказался. Потом мистер Норрелл якобы услышал карету герцогини. Он перепробовал все, чтобы заставить мистера Стренджа подойти к окну, но тот все время отказывался. Все это было странно, и мистер Лоренс начал подозревать, что поведение мистера Норрелла никак не связано с воображаемыми сквозняками, булочниками и герцогинями, но имеет какое-то отношение к сеансу.

Когда мистер Норрелл отлучился из комнаты, мистер Лоренс спросил у мистера Стренджа, что происходит. Поначалу мистер Стрендж уверял, что ничего особенного, однако мистер Лоренс настаивал. Наконец мистер Стрендж вздохнул:

— Ну что ж! Он вообразил, будто, прячась за мольбертом, вы переписываете заклинания из его книг.

Мистер Лоренс был потрясен. Он писал величайших людей страны, и ни разу его не заподозрили в воровстве. Такого отношения он не ожидал.

— Успокойтесь, — мягко произнес мистер Стрендж. — Не стоит на него сердиться. Если кто в Англии и заслуживает нашего терпения, так это мистер Норрелл. На его плечах лежит ответственность за будущее английского волшебства; уверяю вас, он очень остро это ощущает, поэтому временами ведет себя весьма эксцентрично. Что бы вы почувствовали, мистер Лоренс, если бы однажды утром проснулись и обнаружили, что остались единственным живописцем в Европе? Разве не ощутили бы вы одиночества? Разве не преследовали бы вас взгляды Микеланджело, Рафаэля, Рембрандта и прочих великих мастеров, которые разом зовут потягаться с ними и предостерегают от такой дерзости? Наверняка вы порой бывали бы немного не в духе». (Из «Воспоминаний о сэре Томасе Лоренсе и тридцати годах близкого знакомства с ним», написанных мисс Крофт.)

насмешливая улыбка, глаза были полны смеха, секретов и заклинаний — как и пристало волшебнику.

— О! Восхитительно! — с жаром воскликнула одна дама. — Взгляните, как темнота зеркала на заднем плане оттеняет голову мистера Стренджа!

— Считается, будто волшебники и зеркала неразлучны, — проворчал мистер Норрелл. — В этой части моей библиотеки никакого зеркала нет.

— Художники вечно переделывали мир, следуя своей прихоти, — заметил Стрендж. — И в этом они схожи с волшебниками. А зеркало и впрямь любопытное. Больше похоже на дверь — настолько оно темное. Я почти чувствую, как оттуда тянет сквозняком. Мне не нравится, что я сижу так близко, — как бы не простудиться!

Один из министров, не бывавший прежде в библиотеке мистера Норрелла, в лестных выражениях отметил гармоничность ее пропорций и выдержанность стиля; остальные тут же заговорили о том, насколько она красива и уютна.

— Библиотека и впрямь хороша, — согласился Дролайт, — но не идет ни в какое сравнение с библиотекой в аббатстве Хартфью! Вот уж где

красота! В жизни не видел ничего изысканнее и совершеннее. Маленькие стрельчатые арки, купол с колоннами в готическом стиле, резьба, изображающая скрученные листья, словно иссушенные лютой зимней стужей, — все из доброго английского дуба, ясеня и вяза. Ничего лучше мне видеть не доводилось. «Мистер Норрелл, — сказал я, когда впервые там побывал, — мы и не подозревали, что вы романтик, сэр».

Видно было, что мистеру Норреллу не по душе затянувшиеся воспоминания Дролайта. Однако тот как ни в чем не бывало продолжал:

— Я словно оказался в лесу, очаровательном маленьком лесу на исходе осени, и корешки книг — рыжевато-коричневые, красные и желтые — усиливали это впечатление. Действительно, книг там — словно листьев в лесу. — Мистер Дролайт помолчал. — Вы бывали в Хартфью, мистер Стрендж?

Стрендж ответил, что не имел этого удовольствия.

— Обязательно побывайте, — с неприятной улыбкой посоветовал Дролайт. — Обязательно. Замечательная библиотека.

Норрелл озабоченно посмотрел на Стренджа, но тот был спокоен и ничего не ответил. Он стоял,

повернувшись к компании спиной, и пристально смотрел на портрет.

Гости мистера Норрелла заговорили о чем-то другом, а сэр Уолтер подошел к Стренджу и тихо сказал:

— Не обращайте внимания на этого мерзавца.

— Что? — спросил Стрендж. — Ах, дело не в нем. Зеркало… Вам не кажется, оно выглядит так, словно в него можно шагнуть? Думаю, это было бы не так уж и трудно. Можно применить заклинание раскрытия. Нет, открытия. Или оба. И путь будет открыт. Можно шагнуть вперед и уйти. — Он оглянулся и сказал: — Настанет день, когда я сделаю этот шаг. И уйду.

— Куда? — Сэр Уолтер был удивлен; он считал, что нет места приятнее Лондона с его газовыми фонарями и магазинами, кофейнями и клубами, множеством хорошеньких женщин, массой сплетен и слухов, и полагал, будто остальные думают так же.

— Туда, куда уходят с давних пор такие, как я. Бродить по путям, невидимым для других. За край неба. По ту сторону дождя.

Стрендж снова вздохнул, нетерпеливо притоптывая правой ногой по ковру мистера Норрелла. Казалось, если он не поторопится принять ре-

шение, ноги сами понесут его к невидимым забытым путям.

К двум пополудни визитеры ушли. Мистер Норрелл в раздражении поднялся по лестнице и укрылся в своей комнате на втором этаже. Он уселся за стол и углубился в работу. Очень скоро он позабыл обо всем — о Стрендже, о библиотеке в Хартфью и о неприятном осадке, который остался у него на душе после восторгов Дролайта по ее поводу. Поэтому, когда через некоторое время послышался стук в дверь и вошел Стрендж, мистер Норрелл был несколько озадачен.

— Простите за беспокойство, сэр, — сказал Стрендж, — но я хотел вас кое о чем спросить.

— О, — воскликнул мистер Норрелл, начиная нервничать, — я, конечно, всегда рад ответить на любой ваш вопрос, но как раз сейчас у меня дело, не терпящее отлагательства. Лорд Ливерпуль одобрил наш план защитить берега Великобритании от штормов при помощи магии. Лорд Ливерпуль говорит, что морская стихия ежегодно уничтожает собственность на сумму в несколько сот тысяч фунтов. Он считает, что сохранение собственности — первейшая задача магии в мирное время. Как всегда, его светлость желает, чтобы работа была начата немедленно и закончена как

можно быстрее. А времени потребуется много. Только на графство Корнуолл надо не меньше недели. Боюсь, нам придется отложить нашу беседу на какое-то время.

Стрендж улыбнулся:

— Если магия потребовалась столь срочно, то мне лучше остаться и помочь вам; мы сможем побеседовать и за работой. С чего вы начали?

— С Ярмута.

— И какое заклинание вы взяли? Белазиса?

— Нет, не Белазиса. Это реконструкция магии Стокси для успокоения бурных вод, приведенная у Ланчестера в «Языке птиц». Не думаю, что Ланчестер и впрямь сумел воспроизвести Стокси, но другого источника у меня нет. Я несколько подработал Ланчестера и добавил два заклинания

Певенси[86].

Мистер Норрелл придвинул Стренджу несколько листов бумаги. Стрендж просмотрел их, после чего волшебники принялись за работу.

Спустя некоторое время Стрендж сказал:

— Недавно у Ормскирка в «Откровениях о тридцати шести иных мирах» я нашел упоминание о королевстве по другую сторону зеркал. Там полно отличных дорог, по которым можно попасть из одного места в другое.

Мистер Норрелл не любил подобных бесед, но был рад, что Стрендж не намерен заводить ссору из-за библиотеки в Хартфью, и потому сделался чрезвычайно разговорчив:

— Да, действительно. Существует путь, связующий все зеркала мира. Это хорошо знали великие

---

[86] Примечания: 86

Фрэнсис Певенси, волшебник XVI века, автор «Восемнадцати чудес, коими славен Дом Альбиона». Мы знаем, что наставником Певенси был Мартин Пейл. «Восемнадцать чудес» отличают особенности, характерные для магии Пейла, в том числе сложные диаграммы и затейливый магический инструментарий.

Долгие годы Фрэнсис Певенси занимал достаточно скромное, но уважаемое место в истории английского волшебства как последователь Мартина Пейла, а затем неожиданно стал объектом жаркой дискуссии в кругах теоретиков магии XVIII века.

2 *(прод.)* Все началось в 1754 году с находки множества писем в библиотеке некоего джентльмена в Стамфорде, графство Линкольншир. Все они были написаны в старинном стиле и подписаны Мартином Пейлом. Исследователи магии ликовали.

Однако при более близком изучении выяснилось, что это *любовные*

письма, в которых не содержится ни слова о магии. Они были полны самых страстных образов и сравнений: Пейл уподоблял возлюбленную сладостному дождю, омывшему его, жаркому пламени, в котором он смог согреться, му́ке, которая лучше любой неги. Письма содержали восторги по поводу молочно-белых грудей, благоуханных ножек, струящихся каштановых локонов, в которых запутались звезды, и прочих материй, к которым ученые и маги совершенно равнодушны.

Пейл был просто помешан на имени своей возлюбленной — «Фрэнсис» и часто повторял его в письмах, а в одном послании написал стихотворную загадку или шараду на ее фамилию: «Певенси». Сначала ученые XVIII века склонны были считать, что это сестра или жена его ученика Фрэнсиса Певенси. В XVI веке имя «Фрэнсис» одинаково часто носили и мужчины, и женщины. Потом Чарльз Хизер-Грей опубликовал семь различных отрывков из писем, в которых упоминались «Восемнадцать чудес, коими славен Дом Альбиона», и доказал, что возлюбленная Пейла и автор книги — одно и то же лицо.

Уильям Пантлер заявил, что письма — фальшивка. Их нашли в библиотеке мистера Уитлси, чья жена написала несколько пьес, из которых две шли в театре Друри-Лейн. Совершенно ясно, говорил Пантлер, что женщина, способная писать пьесы, способна на что угодно, и утверждал, будто миссис Уитлси подделала письма, «…дабы вознести свой пол выше естественного положения, отведенного ему Богом». Мистер Уитлси вызвал Уильяма Пантлера на дуэль; тот, будучи ученым до мозга костей, ничего не смыслил в оружии. Он извинился и опубликовал формальный отказ от своих домыслов касательно писем и миссис Уитлси.

Мистер Норрелл охотно использовал магию Певенси, поскольку давно решил для себя, что тот был мужчиной. Что до писем — они его не интересовали, ибо не упоминали о чародействе. Джонатан Стрендж имел собственное мнение. Он считал, что спор можно разрешить одним единственным вопросом: стал бы Мартин Пейл учить женщину магии? Стрендж был уверен, что да, стал бы. В конце концов, ведь и Пейла учила волшебству женщина — Екатерина Винчестерская.

волшебники Средневековья, которые, несомненно, часто ходили этим путем. Боюсь, точнее я ничего сказать не могу. Все авторы, которых я читал, по-разному описывают это место. Ормскирк сообщает, что путь лежит через обширную темную пустошь, а Хикмен описывает огромный дом со множеством темных переходов и огромных лестниц[87]. Хикмен пишет, что в доме есть каменные мосты через бездонные пропасти и черная вода течет по каналам меж каменных стен — куда и зачем, никому не ведомо.

Внезапно мистер Норрелл пришел в отличнейшее расположение духа. Тихонько заниматься магией со Стренджем было для него наивысшим блаженством.

— Как продвигается ваша статья в ближайший номер «Журнала джентльмена»? — спросил он.

Стрендж на мгновение задумался.

— Еще не закончил, — ответил он.

— О чем вы пишете? Нет, не говорите! Я предвкушаю это чтение. Вы принесете ее завтра?

— О да, конечно.

В тот вечер Арабелла вошла в гостиную своего дома на Сохо-Сквер и немало удивилась, увидев,

---

[87] Примечания: 87

Таддеус Хикмен (1700–1738) — автор жизнеописания Мартина Пейла.

что ковер усеян листами бумаги, исписанными заклинаниями и фрагментами разговоров с мистером Норреллом. Стрендж стоял посреди комнаты, смотрел на листы и ерошил волосы на голове.

— Ну что же мне написать для следующего номера журнала? — вопросил он.

— Не знаю, любовь моя. Мистер Норрелл ничего тебе не посоветовал?

Стрендж помрачнел.

— Он почему-то думает, что статья уже готова.

— Ну хорошо, как насчет магии и деревьев? — предложила Арабелла. — Ты только позавчера говорил, что какая интересная тема и как мало ей уделяют внимания.

Стрендж взял чистый лист бумаги и начал набрасывать статью. «С дубом можно подружиться, и он поможет против врагов, если поверит, что твое дело правое. Березняки, как известно, открывают двери в Страну Фей. Ясени не перестанут

скорбеть, пока не вернется Король-ворон...»[88] Нет-нет! Не пойдет. Не то. Норрелла удар хватит.

Он смял лист и бросил в огонь.

— Что ж, тогда, может, ты послушаешь, что я хочу тебе рассказать, — произнесла Арабелла. — Сегодня я была у леди Уэстби и встретила там странную девушку, которая утверждает, будто ты обучаешь ее магии.

Стрендж взглянул на жену.

— Я никого не обучаю магии, — сообщил он.

— Да, любовь моя, — терпеливо согласилась Арабелла, — знаю, поэтому и удивилась.

— И как зовут эту особу?

— Мисс Грей.

— Я с нею не знаком.

— Миловидная, приятная, но не красавица.

---

[88] Примечания: 88

Плющ обещал, что свяжет врагов Англии,
Шиповник и терн обещались их отстегать,
Боярышник сказал, что ответит на все вопросы,
Береза откроет двери в другие страны,
Тис дал нам оружие,
Ворон растерзал наших врагов,
Дуб стоял на дозоре,
Дождь смыл все печали.

Предположительно в этой традиционной английской присказке перечислены пункты договора, заключенного от имени английского народа Джоном Аскглассом, Королем-вороном, с лесами.

По-видимому, очень богата и совершенно без ума от магии. Все так говорят. У нее веер с твоим портретом — твоим и Норрелла, — и она прочла все, что написали ты и лорд Портисхед.

Стрендж несколько мгновений задумчиво смотрел на жену, так что она ошибочно предположила, будто он раздумывает над ее словами. Однако, когда он заговорил, в голосе его звучал мягкий упрек:

— Любовь моя, ты стоишь прямо на моих бумагах.

Он взял ее за руку и осторожно отвел в сторону.

— Она сказала, что заплатила тебе четыреста гиней за привилегию быть твоей ученицей. За это ты якобы посылаешь ей письма с заклинаниями и рекомендуешь книги для чтения.

— Четыре сотни гиней! Да, странно. Я мог бы забыть юную леди, но не думаю, что способен забыть про четыреста гиней.

Стрендж остановил взгляд на одном из листков, поднял его с ковра и принялся читать.

— Сначала я подумала, что она просто придумала всю эту историю, чтобы я начала ревновать и устроила тебе сцену, но у нее мания другого сорта. Ее интересуешь не ты лично, она увлечена

твоими занятиями. Я ничего не понимаю. Что это за письма? Кто мог их написать?

Стрендж взял записную книжку (на самом деле это была книга, куда Арабелла вносила хозяйственные расходы) и начал делать в ней заметки.

— Джонатан!

— А?

— Что мне сказать мисс Грей, когда я снова с ней увижусь?

— Спроси у нее про четыреста гиней. Скажи, что я их так и не получил.

— Джонатан! Это серьезное дело.

— Еще бы! Я с тобой согласен. Мало найдется вещей столь же серьезных, как четыреста гиней.

Арабелла снова заявила, что случай престранный. Она сказала, что очень озабочена и просила бы его побеседовать с мисс Грей, чтобы рассеять завесу тайны. Однако все это она говорила исключительно для себя, поскольку прекрасно знала, что муж ее больше не слушает.

Через несколько дней Стрендж и сэр Уолтер Поул играли на бильярде у Бедфорда в Ковент-Гардене. Партия зашла в тупик, когда сэр Уолтер начал, по обыкновению, обвинять Стренджа в том, что тот двигает шары при помощи магии.

Стрендж заявил, что не прибегает к подобным трюкам.

— Я видел, как вы коснулись носа, — объявил сэр Уолтер.

— О боже! — воскликнул Стрендж. — Чихнуть-то мне можно? Я простудился.

Еще два друга Стренджа и сэра Уолтера, подполковник Колхаун Грант и полковник Маннингем, наблюдавшие за игрой, заявили, что если Стренджу и сэру Уолтеру угодно ссориться, то стоит ли им занимать бильярд? Колхаун Грант и полковник Маннингем намекнули, что другие — более заинтересованные игрой — ждут своей очереди. Спор сделался более общим, и тут в комнату заглянули два сельских джентльмена и осведомились, когда освободится стол, — они не знали, что по вечерам в четверг бильярдная кофейни Бедфорда находится в безраздельном пользовании сэра Уолтера Поула, Джонатана Стренджа и их близких друзей.

— Право слово, не знаю, — ответил им Колхаун Грант. — Полагаю, он освободится очень нескоро.

Первый из сельских джентльменов был плотный солидный мужчина в плотном коричневом сюртуке и башмаках, более уместных на провин-

циальной ярмарке, нежели в модной обстановке Бедфорда. У второго — худосочного коротышки — застыло на лице постоянное изумление.

— Позвольте, сэр, — произнес первый очень убедительным тоном, обращаясь к Стренджу, — но вы не играете, а беседуете. Мы с мистером Тантони прибыли из Ноттингемшира. Мы заказали обед, но нам сказали, что часок придется подождать. Дайте нам сыграть, пока вы разговариваете, а затем мы охотно уступим стол вам.

Говорил он отменно вежливо, однако Стрендж и его друзья возмутились. Все свидетельствовало, что это фермер или торговец, и столичным господам не понравилось, что он решил ими командовать.

— Если вы посмотрите на стол, — ответил Стрендж, — то увидите, что игра недавно началась. Вы просите джентльменов прекратить незаконченную игру — хочу уведомить, сэр, что у Бедфорда так не поступают.

— Вот как? — учтиво произнес джентльмен из Ноттингемшира. — Тогда прошу прощения. Но может быть, вы не откажетесь сообщить, будет эта партия короткой или растянется надолго?

— Мы уже сказали, — вмешался Грант, — что не знаем.

Он бросил на Стренджа взгляд, который означал: «Вот болван!»

Тут приезжий заподозрил, что им не просто не хотят уступать бильярд — им еще и нарочно грубят. Он нахмурился и указал на худосочного господина с изумленным выражением лица.

— Мистер Тантони впервые в Лондоне и больше сюда приезжать не пожелает. Я особенно хотел показать ему кофейню Бедфорда и никак не ожидал, что встречу здесь такой нелюбезный прием.

— Что ж, если вам здесь не нравится, — сердито заметил Стрендж, — могу лишь посоветовать вернуться в… как вы сказали? Где-то-там-шир?

Колхаун Грант холодно посмотрел на джентльмена из Ноттингемшира и произнес, ни к кому в особенности не обращаясь:

— Неудивительно, что сельское хозяйство пришло в такое бедственное положение. Фермеры шляются где попало. Их можно встретить в любых злачных местах королевства. Они не хотят знать ничего, кроме развлечений. Что, в Ноттингемшире не надо выращивать пшеницу? Не надо кормить свиней?

— Мы с мистером Тантони не фермеры, сэр! — провозгласил джентльмен из Ноттингемшира с достоинством. — Мы пивовары. Крепкий портер

Гаткома и Тантони — очень известное пиво, его любят и пьют в трех графствах!

— Благодарим вас, но в Лондоне хватает и пива, и пивоваров, — заметил полковник Маннингем. — Из-за нас можете не утруждаться.

— Однако мы здесь не для того, чтобы продавать пиво! Мы приехали с более благородной целью. Мистер Тантони и я — энтузиасты магии! Мы считаем, что долг каждого патриота Англии — интересоваться этим предметом. Лондон теперь не просто столица Великобритании, но и признанный центр чародейства и волшебства. Много лет мистер Тантони более всего на свете желал изучать магию и скорбел, что искусство это пребывает в таком упадке. Друзья призывали его ободриться: когда кажется, что хуже некуда, тогда и начинается возрождение. И мы не ошиблись: вскоре в Англии появились два великих волшебника. Конечно же, я говорю о мистере Норрелле и мистере Стрендже! Чудеса, явленные ими, вернули англичанам гордость за свою страну и внушили мистеру Тантони надежду самому когда-нибудь стать магом.

— В самом деле? Что ж, боюсь, он будет разочарован, — заметил Стрендж.

— Как вы ошибаетесь, сэр! — торжествующе

вскричал джентльмен из Ноттингемшира. — Мистер Тантони обучается магии у самого мистера Стренджа!

К сожалению, как раз в этот миг Стрендж тянулся через стол, балансируя на одной ноге, чтобы ударить по шару. От неожиданности он промахнулся, ударил кием о бортик и рухнул на пол.

— Думаю, здесь какая-то ошибка, — сказал Колхаун Грант.

— Нет, сэр. Никакой ошибки, — ответил джентльмен из Ноттингемшира совершенно уверенно и твердо.

Стрендж, поднимаясь с пола, спросил:

— Как он выглядит, ваш мистер Стрендж?

— Увы, — отвечал джентльмен из Ноттингемшира, — этого я вам сказать не могу. Мистер Тантони никогда с ним не виделся. Обучение ведется по переписке. Однако мы очень надеемся встретить мистера Стренджа на улице. Завтра мы отправляемся на Сохо-Сквер, чтобы взглянуть на его дом.

— По переписке! — воскликнул Стрендж.

— Мне кажется, обучение по переписке не может считаться полноценным, — заметил сэр Уолтер.

— Вовсе нет! — вскричал джентльмен из

Ноттингемшира. — Письма мистера Стренджа исполнены мудрых советов и ценных замечаний о состоянии волшебства в Англии. Не так давно мистер Тантони писал мистеру Стренджу и просил прислать заклинание против дождя — в нашей части Ноттингемшира очень часто идут дожди. Прямо на следующий день мистер Стрендж прислал ответ, в котором писал, что, хотя и существуют магические формулы, способные прекратить дождь и заставить сиять солнце, он их никогда не использует, потому что тучи и солнце не фигуры на шахматной доске, и советовал мистеру Тантони следовать его примеру. Английская магия, по словам мистера Стренджа, выросла на английской почве, политой английскими дождями. Мистер Стрендж писал, что, вмешиваясь в английскую погоду, мы затрагиваем сущность Англии и рискуем подорвать основы английской магии. Мы решили, что это поразительный пример проницательности и гения мистера Стренджа, не правда ли, мистер Тантони?

Джентльмен ткнул приятеля в бок, и тот несколько раз моргнул.

— Вы говорили что-нибудь подобное? — шепотом осведомился сэр Уолтер у Стренджа.

— Да, говорил, — ответил Стрендж, — что-то в этом духе… когда же? Кажется, в минувшую пятницу.

— Кому вы это говорили?

— Норреллу, конечно.

— Был ли при этом в комнате кто-нибудь еще?

Стрендж помедлил.

— Дролайт, — вымолвил он.

— Ага!

— Сэр! — громко обратился Стрендж к джентльмену из Ноттингемшира. — Простите, если я обидел вас. Однако, согласитесь, в вашей манере держаться было нечто… У меня горячий нрав, и вы задели меня за живое. Я — Джонатан Стрендж и, к сожалению, до этого дня не слышал ни о вас, ни о мистере Тантони. Подозреваю, что и мистер Тантони, и я стали жертвами какого-то нечистоплотного субъекта. Предполагаю, что мистер Тантони заплатил мне за обучение? Могу я узнать, куда он выслал деньги? Если на Литтл-Райдер-стрит, то у меня есть все необходимые улики.

К несчастью, джентльмен из Ноттингемшира и мистер Тантони представляли себе Стренджа высоким старцем с длинной белой бородой, говорящим напыщенно и одетым на старинный

лад. Стрендж был строен, чисто выбрит, говорил быстро и одевался как всякий лондонский щеголь. Им не верилось, что это он.

— Что ж, сомнения нетрудно разрешить, — сказал Колхаун Грант.

— Конечно, — поддержал его сэр Уолтер. — Я позову официанта. Возможно, слово слуги будет для вас весомее слова джентльмена. Джон! Подите сюда! Вы нам нужны!

— Нет-нет-нет! — воскликнул Грант. — Я не то хотел сказать. Идите, Джон, идите. Есть множество вещей, которые мистер Стрендж может сотворить, дабы лучше всяких свидетелей доказать свое мастерство волшебника. В конце концов, он величайший чародей столетия.

— Разве этот титул не принадлежит мистеру Норреллу? — мрачно поинтересовался джентльмен из Ноттингемшира.

Колхаун Грант улыбнулся:

— Сэр, мы с полковником Маннингемом имели честь сражаться в Испании под знаменами его светлости герцога Веллингтона. Уверяю вас, там ничего не слыхали о мистере Норрелле. Мы верим мистеру Стренджу — тому джентльмену, которого вы видите перед собой. Если он сейчас осуществит некое волшебное действо, думаю,

вы отбросите сомнения, а ваше величайшее уважение к английской магии и английским волшебникам не позволит вам не признать очевидного факта. Уверен, вы охотно расскажете ему о поддельных письмах все, что знаете.

Грант вопросительно глянул на джентльмена из Ноттингемшира.

— Что ж, — ответил тот, — вы определенно очень странные джентльмены; не знаю, может быть, вы хотите обмануть меня, рассказывая всякие сказки. Скажу откровенно, что буду крайне удивлен, если письма окажутся фальшивкой, — каждая строчка, каждое слово в них дышит старой доброй английской магией!

— Однако, — заметил Грант, — мы предполагаем, что этот негодяй состряпал свою подделку из настоящих замечаний мистера Стренджа. А теперь, дабы доказать, что он — это он, мистер Стрендж покажет вам такое, чего не видел еще никто из живущих!

— Как? — спросил джентльмен из Ноттингемшира. — Что он сделает?

Грант широко улыбнулся и повернулся к Стренджу, словно его тоже разбирает любопытство.

— Итак, Стрендж, поведайте нам, что вы сделаете?

За Стренджа ответил сэр Уолтер. Он кивнул в направлении массивного венецианского зеркала, занимавшего бóльшую часть одной из стен и не отражавшего ничего, кроме темноты, и объявил:

— Он войдет в зеркало и не вернется.

36. Все зеркала мира

Ноябрь 1814 года

Хэмпстед расположен в пяти милях от Лондона. Во времена наших дедов это была ничем не примечательная деревушка, которая, впрочем, привлекала горожан близостью к Лондону, свежим воздухом и обилием зелени. Для их забав построили ипподром и лужайку для игры в шары. Появились кондитерские лавки и чайные сады, где можно было перекусить и отдохнуть. Богачи начали покупать здесь дома, и вскоре Хэмпстед стал таким, как сейчас, — любимым местом отдыха высшего лондонского света. За короткое время он разросся до весьма приличных размеров и превратился в небольшой городок.

Через два часа после того, как сэр Уолтер, подполковник Грант, полковник Маннингем и Джонатан Стрендж повздорили с джентльменом из Ноттингемшира, по лондонской дороге в Хэмпстед въехала карета и свернула в аллею, обсаженную бузиной, боярышником и сиренью. Карета остановилась перед домом в конце аллеи, и из нее вышел мистер Дролайт.

Когда-то дом был самым обычным деревен-

ским, но за последние годы претерпел значительные изменения. Маленькие окна, удобные для защиты от холода, но пропускающие мало света, заменили большими и красивыми; на месте простой деревянной двери появился парадный подъезд с портиком; хозяйственный двор пошел под сад с цветами и декоративным кустарником.

Мистер Дролайт постучал. Дверь немедленно отворилась, и горничная провела его в гостиную. Дорогие французские обои, персидские ковры и модная английская мебель совершенно преобразили бывшее жилище фермера.

Дролайт прождал всего несколько минут. В гостиную вошла высокая пышная дама. На ней было алое бархатное платье, белую шею украшало ожерелье из темного граната.

Через открытую дверь, ведущую в столовую, можно было видеть стол, накрытый на одну персону. Дама обедала в одиночестве. Алое платье и ожерелье она надела, вероятно, для собственного удовольствия.

— Ах, мадам! — воскликнул Дролайт, склоняясь к ее руке. — Надеюсь, вы в добром здравии?

Дама небрежно махнула рукой:

— Положим, да. Если не считать того, что умираю от скуки без общества и развлечений.

— Как! — потрясенно вскричал Дролайт. — Вы здесь одна?

— Со мной живет моя тетка. Она убеждает меня искать утешения в религии.

— О мадам! — как можно убедительнее произнес Дролайт. — Не тратьте силы на молитвы и проповеди. Обратите их на *месть*.

— Непременно, — без выражения сказала она, опустилась на диван и спросила: — Как поживают мистер Стрендж и мистер Норрелл?

— О, они заняты, мадам! Очень, очень заняты! Ради себя лично, да и для вас, мадам, я желал бы им поменьше занятости! Вчера мистер Стрендж очень хотел узнать, как у вас дела. Он надеется, что вы не падаете духом. «Она держится, — отвечал я, — хоть и с трудом». Мистер Стрендж потрясен, просто потрясен бессердечным поведением ваших родственников и знакомых, мадам.

— Неужто? Мне бы хотелось, чтобы его сочувствие вылилось во что-нибудь более ощутимое, — холодно заметила женщина. — Я заплатила ему больше сотни гиней, а он ничего не сделал. Я отчаялась устроить свои дела через посредника, мистер Дролайт. Передайте мистеру Стренджу, что я готова встретиться с ним лично в удобном для него месте в любой удобный ему час. Мое

время не расписано.

— Ах, мадам! Как бы мне хотелось сделать то, о чем вы просите! И как мистер Стрендж желает встречи с вами! Боюсь, впрочем, это невозможно.

— Не понимаю вас. Быть может, мистер Стрендж боится за свою репутацию? Но мы могли бы встретиться тайно.

— Мадам! Вы не знаете мистера Стренджа. Он охотно показал бы всему миру, что презирает молву. Им движет исключительно забота о *вашем* добром имени. Он опасается…

Однако дама так и не узнала, чего опасается мистер Стрендж, потому что тут Дролайт умолк и в крайнем замешательстве обвел взглядом гостиную.

— Что это? — пробормотал он.

Казалось, где-то открылась дверь. Или сразу несколько дверей. В доме повеяло свежим ветром и полузабытыми запахами детства. Освещение изменилось; тени легли иначе. Ничего не могло быть определенней, но, как часто бывает со свидетелями волшебства, Дролайт и дама почувствовали, что все в реальном мире утратило надежность. Как будто можно протянуть руку к любой вещи в комнате и обнаружить, что ее нет.

Над диваном, на котором сидела дама, висело длинное зеркало. В нем можно было различить вторую полную луну во втором высоком темном окне и вторую полутемную комнату. Однако Дролайта и дамы в зеркале не было. Вместо них маячило смутное пятно, которое приближалось и обретало очертания человека. По тому, как он двигался, было ясно, что зеркальная комната отнюдь не повторяет гостиную и кажется ее отражением лишь в силу сочетания света и перспективы — как иногда бывает в театре. На самом деле комната за зеркалом представляла собой что-то вроде длинного коридора. Хотя человек шагал быстро, он все никак не мог дойти до стекла, разделявшего две комнаты; ветер, который трепал ему волосы и полы сюртука, не ощущался в гостиной. Наконец человек оказался у самого зеркала, хотя лицо по-прежнему оставалось в тени.

В следующий миг Стрендж легко выпрыгнул из зеркала, одарил даму и Дролайта обворожительной улыбкой и пожелал им доброго вечера.

Не дождавшись ответа, он обратился к даме:

— Надеюсь, мадам, вы простите мне столь поздний визит. Сказать по правде, дорога оказалась извилистее, чем я ожидал. Я свернул не туда и

едва не попал в… ну, я сам не понимаю куда.

Стрендж снова замолчал, словно ожидая приглашения сесть. Такового не последовало, но он все равно опустился в кресло.

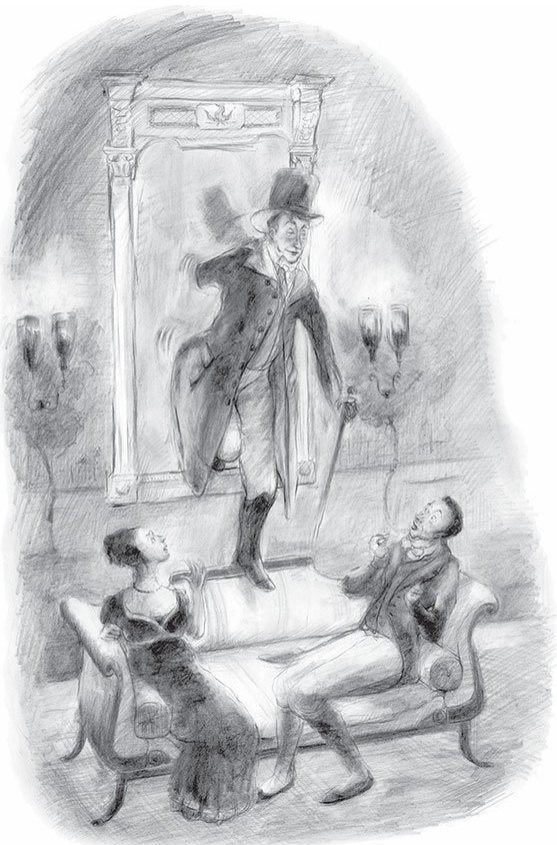
Дролайт и дама в красном оторопело смотрели на Стренджа. Тот улыбнулся.

— Я познакомился с мистером Тантони, — сообщил он Дролайту. — Приятнейший джентльмен, хоть и не очень разговорчивый. Впрочем, его друг, мистер Гатком, сообщил мне все, что я хотел узнать.

— Вы — мистер Стрендж? — вопросила дама в алом платье.

— Да, мадам.

— Какая удача! Мистер Дролайт как раз объяснял мне, почему нам никак невозможно встретиться.



— Действительно, мадам, до сегодняшнего вечера обстоятельства не благоприятствовали нашей встрече. Мистер Дролайт, представьте нас, пожалуйста.

Дролайт пролепетал, что даму в красном зовут миссис Буллуорт.

Стрендж встал, поклонился и сел на место.

— Полагаю, мистер Дролайт описал вам те ужасные обстоятельства, жертвой которых я стала? — спросила миссис Буллуорт.

Стрендж слегка двинул головой, что могло означать и «да» и «нет» и вообще ничего не означать. Он сказал:

— Рассказ стороннего лица не сравнится со свидетельством непосредственного участника. Может быть, существуют важные подробности, которые мистер Дролайт по той или иной причине опустил. Прошу вас, мадам. Расскажите мне все.

— Все?

— Все.

— Хорошо. Как вы знаете, я дочь джентльмена из Нортгемптоншира. Состояние моего отца весьма значительно. У него большой дом и огромный доход. Мы входим в число первых семей графства. Однако родные всегда уверяли меня, что с

моей внешностью и приданым я могу подняться еще выше. Два года назад я очень удачно вышла замуж. Мистер Буллуорт богат и вращается в модном свете. Впрочем, брак не принес мне счастья. Минувшим летом я имела несчастье встретить человека, который обладает всем, чего недостает мистеру Буллуорту, — умом, красотой, остроумием. Уже через несколько недель я поняла: вот тот, кого я искала всю жизнь. — Она слегка пожала плечами. — За два дня до Рождества я бежала с этим человеком, надеясь… и даже рассчитывая, что разведусь с мистером Буллуортом и выйду замуж за своего избранника. Однако в его планы это не входило. К концу января мы рассорились, и друг оставил меня. Он вернулся в свой дом, к прежней жизни, но я так поступить не могла. Муж меня выгнал. Друзья от меня отвернулись. Я вынуждена была обратиться за помощью к отцу. Он сказал, что обеспечит меня до конца дней, но я должна поселиться в полном уединении. Никаких балов, приемов, никаких друзей. Ничего. — Дама посмотрела вдаль, словно вспоминая утраченное, потом тряхнула головой и объявила: — А теперь к делу! — Она подошла к секретеру, достала из ящика лист бумаги и протянула Стренджу. — Как вы и сказали, я составила

список людей, которые меня предали.

— Я сказал? — Стрендж взял бумагу. — Как практично с моей стороны! Список, я вижу, довольно длинный.

— О! — отвечала миссис Буллуорт. — Каждое имя считается и оплачивается отдельно. Я взяла на себя смелость написать напротив каждого наказание, которое, как мне кажется, пристало его владельцу. Однако, возможно, вы измыслите другие, более подходящие. Я с радостью последую вашему совету.

— «Сэр Джеймс Саутуэлл. Подагра», — прочитал Стрендж.

— Мой отец, — объяснила миссис Буллуорт. — Он извел меня нудными речами про мое дурное поведение и выгнал из родного дома. Во многих смыслах именно он виновник всех моих несчастий. Мне следовало ожесточить свое сердце и потребовать для него более суровой кары, однако не могу. Вот она, женская слабость!

— Подагра очень мучительна, — заметил Стрендж. — По крайней мере, так мне говорили.

Миссис Буллуорт нетерпеливым жестом сделала знак продолжать.

— «Мисс Элизабет Черч, — прочитал Стрендж. — Разрушить ее помолвку». Кто такая мисс Элизабет

Черч?

— Моя кузина — тихоня, из тех, что сидят в уголке и вышивают. Пока я не вышла за мистера Буллуорта, никто не обращал на нее ни малейшего внимания. Теперь она выходит замуж за священника. Мой отец подарил ей чек — на свадебное платье и новую мебель. Мало того: отец обещал Лиззи и священнику всяческое покровительство. Они будут жить в Йорке, посещать званые обеды, балы и приемы — все то, чего я лишена. Мистер Стрендж, — вскричала она с растущим жаром, — есть же такие заклинания, чтобы священник возненавидел Лиззи? Чтобы его бросало в дрожь от одного ее голоса…

— Не знаю, — отвечал Стрендж. — Никогда прежде об этом не думал. Полагаю, такие заклинания существуют. — Он снова обратился к листку. — «Мистер Буллуорт»…

— Мой муж…

— «…Пусть его искусают собаки».

— У него семь огромных черных псов, которых он ценит выше, чем кого-либо из людей.

— «Миссис Буллуорт-старшая» — матушка вашего супруга, я полагаю. «Пусть утонет в стиральной лохани. Пусть подавится до смерти своим абрикосовым вареньем. Пусть ее случайно

зажарят в хлебной печи». Три смерти для одной женщины. Простите, миссис Буллуорт, но даже величайший волшебник не может убить одного человека тремя разными способами.

— Постарайтесь сделать все, что сумеете, — упрямо сказала миссис Буллуорт. — Старуха так невыносимо гордится своим домашним хозяйством. Как же она изводила меня скучными разговорами!

— Ясно. Очень по-шекспировски. И наконец, последнее имя в списке — Генри Лассельс. Этого джентльмена я знаю.

Стрендж выжидающе посмотрел на Дролайта.

— Человек, с которым я бежала от мужа, — произнесла миссис Буллуорт.

— А! И что его ждет?

— Разорение, — ответила она низким твердым голосом. — Безумие. Пожар. Пусть его обезобразит страшная болезнь. Пусть его растопчет лошадь! Пусть из засады на него набросится бандит и изрежет ножом все лицо! Пусть его преследуют ужасные видения, лишающие сна и покоя! — Она вскочила и принялась быстро ходить по комнате. — Пусть газеты обнародуют все его постыдные и грязные делишки! Пусть жители Лондона бегут от него, как от зачумленного! Пусть он соблазнит

какую-нибудь деревенскую девчонку, которая от любви к нему сойдет с ума и будет год за годом преследовать его по пятам, выставляя на всеобщее посмешище. Пусть из-за чьей-нибудь ошибки его обвинят в преступлении. Пусть он испытает весь позор суда и тюрьмы. Пусть его заклеймят! Выпорют кнутом! И казнят!

— Миссис Буллуорт, — прервал ее Стрендж, — пожалуйста, успокойтесь.

Миссис Буллуорт перестала ходить по комнате. Она перестала призывать на голову неверного страшные кары, но справиться с собою не могла еще долго — грудь ее бурно вздымалась, лицо было искажено яростью.

Стрендж подождал, когда она хоть немного остынет, и начал:

— Очень жаль, миссис Буллуорт, но вас жестоко обманули. Этот… — он посмотрел на Дролайта, — субъект солгал вам. Мы с мистером Норреллом не берем частных заказов. Мы не нанимали этого человека в качестве своего агента. До сегодняшнего вечера я даже имени вашего не слыхал.

Какое-то время дама молча смотрела на него, потом повернулась к Дролайту:

— Это правда?

Дролайт уставился в ковер и забормотал что-то

нечленораздельное. Разобрать можно было только слова «мадам» и «нелепые обстоятельства».

Миссис Буллуорт взяла колокольчик и позвонила. Вошла горничная, недавно встретившая Дролайта у дверей.

— Хаверхилл, — обратилась к ней хозяйка, — выведи мистера Дролайта.

Хаверхилл определенно взяли в горничные не за миловидность. То была суровая особа средних лет с решительным лицом и крепкими руками. Однако выпроваживать Дролайта ей не пришлось — как только она открыла дверь, тот схватил трость и пулей вылетел из дома.

Миссис Буллуорт посмотрела на Стренджа:

— Вы мне поможете? Сделаете то, о чем я прошу? Если мало денег…

— Ах, деньги! — Стрендж отмахнулся. — Извините, но я уже сказал, что мы не берем частных заказов.

Она долго смотрела на него, потом спросила дрогнувшим голосом:

— Неужто вас ничуть не трогает мое горестное положение?

— Напротив, миссис Буллуорт, я считаю порочной мораль, которая возлагает всю вину на женщину и оправдывает мужчину. Однако я не

стану вредить безвинным людям.

— Безвинным! — вскричала она. — Безвинным? Кто безвинен? Никто!

— Миссис Буллуорт, разговор окончен. Я ничего не могу для вас сделать. Очень сожалею.

Она горько смотрела на Стренджа.

— Ну что же. По крайней мере, вы не посоветовали мне раскаяться или заняться благотворительностью, или рукоделием, или чем там глупцы предлагают лечить скуку и разбитое сердце. Думаю, для нас обоих будет лучше завершить этот разговор. Доброй ночи, мистер Стрендж.

Стрендж поклонился. Выходя из гостиной, он мельком взглянул на зеркало, словно хотел воспользоваться этим выходом, однако Хаверхилл уже отворила дверь, и простая вежливость требовала, чтобы он вышел из дома, как все нормальные люди.

Ни кареты, ни лошади у него не было, и пять миль от Хэмпстеда до Сохо-Сквер пришлось прошагать пешком. Подойдя к двери своего дома, Стрендж обнаружил, что, хотя на часах уже два ночи, во всех окнах горит свет. Он не успел достать ключ, как дверь распахнулась, и перед ним предстал Колхаун Грант.

— Ба! Что вы здесь делаете? — вскричал

Стрендж.

Не отвечая на вопрос, Грант обернулся и крикнул внутрь дома:

— Он здесь, мадам! Целый и невредимый!

Из гостиной выбежала Арабелла, за ней — сэр Уолтер, потом — Джереми Джонс и несколько слуг из кухни.

— Что-то стряслось? — спросил Стрендж, изумленно глядя на всю компанию.

— Вот болван! — захохотал Грант, ласково стукая его по лбу. — Мы все испереживались! Куда вас носило?

— В Хэмпстед.

— В Хэмпстед! — возгласил Грант. — Каково? Ну ладно, мы очень рады вас видеть! — Он посмотрел на Арабеллу и добавил: — Кажется, мы напрасно тревожились за мистера Стренджа.

— О, — воскликнул Стрендж, обращаясь к жене, — дорогая, ты волновалась? Со мной все прекрасно. Как всегда.

— Вот видите, мадам! — торжествовал Грант. — Я же говорил! В Испании мистер Стрендж не раз подвергался опасности, но мы за него не тревожились. Человек с таким умом нигде не пропадет.

— Мы так и будем стоять в прихожей? — спросил Стрендж.

По пути из Хэмпстеда он думал о магии и намеревался кое-чем заняться сразу по возвращении домой. Однако в доме оказалось полно народу, и каждый о чем-то говорил. Это несколько подпортило ему настроение.

Он прошел в гостиную и попросил Джереми принести вина и чего-нибудь поесть. Когда все уселись, Стрендж сказал:

— Все, как мы и предполагали. Дролайт от имени Норрелла и моего принимал заказы на черную магию самого различного свойства. Я нашел его в обществе молодой женщины, которая требовала, чтобы я обрушил несчастья на голову ее родственников.

— Ужасно! — воскликнул подполковник Грант.

— И что сказал Дролайт? — спросил сэр Уолтер. — Как он объяснил свое поведение?

Стрендж коротко и невесело хохотнул.

— Ничего не сказал. Просто убежал, а жаль, потому что я готов был вызвать его на дуэль.

— Так! — произнесла вдруг Арабелла. — Только этого не хватало!

Сэр Уолтер и Грант в тревоге посмотрели на нее, но Стрендж был поглощен своими мыслями и не заметил сердитого выражения ее лица.

— Вряд ли он примет вызов, но я хотел его по-

пугать. Видит бог, он этого заслуживает.

— Вы ничего не сказали о королевстве, дороге или что там за зеркалом, — обратился к Стренджу подполковник Грант. — Вы не разочарованы?

Стрендж мотнул головой:

— У меня нет слов, чтобы рассказать об этом месте. Все, что мы с Норреллом сделали, меркнет перед тем, что предстало моим глазам. А мы еще имели наглость называть себя волшебниками! Хотел бы я описать все величие увиденного! Размеры и сложность! Исполинские каменные залы, расходящиеся во все стороны! Вначале я пытался оценить их число и длину, потом бросил. Их не счесть! Там есть каналы со спокойной водой и каменные набережные. В тусклом свете вода кажется черной. Я видел лестницы, ведущие так высоко вверх, что конца им не видно; другие спускаются в бесконечную тьму. Я прошел под какой-то аркой и внезапно оказался на каменном мосту, перекинутом над бескрайней сумеречной равниной. Она была совершенно пуста, а мост — так велик, что я не различал, куда он ведет. Представьте себе мост от Ислингтона до Твикенема! Или от Йорка до Ньюкасла! И повсюду — в залах и на мостах — я видел его изображения!

— Чьи изображения? — спросил сэр Уолтер.

— Того, кого мы с Норреллом хулим почти в каждом написанном слове. Того, чье имя Норрелл не желает слышать. Того, кто построил все эти залы, лестницы, мосты, все, что там есть! Я говорю о Джоне Аскглассе, Короле-вороне! Конечно, за прошедшие столетия все там обветшало. Для чего бы Джон Аскгласс ни строил эти дороги, теперь он в них не нуждается. Статуи и стены обвалились. Снопы света бьют невесть откуда. Некоторые залы завалены, другие — затоплены водой. И знаете, что особенно любопытно? Повсюду я видел огромное количество стоптанной обуви. Очевидно, это башмаки и сапоги тех, кто там путешествовал. Все они очень древнего фасона и полусгнившие. Отсюда я сделал вывод, что там уже давно не ходят. За все время я только раз видел другого человека.

— Вы видели кого-то еще? — спросил сэр Уолтер.

— О да! По крайней мере, я подумал, это человек. Я видел тень на белой дороге, идущей через темную пустошь. Понимаете, я шел по мосту — много выше всех мостов, что я видал в нашем мире. Мне казалось, что до земли — несколько тысяч футов. Я посмотрел вниз и кого-то заметил. Не спеши я найти Дролайта, отыскал бы спуск и

последовал за тем человеком, дабы поговорить, ибо подумал, что нет для волшебника занятия более достойного, нежели такая беседа.

— Было бы это безопасно? — заметила Арабелла.

— Безопасно? — переспросил Стрендж. — О нет. Не думаю. Впрочем, я льщу себя надеждой, что встреча со мной тоже не вполне безопасна. Надеюсь, не все потеряно. Когда завтра я вновь туда отправлюсь, то постараюсь разобраться, куда направлялась загадочная фигура.

— Отправитесь туда! — воскликнул сэр Уолтер. — Уверены ли вы, что…

— О! — перебила его Арабелла. — Теперь я поняла, что меня ждет! Ты будешь бродить там все время, свободное от встреч с мистером Норреллом, а я — сидеть здесь и терзаться мыслью, увижу ли тебя снова!

Стрендж удивленно посмотрел на жену:

— Арабелла! Что случилось?

— Что случилось! Ты собираешься подвергнуть себя ужасной опасности и думаешь, что я промолчу?

Стрендж всплеснул руками, словно призывая сэра Уолтера и Гранта в свидетели абсурдности ее слов.

— Когда я отправлялся в Испанию, ты была спокойна, хотя там шла кровопролитная война. А теперь…

— Спокойна? Ничего подобного! Я страшно боялась за тебя, как и все жены, матери и сестры тех, кто сражался в Испании. Но мы с тобой решили, что это твой долг. Кроме того, в Испании с тобой была целая британская армия, а там ты будешь совершенно один. Я говорю «там», хотя никто точно не знает, где это!

— Прости, но я точно знаю, где это! Это Дороги Короля. Послушай, Арабелла, ты поздновато поняла, что тебе не нравится моя профессия!

— Неправда! Я никогда и слова не сказала против твоей профессии. Думаю, это одно из благороднейших занятий в мире. Я безмерно горжусь тем, что́ вы с мистером Норреллом делаете, и не возражала, когда ты изучал новые магические практики; однако до сего дня ты извлекал их из книг!

— Именно — до сего дня! Ограничить волшебника книгами в его библиотеке — все равно что сказать исследователю: я одобряю твой план отправиться на поиски истоков… э… ну как там называются эти африканские реки… но при одном условии — ты не поедешь дальше графства

Кент!

Арабелла начала сердиться:

— Мне казалось, что ты волшебник, а не первопроходец!

— Это одно и то же. Исследователь не может сидеть дома и рассматривать карты, составленные другими людьми. Волшебник не может совершенствоваться в своем искусстве, читая чужие книги. Мне абсолютно ясно, что рано или поздно мы с Норреллом должны пойти дальше!

— Да? Тебе это ясно? Ну что же, Джонатан, я сильно сомневаюсь, что это ясно и мистеру Норреллу.

Во время всей пикировки сэр Уолтер и подполковник Грант чувствовали себя неловко, как всякие люди, невольно оказавшиеся свидетелями семейной сцены. Положение их усугублялось еще и тем, что и Стрендж, и Арабелла были ими как будто недовольны. Они уже выслушали от Арабеллы несколько резких замечаний, когда признались, что подтолкнули Стренджа на это опасное предприятие. Теперь и Стрендж бросал на них сердитые взгляды, словно гадая, зачем они среди ночи заявились к нему домой и вывели из равновесия его всегда покладистую жену.

Как только в споре возникло некое подобие пау-

зы, Грант пробормотал что-то о позднем времени, гостеприимстве, которым он злоупотребляет, и необходимости поспать. На него, однако, никто не обратил внимания, поэтому он вынужден был остаться на месте.

Сэр Уолтер был человеком более решительным. Он рассудил, что поступил неправильно, отправив Стренджа в путешествие по зазеркалью, и намеревался хоть как-то загладить промах. Будучи политиком, он привык излагать свое мнение, не смущаясь тем, что другие не настроены его слушать.

— Вы прочли все книги по магии? — спросил он у Стренджа.

— Что? Нет, конечно нет! Вы хорошо знаете, что еще не прочел! — ответил Стрендж. (Он подумал о библиотеке в Хартфью.)

— Все эти залы, в которых вы побывали, — где они находятся? — вопросил сэр Уолтер.

— Не знаю.

— Вы знаете, что это за темная равнина, над которой перекинут мост?

— Не знаю, но…

— В таком случае лучше поступить так, как предлагает миссис Стрендж, и прочесть все об этих Дорогах, прежде чем на них возвращаться,

не так ли?

— Однако сведения из книг неточны и противоречивы! Даже Норрелл так говорит, а он уж прочел все, что про них написано, не сомневайтесь!

Арабелла, Стрендж и сэр Уолтер спорили еще добрых полчаса, пока все не устали и не захотели спать. Только Стренджу нравилось расписывать безмолвные залы, бесконечные дороги и темные пустоши. Арабеллу его слова искренне напугали, а сэр Уолтер и подполковник Грант чувствовали себя неуютно. Волшебство, казавшееся несколько часов назад таким простым, таким *английским*, неожиданно повернулось к ним своей нечеловеческой, неземной, потусторонней гранью.

Стрендж, со своей стороны, пришел к выводу, что перед ним самые бестолковые и несносные люди в Англии. Они, кажется, не понимали, что он совершил нечто воистину *выдающееся*. Не нужно обладать особой проницательностью (думал Стрендж), дабы осознать, что это самое поразительное достижение за всю его карьеру. Со времен Мартина Пейла ни один английский волшебник не бывал на Дорогах Короля. А вместо поздравлений и ожидаемых похвал своему магическому искусству он слышит жалобы и сердитые

замечания совершенно в норрелловском духе.

На следующее утро Стрендж встал с постели, преисполненный решимости вернуться на Дороги Короля. Он весело поздоровался с Арабеллой, поболтал с нею о каких-то пустяках и вообще пытался сделать вид, будто размолвка случилась из-за ее вчерашней усталости. Однако не успел он воспользоваться результатами своей невинной уловки и ускользнуть через ближайшее большое зеркало, как Арабелла сообщила твердо, что ее мнение за ночь не изменилось.

Впрочем, разве не бесполезно следить за развитием ссоры между супругами? Такой разговор петляет, словно река; его, как притоки, питают обиды и горести прошлых лет, не понятные никому, кроме двух главных участников. Ни одна из сторон не бывает абсолютно права, а если и бывает, какое это имеет значение?

Побеждает желание жить в гармонии и дружбе с любимым человеком; и Стрендж с Арабеллой не были исключением. Спустя два дня споров и взаимных уступок они дали друг другу обещания. Муж обещал жене не возвращаться на Дороги Короля, пока та не разрешит. Жена обещала мужу дать разрешение, как только он убедит ее, что это вполне безопасно.

37. Пять Драконов

Ноябрь 1814 года

Семь лет назад дом мистера Лассельса на Бретон-стрит считался одним из лучших в Лондоне. Он изумлял тем совершенством, какого может достичь лишь очень богатый и незанятый человек, посвятивший бóльшую часть времени собиранию картин и скульптур, а бóльшую часть душевных сил — выбору мебели и обоев. Лассельс обладал безупречным вкусом и способностью соединять цвета в самых свежих и поразительных сочетаниях. Особенно ему нравились голубовато-серые тона и темная бронза. Однако он не привязывался к тому, чем владел, и продавал картины так же часто, как и покупал, не превращая свой дом в переполненную картинную галерею, как это нередко случается с коллекционерами. В каждой комнате было лишь несколько полотен и предметов искусства — зато лучших и самых примечательных в Лондоне.

Впрочем, в последние семь лет великолепие дома начало постепенно тускнеть. Цвета были все так же изысканны, но не менялись уже семь лет. Мебель, спору нет, была дорогой, однако

самой модной и современной она считалась семь лет назад. За эти годы в собрании мистера Лассельса не объявилось новых приобретений — замечательные скульптуры, привозимые в Лондон из Италии, Египта и Греции, попадали в руки других джентльменов.

Мало того, в доме появились все признаки того, что хозяин занялся какой-то полезной деятельностью, что он *работает*. Доклады, рукописи, письма и правительственные документы лежали на всех столах и стульях, экземпляры «Друзей английской магии» и книги по волшебству можно было увидеть в каждой комнате.

Лассельс по-прежнему презирал всякий труд, однако с приездом мистера Норрелла в Лондон стал занятым человеком. Именно он предложил лорда Портисхеда на должность редактора «Друзей английской магии», но то, как его милость исполнял редакторские обязанности, доводило Лассельса до исступления. Лорд Портисхед во всем уступал мистеру Норреллу, учитывал все его замечания и поправки; в итоге журнал с каждым номером становился все скучнее и велеречивее. Осенью 1810 года Лассельс добился для себя должности соредактора. Журнал имел самое большое в Англии число подписчиков, и к работе следовало

относиться очень серьезно. Вдобавок Лассельс писал статьи по магии для других журналов и газет, консультировал министров по вопросам магии, почти ежедневно посещал мистера Норрелла, а в свободное время изучал историю и теорию волшебства.

Через два дня после визита Стренджа к миссис Буллуорт Лассельс в своей библиотеке трудился над очередным номером «Друзей английской магии». Было уже за полдень, но он еще не выкроил времени, чтобы побриться и одеться, поэтому сидел в халате за грудой книг, бумаг, немытых тарелок и кофейных чашек. Нужное письмо куда-то запропастилось, и Лассельс пошел его поискать. В гостиной кто-то сидел.

— А, — произнес Лассельс, — это вы.

Жалкое создание в кресле подняло голову.

— Лакей пошел вас искать, чтобы доложить обо мне.

— А! — Лассельс замолчал, явно не зная, что добавить, потом сел в кресло напротив гостя, подпер подбородок кулаком и задумчиво уставился на Дролайта.

Дролайт был бледен, глаза ввалились. Платье покрылось пылью, туфли были почищены кое-как, а воротник и манжеты засалились.

— Очень нелюбезно с вашей стороны, — произнес наконец Лассельс, — принимать деньги за то, чтобы меня разорили, искалечили и довели до безумия. И от кого — от Марии Буллуорт! Не понимаю, чем я ей так досадил. Ее вина не меньше моей. Я не принуждал ее выходить замуж за Буллуорта — просто предложил ей выход, когда она сказала, что не может больше его видеть. Это правда, что она просила Стренджа наслать на меня проказу?

— Возможно, — вздохнул Дролайт, — не могу сказать наверняка. Главное, вам решительно ничего не грозило. Вы сидите здесь, богатый, здоровый, преуспевающий, как всегда, а я — несчастнейший человек в Лондоне. Я три дня не спал. Сегодня утром руки у меня так тряслись, что я едва мог завязать галстук. Вы представить себе не можете, что значит для меня появляться на людях таким пугалом. Хотя какое это имеет значение — меня никто не принимает. Ваш дом — единственный, куда меня впустили. — Дролайт помолчал. — Мне не следовало вам об этом говорить.

Лассельс пожал плечами.

— Вот чего я не могу понять: как вы могли рассчитывать, что преуспеете в этой нелепой

затее? — спросил он.

— Она не была нелепой! Напротив, я тщательно подбирал… *клиентов*. Мария Буллуорт живет в полном уединении. Гатком и Тантони — пивовары! Из Ноттингемшира! Кто мог предвидеть, что они встретят Стренджа!

— А как насчет мисс Грей? Арабелла Стрендж познакомилась с ней у леди Уэстби на Бедфорд-Сквер.

Дролайт вздохнул:

— Мисс Грей было восемнадцать лет, и она жила со своими опекунами в Уитби. По завещанию отца она должна была находиться под их опекой до тридцати шести лет. Опекуны не любили Лондон и не собирались уезжать из Уитби. Два месяца назад они оба простудились и скоропостижно умерли, а мерзкая девчонка немедленно укатила в столицу. — Дролайт замолчал и нервно облизнул губы. — Норрелл очень зол?

— Никогда его таким не видел, — тихо ответил Лассельс.

Дролайт глубже вжался в кресло.

— Что они сделают?

— Не знаю. Когда о вашем маленьком приключении стало известно, я решил, что будет лучше какое-то время не появляться на Ганновер-Сквер.

От адмирала Саммерхейза я слышал, что Стрендж намеревался вызвать вас на поединок…

Дролайт испуганно вскрикнул.

— …Однако Арабелла не одобряет дуэлей, и он отказался от своего намерения.

— Норрелл не имеет права на меня злиться! — неожиданно заявил Дролайт. — Он всем мне обязан. Волшебство — это прекрасно, но если бы я не ввел его в свет, никто бы о нем не знал. Он не мог обойтись без меня тогда, не может обойтись и сейчас.

— Вы так думаете?

Темные глаза Дролайта расширились; он поднес палец к губам, словно хотел погрызть ноготь, но обнаружил, что на руке перчатка, и отдернул ее от лица.

— Я снова зайду вечером, — сказал он. — Вы будете дома?

— Весьма возможно! Я почти обещал леди Блессингтон посетить ее салон, но вряд ли я поеду. Мы страшно затянули с номером «Друзей». Норрелл задергал нас противоречивыми указаниями.

— Так много работы! Мой бедный Лассельс! Как это на вас не похоже! Как мучает вас этот старик!

После ухода Дролайта Лассельс вызвал слугу.

— Через час я выйду в город, Эмерсон. Скажи Уоллису, чтобы приготовил платье… Да, Эмерсон! Мистер Дролайт собирался зайти к нам позже, вечером. Когда придет, не принимать его ни под каким видом. Придумай, что хочешь.

В те же минуты, когда происходил описанный разговор, мистер Норрелл, Стрендж и Джон Чилдермасс собрались в библиотеке на Ганновер-Сквер, чтобы обсудить предательство Дролайта. Мистер Норрелл сидел молча и смотрел на огонь в камине, а Чилдермасс рассказывал Стренджу, как нашел еще одну жертву Дролайта: старый джентльмен из Твикенема, некий Пелгрейв, заплатил проходимцу двести гиней за продление жизни еще на восемьдесят лет и возвращение молодости.

— Уверен, — продолжал Чилдермасс, — мы так никогда и не узнаем, скольких еще людей обманул Дролайт. И мистеру Тантони, и мисс Грей он обещал видное положение в иерархии волшебников, которая, по его словам, будет вот-вот учреждена.

Стрендж вздохнул:

— Ума не приложу, как объяснить людям, что мы не имели к этому никакого отношения. Надо что-то сделать, но что именно, не знаю.

Неожиданно заговорил мистер Норрелл:

— Последние два дня я много думал об этом и пришел к выводу, что мы должны возродить суд Пяти Драконов[89].

В комнате воцарилось молчание. Потом Стрендж спросил:

— Простите, сэр, вы сказали, Пять Драконов?

Мистер Норрелл кивнул:

— Я убежден, что этого негодяя необходимо предать суду Пяти Драконов. Он виновен в лжемагии и злых намерениях. К счастью, средневековый закон никто не отменял.

— Средневековый закон, — усмехнулся Чилдермасс, — требует, чтобы в суде Пяти Драконов заседали двенадцать волшебников. В Англии столько нет, и вы прекрасно это знаете. У нас их

---

[89] Примечания: 89

Вопреки распространенному мнению суд Пяти Драконов получил свое название отнюдь не из-за строгости судей. Оно связано с одной из комнат в доме Джона Аскгласса, Короля-ворона, в Ньюкасле, где изначально проводились заседания. Комната имела не четыре стены, а двенадцать, украшенных изумительной резьбой, выполненной и людьми, и эльфами. Самые замечательные рельефы изображали пять драконов.

Суду Пяти Драконов подлежали следующие преступления: «Злые намерения» — магия, направленная во вред людям; «Лжемагия» — притворные колдовские действия либо обещание сотворить таковые, сделанные лицом, не умеющим или не желающим их осуществлять; продажа волшебных колец, головных уборов, башмаков, поясов, платков, бус, музыкальных инструментов и так далее и тому подобное лицам, не способным совладать с этими могущественными предме-

тами; ложное объявление себя магом или посредником такового; обучение магии неподходящих лиц — пьяниц, умалишенных, детей, людей со злыми наклонностями; прочие преступления, совершенные обученными волшебниками либо простыми христианами. Суд Пяти Драконов рассматривал также преступления, совершенные против личности Джона Аскгласса. Единственной категорией магических преступлений, которой суд Пяти Драконов не касался, были преступления, совершенные эльфами. Их разбирал отдельный суд Фолфлуреса.

В Англии в XII, XIII и XIV веках процветающее сообщество волшебников и эльфов активно занималось колдовством. Магию очень трудно регулировать, и, естественно, не вся она применяется с благими намерениями. Джон Аскгласс посвятил немало сил созданию свода законов, призванного управлять магией и магами. Когда магия распространилась по всей стране, короли Южной Англии с благодарностью позаимствовали мудрость северного соседа. Хотя Англия оставалась разделенной на две части и в каждой существовала своя судебная система, магическое уложение в них было одно. В Южной Англии эквивалентом Пяти Драконов был суд, называемый Малые Драконы Лондона. Заседал он в Блекфрайарс.

всего два.

— Мы можем найти недостающих, — сказал мистер Норрелл.

Стрендж и Чилдермасс удивленно посмотрели на него.

Мистер Норрелл, слегка смущаясь — как-никак, он противоречил всему, что говорил в последние семь лет, — продолжил:

— Есть лорд Портисхед и молодой человек из Йорка, который не подписал соглашение. Вот вам еще двое, и смею сказать… — он посмотрел на Чилдермасса, — что вы сможете отыскать еще.

Чилдермасс открыл было рот — вероятно, хотел напомнить мистеру Норреллу о тех волшебниках, которых для него нашел и которых мистер Норрелл тем или иным способом лишил возможности заниматься магией.

— Простите, мистер Норрелл, — вмешался Стрендж, — но когда я говорил о необходимости принять меры, я имел в виду опровержение в газете или что-то в таком роде. Я сильно сомневаюсь, что лорд Ливерпуль и министры позволят нам ради наказания одного человека возродить в Англии ветвь правосудия, которая бездействует уже более двух столетий. И даже если они дадут такое согласие, полагаю, волшебники, за-

седающие в суде Пяти Драконов, должны быть *практикующими* магами. Лорд Портисхед и Джон Сегундус — теоретики. Кроме того, сдается, что вскоре Дролайт подвергнется преследованию за мошенничество, подлог, воровство и я не знаю за что еще. Не вижу, чем суд Пяти Драконов лучше обычно светского суда.

— Справедливость светских судов чрезвычайно сомнительна! Судья ничего не знает о магии! Он не сможет осознать всю чудовищность преступлений этого человека. Я говорю о его преступлениях против английской магии, против *меня*. Суд Пяти Драконов был известен своей суровостью. Я не успокоюсь, пока мерзавца не повесят.

— Повесят?

— О да. Я твердо намерен довести дело до виселицы! Мне казалось, об этом мы и толкуем. — Мистер Норрелл часто заморгал.

— Мистер Норрелл, — ответил Стрендж, — я не меньше вашего зол на этого человека. Он беспринципен. Он низок. Он воплощает все, что я презираю. Однако я не хочу никого отправлять на виселицу. Я был в Испании, сэр, и видел достаточно смертей.

— Но два дня назад вы собирались вызвать его

на дуэль!

Стрендж сердито посмотрел на него:

— Это совсем другое дело!

— Что ж, — заметил Норрелл, — думаю, вы заслуживаете наказания едва ли меньше, чем Дролайт.

— Я? — Стрендж был поражен. — Почему? Что я сделал?

— О, вы отлично знаете, о чем я! Что, ради всего святого, толкнуло вас на Дороги Короля? Одного, без всякой подготовки! Неужели вы могли подумать, что я одобрю подобную авантюру? Ваши действия в тот вечер дискредитируют магию не в меньшей степени, чем усилия этого подлеца! Может быть, даже в большей! Никто и никогда не считал Кристофера Дролайта приличным человеком. Никто не удивлен, что он оказался негодяем. Но вы — вас все знают как моего ученика! Вы — Второй Волшебник страны! Люди могут подумать, что я одобрил ваши действия, что это часть моего плана по возрождению английской магии!

Стрендж пристально смотрел на своего наставника.

— Упаси меня бог, сэр, скомпрометировать вас своими действиями. Уверяю, мистер Норрелл, у меня и в мыслях такого не было. Однако это легко

поправить. Если мы с вами расстанемся, то каждый из нас сможет действовать самостоятельно. Тогда публика будет судить нас по отдельности.

Мистер Норрелл был потрясен. Он взглянул на Стренджа, отвел глаза и пробормотал, что имел в виду *не это*. Он надеется, что мистер Стрендж его понимает. Мистер Норрелл откашлялся.

— Надеюсь, мистер Стрендж сделает скидку на мое раздраженное состояние. Наверняка для него будущность английского волшебства важнее старческих придирок. Он понимает, насколько важно, чтобы мы с ним выступали заодно. Слишком рано расстраивать наши ряды. Английская магия еще не окрепла. Если мы с мистером Стренджем начнем конфликтовать по вопросам магической политики, боюсь, у волшебства в Англии не останется шансов на возрождение.

Тишина.

Стрендж поднялся с кресла и сухо поклонился мистеру Норреллу.

Последовало неловкое молчание. Мистер Норрелл искал, чем бы сгладить неловкость. Взгляд его остановился на экземпляре новой книги лорда Портисхеда «Заметки об удивительном возрождении английской магии и прочая», только что полученном из типографии. Мистер Норрелл

взял книгу.

— Замечательная работа! Как предан нашему делу лорд Портисхед! После таких горестных испытаний трудно кому-либо доверять, но на него мы всегда можем положиться!

Он протянул книгу Стренджу. Тот полистал ее, выборочно просматривая текст.

— Определенно, он точно выполнил наши указания. Две длинные главы с нападками на Джона Аскгласса и почти никакого упоминания об эльфах. И помнится, в первоначальной рукописи имелся довольно большой раздел о волшебстве Короля-ворона.

— Да, — ответил мистер Норрелл, — покуда вы не внесли эти изменения, книга была нестоящей, хуже того, опасной! Однако те часы, что вы провели с лордом Портисхедом, направляя его мнение, не прошли втуне. Я очень доволен результатом.

К тому времени, когда Лукас подал чай, согласие между волшебниками как будто восстановилось. Оба вели себя словно ничего не произошло, только Стрендж держался, быть может, чуть тише обычного.

Перед уходом Стрендж спросил, может ли взять книгу лорда Портисхеда.

— Само собой! — воскликнул мистер Нор-

релл. — Заберите ее себе. У меня есть еще несколько экземпляров.

Между тем мистер Норрелл, несмотря на уговоры Стренджа и Чилдермасса, не собирался отказываться от плана возродить суд Пяти Драконов. Чем дольше он размышлял на эту тему, тем больше убеждался, что такой орган необходим и никакое наказание, наложенное на Дролайта обычным судом, не может считаться достаточным. Вечером мистер Норрелл послал Чилдермасса к лорду Ливерпулю с просьбой о короткой аудиенции. Лорд Ливерпуль прислал записку, в которой обещал принять волшебника на следующий день.

В назначенный час мистер Норрелл явился к премьер-министру и изложил свой план. Лорд Ливерпуль слушал и хмурился.

— Магическое право в Англии давно не применяется, — заметил он. — У нас нет юристов такого профиля. Кто будет рассматривать дела? Кто будет выносить решения?

— О! — воскликнул мистер Норрелл, извлекая из портфеля объемистую стопку исписанных листов. — Я рад, что ваша милость обращает внимание на столь значимые детали! Я набросал общее положение о суде Пяти Драконов. К

сожалению, в наших знаниях о нем много белых пятен, но я предлагаю, как их восполнить. За основу я взял деятельность церковных судов коллегии юристов гражданского права. Ваша милость видит, что нам предстоит большая работа.

Лорд Ливерпуль глянул на исписанные листы.

— Слишком много работы, мистер Норрелл, — произнес он.

— Да, но это совершенно необходимо, уверяю вас! Совершенно необходимо! Как еще регулировать магию? Как уберечься от злонамеренных магов и их слуг?

— Каких злонамеренных магов? Есть только вы и мистер Стрендж.

— Да, но…

— Вы собираетесь совершить преступление, мистер Норрелл? Британское правительство должно учредить специальный орган, который станет сдерживать ваши порывы?

— Нет, но я…

— Может быть, мистер Стрендж проявляет склонность к убийству, насилию, грабежу?

— Нет…

— Тогда у нас остается мистер Дролайт, который, насколько я знаю, отнюдь не волшебник.

— Но его преступления связаны с магией! По

законам Англии он подлежит суду Пяти Драконов. Вот перечень его преступлений. — Мистер Норрелл показал премьер-министру лист с пометками. — Вот! Лжемагия, злые намерения, недоброе научение. Ни один обычный суд подобных случаев не рассматривает.

— Разумеется, однако, как я уже сказал, у нас некому рассматривать его дело.

— Если ваша милость соблаговолит посмотреть на страницу сорок два моей рукописи, то вы увидите, что вполне можно привлечь судей, адвокатов и обвинителей из числа специалистов по гражданскому праву. Принципы магического права я им объясню — это займет немногим больше недели. А на время заседаний я предоставлю в качестве консультанта своего слугу — Джона Чилдермасса. Очень образованный человек; он всегда сможет сделать замечание, если что-то пойдет не так.

— Как! Чтобы судей консультировал истец и его слуга? Немыслимо! Это противно правосудию!

Мистер Норрелл заморгал:

— А иначе где гарантии, что другие волшебники не станут мне противоречить и ставить под сомнение мой авторитет?

— Мистер Норрелл, не дело суда — любого суда

— превозносить мнение одного человека над мнением других! Ни в магии, ни в какой другой сфере деятельности. Если кто-то из волшебников не согласен с вами, спорьте. Докажите, что вы правы, как доказываю я в политических дискуссиях. Спорьте, выступайте в печати, практикуйте, научитесь жить, как я — под огнем постоянных нападок. Так, сэр, принято в Англии.

— Но…

— Мне жаль, мистер Норрелл. Разговор закончен. Правительство Великобритании благодарно вам. Вы оказали стране значительные услуги. Мы чрезвычайно высоко ценим вас, но то, о чем вы просите, — невозможно.

Как и предсказывал Стрендж, эта история бросила тень и на него, и на мистера Норрелла. В конце концов, Дролайт был очень к ним близок. Ситуация подсказала тему неутомимым карикатуристам. Джордж Крукшенк изобразил мистера Норрелла, выступающего с речью о благородных целях волшебства; за его спиной Стрендж диктует слуге расценки на услуги, а тот записывает мелом на доске: «Убийство случайного знакомого — двадцать гиней. Убийство близкого друга — сорок гиней. Убийство родственника — сто гиней. Убийство супруга — четыреста гиней». На

карикатуре мистера Роулендсона состоятельная дама прогуливается, держа на поводке пушистую собачку. Знакомые восхищаются: «Какой песик, миссис Фаулкс! Просто душка!» Дама отвечает: «Действительно, душка! Это мистер Фаулкс. Я заплатила мистеру Норреллу пятьдесят гиней, чтобы он сделал моего мужа послушным и ласковым, и вот результат!»

Само собой, карикатуры и язвительные заметки в газетах нанесли английской магии ощутимый урон. Теперь ее называли не защитой нации, а орудием зависти и злобы.

А что же с людьми, которых обманул Дролайт? Как они отнеслись к тому, что с ними случилось? Мистер Пелгрейв, древний, больной и злой старик, который рассчитывал жить вечно, собирался подать на Дролайта в суд за мошенничество, но неожиданно умер. Дети и наследники, как выяснилось, ненавидели мистера Пелгрейва и только порадовались, узнав, что его последние дни были исполнены отчаяния. Дролайт мог не опасаться преследования со стороны мисс Грей и миссис Буллуорт — друзья и родственники первой не позволили ей участвовать в пошлом скандале, а вторая давала Дролайту такие заказы, что сама вполне могла оказаться под судом. Оставались

Гатком и Тантони, пивовары из Ноттингемшира. Мистер Гатком как деловой человек захотел вернуть деньги и послал в Лондон судебных приставов. К сожалению, мистер Дролайт не мог вернуть деньги, потому что давно их потратил.

Вот тут-то и начались у Дролайта настоящие неприятности. В темном небе появилась Немезида и расправила над его головой грозные крыла. Он никогда не был богат, даже наоборот. Жил в основном в долг, на деньги, взятые у друзей. Иногда он выигрывал в карты, но чаще уговаривал молодых простаков сыграть партию-другую, и, когда те проигрывали (а проигрывали они всегда), Дролайт задушевно брал их под локоть и вел к ростовщику, приговаривая: «Я не стал бы рекомендовать вам никого иного — они дерут безумные проценты. Мистер Баззерд — решительно не такой. Добрейший старый джентльмен. Для него ссужать деньги — не средство обогатиться, а скорее благотворительность. Он не может без боли в душе смотреть на благородного человека, который оказался в затруднительном положении!» Приводя юнца в логово заимодавца, Дролайт знал, что получит четыре процента годовых с долга, если затянет в пучину простого обывателя, шесть процентов — за отпрыска ви-

конта или баронета и десять — за благородную поросль графских и герцогских домов.

Слух о том, что Дролайт под следствием, быстро разнесся по Лондону. Портные, шляпники и перчаточники забеспокоились и принялись требовать старые долги. Внезапно суммы, которые он рассчитывал выплатить через четыре-пять лет, сделались срочными. В двери его дома стучали люди с грубыми лицами, не понимающие юмора. Знакомые советовали ему бежать за границу, но Дролайт еще верил, что все образуется, что в Лондоне у него есть друзья. Он надеялся, что мистер Норрелл будет великодушен, что Лассельс, добрый друг Лассельс его не покинет. Обоим Дролайт послал записки с просьбой ссудить четыреста гиней. Мистер Норрелл не ответил; Лассельс письмом уведомил, что взял себе за правило никогда и никому не давать в долг. Во вторник утром Дролайта арестовали как несостоятельного должника, а в пятницу он уже находился в тюрьме при суде королевской скамьи.

Как-то вечером в конце ноября, через неделю после описанных событий, Стрендж и Арабелла сидели в гостиной своего дома на Сохо-Сквер. Арабелла сочиняла письмо, а Стрендж рассеянно теребил волосы и размышлял о чем-то, уставив-

шись взглядом в пустоту. Внезапно он поднялся и вышел из комнаты.

Примерно через час он вернулся, неся в руках исписанные листы.

Арабелла подняла голову.

— Я думала, статья для «Друзей английской магии» уже готова, — сказала она.

— Это не статья, — ответил Стрендж. — Это отзыв на книгу Портисхеда.

Арабелла сдвинула брови:

— Ты не можешь давать отзыв на книгу, которую сам помогал писать.

— Думаю, что могу. При определенных обстоятельствах.

— Вот как! А что за обстоятельства?

— Это гнусная книга, направленная на обман британской общественности.

Арабелла изумилась.

— Джонатан! — только и смогла выговорить она.

— Это *и впрямь* гнусная книга.

Он протянул ей листы, и Арабелла принялась читать. Часы пробили девять, и Джереми подал чай. Дочитав до конца, Арабелла вздохнула:

— Что ты намерен делать?

— Не знаю. Наверное, опубликую это.

— А как же бедный лорд Портисхед? Если в своей книге он написал что-то неправильно, то, конечно, кто-то должен об этом заявить. Но ты прекрасно знаешь, что он писал с твоего позволения. Он решит, что с ним поступили неблагородно.

— Конечно! Отвратительная история с начала и до конца. — Стрендж беззаботно отхлебнул чаю и съел ломтик поджаренного хлеба. — Впрочем, дело в другом. Должен ли я из расположения к лорду Портисхеду умалчивать о том, что считаю истиной? Думаю, что нет. А ты как считаешь?

— Но почему ты? — спросила Арабелла с ноткой отчаяния в голосе. — Из твоих уст это будет куда обиднее.

Стрендж нахмурился:

— А кто, если не я? Кто другой это сделает? Ладно, обещаю тебе, что при первом случае принесу ему самые глубокие извинения.

Этим Арабелле и пришлось удовлетвориться.

Вскоре Стрендж решил, где опубликует свой отзыв. Его выбор пал на мистера Джеффри, редактора «Эдинбургского обозрения», выходившего в Шотландии. Это было радикальное издание, ратовавшее за политические реформы, эмансипацию католиков и иудеев и все прочее, что отнюдь не

вызывало одобрения у мистера Норрелла. В итоге все заметки и статьи о возрождении английской магии публиковались в конкурирующих изданиях, а у него — никогда. Естественно, он с радостью откликнулся на предложение Стренджа. Скандальность и революционный оттенок публикации ничуть его не смутили, ибо такого рода материалы он предпочитал любым другим. Джеффри сразу же написал Стренджу ответное послание, в котором уведомил, что опубликует его отзыв в кратчайшие сроки, а еще дня через два Стрендж получил от него в подарок хаггис — шотландскую разновидность пудинга, представлявшую собой бараний рубец с потрохами и приправами.

38. Из «Эдинбургского обозрения»

Январь 1815 года

Ст. XIII. Джон Уотербери, лорд Портисхед. «Заметки об удивительном возрождении английской магии и прочая», с отчетом о применении магии в недавней войне на Пиренейском полуострове, составленным Джонатаном Стренджем, волшебником его светлости герцога Веллингтона. Изд-во Джона Мюррея: Лондон, 1814.

Как ближайший помощник и доверенное лицо мистера Норрелла и друг мистера Стренджа лорд Портисхед наилучшим образом подходит на роль хрониста последних магических событий, поскольку принимал во многих из них непосредственное участие. Успехи мистера Норрелла и мистера Стренджа широко обсуждаются в печати, но благодаря лорду Портисхеду читатели получат о них совершенно полное представление.

Наиболее восторженные почитатели мистера Норрелла пытаются нас уверить, будто он приехал в Лондон весной 1807 года уже будучи величайшим волшебником Англии и феноменом текущего столетия, однако из книги лорда

Портисхеда явствует, что они вместе с мистером Стренджем начали с малого и лишь постепенно пришли к нынешним результатам. Портисхед не побоялся наряду с успехами поведать нам о неудачах. В главе пятой дано трагикомическое описание затянувшегося спора с конной гвардией, который начался в 1810 году, когда одному из генералов пришла идея заменить кавалерийских лошадей единорогами. Он считал, что единороги станут поражать французов прямо в сердце. К сожалению, этот блестящий план не воплотился в жизнь — мистеру Норреллу и мистеру Стренджу не удалось обеспечить достаточное количество единорогов. Строго говоря, они так и не обнаружили ни одного.

Более сомнительна ценность второй части, где его милость от описаний переходит к размышлениям о том, что можно считать респектабельной английской магией, а что — нет, или, другими словами, какие виды колдовства относятся к Белой магии и какие — к Черной. Здесь он не открыл ничего нового. Достаточно бегло взглянуть на все, написанное по этому поводу за последнее время, чтобы обнаружить странное единодушие. Все цитируют одни и те же источники и приводят одни доводы.

Возможно, настало время спросить: почему? В любой другой сфере наши знания уточняются и углубляются в спорах. Право, богословие, история, естественные науки — всюду мы видим многообразие подходов и мнений. Почему же в магии мы слышим одни и те же изрядно потрепанные постулаты? Можно подумать, что спорить не о чем, раз все настолько едины во взглядах. Унылая монотонность особенно заметна в последних изложениях истории английской магии, которые с каждым разом становятся все более предвзятыми.

Восемь лет назад тот же автор опубликовал «Историю Короля-ворона, написанную для детей», одну из лучших книг подобного рода. Он прекрасно передал живой дух, поразительную силу и очарование магии Джона Аскгласса. Почему же сегодня он утверждает, будто английское волшебство началось в XVI веке с Мартина Пейла? В главе шестой своей книги он заявляет, что именно Пейл очистил английскую магию от ее темной составляющей. Никаких доказательств он не приводит по той причине, что их не существует.

Сегодня Портисхед считает, что традицию, заложенную Пейлом, наследовали и развили

Хикмен, Ланчестер, Губерт, Белазис и другие (которых мы определяем названием «аргентианы»), а в наши дни она достигла славного апогея благодаря трудам мистера Норрелла и мистера Стренджа. Это, безусловно, те взгляды, которые мистер Стрендж и мистер Норрелл изо всех сил стараются утвердить. Однако это не так. Мартин Пейл и маги-аргентианы не собирались закладывать основы английского волшебства. Каждым своим заклинанием, каждым написанным словом они стремились воссоздать славные достижения своих предшественников (тех, кого называют магами Золотого века, или ауреатами): Томаса Годблесса, Ральфа Стокси, Екатерины Винчестерской и, прежде всего, Джона Аскгласса. Мартин Пейл был преданным последователем этих волшебников. Он неоднократно выражал сожаление, что не родился на два столетия раньше.

Поражает отношение возрождающейся английской магии к Джону Аскглассу. Создается впечатление, что сегодня его вспоминают лишь для того, чтобы в очередной раз облить грязью. Представьте, что мистер Дэви, мистер Фарадей и другие великие ученые мужи начинают свои лекции с выражений презрения в адрес Исаака

Ньютона. Или наши наиболее прославленные эскулапы предваряют сообщение об очередном открытии в медицине рассказами о злонамеренности Уильяма Гарвея.

Лорд Портисхед отвел целую главу опровержению того общеизвестного факта, что Джон Аскгласс основал английскую магию. Главный аргумент — на наших островах волшебники жили и до Джона Аскгласса. Я этого не отрицаю. Но я утверждаю, что до него в Англии не существовало магической традиции.

Давайте взглянем на тех волшебников, на которых ссылается Портисхед. Кто они были? Иосиф Аримафейский, пришедший из Святой земли и посадивший чудесное дерево, защищающее Англию от зла, — но я не слыхал, чтобы он остался здесь надолго или обучил кого-то своим знаниям. Еще один — Мерлин, но мать его была родом из Уэльса, а отец — из преисподней, и вряд ли он может быть причислен к сонму основоположников респектабельного английского волшебства, столь дорогого сердцам Портисхеда, Норрелла и Стренджа. Кто были ученики и последователи Мерлина? Мы не знаем ни одного. Налицо простой и неопровержимый факт: магической традиции в этой стране не существовало, пока

Джон Аскгласс не пришел из Страны Фей и не основал в Северной Англии свое королевство.

Портисхед по многим признакам и сам понимает, что оспорить этот вывод трудно, посему пытается ввести читателей в заблуждение, убеждая, будто магия Джона Аскгласса была изначально пропитана злом. Однако доводы его не выдерживают критики. Возьмем один пример. Портисхед приводит общеизвестный факт, что столицу Джона Аскгласса, Ньюкасл, окружали четыре волшебных леса. Они назывались Большой Том, Цитадель Асмодея, Маленький Египет и Благословение Святого Серло. Эти леса перемещались с места на место и поглощали тех, кто приближался к городу с целью причинить вред его жителям. Конечно, нам жутко слышать рассказы о лесах-людоедах, однако, судя по всему, современники Джона Аскгласса не считали это волшебство злым. То был жестокий век; Джон Аскгласс был средневековым королем и действовал, как ему надлежало, дабы защитить свой город и своих подданных.

Зачастую трудно судить о том, насколько нравственными или безнравственными были действия Аскгласса. Мотивы его поступков не всегда нам понятны. Из всех магов-ауреатов

он самый загадочный. Никто не знает, зачем в 1138 году он заставил Луну исчезнуть с неба и пройти по всем озерам и рекам Англии. Нам неизвестно, из-за чего в 1202 году он поссорился с Зимой и прогнал ее из своих владений. Четыре года Северная Англия наслаждалась непрерывным Летом. Мы не знаем, почему в 1345 году все жители королевства — мужчины, женщины и дети — половину мая и половину июня на протяжении тридцати ночей видели один и тот же сон, будто все они собрались на темно-красной равнине под золотистым небом и строят высокую черную башню. Каждую ночь они трудились, а по утрам просыпались обессиленными. Сон этот перестал их мучить, когда на тридцатую ночь башня и укрепления были полностью завершены. Во всех описанных случаях — особенно в последнем — мы чувствуем, что происходит нечто значительное, но не можем понять его смысла. Некоторые исследователи считали, что черная башня располагалась в той части ада, которую Аскгласс якобы взял в аренду у Люцифера, и строилась для ведения войны с этим врагом. Однако Мартин Пейл думал иначе. Он считал, что существовала связь между строительством башни и эпидемией чумы, которая разразилась

в Англии три года спустя. Королевство Джона Аскгласса в Северной Англии пострадало от нее в гораздо меньшей степени, чем его южные соседи, и Пейл полагал, что это связано с черной башней, — Аскгласс построил что-то вроде оборонительного сооружения от чумы.

Однако согласно «Заметкам об удивительном возрождении английской магии» нам вообще нет дела до чудес, сотворенных Аскглассом. По мнению мистера Норрелла и лорда Портисхеда, современный маг не должен заниматься малопонятными вещами. Я придерживаюсь иного взгляда: ими мы как раз и должны заниматься — чтобы их понять.

Английская магия — странный дом, в котором обитаем мы, волшебники. Он построен на фундаменте, который заложил Джон Аскгласс, и опасно не замечать этот факт. Мы обязаны исследовать фундамент, изучить его, дабы понять, какое здание он выдержит, а какое — нет. Иначе в доме появятся трещины, в которые влетят ветры невесть откуда, а коридоры уведут нас туда, куда мы вовсе не собирались.

Таким образом, книга Портисхеда, хоть и содержит много замечательного, являет собой пример главного противоречия современной английской

магии: наши лучшие волшебники заявляют о намерении стереть всякий след, всякое упоминание о Джоне Аскглассе, изгнать его из истории английского волшебства, но разве это возможно? Ведь магия, которую мы практикуем, это магия Джона Аскгласса.

39. Два волшебника

Февраль 1815 года

Из всех громких заметок, опубликованных когда-либо в «Эдинбургском обозрении», эта вызвала самый бурный резонанс. К концу января не осталось в стране сколько-нибудь образованного человека, который не прочел бы ее и не вынес своего суждения. Хотя отзыв опубликовали без указания автора, все прекрасно поняли, что написал его Стрендж. Конечно, поначалу кое-кто сомневался и указывал на то, что Стренджу в заметке досталось не меньше, чем Норреллу, а может, и больше. Однако знакомые высмеяли этих людей: Стрендж — как раз такой сумасброд, который способен выступить со статьей против самого себя. Разве автор не признается, что он волшебник? Кто другой мог это сочинить? Кто мог писать с таким знанием дела?

Когда мистер Норрелл впервые появился в Лондоне, его суждения казались новыми и весьма необычными. Потом к ним привыкли, и уже никого не удивляло, когда он заявлял: Британия должна править магией, как правит морями. Англичане сами определят границы волшебного.

То, что не вмещается в понимание современных леди и джентльменов — трехсотлетнее правление Джона Аскгласса, долгая запутанная история взаимоотношений людей и эльфов, — следует выбросить и забыть. Однако Стрендж перевернул Норреллово видение предмета с ног на голову. Внезапно оказалось, что магия и впрямь может быть такой странновато-пугающей, какой она предстает каждому англичанину в детстве, и не исключено, что где-то за краем неба, по ту сторону дождя, Джон Аскгласс и сейчас скачет по давно забытым путям со свитой людей и эльфов.

Многие решили, что между двумя волшебниками все кончено. По Лондону пополз слух, будто Стрендж приезжал на Ганновер-Сквер, но не был принят. Был и другой слух, противоположный: Стрендж, мол, на Ганновер-Сквер не появлялся, а мистер Норрелл сидит в библиотеке сутками напролет и каждые пять минут гоняет слуг посмотреть в окно, не идет ли его ученик.

Воскресным вечером в начале февраля Стрендж наконец приехал к мистеру Норреллу. Два джентльмена, направлявшиеся в церковь Святого Георгия, видели, как он поднялся по ступенькам, как ему открыли, как он заговорил со слугой и как его немедленно впустили, словно давно

ждали. Джентльмены зашли в церковь и сразу же рассказали знакомым на соседних скамьях обо всем, что сейчас видели. Через пять минут в церковь вошел худой благообразный юноша; делая вид, будто молится, он зашептал окружающим, что минуту назад говорил с человеком, который высунулся из окна второго этажа в доме по соседству с домом мистера Норрелла, и этот человек-де слышал, как Стрендж в чем-то обвиняет учителя. Через две минуты всю церковь облетело известие, что волшебники угрожают друг другу магическим отлучением. Началась вечерня, но многие прихожане с тоской косились на окна, словно гадая, отчего в богослужебных зданиях их делают так высоко: невозможно разглядеть, что творится в доме напротив. Запели гимн под аккомпанемент органа, и некоторые позже утверждали, что расслышали в звуках музыки отголоски громовых раскатов — верный признак близящейся схватки магов. Другие уверяли, что им просто примерещилось.

Все это чрезвычайно удивило бы двух волшебников, которые сейчас молча стояли в библиотеке и поглядывали друг на друга с некоторой опаской. Стрендж, несколько дней не видевший своего наставника, был потрясен: тот осунулся, сгорбился

и постарел лет на десять.

— Присядем, сэр? — спросил Стрендж и подошел к креслу.

Мистер Норрелл вздрогнул и вобрал голову в плечи, словно ждал, что Стрендж его ударит. В следующее мгновение он, впрочем, оправился и сел в кресло.

Стрендж чувствовал себя довольно неловко. В последние дни он вновь и вновь спрашивал себя: имел ли он право публиковать этот отзыв — и приходил к заключению: да, имел. Он выбрал линию поведения — достоинство и уверенность в своей правоте, смягченные умеренным количеством извинений. Однако теперь, в библиотеке мистера Норрелла, он снова боялся глядеть в лицо своему наставнику. Он смотрел то на фарфоровую статуэтку Мартина Пейла, то на дверь, то на левый башмак мистера Норрелла, то на собственные ногти.

Мистер Норрелл, наоборот, не отрываясь смотрел в лицо Стренджа.

После непродолжительной паузы оба разом заговорили.

— После всего доброго, что вы для меня сделали… — начал Стрендж.

— Вы полагаете, что я рассердился… — начал

Норрелл.

Оба замолчали, затем Стрендж жестом предложил мистеру Норреллу продолжать.

— Вы полагаете, что я рассердился, — сказал тот, — но это не так. Вы полагаете, что я не знаю, зачем вы это сделали, — и вы ошибаетесь. Вы думаете, что излили в заметке свою душу и теперь каждый англичанин вас понимает. Что они понимают? Ничего. Задолго до того, как вы это написали, я вас прекрасно понял. — Он помолчал, и на лице отразилась внутренняя борьба: он собирался сказать что-то, долго сберегавшееся в глубине сердца. — Вы написали это для меня. Для меня одного.

Стрендж открыл было рот, чтобы возразить, но вдруг осознал, что так оно, скорее всего, и было. Он промолчал.

Мистер Норрелл продолжил:

— Вы действительно считали, что у меня никогда не было того же… того же *страстного желания*? «Магия, которую мы практикуем, это магия Джона Аскгласса». Безусловно. Чья же еще? Говорю вам, в молодости я готов был на что угодно, лишь бы найти его, лишь бы броситься к его ногам. Я пытался вызвать его… ха! То был поступок очень молодого, очень глупого челове-

ка — призывать Короля, словно слугу, который явится и станет говорить с первым встречным. Я почитаю величайшей удачей в моей жизни, что у меня ничего не вышло. Тогда я попытался разыскать его с помощью древних заклинаний выбора, но и они у меня не сработали. Всю магию своей молодости я растратил на его поиски. Десять лет только этим жил, только об этом думал.

— Вы никогда не рассказывали мне об этом, сэр.

Мистер Норрелл вздохнул:

— Я хотел уберечь вас от повторения моей ошибки.

Он беспомощно развел руками.

— Вы сами говорите, мистер Норрелл, что это было давно, когда вы были молоды и неопытны. Теперь вы совсем другой, вы волшебник, да и я уже не ученик. Может, попробуем снова?

— Невозможно обнаружить столь могущественного волшебника, пока он сам этого не захочет, — равнодушно ответил мистер Норрелл. — Бесполезно даже пробовать. Вы думаете, его волнует, что будет с Англией? Уверяю вас, это не так. Он давно от нас отрекся.

— Отрекся? — Стрендж нахмурился. — Думаю, вы чересчур суровы. Я понимаю, годы разочаро-

ваний могли естественно привести к суждениям подобного рода. Однако у нас есть немало сообщений о людях, которые видели Джона Аскгласса через много лет после того, как он якобы покинул Англию. Дочь перчаточника из Ньюкасла[90], фермер из Йоркшира[91], моряк-баск[92].

Мистер Норрелл презрительно хмыкнул:

— Слухи и суеверия! Даже если истории правдивы — в чем я лично сильно сомневаюсь, — как можно утверждать, что эти люди видели именно Джона Аскгласса? Портретов его не сохранилось. Двое — дочка перчаточника и моряк-баск — вообще не знали, кого видят. Они видели человека в черном, а позже им *объяснили*, что это был Джон Аскгласс. На самом деле для нас почти неважно, возвращался ли он в то или иное время, видел

---

[90] Примечания: 90

В конце XVII века в Ньюкасле жил один перчаточник, у которого была дочь — непослушное маленькое создание. Однажды она потерялась. Все были уверены, что она притаилась в каком-нибудь закутке в доме, но ребенок просто исчез. Мать, отец и братья искали ее, обшарили соседние дома, но безрезультатно. Наконец, ближе к ночи, они увидели, что девочка идет к дому по грязной мостовой (стояла зима). Некоторым показалось, что рядом с ней шагает еще кто-то, но в сумерках зимнего вечера рассмотреть незнакомца не удалось, а к родному дому девочка подошла уже одна. Она была невредима и рассказала следующее.

Убежав из дому, она отправилась бродить по городу и быстро оказалась на незнакомой улице. Улица была широкой и красивой, поднималась куда-то вверх, и по ней девочка взобралась на невиданную высоту и оказалась перед большим каменным домом. Она вошла и бродила по множеству комнат — в них было тихо, пусто, полно паутины и

пауков. Вдоль одной стены тянулась анфилада комнат, где по стенам и полу беспрестанно скользили тени листвы, будто за окнами — летние деревья, но деревьев там не было (и к тому же стояла зима). В одной комнате не было ничего, кроме большого зеркала. По всей видимости, комната и зеркало повздорили, поскольку в зеркале щебетали и порхали птицы, хотя сама комната была пуста. И притом девочка слышала пение птиц очень громко, словно они вокруг. Еще там был темный коридор, откуда доносился шум волн, словно там плескалось море или воды большой реки. Из некоторых окон можно было увидеть Ньюкасл, из других — совсем незнакомый город, из третьих — огромные дикие пустоши и холодное синее небо.

Наверх вели винтовые лестницы, широкие поначалу, но все более узкие и крутые с каждым этажом. Потом и ступени закончились, остались только выступы и щели в каменной кладке, которые лишь дитя заметит и лишь дитя сможет в них проскользнуть. И так дочь перчаточника добралась до обычной деревянной дверцы.

Не подозревая об опасности, девочка толкнула ее и сразу же закричала. Ей показалось, что она очутилась в стае тысяч и тысяч птиц; со всех сторон она видела только мелькающие черные крылья. Вокруг буйствовал ветер, она парила где-то в небесной вышине, и рядом были только вороны. Девочка очень испугалась, но тут кто-то позвал ее по имени. Птицы сразу исчезли, и она оказалась в небольшой комнате с каменными стенами и каменным полом. Мебели там не было, но прямо на полу сидел человек, который подозвал ее, назвал по имени и сказал, что бояться не надо. У него были спутанные черные волосы и истрепанная черная одежда странного вида. При нем не было никаких атрибутов королевской власти, а из магических принадлежностей — лишь серебряное блюдо с водой. Дочка перчаточника просидела с ним несколько часов, пока не наступили сумерки; потом неизвестный провел ее комнатами и коридорами до родного дома девочки.

[91] Примечания: 91

См. гл. 33, примеч. 3.

[92] Примечания: 92

Возможно, самый жуткий рассказ о Джоне Аскглассе передан моряком-баском, уцелевшим при гибели Непобедимой армады. Когда его корабль погиб в шторм у северных берегов Англии, он с двумя товарищами спасся и оказался на английской земле. Они не смели приближаться к деревням, но стояла зима, землю сковало стужей, и они боялись, что умрут от холода. Ближе к ночи они нашли на склоне холма пустой каменный амбар. Внутри было почти темно, однако под потолком виднелись отверстия, в которые заглядывали звезды. Моряки легли на земляной пол и уснули.

Баску приснилось, что на него смотрит какой-то король. Потом он вдруг проснулся. Над ним висел мерцающий полог бледного свечения, разгонявшего тьму зимней ночи. У дальней стены моряк увидел каменный постамент. Бледное свечение усилилось, и он понял, что на постаменте стоит то ли кресло, то ли трон, на котором сидит бледный человек с длинными черными волосами, одетый в черную мантию. Испугавшись, баск разбудил товарищей и показал им человека, восседавшего на троне. Казалось, он смотрит на них, но не двигается, даже пальцем не шевелит. Тем не менее моряки точно знали, что перед ними живой человек. Они попятились к дверям, выскочили из дома и побежали по замерзшему полю.

Вскоре баск лишился обоих спутников: один умер через неделю от холода и тоски, другой решил добраться до Бискайского залива, пошел на юг, и что с ним стало, неизвестно. Баск остался в Камбрии, и его подобрали какие-то фермеры. Он стал работником на ферме, потом женился на девушке из соседней фермерской семьи. Всю жизнь он рассказывал про каменное здание на склоне холма. Новые друзья и родственники объяснили ему, что человека, который сидел на троне, зовут Королем-вороном. Баск пытался разыскать тот каменный амбар, но ничего у него не вышло — как и у его друзей, а потом и у детей.

И всю свою жизнь, заходя в какое-нибудь темное помещение, он приговаривал: «Приветствую тебя, государь, и умоляю быть милостивым ко мне», на случай, если бледный король с длинными черными волосами сидит там, во тьме, поджидая его. На просторах Северной Англии тысячи и тысячи темных комнат и зданий, и в каждой может оказаться Король. «Приветствую тебя, государь, и умоляю быть милостивым ко мне».

ли его тот или иной человек. Важен тот факт, что, отрекшись от престола и покинув Англию, он забрал с собой бóльшую и лучшую часть английской магии. С тех пор она и находится в упадке. Разве этого не довольно, чтобы считать его нашим врагом? Вы ведь, полагаю, знакомы с «Увяданием Волшебного леса»[93] Уотершиппа?

— Нет, не знаком. — Стрендж пристально посмотрел на мистера Норрелла, словно намекая, что не прочел ее по понятной причине. — Однако мне очень жаль, сэр, что вы не сказали этого прежде.

— Возможно, я был не прав, что столько от вас утаил, — ответил мистер Норрелл, сплетая пальцы рук. — Теперь я почти уверен, что был не прав. Когда-то давно я решил, что в высших инте-

---

[93] Примечания: 93

Питер Уотершипп, «Увядание Волшебного леса» (1444). Замечательнейшее, подробнейшее описание того, как с уходом Джона Аскгласса начался закат и упадок английского волшебства. Автор — волшебник и свидетель начала этого процесса. В 1434 году, когда Аскгласс покинул Англию, Уотершиппу только-только минуло двадцать пять. Он был молод и незадолго до того начал изучать магию в Нориджe. В книге приведены точные формулы заклинаний, которые прекрасно работали, пока Аскгласс и его подданные-эльфы оставались в Англии, и стали совершенно бесполезны с их уходом. От Уотершиппа мы узнали очень многое о магии волшебников-ауреатов. «Увядание Волшебного леса» исполнено горечи, но в гораздо меньшей степени, чем две поздние книги того же автора: «Оправдание моих деяний, написанное в заточении в замке Ньюарк, куда я был ввергнут моими врагами» (1459–1460) и «Преступления Лжекороля» (написана в 1461 (?), опубликована в 1697 году в Пензансе).

ресах Великобритании — сохранять абсолютное молчание по этому поводу, а от старых привычек трудно избавляться. Но ведь вы наверняка помните, какая перед нами стоит задача, мистер Стрендж? Передо мной и перед вами? Магия не может ждать прихотей Короля, которому теперь безразличны судьбы Англии. Мы должны покончить с этой зависимостью английской магии от него. Пусть все забудут о Джоне Аскглассе так же прочно, как он забыл о нас.

Стрендж нахмурился и мотнул головой:

— Нет. Несмотря на все, сказанное вами, мне кажется, что Джон Аскгласс останется душой английской магии и нам не следует о нем забывать — это опасно. Возможно, в конце концов выяснится, что я ошибаюсь. Вероятно, так и будет. И все же в вопросе, имеющем жизненно важное значение для будущего английской магии, я должен принимать решение самостоятельно. Не считайте меня неблагодарным, сэр, но я думаю, что период нашего сотрудничества завершен. Кажется, мы слишком разные…

— О! — вскричал мистер Норрелл. — Я понимаю, по характерам… — Он нетерпеливо взмахнул рукой. — Какое это имеет значение? Мы волшебники. Этим все сказано, в этом наша

суть. Мы этим живем. Если вы сейчас покинете мой дом и пойдете своим путем, с кем вы сможете беседовать, как беседуем мы сейчас? Ни с кем. Вы останетесь в полном одиночестве. — Почти умоляюще он прошептал: — Не уходите!

Стрендж в замешательстве смотрел на учителя. Этого он никак не ожидал. Мистер Норрелл не только не пришел в ярость — напротив, заметка спровоцировала его на честный, прямой разговор. Теперь Стренджу казалось разумным — более того, хотелось остаться с наставником. Однако гордость и сознание того, что через два часа он будет думать совершенно иначе, вынудили его сказать:

— Мне жаль, мистер Норрелл, но после возвращения из Испании я уже не чувствую себя вашим учеником. Мне казалось, что я разыгрываю спектакль. Приносить вам все написанное, чтобы вы вносили любые изменения, — я больше так не могу. Вы заставляете меня говорить то, во что я уже не верю.

— Все, все нужно только для виду, — вздохнул мистер Норрелл. Он подался вперед и с напором принялся убеждать: — Оставайтесь под моим присмотром. Обещайте, что ничего не напечатаете, ничего не заявите, ничего не сделаете, пока

не будете полностью убеждены в правильности вашего решения. Верьте мне, когда я говорю, что стоит молчать десять, двадцать, даже пятьдесят лет ради твердой убежденности: вы сказали то, что должны были, ни больше ни меньше. Знаю, молчание и бездействие не в вашем характере, но обещаю, что возмещу вам ваше терпение. Вы ничего не потеряете. Если у вас были основания считать меня неблагодарным, то в будущем этого не повторится. Все узнают, насколько высоко я ценю вас. Мы больше не ученик и учитель. Станем равноправными партнерами! Разве я от вас узнавал меньше, чем вы от меня? Все самые прибыльные заказы будут вашими! Книги… — Он сглотнул. — Книги, которые я от вас скрывал, — вы их получите и прочтете! Мы вместе поедем в Йоркшир, вы и я, хоть сегодня, если пожелаете, я дам вам ключ от библиотеки, и читайте что угодно. Я… — Мистер Норрелл провел ладонью по лбу, словно удивляясь собственным словам. — Я даже не потребую, чтобы вы опубликовали опровержение на свой отзыв. Пусть так и будет. Пусть так и будет. А со временем мы вместе ответим на те вопросы, которые вы в нем поставили.

Наступило долгое молчание. Мистер Норрелл не отрываясь смотрел в лицо собеседнику.

Предложение показать библиотеку в Хартфью безусловно подействовало на Стренджа. Какое-то время тот пребывал в нерешительности, но наконец сказал:

— Я тронут, сэр. Знаю, что вам нелегко даются компромиссы. И все-таки думаю, что должен следовать своим путем. Нам необходимо расстаться.

Мистер Норрелл закрыл глаза.

Тут отворилась дверь. Лукас и еще один слуга внесли поднос с чаем.

— Очень кстати, сэр, — заметил Стрендж.

Он коснулся руки мистера Норрелла, чтобы хоть немного взбодрить старика, и два единственных в Англии волшебника последний раз почаевничали вместе.

Стрендж ушел с Ганновер-Сквер в половине девятого. Соседи, прильнувшие к окнам своих домов, смотрели, как он уходит. Те, кто считал неприличным подглядывать самим, отправили на улицу горничных и лакеев. Неизвестно, сделал ли Лассельс что-нибудь в таком роде, но через десять минут после того, как Стрендж свернул на Оксфорд-стрит, он уже стучался к мистеру Норреллу.

Мистер Норрелл по-прежнему сидел в библиотеке, уставившись на ковер.

— Он ушел? — спросил Лассельс.

Мистер Норрелл не ответил.

Лассельс сел в кресло.

— Наши условия? Что он о них сказал?

Молчание.

— Мистер Норрелл? Вы сказали ему то, о чем мы договорились? Что, если он не выступит с опровержением, мы напечатаем, как он в Испании применял черную магию? Сказали, что ни при каких условиях не примете его обратно?

— Нет, — ответил мистер Норрелл, — ничего этого я не говорил.

— Но…

Мистер Норрелл тяжело вздохнул:

— Не имеет значения, о чем мы беседовали. Он ушел.

Лассельс помолчал, недовольно глядя на волшебника. Мистер Норрелл, ушедший в себя, ничего не заметил. Наконец Лассельс пожал плечами.

— Вы были правы с самого начала, сэр, — произнес он. — В Англии должен быть один волшебник.

— Что вы имеете в виду?

— Я говорю, *двое* — это очень неудобное количество. *Один* может делать все, что хочет. *Шестеро*

могут отлично ладить. *Двое* же всегда будут соревноваться. Следить друг за другом. Весь мир будет взирать на двоих, гадая, за кем следовать. Вы вздыхаете, мистер Норрелл. Вы знаете, что я прав. С сегодняшнего дня нам придется учитывать Стренджа во всех наших планах — что он скажет, что сделает, как ему противодействовать. Вы часто говорили мне, что он замечательный волшебник. Это было великолепно, пока он состоял у вас на службе. Теперь все иначе. Рано или поздно он наверняка обратит свой талант против вас. Нам следует остерегаться его. При столь гениальных способностях и столь ограниченных средствах он в конце концов неизбежно решит, что волшебнику все дозволено — и грабеж, и воровство, и мошенничество. — Лассельс подался ближе к мистеру Норреллу. — Я не говорю, что он обворует вас прямо сейчас, — нет, он не настолько низок; однако обстоятельства могут толкнуть его на любое вероломство, на любой захват чужой собственности. — Он помолчал. — Вы приняли меры против воровства в Хартфью? Заклинания, охраняющие библиотеку?

— Заклинания Стренджа не остановят! — сердито заявил мистер Норрелл. — Они только привлекут его внимание! Приведут к самым

ценным экземплярам! Нет-нет, вы правы. — Он вздохнул. — Здесь требуется нечто большее. Я должен подумать.

Через два часа мистер Норрелл и Лассельс отъехали от дома на Ганновер-Сквер в экипаже волшебника. Их сопровождали трое слуг; по всему было видно, что дорога им предстоит долгая.

На следующий день Стрендж, со свойственной ему непоследовательностью, почти жалел о разрыве с мистером Норреллом. Он осознал, что ему и впрямь не с кем теперь поговорить о магии. Стрендж вновь и вновь вспоминал беседу с мистером Норреллом. Он был почти убежден, что выводы оппонента о Джоне Аскглассе неверны. Из всего, что сообщил ему мистер Норрелл, он уже сделал собственные умозаключения и теперь страдал оттого, что обсудить их не с кем.

За отсутствием других слушателей он отправился к сэру Уолтеру Поулу на Харли-стрит.

— Со вчерашнего вечера я вспомнил кучу вещей, которые ему не сказал. Сейчас мне кажется, что надо изложить все это в статье или обзоре, который опубликуют не раньше апреля, а он поручит Лассельсу или Портисхеду сочинить ответ, который выйдет в июне или июле. Пять-шесть месяцев, чтобы дождаться его мнения! Крайне

неудобный способ ведения дискуссии! А ведь вчера я мог просто прийти на Ганновер-Сквер и спросить, что он по этому поводу думает. Кроме того, не могу представить, что буду делать без его книг! Как может волшебник обойтись без книг! Пусть хоть кто-нибудь мне объяснит. Все равно что политику дослужиться до высокого поста без взяток и покровительства.

Сэр Уолтер не обиделся на эти невежливые слова, сделав скидку на расстроенные чувства Стренджа. В Харроу его заставляли зубрить ненавистную историю магии; сейчас он пытался припомнить хоть что-нибудь подходящее к случаю, но обнаружил, что помнит очень мало: как иронически сказал он сам себе, не больше, чем может войти вина в половину очень маленького бокала.

Какое-то время сэр Уолтер размышлял, затем предложил следующее:

— Насколько я знаю, Король-ворон постиг все, что было до него в английской магии, без посторонней помощи и без книг — их в его время попросту не было. Почему бы вам не сделать то же самое?

Стрендж взглянул холодно:

— Насколько я знаю, Король-ворон был люби-

мым приемным сыном короля Оберона, который, помимо всего прочего, дал ему прекрасное магическое образование и собственное королевство. Я мог бы бродить средь мшистых ложбин и пустынных дубрав в надежде, что меня усыновит какой-нибудь эльфийский монарх, но, боюсь, что меня сочтут переростком.

Сэр Уолтер рассмеялся:

— Что же вы будете делать теперь, без мистера Норрелла? Может, сказать Робсону из министерства иностранных дел, чтобы поручил вам какую-нибудь магию? На прошлой неделе он жаловался, что мистер Норрелл слишком занят заказами от адмиралтейства и казначейства и совершенно не уделяет ему времени.

— Почему бы нет? Только скажите ему, что не раньше чем через два-три месяца. Мы собираемся съездить домой, в Шропшир. Нам с Арабеллой хочется повидать родные места. Теперь, когда согласие мистера Норрелла не требуется, нам ничто не мешает.

— Вот как! — воскликнул сэр Уолтер. — Вы что, уезжаете прямо сейчас?

— Через два дня.

— Так скоро?

— Ну что вы пугаетесь, Поул? Не до такой же

степени вы ко мне привязаны!

— Разумеется, нет. Я думаю о леди Поул. Для нее это будет грустная новость. Она останется без подруги.

— Ах да! — произнес Стрендж, чувствуя себя неловко. — Конечно!

В то же утро Арабелла нанесла леди Поул прощальный визит. За пять лет знакомства красота ее милости не поблекла, а скорбная участь не изменилась. Как всегда, она была молчалива и безразлична к боли и удовольствию. Ее мало трогали доброта или холодность окружающих. Целые дни проводила она у окна в венецианской гостиной, не проявляя интереса ни к какого рода занятиям. Посещала ее только Арабелла.

— Мне жаль, что вы уезжаете, — произнесла ее милость, когда Арабелла сообщила последние новости. — Какой он, этот Шропшир?

— О! Боюсь, я слишком пристрастна. Думаю, почти все согласятся, что это очаровательный край с зелеными холмами, лесами и милыми сельскими аллеями. Конечно, чтобы оценить его по достоинству, стоит дождаться весны, но даже зимой виды дивно хороши. Это очень романтичное графство с особой историей. Там есть разрушенные замки и камни, поставленные на

холмах неведомым народом. Оно так близко к Уэльсу, что за него частенько сражались, и почти в каждой долине есть древнее поле битвы.

— Поле битвы! — произнесла леди Поул. — Как мне это знакомо! Смотришь в окно и видишь лишь кости да изрубленные доспехи! Очень грустное зрелище. Надеюсь, оно вас не слишком расстроит.

— Кости? Изрубленные доспехи? — изумленно переспросила Арабелла. — Да нет, вы меня неправильно поняли. Эти битвы были давным-давно. Там ничего не осталось.

— Хотя, — продолжала леди Поул, не обращая внимания на слова подруги, — почти повсюду когда-то происходили битвы. Помню, учительница рассказывала нам, что некогда Лондон стал ареной чудовищного сражения. Жителей безжалостно перебили, а город спалили дотла. Нас окружают тени несчастных жертв, и не так важно, сохранились ли видимые следы былой жестокости и скорбей.

В комнате что-то неуловимо изменилось. Над головами женщин словно захлопали холодные серые крылья; в зеркалах что-то промелькнуло, на комнату упала тень. Эту игру света и тени Арабелла видела не впервые; так часто бывало,

когда она разговаривала с леди Поул. Не зная, чем это объяснить, она решила, что в комнате слишком много зеркал.

Леди Поул вздрогнула и плотнее закуталась в шаль. Арабелла взяла ее за руку:

— Послушайте! Думайте о чем-нибудь более веселом.

Леди Поул посмотрела, не понимая. Ее милость так же не могла повеселеть, как не могла бы взлететь.

Арабелла принялась болтать о пустяках, надеясь отвлечь подругу от мрачных мыслей. Она говорила о новых лавках и новых фасонах. Рассказала о прелестной шелковой тафте цвета слоновой кости, которую видела в витрине на Фрайди-стрит, и премилой вышивке бирюзовым бисером, которую заметила в одной лавке, — ну прямо к этой тафте. Рассказала, что ее портной думает о бирюзовом бисере, и описала удивительное растение, которое живет у него в горшке на железном балкончике, — за год оно так разрослось, что совершенно закрыло окно живущего над портным мастера, изготавливающего подсвечники. Потом Арабелла перешла к другим очень высоким растениям… к Джеку и его бобовому стеблю… к великану на вершине стебля…

к великанам и их победителям вообще… к Наполеону Бонапарту и герцогу Веллингтону… к его заслугам почти во всех сферах жизни, за исключением одной… к горестной участи герцогини.

— Хорошо, что нам с вами это неведомо, — закончила она, немного запыхавшись, — и мы не должны страдать, видя, как наши мужья оказывают знаки внимание другим женщинам.

— Да, наверное, — ответила леди Поул не совсем уверенно.

Арабелла почувствовала легкую досаду. Она старалась делать скидку на странности леди Поул, но не могла простить ее холодность к мужу. Арабелла часто бывала на Харли-стрит и видела, насколько сэр Уолтер предан жене. Он делал все, чтобы облегчить ее муки, и Арабелле больно было видеть, как мало благодарности встречают его усилия. Не то чтобы леди Поул демонстрировала супругу неприязнь, однако временами казалось, что она его просто не замечает.

— О! Вы не думаете, какое это благо, — сказала Арабелла. — Одно из величайших в жизни!

— О чем вы?

— О любви вашего супруга!

Леди Поул посмотрела удивленно.

— Да, он меня любит, — произнесла она нако-

нец. — По крайней мере, говорит так. Однако что мне от его любви? Когда мне холодно, она меня не согревает, — а вы знаете, мне всегда холодно. Она не сокращает мои блуждания по длинным темным коридорам. Она не спасает меня от мук. А вас любовь мужа от чего-нибудь защищает?

— Любовь мистера Стренджа? — Арабелла улыбнулась. — Нет. Гораздо чаще я его защищаю. — Видя, что леди Поул ее не понимает, Арабелла быстро объяснила: — Я имею в виду, что он часто сталкивается с людьми, которые просят что-то им наколдовать. Или у них есть внучатые племянники, которые хотят обучаться магии. Или они считают, что в их распоряжении оказались волшебные башмаки, или чудесная вилка, или еще какая-нибудь нелепица. Они не хотят ничего дурного. По большей части это вполне порядочные люди. Однако мистер Стрендж не слишком терпелив, и мне необходимо бывает вовремя вмешаться, чтобы он не наговорил им лишнего.

Арабелле пора было уходить, и она начала прощаться. Подругам предстояла долгая разлука, и Арабелла очень хотела сказать напоследок что-нибудь веселое.

— Надеюсь, леди Поул, — произнесла она, —

что, когда я вернусь, вы будете чувствовать себя гораздо лучше и даже сможете выйти в свет. Мечтаю, что однажды мы встретимся с вами в театре или на балу…

— На балу! — в ужасе вскричала леди Поул. — Ради всего святого, зачем вы это говорите? Упаси бог нам встретиться на балу!

— Успокойтесь! Успокойтесь! Я не хотела вас расстраивать. Забыла, что вы ненавидите танцы. Прошу вас, не плачьте! Не думайте об этом, раз подобные мысли вас огорчают!

Она изо всех сил утешала подругу, обнимала, целовала, гладила ее руки, предлагала лавандовой воды. Ничто не помогало. Несколько минут леди Поул плакала навзрыд. Арабелла никак не могла понять, в чем дело, хотя знала, что леди Поул может смертельно испугаться пустяка или расстроиться без повода. Арабелла позвонила горничной.

Только когда та пришла, леди Поул постаралась взять себя в руки.

— Вы не понимаете, что говорите, — обратилась она к Арабелле. — Пусть Господь оградит вас от того, что пережила я. Я пытаюсь предупредить вас, хотя это бесполезно. Но я пытаюсь! Слушайте меня, дорогая миссис Стрендж. Слушайте так

внимательно, словно от этого зависит спасение вашей души!

Арабелла сделала заинтересованное лицо.

Увы, случилось то же, что при всех прежних попытках леди Поул поведать ей что-то важное. Леди Поул побледнела, набрала в грудь воздуха и принялась рассказывать очень странную историю. Мол, жил некогда в Дербишире владелец свинцовых рудников, который влюбился в молочницу. Молочница всем была хороша, только обладала одной странностью: если она подходила к зеркалу, то отражалась в нем не сразу, а лишь через несколько минут, глаза ее на закате меняли цвет, и тень ее частенько отплясывала дикий танец, когда сама она стояла неподвижно…

Когда леди Поул ушла наверх, Арабелла присела в кресло.

«Какая я глупая! — думала она. — Ведь хорошо знаю, что любое упоминание о танцах безмерно ее огорчает! Ну почему я была так неосторожна? Интересно, о чем же она пытается предупредить меня? Может, сама не знает? Бедняжка! Если человек лишен здоровья и разума, зачем ему красота и богатство?»

Она сидела, погрузившись в раздумья, и тут за ее спиной раздался слабый звук. Арабелла

обернулась, вскочила и, протягивая руки, устремилась к двери.

— Это вы! Как я рада вас видеть! Давайте пожмем друг другу руки — мы расстаемся надолго.

Вечером Арабелла сообщила мужу:

— По крайней мере, один человек доволен тем, что ты решил сосредоточиться на изучении Джона Аскгласса и его подданных-эльфов.

— Вот как? И кто же это?

— Джентльмен с волосами как пух.

— Кто-кто?

— Джентльмен, который живет у сэра Уолтера и леди Поул. Я тебе о нем рассказывала.

— Ах да! Помню. — Стрендж помолчал, потом неожиданно воскликнул: — Арабелла! Ты хочешь сказать, что до сих пор не знаешь, как его зовут?

Он рассмеялся.

Арабелла обиделась.

— Я не виновата, — ответила она. — Он мне своего имени не называл, а я все время забываю спросить. Впрочем, я рада, что ты относишься к этому так легко. Одно время я думала, что ты ревнуешь.

— Не помню, чтобы ревновал.

— Как странно! Я была уверена, что ревнуешь!

— Прости, Арабелла, но трудно ревновать к

человеку, с которым ты знакома давно, но имени его не знаешь. Итак, он одобряет мой выбор?

— Да, он мне часто говорил, что ты ничего не добьешься, пока не займешься эльфами. Он утверждал, что подлинная магия — это изучение эльфов и их волшебства.

— Правда? Похоже, у него твердые убеждения по этому предмету. Интересно, а кто он такой? Волшебник?

— Не думаю. Он однажды сказал, что за всю жизнь не прочел ни одной книжки по магии.

— Вот как! Очередной дилетант, — с презрением произнес Стрендж. — Предмета не изучал, но знает множество теорий. Я с такими часто сталкиваюсь. Хорошо, если он не волшебник, то кто же? По крайней мере, это ты можешь сказать?

— Думаю, да, — ответила Арабелла радостным тоном, как будто только что совершила открытие.

Стрендж смотрел выжидающе.

— Нет, не скажу, — решила Арабелла. — Ты снова будешь надо мной смеяться.

— Возможно.

— Ну ладно. Думаю, это принц или король. В его жилах явно течет королевская кровь.

— Почему ты так решила?

— Потому что он рассказывал мне о своем королевстве, своих замках и особняках, хотя, признаться, у них очень странные названия, которых я раньше не слышала. Наверное, он из тех немецких князей, которых низложил Бонапарт.

— Вот как? — с некоторым раздражением спросил Стрендж. — Что ж, теперь, когда Бонапарт разбит, твой знакомый, наверное, вернется в свою страну.

Однако Стрендж не удовлетворился одними домыслами и решил узнать побольше о знакомце своей жены. На следующий день (накануне отъезда из Лондона) он зашел в кабинет сэра Уолтера в Уайтхолле с твердым намерением узнать все о джентльмене с волосами как пух.

Однако в кабинете министра он застал только его личного секретаря.

— А, это вы, Муркок! Доброе утро! Сэра Уолтера нет?

— Он только что отправился в Файф-хаус[94], мистер Стрендж, — отвечал секретарь. — Могу я чем-нибудь вам помочь?

— Не думаю… Впрочем, не знаете ли вы джентльмена, проживающего в доме сэра Уол-

---

[94] Примечания: 94

Файф-хаус — дом лорда Ливерпуля в Лондоне, огромный и нелепый старинный особняк, расположенный недалеко от Темзы.

тера?

— В чьем доме, сэр?

— В доме сэра Уолтера.

Мистер Муркок озадаченно смотрел на Стренджа.

— Джентльмен, проживающий в доме сэра Уолтера… Ума не приложу, о ком вы говорите. Как его зовут?

— Это я и хочу выяснить. Я его никогда не видел, но миссис Стрендж всегда видит его перед тем, как покинуть дом сэра Уолтера. Они знакомы много лет, но имени его она не знает. Весьма загадочная и необычная персона. Миссис Стрендж называет его джентльмен с серебристым носом или джентльмен с белоснежной кожей. Или что-то в таком же роде.

Мистер Муркок был чрезвычайно изумлен услышанным.

— Мне очень жаль, сэр. Я никогда не видел этого человека.

40. «Поверьте, такого места просто не существует»

Июнь 1815 года

Бонапарта отправили в изгнание на остров Эльба. Однако его императорское величество сомневался, что ему подойдет уединенная жизнь на тихом острове, — как-никак, он привык править большой частью известного мира. Перед тем как покинуть Францию, он пообещал нескольким людям, что вернется по весне, когда вновь зацветут фиалки. Слово свое Бонапарт сдержал.

Едва ступив на землю Франции, он собрал армию и двинулся на север, к Парижу, навстречу своей судьбе, то есть войне против всего мира. Естественно, он хотел вернуть себе титул императора, но пока было неизвестно, императора *чего*. Он всю жизнь стремился превзойти Александра Македонского, поэтому допускали, что он направится на восток. Когда-то он совершил экспедицию в Египет и добился там определенных успехов. Или он мог двинуться на запад, — по слухам, в Шербуре стоял флот, готовый доставить императора и его армию в Америку для завоева-

ния новых неведомых земель.

Однако, какие бы планы ни вынашивал император, все сходились во мнении, что первым делом он нападет на Бельгию. Поэтому герцог Веллингтон отправился в Брюссель и принялся ждать злейшего врага Европы.

Английские газеты полнились слухами: Бонапарт собрал войска, он стремительно идет на Бельгию, он уже там, он побеждает! На следующий день выяснялось, что он еще не выступил из Парижа.

В конце мая Джонатан Стрендж последовал за герцогом Веллингтоном и его армией в Брюссель. Последние три месяца он тихо жил в Шропшире, размышлял о магии, и нам легко понять его растерянность. Однако, погуляв по городу часа два, он сообразил, что дело не в нем, а в самом Брюсселе. Стрендж знал, как должны выглядеть города во время войны, но столица Бельгии так не выглядела. Здесь не маршировали солдаты, не проезжали повозки с провиантом, не видно было озабоченных лиц. Вместо них он видел модные лавки и дам в роскошных экипажах. Конечно, повсюду можно было встретить офицеров, однако выглядели те отнюдь не воинственно. (Один сосредоточенно чинил маленькой девочке игру-

шечную парасольку.) В городе много смеялись и шутили, словно сюда не движется с войсками Наполеон Бонапарт.

Кто-то окликнул Стренджа. Обернувшись, он увидел своего приятеля, полковника Маннингема, который немедленно предложил вместе ехать к леди Шарлотте Гревиль (английской даме, проживавшей в Брюсселе). Стрендж возразил, что его не приглашали, к тому же он должен найти герцога. Маннингем ответил, что приглашения не требуется, а герцога с тем же успехом можно искать в гостиной леди Шарлотты.

Через десять минут Стрендж уже входил в роскошные апартаменты, где было полно гостей, в том числе немало старых знакомых. Здесь были офицеры, красавицы, щеголи, британские политики и пэры Англии от баронетов до герцогов. Все громко шутили на тему предстоящей войны. Для Стренджа это было ново — война как модная забава. В Испании и Португалии солдаты считали себя несчастными и заброшенными. Британские газеты писали о боевых действиях в самых мрачных тонах. Здесь, в Брюсселе, каждый хотел быть офицером его светлости герцога Веллингтона. Почти такой же почетной считалась должность волшебника его светлости.

— Зачем Веллингтону все эти люди? — шепотом спросил Стрендж у Маннингема. — Что будет, если нападут французы? Напрасно я сюда пришел. Сейчас начнут расспрашивать о размолвке с Норреллом, а я не хотел бы о ней говорить.

— Ерунда! — ответил полковник тоже шепотом. — Здесь до этого никому нет дела! К тому же герцог здесь!

По залу прошло волнение — появился герцог.

— А, Мерлин! — воскликнул он, заметив Стренджа. — Рад вас видеть! Вашу руку! Вы, конечно, знакомы с герцогом Ричмондским? Нет? Тогда позвольте вас представить!

Собрание и раньше было довольно шумным, однако с приходом герцога оживилось еще сильнее. Все взгляды устремились на него — с кем он беседует, с кем (этот вопрос занимал собравшихся еще больше) флиртует? Вел он себя так, словно приехал в Брюссель с единственной целью — развлечься. Впрочем, всякий раз, как Стрендж пытался отойти от герцога, тот останавливал его взглядом, словно говоря: «Нет, останьтесь. Вы мне нужны!» Наконец он придвинулся к Стренджу и, все так же улыбаясь, прошептал ему на ухо:

— Ну вот, полагаю, довольно. Идемте! Рядом есть оранжерея, поговорим там.

Они вышли из зала и удалились под сень пальм и прочих экзотических растений.

— Хочу предупредить, — обратился к Стренджу герцог, — здесь вам не Испания. Для тамошних жителей французы были смертельными врагами. Здесь все иначе. В Брюсселе у Бонапарта на каждой улице есть друзья, их немало и в наших войсках. В городе полно лазутчиков. Поэтому наша задача — ваша и моя — делать вид, будто мы ничуть не сомневаемся в скорой победе. Улыбайтесь, Мерлин! Выпейте чаю. Это укрепит ваши нервы.

Стрендж попытался изобразить беззаботную улыбку, но тут же нахмурился и, чтобы герцог этого не заметил, спросил, что его светлость думает об армии.

— О! В лучшем случае ее можно назвать просто плохой. Такой разношерстой армией мне еще командовать не доводилось. Британцы, бельгийцы, голландцы, немцы. Представьте себе, что вам предстоит построить стену из дюжины различных материалов. Каждый сам по себе неплох, но будет ли такая стена прочной? Не рассыплется ли она? Пруссаки обещают сражаться на нашей стороне. Блюхер — замечательный старик. Славный вояка. — (Герцог говорил о прусском фельдмар-

шале.) — К сожалению, он не в своем уме. Уверен, что забеременел.

— Вот как?

— И родит слоненка.

— Понятно.

— Однако вы должны немедленно приступить к работе! Книги у вас с собой? Серебряная чаша? Место для работы выбрали? У меня сильное предчувствие, что Бонапарт подойдет с запада, со стороны Лилля. Я пошел бы оттуда. Наши друзья из Лилля пишут, что он вступит в город с часу на час. Вот вам задание: следить за западной границей. Как только заметите признаки неприятеля, немедленно известите меня.

В следующие две недели Стрендж вызывал видения тех районов, где, по мнению герцога, должны были появиться французы. Веллингтон дал ему в помощь большую карту и молодого офицера, которого звали Уильям Хедли-Брайт.

Хедли-Брайт был одним из тех счастливчиков, к которым всегда благоволит фортуна. Все ему давалось легко. Он был единственным обожаемым ребенком богатой вдовы. Он хотел сделать карьеру военного, и друзья устроили его на службу в элитный полк. Он хотел приключений, и герцог Веллингтон взял его к себе адъютантом. Потом,

когда он решил, что, кроме карьеры офицера, чрезвычайно интересуется магией, герцог назначил его помощником великого и загадочного Джонатана Стренджа. Впрочем, позавидовать Хедли-Брайту мог только очень злой человек — он обезоруживал своей веселостью и мягким нравом.

День за днем Стрендж и его помощник осматривали старинные укрепленные города на западе Бельгии, вглядывались в улицы и площади, озирали равнины под бескрайним небом. Однако французы не появлялись.

Жарким душным днем в середине июня они сидели за этим занятием. Было около трех часов дня. Денщик не позаботился убрать грязные кофейные чашки, и над ними жужжала муха. В открытое окно сочились запахи лошадиного пота, персиков и скисшего молока. Хедли-Брайт, сидя на стуле, демонстрировал один из талантов, которым обладают только солдаты, — засыпать где угодно и когда угодно.

Стрендж посмотрел на карту и ткнул в нее пальцем наобум. В воде, налитой в серебряное блюдо, появился пустынный перекресток, рядом с которым стояла ферма и несколько домов. Стрендж наблюдал за видением. Ничего не проис-

ходило. Глаза у волшебника начали слипаться, он чуть не задремал, когда на картинке появилась группа солдат. Они притащили пушку и теперь устанавливали ее в рощице из нескольких вязов. Действовали они очень поспешно. Стрендж толкнул Хедли-Брайта.

— Это что за ребята? — спросил он.

Хедли-Брайт, протирая глаза, посмотрел на воду.

Солдаты у перекрестка были в зеленых мундирах с красными обшлагами. Их становилось все больше.

— Нассаусцы, — ответил Хедли-Брайт. — Солдаты принца Оранского. Все в порядке. Это где?

— Перекресток в двадцати милях от города. Место называется Катр-Бра.

— А! Можно не тратить время! — заявил Хедли-Брайт, зевая. — Это по дороге на Шарлеруа. Там недалеко прусская армия — мне так говорили. Интересно, а эти ребята из Нассау именно там должны находиться? Вроде бы нет… — Он принялся листать бумаги, в которых была указана дислокация войск союзников. — Действительно, не там…

— А это кто? — перебил его Стрендж, указывая на солдата с ружьем, появившегося на гребне

холма. На нем был синий мундир.

— Француз, — после секундной паузы ответил Хедли-Брайт.

— А он должен там находиться? — спросил Стрендж.

Однако француз был уже не один. Пятьдесят… Двести… Триста… Тысяча! Склон кишел солдатами противника, как протухшее мясо червями. Через мгновение они открыли огонь по нассаусцам, засевшим у перекрестка. Перестрелка длилась недолго. Нассаусцы дали залп из орудий. У французов пушек не было, и они быстро отступили за холм.

— Ага! — закричал Стрендж. — Получили! Бегут!

— Да, но откуда они там взялись? — спросил Хедли-Брайт. — Вы можете взглянуть за холм?

Стрендж взболтал воду в блюде и сделал над ней пасс рукой. Перекресток исчез, вместо него появилось изображение французской армии — если не всей, то весьма значительной ее части.

Хедли-Брайт рухнул на стул, как марионетка, у которой перерезали ниточки. Стрендж выругался по-испански (война ассоциировалась у него с этим языком). Союзные армии находились далеко от Катр-Бра. Дивизии Веллингтона — на

западе, готовые защищать те подступы, на которых Бонапарт и не думал появляться. Генерал Блюхер с прусскими войсками стоял гораздо восточнее. А французы внезапно появились на юге. Таким образом, единственным заслоном на пути к Брюсселю были войска принца Оранского (от трех до четырех тысяч солдат).

— Мистер Стрендж! Сделайте что-нибудь, умоляю! — вскричал Хедли-Брайт.

Стрендж глубоко вздохнул и раскинул руки, словно собирая все магические силы, которые ему подчинялись.

— Скорее, мистер Стрендж, скорее!

— Я могу передвинуть город, — сказал Стрендж. — Могу сдвинуть с места Брюссель! Могу перенести туда, где французы его не найдут.

— Куда передвинуть? — закричал Хедли-Брайт, хватая Стренджа за руки. — Вокруг города наши войска. Если вы начнете двигать город, то раздавите наших же солдат зданиями и мостовыми. Герцогу это не понравится. Ему дорог каждый солдат.

Стрендж мгновение размышлял.

— Нашел! — вскричал он.

В комнату ворвался свежий ветер. Он не был пугающим или неприятным, скорее походил

на прохладный океанский бриз. Хедли-Брайт выглянул в окно. За домами, холмами, дворцами и парками высились пики каких-то высоких гор, которых секунду назад здесь не было. Горы были черными; местами их склоны покрывали сосновые леса. Воздух был очень свежим, будто им никто никогда не дышал.

— Где мы? — спросил Хедли-Брайт.

— В Америке, — ответил Стрендж. Затем, словно объясняясь, он добавил: — На картах это место пока обозначено белым пятном.

— О боже! Это еще хуже! Вы забыли — мы только что подписали с американцами мирный договор! Американцы придут в ярость, когда узнают, что на их земле появился европейский город!

— Возможно. Однако уверяю вас, для беспокойства нет причин. Мы очень далеко от Вашингтона, Нового Орлеана или других городов, из-за которых шла война. Думаю, до них сотни и сотни миль. По меньшей мере. Честно сказать, я не знаю, где мы очутились. Это имеет какое-то

значение?[95]

Хедли-Брайт выскочил из дома, чтобы найти герцога и уведомить, что французы уже в Бельгии, а его, герцога, там нет.

Его светлость в это время пил чай с английскими дипломатами и бельгийскими графинями и выслушал новость, не теряя спокойствия. Однако через полчаса он уже был в гостинице у Стренджа с главным квартирмейстером полковником де Ланси. Его светлость мрачно оглядел изображение в серебряном блюде.

— Бог мой, Наполеон провел меня! — воскликнул он. — Де Ланси, немедленно составьте приказы. Мы должны собрать войска у Катр-Бра.

Несчастный полковник смотрел на герцога в полном смятении.

---

[95] Примечания: 95

Жители Брюсселя и находившиеся в нем войска очень удивились, узнав, что их город перенесли в какую-то далекую страну. Однако они были заняты подготовкой к предстоящему сражению (а те, кто побогаче и познатнее, — к балу у герцогини Ричмондской) и не удосужились исследовать эту местность. Впоследствии так и не удалось установить наверняка, куда же Стрендж переносил город в тот июньский день.

В 1830 году торговец и охотник по имени Пирсон Денби путешествовал в прерии. Знакомый вождь племени сиу по имени Человек-который-боится-воды попросил его раздобыть черные огненные шары. Вождь сказал, что собирается воевать с врагами и эти шары ему просто необходимы. Когда-то, объяснил индеец, у него было штук пятьдесят, и он их расходовал очень бережно, но сейчас не осталось ни одного. Денби не понял вождя. Он спросил, что тот имеет в виду. Вождь привез торговца в свою деревню и показал ему медную гаубицу калибром в

пять с половиной дюймов, изготовленную оружейным заводом «Кэррон» в Шотландии. Денби был крайне удивлен и хотел узнать, откуда у индейцев взялось это орудие — пули? Нет, ответил Человек-который-боится-воды; это вроде пуль, но гораздо крупнее. Вождь объяснил, что неподалеку в горах живет племя под названием «Недоделанные люди». Некий бог создал их внезапно однажды летом, но даровал им лишь одно из необходимых для жизни умений — сражаться. Больше 1 *(прод.)* они ничего не умеют: ни охотиться на бизонов и антилоп, ни укрощать мустангов, ни строить жилище. Они даже не понимают друг друга — творец их был настолько безумен, что дал им четыре или пять разных наречий. У них была эта пушка, и вождь выменял ее на продовольствие.

Денби был заинтригован и решил найти племя недоделанных людей. Это ему удалось. На первый взгляд они казались обычными индейцами, но, присмотревшись, торговец понял, что мужчины постарше чертами лица напоминают европейцев, а некоторые даже говорят по-английски. Одни обычаи племени были схожи с традициями индейцев сиу, вторые явно основывались на военной выучке, существовавшей в европейских армиях. То же касалось и языка: он походил на язык сиу, но содержал множество английских, голландских и немецких слов и выражений.

Человек по имени Роберт Хит (в племени его называли — Болтающий-без-умолку) рассказал Денби, что все они дезертировали из союзных армий днем 15 июня 1815 года, потому что предстояло большое сражение и они были уверены, что назавтра погибнут. Он поинтересовался у Денби, кто теперь король Франции — герцог Веллингтон или Наполеон Бонапарт? Денби отвечал, что не знает. «Ну что же, сэр, — философски заметил Хит, — кто бы ни стал королем, смею сказать, что для таких, как вы или я, жизнь наверняка не изменилась».

— Как мы передадим распоряжения, если между нами — Атлантический океан? — спросил он.

— Ну, об этом позаботится мистер Стрендж, — ответил Веллингтон.

В это время он посмотрел в окно и увидел нечто интересное. По улице проезжали четверо всадников. Держались они по-королевски. Кожа у них была красноватая, волосы — длинные и черные, как вороново крыло. Одеты они были в шкуры, расшитые иглами дикобраза, у седел в кожаных чехлах висели ружья, колчаны со стрелами, за спинами — луки. В руках всадники держали копья, головы их украшали перья.

— Послушайте, де Ланси! — сказал герцог. — Пошлите спросить у этих ребят, не хотят ли они завтра сразиться. Сдается, из них выйдет толк.

Примерно через час в городке Ат, в двадцати милях от Брюсселя (точнее, от того места, где обычно находится Брюссель), кондитер достал из печи противень с пирожными. Когда пирожные остыли, он написал на каждом из них сахарной глазурью по одной букве, чего раньше он в жизни никогда не делал. Его жена, ни слова не понимавшая по-английски, уложила пирожные на деревянный поднос и вручила поваренку. Тот отнес их в штаб-квартиру союзных армий, распо-

ложенную в этом городке, где сэр Генри Клинтон отдавал приказы офицерам. Сэр Генри взял одно пирожное и уже намеревался отправить его в рот, когда майор Норкотт из 95-го стрелкового полка издал изумленный возглас. Перед ними на подносе лежало написанное розовой глазурью распоряжение Веллингтона: не теряя ни минуты, двинуть 2-ю пехотную дивизию на Катр-Бра. Изумленный сэр Генри поднял взгляд на повара-ренка. Тот расплылся в улыбке.

Приблизительно в это же время командир 3-й дивизии ганноверский джентльмен Карл фон Альтен что-то писал, сидя за столом в небольшом особняке в двадцати пяти милях юго-западнее Брюсселя. Случайно посмотрев в окно, он увидел дождевую тучку, которая висела посреди двора и вела себя очень странно. Фон Альтен был человек любопытный; он вышел во двор. На пыльной земле каплями дождя было выведено:

Брюссель, 15 июня 1815
3-й дивизии немедленно выступить на Катр-Бра.

Веллингтон

Тем временем голландский и бельгийский генералы сами узнали о появлении французов у

Катр-Бра и повели туда 2-ю нидерландскую дивизию. Можно вообразить досаду генералов (их звали Ребек и Перпоньер), когда на придорожные деревья опустилась стая птиц и зачирикала:

Дюк Веллингтон дает приказ:
Колонны выдвигать тотчас,
У перекрестка Катребрас
Французы ожидают нас.

— Да-да! Мы уже знаем! — закричал генерал Перпоньер, размахивая руками, чтобы отпугнуть птиц. — Убирайтесь к ч…ту!

Однако птицы подлетели еще ближе, а некоторые обнаглели настолько, что уселись ему на плечи и на голову лошади. Они продолжали щебетать в самой что ни есть официальной манере:

Марш-марш вперед, ни спать, ни есть
Повелевают долг и честь.
По планам штаба точно здесь
Со славой пасть надежда есть.

Птицы сопровождали дивизию весь остаток дня, не умолкая ни на секунду и повторяя одни и те же куплеты. Генерал Ребек прекрасно владел английским; он поймал одну пичугу и попытался

научить ее новой песенке, рассчитывая, что та вернется к Джонатану Стренджу и споет ему:

Я бы магов с колдунами
Из Брюсселя гнал пинками
В Гент, Остенде, Ипр, Намюр —
Обнаглели чересчур[96].

В шесть часов вечера Стрендж вернул Брюссель на землю Европы. Стоявшие в городе войска сразу же выступили через Намюрские ворота на Катр-Бра. Стрендж стал готовиться к боевым действиям. Он собрал свои вещи: серебряное блюдо, полдюжины книг по магии, пару пистолетов, легкий летний плащ со множеством неимоверно глубоких карманов, дюжину крутых яиц, три фляжки бренди, несколько кусков запеченной свинины, завернутых в бумагу, и огромный шелковый зонт.

На следующее утро, разместив поклажу частично по карманам, частично в седельные сумки, он выехал с герцогом и его штабом к перекрестку у Катр-Бра. Там закрепились несколько тысяч сол-

---

[96] Примечания: 96

Генерал Ребек перевел стишок и на голландский, так что солдаты распевали его по дороге в Катр-Бра. Они научили этой песенке своих английских товарищей, а потом она превратилась в популярную детскую считалку и в Англии, и в Нидерландах.

дат союзников, но французы пока не нападали. Иногда слышались выстрелы — не чаще, чем на охоте в лесах Англии.

Стрендж осматривал местность, сидя верхом на лошади. Вдруг на плечо ему опустился дрозд и принялся петь:

Дюк Веллингтон дает приказ:

Колонны выдвигать тотчас…

— Что? — воскликнул Стрендж. — Ты что здесь делаешь? Вы должны были исчезнуть несколько часов назад!

Он сделал пасс рукой, произнес заклинание Ормскирка, рассеивающее чары, и дрозд улетел. Хуже того, одновременно в воздух поднялась целая стая, чего он никак не ожидал. Стрендж с тревогой осмотрелся — не видел ли кто-нибудь, как он напортачил с колдовством. Однако солдаты были заняты приготовлениями к бою, и он успокоился.

Стрендж выбрал себе позицию — в канаве прямо напротив фермы, расположенной у перекрестка. Пересечение дорог находилось справа от Стренджа, слева размещался 92-й полк шотландских стрелков под командованием Гордона. Стрендж угостил горцев вареными яйцами. (В

мирное время для знакомства обычно требуется, чтобы кто-то вас представил, в военное — достаточно поделиться чем-нибудь съедобным.) Горцы в ответ предложили Стренджу сладкого чаю с молоком и через несколько минут уже болтали с ним, как со старым знакомым.

День стоял очень жаркий. Дорога шла по ржаному полю, и на ярком солнце колосья отливали золотистым блеском. В трех милях от перекрестка пруссаки уже схватились с французами — оттуда доносились слабая канонада и крики людей. К полудню звуки разрывов и вопли стали слышнее. Земля задрожала от топота тысяч ног, и по ржи на них пошла плотная темная колонна французской пехоты.

Герцог не дал Стренджу какого-то специального задания, поэтому, когда начался бой, тот занялся магическими трюками, которые обычно использовал в испанской кампании. Он послал на французов образы грозных ангелов и драконов, пышущих огнем. Иллюзии получились очень большими и правдоподобными — таких он еще не создавал. Несколько раз он выбирался из канавы, чтобы восхититься плодами своих трудов, хотя шотландцы кричали ему, что он рискует получить пулю.

Три или четыре часа он усердно творил заклинания, а потом кое-что произошло. Французская пехота начала обходить с фланга герцога и его штаб. Офицеры вынуждены были развернуться и в беспорядке скакать назад. Ближе всего к ним стоял 92-й полк шотландских стрелков.

— Девяносто второй! — закричал герцог. — Ложись!

Шотландцы залегли. Стрендж выглянул из канавы и увидел, как герцог на Копенгагене[97] перелетел через их головы. Его светлость был совершенно невредим и скорее рассержен, чем напуган происшествием. Он посмотрел вокруг и увидел Стренджа.

— Мистер Стрендж! Чем вы заняты? Когда мне понадобится представление в духе Воксхолл-Гарденс, я вам скажу![98] Французы насмотрелись такого в Испании — им хоть бы что. А вот для бельгийцев, голландцев и немцев все это ново!

---

[97] Примечания: 97

Копенгаген (1808–1836) — знаменитый гнедой жеребец герцога Веллингтона.

[98] Примечания: 98

В 1810 году Джордж и Джонатан Барратты, владельцы Воксхолл-Гарденс, предложили Стренджу и Норреллу огромные деньги за постановку магических трюков в их садах по вечерам. Барратты хотели иллюзий волшебных существ, библейских персонажей, исторических деятелей и так далее и тому подобное. Естественно, мистер Норрелл ответил отказом.

Я видел, как один из ваших драконов перепугал отряд брауншвейгцев в лесу! Четверо свалились с коней. Не дело, мистер Стрендж, совсем не дело! — И герцог ускакал прочь.

Стрендж посмотрел ему вслед. Он хотел сказать что-нибудь по поводу неблагодарности герцога своим друзьям-шотландцам, однако те были несколько заняты: их обстреливали из пушек и рубили саблями. Поэтому Стрендж взял карту, вылез из канавы и добрался до перекрестка, где и нашел герцогского секретаря, лорда Фицроя Сомерсета, озабоченно осматривающего поле боя.

— Милорд, — обратился к нему Стрендж, — мне надо задать вам вопрос. Как развивается сражение?

Сомерсет вздохнул:

— Все кончится хорошо. Сомнений быть не может. Однако половина армии еще не подошла. У нас почти нет кавалерии. Знаю, что приказы дивизиям вы доставили очень быстро, но многие из них были слишком далеко. Все зависит от того, кто быстрей подтянет резервы. Если французы получат подкрепление раньше нас, то… — Он пожал плечами.

— Если к французам подойдут свежие силы, то откуда? Полагаю, с юга?

— С юга и юго-запада.

Стрендж не стал возвращаться к шотландцам. Вместо этого он направился на ферму в Катр-Бра, находившуюся за порядками британцев. Ферма была брошена хозяевами: двери открыты, стекла в окнах выбиты, по двору разбросаны оставленные в спешке косы и мотыги. В пропахшей кислым молоком маслодельне Стрендж обнаружил кошку с новорожденными котятами. При каждом взрыве (а они звучали часто) бедное животное вздрагивало. Стрендж принес кошке воды и успокоил ее ласковыми словами. Потом уселся на каменный пол и расстелил перед собой карту.

Он принялся перемещать дороги, тропинки и деревни к югу и востоку от места сражения. Сначала изменил положение двух деревень. Потом все дороги, ведущие с востока на запад, развернул на юг. Затем выждал десять минут и вернул все в прежнее положение. Все леса в округе он заставил повернуться на сто восемьдесят градусов. Потом изменил направление течения всех водных потоков. Несколько часов подряд он непрерывно менял ландшафт. То была кропотливая нудная работа — обычная рутина, которой они часто занимались с Норреллом. В полседьмого вечера он услышал, что трубы союзников протрубили

наступление. В восемь часов Стрендж поднялся и расправил затекшие ноги.

— Даже не знаю, помогло это хоть немного или нет, — сообщил он кошке[99].

Над полем боя висел черный дым. В небе кружили сотни ворон и воронов — непременные свидетели всякого сражения. Своих друзей-шотландцев Стрендж нашел в самом плачевном положении. Они захватили большой дом у дороги, но в ходе боя потеряли половину личного состава и двадцать пять офицеров из тридцати шести, в том числе полковника, которого многие солдаты любили, как отца. Даже поседевшие ветераны плакали, не скрывая слез.

Похоже, неприятель отошел к Фрасне — городку, от которого начал атаку. Стрендж спросил у

---

[99] Примечания: 99

Обычная магическая техника в подобных случаях — создать лабиринт из перемещенных дорог, лесов, деревень, рек и прочих деталей ландшафта. Однако до февраля 1817 года Стрендж этим колдовством не владел.

Тем не менее для исхода боя в Катр-Бра его действия имели решающее значение. Стрендж не знал, что французский генерал Д'Эрлон спешит к перекрестку с двадцатью тысячами солдат. Однако тому пришлось блуждать несколько часов по местности, вид которой менялся каждые несколько минут. Если бы в тот день он вовремя достиг Катр-Бра, французы, скорее всего, одержали бы победу и сражения при Ватерлоо просто не произошло бы. Стрендж был уязвлен резким замечанием герцога по поводу драконов и никому не сказал о том, что сделал. Позже он поведал об этом Джону Сегундусу и Томасу Леви. Историки долго не могли объяснить опоздание Д'Эрлона, пока в 1820 году не вышла книга

Джона Сегундуса «Жизнеописание Джонатана Стренджа».

нескольких офицеров, означает ли это победу, но никто не мог ответить вразумительно.

Ночевал он в Женаппе, деревушке в трех милях от Катр-Бра по брюссельской дороге. Во время завтрака появился капитан Хедли-Брайт и принес известие: союзников герцога, пруссаков, сильно потрепали минувшим днем.

— Они разбиты? — спросил Стрендж.

— Нет, но отступили, и герцог решил, что мы должны сделать то же самое. Его светлость выбрал место для битвы; там мы встретимся с прусской армией. Местечко называется Ватерлоо.

— Ватерлоо? Какое странное название, — заметил Стрендж.

— Необычное, правда? На карте его нет.

— А! — воскликнул Стрендж. — Такое постоянно случалось в Испании! Несомненно, тот, кто сказал вам это название, его переврал. Поверьте, никакого Ватерлоо не существует!

Вскоре после полудня они сели на лошадей и хотели выехать из деревни к войскам, но от Веллингтона пришел приказ: приближается эскадрон французских улан; мистер Стрендж должен его задержать. Стрендж, не желая, чтобы герцог еще раз попрекнул его фокусами в духе

Воксхолл-Гарденс, спросил Хедли-Брайта:

— Чего боится кавалерия?

Капитан мгновение думал.

— Грязи, — ответил он.

— Грязи? Вот как? Слушайте, вы правы. Нет ничего в магии проще, чем управление погодой!

Небо потемнело. В нем появилась иссиня-черная туча размером с Бельгию, тяжелая и косматая. Она шла очень низко, почти задевая макушки деревьев. Ослепительно сверкнула молния, залив округу нестерпимым ярким светом. Раздался оглушительный гром, и туча извергла потоки воды. Ливень хлестал так, что земля шипела и пузырилась.

Через несколько минут дороги и поля превратились в непроходимую трясину. Уланы не смогли настигнуть британцев, арьергард Веллингтона был спасен.

Через час Стрендж и Хедли-Брайт с удивлением обнаружили, что деревня под названием Ватерлоо все же существует, и въехали в нее. Герцог сидел на коне под струями дождя и с удовольствием смотрел на промокших людей, грязных лошадей и перепачканные повозки.

— Замечательная грязь, Мерлин! — весело крикнул он. — Очень липкая и скользкая. Фран-

цузам она не понравится. Будьте добры, сделайте дождь посильнее! А теперь видите дерево — там, где дорога идет вниз?

— Вяз, ваша светлость?

— Он самый. Буду признателен, если во время битвы вы будете находиться там. Я время от времени буду подъезжать — наверное, не очень часто. Мои ребята станут доставлять вам указания.

В тот вечер различные подразделения союзных войск заняли позиции на гряде невысоких холмов южнее Ватерлоо. На них низвергались потоки ливня, в небе непрерывно грохотал гром, и то и дело к вязу, под которым обосновался Стрендж, приближались депутации солдат, просивших прекратить это бедствие. Стрендж только мотал головой и отвечал:

— Прекращу, когда герцог прикажет.

Ветераны испанской кампании одобряли действия волшебника и говорили, что на войне дождь всегда был союзником англичан. Они объясняли товарищам: «Для нас нет ничего привычнее дождя, тогда как для других народов он — докука. Перед сражениями у Фуентеса, Саламанки и Витории ночью всегда шли дожди». (В этих битвах в Испании Веллингтон одержал

убедительные победы.)

Укрывшись под зонтом, Стрендж размышлял о предстоящем сражении. Со времен войны в Испании он изучал военную магию ауреатов. О ней почти ничего не было известно; ходили только слухи о заклинании, которое Джон Аскгласс использовал перед собственными битвами. С его помощью он предвидел результат еще не свершившегося события. Как раз перед наступлением темноты Стренджа вдруг осенило: «Невозможно узнать, что именно делал Джон Аскгласс, но существует заклинание Пейла относительно предполагаемого исхода грядущих событий. Вероятно, это то же самое, только пожиже. Испробую его».

Секунду или две до того, как заклинание начало действовать, Стрендж слышал все вокруг: удары капель дождя по металлу и коже, шум стекающих струй, фырканье лошадей, пение англичан и игру шотландской волынки, слышал, как два солдата-валлийца спорят о толковании некоего библейского стиха, а капитан шотландцев, Джон Кинкейд, учит индейцев пить чай (очевидно, он полагал, что умение пить чай неизбежно делает человека британцем — все остальное приложится).

Затем наступила тишина. Люди и кони начали исчезать — один за другим, а потом — целыми группами: сотни, тысячи их растворились в ночи. В массе сгрудившихся солдат появились бреши. На восточном участке позиции исчез целый полк, оставив в рядах провал размером с Ганновер-Сквер. Там, где мгновение назад кипела жизнь, где шутили и пели, не осталось ничего, кроме мокнущих под дождем колосьев ржи. Стрендж закрыл рот ладонью — его замутило. «Так, — подумал он, — это мне урок — поосторожнее с магией, предназначенной для королей. Норрелл прав. Есть магия, которая не по зубам простым волшебникам. Очевидно, Джон Аскгласс знал, что делать с этим ужасающим знанием. Я не знаю. Рассказать кому-нибудь? Кому? Герцогу? Он мне спасибо не скажет».

Кто-то подошел, заговорил с ним. Это был капитан конной артиллерии. Стрендж видел, как шевелятся его губы, но ничего не слышал. Щелкнув пальцами, он развеял чары. Капитан приглашал выпить бренди и выкурить сигару. Стрендж поблагодарил, но отказался. Его трясло.

Остаток ночи он провел в одиночестве под вязом. До этого дня он не чувствовал, что магия отдаляет его от остальных людей. Теперь все

стало иначе. Он пережил жуткое ощущение: мир словно стал старше, и все лучшее, что в нем было — смех, любовь и наивное неведение, — безвозвратно канули в прошлое.

На следующий день примерно в половине двенадцатого французы пошли в атаку. Союзники встретили неприятеля орудийным огнем. Чистый летний воздух между враждебными армиями заполнился клубами горького черного дыма.

Главный удар французы направили на поместье Угумон — форпост коалиции, расположенный на равнине. Поместье защищали шотландские гвардейцы, нассаусцы, ганноверцы и другие части. В серебряном блюде Стрендж видел все подробности ожесточенной схватки. Он хотел переместить деревья, чтобы обеспечить защитникам поместья лучшее прикрытие, но не был уверен, что это будет им на руку. Вмешиваться с магическими трюками в рукопашный бой — дело опасное. Стрендж помнил, что на войне солдат может добиться большего, если не станет спешить, а иногда даже останется в бездействии. Он решил ждать.

Грохот орудий усилился. Британские ветераны говорили друг другу, что не припомнят такой жестокой канонады. Осколки рассекали людей на

части, ядра разносили тела в клочья. Воздух дрожал от пролетающих снарядов. «Дело становится жарким», — спокойно заметил герцог офицерам и приказал передовым частям отойти за склоны холмов. Когда обстрел закончился, полки союзников вернулись на возвышенности и увидели, что по равнине, покрытой волнами дыма, на них идет французская пехота — шестнадцать тысяч человек плотными колоннами неумолимо надвигались на холмы.

Многие подумали, что у французов, верно, тоже появился волшебник, — солдаты неприятеля казались выше обычных людей, а глаза их горели какой-то сверхъестественной яростью. Однако то была всего лишь магия Наполеона Бонапарта, который лучше кого бы то ни было умел внушать ужас врагу.

Теперь Стрендж точно знал, что должен делать. Глубокая вязкая грязь значительно затрудняла продвижение пехоты. Вдобавок он обратил заклинание на стебли ржи: заставил их обвиваться вокруг ног французов. Те спотыкались, падали, увязали в грязи, но колонны не останавливались, и французы шли по телам своих товарищей. Тех несчастных, которые еще были живы, затоптала французская кавалерия, следовавшая за пехотой.

Стрендж усердно колдовал, но не был уверен, что его усилия дали очень уж большой результат. Судя по всему, британские стрелки действовали куда эффективнее.

К вязу подскакал адъютант, передал Стренджу пакет, крикнул: «Послание от его светлости!» — и немедленно умчался прочь.

Французские пушки подожгли поместье Угумон. Погасите пожар.

Веллингтон

Стрендж вызвал видение Угумона. С тех пор как он последний раз видел усадьбу, участники битвы понесли большие потери. В каждой комнате лежали раненые — и союзники, и французы. Все горело — стога сена, хозяйственные постройки, главное здание. Повсюду плавал едкий черный дым. Визжали лошади, раненые пытались ползти, но спасения не было. Вокруг поместья кипел бой. В часовне Стрендж заметил с полдюжины фресок, на которых были изображены святые — семи-восьми футов ростом, аскетичного вида. Изобразил их, очевидно, какой-то не очень искусный любитель-живописец. У святых были длинные седые бороды и большие грустные глаза.

— Подойдут! — пробормотал Стрендж.

По его команде святые сошли со стен и, двигаясь как марионетки, пробрались меж рядов раненых к колодцу во дворе. Здесь они принялись черпать ведрами воду и таскать ее в комнаты, где лежали раненые. Все шло хорошо, пока двое (кажется, святой Петр и святой Иероним) не загорелись. Они состояли только из красок и волшебства, потому сгорели очень быстро. Стрендж лихорадочно соображал, как выйти из этого затруднительного положения, когда осколок французской гранаты ударил по серебряному блюду и отбросил его в сторону ярдов на пятьдесят. Пока волшебник бегал за блюдом, пока выравнивал вмятину, оставленную осколком, сгорели все святые. Раненые и лошади в стойлах погибали от огня и дыма. Других изображений на стенах поместья не было. Чуть не плача от отчаяния, Стрендж проклинал ленивого художника.

Что же делать? В голове Стренджа промелькнула мысль: давным-давно Джон Аскгласс создавал из воронов великана — птицы сбивались в плотную стаю, образуя фигуру черного исполина, который мог выполнить любое повеление волшебника. Известны случаи, когда он создавал себе помощников из земли.

Стрендж вызвал видение колодца в Угумоне. Он поднял воду из колодца, и она взметнулась фонтаном; потом, до того как вода обрушилась на землю, он придал ей форму, отдаленно напоминающую очертания человеческого тела. Стрендж приказал водяному исполину броситься в пламя и пролиться на раненых. Он сумел потушить пожар в конюшне и спасти трех человек. Стрендж создавал новых великанов так быстро, как только мог, но вода — субстанция, с трудом сохраняющая форму. После часа упорного труда у мага голова шла кругом и руки дрожали от напряжения.

Между четырьмя и пятью часами дня на поле главного сражения что-то случилось. Стрендж поднял голову и увидел французскую кавалерию. Она надвигалась сплошной сверкающей массой. Двенадцать шеренг по пятьсот конников в каждой неслись вперед, сотрясая землю, однако артиллерия гремела так, что стука копыт было не слышно, — казалось, лошади скачут совершенно бесшумно. «Неужели французы не понимают, что сломить пехоту Веллингтона конной атакой невозможно? — думал Стрендж. — Все они погибнут». Британские пехотные полки уже строились в каре, кто-то кричал Стренджу, предлагая укрыться внутри построения. Совет был хорош,

Стрендж так и сделал.

Из-за спин пехотинцев Стрендж следил за приближением конницы врага. Сверкали кирасы и каски, на пиках реяли красно-белые флажки. Казалось, кирасиры не принадлежат прозаическому XIX веку. От них веяло древней славой, которой Стрендж решил противопоставить древнее знание. Перед его глазами опять встали слуги Джона Аскгласса — великаны из воронов, гиганты из земли. Грязь под копытами лошадей начала вспучиваться и лопаться; из нее поднимались огромные руки, хватавшие коней за ноги, стаскивающие всадников. Упавших затаптывали свои же товарищи. Тут каре союзников грянули ружейными залпами. Конница смешалась, остановилась и начала откатываться назад.

Когда первый натиск кавалерии был отбит, Стрендж вернулся к серебряному блюду.

— Это вы волшебник? — спросил кто-то.

Стрендж обернулся и с удивлением увидел невысокого кругленького господина в гражданском платье. Господин улыбнулся.

— А вы-то кто такой? — изумился Стрендж.

— Меня зовут Пинк, — ответил господин. — Я коммивояжер бирмингемской фирмы «Превосходные пуговицы Уэльбека». У меня для вас

послание от герцога.

Стренджу, покрытому грязью и неимоверно уставшему, потребовалось время, чтобы понять собеседника.

— А где адъютанты герцога?

— Он сказал, что все убиты.

— Что? Хедли-Брайт убит? А полковник Каннинг?

— Боюсь, что не смогу сказать наверняка, — виновато улыбнулся мистер Пинк. — Я приехал из Антверпена вчера, чтобы увидеть сражение, а когда повстречал герцога, представился ему и не преминул рассказать о превосходных пуговицах Уэльбека. Он попросил разыскать вас и сообщить, что сюда спешит прусская армия; она уже добралась до Парижского леса, но дьявольски… — мистер Пинк сделал паузу, смакуя солдатское выражение, — дьявольски запаздывает из-за распутицы. Герцог просит вас создать для них дорогу от леса до места сражения. Вы сможете это сделать?

— Само собой, — ответил Стрендж, вытирая грязь с лица.

— Я передам его светлости. — Коммивояжер помолчал, а потом доверительно спросил: — Как вы думаете, герцог закажет у нас пуговицы?

— Вполне возможно. Он нуждается в них не меньше любого другого.

— Вы знаете, в этом случае мы сможем рекламировать себя как поставщиков его светлости герцога Веллингтона. — Господин радостно улыбнулся. — Ну что ж. Я удаляюсь.

— Да-да, удаляйтесь.

Стрендж создал дорогу для пруссаков, однако впоследствии склонен был думать, что мистер Пинк из фирмы «Превосходные пуговицы Уэльбека» ему привиделся[100].

Казалось, события повторяются снова и снова. Опять налетела французская кавалерия, и Стрендж укрывался внутри каре. Вражеская конница волнами билась о стены пехоты. Снова из грязи вставали чудовищные руки, хватавшие неприятельских солдат. Когда конница отступала, возобновлялся артиллерийский обстрел, и Стрендж брался за серебряное блюдо, создавал водяных людей и тушил пожары в разрушенном Угумоне. Потом все происходило заново, и ему начало казаться, что битва не завершится никогда, что она не начиналась, а длилась всегда.

«Пули и ядра должны когда-нибудь закончиться, — думал Стрендж, — и что же мы будем делать тогда? Рубить друг друга саблями и колоть штыками? Если все погибнут, кто будет считаться победителем?»

---

[100] Примечания: 100

В действительности мистер Пинк был лишь одним из гражданских лиц, которых герцог в тот день привлек к службе в качестве неофициального адъютанта. Другими были молодой швейцарец и еще один коммивояжер, но только из Лондона.

Все поле боя покрывала плотная завеса дыма. Временами в ней появлялись разрывы, в которые можно было увидеть отдельные сцены жуткого спектакля: возле стен усадьбы Ля-э-Сент французы наваливают тела павших товарищей, чтобы по ним добраться до засевших на крыше немцев…

Один раз атака французской конницы застала Стренджа вне каре. Прямо перед ним возник огромный кирасир на такой же огромной лошади. Первым делом Стрендж подумал: знает ли этот человек, кто перед ним? (Ему говорили, что вся французская армия ненавидит английского колдуна лютой галльской ненавистью.) Вторая мысль была, что его пистолеты остались внутри каре.

Кирасир взмахнул саблей. Стрендж машинально произнес заклинание Стокси «Об исторжении души». Из груди кирасира вылетело нечто, похожее на пчелу, и опустилось на левую ладонь Стренджа. Однако то была не пчела, а крошечная горошинка, лучившаяся радужным сиянием. Вторая светящаяся горошинка легла на ладонь рядом с первой, покинув тело лошади. Животное взвизгнуло и встало на дыбы. Кирасир замер.

Стрендж поднял правую ладонь, чтобы при-

хлопнуть и кирасира, и его скакуна. И тоже замер.

«Может ли волшебник убить человека с помощью магии?» — спросил герцог.

И он ответил: «Волшебник может, но джентльмен не станет».

Откуда-то вылетел британский офицер на коне — из шотландских драгун — и одним ударом сабли раскроил кирасиру голову, так что клинок рассек череп, челюсти, подбородок и увяз в груди. Француз рухнул с лошади. Британец ускакал.

Что было потом, Стрендж помнил плохо. Кажется, он бродил по полю боя словно во сне. Он не знал, сколько это продолжалось.

Стрендж пришел в себя, когда услышал победные крики. Он огляделся и увидел Веллингтона верхом на Копенгагене. Герцог размахивал шляпой — значит союзники одолели французов. Однако дым вокруг герцога висел такой плотный, что лишь немногие, самые близкие к нему солдаты и офицеры, могли разделить с полководцем радость победы.

Поэтому Стрендж прошептал слово, и в дымной завесе появилась дыра. На Веллингтона упал луч вечернего солнца. Все лица на холмах и равнине обернулись к герцогу, и в воздухе раскатилось

победное «ура!».

«Вот подлинное назначение английской магии», — подумал Стрендж.

Он двинулся по полю битвы вслед за солдатами и отступающими французами. Среди мертвых и умирающих то тут, то там встречались созданные его волшебством огромные земляные руки. Казалось, они замерли в жестах ярости и ужаса, словно сама земля окаменела в отчаянии. Когда Стрендж дошел до французских пушек, нанесших такой урон союзникам, то еще раз сотворил волшебство. Из земли вновь поднялись руки, схватили орудия и утащили их вглубь.

В гостинице «Белль альянс» недалеко от Ватерлоо Стрендж нашел герцога и прусского полководца генерала Блюхера. Герцог кивнул Стренджу и сказал:

— Сядьте, пообедайте со мной.

Блюхер с чувством пожал волшебнику руку и что-то долго говорил по-немецки (Стрендж так ничего и не понял). Потом старик вздохнул и пальцем показал на свой живот, где размещался воображаемый слоненок, словно говоря: «Ну что тут попишешь?»

На выходе из гостиницы Стрендж столкнулся с капитаном Хедли-Брайтом.

— Мне сказали, что вы убиты! — воскликнул он.

— А я был уверен, что вас нет в живых, — ответил Хедли-Брайт.

Последовала пауза. Оба были немного смущены. Повсюду, сколько хватал глаз, рядами лежали убитые и раненые. Как-то неудобно было сознавать, что ты остался в живых.

— Кто еще уцелел? Не знаете? — спросил Хедли-Брайт.

Стрендж покачал головой:

— Нет, не знаю.

Они разошлись в разные стороны.

В тот вечер в штаб-квартире Веллингтона в Ватерлоо стол был накрыт на сорок или пятьдесят персон, однако в назначенный час есть сели всего трое: сам герцог, генерал Алава (испанский атташе) и Стрендж. Всякий раз, когда хлопала дверь, герцог поворачивал голову, чтобы посмотреть, не пришел ли кто-нибудь из старых друзей. Никто так и не явился.

Бóльшая часть мест за столом предназначалась людям, которые либо погибли, либо умирали от ран, — полковнику Каннингу, полковнику Гордону, генералу Пиктону, полковнику де Ланси. В течение ночи списку предстояло пополниться

новыми именами.

Герцог, генерал Алава и мистер Стрендж молча сидели за столом.

41. Старкросс

Конец сентября — декабрь 1815 года

Казалось, судьба издевается над мистером Сегундусом. Он перебрался в Йорк с целью насладиться обществом тамошних волшебников. Однако стоило ему приехать, как усилиями мистера Норрелла все они были отрешены от магических дел, и Сегундус остался один. Его и без того скромные средства значительно сократились, и осенью 1815 года он был вынужден искать место.

— Вряд ли я могу рассчитывать на приличное жалованье, — заметил он мистеру Хонифуту, вздыхая. — Я ничего не умею.

Этого мистер Хонифут вынести не мог.

— Напишите мистеру Стренджу! — посоветовал он. — Возможно, ему нужен секретарь.

Мистер Сегундус с величайшим удовольствием согласился бы служить у мистера Стренджа, однако природная скромность не позволяла ему обратиться с просьбой к великому человеку. Чего доброго, мистер Стрендж подумает, что Джон Сегундус считает себя ровней ему — знаменитому волшебнику!

Мистер и мисс Хонифут уверяли его, что, если мистеру Стренджу это предложение не понравится, тот так и ответит, поэтому стесняться не надо. Однако мистер Сегундус стоял на своем и на уговоры не поддался.

Тогда супруги Хонифут предложили ему другой вариант, который понравился Сегундусу гораздо больше.

— Почему бы не поискать в городе мальчиков, желающих изучать магию? — спросила миссис Хонифут.

Ее внуки — крепкие мальчуганы пяти и семи лет — как раз достигли возраста, в котором начинают обучение, и этот предмет постоянно занимал мысли миссис Хонифут.

Так мистер Сегундус стал учителем магии. Он обнаружил, что не только мальчики, но и юные барышни, чье обучение прежде сводилось к французскому, немецкому и музыке, не прочь получить наставления в области теоретической магии. Потом у него стали просить уроков старшие братья барышень, причем многие из них уже рисовали себе блестящую карьеру известных волшебников. Молодежь все меньше интересовалась правом и богословием, ее привлекала магия — особенно после того, как Стрендж показал

себя на европейском театре военных действий. В конце концов, уже много столетий священнослужители не отличались на полях сражений, а правоведы вообще не могли этим похвастать.

Ранней осенью 1815 года отец одного из учеников обратился к мистеру Сегундусу с просьбой. Этот джентльмен (звали его Палмер) узнал, что на севере графства продается дом. Он не собирался его покупать, но ему сказали, что в доме есть библиотека, с которой стоит познакомиться. Мистер Палмер был человек занятой и, хотя во многом полагался на слуг, счел их недостаточно образованными для подобного дела. Он попросил мистера Сегундуса побывать в том доме, посмотреть книги и сообщить, стоит ли их приобрести.

Поместье Старкросс-Холл стояло среди горстки каменных домиков и хозяйственных построек. Место было уединенное, со всех сторон окруженное пустошами. Высокие деревья закрывали его от дождей и бурь, но они же придавали ему унылый и мрачный облик. В деревеньке было много обветшалых каменных стен, из-за них выглядывали обветшалые каменные амбары. В воздухе была разлита такая мертвая тишина, что казалось, будто наступил конец света.

Через небольшую, но бурную речушку был

переброшен древний каменный мостик, сильно пострадавший от времени. По темной, почти черной воде быстро проплывали ярко-желтые листья; они вращались и складывались в узоры; мистеру Сегундусу подумалось, что они — как и многое другое в окружающем нас мире — напоминают магические письмена.

Усадьба, длинная и невысокая, но довольно просторная, была сложена из того же темного камня, что и прочие дома в деревне. Запущенный сад и двор покрывал ковер палой листвы. Трудно было рассчитывать, что на этот дом сыщется покупатель. Для фермерского хозяйства поместье было слишком большим, а для семьи джентльмена — слишком унылым и отдаленным от городской жизни. Здесь мог бы жить священник, но в деревеньке не было церкви. В нем можно было бы открыть гостиницу, но в ней некому было останавливаться — старая грунтовая дорога, когда-то проходившая через деревню, заросла бурьяном, и от нее остался лишь каменный мостик через речку.

Мистер Сегундус постучал, но никто не ответил. Он заметил, что дверь не заперта. Входить без разрешения было неудобно, однако, прождав минут пять, он решился и толкнул дверь.

Дома, как и люди, если предоставить их самим себе, быстро приобретают странности. Этот дом напоминал старого джентльмена в поношенном халате и рваных домашних туфлях, который просыпается и ложится спать когда заблагорассудится и ведет бесконечные беседы с давно умершими друзьями. Мистер Сегундус рассудил, что кто-то должен присматривать за домом, и отправился на поиски. Он обнаружил комнату, в которой не было ничего, кроме составленных одна в другую фаянсовых форм для сыра. В другой лежали груды странных одеяний из красной материи. Мистер Сегундус никогда таких не видел: то было что-то среднее между поддевкой и облачением священника. На кухне почти не сохранилось посуды, зато был череп крокодила под стеклянным колпаком. Казалось, зубастая пасть ухмыляется и череп очень доволен собой, хотя мистер Сегундус не понимал, чему тут радоваться. Еще он нашел комнату, куда можно было попасть только по крутой лесенке. По стенам ее висели картины с изображениями всевозможных схваток и драк; здесь были сражающиеся воины, дерущиеся мальчишки, петушиные бои, бои быков, собачьи бои, бои кентавров и даже сцепившиеся жуки. Следующее помещение бы-

ло пустым, если не считать стола, на котором стоял кукольный домик — точная копия самой усадьбы. Внутри игрушечного домика красиво одетые куколки жили спокойной, размеренной жизнью: пекли кукольные пироги и хлеб, развлекали гостей игрой на клавесине, играли в крошечные карты, воспитывали крошечных детей и обедали индейкой размером с ноготь на пальце мистера Сегундуса. Кукольная жизнь резко контрастировала с унылым запустением, царившим в реальном доме.

Сегундус побывал во всех комнатах, но не нашел ни одной живой души и не обнаружил библиотеки. Наконец ему попалась неприметная дверца под лестницей. За дверцей оказалась каморка, а в ней — человек в грязном белом сюртуке, который сидел на стуле, положив ноги на столик, попивал бренди и смотрел в потолок. После непродолжительных уговоров он согласился показать библиотеку.

Первые десять книг мистера Сегундуса не заинтересовали — в них содержались проповеди и моральные наставления вековой давности, а также жизнеописания ничем не примечательных людей. Следующие пятьдесят книг оказались в таком же роде. Мистер Сегундус уже подумывал,

что просмотр библиотеки не отнимет у него много времени, однако вскоре он нашел несколько очень интересных и необычных изданий по геологии, философии и медицине и воспрял духом.

Несколько часов он провел, знакомясь с книгами и забыв обо всем на свете. Один раз ему послышалось, что к дому подъехал экипаж, но он не обратил на это внимания. Потом Сегундус почувствовал, что страшно голоден — он ничего не ел со вчерашнего дня. Рассчитывать на обед в этом доме не приходилось, а до ближайшего постоялого двора путь был неблизкий. Он решил найти нерадивого слугу из каморки и узнать, нельзя ли здесь перекусить. Сегундус побрел по дому, открывая все двери, заглядывая в комнаты и ощущая нарастающий голод и недовольство нерадивым слугой.

Внезапно он очутился в старинной гостиной, отделанной мореным дубом, и увидел камин в форме маленькой триумфальной арки. Прямо перед ним у окна в глубоком кресле сидела прелестная молодая женщина; она смотрела на деревья и высокие голые холмы за поместьем. Сегундус успел заметить, что на левой руке у нее не хватает мизинца, и вдруг понял, что молодой красавицы в комнате больше нет… вернее, кто-то

сидел в кресле, но то была совершенно другая женщина — гораздо старше, примерно одних лет с мистером Сегундусом, и несколько тучноватая. На ней было лиловое шелковое платье, на плечах — индийская шаль, а на руках — маленькая собачка. Дама сидела в той же позе, что и привидевшаяся Сегундусу красавица, и так же задумчиво смотрела в окно.

Все произошло чрезвычайно быстро, однако образы дам были до чрезвычайности — почти сверхъестественно — яркими, словно в горячечном бреду. По телу мистера Сегундуса прошла судорога, и он лишился чувств.

Когда Сегундус пришел в себя, он лежал на полу, а над ним встревоженно склонились две женщины. Быстро приходя в себя, он понял, что среди них нет той красавицы, которую он заметил первой. Одна дама была та самая, с собачкой, что появилась в кресле вместо молодой, вторую — полную белокурую пожилую женщину с неприметным лицом — Сегундус видел впервые. Очевидно, все это время она находилась в гостиной, но он ее не заметил.

Дамы не позволили ему сразу встать. Говорить ему они тоже не разрешали; по их мнению, это могло привести к повторному обмороку. Дамы

подложили ему под голову подушки, накрыли его одеялом, чтобы согреть (мистер Сегундус уверял, что не замерз, но они и слушать ничего не хотели). Они брызгали ему в лицо лавандовой водой, подносили нюхательную соль. Затем им показалось, что из-под одной двери тянет сквозняком, и они бросились закрывать щель. Мистер Сегундус заподозрил, что утро у дам выдалось скучное и, когда появился незнакомый джентльмен и рухнул без чувств, они скорее обрадовались, чем огорчились.

Через четверть часа ему разрешили сесть в кресло и выпить чашку слабого чая без сахара и сливок.

— Это я виновата, — сказала дама с собачкой. — Феллоус сообщил, что из Йорка приехал джентльмен посмотреть книги. Мне надо было раньше предупредить вас, что мы в доме. Разумеется, вы не думали нас увидеть и от неожиданности лишились чувств!

Даму звали миссис Леннокс. Вторая дама, миссис Блейк, была ее компаньонкой. Обычно они жили в Бате, а сейчас приехали в Старкросс потому, что миссис Леннокс желала еще раз посмотреть на старый дом перед продажей.

— Глупо, не правда ли? — спросила миссис Лен-

нокс. — Дом давным-давно пустует. Но в детстве я проводила здесь лето, и то были самые счастливые месяцы в моей жизни…

— Вы все еще бледны, сэр, — заметила миссис Блейк. — Вы сегодня что-нибудь ели?

Мистер Сегундус признался, что страшно голоден.

— Разве Феллоус не предложил вам обед? — изумилась миссис Леннокс.

Очевидно, речь шла о неряшливом слуге, попивающем бренди в каморке. Мистер Сегундус не стал жаловаться, что насилу уговорил его показать библиотеку.

К счастью, миссис Леннокс и миссис Блейк привезли с собой много еды, и Феллоус как раз готовил обед. Через полчаса обе дамы и мистер Сегундус уселись за стол в гостиной, отделанной дубом, у окна, из которого открывался вид на сумрачный парк. Правда, дамы настаивали, чтобы мистер Сегундус, как едва оправившийся от обморока, ел что-нибудь легкое и нежирное, а он просто изголодался и предпочел бы бифштекс и горячий пудинг.

Дамы были рады гостю и задали ему кучу вопросов. Они очень заинтересовались, узнав, что он волшебник, — раньше они магов в глаза не

видели.

— А в моей библиотеке вы нашли что-нибудь по магии? — спросила миссис Леннокс.

— Увы, нет, мадам, — ответил мистер Сегундус. — Впрочем, действительно ценные книги по волшебству — большая редкость. Я был бы крайне удивлен, увидев их здесь.

— А вот и нет, — возразила миссис Леннокс. — У меня было несколько таких. Я давным-давно продала их одному джентльмену, жившему неподалеку от Йорка. Между нами, я решила, что он глуповат — заплатил такие деньги за никому не нужные книжки. Хотя, конечно, ему виднее.

Мистер Сегундус догадывался, что «джентльмен, живший неподалеку от Йорка», вероятно, не заплатил миссис Леннокс и четверти настоящей цены, но почел за благо молчать и только вежливо улыбнулся.

Он рассказал дамам о своих учениках — и юношах, и девушках, и о том, как они умны и прилежны.

— Если вы ободряете их такими похвалами, то они, несомненно, добьются под вашим руководством бóльших успехов, чем у любого другого наставника, — заметила миссис Блейк.

— Право слово, не знаю, — ответил мистер

Сегундус.

— Я раньше не понимала, насколько популярным стало изучение магии, — задумчиво произнесла миссис Леннокс. — Думала, волшебников всего двое, в Лондоне, как там их зовут. Наверное, мистер Сегундус, следующим вашим шагом станет открытие школы для волшебников?

— Открытие школы! О! — воскликнул мистер Сегундус. — Но для этого надо… не знаю точно… безусловно, потребуется много денег и дом.

— Вероятно, и учеников будет трудно найти? — спросила миссис Леннокс.

— О нет! Четверых молодых людей я могу назвать прямо сейчас.

— А если бы вы дали объявление о наборе…

— Этого я делать не стал бы! — энергично возразил мистер Сегундус. — Магия — благороднейшая профессия на свете и уступает, возможно, только служению церкви. Нельзя смешивать ее с коммерцией. Нет, я принимал бы молодых людей только по личным рекомендациям.

— Значит, остается найти немного денег и дом. Нет ничего легче. Ведь мистер Хонифут, ваш друг, о котором вы отзываетесь с таким уважением, охотно ссудит вам денег. Думаю, он сочтет это

за честь.

— Увы! У него три очаровательных дочери. Одна замужем, вторая обручена, а третья все никак не выберет себе жениха. Нет, мистер Хонифут должен думать о семье. Все его доходы расписаны.

— Тогда с чистой совестью я могу предложить вам свою помощь. Почему бы вам не занять денег у меня?

Мистер Сегундус был изумлен и некоторое время не знал, что ответить.

— Вы очень добры, мадам! — наконец выдавил он.

Миссис Леннокс усмехнулась:

— Вовсе нет, сэр. Если магия популярна, как вы говорите — а я еще перепроверю ваши слова через других людей, — то, полагаю, на ней можно неплохо заработать.

— У меня нет делового опыта, — возразил мистер Сегундус. — Боюсь, что совершу ошибку и растрачу ваши деньги. Нет, вы очень добры, и я от всего сердца благодарю вас, но вынужден отказаться.

— Что ж, если вы не хотите брать в долг — осторожность вполне понятная, — то вопрос можно решить следующим образом. Школа будет при-

надлежать мне — мне одной. Я буду нести все расходы и приму на себя весь риск. Вы станете директором школы, и наши имена будут стоять рядом. В самом деле, этот дом как нельзя лучше подходит для школы волшебников. Как жилье он имеет ряд недостатков, которые обратятся в достоинства, если мы откроем здесь пансион. Место очень уединенное. Дичи в окрестных лесах почти нет. У молодежи не будет соблазна пострелять или предаться азартным играм. За неимением особых развлечений ваши ученики целиком отдадутся учебе.

— Я предпочел бы не брать молодых людей, играющих в азартные игры! — в ужасе воскликнул мистер Сегундус.

Миссис Леннокс снова улыбнулась:

— Полагаю, вы ни разу не дали друзьям повода для беспокойства — разве что своей честностью, которую наш жестокий мир так часто обманывает.

После обеда мистер Сегундус, как человек обязательный, вернулся в библиотеку, а ранним вечером простился с дамами и покинул поместье. Расставались они очень тепло. Напоследок миссис Леннокс взяла с него обещание приехать к ней в Бат.

На обратном пути волшебник твердил себе, что не надо обманываться и лелеять надежду на светлую будущность и счастье, однако сдержаться не мог и уже воображал, как станет учить молодых и как быстро они будут возрастать в знаниях, как Джонатан Стрендж приедет к нему в школу и ученики будут приятно изумлены, узнав, что их директор — близкий друг величайшего волшебника современности, а Стрендж скажет: «Браво, Сегундус. Лучшего и представить нельзя. Молодец!»

Домой он приехал уже после полуночи и чуть не побежал к Хонифутам, чтобы сообщить им радостную весть, но вовремя одумался. Уже на следующее утро он спозаранку бросился к друзьям. Восторг их трудно описать словами — они бурно выражали радость, которую он не позволял себе даже чувствовать. Миссис Хонифут в глубине души оставалась школьницей; она схватила мужа за руки и закружилась с ним в веселом танце вокруг стола с завтраком, потом, оставив супруга в покое, увлекла мистера Сегундуса и протанцевала вокруг стола вместе с ним. Тот взмолился, чтобы его отпустили, и тогда она продолжила танец в одиночку. Мистера Сегундуса удивляло только, что друзья ничуть не удивле-

ны — они словно ждали этого события и теперь радовались, что вот наконец свершилось! Они так высоко ценили своего друга, что не увидели ничего особенного в предложении состоятельной дамы учредить для мистера Сегундуса школу волшебников.

— Да ей повезло! — заявил мистер Хонифут. — Где она найдет лучшего директора для такой школы? Нигде!

— Кроме того, — добавила миссис Хонифут, — куда ей девать деньги, бедной бездетной женщине?

Мистер Хонифут был уверен, что теперь будущее Сегундуса обеспечено. Как сангвиник, он ждал от жизни только хорошего. Впрочем, опыт научил его некоторому скепсису, и он пообещал навести справки насчет миссис Леннокс — действительно ли она так богата, как говорит.

Он написал письмо другу в Бат. По счастью, даже на водах, куда съезжались знатные и состоятельные леди, миссис Леннокс знали как гранд-даму. Она родилась богатой и вышла замуж за человека, который был еще богаче. Муж ее ушел из жизни молодым (и не слишком огорчил миссис Леннокс своим уходом), оставив ей свободу и возможность проявить деятельную

натуру и острый ум. Вдова увеличила состояние благодаря разумному размещению капиталов и правильному ведению дел в поместьях. Она была известна твердым, решительным характером, благотворительностью и горячей привязанностью к друзьям. Недвижимость у нее была в каждом графстве, но жила она в основном в Бате со своей компаньонкой миссис Блейк.

Тем временем миссис Леннокс также постаралась узнать побольше о мистере Сегундусе и, вероятно, осталась довольна полученными сведениями, потому что вскоре прислала из Бата письмо, в котором приглашала его приехать и обсудить детали, касающиеся открытия школы.

Следующие несколько месяцев ушли на ремонт и обустройство Старкросс-Холла. Крыша текла, два дымохода были забиты, кухня частично разрушилась. Когда мистер Сегундус подсчитал, во сколько обойдется ремонт, то пришел в ужас. Он прикинул, что если не прочищать второй дымоход, не заказывать новую мебель, а удовлетвориться простыми деревянными скамьями и стульями и ограничить число слуг тремя, то можно сэкономить шестьдесят фунтов, о чем и написал миссис Леннокс. Та немедленно ответила, что мистер Сегундус чересчур скупится. Все

его ученики будут отпрысками состоятельных фамилий, привыкшими к теплу и уюту. Она посоветовала нанять девять слуг, помимо дворецкого и повара-француза, целиком заменить мебель и заполнить подвал добрыми французскими винами. Приборы, писала миссис Леннокс, должны быть серебряные, обеденный сервиз — от Веджвуда.

В начале декабря мистер Сегундус получил письмо от Джонатана Стренджа. Тот поздравлял его и обещал весной приехать в школу. Тем не менее Сегундуса преследовало чувство, что школа не откроется — что-нибудь произойдет и мечта обратится в прах. Как он ни гнал эту мысль, она не оставляла его ни на минуту.

Как-то утром в середине декабря он приехал в Старкросс-Холл и увидел, что на крыльце преспокойно сидит некий человек. Мистер Сегундус вроде бы никогда его прежде не видел, но сразу понял, что он — олицетворение злого рока, крушение всех Планов и Надежд. На незнакомце был черный старомодный сюртук, такой же заношенный, как у самого мистера Сегундуса, его башмаки были в грязи. Длинные черные волосы свисали беспорядочными прядями; он выглядел вестником печали из второсортной пьесы.

— Мистер Сегундус, вы не можете этого сделать! — объявил незнакомец. Говорил он с заметным йоркширским акцентом.

— Простите? — произнес мистер Сегундус.

— Школа, сэр. Вы должны отказаться от своей затеи!

— Что? — вскричал мистер Сегундус, храбро делая вид, будто он не знает, что слышит непреложную истину.

— И вот что, сэр, — продолжал черный человек, — вы меня знаете, и знаете: если я говорю, так оно и будет — как бы мы с вами об этом ни сожалели в душе.

— Вы ошибаетесь, — отвечал мистер Сегундус. — Я вас не знаю. По крайней мере, раньше не встречал.

— Я Джон Чилдермасс, слуга мистера Норрелла. Последний раз мы разговаривали девять лет назад перед Йоркским собором. Когда вы взяли учеников, мистер Сегундус, я мог сделать вид, будто не знаю. Я ничего не сказал мистеру Норреллу. Школа волшебников — совсем другое дело. Вы слишком на многое замахнулись, сэр. Он знает. И хочет, чтобы вы немедленно отказались от своей затеи.

— Какое мне дело до мистера Норрелла и его

желаний? Я не подписывал соглашения. Знайте, что я не одинок в этом начинании. Теперь у меня есть друзья.

— Верно, — ответил Чилдермасс задумчиво. — И миссис Леннокс — очень богатая женщина с прекрасной деловой хваткой. Однако есть ли у нее друзья в каждом министерстве, как у мистера Норрелла? Разве она столь же влиятельна? Вспомните Ученое общество волшебников, мистер Сегундус! Вспомните, как мистер Норрелл его сокрушил!

Чилдермасс помолчал, потом, сочтя, что разговор закончен, зашагал к конюшне.

Через пять минут он появился снова верхом на крупной гнедой лошади. Мистер Сегундус стоял все там же, у крыльца, скрестив руки на груди и уставившись в каменные плиты.

Чилдермасс посмотрел на него сверху вниз:

— Мне жаль, сэр, что это так закончилось. Хотя подумайте, все ли потеряно? Дом отлично подходит для любой другой школы — не только для обучения магии. Не судите по моей внешности — у меня влиятельные знакомые среди сильных мира сего. Выберите другое направление деятельности, и я стану присылать к вам для обучения юных лордов и леди.

— Другая школа мне не нужна! — сварливо ответил мистер Сегундус.

Чилдермасс улыбнулся своей кривой улыбкой и уехал.

Мистер Сегундус отправился в Бат и сообщил патронессе об их беде. Миссис Леннокс возмутилась, что некий незнакомый джентльмен вздумал определять, чем ей заниматься, а чем — нет. Она написала мистеру Норреллу сердитое письмо. Тот не удосужился ответить, но банкиры, адвокаты и деловые партнеры миссис Леннокс получили послания от влиятельных знакомых, в которых те неодобрительно высказывались по поводу школы волшебников. Один банкир — упрямый и склочный старик — имел неосторожность публично заявить в кулуарах палаты общин, что он имеет отношение к финансированию этой школы. В итоге некоторые джентльмены и леди — друзья мистера Норрелла — немедленно изъяли свои вклады из его банка.

Через несколько дней мистер Сегундус сидел в гостиной Хонифутов в Йорке и сетовал на судьбу:

— Словно какой-то злой рок намеренно мучает меня — манит удачей, чтобы тут же ввергнуть в отчаяние.

Миссис Хонифут похлопывала его по плечу, прищелкивала языком и говорила о мистере Норрелле те же обидные слова, которыми утешала и своего мужа, и мистера Сегундуса в последние девять лет, а именно что никогда не поймет ни этого странного пожилого джентльмена, ни его причуд.

— Почему бы не написать мистеру Стренджу? — внезапно предложил мистер Хонифут. — Он подскажет, что делать!

Мистер Сегундус поднял голову:

— Я знаю, что мистер Стрендж и мистер Норрелл расстались, однако не хотел бы усугублять раздор между ними.

— Ерунда! — воскликнул мистер Хонифут. — Вы что, не читали последних номеров «Современного чародея»? Стрендж только этого и хочет — повода открыто выступить против норрелловских принципов магии. Поверьте, он будет премного вам обязан, если вы дадите ему такой повод. Знаете, Сегундус, чем больше я думаю об этой идее, тем сильнее она мне нравится!

Мистер Сегундус согласился.

— Только позвольте мне посоветоваться с миссис Леннокс. Если она не против, я последую вашему совету!

Миссис Леннокс была очень недовольна поведением мистера Норрелла в истории со школой волшебников. О Джонатане Стрендже она знала лишь, что он как-то связан с герцогом Веллингтоном. Она заверила Сегундуса, что если мистер Стрендж не любит мистера Норрелла, то он ей по вкусу. Поэтому двадцатого декабря мистер Сегундус отправил Стренджу письмо, в котором рассказал о действиях Гильберта Норрелла, препятствующего открытию школы в Старкросс-Холле.

Увы, мистер Стрендж не вступился за мистера Сегундуса и даже не ответил на его письмо.

42. Стрендж решает написать книгу

Июнь — декабрь 1815 года

Легко представить, с каким удовольствием мистер Норрелл узнал, что, вернувшись в Англию, мистер Стрендж прямиком отправился в Шропшир.

— А главное, — сказал мистер Норрелл Лассельсу, — что там он навряд ли станет публиковать статьи о магии Короля-ворона.

— Конечно, сэр, — согласился Лассельс, — ему недосуг будет их писать.

Мистер Норрелл задумался, что бы это могло означать.

— Как? Вы еще не знаете, сэр? — продолжал Лассельс. — Стрендж пишет книгу. Все его письма друзьям только об этом. Засел за нее внезапно, недели две назад, и, по собственным уверениям, продвигается очень быстро. Впрочем, мы все знаем, как быстро Стрендж пишет. Он грозится вместить в свой труд всю английскую магию. Сэру Уолтеру написал, что едва ли уложится в два тома; скорее всего, их будет три. Книга будет называться «История и практика английской магии»; Мюррей пообещал издать ее, как только

Стрендж закончит рукопись.

Худшей новости мистер Норрелл и представить себе не мог. Сам он всегда намеревался засесть за книгу, которую предполагал назвать «Инструкции по обучению волшебника». Мистер Норрелл уже начинал ее — в те времена, когда только стал наставником мистера Стренджа. Заметки и материалы для книги занимали две полки в комнатке на втором этаже. Однако он всегда говорил о ней как о деле отдаленного будущего. Восемь лет всеобщего восхищения и лести не излечили мистера Норрелла от безотчетного страха перед тем, чтобы доверить свои мысли бумаге. Пухлые тетради с записями не видел никто (разве что Чилдермасс и Стрендж, да и те нечасто). Мистер Норрелл твердил себе, что не готов к публикации — не был уверен, что доискался до истины, что достаточно долго размышлял над предметом и что тему вообще следует выносить на общественное рассмотрение.

Как только мистер Лассельс ушел, мистер Норрелл велел принести в комнату на втором этаже серебряную чашу с чистой водой.

В Шропшире Стрендж трудился над книгой. Он не поднял глаз, но вдруг сухо улыбнулся и погрозил пальцем, словно предупреждая кого-то

невидимого: «Не надо». Все зеркала в кабинете были повернуты к стене, и хотя мистер Норрелл просидел над чашей несколько часов, он так ничего и не увидел.

Однажды вечером в начале декабря Стивен Блэк чистил серебро в каморке рядом с кухней. Посмотрев вниз, он увидел, что завязки его фартука развязываются. Не то чтобы он плохо их завязал (Стивен всегда надежно затягивал узлы) — нет, они распутывались сами, деловито и целеустремленно. Потом нарукавники и рабочие перчатки соскользнули с его рук, аккуратно сложились и улеглись на стол. Сюртук взлетел со спинки стула, крепко ухватил Стивена и наделся ему на плечи. Наконец, и сама каморка дворецкого начала расплываться и исчезла.

Он очутился в небольшом кабинете, обшитом панелями из темного дерева. Бóльшую часть пространства занимал стол, накрытый алой скатертью с богатой, шитой золотом и серебром каймой. На столе стояли золотые и серебряные блюда с яствами. Кувшины с вином сверкали драгоценными камнями. В золотых канделябрах горели восковые свечи, от двух золотых курильниц поднимался аромат благовоний. Кроме стола, в кабинете были два резных деревянных

кресла, обитых золотой парчой, поверх которой лежали роскошные вышитые подушки. На одном из кресел восседал джентльмен с волосами, как пух на отцветшем чертополохе.

— Вечер добрый, Стивен!

— Добрый вечер, сэр!

— Ты сегодня бледен, Стивен. Надеюсь, ты не заболел?

— Я просто немного растерялся, сэр. Внезапные перемещения в другие страны, на другие континенты немного выводят меня из равновесия.

— Вот как? Но мы сейчас в Лондоне, Стивен. Это кофейня «Иерусалим» на Кауперс-корт. Ты ее не знаешь?

— Знаю, сэр. Сэр Уолтер в холостые годы частенько заглядывал сюда с богатыми приятелями. Вот только в те времена здесь не было такой роскоши. Вряд ли на этом столе есть знакомые мне блюда.

— О! Я распорядился подать те самые яства, что вкушал в этом доме четыреста или пятьсот лет назад! Вот зажаренная ляжка дракона, вот пирог с колибри, запеченными в меду. Это поджаренные саламандры, приправленные гранатовым соком, а это — изысканное фрикасе из гребней василисков, сдобренное шафраном, молотой радугой и

украшенное золотыми звездами! А теперь садись, ешь! Лучшее лекарство от головокружения! Чего ты хочешь?

— Здесь все замечательное, сэр, но нельзя ли мне вон ту свиную отбивную? Она так аппетитно выглядит!

— Ах, Стивен! Как всегда, твоя благородная натура подсказала тебе наилучший выбор! Эти отбивные действительно кажутся обычными, однако жарились они в жире, вытопленном из призраков черных валлийских свиней, что рыскали в холмах Уэльса по ночам, наводя ужас на бедных жителей! Призрачность и злоба адских созданий придают их жиру неповторимый вкус и аромат. А соус к отбивным изготовлен из вишен, выращенных в саду кентавра!

Джентльмен взял сверкающий каменьями золоченый кувшин и налил Стивену кубок кроваво-красного вина.

— Это одно из отборнейших вин Преисподней, но пусть тебя не смущает его происхождение! Слышал о Тантале? Злом царе, который запек в тесте собственного сына и съел его? В наказание он стоит по подбородок в ледяной воде, но не может пить, а над головой у него свисают гроздья винограда, но он не может их съесть. Это вино

— от той самой лозы. А поскольку виноград там посадили с единственной целью — дразнить и мучить Тантала, можешь не сомневаться: гроздья имеют самый изысканный вкус и аромат, и вино тоже. А гранаты — из личного сада Персефоны.

Стивен отпил вина и попробовал отбивную.

— Действительно замечательный вкус, сэр. А по какому случаю вы обедали здесь в прошлый раз?

— О! Мы с друзьями отправлялись в Крестовый поход. С нами были Вильям Ланчестер[101], Том Дандейл[102] и многие другие лорды и славные рыцари — и христиане, и эльфы. Само собой, в те времена здесь была не кофейня, а постоялый двор. Отсюда, где мы с тобой сидим, открывался вид на широкий двор, окруженный резными позолоченными колоннами. Наши слуги, пажи и оруженосцы сновали туда-сюда, готовясь к походу. Мы собрались обрушить страшное возмездие на головы наших врагов! В конюшнях по другую сторону двора стояли не только лучшие в Англии скакуны, но и три единорога, которых

---

[101] Примечания: 101

Вильям Ланчестер был сенешалем Джона Аскгласса и его самым верным слугой; впоследствии — один из влиятельнейших людей в стране.

[102] Примечания: 102

Томас Дандейл, первый слуга Джона Аскгласса из расы людей. См. гл. 45, примеч. 2.

один эльф, мой кузен, взял с собой в Святую землю, чтобы те пронзали сарацин рогом. С нами за столом сидели несколько талантливых волшебников. Ни в малейшей степени они не походили на своих сегодняшних жалких подражателей! Они были прекрасны лицом и в совершенстве владели своим искусством! Птицы прекращали полет, чтобы выслушать их повеления. Дожди и реки им служили. И северный ветер, и южный, и все прочие существовали лишь для того, чтобы исполнять их желания. Они простирали руки — и города рушились или восставали из праха! Какой контраст со стариком, который в пыльной комнате что-то бормочет себе под нос и листает страницы ветхого фолианта!

Джентльмен подцепил вилкой гребешок василиска и задумчиво пожевал.

— А другой вообще пишет книгу, — сообщил он.

— Я слышал, сэр. Вы с ним недавно виделись?

Джентльмен помрачнел.

— Я? Разве я не говорил тебе, что считаю этих волшебников самыми глупыми, самыми омерзительными людьми в Англии? Нет, с тех пор как он покинул Лондон, я посещал его не чаще двух-трех раз в неделю. Когда он пишет, то очи-

нивает перья каким-то старым тупым ножиком. Да я бы постеснялся пользоваться такой ржавой железкой, но эти волшебники совсем не знают брезгливости! Порой работа настолько поглощает его, что он вовсе забывает чинить перо, и тогда кляксы летят на бумагу, чернила капают в кофе, а он этого даже не замечает!

Стивен подумал, как странно — джентльмен живет в полуразрушенном доме, окруженном костями павших в былых сражениях, и возмущается чужой неряшливостью.

— И каков же предмет его книги? — спросил он. — Что вы о ней думаете, сэр?

— Удивительно! Он описывает самые примечательные появления моего народа в его стране. Рассказывает, как мы вмешивались в дела Британии ради ее блага и к вящей славе англичан. Вновь и вновь повторяет, что современные волшебники должны как можно скорее призвать нас и попросить о помощи. Ты что-нибудь понимаешь, Стивен? Я — нет. Когда я хотел привести короля Англии в свой дом и оказать ему все знаки внимания, этот же самый волшебник помешал мне самым оскорбительным образом!

— Возможно, сэр, он не совсем понимал, кто вы на самом деле, — мягко заметил Стивен.

— О! Кто разберет, о чем думают эти англичане? Они такие странные! Их невозможно понять! Боюсь, Стивен, ты придешь к такому же выводу, когда станешь их королем!

— Мне совсем не хочется быть королем, сэр. Ни в Англии, ни где-либо еще.

— Когда им станешь, то будешь думать иначе. Сейчас тебя удручает мысль о разлуке с друзьями и «Утраченной Надеждой». На сей счет не беспокойся! Я бы тоже горевал безмерно, если бы твое вступление на престол нас разлучило. Однако тебе не придется постоянно жить в Англии только потому, что ты ее монарх. Человеку со вкусом даже неделя в унылой Англии покажется вечностью! Недели более чем достаточно!

— А как же мои обязанности, сэр? Насколько я понимаю, у короля куча дел, и, как ни мало я хочу становиться королем, я не…

— Мой милый Стивен! — воскликнул джентльмен. — Для этого есть сенешали! Они будут нести скучное бремя правления, а мы с тобой — веселиться в «Утраченной Надежде». В Англию ты будешь заглядывать, чтобы собрать налоги и дань с побежденных народов и поместить эти средства в банк. Наверное, разок придется задержаться, чтобы живописцы нарисовали твои портреты

— народ должен знать своего короля. Иногда ты милостиво дозволишь прекраснейшим дамам страны стать в очередь, дабы облобызать тебе руку и влюбиться в тебя. Исполнив все эти обязанности, ты сможешь с чистой совестью возвращаться ко мне и леди Поул!

Джентльмен замолчал и задумался.

— Хотя, должен признаться, — произнес он наконец, — мое безмерное восхищение прекрасной леди Поул несколько поумерилось. Есть другая дама, которая мне нравится куда больше. Она не так красива, но внешность сполна искупается живым нравом и умением вести беседу. У этой дамы есть большое преимущество перед леди Поул. Ты ведь знаешь, Стивен, в соответствии с соглашением леди Поул, приходя в мой дом, всякий раз должна возвращаться. Однако второй дамы это глупое соглашение не касается. Как только я ее заполучу, я оставлю ее при себе навсегда!

Стивен вздохнул. Он думал о бедной женщине, которой предстоит стать узницей в «Утраченной Надежде», и ему становилось грустно. Он понимал, что бессилен помешать планам джентльмена, но, быть может, удастся повернуть ситуацию на благо леди Поул?

— В этом случае, сэр, — обратился он к джентль-

мену, — не освободите ли вы леди Поул от чар? Ее муж и друзья были бы очень рады ее возвращению.

— Ах, но я всегда считал леди Поул крайне желанным украшением своего дома! Общество прелестной дамы всегда приятно, а равной ей по красоте в Англии нет. И в Стране Фей таких красавиц сыщется немного. Нет, твое предложение невыполнимо. Однако вернемся к нашему разговору. Надо решить, как похитить даму и доставить ее в «Утраченную Надежду». Знаю, Стивен, ты горишь желанием помочь мне в этом деле, ибо оно послужит благородной цели — сделать тебя королем. А какой удар для наших врагов! Они будут в отчаянии! О да! А мы окажемся в выигрыше. Мы непременно должны добиться своего!

Стивен почти ничего не понял. О ком говорит джентльмен? Об одной из принцесс Виндзорского замка? Все знают, что король лишился разума после смерти младшей, самой любимой, дочери. Вероятно, джентльмен рассчитывает, что потеря еще одной дочери убьет короля или еще кто-нибудь из королевской фамилии сойдет с ума.

— Вопрос в том, дорогой Стивен, — говорил меж тем джентльмен, — как увести даму незаметно

— особенно для волшебников!

Секунду он раздумывал.

— Ага! Понял! Принеси мне кусок торфяного дуба!

— Сэр?..

— Он должен быть в обхвате примерно с тебя, а высотой — мне по ключицу.

— Рад бы помочь, сэр, но я не знаю, что такое торфяной дуб.

— Древний дуб, пролежавший в торфянике много-много столетий!

— Боюсь, сэр, что в Лондоне мы такого не найдем. Здесь нет торфяных болот.

— Верно. — Джентльмен откинулся на спинку кресла и воззрился в потолок.

— Может, подойдет другая древесина, сэр? — спросил Стивен. — На Грейсчерч-стрит есть торговец, который…

— Нет-нет, — ответил джентльмен, — надо…

Тут же Стивен пережил странные ощущения: его подняло из кресла и опустило на ноги. Кофейня исчезла; вместо нее вокруг была черная и холодная как лед пустота. Стивен ничего не видел, но чувствовал вокруг открытое пространство. В ушах ревел ветер, струи дождя хлестали со всех сторон.

— …делать все надлежащим способом, — продолжил джентльмен тем же тоном. — Где-то здесь можно найти замечательный кусок торфяного дуба. Кажется, я припоминаю…

Его голос, раздававшийся где-то справа, стал удаляться.

— Стивен! — крикнул он. — Ты взял лыскарь, матыку и кокшу?

— Что, сэр? Как вы сказали, сэр? Нет, сэр. Ничего такого я не взял. По правде сказать, я не знал, что мы куда-то собираемся.

Стивен обнаружил, что по щиколотки ушел в холодную воду. Он попытался шагнуть в сторону, но земля ушла куда-то вниз, и он погрузился в жижу до середины икр. Стивен вскрикнул.

— Гм? — поинтересовался джентльмен.

— Я… не хотел бы мешать вам, сэр, но, кажется, земля меня засасывает.

— Это болото, — объяснил джентльмен.

— Чрезвычайно неприятная субстанция, — заметил Стивен, силясь подражать равнодушному тону собеседника.

Он по горькому опыту знал, как высоко тот ценит умение сохранять достоинство в любых обстоятельствах, и боялся показать страх: вдруг джентльмен возмутится и уйдет, оставив его

погибать в болоте. Стивен попытался двинуться, однако под ногами не было никакой опоры. Он забился, чуть не упал и только глубже увяз в хлюпающей жиже. Он снова вскрикнул. Трясина ответила противным чавканьем.

— Возьму на себя смелость заметить, сэр, что я тону. Ой! — Его повело вбок. — Вы по доброте своей часто говорили, будто вам приятно мое общество. Боюсь, сэр, что вы можете его лишиться. Если вас не затруднит, не могли бы вы помочь мне выбраться из этой страшной трясины?

Джентльмен не удосужился ответить, но какая-то сила выдернула Стивена из болотной жижи и переставила на твердую почву. Он совершенно лишился сил и готов был упасть, однако не посмел. Земля была твердая, но очень сырая; кроме того, Стивен понятия не имел, где болото, из которого его извлекли.

— Я с радостью помог бы вам, сэр, — сказал он в темноту, — но боюсь шаг ступить, вдруг снова угожу в трясину!

— Ничего! — ответил джентльмен. — Честно говоря, делать ничего не надо, просто ждать. Торфяной дуб легче всего отыскать на рассвете.

— Но рассвет через девять часов! — ужаснулся Стивен.

— Верно. Давай присядем и подождем.

— Здесь, сэр? Но здесь темно, холодно и жутко!

— Действительно, место неприветливое, — согласился джентльмен преувеличенно спокойным тоном.

Потом он замолчал, и Стивен понял: спутник намерен и впрямь дождаться рассвета.

Ледяной ветер продувал насквозь, сырость пронизывала до костей, со всех сторон давила тьма. Время тянулось мучительно медленно. Никогда бы Стивен не поверил, что в таких условиях можно уснуть, и все же порой он не то чтобы засыпал, но впадал в дремотное состояние, немного облегчавшее его страдания.

Ему привиделось, будто он пошел в буфетную взять кусок пирога со свининой. Он разрезал пирог и обнаружил, что свинины внутри почти нет. Бóльшую часть пирога занимал город Бирмингем. Под хрустящей корочкой дымили мастерские и кузницы, грохотали машины. Из разреза вышел респектабельный господин и, увидев Стивена, сказал, что…

Внезапно во сне раздался высокий печальный звук. То была медленная скорбная песнь на незнакомом языке, и Стивен, еще не до конца проснувшись, понял, что поет джентльмен с

волосами, как пух на отцветшем чертополохе.

Обычно, когда начинает петь человек, никто, кроме других людей, не обращает на это внимания. Правило соблюдается, даже если он поет очень красиво. Людей его пение может заворожить, но остальному миру оно безразлично. Кошка или собака могут взглянуть на певца, исключительно умная лошадь — оторваться от травы, которую щиплет, и повернуть к нему голову — но не более того. Когда пел эльф, весь мир прислушивался к его песне. Облака в небе замедлили свой бег, холмы зашевелились и зашептали что-то, а холодный туман начал кружиться в танце. Стивен впервые понял, что мир не бессловесен — просто ждет того, кто заговорит на понятном ему языке. В песне земля услышала имена, которыми сама себя называет.

Стивен вновь задремал. На сей раз ему привиделось, будто холмы бродят, а небо плачет. К нему подошли деревья и заговорили; они поведали свои тайны и объяснили, когда он может рассчитывать на их дружбу и когда — на ненависть. Оказалось, что и камни, и опавшие листья имеют важное предназначение. Он узнал, что все в мире — камни, реки, листья, пламя — преследует свою цель, которая непременно должна быть

достигнута; понял и то, что иногда возможно использовать вещи не по их прямому назначению.

Когда Стивен окончательно проснулся, наступил рассвет. Или что-то похожее на рассвет. Свет был водянистый, тусклый, необыкновенно печальный. Вокруг поднимались унылые серые холмы, в кольце которых и лежало большое черное болото. Казалось, пейзаж создан нарочно, чтобы наводить беспросветную тоску.

— Полагаю, это одно из ваших королевств, сэр? — спросил Стивен.

— Королевств? — удивился джентльмен. — О нет! Мы в Шотландии!

Джентльмен тут же исчез, но через мгновение появился с целой охапкой инструментов. Он держал в руках топор, вертел и еще три предмета, которых раньше Стивен никогда не видел. Первый напоминал мотыгу, второй — заступ, а третий имел очень странную форму, нечто среднее между лопатой и косой. Все это джентльмен вручил Стивену. Тот с удивлением разглядывал инструменты.

— Они новые, сэр? Как блестят!

— Для задуманного мною магического действия орудия из обычного металла непригодны. Эти изготовлены из сплава ртути и звездного света.

Теперь, Стивен, мы должны найти участок, где не выпала роса; там мы наверняка откопаем торфяной дуб!

Все травы, все невзрачные болотные растения в узкой долине были одеты росой. Одежда, руки, волосы и кожа Стивена покрылись капельками болотных испарений, а пушистые волосы джентльмена блистали тысячами бусинок воды. Казалось, его голова окружена сияющим облаком самоцветов.

Джентльмен медленно шел по кочкам, всматриваясь в землю под ногами. Стивен следовал за ним.

— Ага! — воскликнул джентльмен. — Здесь!

Стивен не смог бы сказать, почему его спутник так решил.

Они стояли посреди болота. Место это ничем не отличалось от любого другого. На нем не было ни дерева, ни приметного камня. Джентльмен шагнул в направлении едва заметной впадины. В самой ее середине Стивен увидел довольно длинный и широкий участок, на котором совершенно не было росы.

— Копай здесь, Стивен!

Джентльмен на удивление хорошо знал, как надо резать торф. Сам он ничего не делал, но

подробно объяснял Стивену, как снять верхний слой дерна и мха одним орудием, как резать торф другим, как извлекать куски третьим.

Стивен не привык к тяжелому труду и вскоре выбился из сил. Все мышцы у него болели. К счастью, глубоко копать не пришлось — заступ ударился о что-то твердое.

— Ну вот! — радостно воскликнул джентльмен. — Вот тебе и торфяной дуб. Замечательно! Великолепно! Теперь, Стивен, окопай его.

Легче было сказать, чем сделать. Даже когда Стивен извлек достаточное количество торфа, трудно было определить, где именно дуб, а где торф, потому что и то и другое было черным и сочилось влагой. Он копал дальше, начиная подозревать, что здесь не бревно, а целое дерево.

— А вы не можете извлечь его с помощью волшебства, сэр? — спросил он.

— О нет! Ни в коем случае! Я потребую от него слишком многого, поэтому нам подлежит извлечь его в большой мир как можно нежнее. Теперь, Стивен, бери топор и выруби кусок высотой мне до ключицы. Потом с помощью кокши и лыскаря мы его вытащим.

На все сказанное понадобилось еще три часа. Стивен вырубил кусок нужного размера, но в

одиночку извлечь его из ямы не мог, поэтому джентльмену пришлось спуститься к Стивену в грязь и воду, чтобы тянуть, толкать и поднимать обрубок вдвоем.

Когда работа была завершена, Стивен в полном изнеможении опустился на сырую землю. Джентльмен стоял, любуясь добычей.

— Что ж, — заметил он, — все оказалось куда легче, чем я предполагал.

Внезапно Стивен понял, что они уже вернулись в кофейню «Иерусалим». Он посмотрел на себя, потом на джентльмена. Одежда их была изорвана в клочья, обоих с головы до ног покрывала болотная жижа.

Теперь Стивен мог внимательно рассмотреть обрубок торфяного дуба. Он был черен, как смертный грех, и сочился черной влагой.

— Его надо высушить, иначе он ни на что не годен, — заметил Стивен.

— Нет-нет! — ответил джентльмен, весело улыбаясь. — Мне он именно таким и нужен!

43. Странное приключение мистера Хайда

Декабрь 1815 года

Однажды утром в первую неделю декабря Джереми постучал в дверь библиотеки Стренджа в Эшфер-хаусе и сообщил, что мистер Хайд просит уделить ему несколько минут для беседы.

— Сейчас иду, — проворчал Стрендж с досадой. За время жизни в деревне он полюбил покой и одиночество не меньше Норрелла.

Стрендж дописал абзац, заглянул в биографию Валентина Грейтрейкса, промокнул написанное, подправил какое-то заклинание, снова промокнул и вышел из библиотеки.

У камина в кресле сидел мужчина и задумчиво смотрел на огонь. На вид ему было лет пятьдесят — крепкий и энергичный джентльмен-фермер в простом, но добротном платье и башмаках. Джереми подал гостю стаканчик вина и блюдо с печеньем — видимо, рассудив, что ожидание чересчур затянулось.

Мистер Хайд и Джонатан Стрендж были соседями всю жизнь, но из-за разницы в карьерах

и наклонностях оставались просто знакомыми. Фактически они увиделись впервые с тех пор, как Стрендж стал волшебником.

Мужчины пожали друг другу руки.

— Полагаю, сэр, вас интересует, что привело меня в ваш дом в такую погоду, — начал мистер Хайд.

— Такую погоду?

— Да, сэр. Погода нынче скверная.

Стрендж посмотрел в окно. Высокие холмы, окружающие Эшфер, покрывал снег. Каждая ветка, каждый прутик согнулись под пушистой ношей. Воздух искрился белым морозным туманом.

— И верно, погода изменилась. А я и не заметил. Я не выходил из дому с самого воскресенья.

— Слуга сообщил мне, что вы очень заняты. Простите за беспокойство, но у меня к вам дело, не терпящее отлагательства.

— О, не надо извиняться. Как ваша…

Стрендж замялся, стараясь вспомнить, женат ли мистер Хайд или холост, есть ли у него дети, братья, сестры или друзья. Он убедился, что ничего не знает о соседе.

— …ферма? — закончил он фразу. — Кажется, она в Астоне?

— Ближе к Кланбери.

— Ах, Кланбери.

— У меня все хорошо, мистер Стрендж… если не считать того, что случилось третьего дня. Я сомневался, стоит ли беспокоить вас, потом посоветовался с женой и друзьями и понял, что должен все рассказать. Три дня назад я ездил на ту сторону границы с Уэльсом к Дэвиду Эвансу, — вероятно, вы с ним знакомы, сэр?

— Шапочно. Мы никогда не разговаривали. Думаю, Форд его хорошо знает.

(Форд был управляющим в поместье Стренджа.)

— Так вот, мистер Стрендж, мы с Дэвидом Эвансом завершили наши дела к двум часам дня, и я тронулся домой. Выпало много снега, а дорога от Лланфейр-Уотердайна скверная. Вы, наверное, не знаете, сэр, но дом Эванса стоит высоко на холме, из него видно далеко на запад. Когда он провожал меня у порога, мы увидели, что с запада надвигаются снеговые тучи. Миссис Эванс, матушка Дэйви, просила меня остаться, чтобы поехать утром, но мы с Эвансом решили, что я могу поехать напрямую и успеть домой до метели. Другими словами, я должен был скакать через

Вал, чтобы обогнать снегопад[103].

— Через Вал? — нахмурился Стрендж. — Даже летом там трудно проехать, и место безлюдное, если что случится — помочь некому. Я бы не решился. Впрочем, вы здешние края и их норов знаете лучше моего.

— Возможно, вы просто разумнее меня, сэр. Когда я подъезжал к Валу, задул сильный ветер; он поднял в воздух прежде выпавший снег, и меня вместе с лошадью чуть не замело. Снег налип на меня и на лошадь, так что мы стали белы, как земля, белы, как воздух. Белы, как всё. Вокруг носились снежные вихри, принимавшие самые причудливые очертания, — мне чудилось, что я вижу злых духов из арабских сказок. Моя бедная лошадка как будто почуяла что-то страшное. Вообще она храбрая, но тут испугалась. Вот тогда я начал жалеть, что не послушался миссис Эванс. И вдруг услышал колокольный звон.

— Колокольный звон? — переспросил Стрендж.

— Именно, сэр.

---

[103] Примечания: 103

Вал — огромная стена из земли и камней, ныне сильно обветшавшая, на границе между Англией и Уэльсом. Построена в VIII веке Оффой, королем Мерсии, который на собственном горьком опыте научился не доверять валлийским соседям.

— Откуда там колокола?

— В том-то и дело, что их там нет, сэр. Место безлюдное. Я страшно удивился, когда услышал, — они перекрывали и вой метели, и фырканье лошади и звучали очень отчетливо.

Стрендж решил, что мистер Хайд пришел, дабы услышать объяснение этого феномена, и начал рассказывать о магии колокольного звона: как колокола служили для защиты от эльфов и прочих злых духов, как зловредных эльфов иногда отпугивал церковный благовест. С другой стороны, известно, что эльфы любят звуки колокола; их появление иногда сопровождается перезвоном.

— Не могу объяснить вам это противоречие, — сказал Стрендж. — Теоретики магии бьются над загадкой много веков.

Мистер Хайд вежливо и внимательно выслушал волшебника, а когда Стрендж замолчал, заявил:

— Колокола, сэр, это было только начало.

— Вот как? — спросил Стрендж с легкой досадой. — Прошу вас, продолжайте.

— Я поднялся высоко по склону и хорошо видел большой участок Вала, где он вьется по холмам. Местами он обвалился, местами зарос кривыми деревьями. Потом я посмотрел на юг — и увидел,

что вдоль Вала прямо ко мне быстро идет какая-то женщина…

— Женщина?!

— Я видел ее совершенно отчетливо. Волосы ее были распущены, ветер трепал их, закручивая вокруг головы. — Хайд вскинул обе руки, показывая, как волосы плясали в заснеженном воздухе. — Кажется, я закричал, позвал ее. Уверен, она посмотрела на меня, но, не замедляя шага, прошла мимо и устремилась дальше. Она шла вдоль Вала, и вокруг бушевала вьюга. На женщине было только черное платье — ни шали, ни меховой накидки, и я очень за нее испугался. Я подумал, что с ней случилась какая-то беда, и погнал бедную лошадку вверх. Я старался не потерять женщину из виду, но снег бил прямо в глаза. И вдруг она исчезла. Я несколько раз проехал вдоль Вала туда и обратно, кричал, звал ее, думал, что она упала, что ее замело, что она угодила в кроличью нору, что ее унес тот злодей, который еще прежде дурно с ней поступил.

— Злодей?

— Понимаете, сэр, я думал, что ее затащил на Вал злой человек с нехорошими намерениями. Такие печальные истории иногда случаются.

— А вы узнали эту женщину?

— Узнал, сэр.

— И кто же она?

— Миссис Стрендж.

В гостиной наступило молчание.

— Этого не может быть, — растерянно проговорил Стрендж. — Мистер Хайд, если бы с миссис Стрендж случилось что-нибудь нехорошее, я бы об этом знал. Я не настолько увлечен своими книгами. Извините, мистер Хайд, но вы ошиблись. Та бедная женщина не могла быть миссис Стрендж.

Мистер Хайд покачал головой:

— Если в Шрусбери или Ладлоу я встречу вас, мистер Стрендж, то могу сразу и не признать. Но отец миссис Стрендж — тогда еще мисс Вудхоуп — был младшим священником в нашем приходе сорок семь лет. Я знаю ее с тех пор, когда она делала первые шажочки на церковном дворе в Кланбери. Я узнал бы ее сразу, даже если бы она не взглянула на меня. Узнал бы по фигуре, по походке, по движениям.

— Что вы делали после того, как потеряли эту

женщину из виду?

— Я приехал к вам, но слуга не захотел доложить о моем визите.

— Джереми? Тот самый, что привел вас сюда?

— Да, сэр. Он сказал, что миссис Стрендж дома и в полной безопасности. Признаюсь, я ему не поверил и обошел ваш дом, заглядывая в окна. И я увидел ее — она сидела здесь, в гостиной, на том диване. — Мистер Хайд указал на диван и добавил: — На ней было голубое платье, а не черное.

— Естественно. Миссис Стрендж не носит черного. Я вообще не помню, чтобы молодые женщины его носили.

Мистер Хайд покачал головой и нахмурился:

— Жаль, сэр, что вы мне не верите.

— А мне жаль, что я не могу объяснить ваш рассказ.

Расставаясь, они вновь пожали друг другу руки. Мистер Хайд важно посмотрел Стренджу в глаза и объявил:

— Я никогда не желал ей зла, мистер Стрендж. Очень рад, что она жива и здорова.

Стрендж сухо поклонился:

— Мы позаботимся, чтобы так было и впредь.

Проводив мистера Хайда, Стрендж закрыл дверь, немного постоял, задумавшись, и позвал

Джереми:

— Почему ты не сказал мне, что он уже приходил?

Джереми хмыкнул.

— Поверьте, сэр, я знаю, когда вас можно беспокоить, а когда приходят по пустякам. Женщина в черном, блуждающая по заснеженным холмам, — подумать только!

— Надеюсь, ты не был с ним слишком резок.

— Ну что вы, сэр!

— Возможно, он был пьян? Послушай, как я сразу не догадался? Они с Дэвидом Эвансом отметили удачную сделку, и…

Джереми нахмурился:

— Вряд ли, сэр. Дэвид Эванс — методистский проповедник.

— Вот как? Наверное, ты прав. Действительно, не очень похоже на белую горячку. Скорее что-то подобное привидится курильщику опиума после чтения романов госпожи Радклиф.

Разговор с мистером Хайдом странным образом выбил Стренджа из колеи. Ему была тягостна мысль, что Арабелла — пусть умозрительная, воображаемая Арабелла — блуждает в заснеженных холмах. Ему невольно вспомнилась мать, которая, чтобы не оставаться в четырех стенах

с нелюбящим мужем, уходила гулять в эти самые холмы, простудилась в ливень, заболела и умерла…

Вечером за ужином он сообщил жене:

— Сегодня заходил Хайд. Сказал, что в прошлый вторник видел тебя возле Вала — ты гуляла в метель.

— Я?!

— Ты.

— Бедняга. Наверняка сильно удивился.

— Да уж.

— Обязательно загляну к мистеру и миссис Хайд, когда приедет Генри, — сказала Арабелла.

— Кажется, ты собираешься посетить всех жителей Шропшира, когда приедет Генри, — заметил Стрендж. — Надеюсь, тебя не постигнет разочарование.

— Разочарование? Ты о чем?

— Погода нынче скверная.

— Мы скажем Харрису, чтобы ехал медленно и осторожно. Впрочем, он и так всегда осторожен. А Скворец — хорошая лошадка, спокойная, никакой метели ее не напугать. Ты же знаешь, что есть люди, которых Генри просто обязан навестить, иначе они очень расстроятся. Дженни, Алвен — старые служанки моего отца. У них только и

разговоров что о его приезде. Последний раз они виделись с Генри пять лет назад. Еще пять лет они просто не протянут.

— Я ведь не против. Просто сказал, что погода скверная.

На самом деле сказал он далеко не все, что думал. Стрендж знал, что Арабелла возлагает на приезд Генри большие надежды. После замужества она редко виделась с братом. На Сохо-Сквер тот приезжал нечасто, а когда приезжал, гостил недолго, а вот на это Рождество обещал приехать почти на месяц. Арабелла мечтала, как вместе с братом посетит всех знакомых, объедет все места, связанные с детством.

Наконец Генри приехал. Поначалу казалось, что мечты Арабеллы сбываются. Ужин прошел очень душевно. Генри рассказывал о жизни в Грейт-Хизердене, где служил настоятелем церкви[104].

Грейт-Хизерден — богатая, крупная деревня в Норгемптоншире. Кроме фермеров, там жили

---

[104] Примечания: 104

Когда Стрендж и Арабелла поженились, Генри был настоятелем в деревушке Грейс-Адье в Глостершире. Там он влюбился в юную мисс Парбрингер. Стрендж не одобрил ни самую молодую особу, ни ее друзей. В то время освободился приход в Грейт-Хизердене, и Стрендж уговорил сэра Уолтера Поула, распоряжавшегося в поместье супруги, отдать приход его шурину. Генри был вне себя от счастья. Грейт-Хизерден — это вам не Грейс-Адье. А юная дама скоро забылась.

и сельские джентльмены. Генри занял видное место в провинциальном обществе. Он долго расписывал своих друзей, их званые обеды и балы и закончил такими словами:

— Надеюсь, вы не подумали, что мы пренебрегаем благотворительностью. Мы очень много делаем для нуждающихся. Позавчера я навестил семью болящих бедняков, и что вы думаете? Мисс Уоткинс была уже там — принесла деньги и помогала советами. Поразительно, что в таком юном существе так сильно развито сострадание.

Генри сделал паузу, словно ожидая вопроса. Стрендж смотрел недоуменно, однако в следующий миг его осенило:

— Извини, Генри. Ты вправе упрекнуть нас в невнимании. За пять минут ты упомянул мисс Уоткинс раз десять, а мы с Белл ни разу не спросили, кто она такая. Думаю, холодная валлийская зима застудила нам мозги, и мы туго соображаем. Однако теперь я очнулся и готов вопрошать, сколько твоей душе угодно. Какая она, мисс Уоткинс? Брюнетка или блондинка? Бледная или смуглая? Играет на фортепьяно или на арфе? Какая ее любимая книга?

Генри, заподозрив, что его поддразнивают, нахмурился и не ответил.

Арабелла укоризненно посмотрела на мужа, погладила руку брата и принялась задавать вопросы более мягко. Выяснилось, что мисс Уоткинс лишь недавно переехала в Хизерден, что ее зовут Софрония, что она живет с опекунами мистером и миссис Свунферст, своими дальними родственниками, что она любит читать (что именно — Генри сказать затруднился) и ее любимый цвет — желтый и что ей очень не нравятся ананасы.

— Послушай, Генри, а как она с лица? Хорошенькая? — спросил Стрендж.

Генри смутился:

— Мисс Уоткинс не числится среди первых красавиц, но при более близком знакомстве… ну, вы понимаете, внешность — не главное. Люди, которые при первой встрече кажутся непривлекательными, порой совершенно преображаются в наших глазах, когда мы лучше их узнаем. Развитый ум, хорошие манеры, добрый нрав — все эти качества гораздо важнее для семейного счастья, чем мимолетная красота.

Арабелла и Стрендж были несколько озадачены. Помолчав, Стрендж спросил у Генри:

— Деньги?

Генри расправил плечи и торжественно произнес:

— Десять тысяч фунтов.

— Мой милый Генри! — вскричал Стрендж.

Позже, оставшись наедине с женой, он сказал:

— Насколько я понимаю, Генри можно поздравить. Кажется, он нашел свое счастье, причем раньше, чем это сделали другие. Вероятно, женихи не сильно ей досаждали. Может, лицом не вышла или фигура подвела.

— Не надо думать, что все сводится только к деньгам, — вступилась за брата Арабелла. — Наверняка она хоть немного ему нравится.

— Очень может быть, — согласился Стрендж. — Генри — славный малый. В конце концов, ему решать. Ты же знаешь, я никогда не лезу в чужие дела.

— Ты посмеиваешься, хотя и не имеешь на это права. Еще недавно я была не умнее Генри. Вряд ли до меня кто-нибудь думал выйти замуж за тебя, волшебника с длинным носом и отвратительным характером!

— Верно, — задумчиво произнес Стрендж. — Я забыл о своей внешности. Значит, у вас это семейное.

На следующий день Арабелла вместе с Генри поехала навестить Дженни и Алвен, а Стрендж остался работать в библиотеке. Однако радостное

возбуждение, охватившее Арабеллу, длилось недолго. Вскоре она убедилась, что у них с братом не осталось почти ничего общего. Последние годы Генри провел в деревенской глуши. Арабелла тем временем блистала в Лондоне и была свидетельницей всех заметных событий эпохи. Она водила дружбу с министрами и несколько раз танцевала с герцогом Веллингтоном. Она общалась с королевскими сыновьями, приседала в реверансе перед принцессами и, посещая Карлтон-хаус, всегда могла рассчитывать на улыбку и несколько слов принца-регента. И это еще не упоминая ее тесного знакомства с возрождающейся английской магией.

Однако если все новости, которые сообщал брат, живо ее интересовали, сам Генри слушал сестру без всякого любопытства. Описания Лондона вызывали у него лишь вежливое: «Вот как?» Однажды она пересказывала одну из своих бесед с герцогом Веллингтоном и вдруг заметила, что брат смотрит на нее с нехорошей ухмылкой. И улыбка, и поднятые брови говорили: «Я тебе не верю». Арабелле стало очень больно. Она не считала, что хвастается, — такие встречи были частью ее повседневной лондонской жизни. Она осознала, что ее письма из Лондона должны были

казаться Генри скучными и хвастливыми.

Меж тем у Генри были свои причины для огорчений. Мальчиком он восхищался Эшфер-хаусом. Размеры, местоположение, значимость владельцев поместья — все в равной мере вызывало его восторг. Он воображал, как вырастет и станет приезжать к Джонатану Стренджу в качестве хозяйского друга. Теперь он вдруг понял, что в Эшфер-хаусе ему не нравится. Усадьба уступала многим другим, которые он видел за последнее время. Потолки низкие, комнаты неправильной формы. И к чему столько фронтонов? Каждое следующее поколение владельцев хозяин пробивало новые окна, ничуть не заботясь, как это будет выглядеть снаружи. Да и сами окна закрывали розы и плющ. Старомодный дом: Стрендж как-то сказал, что в таком доме хотела бы страдать от жестокого обращения героиня романа.

В окрестностях Грейт-Хизердена многие усадьбы в последнее время перестроили, и Генри — отчасти потому, что все время хотел говорить о своем приходе, отчасти потому, что собрался жениться и думал об устройстве собственного дома, — не мог удержаться от советов. Особенно ему не нравилось расположение конюшенного двора.

— Зачем проходить через него, чтобы выйти в южную часть сада? Можно ведь снести конюшню и построить ее в другом месте.

Стрендж вместо ответа неожиданно обратился к жене:

— Любовь моя, надеюсь, тебе дом нравится? Извини, что раньше не спросил. Только скажи, и мы немедля переедем в другое место.

Арабелла рассмеялась и ответила, что вполне довольна домом.

— Кстати, Генри, и против конюшни я ничего не имею — пусть остается там, где стоит сейчас.

Однако Генри не унимался:

— По крайней мере, согласитесь, что деревья вокруг дома необходимо вырубить — они же затемняют все комнаты! Растут, как им вздумается — куда упали семена или желуди.

Стрендж, который за это время успел углубиться в книгу, поднял голову:

— О чем ты?

— О деревьях, — ответил Генри.

— О каких деревьях?

— Вон о тех, — произнес Генри, указывая пальцем в окно на величественные вековые дубы, ясени и буки.

— Они идеальные соседи. Меня не беспокоят,

занимаются своим делом. Я намерен платить им тем же.

— Но они заслоняют свет!

— Ты тоже, Генри, но я же не собираюсь тебя рубить.

На самом деле Генри был обеспокоен не запущенностью поместья и не изъянами в его планировке. Его раздражал запах магии, пропитавший весь дом. Когда Стрендж стал волшебником, Генри ничего против этого не имел. В те времена сообщения о потрясающих успехах мистера Норрелла только начали расходиться по королевству. Магия казалась всего лишь узким разделом истории, забавой для досужих джентльменов. Генри по-прежнему так считал. Он гордился обеспеченностью Стренджа, его поместьем, родословной — но не профессией и всегда удивлялся, если знакомые восхищались его родством со вторым величайшим чародеем столетия.

С точки зрения Генри, Стренджу было далеко до идеального английского джентльмена. Его не интересовали традиционные занятия сельских сквайров, такие как ведение хозяйства или охота. Соседи выезжали на охоту — Генри слышал выстрелы и лай собак в заснеженном лесу и на полях, — а Стрендж не прикасался к ружью.

Арабелле приходилось прибегать ко всяческим уловкам, чтобы выманить его из дому хотя бы на полчаса. В библиотеке издания на английском, греческом и латинском, принадлежавшие отцу и деду Стренджа — книги, какие стоят на полках у каждого джентльмена, — были сложены кипами на полу, чтобы освободить место для книг и заметок самого волшебника[105]. Периодические издания по практической магии — номера «Друзей английской магии» и «Современного волшебника» — можно было увидеть в доме буквально в каждой комнате. На одном из столов в библиотеке стояло огромное серебряное блюдо, в которое иногда наливали воду. Стрендж нередко сидел над ним, касаясь поверхности воды кончиками пальцев, совершая над блюдом плавные пассы и делая пометки в тетради. На другом столе между грудами книг была расстелена карта Англии. На нее Стрендж наносил старые дороги эльфов, ведущие из Англии невесть куда.

Случалось в доме и другое — непонятное для Генри и оттого еще более тягостное. Например, он знал, что иногда комнаты в Эшфере выглядят

---

[105] Примечания: 105

Разумеется, то были книги о магии, а не по магии. Последние находились в безраздельном пользовании мистера Норрелла. См. гл. 1, примеч. 5.

странно, но не знал причины. На самом деле некоторые зеркала в доме отражали свет, который был в комнате полчаса, а то и сто лет назад. Зачастую по вечерам, отходя ко сну, или по утрам, просыпаясь, он вроде бы слышал звуки колоколов. Печальные далекие звуки, словно звон из неведомых городов, давным-давно ушедших в морскую пучину. Генри не раздумывал об этих печальных перезвонах, да и не помнил о них, однако меланхолия не покидала его на протяжении всего следующего дня.

Отдохновение от всех разочарований и неудобств он обретал, сравнивая Грейт-Хизерден со Шропширом (последний всегда оставался в проигрыше) и вслух удивляясь упорным трудам Стренджа: «словно он не владелец поместья и хорошего состояния». Как правило, эти замечания Генри адресовал Арабелле, но Стрендж иногда поневоле их слышал, и вскоре жена волшебника оказалась в роли посредницы, вынужденной изо всех сил поддерживать видимость мирных отношений между двумя мужчинами.

— Когда я захочу узнать мнение Генри, — говорил Стрендж, — то сам его спрошу. Какое ему дело до моей конюшни? Или до того, на что я трачу свое время?

— Очень неприятно, дорогой, — соглашалась Арабелла, — и конечно, ты сердишься, но…

— Сержусь? Да он непрерывно испытывает мое терпение!

— Успокойся, полно! Он нас услышит. Ты был терпелив и вел себя как ангел. Но, знаешь, мне кажется, он желает только добра. Просто он недостаточно ясно излагает свои мысли. Поверь, когда он уедет, мы и не вспомним обо всех этих мелочах.

Видя, что ей не удалось убедить Стренджа, Арабелла добавила:

— Прошу, будь добр с Генри. Ради меня.

— Конечно, конечно! Я — само терпение. Была пословица, теперь забытая. Что-то в том духе, что священники сеют пшеницу, а волшебники — рожь. Смысл в том, что мы никогда не договоримся друг с другом. Раньше я так не думал. С лондонским духовенством мы всегда были в добрых отношениях. Настоятель Вестминстерского аббатства и капеллан принца-регента — мои

приятели. А вот Генри меня раздражает[106].

На Рождество пошел сильный снег. Возможно, из-за переживаний последних дней Арабелла проснулась утром с головной болью и не смогла встать с постели. Весь день Стрендж и Генри вынуждены были провести вместе. Генри много говорил о Грейт-Хизердене. Вечером сели играть в экарте. Оба любили эту игру и, возможно, приятно провели бы время, но в середине второй партии Стренджу пришла девятка пик, и в голову ему полезли новые неожиданные соображения о магических свойствах этой карты. Отказавшись от игры, он схватил карту и убежал в библиотеку. Генри остался в одиночестве.

Ближе к утру Стрендж проснулся — или полупроснулся. Спальня была залита слабым

---

[106] Примечания: 106

Возможно, значение поговорки немного иное. Уже в XII веке между служителями церкви и магами возникло соперничество. И те и другие верят, что мир населен множеством сверхъестественных существ и управляется неведомыми нам силами. И священники, и волшебники считают, что посредством заклинаний или молитв можно обращаться к этим существам или силам и таким образом творить либо добрые дела, либо злые. Во многих отношениях обе космологии совпадают, но священники и волшебники делают из одинаковых посылок совершенно разные выводы.

Волшебников занимает в основном практическая сторона сверхъестественного — они хотят понять, при каких условиях и какими средствами добиться помощи ангелов, демонов и эльфов. Им почти безразлично, что ангелы божественно добры, демоны исполнены адской злобы, а эльфы чужды человеческой морали; священникам же,

наоборот, безразлично все остальное.

В средневековой Англии любые попытки примирить две космологии были обречены на провал. Церковь разработала целый каталог ересей, в которые могли впасть ничего не подозревающие волшебники. Мы уже упоминали о ереси Меро.

Александр из Уитби (1230-е (?) — 1302) считал, что вселенная подобна исполинскому ковру. В скоротечной жизни мы видим лишь малую его часть, после смерти получаем возможность увидеть полностью и осознать, как части соотносятся с целым. Александра принудили отречься от этого тезиса, а его учение объявили уитбианской ересью. Даже самые скромные сельские волшебники вынуждены были проявлять максимум осмотрительности, чтобы избежать обвинения в ереси.

Впрочем, нельзя сказать, что все волшебники избегали смешения религии и магии. Некоторые дошедшие до нас «заклинания» содержат обращение к тому или иному святому. Удивительно, но авторами таких заклинаний чаще всего становились эльфы, служившие у волшебников. Многих эльфов при появлении в Англии насильно крестили, и они вскоре стали включать в свое колдовство упоминание святых и апостолов.

серебристым свечением; вероятно, сверкал под луной снег за окном. Сквозь сон ему почудилось, что он видит Арабеллу. Она сидела в изножье постели, повернувшись к нему спиной, и расчесывала волосы. Он сказал ей что-то. По крайней мере, ему так показалось.

Потом он снова заснул.

Около семи утра Стрендж проснулся окончательно. Он подумал, что хорошо бы поработать в библиотеке часок-другой до того, как поднимется Генри. Он быстро встал, оделся, вышел из спальни и позвал Джереми, чтобы тот его побрил.

В восемь утра горничная Арабеллы, Дженет Хьюз, постучала в дверь спальни. Никто не ответил. Дженет решила, что хозяйке все еще нездоровится, и ушла.

В десять Стрендж и Генри завтракали вместе. Генри решил провести день за охотой и уговаривал Стренджа отправиться с ним.

— Нет-нет, у меня работа. А ты сходи. Ты здешние леса и поля знаешь не хуже меня. Я дам тебе ружье, а собак наверняка где-нибудь найдешь.

Появился Джереми Джонс. Он сообщил, что пришел мистер Хайд и просит мистера Стренджа принять его по чрезвычайному делу.

— Ну что ему опять нужно? — проворчал

Стрендж.

Мистер Хайд вошел быстро; лицо его было бледным от волнения.

Неожиданно Генри недовольно воскликнул:

— Бог мой! Ну что за привычка — торчать в дверях! Пусть он или входит, или выходит, наконец!

Дело в том, что Джереми Джонс так и не вышел из комнаты — он задержался в дверях и озабоченно шептался о чем-то с другим слугой. Генри считал подобное поведение открытым неуважением к хозяину.

Стрендж посмотрел на Джереми, вздохнул и сказал:

— Пустяки, Генри. Мистер Хайд, я…

Гость явно был чем-то встревожен и бесцеремонно прервал Стренджа:

— Час назад я снова видел миссис Стрендж на холмах у границы с Уэльсом!

Генри встал из-за стола и посмотрел на Стренджа. Тот холодно глянул на мистера Хайда и сказал:

— Все в порядке, Генри. Успокойся.

Мистер Хайд заметно опешил, но справился с собой и заявил:

— Это у Касл-Идриса, и, как и в первый раз, миссис Стрендж быстро удалялась от меня, так

что ее лица я не видел. Я снова пытался догнать ее, однако, как и тогда, потерял из виду. Знаю, в прошлый раз вы сочли, что мне померещилась ее фигура средь снега и ветра, но сегодня погода спокойная и ясная, и я точно знаю, что видел миссис Стрендж — так же отчетливо, сэр, как вижу сейчас вас.

— В прошлый раз? — тревожно переспросил Генри.

Стрендж, немного раздраженный, принялся благодарить мистера Хайда за его заботу, за то, что он сообщил… — (здесь Стрендж замялся, не умея подобрать подходящего слова) — но, насколько ему известно, миссис Стрендж сейчас дома, и он очень удивился, если бы…

Тут в комнату вбежал Джереми. Он бросился к Стренджу и что-то прошептал ему на ухо.

— Довольно, говори вслух! Рассказывай, что случилось! — крикнул Генри.

Джереми посмотрел на Стренджа. Тот стоял, закрыв рукой рот, и блуждал взглядом по комнате, как будто только что узнал нечто новое и неприятное.

Джереми объявил:

— Миссис Стрендж в доме нет, сэр. Мы не знаем, где она.

Генри начал расспрашивать мистера Хайда, перебивая его все новыми вопросами. Джереми с тревогой смотрел на них. Стрендж тем временем сел и молча смотрел перед собой. Вдруг он встал и быстро направился к двери.

— Мистер Стрендж! — воскликнул Хайд. — Куда вы?

— Стрендж! — крикнул Генри.

Им ничего не оставалось, кроме как последовать за волшебником, — без него никакого решения принять было нельзя. Стрендж по лестнице взбежал в библиотеку и подошел к большому серебряному блюду, занимавшему один из столов.

— Принеси воды, — велел он Джереми.

Через минуту Джереми вернулся с кувшином воды и вылил ее в блюдо.

Стрендж произнес заклинание, и комната наполнилась игрой света и теней. Вода в блюде сразу потемнела и начала слабо светиться.

Генри стало страшно.

— Стрендж! — вскричал он. — Что ты делаешь? Скоро начнет темнеть! Моя сестра неизвестно где. Нельзя терять ни минуты! — Он повернулся к Джереми — тот единственный из присутствующих имел хоть какое-то влияние на Стрен-

джа. — Скажи ему! Надо немедля отправиться на поиски!

— Генри, успокойся, — произнес Стрендж.

Он дважды провел пальцем по воде. Появились две светящиеся линии, разделившие поверхность на четверти. Над одной из них Стрендж сделал пасс рукой. В воде заплясали вспышки, потом появилась светящаяся паутина. Стрендж несколько секунд следил за происходящим. Потом провел ладонью над второй четвертью, и она тоже засветилась, но как-то иначе. Стрендж перешел к третьей, затем — к четвертой четверти, и каждый раз вода отвечала новым, непохожим сочетанием вспышек и светящихся линий. Они сверкали, гасли, перемешивались, временами напоминая письмена или линии на карте, временами — рисунки созвездий.

— Что все это значит? — волнуясь, спросил Генри.

— Я ищу ее, — ответил Стрендж. — По крайней мере, пытаюсь найти.

Кончиками пальцев он коснулся одной из четвертей. Сразу же остальные три исчезли, а первая заполнила всю поверхность воды. Стрендж вновь разделил ее на четверти, исследовал их и коснулся пальцами той, которая его заинтересовала. Эту

операцию он повторил несколько раз. Очертания в воде все больше и больше напоминали карту. По виду Стренджа можно было понять, что он тревожится все сильнее, — блюдо не сообщало ничего утешительного.

Наконец Генри не выдержал:

— Ради бога, оставь свою магию! Арабелла пропала! Стрендж, умоляю! Брось эту чепуху, и поспешим на поиски!

Стрендж ничего не ответил, только раздраженно ударил по поверхности воды. Изображение исчезло. Он глубоко вздохнул и вновь принялся колдовать над блюдом. На сей раз он действовал увереннее и вскоре замер над изображением, которое, видимо, говорило ему больше прежних, но тут же отвернулся и упал в кресло. Во взгляде его читалось разочарование с отчаянием пополам.

— Ну как? — спросил Хайд. — Мистер Стрендж, вы увидели свою жену?

— Я ничего не понимаю! Чаша говорит, что Арабеллы нет в Англии. Нет в Уэльсе. Нет в Шотландии. Во Франции тоже нет. Я не могу подобрать нужного заклинания. Ты прав, Генри. Я зря теряю время. Джереми, неси сапоги и плащ!

Внезапно поверхность воды озарилась ярким сиянием. В старинном затемненном зале танце-

вали стройные кавалеры и прекрасные дамы. К Арабелле это никак относиться не могло, и Стрендж шлепнул ладонью по воде. Видение исчезло.

Они вышли на улицу. Все вокруг было укрыто снегом. Стояла тишина. Воздух был морозен и прозрачен. Первым делом осмотрели все строения на участке, прилегающем к Эшферу, но не обнаружили никого, кроме малиновки. Стрендж, Генри, мистер Хайд и слуги начали прочесывать дороги.

Трое слуг вернулись в дом, поднялись на чердак, где никто не бывал с детских лет Стренджа, и вскрыли топорами сундуки, запертые пятьдесят лет назад. Осмотрели все кладовые, чуланы, все ящики — даже те, в которых ребенка нельзя было бы спрятать, а уж тем более взрослую женщину.

Другие слуги побежали в деревню Клан и принялись обходить дома. Кто-то садился на коней и скакал в Клантон, Парслоу, Кланбери и Уиткотт. Вскоре вся округа знала, что миссис Стрендж пропала, и не было такого дома, из которого хоть один человек не отправился на розыски. Хозяйки растопили камины, согрели постели и приготовили теплой воды — каждая считала, что миссис Стрендж доставят именно к ней. Никогда

ни одну женщину в мире не ждало столько тепла и заботы в стольких домах одновременно.

Через час к поискам подключился капитан Джон Айртон из 12-го полка легких драгун, который был со Стренджем в Испании и в битве при Ватерлоо. Его земли граничили с владениями Стренджа. Они были ровесниками и соседями, но капитан отличался застенчивостью, вел замкнутый образ жизни, и они встречались от силы раз в год. Сейчас, в трудную минуту, Айртон явился с картами местности и тихо пообещал сделать все, что в его силах.

Вскоре выяснилось, что Арабеллу видел не только мистер Хайд. Два работника с окрестных ферм, Мартин Оукли и Оуэн Бульбридж, тоже ее видели. Джереми Джонс выведал это у их приятелей. Он немедленно вскочил на коня, поскакал к реке Клан, разыскал Оукли и Бульбриджа и пригнал их к капитану Айртону, мистеру Хайду, Генри Вудхоупу и Стренджу.

Оказалось, что свидетельства работников странно противоречат сообщениям мистера Хайда. Последний видел Арабеллу на голых заснеженных холмах у Касл-Идриса, и шла она на север. Было это в девять, и, как и в первый раз, он слышал колокольный звон. Оукли и Бульбридж

заметили ее быстро идущей по темному зимнему лесу в пяти милях к востоку от Касл-Идриса, хотя тоже ровно в девять.

Капитан Айртон нахмурился и спросил у работников, почему они решили, что было именно девять, ведь у них, в отличие от мистера Хайда, нет карманных часов. Оукли объяснил, что слышал колокола и решил, что звонят в церкви Святого Георгия в Клане. Бульбридж возразил, что звук доносится не с колокольни — там всего один колокол, а тут целый перезвон. Он сказал, что колокола звонили печально, как на похоронах, но, когда его просили объяснить, что он имеет в виду, Бульбридж не нашел слов.

В остальном сообщения совпадали. Ни о каком черном платье не упоминалось — все трое уверяли, что женщина была в белом и шла очень быстро. Лица ее никто не видел.

Разделив людей на группы по четыре-пять человек, капитан Айртон отправил всех прочесывать зимний лес. Женщинам он поручил приготовить фонари и теплую одежду. Отдельный отряд объезжал высокие голые холмы в районе Касл-Идриса. Этих людей возглавил лично мистер Хайд. Пока было светло, поиски не прекращались, но день не мог длиться вечно.

Прошло всего три дня с зимнего солнцестояния, и к трем пополудни начало смеркаться. К четырем часам стало совсем темно.

Поисковые группы возвращались в дом Стренджа, где капитан Айртон выслушивал их донесения и разрабатывал план дальнейших действий. Здесь же присутствовали и дамы — они ждали своих мужей и вестей о судьбе миссис Стрендж. Сидеть дома в неведении было невыносимо, и они пришли под предлогом, что могут понадобиться, а на самом деле — чтобы побыть вместе.

Последними вернулись Стрендж и Джереми Джонс. Они зашли в дом прямо с конюшни, в сапогах и грязных плащах. Глаза у Стренджа были пусты, щеки ввалились. Он двигался как во сне. Стрендж, может быть, и не присел бы, но Джереми силой усадил его в кресло.

Капитан Айртон разложил карты и принялся суммировать, что им удалось узнать за этот день. Оказалось — ничего.

Все присутствующие смотрели на карты и думали об одном: за линиями и значками стоят покрытые льдом рвы и реки, безмолвные леса, высокие голые холмы… Сколько овец, сколько коров, диких зверей гибнет ежедневно в эти суровые месяцы…

— Кажется, прошлой ночью я просыпался, — неожиданно сообщил Стрендж.

Все повернулись к нему.

Стрендж все так же сидел в кресле, куда усадил его Джереми Джонс. Руки его безвольно свисали, глаза смотрели в пол.

— Кажется, просыпался. Не помню точно когда. Арабелла сидела в изножье постели. Одетая.

— Вы раньше об этом не говорили, — заметил мистер Хайд.

— Я только что вспомнил.

— Не понимаю, — вмешался капитан Айртон, — вы хотите сказать, что миссис Стрендж могла уйти ночью из дому?

Кажется, Стрендж сам думал об этом, но мысль казалась невероятной.

— Но ведь утром она была в постели? — спросил мистер Хайд.

— Была. Конечно была. Нелепо было бы… По крайней мере… — Стрендж помолчал. — Дело в том, что, проснувшись, я сразу подумал о своей книге, а в спальне было темно.

Присутствующие решили, что Джонатан Стрендж если не дурной супруг, то, по крайней мере, очень невнимательный. Некоторые заподозрили, что если любящая жена неожиданно

убегает в зимнюю ночь, то у нее есть на то серьезные причины. Жестокое слово? Злой нрав? Ужасы, с которыми имеет дело волшебник, — призраки, демоны, чудовища? А может, внезапно открылось, что у него — любовница и полдюжины внебрачных детей?

Вдруг у холма послышались крики. Никто не мог понять, кто именно кричит. Несколько человек бросились к дверям. В прихожей загомонили.

Быстро принесли свечи, и все увидели, что кто-то стоит у дверей возле лестницы.

Это была Арабелла.

Генри кинулся к ней и обнял, мистер Хайд и миссис Айртон говорили Арабелле, как рады видеть ее живой и невредимой, остальные выражали изумление. Миссис Стрендж окружили дамы и служанки, засыпали ее вопросами. Все ли с ней в порядке? Где она была? Она заблудилась? Что с ней случилось? Что произошло?

Потом почти все присутствующие одновременно заметили одну странность: Стрендж молчал и не приближался к жене, а она не замечала его и не говорила мужу ни слова.

Волшебник встал и молча смотрел на жену. Вдруг он произнес:

— Господи, Арабелла, что это на тебе?

Даже в неверном пламени свечей все увидели, что платье на Арабелле черное.

44. Арабелла

Декабрь 1815 года

— Вы, должно быть, продрогли до костей! — воскликнула миссис Айртон, взяв Арабеллу за руку. — Господи! Вы холодны, как покойница!

Какая-то дама сбегала в гостиную и принесла Арабелле шаль — индийскую кашемировую, синюю с узорчатой каймой из розовых и золотых нитей. Однако, когда миссис Айртон накинула шаль на плечи миссис Стрендж, ткань на фоне черного платья потеряла всю живость красок.

Арабелла, сложив руки на груди, смотрела спокойно и бесстрастно. На вопросы она не отвечала. Казалось, миссис Стрендж не удивлена и не смущена присутствием стольких людей.

— Где же ты была? — спросил Стрендж.

— Гуляла, — ответила она просто, словно ничего не случилось.

— Гуляла? Арабелла! Ты с ума сошла? По пояс в снегу? Где гуляла?

— В темных лесах, — произнесла она, — среди моих крепко спящих братьев и сестер. По широким пустошам, среди призраков моих давно умерших братьев и сестер. Под серым небом, под

шепот и сны моих еще не родившихся братьев и сестер.

Стрендж вытаращил глаза:

— Что?!

Сказано это было так, что никто не удивился, когда миссис Стрендж замолчала, полностью уйдя в себя. Дамы окончательно уверились, что виноват во всем мистер Стрендж, который своей грубостью довел жену до непредсказуемых поступков и странных речей.

Миссис Айртон обняла Арабеллу за плечи и ласково увлекла к лестнице.

— Миссис Стрендж устала, — твердо объявила она. — Идемте, дорогая, я отведу вас в постель…

— Нет-нет! — заявил Стрендж. — Погодите! Я хочу знать, откуда у нее это платье? Простите, миссис Айртон, но я решительно… — Он направился к жене и вдруг остановился, озадаченно рассматривая пол под ногами. Потом осторожно отступил в сторону. — Джереми! Откуда вода? Там, где стояла миссис Стрендж?

Джереми Джонс поднес подсвечник к площадке у лестницы. Там была большая лужа. Слуга и хозяин посмотрели на потолок, обвели взглядом стены. Происхождением лужи заинтересовались остальные слуги и джентльмены.

Покуда мужчины стояли у лестницы, миссис Айртон и другие дамы увели Арабеллу в спальню.

Прихожая в Эшфере была старая, как и весь дом. Обшитые панелями из вяза стены были выкрашены бежевой краской, пол покрыт хорошо подогнанными каменными плитами. Кто-то из слуг решил, что вода сочится из-под плит, снизу, принес лом и стал проверять, не расшатались ли они, но сдвинуть ни одну не смог; стало ясно, что снизу доступа воде не было. Кто-то предположил, что вода натекла с двух собак капитана Айртона. Собак тщательно осмотрели. Обе были совершенно сухими.

Наконец исследовали саму лужу.

— Она черная, и в ней плавают какие-то крошки, — заметил Стрендж.

— Похоже на торф, — сказал Джереми Джонс.

Они еще некоторое время изучали странную лужу, ничего не поняли и бросили это занятие. Вскоре джентльмены, забрав жен, покинули дом Стренджа.

В пять часов утра Дженет Хьюз поднялась в спальню к хозяйке и увидела, что та лежит на кровати, даже не сняв черного платья. Когда Дженет спросила, как Арабелла себя чувствует,

та ответила, что у нее болят руки. Дженет помогла ей раздеться, потом пошла к Стренджу и все рассказала.

На следующий день Арабелла пожаловалась на боль, которая распространяется по правой стороне ее тела от макушки до ступней (вероятно, так надо было понимать ее слова: «от самой кроны до кончиков корней»). Это встревожило Стренджа, и он послал за мистером Ньютоном, лекарем из Черч-Стреттона. Мистер Ньютон прибыл в полдень, но, хотя миссис Стрендж жаловалась на боли, ничего не обнаружил и уехал, пообещав заглянуть через день-два.

На третий день она умерла.

Том III. Джон Аскгласс

Мистер Норрелл с Ганновер-Сквер убежден, что все, имеющее отношение к Джону Аскглассу,

необходимо выбить из современной магии, как выбивают моль и пыль из старого платья. Что же тогда в ней останется? Избавьтесь от Джона Аскгласса, и у вас не будет ничего, кроме пустого воздуха.

Джонатан Стрендж, пролог к «Истории и практике английской магии» (Изд-во Джона Мюррея: Лондон, 1816)

45. Пролог к книге Джонатана Стренджа «История и практика английской магии»

В конце 1110 года на севере Англии появилась странная армия. Впервые ее увидели недалеко от местечка под названием Пенло милях в двадцати-тридцати к северо-востоку от Ньюкасла. Никто не знал, откуда пришло войско; думали, что наступают шотландцы или даны, а возможно, даже французы.

К началу декабря пришельцы заняли Ньюкасл и Дарем и двинулись на запад. Они явились в Аллендейл, небольшое поселение с каменными домами, расположенное высоко среди холмов Нортумбрии, и провели одну ночь на краю болота, недалеко от деревни. Население Аллендейла разводило овец и совсем не умело воевать. У деревни не было ни частокола, ни тем более каменных стен, а ближайший отряд военных стоял в тридцати пяти милях оттуда, готовясь защищать крепость Карлайл. Учитывая все сказанное, жители Аллендейла решили, не теряя времени, установить со странной армией дружественные

отношения. Несколько хорошеньких девушек, подражая отважной Юдифи, отправились в стан пришельцев с твердым намерением спасти себя и земляков. Однако, едва подступив к вражескому стану, красавицы страшно испугались и едва не обратились в бегство.

Лагерь был пугающе безмолвен. Валил густой снег, и странные воины лежали на белой земле, завернувшись в черные плащи. Поначалу девушки даже решили, что их окружают мертвецы, — впечатление лишь усиливалось огромным количеством расположившихся в лагере воронов и других больших черных птиц, некоторые из них сидели даже на лежащих. И все же воины были живые; время от времени кто-нибудь просыпался, чтобы проверить свою лошадь или просто отогнать докучливую птицу, норовившую клюнуть прямо в лицо.

Когда девушки приблизились к лагерю, один из воинов тут же поднялся. Первая из красавиц, поборов страх, подошла и поцеловала его в губы.

Кожа воина была очень бледной (она мерцала, словно отсвет луны) и совершенно безупречной, без единого изъяна. Длинные прямые волосы струились каштановым водопадом. Скулы казались неестественно четко очерченными,

взгляд был торжествен и суров. Чуть раскосые голубые глаза смотрели из-под густых черных бровей, словно нарисованных тушью с изящным росчерком у висков. Однако внешность воина ничуть не смутила красавицу. Откуда ей знать — может быть, и шотландцы, и даны, и французы отличаются именно такой противоестественной красотой.

Воин благосклонно принял поцелуй и даже позволил поцеловать себя еще раз, а затем и сам поцеловал девушку. Встал и другой воин — он издал тоскливый, заунывный звук, больше всего напоминающий музыкальный. Первый воин — тот, кого поцеловала красавица, — жестом пригласил ее на танец. Он подталкивал ее и поворачивал длинными белыми пальцами, так что очень скоро она уже танцевала под стать ему.

Танец продолжался некоторое время — до тех пор, пока девушке не стало жарко и она приостановилась на мгновение, чтобы скинуть плащ. И тут ее подруги увидели, что вместо капель пота руки, лицо и ноги отважной девушки покрывают капли крови. Алая кровь капала на белый снег. Зрелище настолько напугало ее подружек, что они бросились бежать.

Таинственная армия так и не вошла в Аллен-

дейл. Той же ночью она отправилась дальше, в Карлайл. На следующий день жители деревни осторожно пробрались на поле, где ночевали воины, и там нашли танцевавшую девушку. Ее безжизненное тело оказалось белым, бескровным, зато снег, на котором лежала несчастная, пропитался алым.

Именно по этим признакам люди и узнали, что к ним приходила *Даоин сид* — Волшебная рать.

Состоялось несколько сражений, и во всех англичане были разбиты наголову. К Рождеству Волшебная рать заняла Йорк. Она захватила Ньюкасл, Дарем, Карлайл и Ланкастер. Обескровив девушку в Аллендейле, магические воины больше почти не проявляли той жестокости, которую обычно приписывают их племени. Из всех занятых деревень, городов и крепостей они сожгли только Ланкастер. В Тирске, к северу от Йорка, свинья рассердила одного из воинов, бросившись под ноги его коню, из-за чего благородное животное взбрыкнуло, упало и сломало хребет. Воин вместе с товарищами погнался за свиньей. Поймав ее, он выколол ей глаза. Однако в целом животные, как домашние, так и дикие, с ликованием встречали Волшебную рать, видя в пришельцах союзников в борьбе против общего

врага — человека.

На Рождество король Генрих призвал графов, епископов, аббатов и самых знатных подданных королевства в Вестминстер, чтобы обсудить положение дел. Эльфы в те дни были для Англии не в диковинку. Во многих частях страны издавна существовали поселения волшебных жителей. Некоторые скрывались под таинственной пеленой, другие стояли открыто, и соседи-христиане старательно обходили их стороной. Королевский совет согласился, что эльфы от природы жестоки. Они похотливы, лживы и вороваты. Они соблазняют юношей и девушек, сбивают с дороги путников, воруют детей, скот и зерно, а кроме того, поразительно ленивы: много тысячелетий тому назад научившись обтесывать камень и обрабатывать дерево, народ этот вовсе не утомляет себя сооружением жилищ, а предпочитает жить в местах, которые называет за́мками, хотя на самом деле это всего лишь «бруги» — земляные курганы непостижимой древности. Дни сиды проводят в попойках и танцах, в то время как ячмень и бобы гниют, неубранные, на полях, а скот замерзает на пронизанных ветрами склонах. Все члены королевского совета сошлись во мнении, что, если бы не магическая сила и дар почти

полного бессмертия, весь народ эльфов давно бы вымер от голода и жажды. И вот этим-то ни на что не годным, несостоятельным и опрометчивым существам удалось вторгнуться в хорошо защищенное христианское королевство, выиграть несколько битв и овладеть всеми крепостями, какие попадались на их пути. Все говорило о степени целеустремленности, которая прежде никогда за эльфами не водилась.

Никто не знал, как это понимать.

В январе Волшебная рать покинула Йорк и двинулась на юг. Остановилась она возле Трента. Король Генрих со своим войском встретил *Даоин сид* на берегу реки, недалеко от Ньюарка, и вступил в бой.

Еще до начала сражения по рядам армии короля Генриха пронесся волшебный ветер и раздались нежные звуки свирели. Услышав музыку, множество коней убежали в стан противника, причем некоторые унесли на себе и несчастных всадников. После этого все воины услышали голоса близких — матерей, отцов, детей, возлюбленных. Они призывали вернуться домой. С неба спустилась стая воронов. Зловещие птицы клевали воинов в лицо и не давали им увидеть ничего вокруг, застилая взгляд черными кры-

льями. Таким образом, англичанам пришлось противостоять не только силе и воинской ярости сидов, но и собственным страхам, внушенным магической ратью. Нечего удивляться, что битва оказалась весьма скоротечной и король Генрих потерпел сокрушительное поражение. В тот миг, когда звуки боя стихли и сомнений в разгроме англичан не осталось, на многие мили вокруг громко запели птицы — они открыто радовались победе пришельцев.

Король вместе со своими советниками дожидался появления вражеского вождя или военачальника. И вот наконец ряды *Даоин сид* раздвинулись, и вышел некто.

Юноше было меньше пятнадцати лет. Как и остальные воины, он был одет в рваное черное платье из грубой шерстяной ткани. Длинные черные волосы, как и волосы его товарищей, ниспадали прямыми прядями. Он не говорил ни по-английски, ни по-французски (именно эти два языка в то время имели хождение на территории Англии), чем также не отличался от сородичей, но изъяснялся исключительно на магическом

диалекте[107].

Юноша был бледен и красив. Лицо его казалось торжественным. Однако никто не усомнился, что это человек, а не эльф.

По меркам норманнских и английских графов и рыцарей, впервые увидевших его в тот день, чужак едва ли мог бы считаться цивилизованным человеком. Никогда прежде он не видел ни ложки, ни стула, ни железного котелка, ни серебряной монеты, ни восковой свечи. Ни один магический клан, ни одно королевство эльфов того времени не обладало такими вещами. Когда король и юноша встретились, чтобы разделить между собой Англию, Генрих сидел на деревянной скамье и пил вино из серебряного кубка; победитель же уселся на землю и принялся пить козье молоко из каменной чашки. Хронист Ордерик Виталий, тридцать лет спустя описывая эти события, повествует, как в самый разгар переговоров один из воинов *Даоин сид* склонился над грязными волосами своего повелителя и принялся усердно искать вшей.

---

[107] Примечания: 107

В наши дни уже никто в Англии не знает этого языка. От него осталась горстка заимствованных слов, которыми описываются различные таинственные волшебные обряды. В «*De Tractatu Magicarum Lingvarum*» Мартин Пейл пишет, что язык этот родствен древним кельтским языкам.

В числе воинов Волшебной рати состоял молодой норманнский рыцарь по имени Томас Дандейл[108]. Тот, хоть провел в плену у Волшебной рати много лет, помнил родной французский язык и смог выступить переводчиком.

Король Генрих спросил, как зовут юношу.

Тот ответил, что у него нет имени[109].

Король Генрих поинтересовался, зачем он пошел войной на Англию.

Мальчик ответил, что он — последний представитель аристократического норманнского рода, которому отец Генриха, Вильгельм Завоеватель, даровал земли на севере Англии. Владенья его родичей захватил жестокий сосед, Юбер де Котантен. Юноша поведал также, что его отец обращался к Вильгельму Второму (брату и

---

[108] Примечания: 108

Его называли еще Томас де Дандель или Томас де Донвиль. Судя по всему, некоторые из приближенных короля Генриха узнали в Томасе младшего сына могущественного норманнского землевладельца. Сын этот исчез в Рождество четырнадцатью годами раньше. Учитывая обстоятельства его возвращения, вряд ли ему очень обрадовались.

[109] Примечания: 109

Когда он был ребенком в Стране Фей, сиды называли его словом своего родного языка, которое можно перевести как «Скворец». Ко времени вторжения в Англию юноша уже отказался от этого имени. Позднее он начал называть себя именем отца — Джон д'Аскгласс, — но в начале царствования его знали просто под одним из множества титулов, данных друзьями или врагами: Король, Король-ворон, Черный Король, Король Севера.

предшественнику короля Генриха) с просьбой восстановить справедливость, но ответа так и не получил. Вскоре отца убили. Самого же мальчика, тогда еще младенца, люди Юбера похитили и бросили в лесу на погибель. Его спасли сиды: они подобрали ребенка, выходили и оставили жить в Стране Фей. А сейчас он наконец вернулся.

Мальчика отличала свойственная юности вера в свою непререкаемую правоту и неправоту всех остальных. Он не сомневался, что часть Англии между Твидом и Трентом — справедливое возмещение за неспособность норманнских королей отомстить убийце его семьи. Исключительно по этой причине Генриху пришлось удовольствоваться южной половиной собственного королевства.

Юноша поведал, что он — король в Стране Фей, и назвал имя своего сюзерена. Никто его не понял[110].

В тот самый день юноша начал свое царствование, продолжавшееся более трехсот лет кряду.

Уже в четырнадцать лет он создал ту систему магии, которой мы пользуемся и сегодня. Или, точнее сказать, пользовались бы, если бы могли;

---

[110] Примечания: 110

Имя этого повелителя Страны Фей было особенно длинным и сложным. Традиционно его именуют Обероном.

бóльшую часть его знаний мы утратили. Этот человек представлял собой безупречный сплав магии эльфов и человеческой решимости, которые соединились в его ужасающей целеустремленности. Мы не знаем, почему похищенный христианский ребенок неожиданно превратился в величайшего волшебника всех времен. И до и после него другие дети оказывались пленниками в Стране Фей, но ни один не сумел почерпнуть из своего жизненного опыта то же богатство. По сравнению с его достижениями все наши усилия кажутся жалкими и бесплодными.

Мистер Норрелл с Ганновер-Сквер убежден, что все, имеющее отношение к Джону Аскглассу, необходимо выбить из современной магии, как выбивают моль и пыль из старого платья. Что же тогда в ней останется? Избавьтесь от Джона Аскгласса, и у вас не будет ничего, кроме пустого воздуха.

Из первого тома «Истории и практики английской магии» Джонатана Стренджа (Изд-во Джона Мюррея: Лондон, 1816)

46. «Со мной говорило небо…»

Январь 1816 года

День выдался мрачным. Студеный ветер бросал снежные хлопья в окна библиотеки мистера Норрелла, где Чилдермасс писал деловые письма. Было всего лишь десять утра, но уже пришлось зажечь свечи. Тишину нарушали лишь потрескивание угля в камине да скрип пера по бумаге.

Ганновер-Сквер
Лорду Сидмуту, министру внутренних дел.
8 января 1816 г.
Милорд!

Мистер Норрелл поручил мне поставить вас в известность, что заговоры для предотвращения разлива рек в графстве Суффолк готовы. Сегодня будет выслан счет в казначейство, на имя мистера Уайна…

Где-то раздавался печальный колокольный звон. Он долетал издалека, и Чилдермасс не обращал на него внимания, и все же от звуков колокола комната стала еще более темной и одинокой.

…Магические заклинания удержат воду в бере-

гах. Тем не менее мистер Ливс, молодой инженер, приглашенный лордом-наместником Суффолка для того, чтобы оценить надежность существующих мостов и других прибрежных сооружений, выразил некоторые сомнения…

Перед ним простирался безжизненный пейзаж. Он видел все очень ясно — так, словно местность была хорошо ему знакома или как будто он смотрел на живописное полотно, которое созерцал ежедневно на протяжении многих лет. Бескрайние просторы бурых заброшенных полей, развалины зданий на фоне унылого и холодного серого неба…

…что мосты через реки Стаур и Оруэлл выдержат те мощные потоки воды, которые неизбежно принесет сезон проливных дождей. Мистер Ливс рекомендует незамедлительно провести обстоятельную инспекцию всех мостов, мельниц и переправ графства Суффолк, начиная с рек Стаур и Оруэлл. Мне сообщили, что он уже обращался к вашей милости по этому вопросу…

Он уже не просто видел пейзаж мысленным взором, но словно перенесся туда и стоял на старой, изрытой колеями дороге, которая взбиралась по черному холму к небу, где собиралась огромная

стая черных птиц…

…Мистер Норрелл отказался ограничивать заклинание какими-либо временны́ми рамками: оно сможет действовать столько же, сколько будут существовать сами реки. Однако он рекомендует вашей милости через двадцать лет провести инспекцию заклинаний. В следующий вторник мистер Норрелл займется составлением аналогичного заклинания для рек в графстве Норфолк…

На фоне серого тусклого неба птицы казались черными буквами. Ему подумалось, что через мгновение он поймет смысл написанного. Камни на древней дороге были символами, предсказывающими путь странника.

Вздрогнув, Чилдермасс вернулся к реальности. Перо выпало из его пальцев, забрызгав чернилами письмо.

Он растерянно огляделся. Нет, он не спал и не грезил. Вот они, хорошо знакомые предметы: полки с книгами, зеркало, чернильница, каминные щипцы, фарфоровая статуэтка Мартина Пейла. Однако Чилдермасс уже не верил своим чувствам. Он не доверял ни книгам, ни зеркалам, ни фарфоровой фигурке — не верил, что все это

и впрямь его окружает. Казалось, то, что видят глаза, — лишь кожица, которую можно поддеть ногтем, сорвать и обнажить скрытый под нею холодный, неуютный, навевающий одиночество пейзаж.

Бурые поля были частично затоплены; здесь и там блестели цепочки холодных серых луж и небольших озер. Форма луж имела определенное значение. Все они были написаны на полях рукою дождя. Лужи — заклинание дождя, как кружение черных стай — заклинание неба, а движение жухлой травы — заклинание ветра. Все исполнено смысла.

Чилдермасс быстро встал из-за стола и встряхнулся. Торопливо прошел по комнате и позвонил, вызывая слугу. Однако магия уже начала свое неумолимое действие. Когда появился Лукас, Чилдермасс не знал, где находится — в библиотеке мистера Норрелла или посреди древней дороги.

Он тряхнул головой, несколько раз закрыл и открыл глаза.

— Где хозяин? — поинтересовался он. — Происходит что-то странное.

Лукас окинул его внимательным, даже несколько встревоженным взглядом.

— Мистер Чилдермасс? Вы плохо себя чувствуете, сэр?

— Не обращай внимания. Где мистер Норрелл?

— В адмиралтействе, сэр. Я думал, вы знаете. Примерно час назад за ним прислали экипаж. Полагаю, мистер Норрелл должен уже скоро вернуться.

— Нет, — резко возразил Чилдермасс, — не может быть. Ты уверен, что он не у себя наверху и не занимается магией?

— Абсолютно уверен, сэр. Своими глазами видел, как отбывает экипаж, и хозяин точно сидел внутри. Позвольте мне послать Мэтью за

доктором, мистер Чилдермасс. Вы выглядите совершенно больным.

Чилдермасс открыл было рот, чтобы заявить, что вовсе не болен, что с ним все в порядке, но тут…

…на него посмотрело небо. Земля вздрогнула, ощутив его на своей спине…

Небо заговорило с ним.

Оно говорило на языке, которого он раньше не слышал. Быть может, слов не было вовсе и небо говорило лишь теми черными надписями, что вычерчивали птицы. Он был маленьким, незащищенным и не видел пути к спасению. Небо и земля зажали его между собой, как две ладони, — захотят и раздавят.

Небо снова обратилось к нему.

— Не понимаю, — отвечал он.

Чилдермасс сморгнул и увидел, что над ним склонился Лукас. Судорожно дыша, он протянул руку и тут же что-то задел. С трудом повернул голову и с удивлением обнаружил ножку стула. Судя по всему, он лежал на полу.

— Что… — начал Чилдермасс.

— Вы в библиотеке, сэр, — не дал договорить Лукас. — Мне кажется, вы потеряли сознание.

— Помоги встать. Мне необходимо поговорить с Норреллом.

— Я же уже объяснял вам, сэр…

— Нет, — возразил Чилдермасс. — Ты ошибся. Он наверняка здесь. Должен быть здесь. Отведи меня наверх.

Лукас помог ему подняться и выйти из комнаты, но едва они дошли до лестницы, как Чилдермасс опять едва не лишился чувств. Лукас тут же позвал другого лакея, Мэтью, и вдвоем они не столько отвели, сколько отнесли Чилдермасса на второй этаж, в тот самый кабинет, где мистер Норрелл, как правило, творил самые секретные магические обряды.

Лукас открыл дверь. В камине ярко горел огонь. На столе, на маленьком серебряном подносе, аккуратно лежали перья, перочинные ножички, карандаши. Полная чернильница была закрыта серебряной крышечкой. Книги и блокноты чинно занимали свои места. Комната сверкала чистотой и поражала совершенным, ничем не нарушаемым порядком. Очевидно, мистера Норрелла здесь не было.

Чилдермасс оттолкнул лакеев, остановился на пороге и озадаченно огляделся.

— Видите, сэр? — сказал Лукас. — Все, как я

говорил. Хозяин в адмиралтействе.

— Да, — согласился Чилдермасс.

Тем не менее он ничего не понимал. Если все происходящее не следствие магии Норрелла, то что же это тогда?

— А Стрендж здесь был? — спросил он.

— Разумеется, нет! — возмутился Лукас. — Пущу я его в дом, как же! Вы все еще плохо выглядите, сэр. Давайте я все-таки пошлю за доктором.

— Нет-нет. Мне значительно лучше. Помоги-ка добраться до кресла.

Чилдермасс, вздохнув, тяжело опустился в кресло.

— Что вы на меня уставились? — Он махнул рукой, приказывая слугам удалиться. — Мэтью, тебе что, совсем нечего делать? Лукас, принеси мне лучше стакан воды!

У него кружилась голова, все виделось словно в тумане, однако дурнота немного отступила. Он мог описать пейзаж вплоть до малейшей детали. Картина ясно запечатлелась в мозгу. Осталось чувство нездешнего одиночества, но он больше не боялся заблудиться; вернулась способность думать и рассуждать.

Лукас возвратился с подносом, на котором стояли стакан и графин с водой. Наполнив ста-

кан, лакей подал его Чилдермассу, и тот быстро выпил.

Чилдермасс знал одно заклинание — оно позволяло распознать магию. С его помощью нельзя было узнать, кто колдует и как, лишь определить (по крайней мере, в теории), присутствует ли в атмосфере магия. Чилдермасс лишь однажды к нему прибегал, но тогда ничего не обнаружил, так что не знал, действует ли оно.

— Налей еще воды, — приказал он Лукасу.

Лукас подчинился.

На сей раз Чилдермасс пить не стал. Он пробормотал в стакан несколько слов, поднял его к свету и, пристально вглядываясь, начал медленно поворачивать — до тех пор, пока вот так, сквозь воду, не осмотрел всю комнату.

Ничего.

— Я даже не знаю точно, что ищу, — пробормотал он и обратился к Лукасу: — Пойдем. Мне нужна твоя помощь.

Они спустились в библиотеку. Чилдермасс вновь поднял стакан, вновь пробормотал заклинание и посмотрел сквозь воду.

Опять ничего.

Он подошел к окну. На миг ему показалось, будто на дне стакана блеснула белая светящаяся

жемчужина.

— На площади.

— Что на площади? — не понял Лукас.

Чилдермасс не ответил, только посмотрел в окно. Грязную брусчатку Ганновер-Сквер покрыл чистый белый снег. На фоне белизны четко вырисовывалась ограда посреди площади. Снег продолжал падать, дул резкий, порывистый ветер. Вопреки непогоде на площади собрались люди. Все знали, что мистер Норрелл живет на Ганновер-Сквер, и приходили нарочно, чтобы на него взглянуть. Вот и сейчас джентльмен и две молодые дамы (все, без сомнения, поклонники магии) взволнованно разглядывали фасад. Чуть дальше прислонился к ограде темноволосый молодой человек. Рядом с ним остановился продавец чернил в потрепанном сюртуке, с бочонком за спиной. Правее гуляла еще одна дама. Она повернулась к дому спиной и направлялась в сторону Ганновер-стрит, однако Чилдермасс почему-то не сомневался, что секунду назад она тоже рассматривала особняк. Одета женщина была по последней моде, богато — отделанная горностаем зеленая ротонда и горностаевая муфта свидетельствовали и о хорошем вкусе, и о немалом достатке.

Чилдермасс неплохо знал продавца чернил, поскольку часто покупал его нехитрый товар. Все остальные были ему не знакомы.

— Ты кого-нибудь узнаешь? — спросил он.

— Вон того, темноволосого. — Лукас указал на молодого человека возле ограды. — Это Фредерик Марстон. Он несколько раз приходил сюда, просил мистера Норрелла взять его в ученики. Мистер Норрелл ни разу его не принял.

— Да, припоминаю, ты, кажется, говорил. — Чилдермасс еще с минуту внимательно разглядывал людей на площади, потом сказал: — Как ни странно, кто-то из них сейчас творит магию. Надо разобраться. Пойдем. Я без тебя не справлюсь.

На площади магия ощущалась еще сильнее. В голове Чилдермасса снова зазвучал похоронный звон. За снежным занавесом мерцали два мира, словно картинки из волшебного фонаря: то Ганновер-Сквер, то пустынные поля и черные птицы на фоне бледного неба.

Чилдермасс вновь поднял стакан, готовясь произнести заклинание, но это не понадобилось. Стакан засиял мягким белым светом и внезапно оказался самой яркой точкой во мраке сумрачного зимнего дня; он горел ярче и чище любой лампы, а на лица Чилдермасса и Лукаса легли

странные тени.

С ним вновь заговорило небо. На сей раз оно как будто о чем-то спрашивало. От ответа зависело очень многое. Если бы удалось понять, что требуется, и подобрать слова, чтобы облечь в ответ, то что-то смогло бы освободиться и проявиться — что-то, способное навсегда изменить английскую магию; что-то, о чем ни Норрелл, ни Стрендж еще даже и не задумывались.

Мгновение он силился понять. Язык и заклинание звучали мучительно знакомыми. Казалось, вот сейчас он их поймет. В конце концов, мир твердит ему эти слова постоянно, в каждый из дней жизни, только он прежде этого не замечал…

Лукас что-то говорил. Очевидно, Чилдермасс снова начал падать, потому что Лукас схватил его под мышки и пытался удержать. Стакан, вернее, его осколки валялись на камнях, а снег сиял мягким белым светом.

— …странная вещь, — говорил Лукас. — Ну же, мистер Чилдермасс, держитесь. С вами ведь никогда такого не приключалось. Вы уверены, сэр, что не хотите вернуться в дом? А, вот и мистер Норрелл. Уж он-то наверняка знает, что делать.

Чилдермасс взглянул направо. Со стороны Джордж-стрит на площадь въезжал экипаж мистера Норрелла.

Продавец чернил тоже его заметил. Он тут же приблизился к джентльмену и двум молодым дамам и с почтительным поклоном сказал несколько слов. Все трое повернулись и посмотрели на экипаж. Джентльмен достал из кармана монету и протянул торговцу. Тот снова поклонился и исчез.

Мистер Марстон, темноволосый молодой человек, без подсказки знал, что экипаж принадлежит мистеру Норреллу. Он тут же оторвался от перил и устремился к карете.

Даже модно одетая дама повернулась и пошла к дому, явно намереваясь взглянуть на главного волшебника Англии.

Экипаж остановился возле дома. Лакей спрыгнул с козел и открыл дверь. Показался мистер Норрелл. Он был закутан в такое неимоверное количество шарфов, что его сухонькая фигурка казалась почти дородной. Мистер Марстон немедленно обратился к нему с приветствием, а потом и с еще какими-то словами. Мистер Норрелл нетерпеливо мотнул головой и махнул рукой, отметая докучливого просителя.

Модно одетая дама прошла мимо Чилдермасса и Лукаса. Она была очень бледна и сосредоточенна; те, кому нравится такой типаж, сочли бы ее красивой. Вглядевшись внимательнее, Чилдермасс подумал, что где-то ее видел.

— Лукас, — пробормотал он, — что это за женщина?

— Уж простите, сэр, в первый раз ее вижу.

Мистер Марстон вел себя все настойчивее, а мистер Норрелл все больше сердился. Он огляделя по сторонам и, заметив поблизости Лукаса и Чилдермасса, знаком подозвал их к себе.

И тут нарядная дама шагнула к нему. Казалось, она собирается заговорить, но намерение ее было совершенно иным. Женщина вытащила из муфты пистолет и хладнокровно прицелилась волшебнику в сердце.

Мистер Норрелл и мистер Марстон смотрели на нее.

В следующее мгновение одновременно произошло несколько событий. Лукас выпустил Чилдермасса (который тут же как мешок рухнул на камни) и бросился на помощь хозяину. Мистер Марстон схватил даму за талию. Дэйви, кучер мистера Норрелла, спрыгнул с козел и поймал ее руку.

Чилдермасс лежал на снегу среди осколков стекла. Женщина с поразительной легкостью вырвалась из крепких объятий мистера Марстона и толкнула его с такой силой, что он упал и больше не поднялся. Рукой в перчатке она ткнула Дэйви в грудь, и кучер отлетел на несколько ярдов. Лакей мистера Норрелла, тот самый, что открывал дверь экипажа, попытался сбить ее с ног, однако безрезультатно. Она дотронулась рукой до его лица — прикосновение казалось совсем легким, — и он рухнул. Лукаса дама ударила пистолетом.

Чилдермасс мало что понимал. Он заставил себя подняться и, шатаясь, проковылял с полдюжины ярдов, не зная, бредет по брусчатке Ганновер-Сквер или по древней дороге в Стране Фей.

Мистер Норрелл смотрел на даму с выражением безграничного ужаса; страх парализовал его, он не мог ни вскрикнуть, ни убежать. Чилдермасс примиряющим жестом протянул к ней руки:

— Мэм…

Она даже не взглянула в его сторону.

От хоровода снежинок кружилась голова. Чилдермасс, как ни старался, не мог удержать перед глазами Ганновер-Сквер — чужой далекий пейзаж неумолимо призывал к себе. Сейчас

мистера Норрелла убьют, а он ничем не может помешать.

И тут произошло нечто странное.

Произошло нечто странное. Площадь Ганновер-Сквер внезапно исчезла. Исчезли мистер Норрелл, Лукас и все прочие.

Осталась лишь дама.

Она стояла напротив него, на древней дороге, под небом, где продолжали отчаянно метаться черные птицы. Женщина подняла руку, в которой держала пистолет, и прямо оттуда, из Страны Фей, прицелилась в Англию, в сердце мистера Норрелла.

— Мэм, — снова взмолился Чилдермасс.

Она метнула в него исполненный холодной ярости взгляд. Он не мог ее остановить. Ни в этом мире, ни в каком другом. И поэтому сделал то единственное, что было в его силах, — ухватился за дуло пистолета.

Грянул нестерпимо громкий выстрел.

Именно сила звука, по-видимому, вернула его в Англию.

Он полусидел, полулежал на Ганновер-Сквер, прислонясь спиной к ступенькам экипажа. Интересно, где Норрелл и жив ли вообще? Надо бы

встать и выяснить, подумал Чилдермасс и тут же осознал, что на самом деле ему все совершенно безразлично, а потому остался на месте.

Лишь когда появился врач, он понял, что дама действительно выстрелила и в кого-то попала, и этот кто-то — он сам.

Остаток того дня и бóльшая часть следующего прошли в неразберихе боли и вызванных лауданумом снов. Иногда Чилдермассу казалось, что он стоит на древней дороге под говорящим небом, а порой рядом оказывался Лукас, рассуждающий о фрейлинах и ведерках для угля. Через все небо натянули канат, и на нем балансировали множество людей. Здесь были Стрендж и Норрелл. Оба держали в руках стопки книг. Были издатель Джон Мюррей, и Винкулюс, и многие другие. Время от времени боль выскакивала из плеча Чилдермасса, убегала в комнату и где-то пряталась. Когда такое случалось, ему казалось, что она превратилась в зверушку. Никто, кроме него, вообще не знал, что она здесь. Он подумал, что нужно бы об этом сказать, чтобы ее прогнали. Один раз ему даже удалось ее увидеть: мех был огненно-рыжим, ярче лисьего…

Вечером следующего дня Чилдермасс лежал в

постели, уже значительно лучше понимая, кто он такой и что произошло. Примерно в семь Лукас принес стул из обеденной залы и поставил возле кровати. Еще через мгновение вошел мистер Норрелл и уселся на стул.

Какое-то время мистер Норрелл молчал, неотрывно глядя на стеганое покрывало, причем лицо его выражало озабоченность. Наконец он что-то пробормотал. Бормотание походило на вопрос.

Чилдермасс не расслышал, о чем именно его спрашивают, но, естественно, предположил, что мистер Норрелл интересуется его состоянием, а потому начал отвечать, что надеется через день-другой подняться.

Мистер Норрелл, не дослушав, повторил свой вопрос, на сей раз гораздо громче и резче:

— Зачем вы совершали скопус Белазиса?

— Что-что? — не понял Чилдермасс.

— Лукас сказал, что вы колдовали, — пояснил мистер Норрелл. — Я попросил его описать ваши действия и, естественно, тут же узнал скопус Белазиса[111].

Лицо его приобрело резкое и подозрительное выражение.

---

[111] Примечания: 111

Заклинание для определения магии, изложенное в «Наставлениях» Жака Белазиса.

— С какой целью вы его совершали? А главное, где вы ему научились? Как я могу заниматься своим делом, если меня постоянно вот так предают? Удивительно еще, что я вообще смог чего-то достичь. Да, именно так! Притом что меня окружают слуги, которые за моей спиной учат заклинания, и ученики, стремящиеся разрушить все, что мне удалось сделать!

Чилдермасс взглянул на волшебника с легким раздражением:

— Вы сами меня ему научили.

— Я? — пронзительно взвизгнул мистер Норрелл.

— Именно. Еще до приезда в Лондон. Когда сидели в своей библиотеке в Хартфью, а я рыскал по стране в поисках ценных книг. Вы научили меня заклинанию на случай, если я встречу человека, называющего себя волшебником-практиком. Вы опасались, что кто-нибудь…

— Да-да, — нетерпеливо прервал мистер Норрелл. — Теперь припоминаю. Однако это не объясняет, зачем вы воспользовались им вчера утром на площади.

— Затем, что там была магия.

— Лукас почему-то ничего не заметил.

— Не дело Лукаса замечать магию. Это моя

обязанность. Случилась престранная вещь. Мне почудилось, будто я не здесь, а в каком-то совершенно ином, очень опасном месте. Не знаю, что это было за место, но хорошо помню его особенности — чуть позже расскажу подробно. Главное, что оно вовсе не в Англии. Совершенно определенно. Думаю, я каким-то образом оказался в Стране Фей. Что за магия способна так подействовать? Откуда она взялась? Могла ли та женщина оказаться волшебницей?

— Какая женщина?

— Которая в меня выстрелила.

Мистер Норрелл сердито засопел.

— Пуля повредила вам значительно сильнее, чем я предполагал, — презрительно заявил он. — Будь она и впрямь волшебницей, неужто вы бы отделались так легко? На площади не было волшебников. И уж определенно дама здесь ни при чем.

— Почему? Кто она?

Мистер Норрелл ответил не сразу.

— Жена сэра Уолтера Поула. Я ее воскресил.

Чилдермасс помолчал, затем проговорил:

— Поразительно! Знаю нескольких человек, у которых есть причины нацелить пистолет вам в сердце, но при всем желании не могу понять, как

в их числе оказалась эта женщина.

— Мне говорили, что она не в себе. Она сбежала из-под надзора, чтобы меня убить, — явное доказательство ее безумия. — Серые глазки мистера Норрелла смотрели куда-то в сторону. — Все знают, что я ее спас.

Чилдермасс едва его слушал.

— Где она взяла пистолет? Сэр Уолтер — разумный человек. Трудно представить, что он оставляет оружие на виду у нездоровой женщины.

— Это дуэльный пистолет. Один из пары, хранящейся у сэра Уолтера. Он держит их в запертом футляре, а футляр — в запертом бюро, в своем личном кабинете. Сэр Уолтер клянется, что она до вчерашнего дня не знала об их существовании. А каким образом ей удалось раздобыть ключи — оба, — загадка для всех.

— Тоже мне, загадка! Жены, даже сумасшедшие, умеют выудить у мужей все, что им нужно.

— Ключей у сэра Уолтера не было, и это самое странное. Пистолеты — единственное огнестрельное оружие в доме. Сэр Уолтер, который часто подолгу отсутствует, тревожась за безопасность жены, доверил их дворецкому — высокому негру. Полагаю, вы знаете, о ком я. Сэр Уолтер

очень корит себя за оплошность. Он всецело полагался на дворецкого. Хотя кто знает, что у слуг на уме. — Мистер Норрелл словно забыл, что сам разговаривает со слугой. — И все-таки трудно предположить, что этот человек таит против меня зло. За все время я не перекинулся с ним и парой слов, — продолжал он. — Разумеется, я мог бы привлечь леди Поул за попытку убийства. Вчера я так и собирался сделать, но мне напомнили, что надо подумать о самом сэре Уолтере. Так считают и лорд Ливерпуль, и мистер Лассельс. Наверное, они правы. Сэр Уолтер всегда был добрым другом английских волшебников. Не хочется давать ему повод пожалеть о нашей дружбе. Он торжественно поклялся упрятать жену как можно дальше — куда-нибудь в деревню, где ее никто не увидит.

Мистер Норрелл не позаботился ознакомиться с мнением Чилдермасса. Хотя тот лежал сейчас на кровати, страдая от боли и потери крови, а сам мистер Норрелл отделался легкой головной болью да царапиной на пальце, он считал себя главным пострадавшим.

— Так что же это было за волшебство? — не отступал больной. — Чье?

— Мое, разумеется! — сердито отрезал мистер

Норрелл. — Чье же еще? То самое волшебство, которым я вернул ее из мертвых. Именно его вы ощутили, именно его обнаружило заклинание Белазиса. Дело происходило в начале моей карьеры, могли иметь место некоторые мелкие неточности, способные привести к непредвиденным поворотам и…

— К непредвиденным поворотам? — хрипло воскликнул Чилдермасс и закашлялся. Немного придя в себя, он продолжал: — Меня едва не увлекло в края, где все пропитано магией. Со мной говорило небо! Все обращалось ко мне! Как такое могло произойти?

Мистер Норрелл поднял брови:

— Понятия не имею. Возможно, вы были пьяны.

— Вы видели меня пьяным при исполнении обязанностей? — ледяным тоном уточнил Чилдермасс.

Мистер Норрелл пожал плечами, словно пытаясь оправдаться.

— Не имею ни малейшего понятия, чем вы изволите заниматься. С первой минуты появления в моем доме вы сам себе хозяин.

— Однако происшедшее не кажется таким странным, если рассматривать его в свете

древней английской магии, — настаивал Чилдермасс. — Разве вы не говорили, что ауреаты рассматривали деревья, холмы, реки и все прочее как живых созданий, обладающих собственными мыслями, памятью и желаниями? Ауреаты считали, что весь мир постоянно колдует.

— Некоторые из ауреатов действительно так считали. Данную точку зрения они переняли у слуг-эльфов. Те приписывали часть своих магических способностей умению говорить с деревьями, реками и горами, заводить с ними дружбу и заключать союзы. Однако нет причин полагать, что они были правы. Моя собственная магия не основывается на таких нелепицах.

— Небо говорило со мной! — повторил Чилдермасс. — Если мне все это не привиделось, тогда… — Он замолчал, не договорив.

— Тогда что? — уточнил мистер Норрелл.

Чилдермасс от слабости размышлял вслух. Он хотел сказать, что если виденное им реально, то вся магия Стренджа и Норрелла — детская забава. Истинная магия куда серьезнее, опаснее и неожиданнее, чем они думают. Стрендж и Норрелл играют в дартс, кидая в мишень легкие бумажные дротики, истинная же магия парит на мощных крыльях в бескрайнем небе. Тут он сооб-

разил, что мистеру Норреллу едва ли понравится такой взгляд, и счел за благо промолчать.

Тем не менее мистер Норрелл понял его мысли.

— О! — воскликнул он с неожиданной страстью. — Прекрасно! Вот, значит, как, да? Тогда советую присоединиться к Стренджу, Мюррею и прочим предателям! Думаю, вы обнаружите, что их образ мысли соответствует вашим настроениям! Не сомневаюсь, что они с удовольствием вас примут. И с удовольствием выслушают все мои секреты, которые вы сможете им поведать. Больше того, они хорошо вам заплатят! Я буду разбит, разорен…

— Успокойтесь, мистер Норрелл. Я не собираюсь устраиваться к кому-либо еще. Вы — последний, у кого я служу.

Вновь наступило молчание. Мистер Норрелл, кажется, понял, что не очень-то красиво ссориться с человеком, который только вчера спас тебе жизнь. Уже спокойнее он сказал:

— Думаю, вам еще не говорили. У Стренджа умерла жена.

— Что?

— Умерла. Мне сообщил сэр Уолтер. Отправилась гулять в снегопад. Весьма неразумно. А через

два дня скончалась.

Чилдермасс похолодел. Вновь неожиданно подступил мрачный пейзаж — вот он, совсем рядом, под самой кожей Англии. Чилдермасс почти чувствовал, как снова бредет по древней дороге…

…и перед ним, на той же дороге, шла Арабелла Стрендж. Он видел ее спину… она быстро уходила в зябкие серые просторы, под говорящим на магическом языке небом…

— Я слышал, — продолжал мистер Норрелл, совершенно не замечая неожиданной бледности и тяжелого дыхания Чилдермасса, — что леди Поул очень тяжело пережила смерть миссис Стрендж. Ее отчаянье выходило за рамки разумного. Судя по всему, они дружили. Я не знал. А если бы знал, то, возможно… — Он замолчал, и на лице его отразились какие-то тайные душевные движения. — Однако теперь это не важно. Одна из них сумасшедшая, вторая умерла. По словам сэра Уолтера, леди Поул считает меня в каком-то смысле виновником смерти миссис Стрендж. — Он вновь помолчал. Потом, словно у кого-то могли возникнуть хоть какие-то сомнения на сей счет, добавил: — Что, разумеется, чистой воды нелепица.

Тут в комнату вошли два именитых доктора, которых мистер Норрелл пригласил к Чилдермассу. Увидев возле постели больного самого хозяина, они очень удивились. Удивились и обрадовались. Они без конца улыбались и кланялись, восхищаясь тем, что великий человек лично навещает недужного слугу. Мало домов, отметили они, где господин так печется о слугах и где те привязаны к нему не столько долгом, сколько уважением и взаимной любовью.

Мистер Норрелл был не меньше других падок на лесть и вскоре сам поверил в свое исключительное благородство. Он протянул было руку, чтобы дружески и снисходительно потрепать Чилдермасса по плечу, однако, наткнувшись на ледяной взгляд больного, все-таки одумался, кашлянул и вышел из комнаты.

Чилдермасс проводил его взглядом.

Винкулюс говорил, что все волшебники лгут, а этот — больше всех.

47. «Собрать в одном месте и черного, и синего – уж чой-то да значит»

Конец января 1816 года

Экипаж сэра Уолтера Поула катил по пустынной йоркширской дороге. Рядом на белой лошади ехал Стивен Блэк. По обе стороны от дороги до самого набрякшего снегом неба тянулись вересковые пустоши. Серые корявые камни еще усиливали ощущение бесприютности. Порою одинокий луч, пробив облака, выхватывал из сизой мглы то стремительный пенящийся ручей, то заполненную водой рытвину на дороге, и та вспыхивала, словно оброненная серебряная монетка.

Показался перекресток. Кучер остановил лошадей и мрачно уставился туда, где, по его мнению, должен был стоять указатель.

— Здесь нет мильных столбов, — произнес Стивен, — и никаких других указаний, куда эти дороги ведут.

— Если вообще ведут, — заметил кучер, — в чем я уже сомневаюсь.

Он вытащил из кармана табакерку и сунул в

нос понюшку.

Лакей, сидевший на козлах рядом с кучером (из всех троих он выглядел самым замерзшим и несчастным), выразительно обругал и сам Йоркшир, и всех его жителей, и его дороги.

— Мы должны ехать на север или на северо-восток, — сказал Стивен, — но я немного сбился. Ты знаешь, где север?

Кучер, которому адресовался вопрос, ответил, что, по его мнению, в этих краях север везде.

Лакей коротко, невесело рассмеялся.

Поняв, что спутники ему ничем не помогут, Стивен сделал то, что всегда делал в таких случаях, — взял ответственность на себя. Кучеру он приказал ехать по одной дороге, а сам свернул на другую.

— Если повезет, вернусь и найду вас или же пошлю кого-нибудь с известием. Если повезет тебе, то выполняй, что поручено, а обо мне не беспокойся.

Стивен двинулся вперед, с сомнением разглядывая все попадающиеся по пути дорожки и тропинки. Раз он встретил другого одинокого всадника и спросил дорогу, но тот сам впервые очутился в этих краях и никогда не слышал названия, которое произнес Стивен.

Наконец он доехал до узкой дороги между двух стен, сложенных, по обычаю этих мест, без раствора, и свернул на нее. За обеими стенами тянулись голые зимние деревья. К тому времени как начали падать первые снежинки, всадник пересек реку по неширокому мосту и очутился в деревушке из неприветливых каменных домиков и обветшалых изгородей. Стояла полная тишина. Домов было совсем немного, и Стивен без труда нашел то, что искал: длинную приземистую усадьбу. С глубочайшим неудовольствием он окинул взглядом низкую крышу, старомодные ставни на окнах, покрытые мхом камни.

— Эй! Есть здесь кто-нибудь?

Снегопад усиливался. Откуда-то сбоку показались двое слуг. Одеты они были опрятно и чисто, однако нервное выражение их лиц и какая-то неловкость в движениях заставили Стивена поморщиться. Уж он бы научил их манерам!

Слуги, в свою очередь, изумленно разглядывали неожиданно появившегося у них во дворе черного человека верхом на молочно-белой кобыле. Наконец тот из двоих, кто оказался похрабрее, отвесил неуверенный полупоклон.

— Это Старкросс-Холл? — поинтересовался Стивен.

— Да, сэр, — ответствовал храбрый слуга.

— У меня дело от сэра Уолтера Поула. Позови хозяина.

Слуга убежал. Через минуту открылась парадная дверь, и показался худой темноволосый человек.

— Вы смотритель скорбного дома? — спросил Стивен. — Вы — Джон Сегундус?

— Да-да, конечно! — вскричал мистер Сегундус. — Прошу! Прошу в дом!

Стивен спешился и бросил поводья слуге.

— Нелегко вас найти! Мы уже больше часа скитаемся по этим чертовым пустошам. Можете послать кого-нибудь за экипажем ее милости? Они свернули налево — на развилке милях в двух отсюда.

— Разумеется. Немедленно сделаю, — заверил гостя мистер Сегундус. — Сожалею, что вам выпало столько трудностей. Как видите, дом стоит весьма уединенно, но именно это и требовалось сэру Уолтеру. Надеюсь, его супруга хорошо себя чувствует?

— Ее милость очень утомлена дорогой.

— Все готово к ее прибытию. Хотя… — мистер Сегундус указал на дом, — это, разумеется, совсем не то, к чему она привыкла…

Пройдя коротким каменным коридором, они оказались в комнате, приятно контрастирующей с холодными и мрачными окрестностями. Все говорило об уюте и гостеприимстве. Картины и красивая мебель, мягкие ковры и приветливо сияющие лампы. Низкие скамеечки, на которые госпожа могла поставить ножки, если они устали; расписные ширмы, чтобы защититься от сквозняка, если она озябнет; разнообразные книги, если ей придет в голову что-нибудь почитать.

— Что, не подходит? — с тревогой в голосе поинтересовался мистер Сегундус. — Вижу по вашему лицу, что допустил какой-то промах.

Стивен едва не сказал, что видит нечто совсем иное: то, что увидит, оказавшись в комнате, ее милость. Стулья, картины и лампы — все покажется ей призрачным. За ними встают куда более реальные залы и лестницы «Утраченной Надежды».

Объяснять не имело смысла. Каждое произнесенное слово тут же превратится в какую-нибудь чепуху насчет пива, сваренного из гнева, и неутоленной жажды мести, девушек, чьи слезы при полной луне превращаются в опалы и жемчуга и чьи следы наполняются кровью в новолуние. Поэтому он сказал только:

— Нет-нет, все хорошо. Ее милости больше ничего не потребуется.

Многим такой ответ показался бы холодноватым, особенно после стольких трудов, однако мистер Сегундус принял его как должное.

— Так это та самая леди, которую мистер Норрелл воскресил из мертвых? — спросил он.

— Да, — подтвердил Стивен.

— Событие, с которого началось возрождение английской магии!

— Да, — снова коротко ответил Стивен.

— И тем не менее она попыталась его убить! Очень, очень странно!

Стивен промолчал. Он считал, что смотрителю скорбного дома незачем размышлять на подобные темы, тем более что до правды тому все равно не добраться.

Чтобы отвлечь мысли мистера Сегундуса от предполагаемого преступления леди Поул, Стивен заметил:

— Сэр Уолтер сам выбрал это заведение. Не знаю, чьим советом он руководствовался. А вы давно содержите дом для умалишенных?

Мистер Сегундус рассмеялся:

— Нет, совсем недавно. Всего две недели. Леди Поул — моя первая пациентка.

— Вот как!

— Мне кажется, сэр Уолтер воспринял мою неопытность не как недостаток, а как достоинство! Другие джентльмены этой профессии обходятся с подопечными очень жестоко, связывают их или сажают на цепь, чего сэр Уолтер никак не может принять в отношении собственной супруги. Мне не придется менять подход. В этом доме ее милость ждут уважение и доброта. Так что, если не считать мелких предосторожностей практического толка — скажем, необходимости прятать ножи и пистолеты, — с ней будут обходиться как с гостьей.

Стивен кивнул.

— Как вы пришли к этому?

— Каким образом я нашел этот дом?

— Нет, как стали смотрителем приюта для умалишенных?

— О! Совершенно случайно. В сентябре прошлого года мне посчастливилось встретить даму по имени миссис Леннокс, мою нынешнюю благодетельницу. Дом принадлежит ей. Много лет она пыталась найти хорошего жильца, но безуспешно. Желая мне помочь, она решила создать некое дело и поставить меня во главе. Сперва мы хотели основать школу волшебников, но…

— Волшебников! — удивленно воскликнул Стивен. — Какое отношение вы имеете к волшебникам?

— Самое прямое. Я сам волшебник.

— Что вы говорите!

Новость до такой степени поразила гостя, что первым порывом мистера Сегундуса было рассыпаться в извинениях — хотя он и не знал, в чем здесь извиняться. Поэтому он просто продолжил:

— Однако мистер Норрелл не одобрил наш замысел, о чем известил нас через Чилдермасса. Вы знакомы с Джоном Чилдермассом, сэр?

— В лицо знаю, — ответил Стивен, — но ни разу не разговаривал.

— Поначалу мы с миссис Леннокс не собирались его слушать — то есть мистера Норрелла, а не Чилдермасса. Я написал мистеру Стренджу, но мое письмо пришло в то самое утро, когда пропала его жена. А всего лишь несколько дней спустя, как вы, должно быть, знаете, бедняжка скончалась.

Казалось, Стивен собрался что-то произнести, потом просто мотнул головой. Мистер Сегундус продолжал:

— Стало ясно, что без помощи мистера Стренджа со школой у нас ничего не получится, и от

этой мысли пришлось отказаться. Я съездил в Бат и поставил миссис Леннокс в известность. Она, добрейшая душа, сказала мне не отчаиваться: мы непременно что-нибудь еще придумаем. Впрочем, должен признаться, я покинул ее дом в самом подавленном расположении духа. Не успел я пройти и нескольких шагов, как мне предстало странное зрелище. Посреди дороги стоял человек в черных лохмотьях. Красные воспаленные глаза его не выражали ни мысли, ни надежды. Он яростно отмахивался от осаждавших его видений и что-то кричал, моля о пощаде. Несчастный! Больные телесным недугом находят облегчение во сне, но я почувствовал, что этот человек и в забытьи не сможет освободиться от демонов. Вложив в руку несчастного несколько монет, я продолжил путь. Не могу сказать, думал ли я о нем, возвращаясь, — если и думал, то не отдавал себе в том отчета. Однако стоило мне переступить порог этого дома, как произошло нечто в высшей степени любопытное. На меня снизошло то, что называют видением. Я увидел несчастного безумца стоящим прямо здесь — точно таким, каким видел его в Бате. И в тот миг я понял, что этот дом — с его тишиной и уединением — может стать приютом для тех, кто утратил

рассудок и душевный покой. Я тут же написал миссис Леннокс, и она одобрила мой план. Вы сказали, что не знаете, кто порекомендовал мое заведение сэру Уолтеру. Могу ответить: Чилдермасс. Да, Чилдермасс обещал помочь мне, если это окажется в его силах.

— Вам лучше не упоминать вашу профессию или школу, сэр, во всяком случае, на первых порах, — заметил Стивен. — Ничто в мире — в этом или в ином — не доставит ее милости такую боль, как открытие, что она вновь в плену у волшебника.

— В плену! — явно пораженный, воскликнул мистер Сегундус. — Какое странное слово! Искренне надеюсь, что здесь никто не почувствует себя в неволе! И уж конечно, не ее милость!

Стивен внимательно глянул на собеседника.

— Уверен, вы совсем не такой волшебник, как мистер Норрелл, — заметил он.

— Надеюсь, что да, — с полной серьезностью ответил мистер Сегундус.

Примерно через час во дворе послышался шум. Стивен и мистер Сегундус вышли, чтобы встретить ее милость. Экипаж никак не мог проехать по узкому мосту, и леди Поул вынуждена была пройти последние ярдов пятьдесят пешком. Она

вошла во двор усадьбы с некоторым трепетом, всматриваясь сквозь хлопья густого снега. Стивен поймал себя на мысли, что лишь очень жестокий человек мог бы смотреть на нее — такую молодую, красивую и такую несчастную — и не проникнуться состраданием. Он мысленно проклял мистера Норрелла.

Казалось, нечто во внешности гостьи поразило мистера Сегундуса. Он бросил взгляд на ее левую руку, но кисть была скрыта перчаткой. Мистер Сегундус тут же овладел своими чувствами и любезно приветствовал ее милость.

В гостиной Стивен принес им чай.

— Мне говорили, что ваша милость чрезвычайно расстроены смертью миссис Стрендж, — заметил мистер Сегундус. — Могу я выразить соболезнование?

Дама отвернулась, явно пытаясь скрыть слезы.

— Соболезновать надо ей, а не мне, — ответила она. — Муж предложил написать мистеру Стренджу и попросить на короткое время портрет его жены, чтобы снять с него копию — мне в утешение. Зачем? Я и так не забуду, как она выглядит, — каждый вечер мы проводим время на одних и тех же балах, — и, полагаю, так будет до нашей смерти. Стивен знает. Он понимает.

— Ах да, — тут же поддержал мистер Сегундус. — Знаю, что ваша милость очень боится танцев и музыки. Не беспокойтесь, здесь ничего такого не будет. Мы постараемся сделать вашу жизнь как можно более приятной.

Он начал рассказывать о книгах, которые они прочтут вместе, и о прогулках, которые совершат весной, если, конечно, ее милость того пожелает.

Стивену, занятому приготовлением чая, разговор казался совершенно невинным — разве что раз или два мистер Сегундус перевел пристальный взгляд с него на ее милость и обратно. Это и озадачило его, и рассердило.

Экипаж, кучер, горничная и лакей должны были остаться в Старкросс-Холле в распоряжении леди Поул, самому же Стивену предстояло вернуться на Харли-стрит. На следующее утро, пока ее милость завтракала, он зашел попрощаться.

Когда он поклонился, она рассмеялась грустно и в то же время лукаво.

— Смешно вот так расставаться, когда мы оба точно знаем, что через несколько часов вновь окажемся вместе. Не волнуйся обо мне, Стивен. Мне здесь будет лучше. Я чувствую.

Стивен направился в конюшню, где стояла его лошадь. Надевая перчатки, он неожиданно услы-

шал за своей спиной голос:

— Прошу прощения!

Он повернулся и увидел мистера Сегундуса, такого же неуверенного и мягкого, как и всегда.

— Могу я задать вам один вопрос? Что это за магия — та, которая окружает вас и ее милость? — Он поднял руку так, словно собирался провести пальцами по лицу Стивена. — На ваших губах ало-белая роза, и точно такая же — на губах леди Поул. Что это значит?

Стивен поднес руку к губам. Там ничего не было. На какой-то миг у него возникла безумная мысль рассказать мистеру Сегундусу о чарах, которые связывали его и двух женщин. Что, если мистер Сегундус каким-то образом сумеет понять? Вдруг он куда более могущественный волшебник, чем Стрендж или Норрелл, и сможет победить джентльмена с волосами, как пух на отцветшем чертополохе? Впрочем, фантазии быстро улетучились. Верх взяло недоверие к англичанам в целом и к английским волшебникам в частности.

— Извините, я не понимаю, о чем вы, — быстро ответил он и, сев на лошадь, уехал, не произнеся больше ни слова.

Таких безобразных зимних дорог, как в тот

день, Стивен еще не видел. Грязь замерзла и превратилась в твердые, словно железо, рытвины и бугры. Толстый слой инея покрывал поля и дороги, а ледяной туман лишь усиливал сумерки.

Лошадь, на которой он ехал, была одним из бесчисленных подарков джентльмена. Молочно-белая кобыла без единого черного волоска. Кроме этого, она отличалась силой и резвостью и любила Стивена, как только лошадь может любить человека. Он назвал ее Флоренцией. Ни принц-регент, ни герцог Веллингтон не могли похвалиться таким скакуном. То была одна из особенностей его странной, окутанной чарами жизни: куда бы он ни ехал, никто не удивлялся, что слуга-негр разъезжает на лучшей лошади в королевстве.

Проехав миль двадцать к югу от Старкросс-Холла, Стивен оказался в небольшой деревушке. Дорога круто поворачивала, огибая большой дом с садом справа и покосившимися конюшнями слева. Когда Стивен проезжал мимо входа, из-за поворота вылетел экипаж. Они едва не столкнулись. Кучер оглянулся выяснить, что напугало лошадей и заставило его натянуть вожжи. Увидев негра, он взмахнул хлыстом. Удар пришелся не по Стивену, а по Флоренции — прямо над ее правым

глазом. От боли и страха лошадь встала на дыбы и тут же поскользнулась на обледенелой дороге.

Все как будто опрокинулось. Когда к Стивену вернулась способность соображать, он обнаружил, что лежит на земле. Флоренция упала, а его отбросило в сторону, однако нога застряла в стремени и вывернулась самым неестественным образом. Он решил, что она сломана.

Стивен осторожно высвободил ступню и мгновение сидел неподвижно — голова кружилась, подступала дурнота. По лицу текло что-то липкое и теплое, руки саднило. Наконец он попытался встать и с облегчением обнаружил, что нога слушается; судя по всему, это был не перелом, а сильный ушиб.

Флоренция храпела, закатив глаза. Стивен удивился, что она не пытается встать и даже не брыкается. Лошадь лишь конвульсивно вздрагивала, но больше не совершала никаких движений. Ноги ее застыли в каком-то неестественном положении. Стивену стало ясно: Флоренция не может двигаться, у нее сломан хребет.

Он взглянул на господский дом, надеясь, что кто-нибудь выйдет на помощь. Вот в одном из окон появился женский силуэт; Стивен успел рассмотреть красивое платье и холодное, высо-

комерное лицо. Увидев, что несчастный случай не нанес вреда ее собственности, дама скрылась и больше уже не появлялась.

Стивен встал на колени подле лошади и погладил ее по голове. Достал из седельной сумки пистолет, пороховницу, шомпол и патрон. Зарядил пистолет, насыпал порох на полку. Потом встал и взвел курок.

Однако он не смог спустить затвор. Флоренция была ему верным другом; рука не поднималась ее убить. Стивен уже почти отчаялся, когда за спиной, на дороге, послышался шум. Из-за угла показалась телега, запряженная медлительной ломовой лошадью. Возчик — толстый, круглолицый, одетый в древний сюртук, — заметив Стивена, натянул вожжи.

— Эй, мил человек, что у тебя там?

Стивен, не произнося ни слова, пистолетом показал на Флоренцию.

Возчик слез с телеги и подошел.

— Да, славная кобылка была, ничего не скажешь! — Он хлопнул Стивена по плечу и сочувственно вздохнул, распространяя капустный дух. — Да ей уже не поможешь!

Возчик перевел взгляд с лица Стивена на пистолет. Потом медленно протянул руку и направил

ствол на вздрагивающую голову лошади. Однако Стивен все равно не мог нажать на спуск.

— Давай я, что ли? — предложил возчик.

Стивен кивнул.

Возчик взял пистолет. Стивен отвернулся. Раздался выстрел — ужасный звук, за которым последовало карканье и шум крыльев — это одновременно поднялись в воздух все птицы в округе. Стивен оглянулся. Флоренция вздрогнула и застыла.

— Спасибо, — сказал Стивен.

Возчик направился к телеге, и Стивен решил, что сейчас вновь останется в одиночестве, но тот вернулся, снова похлопал его по плечу и протянул темную бутыль.

Стивен глотнул. Это был джин, причем самый крепкий. Он закашлялся.

Одежда и башмаки Стивена стоили раза в два дороже, чем лошадь и телега возчика, однако тот разговаривал тем тоном дружелюбного превосходства, которым белые обращаются к черным. Обдумав ситуацию, он заявил, что прежде всего необходимо убрать животное с дороги.

— Лошадка денег стоит — и живая, и мертвая. Твой хозяин спасибо не скажет, если кто другой ее приберет.

— Лошадь не хозяина, — сказал Стивен, — а моя.

— Ого! — удивился возчик. — Глянь только!

На молочно-белый бок Флоренции опустился ворон.

— Нет! — закричал Стивен, поднимаясь, чтобы прогнать птицу.

Однако возчик остановил его:

— Не надо. Пущай. Это к счастью. Даже и не припомню, когда я видел такой добрый знак!

— К счастью! — возмутился Стивен. — О чем ты?

— Это ж символ старого короля! Ворон на чем-то белом — герб старого Джона![112]

Возчик рассказал, что неподалеку есть место, где за определенную плату люди помогут Стивену похоронить лошадь. Оба забрались на телегу и отправились на ферму.

Фермер ни разу в жизни не встречал чернокожего и страшно удивился, увидев у себя во дворе такое диковинное существо. Он никак не верил, что Стивен говорит по-английски. Возчик, понимая фермера, встал рядом со Стивеном и начал любезно повторять каждое слово для

---

[112] Примечания: 112

На гербе Джона Аскгласса был изображен ворон в полете, черный на белом поле.

несообразительного собеседника. Однако и это не помогло. Фермер не обращал на речи обоих ни малейшего внимания, а только пялился на Стивена и время от времени обменивался впечатлениями с одним из работников, застывшим рядом в таком же трансе. Фермера интересовало, остаются ли на том, до чего дотрагивается черный, следы; волновали его и другие вопросы куда более неприятного и даже оскорбительного свойства. Все попытки Стивена договориться о дальнейшей судьбе мертвой лошади ни к чему не привели, пока с базара не вернулась жена фермера. Она считала, что обладатель хорошей одежды и дорогой лошади (пусть даже мертвой) — джентльмен, будь он хоть какого цвета. Она рассказала Стивену о живодере, который забирает мертвых лошадей с фермы. Он распорядится мясом, продаст кости и копыта на клей. Она пообещала договориться с живодером за треть вырученной суммы. Стивен согласился.

Телега выехала с фермы и свернула на дорогу.

— Спасибо, — сказал Стивен. — Без вашей помощи все оказалось бы куда сложнее. Разумеется, я заплачу за услугу, однако боюсь, что должен вас побеспокоить еще. Вернуться домой мне не на чем. Буду очень признателен, если вы согласитесь

довезти меня до ближайшего постоялого двора.

— Спрячь кошелек, мил человек, — ответил возчик. — Я довезу тебя до самого Донкастера и денег не возьму.

Сказать по правде, Стивен предпочел бы постоялый двор, однако возчик так обрадовался попутчику, что отказать ему было бы черной неблагодарностью.

Повозка двигалась к Донкастеру неторопливо, пробираясь по проселочным дорогам и приближаясь к постоялым дворам и деревням с самых неожиданных направлений. Они привезли кровать в один дом, кекс с изюмом — в другой; сверткам самой причудливой формы не было числа. Раз остановились возле крохотного домишки, одиноко стоявшего посреди леса за высокой изгородью. Возчик принял из рук очень древней горничной столь же древнюю черную клетку, в которой сидела маленькая канарейка. Возчик сообщил Стивену, что птица принадлежала недавно умершей весьма престарелой даме и должна быть доставлена ее внучатой племяннице, проживающей к югу от Селби.

Вскоре после того, как канарейку надежно устроили в дальнем конце телеги, Стивен вздрогнул от громового храпа, внезапно раздавшегося

из того же самого места. Трудно было поверить, что маленькая птичка способна издавать такие громкие звуки, поэтому он заключил, что в телеге есть еще один человек, которого он пока не имел возможности лицезреть.

Возчик достал из корзины солидного размера мясной пирог и головку сыра. Большим ножом он отрезал по куску того и другого и хотел было предложить Стивену, но вдруг засомневался.

— Черные едят то же, что и мы? — уточнил он таким тоном, словно подразумевал, что они могут питаться травой или, скажем, лунным светом.

— Да, — коротко ответил Стивен.

Возчик протянул ему пирог и сыр.

— Спасибо, — сказал Стивен. — А ваш пассажир не захочет подкрепиться?

— Может быть, и захочет. Когда проснется. Я взял его в Рипоне. Денег у него не было. Я думал, будет с кем покалякать в дороге. Поначалу он вроде был разговорчивый, а в Боробридже завалился на боковую, да так с тех пор и дрыхнет.

— Очень нелюбезно с его стороны.

— Да мне-то что! Я теперь могу с тобой поговорить.

— Должно быть, он очень устал, — предположил Стивен. — Он проспал выстрел, которым

вы прикончили мою лошадь, глупого фермера, кровать и канарейку — все события дня. Куда он едет?

— Он-то? А никуда. Просто так — бродит с места на место. Его преследует один именитый человек в Лондоне, а потому ему нельзя нигде подолгу задерживаться, не то его схватят слуги этого богача.

— Неужели?

— Он синий, — спокойно уточнил возчик.

— Синий? — не понял Стивен.

Возчик кивнул.

— Как это так? Посинел от холода? Или его избили?

— Да нет, мил человек. Просто синий. Вот ты — черный, а он синий. Так что у меня в телеге сегодня черный малый и синий малый. Никогда о таком не слыхал. Если считать, что встретить черного малого на дороге — к счастью, ну, как черную кошку, скажем, то собрать в одном месте и черного, и синего — уж чой-то да значит. Вот только что?

— Возможно, это что-то значит, — предположил Стивен, — но не для вас, а для него. Или для меня.

— Нет, — возразил возчик. — Наверняка для

меня.

Стивен задумался о необычной расцветке странного попутчика.

— Он чем-нибудь болен?

— Кто его знает, — неопределенно ответил возчик, не беря на себя ответственность.

Закончив трапезу, возчик скоро начал клевать носом, а потом и вовсе уснул с вожжами в руках. Телега продолжала преспокойно катиться по дороге под водительством лошади, животного исключительно разумного и уравновешенного.

Поездка очень утомила Стивена. Ссылка леди Поул и гибель Флоренции угнетали его дух. Он был рад на время избавиться от болтовни возчика.

Раз из телеги послышалось бормотание, свидетельствующее, что синий попутчик понемногу просыпается. Вначале слов было не разобрать, но вдруг донеслось вполне отчетливо: «Безымянный раб воцарится в чужой земле».

Стивен вздрогнул, вспомнив обещание джентльмена сделать его королем Англии.

Темнело. Стивен остановил лошадь, спустился с козел и зажег три висящих на телеге старых фонаря. Он уже собрался было вернуться на место, но тут из повозки вылез потрепанный, неряшли-

вого вида человек и спрыгнул на ледяную землю рядом со Стивеном.

При свете фонарей неряшливый человек внимательно осмотрел Стивена.

— Мы уже там? — хриплым голосом поинтересовался он.

— Где там? — уточнил Стивен.

Незнакомец на секунду задумался и решил перефразировать вопрос.

— Где мы? — произнес он.

— Нигде. Между местом под названием Уллескеф и местом под названием Торп-Уиллоуби.

Хотя попутчик и задал вопрос, ответ не слишком его заинтересовал. Грязная рубаха была расстегнута до пояса, и Стивен понял, что описание, данное возчиком, не соответствует действительности. Попутчик не был синим в том же смысле, в каком сам Стивен был черным. Это был худой, воровато-хищного вида человек, кожа которого в обычном состоянии была бы того же цвета, что у остальных англичан. Однако ее покрывал странный рисунок из множества синих линий, завитушек, точек и кругов.

— Ты знаешь Джона Чилдермасса, слугу волшебника? — поинтересовался он.

Стивен вздрогнул. Любой бы вздрогнул, если

бы ему дважды за день совершенно незнакомые люди задали один и тот же вопрос.

— Видел несколько раз, но ни разу не разговаривал.

Человек улыбнулся и подмигнул:

— Он восемь лет меня разыскивает. Пока не нашел. Я был в Йоркшире, смотрел на дом его господина. Стоит в огромном парке. Неплохо было бы что-нибудь там стащить. Когда я был в его доме в Лондоне, то съел несколько пирогов.

Странно было говорить с человеком, который открыто признает себя вором, однако Стивен не мог не чувствовать своеобразной солидарности с человеком, обокравшим волшебника. Если бы не мистер Норрелл, леди Поул и он сам никогда не оказались бы в сетях чар. Он достал из кармана две монеты по кроне.

— Держи!

— За что? — с подозрением поинтересовался незнакомец (но деньги взял).

— Мне тебя жаль.

— Почему?

— Потому что, если я услышал правду, у тебя нет дома.

Незнакомец снова усмехнулся и поскреб грязную щеку.

— А если я услышал правду, то у тебя нет имени.

— Что-что?

— У меня есть имя. Винкулюс. — Он схватил Стивена за руку. — Почему ты вырываешься?

— Я не вырываюсь, — возразил Стивен.

— Вырывался. Только сейчас.

Стивен на мгновение задумался.

— У тебя кожа странного цвета. Я подумал, может, это какая-то болезнь.

— Моя кожа означает вовсе не это, — сказал Винкулюс.

— Означает? — удивился Стивен. — Какое странное слово! И тем не менее правильное. Кожа действительно способна означать многое. Моя означает, что любой может прилюдно меня ударить, не опасаясь последствий. Она означает, что друзья не любят показываться со мной на улице. И еще — сколько бы книг я ни прочитал, какими бы языками ни овладел, я всегда буду занятной диковинкой вроде говорящей свиньи или считающей лошади.

Винкулюс осклабился:

— А моя означает для тебя совершенно иное. Она означает, что ты поднимешься высоко, Безымянный Король. Она означает, что твое ко-

ролевство тебя ждет и враг твой погибнет. Час уже почти пробил. «Безымянный раб наденет серебряную корону; безымянный раб воцарится в чужой земле…»

Винкулюс еще крепче сжал руку Стивена и произнес свое пророчество целиком.

— Ну вот, — заключил он, дойдя до конца, — теперь я открыл его двум волшебникам и тебе. Первая часть моей задачи выполнена.

— Я не волшебник, — сказал Стивен.

— Я и не называл тебя волшебником, — ответил Винкулюс.

Он внезапно выпустил руку Стивена, поплотнее запахнул ветхий грязный сюртук, нырнул в окружающую темноту и пропал.

Несколько дней спустя джентльмен с волосами как пух неожиданно заявил, что хочет посмотреть охоту на волков, чего не делал уже несколько веков кряду.

Такая охота как раз случилась на юге Швеции, потому он немедля перенесся туда, прихватив с собой Стивена. Тот внезапно обнаружил, что стоит на огромной ветке древнего дуба, в самой середине занесенного снегом леса. Отсюда он прекрасно видел небольшую просеку, посреди которой возвышался длинный деревянный шест.

На вершине шеста укрепили колесо от телеги, а на колесо поставили и крепко привязали молодую козу. Она жалобно блеяла.

Из зарослей осторожно выбралось волчье семейство. Шерсть зверей была покрыта льдом и снегом, а голодные взгляды неотрывно устремлены на козу. Едва волки показались, по всему лесу тут же залаяли собаки и наездники стремительно сорвались со своих мест. Стая гончих влетела на просеку; две самые сильные собаки прыгнули к вожаку, и мгновенно три существа слились в один клубок — рычащий, рвущий, кусающийся, мечущийся узел тел, лап и зубов. Подскакали охотники и застрелили волка. Стая с воем скрылась во мраке зарослей, и охотники вместе с собаками бросились ее догонять.

Как только охота переместилась в другую часть леса, джентльмен по воздуху с помощью магии перенес Стивена туда, где зрелище казалось интереснее. Так они и путешествовали от одного дерева к другому, от вершины холма к каменистой скале. Раз они оказались на колокольне, в деревне из припорошенных снегом деревянных домиков с окнами и дверьми странной сказочной формы.

В тихой спокойной части леса они ждали, ко-

гда появятся охотники. Внезапно под деревом пробежал одинокий волк. Он был очень красив — наверное, красивее всех своих собратьев, — с блестящими черными глазами и темно-серой, гладкой, словно шелковой, шкурой. Зверь поднял голову и, заметив на дереве двух джентльменов, обратился к ним на языке, напоминающем журчание воды на камнях, вздохи ветра в голых ветках и треск огня, пожирающего сухие листья.

Джентльмен ответил ему на том же наречии, потом беззаботно рассмеялся и помахал рукой, словно предлагая не задерживаться надолго.

Волк бросил на джентльмена укоризненный взгляд и побежал дальше.

— Он просил меня спасти его, — объяснил джентльмен.

— Почему же вы этого не сделали, сэр? Ужасно видеть, как погибают эти благородные создания!

— Добросердечный Стивен! — нежно произнес джентльмен.

Однако волка он так и не спас.

Стивену охота на волков совсем не понравилась. Действительно, охотники демонстрировали отвагу, а собаки — верность и пыл; однако со смерти Флоренции прошло совсем мало времени, и он не мог смотреть, как убивают живое суще-

ство, тем более такое сильное и красивое, как волк. Мысль о Флоренции напомнила Стивену, что он еще не рассказал хозяину о встрече с загадочным синим человеком и его пророчестве. Сейчас он исправил оплошность.

— Неужто? — воскликнул джентльмен. — Какая неожиданность!

— А вам приходилось слышать это пророчество раньше, сэр?

— Да. Разумеется! Я хорошо его знаю. Как, впрочем, и все мои сородичи. Это пророчество… — здесь джентльмен произнес слово, которого Стивен не смог разобрать[113], —…которого ты лучше знаешь под его английским именем Джон Аскгласс, Король-ворон. Одного не понимаю: как эти слова сохранились в Англии. Мне казалось, что англичане больше не интересуются подобным.

— Безымянный раб! Ведь это я, сэр? А пророчество, судя по всему, обещает мне корону!

— Ну разумеется, ты обязательно станешь королем! Я уже говорил, а в таких делах я никогда не ошибаюсь. Однако при всей моей любви к тебе, Стивен, пророчество тебя не касается. Король

---

[113] Примечания: 113

Возможно, это было имя Короля-ворона на языке сидов, которое, как полагал Джонатан Стрендж, означало «Скворец».

вспоминает, как приобрел три своих королевства — одно в Англии, второе в Стране Фей, третье в аду. Под безымянным рабом он разумеет себя. Он был безымянным рабом в бруге, христианским ребенком, которого похитил из Англии злой эльф.

Стивен ощутил странное разочарование, хоть и сам не понимал почему. В конце концов, ему ведь не хотелось быть королем какой бы то ни было страны. Он не англичанин. Не африканец. У него нет родины. Просто слова Винкулюса на время принесли ощущение принадлежности к чему-то. Ему показалось, будто он — часть некоего плана и для него существует цель. Однако все оказалось самообольщением.

48. Гравюры

Конец февраля — март 1816 года

— Вы изменились. Я вас едва узнал.

— Неужто? Странно. Возможно, немного похудел, но никаких серьезных изменений не ощущаю.

— Да нет, изменения не во внешности; они в выражении лица, в настроении, в… в чем-то неуловимом.

Стрендж улыбнулся. Вернее, он слегка искривил что-то в лице, и сэр Уолтер счел это улыбкой. Сэр Уолтер не мог вспомнить, как Стрендж улыбался раньше.

— Дело в черной одежде, — заметил волшебник. — Я словно отстал от похоронной процессии и теперь обречен бродить по городу, пугая людей напоминанием о смерти.

Они сидели в Ковент-Гардене, в кофейне Бедфорда. Сэр Уолтер выбрал это место за то, что в прежние дни они здесь нередко веселились. Он надеялся, что воспоминания немного ободрят Стренджа. Однако в такой вечер даже кофейня не казалась жизнерадостной. На улице черный ледяной ветер швырял людей из стороны в сто-

рону, бросая в лицо черные струи дождя. Внутри от мокрых недовольных посетителей поднимался влажный пар. Официанты пытались его разогнать, подбрасывая в камин побольше угля и поднося джентльменам побольше горячего глинтвейна.

Едва войдя в кофейню, сэр Уолтер тут же заметил, что Стрендж лихорадочно строчит в блокноте. Показав на блокнот, он поинтересовался:

— Так вы не бросили занятия магией?

Стрендж только рассмеялся.

Сэр Уолтер расценил смех как утвердительный ответ и обрадовался. Сэр Уолтер считал, что человеку необходимо иметь постоянное занятие. Полезная деятельность способна вылечить многие недуги, с которыми иные средства не справляются. Однако сам смех ему не понравился — резкий, горький, совсем не похожий на прежний смех Стренджа.

— Просто вы говорили… — начал он.

— О, я много чего говорил! Мне в голову приходили самые странные мысли. Большое горе, как любые сильные переживания, может вызвать умопомешательство. Сказать по правде, некоторое время я был не в себе. Как говорится, тронулся

рассудком. Сейчас, как видите, это в прошлом.

Однако, по правде говоря, сэр Уолтер ничего такого не видел.

Мало сказать, что Стрендж изменился. В некоторых отношениях он оставался прежним. Так же часто улыбался (хотя и не точно такой же улыбкой). Говорил тем же ироническим тоном (хотя складывалось впечатление, что он сам не осознает своих слов). И речь, и лицо оставались такими же, какими их помнили друзья, с одной лишь разницей — сам человек, казалось, играет роль себя прежнего, тогда как и мысли, и сердце где-то далеко. Стрендж смотрел на окружающих, прикрывшись саркастической улыбкой, и никто не знал, о чем он думает. Сейчас он больше, чем когда-либо, походил на волшебника. Странно, непонятное дело: он стал больше походить на Норрелла.

На безымянном пальце левой руки Стрендж носил траурный перстень с тоненькой прядкой каштановых волос внутри. Сэр Уолтер заметил, что он постоянно до него дотрагивается и время от времени поворачивает.

Они заказали плотный обед: черепаховый суп, три или четыре бифштекса, подливку из жира молодого гуся, миноги, устрицы в раковинах и

немного свекольного салата.

— Я рад возвращению, — признался Стрендж. — Теперь, когда я здесь, постараюсь доставить кое-кому как можно больше хлопот. Норрелл слишком долго делал все, что хотел.

— Он и так начинает биться в конвульсиях всякий раз, как слышит о вашей книге. Постоянно всех спрашивает, о чем вы пишете.

— Да, но книга — только начало! Да и закончу я ее не раньше чем через несколько месяцев. Мы затеяли новый журнал. Мюррей хочет, чтобы он вышел как можно скорее. Естественно, это будет издание исключительно высокого качества. Журнал будет называться «Фамулюс»[114] и публиковать *мои* взгляды на магию.

— Они весьма отличны от взглядов Норрелла, не так ли?

— Разумеется! Главная моя задача — рационально изучить предмет, убрав с дороги все введенные Норреллом препятствия. Уверен, что подобный пересмотр очень скоро откроет новые, достойные разработки, пути. Если пристально рассматривать вопрос, то к чему сводится так называемое возрождение английской магии? Что

---

[114] Примечания: 114

Famulus — латинское слово, обозначающее слугу, особенно слугу волшебника.

конкретно сделали и Норрелл, и я сам? Сплели кое-какие иллюзии из облаков, дождя, дыма и тому подобного — что может быть проще! Вдохнули жизнь в неодушевленные предметы и наделили их даром речи — это, признаюсь, действительно очень сложно. Научились насылать на врагов бури и дождь — так ведь все, что касается погоды, настолько просто, что и говорить не хочется. Что же еще? Вызывать видения — да, это было бы впечатляющим действием, обладай мы тем мастерством, которого у нас нет. Ну вот. А теперь сравните наш жалкий перечень с магией ауреатов. Они поднимали дубовый и платановый лес на врагов; из цветов делали себе жен и слуг; превращались в мышей, лис, деревья, реки и прочее; строили из паутины корабли, а из розовых кустов возводили дома…

— Да-да! — прервал сэр Уолтер. — Я понимаю, что вам не терпится испытать все эти виды магии. Однако подумайте: что, если Норрелл прав? Не всякая магия хороша в наше время. Перевоплощение и подобные приемы были уместны в прошлом — они очень оживляют историю. Но, помилуйте, Стрендж, не собираетесь же вы ими заниматься? Джентльмену не пристало менять обличье. Джентльмен должен выглядеть самим

собой. Вряд ли вы захотели бы перевоплотиться в кондитера или фонарщика…

Стрендж рассмеялся.

— Ну хорошо, — заметил сэр Уолтер, — а представьте только, как неприятно оказаться в обличье собаки или свиньи[115].

— Вы нарочно выбираете крайние случаи.

— Разве? Ну хорошо, тогда, скажем, лев. Хотелось бы вам перевоплотиться во льва?

— Вероятно. Возможно. А может быть, и нет. Не о том речь! Не спорю, превращения — тип магии, требующий особо деликатного подхода. И тем не менее нельзя отрицать, иногда оно оказывается очень и очень полезным. Спросите-ка герцога Веллингтона, не хотел ли бы он превратить своих разведчиков в лис и мышей и запустить их во

---

[115] Примечания: 115

Сэр Уолтер выражает здесь общую озабоченность. Магия перевоплощения всегда воспринималась с опаской. Ауреаты практиковали ее главным образом во время путешествий в Страну Фей или в других странах за пределами Англии. Считали, что волшебство подобного сорта особенно легко уязвимо. Например, в 1232 году жена одного дворянина, Сесилия де Уолбрук, обнаружила, что в дверь ее спальни скребется очень красивый серый кот. Она приютила его и назвала Сэр Лавдей. Он ел из ее рук и спал на ее постели. Что еще удивительнее, он неотступно следовал за ней по пятам, даже в церковь, где, мурлыкая, сидел у ее ног. Однажды на улице ее вместе с котом увидел волшебник по имени Уолтер де Шеп. Он тут же заподозрил неладное и, подойдя к Сесилии, обратился к ней с такими словами:

2 *(прод.)* — Леди, я подозреваю, что кот, который идет за вами, на самом деле вовсе не кот.

На консилиум призвали еще двух магов, и вместе с Уолтером они произнесли над Сэром Лавдеем соответствующие заклинания. И что же? В тот же миг он принял свой истинный облик, превратившись в волшебника средней руки, известного под именем Жослен де Сниттон. Вскоре Сниттона судили в лондонском суде Малых Драконов и приговорили к отсечению правой руки.

французский лагерь. Уверяю вас, его светлость не стал бы долго сомневаться.

— Сомнительно, что вы бы уговорили Колхауна Гранта[116] стать лисой хоть на короткое время.

— О! Грант охотно согласился бы стать лисой — при условии, что это будет лиса в мундире. Нет-нет, нам необходимо обратить взор на ауреатов. Надо изучать жизнь и магию Джона Аскгласса; когда же мы…

— А вот этого делать ни в коем случае нельзя!

— О чем вы?

— Я не шучу, Стрендж. Ничего не имею против ауреатов в целом. Больше того, считаю, что в общем вы правы. Англичане справедливо гордятся своей древней магической историей — Годблессом, Стокси, Пейлом и другими. Им больно читать в газетах, что Норрелл преуменьшает славу великих волшебников древности. Однако вы впадаете в другую крайность. Слишком частые разговоры о других королях могут нервировать правительство. Особенно сейчас, когда нам угрожают иоанниты.

— Иоанниты? Что за иоанниты?

— Как? Боже мой, Стрендж! Вы совсем не чи-

---

[116] Примечания: 116

Выше уже описано, как в 1812 году приверженность красному мундиру привела подполковника Гранта к пленению.

таете газет?

Стрендж слегка смутился:

— Занятия отнимают у меня массу времени. Вернее, все время, без остатка. Кроме того, как вы знаете, в последние месяцы меня отвлекало совсем иное.

— Я говорю не о последних месяцах. В северных графствах иоанниты орудуют уже четыре года.

— Хорошо, но кто же они такие?

— Ремесленники, которые под покровом ночи забираются на фабрики и разрушают собственность. Жгут дома фабрикантов. Устраивают сходки, на которых подстрекают простых людей на бунты, и грабят рынки[117].

— А, разрушители машин! Теперь понимаю, о ком вы. Меня просто сбило с толку странное название. Какое отношение имеют эти несчастные к Королю-ворону?

— Многие из них считают себя его последователями. На стене каждой разрушенной фабрики

---

[117] Примечания: 117

Простые люди Северной Англии считали, и не без основания, что в последнее время они испытали огромные тяготы. Несчастья, вызванные войной с французами, усугубляли бедность и безработица. Едва окончилась война, благополучие северян вновь оказалось под угрозой. На сей раз угроза исходила со стороны новых замечательных машин, способных производить дешевую продукцию и лишавших их работы. Посему неудивительно, что некоторые, пытаясь сохранить источник пропитания, начали ломать машины и разрушать фабрики.

они изображают летящего ворона. Их вожаки носят с собой письма, якобы написанные самим Джоном Аскглассом, и утверждают, что скоро он вернется и восстановит свою власть в Ньюкасле.

— И правительство им верит? — изумленно спросил Стрендж.

— Ну разумеется, нет! Мы не настолько глупы. Мы боимся куда более земных неприятностей — короче, революции. Знамя Джона Аскгласса реет по всему северу страны — от Ноттингема до Ньюкасла. Естественно, осведомители постоянно держат нас в курсе событий. Я не хочу сказать, что все эти ребята верят в возвращение Джона Аскгласса. Большинство из них не глупее нас с вами. Тем не менее они прекрасно сознают, какую силу имеет его имя среди простых людей. Роули Фишер-Дрейк, член парламента от Гемпшира, выдвинул законопроект, в котором предлагает запретить изображение летящего ворона. Однако мы не можем запретить людям поднимать собственный флаг, знамя законного короля[118].

---

[118] Примечания: 118

Трудно представить себе более яркий пример тех странных отношений, которые сложились между Лондоном и северной частью королевства. Правительство выступало от имени английского короля, но английский король правил лишь южной частью страны. Юридически он выступал сенешалем ее северной части до тех пор, пока Джон Аскгласс не соизволит вернуться.

Сэр Уолтер вздохнул и начал ковырять вилкой бифштекс.

— В других странах, — заметил он, — тоже есть легенды о королях, которые вернутся в трудную годину. И только в Англии они — часть закона.

Стрендж нетерпеливо помахал ножом:

— Все это просто политика и не имеет ко мне ни малейшего отношения. Совершенно не собираюсь призывать к восстановлению королевства Джона Аскгласса. Единственное, чего я хочу, так это спокойно и разумно исследовать его достижения в области магии. Как мы возродим английскую магию, если не будем твердо знать, что́ именно предстоит возрождать?

— В таком случае изучайте ауреатов, но оставьте Джона Аскгласса в том темном углу, куда его спрятал Норрелл.

Стрендж мотнул головой:

— Норрелл отравил ваши умы, настроив против Джона Аскгласса. Он всех вас околдовал.

Они замолчали, на некоторое время целиком сосредоточившись на еде.

— Я не говорил, что в Виндзорском дворце есть его портрет? — первым прервал затянувшееся молчание Стрендж.

— Чей?

— Аскгласса. Фреска некоего итальянского живописца на стене одной из парадных комнат. Прелюбопытная сцена — Эдуард Третий и Джон Аскгласс, король-воин и король-чародей, сидят бок о бок. Джон Аскгласс покинул Англию почти четыреста лет назад, и все же англичане до сих пор не могут решить — обожать его или ненавидеть.

— Ну уж нет! — горячо возразил сэр Уолтер. — На севере точно знают, что о нем думать. Дай им такую возможность, они завтра же сменили бы власть Вестминстера на его правление[119].

Первый номер журнала «Фамулюс» вышел примерно через неделю. Весь тираж разошелся за два дня, и все благодаря одной статье сенсационного свойства. Мистер Мюррей, готовившийся в

---

[119] Примечания: 119

Естественно, в разные эпохи появлялись самозванцы, объявлявшие себя Джоном Аскгласссом и пытавшиеся прибрать к рукам королевство Северной Англии. Самым знаменитым из них стал молодой человек по имени Джек Фараон, коронованный в Даремском соборе в 1487 году. Его поддержала немалая часть северной знати, а также несколько эльфов, оставшихся жить в королевской столице — Ньюкасле. Фараон был очень красив и отличался королевской статью. Он обладал начальными познаниями в магии, а эльфы из его свиты неустанно трудились, приписывая сотворенные чудеса господину. Он был сыном четы бродячих магов. Еще ребенком на одной из ярмарок его заметил граф Гексхем, которому бросилось в глаза удивительное сходство с изображениями Джона Аскгласса. Гексхем за семь шиллингов купил мальчика у родителей, и тот больше их не видел. Гексхем спрятал мальчика в одном из потаенных уголков Северной Англии и начал обучать различным искусствам, необходимым королю. В 1486 году

граф представил Джека Фараона людям, и тот начал свое короткое царствование в качестве короля Северной Англии. Однако об обмане знали слишком многие. Вскоре Джек Фараон и Гексхем поссорились. В 1490 году по приказу Фараона Гексхема убили. Четверо сыновей графа заключили союз с королем Южной Англии Генрихом VII, напали на Фараона и в 1493 году в битве при Уорксопе разбили его. Самозванца заточили в лондонский Тауэр и в 1499 году казнили.

Другими более или менее успешными претендентами на роль Короля-ворона стали Пирс Блекмор и Дэйви Саншоссюр. Последний самозванец получил известность под именем Летнего короля, поскольку его настоящего имени так никто и не узнал. Впервые он появился недалеко от Сандерленда в мае 1536 года, после того как Генрих VIII упразднил монастыри. Существует версия, что он мог быть монахом одного из могущественных северных аббатств — Фаунтинз, Риво или Хартфью. Летний король отличался от Фараона или Блекмора тем, что не стремился к поддержке северной знати. Он обращался к простым людям. Его карьера во многих отношениях оказалась не столько магической, сколько мистической. Он лечил недужных, проповедовал почтение к природе и диким животным. Эти взгляды сближают его скорее с волшебником XII века Томасом Годблессом, чем с самим Джоном Аскглассом. Неорганизованное войско этого самозванца не пыталось покорить Ньюкасл, да и вообще ничего не пыталось покорить. Все лето 1536 года эти люди бродили по Северной Англии, повсюду приобретая сторонников. В сентябре Генрих VIII послал против них войско. Летний король не был готов к сражениям. Большинство его воинов разбежались по домам, однако некоторые все-таки остались и храбро сражались за своего короля. С ними расправились в битве при Понтефракте. Судьба самого Летнего короля неизвестна — он либо погиб в бою, либо просто исчез.

скором времени опубликовать первый том книги Стренджа «История и практика английской магии», уже предвкушал солидную выручку. Статья, столь поразившая читающую публику, описывала, как волшебники вызывают умерших, чтобы получить от них ценные сведения. Этот скандальный (но крайне интересный) предмет произвел такой фурор, что несколько молодых леди, по слухам, упали в обморок, лишь узнав о присутствии «Фамулюса» в их доме[120]. Ясно было, что мистер Норрелл не одобрит подобную публикацию, а потому каждый его недоброжелатель поспешил купить экземпляр журнала.

На Ганновер-Сквер мистер Лассельс вслух читал статью мистеру Норреллу:

— «…В том случае, когда волшебнику недостает знаний и искусства — а это относится ко всем современным волшебникам, поскольку в данном вопросе наш национальный гений пришел в

---

[120] Примечания: 120

Общение с давно умершими волшебниками может показаться нам чем-то невероятным, однако эта процедура имеет весьма почтенную историю. Мартин Пейл утверждал, что перенял искусство магии у Екатерины Винчестерской, которая, в свою очередь, была ученицей самого Джона Аскгласса. Екатерина Винчестерская умерла за два столетия до рождения Мартина Пейла. О Джоне Аскглассе говорили, что он беседовал с Мерлином, Аэндорской волшебницей, Моисеем, Аароном, Иосифом Аримафейским и другими почтенными и весьма древними волшебниками.

постыдный упадок, — ему можно посоветовать вызвать дух кого-нибудь из тех, кто при жизни практиковал магию или, по крайней мере, обладал магическим призванием. Если мы не уверены в пути, по которому идем, лучше обратиться за помощью к тому, кто обладает знаниями и способен протянуть нам руку».

— Он все погубит! — в дикой ярости вскричал мистер Норрелл. — Он твердо вознамерился меня уничтожить!

— Это действительно очень неприятно, — с ледяным спокойствием согласился Лассельс. — Тем более что после смерти жены он клялся сэру Уолтеру, что оставил занятия магией.

— О! Мы все можем умереть — половина Лондона может опустеть, — но Стрендж не бросит заниматься магией. Он не сможет с собой совладать. И колдовство его будет во вред, а я не знаю, как этому помешать!

— Прошу вас, успокойтесь, мистер Норрелл, — сказал Лассельс. — Не сомневаюсь, что очень скоро вы что-нибудь придумаете.

— Когда должна выйти его книга?

— Мюррей обещает выпустить первый том в августе.

— Первый том!

— Конечно! Разве вы не знали? Работа состоит из трех томов. В первом томе читающей публике предлагают полную историю английской магии. Второй том представит подробное объяснение ее природы, а третий закладывает фундамент будущей практики.

Мистер Норрелл громко застонал, склонил голову и закрыл лицо руками.

— Разумеется, — задумчиво произнес Лассельс, — хотя сам текст, несомненно, окажется весьма вредоносным, еще больший вред принесут гравюры…

— Гравюры? — изумленно переспросил мистер Норрелл. — Что за гравюры?

— О, — вздохнул Лассельс, — Стрендж нашел какого-то эмигранта, который обучался у лучших мастеров Италии, Франции и Испании, и теперь платит этому художнику невероятные деньги за иллюстрации к тексту.

— А что на них будет?

— Действительно, что? — зевнув, повторил Лассельс. — Понятия не имею. — Он снова взял номер «Фамулюса» и возобновил чтение, на сей раз про себя.

Мистер Норрелл некоторое время сидел, глубоко задумавшись, даже покусывая ногти. Потом

собрался с силами, позвонил и послал за Чилдермассом.

К востоку от лондонского Сити находится пригород Спитлфилдс, широко известный своим шелкоткацким производством. Нигде в Англии больше не производят такого прекрасного шелка, как в Спитлфилдсе. В прошлом здесь строили красивые и удобные дома, где селились купцы, искусные ткачи и красильщики, нажившие на своем ремесле состояние. Однако, хотя шелк, сходящий с домашних станков в наши дни, так же прекрасен, как и раньше, сам Спитлфилдс пребывает в упадке. Грязные, убогие домишки разваливаются. Богатые торговцы переехали в Ислингтон, Клеркенвелл и (если они действительно состоятельны) на запад, в приход церкви Мэрилебон. Сегодня Спитлфилдс населен беднягами и бродягами и не знает покоя от мальчишек, воров, жуликов и других личностей, которые доставляют неприятность почтенным обывателям.

В один особенно мрачный день, когда и без того грязные улицы заливал холодный серый дождь, увеличивая количество луж, в Спитлфилдсе, на Элдер-стрит, появился экипаж. Он остановился возле высокого узкого дома. И кучер, и лакей были в трауре. Лакей спрыгнул с козел, раскрыл

большой черный зонт и, держа его над дверью кареты, помог выйти Джонатану Стренджу.

Стрендж помедлил на тротуаре, поправляя черные перчатки и глядя вдоль Элдер-стрит. Если не считать пары дворняжек, занятых раскопкой мусорной кучи, улица казалась совершенно пустынной. И все же мистер Стрендж продолжал осматриваться, пока не остановил взгляд на противоположной стороне улицы.

Здесь располагалась ничем не примечательная дверь, вход в какое-то складское помещение или что-то в таком роде. К ней вели три потертые каменные ступени, сверху нависал тяжелый фронтон. Почти вся она была заклеена объявлениями, что в такой-то день в такой-то таверне состоится распродажа собственности мистера Такого-то, эсквайра (банкрота).

— Джордж, — обратился Стрендж к лакею, державшему над его головой зонт, — ты умеешь рисовать?

— Прошу прощения, сэр?

— Ты когда-нибудь учился рисовать? Понимаешь основные принципы? Передний план, задний план, перспектива и всякое такое?

— Я, сэр? Нет, сэр.

— Очень жаль. А вот меня этому учили. Ко-

гда-то я с легкостью мог нарисовать пейзаж или портрет — очень профессионально и совершенно неинтересно. Точно так же, как и любой другой образованный дилетант. А твоя покойная хозяйка вовсе не имела возможности, как я, брать дорогие уроки, зато была наделена куда большим талантом. Ее акварельные изображения людей — и взрослых, и детей — ужаснули бы модного учителя рисования. Фигуры показались бы ему слишком застывшими, а цвета слишком яркими. Однако миссис Стрендж обладала несомненным даром схватывать выражение лица и особенности фигуры, видеть очарование и привлекательность в самых заурядных ситуациях. В ее рисунках присутствует нечто живое и в то же самое время настолько обаятельное, что… — Стрендж неожиданно умолк, словно потеряв нить мысли. — Да, так о чем это я? Вспомнил: рисование оттачивает способность наблюдать и замечать, которая очень полезна в жизни. Возьмем, например, эту дверь…

Лакей посмотрел на дверь.

— Сегодня холодно, сумрачно, дождливо. Света очень мало, а следовательно, нет и тени. Сама собой напрашивается мысль, что за дверью так же мрачно и темно. Вот почему трудно объяснить

появление тени — я имею в виду отчетливую тень, идущую слева направо, из-за которой левая половина двери кажется почти черной. Больше того, мне кажется, я не ошибусь, предположив, что, даже будь сегодня солнечно и светло, тень все равно падала бы в противоположном направлении. Так что эта тень очень странного свойства. Она совершенно не сообразуется с природой.

Лакей взглянул на кучера, словно прося помощи, однако тот твердо решил оставаться в стороне, а потому пристально смотрел вдаль.

— Понимаю, сэр, — покорно согласился лакей.

Стрендж продолжал рассматривать дверь с тем же выражением задумчивого интереса. Потом наконец позвал:

— Чилдермасс! Это вы?

Какое-то время не происходило ровным счетом ничего, потом черная тень, так насторожившая Стренджа, шевельнулась. Она отстала от стены, как отстает мокрая простыня, когда ее стаскивают с кровати, изменила очертания, сжалась, сузилась и превратилась в человека по имени Джон Чилдермасс.

Чилдермасс изобразил свою всегдашнюю кривую улыбку.

— О сэр, от вас надолго не спрячешься.

Стрендж фыркнул:

— Я жду вас целую неделю, если не больше. Где вы были?

— Хозяин послал меня только вчера.

— А как дела у вашего хозяина?

— Плохо, сэр, очень плохо. Его одолевают насморк, головная боль, дрожь в руках и ногах. Все симптомы сильного раздражения. А сильнее всего раздражаете его вы.

— Рад слышать.

— Да, кстати, сэр, собирался вам сказать. На Ганновер-Сквер у меня для вас лежат деньги. Жалованье из казначейства и адмиралтейства за последний квартал тысяча восемьсот четырнадцатого года.

Стрендж удивленно поднял брови:

— И что же, неужели Норрелл действительно готов отдать мою долю? Я решил, что деньги исчезли навсегда.

Чилдермасс улыбнулся:

— Мистер Норрелл ничего об этом не знает. Когда принести деньги? Может быть, сегодня вечером?

— Конечно. Меня дома не будет, но можете отдать их Джереми. Скажите, Чилдермасс, удовлетворите мое любопытство: Норрелл знает,

что вы разгуливаете по городу невидимкой и превращаетесь в тени?

— О, я учусь всему понемножку везде, где только можно. Двадцать шесть лет служу у мистера Норрелла. Лишь полный тупица за все это время не перенял бы никаких навыков.

— Да, разумеется, но я спрашивал совсем не об этом. В курсе ли мистер Норрелл?

— Нет, сэр. Конечно, он подозревает, но предпочитает не знать наверняка. Волшебник, проводящий свои дни среди книг, должен иметь кого-то на посылках. Сами знаете, в серебряной чаше с водой увидишь далеко не все.

— Хм… ну, тогда вперед, любезнейший! Узнайте то, зачем вас послали!

Дом выглядел неопрятным, почти заброшенным. И окна, и стены его давно покрылись грязью, а ставни кое-где грозили отвалиться. Стрендж и Чилдермасс ждали на тротуаре, а лакей стучал в дверь. Стрендж держал над головой зонт, Чилдермасс словно не замечал дождя.

Некоторое время совсем ничего не происходило, потом лакей заглянул внутрь и заговорил с кем-то, невидимым с улицы. Судя по всему, лакей Стренджа был невысокого мнения о собеседнике: он стоял, небрежно подбоченясь, и разговаривал

тоном, свидетельствующим о крайнем нетерпении.

Наконец дверь открылась шире, и появилась очень маленькая, очень грязная, очень испуганная девочка-служанка. Джонатан Стрендж, Чилдермасс и лакей вошли в дом. Переступая порог, каждый смерил ее взглядом, отчего у бедняжки душа окончательно ушла в пятки.

Стрендж не потрудился назвать свое имя — было ясно, что маленькая служанка все равно не сможет его запомнить и передать хозяевам. Он коротко предложил Чилдермассу следовать за ним и, бегом поднявшись по лестнице, направился прямиком в одну из комнат. Там, в неярком свете горевших в тумане свечей — поскольку казалось, что дом создает свою собственную погоду, — джентльмены обнаружили гравера, мсье Минервуа, и его помощника, мсье Форкалкье.

Мсье Минервуа был невысок ростом и худощав. Длинные волосы его, прекрасные, темные, блестящие и мягкие, казались шелковыми. Они доставали до плеч и падали на лицо всякий раз, когда он наклонялся над работой, что происходило почти постоянно. Глаза тоже казались удивительными: большие, почти черные, мягкие, они сразу выдавали южное происхождение.

Внешность мсье Форкалкье резко контрастировала с импозантной красотой художника. Худое, костлявое лицо с глубоко запавшими глазами, бритая голова, покрытая какой-то бесцветной щетиной. Однако, несмотря на чрезвычайную угловатость и худобу, он отличался изысканными манерами.

Оба художника бежали из Франции. Однако для жителей Спитлфилдса разница между беженцем и врагом была почти неуловимой, потому мсье Минервуа и мсье Форкалкье слыли в округе французскими шпионами. Из-за этой несправедливой репутации им пришлось испытать массу неприятностей: толпы местных мальчишек и девчонок не знали лучшей забавы, чем подкараулить французов и вывалять их в грязи. Уж чего-чего, а грязи в Спитлфилдсе было предостаточно. Взрослые не отставали от своих отпрысков — они облегчали душу грубостями, оскорблениями и отказами продавать то, что нужно. Стрендж выступил посредником между мсье Минервуа и домовладельцем, разъяснив тому истинное положение дел. Кроме того, пришлось принимать меры иного свойства: посылать Джереми Джонса во все местные таверны, где тот за стаканчиком джина разъяснил местным жителям, что фран-

цузы находятся под покровительством одного из двух английских волшебников.

— И, — поучал Стрендж, для пущей убедительности подняв палец, — если начнут утверждать, что Норрелл сильнее Стренджа, не спорь, но подчеркни, что нрав у меня круче и я очень не люблю, когда обижают моих друзей.

Мсье Минервуа и мсье Форкалкье исполнились благодарности к Стренджу, однако обнаружили, что в столь тяжелых обстоятельствах лучший друг — бренди, если употреблять его ежедневно, со строгой регулярностью.

Они почти не выходили из дома на Элдер-стрит. В борьбе с негостеприимными жителями Спитлфилдса ставни приходилось держать закрытыми день и ночь. Французы жили и работали при свечах, а потому довольно скоро совсем потеряли счет времени. Увидев Стренджа и Чилдермасса, они страшно удивились, поскольку считали, что сейчас далеко за полночь. Они держали всего лишь одну служанку — крошечную большеглазую сиротку, которая не могла понять, что говорят жильцы, а потому чрезвычайно их боялась. Имени ее постояльцы не знали, но относились к девочке очень тепло: выделили ей отдельную комнатушку с мягкой кроватью,

застеленной чистыми простынями. Она считала этот сумрачный дом истинным раем. Главной обязанностью девчушки было покупать хозяевам еду, бренди и опиум. Они щедро делились с ней принесенным — коньяк и опиум оставляли себе, а бóльшую часть еды отдавали. Еще сиротке приходилось носить и греть воду для бритья и для ванны — оба господина тщательно за собой следили. Зато их совершенно не волновали грязь и беспорядок в доме, что было хорошо, поскольку в домашнем хозяйстве девочка смыслила, как в древнееврейском языке.

Повсюду лежали листы толстой бумаги и запачканные тушью тряпки. Кругом стояли оловянные тарелки с засохшими огрызками сыра, горшки с перьями и кусками угля. Здесь же валялся пожилой пучок сельдерея, ничуть не выигравший от близкого соседства с углем. Стены закрывали рисунки и гравюры, висевшие и на деревянных панелях, и на грязных обоях. Одна из гравюр, изображающая мистера Стренджа, была особенно хороша.

За домом, в темном тесном дворике, росла одинокая яблоня. Когда-то она была сельским деревом — до тех пор, пока неуклонно наступавший серый Лондон не поглотил свои зеленые пригороды. Кто-то из обитателей дома в загадочном порыве собрал плоды и разложил по подоконникам, где они и лежали вот уже несколько лет — сначала в виде старых яблок, потом в виде распухших яблочных трупов и, наконец, в виде призраков яблок. В доме пахло тушью, бумагой, углем, бренди, опиумом, гнилыми яблоками, свечами, кофе. Все это мешалось с запахом двух мужчин, день и ночь работающих в замкнутом пространстве и ни за какие блага не желающих открыть окно.

Господа Минервуа и Форкалкье вообще забыли,

что на земле есть такие места, как Спитлфилдс или Франция. Они жили в совершенно ином мире — мире гравюр к книге мистера Стренджа. И мир этот был очень странным.

В нем тянулись бесконечные коридоры, построенные скорее из теней, чем из чего-либо другого. Темные проемы в стенах намекали на существование других коридоров, так что гравюры казались лишь центром огромного лабиринта. Некоторые изображали широкие ступени, спускающиеся к темным подземным каналам, на других бесконечная дорога тянулась через неоглядную вересковую пустошь. У зрителя складывалось впечатление, что он смотрит на пейзаж с высоты. Далеко-далеко впереди маячила тень; не более чем царапина на бледной поверхности дороги. Нельзя было сказать, кто это — мужчина, женщина или ребенок, да и вообще человек ли. И тем не менее фигура, такая одинокая на заброшенной дороге, вызывала загадочное беспокойство.

Один из рисунков изображал мост через бескрайнюю туманную пропасть — возможно, через само небо. Хотя мост был сложен из того же камня, что коридоры и каналы, с каждой его стороны вились крошечные лесенки, прилепившиеся к массивным опорам. Лесенки выглядели крайне

ненадежно, словно построены совсем не так искусно, как мост, однако множество их вело через облака невесть куда.

Стрендж склонился над гравюрами с рвением, не уступающим истовости самого художника: в голове у него сразу родилось множество вопросов, замечаний и предложений. С художниками он беседовал по-французски. К немалому удивлению Стренджа, Чилдермасс все понял и даже задал Минервуа пару вопросов на его родном языке. Впрочем, французский Чилдермасса носил столь сильный отпечаток йоркширского говора, что художник ничего не понял и поинтересовался у Стренджа, не голландец ли его спутник.

— Разумеется, — заметил Стрендж, обращаясь к Чилдермассу, — все произведения получаются у них итальянскими — слишком похожими на работы Палладио или Пиранези. Но что делать? Иначе они не умеют, так их учили. Нельзя преодолеть свою выучку. Я, например, как волшебник, никогда не смогу стать совершенным Стренджем — или, по крайней мере, одним лишь Стренджем. Во мне навсегда сохранится слишком много от Норрелла.

— Так, значит, на Дорогах Короля вы видели именно это? — поинтересовался Чилдермасс.

— Да.

— А что это за страна, которую пересекает мост?

Стрендж взглянул на Чилдермасса с нескрываемой иронией:

— Понятия не имею, господин волшебник. Каково ваше мнение?

Чилдермасс пожал плечами:

— Думаю, это Страна Фей.

— Возможно. Впрочем, полагаю, то, что мы называем Страной Фей, на самом деле включает в себя множество различных стран. С тем же успехом мы можем говорить просто «иные края».

— Далеко они?

— Не очень. Я отправился туда из Ковент-Гардена и увидел их часа через полтора.

— А магия потребовалась сложная?

— Нет, не особенно.

— А вы не можете сказать, какая именно?

— С величайшей готовностью. Вам необходимо заклинание откровения — я воспользовался вариантом Донкастера. И еще одно — заклинание растворения, чтобы растопить поверхность зеркала. В тех книгах, которые мне довелось изучать, содержится бесчисленное количество таких заклятий. Однако, как показывает практи-

ка, все они бесполезны, а потому мне пришлось составлять собственное; если желаете, я могу его написать. И наконец, необходимо включить оба заклинания в общее заклинание поиска пути. Это важно, поскольку без него можно не выбраться обратно.

Стрендж замолчал и, внимательно взглянув на собеседника, уточнил:

— Вам понятно?

— Вполне, сэр.

— Хорошо.

Наступила пауза. Ее прервал Стрендж:

— Не пора ли, Чилдермасс, покинуть службу у мистера Норрелла и перейти ко мне? Вы будете не слугой, а учеником и помощником.

Чилдермасс рассмеялся:

— О, благодарю, сэр! Благодарю! Однако мне рано уходить от мистера Норрелла. А кроме того, я был бы очень плохим учеником — куда хуже, чем вы.

Стрендж, улыбаясь, на секунду задумался.

— Хороший ответ, — произнес он наконец, — но, боюсь, не слишком убедительный. Не верю, что вы искренне стоите за Норрелла. Один волшебник в Англии! Одна точка зрения на магию! Вы, разумеется, не сможете с этим согласиться? В

вашем характере кроется не меньше противоречий, чем в моем собственном. Так почему бы нам не объединить наши противоречия?

— Однако в таком случае я должен буду соглашаться с вами, сэр, не так ли? Не знаю, чем все кончится между вами и Норреллом. Я просил ответа у карт, но они не говорят ничего определенного. Будущее слишком сложно для ясного ответа, а я не могу найти тот вопрос, который должен задать картам. Знаете, что я сделаю? Обещаю: если вы потерпите поражение, а мистер Норрелл выиграет, то я оставлю службу у него. Встану на вашу сторону, соберу все силы, чтобы ему противостоять, найду веские аргументы против него. И тогда в Англии все-таки останется два волшебника и сохранятся две точки зрения на магию. Однако если проиграет он, а победу одержите вы, я стану на его сторону и сделаю то же самое по отношению к вам. Годится?

Стрендж улыбнулся:

— Годится. Отправляйтесь же обратно к мистеру Норреллу и передайте ему мои наилучшие пожелания. Скажите, что я надеюсь, его удовлетворят те ответы, которые я дал вам. А если ему угодно узнать еще что-нибудь, вы сможете застать меня дома завтра около четырех.

— Спасибо, сэр. Вы чрезвычайно искренни и открыты.

— А почему бы и нет? Это Норрелл любит хранить тайны, не я. Я не сказал вам ничего, чего не будет в моей книге. Примерно через месяц каждый мужчина, женщина и ребенок в Англии смогут прочесть ее и составить собственное мнение о моих познаниях. Не вижу, как Норрелл сумеет помешать публикации.

49. Безумство и необузданность

Март 1816 года

Через несколько дней после визита к граверам Стрендж пригласил сэра Уолтера и лорда Портисхеда на обед. Оба джентльмена не раз обедали у Стренджа, но после смерти миссис Стрендж впервые оказались в доме на Сохо-Сквер. Увы, многое здесь изменилось к худшему. Судя по всему, Стрендж вернулся к холостяцким привычкам. Столы и стулья почти скрылись под кипами бумаг. Неоконченные главы книги можно было встретить в любом уголке дома, а в гостиной заметки появились даже на обоях.

Сэр Уолтер попытался было снять со стула стопку книг.

— Нет-нет! — закричал Стрендж. — Не трогайте! Они лежат в строжайшем порядке!

— На что же мне сесть? — озадаченно поинтересовался сэр Уолтер.

Стрендж раздраженно фыркнул, как будто гость потребовал чего-то немыслимого, тем не менее книги убрал и при этом лишь раз отвлекся от процесса, чтобы уткнуться в одну из них. Прочитав какой-то важный отрывок дважды и

записав на обоях комментарий по его поводу, он снова обратил внимание на гостей.

— Очень приятно вновь увидеть вас здесь, милорд, — повернулся он к Портисхеду. — Я всех спрашиваю о Норрелле — так же, как он, наверное, спрашивает обо мне. Надеюсь, вы сможете мне многое рассказать.

— Мне казалось, я уже сообщил все, что мог, — жалобно заметил сэр Уолтер.

— Да-да. Вы рассказали, где Норрелл бывал, с кем разговаривал, как к нему относятся министры. Но я спрашиваю его милость о магии. А вы знаете о магии всего лишь…

— На несколько квадратных дюймов обоев? — предположил сэр Уолтер.

— Вот именно. Ну же, милорд. Поведайте мне. Чем мистер Норрелл занимается в последнее время?

— Ну, — начал лорд Портисхед, — по просьбе лорда Ливерпуля он составляет заклинания, чтобы помешать Бонапарту вырваться на свободу. Кроме того, он изучает «Рассуждения о Царстве света и Царстве тьмы». Ему кажется, что он обнаружил нечто весьма важное.

— Что именно? — взволнованно воскликнул Стрендж. — Что нового он рассмотрел в «Рассуж-

дениях»?[121]

— Он нашел нечто важное на семьдесят второй странице издания Кромфорда. Какое-то новое применение «Заклинания для вызывания смерти». Я плохо понял, в чем там суть[122]. Мистер Норрелл, видимо, полагает, что данный принцип можно применить для лечения болезней у людей и животных — вызвать болезнь из тела, словно демона.

— А, это! — с явным облегчением воскликнул Стрендж. — Да-да, конечно. Теперь я понимаю, что вы имеете в виду. Я подумал о том же в прошлом году, в июне. Так, значит, Норрелл только что до этого дошел? Ну, прекрасно!

— Многих удивило, что после вас он никого не взял в ученики, — продолжал лорд Портисхед, — тем более что к нему многие обращались. Он никого не принял. Более того, насколько я могу

---

[121] Примечания: 121

Ученые волшебники, как правило, приходят в большое волнение, когда слышат о новых открытиях, касающихся доктора Пейла. Он занимает особое место в магической истории Англии. До появления Стренджа и Норрелла он оставался единственным достойным внимания практикующим волшебником, записавшим свои знания и теории. Естественно, его книги ценятся куда выше других.

[122] Примечания: 122

На протяжении многих веков этот отрывок считался весьма интересным и оригинальным, но не имеющим практической ценности, поскольку в наши дни уже никто не верит, что Смерть — личность, с которой можно беседовать таким образом, как предлагает Пейл.

судить, он не беседовал с претендентами и не ответил на их письма. Его стандарты слишком высоки, и никто не в состоянии сравниться с вами, сэр.

Стрендж улыбнулся:

— Ну, так я и думал. Он едва терпит существование еще одного волшебника. Третьего ему не вынести. Уже совсем скоро я сумею его превзойти. В борьбе за судьбу английской магии силы распределяются слишком неравномерно. На его стороне останется один волшебник, а на моей — десятки. Во всяком случае столько, сколько я смогу выучить. У меня уже есть намерение превратить Джереми Джонса в некое подобие анти-Чилдермасса. Он сможет разъезжать по стране, разыскивая всех тех, кого Норрелл и Чилдермасс сумели отговорить от изучения магии. Мы убедим их в обратном — в необходимости ее изучать. Я уже беседовал с несколькими молодыми людьми. Двое или трое подают большие надежды. Второй сын лорда Чолдекотта, Генри Пурфуа, уже прочел уйму третьесортных книг о магии и биографий волшебников. Из-за этого беседовать с ним скучновато, но он-то, бедняга, в этом не виноват. Кроме него, интересен Уильям Хедли-Брайт, который при Ватерлоо был одним

из адъютантов герцога Веллингтона, а также странный человечек по имени Том Леви, который в настоящее время служит учителем танцев в Нориджe.

— Учителем танцев? — нахмурился сэр Уолтер. — Тот ли это человек, которого стоит убеждать заниматься магией? Как-никак, профессия для джентльменов.

— Не понимаю почему. Во-первых, Леви нравится мне больше всех. Он первый, встреченный мною за многие годы, которому магия доставляет удовольствие. А во-вторых, он единственный умудрился постичь азы практической магии. Это по его милости вон та оконная рама пустила ростки — ветки и листья. Наверное, вы успели удивиться такой странности.

— Если честно, — признался сэр Уолтер, — здесь столько всего странного, что я даже не заметил.

— Разумеется, Леви не собирался оставлять раму в таком состоянии, — продолжал Стрендж, — но не сумел отменить магию. И я не смог. Наверное, придется сказать Джереми, чтобы позвал плотника.

— Прекрасно, что вы нашли столько достойных молодых людей. Это сулит английской магии большое будущее.

— Ко мне просятся и барышни, — заметил Стрендж.

— Барышни! — воскликнул лорд Портисхед.

— Да, разумеется! Не знаю, почему бы женщинам не изучать магию. Это просто одно из заблуждений Норрелла.

— Хм, что-то их стало слишком много, — пробормотал сэр Уолтер.

— Чего?

— Заблуждений мистера Норрелла.

— Что вы имеете в виду?

— Ничего, ничего! Не обижайтесь, пожалуйста. Но я заметил, вы не упомянули о том, что приняли кого-нибудь из дам в ученицы.

Стрендж вздохнул:

— Вопрос здесь чисто практический. Вот и все. Волшебник и его ученик должны проводить вместе очень много времени — в чтении и обсуждении прочитанного. Если бы не умерла Арабелла, я, наверное, смог бы брать учениц. Однако теперь мне пришлось бы иметь дело с компаньонками и всем таким, на что у меня просто не хватит терпения. На первом месте должны стоять мои собственные исследования.

— Так какую же новую магию вы собираетесь нам показать? — с энтузиазмом поинтересовался

лорд Портисхед.

— А! Рад, что вы спросили! Я много думал на этот счет. Если возрождению английской магии суждено продолжаться — а вернее, если ей дозволено вырваться из-под единовластия Гильберта Норрелла, — то я должен научиться чему-то новому. Однако новая магия достигается нелегко. Я мог бы выйти на Дороги Короля и постараться достичь тех стран, где магия не исключение, а правило.

— Боже милостивый! — воскликнул сэр Уолтер. — Только не это! Неужто вы совсем сошли с ума? Мне казалось, мы уже пришли к заключению, что Дороги Короля слишком опасны…

— Да-да! Ваше мнение мне хорошо известно. Вы достаточно долго читали мне нотации. Однако дайте договорить! Я всего лишь перечисляю возможные варианты. Я не выйду на Дороги Короля. Я дал слово моей… Арабелле не делать этого[123].

Наступило молчание. Стрендж вздохнул и помрачнел. Он явно задумался о чем-то — или о ком-то — совсем ином.

---

[123] Примечания: 123

Большинство из нас противится ограничениям, которые накладывают на нас родные и близкие, но как все меняется, если вдруг приходится пережить утрату любимого человека! Ограничение тут же принимает характер священного обета.

Сэр Уолтер спокойно заметил:

— Я всегда высоко ценил суждения миссис Стрендж. Следовать ее совету — самая мудрая жизненная позиция. Примите мое сочувствие, Стрендж. Разумеется, вы стремитесь к постижению новой магии — любой ученый на вашем месте испытывал бы то же самое. Однако не вызывает сомнений, что единственный надежный путь постижения магии — книжное знание.

— У меня нет книг! — воскликнул Стрендж. — Боже милосердный! Я готов смирно сидеть дома, как старая дева, если только правительство законодательно обяжет Норрелла показать мне библиотеку! Поскольку правительство явно не собирается оказывать мне такую услугу, остается добывать знания иными путями!

— Так что же вы предпримете? — спросил лорд Портисхед.

— Вызову эльфа, — словно между прочим ответил Стрендж. — Уже несколько раз пытался.

— Разве мистер Норрелл не говорил, что вызов эльфов чреват многими опасностями? — осторожно промолвил сэр Уолтер.

— Мистер Норрелл почти все считает опасным, — раздраженно ответил Стрендж.

— Верно, — согласился сэр Уолтер.

Ответ, по всей видимости, его удовлетворил. В конце концов, вызов эльфов — одна из древнейших традиций английской магии. Все ауреаты вызывали духов, все аргентианы к этому стремились.

— Возможно ли такое, сэр? — вступил в беседу лорд Портисхед. — Многие знающие люди сходятся во мнении, что эльфы больше не посещают Англию.

— Да, общее мнение таково, — сказал Стрендж, — и все же я почти уверен, что мне довелось встретиться с эльфом в ноябре тысяча восемьсот четырнадцатого, примерно за месяц до того, как мы с Норреллом расстались.

— Неужели? — воскликнул лорд Портисхед.

— Вы никогда об этом не упоминали, — заметил сэр Уолтер.

— Раньше я не мог, — ответил Стрендж. — Если бы хоть словом обмолвился об этой истории, Норрелла хватил бы удар.

— И как же он выглядел, мистер Стрендж? — поинтересовался лорд Портисхед.

— Эльф? Понятия не имею. Я его не видел. Только слышал. Он играл музыку. При этом присутствовал еще один человек, который, насколько я могу судить, и слышал его, и видел.

Только представьте себе все преимущества общения с подобным существом! Ни единый волшебник, живой или мертвый, не сможет научить меня стольким вещам сразу. Эльфы — источник всего, о чем мы, волшебники, можем только мечтать. Магия — их естественное состояние. Что до недостатков, то главный — я понятия не имею, как это сделать. Я дюжинами читал заклинания, выполнял все, о чем слышал или читал, чтобы вновь вызвать того эльфа, — напрасно. Ума не приложу, с таким рвением Норрелл запрещает то, чего невозможно достичь. Милорд, не знаете ли вы заклинаний для вызова эльфов?

— Знаю множество, — ответил лорд Портисхед, — но вы наверняка их уже попробовали. Только вы можете воссоздать утраченное!

— О, — вздохнул Стрендж, — скорее всего, ничто не утрачено. Все хранится в библиотеке Хартфью.

— Вы упомянули, что эльфа видел и слышал кто-то еще, — вставил сэр Уолтер.

— Да.

— И насколько я понимаю, этот кто-то был вовсе не Норрелл?

— Не он.

— Замечательно. Так что этот человек сказал?

— Он… он был не вполне в себе. Решил, что видит ангела, но в силу своего образа жизни и строя мыслей не нашел в этом ничего удивительного. Прошу прощения, однако я не вправе распространяться подробнее.

— О, конечно, конечно! Очень хорошо! Но ваш спутник видел эльфа. Почему?

— У него было одно качество, позволяющее ему видеть волшебных существ.

— А вы не можете сами им воспользоваться?

Стрендж задумался.

— Не представляю как. Это дело случая, как цвет глаз: у одного они голубые, у другого — карие. — Он помолчал, словно перебирая в уме возможные варианты. — А впрочем, может, вы и правы. Теперь, когда вы сказали, мысль не кажется такой уж дикой. Вспомните ауреатов! Некоторые из них в безумстве и необузданности приближались к эльфам! Вспомните Ральфа Стокси и его слугу-эльфа, Тома Голубое Седло. В молодости Стокси не так уж отличался от Тома! Возможно, конечно, я слишком *ручной* волшебник. Однако как вызвать в себе сумасшествие? Каждый день на улице я встречаю безумцев, но никогда прежде не задумывался, как они утратили рассудок. Может быть, надо бродить по пустошам и пустынным

берегам? Это излюбленные места безумцев — во всяком случае, в романах и пьесах. Может быть, дикая Британия поможет мне сойти с ума.

Стрендж встал и подошел к окну, словно надеясь прямо сейчас увидеть дикую Британию, однако увидел лишь Сохо-Сквер в густом моросящем дожде.

— Думаю, вам в голову пришла весьма стоящая мысль, Поул.

— Мне? — воскликнул сэр Уолтер, несколько обеспокоенный тем, к чему могут привести его слова. — У меня не было подобных намерений!

— Но, мистер Стрендж, — вступил в разговор деликатный лорд Портисхед, — вы, конечно, шутите. Человеку с вашими знаниями не может прийти в голову стать… бродягой. Что за мысль!

Стрендж скрестил на груди руки и еще раз взглянул на Сохо-Сквер.

— Ну, я не сегодня отправлюсь в путь. — Он улыбнулся своей ироничной улыбкой и внезапно стал почти похож на себя прежнего. — Подожду,

пока закончится дождь[124].

---

[124] Примечания: 124

Даже Джон Аскгласс, в руках которого сосредоточились три королевства и руководство всей английской магией, не смог полностью освободиться от этой страсти к долгим таинственным путешествиям. В 1241 году он весьма загадочно покинул свой дом в Ньюкасле — способом, доступным лишь волшебникам. Слуге он сказал, что через день его можно будет найти спящим на лавке возле камина.

На следующий день слуга и другие приближенные короля отправились искать на лавке возле камина, но никого там не нашли. Каждое утро и каждый вечер они проверяли названное место, однако Король так и не появился.

В его отсутствие бразды правления принял Вильям, граф Ланчестер, а многие решения пришлось отложить до «возвращения Короля». Однако время шло, и многие уже начали сомневаться, что Король вообще вернется. И вдруг, ровно через год и один день после ухода, Короля обнаружили спящим на лавке возле камина — точно как он предсказывал. Казалось, он не видел в происшествии ничего особенного и не сказал никому ни слова о том, где был и что делал. Никто не осмелился спросить, предполагал ли Король заранее столь долгое отсутствие, или же случилось нечто непредвиденное. Вильям, граф Ланчестер, призвал к себе слугу и приказал слово в слово повторить все сказанное Королем. Может быть, он все-таки заранее намекал, что будет отсутствовать год и один день?

— Может, и так, — ответил слуга. — Король всегда говорит очень тихо. Может, я просто неправильно его расслышал.

50. «История и практика английской магии»

Апрель — конец сентября 1816 года

Друзья Стренджа обрадовались, узнав, что волшебник не собирается бросать удобный дом, хороший доход и слуг и, словно цыган, бродить под дождем и ветром, однако мало кто из них воспринял его новые настроения с полным спокойствием. У них были все основания опасаться, что он утратил чувство меры и готов прибегнуть к любым, даже самым рискованным видам магии. Данное Арабелле обещание не позволяло ему отправиться в путешествие по Дорогам Короля, однако никакие увещания сэра Уолтера не могли помешать его постоянным раздумьям и разговорам касательно Джона Аскгласса и эльфов.

К концу апреля три новых ученика мистера Стренджа, а именно досточтимый Генри Пурфуа, Уильям Хедли-Брайт и Том Леви, учитель танцев, сняли квартиры поближе к Сохо-Сквер. Ежедневно они отправлялись в дом мистера Стренджа для занятий магией. В свободное от наставлений время Стрендж работал над книгой и занимался

собственной практической магией по заказу армии и Ост-Индской компании. Он также получил заказы и контракты на сотрудничество от Ливерпульского городского совета и Сообщества торговых предприятий в Бристоле.

Тот факт, что к Стренджу поступают заказы от официальных учреждений — да и от кого бы то ни было, — так разгневал мистера Норрелла, что он пожаловался лорду Ливерпулю, премьер-министру.

Лорд Ливерпуль, однако, сочувствия не выразил.

— Генералы могут поступать, как им угодно, мистер Норрелл, — заявил он. — Вы прекрасно знаете, что правительство не вправе вмешиваться в военные вопросы[125]. Генералы уже несколько лет пользуются услугами мистера Стренджа и не видят необходимости отказываться от них просто потому, что вы с ним поссорились. Что до Ост-Индской компании, то мне говорили, что ее руководство обращалось к вам первому, но вы отказались помочь.

Мистер Норрелл быстро замигал маленькими

---

[125] Примечания: 125

В действительности дело обстоит вовсе не так. Во время войны в Испании герцог Веллингтон постоянно жаловался, что правительство все время вмешивается в дела военных.

глазками.

— Моя работа на благо правительства — работа на вас, милорд, — отнимает слишком много времени. Вполне естественно, что я не могу пренебречь ею ради интересов частной компании.

— Поверьте, мистер Норрелл, мы умеем это ценить. Однако вряд ли надо напоминать, как важна Ост-Индская компания для процветания нации. А компании крайне необходима помощь волшебника. Ее корабли полагаются на милость волн и ветров; обширные территории требуют мудрого руководства, а военные отряды постоянно подвергаются нападениям со стороны индийских князьков и разбойников. Мистер Стрендж взялся управлять погодой у мыса Доброй Надежды и в Индийском океане и советует, как наилучшим образом использовать магию на враждебных территориях. Совет директоров Ост-Индской компании считает, что опыт, полученный мистером Стренджем в Испании, просто неоценим. Это лишний раз доказывает постоянно растущую нужду Британии в волшебниках. Мистер Норрелл, даже при вашей удивительной работоспособности вы не в состоянии оказаться повсюду и заниматься всем. Да, впрочем, никто и не вправе этого от вас ожидать и требовать.

Мне говорили, у мистера Стренджа появилось несколько подающих надежды учеников. И я бы очень обрадовался, если бы и вы решили сделать то же самое.

Несмотря на одобрение лорда Ливерпуля, обучение трех новых волшебников, Генри Пурфуа, Уильяма Хедли-Брайта и Тома Леви, продвигалось ничуть не быстрее, чем обучение самого мистера Стренджа шесть лет назад. Единственная разница состояла в том, что если Стренджу приходилось постоянно сталкиваться с неискренностью мистера Норрелла, то его питомцам больше всего мешали угрюмость и вялость учителя.

К началу июня работа над «Историей и практикой английской магии» закончилась. Стрендж отправил рукопись мистеру Мюррею. Никто не удивился, когда он на следующий же день заявил Генри Пурфуа, Уильяму Хедли-Брайту и Тому Леви, что придется сделать перерыв в занятиях, потому что их наставник собирается за границу.

— Отличный план! — воскликнул сэр Уолтер, едва Стрендж рассказал ему о своем намерении. — Перемена обстановки. Изменение окружения. Именно это я бы вам и посоветовал. Поезжайте!

— А вам не кажется, что отъезд несколько по-

спешен? — с тревогой поинтересовался мистер Стрендж. — Получится, что я оставляю Лондон мистеру Норреллу.

— Неужели вы считаете, что у нас такая короткая память? Мы уж как-нибудь постараемся за несколько месяцев вас не забыть. Кроме того, скоро выйдет ваша книга, и, читая ее, мы не сможем не думать, как нам вас не хватает.

— Да, конечно. Ведь останется книга. Норреллу потребуются месяцы, чтобы опровергнуть состоятельность сорока шести ее глав, а к этому времени я уже давно вернусь.

— Куда вы едете?

— Скорее всего, в Италию. Меня всегда притягивали страны южной Европы. Когда я был в Испании, меня неизменно потрясали ее пейзажи. Точнее сказать, я думаю, что потрясали бы, если бы их не скрывали солдаты и клубы дыма.

— Надеюсь, время от времени вы будете писать? Хотя бы коротко рассказывать о своих впечатлениях?

— О, уж я вас не пощажу! Главная привилегия путешественника — изливать разочарование по поводу любого, даже самого мелкого неудобства в длинных письмах друзьям. Так что ждите подробных описаний всего и вся.

Как это часто случалось в последнее время, настроение Стренджа внезапно испортилось. Моментально испарился легкий иронический тон, он замолчал и угрюмо уставился на ящик с углем.

— Интересно, а вы… — наконец прервал он молчание. — То есть хотел бы попросить… — Он хмыкнул, словно презирая себя за нерешительность. — Не передадите ли вы от меня поклон леди Поул? Был бы чрезвычайно признателен. Арабелла очень ценила дружбу ее милости и огорчилась бы, если б я уехал из Англии, не попрощавшись с ее подругой.

— Конечно, с удовольствием! Что сказать?

— О, да просто передайте пожелания самого крепкого здоровья. Как сами считаете нужным. Слова не важны. Только не забудьте сказать, что привет передает муж Арабеллы. Пусть ее милость знала, что муж подруги ее не забыл.

— С превеликой охотой, — ответил сэр Уолтер. — Спасибо.

Вообще-то, Стрендж полагал, что сэр Уолтер пригласит его навестить леди Поул и поговорить с ней лично, однако этого не случилось. Никто даже не знал, живет ли ее милость в доме на Харли-стрит. Не так давно прошел слух, что сэр

Уолтер отправил жену куда-то в деревню.

Не только Стренджу пришло желание отправиться за границу. Внезапно подобные путешествия сделались чрезвычайно модными. Война с Бонапартом слишком долго держала англичан запертыми на собственном острове. Слишком долго им приходилось удовлетворять жажду нового поездками на Шотландское нагорье, в Озерный край или Дербишир. Однако война наконец-то кончилась; теперь они могли посетить Европу, увидеть горы и побережья совершенно иного свойства, узреть великие произведения искусства, которые до того разглядывали лишь на гравюрах. Некоторые отправились за границу в надежде, что жизнь там окажется дешевле. Другие бежали от долгов или скандалов, а третьи, как сам Стрендж, пытались найти то душевное спокойствие, которого не могли обрести в родной Англии.

Брюссель
Джонатан Стрендж — Джону Сегундусу
12 января 1816 г.

Насколько могу судить, я путешествую по следам лорда Байрона и отстаю от него примерно на

месяц[126]. В каждом городке, где мы останавливаемся, тут же находится масса гостиничных служащих, почтальонов, чиновников, просто горожан, лакеев и дам самого различного толка, которые все еще не могут опомниться после непродолжительной встречи с его милостью. И хотя мои спутники не устают твердить этим людям, что я ужасное существо, английский волшебник, все равно по сравнению с английским поэтом я — ничто. Везде, куда приводит меня путешествие, я пользуюсь репутацией — совершенно для меня новой — тихого добропорядочного англичанина, который не шумит и ровным счетом никому не доставляет неудобств…

Лето в тот год выдалось странное. Вернее сказать, лета не было вовсе. Зима протянула длинные щупальца вплоть до самого августа. Солнце почти не показывалось. Небо покрывали толстые серые облака. По городам и полям, на которых чахли поникшие колосья, дули отчаянно холодные ветры. Всю Европу сотрясали громы, освещали молнии, поливали ледяные дожди и посыпал град. Лето казалось хуже зимы:

---

[126] Примечания: 126

Лорд Байрон покинул Англию в апреле 1816 года, спасаясь от настойчивых кредиторов и обвинений в жестоком обращении с женой и соблазнении собственной сестры.

длинный день лишал людей утешения долгих, темных вечеров, способных хоть на время скрыть неприглядную картину.

Лондон наполовину опустел. Парламент ушел на каникулы, и его члены разъехались по загородным домам, чтобы получить возможность лучше разглядеть дождь. В Лондоне, в доме на Албермарл-стрит, остался мистер Джон Мюррей, издатель. В иное время комнаты этого дома были самыми оживленными в городе; их заполняли поэты, эссеисты, обозреватели и вообще великие и не очень великие литературные мужи королевства. Однако сейчас великие и не очень великие литературные мужи королевства отправились в свои поместья. Дождь стучал в окна, ветер завывал в дымоходе. Мистер Мюррей подбросил в камин совок угля, уселся за стол и начал читать полученные сегодня письма. Каждое письмо он подносил очень близко к левому глазу (правый ничего не видел).

Так получилось, что в этот день пришло сразу два письма из Женевы. В первом лорд Байрон жаловался на Джонатана Стренджа, а во втором Джонатан Стрендж жаловался на лорда Байрона. Джентльмены как-то встречались в доме мистера Мюррея, но лично знакомы до сих пор не были.

Недели две тому назад Стрендж нанес Байрону визит в Женеве. Однако назвать успешной эту встречу было никак нельзя.

Стрендж (который в настоящее время чрезвычайно высоко ценил семейные узы и вообще все то, что утратил со смертью Арабеллы) крайне отрицательно отнесся к образу жизни Байрона.

«Я нашел его милость на прелестной вилле рядом с озером. Он был не один. Компанию ему составляли другой поэт, Шелли, миссис Шелли и еще одна совсем молодая дама, почти девочка, которая представилась как миссис Клермонт. Характер ее отношений с названными джентльменами я так и не смог понять. Если вы знаете, в чем они состоят, то не говорите мне. Кроме того, присутствовал весьма странный молодой человек, который все время говорил ерунду, — некий мистер Полидори».

Лорд Байрон, со своей стороны, не одобрил одежду мистера Стренджа.

«Он по-прежнему в трауре. Его жена умерла в Рождество, не так ли? Хотя, возможно, он просто считает, что черный цвет придает ему загадочность».

Не понравившись друг другу с первого взгляда, они плавно перешли к разногласиям на полити-

ческие темы. Стрендж писал:

«Не знаю, как так получилось, но мы почему-то сразу заговорили о Ватерлоо — самая неудачная из тем, поскольку я состою волшебником при герцоге Веллингтоне, а они ненавидят его и боготворят Бонапарта. Миссис Клермонт со всем пылом своих восемнадцати лет спросила, не стыдно ли мне быть орудием уничтожения великого человека. Я ответил, что вовсе не стыдно».

Байрон же написал следующее:

«Он ярый сторонник герцога В. Ради вашего блага, мой любезный Мюррей, хочу верить, что книга его окажется интереснее, чем он сам».

Стрендж закончил свое письмо так:

«Люди имеют самые дикие представления о волшебниках. Они просили меня рассказать о *вампирах*».

Мистер Мюррей огорчился, что два его автора не смогли найти общий язык, однако, поразмыслив, решил, что иначе и быть не могло, поскольку оба прославились своей неуживчивостью. Стрендж скандалил с Норреллом, Байрон

— практически со всеми[127].

Закончив читать письма, мистер Мюррей решил спуститься на первый этаж, в книжную лавку. Он издал книгу Джонатана Стренджа очень большим тиражом и теперь волновался, как она будет продаваться. Магазином управлял некто Шеклтон, который выглядел именно так, как и должен выглядеть управляющий книжного магазина. Он не подошел бы на роль приказчика, скажем, галантерейной лавки, поскольку такой приказчик должен выглядеть элегантнее своих покупателей, однако в качестве книгопродавца оказался просто великолепен. Возраст его определить было невозможно. Худой, пыльный, весь в мелких чернильных брызгах, с налетом ученой рассеянности. На носу его красовались большие очки, за ухом торчало гусиное перо, а голову

[127] Примечания: 127

Несмотря на явную антипатию, что-то в личности Стренджа все же произвело на Байрона сильное впечатление. Следующая его поэма, «Манфред», работу над которой он начал в сентябре или октябре того же года, посвящена именно чародею. Разумеется, герой поэмы, Манфред, не слишком похож на Джонатана Стренджа (во всяком случае, на того респектабельного Стренджа, который поэту так не понравился). Он куда больше напоминает самого автора — эгоцентризмом, ненавистью к себе, презрением к окружающим, намеками на какие-то невозможные трагедии и загадочные влечения. Тем не менее Манфред — чародей, проводящий дни в беседах с духами воздуха, земли, воды и огня. Создается впечатление, что, разочаровавшись в живом волшебнике, поэт создал другого по своему вкусу.

венчал растрепанный и съехавший набекрень парик.

— Шеклтон, сколько экземпляров книги мистера Стренджа мы сегодня продали?

— Думаю, шестьдесят или семьдесят.

— Великолепно! — обрадовался мистер Мюррей.

Шеклтон нахмурился и поправил очки.

— Ну да, вроде бы все отлично, так ведь?

— Что вы хотите сказать?

Шеклтон зачем-то вытащил из-за уха перо.

— Очень много людей заходили дважды и оба раза покупали эту книгу.

— Еще лучше! Такими темпами мы обгоним лорда Байрона с его «Корсаром»! А к концу недели может понадобиться второй тираж!

Здесь, заметив, что мистер Шеклтон не перестал хмуриться, мистер Мюррей поинтересовался:

— Так что же вас не устраивает? Полагаю, второй экземпляр люди приобретают в подарок друзьям и знакомым.

Шеклтон замотал головой так, что заплясали волоски на парике.

— Очень странная история. Ни с чем подобным я еще не сталкивался.

Тут дверь магазина открылась, и на пороге воз-

ник молодой человек, низенький и худой. Черты его лица казались правильными, и, сказать по правде, он выглядел бы даже красивым, если бы не манеры. Незнакомец относился к тому сорту людей, чьи мысли не успевают задерживаться и развиваться в голове, а неустанным потоком изливаются на окружающих. Молодой человек непрерывно разговаривал сам с собой, и выражение его лица постоянно изменялось. Минуты за две он успел удивиться, оскорбиться, принять решение и рассердиться — чувства, судя по всему, служили следствием бесед, которые он вел с воображаемыми идеальными собеседниками.

Магазины, в особенности лондонские магазины, нередко страдают от набегов различного рода сумасшедших, так что и мистер Шеклтон, и мистер Мюррей мгновенно насторожились. Их худшие подозрения тут же оправдались, поскольку молодой человек пригвоздил Шеклтона к месту пристальным взглядом голубых глаз и закричал:

— И это называется внимание к покупателям! Предупредительность! — Он повернулся к мистеру Мюррею и обратился к нему со следующей тирадой: — Послушайте моего совета, сэр! Не покупайте здесь книги. Здесь все — лжецы и воры!

— Лжецы и воры? — удивленно переспросил мистер Мюррей. — Ошибаетесь, сэр. Не сомневаюсь, что мы сумеем вас переубедить.

— Ха! — выкрикнул молодой человек и пристально взглянул на мистера Мюррея, показывая, что уже не видит в нем своего брата-покупателя.

— Я владелец, — поспешно представился мистер Мюррей. — Уверяю вас, мы никого не обираем. Поведайте мне, в чем состоит ваша претензия, и я с удовольствием исправлю все, что только можно. Не сомневаюсь, что произошло какое-то недоразумение.

Вежливый тон и любезные слова не успокоили молодого человека. Он продолжал кричать:

— Вы не будете отрицать, сэр, что это заведение пользуется услугами бесчестного мага, этого мошенника мистера Стренджа?

Мистер Мюррей принялся было что-то объяснять насчет сотрудничества с мистером Стренджем в качестве автора, но молодому человеку некогда было слушать.

— Вы не будете отрицать, сэр, что этот человек заколдовал свои книги таким образом, что они тут же куда-то исчезают — чтобы читателю пришлось покупать еще экземпляр? А потом и еще один! — Разгневанный посетитель ткнул

пальцем в мистера Шеклтона: — Вы, разумеется, сейчас начнете утверждать, будто не помните меня!

— Напротив, сэр, я очень хорошо вас помню. Вы одним из первых приобрели книгу «История и практика английской магии», а потом, примерно через неделю, пришли за вторым экземпляром.

Молодой человек вытаращил глаза.

— Мне пришлось покупать второй экземпляр! — воскликнул он. — Потому что первый исчез!

— Исчез? — озадаченно переспросил мистер Мюррей. — Если вы потеряли книгу, мистер… э-э-э… то я очень сожалею, но не могу представить, при чем тут приказчик.

— Меня зовут Грин, сэр. Я не потерял книгу. Она исчезла, причем уже дважды. — Мистер Грин глубоко вздохнул, показывая, как тяжело иметь дело с глупцами и слабоумными. — Первую книгу я отнес домой и положил на стол, на шкатулку, в которой храню лезвия и другие бритвенные принадлежности. — Мистер Грин изобразил, как именно он это сделал. — А на книгу я положил газету, медный подсвечник и яйцо.

— Яйцо? — переспросил мистер Мюррей.

— Да, крутое яйцо! Когда я вернулся — не позд-

нее чем через десять минут, — газета лежала на шкатулке, а книги не было! Тем не менее яйцо и подсвечник остались на своих местах. Через неделю я пришел сюда еще раз и купил второй экземпляр книги — все, как рассказывает приказчик. Опять отнес книгу домой. Положил на каминную полку, рядом со «Словарем практической медицины» Купера, а сверху поставил чайник. Когда я начал заваривать чай, обе книги соскользнули с полки в корзину с грязным бельем. В понедельник мой слуга, Джек Бут, положил грязное белье в корзину. Во вторник за бельем пришла прачка. Так вот, когда она вытащила простыни, «Словарь практической медицины» оказался на месте, то есть на дне корзины, а «История и практика английской магии» исчезла.

Рассказ, раскрывающий некоторые особенности ведения мистером Грином домашнего хозяйства, давал надежду на какое-то объяснение происшедшего.

— А вы не могли забыть, куда положили книгу? — поинтересовался мистер Шеклтон.

— Может быть, прачка унесла ее вместе с грязным бельем? — поддержал мистер Мюррей.

— Нет-нет! — решительно запротестовал ми-

стер Грин.

— А не мог кто-нибудь ее позаимствовать? Или хотя бы переложить на другое место? — предположил Шеклтон.

Подобная несуразность, казалось, поразила мистера Грина.

— Кто? — воскликнул он.

— Я… я понятия не имею. Ну, скажем, миссис Грин. Или слуга.

— Нет никакой миссис Грин! Я живу один! Со мной только Джек Бут, а Джек Бут не умеет читать!

— Кто-нибудь из друзей, в таком случае?

Всем своим видом мистер Грин показал, что друзей у него нет и не было.

Мистер Мюррей вздохнул:

— Шеклтон, дайте мистеру Грину еще экземпляр книги и верните деньги за второй экземпляр. — Потом он повернулся к мистеру Грину. — Меня очень радует, что книга вам понравилась и вы пришли за вторым экземпляром.

— Понравилась! — вскричал мистер Грин, еще более пораженный и взволнованный. — Да я и понятия не имею, понравилась она мне или нет! Я не успел ее даже открыть!

После ухода беспокойного покупателя мистер

Мюррей еще немного задержался в лавке, отпуская шутливые замечания относительно корзин с грязным бельем и крутых яиц. Однако мистер Шеклтон (который в обычном состоянии, как и нормальные люди, любил шутки) не поддержал ерничанья. Выглядел он задумчивым, даже угрюмым и несколько раз повторил, что все это очень странно.

Спустя полчаса мистер Мюррей сидел у себя в комнате наверху и смотрел на книжный шкаф. Раздались шаги. Мистер Мюррей обернулся и увидел Шеклтона.

— Он снова пришел, — произнес продавец.

— Кто?

— Мистер Грин. Он снова потерял книгу. Положил ее в правый карман, но к тому времени, как он дошел до Грейт-Палтени-стрит, она уже исчезла. Разумеется, я сказал ему, что Лондон кишит ворами, но вы должны согласиться…

— Да-да! — не дал ему договорить мистер Мюррей. — Мой собственный экземпляр тоже испарился. Взгляните! Я поставил его вот сюда, между «Курьезами» Д'Израэли и «Эммой» мисс Остен. Вот, видите пустое место? Что происходит, Шеклтон?

— Магия, — коротко, но твердо определил про-

давец. — Я все обдумал и считаю, что Грин прав. И против книги, и против нас самих действует какое-то заклинание.

— Заклинание! — Мистер Мюррей изумленно воззрился на собеседника. — Да, полагаю, вы правы, так оно и есть. Мне еще никогда не приходилось сталкиваться с магией в чистом виде. Не думаю, что после этого буду без нее скучать. Все происходящее крайне странно, неприятно и некрасиво. Как себя вести, когда ни на одну вещь нельзя положиться?

— Ну, — произнес Шеклтон, — на вашем месте я бы для начала посоветовался с другими книгопродавцами и выяснил, как ведут себя книги у них. Тогда, во всяком случае, мы будем знать, имеет ли проблема общий характер или касается только нас.

Совет оказался хорошим. Оставив магазин на попечение младшего приказчика, мистер Мюррей и Шеклтон надели шляпы и вышли на улицу, в дождь и ветер. Ближайшая лавка располагалась на площади Пиккадилли и принадлежала Эдвардсу и Скиттерингу. Едва войдя, они были вынуждены посторониться, уступая дорогу лакею в голубой ливрее. Он выносил из магазина солидную стопку книг.

Не успел мистер Мюррей задуматься над тем, что и сам лакей, и ливрея кажутся странно знакомыми, как человек исчез.

Внутри магазина джентльмены увидели мистера Эдвардса за разговором с Джоном Чилдермассом. При появлении Мюррея и Шеклтона лицо мистера Эдвардса приняло виноватое выражение, однако Чилдермасс смотрел как ни в чем не бывало.

— А, мистер Мюррей! — воскликнул он. — Рад вас видеть, сэр. Эта встреча избавила меня от прогулки под дождем.

— Что происходит? — резко потребовал объяснений издатель. — Чем вы занимаетесь?

— Занимаемся? Мистер Норрелл просто решил купить несколько книг, вот и все.

— Ха! Если ваш хозяин решил разделаться с книгой мистера Мюррея, скупив все экземпляры, то его ждет разочарование. Мистер Норрелл — богатый человек, но и его деньги не бесконечны. А я могу печатать книги быстрее, чем он будет их скупать.

— Нет, — решительно возразил Чилдермасс, — не можете.

Мистер Мюррей посмотрел на мистера Эдвардса:

— Роберт, Роберт! Почему вы позволяете вас запугивать?

Бедный мистер Эдвардс выглядел чрезвычайно несчастным.

— Прошу прощения, мистер Мюррей, но книги постоянно исчезали. Мне пришлось вернуть деньги тридцати с лишним покупателям. Магазин терпит огромные убытки. Сейчас мистер Норрелл предложил купить все, что есть в моем магазине, — то есть речь, разумеется, идет о книге мистера Стренджа, — и заплатить сходную цену. А потому я…

— Сходную? — воскликнул Шеклтон, не в силах стерпеть такое. — Сходную? Что же в этом сходного, хотелось бы мне знать? Как вы думаете, кто виновник исчезновения книг?

— Действительно! — поддержал издатель. Повернувшись к Чилдермассу, он поинтересовался: — Надеюсь, вы не собираетесь отрицать, что всё это проделки Норрелла?

— Не собираюсь. Мистер Норрелл готов взять на себя ответственность. Он составил целый список причин и будет рад изложить их любому, кто согласится выслушать.

— Ну и что же это за причины? — холодно поинтересовался мистер Мюррей.

— Обычные причины, полагаю, — ответил Чилдермасс, и ответ его впервые прозвучал несколько уклончиво. — Сейчас как раз готовится письмо, в котором все будет изложено.

— И что же, вы считаете, что это меня удовлетворит? Извинительное письмо — и все в порядке?

— Извинительное? Насчет извинений я сомневаюсь.

— Я намерен обратиться к своему адвокату, — официальным тоном заявил мистер Мюррей. — Сегодня же.

— Разумеется. Ничего иного мы и не ожидали. Как бы то ни было, мистер Норрелл вовсе не ставит себе целью вас разорить. Как только вы представите мне полный финансовый отчет об издержках на книгу мистера Стренджа, я тут же выпишу чек на всю сумму.

Ход оказался совершенно неожиданным. Мистер Мюррей разрывался между желанием ответить очень грубо и сознанием того, что Норрелл лишил его крупной суммы и, по справедливости, должен заплатить.

Шеклтон незаметно дернул мистера Мюррея за рукав, пытаясь предостеречь от необдуманного шага.

— А как насчет прибыли? — поинтересовался мистер Мюррей, пытаясь выиграть время.

— О, вы хотите включить в сумму и прибыль? Что ж, полагаю, ваше требование вполне справедливо. Я посоветуюсь с мистером Норреллом. — С этими словами Чилдермасс поклонился и покинул книжную лавку.

Мистеру Мюррею и Шеклтону тоже незачем было задерживаться дольше. Едва они оказались на улице, издатель взглянул на приказчика и сказал:

— Отправляйтесь на Темз-стрит, — (там располагался склад, в котором мистер Мюррей хранил свои тиражи), — и выясните, осталось ли хоть сколько-то экземпляров книги мистера Стренджа. Не позволяйте Дэксону отделаться коротким ответом. Пусть покажет все, что есть. Скажите, что я приказываю сосчитать все имеющиеся в наличии экземпляры и в течение часа прислать отчет.

Вернувшись на Албермарл-стрит, он обнаружил в магазине трех молодых людей. Едва завидев владельца, они захлопнули книги, которые просматривали, и, обступив его, заговорили одновременно. Мистер Мюррей, естественно, предположил, что они явились по тому же делу,

что и мистер Грин. Поскольку двое молодых людей были очень высоки ростом и все трое чрезвычайно громко выражали свое негодование, он сделал приказчику знак бежать за подмогой. Однако приказчик притворился глухим и остался на месте, с немалым интересом наблюдая за происходящим.

Яростные восклицания, вопли типа «Законченный мерзавец!» и «Гнусный мошенник!» не слишком порадовали мистера Мюррея, но вскоре он неожиданно для себя понял, что эти характеристики относятся не к нему, а к мистеру Норреллу.

— Прошу прощения, джентльмены, — прервал он негодующие реплики, — не соблаговолите ли вы себя назвать?

Молодые люди удивились — они полагали, что более известны в определенных кругах, — но тем не менее представились. Оказалось, что это ученики мистера Стренджа, в настоящее время переживающие вынужденные каникулы: Генри Пурфуа, Уильям Хедли-Брайт и Том Леви.

Генри Пурфуа и Уильям Хедли-Брайт были высокие красавцы, Том Леви — маленький, худенький, с темными волосами и глазами. Как уже отмечалось, двое молодых людей принадлежали

к аристократическим английским фамилиям, а Том, чьи пращуры были евреями, до учебы служил учителем танцев. К счастью, и Пурфуа, и Хедли-Брайт не обращали внимания на разницу в происхождении. Понимая, что Том самый из них талантливый, они слушались его во всех вопросах магической науки. Если не считать того, что они называли его просто по имени (в то время как он обращался к ним «мистер Пурфуа» и «мистер Хедли-Брайт») и полагали, что он должен собирать разбросанные ими книги, оба джентльмена относились к нему как к равному.

— Мы не можем сидеть сложа руки, когда этот злодей и мошенник, это чудовище уничтожает великое произведение мистера Стренджа! — возгласил Генри Пурфуа. — Поручите нам какое-нибудь дело, мистер Мюррей! Больше мы ни о чем не просим!

— И если дело это потребует пронзить мистера Норрелла острым клинком — тем лучше, — добавил мистер Уильям Хедли-Брайт.

— Не может ли кто-нибудь из вас отправиться за мистером Стренджем и привезти его обратно? — спросил издатель.

— О, разумеется! Хедли-Брайт справится! — воскликнул Генри Пурфуа. — При Ватерлоо он был

одним из адъютантов герцога Веллингтона. Для него нет ничего милее, чем скакать во весь опор.

— А вы знаете, куда отправился мистер Стрендж? — уточнил Том Леви.

— Две недели тому назад он был в Женеве, — ответил мистер Мюррей. — Сегодня утром я получил от него письмо. Возможно, он все еще там. А может быть, отправился дальше, в Италию.

Дверь распахнулась, и появился Шеклтон. Парик его блестел мириадами дождевых капель, словно он специально украсил его множеством стеклянных бусинок.

— Все в порядке, — сообщил вошедший. — Книги на месте.

— Вы видели их собственными глазами?

— Да, разумеется. Позволю себе заметить, что волшебнику придется немало похлопотать, чтобы уничтожить десять тысяч экземпляров.

— Хотелось бы мне быть таким же оптимистом, — заметил Том Леви. — Извините, мистер Мюррей, но судя по тому, что мне довелось слышать о мистере Норрелле, если уж он что-то решил, то не успокоится, пока не доведет дело до конца. Полагаю, мы не можем дожидаться возвращения мистера Стренджа.

Шеклтон с удивлением взглянул на человека, столь авторитетно рассуждающего о вопросах магии.

Мистер Мюррей торопливо познакомил приказчика с учениками автора многострадальной книги.

— Так сколько же, по вашему мнению, у нас времени? — обратился он к Тому.

— День, от силы два. Определенно недостаточно для того, чтобы разыскать мистера Стренджа и вернуть его в Лондон. Мне кажется, мистер Мюррей, что вы должны доверить дело нам, а мы уж попробуем два-три заклинания. Может быть, удастся найти противовес магии Норрелла.

— А что, такие заклинания существуют? — поинтересовался издатель, с сомнением разглядывая начинающих волшебников.

— О, десятки и сотни! — воскликнул Генри Пурфуа.

— И вы какие-нибудь знаете? — продолжал допытываться издатель.

— Мы знаем об их существовании, — ответил Уильям Хедли-Брайт. — Все вместе мы, возможно, сумеем что-нибудь найти. Вот бы мистер Стрендж вернулся из Европы и узнал, что нам удалось спасти его труд! То-то бы он удивился!

— А как насчет невидимого, ну, там еще черт ногу сломит, короче, чего-то такого Пейла? — предложил Генри Пурфуа.

— Я знаю, о чем ты, — уверенно ответил Уильям Хедли-Брайт.

— Это поистине замечательное заклинание доктора Пейла, — пояснил Генри Пурфуа. — Оно способно развернуть чары и направить их против автора. Собственные книги мистера Норрелла превратятся в чистые страницы или исчезнут вовсе. И поделом!

— Вряд ли мистер Стрендж, вернувшись, будет счастлив узнать, что в его отсутствие мы уничтожили лучшую в Англии библиотеку магической литературы, — негромко заметил Том. — А кроме того, чтобы сотворить Невидимое Отражение и Защиту доктора Пейла, нам придется соорудить килифон.

— Соорудить что? — переспросил мистер Мюррей.

— Килифон, — пояснил Уильям Хедли-Брайт. — Работы доктора Пейла изобилуют примерами подобных машин для осуществления магической практики. Насколько я представляю, внешне это нечто среднее между валторной и вилкой…

— А наверху еще четыре металлические сферы,

которые постоянно вращаются, — добавил Генри Пурфуа.

— Ясно, — хмуро отозвался мистер Мюррей.

— Строительство килифона займет слишком много времени, — твердо заключил Том Леви, тем самым поставив в рассуждениях точку. — Я предлагаю воспользоваться профилаксисом де Шепа[128]. Это заклинание действует быстро и, если все пройдет гладко, на время сдержит магию Норрелла. Мы как раз успеем связаться с мистером Стренджем.

Тут дверь отворилась, и в лавку ввалился неопрятного вида тип в кожаном фартуке. Всеобщее внимание его явно смутило. Неловко поклонившись, он сунул Шеклтону клочок бумаги и тут же исчез.

---

[128] Примечания: 128

Волшебник Уолтер де Шеп жил в Лондоне в начале XIII века. Его заклинание профилаксис защищает человека, город или предмет от магических чар. Предположительно оно точно следует канонам магии эльфов. Считается, что заклинание это очень сильное и действенное. И правда, единственная его проблема заключается в необычайной эффективности. Иногда в результате воздействия предметы становятся совершенно неподвижными и перестают подчиняться усилиям человека или эльфа. Так что, если бы ученикам мистера Стренджа удалось его применить, вполне возможно, никто больше не смог бы ни взять книгу в руки, ни перевернуть страницы.

В 1280 году жители города Бристоля заказали местному волшебнику излить профилаксис де Шепа на весь город, дабы защитить его от вражеских чар. К сожалению, практика оказалась настолько успешной, что все люди, животные и даже лодки в Бристольской гавани

превратились в живые статуи. Никто не мог пошевелиться; вода в черте города утратила способность течь; даже огонь в каминах замерз. В таком состоянии Бристоль оставался в течение целого месяца, пока из замка в Ньюкасле не явился сам Джон Аскгласс и не навел порядок.

— Что это, Шеклтон? — поинтересовался мистер Мюррей.

— Записка с Темз-стрит. Они там заглянули в книги, под обложку. Оказалось, что все страницы совершенно пусты — ни единого слова. Мне чрезвычайно жаль, мистер Мюррей, но должен признать, что «Истории и практики английской магии» больше нет.

Уильям Хедли-Брайт засунул руки в карманы и тихо присвистнул.

Время шло, и стало ясно, что не осталось ни единого неповрежденного экземпляра книги мистера Стренджа. Уильям Хедли-Брайт и Генри Пурфуа рвались вызвать Норрелла на дуэль. Пришлось им растолковать, что мистер Норрелл — пожилой джентльмен, вряд ли упражняется в военных искусствах, да и вообще никому еще не доводилось видеть его со шпагой или пистолетом в руке. Трудно представить, чтобы двое мужчин в расцвете лет (причем один из них военный) могли бы, не теряя достоинства, вызвать его на поединок. Хедли-Брайт и Пурфуа прислушались к доводам, однако Пурфуа не переставал оглядываться, явно надеясь найти человека, соответствующего мистеру Норреллу по дряхлости. Взгляд его с надеждой остановился на Шеклтоне.

Другие друзья Стренджа также сочувствовали мистеру Мюррею и негодовали на действия мистера Норрелла. Приехал лорд Портисхед и рассказал, что послал мистеру Норреллу письмо, в котором расторгал их дружбу. Второе письмо, адресованное Лассельсу, уведомляло последнего о добровольном уходе его милости с поста редактора «Друзей английской магии» и отказе от подписки.

— Отныне и впредь, — заявил он ученикам Стренджа, — я безраздельно принадлежу к вашей партии.

Ученики чародея заверили почтенного джентльмена, что он совершил правильный поступок и никогда о нем не пожалеет.

В семь прибыл Чилдермасс. Он вошел в переполненную комнату спокойно, словно в церковь.

— Итак, каковы понесенные вами убытки, мистер Мюррей? — поинтересовался он, потом вынул из кармана записную книжку, взял со стола мистера Мюррея перо, обмакнул в чернила и приготовился писать.

— Уберите блокнот, — потребовал мистер Мюррей. — Мне не нужны ваши деньги.

— Неужели? Осторожнее, господин издатель, вы слишком поддаетесь влиянию этих джентль-

менов. А между тем некоторые из них слишком молоды и безответственны... — Чилдермасс окинул холодным взглядом учеников Стренджа и нескольких стоящих в комнате офицеров, — иные же богаты, и сотня-другая фунтов для них ничего не значит. — Здесь Чилдермасс взглянул на лорда Портисхеда. — Однако вы, мистер Мюррей, человек дела и о нем должны думать прежде всего.

— Ха! — Издатель скрестил на груди руки и гордо взглянул на Чилдермасса единственным зрячим глазом. — Вы думаете, что я отчаянно нуждаюсь в деньгах, но это не так. Весь вечер я получаю от друзей мистера Стренджа предложения о пожертвованиях. При желании я мог бы открыть новую типографию! Передайте мистеру Норреллу вот что. Заплатить ему, конечно, придется. Однако не на его условиях, а на наших собственных. Мы заставим его оплатить новое издание. А также рекламную кампанию книги его соперника. Думаю, что это окажется для него чрезвычайно неприятно.

— О, разумеется! Если это вообще когда-нибудь случится, — сухо заметил Чилдермасс и повернулся к двери.

Здесь он остановился и, разглядывая ковер, о

чем-то задумался, словно рассуждая сам с собой.

— Вот что я вам скажу, — произнес он наконец. — Вопреки свидетельству наших глаз, книга уничтожена не окончательно. Я гадал на картах и спросил у них, осталось ли что-нибудь из тиража. Так вот, один экземпляр сохранился у автора, мистера Стренджа, а второй — у мистера Норрелла.

Весь следующий месяц Лондон только и говорил, что об удивительном поступке мистера Норрелла. Однако винить ли в происшедшем порочность книги Стренджа или зависть мистера Норрелла — на сей счет мнения разделились. Те, кто покупал книгу, не могли смириться с ее утратой. Мистеру Норреллу не удалось уладить дело, даже послав к ним своих слуг с гинеей (именно столько стоила книга) и письмом, в котором объяснялись причины ее исчезновения. Многие почувствовали себя еще более оскорбленными, а некоторые читатели немедленно обратились к своим адвокатам и возбудили против мистера

Норрелла судебное разбирательство[129].

В сентябре члены кабинета вернулись из загородных поместий, и, естественно, возмутительные действия мистера Норрелла стали одной из первых тем их заседаний.

— Когда мы впервые наняли мистера Норрелла для употребления магической практики в наших интересах, — заявил один из министров, — мы и не думали, что он начнет распространять колдовство на дома граждан и наносить урон их собственности. Даже жаль, что мы не учредили того магического суда, о котором он столько говорил. Как он, кстати, называется?

— Пять Драконов, — ответил сэр Уолтер Поул.

— Полагаю, мистера Норрелла можно обвинить в магическом преступлении?

---

[129] Примечания: 129

Дело в том, что в письме содержались два положения, которые казались особенно оскорбительными: во-первых, там говорилось, что покупатели недостаточно умны, чтобы понять содержание книги Стренджа; во-вторых, утверждалось, что читатели не имеют морального права самостоятельно решать, несет ли описанная мистером Стренджем магия добро или зло.

Сторонники Норрелла предполагали, что уничтожение книги вызовет неприятные последствия, однако вред, нанесенный их партии письмом, никто предугадать не смог. Конечно, прежде чем рассылать письмо, мистер Норрелл должен был показать его мистеру Лассельсу. Если бы тот с ним ознакомился, то поправил бы и стиль, и содержание, чтобы они не казались столь оскорбительными.

Однако произошло недоразумение. Мистер Норрелл спросил Чилдермасса, внес ли Лассельс исправления. Чилдермасс решил, что речь

идет о статье в журнал «Друзья английской магии», и ответил положительно. Письмо отправилось без исправлений. Лассельс пришел в ярость и обвинил Чилдермасса в том, что тот намеренно позволил мистеру Норреллу так навредить делу. Чилдермасс, в свою очередь, все яростно отрицал.

С этого момента отношения между Лассельсом и Чилдермассом, и без того достаточно натянутые, резко ухудшились. Лассельс частенько намекал мистеру Норреллу, что его слуга симпатизирует Стренджу и тайно старается навредить своему хозяину.

— О, разумеется! Только я не имею ни малейшего представления, в каком. Джон Чилдермасс, возможно, знает, однако вряд ли согласится сказать.

— Неважно. Против Норрелла и так выдвинуто несколько обвинений в краже — иски лежат в обычных судах.

— В краже! — изумился другой министр. — Возмутительно, что человека, столько сделавшего для блага страны, обвиняют в столь низменном преступлении!

— А что? — возразил первый. — Он сам его на себя навлек.

— Загвоздка в том, — заметил сэр Уолтер, — что в свое оправдание он неизбежно заговорит о природе английской магии. Кроме Стренджа, компетентных в этом вопросе людей нет. Считаю, необходимо потерпеть. Мы должны дождаться возвращения мистера Стренджа.

— Да, но здесь возникает и другой вопрос, — вставил свое слово еще один министр. — В Англии всего два волшебника. Как между ними выбрать? Кому дано решить, кто из них прав, а кто виноват?

Члены кабинета озадаченно взглянули друг на друга.

И только лорд Ливерпуль, премьер-министр, казался совершенно уверенным в себе.

— Мы сможем рассудить их точно так же, как судим других людей, — по плодам[130].

Наступила пауза. Министры размышляли о плодах мистера Норрелла: вражде, воровстве и злобе.

Решили, что министр внутренних дел побеседует с мистером Лассельсом наедине и передаст мистеру Норреллу крайнее недовольство премьер-министра и всего кабинета.

Казалось, больше обсуждать нечего, однако министры не могли отказать себе в удовольствии посплетничать. Все слышали, каким образом лорд Портисхед отмежевался от мистера Норрелла. Сэр Уолтер рассказал, что Чилдермасс, который до последнего времени казался тенью хозяина, также дистанцировался от волшебника и разговаривал с друзьями Стренджа как независимый человек, заверив их, что книга уничтожена не полностью. Сэр Уолтер глубоко вздохнул:

— Не могу удержаться от мысли, что во многих отношениях этот знак хуже любого другого. Нор-

[130] Примечания: 130

«По плодам их узнаете их. Собирают ли с терновника виноград или с репейника смоквы?» (Мф. 7: 16)

релл всегда плохо разбирался в людях, а теперь его оставляют лучшие друзья. Ушел Стрендж, потом Мюррей, а теперь вот и лорд Портисхед. Если и Чилдермасс отвернется, то останется один лишь Генри Лассельс.

В тот вечер все друзья Стренджа написали ему полные негодования письма. Письмам требовалось две недели, чтобы достичь Италии, а поскольку Стрендж постоянно переезжал с места на место, то еще две недели — чтобы найти его самого. Поначалу друзья Стренджа не сомневались, что тот, пылая праведным гневом, устремится в Англию, чтобы сразиться с Норреллом в судах и в печати. Однако новости, пришедшие в сентябре, наводили на мысль, что с этим придется повременить.

По дороге в Италию Стрендж пребывал в хорошем расположении духа. Письма его наполнял разнообразный жизнерадостный вздор. Однако с приездом в эту чудесную страну настроение его резко переменилось. Впервые со смерти Арабеллы дни не заполняла работа, и ничто не отвлекало от собственного вдовства. Увиденное не радовало; на протяжении нескольких недель

он находил утешение лишь в перемене мест[131]. В начале сентября путешественник приехал в Геную. Город привлек его несколько больше, чем остальные, и он провел там целую неделю. Как раз в это время в отеле, где он остановился, поселилась английская семья. Хотя мистер Стрендж ранее заверял сэра Уолтера в намерении избегать за границей общества англичан, он все-таки познакомился с соотечественниками и вскоре уже писал на родину восторженные письма, в которых без устали восхвалял манеры, ум и доброту Грейстилов. Примерно через неделю он отправился в Болонью, но там ему не понравилось, и он очень скоро вернулся в Геную, где и остался с Грейстилами до конца месяца. Впоследствии они собирались вместе отправиться в Венецию.

Естественно, друзья мистера Стрендж обрадовались, что он сумел найти приятную компанию,

---

[131] Примечания: 131

«О Пьяченце рассказать ничего не могу, — писал Стрендж Генри Вудхоупу, — поскольку не стал задерживаться там, чтобы осмотреть город. Приехал я вечером. После обеда решил было с полчасика прогуляться, однако, едва оказавшись на главной площади, был поражен зрелищем стоящей на пьедестале высокой урны. Длинная черная тень ее четко выделялась на камнях. Из горлышка урны спускались два-три побега плюща или какого-то иного вьющегося растения, однако они оказались совершенно сухими. Сам не знаю почему, но это зрелище навеяло на меня такую глубокую меланхолию, что я не смог ее перенести. Зрелище олицетворяло утрату, смерть и горе. Я тут же вернулся в гостиницу и улегся спать, а рано утром выехал в Турин».

однако больше всего их заинтриговали частые упоминания о некой молодой особе — дочери четы Грейстил. Судя по всему, ее общество доставляло мистеру Стренджу особое удовольствие. Нескольким друзьям одновременно пришла в голову мысль: а что, если мистер Стрендж соберется жениться снова? Молоденькая жена лучше чего-либо другого сумеет излечить меланхолию, а главное, отвлечь его от интереса к темной, опасной магии.

Мистер Стрендж оказался не единственной неприятностью мистера Норрелла. Некий джентльмен по фамилии Найт основал на Генриетта-стрит, неподалеку от Ковент-Гардена, школу волшебников. Мистер Найт не выдавал себя за волшебника-практика. Его объявление предлагало молодым джентльменам «обстоятельное обучение теоретической магии и английской магической истории, основанное на принципах, коими руководствовался наш выдающийся чародей, мистер Норрелл, в обучении своего блистательного ученика, мистера Джонатана Стренджа». Мистер Лассельс послал мистеру Найту сердитое письмо, в котором утверждал, что школа никак не может основываться на указанных принципах, поскольку принципы

эти известны исключительно мистеру Норреллу и мистеру Стренджу. Лассельс пригрозил новоявленному учителю, что, если тот немедленно не закроет школу, против него будет выдвинуто обвинение в мошенничестве.

В ответ мистер Найт написал очень вежливое письмо, в котором просил пересмотреть позицию. Он утверждал, что система мистера Норрелла, напротив, прекрасно известна, и обращал внимание почтенного мистера Лассельса на страницу сорок седьмую осенней книжки журнала «Друзья английской магии» за 1810 год, где лорд Портисхед заявлял, что мистер Норрелл одобряет лишь один подход к обучению новых волшебников — тот, который сформулировал Фрэнсис Саттон-Гроув. Мистер Найт (провозгласивший себя ярым поклонником мистера Норрелла) купил и тщательно проштудировал *«De Generibus Artium Magicarum Anglorum»* Саттон-Гроува. Автор письма воспользовался случаем спросить, не окажет ли мистер Норрелл великую честь его школе и не согласится ли стать приглашенным профессором, читать лекции, проводить консультации и так далее. Изначально мистер Найт планировал обучать всего четырех студентов, однако желающих оказалось так много, что он вынужден был

арендовать другой дом, побольше, и пригласить еще нескольких преподавателей. Он намеревался также организовать подобные школы в Бате, Честере и Ньюкасле.

Еще хуже школ оказались лавки. Многие лондонские заведения начали продавать приворотные зелья, магические зеркала и серебряные чаши, которые, как утверждали изготовители, предназначались специально для видений. Мистер Норрелл на страницах «Друзей английской магии» всячески выступал против этой торговли. Он убедил издателей других магических журналов, среди которых имел вес, опубликовать статьи о том, что не бывает магических зеркал и прочих магических предметов. Если некоторые чародеи и прибегают к помощи зеркал (впрочем, таких совсем немного и мистер Норрелл их крайне не одобряет), то пользуются обычными зеркалами. Тем не менее магические предметы продолжали появляться в продаже и расходились так быстро, что хозяева лавок не успевали пополнять запасы. Некоторые, наиболее предприимчивые, всерьез задумались, не оставить ли в стороне все прочее и не сосредоточиться ли исключительно на магических принадлежностях.

51. Семейство Грейстил

Октябрь-ноябрь 1816 года
Кампо-Санта-Мария-Дзобениго, Венеция
Джонатан Стрендж — сэру Уолтеру Поулу
16 октября 1816 г.

Мы покинули сушу в Местре, разместившись на двух гондолах. Мисс Грейстил с тетушкой должны были плыть на одной, а мы с доктором — на другой. Однако то ли мой итальянский оказался недостаточно ясным и гондольеры неправильно меня поняли, то ли размещение сундуков мисс Грейстил требовало иной диспозиции — этого я не могу сказать, — но только все получилось не так, как планировалось. Первая гондола выскользнула из лагуны, унося с собой Грейстилов, когда я все еще стоял на берегу. Доктор Грейстил, добрый малый, высунулся из гондолы и выкрикивал какие-то извинения — до тех пор, пока сестра (мне кажется, она несколько боится воды) не втащила его обратно. Происшествие, разумеется, было самое пустячное и тем не менее очень меня расстроило, так что некоторое время я предавался самым черным страхам и фантазиям. Я глянул на свою гондолу. Много уже сказано о мрачном

облике этого суденышка, представляющего собой нечто среднее между гробом и лодкой. Однако меня поразила другая мысль. Я невольно подумал, как сильно она напоминает покрашенные в черный цвет, с черными же занавесками, ящики уличных чародеев, которые мы так часто видели в детстве. В эти ящики лжемаги обычно прятали взятые у зрителей носовые платки, ленты, кошельки и часы. Иногда предметы так и не возвращались, о чем чародей всегда страшно горевал: «Эльфы, сэр, такие жадные и вредные». У каждой известной мне в детстве горничной и кухарки обязательно была тетушка, которая знала женщину, у чьей троюродной сестры сына засунули в такой ящик, и больше его никто не видел. Стоя на причале в Местре, я внезапно поддался страху, шептавшему, что когда Грейстилы доплывут до Венеции, они откроют мою гондолу и ничего в ней не обнаружат. Мысль оказалась настолько ясной и неприятной, что несколько минут я просто не мог думать ни о чем другом, а на глазах мои навернулись самые настоящие слезы, которые, полагаю, и выразили всю степень моей нервозности. Довольно странно и смешно, что человека вдруг охватил страх исчезнуть. Дело шло к вечеру, наши гондолы казались черными,

словно ночь, и такими же печальными, небо же оставалось самого холодного бледно-голубого цвета, какой только можно себе представить. Ветра почти не было, и море казалось зеркальным отражением неба. Бескрайние пространства недвижного холодного света простирались и у нас над головой, и под нами. Однако город, к которому мы неслись, не отражал ни света небесной выси, ни света лагуны, а потому представал громадным сборищем темных, словно тени, башен и таких же темных шпилей, стоящих в сияющей воде и усеянных крошечными огоньками. Чем ближе мы подплывали к Венеции, тем больше оказывалось в воде самого разного мусора: щепок, клочков сена, апельсиновых корок, капустных кочерыжек. Я взглянул вниз и вдруг увидел в воде призрачную руку; видение продолжалось один миг, однако я не сомневался, что там, в грязной жиже, скрывается женщина, которая изо всех сил силится выплыть к свету. На самом деле в воде просто плавала белая перчатка, но страх оказался очень острым. Впрочем, не беспокойтесь за меня. Я весь в работе, тружусь над вторым томом «Истории и практики», а когда не работаю, то провожу время с Грейстилами. Вам бы они понравились — жизнерадостные, независимые и просвещенные.

Признаюсь, меня несколько волнует отсутствие известий о том, как публика приняла первый том. Я почти уверен, что он пройдет триумфально. Не сомневаюсь, что, прочитав мой труд, мистер Н. упал на пол и забился в припадке ревнивой ярости — вплоть до пены у рта. Однако очень хочется, чтобы кто-нибудь мне об этом написал.

Кампо-Санта-Мария-Дзобениго, Венеция
Джонатан Стрендж — Джону Мюррею
17 октября 1816 г.

…о том, что сделал Норрелл, от восьми человек. Да, конечно, я мог бы рассердиться! Больше того, мог бы разразиться настолько длинной тирадой, что она прикончила бы и мое перо, и меня самого. Но к чему? Я не собираюсь больше действовать по указке этого мелочного человека. Я не буду менять планов. Как и предполагал раньше, вернусь в Лондон в начале весны, и тогда мы займемся вторым изданием. Обязательно обратимся к юристам. Не только Норрелл имеет друзей — у меня они тоже есть. Пусть рассказывает в суде (если у него хватит смелости), на каком именно основании он считает, будто англичане превратились в детей и не имеют права знать то, что веками знали их предки. А если он наберется дерзости вновь применить против меня магию, то мы при-

бегнем к контрмерам и увидим наконец, кто же на самом деле Величайший Волшебник нашего времени. И мне кажется, мистер Мюррей, что вам придется напечатать книгу гораздо бóльшим тиражом, чем в первый раз, — мистер Норрелл впервые осуществил столь крупный магический акт, и люди захотят прочитать то, что заставило его пойти на такой шаг. К выходу нового издания мы кое-что исправим — в первоначальном тексте есть грубейшие ошибки. Особенно плохи главы шестая и сорок вторая…

Харли-стрит, Лондон
Сэр Уолтер Поул — Джонатану Стренджу
1 октября 1816 г.

…книгопродавец на площади Собора Святого Павла, Титус Уоткинс напечатал глупейшую книгу и продает ее под видом утраченной работы Стренджа «История и практика английской магии». Лорд Портисхед утверждает, что некоторая ее часть списана у Авессалома[132], а все остальное — вообще глупость. Портисхед пытается угадать, какая из частей покажется вам наиболее оскорбительной — та, что украдена у Авессалома, или глупая. Добрый и честный Портисхед везде,

[132] Примечания: 132
«Древо познания» Грегори Авессалома.

где может, разоблачает подлог, но уж слишком много людей клюнуло на приманку, и Уоткинс заработал немало денег. Я рад, что вам так нравится мисс Грейстил…

Кампо-Санта-Мария-Дзобениго, Венеция
Джонатан Стрендж — Джону Мюррею
16 ноября 1816 г.

Мой дорогой Мюррей!

Думаю, вам доставит удовольствие узнать, что уничтожение «Истории и практики английской магии» имеет и положительные последствия. Я помирился с лордом Байроном. Его милость не знает ровным счетом ничего о тех противоречиях, которые разрывают английскую магию, да, впрочем, ему до них и дела никакого нет. Однако он чрезвычайно уважает книги. Он сообщил, что всегда тщательно следит за тем, чтобы ваше чересчур осторожное перо, мистер Мюррей, не дай бог, не изменило какую-нибудь строчку в его драгоценных писаниях или не поставило вместо наиболее *неожиданных* слов несколько более респектабельные. Когда лорд Байрон услышал, что недоброжелатель автора колдовством уничтожил целую книгу, то пришел в неописуемое негодование. Он прислал мне предлинное письмо, в котором поносит Норрелла на все лады. Из

всех писем, полученных мною по печальному поводу, это — самое любимое. Да, в искусстве оскорбления с его милостью не сравнится ни один англичанин. Он прибыл в Венецию с неделю тому назад, и мы встретились у Флориана[133]. Признаюсь, я немного побаивался, что он притащит с собой и эту бесцеремонную молодую особу, миссис Клермонт, но, к счастью, она так и не показалась. Судя по всему, он дал ей отставку. Наши новые дружеские отношения подкрепил общий интерес к бильярду. Я играю, когда раздумываю о магии, а он — когда сочиняет стихи…

Солнечный свет был холоден и чист, как звук от прикосновения ножом к тонкому бокалу. В этом свете стены церкви Санта-Мария Формоза выглядели белыми, словно раковина или кость, а тени на каменной мостовой — голубыми, как морская вода. Дверь церкви открылась, и на площадь вышла небольшая компания. Леди и джентльмены осматривали внутреннее убранство церкви; теперь им хотелось выплеснуть долго сдерживаемую энергию, потому они заполнили нарушаемую лишь плеском воды тишину громким жизнерадостным разговором.

---

[133] Примечания: 133
Знаменитое кафе на площади Сан-Марко.

Кампо-Санта-Мария-Формоза понравилось путешественникам необычайно. Фасады домов выглядели величественно — для их восхваления трудно было подобрать эпитеты. Еще больше очарования таил в себе тот упадок, в котором пребывали здания, мосты и церкви. Гости были англичанами, и упадок других народов представлялся им естественным состоянием. Они принадлежали к нации, наделенной столь высоким мнением о собственной одаренности (и столь серьезными сомнениями в талантах других народов), что ничуть не удивились бы, узнав, например, что венецианцы неспособны были оценить красоты родного города, покуда не явились англичане и не рассказали, как он хорош.

Одна дама, излив все свое восхищение, обратилась к другой даме с разговором о погоде.

— Знаешь ли, так странно, но когда мы были в церкви и вы с мистером Стренджем рассматривали картины, я выглянула на улицу, и мне показалось, что идет дождь. Я так испугалась, что ты промокнешь!

— Нет, тетя! Смотрите, камни совсем сухие. Ни единой капельки!

— А кроме того, не мешает ли тебе ветер? В уши так и дует! Если он тебя беспокоит, мы попро-

сим мистера Стренджа и папу пойти немного быстрее.

— Спасибо, тетушка, но мне очень хорошо. Приятный бриз, запах моря — все это освежает мысли и чувства. Или, тетя, они не нравятся вам?

— Что ты, милая! Я никогда не обращаю внимания на подобные вещи. Я очень вынослива. Беспокоюсь только за тебя.

— Знаю, тетушка, — отвечала молодая дама.

Вероятно, она сознавала, что солнечный свет и ветерок, придающие Венеции такую прелесть, одаряющие каналы синевой, а мрамор — магическим сиянием, в неменьшей степени к лицу ей самой. Быстрая смена света и тени подчеркивала прозрачность кожи и свежесть девического лица. Белое муслиновое платье очаровательно развевалось на ветру.

— Ах! — воскликнула тетушка. — Папа как раз показывает мистеру Стренджу что-то новое. Почему бы тебе, голубушка, не присоединиться к ним?

— Я видела довольно. Идите лучше вы, тетушка.

Тетушка поспешила на другой конец площади, а мисс Грейстил медленно направилась к белому мостику, изысканно изгибающемуся рядом с

церковью. Она задумчиво втыкала кончик парасольки между камнями мостовой и бормотала: «Я видела довольно. Да, вполне довольно!» Казалось, повторение таинственного восклицания не облегчило ей душу; напротив, облако печали сгустилось, а вздохи стали еще чаще.

— Вы сегодня так молчаливы, — неожиданно раздался за ее спиной голос мистера Стренджа.

Девушка вздрогнула: она не подозревала, что он так близко.

— Правда? А я и не заметила.

Она на минуту задумалась. Стрендж прислонился к перилам моста, сложил на груди руки и внимательно на нее взглянул.

— Молчаливы, — повторил он, — и, как мне кажется, слегка печальны. А значит, я должен с вами поговорить.

— Должны поговорить со мной? — переспросила девушка, невольно улыбнувшись. Однако, словно и сам разговор, и улыбка доставили боль, она снова вздохнула и отвернулась.

— Разумеется. Всякий раз, как я предаюсь меланхолии, вы рассказываете мне что-нибудь веселое и таким образом излечиваете мою печаль. Я в долгу перед вами. Ведь в этом и заключается дружба.

— Открытость и честность. Мне кажется, мистер Стрендж, именно эти два качества составляют основу дружбы.

— О, так вы считаете меня скрытным! Вижу это по вашему лицу. Возможно, вы и правы, но только… то есть… нет, скорее всего, вы правы. Однако, в конце концов, профессия…

Мисс Грейстил прервала его сбивчивый монолог:

— Я не говорила о вашей профессии. Совсем нет. Каждый род занятий имеет собственные ограничения. Мне кажется, это вполне объяснимо.

— Тогда я вас не понимаю.

— Ну и не важно. Нам следует догнать отца и тетушку.

— Нет, подождите, мисс Грейстил, так не годится. Если я ошибаюсь, кто меня поправит, коли не вы? Скажите мне, кого, по вашему мнению, я обманываю?

Мисс Грейстил помолчала, а потом неохотно ответила:

— Может быть, вашу вчерашнюю приятельницу?

— Мою вчерашнюю приятельницу? О ком вы?

Мисс Грейстил выглядела очень расстроенной.

— Ту молодую даму в гондоле, которая так стре-

милась с вами поговорить и на целых полчаса завладела вашим вниманием, не позволяя никому другому перемолвиться с вами словечком.

— Ах вот что! — Стрендж улыбнулся и покачал головой. — Однако вы заблуждаетесь. Это не моя приятельница, а подруга лорда Байрона.

— О! — Мисс Грейстил слегка покраснела. Она казалась весьма взволнованной.

— Ее огорчает поведение его милости. — Стрендж пожал плечами. — А впрочем, кому оно нравится? Дама стремилась выяснить, могу ли я как-то повлиять на ее друга, а я доказывал, что вся магия Англии, нынешняя и прошлая, не в силах этого сделать.

— Вы обиделись.

— Нисколько. Я полагаю, что мы приблизились к тому взаимопониманию, которое необходимо для настоящей дружбы. Не откажете ли мне в рукопожатии?

— С огромным удовольствием, — ответила девушка.

— Флора? Мистер Стрендж? — раздался голос быстро шагавшего к ним доктора Грейстила. — В чем дело?

Мисс Грейстил слегка смутилась. Ей казалось чрезвычайно важным, чтобы и отец, и тетушка

составили о мистере Стрендже наилучшее мнение. Ей не хотелось показывать, что сама она подозревает его в каких-то не совсем правильных действиях. Потому девушка притворилась, будто не слышала вопроса, и начала живо рассуждать о картинах в Скуола ди Джорджо дельи Скьявони, которые ей не терпелось посмотреть.

— Это совсем недалеко. Мы могли бы пойти прямо сейчас. Надеюсь, вы сможете к нам присоединиться? — обратилась она к мистеру Стренджу.

Стрендж разочарованно улыбнулся:

— У меня много срочной работы.

— Над книгой? — уточнил доктор Грейстил.

— Сегодня — другого рода. Я пытаюсь найти заклинание, чтобы вызвать эльфа. Уже потерял счет попыткам. Чего только не испробовал! Разумеется, безрезультатно. Такова доля современного волшебника! Те заклинания, которыми когда-то владел даже самый скромный слуга английского чародея, сейчас стали настолько неуловимыми, что мы уже почти отчаялись их вернуть. У Мартина Пейла в услужении было двадцать восемь эльфов. А я считал бы себя счастливцем, заполучив одного-единственного.

— Эльфы! — воскликнула тетушка Грейстил. —

Если судить по рассказам, они чрезвычайно упрямы и своевольны. Вы уверены, мистер Стрендж, что готовы иметь дело с таким ненадежным существом?

— Милая тетушка! — сказала мисс Грейстил. — Мистер Стрендж прекрасно понимает, что делает.

Однако тетушка Грейстил чрезвычайно взволновалась и, дабы убедить присутствующих в своей правоте, начала рассуждать о реке в графстве Дербишир, на берегах которой выросли они с доктором Грейстилом. Давным-давно ее заколдовали эльфы, так что она из полноводного потока превратилась в тихий ручеек. Случилось это давным-давно, однако местные жители никак не могут простить обиду. Они до сих пор с сожалением рассуждают о мастерских и мельницах, которые можно было бы построить на берегу, и о том производстве, которое можно было бы с успехом развивать, будь река достаточно быст-

рой[134].

Стрендж вежливо выслушал рассказ, а когда дама закончила, произнес:

— О да! Эльфы по натуре преисполнены злобы, и совладать с ними очень трудно. Если я когда-нибудь достигну успеха в своих попытках, то буду внимательно следить, с кем имеют дело мои эльфы. — Он бросил взгляд на мисс Грейстил. — И тем не менее они столь сведущи, что волшебнику нелегко отказаться от их помощи, разве что он — Гильберт Норрелл. Каждый эльф обладает такими знаниями, умениями и помыслами, что может заменить величайшую из всех существующих магических библиотек[135].

— Неужели? — удивилась тетушка Грейстил. — Поразительно!

---

[134] Примечания: 134

Скорее всего, тетушка Грейстил говорит о реке Деруэнт. Давным-давно, когда Джон Аскгласс еще ребенком находился в плену в Стране Фей, один из тамошних королей предсказал: если мальчик доживет до зрелых лет, то все остальные древние волшебные королевства падут. А потому король послал своих приближенных в Англию — за острым железным ножом, чтобы убить ребенка. Нож выковал кузнец, живший на берегу Деруэнта, и в водах этой реки охладили раскаленный металл. Однако попытка убить Джона Аскгласса не увенчалась успехом. Напротив, мальчик-волшебник уничтожил и самого короля, и весь его клан. Когда Джон Аскгласс пришел в Англию и основал в этой стране свое королевство, его слуги-эльфы отправились на поиск кузнеца. Они убили и его самого, и его семью, разрушили дом, а на реку Деруэнт наложили магическое заклятье — в наказанье за ту роль, которую она сыграла в изготовлении ножа-убийцы.

[135] Примечания: 135

Мистер Стрендж высказывает исключительно оптимистические и романтические взгляды. Английская магическая литература упоминает множество эльфов, чьи познания вовсе не были настолько велики; некоторые же из них оказывались просто глупыми и невежественными.

Доктор Грейстил и тетушка пожелали Стренджу успехов в научных изысканиях, а мисс Грейстил напомнила, что он обещал вместе с ней посмотреть фортепьяно, которое вроде бы сдает напрокат живущий неподалеку от Кампо-Сан-Анджело антиквар. Затем семейство Грейстил продолжило развлечения, а мистер Стрендж вернулся к себе, на площадь Санта-Мария-Дзобениго.

Большинство английских джентльменов, посещающих в наши дни Италию, описывают ее красоты в стихах или путевых заметках, а иногда даже зарисовывают понравившиеся виды. Итальянцы, сдающие этим джентльменам квартиры, предоставляют отдельные комнаты, где можно предаваться подобным занятиям. Хозяин Стренджа, например, отвел для них небольшую и не очень светлую комнатку на верхнем этаже дома. Обставлена она была занятно: убранство составляли древний стол с четырьмя вырезанными из дерева грифонами вместо ножек, капитанское кресло, крашеный деревянный комод, какие можно встретить в церкви, и стоящая на постаменте в виде колонны деревянная фигура высотой в два или три фута. Фигура эта представляла собой улыбающегося мужчину, держащего в

руке что-то круглое и красное, то ли яблоко, то ли плод граната, то ли красный мячик. Трудно было вообразить происхождение этой фигуры: для святого она казалась чересчур жизнерадостной, а для входа в кофейню — недостаточно комичной.

Стрендж осмотрел комод и нашел его сырым и покрытым плесенью, поэтому решил не ставить туда книги, а сложил их кипами на полу. Однако он подружился с деревянным человеком — настолько, что, работая, постоянно обращался к нему с замечаниями, в частности, следующего содержания:

— Ну, что скажешь?

Или:

— Донкастер или Белазис? Что посоветуешь?[136]

---

[136] Примечания: 136

Считалось, что Жак Белазис создал великолепное заклинание для вызова эльфов. К сожалению, единственный экземпляр «Наставлений» Белазиса хранился в библиотеке Хартфью, а потому Стрендж не имел возможности с ним ознакомиться. Он знал об этом труде по туманным описаниям более поздних историков. Следовательно, необходимо предположить, что Стрендж шел путем воссоздания данной магической практики и обладал лишь самым смутным представлением о цели.

В противоположность этому заклинание, обычно приписываемое магистру из Донкастера, известно очень широко и приводится в ряде доступных работ. Настоящее имя магистра из Донкастера неизвестно. Сам факт его существования выводят из того, что, согласно трудам аргентианов, волшебники XIII века использовали заклинания «из города Донкастера». Больше того, не ясно, все ли приписываемые магистру из Донкастера заклинания принадлежат одному человеку. Историки

магии предполагают, что существовал второй волшебник, еще более таинственный, так называемый «псевдомагистр из Донкастера». Если правда, как утверждает достаточно убедительное мнение, что магистр из Донкастера — сам Джон Аскгласс, то логично предположить, что заклинание для вызова эльфов создано псевдомагистром. Вряд ли Джон Аскгласс нуждался в заклинании для вызова эльфов — в его окружении их и так было предостаточно.

Или:

— Ты его видишь? Я — нет.

А однажды даже раздраженно воскликнул:

— О, помолчи, пожалуйста!

Он вынул листок, на котором раньше написал заклинание. Губы его начали двигаться — как всегда, когда волшебники произносят заклинание. Закончив, он огляделся, словно ожидая увидеть в комнате кого-то еще, однако никто не появился. Стрендж вздохнул, скомкал листок и с досадой швырнул его в деревянного человека. Потом взял другой лист, что-то записал, заглянул в книгу, поднял с пола первый, скомканный, листок, разгладил его и внимательно целых полчаса читал, ероша себе волосы, а потом снова скомкал и выбросил в окно.

Где-то зазвонил колокол. Звук плыл одиноко и печально, заставляя вспомнить о диких, заброшенных краях, темных небесах и пустоте. Наверное, именно такие мысли посетили Стренджа, потому что он вдруг оставил свои занятия и выглянул из окна, словно желая удостовериться, что Венеция стоит на месте и не превратилась в унылые заброшенные руины. За окном, однако, продолжалась обычная суета и царило оживление. В голубой воде сияло солнце. Площадь

наполняли люди: венецианки шли в церковь Санта-Мария-Дзобениго, австрийские солдаты прогуливались под руку и с любопытством поглядывали по сторонам, торговцы пытались всучить им всякую всячину, мальчишки дрались между собой или клянчили у прохожих монетки, кошки важно брели по своим неведомым делам.

Стрендж вернулся к работе. Он снял сюртук и закатал рукава рубашки, потом вышел из комнаты и вернулся с ножом и белой миской. Нож был нужен, чтобы добыть из собственной руки немного крови. Поставив миску на стол, волшебник заглянул в нее, пытаясь определить, достаточно ли крови выпустил. Однако потеря крови, судя по всему, подействовала сильнее, нежели он ожидал. Голова закружилась, он пошатнулся и задел стол; миска упала на пол. Стрендж ругнулся по-итальянски (очень подходящий для ругательств язык) и оглянулся, ища, чем вытереть кровь.

На столе, свернутая, лежала белая ткань — ночная рубашка, которую Арабелла сшила ему в первые годы замужества. Не отдавая себе отчета в том, что это такое, Стрендж протянул к рубашке руку и уже почти взял ее, когда из темноты выступил Стивен Блэк и протянул тряпку. Это простое действие он сопроводил тем почтитель-

ным полупоклоном, который входит в кровь и плоть вышколенного слуги. Стрендж взял тряпку и вытер кровь (надо сказать, довольно плохо). О присутствии в комнате Стивена он и не подозревал. Слуга взял со стола рубашку, встряхнул, расправляя складки, потом аккуратно сложил и перенес на стоящий в углу комнаты стул.

Стрендж бросился в кресло, ударил порезанной рукой о край стола, снова выругался и закрыл лицо руками.

— Что он делает? — шепотом поинтересовался Стивен Блэк.

— Пытается вызвать меня, — так же шепотом ответил джентльмен с волосами, как пух на отцветшем чертополохе. — Хочет задать массу вопросов относительно магии! Однако шептать незачем, мой дорогой Стивен. Он не может ни слышать нас, ни видеть. Английские волшебники такие смешные! Все делают шиворот-навыворот. Наблюдать, как он творит магию, — все равно что смотреть на человека, который пытается пообедать в надетом задом наперед сюртуке, с завязанными глазами и ведром на голове. Ты когда-нибудь видел, чтобы я творил такие глупости? Пускал себе кровь или царапал что-то на клочках бумаги? Если мне необходимо что-ни-

будь предпринять, я разговариваю с воздухом, или с камнями, или с солнечным светом, или с морем, или с чем-то иным. Я вежливо излагаю свою просьбу. Поскольку союз с этими силами заключен тысячелетия назад, они охотно исполняют все необходимое.

— Понимаю, — ответил Стивен. — Однако, несмотря на всю невежественность, волшебник все-таки преуспел. В конце концов, сэр, ведь вы здесь, не так ли?

— Да, наверное, так, — раздраженно согласился джентльмен. — И все равно вызвавшая меня магия неуклюжа, беспомощна и неизящна. А кроме того, какой ему от меня прок? Никакого! Я не желаю ему показываться, а он не знает способов противодействия. Стивен! Быстро! Переверни страницы вон той книги! Ветер в комнату не залетает, так что это его озадачит. Ха! Смотрика, как уставился! Он почти подозревает наше присутствие, но видеть нас не может. Ха-ха-ха! Злится! Ну-ка, ущипни его за шею, да побольнее. Он подумает, что это комар!

52. Пожилая дама из Каннареджо

Конец ноября 1816 года

Незадолго до отъезда из Англии доктор Грейстил получил письмо от приятеля из Шотландии; тот умолял, чтобы в Венеции доктор навестил одну живущую там пожилую даму. Шотландский приятель подчеркивал, что это будет актом благотворительности, поскольку дама, некогда богатая, теперь утратила все свое состояние и живет очень бедно. Доктор Грейстил смутно припоминал что-то насчет смешанного происхождения дамы: она была то ли полуиспанкой-полушотландкой, то ли полуирландкой-полуеврейкой.

Доктор Грейстил постоянно помнил о поручении и собирался его исполнить. Однако за множеством переездов и гостиниц, оказавшись в Венеции, он внезапно обнаружил, что потерял письмо и не может по памяти воссоздать его содержание. Не знал он и имени старушки — сохранился лишь клочок бумаги, на котором было нацарапано, как до нее добраться.

Тетушка Грейстил заявила, что в столь сложной ситуации следует письмом уведомить даму о визите. Хотя, добавила она, письмо без обра-

щения наверняка будет выглядеть чрезвычайно странно. Дама, несомненно, сочтет их крайне невоспитанными людьми. Доктор Грейстил смущался и нервничал, однако ничего другого не придумал, кроме как написать уведомительное письмо и отдать квартирной хозяйке, чтобы та отнесла его пожилой даме.

Здесь произошла первая странность этого мероприятия, поскольку квартирная хозяйка, прочитав адрес на конверте, нахмурилась, а затем — по причинам, не совсем понятным доктору Грейстилу, — послала письмо своему деверю на остров Джудекка.

Несколько дней спустя этот самый деверь — элегантный маленький венецианский юрист — нанес доктору Грейстилу визит. Он сообщил, что отправил письмо по назначению, но уведомил, что дама проживает в той части города, которая носит название Каннареджо, в еврейском гетто. Письмо было передано в руки почтенному еврейскому джентльмену. Ответа, однако, не последовало. Что доктор Грейстил желает предпринять далее? Маленький венецианский юрист будет счастлив оказать доктору Грейстилу любую услугу.

Ближе к вечеру мисс Грейстил, тетушка Грей-

стил, доктор Грейстил и юрист (которого звали синьор Тосетти) проплыли в гондоле мимо центральной площади, носящей имя святого Марка. Здесь они увидели мужчин и женщин, готовящихся приятно провести вечер. Потом миновали причал возле Санта-Мария-Дзобениго, и мисс Грейстил обернулась, чтобы взглянуть на освещенное оконце, — вполне возможно, что оно принадлежало мистеру Джонатану Стренджу. Проплыли мимо Риальто; здесь тетушка Грейстил начала вздыхать, жалея бедных босоногих детишек.

В Гетто-Нуово они оставили гондолу. Хотя все дома в Венеции кажутся старыми и необычными, в гетто они еще старше и необычнее, как будто живущий здесь торгашеский люд специализируется на старине и странности. Хотя все венецианские улицы несут на себе налет меланхолии, здешние были меланхоличны по-своему, словно еврейская и нееврейская грусть замешиваются по различным рецептам. И все-таки дома выглядели незатейливо, а дверь, в которую постучал синьор Тосетти, вполне подошла бы любому английскому дому квакерских собраний.

Дверь открыл слуга; он пригласил посетителей войти и проводил их в темную комнату, обшитую

очень старым на вид деревом, от которого сильно пахло морской водой.

Одна из дверей в комнате была приоткрыта. Со своего места доктор Грейстил разглядел древние книги в кожаных переплетах, серебряные подсвечники с куда большим количеством ветвей, чем это принято в английских домах, таинственного вида ящики из полированного дерева. Все эти предметы доктор Грейстил связал с религией еврейского джентльмена. На стене висела кукла — или марионетка, — по росту и комплекции напоминающая живого мужчину, с огромными руками и ногами, но одетая по-женски и с опущенной на грудь головой, так что лица ее видно не было.

Слуга прошел в соседнюю комнату, чтобы сообщить хозяину о приходе гостей. Доктор Грейстил шепнул сестре, что слуга выглядит очень прилично. Тетушка Грейстил согласилась, заметив, однако, что сюртука на нем нет. Далее она заметила, что слуги всегда норовят ходить без сюртука; если они служат у одинокого джентльмена, то эту дурную привычку некому исправить. Тетушка Грейстил предположила, что еврейский джентльмен — вдовец.

— О! — негромко воскликнул доктор Грейстил,

заглядывая в приоткрытую дверь. — Мы застали его за обедом.

Почтенный еврейский джентльмен был одет в длинный запыленный черный сюртук и носил пышную серо-седую курчавую бороду; голову же его венчала маленькая черная шапочка. Сидел он за длинным столом, покрытым белоснежной скатертью, немалую часть которой засунул за ворот сюртука вместо салфетки.

Тетушка Грейстил выразила недовольство тем, что доктор позволяет себе подглядывать сквозь щель в двери, и даже ткнула брата в бок зонтиком. Однако доктор Грейстил прибыл в Италию для того, чтобы увидеть все, что только можно увидеть в этой стране, и не понимал, с какой стати должен делать исключение для еврейских джентльменов, занимающихся своими делами в собственных домах.

Данный еврейский джентльмен явно не собирался прерывать обед ради того, чтобы принять неизвестную ему английскую семью; он, видимо, объяснял слуге, что им сказать.

Слуга вернулся в первую комнату и начал что-то говорить синьору Тосетти, а когда закончил, синьор Тосетти низко поклонился тетушке Грейстил и объяснил, что пожилую даму, кото-

рую они ищут, зовут синьора Дельгадо и живет она на самом верхнем этаже дома. Синьор Тосетти возмутился, что никто из слуг еврейского джентльмена не собирается ни проводить гостей, ни объявить об их приходе, однако добавил, что все они отважные путешественники и сумеют найти дорогу по лестнице.

Доктор Грейстил и синьор Тосетти взяли в руки по свече. Лестница тонула во мраке. Они миновали множество дверей, которые, несмотря на то что казались вполне приличными, несли на себе некоторый отпечаток низкорослости: для того чтобы вместить как можно больше жильцов, дома в гетто строились с большим количеством этажей, но очень низкими потолками. За первыми дверьми слышались разговоры, а за одной мужской голос пел на непонятном языке грустную песню. Потом они дошли до дверей, которые оставались открытыми, и сквозь них можно было увидеть только темноту, да еще ощутить холодный, сырой сквозняк. Последняя дверь, однако, была закрыта. Они постучали, но ответа не последовало. Они громко оповестили, что пришли с визитом к миссис Дельгадо. Снова тишина. После того как тетушка Грейстил сказала, что глупо тащиться в такую даль, чтобы уйти

ни с чем, они толкнули дверь, которая оказалась не заперта, и вошли.

Комната — вернее, просто чердак — красноречиво свидетельствовала о старости и бедности обитательницы. Все там было сломано, разбито или порвано. Краски или выцвели, или потемнели до серого. Единственное крохотное оконце было открыто в вечернее небо, и сквозь него в убогое жилище заглядывала луна; казалось странным, что она — с таким чистым белым лицом и пальцами — снизошла до жалкого закутка под крышей.

Однако не из-за этого доктор Грейстил занервничал, затеребил шейный платок, сначала покраснел, потом побледнел и начал лихорадочно хватать ртом воздух. Больше всего на свете доктор Грейстил ненавидел кошек — а их в комнате было великое множество.

Посреди комнаты, в окружении кошек, на пыльном деревянном стуле сидела очень худая особа. Хорошо, что Грейстилы, как сказал синьор Тосетти, оказались и впрямь отважными путешественниками, ибо человека нервного миссис Дельгадо могла бы привести в ужас. Она сидела очень прямо, словно чего-то ждала, однако от старости ее тело почти утратило сходство с чело-

веческим и сделалось похожим на других живых существ. Руки, неподвижно лежащие на коленях, были так густо испещрены бурыми пятнами, что их можно было принять за рыб. Белую, почти прозрачную старческую кожу покрывала сетка морщин и вздувшихся синих сосудов.

Хозяйка не поднялась, чтобы приветствовать посетителей, да и вообще никак не показала, что заметила их. Возможно, она просто не расслышала, как они вошли, потому что, хотя в комнате и стояла тишина, безмолвие полусотни кошек — нечто совершенно особенное, составленное из пятидесяти индивидуальных безмолвий.

Грейстилы и синьор Тосетти, как люди практичные, сели кто где мог в ужасной комнатенке, и тетушка Грейстил с доброй улыбкой обратилась к старушке:

— Надеюсь, дорогая миссис Дельгадо, вы извините нас за вторжение, но моя племянница и я хотели доставить себе удовольствие вас навестить.

Тетушка Грейстил минуту помолчала — на случай, если пожилая дама захочет что-нибудь произнести в ответ, но та не сказала ни слова.

— Как у вас здесь свежо, мадам! Одна моя драгоценная подруга — мисс Уайлсмит — живет в

комнатке на верхнем этаже дома на Куинс-Сквер, в Бате. Ее комната очень напоминает вашу, миссис Дельгадо. Так вот, она утверждает, что летом не согласилась бы поменяться на самую лучшую квартиру в городе, потому что ей достаются все дуновения, которых не получает никто из жителей города. Пока другие задыхаются в богатых жилищах, она наслаждается свежим воздухом. У нее так чисто, аккуратно и все всегда под рукой. Одна беда: девушка из соседней комнаты постоянно оставляет на лестнице горячие чайники — сами понимаете, миссис Дельгадо, как это неприятно, особенно если о них спотыкаешься. А вам, мадам, лестница не доставляет неприятностей?

Молчание продолжалось. Вернее, прошло несколько мгновений, не наполненных ничем, кроме дыхания пятидесяти кошек.

Доктор Грейстил промокнул платком потный лоб и поежился.

— Мадам, — начал он, — мы явились по особой просьбе мистера Джона Маккина из Абердиншира. Он просил передать вам привет. Мистер Маккин выражает надежду, что вы находитесь в добром здравии, и желает того же впредь.

Доктор Грейстил говорил несколько громче, чем обычно, поскольку уже начал подозревать

пожилую даму в глухоте. Однако он лишь обеспокоил кошек, многие из которых принялись расхаживать по комнате и тереться друг о друга, отчего в воздухе затрещали искры. На спинку его стула откуда-то спрыгнул черный кот и принялся расхаживать по ней, словно по канату.

Прошло какое-то время, прежде чем доктор Грейстил пришел в себя после маленького происшествия и продолжил:

— Можем ли мы, мадам, что-нибудь передать мистеру Маккину о вашем здоровье и состоянии?

Пожилая дама хранила молчание.

Настала очередь мисс Грейстил.

— Я рада, мадам, — заговорила она, — видеть вас в окружении множества добрых друзей. Должно быть, они доставляют немало приятных минут. Вот эта кроха у ваших ног — медового цвета, — как она элегантна! И как изящно умывается! Как ее зовут?

Ответа не последовало.

Наконец, повинуясь взгляду доктора Грейстила, маленький венецианский юрист сжато пересказал по-итальянски все, что до этого произнесли гости. Старушка не ответила, только перевела взгляд с гостей на огромного серого кота, который

неотрывно смотрел на белую кошку, а та, в свою очередь, созерцала луну.

— Скажите ей, что мы привезли деньги, — обратился доктор Грейстил к юристу. — Подчеркните, что это подарок от Джона Маккина. Предупредите, что она не должна меня благодарить…

Доктор Грейстил замахал рукой, словно репутация бескорыстного благотворителя — нечто вроде комара, которого следует от себя гнать.

— Мистер Тосетти, — заметила тетушка Грейстил, — вам явно нехорошо. Вы бледны, сэр. Не хотите ли стакан воды? Не сомневаюсь, что стакан воды для вас у миссис Дельгадо найдется.

— Нет, мадам Грейстил, я не болен. Я… — Синьор Тосетти оглядел комнату в поисках подходящего слова. — Мне страшно, — наконец прошептал он.

— Страшно? — шепотом переспросил доктор Грейстил. — Почему? Чего вы боитесь?

— О синьор, это ужасное место! — так же шепотом ответил юрист, с ужасом переводя взгляд сперва на кошку, которая тщательно вылизывала лапу, затем на хозяйку, словно опасаясь, что молчаливая дама сейчас начнет делать то же самое.

Мисс Грейстил прошептала, что, стремясь проявить внимание к миссис Дельгадо, они явились

слишком большой компанией и без предупреждения. Ясно, что за многие годы они первые ее гости. Стоит ли удивляться, если мысли ее периодически блуждают? Ведь ей выпало такое испытание!

— О Флора! — прошептала в ответ тетушка Грейстил. — Ты только подумай! Годы и годы без какого бы то ни было общества!

Это всеобщее перешептывание в маленькой комнатке — притом что пожилая дама сидела всего в трех футах от них — показалось доктору Грейстилу чрезвычайно глупым и смешным. Не зная, что предпринять далее, он рассердился на своих спутниц, а потому сестра и дочь решили, что пора уходить.

Тетушка Грейстил настояла на долгом и нежном прощании с хозяйкой, обещая непременно вернуться, когда та почувствует себя лучше; тетушка Грейстил выразила надежду, что это произойдет очень скоро.

Выходя на лестницу, гости оглянулись. Тут на подоконнике появился еще один кот — в зубах он держал что-то неподвижное и удлиненное, очень напоминающее мертвую птицу. Пожилая дама издала радостный возглас и с поразительной живостью вскочила со стула. Звук казался

чрезвычайно странным и не походил на человеческий. Синьор Тосетти, в свою очередь, закричал от страха и резко захлопнул дверь, чтобы не видеть дальнейшего[137].

---

[137] Примечания: 137

Позднее синьор Тосетти признался Грейстилам, что догадывался, кто такая эта старая дама из Каннареджо. В городе ему часто приходилось слышать рассказы о ней, однако до того момента, как ему удалось увидеть все собственными глазами, он считал их пустой выдумкой из тех, которыми пугают молодых и глупых.

Ее отец, кажется, был евреем, а в крови матери смешалась добрая половина национальностей Европы. Ребенком она в совершенстве выучила несколько языков и свободно на них изъяснялась. Для нее не было ничего невозможного. Она училась просто так — ради удовольствия. К шестнадцати годам она говорила не только на французском, итальянском и немецком, что вполне обычно для образованной леди, но и на всех языках цивилизованного (и нецивилизованного) мира. Говорила на языке шотландских горцев (который больше похож на пение), говорила на баскском, который почти не оставляет следа в мозгу представителей других народов: можно слушать его сколь угодно часто и долго, но потом не воспроизвести ни единого слога. Она даже выучила язык невероятной страны, которая, как говорили синьору Тосетти, все еще существует, но никто не может сказать, где именно находится. (Страна звалась Уэльс.)

Она путешествовала по всему миру, общаясь с королями и королевами, эрцгерцогами и эрцгерцогинями, принцессами и епископами, графами и графинями, и ко всем обращалась на их родном языке, и все провозглашали ее чудом.

И вот наконец она приехала в Венецию.

Дама так и не научилась сдержанности в поведении. Ее страсть к учению сопровождалась такой же страстью ко всему остальному, и она вышла замуж за человека, подобного себе. Супружеская чета попала на карнавал и уже не смогла оттуда уйти. Все свое состояние они проиграли в игорных домах, все свое здоровье растратили на другие удовольствия. И вот однажды утром, когда рассвет окрасил венецианские каналы в серебряные и розовые тона, муж лег на мокрые камни Фондамента-деи-Мори и умер, и никто не смог его спасти. И жене, наверное, лучше было бы умереть вместе с ним, ведь у нее не осталось ни денег, ни пристанища. Однако евреи сочли, что она до-

стойна их помощи, поскольку знает еврейский язык и сама в какой-то степени еврейка (хотя раньше она никогда в этом не признавалась). А может быть, они просто сочувствовали ее страданиям (ведь и сами евреи испытали в Венеции немало лишений). Как бы то ни было, ее приютили в гетто. О том, что произошло дальше, говорят разное, но все рассказчики сходятся в одном: она жила среди евреев, но так и не стала среди них своей. Одиночество поглотило ее, однако я не могу сказать, была ли в том ее вина или вина окружающих. Прошло много времени, а она жила в полном молчании, совсем ни с кем не разговаривая; ее закружил безжалостный ветер безумия, смешавший воедино все жившие в ее мозгу языки. Она забыла итальянский, забыла английский, забыла латынь, баскский, валлийский — забыла все на свете языки, кроме кошачьего. Рассказывают, что на нем она изъяснялась просто великолепно.

53. Мертвая серая мышка

Конец ноября 1816 года

Вечером следующего дня Грейстилы и мистер Стрендж обедали вместе — в комнате, где романтично смешались венецианский сумрак и венецианское величие. Пол старинного, затертого и покрытого трещинами мрамора соединил в себе все краски местной зимы. Тетушка Грейстил, в аккуратном белом чепце, сидела на фоне темной резной двери на заднем плане. Дверь эта напоминала надгробье, окутанное мрачной тенью. Стены хранили на себе призраки фресок, нанесенные призраками красок, — они прославляли венецианский род, последний отпрыск которого утонул много лет назад. Нынешние хозяева были беднее церковной мыши и давно не имели средств на ремонт. Шел дождь — и на улице, и, что куда более удивительно, в комнате: слышно было, как вода льется на пол и на мебель. Однако Грейстилы не собирались поддаваться унынию или отказываться от обеда из-за таких пустяков. Кладбищенские тени прогнали ярким светом множества свечей, а шум льющейся воды заглушили разговорами и жизнерадостным сме-

хом. Та часть комнаты, где они сидели, согрелась теплом жизнелюбивого английского духа.

— Одного не понимаю, — заметил мистер Стрендж, — кто же заботится об этой старухе?

Доктор Грейстил ответил:

— Еврейский джентльмен — он из милости предоставляет ей кров, а его слуги ставят у основания лестницы тарелки с едой.

— Однако, как еда попадает в комнату, никто точно сказать не может, — воскликнула мисс Грейстил. — Синьор Тосетти считает, что ее относят кошки.

— Что за ерунда! — возразил доктор Грейстил. — Разве кошки способны сделать хоть что-нибудь полезное?

— Ну, например, они могут смотреть на человека высокомерно и надменно, — ответил Стрендж, — заставляя его смутиться и задуматься о собственном несовершенстве, — чем не моральная польза.

Странное приключение настолько завладело умами Грейстилов, что весь обед они говорили только о неудачном визите.

— Флора, голубушка, — наконец заметила тетушка Грейстил, — у мистера Стренджа сложится впечатление, что мы не можем говорить ни о

чем другом.

— О, за меня не беспокойтесь, — возразил Стрендж. — Это очень любопытно, а мы, волшебники, коллекционируем всякие курьезы.

— А вы не можете ее вылечить при помощи магии, мистер Стрендж? — поинтересовалась мисс Грейстил.

— Вылечить безумие? Нет. Хотя пытался. Однажды меня попросили навестить сумасшедшего старика и по возможности ему помочь. Я применил самые сильные заклинания, но он остался таким же невменяемым, как и в начале визита.

— Но ведь должны же существовать рецепты для лечения сумасшествия, правда? — с жаром продолжала мисс Грейстил. — Мне думается, что ауреаты их знали.

Мисс Грейстил недавно заинтересовалась историей магии, и теперь ее речь изобиловала словами вроде «ауреаты» и «аргентианы».

— Возможно, — согласился мистер Стрендж, — но коли так, рецепт этот утрачен сотни лет назад.

— Да хотя бы тысячу — уверена, для вас это не преграда. Вы сами говорили, что смогли восстановить десятки утраченных заклинаний.

— Верно, но я хотя бы в общих чертах представ-

лял, с чего начинать. Здесь же совсем иное. Мне не приходилось слышать ни о едином случае излечения безумия — даже чтобы это делали маги-ауреаты. Их подход к безумию коренным образом отличался от нашего. Сумасшедших они считали провидцами и к их бормотанию прислушивались с величайшим вниманием.

— Как странно! Почему же?

— По мнению мистера Норрелла, это связано с тем сочувствием, которое эльфы испытывали к сумасшедшим. К тому же безумцы могут видеть эльфов тогда, когда никто другой их не видит.

Стрендж помолчал.

— Так по-вашему, старуха совершенно не в себе? — уточнил он.

— О да! Судя по всему, так оно и есть.

После обеда, сидя в гостиной в удобном кресле, доктор Грейстил сладко уснул. Тетушка Грейстил тоже клевала носом, но время от времени просыпалась, просила извинить ее за сонливость и тут же засыпала снова. Мисс Грейстил на протяжении целого вечера могла беседовать с мистером Стренджем наедине. Ей было что сказать. По его рекомендации она недавно прочла «Историю Короля-ворона для детей» лорда Портисхеда и очень хотела поподробнее расспросить об этой

книге. Однако мистер Стрендж был рассеян; несколько раз Флоре казалось, что он совершенно ее не слушает.

На следующий день Грейстилы посетили Арсенал, поразивший их размерами и мрачностью, затем час-другой бродили по лавкам древностей, хозяева которых казались такими же чудны́ми, как их товар. Зашли в кондитерскую недалеко от церкви Сан-Стефано, где отведали мороженого. Мистера Стренджа пригласили участвовать во всех развлечениях, однако рано утром тетушка Грейстил получила короткую записку, в которой волшебник благодарил за приглашение и сожалел, что не может его принять. Он совершенно случайно нащупал новую линию исследования и теперь никак не может оставить ее. «…А как вы знаете на примере своего брата, мадам, ученые — самый эгоистичный народ и свято верят, что преданность работе полностью их оправдывает…» Не появился волшебник и на следующий день, когда семейство посещало Скуола ди Санта-Мария делла Карита. И еще через день, когда путешественники плавали в гондоле на остров Торчелло — одинокий, заросший тростником и погруженный в густой серый туман. Давным-давно на этом острове был построен

город — предшественник Венеции, переживший период величия, затем опустевший и, наконец, до основания разрушенный.

Однако хотя мистер Стрендж и сидел, не выходя из кабинета, в доме возле площади Санта-Мария-Дзобениго и занимался магией, доктор Грейстил восполнял недостаток его общества постоянным упоминанием его имени. Если Грейстилам случалось пройти мимо Риальто и вид этого моста побуждал к разговору о Шейлоке, Шекспире и состоянии современного театра, доктор выражал надежду вскоре услышать мнение мистера Стренджа на сей счет. Мисс Грейстил знала все пристрастия нового знакомого и готова была отстаивать их как свои собственные. А если в лавке древностей внимание доктора привлекала картина, изображающая танцующего медведя, он вспоминал, что один из друзей мистера Стренджа хранит чучело медведя в стеклянном шкафу. Если Грейстилы ели баранину, мисс Грейстил замечала между делом, что мистер Стрендж упомянул, как ел баранину в Лайм-Риджисе.

Вечером третьего дня доктор Грейстил послал мистеру Стренджу записку с предложением посидеть вечером вдвоем, выпить по чашке кофе и по стаканчику доброго итальянского вина. Они

встретились у Флориана в начале седьмого.

— Рад видеть вас, — приветствовал доктор Грейстил. — Однако вы бледноваты. Случаем, не забываете есть, спать, гулять на воздухе?

— Кажется, я что-то сегодня ел, — ответил мистер Стрендж. — Хотя и не припомню, что именно.

Некоторое время джентльмены беседовали об отвлеченных предметах, однако мысли мистера Стренджа витали где-то далеко. Несколько раз он отвечал невпопад. Наконец, допив остатки граппы, волшебник достал из кармана часы, взглянул на них и произнес:

— Надеюсь, вы извините мою поспешность. У меня назначена встреча. До свидания.

Доктор Грейстил слегка удивился подобной поспешности и про себя полюбопытствовал, что это за встреча. Человек способен вести себя неподобающим образом в любой точке мира; однако доктору Грейстилу казалось, что Венеция предоставляет больше поводов для неблаговидных поступков. Ни один другой город мира не представляет столь богатых возможностей для разного рода шалостей; а доктор Грейстил имел особые основания заботиться о безупречной репутации своего знакомого. Он как можно

небрежнее поинтересовался, не с лордом ли Байроном предстоит встреча.

— Нет-нет. Говоря по правде, — Стрендж слегка прищурился и перешел на доверительный тон, — я, кажется, нашел того, кто сможет мне помочь.

— Ваш эльф?

— Нет. Человек. Я возлагаю на это сотрудничество большие надежды, однако пока не знаю, как примут мое предложение, а потому не хочу опаздывать.

— Разумеется! — воскликнул доктор Грейстил. — Идите, идите!

Стрендж вышел из кафе и скоро превратился в одну из многочисленных черных фигур, шагающих по площади. В лунном свете фигуры казались совершенно безликими и неразличимыми. Сама луна так удивительно расположилась среди монументальных облаков и освещала их таким волшебным сиянием, что казалось, в небе вырос еще один город, способный своим великолепием соперничать с Венецией. Его прекрасные дворцы и башни рушились на глазах, словно некий ироничный дух изобразил в небе пародию на медленное умирание Венеции.

Тем временем тетушка Грейстил и мисс Грейстил воспользовались отсутствием доктора, чтобы еще раз посетить ужасную комнатушку в гетто. Они пришли тайно, зная, что мистер Грейстил, да, возможно, и мистер Стрендж попытались бы их отговорить или хотя бы вызвались сопровождать, а брать с собой мужчин им не хотелось.

— Они обязательно начнут все обсуждать, — заявила тетушка Грейстил. — Начнут гадать, как она дошла до столь плачевного состояния. А что пользы в этих разговорах? Чем они помогут бедной старушке?

Мисс Грейстил взяла с собой несколько свечей и подсвечник. Она зажгла свечу, чтобы видеть, что происходит. Из корзинок дамы вынули весьма привлекательное, аппетитного вида блюдо с телячьим фрикасе, тут же наполнившее затхлую, убогую комнатку очень вкусным запахом, несколько свежих белых булочек, штук пять яблок и теплую шаль. Тетушка Грейстил поставила фрикасе перед миссис Дельгадо, но оказалось, что и пальцы, и ногти старушки скрючены, словно когти, и не разгибаются, так что она не может держать нож и вилку.

— Послушай, милая, — наконец заключила

тетушка Грейстил, — она проявляет к блюду большой интерес; не сомневаюсь, что оно принесет ей немалую пользу. Но думаю, что пусть она лучше съест его таким способом, как удобнее ей самой.

Они спустились по лестнице и вышли на улицу. Едва оказавшись на воздухе, тетушка Грейстил воскликнула:

— О Флора! Ты видела? Она уже приготовила себе ужин. Там стояло маленькое фарфоровое блюдечко, похожее на мой чайный сервиз с розовыми бутонами и незабудками, и на него она положила мышку — мертвую серую мышку!

Мисс Грейстил задумалась.

— Мне кажется, что головка цикория — вареная и с соусом, как ее обычно подают, — выглядит почти как мышь.

— О милая! Но ты же знаешь, что это было совсем иное…

Дамы шагали по Гетто Веккьо в сторону канала Каннареджо. Внезапно мисс Грейстил отступила в тень и скрылась из виду.

— Флора! В чем дело? — воскликнула тетушка Грейстил. — Что ты такое увидела? Не медли, моя дорогая. Среди этих высоких домов так темно! Дорогая! Флора!

Так же стремительно, как исчезла, мисс Грей-

стил снова появилась в полосе света.

— Ничего особенного, тетушка. Не пугайтесь. Мне просто показалось, что кто-то позвал меня по имени, вот я и отошла посмотреть, в чем дело. Может быть, кто-то знакомый? Но там никого не оказалось.

Гондола ждала их на Фондаменто. Гондольер помог дамам сесть и точными, медленными движениями весла направил лодку в нужную сторону. Тетушка Грейстил уютно устроилась под навесом в средней части гондолы. По навесу застучал дождь.

— Возможно, когда мы вернемся, то дома увидим и мистера Стренджа, — предположила она.

— Может быть, — согласилась мисс Грейстил.

— А может, он опять отправился играть в бильярд с лордом Байроном, — продолжила свои догадки тетушка Грейстил. — Как странно, что они подружились. Эти два джентльмена кажутся такими разными.

— О да! Хотя мистер Стрендж как-то говорил, что в Швейцарии, при первом знакомстве, лорд Байрон понравился ему куда меньше. Его милость водил компанию с каким-то другим поэтом и никого больше не замечал.

— Как жаль. Впрочем, ничего удивительного.

Ты бы не побоялась на него взглянуть, милая? Я имею в виду, на лорда Байрона. Мне иногда кажется, я бы испугалась — немножко.

— Нет, мне не было бы страшно.

— Это оттого, моя дорогая, что ты куда отважней и тверже во взглядах, чем другие. Я даже не знаю, чего бы ты могла испугаться.

— О, не думаю, чтобы дело бы в моем особенном мужестве. Что касается добродетели — не знаю. В моей жизни еще не случалось сильных искушений. Просто лорду Байрону не удалось бы повлиять на мои поступки и мысли — тут я в полной безопасности. Однако не могу утверждать, что в мире нет такого человека — и я даже не скажу, что уже его встретила, — которого я порой немного не боялась бы. Я боялась бы даже смотреть на него: вдруг он печален, или потерян, или слишком задумчив, или — хуже всего — размышляет о своих сокровенных горестях или обидах, так что ему дела нет, смотрю ли я на него.

В комнатке на чердаке высокого дома в гетто оставленные мисс Грейстил свечи замигали и погасли. В комнатушку заглянула луна, и старая дама из Каннареджо принялась пожирать оставленное дамами телячье фрикасе.

Она уже собиралась проглотить последний

кусочек, как вдруг зазвучала английская речь. Мужской голос произнес:

— К сожалению, мои друзья не задержались, чтобы представить нас друг другу. Всегда так неловко, мадам, когда двум незнакомым людям приходится знакомиться самим. Так вот, мое имя Стрендж. А вас, насколько я знаю, зовут миссис Дельгадо. Очень приятно.

Стрендж стоял, опершись спиной на подоконник, скрестив на груди руки и в упор разглядывая ту, к кому адресовался.

Она же, напротив, обратила на него так же мало внимания, как и на мисс Грейстил, тетушку Грейстил да и вообще на всех, кто приходил в эти последние дни. Старуха его почти не заметила — как кошка не замечает то, что ее не интересует.

— Во-первых, разрешите вас заверить, — продолжал Стрендж, — что я не таков, как докучливые визитеры, которые сами не знают, зачем пришли. У меня к вам предложение, миссис Дельгадо. Нам очень повезло, мадам, встретиться именно в это время. Я могу исполнить ваше самое сокровенное желание, а за это вы выполните мое.

Миссис Дельгадо никак не показала, что слышит. Она повернулась к блюдцу, на котором

лежала дохлая мышь, и открыла свой древний рот, чтобы сожрать и ее.

— Ну же, мадам! — воскликнул мистер Стрендж. — Мне придется настоять на том, чтобы вы на минуту отложили свой обед и вняли моим словам.

Он наклонился и взял блюдце. Наконец-то миссис Дельгадо заметила его присутствие. Она негромко и недовольно мяукнула и взглянула на него с негодованием.

— Научите меня, как сойти с ума. Мысль очень проста. Сам удивляюсь, как я раньше до нее не додумался.

Миссис Дельгадо издала низкий звук, больше всего похожий на рычание.

— О, вы сомневаетесь в разумности моей просьбы? Наверное, вы правы. Желать самому себе безумия — слишком дерзко и неосторожно. И мой наставник, и моя жена, и мои друзья — все страшно рассердились бы, если бы узнали.

Он замолчал. С лица внезапно исчезло ехидное выражение, а голос утратил легкий ироничный тон.

— Однако с наставником я расстался, жена умерла, а от друзей я отделен двадцатью милями холодной воды и значительной частью

континента. Впервые с тех пор, как занялся этим странным ремеслом, мне не надо ни у кого спрашивать совета. Итак, с чего начать? Вы должны дать мне что-то — что-то, что может служить символом и сосудом вашего безумия. — Он внимательно осмотрел комнату. — К сожалению, у вас нет ничего, кроме платья, которое на вас надето… — взгляд гостя упал на блюдце, которое он так и держал в руке, — …и вот этой мыши. Я предпочел бы мышь.

Стрендж начал произносить заговор. В комнате внезапно вспыхнул серебряный свет — что-то среднее между белым пламенем и сиянием фейерверка. Какое-то время это сияние разделяло мистера Стренджа и миссис Дельгадо. Потом волшебник сделал движение, словно желая швырнуть свет в старуху. Свет действительно полетел к ней и на мгновение окутал ее серебром. Внезапно мисс Дельгадо исчезла, а на ее месте появилась серьезная, даже несколько мрачная девочка в старомодном платье. Девочка исчезла — ее сменила красивая молодая женщина с решительным, своевольным выражением лица. Она на глазах начала набирать годы; красота сохранялась, однако в глазах уже забрезжила искра безумия. За одно мгновение на старом пыльном

стуле сменились один за другим все образы, в которых воплощался дух миссис Дельгадо. И все они тут же исчезли.

На стуле остался лишь мятый шелк — кипа шелковых тряпок. И из них выбралась маленькая серая кошка. Она легко и изящно спрыгнула на пол, потом с такой же грацией взобралась на подоконник и исчезла в темноте.

— Ну вот, получилось, — заключил мистер Стрендж.

Он взял за хвост полуразложившуюся мышь. Несколько кошек сразу проявили к нему интерес; мяукая и мурлыча, они принялись тереться о его ноги.

Стрендж сморщился: интересно, что же пришлось вытерпеть Джону Аскглассу, чтобы создать английскую магию?

Ему хотелось понять, заметит ли он сам происшедшие перемены. Вспомнит ли после заклинания о том, что должен определить, в своем ли он уме или уже нет? Сможет ли сам сказать, есть ли в его мыслях хоть толика здравого смысла? Джонатан Стрендж в последний раз взглянул на окружающий мир, а потом открыл рот и осторожно положил в него мышь…

Словно водопад обрушился на него или две ты-

сячи труб разом зазвучали под ухом. Все, о чем он думал раньше, все, что знал, все, чем был, смело безжалостным потоком непонятных чувств и ощущений. Мир творился заново в нестерпимо огненных красках. Новые страхи и желания, новая ненависть пронзали его. Со всех сторон обступили странные, причудливые образы. Некоторые со злобной пастью, полной острых зубов, и огромными горящими глазами. Возле него пристроился какой-то уродливый паук, источающий злобу. То, что оставалось во рту, имело совершенно непереносимый вкус. Не в силах думать, не в состоянии что-нибудь понять, неизвестно откуда он почерпнул присутствие духа и выплюнул это «что-то». Кто-то вскрикнул…

Он понял, что лежит на спине и смотрит вверх, в непонятную смесь темноты, кровельных стропил и лунного света. Появилось призрачное лицо; лишая остатков самообладания, оно заглянуло в его собственное. Дыхание казалось теплым, влажным и несвежим. Он не помнил, чтобы ложился, как, впрочем, не помнил почти ничего вообще. Он попытался понять, где находился — в Лондоне или Шропшире. Странное ощущение пронизывало его, словно по телу ходят сразу несколько кошек. Он с трудом поднял голову и

увидел, что так оно и есть.

Он сел, и кошки моментально исчезли. В разбитое окно заглядывала полная луна. Медленно, переходя от воспоминания к воспоминанию, он начал составлять причудливую мозаику вечера. Вспомнил заклинание, при помощи которого перевоплотил старуху, потом собственный план повергнуть себя в безумие, чтобы обрести общество эльфов. Поначалу все казалось настолько далеким, что он решил, будто вспоминает события по меньшей мере месячной давности. И тем не менее он лежал в уродливой комнатенке, а карманные часы утверждали, что время едва тронулось с места.

Ему удалось сохранить мышь. По счастливой случайности он накрыл ее рукой и спас от кошек. Стрендж засунул мышь в карман сюртука и торопливо вышел из комнаты. Он не хотел больше оставаться здесь ни минуты; с самого начала она казалась кошмарной — сейчас же сделалась средоточием невыразимого ужаса.

На лестнице он встретил каких-то людей, однако они не обратили на него внимания. Всех обитателей дома он заранее заколдовал, и теперь им казалось, что этот человек постоянно ходит по их лестнице, заглядывает в комнаты, и вообще,

присутствие его в доме совершенно естественно. Впрочем, если бы кто-нибудь спросил, кто это такой, дать ответ они не смогли бы.

Стрендж отправился на свою квартиру возле площади Санта-Мария-Дзобениго. Очевидно, безумие старухи все-таки заразило его. Прохожие на улице казались совсем другими; лица выглядели глупыми и злобными, походка — странной, искаженной.

«Ну хоть в одном не приходится сомневаться, — подумал Стрендж. — Старуха и впрямь была тяжелой душевнобольной. В ее состоянии мне все равно не удалось бы вызвать эльфа».

На следующий день волшебник встал очень рано и сразу после завтрака принялся по известным магическим принципам готовить из дохлой мыши порошок. В дело пошли мясо и внутренности. Кости он не трогал. Затем из порошка приготовил настойку. Данный препарат имел два преимущества. Во-первых (очень важное качество), проглотить несколько капель настойки куда менее противно, чем класть в рот дохлую мышь. Во-вторых, он рассчитывал таким путем регулировать степень безумия.

К пяти часам была получена бурая жидкость, которая пахла главным образом бренди, на кото-

ром и изготовлялась настойка. Стрендж вылил ее в бутылку. Потом тщательно отсчитал четырнадцать капель, смешал с половиной стакана бренди и выпил.

Спустя несколько минут он выглянул из окна на Кампо-Санта-Мария-Дзобениго. По площади ходили люди. Затылки их были выпотрошены, лица представляли собой пустые маски. В каждом пустом затылке горела свеча. Стрендж дивился, как не замечал этого раньше. Интересно, что будет, если спуститься на площадь и задуть несколько свечей? Сама мысль заставила его рассмеяться. Смеялся он так долго, что больше уже не мог держаться на ногах. Смех эхом отдавался по всему дому. Последний слабый лучик разума подсказал, что нельзя привлекать внимание хозяина и членов его семьи. Поэтому волшебник повалился на постель и уткнулся лицом в подушку — лишь ноги его неудержимо дергались от неукротимого хохота.

На следующее утро Стрендж проснулся в постели, полностью одетый и обутый. Кроме неприятного ощущения неопрятности и скованности, которое всегда остается, если спишь не раздеваясь, он не заметил никаких перемен. Все было как обычно. Он умылся, побрился и переоделся,

потом вышел из дома — перекусить и выпить чашку кофе. Ему очень нравилась небольшая кофейня на углу Калле-де-ла-Кортезиа и Кампо-Сан-Анджело. Все казалось совсем хорошо до тех пор, пока не подошел официант и не поставил на стол чашку кофе. Стрендж взглянул на него и заметил в глазах официанта сияние крошечной свечи. Тут обнаружилось, что волшебник не может вспомнить, горят у людей в головах свечи или нет. Он понимал, что разница огромна: одно из этих представлений здравое, другое — безумное, только не мог вспомнить, какое здравое.

Это несколько обескураживало.

Беда с настойкой, подумал Стрендж, заключается в том, что невозможно определить, когда кончается ее действие. Наверное, надо день-другой подождать, а потом попробовать снова.

К полудню, однако, нетерпение возобладало. Он чувствовал себя лучше и даже начинал склоняться к мысли о том, что людям несвойственно носить в головах свечи. Да и вообще это было неважно, по крайней мере, к нынешним занятиям прямого отношения не имело. В стакан *вин-санто* он отсчитал девять капель настойки, взболтал смесь и выпил залпом.

Тут же оказалось, что все шкафы в доме на-

полнены ананасами. Ананасы прятались и под кроватью, и под столом. Стренджа бросило в жар, потом в холод; ноги не держали, и пришлось опуститься на пол. Все дома и палаццо города наполнились ананасами; люди на улицах прятали ананасы под одеждой. Запах ананасов пропитал все вокруг — одновременно сладкий и резкий.

Спустя какое-то время в дверь постучали. Оказалось, что наступил вечер, и в комнате совершенно темно. Стук повторился. Потом дверь открылась, и на пороге появился хозяин. Он начал что-то говорить, но Стрендж не понимал из-за того, что изо рта у хозяина торчал ананас. И как только ему удалось засунуть в рот целый большой фрукт? Изо рта медленно вылезли зеленые острые листья, и, разговаривая, хозяин квартиры втянул их обратно. Стрендж подумал, что, может быть, взять нож или какой-нибудь крючок и вытащить ананас у бедняги изо рта, чтобы тот не подавился. Впрочем, зачем трудиться? В конце концов, сам виноват. Нечего было засовывать в рот ананас.

На следующий день в кофейне на углу Калле-де-ла-Кортезиа один из официантов резал ананас. Стрендж, склонившийся над чашкой кофе, вздрогнул.

Оказалось, что намеренно сойти с ума очень

легко — куда легче, чем можно предположить; однако, как всякая магия, процесс исполнен препятствий и разочарований. Даже если ему удастся вызвать эльфа (что казалось не слишком вероятным), он все равно не сможет с ним разговаривать. Все без исключения магические руководства особенно подчеркивали необходимость сохранять бдительность в общении со сверхъестественным. И вот, когда ему понадобится вся острота разума, разума-то и не окажется.

«Как я продемонстрирую ему свое превосходство, если способен лишь лепетать о свечах и ананасах?» — спросил он сам себя.

Весь день Стрендж шагал взад-вперед по комнате, время от времени останавливаясь, чтобы нацарапать на обрывках бумаги кое-какие заметки. Когда наступил вечер, он записал заклинание для призыва эльфов и положил на стол, затем капнул в стакан с водой четыре капли настойки и залпом выпил.

На сей раз снадобье подействовало совсем по-иному. Ни видения, ни страхи не одолевали. Больше того, во многих отношениях Стрендж чувствовал себя гораздо лучше, чем обычно: выдержаннее, спокойнее, увереннее. Внезапно оказалось, что магия его не так уж и интересует.

В мозгу захлопывались какие-то двери, зато он получил возможность попасть в такие комнаты и коридоры, в которые не заглядывал уже долгие годы. На первые десять минут он превратился в человека двадцати с небольшим лет; а после стал совершенно иным — таким, каким он вполне мог стать, но по различным причинам не стал.

Первым его порывом было отправиться в игорный дом. Странно и смешно — пробыл в Венеции с самого начала октября, но так ни в одном и не побывал. Однако, взглянув на карманные часы, он обнаружил, что еще лишь восемь вечера.

— Слишком рано, — заметил Стрендж вслух, ни к кому конкретно не обращаясь.

Его тянуло с кем-нибудь поговорить, поделиться, однако в комнате не было никого, кроме деревянной фигурки в углу.

— Еще три-четыре часа делать совсем нечего, — пояснил волшебник улыбающемуся человечку.

Стрендж подумал, что убить время вполне можно в обществе мисс Грейстил.

— Однако, скорее всего, и отец, и тетка и на шаг не отойдут. — Он раздраженно фыркнул. — Скука! Тоска! Досада! Ну почему же у хорошеньких женщин всегда такая уйма родственников?

Он взглянул в зеркало.

— Боже милостивый! Этот шейный платок выглядит так, словно его завязывал пастух!

Следующие тридцать минут Стрендж несколько раз завязывал и перевязывал галстук — до тех пор, пока не удовлетворился результатом. Потом обнаружилось, что ногти недостаточно коротки и не слишком чисты. Он принялся искать ножницы.

Они оказались на столе. А рядом лежало что-то еще.

— Ну-ка, что у нас здесь? — снова вслух поинтересовался волшебник. — Ага, бумаги! Бумаги с магическими заклинаниями!

Находка весьма его позабавила.

— А знаешь, как ни странно, — обратился он к деревянному человеку, — но я знаю того малого, который все это нацарапал! Его зовут Джонатан Стрендж. Более того, сейчас я вспоминаю, что и все эти книги принадлежат ему.

Он еще почитал.

— Ха, ни за что не догадаешься, какими глупостями он занимается! Вызывает эльфов! Ха-ха! Якобы хочет получить себе в помощь слугу-эльфа и продолжить дело английской магии. А на самом-то деле просто пытается привести в ужас Гильберта Норрелла! Приехал за сотни миль от

дома, в самый роскошный город мира, но никак не выбросит из головы какого-то старика, оставшегося там, в Лондоне! Ну не смешно ли?

Он брезгливо положил листки на стол и взял ножницы. Повернувшись, едва не стукнулся обо что-то головой.

— Что… — начал было Стрендж.

С потолка свисала черная лента с привязанными к ней несколькими косточками, флакончиком темной жидкости — возможно, даже крови — и исписанным клочком бумаги. Все это было скреплено между собой. Лента была такая длинная, что на нее невозможно было не наткнуться. Стрендж покачал головой, дивясь людской глупости, и, опершись о стол, начал стричь ногти.

Прошло несколько минут.

— Знаешь, у него была жена, — вновь обратился он к деревянному человеку, поднося руку поближе к свече, чтобы посмотреть на собственную работу. — Арабелла Вудхоуп. Самая очаровательная девушка в мире. Ее больше нет. Мертва, мертва, мертва! — Волшебник взял со стола пилку и принялся полировать ногти. — Так вот, сейчас я задаю себе вопрос: а не был ли я и сам в нее влюблен? Почему-то кажется, что да. Она так очаровательно произносила мое имя и в то же

время смеялась! Сердце переворачивалось! — Он хохотнул. — Знаешь, очень смешно, но я не могу вспомнить, как меня зовут. Лоуренс? Артур? Фрэнк? Если бы здесь была Арабелла! Она бы знала точно. И сказала бы мне. Она не из тех женщин, что дразнят человека и все превращают в игру — даже после того, как забава уже приелась. Господи, как же я хочу, чтобы она оказалась со мной! Здесь так больно, — он ткнул пальцем в сердце, — а здесь что-то горячее и очень твердое, — на сей раз он постучал по собственному лбу. — Уверен, полчаса разговора с Арабеллой все бы поставили на место. Может быть, все-таки вызвать эльфа, чтобы вернул ее? Ведь эльфы способны общаться с умершими, разве не так? — Он взял со стола листок с заклинанием и снова внимательно на него взглянул. — Ничего страшного. Все просто.

Стрендж очень четко прочитал вслух текст заклинания, а потом, словно это важнее всего на свете, возобновил полировку ногтей.

В сумраке возле шкафа появился кто-то в зеленом, цвета листвы, сюртуке. Волосы незнакомца чрезвычайно напоминали пух на отцветшем чертополохе, а на лице играла высокомерная улыбка.

Стрендж тем временем полностью сосредото-

чился на ногтях.

Джентльмен с волосами как пух очень быстро подошел к Стренджу и протянул руку, чтобы дернуть того за волосы. Но прежде, чем он успел это сделать, Стрендж взглянул на него в упор и поинтересовался:

— У вас не найдется такой мелочи, как понюшка табаку?

Джентльмен с волосами как пух замер.

— Я уже обшарил все карманы вот этого дурацкого сюртука, — продолжал Стрендж, словно не замечая изумления незнакомца, — но табакерки не нашел. Ума не приложу, о чем я думал, выходя без нее. Обычно беру с собой «Кендал Браун». У вас такого нет?

Он снова запустил руку в карман, совершенно забыв о свисающей с потолка бутоньерке из крови и костей. Сделав шаг, волшебник задел ее головой. Бутоньерка качнулась назад, потом вперед и стукнула Стренджа прямо в лоб.

54. Маленькая шкатулка цвета сердечной боли

1 и 2 декабря 1816 года

В воздухе что-то тихо щелкнуло, затем подул ветерок, словно принеся с собой свежий воздух и одновременно покончив с дурным запахом.

Стрендж несколько раз моргнул.

Придя в себя, он первым делом подумал, что осуществилась вся его сложная схема: перед ним стоял кто-то — без сомнения, эльф. Тут Стрендж обнаружил, что не помнит своих предыдущих действий. Он вытащил из кармана часы и внимательно посмотрел на циферблат. С того момента, как он выпил настойку, прошел почти час.

— Прошу прощения, — произнес волшебник. — Понимаю, что вопрос звучит странно, но тем не менее я о чем-нибудь вас просил?

— О понюшке, — ответил незнакомец с волосами как пух.

— О понюшке?

— Вы попросили понюшку табаку.

— Когда?

— Что?

— Когда просил о понюшке?

— С минуту назад.

— А! О! Хорошо. Не беспокойтесь, пожалуйста, я уже в ней не нуждаюсь.

Джентльмен с волосами как пух поклонился.

Стрендж понимал, что растерянность и смятение отражаются на лице. Он читал, что ни в коем случае нельзя показывать представителям этого коварного племени недостаточность своих знаний, а потому попытался скрыть озабоченность за саркастическим взглядом. Потом, вспомнив, что еще более нежелательно показаться высокомерным и тем рассердить духа, он прикрыл сарказм улыбкой, но в конце концов все-таки вернулся к первоначальному озадаченному выражению лица.

Стрендж не заметил, что джентльмен чувствует себя настолько же не в своей тарелке.

— Я призвал тебя, — заговорил волшебник, — ибо давно хотел, чтобы кто-нибудь из твоего племени помогал мне и давал советы в вопросах магии.

Это небольшое вступление Стрендж репетировал несколько раз и теперь был рад обнаружить, что звучит оно уверенно и вполне убедительно. К сожалению, он тут же все испортил, тревожно

уточнив:

— Я упоминал об этом раньше?

Джентльмен промолчал.

— Меня зовут Джонатан Стрендж. Возможно, тебе приходилось обо мне слышать? Сейчас я как раз подошел к самой интересной точке своей карьеры. Думаю, не будет преувеличением сказать, что от моих действий в ближайшие месяцы зависит будущее английской магии. Не откажи в помощи, и твое имя прославится, как имена Тома Голубое Седло и мастера Уичерли![138]

— Фу! — с отвращением фыркнул гость. — Какие низкие личности!

— Правда? — удивился Стрендж. — Не знал.

Он решил наступать.

— Я обратил на тебя внимание благодаря… — волшебник поискал подходящее выражение, — тем услугам, которые ты оказывал королю Англии. Что за мощь! Какая изобретательность! В наши дни английской магии так не хватает размаха и вдохновения! Она утратила огонь и энергию! Выразить не могу, как устал решать одни и те же скучные задачи при помощи одних и тех же скучных заклинаний! Твоя магия совсем

---

[138] Примечания: 138

Том Голубое Седло был, разумеется, самым знаменитым слугой Ральфа Стокси; мастер Уичерли помогал Мартину Пейлу.

иная. Она меня изумила. А мне так не хватает неожиданностей!

Джентльмен поднял бровь — точно такую, какая должна быть у эльфа, — словно не возражал изумить Джонатана Стренджа.

Стрендж возбужденно продолжал:

— Спешу уведомить, что в Лондоне живет один старик по имени Норрелл — своего рода волшебник. Узнав, что ты мне помогаешь, он придет в ярость. Норрелл изо всех сил попытается нам помешать, однако я не сомневаюсь, что вместе мы сумеем оставить его далеко позади.

Казалось, гость уже перестал слушать. Он осматривал комнату, останавливая пристальный взгляд на каждом из находящихся в ней предметов.

— Тебе что-нибудь здесь не нравится? — поинтересовался Стрендж. — Скажи, если так. Наверное, твоя магическая чувствительность куда острее моей. Однако и мне кое-что мешает творить магию. Наверное, у всех так. Солонка, рябина, освященная облатка — все это выбивает меня из колеи. Не то чтобы я был не в состоянии практиковать вблизи означенных предметов, но их всегда приходится учитывать. Если тебе здесь что-нибудь не нравится, только скажи, я

тут же уберу.

Джентльмен смотрел, словно не понимая, о чем Стрендж говорит, потом воскликнул:

— Моя магическая чувствительность, о да! Как ты проницателен! Моя магическая чувствительность и впрямь необычайно велика! Она говорит, что ты недавно заполучил объект колоссальной мощи. Что именно? Кольцо против заклинаний? Чаша видений? Что-нибудь в этом роде? Поздравляю! Покажи мне эту вещь, а я немедленно расскажу, откуда она и как ей пользоваться!

— Вовсе нет, — удивленно возразил Стрендж. — У меня ничего такого нет.

Джентльмен нахмурился и вновь начал обыскивать глазами комнату. Сначала взгляд его упал на ночной горшок, выглядывавший из-под стола, потом на траурный перстень с миниатюрой ангела на слоновой кости и, наконец, на расписную бонбоньерку, в которой когда-то лежали конфеты.

— Так, может быть, этот предмет попал к тебе случайно? — поинтересовался он. — Такие вещи могут проявлять огромную мощь, даже если сам волшебник понятия не имеет об их сверхъестественной силе.

— Не думаю, — возразил Стрендж. — Вот бонбо-

ньерка, например, куплена в Генуе, у кондитера. И там, в магазине, таких еще множество. Странно, если бы она обладала магической силой, а другие нет.

— Конечно, — согласился джентльмен. — Здесь нет ничего необычного. То есть, — быстро добавил он, — ничего необычного для жилища столь гениального мага.

Наступила короткая пауза.

— Ты не ответил на мое предложение, — нарушил молчание Стрендж. — Ты не можешь принять решение, потому что недостаточно меня знаешь. Это вполне понятно. Так и должно быть. Через день-другой я позволю себе снова тебя вызвать; тогда мы поговорим подробнее.

— Очень интересно было побеседовать! — воскликнул джентльмен.

— Надеюсь, наши беседы продолжатся, — вежливо заметил Стрендж и поклонился.

Джентльмен поклонился в ответ.

Стрендж освободил джентльмена от заклинания, и тот мгновенно исчез.

Волнение Стренджа возросло до предела. Он чувствовал, что необходимо сесть и подробно, с научной достоверностью все описать. Однако хотелось другого: прыгать, петь, хлопать в ла-

доши! Он и впрямь исполнил несколько фигур контрданса. Не будь деревянный человек надежно укреплен на деревянной колонне, Стрендж подхватил бы его и закружил по комнате.

Выплеснув восторг, он ощутил острое искушение написать Норреллу и даже уселся за письмо, исполненное триумфа и сарказма («Вы, разумеется, будете счастливы узнать…»), однако скоро передумал.

— Это лишь спровоцирует его на какой-нибудь акт мести, например уничтожить мой дом или что-нибудь в таком роде. Ха! Как же он разъярится, когда я вернусь в Англию! Новость необходимо будет предать гласности немедленно. Даже не буду ждать следующего номера «Фамулюса». Слишком долго. Мюррей, конечно, обидится, но что поделаешь? Лучше всего подойдет «Таймс». Интересно, что это он говорил насчет колец могущества и ночных горшков? Наверное, просто пытался понять, как мне удалось добиться его прихода.

Даже появление самого Джона Аскгласса и получасовая беседа с ним не смогли бы настолько обрадовать Стренджа. Единственным неприятным моментом во всей этой истории оставалось воспоминание — и то отрывочное — о форме,

которую на сей раз приняло его безумие.

— Наверное, я превратился в Лассельса или Дролайта! Какой ужас!

На следующее утро Стивен Блэк отправился выполнять поручения сэра Уолтера. Нанес визит банкиру на Ломбард-стрит; поговорил с портретистом на Литл-Бритэн; передал портнихе на Феттер-лейн заказ на платье для леди Поул. Следующим в списке стоял визит к адвокату. Медленно кружился мягкий тяжелый снег. Вокруг раздавались привычные звуки лондонского Сити: фырканье и топот лошадей, громыханье экипажей, крики уличных продавцов, стук дверей, смягченные снегом шаги множества людей.

Стивен остановился на углу Флит-стрит и Митр-корт. Едва он вынул из кармана часы (подарок джентльмена с волосами как пух), все звуки внезапно стихли, словно их отрезали ножом. Стивен будто на мгновение оглох, но, еще не успев испугаться, заметил, что это вовсе не единственное изменение. Улица внезапно опустела. Ни людей, ни кошек, ни собак, ни птиц. Все вдруг куда-то исчезли.

А снег! Вот уж странность так странность! Внезапно белые мягкие хлопья, большие, словно соверены, неподвижно повисли в воздухе.

Магия, недовольно подумал Стивен.

Он немного прошел по Митр-корт, по пути заглядывая в витрины. Огни светились, товары лежали на прилавках — шелка, табак, ноты. В каминах горел огонь, однако пламя словно замерзло.

Оглянувшись, он заметил, что проложил подобие туннеля сквозь снежное кружево. Из всех странностей, виданных в жизни, эта казалась самой необычной.

Вдруг откуда-то раздался яростный голос:

— Я считал себя совсем свободным от него! Какие уловки он использует?

Перед Стивеном внезапно материализовался джентльмен с волосами как пух. Лицо его горело, а в глазах сверкали молнии.

Потрясение было настолько сильным, что на мгновение Стивен испугался — как бы не упасть в обморок. Однако он прекрасно знал, как высоко джентльмен ценит самообладание и спокойствие, поэтому тут же взял себя в руки и спрятал страх.

— Свободным от кого, сэр? — срывающимся голосом уточнил он.

— Да от волшебника же, Стивен! От волшебника! Я думал, он раздобыл какой-то мистический

предмет, который и выдал ему мое присутствие, однако так ничего интересного в его комнате и не нашел, а сам он клянется, что понятия не имеет, о чем я говорю. На всякий случай за прошедший час я быстренько обежал земной шар и проверил все кольца могущества, все магические кубки и жернова. Абсолютно все на месте. Там, где я и предполагал их увидеть.

Из этого отрывочного рассказа Стивен понял, что волшебнику все-таки удалось вызвать джентльмена с волосами как пух.

— Ведь было время, сэр, — заметил он, — когда вы желали помогать волшебникам, колдовать для них и выслушивать их благодарности. Так вы спасли леди Поул, правильно? Может быть, и сейчас все окажется не плохо?

— О, возможно! Однако я так не думаю. Послушай, Стивен, помимо неудобств, которые могут доставить его вызовы — в любой миг, когда ему заблагорассудится, — полчаса, проведенные у него, оказались сущим мучением. Как много он говорит! Самый тщеславный человек из всех, с кем мне приходилось иметь дело. Такие натуры — способные говорить лишь о себе, не слушая собеседника, — мне глубоко отвратительны.

— Вы правы, сэр! Это так раздражает. Кстати,

раз вы будете заняты с волшебником, нам придется отложить мое восшествие на английский престол?

Джентльмен произнес что-то очень сильное на своем собственном языке, скорее всего ругательство.

— Полагаю, ты прав. И это возмущает меня больше, чем все остальное, вместе взятое. — Он на мгновение задумался. — А может, все не так уж и плохо. Английские волшебники очень глупы. Они обычно требуют одного и того же. Те, что победнее, просят нескончаемых запасов репы или каши; богатые мечтают лишь о еще большем богатстве. Ну а молодые хотят любви какой-нибудь принцессы или королевы. Как только он что-нибудь из этого попросит, я тут же исполню его волю, и на его голову неизбежно обрушится поток бед. Так бывает всегда. Он отвлечется, а мы с тобой займемся английской короной. О Стивен! Как я рад, что пришел к тебе! Ты разумнее всех на свете!

Гнев джентльмена мгновенно улетучился, сменившись восторгом. Из-за тучи внезапно выглянуло солнце, и замерший снегопад засиял и заблистал (хотя Стивен не мог сказать, было ли это делом рук джентльмена или случайностью).

Он было заметил, что ничего не предлагал, но тут джентльмен исчез. Снова появились лошади, повозки, люди, кошки, собаки, и Стивен сразу наткнулся на какую-то толстую особу в темно-красной мантилье.

Стрендж поднялся с кровати в отличном расположении духа, потому что проспал без перерыва восемь часов кряду. Впервые за долгое время он не вставал ночью колдовать. В награду за успешный вызов эльфа волшебник решил устроить себе день отдыха. В десять с минутами он явился в палаццо, где снимали квартиру Грейстилы, и нашел семейство за завтраком. Приняв приглашение присоединиться, Стрендж съел несколько горячих булочек, выпил большую чашку кофе и заявил мисс Грейстил и тетушке Грейстил, что находится в их полном распоряжении.

Тетушка Грейстил с удовольствием уступила положенную ей долю внимания племяннице. Мисс Грейстил и мистер Стрендж провели утро в совместном чтении книг по магии. Часть книг была из собственной библиотеки Стренджа, а часть Флора приобрела по его рекомендации. Здесь оказались и «История Короля-ворона для детей» Портисхеда, и хикменовская «Жизнь Мартина Пейла», и «Анатомия минотавра» Хи-

зер-Грея. Стрендж познакомился с ними, когда только начинал заниматься магией, и сейчас дивился граничащей с наивностью простоте изложения. Читать их вслух для мисс Грейстил оказалось самым приятным занятием на свете. Еще интереснее было отвечать на ее вопросы и выслушивать комментарии — заинтересованные, умные и немного чересчур серьезные.

В час дня, после того как перекусили вареным мясом, тетушка Грейстил заявила, что они засиделись в четырех стенах, и предложила отправиться на прогулку.

— Вы, мистер Стрендж, должны обрадоваться такой возможности. Ученые нередко пренебрегают моционом.

— Грустная у нас жизнь, мадам, — жизнерадостно согласился Стрендж.

День выдался замечательный. Они долго бродили по узким улочкам и увидели множество всего интересного: небольшое скульптурное изваяние собаки с костью в зубах; усыпальницу святого, о котором никогда прежде не слышали; окна какой-то квартиры с занавесками, которые издали представлялись сшитыми из тяжелого старинного кружева, а оказались паутиной — густой, огромной, занявшей всю комнату. С ними не бы-

ло чичероне, чтобы разъяснить эту диковинку, спросить тоже было некого, и путешественники развлекались собственными догадками.

Перед самым наступлением сумерек компания вышла на небольшую прохладную площадь, центром которой служил колодец. Место выглядело странно пустынным и одиноким. Под ногами лежали древние камни, окон было на удивление мало. Дома вели себя так, будто за что-то обиделись на площадь и повернулись к ней спиной. Жизнь теплилась в одной-единственной лавчонке, где торговали исключительно рахат-лукумом, зато в огромном разнообразии всех цветов и запахов. Лавчонка оказалась закрыта, но мисс Грейстил и тетушка Грейстил заглянули в окно и принялись обсуждать, сумеют ли завтра найти площадь и магазинчик.

Стрендж просто гулял, ни о чем в особенности не думая. Воздух приятно холодил, в небе повисла первая вечерняя звезда. Вдруг за спиной раздался странный скребущий звук, и Стрендж обернулся.

В самом темном углу площади стояло нечто — ничего подобного ему видеть не приходилось. Предмет был черным — настолько, что мог бы состоять исключительно из окружающей темноты. Его верхняя часть имела форму старомодного

портшеза, в каких в Бате носят богатых пожилых особ. Окна закрывали темные занавески. Однако ниже окон портшез переходил в туловище и ноги огромной черной птицы. Птица была в черном цилиндре и с черной тросточкой. Глаз у нее не было, и все же Стрендж не сомневался, что странное создание смотрит на него. Тростью оно скребло по мостовой, отчего и раздавался звук.

Наверное, Стрендж должен был испугаться. В мозгу замелькали заклинания рассеивания, заклинания избавления, заклинания защиты, однако он как-то не сумел ухватиться ни за одно из них. Хотя существо исходило злом и недоброжелательностью, Стрендж ощущал, что оно не несет опасности ни ему самому, ни другим, скорее предвещает некое грядущее зло.

Не успел он задуматься о том, как Грейстилы воспримут появление этого чудища, как в мозгу что-то внезапно сдвинулось; видение исчезло, а на его месте появилась солидная фигура доктора Грейстила. Да, перед Стренджем стоял мистер Грейстил в черном костюме и с тростью в руке.

— Ну? — Доктор явно ждал ответа.

— Я… прошу прощения! — отозвался Стрендж. — Вы что-то говорили? Я просто… просто задумался.

— Я всего лишь поинтересовался, не собираетесь ли вы сегодня с нами пообедать.

Стрендж молча, пристально смотрел на него.

— В чем дело? Вам нездоровится? — заволновался доктор и взглянул на приятеля так, словно что-то в лице и манерах волшебника ему очень не нравится.

— Нет-нет, уверяю вас, — ответил Стрендж. — И я с радостью с вами пообедаю. Ничего не может быть лучше. Правда, я обещал лорду Байрону, что в четыре часа сыграю с ним несколько партий в бильярд.

— Надо взять гондолу, чтобы не идти обратно пешком. Мне кажется, Луиза устала сильнее, чем готова признаться. — (Речь шла о тетушке Грейстил.) — Где вы встречаетесь с его милостью? Какой адрес назвать гондольеру?

— Спасибо, — отказался Стрендж, — но я с удовольствием пройдусь пешком. Ваша сестра права: мне недостает свежего воздуха и движения.

Узнав, что мистер Стрендж собрался возвращаться отдельно от их маленькой компании, мисс Грейстил расстроилась. Дамы и мистер Стрендж прощались исключительно долго, несколько раз напомнив друг другу, что через несколько часов встретятся снова. Доктор Грей-

стил начал терять терпение.

Грейстилы направились в сторону канала. Стрендж следовал в отдалении. Несмотря на жизнерадостные заверения в собственном здравии, он чувствовал себя совершенно разбитым. Попытки объяснить видение игрой света и тени успехом не увенчались. Приходилось признать, что больше оно походит на возвращение старухиного безумия.

— Как неприятно! А я-то думал, что действие настойки уже прошло! Видит бог, больше ее принимать нельзя. Если этот дух откажется мне служить, надо будет придумать что-то другое.

Стрендж вышел из переулка к каналу и увидел, что Грейстилы садятся в гондолу, причем какой-то джентльмен подает руку мисс Грейстил. Сначала он показался незнакомым, но скоро стало видно, что блестящие на солнце волосы джентльмена очень напоминают пух. Стрендж поспешил к нему.

— Какая красивая молодая дама! — воскликнул джентльмен, едва гондола отчалила от набережной. Глаза его возбужденно блестели. — Она замечательно танцует, так ведь?

— Танцует? — переспросил Стрендж. — Честно говоря, понятия не имею. Правда, в Генуе нам

предстояло вместе отправиться на бал, однако у нее разболелись зубы, и мы не пошли. Но своим появлением ты меня удивил. Я полагал, что должен специально тебя вызывать.

— А! Да я просто задумался о твоем предложении заняться магией вместе. И решил, что план этот просто великолепен.

— Рад слышать, — пряча улыбку, ответил Стрендж. — Однако ответь мне на один вопрос. Несколько недель я безуспешно пытался тебя вызвать. Почему ты не приходил раньше?

— О, это очень легко объяснить! — воскликнул джентльмен и начал что-то подробно плести о некоем кузене, очень злом и очень ревниво относящемся к его талантам; тот якобы ненавидит всех без исключения английских волшебников и умудрился так исковеркать заклинания мистера Стренджа, что джентльмен с волосами как пух до вчерашнего вечера не слышал его призывов.

Рассказ звучал чрезвычайно путано, но Стрендж, хотя и не поверил ни единому слову, делал вид, будто верит, и время от времени кивал в знак согласия.

— А чтобы выразить признательность за оказанную честь, — продолжал джентльмен, — я готов исполнить любое твое желание.

— Любое желание? — переспросил Стрендж, проницательно взглянув на собеседника. — Если я правильно понимаю, обязывающее соглашение. Ты не можешь отказать мне ни в чем, что я назову, правильно?

— И не смогу, и не захочу.

— И что же, я могу просить о богатстве и власти над миром? Обо всем таком?

— Разумеется! — с готовностью ответил джентльмен. Он поднял руки в знак того, что можно начинать.

— Дело в том, что мне этого ничего не нужно. Я нуждаюсь главным образом в знаниях. Кто последний из английских волшебников имел с тобой дело?

Наступила пауза.

— О, уверяю, это так скучно, — наконец заговорил джентльмен. — А теперь к делу! Чего ты желаешь больше всего? Собственное королевство? Прекрасную даму? Княгиня Полина Боргезе — восхитительная женщина, и я могу в мгновение ока доставить ее сюда.

Стрендж открыл было рот, чтобы заговорить, но вдруг засомневался.

— Говоришь, Полина Боргезе? В Париже я видел

ее портрет[139]. — Он все-таки сумел собраться и вернулся к делу. — Сейчас меня такое не интересует. Лучше расскажи о магии. Например, о том, как обернуться медведем. Или лисой. Как называются три магические реки, протекающие по королевству Аграс?[140] Ральф Стокси полагал, что они оказали немалое влияние на историю Англии, — так ли это? В «Языке птиц» содержится упоминание о заклинаниях, налагаемых с помощью цветов, что ты об этом знаешь? И что означают камни в Донкастерских квадратах?

Джентльмен шутливо вскинул руки, словно сдаваясь.

— Сразу столько вопросов! — Он рассмеялся. Смех, конечно, должен был прозвучать весело и беззаботно, однако получился несколько натянутым.

— Ну так ответь хоть на один. На любой — какой больше нравится.

Джентльмен лишь любезно улыбнулся.

Стрендж смотрел на него с нескрываемой

---

[139] Примечания: 139

Эта женщина была самой красивой и самой пылкой из сестер Бонапарта. Она постоянно меняла любовников и любила обнаженной позировать для собственных статуй.

[140] Примечания: 140

Так иногда называют третье королевство Джона Аскгласса. Считалось, что оно расположено по дальнюю сторону ада.

неприязнью. Судя по всему, предложение не распространялось на знания, а касалось только вещей. Если бы Стрендж захотел сделать себе подарок, он бы спокойно пошел и купил что угодно. А если бы вдруг захотел познакомиться с Полиной Боргезе, то мог бы отправиться к ней с визитом. Тут магия не нужна. Как же ему… И тут в голову пришла мысль.

— Принеси что-нибудь, что осталось у тебя от работы с предыдущим английским волшебником! — произнес он вслух.

— Что? — пораженно переспросил джентльмен. — Нет, тебе это вовсе не нужно! Совершенно бесполезный пустяк. Подумай снова!

Просьба Стренджа явно чрезвычайно его встревожила, хотя и непонятно почему. Быть может, волшебник дал ему ценную вещь, с которой джентльмену жалко расстаться. Однако Стренджу надо было всего лишь взглянуть, что это такое, и извлечь полезные сведения, после чего он собирался, в знак хорошего отношения, вернуть вещь владельцу.

Волшебник вежливо улыбнулся:

— Обязывающее соглашение, ты сказал? Сегодня вечером жду.

В восемь вечера мистер Стрендж обедал с Грей-

стилами в их сумрачной столовой.

Мисс Грейстил спросила о лорде Байроне.

— О! — воскликнул Стрендж. — Он не собирается возвращаться в Англию. Свои стихи его милость может писать где угодно. А у меня все иначе. Английская магия создана Англией, как сама Англия создана английской магией. Два этих понятия неразрывны. Разделить их невозможно.

— Вы хотите сказать, — чуть хмурясь, спросила мисс Грейстил, — что история и образ жизни англичан созданы магией? Вы говорите метафорически?

— Нет, я говорю в самом прямом смысле. Вот этот город, например, построен самым обычным способом…

— О! — со смехом прервал гостя доктор Грейстил. — Сейчас вы изъясняетесь, как истинный волшебник. Отчетливо слышно презрение ко всему, что произошло обычным путем.

— Я вовсе не собирался выражать презрение. Больше того, смею заметить, что чрезвычайно уважаю все, созданное естественным путем. Нет, я всего лишь имел в виду, что границы Англии — самую ее форму — определила магия.

Доктор Грейстил фыркнул:

— Что-то совсем в этом не уверен. Если можно,

приведите пример.

— Очень хорошо. Давным-давно на побережье Йоркшира стоял прекрасный город, жители которого начали задаваться вопросом, зачем Король, Джон Аскгласс, требует с них налоги. Неужто такой могучий чародей не может прямо из воздуха получить столько золота, сколько захочет? От сомнений беды бы не было, однако эти глупые люди пошли дальше. Они отказались платить налоги и вступили в сговор с врагами Короля. Надо хорошо подумать, прежде чем ссориться с волшебником или королем. Если же эти два свойства объединяются в одном человеке, угроза возрастает многократно. Так и случилось. Сначала с севера налетел ветер и пронесся по городу. Едва он касался животных, они моментально старели и умирали — все: коровы, свиньи, овцы, домашняя птица, даже кошки и собаки. Дома обращались в руины прямо на глазах у хозяев. Инструменты ломались, посуда билась, дерево гнило и трескалось, камни и кирпич превращались в пыль. Каменные изваяния в церкви сглаживались, словно под действием времени. Ветер поднимал на море огромные волны странной, угрожающей формы. Жители убежали в холмы, оглянулись и увидели, как развалины их

некогда цветущего города поглотили холодные серые волны.

Доктор Грейстил улыбнулся:

— Да, любое правительство — будь то тори, виги, императоры или волшебники — очень не любит, когда граждане не платят налоги. Вы собираетесь включить этот рассказ в следующую книгу?

— О, разумеется. Я не из тех скупцов, что отмеряют по капле каждое слово. Мое представление об авторстве весьма щедро. Всякий, кто заплатит мистеру Мюррею гинею, обнаружит, что склад моих знаний распахнут настежь, а вся моя ученость — к его услугам. Читатели могут свободно выбирать то, что им по вкусу.

Мисс Грейстил несколько минут всерьез обдумывала услышанное.

— Конечно, у Аскгласса была причина разгневаться, — заметила она наконец, — но все равно это поступок тирана.

В глубине большой комнаты раздались шаги.

— В чем дело, Фрэнк? — спросил доктор Грейстил.

Фрэнк вступил в круг света.

— Сэр, мы нашли письмо и маленькую шкатулку. И то и другое адресовано мистеру Стрен-

джу. — Фрэнк выглядел взволнованным.

— Так не стой же как истукан. Вот он, мистер Стрендж, рядом. Отдай ему письмо и шкатулку.

И выражение лица, и поведение Фрэнка свидетельствовали об отчаянной внутренней борьбе. Нахмуренный лоб указывал на напряженную работу мысли. Он попытался объяснить хозяину свое беспокойство.

— Дело в том, что и письмо, и шкатулку мы нашли в комнате, на полу. Но дверь в комнату все время была заперта на засов!

— Ну, значит, кто-то отпер ее, Фрэнк, и снова запер. Не придумывай тайн там, где их нет, — сказал доктор Грейстил.

Фрэнк отдал письмо и шкатулку мистеру Стренджу и отступил в темноту, что-то бормоча про себя и спрашивая у встречных стульев и столов, за какого идиота его здесь держат.

Тетушка Грейстил наклонилась к гостю и вежливо пригласила его не церемониться: он среди друзей и может прочитать письмо прямо сейчас. Предложение, хоть и любезное, оказалось несколько излишним, поскольку мистер Стрендж и так уже углубился в чтение.

— Ах, тетушка! — воскликнула тем временем мисс Грейстил, беря в руки шкатулку, которую

Фрэнк поставил на стол. — Только взгляните, какая прелесть!

Небольшая, продолговатой формы шкатулка была изготовлена, вероятно, из серебра и фарфора. Ее прелестный голубой оттенок был не совсем голубым, а скорее сиреневым, но опять-таки не вполне сиреневым, а с сероватым оттенком. Если выражаться совсем точно, она была цвета сердечной боли. По счастью, ни мисс Грейстил, ни тетушка Грейстил не страдали сердечными болями, а потому не узнали этого цвета.

— Она определенно очень хороша, — заметила тетушка. — Итальянская работа, мистер Стрендж?

— Мм? — промычал гость, поднимая глаза от письма. — Не знаю.

— А внутри что-нибудь есть? — продолжала любопытствовать тетушка.

— Думаю, да, — ответила мисс Грейстил, уже начиная открывать коробочку.

— Флора! — Доктор Грейстил, покачав головой, резко одернул дочь.

Ему пришло в голову, что шкатулка может оказаться подарком, который мистер Стрендж намерен преподнести Флоре. Не сказать, что доктору это уж очень нравилось, однако он не

знал, что светский человек вроде мистера Стренджа считает для себя допустимым, и готов был признать свои сомнения признаком некоторой старомодности.

Сам Стрендж, поглощенный письмом, ничего не слышал. Он взял шкатулку и открыл ее.

— Внутри что-нибудь есть, мистер Стрендж? — поинтересовалась тетушка.

Стрендж быстро захлопнул коробочку.

— Нет, мадам, ровным счетом ничего.

Он сунул шкатулку в карман, после чего вызвал Фрэнка и попросил стакан воды.

Вскоре Стрендж покинул Грейстилов и направился прямиком в кофейню на углу Калле-де-ла-Кортезиа. Содержимое шкатулки в первый миг его напугало; он хотел быть среди людей, когда откроет ее во второй раз.

Официант принес бренди. Стрендж сделал глоток и открыл крышку шкатулки.

Сначала ему показалось, что эльф прислал сделанную из воска или какого-то похожего материала копию белого отрезанного пальчика, причем копию очень натуралистическую. Палец был бледный, обескровленный, почти зеленоватый; только возле ногтя сохранился розоватый оттенок. Кто-то очень потрудился, чтобы создать

такую ужасную вещь.

Но лишь дотронувшись до странного предмета, Стрендж понял, что это не воск. Палец был холоден, словно лед, и все же кожа на нем двигалась так же, как кожа на его собственном живом пальце. А под кожей, и на ощупь и взглядом, можно было определить мышцы. Не оставалось сомнения в том, что палец принадлежал человеку. Судя по размеру, ребенку или женщине с очень маленькими, изящными ручками.

«С какой стати волшебник дал ему палец? — недоумевал Стрендж. — Может быть, он принадлежал самому волшебнику? В таком случае этот волшебник был или ребенком, или женщиной».

Стренджу пришло в голову, что когда-то он слышал рассказ о пальце, но сейчас не мог вспомнить, о чем шла речь. Странное дело: он не помнил, что ему говорили, зато помнил кто. Про палец рассказывал Дролайт, потому Стрендж и не обратил на его слова особого внимания. С какой стати Дролайт рассуждал о магии? Ведь он мало о ней знал и еще меньше интересовался.

Волшебник еще раз глотнул бренди. Он-то думал, что если попросит эльфа дать объяснения, то все тайны исчезнут сами собой. А вместо этого возникла новая загадка.

Стрендж задумался о великих английских чародеях и об их волшебных слугах. Мартин Пейл с мастером Уитчерли, мастером Пустодумом и другими. Томас Годблесс с Диком-Приходи-во-Вторник; Меро с Колменом Греем. Но самая знаменитая парочка — это, конечно, Ральф Стокси с Томом Голубое Седло.

Когда Стокси впервые встретил Тома Голубое Седло, тот был дик, необуздан и менее всего на свете желал служить английскому волшебнику. Поэтому Стокси последовал за ним в Страну Фей, в замок Тома[141]. Там он расхаживал невидимым и сумел узнать множество интересных вещей[142]. Стрендж не думал, будто история в том виде, в каком она дошла до детей и историков магии, точно описывает действительные события. И все

---

[141] Примечания: 141

Brugh, древнее слово на языке сидов, означает дом эльфа и обычно переводится как «замок» или «усадьба», но в действительности подразумевает внутреннюю часть кургана или полого холма.

[142] Примечания: 142

Стокси призвал Тома Голубое Седло в свой дом в Эксетере. Когда эльф трижды кряду отказался ему служить, Стокси сделал себя невидимым и вслед за Томом Голубое Седло вышел из города. Том Голубое Седло направился по волшебной дороге и вскоре пришел в страну, совсем не похожую на Англию. Возле озера с неподвижной водой высился бурый холм. Том Голубое Седло произнес какое-то слово, после чего в холме открылась дверь, и он вошел внутрь. Стокси последовал за ним.

Внутри холма Стокси обнаружил заколдованный зал, в котором все присутствующие танцевали. Он дождался, когда одна из танцующих дам окажется недалеко от него, и кинул ей под ноги заколдованное

яблоко. Дама подняла его. Конечно, яблоко было самым красивым и вкусным из всех когда-либо существовавших во всех мирах. Съев его, жительница Волшебной страны возжаждала еще одного, точно такого же. Она посмотрела вокруг, но не заметила второго яблока.

— Кто прислал это мне? — спросила она.

— Восточный ветер, — прошептал в ответ Стокси.

Следующей ночью Стокси опять отправился за Томом Голубое Седло в волшебный холм. Снова увидел танцующих и бросил даме яблоко. В ответ на ее вопрос, кто его прислал, Стокси опять ответил: «Восточный ветер». На третью ночь он не выпускал яблоко из рук. Дама оставила танцующих и оглянулась.

— Восточный ветер! Восточный ветер! — зашептала она. — Где мое яблоко?

— Скажи мне, где спит Том Голубое Седло, — прошептал в ответ Стокси, — и я дам тебе яблоко.

И дама ответила, что он спит глубоко в земле, в самой северной части бруга.

В следующие ночи Стокси воплощался в западный, северный и южный ветры и с помощью волшебных яблок уговаривал обитателей холма сообщить другие сведения о Томе Голубое Седло. Пастух поведал, какие животные охраняют Тома Голубое Седло во время сна: дикая свинья и еще более дикий козел. Нянька Тома Голубое Седло сообщила, что во сне тот обязательно сжимает в руке некий очень важный волшебный камешек. А от мальчика-слуги Стокси узнал, какие три слова Том Голубое Седло произносит по утрам, когда просыпается.

Таким образом Стокси узнал довольно, чтобы приобрести власть над Томом Голубое Седло. Но еще до того, как он успел воспользоваться новыми знаниями, Том Голубое Седло сам явился к волшебнику и сказал, что готов ему служить.

А было так: Том Голубое Седло узнал, что о нем расспрашивали восточный, западный, северный и южный ветры. Он не знал, чем потревожил покой таких важных особ, и тем не менее очень испугался, а потому союз с могущественным и ученым английским волшебником неожиданно показался ему куда более привлекательным.

же в ней, несомненно, заключалась доля правды. Возможно, Стокси удалось проникнуть в замок Тома Голубое Седло и тем доказать, что с ним стоит иметь дело. Так почему бы ему самому не предпринять то же самое? В конце концов, эльф ничего не знает о его умениях и достижениях. Неожиданный визит послужит отличным доказательством мастерства.

Стрендж обратился мыслями к тому туманному, снежному дню в Виндзоре, когда их с королем едва не заманили в Страну Фей. Они увидели лес и в глубине его огонек: окна какого-то старинного дома. Дороги Короля, без сомнения, привели бы его туда, но — даже если забыть обещание, данное Арабелле, — неинтересно было искать джентльмена с помощью старого колдовства. Хотелось чего-то нового и волнующего. Следующая встреча с эльфом должна была отличаться той уверенностью и вдохновением, которые дарят новые заклинания.

«Страна Фей всегда близко, — подумал он, — и есть тысяча способов туда попасть. Неужели мне не удастся найти ни одного?»

Он знал одно хорошее заклинание: оно прокладывает путь между любыми двумя людьми, упомянутыми волшебником. Заклинание было

старое, очень близкое к магии эльфов. Те дороги, которые оно прокладывало, несомненно, могли пересечь границы миров. Раньше Стрендж никогда его не использовал, а потому не представлял, как будет выглядеть дорога и как он по ней пойдет. И все же волшебник верил, что сможет это сделать, а потому пробормотал нужные слова, совершил необходимые жесты, а в качестве двух людей, между которыми должна пролечь дорога, назвал себя и джентльмена с волосами как пух.

Что-то сдвинулось, как всегда при начале волшебства. Казалось, открылась, а потом закрылась невидимая дверь, а он остался по другую сторону. А может, просто все здания в городе повернулись кругом. Судя по всему, магия сработала безупречно. Что-то явно произошло — однако результата Стрендж не видел и задумался, что делать дальше.

«Возможно, беда в восприятии, — подумал он. — Я знаю, как это исправить. Не хотелось, конечно, но, может быть, еще один раз не сильно повредит».

Из нагрудного кармана волшебник достал настойку безумия. Официант принес стакан воды. Стрендж бережно капнул туда одну-единственную каплю и залпом выпил содержимое

стакана.

Оглянувшись, он впервые заметил слегка светящуюся полосу. Она начиналась у его ног и шла по кафельному полу кофейни к выходу. Подобные линии он часто создавал в серебряных чашах с водой. Если смотреть прямо, полоса исчезала, а если удерживать ее на краю зрения, появлялась снова.

Стрендж расплатился с официантом и вышел на улицу.

— Что ж, крайне любопытно, — произнес он вслух.

55. Второй увидит сокровище свое в руках недруга

Ночь со 2 на 3 декабря 1816 года

Казалось, что рок, который всегда угрожал Венеции, настиг ее в одно мгновение, однако город затопила не вода, а деревья. Темные призрачные деревья заполнили улицы, площади и даже каналы. Стены не смогли противостоять их натиску. Ветки пронзали камень и стекло. Корни проникали глубоко под мостовую. Статуи и колонны опутал плющ. Внезапно — во всяком случае, так показалось Стренджу — стало гораздо тише и темнее. Лампы и свечи исчезли за длинными бородами омелы, а плотное сплетенье веток закрыло луну.

Странное дело: обитатели города словно не видели перемен. Стрендж много читал о том, что люди могут, к счастью для себя, не замечать творимой вокруг магии, однако сам впервые стал свидетелем такого явления. Подмастерье булочника нес на голове целый поднос горячих хлебов. Стрендж с интересом наблюдал, как парень ловко огибает деревья, даже не подозревая об их при-

сутствии, и всякий раз вовремя уворачивается от веток, которые грозят выколоть ему глаза. Дама и господин, наряженные, словно на бал или в игорный дом, в плащах и масках, шли под руку, перешептываясь, по Салицццада-Сан-Мойзе. Путь им преграждало огромное дерево. В последний миг они совершенно естественно разошлись, обогнули дерево с разных сторон и снова взяли друг друга под руку.

Стрендж шел туда, куда вела его сияющая линия, — по аллее к набережной. Деревья росли даже там, где город уже кончался, и линия тянулась прямо сквозь чащу.

Он не ведал, как шагнет в море. Венеция не знает пологих пляжей, бережно, дюйм за дюймом, вводящих вас в воду; каменный мир города заканчивается набережной, и Адриатика немедленно вступает в свои права. Стрендж понятия не имел, какая здесь глубина, но не сомневался, что утонуть здесь можно. Оставалось надеяться, что сияющая тропинка, по которой он пробрался через лес, убережет его и в воде.

И в то же время его согревала тщеславная мысль, насколько лучше Норрелла он годится для этого приключения. Тот бы ни за что не шагнул в море. Он даже промокнуть боится. Кто сказал, что

волшебник должен обладать хитростью иезуита, смелостью солдата и смекалкой вора? Фраза мыслилась как оскорбление, но в ней, несомненно, присутствовала доля правды.

Он шагнул с набережной.

Море внезапно сделалось эфемерным, словно сон, а лес приобрел прочность и основательность. Скоро море стало лишь бледным серебристым мерцанием среди темных деревьев, а соленый бриз смешался с запахами ночного леса.

Стрендж с гордостью подумал, что он первый волшебник, входящий в Страну Фей за последние триста лет[143]. Мысль чрезвычайно порадовала его; даже захотелось, чтобы кто-нибудь увидел его подвиг и оценил по достоинству. Он почувствовал, как устал от книг и научных опытов, как мечтал о том времени, когда работа волшебника превратится в путешествия по неведомым землям. Впервые со времени битвы при Ватерлоо он действительно что-то делал. Тут в голову пришла трезвая мысль: надо не рассуждать и не гордиться собой, а как можно внимательнее смотреть по

[143] Примечания: 143

Последним из английских волшебников по своей воле Страну Фей посетил доктор Мартин Пейл. Он много путешествовал по этим землям. А до него последний визит в Волшебную страну состоялся в середине XVI века.

сторонам в поисках новых знаний. Поэтому он принялся пристально изучать все вокруг.

Лес походил на английский, хоть и не повторял его в точности. Деревья были слишком старые, слишком толстые, очень необычной формы. Складывалось впечатление, что каждое из них имеет собственный характер, свою любовь, ненависть, желания и страсти. Они словно привыкли к людскому уважению и рассчитывали, что с ними ничего не сделают, не спросив прежде их мнения.

«Этого, — подумал Стрендж, — и следовало ожидать. Что ж, хорошее напоминание, что здешний мир не похож на мой собственный. Те, кого я встречу, будут задавать вопросы. Захотят меня обмануть». Он начал представлять возможные вопросы и придумывать умные ответы. Страха не было; сейчас его не испугал бы и дракон. За два дня он так далеко продвинулся, что готов был покорить любое препятствие.

Минут через двадцать сияющая линия привела его к дому. Стрендж сразу узнал его; в Виндзоре он видел этот дом так же ясно. Впрочем, что-то изменилось. В Виндзоре дом выглядел ярко освещенным и приветливым, теперь изумлял бедностью и унынием. Окон было много, но все

маленькие, а главное — темные. Дом оказался гораздо больше, чем Стрендж ожидал, — в реальном мире таких огромных не встретишь. «Такой большой дом может быть у русского царя, — подумал он, — да, возможно, у папы римского. Точно не знаю. Никогда не был ни в России, ни в Риме».

Дом окружала высокая стена. Сияющая линия упиралась в нее. Входа Стрендж не видел. Он применил заклинание откровения Ормскирка, а сразу вслед за ним щит Тайлемаха для безопасного прохода по заколдованным территориям. Удача по-прежнему была на его стороне: сразу открылась прежде незаметная маленькая калитка. Стрендж вошел и оказался в просторном сером дворе. Повсюду в свете звезд белели кости. Некоторые скелеты были в ржавых доспехах; убившее их оружие застряло между ребер или в глазницах.

Стрендж наблюдал Бадахос и Ватерлоо, потому не смутился при виде нескольких древних скелетов. Было даже интересно — сейчас он действительно ощутил себя в Стране Фей.

Несмотря на ветхость и заброшенность, дом определенно выглядел волшебным. Стрендж вновь произнес заклинание откровения Ормскирка. Дом преобразился, и стало понятно, что

он лишь частично сложен из камня. Вторая его часть, поначалу казавшаяся стенами, башнями и контрфорсами, теперь выглядела как большая гора земли — настоящий холм.

—

Это *бруг*! — в волнении вскричал Стрендж[144].

Он прошел сквозь низкую дверь и немедленно оказался в просторной зале, заполненной танцующими дамами и кавалерами. Гости были одеты с немыслимой роскошью, само же помещение выглядело исключительно ветхим. В одном углу часть стены обвалилась и лежала грудой камней. Мебели было мало, да и та жалкая, свечи — самые дешевые, играли лишь один скрипач и один флейтист.

Никто не обратил на Стренджа внимания, а потому он спокойно остановился возле стены и начал наблюдать за происходящим. Во многих отношениях веселье было ему ближе и понятнее, чем, например, те *conversazione*[145], которые случалось посещать в Венеции. Манеры присутствующих напоминали английские, а сам танец вызывал в памяти контрдансы, которые дамы и

---

[144] Примечания: 144
См. гл. 54, примеч. 4.

[145] Примечания: 145
Итальянские светские приемы *(ит.)*.

господа из Ньюкасла и Пензанса отплясывают раз в неделю.

Стрендж вспомнил, что когда-то обожал танцы; Арабелла тоже их любила. Однако после войны в Испании он уже не танцевал с ней, да, впрочем, и вообще не танцевал. В Лондоне, куда бы он ни приходил — на бал или в правительственное учреждение, — окружающие втягивали его в разговоры о магии. Танцевала ли Арабелла с другими? Стрендж попытался вспомнить, спрашивал ли ее об этом. «Если и спрашивал, — со вздохом подумал он, — то ответов определенно не слушал. Ничего вспомнить не могу».

— Боже милостивый, сэр! Что вы здесь делаете?

Стрендж с удивлением обернулся. К одному он готов не был: что первым, кого он здесь встретит, окажется дворецкий сэра Уолтера Поула. Как его зовут? Сэр Уолтер сотни раз называл его по имени. Саймон? Самюэль?

Дворецкий крепко схватил Стренджа за руку и затряс изо всех сил. Он казался чрезвычайно возбужденным.

— Ради бога, сэр, что же вас сюда привело? Разве вы не знаете, как он вас ненавидит?

Стрендж открыл было рот, чтобы дать один из

умных советов, однако тут же засомневался. Кто его ненавидит? Норрелл?

Тут дворецкого унес сложный рисунок танца. Вот он мелькнул уже в противоположном конце зала. Взгляд его казался укоризненным, даже сердитым, словно он упрекал Стренджа, что тот все еще здесь.

«Странно, — подумал волшебник. — И тем не менее именно так все и должно быть. Должны происходить самые неожиданные события. Вполне возможно, что это вовсе и не дворецкий Поула. Может быть, просто кто-то из эльфов в его обличье. Или магическая иллюзия».

Он принялся оглядывать танцующих, пытаясь разыскать своего эльфа.

— Стивен! Стивен!

— Я здесь, сэр! — Стивен обернулся и совсем рядом увидел джентльмена с волосами как пух.

— Здесь волшебник! Он явился к нам! Что ему нужно?

— Не знаю, сэр.

— Он пришел, чтобы уничтожить меня! Знаю!

Стивен не верил своим ушам. До сих пор он считал джентльмена совершенно неуязвимым. И тем не менее вот он, охвачен трепетом.

— Но зачем ему это, сэр? — попытался успо-

коить Стивен. — Скорее он пришел сюда, чтобы спасти… забрать домой жену. Может быть, нам все-таки следует освободить миссис Стрендж от чар и отпустить ее с мужем? И леди Поул тоже. Пусть миссис Стрендж и леди Поул вернутся в Англию, сэр. Отдайте их волшебнику. Уверен, что это умерит его гнев. И не сомневаюсь, что смогу его убедить.

— Что? О чем ты говоришь? Миссис Стрендж? Нет-нет, Стивен! Ты заблуждаешься! Правда! Он даже не упоминал о нашей дорогой миссис Стрендж. Мы с тобой, Стивен, умеем ценить общество такой женщины. А он — нет. Он уже совсем забыл ее. У него теперь новая любовь — очаровательная молодая дама, чье присутствие, надеюсь, скоро украсит наши балы. В мире нет никого ветренее англичан. Нет, поверь мне! Он явился затем, чтобы меня уничтожить! Как только он потребовал у меня палец леди Поул, я понял, что он куда умнее и хитрее, нежели я предполагал! Дай мне совет, Стивен. Ты долгие годы живешь среди англичан. Что делать? Как защититься? Как наказать подобное злодейство?

Стивен пытался рассуждать трезво, преодолевая тяжесть и туман чар. Он не сомневался, что настал решающий миг. Еще ни разу джентльмен

не просил его помощи так открыто. Наверняка можно как-то повернуть ситуацию в свою пользу. Но как? Кроме того, опыт подсказывал, что настроения джентльмена переменчивы; он самое непостоянное существо в мире. Одно неудачное слово — и страх превратится в ненависть, гнев и ярость. Если Стивен сейчас совершит ошибку, то не освободит себя и других, более того, навлечет на них гибель. В поисках вдохновения он внимательно оглядел зал.

— Что же мне делать, Стивен? — стонал тем временем джентльмен. — Что делать?

Взгляд Стивена привлекла знакомая фигура: под черным сводом арки стояла фея в черной вуали до пят. Она никогда не танцевала, а лишь легким шагом проплывала среди танцующих. Стивен ни разу не видел, чтобы дама с кем-нибудь разговаривала, а если вдруг оказывалась поблизости, он всегда ощущал слабый, но совершенно отчетливый запах кладбищ, земли и склепов. Всякий раз его передергивало, однако несла она зло сама, была проклята или то и другое одновременно, Стивен сказать не мог.

— В мире живут люди, — собравшись наконец с духом, заговорил он, — для которых жизнь — тяжкая обуза. От мира их отделяет густой черный

занавес. Они совершенно одиноки. Словно тени в ночи, они оторваны от радости, любви и человеческих привязанностей, не способны принести успокоение друг другу. Дни их исполнены тьмой, горем и одиночеством. Вы знаете, кого я имею в виду, сэр… я никого не виню…

Джентльмен смотрел на него в упор, с пристальным, даже яростным вниманием.

— …и я все же не сомневаюсь, что нам удастся отвратить его гнев. Для этого всего лишь требуется освободить…

— О! — воскликнул джентльмен, и глаза его вспыхнули. Он все понял и, подняв руку, знаком приказал Стивену замолчать.

Тот понял, что зашел слишком далеко.

— Простите, — прошептал он.

— Простить? — В голосе джентльмена звучало удивление. — За что? Прощать здесь нечего. Уже много веков никто не разговаривал со мной так прямо; смелость делает тебе честь. Тьма, да! Тьма, горе и одиночество!

Он резко повернулся и скрылся среди танцующих.

Стрендж прекрасно проводил время. Странная противоречивость бала ничуть его не смущала; ее вполне можно было предугадать. Зал, несмот-

ря на бедное убранство, был отчасти иллюзорен. Глаз волшебника безошибочно определил, что по крайней мере часть помещения находится под землей.

Он поймал на себе взгляд одной из дам. Фея была в платье цвета зимнего заката, а в руке держала маленький сверкающий веер, усеянный чем-то вроде хрустального бисера, больше напоминавшего иней на листьях или хрупкие ледяные иголочки на ветвях.

Как раз составлялись пары для следующего танца. Даму никто не пригласил; повинуясь мгновенному порыву, Стрендж поклонился и с улыбкой произнес:

— Здесь меня никто не знает, и представить нас друг другу некому. Тем не менее, мадам, я буду польщен, если вы позволите пригласить вас на танец.

Дама не ответила и не улыбнулась, однако взяла предложенную руку и позволила увлечь себя в круг танцующих. Они заняли место среди других пар и с минуту постояли молча.

— Вы ошибаетесь, говоря, будто здесь вас никто не знает, — внезапно произнесла дама. — Я вас знаю, вы один из двух волшебников, которым предназначено возродить английскую магию. —

Она продолжила, словно повторяя пророчество или что-то еще широко известное: — «Имя одному будет Малодушие, имя другому — Дерзость…» Поскольку вы явно не Малодушие, остается предположить, что вы — Дерзость.

Предположение прозвучало не слишком вежливо.

— Такова моя судьба, — согласился Стрендж. — И она прекрасна!

— Вы так считаете? — Дама искоса взглянула на собеседника. — Тогда почему до сих пор не сделали, что должны?

Стрендж улыбнулся:

— Почему вы считаете, мадам, будто я ничего не сделал?

— Потому что стоите здесь.

— Не понимаю.

— Разве вы не слышали пророчества, когда его вам изрекали?

— Пророчества, мадам?

— Да. Пророчества… — Здесь она назвала имя, однако произнесла его на своем языке, и Стрендж ничего не понял[146].

— Прошу прощения?

---

[146] Примечания: 146

Возможно, это было имя Джона Аскгласса на языке сидов.

— Пророчество Короля.

Стрендж вспомнил Винкулюса: встав из зимних зарослей, тот старательно отряхивал одежду от земли, листьев, семян. Вспомнил, как, стоя на зимней дороге, тот торжественно что-то декламировал. Однако что говорил Винкулюс, Стрендж начисто позабыл. Тогда он не собирался становиться волшебником, а потому и не слушал.

— Мне кажется, я вспоминаю о каком-то предсказании, мадам, — ответил он, — но, по правде говоря, я слышал его давно и не помню. Так что же предрекает нам пророчество? Другому волшебнику и мне?

— Поражение.

От неожиданности Стрендж даже заморгал.

— Я… я не думаю… Поражение? Нет, мадам, нет. Уже поздно. Мы и так самые успешные волшебники со времен Мартина Пейла.

Дама промолчала.

Слишком ли поздно для поражения? Стрендж не мог сказать точно. Он подумал о мистере Норрелле в доме на Ганновер-Сквер, о мистере Норрелле в Хартфью, о мистере Норрелле, выслушивающем комплименты министров и любезно беседующем с принцем-регентом. Забавно, что он черпал уверенность в успехах мистера Норрелла, однако в тот миг ничто не казалось таким же прочным и непоколебимым. Фея, конечно, ошиблась.

Следующие несколько минут они были заняты танцем. Когда строгий порядок музыки снова свел их вместе, дама заметила:

— Очень смело с вашей стороны было сюда явиться!

— Почему? Чего я должен бояться, мадам?

Она рассмеялась:

— Как по-вашему, сколько английских волшебников навечно остались лежать в этом бруге? Под этими звездами?

— Не знаю.

— Сорок семь.

Стрендж невольно поежился.

— Не считая Питера Поркисса. Однако он был не волшебником, а профаном[147].

— Ясно.

— Не притворяйтесь, будто понимаете, о чем я говорю, — резко заявила дама. — Вам не ясно ровным счетом ничего.

Стрендж снова не нашелся что ответить. Она так быстро раздражалась. С другой стороны, что в этом необычного? И в Бате, и в Лондоне дамы очень часто притворяются, будто бранят тех джентльменов, чьего внимания добиваются. Судя по всему, эта особа принадлежит к тому же разряду. Он решил рассматривать суровую манеру просто как вид кокетства. Может быть, это ее немного успокоит? Легко рассмеявшись, волшебник заметил:

— Кажется, вам известно многое из того, что происходило в этом бруге, мадам.

Он ощутил легкий трепет, произнося столь древнее и романтичное слово.

Дама пожала плечами:

---

[147] Примечания: 147

Бедой средневековой Англии было обилие профанов. Слово это, теперь ругательное, означало любого непосвященного, но прежде всего — волшебника-неумеху.

— Я гощу тут четыре тысячи лет[148].

— Я был бы счастлив побеседовать на эту тему, когда сможете найти время.

— Лучше скажите, когда вы сами сможете еще раз найти время! Я готова ответить на все вопросы.

— Вы очень добры. Благодарю.

— Не за что. Значит, ровно через сто лет?

— Что? Простите, не понял…

Однако, судя по всему, дама решила, что и так сказала слишком много, а потому гость не смог добиться он нее ничего, кроме заурядных замечаний относительно бала и танцующих.

Музыка смолкла, и они расстались. За всю жизнь Стрендж еще ни разу не вел такой странной беседы. С какой стати она не верит, что магия в Англии возродилась? И что за глупости насчет сотни лет? Он утешал себя мыслью, что особа, которая почти не покидает древний особняк в глухом темном лесу, вряд ли ясно представляет

---

[148] Примечания: 148

Некоторые авторитетные ученые отмечают, что вечные эльфы нередко ссылаются на значительный период времени, как на «четыре тысячи лет». В данном случае фея всего лишь хочет сказать, что знает эти места давным-давно, с тех незапамятных времен, когда никто и не пытался считать годы, века и тысячелетия. Многие эльфы на вопрос о возрасте ответят, что им четыре тысячи лет, — этим они лишь подчеркнут, что не знают свой истинный возраст, ведь они древнее, чем человеческая цивилизация, а может быть, чем само человечество.

события в мире.

Стрендж присоединился к тем, кто наблюдал за танцами, стоя возле стены. Во время следующей фигуры рядом с ним оказалась особенно хорошенькая дама. Однако с красотой ее лица резко контрастировал глубоко несчастный вид. Она положила руку на плечо партнера, и волшебник заметил, что на очаровательной ручке не хватает мизинца.

«Странно! — подумал он, непроизвольно дотронувшись до кармана, в котором лежала коробочка из серебра и фарфора. — Может быть…» Однако в результате какой цепочки событий некий волшебник мог дать эльфу палец кого-то из его, эльфа, домашних? Логика отсутствовала полностью. Может быть, никакой связи и нет.

Но рука дамы казалась такой маленькой и белой… Сомнений не оставалось — лежащий у него в кармане палец подойдет ей совершенно точно. Стрендж был заинтригован; он решил непременно приблизиться к незнакомке и спросить, как она утратила палец.

Танец закончился. Дама разговаривала с другой особой, стоявшей к нему спиной.

— Прошу меня извинить… — начал Стрендж.

Другая особа обернулась. Перед ним стояла

Арабелла.

На ней было белое платье с накидкой из голубой сетки, украшенной бриллиантами. Они сияли, словно снег на солнце. Такого наряда, таких украшений у нее никогда раньше не было. Прическа сверкала крошечными, похожими на звезды цветами, а вокруг шеи вилась черная бархатная лента.

Арабелла смотрела со странным выражением — во взгляде ее смешались удивление, восторг, неверие и даже страх.

— Джонатан! Посмотри, дорогая, это же Джонатан! — воскликнула она, обращаясь к подруге.

— Арабелла, — заговорил Стрендж.

Не зная, что сказать, он протянул к ней руки, однако она даже не прикоснулась к ним. Словно не отдавая себе отчета, Арабелла отступила на шаг и крепко ухватилась за руку незнакомой дамы, как будто та теперь — ее единственная защита.

Незнакомка, подчиняясь призыву Арабеллы, взглянула на пришельца.

— Обычный мужчина, ничего особенного, — холодно заметила она, потом, словно почувствовав, что пора завершать эту встречу, продолжила: — Пойдем, милая, — и потянула Арабеллу прочь.

— Подожди! — мягко возразила Арабелла. —

Мне кажется, он пришел нам помочь. Ты не думаешь, что такое возможно?

— Не знаю, — с сомнением произнесла незнакомка и снова взглянула на Стренджа. — Нет, вряд ли. Думаю, причина кроется в чем-то другом.

— Да, ты предостерегала меня от бесплодных надежд, — сказала Арабелла, — и я всегда старалась следовать твоему совету. Однако он здесь! Значит, я не ошиблась, думая, что он не сразу меня забудет.

— Забыть тебя! — воскликнул Стрендж. — Арабелла, я…

— Вы явились для того, чтобы спасти нас? — незнакомка неожиданно обратилась прямо к нему.

— Что? — переспросил Стрендж. — Нет, я… поймите, до сих пор я понятия не имел…

Незнакомка раздраженно отвернулась, потом, словно взяв себя в руки, вновь посмотрела на Стренджа:

— Так все-таки вы пришли сюда, чтобы помочь нам или нет? Думаю, вопрос поставлен достаточно просто.

— Нет, — честно ответил Стрендж. — Арабелла, умоляю, поговори со мной. Объясни, что…

— Ну вот, видишь? — Незнакомка почти тор-

жествовала. — Давай найдем тихое местечко, где нам никто не будет мешать. Мне кажется, недалеко от входа я видела свободную скамейку.

Однако Арабелла не хотела уходить так скоро. Она продолжала смотреть на Стренджа с таким выражением, будто разглядывает его портрет, а не живого человека. Наконец она заговорила:

— Знаю, ты не очень-то доверяешь мужчинам, однако…

— Я не доверяю им вообще, — прервала незнакомая дама, — потому что прекрасно знаю, каково это — проводить годы в бесплодных надеждах на помощь того или иного мужчины. Лучше не надеяться совсем, чем разочаровываться вновь и вновь!

Терпение Стренджа лопнуло.

— Простите, что прерываю вас, мадам, — заговорил он, обращаясь к незнакомке, — хотя я и успел заметить, что на протяжении всего разговора вы сами только и делали, что перебивали меня. Боюсь, должен настоять на короткой беседе с собственной женой. Может быть, вы соблаговолите отойти на шаг…

Но ни Арабелла, ни ее подруга не слушали. Обе смотрели немного правее: за плечом у Стренджа неожиданно появился джентльмен с волосами,

как пух на отцветшем чертополохе.

Стивен пробирался сквозь толпу танцующих. Разговор с джентльменом очень его расстроил. Тот принял какое-то решение, однако чем больше Стивен думал, тем отчетливее осознавал, что понятия не имеет, в чем оно состоит.

«Еще не поздно, — бормотал Стивен, протискиваясь вперед, — еще не поздно». Одна часть его души — заколдованная, холодная, безразличная — гадала, что он хотел этим сказать. Не слишком поздно что? Спастись самому? Спасти леди Поул и миссис Стрендж? Спасти волшебника?

Еще никогда ряды танцующих не казались ему такими длинными. В дальнем конце залы вроде бы блеснули волосы, похожие на пух от чертополоха.

— Сэр! — закричал он. — Подождите! Мне очень нужно с вами поговорить!

Освещение внезапно изменилось. Звуки музыки, танцев и разговора смолкли. Стивен оглянулся, ожидая увидеть, что оказался в другом городе или на другом континенте. Однако он по-прежнему стоял посреди залы, только зала эта внезапно опустела: куда-то исчезли и танцующие, и музыканты. Остались трое: он сам, а в некотором отдалении — волшебник и джентль-

мен с волосами как пух.

Волшебник крикнул: «Арабелла!» — и ринулся к темной двери, словно собирался обыскать дом.

— Стой! — закричал джентльмен с волосами как пух.

Волшебник обернулся, и Стивен заметил, что лицо его черно от гнева, а губы движутся так, будто готовы произнести заклинание.

Джентльмен с волосами как пух воздел руки. *Просторную залу заполнила стая птиц. Они появились внезапно, в мгновение ока. А потом так же внезапно исчезли.*

Птицы били Стивена крыльями так сильно, что едва не лишили его возможности дышать. Придя в себя и подняв голову, он заметил, что джентльмен снова воздел руки.

Просторная зала наполнилась летящими, кружащимися листьями. По-зимнему сухие и темные, они носились в порывах неизвестно откуда взявшегося ветра. Они появились внезапно, в мгновение ока. А потом так же внезапно исчезли.

Волшебник растерянно смотрел по сторонам, явно не представляя, как противостоять столь могучей магии.

«Пропал», — невольно подумал Стивен.

Джентльмен с волосами как пух воздел руки в третий раз. *Огромная зала наполнилась дождем — но этот дождь принес не воду, а кровь. Он появился внезапно, в мгновение ока. А потом так же внезапно исчез.*

На этом действие магии закончилось. В следующий миг волшебник куда-то исчез, а джентльмен упал на пол, словно в глубоком обмороке.

— Где волшебник, сэр? — воскликнул Стивен, стремительно подбегая к нему и опускаясь на колени. — Что случилось?

— Я отправил его обратно в морскую колонию Альтинума[149], — хриплым шепотом ответил джентльмен. Он попытался улыбнуться, но улыбка не получилась. — Я сделал это, Стивен! Сделал то, что ты советовал! Мне потребовались все мои силы. Я употребил все старые связи! И все-таки изменил мир! О, я сумел нанести ему такой удар! Тьма, горе и одиночество! Больше он уже нас не потревожит!

Джентльмен хотел торжествующе рассмеяться, но лишь зашелся в надрывном кашле. Придя в себя, он взял Стивена за руку.

— Не волнуйся за меня, Стивен. Я немного

[149] Примечания: 149

Имеется в виду Венеция. Альтинумом звалось римское поселение, на месте которого впоследствии возникла Венеция.

устал, вот и все. Ты человек удивительной проницательности и глубины. Отныне мы с тобой не просто друзья: мы братья! Ты помог мне разгромить врага, а взамен я найду твое имя. Я сделаю тебя королем! — Здесь голос джентльмена с волосами как пух совсем ослаб, превратившись в тень шепота.

— Скажите мне, что вы сделали! — взмолился Стивен.

Однако джентльмен уже закрыл глаза.

Стивен так и стоял на коленях в бальной зале, крепко держа джентльмена за руку. Сальные свечи догорели; все вокруг заполнил мрак.

56. Черная Башня

3–4 декабря 1816 года

Доктор Грейстил спал и видел сон. Во сне его звали; от него требовали что-то сделать. Доктор очень хотел выполнить просьбу, а потому метался туда-сюда, пытаясь найти просителей, но никак не мог отыскать, а они все выкрикивали его имя. Наконец доктор открыл глаза.

— Кто там? — спросил он.

— Фрэнк, сэр.

— В чем дело?

— Пришел мистер Стрендж и хочет с вами поговорить.

— Что-то случилось?

— Он не объяснил, сэр, но мне кажется, да.

— Где он?

— Отказался войти, сэр. Мне не удалось его убедить. Он остался на улице, сэр.

Доктор Грейстил спустил ноги с кровати и резко вздохнул.

— Холодно, Фрэнк, — заметил он.

— Да, сэр.

Фрэнк помог хозяину надеть халат и шлепанцы. Ступая по темному мрамору полов, они вдвоем

направились через анфиладу неосвещенных комнат. Лампа горела лишь в вестибюле. Фрэнк открыл двойные железные двери, взял лампу и вышел на улицу. Доктор Грейстил последовал за ним.

Целый пролет каменных ступеней спускался в кромешную тьму. Лишь запах моря, плеск воды о камень да редкое мерцание темноты напоминали, что внизу, у подножья лестницы, течет канал. Кое-где в окнах и на балконах окружающих домов горели лампы.

— Здесь никого нет! — воскликнул доктор Грейстил. — Где мистер Стрендж?

Вместо ответа Фрэнк молча показал вправо. Под мостом внезапно мигнула лампа, и в ее свете доктор Грейстил увидел ожидающую гондолу. Отталкиваясь шестом, гондольер подвел ее ближе, и доктор Грейстил смог разглядеть пассажира. Несмотря на слова Фрэнка, доктору потребовалось некоторое время, чтобы узнать волшебника.

— Стрендж! — воскликнул он. — Боже милостивый! В чем дело? Я вас не узнал! Мой… мой дорогой друг! — Доктор Грейстил не сразу подобрал слово. За последнее время он начал привыкать к мысли, что скоро они с мистером Стренджем окажутся в куда более близких отно-

шениях. — Идемте в дом! Фрэнк, быстро! Принеси мистеру Стренджу бокал вина!

— Нет! — резким, хриплым, совсем незнакомым голосом возразил Стрендж и что-то быстро сказал по-итальянски гондольеру. На этом языке он изъяснялся куда свободнее самого доктора, и тот не понял, о чем шла речь; однако вскоре смысл слов прояснился сам собой, потому что гондола начала медленно двигаться прочь. — Я не могу войти! — прокричал Стрендж. — Не просите!

— Хорошо, хорошо, но скажите хотя бы, что случилось.

— Я проклят!

— Проклят? Нет, не надо так говорить.

— Я должен это сказать. С начала и до конца я был не прав. Сейчас я попросил гондольера немного подать назад. Неосторожно с моей стороны так близко подходить к вашему дому. Доктор Грейстил, вы непременно должны отослать свою дочь как можно дальше отсюда!

— Флору? Почему же?

— Здесь поблизости есть некто, желающий ей зла.

— Господи! Что вы говорите?

Глаза Стренджа расширились.

— Есть некто, стремящийся обречь ее на жизнь,

полную горя и печали. На рабство и вечное подчинение. Ее могут заточить в древнюю тюрьму, построенную не столько из земли и камня, сколько из холодных колдовских чар! Злобный, жестокий дух! А впрочем, может быть, не настолько и злобный — ведь он просто следует своей природе, которой не может противостоять.

Из этой сбивчивой речи ни доктор Грейстил, ни Фрэнк ровным счетом ничего не поняли.

— Вы больны, сэр, — наконец заключил доктор Грейстил. — У вас жар. Прошу, пойдемте в дом. Фрэнк сделает вам успокоительное питье, и страшные мысли отступят. Пойдемте, мистер Стрендж.

Доктор немного отошел от ступеней, чтобы волшебник мог выйти из гондолы, но тот даже не заметил.

— Я думал… — начал было Стрендж, но внезапно замолчал и молчал так долго, как будто забыл, что собирался сказать. Наконец, словно приняв какое-то решение, волшебник продолжил: — Я думал, что Норрелл лгал лишь мне. Я ошибался. Жестоко ошибался. Оказывается, он лгал всем вокруг. Каждому из нас.

Стрендж вновь что-то сказал по-итальянски гондольеру, и гондола скрылась в темноте.

— Остановитесь! Подождите! — закричал доктор Грейстил, однако было поздно. Он тщетно вглядывался в ночной мрак, надеясь, что Стрендж вернется.

— Догнать его, сэр? — предложил верный Фрэнк.

— Мы даже не знаем, куда он направился.

— Наверняка домой, сэр. Я мог бы пойти туда пешком.

— Что ты ему скажешь, Фрэнк? Он не станет тебя слушать. Нет уж, лучше пойдем к себе. Надо позаботиться о Флоре.

Однако, войдя в дом, доктор Грейстил остановился в полной растерянности. Он как-то резко постарел и ослаб. Фрэнк бережно взял его под локоть и отвел в кухню, вниз по темной каменной лестнице.

Для такого количества мраморных комнат на верхних этажах кухня представлялась очень маленькой. Даже днем она была темной и мрачной. Свет проникал сквозь одно окошко. Оно было устроено высоко, но снаружи располагалось как раз над водой и было закрыто тяжелой железной решеткой. Все это означало, что бóльшая часть комнаты находится ниже уровня воды в канале.

Сейчас, после встречи и странного разговора

с мистером Стренджем кухня казалась самым теплым и дружелюбным местом на свете. Фрэнк зажег свечи, раздул в плите огонь, потом наполнил чайник водой, чтобы приготовить чай и совершенно потрясенному хозяину, и себе.

Доктор Грейстил, глубоко задумавшись, сидел на убогом кухонном табурете и неотрывно смотрел в огонь.

— Когда Стрендж говорил, что кто-то может причинить Флоре серьезный вред… — наконец произнес он.

Фрэнк кивнул, словно уже понял, что последует дальше.

— Я не могу удержаться от мысли, что он имеет в виду себя самого, Фрэнк, — продолжил доктор. — Он боится сделать ее несчастной, а потому приехал, чтобы меня предостеречь.

— Да, сэр, — согласился Фрэнк. — Он приехал, чтобы нас предостеречь, а значит, в душе он добрый человек.

— Он хороший человек, — серьезно заключил доктор Грейстил, — только что-то явно произошло. Это все магия, Фрэнк. Именно она. Очень странная профессия, очень жаль, что он себя ей посвятил. Ну почему он не военный, не юрист, не священник? Что мы скажем Флоре? Она не захо-

чет уезжать, это точно. Не захочет покинуть его. Особенно когда он… когда он так нездоров. Как ей объяснить? Я должен поехать с нею. Однако кто останется в Венеции, чтобы позаботиться о мистере Стрендже?

— Мы с вами останемся здесь, сэр, и будем помогать волшебнику. А Флору надо отослать в сопровождении тетушки.

— Правильно, Фрэнк! Так мы и сделаем!

— Хотя должен заметить, сэр, — тут же прибавил Фрэнк, — что мисс Флора едва ли нуждается в опеке. Она вовсе не похожа на остальных барышень.

Фрэнк долго прожил в семье Грейстил и в полной мере перенял семейную традицию, согласно которой мисс Грейстил приписывались самые выдающиеся качества и способности.

Решив, что больше сегодня все равно не сделаешь, доктор Грейстил и Фрэнк отправились продолжать прерванный сон.

Впрочем, одно дело — строить планы ночью, совсем другое — при свете дня воплощать их в жизнь. Как и предсказывал доктор Грейстил, Флора наотрез отказалась покидать и Венецию, и Джонатана Стренджа. Она не понимала, с какой стати должна уехать.

Потому что мистер Стрендж болен, сказал доктор Грейстил.

Тем больше оснований остаться, объявила Флора. Кто-то должен за ним ухаживать.

Доктор Грейстил попытался намекнуть, что болезнь Стренджа заразна, однако, будучи человеком по натуре честным, врать не умел, а потому Флора ему не поверила.

Тетушка Грейстил тоже не поняла, с какой стати они должны уезжать. Доктор Грейстил не мог противостоять обеим, а потому вынужден был честно рассказать сестре, что произошло ночью. Увы, он не обладал талантом изображать атмосферу событий и не смог передать тот жуткий холод, которым веяло от слов Стренджа. Тетушка поняла одно: мистер Стрендж говорил бессвязно — и, естественно, заключила, что он был пьян. Это, разумеется, дурно, но с джентльменами случается довольно часто и не может служить поводом для отъезда.

— В конце концов, Ланселот, — заключила она, обращаясь к брату, — ты порою в подобном состоянии вел себя и похуже. Однажды мы обедали у Сиксмитов, и ты отказывался ехать домой, пока не попрощаешься со всеми курами. А потом вышел во двор и начал по одной вытаскивать их

из курятника. Куры разбежались, и добрую половину съела лиса. Я никогда не видела Антуанетту такой сердитой.

(Антуанеттой звали покойную жену доктора.)

История была старая и очень неприятная. Доктор Грейстил слушал с растущим раздражением.

— Ради всего святого, Луиза! — гневно воскликнул он. — Я врач! Неужто я не отличу пьяного от трезвого?

Позвали Фрэнка. Тот помнил все случившееся куда точнее, чем доктор Грейстил. Образ Флоры, навечно заточенной в темницу, перепугал тетушку. Теперь она не меньше других стремилась увезти племянницу из Венеции. Однако тетушка настояла на том, что не пришло в голову ни доктору, ни слуге: потребовала сказать Флоре правду.

Флора Грейстил тяжело перенесла известие, что мистер Стрендж лишился рассудка. Поначалу она склонялась к мысли, что они ошибаются, и даже когда ее убедили в истинности событий, не могла понять, каким образом он может причинить ей зло и зачем так уж необходимо покидать Венецию. Однако девушка видела, что и отец, и тетушка не успокоятся, пока она не уедет, поэтому с огромной неохотой дала согласие на отъезд.

Вскоре после отъезда дам доктор Грейстил

сидел в одной из холодных мраморных комнат палаццо. Он согревался при помощи стаканчика бренди, собираясь с духом, чтобы пойти к Стренджу. Тут вошел Фрэнк и сказал что-то про темную башню.

— Что? — переспросил доктор. Он был не в настроении гадать, что такое несет его слуга.

— Подойдите к окну, сэр, я вам покажу.

Доктор Грейстил поднялся из кресла и прошел к окну.

В самом центре Венеции что-то возвышалось. Больше всего оно походило на исполинскую черную башню. Основание башни, должно быть, занимало площадь в несколько акров, вершина терялась в небесах. Издалека ее цвет казался равномерно черным, а поверхность гладкой, однако порой она становилась прозрачной, словно сотканной из черного дыма. Можно было разглядеть здания, стоящие за башней, и, что самое удивительное, *внутри* ее.

Ничего загадочнее доктору Грейстилу видеть не приходилось.

— Откуда она взялась, Фрэнк? И что с теми домами, которые стояли здесь раньше?

Не успел слуга ответить на этот и многие другие вопросы, как в дверь громко, как-то очень

официально постучали. Фрэнк отправился открывать. Вернулся он в сопровождении целой группы людей, ни одного из которых доктор раньше не видел. Здесь было двое священников, двое или трое молодых людей военной выправки в ярких мундирах, обильно украшенных золотым шитьем. Самый представительный из молодых людей сделал шаг вперед. Мундир на нем был богаче других, а лицо украшали пышные светлые усы. Он представился полковником Венцелем фон Оттенфельдом, секретарем австрийского губернатора города. Затем представил своих спутников: офицеры, как и он сам, были австрияки, священники — венецианцы. Сам этот факт не мог не вызвать у доктора Грейстила удивления: венецианцы люто ненавидели австрияков и представителей двух народов редко можно было увидеть вместе.

— Вы есть герр доктор? — спросил полковник фон Оттенфельд. — Друг *Hexen-meister*[150] великого Веллингтона?

Доктор Грейстил признался, что это он.

— Ах, герр доктор! Сегодня мы есть молители у ваших ног! — Физиономия фон Оттенфельда при-

---

[150] Примечания: 150
Колдун *(нем.)*.

няла скорбное выражение, усиленное длинными обвислыми усами.

Доктор Грейстил крайне удивился, услышав такие слова.

— Мы пришли сегодня… чтобы просить вас… — Фон Оттенфельд нахмурился и щелкнул пальцами. — *Vermittlung. Wir bitten Ihre Vermittlung. Wie kann man das sagen?*

Присутствующие посовещались, как следует перевести данное слово. Один из священников предложил «ходатайство».

— О да, да, — с готовностью согласился фон Оттенфельд. — Мы просить вашего ходатайства от нашего имени перед *Hexen-meister* великого Веллингтона. Герр доктор, мы имеем высоко ценить заслуги *Hexen-meister* великого Веллингтона. Однако сейчас *Hexen-meister* великого Веллингтона сотворить ужас. Большое бедствие! Жители Венеции боятся. Многие должны бросать дома и уехать!

— Ах! — сочувственно воскликнул доктор Грейстил.

Он на минуту задумался и тут наконец понял, в чем дело.

— Вы считаете, мистер Стрендж имеет отношение к Черной Башне!

— Нет! — возразил фон Оттенфельд. — Нет, это не есть башня. Это есть Ночь. Ужасное бедствие!

— Прошу прощения? — Доктор Грейстил взглянул на Фрэнка, словно прося помощи, но Фрэнк только пожал плечами.

Один из священников, изъяснявшийся по-английски более прилично, объяснил, что сегодня утром солнце взошло над всеми частями города, кроме прихода Санта-Мария-Дзобениго, то есть того района, в котором жил мистер Стрендж. Там продолжала царить ночная тьма.

— Зачем *Hexen-meister* великого Веллингтона это сделать? — спросил фон Оттенфельд. — Мы не имеем знать и просим вас пойти туда, герр доктор. Попросите его, пожалуйста, вернуть солнце на Санта-Мария-Дзобениго. А еще попросите, пусть он больше не делать колдовство в Венеции.

— Конечно, я выполню вашу просьбу, — ответил доктор Грейстил. — Все очень прискорбно. Уверен, что мистер Стрендж сделал это не нарочно, что произошла какая-то ошибка, тем не менее охотно сделаю все, что в моих силах.

— Ах! — взволнованно воскликнул священник, который хорошо изъяснялся по-английски, и поднял руку, словно боялся, что доктор Грейстил сию минуту побежит на Санта-Мария-Дзобени-

го. — Но вы ведь возьмете с собой слугу? Вы не пойдете туда один?

Валил густой снег. Все краски Венеции слились в оттенки серого и черного. Площадь Сан-Марко казалась бледной гравюрой на белой бумаге. Она пустовала. Доктор Грейстил и Фрэнк с трудом пробирались по снегу. Доктор Грейстил нес фонарь, а Фрэнк держал над головой доктора черный зонт.

Сразу за площадью высился Черный Столп Ночи. Они прошли под аркой Атриума и между притихшими домами. Темнота начиналась на середине маленького моста. Странно и жутко было видеть, как косо падающие снежные хлопья пропадают во мраке — как будто он живой и жадными губами хватает их на лету.

Они последний раз обернулись на безмолвный белый город и вступили во Тьму.

Улицы обезлюдели. Все жители прихода уехали к родственникам и друзьям, в другие районы города. Однако венецианские кошки, которые, как любые кошки, все делают по-своему, как раз собрались на Санта-Мария-Дзобениго, чтобы потанцевать, поиграть и поохотиться в бесконечной ночи, которая казалась им особенным праздником. В темноте кошки то и дело пробегали мимо доктора Грейстила и Фрэнка, и

несколько раз доктор ловил на себе взгляд горящих глаз из подворотни.

В доме, где снимал квартиру Стрендж, было тихо, как и вокруг. Они постучали, покричали, но никто не открыл. Дверь оказалась не заперта, и они вошли. В доме тоже царила Тьма. На ощупь найдя лестницу, англичане поднялись на верхний этаж, в комнатку, где волшебник занимался магией.

После всего случившегося они ожидали увидеть нечто из ряда вон выходящее: например, мистера Стренджа, беседующего с демонами или осаждаемого видениями. Обычность картины несколько обескуражила их. Комната выглядела как обычно. Горело множество свечей, приветливо грела железная печка. Стрендж сидел за столом, склонившись над серебряным блюдом, из которого прямо ему в лицо бил яркий белый свет. Волшебник не поднял голову, даже не взглянул на вошедших. В углу мирно тикали часы. По-прежнему везде валялись книги, бумаги и прочие необходимые вещи. Стрендж провел кончиком пальца по поверхности воды, потом дважды очень аккуратно дунул на нее. Повернувшись, что-то записал в блокноте.

— Стрендж, — окликнул доктор Грейстил.

Тот поднял голову. Он не выглядел таким безумным, как в прошлую ночь, однако в глазах сохранилось загнанное выражение. Долгим взглядом, словно не узнавая, смотрел волшебник на доктора.

— Грейстил, — наконец-то пробормотал он, — что вы здесь делаете?

— Да вот, пришел проведать вас. Беспокоюсь.

Стрендж ничего не ответил и, вновь повернувшись к серебряной чаше, совершил над нею несколько пассов. Однако результат явно его не удовлетворил. Волшебник взял стакан и налил в него немного воды, потом достал из нагрудного кармана крошечную бутылочку и аккуратно капнул в стакан две капли ее содержимого.

Доктор Грейстил внимательно за ним наблюдал. Этикетки на бутылочке не было; янтарная жидкость могла оказаться чем угодно.

Стрендж заметил пристальный взгляд доктора.

— Полагаю, вы собираетесь сказать, чтобы я этого не пил. Не трудитесь! — С этими словами он опрокинул в рот содержимое стакана. — Узнав причину, вы и сами предпочли бы смолчать.

— Нет-нет, что вы, — возразил доктор Грейстил самым любезным тоном — тем, каким разговари-

вал с наиболее трудными пациентами. — Уверяю, даже и не собирался говорить ничего подобного. Я всего лишь хочу узнать, все ли у вас в порядке. Не больны ли вы? Прошлой ночью мне показалось, что вам нездоровится. Возможно, я посоветовал бы какое-нибудь лекарство?

Он замолчал, ощутив пронизавший все вокруг странный запах — сухой, пряный аромат, смешанный с другим, неприятным, протухшим, явно животного происхождения. Самое же странное заключалось в том, что доктор узнал запах: так пахло в комнате, где жила старуха — сумасшедшая старуха с множеством кошек.

— Моя жена жива, — произнес Стрендж. Голос его звучал хрипло и незнакомо. — Ха! Вот так! А вы и не знали!

Доктор Грейстил похолодел. Если бы Стрендж нарочно хотел напугать его еще больше, то должен был бы сказать эти самые слова.

— Все твердили, что она умерла! — продолжал Стрендж. — Уверяли, будто ее похоронили! Сам не понимаю, как я мог так поддаться. Ее же просто заколдовали. Украли у меня! Вот для чего мне необходимо *это*!

Он помахал бутылочкой с янтарной жидкостью, словно готов был выплеснуть ее в лицо

гостю.

Доктор Грейстил и Фрэнк одновременно попятились.

— Все в порядке, — прошептал Фрэнк на ухо хозяину. — Все хорошо. Я не позволю ему на вас напасть. Не волнуйтесь, справлюсь.

— Я не могу вернуться туда, в тот дом, — продолжал Стрендж. — Он выгнал меня и не пускает обратно. Деревья сомкнутся и не дадут прохода. Пробовал самые разные заговоры против колдовских чар, ни одно не действует. Ни одно…

— Вы колдуете с прошлой ночи? — поинтересовался доктор Грейстил.

— Что? Да, конечно!

— Мне очень неприятно это слышать. Вам следует хорошенько отдохнуть. Боюсь, вы не очень отчетливо помните события…

— Ха! — снова воскликнул Стрендж с самой горькой иронией. — Что вы такое говорите? Я до конца дней не смогу забыть даже малейшей подробности!

— Вы уверены? Твердо уверены? — продолжал доктор тем же умиротворяющим тоном. — Ну, не стану скрывать, что ваше появление меня встревожило. Вы были сам не свой. Разумеется, это следствие переутомления. Возможно, если бы я…

— Простите, доктор Грейстил, но, как я только что объяснил, моя жена *заколдована*; она — пленница подземного мира. И как бы мне ни хотелось продолжать разговор, есть дела куда более срочные!

— Очень хорошо. Ради бога, успокойтесь. Наш приход вас излишне взволновал. Сейчас мы уйдем, а завтра навестим снова. Однако, прежде чем покинуть вас, должен сказать, что сегодня утром губернатор прислал ко мне делегацию. Он почтительно просит вас на некоторое время воздержаться от колдовства…

— Не колдовать? — Стрендж дико расхохотался — холодным, злым, безрадостным смехом. — Вы просите меня остановиться? Невозможно! Для чего же Бог создал меня волшебником?

Он повернулся к чаше и вновь принялся рисовать таинственные знаки.

— Ну тогда хотя бы избавьте квартал от этой неестественной ночи. Ради меня. Ради нашей дружбы. Ради Флоры.

Рука Стренджа застыла, так и не закончив жеста.

— О чем вы? Какая неестественная ночь? Что в ней неестественного?

— Ради бога, Стрендж! Сейчас же уже почти

полдень!

Стрендж на секунду замолчал. Посмотрел в черное окно, оглядел освещенную комнату, перевел взгляд на доктора Грейстила.

— Не имел ни малейшего понятия, — пораженно прошептал он. — Поверьте! Это не я!

— Кто же в таком случае?

Стрендж не ответил; он невидящим взглядом смотрел прямо перед собой.

Доктор Грейстил опасался, что дальнейшие расспросы относительно происхождения тьмы лишь разозлят волшебника, и спросил просто:

— Вы можете вернуть свет?

— Не… не знаю. — В ответе Стренджа прозвучала искренняя растерянность.

Доктор Грейстил пообещал зайти на следующий день, а в качестве лучшего лекарства порекомендовал крепкий здоровый сон.

Стрендж не слушал, однако, когда доктор повернулся к двери, схватил его за руку и прошептал:

— Можно один вопрос?

Доктор молча кивнул.

— Вы не боитесь, что она погаснет?

— Что погаснет? — не понял Грейстил.

— Свеча. — Стрендж показал на лоб гостя. — Свеча у вас в голове.

Тьма за окном с каждой минутой становилась все более угрожающей. Доктор и слуга молча пробирались по ночным улицам. Наконец, дойдя до западного конца площади Сан-Марко, оба вздохнули с облегчением: здесь начиналась обычная жизнь, полная дневного света и движения.

Доктор заговорил первым:

— Я решил не сообщать губернатору о состоянии его рассудка. Бог знает, что сделают австрияки. Пошлют солдат его арестовать или придумают еще что-нибудь похуже. Просто скажу, что сейчас он не может упразднить ночь, однако вовсе не собирается причинять городу зло — в этом я полностью уверен и рассчитываю в самом скором времени на него повлиять.

На следующее утро, когда взошло солнце, приход Санта-Мария-Дзобениго по-прежнему лежал во мраке. В половине девятого Фрэнк отправился за молоком и рыбой. Хорошенькая черноглазая крестьянка, торговавшая молоком с барки на канале Сан-Лоренцо, уже знала его и не скупилась ни на улыбки, ни на разговоры. Наполнив молоком кувшин, она сразу поинтересовалась: *«Hai sentito che lo stregone inglese è pazzo?»* (Слышали, что английский волшебник — сумасшедший?)

В рыбных рядах у Большого канала рыбак про-

дал Фрэнку три кефали и едва не забыл взять деньги — настолько увлекся разговором с соседом. Обсуждали животрепещущую тему: из-за чего английский волшебник сошел с ума — из-за того, что англичанин, или из-за того, что волшебник?

На обратном пути Фрэнк увидел двух бледных монахинь, которые старательно терли мраморные ступени церкви. Те дружелюбно пожелали ему доброго утра и не преминули добавить, что собираются молиться за бедного сумасшедшего английского волшебника. Возле самого дома из-под сиденья гондолы вылез огромный белый кот, выпрыгнул на набережную и выразительно глянул на Фрэнка. Тот ждал, когда кот скажет что-нибудь про Джонатана Стренджа, но кот промолчал.

— Как такое могло произойти? — недоумевал, садясь в кровати, доктор Грейстил. — Неужели Стрендж выходил из дома и с кем-нибудь разговаривал?

Фрэнк не знал. Он снова отправился на улицу в надежде навести справки. Выяснилось, что сам волшебник не покидал своей комнатенки на верхнем этаже дома возле площади Санта-Мария-Дзобениго, однако вчера, примерно в пять

вечера, лорд Байрон (а надо заметить, он единственный рассматривал Вечную Ночь как своего рода развлечение) нанес ему визит. Волшебник колдовал и болтал о свечах, ананасах, длящихся веками танцах и дремучих лесах, которыми заросли улицы Венеции. Вернувшись домой, Байрон поделился новостью с любовницей, квартирным хозяином и слугой. Все трое оказались людьми общительными, склонными проводить время в больших компаниях, и уже к утру круг посвященных стремительно расширился.

— О, разумеется! Лорд Байрон! Совсем забыл! — воскликнул доктор Грейстил. — Надо предупредить его, чтобы поменьше болтал.

— Боюсь, уже поздно, — резонно заметил Фрэнк.

Доктору пришлось в очередной раз согласиться с правотой слуги. Тем не менее он чувствовал, что должен спросить совета у кого-нибудь еще. А кто поможет лучше, чем близкий друг Стренджа? В тот же вечер, тщательно одевшись, Грейстил сел в гондолу и направился в палаццо графини Альбрицци. Графиня, умная и проницательная гречанка зрелых лет, написала несколько книг о скульптуре. Однако больше всего она любила давать *convesazione*, или вечера, на которых

встречались и вели беседы модные и образованные люди. Джонатан Стрендж раз-другой бывал на ее приемах; доктор Грейстил до сего дня не считал нужным тратить на них время.

Гостя провели в изысканную залу с мраморными полами, расписными потолками и множеством статуй. Возле окна собрались дамы — они полукругом сидели вокруг графини. Мужчины сгруппировались у противоположной стены. Едва войдя в комнату, доктор почувствовал, что все взгляды устремлены на него. Некоторые гости даже не стеснялись показывать пальцем и что-то шептать собеседникам. Сомнений не оставалось — здесь тоже обсуждают поведение мистера Стренджа и опустившуюся на город тьму.

У окна в одиночестве стоял красивый невысокий мужчина с темными волнистыми волосами и полными, чувственными губами. У женщины такие губы были бы неотразимыми, в мужчине — просто необычными. И сложением, и тщательностью костюма, и цветом волос человек несколько напоминал Кристофера Дролайта — однако исключительно умного Дролайта. Ни секунды не сомневаясь, доктор Грейстил подошел ближе.

— Лорд Байрон?

Джентльмен быстро обернулся посмотреть, кто произнес его имя. Увидев скучного дородного англичанина средних лет, он не выразил ни малейшего восторга. Однако он не мог отрицать, что имя названо верно.

— Да?

— Меня зовут Грейстил. Я друг мистера Стренджа.

— А! — воскликнул его милость. — Тот самый врач, у которого дочь-красавица?

Теперь пришел черед доктора почувствовать неудовольствие, что один из самых знаменитых ловеласов Европы так говорит о его дочери. Однако он не мог отрицать, что Флора действительно красавица, к тому же сейчас было не до обид. Так что Грейстил сразу притупил к делу:

— Я был у Стренджа. Подтвердились мои худшие опасения — он повредился в уме.

— Да, — согласился Байрон. — Несколько часов назад я к нему заходил. Он не мог говорить ни о чем, кроме своей покойной жены и того, что на самом деле она не умерла, а заколдована. И вот он погрузился во тьму и занялся черной магией! Восхитительно, не правда ли?

— Восхитительно? — переспросил доктор. — Скорее прискорбно! Так вы думаете, тьму создал

Стрендж? Сам он это отрицает.

— Ну разумеется! — воскликнул Байрон. — Черный мир под стать его Черному Духу. Кому из нас порою не хочется задуть солнце? Разница в том, что сделать это способен лишь волшебник.

Доктор Грейстил задумался.

— Наверное, вы правы, — согласился он. — Вероятно, он сотворил тьму, а потом просто забыл. Судя по всему, он не всегда помнит свои слова и поступки. Скажем, он забывает наши прежние разговоры.

— А, да-да, конечно, — равнодушно подтвердил его милость, словно и сам охотно забыл бы о беседе с доктором. — А вы знаете, что он написал письмо шурину?

— Нет, не слышал.

— Именно так. Зовет его приехать в Венецию и встретиться с покойной сестрой.

— И как по-вашему, тот согласится? — с сомнением проговорил доктор Грейстил.

— Понятия не имею! — Тон лорда Байрона красноречиво указывал на неуместность самого предположения: неужели величайший поэт эпохи станет вникать в подобные житейские мелочи? Последовало минутное молчание, потом его милость заметил уже более естественным то-

ном: — Если честно, мне кажется, он не приедет. Я читал письмо Стренджа. Оно полно несвязных измышлений, которые никто, кроме сумасшедшего или волшебника, понять не сможет.

— Как печально! — заметил доктор Грейстил. — Крайне печально. Еще позавчера мы вместе гуляли. Он казался таким жизнерадостным! Не могу понять, как можно всего за одну ночь перейти от полного здравомыслия к полной невменяемости. Скорее всего, существует какая-то естественная причина. Возможно, инфекция…

— Чепуха! — решительно возразил Байрон. — Причина-то как раз исключительно метафизического свойства. Заключается она в той пропасти, которая разделяет истинное состояние человека и то, к которому он стремится, в борьбе духа и плоти. Простите, доктор Грейстил, но в этих делах я имею вполне достаточный опыт, а потому могу говорить со знанием дела.

— Но… — доктор нахмурился и замолчал, словно собираясь с мыслями, — дело в том, что тяжелый период миновал. Мистеру Стренджу очень хорошо работалось.

— Могу сказать одно: до того, как помешаться на покойной жене, он был одержим Джоном Аскглассом. Наверное, вы тоже заметили? Мне

крайне мало известно об английской магии, а сами волшебники всегда казались кучкой скучных стариков. Единственное исключение — Джон Аскгласс. Он — совсем иное дело! Волшебник, подчинивший себе обитателей Иноземья![151] Единственный, кому удалось победить смерть! Маг, которого сам Люцифер вынужден был признать ровней! И всякий раз, как Стрендж сравнивал себя с этим титаном — а он не мог не сравнивать время от времени, — он осознавал себя тем, кто он есть: жалкой приземленной посредственностью! И вот достижения, столь ценимые на заброшенном островке[152], рассыпаются в прах. Как тут не впасть в отчаянье! Кто смертен, тот не должен искать того, что за пределом смерти. — Байрон замолчал, словно пытаясь запомнить последнюю фразу, чтобы потом вставить в поэму. — В сентябре, в швейцарских горах, на меня самого напала подобная меланхолия. Я бродил, каждые пять минут слыша гром обвалов, — казалось, Бог вознамерился меня уничтожить! Душа разрывалась от бессмертных устремлений. А порою боль становилась настоль-

---

[151] Примечания: 151
Поэтичное наименование Страны Фей.

[152] Примечания: 152
Лорд Байрон имеет в виду Великобританию.

ко острой, что хотелось пустить себе пулю в лоб. Единственное, что удержало от безумного шага, — мысль об удовольствии, которое моя смерть доставит теще.

Меньше всего на свете доктора Грейстила волновала судьба лорда Байрона, так что тот мог спокойно застрелиться, когда пожелает. Однако сама идея встревожила доктора.

— Вы считаете, он может себя убить?

— О, разумеется!

— Что же делать?

— Что делать? — Вопрос поэта прозвучал эхом. — А почему вы считаете, будто необходимо что-то *делать*? — несколько озадаченно добавил он, затем, видимо решив, что речь уже и так слишком долго идет о другом человеке, перевел разговор на собственную персону. — Вообще-то, доктор Грейстил, я рад, что судьба свела меня с вами. Дело в том, что я прихватил из Англии собственного врача, однако уже в Генуе был вынужден его уволить. А сейчас мне кажется, что начинают качаться зубы[153]. С чего бы это? Взгляните-ка! — Байрон открыл рот и оскалился.

Доктор Грейстил осторожно дотронулся до

---

[153] Примечания: 153

См. письмо Байрона к Августе Ли от 28 октября 1816 года.

крупного, очень белого и крепкого зуба.

— Они совершенно здоровы, — заметил он.

— О, вы так считаете? Боюсь, это ненадолго. Я старею. Чахну и сам это чувствую. — Поэт тяжело вздохнул, но тут же, словно подумав о чем-то более радостном, добавил: — А знаете, история со Стренджем подоспела как раз вовремя. Я сочиняю поэму о маге, который силится противостоять Необоримым Духам, вершащим его судьбу. Конечно, в качестве прототипа для мага Стрендж не совершенство; ему недостает истинно героических черт характера. Но ничего, здесь я для яркости добавлю кое-что из собственной индивидуальности.

Мимо прошла очаровательная молодая итальянка. Байрон моментально склонил голову под каким-то странным углом, прикрыл глаза и вообще принял такой вид, будто вот-вот зачахнет от хронического несварения желудка. Доктору оставалось лишь предположить, что поэт хочет продемонстрировать прекрасной особе байронический профиль и байроническое выражение лица.

57. Черные письма[154]

Декабрь 1816 года

Санта-Мария-Дзобениго, Венеция

Джонатан Стрендж — преподобному Генри Вудхоупу

3 декабря 1816 г.

Мой дорогой Генри!

Приготовься прочесть удивительную новость. *Я видел Арабеллу*. Видел ее и говорил с ней. Разве это не прекрасно? Разве это не лучшее из всех возможных известий? Ты не поверишь. Не поймешь, как такое может быть. Однако это не сон, не пьяный бред, не приступ безумия и не действие опиума. Рассуди сам: стоит только принять, что на прошлое Рождество в Клане

---

[154] Примечания: 154

Поздние венецианские письма Стренджа (в частности, письма к Генри Вудхоупу) получили такое название во время первой публикации в Лондоне в январе 1817 года. Юристы и исследователи магии спорят и, без сомнения, будут спорить о законности этой публикации. Сам Джонатан Стрендж определенно не давал согласия на издание писем; Генри Вудхоуп также утверждает, что не разрешал их публиковать. Последний вдобавок заявил, что письма претерпели изменения и дополнения, сделанные, судя по всему, Генри Лассельсом и Гильбертом Норреллом. Джон Сегундус утверждает, что в «Жизнеописании Джонатана Стренджа» напечатал эпистолярное наследие волшебника в том варианте, который они с Вудхоупом считают оригинальным, — он здесь и приводится.

мы оказались частично заколдованными, как все сразу становится вероятным и возможным. Согласись, есть немалая ирония в том, что как раз я и не распознал магию. В свою защиту могу сказать только, что колдовство было совершенно неожиданной природы и исходило из непредвиденного источника. И все же, к своему огромному стыду, вынужден признать: другие оказались куда сообразительнее. Джон Хайд сразу почувствовал неладное и пытался меня предупредить, а я не захотел его слушать. Даже ты, Генри, упрекнул меня, что я слишком погрузился в книги, пренебрегая и обязанностями, и вниманием к жене. Однако я не прислушался к твоим словам, а несколько раз даже позволил себе ответить довольно грубо. Теперь я очень об этом сожалею и покорно прошу прощения. Вини меня, сколько считаешь нужным, все равно сам я сужу себя куда строже. Но пора обратиться к сути дела. Ты крайне необходим мне здесь, в Венеции. Арабелла совсем недалеко отсюда, однако она не в состоянии покинуть место своего заключения, а я не могу проникнуть туда, к ней — по крайней мере, [несколько строк густо зачеркнуто]. Венецианские друзья очень добры, но одолевают меня вопросами. Слуги у меня нет, и по некоторым

причинам мне трудно передвигаться по городу незамеченным. Рассказать подробнее не могу. Мой дорогой, добрый Генри, пожалуйста, как можно скорее приезжай в Венецию. Наградой за доверие послужит сама Арабелла, возвращенная нам обоим в добром здравии. Для чего же еще, если не для этого, Бог создал меня величайшим волшебником эпохи?

Твой брат,
С.

Санта-Мария-Дзобениго, Венеция

Джонатан Стрендж — преподобному Генри Вудхоупу

6 декабря 1816 г.

Мой дорогой Генри!

После того как я отослал тебе первое письмо, меня замучили угрызения совести. Ты знаешь, я никогда тебе не лгал, не лгу и лгать не собираюсь, однако должен признать, что не рассказал довольно, чтобы ты получил ясное представление о нынешнем положении и состоянии Арабеллы. Да, она не мертва, но… [12 строчек зачеркнуты и не поддаются расшифровке]… под землей, внутри холма, который они называют бругом. Жива и не совсем жива, но и не мертва — *заколдована*. С незапамятных времен они похищают христиан,

чтобы обратить в слуг, или, как в данном случае, заставляют их принимать участие в собственных тоскливых развлечениях: танцах, пирах, бесконечных пустых торжествах. Однако главный и самый горький упрек, который я бесконечно обрушиваю на собственную голову, заключается в том, что я предал Арабеллу — ту, которую был призван оберегать и защищать.

Санта-Мария-Дзобениго, Венеция

Джонатан Стрендж — преподобному Генри Вудхоупу

15 декабря 1816 г.

Мой дорогой Генри!

Так грустно признаваться, но у меня появились еще более серьезные основания для беспокойства, чем те, о которых я писал в прошлом письме[155]. Делаю все, что могу придумать, дабы разрушить оковы ее мрачной тюрьмы, однако совершенно безуспешно. Ни одно известное науке заклинание не способно пробить и малую брешь в столь древних чарах. Вероятно, во всем английском

[155] Примечания: 155

Письмо, о котором идет речь, так и не было найдено. Возможно, Стрендж просто его не отправил. По словам лорда Байрона (письмо Джону Мюррею от 31 декабря 1816 года), Стрендж имел обыкновение писать друзьям длинные письма, а потом их уничтожать. Сам волшебник признавался поэту, что очень быстро забывал, какие из своих писем отсылал, а какие — нет.

каноне просто нет заклятий такой мощи. Даже рассказы о том, чтобы волшебникам удавалось освободить пленников Страны Фей, чрезвычайно редки. Вернее, я не помню ни одного подобного случая. В одной из книг Мартин Пейл описывает, что порою эльфы устают от присутствия земных гостей и без предупреждения выдворяют их из бруга. Несчастные пленники оказываются в родных краях, но через сотни лет после того, как их покинули. Может быть, так и будет. Арабелла вернется в Англию через много лет после твоей и моей смерти. Одна эта мысль леденит мне кровь. Не стану скрывать: мне сейчас очень плохо; самая черная меланхолия целиком поглотила мою душу. Время со мной не в ладах. Круглые сутки царит глухая полночь. У меня были и настенные часы, и карманные — я разбил и те и другие. Не мог вынести, что они надо мной насмехались. Я не сплю, не могу есть. Пью много вина — и кое-чего еще. Время от времени, очевидно, теряю рассудок. Трясусь, смеюсь и плачу одновременно. Как долго это длится, не знаю — возможно, час, а может быть, и весь день. Впрочем, довольно. Суть дела в безумии. Очевидно, я первым из английских волшебников это осознал. Норрелл прав: мы можем обойтись без помощи эльфов. Он сказал,

что у сумасшедших много общего с эльфами, но тогда ни я, ни он сами толком не понимали всей важности этих слов. Генри, если бы ты только знал, как отчаянно мне тебя здесь не хватает. Почему ты все не приезжаешь? Может быть, заболел? Я не получил ответа ни на одно из своих писем, но, возможно, ты уже в пути и эти строки тебя не застанут.

— Тьма, горе и одиночество! — торжествующе воскликнул джентльмен. — Вот что я наслал на него и вот что предстоит ему в ближайшие сто лет! О, как он раздавлен! Как окончательно повержен! Я победил! Победил!

Глаза триумфатора сияли, он радостно хлопал в ладоши.

В комнате Стренджа, на верхнем этаже большого дома в приходе Санта-Мария-Дзобениго, горели три свечи: одна на столе, вторая на крашеном комоде, а третья — в настенном канделябре недалеко от двери. Стороннему наблюдателю могло бы показаться, что это единственный свет на земле. За окном лежали мрак и безмолвие. Стрендж, давно не бритый, с воспаленными красными глазами, колдовал.

Стивен наблюдал за ним с жалостью и ужасом.

— И все же он не так одинок, как мне бы хоте-

лось, — недовольно пробурчал джентльмен. — У него какой-то гость.

И впрямь: невысокий темноволосый человек в богатом наряде, опершись на комод, с живым интересом наблюдал за действиями волшебника. Время от времени он вынимал из кармана записную книжку и что-то отмечал.

— Это лорд Байрон, — узнал Стивен.

— Кто он такой?

— Очень скверный джентльмен, сэр. Поэт. Поссорился с женой и соблазнил собственную сестру.

— Неужели? Так, может, мне его убить?

— О, пожалуйста, сэр, не надо! Действительно, грехи его чрезвычайно велики и Англию он покинул не по своей воле, однако…

— Мне нет дела до его преступлений против других! Меня волнуют его преступления против меня! Ему здесь не место. Ах, Стивен, Стивен! Ну не принимай же такой ошеломленный вид. Какое тебе дело до того, что будет с одним-единственным скверным англичанином? Послушай, я вот что сделаю: ради любви к тебе я его не убью. Пусть поживет еще — ну, еще лет пять! А уж после

этого ему придется расстаться с жизнью![156]

— Спасибо, сэр, — признательно произнес Стивен. — Вы — сама щедрость.

Совершенно неожиданно Стрендж поднял голову и закричал:

— Я знаю, что вы здесь! Можете прятаться сколько душе угодно, но я все равно вас чувствую!

— С кем это вы разговариваете? — поинтересовался Байрон.

Стрендж нахмурился:

— За мной следят. Шпионят!

— Правда? И вы знаете, кто именно?

— Эльф и дворецкий!

— Дворецкий? — со смехом переспросил его милость. — И впрямь, что ни говори о чертях и гоблинах, дворецкие будут пострашней!

— Что-что? — не понял Стрендж.

Джентльмен с волосами как пух беспокойно окинул взглядом комнату:

— Стивен, ты не видишь моей маленькой шкатулки?

— Маленькой шкатулки, сэр?

— Да-да! Ты прекрасно понимаешь, о чем я.

---

[156] Примечания: 156
Байрон умер от простуды ровно через пять лет в Греции.

Шкатулка с мизинцем моей дорогой леди Поул!

— Нет, сэр, ее нигде не видно. Но зачем вам шкатулка? Ведь вы же победили волшебника.

— А, вот она! — воскликнул джентльмен. — Видишь? Ты положил руку на стол и случайно накрыл ладонью шкатулку.

Стивен убрал руку со стола. Через мгновение он заметил:

— Вы ее не забрали.

Джентльмен не ответил. Он просто снова начал радоваться собственной победе, не забывая при этом обвинять и унижать волшебника.

«Шкатулка больше ему не принадлежит, — взволнованно подумал Стивен. — Он не может ее взять! Теперь это собственность волшебника. Может быть, с ее помощью удастся как-нибудь освободить леди Поул?»

Стивен выжидал, наблюдая, что предпримет волшебник. Спустя полчаса ему пришлось признать, что надежда весьма эфемерна. Стрендж слонялся по комнате, с безумным видом бормоча какие-то мудреные заклинания. Лорд Байрон поинтересовался, чем тот занимается, но в ответ волшебник пролепетал что-то совершенно дикое и невразумительное (хотя, судя по всему, ответ пришелся его милости по вкусу). Что до шкатул-

ки, на нее Стрендж так ни разу и не взглянул. Скорее всего, он просто о ней забыл.

58. Генри Вудхоуп наносит визит

Декабрь 1816 года

— Вы совершенно правильно поступили, придя ко мне, мистер Вудхоуп. Я изучил венецианские письма мистера Стренджа самым тщательным образом и, помимо того ужаса, который вы справедливо отмечаете, увидел в них многое, чего обыватель просто-напросто не заметит. Скажу без всякого тщеславия: на сегодняшний день я единственный в Англии способен правильно истолковать слова вашего зятя.

Разговор происходил в сумерках дня за три до Рождества. В библиотеке дома на Ганновер-Сквер еще не зажигали ни ламп, ни свечей. Было то странное время дня, когда небо светится разноцветными яркими красками, а улицы сумрачны и темны. Даже ваза на столе и цветы в ней казались черными.

Мистер Норрелл сидел у окна, держа в руке письма Стренджа. Лассельс расположился возле камина и смотрел на Генри Вудхоупа холодным взглядом.

— Должен сказать, с той минуты, как получил первое письмо, я в полной растерянности, —

признался Генри Вудхоуп. — Не знал, к кому обратиться за помощью. Честно говоря, магия меня не интересует. Я не следил за модными спорами на эту тему. Однако все в один голос утверждают, что вы — величайший волшебник в Англии; вы когда-то учили мистера Стренджа. А посему, сэр, буду крайне признателен за любой совет.

Мистер Норрелл кивнул.

— Не вините мистера Стренджа, — произнес он. — Профессия волшебника, как никакая другая, чревата опасностями тщеславия. И политика, и юриспруденция в сравнении с ней — детские забавы. Поймите, мистер Вудхоуп, я изо всех сил стремился оградить и направить своего ученика. Однако его гений — тот самый, что так нас восхищает, — увлек его разум на ложный путь. Эти письма ясно показывают, что он заплутал куда сильнее, чем мог предположить даже я.

— Заплутал? Так вы не верите, что моя сестра жива?

— Ни единому слову, сэр, ни единому слову. Все это лишь его собственные несчастные фантазии.

— А! — воскликнул Генри Вудхоуп и тут же замолчал, словно пытаясь взвесить собственные разочарование и облегчение. Наконец он на-

шел силы заговорить: — А как насчет странного сетования мистера Стренджа на то, что время остановилось? Что вы можете об этом сказать, сэр?

Здесь в беседу вступил Лассельс:

— Из сообщений наших итальянских корреспондентов мы делаем вывод, что в течение нескольких недель мистера Стренджа окружает вечная тьма. Неизвестно, впрочем, сотворил ли он ее нарочно, или это невольное следствие какого-то заклинания. Вполне вероятно, что ваш родственник разгневал некую великую силу — и вот результат. Определенно можно утверждать одно: какое-то действие мистера Стренджа нарушило естественный порядок вещей.

— Понимаю, — отозвался Генри Вудхоуп.

Лассельс сурово взглянул на него:

— Именно этого мистер Норрелл всегда пытался избежать.

— А, — произнес Генри. Затем повернулся к самому мистеру Норреллу. — Что мне делать, сэр? Надо ли ехать к нему, как он умоляет?

Мистер Норрелл поморщился:

— Я считаю, что первостепенная задача — решить, каким образом вернуть его в Англию, где друзья смогут приглядеть за ним и снять опасное

наваждение.

— Может быть, вы напишете ему письмо, сэр?

— О нет. Боюсь, что уже давно исчерпал тот небольшой запас влияния на мистера Стренджа, которым располагал. Все испортила война в Испании. До вояжа на полуостров он прислушивался к моим советам и с охотой учился, но затем… — Норрелл вздохнул. — Нет, нам придется полагаться исключительно на вас, мистер Вудхоуп. Именно вам предстоит убедить его вернуться домой. Ваша поездка в Венецию лишь продлит его пребывание в этом городе и убедит нашего друга, что хотя бы один человек на свете принимает его фантазии всерьез. Посему я со всей ответственностью рекомендую вам воздержаться от путешествия.

— О сэр, должен признаться, что очень рад слышать подобные слова. Я последую вашему совету, а если вы соблаговолите отдать мне письма, то и задерживать вас больше не стану.

— Мистер Вудхоуп, — снова вмешался Ласселъс, — ради бога, не спешите так! Наша беседа еще не закончена. Мистер Норрелл ответил на все ваши вопросы искренне и без утайки. Отплатите той же монетой!

Генри Вудхоуп слегка нахмурился; такой пово-

рот его явно озадачил.

— Мистер Норрелл снял камень с моей души, и я рад был бы его отблагодарить. Однако не совсем понимаю…

— Возможно, я недостаточно ясно выразился, — прервал Лассельс. — Разумеется, я имею в виду, что мистеру Норреллу ваша помощь необходима, чтобы, в свою очередь, помочь Стренджу. Что еще вы можете рассказать о его поездке в Италию? В каком настроении он был до того, как впасть в это печальное состояние? Казался ли он жизнерадостным и спокойным?

— О нет! — негодующе воскликнул Генри, словно вопрос содержал какое-то оскорбление. — Смерть моей сестры чрезвычайно его потрясла! Во всяком случае, на первых порах. Поначалу он был очень несчастен. Однако по приезде в Геную все изменилось… Сейчас он ничего об этом не пишет, но в то время письма его изобиловали хвалебными одами одной молодой особе; она принадлежит к семейству, с которым он вместе путешествовал. Я уже начал подозревать, что он подумывает о новой женитьбе.

— О новой женитьбе! — воскликнул Лассельс. — И так скоро после смерти вашей сестры? Как возмутительно! И как, должно быть, обидно

для вас!

Вудхоуп печально кивнул.

После непродолжительной паузы Лассельс продолжил наступление:

— Полагаю, до того он не проявлял такой заинтересованности в обществе других дам? То есть, я хочу сказать, при жизни супруги? Это наверняка доставило бы миссис Стрендж немало горьких минут.

— Нет-нет, что вы, разумеется, нет! — горячо возразил Генри.

— Прошу прощения, я не хотел вас обидеть, равно как и не подразумевал ни малейшего неуважения к вашей дорогой сестре, самой очаровательной женщине на свете. Однако, знаете ли, подобное случается, тем более среди джентльменов с определенным складом ума.

Лассельс протянул руку к столу, на котором лежали письма Стренджа к Вудхоупу, и, перебрав их, нашел нужное.

— Вот в этом письме, — начал он, просматривая листок, — наш друг пишет следующее: «Джереми сообщил мне, что ты не выполнил мою просьбу. Впрочем, неважно. Джереми исполнил ее сам: все так, как я и предполагал».

Лассельс положил письмо и мило улыбнулся

мистеру Вудхоупу:

— О чем мистер Стрендж вас просил? Что вы не сделали? Кто такой Джереми и о каком результате речь?

— Мистер Стрендж… мистер Стрендж просил меня, ни много ни мало, вскрыть гроб сестры, — с трудом выговорил Генри и опустил глаза. — Разумеется, этого сделать я не мог. Потому Стрендж и обратился к своему слуге, Джереми Джонсу, человеку без всяких моральных устоев.

— И что же, этот самый Джонс действительно эксгумировал тело?

— Да. У него в Клане есть друг, могильщик. Они вдвоем выкопали гроб. Не буду описывать свои чувства при известии о том, что это все-таки случилось.

— Да-да, понимаю. И что они обнаружили в могиле?

— Что они могли обнаружить в могиле, кроме тела моей бедной сестры? Тем не менее они предпочли сообщить, что его там нет. Сочинили смешную сказку.

— И что именно они сказали?

— Я не повторяю бредни слуг.

— Конечно, конечно! Но мистер Норрелл попросил бы вас на секунду отступить от своих

благородных принципов и рассказать все как есть — искренне и открыто. То есть точно так же, как он сам отвечал на ваши вопросы.

Генри Вудхоуп закусил губу. Ему потребовалось не меньше минуты, чтобы собраться с духом.

— Они заявили, что в могиле, в гробу, лежало полено, кусок черного дерева.

— А тела не было? — едва слышно уточнил Лассельс.

— А тела не было, — эхом повторил Вудхоуп.

Лассельс взглянул на мистера Норрелла. Мистер Норрелл смотрел на свои руки.

— При чем тут смерть моей сестры? — нахмурившись, поинтересовался Генри и, повернувшись к мистеру Норреллу, добавил: — Из того, что вы изволили сказать ранее, я заключил, что в смерти Арабеллы не было ничего экстраординарного. Насколько мне удалось понять, магия здесь не играла никакой роли?

— О, напротив! — возразил Лассельс. — Магия определенно имела место. Сомневаться не приходится. Вопрос лишь в том, чья это была магия.

— Прошу прощения? — не понял Генри.

— Для меня это слишком глубокие материи, — заявил Лассельс. — Лишь мистер Норрелл способен в них разобраться.

Генри растерянно переводил взгляд с одного джентльмена на другого.

— Кто сейчас с мистером Стренджем? — спросил Лассельс. — Полагаю, его слуги?

— Нет. Думаю, слуги того дома, в котором он квартирует. А дружит он с одной английской семьей. Довольно странные, на мой взгляд, люди. Обожают путешествовать — и джентльмен, и дамы.

— А фамилия их…

— Грейстоуны или Грейфилды. Точно не помню.

— И откуда они, то ли Грейстоуны, то ли Грейфилды?

— Не знаю. По-моему, Джонатан мне этого не писал. Насколько я понял, джентльмен служил корабельным врачом, а жена его, ныне покойная, была француженка.

Лассельс молча кивнул. Сумерки сгустились настолько, что Генри Вудхоуп уже не мог разглядеть лиц собеседников.

— Вы выглядите бледным и усталым, мистер Вудхоуп, — заметил Лассельс. — Может быть, вам не на пользу лондонский климат?

— Я очень плохо сплю. С тех пор как начали приходить эти письма, мне постоянно снятся

кошмары.

Лассельс понимающе кивнул:

— Иногда человек держит в сердце такое, что ни за что на свете не скажет вслух, даже наедине с собой. Вы очень любите мистера Стренджа, не так ли?

Генри Вудхоуп явно растерялся, что вполне простительно: ведь он не имел ни малейшего понятия, к чему клонит Лассельс. Однако вслух он произнес лишь следующее:

— Благодарю за совет, мистер Норрелл. Я поступлю так, как вы сказали. Ну а теперь мне можно забрать письма?

— Что до писем, — опять вмешался Лассельс, — то мистер Норрелл просил бы оставить их на некоторое время в его распоряжении. Он считает, что из них можно немало почерпнуть.

Генри Вудхоуп собрался было возразить, однако ему не дали произнести ни слова.

— Мистер Норрелл думает лишь о благе Стренджа! — укоризненно воскликнул Лассельс. — Все исключительно ради него самого!

Вот так и случилось, что Генри Вудхоуп оставил письма мистеру Норреллу.

Едва посетитель ушел, Лассельс заметил:

— Наш следующий шаг — послать в Венецию

своего человека.

— Да, — согласился Норрелл. — Я очень хочу узнать истинное положение вещей.

— Отлично. — Лассельс коротко и презрительно усмехнулся. — Истинное…

Норрелл стрельнул маленькими острыми глазками, но продолжения не последовало.

— Не знаю, кого мы сможем туда послать, — заговорил волшебник. — Италия слишком далеко. Насколько мне известно, путешествие растянется недели на две. Отпускать на такой срок Чилдермасса я не хочу.

— Хм, — неопределенно произнес Лассельс. — Я имел в виду вовсе не Чилдермасса. Более того, против его поездки можно привести целый ряд возражений. Вы сами подозревали его в симпатии к Стренджу. Так что мне представляется крайне нежелательным, чтобы эти двое оставались вместе в чужой стране — там, где они могут сговориться против нас. Нет, я знаю, кого надо послать!

На следующий день слуги Лассельса отправились в различные районы Лондона. Они посетили даже самые неприглядные места, в частности трущобы Сент-Джайлс, Севен-Дайлс и Саффрон-хилл. В богатых и роскошных районах они тоже

побывали — на Голден-Сквер, в Сент-Джеймс и Мэйфере. В итоге им удалось собрать странную, пеструю компанию: портных, перчаточников, шляпников, сапожников, ростовщиков (их оказалось очень много), судебных приставов, владельцев питейных заведений. Все эти люди явились в дом Лассельса на Брутон-стрит, где их впустили на кухню (вполне понятно, что хозяин не захотел принимать подобных посетителей в гостиной). Лассельс спустился собственной персоной и каждому заплатил определенную сумму, якобы переданную кем-то другим. Холодно улыбнувшись, он пояснил, что это пожертвование. Действительно, почему бы не проявить благотворительность накануне Рождества?

Три дня спустя, как раз в день святого Стефана, в Лондон внезапно приехал герцог Веллингтон. Уже больше года его светлость жил в Париже, где командовал союзной оккупационной армией. Сверх того, можно было без особого преувеличения утверждать, что на самом деле герцог правит Францией. В те дни особенно живо обсуждалось, должна ли армия союзников остаться во Франции, или лучше распустить солдат по домам (как хотели французы). Герцог весь день провел с министром иностранных дел, лордом

Каслри, обсуждая насущные проблемы, а вечером приехал пообедать с министрами в дом на Гровенор-Сквер.

Обед только начался, как вдруг наступила пауза (редчайший случай, когда собираются вместе так много политиков), словно каждый ждал, когда беседу начнет кто-нибудь другой. Премьер-министр, лорд Ливерпуль, нервно откашлялся и произнес:

— Может быть, вы еще не слышали, но из Италии пишут, что Стрендж сошел с ума.

Герцог застыл, так и не успев поднести ложку ко рту, потом молча обвел взглядом присутствующих и лишь после этого продолжил есть суп.

— Судя по всему, новость не слишком вас огорчила, — заметил лорд Ливерпуль.

Его светлость промокнул губы салфеткой.

— Нет, — ни секунды не сомневаясь, ответил он, — нисколько не огорчила.

— А не расскажете почему? — поинтересовался сэр Уолтер Поул.

— Мистер Стрендж настолько эксцентричен, что может казаться сумасшедшим. Полагаю, у нас не привыкли к волшебникам.

Министров, однако, довод не убедил. Они стали доказывать, что Стрендж безумен: верит, будто

его жена не умерла, у людей в голове горят свечи. Еще они рассказали, что в Венецию теперь невозможно ввозить ананасы.

— Те, кто доставляет фрукты в город, — пояснил лорд Сидмут, маленький, сморщенный, словно высохший, человечек, — утверждают, что ананасы вылетают из их лодок, словно ядра из пушки. Разумеется, в Венецию привозят не только ананасы, но и другие фрукты — яблоки, груши и прочее, — и в этих случаях все проходит тихо и мирно. А вот летающие ананасы уже ранили несколько человек. И главное, никто не понимает, за что волшебник невзлюбил именно этот фрукт.

И вновь рассказ не произвел на герцога никакого впечатления.

— Это ровным счетом ничего не доказывает, — парировал он. — В Испании мистер Стрендж откалывал и не такое. А если он и впрямь сошел с ума, значит у него были все основания. Послушайте моего совета, джентльмены, не волнуйтесь по пустякам.

Наступило молчание; министры обдумывали слова герцога Веллингтона.

— Вы хотите сказать, что Стрендж сошел с ума по собственной воле? — с сомнением произнес

наконец чей-то голос.

— Весьма вероятно, — ответил герцог.

— Зачем? — поинтересовался кто-то еще.

— Понятия не имею. В Испании мы быстро научились ни о чем его не спрашивать. Рано или поздно выяснялось, что якобы несуразные действия — часть колдовства. Дайте ему работать и ничему не удивляйтесь — вот основное правило обращения с волшебником, милорды.

— Да, но ваша милость знает еще не все, — энергично вступил в обсуждение первый лорд адмиралтейства. — Утверждают, что он окружил себя вечной тьмой. Да, да! Мистер Стрендж нарушил естественный порядок вещей, и целый район Венеции погрузился в бесконечную ночь!

— Даже вы, ваша светлость, при всей симпатии к этому человеку, должны признать, что вечная тьма до добра не доведет, — снова подал голос лорд Сидмут. — Какую бы пользу он ни принес стране, мы не можем утверждать, будто вечная тьма — благо!

Лорд Ливерпуль вздохнул:

— Мне очень жаль, что так получилось. С мистером Стренджем всегда было очень легко общаться; он разговаривал, словно самый обычный человек. Я всегда надеялся, что он сможет

толковать нам действия Норрелла. А теперь вдруг оказалось, что кто-то должен толковать нам действия самого Стренджа.

— Можно спросить мистера Норрелла, — предложил лорд Сидмут.

— Сомневаюсь, что мы услышим непредвзятое мнение, — возразил сэр Уолтер Поул.

— Так что же делать? — спросил первый лорд адмиралтейства.

— Надо написать австриякам, — с характерной решимостью заявил герцог Веллингтон. — Напомнить о горячем интересе, который испытывают к судьбе мистера Стренджа и принц-регент, и британское правительство. Подчеркнуть, сколь многим обязана Европа искусству и знаниям этого выдающегося волшебника. Сообщить, что малейший причиненный ему вред вызовет наше огромное неудовольствие.

— О! — воскликнул лорд Ливерпуль. — Тут я никак не могу с вами согласиться, ваша светлость! Мне кажется, если кто-то и причинит вред мистеру Стренджу, то не австрияки, а он сам.

В середине января Титус Уоткинс опубликовал книгу под названием «Черные письма», якобы представлявшую собой послания Стренджа Генри Вудхоупу. Ходили слухи, будто расходы по

изданию взял на себя мистер Норрелл. Генри Вудхоуп клятвенно заверял, что не давал разрешения на публикацию. Кроме того, он утверждал, что некоторые из писем претерпели существенные изменения. Так, исчезли все ссылки на действия мистера Норрелла по отношению к леди Поул, зато появились новые отрывки, многие из которых открыто подводили читателя к мысли, что мистер Стрендж сам убил жену с помощью магии.

Примерно в то же самое время друг лорда Байрона — некий Скроуп Дэвис — вызвал в обществе сенсацию, заявив, что от имени поэта подает на мистера Норрелла в суд за попытку с помощью колдовства завладеть частной корреспонденцией лорда Байрона. Скроуп Дэвис отправился в Линкольнс-инн к адвокату и дал под присягой письменное показание, в котором утверждал буквально следующее. Он получил от лорда Байрона несколько писем, в которых его милость рассказывал о столпе вечной тьмы над приходом Марии Собендиго [sic] в Венеции и о безумии Джонатана Стренджа. Скроуп Дэвис положил письма на туалетный столик в своей квартире на Джермин-стрит в Сент-Джеймсе. Как-то вечером — кажется, седьмого января — он одевался, намереваясь отправиться в клуб. Пись-

ма Байрона лежали на столе. Когда Скроуп Дэвис потянулся за щеткой для волос, то заметил, что письма трепещут, словно сухие листья на ветру. Никакого ветра в комнате не было, поскольку окон не открывали. Дэвис поначалу растерялся. Взяв листки в руки, он заметил, что написанное тоже ведет себя довольно странно. Росчерки срывались с петель, а строчки раскачивались, как бельевые веревки в ураган. Скроуп Дэвис догадался, что письма, скорее всего, заколдованы. Будучи профессиональным игроком, мистер Дэвис обладал сообразительностью и хладнокровием, свойственными этому разряду людей, а потому быстро вложил письма в Библию, между страницами Евангелия от Марка. Впоследствии, рассказывая друзьям о происшедшем, он подчеркивал, что ничего не смыслит в магии, однако счел Священное Писание лучшей защитой от чар. Он оказался совершенно прав; письма остались в его распоряжении и даже сохранили первоначальный вид. После этого во всех клубах шутили: удивительно не то, что мистер Норрелл посредством колдовства хотел завладеть письмами, а то, что Скроуп Дэвис, известный распутник и пьяница, держит у себя дома *Библию*.

59. Левкрота, Волк Сумерек

Январь 1817 года

Однажды утром в середине января доктор Грейстил вышел из дому и остановился в дверях, чтобы натянуть перчатки. Подняв глаза, он заметил невысокого человека, который скрывался от ветра в проеме двери напротив.

Все дверные проемы в Венеции славятся своей живописностью, а порой и люди, которые в них прячутся, выглядят не менее картинно. Маленький незнакомец, несмотря на бедность костюма, казался щеголем. Он явно постарался придать лоск своему потрепанному наряду, начистив то, что поддавалось чистке, и замазав то, что чистке не поддавалось. Старые пожелтевшие перчатки человечек натер мелом так густо, что на двери позади него остались белые отпечатки. На первый взгляд в глаза бросались все приметы заправского хлыща — длинная цепочка от часов, связка печаток, а также лорнет. Однако при дальнейшем рассмотрении цепочка оказывалась безвкусной золотистой ленточкой, аккуратно выпущенной из петлицы, а печатки — связкой оловянных сердечек, крестиков и образков Пресвятой Девы

— итальянские уличные торговцы продают такие за пару франков. Однако и цепочку, и крестики затмевал лорнет — какой же щеголь без лорнета? Всем известно, что любой уважающий себя франт насмешливо взирает на менее изысканную публику исключительно сквозь лорнет. Очевидно, без этого предмета странный человечек ощущал себя не вполне одетым, посему на место, где должен болтаться лорнет, повесил большую ложку.

Доктор отметил про себя эти чудачества, чтобы при случае позабавить ими друзей, затем вспомнил, что у него в городе один друг — Стрендж, которого подобное давно не занимает.

Внезапно незнакомец покинул свое убежище и подошел к доктору. Он склонил голову набок и спросил по-английски:

— Вы — доктор Грейфилд?

Доктор так изумился, что не сразу нашелся с ответом.

— Доктор Грейфилд? Приятель волшебника?

— Да, — удивленно ответил доктор. — Но меня зовут Грейстил, а не Грейфилд, сэр.

— Тысячу извинений, дорогой доктор! Один глупец ввел меня в заблуждение относительно вашего имени. Какой конфуз! Вы последний человек, которого мне хотелось бы оскорбить.

Я преклоняюсь перед представителями вашей профессии! И вот вы стоите предо мной, повелитель припарок и клистиров, и, вероятно, гадаете, кто этот чудак, посмевший обратиться к вам на улице? Позвольте же представиться. Я прибыл из Лондона, от друзей мистера Стренджа, — обеспокоившись состоянием его рассудка, они послали меня разузнать все на месте.

— Хм, — пробормотал доктор Грейстил. — Сомневаюсь, что они и впрямь за него беспокоятся. Я писал им в начале декабря — шесть недель назад, сэр! Шесть!

— Вы правы! Ну не удивительно ли? Что за бессердечные люди! Думают только о собственных удобствах! В то время как вы, его истинный друг, здесь, подле него, в Венеции!

Странный человечек помедлил.

— Это так? — спросил он совершенно другим тоном. — Кроме вас, у него нет больше друзей?

— Есть еще лорд Байрон… — начал доктор.

— Байрон! — возопил человечек. — Неужели? Господи помилуй! Повредился умом, да еще и сошелся с Байроном! — Казалось, незнакомец не может решить, какая из напастей хуже. — Ах, дорогой доктор Грейстил, у меня к вам столько вопросов! Нет ли поблизости места, где мы могли

бы обсудить их приватно?

Доктор стоял у двери своего дома, но его неприязнь к странному человечку с каждой секундой возрастала. Он очень хотел помочь Стренджу и его друзьям, однако решительно не собирался приглашать нового знакомца в дом. Доктор пробормотал что-то о слуге, который сейчас в отлучке; впрочем, поблизости есть маленькое кафе, так почему бы им не отправиться туда?

Коротышка выразил радостную готовность последовать за доктором.

Путь их лежал вдоль канала. Новый знакомец шел справа от доктора, ближе к воде. Человечек продолжал болтать, а доктор смотрел по сторонам. Его взгляд привлек канал — неожиданно на поверхности воды вздыбилась одинокая волна. Чудно, однако дальше было еще чуднее. Устремившись к ним, волна перемахнула через каменный парапет и тут изменила форму: водяные щупальца протянулись к ногам коротышки, словно хотели утащить его с собой. Чертыхнувшись, тот отпрянул, но как будто не заметил ничего особенного, и доктор тоже промолчал.

Холодный и сырой январский воздух остался за дверями кафе. Внутри было тепло и накурено — немного сумрачно, но уютно. От времени и

табачного дыма стены и потолок побурели, однако винные бутыли, оловянные пивные кружки, глазурованная посуда и зеркала в позолоченных рамах весело поблескивали в полумраке. Сомлевший от жара мокрый спаниель грелся у плиты. Он дернул головой и чихнул, когда доктор нечаянно задел его по уху тростью.

— Должен предупредить, — заметил доктор Грейстил, когда официант принес им кофе и коньяк, — по городу о мистере Стрендже ходят разные слухи. Говорят, будто он созывает ведьм и сотворил себе слугу из огня. Все это пустые бредни, и все же не удивляйтесь. Глупо было бы отрицать те печальные перемены, которые он претерпел. Впрочем, в душе мистер Стрендж ничуть не изменился, и все его превосходные моральные качества остались при нем. В этом я убежден.

— Да что вы? А правду говорят, будто бы он съел собственные туфли? А еще превратил людей в стекло, а затем начал кидать в них камнями?

— Какие туфли? — воскликнул доктор Грейстил. — Кто это сказал?

— Да все вокруг! Миссис Кендал-Блэр, лорд Поуп, сэр Галахад Денехи, мисс Андерхилс… — И человечек пустился перечислять имена англий-

ских, ирландских и шотландских семей, недавно посещавших Венецию и окрестности.

Доктор изумился. Зачем друзьям Стренджа расспрашивать незнакомых людей, вместо того чтобы обратиться прямо к нему?

— Разве я непонятно выразился? Именно о подобной ахинее я и говорил!

Коротышка добродушно улыбнулся:

— Успокойтесь, дорогой доктор! Мой ум не поспевает за вашим. В то время как вы оттачивали ваш ум анатомией и химией, мой пребывал в праздном бездействии. — Он принялся сетовать, что никогда не мог заставить себя изучить какой-либо предмет до конца, приводя в отчаяние учителей.

Однако доктор Грейстил больше не слушал. Он задумался. Неожиданно ему пришло в голову, что новый знакомец все собирался, да так и не удосужился представиться. Он решил было прямо спросить странного собеседника, но тот опередил его, задав вопрос, после которого все остальное вылетело у доктора Грейстила из головы.

— У вас ведь есть дочь?

— Простите?

Очевидно, коротышка решил, что доктор глуховат, поэтому повторил вопрос громче.

— Есть, но какое… — начал доктор.

— Говорят, вы отослали ее из города?

— Говорят? Кто говорит? При чем здесь моя дочь?

— Говорят, она уехала сразу после того, как стало известно, что волшебник повредился умом. Должно быть, вы хотели уберечь ее от беды?

— Очевидно, все эти сведения вы почерпнули от миссис Кендал-Блэр и прочих, — заметил доктор Грейстил, — от этого сборища болванов!

— Возможно. И все же вы отослали ее из города?

Доктор промолчал.

Человечек склонил голову на одну сторону, затем на другую, самодовольно улыбнулся, словно собирался поведать миру страшную тайну.

— Разумеется, вам известно, что Стрендж убил свою жену? — спросил он.

— Что? — На мгновение доктор лишился дара речи, у него вырвался короткий смешок. — Никогда не поверю!

— Нет, вы должны мне поверить! — Человечек подался вперед, его глазки загорелись. — Все об этом знают! Ее брат, весьма уважаемый человек, священник — мистер Вудхоуп — был там и видел собственными глазами!

— И что же он видел?

— О, это история, окутанная мраком! Бедняжку заколдовали. Ее так опутали чарами, что к вечеру она не помнила, чем занималась с утра. Никто не мог объяснить ее состояния. И во всем виноват муж. Разумеется, он попытается уйти от наказания посредством магии, но мистер Норрелл, который принял судьбу бедной женщины близко, *очень близко* к сердцу, выведет его на чистую воду!

Доктор покачал головой:

— Вы не заставите меня поверить в подобную клевету. Стрендж — человек чести!

— Неужели? Занятия магией сокрушали и не такие умы. В дурных руках магия способна погубить в человеке все лучшее, а худшее увеличить во сто крат! Стрендж бросил вызов своему учителю — человеку мудрейшему, благороднейшему…

Подыскивая нужное прилагательное, коротышка, казалось, забыл, что хотел сказать, и смутился под пристальным взглядом собеседника.

Доктор Грейстил фыркнул.

— Любопытно, — медленно протянул он, — говорите, вас послали друзья мистера Стренджа, однако не хотите называть их имен. Хороши же друзья! На каждом перекрестке кричат, что

Стрендж — убийца!

Человечек ничего не ответил.

— Наверное, сэр Уолтер Поул?

— Нет, — ответил незнакомец уверенно, — не сэр Уолтер.

— Стало быть, ученики мистера Стренджа? Забыл их имена.

— Их все и всегда забывают.

— Так это были они?

— Нет.

— Мистер Норрелл?

Человечек молчал.

— А как ваше имя? — спросил доктор.

Новый знакомец склонил голову сначала на один бок, затем на другой, однако, не найдя способа уйти от ответа, выговорил:

— Дролайт.

— О нет! И у вас хватает совести обвинять мистера Стренджа? Что значит ваше слово против слова честнейшего человека, волшебника самого Веллингтона! Кристофер Дролайт! Да во всей Англии не найдется большего лжеца, вора и негодяя!

Дролайт покраснел и возмущенно уставился на доктора.

— На себя посмотрите! — прошипел он. —

Стрендж богат, а вы хотите пристроить за него дочь. Вот и вся ваша честность, дорогой доктор!

Доктор Грейстил возмущенно фыркнул и вскочил:

— Обещаю вам, что нанесу визит каждой английской семье, живущей в Венеции! Я предупрежу их, чтобы не слушали ваших лживых речей! Я не желаю вам доброго утра и не откланиваюсь! — И, бросив на стол несколько монет, он удалился.

Последняя часть их беседы привлекла внимание официантов и посетителей кафе. Все с любопытством разглядывали Дролайта, который в одиночестве сидел за столом. Подождав, пока доктор отойдет на безопасное расстояние, тот выскользнул из кафе. Когда Дролайт проходил по набережной, по каналу прошла рябь: волны, перекатываясь через парапет, тянулись к его ногам. Он так ничего и не заметил.

Доктор Грейстил сдержал свое обещание. Он посетил все английские семейства, живущие в Венеции, и рассказал о лживых речах Дролайта. Тот, впрочем, ничуть не огорчился. Обманщик обратил свои старания на слуг, официантов и гондольеров. По опыту он знал, что представители этих профессий зачастую знают куда больше

хозяев, если же нет — он готов подбросить им несколько новых идей. Вскоре все вокруг только и говорили, что Стрендж убил жену, а после хотел силой заставить мисс Грейстил обвенчаться с ним в соборе Святого Марка. Бедняжку спасло только вмешательство отряда австрийских солдат. Болтали также, что Стрендж и Байрон договорились делить будущих жен и любовниц. Дролайт плел все, что приходило в голову, однако фантазии у него было немного, и он охотно подхватывал любые обрывки сплетен, услышанные от собеседников.

Гондольер представил его любовнице Байрона Марианне Сегати — жене торговца тканями. Дролайт наговорил женщине комплиментов и поведал множество скандальных подробностей из жизни дам высшего лондонского света, попутно уверив, что ни одна из них не сравнится с ней красотой. Та, в свою очередь, нашептала Дролайту, что, по словам лорда Байрона, Стрендж не выходит из комнаты, пьет вино и творит заклинания. Затем она поведала то немногое, что знала о герое поэмы, который общается с нечистым духом и презирает богов и людей. Нимало не смущаясь, Дролайт добавил к своим лживым измышлениям и эти сведения.

Из всех венецианских жителей более всех Дролайта интересовал Фрэнк. Дролайт не простил доктору оскорблений, решив в отместку похитить верность его слуги. Он прислал Фрэнку записку, в которой предлагал встретиться в винном магазинчике в Сан-Поло. К его удивлению, Фрэнк согласился.

В назначенный час Фрэнк был на месте. Дролайт заказал кувшин крепкого красного вина и налил два полных стакана.

— Видишь ли, Фрэнк, — начал он мягким вкрадчивым голосом, — полагаю, тебе известно, что недавно я имел беседу с твоим хозяином. Он показался мне человеком недобрым. Скажи, ты доволен службой? Я спрашиваю, потому что мой приятель — его имя Лассельс — жаловался недавно на нерадивых лондонских слуг и утверждал, что готов озолотить любого, кто поможет ему найти верного малого.

— О! — заметил Фрэнк.

— А ты хотел бы жить в Лондоне, Фрэнк?

Фрэнк задумчиво повозил пальцем по залитому вином столу.

— Наверное, — протянул он.

— Если ты окажешь мне парочку услуг, — воодушевился Дролайт, — я расскажу о тебе моему

другу, и считай, место у тебя в кармане!

— Каких услуг? — спросил Фрэнк.

— Ах, право, я прошу о столь ничтожном одолжении, что ты согласился бы исполнить мою просьбу даже и без награды. Так знай, Фрэнк, твоему хозяину и его дочери грозит опасность! Волшебник хочет наслать на них порчу. Я пытался предупредить доктора, но он так упрям, что не стал слушать. Я ночей не сплю — все кляну свою неловкость. Но тебе, Фрэнк, он доверяет. Намекни, но не ему, а его сестре и дочери, что волшебник замыслил зло.

И Дролайт рассказал слуге про убийство Арабеллы Стрендж и про решение Стренджа и Байрона меняться женами и любовницами.

Фрэнк осторожно кивнул.

— Волшебник не дремлет, — сказал Дролайт. — Стрендж опутал всех сетями обмана, твоего хозяина в особенности. Мы с тобой должны собрать все возможные сведения, чтобы противостоять его дьявольским козням. Итак, Фрэнк, скажи мне все, что знаешь. Замечал ли ты за волшебником что-нибудь подозрительное?

— Раз уж вы об этом заговорили… — Фрэнк почесал голову. — Есть у меня кое-что.

— Неужели?

— Я никому об этом не рассказывал. Даже хозяину.

— Превосходно! — улыбнулся Дролайт.

— Только я вряд ли смогу объяснить. Лучше покажу.

— Разумеется! Куда мы идем?

— Давайте выйдем на улицу. Сами увидите.

Они вышли на улицу. Дролайт огляделся. Их глазам предстала самая обычная сценка из венецианской жизни. Напротив канал, за ним порыжевшая от времени церковь. На пороге слуга ощипывал голубей — белесые перья полукругом ложились вокруг. Вдали возвышалась зловещая и непроницаемая Башня Тьмы.

— Не совсем тут, — признался Фрэнк. — Дома загораживают вид. Несколько шагов — и вы увидите сами.

Дролайт шагнул вперед.

— Здесь? — спросил он, оглянувшись.

— Ага, — ответил Фрэнк и столкнул Дролайта в канал.

Последовал всплеск.

Фрэнк еще постоял над водой, выкрикивая замечания относительно моральных качеств Дролайта, называя его лжецом, подлецом, грязным псом, трусливым мерзавцем, коварным змеем

и грязной свиньей. Эти замечания, бесспорно, облегчили душевное состояние Фрэнка, однако для Дролайта пропали втуне — все это время он находился под водой и слышать их не мог.

Вода обожгла его, лишила дыхания. Дролайт падал в сумрачные глубины. Он не умел плавать и был уверен, что утонет. Но он не пробыл в воде и нескольких мгновений, как мощное течение увлекло его за собой. Время от времени его выталкивало на поверхность, и Дролайт успевал схватить ртом воздух. В какой-то миг вода подняла его выше, и он увидел залитую солнцем пристань (место Дролайт не узнавал). Волны пенились и бились о камни, обрызгивая прохожих и стены домов. Люди с ужасом взирали на него сверху. Дролайт понял, что его несет не к морю, как он сперва подумал, но даже и теперь не заподозрил в течении ничего неестественного. Иногда поток уверенно нес его в одну сторону, иногда все мешалось и Дролайт готовился проститься с жизнью, покуда течение, словно устав от своей ноши, не выбросило его на каменные ступени. В стылом воздухе вокруг смутно высились дома.

Он глубоко, до дрожи вдохнул, и его тут же вырвало холодной соленой водой. Долгое время Дролайт просто лежал, закрыв глаза, словно на

груди возлюбленной. Все мысли покинули его, все желания, кроме одного — остаться здесь на веки вечные. Не сразу Дролайт осознал, что лежит на грязных камнях, вслед за этим пришло понимание, что он замерз до полусмерти. Он удивился тишине вокруг и тому, что никто не торопится его спасать.

Дролайт сел и открыл глаза.

Вокруг была беспросветная тьма. Тоннель? Подвал? Подземелье! Не все ли равно, раз он понятия не имел, как сюда попал и как отсюда выбраться. На шее Дролайт ощутил легкое дуновение и поднял глаза. Над ним сияли яркие зимние звезды. Ночь!

— О нет, нет, нет! — взмолился он и, захныкав, откинулся на камни.

Над ним нависали темные молчаливые дома. Единственный свет шел от звезд. Созвездия казались Дролайту гигантскими сияющими буквами неизвестного алфавита. Он был уверен, что волшебник сложил звезды в слова заклинания, обращенного против него. Вокруг только ночь, звезды и молчание. В домах не было света, и если верить слухам, то и людей. Только волшебник.

Дролайт с неохотой встал и осмотрелся. Неподалеку через канал был перекинут маленький

мост. Узкая улочка терялась в тени высоких стен. Он мог выбрать улочку, мог пойти по берегу канала. Дорога вдоль канала выглядела зловеще и была слишком на виду. Дролайт выбрал улочку и темноту.

Он пересек мостик и пошел между домами. Почти сразу же улочка привела его на площадь. В разных направлениях от площади расходились узкие переулки. Какой из них выбрать? Дролайт подумал о тенях, что прячутся по углам, о тихих подворотнях. Что, если он обречен бродить по ним до скончания века? От страха Дролайта замутило.

Посреди площади возвышалась церковь. Даже при свете звезд ее фасад, вспученный колоннами и ощетиненный статуями, внушал ужас. Ангелы с распростертыми крыльями подносили трубы к губам, крылатые статуи раскинули руки под каменным балдахином, слепые лица строго взирали на Дролайта из-под темных каменных арок.

«Как знать, что волшебник не спрятался среди них?» — подумал Дролайт и принялся разглядывать каждое изваяние — не Стрендж ли это. Раз начав, остановиться было страшно — Дролайту чудилось, что, если отвести глаза, фигуры начнут двигаться. Когда он почти набрался смелости,

чтобы повернуться к церкви спиной, что-то привлекло его взгляд — сгусток тьмы в проеме церковной двери. Дролайт вгляделся. Что-то или, скорее, кто-то лежал на ступенях лицом вниз, раскинув руки, словно в глубоком обмороке.

Несколько мгновений показались вечностью. Дролайт ждал. Ничего не происходило.

Внезапно ему в голову пришла мысль: что, если волшебник умер? Его собственное безумие прикончило его. От радости и облегчения Дролайт расхохотался. В полной тишине смех прозвучал странно. Человек на ступенях не шелохнулся. Дролайт подошел и склонился над телом. Кажется, человек не дышал. Дролайт пожалел, что с ним нет трости.

Неожиданно человек на ступенях перевернулся на спину.

От ужаса Дролайт взвизгнул.

Молчание.

— Я тебя узнал, — прошептал Стрендж.

Дролайт попытался рассмеяться. Он считал, что смех усыпляет бдительность, мы ведь по-прежнему друзья, не так ли? Впрочем, на сей раз смешок вышел хриплым и неубедительным.

Стрендж встал и шагнул к Дролайту. Тот отпрянул. Постепенно он узнавал знакомые черты.

Стрендж был бос, в расстегнутых сюртуке и сорочке, к тому же он явно давно не брился.

— Я тебя узнал, — снова прошептал Стрендж. — Ты… ты… — Он провел рукой по воздуху, словно чертил магические символы. — Ты — Левкрота!

— Лев… что? — эхом отозвался Дролайт.

— Волк Сумерек! Ты преследуешь мужчин и женщин! Ты происходишь от гиены и львицы! Тело твое как у льва, а копыто раздвоено. Ты не способен смотреть назад. Во рту твоем, лишенном челюсти, — единственный длинный зуб. Ты принимаешь человеческое обличье и соблазняешь путников человеческими голосами!

— Нет, нет! — взмолился Дролайт. Он хотел сказать, что не имеет никакого понятия обо всех этих ужасах, что Стрендж ошибается, но от страха во рту пересохло, и слова не желали выговариваться.

— А теперь, — спокойно промолвил Стрендж, — я верну тебе истинное обличье! — Он поднял руку и прокричал: — Абракадабра!

Дролайт осел на землю и заскулил, а Стрендж зашелся смехом — жутким, безумным смехом, который заставил его согнуться.

Постепенно веселье волшебника иссякло, и страх отпустил Дролайта. Он по-прежнему был

собой, а не кошмарным чудищем. Тем временем Стрендж успокоился и посуровел.

— Левкрота, — приказал он, — встань.

Все еще хныкая, Дролайт поднялся на ноги.

— Левкрота, зачем ты пришел сюда? Нет, постой! Вспомнил. — Стрендж прищелкнул пальцами. — Я сам тебя привел. Скажи, почему ты шпионишь за мной? Разве я что-то скрываю? Почему ты не спросил у меня? Я бы все рассказал тебе, Левкрота!

— Это они меня заставили! Лассельс и Норрелл. Лассельс заплатил мои долги и вызволил из тюрьмы суда королевской скамьи[157]. Я всегда был вам другом. — Тут голос Дролайта немного дрогнул — вряд ли даже безумец поверил бы такой наглой лжи.

Стрендж вскинул голову, словно бросая на Дролайта дерзкий взгляд, но во Тьме лица было не разглядеть.

— Я был безумцем, Левкрота! — прошипел волшебник. — Разве ты не слышал? Это правда. Я был безумен и скоро опять впаду в безумие. Однако пока ты не объявился в этом городе, я воздерживался… воздерживался от некоторых заклинаний, чтобы встретить тебя в нужном состоянии духа. В прежнем моем состоянии.

---

[157] Примечания: 157
Долговая тюрьма, куда Дролайт угодил в ноябре 1814 года.

Чтобы узнать тебя и знать, что тебе сказать. Тьма многому меня научила, Левкрота, и главное, я понял, что не справлюсь в одиночку. Я призвал тебя, чтобы ты мне помог.

— Я так рад! Я все сделаю! Благодарю вас, благодарю! — лепетал Дролайт, прикидывая, сколько Стрендж собирается держать его при себе. От этой мысли душа ушла в пятки.

— Как… как… — Казалось, Стрендж с трудом собирается с мыслями. Волшебник водил руками по воздуху. — Как зовут жену Поула?

— Леди Поул?

— Нет, не то, другое ее имя?

— Эмма Уинтертаун?

— Вот оно! Эмма Уинтертаун. Где она сейчас?

— Ее отправили в скорбный дом в Йоркшире. Хотя это большой секрет, от меня ничего не утаишь. В тюрьме я встретил человека, сын которого влюблен в портниху. Ее наняли, чтобы шить леди Поул одежду, — в Йоркшире холодные зимы. Ее, леди Поул, а не портниху, отослали в место, как же… постойте, клянусь, я вспомню! Старкросс-Холл в Йоркшире, вот как!

— Мне знакомо это название.

— Да-да, арендатор — ваш друг. Он был волшебником в Ньюкасле или Йорке, где-то на севере,

однако я не знаю его имени. Кажется, мистер Норрелл был к нему строг, поэтому, когда леди Поул повредилась рассудком, Чилдермасс, желая загладить обиду, рекомендовал его сэру Уолтеру.

Наступило молчание. Дролайт гадал, понял ли его безумец? Наконец Стрендж заговорил:

— Эмма Уинтертаун не безумна. Она только кажется таковой. Это вина Норрелла. Он призвал духа, чтобы воскресить ее, и в уплату позволил завладеть ее душой. Тот же дух пытался навредить королю и заколдовал по меньшей мере двух его подданных, мою жену в том числе! — Волшебник помолчал. — Первое поручение, которое я дам тебе, Левкрота, таково: ты должен повторить мои слова Джону Чилдермассу и передать ему это.

Стрендж вытащил из кармана какую-то вещицу и протянул Дролайту. На вид предмет походил на табакерку, только длиннее и уже. Дролайт взял коробочку и положил в карман.

Стрендж глубоко вздохнул. Необходимость связно излагать свои мысли как будто изнуряла его.

— Мое второе поручение таково… Ты должен передать послание всем волшебникам Англии. Ты меня понимаешь?

— Да-да, понимаю, но…

— Что но?

— Но ведь волшебник всего один.

— Один?

— В Англии только один волшебник. Если вы живете в Венеции, значит в Англии остался только один.

На мгновение Стрендж задумался.

— Я говорю о моих учениках, — пояснил он. — Моих учениках — волшебниках. Обо всех, кто хотел учиться у Норрелла. Чилдермасс. Сегундус. Хонифут. Подписчики магического журнала. Члены старейших магических обществ. Англия кишит волшебниками. Их сотни! Возможно, тысячи! Норрелл не ставит их ни во что, отрицает и замалчивает их существование! И все же они остаются волшебниками. Передай это им. — Стрендж провел рукой по лбу и тяжело вздохнул. — Дерево говорит с камнем. Камень говорит с водой. Все не так сложно, как нам казалось. Пусть читают то, что написано в небе. Пусть спросят у дождя. Все старые союзники Джона Аскгласса на месте. Я призываю камни, небо и дождь вспомнить древние клятвы. Скажи им… — И снова Стренджу не хватило слов. Он покрутил рукой в воздухе. — Не могу объяснить, — промолвил он. — Левкрота, ты меня понял?

— Да-да, понял, — отвечал Дролайт, не понявший ровным счетом ничего.

— Хорошо, тогда повтори, что я сказал.

Дролайт повторил. Долгие годы выведывания чужих секретов приучили его запоминать имена и факты. И если первое поручение он сумел повторить без запинки, то второе превратилось в его изложении в невнятный рассказ о волшебниках, которые стоят под дождем, глазея на камни.

— Я покажу тебе, — сказал Стрендж, — и ты поймешь. Левкрота, если ты исполнишь три поручения, я оставлю тебя в покое. Я не причиню тебе зла. Доставь три послания и возвращайся к своей ночной охоте.

— Благодарю, благодарю! — выдохнул Дролайт радостно, но тут его осенило. — Три! Сэр, а ведь вы назвали только два!

— Три послания, Левкрота, — устало вымолвил Стрендж. — Ты должен доставить три послания.

— Но вы же не сказали мне, в чем заключается третье!

Стрендж не ответил. Он отвернулся, что-то бормоча.

Несмотря на страх, Дролайт с удовольствием хорошенько встряхнул бы волшебника. Он и встряхнул бы, если бы это помогло. Слезы жа-

лости к себе потекли по лицу Дролайта. Теперь Стрендж убьет его за то, что он не выполнил третьего поручения, хотя в этом нет его вины!

— Левкрота, — неожиданно прервал молчание Стрендж, — принеси воды!

Дролайт огляделся. В центре площади стоял колодец. Рядом с ним Дролайт обнаружил омерзительную железную кружку на ржавой цепи. Дролайт откинул крышку, зачерпнул воду бадьей, окунул в нее кружку. Он с трудом заставил себя прикоснуться к кружке. Удивительно, что после всех переживаний сегодняшнего дня этот кусок ржавого железа вызывал у него самое стойкое отвращение. Всю жизнь он любил красивые вещи, а сейчас все, что его окружало, выглядело отвратительно. И в этом виноваты волшебники! О, как же он их ненавидел!

— Сэр? Лорд чародей? — позвал Дролайт. — Вы должны подойти.

Он показал на цепь, которой была привязана кружка.

Стрендж приблизился, но кружку не взял. Вместо этого он вынул из кармана крошечный пузырек и протянул Дролайту.

— Капни в воду шесть капель.

Дролайт отвинтил крышку пузырька. Руки

тряслись — он слишком боялся пролить содержимое. Стрендж ничего не заметил. Дролайт капнул в воду несколько капель.

Волшебник взял кружку и выпил воду. Кружка выпала из рук. Внезапно Дролайт понял — хотя и не смог бы описать своих ощущений, — что Стрендж изменился. Темнеющая на фоне звездного неба фигура осела, голова упала. Дролайт решил, что Стрендж пьян. Но разве могут опьянить несколько капель? Кроме того, от Стренджа спиртным не пахло. Волшебник пах как человек, который много недель не мылся и не менял белья. Всего на минуту к старым запахам примешался новый — запах старости и сотни кошек.

Дролайт вспомнил: нечто подобное он уже испытывал, когда при нем вершилось волшебство. Словно открылись невидимые двери и ветер принес запахи леса, вереска и болот. Непрошеные видения ворвались в голову. Дома вокруг больше не казались пустыми. Теперь Дролайт видел сквозь стены. Комнаты заполнились, но не людьми, а древними духами. В одной был Огонь, в другой — Камень, в третьей — Проливной Дождь, Стая Птиц, Склон Холма, Крошечные Создания, одержимые темными и злобными мыслями, и прочие, прочие, прочие.

— Что они такое? — изумленно прошептал он, чувствуя, как шевелятся волосы на голове. Затем Дролайта захватило новое ощущение — он словно падал и в то же время стоял прямо. Как будто стремительно падал его разум.

Ему чудилось, будто он в Англии, на склоне холма. Шел дождь, дождевые струи извивались, словно серые призраки. Дождь лился сверху, и сам он истончался, становясь дождем. Дождь смыл все воспоминания, все мысли, хорошие и дурные. Он больше не помнил своего имени. Дождь смыл все наносное, словно грязь с камней. Дождь наполнил его новыми мыслями и памятью. Серебряные струи опутали холм изысканным кружевом, потоки струились по склону, точно жилки на его руках. Забыв, что он человек или когда-то был человеком, он сам стал дождевым потоком. Он выпал на землю дождем.

Ему чудилось, будто он под землей, под английской землей. Прошли долгие годы — холод и дождь просочились сквозь него, камни сдавили его. В темноте и молчании он вырос вширь. Он стал землей, он стал Англией. Звезда смотрела на него и говорила с ним. Камни задавали вопросы, и он отвечал на их языке. Река струилась сквозь него,

холмы набухали под его пальцами. Он открывал рот, и с его выдохом на землю приходила весна.

Ему чудилось, как в темном зимнем лесу он стал чащей. Деревья повсюду, бледный, робкий солнечный свет пробивался между колоннами стволов. Он посмотрел вниз. Юные ростки проткнули его тут и там, они проросли сквозь него, сквозь его руки и ноги. Глаза больше не закроются, ибо сучья проросли сквозь них. Насекомые вползали в уши, пауки вили паутину во рту. Он понимал, что долгие годы врастает в лес. Он знал лес, и лес знал его. Нельзя было отличить, где лес и где человек.

Тишина. Падал снег. Он вскрикнул…

Темнота.

Словно выныривая из темных глубин, Дролайт пришел в себя. Кто освободил его: Стрендж, лес или сама Англия? Дролайт не знал — осталось лишь ощущение их презрения. Древние духи покинули его. Его мысли и чувства вновь стали человеческими. Вспомнив, что ему довелось пережить, Дролайт ощутил дурноту. Он осмотрел свои руки и те места, сквозь которые только что пробивались ростки. Он был цел и невредим, но как же болели невидимые раны! Он всхлипнул и

оглянулся на Стренджа.

Волшебник прислонился к двери, бормоча какие-то заклинания. Он ударил рукой по стене — камень вздыбился и обратился вороном. Птица расправила крылья и с хриплым карканьем взмыла в ночное небо. Стрендж ударил снова — и снова ворон поднялся в небо. Еще и еще, одна за другой птицы стремительно взмывали в небеса, пока их черные крылья не заслонили звезды.

Стрендж снова поднял руку…

— Лорд чародей… — выдохнул Дролайт. — Вы не сказали, в чем заключается ваше третье поручение.

Стрендж оглянулся, резко схватил Дролайта за шиворот и притянул к себе. Бедняга ощутил несвежее дыхание волшебника и впервые заглянул ему в лицо. Звездный свет отражался в яростных безумных глазах, в которых больше не было ничего человеческого.

— Скажи Норреллу, что я иду! — прошипел Стрендж. — А теперь ступай!

Дролайта не пришлось просить дважды. Он бросился прочь со всех ног. Ему чудилось, что вороны преследуют его. Он не видел их, но слышал, как бьются крылья, закручивая воздушные потоки за его спиной. На середине моста Дролайта

ослепил солнечный свет. Пели птицы, раздавались голоса. Мужчины и женщины спешили по делам, вели неспешные беседы. И никакого колдовства — только привычный, обыденный мир, такой удивительный и прекрасный!

Дролайт промок до нитки, а погода стояла промозглая. Он оказался в незнакомой части города. Никто не предложил ему помощи, и довольно долго он потерянно блуждал по улицам, пока случайно не набрел на знакомую площадь и не добрался до таверны, где снимал комнату. К концу пути он окончательно ослабел. Раздевшись, Дролайт тщательно смыл с себя соль и улегся на узкую кровать.

Два дня Дролайт пролежал в лихорадке. Ему снилось неописуемое: Тьма, Магия, долгие века под холодной землей. Больше всего Дролайт боялся, что проснется под толщей земли или в зимнем лесу, распятый деревьями.

На третий день ему стало чуть лучше. Он торопливо оделся и отправился в гавань, где отыскал английский корабль, идущий в Портсмут. Дролайт показал капитану бумаги, которые дал ему Лассельс, подписанные двумя самыми именитыми банкирами Европы. В них обещалось щедрое вознаграждение тому, кто доставит Дролайта в

Англию.

На пятый день Дролайт уже плыл домой.

Призрачный холодный туман накрыл Лондон. Стивену думалось, что мгла отражает призрачность и холодную печаль его теперешнего существования. В последнее время волшебные чары давили сильнее прежнего. Он забыл, что такое радость, воодушевление и покой. Чувства, которым удавалось пробиться к его душе сквозь магический туман, отравляли ее — Стивена терзали гнев, раздражение и досада. Непонимание и отчуждение между ним и его английскими друзьями возрастали с каждым днем. Пусть джентльмен — злой дух, Стивен не мог больше отрицать правоту его слов о гордости и самомнении англичан. Даже «Утраченная Надежда» казалась ему в такие мгновения убежищем от их высокомерия и злобы. Здесь Стивен не чувствовал себя обязанным извиняться. Только здесь его встречали как почетного гостя.

В тот зимний день ему случилось заглянуть на конюшню. К огромному удовольствию слуг мужского пола, сэр Уолтер купил недавно пару превосходных щенков английской борзой. Отлынивая от работы, мужчины стекались на конюшню, где с умным видом обсуждали охот-

ничьи стати собак. Стивен понимал, что должен прекратить это безобразие, но ему было все равно, и когда лакей Роберт предложил дворецкому навестить щенков, Стивен и не подумал выбранить его, а покорно надел пальто и шляпу и отправился на конюшню. Он смотрел, как Роберт и конюхи склонились над щенками, и чувствовал, что от остальных людей его отделяет толстое мутное стекло.

Неожиданно все слуги выпрямились и вышли из конюшни. Стивен вздрогнул. По опыту он знал, что последует дальше.

И он появился, озарив тесное сумрачное помещение сиянием шевелюры. Голубые глаза сверкали, переливался зеленый сюртук. Джентльмен с волосами, как пух на отцветшем чертополохе, искрился весельем. Он и мысли не допускал, что Стивен не рад встрече. Джентльмен, как и слуги сэра Уолтера до него, восхитился борзыми щенками и призвал Стивена разделить с ним радость. Он обращался к собакам на их языке, а они ластились и радостно повизгивали, словно в целом мире для них не было никого дороже.

— В тысяча четыреста тринадцатом году довелось мне гостить у молодого короля Южной Англии, — начал джентльмен свой рассказ. —

Король, великодушный и отважный правитель, представил меня своему двору. Он отозвался обо мне весьма лестно, упомянув о моих обширных королевствах, рыцарских добродетелях и прочая и прочая. Однако один из его придворных невнимательно слушал поучительную и хвалебную речь. Вместе со своими спутниками он продолжал смеяться и злословить. Как ты понимаешь, я был оскорблен подобным обращением и преисполнился желанием научить наглеца манерам. Назавтра он охотился на зайцев у опушки Хэтфилдского леса. Мне в голову пришла удачная мысль обратить людей в зайцев, а зайцев — в людей. Сначала гончие разорвали хозяев, после чего зайцы — в обличье людей — жестоко отомстили своим былым преследователям-гончим. — Джентльмен замолчал, ожидая похвалы собственной находчивости, но не успел Стивен вставить слово, как он вскричал: — Неужели ты не чувствуешь?

— Что, сэр? — спросил Стивен.

— Все двери дрожат!

Стивен посмотрел на двери конюшни.

— Да не эти! Я говорю о дверях между Англией и неведомым. Кто-то пытается открыть их. Кто-то говорит с Небом, и этот кто-то — не я! Кто-то при-

казывает Камням и Рекам, и это не я! Кто посмел? За мной!

Джентльмен схватил Стивена за руку, и они словно взмыли в небо, как если бы в мгновение ока очутились на вершине горы или очень высокой башни. Конюшня исчезла, и перед глазами Стивена замелькали пейзажи. Лес мачт, толстых, как древесные стволы, сменился серым зимним морем и накренившимися под ветром парусниками, море уступило место городу с торчащими шпилями и великолепными мостами. Как ни странно, Стивен совершенно не ощущал движения. Казалось, мир проплывал под их ногами, в то время как сами они оставались неподвижными. Мелькнули заснеженные горы — крошечные люди копошились внизу, добывая руду. Гладкое, словно стеклянное, озеро в окружении темных холмов сменилось равниной с городами и речушками, разбросанными, словно детские игрушки.

То, что маячило впереди, походило на черную линию, поделившую небо пополам. Вблизи черная линия обратилась Башней Тьмы, вершина ее терялась в небесах.

Стивен и джентльмен оказались над Венецией (на чем они стоят, Стивен предпочитал не задумываться). Садилось солнце, и улицы под ними

успели потемнеть, но море и небо еще переливались розоватым и молочно-голубым, оттенками топаза и перламутра. Казалось, будто город парит в сияющей пустоте.

По большей части поверхность Башни Тьмы производила впечатление гладкой, словно обсидиан, но над крышами спирали тьмы закручивались и словно рассеивались в воздухе. Стивен гадал, что бы это значило.

— Сэр, это дым? Город горит?

Джентльмен не ответил, но, когда они приблизились, Стивен сам все понял. Черные вороны взмывали над Башней. Тысячи и тысячи черных птиц. Вороны оставляли Венецию, направляясь туда, откуда прибыли Стивен и джентльмен.

Одна стая летела прямо на них. Внезапно воздух наполнился шумом тысяч крыльев и низким монотонным гулом. Пыль и песок забивали глаза, нос и глотку. Стивен пригнулся и зажал нос рукой, спасаясь от зловония.

Когда стая пролетела, Стивен изумленно воскликнул:

— Что это, сэр?

— Это создания волшебника, — отвечал джентльмен. — Он гонит их в Англию — они несут его послания Небу, Земле, Рекам и Хол-

мам. Он призывает древних союзников Короля. Скоро они будут прислуживать английским волшебникам, вместо того чтобы прислуживать мне! — Джентльмен издал грозный рык, исполненный гнева и отчаяния. — Я наказал его, как не наказывал никого из моих врагов! И он смеет злоумышлять против меня! Он не желает смириться! Не желает покориться судьбе!

— Мне говорили, мужества ему не занимать, — заметил Стивен. — В войне на Пиренейском полуострове он показал себя героем.

— Мужества? При чем тут мужество? Это злоба, обычная злоба! Ах, Стивен, мы наказаны за беспечность. Мы позволили английским волшебникам перехитрить нас. Отныне мы будем сражаться! И главное, мы сделаем тебя королем!

60. Гроза и ложь

Февраль 1817 года

Тетушка Грейстил сняла в Падуе дом с видом на фруктовый рынок. Дом был расположен весьма удобно и обошелся всего в восемьдесят цехинов на три месяца (что составляло около тридцати восьми гиней). Поначалу тетушка обрадовалась приобретению. Однако, как обычно бывает, сделка, заключенная второпях, оказалась не такой уж выгодной. Они с Флорой не прожили в новом доме и недели, как тетушка начала сомневаться в удачности своего приобретения. Готические окна, такие прелестные и старинные, пропускали совсем мало света, к тому же некоторые из них затенялись каменными балконами. Все это не имело бы никакого значения, если бы не душевное состояние Флоры. По мнению тетушки Грейстил, именно сейчас Флора нуждалась в поддержке, а мрачность и темнота, какими бы живописными ни были, никак не способствовали ее выздоровлению. Во дворе стояли каменные дамы, увитые плющом. Не будет преувеличением сказать, что с годами плющ так их заплел, что статуи совершенно затерялись в зелени, и

тетушка, глядя на них, всякий раз вспоминала о несчастной жене Джонатана Стренджа, которая умерла загадочной смертью в столь юном возрасте, и смерть эта лишила ее мужа рассудка. Тетушка надеялась, что подобные мрачные мысли не посещают Флору.

Однако сделка была заключена, дом снят, и теперь тетушка Грейстил пыталась придать ему жилой вид. Заботясь о душевном состоянии Флоры, она позабыла о своей скупости и не пожалела денег на свечи и лампы. В доме был один особенно темный лестничный проход — ступеньки сворачивали в сторону под таким неожиданным углом, что любой мог запросто свернуть себе шею, — поэтому тетушка распорядилась поставить лампу на полку прямо над ступеньками. Лампа горела день и ночь, к постоянному неудовольствию Бонифации, старой служанки, — особы еще более экономной, чем тетушка Грейстил. Старушка досталась новым хозяевам в придачу к дому.

Она оказалась превосходной служанкой, склонной, однако, покритиковать как самих хозяев, так и некоторые их поручения. Бонифации помогал медлительный и вечно недовольный юноша по имени Миникелло, встречавший всякое приказание недовольным бормотанием на местном

диалекте. Бонифация постоянно отчитывала Миникелло, и тетушка Грейстил заподозрила, что юноша состоит с ней в родстве, однако никаких доказательств тому пока не обнаружила.

Так, в хлопотах по дому (каждый день тетушка Грейстил делала в нем новые — приятные и не очень — открытия) и ежедневных сражениях с Бонифацией проходили дни тетушки Грейстил. Однако главной своей обязанностью тетушка считала заботу о душевном состоянии Флоры. Девушка стала тихой и печальной. Она вежливо отвечала на расспросы, но сама никогда не начинала беседу. В Венеции Флора была главной зачинщицей развлечений, ныне лишь безропотно соглашалась с затеями тетушки. Она явно предпочитала одиночество. В одиночестве гуляла, читала, сидела в гостиной, освещенная тонким солнечным лучом, проникавшим в комнату около часу пополудни. Флора стала менее открытой и доверчивой, словно кто-то — необязательно Джонатан Стрендж — обманул ее доверие, и теперь девушка решила полагаться только на себя.

В первую неделю февраля в Падуе случилась сильная гроза. Она началась в середине дня. Ветер налетел с востока, со стороны Венеции и

моря. Старики — завсегдатаи кофеен — утверждали, что до последнего мгновения ничто не предвещало бурю. Другие падуанцы не придали этому значения: стояла зима и грозы случались нередко.

Сначала на город обрушился сильный порыв ветра. Он не щадил дверей и окон, ища каждую щелочку, чтобы ворваться внутрь. Тетушка Грейстил и Флора сидели в маленькой гостиной на первом этаже. Неожиданно оконные стекла задрожали, а подвески на люстре задребезжали. Письмо, которое писала тетушка, вырвалось из рук и закружилось по комнате. За окнами потемнело, как ночью, и дождь хлынул стеной.

В гостиную вошли Бонифация и Миникелло. Они появились под предлогом того, что хотят услышать приказания тетушки Грейстил, а на самом деле Бонифации не терпелось поохать вместе с тетушкой, изумляясь силе ветра. Вместе они образовали превосходный дуэт, хоть и поющий на разных языках. Миникелло увязался вслед за Бонифацией. Он мрачно взирал на грозу, нимало не сомневаясь, что ее устроили с намерением прибавить ему работы.

Тетушка, Бонифация и Миникелло стояли у окна и смотрели, как вспышки молнии превра-

щают привычный вид в зловещее чередование мертвенно-бледных и сумрачных готических картин. Раскаты грома сотрясали дом. Бонифация то и дело обращалась к Пресвятой Деве и некоторым святым. Тетушка, не менее встревоженная, вероятно, не отказалась бы от помощи свыше, но, будучи прихожанкой англиканской церкви, могла лишь восклицать: «Ай-ай-ай!» и «Что творится-то!», но едва ли это приносило ей облегчение.

— Флора, девочка моя, — обратилась она к племяннице слегка дрожащим голосом, — ты не испугалась? Гроза такая сильная!

Флора подошла к окну, взяла тетушку за руку и сказала, что гроза скоро кончится. Вновь сверкнула молния, озарив пейзаж за окном. Неожиданно Флора уронила тетушкину руку, открыла задвижку и выбежала на балкон.

— Флора! — воскликнула тетушка.

Девушка протянула руки в ревущую тьму, совершенно забыв о дожде, вмиг промочившем ее платье, и ветре, растрепавшем волосы.

— Флора, голубушка! Флора, вернись!

Племянница обернулась и что-то сказала, но тетушка не расслышала.

Миникелло вышел на балкон и на удивление

мягко (на миг позабыв всегдашнюю суровость) попытался развернуть Флору огромными плоскими ручищами, словно пастух, направляющий заблудшую овечку за плетеную изгородь.

— Разве вы не видите? — вскричала девушка. — Там кто-то есть! Там, в углу! Вы видите? Кажется, это… — Она осеклась и не закончила фразы.

— Голубушка, надеюсь, ты ошибаешься. Мне жаль тех несчастных, кого гроза застала на улице. Надеюсь, они скоро найдут укрытие. Господи, Флора, да на тебе сухого места нет!

Бонифация принесла полотенца, и вместе с тетушкой Грейстил они принялись сушить платье Флоры, суетясь и мешая друг другу. Одновременно обе давали указания Миникелло: тетушка — на ломаном итальянском, Бонифация — на стремительном местном диалекте. Указания, как и лихорадочные движения обеих женщин, только вносили сумятицу, поэтому Миникелло просто стоял и смотрел на них с привычным кислым выражением на лице.

Поверх склоненных голов Флора неотрывно смотрела на улицу. Вновь сверкнула молния. Флора застыла, словно громом пораженная, вырвалась из рук женщин и выбежала из гостиной.

Они не успели спросить, куда она бежит. Сле-

дующие полчаса прошли в титанической борьбе со стихией: Миникелло пытался закрыть ставни, Бонифация в темноте искала свечи, а тетушка Грейстил вспомнила, что итальянское слово, которое она использовала, имея в виду «ставни», на самом деле означает «пергамент». То и дело каждый из троих выходил из себя. Зазвонили все колокола, ибо, согласно поверью, они (будучи освященными предметами) разгоняют грозу (насылаемую дьяволом), однако тетушка особого улучшения не заметила.

Наконец дом был огражден от ливня — или почти огражден. Тетушка оставила Бонифацию и Миникелло завершать работу и, забыв, что Флора на ее глазах выбежала из гостиной, вернулась туда со свечой. Флоры в гостиной не оказалось. Тетушка отметила, что Миникелло не закрыл в этой комнате ставни.

Она поднялась в спальню Флоры — там племянницы не было. Не было ее ни в столовой, ни в тетушкиной спальне, ни в маленькой послеобеденной гостиной. Флоры не было ни в кухне, ни в вестибюле, ни в каморке садовника.

Тетушка Грейстил не на шутку разволновалась. Безжалостный внутренний голос принялся нашептывать ей, что неприятности с женой

Джонатана Стренджа начинались так же — она вышла из дома в ненастье.

«Но тогда шел снег, а не дождь, — твердила себе тетушка. Обходя дом в поисках Флоры, она без конца повторяла: — Снег, а не дождь. Снег, а не дождь». Затем ей в голову пришла новая мысль: «А что, если Флора в гостиной? Я просто не заметила в темноте, а она любит сидеть тихо, как мышка. Должно быть, я ее не заметила».

И тетушка Грейстил вернулась в гостиную. Молния осветила комнату, выбелив стены, а мебель сделав серой, словно из камня. Внезапно тетушка поняла, что находится в комнате не одна — женщина, *но не Флора*, стояла напротив, сжимая в руке подсвечник. На женщине было черное, старомодного кроя платье, лицо скрывалось в тени.

Тетушка похолодела.

Вслед за раскатом грома упала тьма, только горели две свечи, но странным образом свеча в руках женщины ничего не освещала. Еще удивительнее было ощущение, будто гостиная расширилась и женщина с подсвечником стоит далеко-далеко от тетушки Грейстил.

— Кто здесь? — воскликнула тетушка.

Ответа не последовало.

«Должно быть, — подумала тетушка, — она итальянка. Мне следует обратиться к ней на ее родном языке. Вероятно, из-за грозы она по ошибке зашла в чужой дом». Однако как на грех тетушка не могла вспомнить ни одного итальянского слова.

Вновь сверкнула молния. Неизвестная женщина стояла на прежнем месте.

«Это призрак жены Джонатана Стренджа!» — сообразила тетушка. Она сделала шаг вперед. Женщина тоже шагнула вперед. Внезапно тетушку осенило. Зеркало! Испугаться собственного отражения! Облегчение было так велико, что она чуть не расхохоталась, но радовалась она рано: *в этом углу гостиной зеркала прежде не было.*

Следующая вспышка молнии осветила зеркало. Безобразное и совершенно не подходящее гостиной по размеру. Тетушка была уверена, что видит его первый раз.

Тетушка Грейстил выбежала из комнаты — ужасное зеркало мешало ей сосредоточиться. На середине лестничного пролета она услышала какие-то шорохи, доносившиеся из спальни Флоры. Она открыла дверь и заглянула внутрь.

При свете свечи Флора через голову стягивала с себя платье. Платье промокло до нитки. Нижняя

юбка и чулки находились не в лучшем состоянии. Туфли валялись на полу, совершенно испорченные дождевой водой.

Флора смотрела на тетушку со смешанным выражением вины, смущения, вызова и иных чувств, которые трудно описать.

— Пустяки! Пустяки! — воскликнула она.

Вероятно, она торопилась ответить на невысказанные тетушкой вопросы, но та лишь всплеснула руками:

— Ах, дорогая! Где ты была? Зачем вышла на улицу в такую погоду!

— Я… я ходила за нитками для вышивания.

Видимо, на лице тетушки было написано такое изумление, что Флора добавила:

— Я не знала, что дождь зарядит надолго.

— Должна сказать, дорогая, ты поступила неразумно. Но ты, наверное, очень напугалась? Оттого и плакала?

— Плакала? Нет! Вы ошибаетесь, тетушка. Я не плакала. Это все дождь.

— Но ведь ты…

Тетушка Грейстил запнулась. Она хотела сказать: «*Ты и сейчас плачешь*», но Флора замотала головой и отвернулась. Зачем-то девушка скрутила шаль в узел, и тетушка невольно подумала:

если бы Флора накинула шаль на плечи, то не вымокла бы так сильно. Размотав шаль, девушка достала бутылочку, до половины наполненную янтарной жидкостью, открыла шкафчик и поставила бутылочку внутрь.

— Ах, Флора, ты не представляешь, что случилось! Право, не знаю, как начать, но там… там зеркало…

— Знаю, — отвечала Флора. — Это мое зеркало.

— Твое? — Тетушка потеряла дар речи. Немного придя в себя, она не нашла ничего лучшего, чем спросить: — А где ты его купила?

— Точно не помню. Должно быть, зеркало только что доставили.

— Какой глупец станет возиться с зеркалом в такую грозу? А если такой и найдется, разве не должен он сначала постучать в дверь, а не прокрадываться тайком?

На этот весьма разумный вопрос Флора не нашлась что ответить.

Впрочем, тетушка Грейстил не стала ей за это пенять. Она так обессилела от грозы и треволнений дня, что вполне удовлетворилась ответом на вопрос, *откуда* взялось зеркало, решив отложить на потом вопрос, *как* оно проникло в дом. И тетушка Грейстил вернулась к привычным

заботам: заговорила о платье и туфлях Флоры, выразила тревогу, не подхватила ли племянница простуду, которая тотчас сведет ее в могилу, подала ей халат, уговорила ее погреться у очага и поесть горячего.

Когда они спустились в гостиную, тетушка Грейстил сказала:

— Смотри, гроза прошла! Кажется, повернула в сторону моря, откуда явилась. Как странно! Наверное, твои нитки намокли.

— Нитки? — переспросила Флора. — Ах да, нитки. Я не дошла до лавки. Вы были правы, тетушка, не стоило выходить из дома в такое ненастье.

— Мы сходим туда и купим все, что тебе нужно. Бедные рыночные торговцы! Дождь испортил весь их товар. Бонифация сварит тебе овсянку, моя дорогая. Забыла, сказала я ей, чтобы взяла свежее молоко?

— Не знаю, тетя.

— Пойду напомню.

— Я схожу, тетя, — сказала Флора, пытаясь встать.

Но тетушка Грейстил и слышать об этом не желала. Флора непременно должна согреться у огня, а ноги поставить на скамеечку.

Небо развиднелось, и в комнатах посветлело. По пути на кухню тетушка остановилась еще раз взглянуть на зеркало. Такие громадные зеркала с богато украшенными рамами делали на острове Мурано в Венецианской лагуне.

— Странно, что ты выбрала такое зеркало, Флора. Столько узоров и завитушек! Обычно тебе нравятся более скромные вещи.

Флора вздохнула и сказала, что в Италии научилась ценить роскошные и изысканные предметы.

— Дорогое? — спросила тетушка. — Выглядит дорого.

— Нет, совсем не дорого.

— И то хорошо.

Тетушка Грейстил спустилась на кухню, радуясь, что все утренние тревоги и бедствия остались позади. Однако она ошибалась.

На кухне вместе с Бонифацией и Миникелло стояли двое мужчин, которых тетушка раньше в доме не видела. Бонифация еще не начинала варить Флоре кашу, даже не вынула крупу и молоко из буфета.

Завидев тетушку, Бонифация схватила ее за руку и возбужденно затараторила на местном наречии. Служанка говорила о грозе — это было очевидно, — она называла грозу злом, но больше тетушка ничего не разобрала. К ее удивлению, на помощь пришел Миникелло. На ломаном английском он проговорил:

— Английский чародей сделать это. Английский чародей сделать *tempesta*.

— Как ты сказал?

Перебиваемый Бонифацией и другими мужчинами, Миникелло поведал тетушке Грейстил, что во время грозы люди видели в небе просвет, но испугало их то, что в просвете сияла не лазурь, а

звезды на фоне ночного неба. Гроза была вызвана не естественными причинами — ее сотворил Стрендж, чтобы скрыть приближение Башни Тьмы.

Вскоре новость разлетелась по городу, тревожа покой горожан. До сих пор Башня оставалась в Венеции, которая представлялась падуанцам естественным местом для всяческих ужасов. Теперь выходило, что Стренджа удерживали в Венеции не чары, а собственная прихоть. И отныне любой город в Италии, да что там, любой город в мире не застрахован от визита Вечной Тьмы. Вдобавок ко всему тетушку Грейстил терзала неприятная мысль, что Флора сказала ей неправду. Солгала ли девушка под влиянием колдовских чар, или симпатия к Стренджу ослабила ее принципы? Поди разберись, которая из причин хуже.

Она написала брату в Венецию, умоляя его приехать, а до тех пор решила держать свои мысли при себе. До самого вечера она глаз не спускала с племянницы, которая вела себя как обычно, однако порой тетушке казалось, что в ее поведении проскальзывают следы раскаяния — хотя для раскаяния не было повода.

На следующий день к обеду — письмо еще не успели доставить в Венецию — доктор Грейстил

вместе с Фрэнком прибыли в Падую. Как выяснилось, для венецианцев не было секретом, что Стрендж покидал площадь Санта-Мария-Дзобениго. Горожане видели, как Башня Тьмы движется по морю. По ее поверхности пробегали вспышки, башня изгибалась и закручивалась, а черные спирали вырывались наружу, словно всполохи темного пламени. Каким образом Стрендж пересек море: на лодке или с помощью заклинания, — так и осталось неизвестным. Гроза, которую он наколдовал, чтобы скрыть свое появление, началась в восьми милях от Падуи — в Стра.

— Поверь мне, Луиза, — говорил доктор Грейстил, — ни за что на свете не хотел бы я поменяться с ним местами. Все от него бегут. От Местре до Стра ему наверняка не встретилось ни единой живой души — лишь тихие улицы и брошенные поля. Отныне мир для Стренджа стал пустыней.

Если поначалу тетушка не испытывала к волшебнику особенно нежных чувств, то к концу рассказа глаза ее наполнились слезами.

— А где он сейчас? — спросила она помягчевшим тоном.

— Как и прежде, в квартире на площади Санта-Мария-Дзобениго, — ответил доктор. — Как

только я услышал, что Стрендж был в Падуе, я спросил себя: встречи с кем он искал? Мы выехали при первой возможности. Где Флора?

Флора ждала отца в гостиной. Казалось, девушке не терпится облегчить душу. Не успел доктор Грейстил задать ей первый вопрос, как она выложила ему все без утайки. Обливаясь слезами, Флора поведала отцу, что виделась со Стренджем. Заметив его с балкона и поняв, что он пришел ради нее, она выбежала из дома в грозу.

— Обещаю, я все тебе расскажу, — сказала она, — но не сейчас. Я не сделала ничего дурного. Вот только… — девушка покраснела, — вот только мне пришлось солгать тете, о чем я очень сожалею. Но это чужая тайна.

— О каких тайнах ты толкуешь, Флора? — воскликнул отец. — Одного этого довольно, чтобы я насторожился. Люди, чьи намерения чисты, не таятся.

— Да, но только не волшебники! У мистера Стренджа есть враги — этот ужасный старик в Лондоне и другие! Мне не в чем себя упрекнуть. Понимаешь, он практиковал магию, которая его разрушала, и вчера я убедила его от нее отказаться! И мистер Стрендж дал мне обещание.

— Флора, — печально промолвил доктор Грей-

стил, — твои слова огорчают меня еще сильнее. Ты считаешь себя вправе требовать от него обещаний. Разве ты не понимаешь, что это значит? Дорогая моя, вы помолвлены?

— Ах, папа, нет! — Девушка снова залилась слезами.

Тетушке потребовалось немало времени, чтобы ее успокоить, после чего Флора продолжила:

— Не было никакой помолвки. Да, когда-то я увлекалась мистером Стренджем, но это в прошлом. Он дал мне обещание ради нашей дружбы. И ради жены. Он считает, что делает все ради нее, но я уверена, при любых обстоятельствах она не позволила бы ему разрушать свой разум и подрывать здоровье! Она больше не может направлять его — и мне приходится действовать от ее имени.

— Флора, — сказал после паузы доктор Грейстил, — ты забываешь, что я часто видел его в Венеции. Стрендж не способен сдержать обещание. И вряд ли он помнит, что обещал.

— Нет, способен! Я сделала так, что ему придется сдержать обещание!

Новый поток слез заставил родных усомниться в искренности ее слов. Однако разговор принес им некоторое успокоение. Они рассуждали так:

со временем чувства Флоры к Джонатану Стренджу остынут, ибо таков установленный порядок вещей. Тем же вечером тетушка Грейстил заметила, что ее племянница не из тех, кто будет всю жизнь горевать о несбыточной любви. Флора — девушка разумная.

Воссоединившись, доктор Грейстил с сестрой начали мечтать о продолжении путешествия. Тетушка хотела посетить Рим, дабы своими глазами увидеть прославленные античные памятники. Однако Флора утратила интерес к древностям. Она заявила, что чувствует себя совершенно счастливой, и если выходила из дому, то лишь в случае крайней нужды, а когда родные звали ее на прогулку или полюбоваться ренессансной алтарной росписью, неизменно отказывалась, ссылаясь на дождь. И впрямь в тот год зима в Падуе выдалась дождливая, но раньше это обстоятельство ничуть не смущало Флору.

Ее тетушка и отец делали вид, будто ничего не происходит, однако порой доктор злился. Он приехал в Италию не для того, чтобы просиживать сутки напролет в комнатах, вполовину меньшего размера, чем в его уютном уилтширском доме! Наедине с сестрой он ворчал, что читать романы и вышивать (занятие, которому Флора посвящала

теперь все время) можно и в Англии, причем с меньшими издержками, но тетушка Грейстил неизменно вставала на сторону племянницы. Если Флоре угодно скорбеть по Джонатану Стренджу, то так тому и быть.

Лишь однажды Флора предложила родным совершить морскую прогулку, причем довольно необычную. Спустя неделю после возвращения отца она заявила, что хочет на море.

Ей хочется путешествовать морем? Они могут поплыть в Рим или Неаполь на корабле.

Однако Флора имела в виду иное. Она и не думала покидать Падую. Ей хотелось совершить морскую прогулку на яхте или на лодке. Часок-другой, но чем скорее, тем лучше. И на следующий день они отправились в небольшую рыбацкую деревушку.

Деревушка не могла похвастаться ни архитектурными, ни природными красотами, и, пожалуй, главной ее отличительной особенностью была близость к Падуе. Доктор Грейстил расспросил людей в таверне и в доме священника и нашел двух степенных рыбаков, которые согласились прокатить их по морю. Рыбаки не имели ничего против честно заработанных денег, но поспешили заверить доктора, что он только зря потратит

время. Здесь и в хорошую погоду не на что смотреть, а уж в такую и подавно! Сильный дождь обещал превратить прогулку в чистое мучение, но даже ветер не мог рассеять тяжелого серого тумана над водой.

— Голубушка, ты уверена? — спросила тетушка Грейстил. — Местность вокруг такая унылая, а в лодке ужасно воняет рыбой!

— Да, тетя, уверена.

Флора забралась в лодку и уселась на корме. Тетушка и отец последовали за ней. Озадаченный рыбак направил лодку в море. Вскоре их окружила серая масса воды и такой же серый туман. Рыбак вопросительно посмотрел на доктора Грейстила, который, в свою очередь, обратил взгляд на дочь.

Однако Флоре было не до них. Она задумчиво склонилась над водой, опустив за борт правую руку.

— Вот, опять! — воскликнул доктор.

— Что опять? — раздраженно спросила тетушка.

— Кошачий запах! Пахнет, как в комнате у старухи! Помните ту старуху? В лодке есть кошки?

Вопрос прозвучал нелепо. Никаких кошек в лодке отродясь не водилось.

— Тебя что-то беспокоит, моя дорогая? — спросила тетушка Флору. Поза племянницы показалась ей странной. — Ты, часом, не заболела?

— Нет, тетушка, — ответила Флора, выпрямляясь. — Я здорова, и, если вы не возражаете, мы можем вернуться домой.

Тетушка Грейстил успела разглядеть в волнах маленький пузырек без крышки. Вскоре пузырек навеки исчез под водой.

Эта прогулка стала единственной за многие недели. Иногда тетушка Грейстил пыталась убедить племянницу посидеть в кресле у окна и понаблюдать за прохожими на улицах. На итальянских улицах все время происходит что-нибудь забавное. Однако Флора неизменно выбирала кресло в темном углу под ужасным зеркалом. Она завела странную привычку сравнивать, как выглядят вещи в зеркале и в действительности. Флора могла указать на шаль, свисавшую с кресла, и заметить:

— Шаль в зеркале не такая.

— А какая? — изумленно восклицала тетушка.

— В зеркале она коричневая, а на самом деле синяя. Разве нет?

— Не знаю, голубушка, по мне так разницы никакой.

— Вы правы, тетушка, — со вздохом соглашалась Флора.

61. «Дерево говорит с камнем; камень говорит с водой»

Январь-февраль 1817 года

После того как мистер Норрелл уничтожил книгу Стренджа, общественное мнение в Англии встало на сторону последнего, а поведение Норрелла подверглось всеобщему осуждению. Публично и в частных беседах люди сравнивали двух волшебников. Стрендж был известен как человек открытый, мужественный и деятельный, в то время как главной отличительной чертой мистера Норрелла была скрытность. Стрендж участвовал в Пиренейской войне, а Норрелл тем временем скупал магические книги из библиотеки герцога Роксбурга, чтобы никто, кроме него, не мог их прочесть. Однако с середины января газеты наперебой твердили о безумии Стренджа, описывали Башню Тьмы и строили догадки, что за магия ее породила. Некоему англичанину по имени Листер случилось находиться в Местре в тот день, когда Стрендж оставил Венецию и посетил Падую. Листер видел, как Башня шла по морю, и отправил в Англию сообщение об

увиденном. Три недели спустя отчеты о том, как Башня Тьмы молчаливо скользит по морской глади, появились в лондонских газетах. Не прошло и месяца, а Стрендж стал для своих соплеменников воплощением ужаса, проклятым созданием, в котором не осталось ничего человеческого.

Однако внезапное бесславие Стренджа нисколько не возвысило мистера Норрелла. Больше он не получал ни поручений от правительства, ни, что куда хуже, заказов от частных лиц. В начале января настоятель собора Святого Павла попросил мистера Норрелла разузнать, где находится могила некоей молодой женщины. Брат умершей пожелал воздвигнуть памятник членам своей семьи, но когда дошло до извлечения гроба, обнаружилось, что в церковной книге место погребения указано неверно, и никто не знает, где она похоронена. Мистер Норрелл заверил настоятеля, что приступит к колдовству, как только ему сообщат имя умершей. Ответа он так и не дождался. Вместо этого настоятель прислал письмо, в котором неловко извинялся и объяснял отказ тем, что внезапно понял: духовному лицу негоже прибегать к услугам волшебника.

Лассельс согласился, что ситуация требует немедленного вмешательства.

— О каком возрождении английского волшебства можно говорить, если никто в Англии не практикует магию? — спросил он Норрелла. — Мы должны напомнить публике о ваших достижениях.

И Лассельс засел за написание газетных статей. Он поносил Стренджа и восхвалял Норрелла. Лассельс также решил, что они с Норреллом должны посетить Брайтон, чтобы взглянуть на стену, которую когда-то с помощью магии воздвигли вокруг английского побережья мистер Норрелл и Джонатан Стрендж. Последние два года заботы о стене отнимали у мистера Норрелла уйму времени и стоили казне немалых средств.

Одним особенно промозглым и ветреным февральским днем они стояли на пляже в Брайтоне, обозревая ничем не примечательную серую бесконечность воды.

— Стена невидима, — заметил Лассельс.

— Разумеется! — с жаром подхватил мистер Норрелл. — Однако это нисколько не умаляет ее пользы! Стена охраняет утесы от размыва, жителей побережья и их дома — от штормов, а также препятствует врагам Британии осуществить высадку!

— А что, если через равные промежутки рас-

положить на стене маяки? Нелишне напомнить людям о ее существовании. Как насчет таинственно мерцающих над водой огней? Или водяных колонн? Чего-нибудь в подобном духе?

— Для меня нет ничего проще, чем создать магические иллюзии, о которых вы упомянули, — ответил мистер Норрелл, — однако вам следует понять, что это чистое украшательство, которое не усилит колдовства. В нем нет никакой пользы.

— Его польза в том, чтобы постоянно напоминать о трудах великого мистера Норрелла, — строго промолвил Лассельс. — Пусть британцы помнят, что вы — защитник нации, неусыпно радеющий о ее благе. Это будет куда полезнее десяти, даже двадцати журнальных статей.

— Вы полагаете? — усомнился мистер Норрелл, однако пообещал, что в будущем, творя колдовство, не станет пренебрегать внешними эффектами, способными возбудить интерес публики.

Они переночевали в таверне «Старый бриг» и наутро вернулись в Лондон. Мистер Норрелл терпеть не мог долгих путешествий. Его коляска представляла собой выдающееся произведение каретного искусства — здесь были и метал-

лические рессоры, и толстые подушки, — но волшебник все равно ощущал каждый ухаб и колдобину на дороге. Спустя полчаса езды его начинали мучить боли в спине, голова раскалывалась, к горлу подкатывала тошнота. Однако в то утро мистер Норрелл и думать забыл о своих болячках. Он пребывал в чрезвычайно возбужденном состоянии; душу терзали непрошеные мысли и неясные страхи.

Через окно коляски мистер Норрелл наблюдал множество огромных черных птиц — воронов или ворон — и сердцем волшебника понимал, что это неспроста. На фоне бледного неба кружили птицы, распластав крылья, словно черные руки, и являя собой живое воплощение Ворона-в-полете — знамени Джона Аскгласса. Мистер Норрелл спросил у Лассельса, не кажется ли тому, что их необычно много? Лассельс не знал. Кроме птиц, мистера Норрелла тревожили многочисленные лужи. Коляска проезжала мимо полей, и в каждой луже, как в серебряном зеркале, отражалось чистое зимнее небо. Для волшебника нет особенной разницы между зеркалом и дверью. Норрелл чувствовал: войдя в любую из этих дверей, он попадет в один из миров, некогда граничивших с Англией. Хуже того, ему казалось, что двери

эти открыты для любого. Привычный сассекский пейзаж на глазах превращался в Англию из старинной баллады:

Печальна смутная наша страна,
Как белый туман болот,
Как ветром гонимые клочья дождя,
Когда Ворон-король грядет[158].

Впервые в жизни мистер Норрелл подумал, что в Англии, возможно, слишком много магии.

На Ганновер-Сквер мистер Норрелл и Лассельс немедленно отправились в библиотеку. Чилдермасс сидел за столом — перед ним лежала стопка писем, и одно из них он читал.

Чилдермасс поднял глаза на мистера Норрелла:

— Отлично! Вы вернулись! Прочтите.

— Что? Что это?

— Письмо от некоего Траквайра. Он пишет, что юноша из Ноттингемшира на его глазах спас ребенка с помощью волшебства.

— Ну знаете, мистер Чилдермасс, — со вздохом заметил Лассельс, — нашли с чем приставать к хозяину…

---

[158] Примечания: 158
См. гл. 3, примеч. 1.

Он посмотрел на стопку распечатанных писем. На одном из них стояла большая печать с гербом. Несколько секунд Лассельс рассматривал печать, затем наконец до него дошло. Он схватил письмо со стола.

— Мистер Норрелл! Послание от лорда Ливерпуля!

— Наконец-то! — воскликнул мистер Норрелл. — И что он пишет?

Лассельс быстро пробежал глазами письмо.

— Он просит нас явиться в Файф-хаус по безотлагательному делу! — Лассельс задумался. — Это точно иоанниты. Ливерпулю следовало обратиться к вам несколько лет назад. Я рад, что он это понял. А вы-то хороши, — набросился он на Чилдермасса, — совсем голову потеряли? Что вы замышляете? Болтаете о каких-то нелепостях, а письмо от премьер-министра валяется на столе!

— Лорд Ливерпуль подождет, — ответил Чилдермасс, обращаясь к мистеру Норреллу. — Поверьте, вам следует знать, что написано в этом письме.

Лассельс фыркнул.

Мистер Норрелл в полной растерянности переводил взгляд с одного на другого. Он привык прислушиваться к советам обоих, и их ссоры

(которые с годами становились все яростнее) совершенно изнурили его. Так бы он и стоял, не в силах сделать выбор, если бы Чилдермасс не взял хозяина за руку и не вывел в коридорчик, после чего с силой захлопнул дверь и прислонился к ней спиной.

— А теперь слушайте. Это случилось в одном богатом поместье в Ноттингемшире. Пока взрослые сидели в гостиной, а слуги хлопотали, маленькая девочка выбежала в сад, вскарабкалась по стене огорода и принялась расхаживать по ней, но поскользнулась и упала на крышу оранжереи. Стекло разбилось и проткнуло ее в нескольких местах. Крики девочки услышал слуга. На расстоянии десяти миль врача не оказалось. И тогда один из гостей, юноша по имени Джозеф Эбни, вылечил девочку при помощи колдовства. Он вывел осколки из ее тела и срастил поломанные кости с помощью Восстановления и Исправления[159] Мартина Пейла, а также остановил кровь, используя Руку Тейло[160].

---

[159] Примечания: 159

Восстановление и исправление — заклинание, которое устраняет последствия недавнего несчастья.

[160] Примечания: 160

Рука Тейло — древнее эльфийское заклинание, которое останавливает дождь, огонь, ветер, воду и кровь. Вероятно, названо по имени эльфа, который первым обучил ему английского волшебника.

— Невероятно! — воскликнул мистер Норрелл. — Рука Тейло считалась утерянной сотни лет назад, а заклинания Мартина Пейла весьма сложны в применении. Юноше потребовались бы годы, чтобы…

— Однако сам он утверждает, что изучал магию весьма поверхностно. Вероятно, ему известны названия заклинаний, не более. Впрочем, Траквайр пишет, что колдовал он так уверенно, будто занимался этим всю жизнь. Гости стали спрашивать юношу, что он делает, — отец девочки был весьма встревожен его манипуляциями, — но Эбни не отвечал и, судя по всему, не слышал вопросов. После юноша вел себя так, будто очнулся ото сна. Он без конца твердил: «Дерево говорит с камнем; камень говорит с водой». Кажется, он решил, что им руководили деревья и небо.

— Что за мистическая ахинея!

— Я так не думаю. С тех пор как мы прибыли в Лондон, я прочел множество писем, авторы которых безо всяких на то оснований мнили себя волшебниками. Но сейчас готов биться об заклад, что мы имеем дело с настоящим волшебством. Кроме того, это письмо не единственное — отовсюду люди пишут, что их заклинания работают. Одного я не пойму…

И тут в дверь, которую подпирал Чилдермасс, заколотили. Дверь распахнулась, и Чилдермасс упал на мистера Норрелла. В проеме стояли Лукас и кучер Дэйви.

— Прошу прощения, сэр, — удивился Лукас. — Я понятия не имел, что вы тут. Мистер Лассельс сказал, что дверь заклинило, и мы с Дэйви хотели ее открыть. Коляска готова отвезти вас к лорду Ливерпулю.

— Скорее, мистер Норрелл! — раздался крик Лассельса из библиотеки. — Лорд Ливерпуль ждет.

Волшебник бросил тревожный взгляд на Чилдермасса и удалился.

Путешествие не доставило мистеру Норреллу никакого удовольствия. Всю дорогу до Файф-хауса Лассельс изливал желчь, негодуя на Чилдермасса.

— Простите за прямоту, мистер Норрелл, но вы сами виноваты! Иногда кажется разумным предоставить толковому слуге некоторую свободу, но впоследствии вы раскаетесь. Этот мерзавец не видит греха в том, чтобы безнаказанно перечить вам и оскорблять ваших друзей. Мой отец стегал слуг кнутом и за меньшие провинности. Ах, я бы многое отдал… — Лассельс дернулся, заерзал и

откинулся на подушки, затем продолжил спокойнее: — Поразмыслите хорошенько, сэр, так ли вы нуждаетесь в его услугах? И не симпатизирует ли он втайне Стренджу? Вот о чем стоит задуматься. — Он посмотрел в окно на мрачные серые здания. — Приехали. Умоляю вас, мистер Норрелл, подумайте о моих словах. И каких бы усилий ни потребовало поручение его милости, не вздумайте пускаться в долгие объяснения. От этого ваши трудности не станут меньше.

Мистер Норрелл и Лассельс застали лорда Ливерпуля в кабинете рядом с письменным столом, где его милость решал все важнейшие дела страны. С ним был лорд Сидмут, министр внутренних дел. Они мрачно смотрели на мистера Норрелла.

— Я получил известия из Линкольншира, Йоркшира, Сомерсета, Корнуолла, Уорикшира и Камберленда… — начал премьер-министр; Лассельс едва не зажмурился от удовольствия в предвкушении грядущих поручений и соответствующего вознаграждения. — Жалуются на волшебство, которое с недавнего времени творится в этих графствах.

Мистер Норрелл заморгал маленькими глазками:

— Простите, ваша милость?

— Мистеру Норреллу ничего об этом не известно, — вставил Лассельс.

Лорд Ливерпуль смерил Лассельса недоверчивым взглядом, словно усомнился в правдивости его слов. На столе лежала стопка бумаг. Его милость вытащил листок наугад.

— Четыре дня назад в Стемфорде, — начал он, — девочка-квакерша с подружкой о чем-то шептались в комнате. Услышав шум, они обнаружили за дверью младшего брата девочки, который подслушивал. Разозлившись, они побежали за ним и нагнали его в саду. Там девочки соединили руки и произнесли магическое заклинание. В тот же миг уши младшего брата отделились от головы и улетели. Ему пришлось поклясться страшной клятвой, что он никогда больше не станет подслушивать, и только тогда уши, которые приземлились на розовый куст, изволили вернуться на место.

Никогда еще мистер Норрелл не выглядел таким смущенным и сбитым с толку.

— Весьма печально, что столь невоспитанные юные особы изучают магию. Представительниц женского пола, по моему разумению, и вовсе не должно допускать до магической науки. Однако я не понимаю, при чем…

— Мистер Норрелл, — перебил лорд Ливерпуль, — девочкам всего тринадцать. Их родители клянутся, что они в глаза не видели никаких заклинаний. В Стемфорде никогда не было ни волшебников, ни книг по магии.

Мистер Норрелл открыл было рот, чтобы возразить, но не нашелся с ответом.

— Странно, — заметил Лассельс. — А что говорят девочки?

— Они сказали родителям, что опустили глаза и на дорожке камушками были выложены слова. Именно камни подсказали им, как поступить. С тех пор многие пытались разглядеть что-нибудь на тех серых камнях, но не нашли ни символов, ни магических заклинаний, обычный серый щебень.

— Похожие сообщения приходят не только из Стемфорда? — спросил мистер Норрелл.

— Отовсюду, однако по большей части с севера. Это началось две недели назад. Семнадцать волшебных троп обнаружилось в Йоркшире. Разумеется, они существовали со времен Короля-ворона, но столетиями ими не пользовались, и тропы успели зарасти. А теперь они снова видны. Трава сошла, и местные жители уверяют, что тропы ведут в странные, неизведанные места.

— Неужели кто-то… — мистер Норрелл запнулся и облизнул губы, — кто-то уже ходил по этим тропам?

— Пока нет, — ответил лорд Ливерпуль, — но, полагаю, рано или поздно это случится.

Лорд Сидмут не вытерпел.

— Что может быть хуже? — выпалил он. — Одно дело менять Испанию, мистер Норрелл, но здесь Англия! Ни с того ни с сего мы оказались на границе с неведомыми землями, о которых никто прежде не слыхивал! Не могу выразить всю меру моего возмущения. Это не государственная измена в строгом смысле слова… я не знаю, существуют ли слова для вашего поступка!

— Но я ничего не сделал! — в отчаянии воскликнул мистер Норрелл. — Почему непременно я? Я всегда боялся волшебных троп! Все об этом знают. — Волшебник обернулся к лорду Ливерпулю. — Я взываю к вам, ваша милость! Разве я когда-нибудь давал повод заподозрить меня в сочувствии эльфам или их волшебству? Разве не я всегда был самым ревнивым и последовательным их гонителем?

Впервые с начала разговора слова волшебника смягчили премьер-министра. Его милость слегка наклонил голову:

— Тогда кто это сделал, по-вашему?

Вопрос лорда Ливерпуля, казалось, поразил мистера Норрелла в самое сердце. Он застыл, не в состоянии вымолвить слова, только открывал и закрывал рот.

Лассельс, напротив, полностью владел собой. Он понятия не имел, да и не стремился узнать, кто ответственен за последние события, но твердо знал, как следует отвечать, чтобы обратить обстоятельства к пользе своей и мистера Норрелла.

— Я удивлен, что вы спрашиваете, ваша милость, — холодно заметил он. — Гнусность творимого волшебства выдает его автора. Разумеется, это Стрендж.

— Стрендж? — Лорд Ливерпуль заморгал. — Он в Венеции!

— Мистер Норрелл полагает, что Стрендж больше не властен над собой, — сказал Лассельс. — Он практиковал самые отвратительные виды магии, якшался с врагами Великобритании, христианского мира и всего рода человеческого! Эти злосчастные события — магический опыт, поставленный Стренджем, опыт, который закончился неудачей! Хотя, возможно, он действовал намеренно. Я хочу напомнить вашей милости, что мистер Норрелл предупреждал вас об опасности,

которую представляют магические экзерсисы Стренджа. Мы неоднократно писали вам, но ответа так и не получили. Какая удача, что у нас есть мистер Норрелл с его непреклонностью, твердостью и решительностью! — Лассельс посмотрел на волшебника, который в это мгновение олицетворял собой вялость, потерянность и бессилие.

Лорд Ливерпуль обернулся к мистеру Норреллу:

— Вы разделяете это мнение?

Казалось, мистер Норрелл полностью ушел в себя, лишь бубнил себе под нос:

— Это я, это моих рук дело.

И хотя он не повышал голоса, его слова слышали все в комнате.

Лассельс удивленно расширил глаза, однако не растерялся.

— Ваши чувства понятны, сэр, — заметил он, — но вы должны понимать, насколько это утверждение далеко от истины. Когда вы обучали Стренджа волшебному искусству, вы не могли предугадать, к чему это приведет. Никто бы не смог.

Кажется, его милость не на шутку рассердили попытки волшебника изобразить из себя невинную жертву. Долгие годы мистер Норрелл

почитал себя первым волшебником королевства, а теперь, когда волшебство вернулось в Англию, решил спрятаться в кусты!

— Я еще раз спрашиваю вас, мистер Норрелл, и жду точного ответа. Вы согласны, что это сделал Стрендж?

Мистер Норрелл переводил глаза с одного собеседника на другого.

— Согласен, — испуганно отвечал он.

Лорд Ливерпуль посмотрел на него долгим тяжелым взглядом. Затем сказал:

— Это еще не все, мистер Норрелл. Стрендж или не Стрендж, ясно одно. У нас уже есть безумец на троне — не хватало еще безумного волшебника в придачу! Вы неоднократно просили дать вам поручение. Так вот, я поручаю вам приложить все усилия, чтобы не допустить возвращения вашего ученика в Англию!

— Но… — начал было мистер Норрелл, однако, поймав взгляд Лассельса, промолчал.

Они вернулись на Ганновер-Сквер. Мистер Норрелл сразу же направился в библиотеку. Чилдермасс, как и прежде, сидел за столом.

— Скорее! — воскликнул мистер Норрелл. — Мне нужны заклинания, которые давно не работают!

Чилдермасс пожал плечами:

— Да ведь их тысячи… «Шонтлусет»[161], «Роза Дедала»[162], «Раздевание дамы»[163], «Витрификация Стокси»…[164]

— Витрификация Стокси! Отлично! У меня есть описание.

Волшебник снял книгу с полки, нашел нужную страницу и оглядел комнату. На столе у камина стояла ваза с ветками омелы, падуба и плюща. Не сводя глаз с вазы, мистер Норрелл забормотал.

С тенями в углах комнаты случилось что-то странное, что-то необъяснимое и неописуемое. Они словно сдвинулись с места. И даже когда тени замерли, Чилдермасс и Ласселс не поручились бы, что это те же самые тени.

Что-то упало и звякнуло об стол.

---

[161] Примечания: 161

«Шонтлусет» — таинственное древнее заклинание, которое заставляет луну петь. Песнь луны так прекрасна, что излечивает проказу и безумие.

[162] Примечания: 162

«Роза Дедала» — сложная магическая процедура, изобретенная Мартином Пейлом, дабы сохранять чувства, грехи и добродетели в янтаре, меде и пчелином воске, а при нагревании выпускать на волю. Служит (или, вернее, служила) для самых разных целей: отнять храбрость, заставить врага бояться, вызвать любовь, вожделение, благородство помыслов, гнев, ревность, честолюбие, самопожертвование и так далее.

[163] Примечания: 163

Как большинство магических заклинаний с необычными названиями, *«Раздевание дамы»* гораздо менее впечатляет при использовании,

чем можно ожидать, судя по названию. В нем для защиты от эльфов применяется полевой цветок. При произнесении заклятья от цветка отрывают лепестки — отсюда «раздевание» дамы.

[164] Примечания: 164

«Витрификация Стокси» обращает предметы, а также людей в стекло.

Лассельс подошел к вазе. Ветка падуба обратилась в стекло и, не выдержав собственной тяжести, упала — на столе остались лежать несколько стеклянных листьев.

— Это заклинание не работало более четырехсот лет, — промолвил мистер Норрелл. — В «Увядании волшебного леса» Уотершипп упоминает, что в пору его детства заклинание еще действовало, а когда ему исполнилось двадцать, им уже не пользовались!

— Но ваши потрясающие способности… — начал Лассельс.

— Мои потрясающие способности ни при чем, — оборвал его волшебник. — Волшебство возвращается в Англию. Стрендж нашел способ вернуть его.

— Выходит, я был прав? — сказал Лассельс. — И наша первейшая задача — не допустить его возвращения в Англию. Сумеем исполнить это поручение, и лорд Ливерпуль на многое закроет глаза.

Мистер Норрелл задумался.

— Я могу не допустить его возвращения морем.

— Превосходно! — отозвался Лассельс, однако что-то в словах волшебника его насторожило. — Едва ли он изберет другой способ. Нет, право, не

умеет же он летать! — Эта мысль рассмешила Лассельса, затем встревожила. — Или умеет?

Чилдермасс пожал плечами.

— Я не знаю, какими умениями владеет теперь Стрендж, — сказал мистер Норрелл. — Однако думал я о другом. О Дорогах Короля.

— Я полагал, они ведут в Страну Фей, — заметил Лассельс.

— Дороги Короля могут привести куда угодно. В рай. В ад. Да хоть в парламент! Они созданы волшебством. Любое зеркало, лужа или тень в Англии могут стать воротами на этих дорогах. Я не в состоянии запечатать их все. Эта задача никому не под силу. Если Стрендж выберет Дороги Короля, я не сумею ему помешать.

— Но как… — начал Лассельс.

— Сказал же, не сумею! — вскричал мистер Норрелл, размахивая руками. — И не просите! — Он с трудом успокоился. — Я могу только сидеть и ждать его появления. Появления величайшего волшебника нашего времени! И ждать осталось недолго…

— Если он возвращается в Англию, — спросил Лассельс, — то куда он направится прежде всего?

— В аббатство Хартфью, — ответил Чилдермасс. — Куда ж еще?

Мистер Норрелл и Лассельс хотели ответить ему, но тут вошел Лукас с серебряным подносом в руках. На подносе лежало письмо. Слуга поклонился Лассельсу, тот взял письмо, сломал печать и быстро пробежал глазами.

— Дролайт вернулся, — сообщил он. — Ждите меня здесь. Я буду завтра.

62. Я приду к ним в крике, что разрушит безмолвие зимнего леса

Февраль 1817 года

Рассвет в начале февраля. Перекресток в лесу. В туманную дымку между деревьями сочится тень от стволов. Разбитые проселочные дороги давно никто не чинил, а одна такая узкая, что по ней вряд ли проедет коляска, разве что подвода. Место, не обозначенное на карте, место без названия.

Дролайт ждал. Ни кучера, ни двуколки, ни лошади. Ничего, что объясняло бы его присутствие, но это был именно он. Дролайт так давно стоял на перекрестке, что плащ покрылся изморозью. Слабый щелчок заставил его обернуться. Ничего — те же молчаливые деревья вокруг.

— Ерунда, ерунда, — пробормотал он про себя, — просто сухой лист упал с дерева.

Вновь раздался резкий щелчок, словно лед разрывал камень или дерево изнутри. Дролайт всматривался в темноту до боли в глазах.

— Всего лишь сухой лист, — повторил он.

Новый звук заставил Дролайта задрожать от

страха: что-то приближалось, однако вскоре слух различил стук копыт. Он всмотрелся в дорогу. Грязно-серое пятно обернулось силуэтом всадника.

— Наконец-то, наконец-то он приехал, — бормоча себе под нос, Дролайт заспешил навстречу всаднику. — Где вы были? Я жду вас несколько часов!

— И что с того? — раздался голос Лассельса. — Что вам еще делать?

— Ах, как вы ошибаетесь! Как вы несправедливы! Вы должны отвезти меня в Лондон как можно скорее!

— Всему свое время.

Лассельс натянул поводья. Его щегольские плащ и шляпу покрывала изморозь.

Дролайт оглядел Лассельса и в своей обычной манере вяло заметил:

— Надо же, как вырядились! Не слишком умно кичиться богатством. Грабителей не боитесь? По дорогам шастают отчаянные малые. Людей подобного сорта ничто не остановит.

— Поэтому я всегда вожу с собой пистолеты, к тому же я и сам отчаянный.

Внезапно в голову Дролайта пришла новая мысль.

— А где вторая лошадь?

— Какая лошадь?

— Та, что отвезет меня в Лондон! Какой же вы болван, Лассельс! Как я доберусь до Лондона без лошади?

Лассельс рассмеялся:

— На вашем месте я бы туда не спешил. Долги ваши выплачены — я их выплатил, — но в столице у вас хватает врагов. Вам несдобровать, если попадетесь к ним в руки!

Дролайт непонимающим взглядом уставился на собеседника. Дрожащим голосом он воскликнул:

— Но у меня поручения от волшебника! Он велел мне доставить его послания! Мне нельзя терять ни минуты!

Лассельс вздохнул:

— Вы пьяны? Спите на ходу? Норрелл ни о чем вас не просил. Если бы он хотел что-нибудь вам поручить, то сказал бы мне, и, кроме того…

— Не Норрелл! Стрендж!

Лассельс выпрямился в седле. Лошадь под ним заволновалась, но всадник сохранял спокойствие. Тихим, зловещим голосом он спросил:

— О чем вы толкуете? Стрендж? Да как вы смеете произносить при мне это имя! Советую вам

хорошенько подумать, прежде чем снова упоминать Стренджа. Я вами недоволен. Вам были даны предельно четкие указания — оставаться в Венеции до отъезда Стренджа. Однако вы здесь, а он там.

— Я не виноват! Мне пришлось уехать! Вы не понимаете! Я видел его, и он велел…

Лассельс поднял руку:

— Не стоит продолжать разговор на открытом месте. Давайте углубимся в лес.

— В лес? — Последний румянец сошел с бледных щек Дролайта. — Нет, ни за что! Ни за что на свете! И не просите!

— Что вас гложет? — Лассельс огляделся, уже не такой уверенный в себе, как прежде. — Стрендж велел деревьям за нами следить?

— Нет-нет. Я не могу объяснить. Они ждут меня! Они меня знают! Я не могу сойти с дороги!

Дролайт не находил слов, чтобы описать то, что с ним случилось. Он раскинул руки, показывая, как реки текут сквозь него, древесные побеги протыкают кожу, а сердце и прочие внутренности превращаются в камни.

Лассельс поднял хлыст:

— Не понимаю, о чем вы толкуете.

Он направил лошадь прямо на Дролайта и

замахнулся хлыстом. Бедняга Дролайт, никогда не отличавшийся храбростью, хныча на бегу, припустил через лес. Вереск вцепился в рукав его сюртука, и Дролайт вскрикнул.

— Да не орите вы! — воскликнул Лассельс. — Не то подумают, что вас убивают.

Они достигли маленькой поляны. Лассельс соскочил с лошади и привязал ее к дереву, вытащил пистолеты из седельной сумки и опустил их в карманы серого сюртука. Затем обернулся к Дролайту:

— Итак, вы действительно видели Стренджа? Превосходно. Я был уверен, что вы струсите.

— Я думал, он превратит меня во что-нибудь ужасное.

Лассельс неприязненно оглядел потрепанную одежду и помятое лицо Дролайта.

— А вы уверены, что не превратил?

— Что? — не понял Дролайт.

— Почему вы просто не убили его? Вы были одни, во Тьме. Никто бы не узнал.

— Как же, убить, скажете тоже! Он высокий, умный, быстрый и жестокий. Куда мне до него!

— Я мог бы его убить, — сказал Лассельс.

— И что вам мешает? Езжайте в Венецию.

— Где он теперь?

— Во Тьме — в Венеции, — но собирается в Англию.

— Он сам сказал?

— Да, я уже говорил. У меня три послания: Чилдермассу, Норреллу и всем волшебникам Англии.

— Что за послания?

— Я должен сказать Чилдермассу, что мистер Норрелл не воскрешал леди Поул. Ему помог эльф, и этот эльф совершил ужасное злодеяние. Кроме того, я должен передать Чилдермассу какую-то табакерку. Это первое поручение. Я также должен передать Норреллу, что Стрендж возвращается. Это третье поручение.

Лассельс задумался.

— А что в табакерке?

— Понятия не имею.

— Она запечатана с помощью чар?

Дролайт закрыл глаза и мотнул головой:

— Не знаю.

Лассельс расхохотался:

— Хотите сказать, что табакерка все время была в ваших руках и вы не удосужились заглянуть внутрь? И это говорите мне вы? Когда вы бывали у меня в доме, я не мог и на минуту оставить вас без присмотра! Вы читали мои частные письма, и

все мои секреты наутро становились достоянием общества!

Дролайт опустил глаза. Казалось, он как-то съежился внутри своего сюртука и стал еще более жалким, если такое возможно. Однако тот, кто решил бы, что Дролайт стыдится былых прегрешений, сильно ошибся бы.

— Я боялся, — сознался он.

Лассельс хмыкнул:

— Где она? Отдайте ее мне!

Дролайт залез в карман и вынул оттуда коробочку, завернутую в грязный носовой платок. Платок был завязан несколькими хитрыми узелками, чтобы коробочка случайно не открылась. Дролайт протянул ее Лассельсу.

С брезгливой гримасой Лассельс размотал платок и открыл коробочку.

Повисло молчание.

— Вы тупица, — сказал Лассельс, захлопнул табакерку и сунул в карман.

— Нет! Я должен… — Дролайт потянулся за табакеркой.

— Вы говорили о трех поручениях. Стало быть, есть еще одно?

— Не думаю, что вы поймете.

— Что? Вы поняли, а я не пойму? Должно быть,

в Италии вы здорово поумнели.

— Дело не в уме.

— Так о чем вы? Не тяните. Я устал с вами разговаривать.

— Стрендж сказал, что дерево говорит с камнем. Камень говорит с водой. Сказал, что волшебники должны учиться магии у камней и леса. Что все старые союзники Джона Аскгласса здесь.

— Джон Аскгласс, Джон Аскгласс! Только и разговоров что о Джоне Аскглассе! Даже Норрелл и тот туда же. При чем тут Джон Аскгласс? Прошло четыреста лет!

Дролайт снова протянул руку:

— Отдайте коробочку. Я должен…

— Какого черта? Вы не поняли? Никаких посланий, за исключением того, что адресовано Норреллу, а с этим я справлюсь сам.

— Прошу вас! — взвыл Дролайт. — Я не могу его подвести! Вы не понимаете! Он убьет меня или сделает чего похуже!

Лассельс развел руки, словно призывая деревья стать свидетелями его изумления.

— Вы думаете, я позволю вам повредить Норреллу, что, собственно, означало бы повредить мне?

— Я не виноват! Я не могу ослушаться волшеб-

ника!

— Червяк, каково тебе оказаться между мной и Стренджем? Тебя раздавит.

От ужаса Дролайт тихонько всхлипнул. Он посмотрел на Лассельса странным, затуманенным взглядом, хотел что-то сказать, но неожиданно развернулся и кинулся прочь.

Лассельс и не подумал его преследовать. Он поднял пистолет, прицелился и выстрелил.

Пуля попала Дролайту в бедро — кровавая струйка брызнула на снег. Дролайт вскрикнул и рухнул в заросли дикого шиповника. Он пытался отползти, но мешала раненая нога, а колючие ветки впились в одежду и не отпускали. Дролайт поднял глаза на подошедшего Лассельса. Страх и боль до неузнаваемости исказили его черты.

Лассельс поднял второй пистолет и выстрелил.

Левая сторона лица Дролайта взорвалась, как яйцо или апельсин. Несколько раз он дернулся и затих.

Несмотря на то что никто за ним не наблюдал, Лассельс не позволил себе утратить хладнокровия, хотя кровь бешено стучала в висках, груди и во всем теле. Джентльмен всегда остается джентльменом.

У Лассельса был камердинер, который любил

читать рассказы об убийствах и повешениях в «Ньюгейтском календаре». Иногда Лассельс забавы ради брал какой-нибудь из томов. Во всех приведенных историях злодей, каким бы дерзким ни было преступление, потом не находил себе места и совершал необъяснимые поступки, которые его и губили. Лассельс всегда сомневался в правдивости этих историй, однако сейчас, не желая случайно выдать себя, прислушался к внутренним ощущениям. Он не испытывал ни раскаяния, ни ужаса. Напротив, Лассельс поздравил себя, что на свете стало одним негодяем меньше.

«Если бы три-четыре года назад он знал, чем все кончится, сам попросил бы меня это сделать», — подумал он.

Неожиданно раздался хруст. К удивлению Лассельса, крошечный росток пробился сквозь правый глаз Дролайта — от левого ничего не осталось. Плющ обвил шею и грудь. Ростки падуба прорастали сквозь руки Дролайта, березовый побег выстрелил прямо из ноги, боярышник пробивался на животе. Казалось, что лес распинает Дролайта. Растения и не думали останавливаться — они тянулись и тянулись вверх. Коричневые и алые побеги заслонили изуродованное лицо,

под их напором тело стремительно разлагалось и наконец исчезло. От Кристофера Дролайта не осталось ничего. Деревья, камни и земля вобрали его в себя, однако очертания человеческой фигуры еще угадывались.

«Вересковый куст — это рука, — размышлял про себя Лассельс. — А камень… сердце? Какое маленькое и твердое».

Он рассмеялся.

— Интересное свойство Стренджевой магии, — произнес он вслух, ни к кому не обращаясь, — рано или поздно она начинает работать против него.

Лассельс взобрался на лошадь и поскакал к дороге.

63. Первый похоронит сердце свое под снегом в темном лесу, но боль его не уймется

Середина февраля 1817 года

С тех пор как Лассельс оставил Ганновер-Сквер, прошло двадцать восемь часов, и мистер Норрелл совершенно обезумел. Волшебник обещал Лассельсу дождаться его и теперь не находил себе места от беспокойства, что в аббатстве Хартфью Стрендж уже хозяйничает в его библиотеке.

В тот вечер в доме на Ганновер-Сквер мистер Норрелл не разрешил никому из слуг лечь в постель, и к утру все чувствовали себя разбитыми.

— Чего мы ждем? — спрашивал Чилдермасс. — Чем он вам поможет, если Стрендж вернется?

— Я питаю большое доверие к мистеру Лассельсу, — отвечал Норрелл. — Он мой единственный советчик.

— Кроме него, у вас есть я, — промолвил Чилдермасс.

Мистер Норрелл заморгал маленькими глазками. С его уст уже готовы были сорваться слова о том, что Чилдермасс — *всего лишь слуга*, но

волшебник промолчал.

Тем не менее Чилдермасс его понял. Он раздраженно фыркнул и вышел из комнаты.

В шесть часов вечера дверь библиотеки распахнулась, и появился Лассельс. Выглядел он непривычно: растрепанная шевелюра, потная и запыленная одежда, заляпанные грязью плащ и сапоги.

— Мы были правы, мистер Норрелл! — вскричал он. — Стрендж возвращается!

— Когда? — побледнел Норрелл.

— Не знаю. Он не счел нужным уведомить нас о деталях своего прибытия, но мы должны, не мешкая, отправляться в аббатство Хартфью.

— Мы выезжаем немедленно. Все готово к отъезду. Вы видели Дролайта? Он здесь? — Мистер Норрелл заглянул за спину Лассельса.

— Нет, я его не видел. Я прождал вечность, но он так и не появился. Нет-нет, не стоит беспокоиться, сэр! — (Мистер Норрелл порывался его перебить.) — Дролайт прислал письмо. У нас есть все необходимые сведения.

— Письмо? Могу я прочесть его?

— Разумеется! Но время не ждет, прочтете в дороге. Мы должны немедленно отправляться в путь! Я вас не задержу, мои запросы скром-

ны, и я вполне готов довольствоваться самым необходимым. — (Это прозвучало совсем не в духе прежнего Лассельса. В былые времена его запросы поражали изощренностью и многообразием.) — Не рассиживайтесь, мистер Норрелл! Вперед! Стрендж идет! — воскликнул Лассельс и выбежал из библиотеки.

Впоследствии Лукас удивлялся, что Лассельс не спросил даже воды, чтобы умыться, или питья, чтобы промочить горло, а просто забился в угол коляски.

В восемь часов вечера они были на пути в Йоркшир: мистер Норрелл и Лассельс в коляске, Лукас и Дэйви на козлах, Чилдермасс верхом. В Ислингтоне остановились, чтобы заплатить дорожную подать. В воздухе запахло снегом.

Мистер Норрелл бездумно смотрел в окно на ярко освещенное окно лавки. Это было изысканное заведение: просторное и с удобными креслами для покупателей. Убранство не оставляло сомнений в том, чем здесь торгуют. Что-то яркое грудами лежало на кресле, но мистер Норрелл не был уверен, что именно: шали или материя для платьев. Три женские фигуры виднелись в окне. Покупательница — хорошенькая дама в спенсере наподобие гусарского ментика, оторо-

ченном мехом и тесьмой, все время поправляла меховую русскую шапочку на голове, словно боялась ее уронить. Хозяйка была одета в простое темное платье. Кроме них, в комнате находилась девочка-служанка — она без конца приседала и кланялась, когда к ней обращались. Хозяйка и покупательница, позабыв о покупках, что-то обсуждали, смеясь и размахивая руками. Эта сценка была бесконечно далека от всегдашних интересов и нужд мистера Норрелла, но внезапно она поразила его в самое сердце. Он вспомнил о миссис Стрендж и леди Поул. Что-то темное и плотное промелькнуло перед глазами, на мгновение скрыв очаровательную сценку, — словно кусок тьмы стал твердым. Мистер Норрелл решил, что это опять вороны.

Наконец Дэйви подхватил вожжи, и они тронулись в путь.

Начался снегопад. Ветер продувал коляску насквозь, холодя плечи, носы и ноги. Странное настроение Лассельса не делало поездку более приятной. Лассельс был возбужден, почти ликовал, хотя мистер Норрелл не находил для этого решительно никакого повода. Заслышав вой ветра, Лассельс разражался хохотом, словно хотел показать, что знает, чьи это происки, но его не

испугать.

Заметив, что мистер Норрелл смотрит на него, он обратился к волшебнику:

— Я вот о чем подумал. Чего нам бояться? Вы и я, сэр, совсем скоро мы покажем Стренджу, чего мы стоим. А министры — просто кучка трусливых старух! Столько шума из-за какого-то безумца! Смешно, ей-богу! И хуже всех Ливерпуль и Сидмут. Они годами боялись высунуть нос из дому — боялись Бонапарта, — а теперь трясутся от страха при одном упоминании о Стрендже!

— Вы ошибаетесь! — заявил мистер Норрелл. — О, как вы ошибаетесь! Стрендж представляет собой громадную угрозу — куда до него Бонапарту! Однако вы так и не рассказали мне, что узнали от Дролайта. Я хочу прочесть письмо. Я велю Дэйви остановиться в гостинице «Ангел» в Хадли и…

— У меня его нет. Я оставил письмо на Брутон-стрит.

— Ах! Но ведь…

Лассельс рассмеялся:

— Мистер Норрелл, успокойтесь. В нем не было ничего дельного. Хотите, я перескажу вам содержание письма?

— Хочу.

— Стрендж безумен и заперт в Вечной Тьме — все это мы знали и раньше…

— В чем проявляется его безумие?

Лассельс запнулся.

— По большей части болтает невесть что, но это отличало его и раньше. — Лассельс снова рассмеялся, но, заметив выражение лица мистера Норрелла, посерьезнел. — Что-то о камнях, деревьях, Джоне Аскглассе и… — он опасливо огляделся, — о невидимых каретах. Ах, вот еще что! Эта новость вас позабавит. Он ворует пальчики у венецианских девиц. Ворует и заключает в маленькие табакерки!

— Пальчики! — встревоженно воскликнул мистер Норрелл. Слова Лассельса как будто пробудили в нем какие-то печальные воспоминания. Волшебник задумался, но ничего не вспомнил. — Дролайт описывает Тьму? Упоминает о ее природе?

— Нет. Он видел Стренджа. И Стрендж передал вам, что возвращается в Англию. Вот и все, что было в письме.

Они замолчали. Мистера Норрелла начало клонить в сон, и в полудреме он видел Лассельса, который что-то шептал ему из темноты.

В полночь, в таверне «Стог сена» в Уонсфор-

де, они сменили лошадей. Лассельс и мистер Норрелл ждали в общей гостиной — комнате с деревянными стенами, полом, посыпанным песком, и двумя громадными каминами.

Дверь отворилась, и вошел Чилдермасс. Он направился прямо к Лассельсу и обратился к нему со следующей речью:

— Я узнал от Лукаса, что у вас есть письмо от Дролайта, в котором он описывает виденное в Венеции.

Лассельс отвернулся, избегая взгляда Чилдермасса.

— Могу я увидеть письмо? — спросил Чилдермасс.

— Я оставил его на Брутон-стрит, — сказал Лассельс.

Чилдермасс удивился.

— Не беда, — сказал он. — Лукас вернется за ним. Наймем ему лошадь, и он нагонит нас по дороге.

Лассельс улыбнулся:

— Разве я говорил про Брутон-стрит? Не уверен. Я мог оставить письмо в гостинице в Чатеме, где ждал Дролайта. Наверное, его давно выбросили. — Он повернулся к огню.

Чилдермасс бросил на Лассельса сердитый

взгляд и вышел.

Слуга доложил, что горячая вода и полотенца ждут джентльменов в спальнях.

— В коридоре темно, хоть глаз коли, — добавил он добродушно, — я дам вам по свече.

Мистер Норрелл взял свечу и пошел по коридору — действительно весьма темному и мрачному. Внезапно из тьмы возник Чилдермасс и схватил волшебника за руку.

— О чем вы только думаете? — прошипел он. — Как можно было уехать без письма?

— Он сказал, что запомнил его содержание, — попытался оправдаться мистер Норрелл.

— А вы поверили?

Мистер Норрелл не ответил. Он вошел в приготовленную для него комнату и, пока мыл лицо и руки, разглядывал в зеркале кровать за спиной. Как бывает в гостиницах, старинное тяжелое зеркало выглядело слишком большим для такой комнаты. Четыре столбика красного дерева, высокий темный балдахин и связки черных страусовых перьев по углам придавали комнате погребальный вид, словно кто-то заманил мистера Норрелла в самую обычную комнату, а это оказалась не комната, а склеп. Волшебник снова испытал странное чувство, сродни тому,

что ощутил, разглядывая трех женщин через окно лавки, — история подходила к концу, и ничего уже не исправить. Он выбрал свою дорогу в юности, но дорога завела его не туда. Он стремился попасть домой, но дом стал страшным и отвратительным. Стоя в полутьме рядом с кроватью, Норрелл вспомнил, почему в детстве боялся темноты — темнота принадлежала Джону Аскглассу.

Дни пройдут, и пройдут года,
Меня вспоминайте, молю,
Над диким полем в мерцании звезд,
Летящего вслед Королю.

И мистер Норрелл поспешил покинуть комнату — поближе к теплу и свету.

После шести забрезжил серый рассвет. Снежные хлопья падали с серого неба, укрывая серо-белый мир. Дэйви на козлах так засыпало снегом, что он казался восковой фигурой, приготовленной для отливки.

Весь день менявшиеся почтовые лошади тащили экипаж сквозь снег и ветер. В придорожных гостиницах путники отогревались горячим питьем и немного отдыхали от непогоды. Дэйви и

Чилдермасс, которым доставалось больше всех, вымещали раздражение на хозяевах гостиниц, пререкаясь из-за лошадей. В Гренэме Чилдермасс совершенно разъярился, когда хозяин гостиницы предложил ему слепую лошадь. Он заявил, что ни за что на свете не возьмет ее. Хозяин гостиницы, в свою очередь, заявил, что эта лошадь — лучшая у него в стойле. У путешественников не было выбора, и им пришлось нанять несчастное животное. Впоследствии Дэйви говорил, что лошадь оказалась превосходной скотиной, послушной и трудолюбивой, так как ей было все равно, что делать и куда скакать. Сам Дэйви продержался до Таксфорда, где путешественники были вынуждены его оставить. Он правил коляской более ста тридцати миль и, по словам Чилдермасса, от усталости еле ворочал языком. Чилдермасс нанял форейтора, и они продолжили путь.

За час до заката снег прекратился, а небо прояснилось. На голых полях пролегли сине-черные тени. В пяти милях от Донкастера путешественники проезжали мимо гостиницы «Красный дом» (красным цветом были выкрашены ее стены). В лучах низкого зимнего солнца гостиница казалась объятой пламенем. Коляска замедлила ход и остановилась.

— Почему стоим? — крикнул мистер Норрелл изнутри.

Лукас наклонился и что-то сказал, но ветер унес его слова, и мистер Норрелл ничего не услышал.

Чилдермасс направил коня прямо через поле. При виде всадника вороны с карканьем взлетали в воздух. Вдали тянулась старинная изгородь с воротами. По обеим сторонам ворот росли два высоких падуба, внутрь вела дорога или тропа, затененная живой изгородью. Чилдермасс остановился и огляделся, помедлил, затем натянул поводья и направил лошадь между деревьями. Вскоре он исчез из виду.

— Он въехал на волшебную тропу! — в волнении воскликнул мистер Норрелл.

— Так это она и есть? — отозвался Ласселъс.

— Причем одна их самых известных! Считается, что тропа соединяет Донкастер и Ньюкасл, две

эльфийские цитадели.

Они подождали.

Спустя двадцать минут Лукас выбрался из коляски и спросил:

— Сколько еще ждать, сэр?

Мистер Норрелл покачал головой:

— Уже триста лет со времен Мартина Пейла ни одному англичанину не удавалось проникнуть в Страну Фей. Возможно, Чилдермасс не вернется. Вероятно…

Неожиданно Чилдермасс возник в проеме ворот и поскакал обратно через поле.

— Значит, это правда, — промолвил мистер Норрелл. — Дорога в Страну Фей снова открыта.

— Что вы видели? — спросил он у всадника.

— Тропа скоро привела меня к колючим зарослям. На опушке леса стояла женская статуя с протянутыми руками. В одной руке у нее — каменный глаз, в другой — каменное сердце. Что до самого леса… — Чилдермасс сделал неопределенный жест: то ли не мог найти нужных слов, то ли хотел выразить свое бессилие перед увиденным. — На каждом дереве там висят покойники. Некоторые умерли совсем недавно, некоторые превратились в скелеты, облаченные в ржавые доспехи. Я подъехал к высокой каменной башне,

стены которой испещряли крохотные оконца. Мне показалось, в некоторых горел свет, мелькали тени. Перед башней тек ручей. У ручья стоял юноша в британской военной форме; лицо у него было бледное, а глаза — мертвые. Он сказал мне, что его зовут Защитником Замка Вырванных Ока и Сердца. Юноша поклялся защищать хозяйку замка и вызывать на поединок всякого, кто приблизится с намерением оскорбить его госпожу или причинить ей вред. Я спросил, не он ли убил тех людей, что висят на ветках. Он ответил, что некоторых убил он и после развесил на деревьях, как поступали его предшественники. Я спросил, как госпожа собирается вознаградить его за службу. Юноша ответил, что это ему не известно, ибо он никогда ее не видел и никогда не вступал с ней в беседу. Она не покидает Замок Вырванных Ока и Сердца, а сам юноша стоит между ручьем и зарослями терновника. Он спросил, намерен ли я с ним сразиться. Я напомнил, что не оскорблял его даму и не пытался причинить ей вред. Затем добавил, что я слуга и мой хозяин ждет меня, развернул коня и ускакал прочь.

— Как? — воскликнул Лассельс. — Он вызвал вас, а вы развернулись и ускакали? У вас нет ни чести, ни стыда. Бледное лицо, мертвые глаза,

тени в окне башни… — Лассельс презрительно фыркнул. — Да вы просто оправдываете свою трусость!

Чилдермасс вспыхнул и уже готов был вспылить, но вмешался мистер Норрелл:

— Ничего подобного! Чилдермасс правильно сделал, что ускакал. Здесь гораздо больше магии, чем кажется на первый взгляд. Некоторые эльфы обожают наблюдать за поединками и убийствами. Уж и не знаю почему. Они пойдут на многое, лишь бы не лишиться своих удовольствий.

— Прошу вас, мистер Лассельс, — промолвил Чилдермасс, — если вас так манит это место, мы вас не задерживаем!

Лассельс задумчиво посмотрел на пролом в изгороди, однако не двинулся с места.

— Не любите воронов? — поддел его Чилдермасс.

— Их никто не любит! — ответил мистер Норрелл. — Что они здесь делают? Что все это значит?

Чилдермасс пожал плечами:

— Люди говорят, вороны — часть Тьмы, что окутывает Стренджа. Зачем-то он сделал ее видимой и отправил в Англию. Говорят еще, что вороны предвещают возвращение Джона Аскгласса.

— Джона Аскгласса, кого ж еще? — возмутился Лассельс. — Этим простолюдинам только дай волю о нем поговорить! Что бы ни случилось, они везде видят Джона Аскгласса! Полагаю, мистер Норрелл, пришла пора написать еще одну ругательную статейку об этом джентльмене. Как мы назовем его на этот раз? Нехристианским? Неанглийским? Демоническим созданием? Где-то у меня завалялся список святых и архиепископов, предававших его анафеме. Я разделаюсь с ним в два счета.

Мистер Норрелл, который явно чувствовал себя не в своей тарелке, посмотрел на форейтора.

— На вашем месте, мистер Лассельс, — мягко заметил Чилдермасс, — я бы выражался осмотрительнее. Вы на севере. В стране Джона Аскгласса. Города, деревни и аббатства выстроены здесь Джоном Аскглассом. Наши законы созданы им. Он живет в наших душах, сердцах и в нашей речи. Летом, когда на каждом пригорке расцветают сине-белые цветы, мы зовем их фартингами Джона. Если летом идут дожди, а зимой наступает не по сезону теплая погода, старики говорят, что Джон Аскгласс снова влюбился и забросил

дела[165]. А когда мы уверены в справедливости своих слов, то говорим, что слова наши так же верны, как надежно спрятаны камешки в кармане Джона Аскгласса.

Лассельс рассмеялся:

— Я не собираюсь опровергать ваши деревенские присказки, мистер Чилдермасс. Одно дело болтать о давно минувших днях, переливая из пустого в порожнее, совсем другое — радоваться возвращению короля, который считал Люцифера своим союзником и повелителем. Только иоанниты и безумцы хотят возвращения Джона Аскгласса!

— Я северянин, мистер Лассельс, — сказал Чилдермасс. — Ничто не обрадует меня сильнее, чем весть о возвращении моего короля. Всю свою жизнь я об этом мечтал.

Около полуночи они достигли аббатства Хартфью и не обнаружили там никаких признаков Стренджа. Лассельс отправился в постель, а ми-

---

[165] Примечания: 165

Часто отмечают, что жители английского севера, хотя постоянно хранили верность Джону Аскгласссу, не всегда относились к нему с тем же почтением, что южане. В подтверждение можно привести множество сказок и баллад, например рассказ о Джоне Аскгласссе и углежоге из Уллсвотера или историю ведьмы и чародейки. Многочисленные версии этой истории (некоторые из них весьма непристойны) повествуют, как Аскгласс чуть не отдал сердце, королевство и магическую силу простой ведьме из Корнуолла.

стер Норрелл еще побродил по дому, проверяя крепость давних заклинаний.

Наутро за завтраком Лассельс спросил:

— Интересно, были ли в прошлом магические дуэли? Борьба между двумя волшебниками? Что-нибудь в таком роде.

Мистер Норрелл вздохнул:

— Трудно сказать. Ральф Стокси, кажется, сражался при помощи магии с двумя или тремя волшебниками, в том числе с одним могущественным шотландским магом, чародеем из Атоделя[166]. Екатерине Винчестерской однажды пришлось посредством волшебства отправить в Гранаду одного молодого волшебника. Он настойчиво домогался ее руки, а она хотела изучать магическое искусство. Ни одного места дальше Гранады она тогда не вспомнила. Есть еще любо-

[166] Примечания: 166

Подобно Джону Аскглассу, чародей из Атоделя управлял собственным королевством — островком на западе Шотландии, который впоследствии ушел под воду или, как иногда утверждают, стал невидимым. Отдельные шотландские историки приводят Атодель в качестве иллюстрации превосходства шотландской магии над английской: мол, королевство Джона Аскгласса попало под власть Южной Англии, а королевство шотландского чародея сохранило независимость, однако, поскольку Атодель невидим и недоступен, довод трудно принять или опровергнуть.

пытная история об углежоге из Камбрии…[167]

— А бывало, что поединки заканчивались смертью одного из волшебников?

— Что? — Мистер Норрелл вздрогнул. — Нет! Считается, что нет. Я об этом не думал.

Лассельс улыбнулся:

— И как это волшебники обходятся без поединков? Если бы вы взяли за труд об этом задуматься, то наверняка обнаружили бы полдюжины подходящих заклинаний. Что-то вроде обычной дуэли на шпагах или пистолетах. Никто не стал бы преследовать оставшегося в живых по суду. К тому же друзья и слуги победителя помогли бы ему сохранить всю историю в тайне.

После паузы мистер Норрелл заметил:

— До этого не дойдет.

Лассельс рассмеялся:

— Мой дорогой мистер Норрелл, а чем, по-вашему, все закончится?

Как ни странно, но, несмотря на давнее знакомство с хозяином, Лассельс никогда прежде не бывал в аббатстве Хартфью. В былые дни

---

[167] Примечания: 167

В этой истории Джон Аскгласс проигрывает в магическом состязании простому углежогу из Уллсвотера. Сходство с прочими древними историями о правителе, посрамленном самым ничтожным из своих подданных, заставляет ученых сомневаться в ее подлинности.

Дролайт частенько гостил в аббатстве, Лассельс же всегда находил предлог, чтобы отклонить приглашение. Жизнь в йоркширском поместье представлялась ему пыткой. В лучшем случае дом окажется копией своего хозяина, рассуждал он, — скучный, старомодный, погруженный в мрачное молчание. В худшем случае воображение рисовало Лассельсу заливаемую дождями ферму посреди унылых вересковых пустошей. К счастью, страхи не подтвердились. В усадьбе не было ничего готического. Современный, богатый и удобный загородный дом, вышколенные лакеи, не похожие на неотесанных фермеров. На самом деле здесь прислуживали те же слуги, что и на Ганновер-Сквер, прекрасно знакомые со вкусами гостя.

Однако любой дом, принадлежащий волшебнику, кажется обычным только на первый взгляд, и аббатство Хартфью, с виду такое изящное и удобное, было выстроено по столь запутанному плану, что обойти его из конца в конец и не заблудиться было попросту невозможно. Наутро Лукас сказал Лассельсу, что в доме не принято посещать библиотеку в одиночку — только в сопровождении хозяина или Чилдермасса. Это первое и главное правило дома, утверждал слуга.

Разумеется, Лассельс решил, что подобное правило, переданное через слугу, к нему не относится. Он обследовал восточную часть дома и обнаружил обычный набор комнат — утреннюю гостиную, столовую, еще одну гостиную, — но никаких признаков библиотеки. Лассельс решил, что библиотека расположена в неисследованной западной части. Он тут же отправился туда, но неожиданно обнаружил себя в той же комнате, из которой недавно вышел. Решив, что свернул не туда, Лассельс предпринял новую попытку. На сей раз он очутился в буфетной. Чумазая, шмыгающая носом служанка вытерла нос тыльной стороной ладони и принялась той же рукой начищать кастрюлю. Какое бы направление ни выбирал Лассельс, все дороги вели или в утреннюю гостиную, или в буфетную. Вид маленькой грязнули начал уже порядком раздражать его, да и судомойка, казалось, не испытывала особой радости при его появлении. В бесплодных попытках попасть в западное крыло дома Лассельс провел все утро, но ему так и не пришло в голову, что дело тут вовсе не в особенностях йоркширской архитектуры.

Следующие три дня мистер Норрелл старался без особой нужды не высовывать носа из библио-

теки. Лассельс изводил его все новыми жалобами на Чилдермасса, а тот одолевал просьбами с помощью волшебства выяснить, где находится письмо Дролайта. В конце концов мистер Норрелл решил избегать их обоих.

Помимо прочего, мистер Норрелл не хотел открывать этим двоим то, что тревожило его душу. С тех пор как они расстались со Стренджем, мистер Норрелл не прекращал попыток выяснить, чем занимается бывший ученик, однако не слишком преуспел. Однажды ночью, недели четыре назад, ему не спалось, и он вновь обратился к видениям. Отражение в воде вышло нечетким, но он успел разглядеть волшебника, в темноте творившего магию. Мистер Норрелл поздравил себя с тем, что ему удалось обойти защитные заклинания соперника, когда внезапно понял, что видит в воде себя. Он попытался еще раз. Попробовал другое заклинание. Называл Стренджа разными именами. Ничего не помогало. Мистеру Норреллу пришлось признать, что для английской магии больше нет разницы между ним и Стренджем.

От лорда Ливерпуля и министров приходили гневные послания с описаниями новых необъяснимых проявлений волшебства. Мистер Норрелл в ответных письмах обещал свое содействие, как

только Стрендж будет повержен.

На третий вечер пребывания в аббатстве Хартфью мистер Норрелл, Лассельс и Чилдермасс сидели в гостиной. Лассельс ел апельсин, снимая кожуру фруктовым ножичком с зазубренным лезвием и перламутровой рукоятью. Чилдермасс вот уже два часа кряду раскладывал колоду, а мистер Норрелл был так погружен в собственные переживания, что нисколько не возражал. Лассельса, напротив, выводили из себя карточные забавы слуги. Он не без оснований полагал, что Чилдермасс гадает на него.

— Ненавижу бездействовать! — резко заметил он. — Чего ждет Стрендж? Мы даже не уверены, что он придет.

— Придет, — сказал Чилдермасс.

— А вы почем знаете? — спросил Лассельс. — Это вы его позвали?

Чилдермасс не ответил. Что-то в раскладке колоды отвлекло его внимание. Неожиданно он вскочил с места.

— Мистер Лассельс! У вас для меня послание!

— У меня? — удивился Лассельс.

— Да, сэр, у вас.

— О чем вы?

— Некто передал вам послание для меня. Так

сказано в картах. Я буду весьма признателен, если вы отдадите его мне.

Лассельс возмущенно фыркнул:

— Я не посыльный, особенно если дело касается вас!

Однако Чилдермасс упрямо стоял на своем.

— От кого это послание?

Лассельс не удостоил его ответом. Он снова взялся за фруктовый нож.

— Прекрасно. — Чилдермасс вернулся к картам.

Мистер Норрелл с опаской смотрел на обоих. Дрожащей рукой он потянулся к колокольчику, но после секундного размышления решил сам отправиться на поиски слуги. В столовой Лукас накрывал на стол. Мистер Норрелл рассказал слуге о том, что произошло в гостиной.

— Как бы нам развести этих двоих? Нужно охладить их пыл. Приходило ли письмо для мистера Лассельса? Может быть, это то, о котором спрашивает Чилдермасс? Вы можете что-нибудь придумать? Готов ли ужин?

Лукас покачал головой:

— Не было никакого письма. Мистер Чилдермасс все равно сделает так, как задумал. А ужин вы велели подавать в половине десятого.

— Если бы мистер Стрендж был здесь, — с несчастным видом пролепетал мистер Норрелл, — он бы нашел, что им сказать. Он бы что-нибудь придумал.

Лукас дотронулся до руки хозяина.

— Мистер Норрелл, наша цель — помешать возвращению мистера Стренджа, вы забыли? — спросил он.

Мистер Норрелл бросил на слугу раздраженный взгляд.

— Да-да, разумеется, и все-таки…

Они вернулись в гостиную вместе. Чилдермасс перевернул последнюю карту. Лассельс с преувеличенным вниманием зарылся в газету.

— Что говорят карты? — спросил мистер Норрелл.

Вопрос задал мистер Норрелл, но Чилдермасс ответил Лассельсу:

— Они говорят, что вы лгун и вор. Говорят, что к посланию прилагался предмет — весьма ценный. Он предназначен мне, а вы его присвоили.

Наступило краткое молчание.

— Мистер Норрелл, — холодно обратился Лассельс к хозяину дома, — как долго вы позволите меня оскорблять?

— Я спрашиваю вас в последний раз, мистер

Лассельс, — сказал Чилдермасс. — Вы отдадите то, что принадлежит мне?

— Как вы смеете обращаться к джентльмену в подобном тоне? — воскликнул Лассельс.

— А разве джентльмены воруют? — ответил Чилдермасс.

Лассельс стал бледным как полотно.

— Проси прощения! — прошипел он. — Проси прощения, мерзавец, или, клянусь, грязный йоркширский ублюдок, я научу тебя манерам!

Чилдермасс пожал плечами:

— Лучше быть ублюдком, чем вором!

С яростным воплем Лассельс схватил Чилдермасса и с такой силой швырнул к стене, что у того ноги на миг оторвались от пола. Лассельс затряс Чилдермасса так, что картины на стене задребезжали в своих рамах.

Как ни странно, Чилдермасс не сопротивлялся. Его руки оказались прижаты к туловищу Лассельса, и, как он ни бился, освободить их не получалось. Все закончилось меньше чем за минуту. Чилдермасс коротко кивнул, признавая поражение.

Однако Лассельс не отпустил его, лишь сильнее придавил к стене. Затем протянул руку, взял фруктовый ножик с зазубренным лезвием и мед-

ленно провел им по лицу Чилдермасса, оставив надрез от глаза до рта.

Лукас вскрикнул, но Чилдермасс не издал ни звука. Освободив наконец левую руку, он поднял ее и сжал кулак. На мгновение противники застыли, словно живая картина, затем Чилдермасс опустил руку.

Лицо Лассельса расплылось в широкой улыбке. Отпустив Чилдермасса, он обернулся к мистеру Норреллу и тихо промолвил:

— Я больше не намерен выслушивать оправданий этому человеку. Меня оскорбили. Будь он джентльменом, я вызвал бы его на дуэль. И он знает, что только низкое происхождение спасает его от расплаты. Если вы хотите, чтобы я и дальше оставался в вашем доме в качестве друга и советника, этот человек должен немедленно уйти. Отныне я не желаю слышать о нем ни от вас, ни от ваших слуг! Надеюсь, я выразился достаточно ясно?

Лукас тайком подсунул Чилдермассу салфетку.

— Решайте, сэр, — сказал Чилдермасс, прижав салфетку к лицу, — кого выберете?

Последовало долгое молчание. Наконец мистер Норрелл хрипло промолвил:

— Вы должны уйти.

— Прощайте, мистер Норрелл. — Чилдермасс поклонился. — Вы сделали неправильный выбор, впрочем, как всегда!

Он собрал карты и вышел из комнаты.

Чилдермасс поднялся на чердак, в свою пустую спальню, и зажег свечу на столе. На стене висело дешевое, покрытое трещинами зеркало. Чилдермасс обследовал свое лицо. Порез выглядел ужасно. Воротник и правый рукав пропитались кровью. Чилдермасс обработал рану, затем вымыл и вытер руки.

Потом бережно вынул что-то из кармана сюртука. То была коробочка цвета сердечной боли, похожая на табакерку, но немного длиннее.

Он шепнул про себя: «Нельзя преодолеть свою выучку…»[168]

Чилдермасс открыл коробочку и несколько мгновений задумчиво рассматривал ее содержимое. Затем почесал в затылке и чертыхнулся — капля крови едва не упала внутрь. Защелкнув

---

[168] Примечания: 168

В доме граверов в Спитлфилдсе весной 1816 года Стрендж сказал Чилдермассу: «Нельзя преодолеть свою выучку…»

До того как стать слугой и советником мистера Норрелла, Чилдермасс перепробовал множество профессий. В детстве он проявил себя как незаурядный вор-карманник. Его мать, Черная Джоанна, заправляла маленькой бандой грязных оборванных воришек в городах на востоке Йоркшира в 1770-е годы.

коробочку, он сунул ее в карман.

Собирался Чилдермасс недолго. Все его имущество состояло из шкатулки красного дерева, в которой лежали два пистолета, кошелька с деньгами, бритвы, гребня для волос, зубной щетки, куска мыла, кое-какого платья (довольно затертого, как все, что носил Чилдермасс) и стопки книг, среди которых были Библия, «История Короля-ворона для детей» лорда Портисхеда и экземпляр «Тридцати шести иных миров» Париса Ормскирка. Мистер Норрелл все эти годы исправно платил слуге, но никто не знал, куда Чилдермасс девает деньги. Дэйви и Лукас удивлялись, что он ничего на себя не тратит.

Чилдермасс сложил пожитки в потрепанный саквояж. На столе стояла тарелка с яблоками. Завернув их в кусок материи, он сунул яблоки туда же. Затем, прижимая салфетку к лицу, спустился вниз. Уже рядом с конюшней Чилдермасс вспомнил, что оставил перо, чернильницу и записную книжку в гостиной. Он переставил их, когда раскладывал колоду. «Слишком поздно, — подумал он. — Куплю другие».

В конюшне его поджидало целое общество: Дэйви, Лукас, конюх и несколько слуг, которым удалось выскользнуть из дому.

— Что вы здесь делаете? — удивленно спросил Чилдермасс. — Собрались на молебен?

Слуги переглядывались.

— Мы оседлали для вас Пивовара, мистер Чилдермасс, — сказал Дэйви.

Огромный, некрасивый жеребец по кличке Пивовар принадлежал Чилдермассу.

— Спасибо, Дэйви.

— Почему вы ему позволили, сэр? — спросил Лукас. — Почему позволили ему разрезать себе щеку?

— Не беспокойся, приятель. Скоро заживет.

— Я принес бинт. Позвольте, я перевяжу рану.

— Лукас, сегодня мне понадобится вся моя смекалка, а с бинтами на лице я не смогу толком соображать.

— Если не перевязать рану, останется глубокий шрам.

— Пускай. Никто не станет убиваться из-за того, что я уже не тот красавчик, что прежде. Просто дай мне еще салфетку, чтобы остановить кровь. Эта совсем промокла. Ладно, ребята, когда придет Стрендж… — Чилдермасс вздохнул. — Не знаю, что сказать, что посоветовать, но если сумеете, помогите им.

— Им? — удивился один из слуг. — Мистеру

Норреллу и мистеру Лассельсу?

— Да нет же, болван! Мистеру Норреллу и мистеру Стренджу! Лукас, передай Люси, Ханне и Дидоне, что я желаю им всего наилучшего — и послушных мужей, если они когда-нибудь захотят замуж.

(Среди служанок у Чилдермасса было три любимицы.)

Дэйви ухмыльнулся:

— А сами решили увильнуть, сэр?

Чилдермасс рассмеялся, но тут же сморщился от боли.

— Если бы я женился, то разве что на Ханне… — сказал он. — Прощайте, ребята.

Он по очереди пожал слугам руки и вынужден был отпрянуть, когда здоровяк Дэйви, сентиментальный, как школьница, пустил слезу и полез обниматься. В качестве прощального подарка Лукас отдал Чилдермассу бутылку лучшего вина из запасов мистера Норрелла.

Чилдермасс вывел Пивовара из стойла. Взошла луна. Он без труда нашел дорогу через парк. На середине моста Чилдермасс внезапно почувствовал нечто странное — вокруг творилось колдовство. Словно тысячи труб протрубили ему в уши, а в темноте воссиял ослепительный свет.

Мир вокруг определенно стал другим, но в чем заключалась эта перемена, Чилдермасс понял не сразу. Он огляделся.

Над домом и парком завис клочок ночного неба, который не принадлежал этому месту. Старые созвездия исчезли, в вышине сияли новые звезды — таких Чилдермассу видеть не доводилось. Вероятно, звезды принадлежали Вечной Тьме Стренджа.

Чилдермасс бросил прощальный взгляд на аббатство Хартфью и послал лошадь в галоп.

Все часы в аббатстве Хартфью начали бить одновременно. Это было тем более странно, что пятнадцать лет Лукас напрасно добивался подобного результата. Впрочем, который час они отбивали, никто не знал. Отбив двенадцать ударов, часы продолжали бить, возвещая приход нового, странного времени.

— Что это за мерзкий звук? — спросил Ласселльс.

Мистер Норрелл встал и потер руки, что обычно свидетельствовало о сильном душевном волнении.

— Стрендж здесь, — коротко ответил он.

Как только волшебник промолвил эти слова, часы замолчали.

Дверь распахнулась. Мистер Норрелл и мистер Лассельс испуганно обернулись, ожидая увидеть Стренджа собственной персоной, но в дверях стоял Лукас и с ним еще двое слуг.

— Мистер Норрелл! — начал Лукас. — Я решил…

— Да-да! Ступай в кладовую под кухней. Там в сундуке найдешь свинцовую цепь, свинцовые замки и свинцовые ключи. Принеси их сюда, и не медли!

— А я прихвачу пару пистолетов, — заявил Лассельс.

— Это лишнее, — сказал мистер Норрелл.

— Вы удивитесь, сколько проблем решается при помощи пары пистолетов!

Через пять минут они вернулись. Лукас с недовольным видом нес цепь, Лассельс держал пистолеты, с ними были еще пятеро слуг.

— Где он? — спросил Лассельс.

— В библиотеке, где же еще? — ответил мистер Норрелл. — Идемте.

Они перешли из гостиной в столовую, оттуда попали в маленький коридор. В коридоре стояли инкрустированный буфет черного дерева и мраморная статуя кентавра с жеребенком, а на стене висела картина, изображавшая Саломею с голо-

вой Иоанна Крестителя на серебряном блюде. Впереди виднелись две двери. Лассельсу показалось, что правую он видит впервые. Мистер Норрелл провел их через правую дверь, откуда они вновь попали в гостиную.

— Постойте, — смущенно проговорил мистер Норрелл и оглянулся. — Я был уверен… Нет, постойте. Ах, вот в чем дело… За мной!

Они снова вышли через столовую в коридор, но на сей раз выбрали левую дверь. И снова оказались в гостиной.

— Он разрушил мой лабиринт и построил свой! — вскричал мистер Норрелл.

— Порой, сэр, я сожалею, — заметил Лассельс, — что Стрендж оказался таким прилежным учеником.

— Да нет же, я никогда его этому не учил! И никто не учил! Или им руководит сам дьявол, или он создал лабиринт здесь и сейчас! Мой враг — гений! Заприте его на замок, и он не только откроет его, но и повесит новый, чтобы запереть вас!

Слуги зажгли все свечи, словно свет мог вывести их из Стренджева лабиринта или научить отличать реальное от воображаемого. Скоро все три помещения заливал яркий свет, но он лишь сбивал с толку. Они без конца бродили между

гостиной, столовой и коридором («Как белки в колесе», — заметил Лассельс), но выхода так и не обнаружили.

Шло время. Невозможно было определить, день сейчас или ночь. Все часы показывали полночь, а за окнами чернел вечный мрак и сияли чужие звезды.

Наконец мистер Норрелл остановился и закрыл глаза. Его лицо потемнело и сжалось, словно кулак. Шевелились только губы. Затем он открыл глаза и промолвил: «Идите за мной!» Затем вновь закрыл глаза и пошел вперед. Он двигался, следуя плану дома, который кто-то выстроил внутри его собственного. Сворачивал — направо или налево, — словно прокладывая тропу, по которой никто до него еще не ходил.

Спустя три или четыре минуты волшебник открыл глаза. Он стоял в коридоре, который искал так тщетно, — коридоре, вымощенном каменными плитами. Впереди смутно виднелась дверь библиотеки.

— А теперь посмотрим, что он запоет! — воскликнул мистер Норрелл. — Лукас, приготовь цепь. Старый добрый свинец — отличная защита от волшебства. Пусть поколдует со связанными руками! Мистер Лассельс, не пора ли сочинять

письмо министру? — Удивленный тем, что никто ему не ответил, волшебник обернулся.

Он стоял в коридоре в совершенном одиночестве.

Откуда-то сзади раздался холодный и вялый голос Лассельса. Ему ответил один из слуг, затем что-то сказал Лукас. Постепенно голоса и топот ног стихли. Наступила тишина.

64. Две леди Поул

Середина февраля 1817 года

— Признаться, это было неожиданно! — воскликнул Лассельс.

Слуги сгрудились у северной стены столовой, сквозь которую только что преспокойно прошел мистер Норрелл.

Лассельс дотронулся до стены. Твердая. Надавил — стена и не думала поддаваться.

— Как вы полагаете, он нарочно? — спросил один из слуг.

— Теперь это неважно, — ответил Лукас. — Мистер Норрелл отправился к мистеру Стренджу.

— Другими словами, прямиком к дьяволу, — добавил Лассельс.

— И что теперь будет? — спросил другой слуга.

Никто ему не ответил. Все были захвачены картинами магических поединков, которые разворачивались перед их мысленным взором: мистер Норрелл швырял в Стренджа волшебными ядрами, Стрендж призывал демонов, чтобы те унесли его врага. Все прислушались, ожидая различить звуки борьбы. Стояла тишина.

В соседней комнате кто-то вскрикнул. Один

из слуг открыл дверь в гостиную. За ней была комната для завтрака, дальше — гостиная мистера Норрелла и гардеробная. Все комнаты вновь оказались на привычных местах. Лабиринт разрушился.

Все вздохнули с облегчением. Слуги тут же заторопились на кухню — место, где люди их положения обычно изливают друг другу свои радости и горести. Лассельс же, как свойственно людям его положения, в одиночестве уселся в гостиной мистера Норрелла. Он решил дождаться хозяина здесь, а если мистер Норрелл не вернется, то подкараулить его соперника и застрелить.

«И то сказать, — рассуждал он сам с собой, — что может волшебник против свинцовой пули? У него не останется времени, чтобы сотворить заклинание».

Однако подобные мысли приносили лишь временное облегчение. Тишина была слишком мертвенной, а волшебная тьма за окнами — слушком непроглядной. Слуги судачили на кухне, волшебники выясняли отношения невесть где, а Лассельс одиноко сидел в гостиной. В углу стояли старинные напольные часы — последнее напоминание об отчем доме мистера Норрелла в Йорке. При появлении Стренджа их стрелки, как

и стрелки всех остальных часов в доме, перескочили на полночь. Однако часы сделали это не по своей воле и теперь громко протестовали против нарушения заведенного порядка вещей. Они тикали судорожно, словно перебрали лишнего или простудились, и время от времени как будто вздыхали — и всякий раз Лассельсу казалось, что в комнату входит Стрендж.

Наконец Лассельс не выдержал и отправился на кухню.

Кухня аббатства Хартфью размерами и видом напоминала церковную крипту с фигурами ангелов, которые терялись во мраке. В центре кухни слуги зажгли все сальные свечи, сколько было в доме. Лассельс нашел здесь не только всех слуг, которых видел в доме раньше, но и тех, о существовании которых не подозревал. Он прислонился к перилам лестницы.

Лукас поднял глаза и сказал:

— Мы обсуждаем, как нам поступить, сэр. Мы решили немедля покинуть этот дом. Оставаясь здесь, мы не поможем мистеру Норреллу, но вполне способны навредить себе. Так мы рассудили, но если у вас другое мнение, мы готовы его выслушать.

— Меня? — Изумление Лассельса было лишь

отчасти притворным. — Впервые лакей спрашивает о моем *мнении*. Покорно благодарю, но я вовсе не собираюсь поощрять эту… — мгновение Лассельс размышлял, подыскивая самое оскорбительное слово, — *демократию*, — закончил он.

— Как вам угодно, сэр, — спокойно ответил Лукас.

— Должно быть, в Англии уже день, — сказала одна из служанок, пристально вглядываясь во тьму за окнами.

— Это и есть Англия, глупая девчонка! — воскликнул Лассельс.

— Нет, сэр, — сказал Лукас. — Простите, но вы ошибаетесь, это место нам неведомо. Дэйви, сколько времени нужно, чтобы вывести лошадей?

— Это уж слишком! — воскликнул Лассельс. — Какая наглость — сговариваться о краже лошадей в моем присутствии! Думаете, я не стану свидетельствовать против вас? Напротив! Скоро все вы будете болтаться в петле!

Некоторые слуги с испугом смотрели на пистолеты в руках Лассельса, но Лукас остался невозмутим.

Наконец слуги договорились, что те, у кого есть друзья или родственники в деревне, пешком

отправятся к ним, а прочие отведут лошадей на соседние фермы.

— Как видите, сэр, — промолвил Лукас, — что никто ничего не крадет. Среди нас нет воров. Лошади мистера Норрелла останутся на его земле, а мы позаботимся о них, как если бы они стояли в здешней конюшне. Негоже оставлять их в этой вечной тьме.

Вскоре (никто не знал, сколько именно прошло времени, — карманные часы, как напольные и настенные, показывали двенадцать) слуги покинули дом. Они несли свои пожитки в корзинках, саквояжах и заплечных мешках, а лошадей вели под уздцы. В конюшне жил еще и козел, потому что лошадям нравилось его общество. Слуги прихватили и козла, и двух осликов. Лассельс следовал за ними на отдалении. Он не желал выглядеть частью этой простонародной процессии, однако и в доме остаться не захотел.

Ярдов за десять до реки они вышли из тьмы в рассвет. Пахнуло инеем, морозной землей, рекой. Цвета и формы парка словно сделались проще, как будто за одну ночь Англия была сотворена заново. Для бедных слуг, которые уже не чаяли увидеть солнечного света, настал радостный час.

Часы снова шли, и, посовещавшись, слуги ре-

шили, что сейчас без четверти восемь.

Однако ночные тревоги на этом не закончились. Реку пересекал не один, а целых два моста.

Лассельс подошел к новому мосту.

— Что это значит? — спросил он.

Старый слуга с бородой, похожей на белое облако, приросшее к подбородку, ответил, что этот мост волшебный. Старик застал его в юности. Построенный во времена, когда Джон Аскгласс правил в Йоркшире, мост так обветшал, что при дядюшке мистера Норрелла его разобрали.

— А теперь он снова появился, — поеживишись, сказал Лукас.

— А что на той стороне? — спросил Лассельс.

Старый слуга сказал, что когда-то мост вел в Нортхаллертон через разные странные места.

— Он выведет меня на тропу, которую мы видели возле красного дома? — спросил Лассельс.

Старик покачал головой. Он ничего об этом не знал.

Лукасу не терпелось оставить это место.

— Волшебные тропы не то что честные христианские дороги, — сказал он. — Запросто могут привести совсем не туда, куда надо. Да и не все ли равно? Никто тут не собирается ступать на этот проклятый мост!

— Спасибо, — промолвил Лассельс, — но я сам решу, куда мне идти.

Мгновение он размышлял, затем устремился к волшебному мосту.

Слуги взывали к нему, но безуспешно.

— Пусть идет! — воскликнул Лукас, прижимая к себе корзинку, в которой свернулась кошка. — Не боится проклятия, его дело. Вот уж кого ни капли не жалко!

Лукас бросил на Лассельса последний неприязненный взгляд и вслед за остальными вошел в парк.

Позади них в серое йоркширское небо уходила Башня Тьмы — ее вершина терялась в облаках.

В двадцати милях от аббатства Чилдермасс пересек мостик, который вел в деревню Старкросс. Подъехав к дому, он спешился.

— Эй! Открывайте!

Чилдермасс постучал в дверь хлыстом, затем принялся пинать ее ногой.

Появились двое слуг. Их и без того напугали крики и стук, но когда слуги подняли свечу и рассмотрели незнакомца, то перетрусили еще больше: у дверей стоял головорез с бешеными глазами и рассеченной щекой, в залитой кровью рубахе.

— Не стойте как олухи! — прикрикнул он. — Приведите хозяина. Он меня знает.

Через десять минут привели мистера Сегундуса в халате. Тот шел с закрытыми глазами, а слуга поддерживал его под локоть. Выглядело это так, словно Сегундус ослеп, но как только слуга подвел его к гостю, он открыл глаза.

— Боже правый, мистер Чилдермасс! — воскликнул он. — Что с вашим лицом?

— Кое-кто принял его за апельсин. А вы, сэр, что с вами? Вы заболели?

— Нет, я не болен, — смутился Сегундус. — Однако необходимость находиться рядом с весьма сильной магией ослабляет. Особенно того, кто так к ней восприимчив. По счастью, слуги ничего не чувствуют.

Мистер Сегундус выглядел до странности нереальным, словно нарисованным в воздухе. Малейший сквозняк лохматил его волосы и завивал их штопором, словно они ничего не весили.

— Кажется, я понимаю, зачем вы приехали, — продолжил он. — Вы непременно должны передать мистеру Норреллу, что я ничего не предпринимаю, только наблюдаю. По правде сказать, я кое-что записываю, но вряд ли это его рассердит.

— О какой магии вы толкуете? — спросил Чилдермасс. — И не тревожьтесь о мистере Норрелле, ему сейчас не до вас, и он понятия не имеет, где я. Что вы здесь делаете, мистер Сегундус?

— Наблюдаю и записываю, как и надлежит волшебнику. — Мистер Сегундус взволнованно подался вперед. — Я пришел к удивительному заключению относительно болезни леди Поул!

— Неужели?

— Мне кажется, она не безумна, а заколдована!

Мистер Сегундус ожидал, что собеседник изумится, но Чилдермасс лишь кивнул, к некоторому разочарованию хозяина.

— У меня есть кое-что, принадлежащее ее милости, — сказал Чилдермасс. — Нечто, чего леди Поул недостает. Не соблаговолите отвести меня к ней?

— Да, но…

— Я не причиню ее милости вреда, мистер Сегундус. Напротив, я собираюсь ей помочь. Кля-

нусь Птицей и Книгой. Птицей и Книгой[169].

— Я не могу отвести вас к ней, — ответил мистер Сегундус. Видя, что Чилдермасс собирается возразить, он добавил: — Дело не в том, что я не хочу, просто не могу. Нас отведет Чарльз. — Он указал на слугу.

Несмотря на странность подобного заявления, Чилдермасс не возражал. Мистер Сегундус вновь закрыл глаза и вцепился в руку слуги.

Сквозь каменные и обшитые дубом коридоры Старкросс-Холла проступали очертания другого дома. Чилдермасс видел бесконечные лестничные пролеты. Словно в волшебном фонаре одна картинка просвечивала сквозь другую. Его замутило, словно на море в качку, и без посторонней помощи он не сделал бы и шага. Чилдермасс не был уверен, идет он или падает, преодолел одну ступеньку или высоченный лестничный пролет. Ему казалось, что он скользит через целый акр каменных плит, в то время как на самом деле они

---

[169] Примечания: 169

Старинная клятва на севере Англии. На гербе Джона Аскгласса изображен летящий ворон на белом поле. На гербе его лорд-канцлера Вильяма Ланчестера к ворону добавлена книга (летящий ворон над раскрытой книгой на белом поле).

В тринадцатом столетии Король полностью посвятил себя магической науке, а управление королевством доверил Ланчестеру. Герб последнего изображался в судах и на официальных бумагах, поэтому у людей вошло в привычку клясться Птицей и Книгой.

прошли несколько шагов. Голова кружилась.

— Стойте! Стойте! — вскричал он, осел на пол и закрыл глаза.

— На вас магия действует сильнее, чем на меня, — заметил мистер Сегундус. — Закройте глаза и держитесь за мою руку. Чарльз нас отведет.

Они шли с закрытыми глазами. Чарльз свернул направо и поднялся по лестнице. Здесь мистер Сегундус что-то тихо сказал невидимому собеседнику. Чарльз подтолкнул Чилдермасса. Тот понял, что находится в комнате. Пахло накрахмаленными простынями и засушенными розами.

— Это он хотел меня видеть? — спросил женский голос. Казалось, что голос исходит из двух мест сразу, словно в комнате поселилось эхо. — А ведь я его знаю! Он слуга волшебника! Он…

— Я тот, в кого вы стреляли, ваша милость, — сказал Чилдермасс и открыл глаза.

Он увидел не одну, а двух женщин; хотя, возможно, точнее будет сказать, что женщина перед его глазами двоилась. Обе сидели в одинаковой позе, глядя на Чилдермасса, занимая одно и то же пространство, и при взгляде на них у него закружилась голова, как недавно в коридоре.

Первая леди Поул находилась в Йоркшире, на ней было платье цвета слоновой кости, и

она смотрела на Чилдермасса со спокойным безразличием. Вторая расплывалась в воздухе, словно призрак. Эта женщина сидела в мрачном, похожем на лабиринт доме и была одета в кроваво-алый вечерний наряд. В волосах ее блестели драгоценности, и она взирала на Чилдермасса с нескрываемой злобой.

Мистер Сегундус подтолкнул Чилдермасса вправо.

— Станьте здесь, — возбужденно прошептал он, — и закройте один глаз! Видите на месте рта ало-белую розу?

— Магия действует на нас неодинаково, — заметил Чилдермасс. — То, что я вижу, очень странно, но розы там нет.

— С вашей стороны было очень самонадеянно сюда явиться, — промолвили обе леди Поул. — Учитывая, кто вы и кому служите.

— Я пришел не по поручению мистера Норрелла. Сказать по правде, я не знаю, кто меня послал. Вероятно, я выступаю от имени Джонатана Стренджа. Он передал мне послание, в котором, как я полагаю, речь шла о вашей милости, но гонцу помешали его доставить, и послание утеряно. Знаете ли вы, что хотел сообщить мне о вас мистер Стрендж?

— Знаю, — ответили обе леди Поул.

— И что же это?

— Если я заговорю, вы решите, что я безумна.

Чилдермасс пожал плечами:

— Я прожил среди волшебников двадцать лет. Так что я человек привычный. Говорите.

И она (или они) заговорила. Мистер Сегундус немедленно извлек из кармана халата записную книжку. Однако теперь две леди Поул говорили порознь. Леди Поул в Старкросс-Холле рассказывала одну историю, а женщина в кроваво-алом платье — другую. Леди Поул повествовала о девочке из Карлайла[170]. Лицо женщины в кроваво-алом платье искажал гнев, она сопровождала свою речь пылкими жестами, но причудливая история о девочке из Камберленда совершенно

---

[170] Примечания: 170

Однажды осенью в Камбрии девочка вышла погулять в бабушкин сад. В забытом уголке она обнаружила домик размером не больше пчелиного улья, сооруженный из паутины и покрытый изморозью. Внутри кружевного домика сидело крошечное существо, казавшееся одновременно и невероятно древним, и совсем юным — не старше самой девочки. Существо сказало девочке, что оно птичий пастух и много сотен лет присматривает за дроздами-рябинниками и белобровиками в этой части Камбрии. Всю зиму девочка и птичий пастух играли вместе, причем им совершенно не мешала разница в росте. Порой птичий пастух устранял это препятствие, вырастая до девочкиных размеров, а иногда уменьшал их обоих до птиц, жуков и снежинок. Птичий пастух познакомил девочку из Камбрии со множеством удивительных существ, живших в еще более причудливых и славных домиках.

заглушала ее слова.

— Вот видите! — воскликнул мистер Сегундус, закончив делать заметки. — Из-за этих диковинных историй ее и считают безумной. Я составил их список и обнаружил связь со старинными эльфийскими преданиями. Если бы мы провели изыскания, то обнаружили бы упоминания о разновидности эльфов, связанных с певчими птицами. Вряд ли они были их пастухами — слишком основательное занятие для существ столь непостоянных, но эльфы могли практиковать определенный род магии, связанный с певчими птицами. Эльф мог соврать впечатлительному ребенку, что пасет певчих птиц.

— Возможно, — сказал Чилдермасс, которого изыскания Сегундуса оставили равнодушным. — Но она собиралась рассказать нам что-то совсем другое. В магии роза означает молчание. Вот поэтому вы видели ало-белую розу — это приглушающее заклинание!

— А ведь вы правы! — изумленно промолвил мистер Сегундус. — Да-да, теперь я понимаю. Я читал о таком. Но как нам его снять?

Чилдермасс извлек из кармана коробочку цвета сердечной боли.

— Ваша милость, — произнес он, — дайте мне

левую руку.

Леди Поул положила бледную руку в грубую ладонь Чилдермасса. Он открыл коробочку, вытащил палец и приложил его к руке.

Ничего не происходило.

— Мы должны разыскать мистера Стренджа, — сказал мистер Сегундус, — или мистера Норрелла. Они ее вылечат!

— Нет, — ответил Чилдермасс. — В этом нет необходимости. Мы такие же волшебники, мистер Сегундус. Англия наполнена волшебством. Сколько лет мы его изучали? Неужели мы ничего не придумаем? Как насчет заклинания Мартина Пейла? Восстановление и Исправление?

— Я знаю слова, — сказал мистер Сегундус, — но я *не практикующий* волшебник…

— И никогда не станете им, если не попробуете! Давайте же, мистер Сегундус!

И мистер Сегундус попробовал[171].

Палец плавно прирос к руке, не осталось ни шрама, ни шва. В то же мгновение бесконечные

---

[171] Примечания: 171

Как и в большинстве заклинаний Мартина Пейла при Восстановлении и Исправлении используется магическое приспособление или ключ в виде крестообразного предмета из двух тонких полосок металла. Четыре конца креста символизируют прошлое и будущее, здоровье (целостность) и нездоровье (ущербность). Как писали впоследствии в «Современном чародее», мистер Сегундус использовал ложку и шпильку для волос, которые служанка ее милости связала ленточкой.

мрачные коридоры, окружавшие их, исчезли. Перед ними сидела одна женщина.

Леди Поул медленно встала с кресла, озираясь, словно заново открывала для себя окружающий мир. Женщина менялась на глазах. Взор зажегся огнем, черты ожили. Она подняла руки и сжала кулаки, словно хотела опустить их на голову своего мучителя.

— Меня околдовали! — воскликнула она. — Этот злодей принес меня в жертву своей карьере!

— Господи, дорогая леди Поул!.. — вскрикнул мистер Сегундус.

— Помолчите, мистер Сегундус, — сказал Чилдермасс. — Не время для банальностей. Дайте ей сказать!

— Я не жила и не умирала. — Леди Поул прижимала руки к груди, и слезы струились по ее лицу. — И не я одна! Жена мистера Стренджа и слуга моего мужа Стивен Блэк страдают и по сей день!

Леди Поул рассказывала о бесконечных призрачных балах, о жутких процессиях, в которых ее заставляли участвовать, и о том, что мешало им со Стивеном Блэком рассказать о своей беде.

Мистер Сегундус и слуги слушали ее откровения со все возрастающим ужасом. Чилдермасс,

напротив, сидел с невозмутимым выражением.

— Мы должны написать об этом в газеты! — воскликнула леди Поул. — Я настаиваю на публичном осуждении!

— Осуждении кого? — спросил мистер Сегундус.

— Волшебников, разумеется! Стренджа и Норрелла!

— Мистера Стренджа? — опешил Сегундус. — Нет-нет, моя дорогая леди Поул, вы ошибаетесь! Я не стану защищать мистера Норрелла. То, что он сделал с вами, — ужасающее преступление. Однако мистер Стрендж не виноват! А если и виноват, то и сам достаточно пострадал!

— Напротив! — воскликнула леди Поул. — Из них двоих он — худший! Занятый своей небрежной, холодной, истинно мужской магией, он предал прекрасную женщину, лучшую из жен!

Чилдермасс поднялся с места.

— Куда вы? — спросил мистер Сегундус.

— Искать Стренджа и Норрелла, — ответил Чилдермасс.

— Зачем? — воскликнула леди Поул. — Предупредить их? Помешать возмездию, которое готовит им женщина, осуществиться? Все мужчины заодно!

— Нет, я хочу помочь им освободить миссис Стрендж и Стивена Блэка.

Тропа привела Лассельса к лесу. На опушке стояла женская статуя с протянутыми руками. В одной руке женщина держала каменный глаз, в другой — каменное сердце, как и описывал Чилдермасс. С колючих ветвей свисали полуразложившиеся трупы. Тихо падал снег.

Скоро тропа привела его к высокой башне. Лассельс воображал величественное сооружение, но постройка оказалась очень простой. «Ничего особенного, — подумал он, — похоже на приграничные замки в Шотландии».

Высоко наверху сияло одно окно, какая-то тень выглядывала наружу. Лассельс увидел еще кое-что, чего Чилдермасс не заметил или о чем не упомянул: на деревьях клубками свились тяжелые змееподобные существа. Одно из них как раз заглатывало целиком упитанный свежий труп.

Между деревьями и ручьем стоял бледный юноша. Он смотрел на Лассельса пустыми глазами, а лоб его блестел от пота. Лассельс решил, что на юноше форма 11-го полка легких драгун.

Он обратился к юноше:

— Несколько дней назад здесь был наш соотечественник. Он заговорил с вами, вы его вызвали,

и он сбежал. Чернявый, уродливый. Бесчестный тип, презренный холоп.

Если юноша узнал по описанию Чилдермасса, то виду не подал. Мертвым голосом он промолвил:

— Я Защитник Замка Вырванных Ока и Сердца. Я вызываю вас…

— Да-да! — взволнованно вскричал Лассельс. — Я пришел сразиться! Смыть позор, который нанес британской чести этот трус!

Фигура в окне жадно прильнула к стеклу.

Бледный юноша ничего не ответил.

Лассельс раздраженно воскликнул:

— Что ж, превосходно! Если вам угодно, я явился сюда, чтобы причинить вред вашей госпоже! Пистолеты?

Бледный юноша пожал плечами.

Чтобы не дать противнику опомниться, Лассельс заявил, что они будут стреляться на двадцати шагах, и сам отмерил расстояние.

Противники заняли позиции, и тут в голову Лассельсу внезапно пришла мысль.

— Постойте! — крикнул он. — Как ваше имя?

Юноша безучастно посмотрел на Лассельса.

— Не помню, — ответил он.

Они выстрелили одновременно. Лассельсу по-

казалось, что в последний миг юноша нарочно отвел дуло. Однако Лассельса это не остановило. Если противник — трус, ему же хуже. Его собственная пуля поразила юношу прямо в грудь. С тем же злобным удовлетворением, с каким он разглядывал мертвого Дролайта, Лассельс смотрел, как юноша умирает.

Он повесил труп на дерево. Затем стал стрелять в разлагающиеся тела и змееподобных существ на деревьях. Он предавался этому приятному занятию не более часа, когда раздался стук копыт. С противоположной стороны, из Страны Фей, по тропе приближалась темная фигура на вороном жеребце.

Лассельс повернулся.

— Я — Защитник Замка Вырванных Ока и Сердца, — начал он…

65. Пепел, жемчуг, покрывало и поцелуй

Середина февраля 1817 года

Когда Лукас и прочие слуги покидали аббатство Хартфью, Стивен одевался в своей комнате в доме на Харли-стрит.

В Лондоне никого не удивишь экстравагантностью, но из всех экзотических мест столицы комнате Стивена, бесспорно, принадлежало первое место. Там хранилось множество ценных, редких и прекрасных вещей. Если бы кабинет министров или тот господин, что возглавлял Английский банк, проникли в комнату Стивена, они решили бы, что все их финансовые проблемы решены. Они немедленно выплатили бы все британские долги и отстроили Лондон заново. Благодаря щедрости джентльмена с волосами, словно пух на отцветшем чертополохе, Стивен владел фамильными драгоценностями неведомых королей и вышитыми одеяниями коптских патриархов. Цветочные горшки на подоконниках содержали отнюдь не цветы, а украшенные рубинами и жемчугами кресты, дра-

гоценные резные миниатюры и реликвии давно распущенных монашеских орденов. В буфете хранилась часть росписи потолка Сикстинской капеллы и бедренная кость баскского святого. Шляпа святого Христофора свисала с деревянного гвоздя за дверью, а значительную часть пола занимала мраморная статуя Лоренцо Медичи работы Микеланджело (до недавнего времени украшавшая надгробье этого великого человека во Флоренции).

Стивен брился, глядясь в маленькое зеркальце, пристроенное на колене Лоренцо Медичи, когда за его спиной возник джентльмен с волосами, как пух от чертополоха.

— Волшебник вернулся в Англию! — вскричал он. — Прошлой ночью я видел волшебника на Дорогах Короля, тьма скрывала его, словно волшебный плащ! Чего он хочет? Что задумал? Ах, Стивен, мне приходит конец! Я это чувствую! Он замышляет против меня недоброе!

Стивен поежился. Опаснее всего джентльмен бывал в таком возбужденном и тревожном состоянии.

— Мы должны убить его! — заявил джентльмен.

— Убить? О нет, сэр!

— Почему? Так мы навсегда от него избавимся! Я свяжу ему руки, глаза и язык с помощью волшебства, а ты ударишь ножом прямо в сердце!

Стивену пришлось быстро соображать.

— А вы уверены, что он возвращается ради вас, сэр? Подумайте, сколько врагов у него в Англии среди людей. Возможно, он хочет сразиться с кем-нибудь из них.

Джентльмен задумался. Все, что не касалось его самого, с трудом умещалось ему в голову.

— Ну, это вряд ли, — наконец промолвил он.

— Да нет же, сэр! — возразил Стивен увереннее. — В газетах и магических журналах о нем пишут страшные вещи. Ходят слухи, будто Стрендж убил жену. И многие верят. Его давно бы взяли под арест, если бы сумели. Известно также, что распускает лживые слухи другой волшебник. Весьма вероятно, Стрендж вернулся, чтобы с ним поквитаться.

Несколько мгновений джентльмен разглядывал Стивена, затем рассмеялся. Его настроение внезапно переменилось.

— Нам нечего бояться, Стивен! — радостно воскликнул он. — Пусть волшебники ссорятся и враждуют, не понимая, что им не жить друг без друга. Это лишь наполняет мое сердце радостью.

Как славно, что у меня есть ты! Именно сегодня я приготовил тебе подарок — то, о чем ты давно мечтал!

— Неужели, сэр? — со вздохом промолвил Стивен. — Я очень рад.

— И все-таки мы должны кого-нибудь убить. — Джентльмен резко сменил тему. — Сегодня я проснулся в дурном настроении — кто-то должен за это ответить. Что скажешь насчет старого волшебника? Ах нет, этим я окажу услугу молодому. А как насчет мужа леди Поул? Высокий надменный джентльмен, который держит тебя за слугу?

— Но я и есть слуга, сэр.

— А король Англии? Отличная мысль! Отправляемся немедленно. Ты убьешь короля и займешь его место! Где держава, корона и скипетр, которые я тебе дал?

— Британские законы не позволяют… — начал Стивен.

— Британские законы! Тьфу! Что за ерунда? Я думал, ты уже понял, что британские законы придуманы для жалких людишек! Согласно древним законам моего племени новый король чаще всего наследует трон убитого им предшественника!

— Сэр, мне казалось, вам пришелся по душе старый джентльмен?

— Хм, верно, однако в таком деле я готов отбросить личные симпатии. Беда в том, что у нас слишком много врагов, Стивен! Англия кишит злодеями! Придется просить совета у моих давних союзников. Мы должны действовать осмотрительно, призвав на помощь всю нашу хитрость и коварство. Мы должны предельно четко формулировать вопрос[172]. Пусть Северный Ветер и Рассвет перенесут нас к человеку, чье существование представляет для меня самую большую угрозу. И тогда мы убьем его, кем бы он ни был! Ты заметил, Стивен, что я говорю о себе, но наши судьбы так сплетены, что мы стали почти неразделимы! Тот, кто угрожает мне, угрожает и тебе. А теперь бери корону, скипетр и державу и навечно простись с местом, где ты был рабом! Возможно, ты видишь его в последний раз.

— Но… — начал Стивен.

Слишком поздно. Длинные бледные руки джентльмена взметнулись в воздух.

Стивен решил, что окажется перед одним из волшебников, а возможно, перед обоими. Вместо этого они очутились на засыпанной снегом верес-

---

[172] Примечания: 172

В сказке проще всего спросить: «Кто на свете всех милее?» — однако в жизни отвечать на такой расплывчатый вопрос не заставишь ни волшебника, ни человека, ни эльфа.

ковой пустоши. Снег и не думал прекращаться. С одной стороны местность сливалась с тяжелым свинцовым небом, с другой тянулись заснеженные холмы. На пустоши росло единственное кривое деревце — боярышник. Местность напомнила Стивену окрестности Старкросс-Холла.

— Как странно! — произнес джентльмен. — Никого!

— Никого, сэр, — с облегчением выдохнул Стивен. — Давайте вернемся в Лондон.

— Не понимаю… Ах нет, постой. Там кто-то есть!

Примерно в миле от них через пустошь тянулась дорога. По ней медленно тащилась повозка. Поравнявшись с деревцем, она остановилась. Из нее выбрался человек и направился к ним через пустошь.

— Отлично! — воскликнул джентльмен. — Сейчас перед нами предстанет наш злейший враг! Надень корону, Стивен! Пусть трепещет перед нашим величием и силой! Превосходно! А теперь подними скипетр и державу! Как ты прекрасен! Ты истинный король! А пока у нас есть время, Стивен… — джентльмен поглядел на одинокую фигуру, преодолевающую снежную пустошь, — я хочу тебе кое-что рассказать. Какой

сегодня день?

— Пятнадцатое февраля, сэр. День святого Антония Падуанского[173].

— Тьфу, что за скучный святой! Надеюсь, в будущем англичане перестанут почитать в этот день монаха, который останавливал дождь и разыскивал потерянные наперстки.

— Неужели, сэр?

— Ибо этот день назовут именем Стивена Блэка!

— Простите, сэр?

— Я говорил тебе, Стивен, что намерен узнать твое настоящее имя?

— Как? Моя мать при рождении дала мне имя?

— Разумеется! Я редко ошибаюсь в подобных вопросах. Она дала тебе имя на своем языке. Это имя она часто слышала в детстве. Она дала тебе имя, но не поведала его ни единой живой душе. Даже не шепнула в ухо своему только что рожденному сыну. Ей помешала смерть.

Перед мысленным взором Стивена возникла картина: мрачный, затхлый трюм корабля. Его мать, обессилевшая от родовых мук, незнакомые

---

[173] Примечания: 173

Святой Антоний Падуанский известен тем, что оберегал от дождя своих прихожан и служанок, с которыми был дружен. Кроме того, он помогает находить потерянные вещи.

люди вокруг, младенец — он сам. Понимала ли она язык тех, кто плыл с нею на судне? Стивен не знал. Как одиноко ей было! Он бы многое отдал, чтобы утешить ее, но между ними лежала целая жизнь. Стивен ощущал, как в его сердце растет ненависть ко всему английскому. Несколько минут назад он убеждал джентльмена не убивать Стренджа, теперь недоумевал: почему он должен заботиться о каком-то англичанине, представителе холодной, бездушной расы?

Со вздохом Стивен отбросил эти мысли и обнаружил, что джентльмен не умолкал.

— ...это весьма поучительная история о том, как я вновь проявил свои лучшие качества: самопожертвование, преданность, благородство помыслов, проницательность, хитроумие и мужество.

— Простите, какая история, сэр?

— История поисков твоего имени, которую я собираюсь тебе поведать! Так знай же, что твоя мать умерла в трюме корабля «Пенло»[174], идущего из Ямайки в Ливерпуль, а после смерти, — невозмутимо продолжил джентльмен, — матросы раздели ее и выбросили в море.

---

[174] Примечания: 174

Пенло — местность в Нортумбрии, где Джон Аскгласс и его волшебная рать впервые появились в Англии.

— Ах! — вырвалось у Стивена.

— Только представь себе, какую задачу мне пришлось решать! Спустя тридцать или сорок лет от твоей матери осталось немногое: крики при твоем рождении — они впитались в корабельные доски; кости, так как мясо и более мягкие части сожрали рыбы…

— Ах! — снова воскликнул Стивен.

— …розовое хлопковое платье, которое досталось одному из матросов, и поцелуй, что вырвал у нее капитан корабля за два дня до смерти. Вообрази, — джентльмен с волосами, как пух на отцветшем чертополохе, явно восхищался собой, — какое хитроумие мне потребовалось, чтобы разыскать все, что от нее осталось, и узнать твое славное имя! «Пенло» приплыл в Ливерпуль, где нечестивый злодей — дед другого нечестивого злодея, мужа леди Поул, — сошел на берег вместе со слугой, а на руках слуга держал тебя, Стивен. В следующем плавании к берегам Шотландии судно попало в шторм и затонуло. На скалы выбросило обломки и тот кусок дерева, что впитал крики твоей матери. Один бедняк построил из них дом. Я легко его отыскал. Дом стоял на продуваемом всеми ветрами уступе скалы, и в нем в бедности и убожестве жили несколько поко-

лений семьи бедняка. Должен сказать, Стивен, характер у дерева упрямый и гордый, и его непросто заставить делиться своими тайнами, даже с друзьями. Гораздо проще иметь дело с пеплом. Я спалил дом дотла, поместил пепел в бутылку и продолжил свои поиски.

— Спалили, сэр? Надеюсь, никто не пострадал?

— Кое-кто пострадал. Сильные и молодые успели выскочить из огня, а старые и немощные, а также женщины и дети сгорели заживо.

— Ах нет!

— Затем я занялся костями. Я уже упоминал, что тело выбросили в море, где со временем от него остались кости, а кости обратились песчинками. В раковинах моллюсков песчинки стали жемчужинами, их подняли со дна моря и сбыли одному парижскому ювелиру, который собрал из них превосходное ожерелье из пяти нитей и продал красавице-графине. Спустя семь лет графиню отправили на гильотину, а ее драгоценности и платья перешли чиновнику революционного правительства. До недавнего времени негодяй был мэром городка в долине Луары. Вечером, дождавшись, пока слуги уснут, он наряжался в платья и драгоценности покойной графини и красовался перед большим зеркалом. В таком

виде я и застал его однажды ночью. Должен сказать, выглядел он презабавно. Я удавил его жемчужным ожерельем…

— Ах, — снова вздохнул Стивен.

— …и забрал жемчуг, бросив бездыханное тело. После чего занялся розовым платьем твоей матери. Матрос, которому досталось платье, хранил его с год или два среди своих вещей. Судьба забросила его в бедную деревушку на восточном побережье Америки под названием Пайперс-Грейв. Там он встретил высокую стройную девушку и, желая произвести впечатление, подарил ей платье. Платье не подошло (твоя мать, Стивен, обладала пышными формами), но девушке понравился цвет. Она разрезала платье и сшила из него одеяло, соединив с другими дешевыми лоскутками. Ее дальнейшая история не слишком интересна — девушка несколько раз выходила замуж, пережила всех мужей и, к тому времени как я нашел ее, превратилась в дряхлую старуху. Я сдернул одеяло с ее постели, когда она спала.

— Вы не тронули ее? — с надеждой спросил Стивен.

— Нет, Стивен. Зачем? Стояла зимняя ночь, снега навалило на четыре фута, кроме того, за

окнами свирепствовал северный ветер. Полагаю, она замерзла во сне. А теперь перейдем к поцелую, который вырвал у твоей матери капитан…

— Его вы тоже убили, сэр?

— Нет, Стивен, хотя следовало бы примерно наказать злодея за то, что оскорбил твою почтенную мать. Капитана повесили в городе Валетта двадцать девять лет назад. К счастью, после твоей матери он перецеловал множество женщин, и сила ее поцелуя перешла к ним. Мне только и нужно было, что отыскать их и извлечь из них поцелуй.

— И как вы это сделали? — Стивен уже догадался, каким будет ответ.

— Проще всего извлекать поцелуи из мертвых женщин.

— Сколько людей погибло ради моего имени, — вздохнул Стивен.

— Я бы убил еще столько же, нет, в сто, в тысячу раз больше! Так велика моя любовь к тебе, Стивен! И вот, с помощью пепла, что был ее криками, жемчужин, что были ее костями, стеганого одеяла, что было ее платьем, и экстракта из ее поцелуя я узнал твое настоящее имя, которое, как преданный друг и благородный покровитель, готов назвать… А вот и наш враг! Убьем его, и

я дарую тебе твое настоящее имя! Осторожнее, Стивен, нас ожидает битва! Пожалуй, обращусь василиском, отрубленной головой, кровоточащим скелетом, огненным дождем и так далее и так далее. Отойди в сторонку.

Незнакомец подошел ближе. Он был тощ, как жердь, на лице застыло хищное, недоброе выражение. Одежда незнакомца представляла собой живописные лохмотья, а обувь совершенно прохудилась.

— Надо сказать, я потрясен, — заметил джентльмен. — Ты знаешь этого человека, Стивен?

— Знаю, сэр. Я рассказывал вам о нем. Тот самый, со странными знаками на теле, который поведал мне о пророчестве. Его имя Винкулюс.

— Здравствуй, король! — обратился Винкулюс к Стивену. — Разве я не говорил тебе, что грядет твой час? И вот он пробил! *Дождь отворит тебе дверь, и войдешь в нее! Камни соорудят тебе трон, и взойдешь на него!* — Со странным удовлетворением Винкулюс рассматривал Стивена, словно корона, скипетр и держава в руках дворецкого были его, Винкулюса, заслугой.

Стивен повернулся к джентльмену:

— Возможно, сэр, те Почтенные Сущности, к которым вы обращались, ошиблись и прислали

нам не того человека?

— Весьма вероятно, — согласился джентльмен. — Этот бродяга не опасен. Уж во всяком случае, не для меня. Однако если Северный Ветер и Рассвет послали его к нам, было бы невежливо оставить его в живых.

Винкулюс остался странно спокоен, лишь рассмеялся:

— Попытайся, дух! Предупреждаю тебя, это будет непросто!

— Неужто? — спросил джентльмен. — По мне, так нет ничего проще. Я обожаю убивать. Я умерщвлял драконов, топил целые армии, вызывал землетрясения и бури, которые сносили с лица земли города! А ты всего лишь человек, и, как любой человек, ты одинок на этом свете, а меня окружают старинные друзья и союзники. Что скажешь на это, плут?

В ответ на грозную тираду Винкулюс презрительно поскреб грязный подбородок.

— Книга! — произнес он.

Ответ прозвучал странно. Стивен невольно подумал, что если у Винкулюса и есть какая-то книга, то ему следовало бы продать ее и купить себе плащ.

Внезапно джентльмен резко обернулся и всмот-

релся в гряду заснеженных холмов.

— Ах! — вскрикнул он, словно его ударили. — Они украли ее! Воры! Английские воры!

— Кого, сэр?

— Леди Поул! Кто-то разрушил мои чары!

— Английская магия, дух! — крикнул Винкулюс. — Английская магия возвращается!

— Теперь ты понимаешь, Стивен, как они заносчивы? — вскричал джентльмен, бросив на Винкулюса ненавидящий взгляд. — Понимаешь, какой злобой наполнены их помыслы? Стивен, веревку мне!

— Веревку, сэр? Уверен, на мили вокруг нет ни одной веревки. Возможно…

— А веревки-то нет, дух! — захихикал Винкулюс.

Внезапно ледяная крупа и снежные хлопья закрутились в воздухе, и длинная прочная веревка упала в руки Стивена.

— Вот так-то! — победно воскликнул джентльмен. — Стивен, видишь дерево? Единственное дерево в округе, словно специально для нас. Англия всегда была ко мне дружелюбна. Накинь веревку на сук, и повесим этого мошенника!

Стивен мялся, не ведая, как предотвратить новую беду. Вдруг веревка, словно устав от его

нерешительности, вырвалась из рук, отпрыгнула и разделилась на две половины. Одна, словно змея, подползла к Винкулюсу и крепко его связала, вторая скрутилась аккуратной петлей и повисла на дереве.

Джентльмен ликовал. Предвкушение казни привело его в превосходное расположение духа.

— Эй, плут, ты танцуешь? Хочешь, научу тебя новым па?

Дальнейшее происходило как в кошмарном сне. Все совершалось быстро и точно, и у Стивена не было никакой возможности вмешаться или хотя бы вставить слово. Что до Винкулюса, то он повел себя весьма странно. Казалось, бродяга не понимал, что происходит. Он не произнес больше ни слова, только издал несколько сердитых звуков, словно веревка причиняла ему неудобства и выводила из себя.

Без всякого усилия джентльмен схватил Винкулюса и поставил под деревом. Петля сама обвилась вокруг его шеи и резко вздернула Винкулюса вверх, в то время как другая веревка аккуратно свернулась на земле.

Винкулюс беспомощно заболтал ногами, его тело дергалось и вращалось. Несмотря на уверения бродяги, что его не так-то легко убить, шея

Винкулюса сломалась быстро — среди безмолвия вересковой пустоши раздался резкий щелчок. Еще пара лихорадочных рывков, и все было кончено.

К тому времени Стивен уже забыл, что решил ненавидеть англичан, — он закрыл лицо руками и заплакал.

А джентльмен с волосами, словно пух от чертополоха, резвился, как дитя. Он пел и плясал вокруг повешенного, а затем дружелюбно обратился к Стивену:

— Как жаль! Он почти не сопротивлялся! Интересно, кто это был?

— Я же говорил вам, сэр. — Стивен вытирал слезы. — Этот человек поведал мне о предсказании. У него на теле необычные знаки. Какие-то письмена.

Недолго думая, джентльмен стянул с повешенного сюртук, рубашку и шейный платок.

— И впрямь, знаки, — удивился он, попытался сковырнуть маленький кружок на правом плече Винкулюса и, обнаружив, что тот не поддается, утратил к повешенному всякий интерес.

— А теперь пора заняться леди Поул! — воскликнул он.

— Вы хотите снова заколдовать ее, сэр? — спро-

сил Стивен. — Для чего?

— Чтобы спустя месяц-другой она умерла. Такова традиция, не говоря уже обо всем остальном. Редко кому давали прожить долго после снятия чар, особенно если чары накладывал я! Леди Поул недалеко, и я должен показать английским волшебникам, что они не могут противостоять нам безнаказанно! За мной, Стивен!

66. Джонатан Стрендж и мистер Норрелл

Середина февраля 1817 года

Мистер Норрелл обернулся и посмотрел на коридор, который привел его к библиотеке. Если бы он хотя бы на миг допустил, что коридор выведет обратно к Лассельсу и слугам, он устремился бы к ним, но мистер Норрелл знал, что колдовство Стренджа неминуемо вернет его назад.

Из библиотеки донесся какой-то звук, и мистер Норрелл задрожал. Он ждал, но никто не появился. Внезапно волшебник понял, что это был за звук. Он слышал его тысячи раз — возглас Стренджа, возмущенного каким-то пассажем в книге. Звук, такой знакомый и так тесно связанный со счастливейшими минутами в жизни мистера Норрелла, придал тому мужества войти.

С порога его поразило количество свечей. Библиотеку заливал свет. Стрендж не озаботился поиском подсвечников, он просто поставил свечи на столах, книжных полках и даже на стопках книг. Библиотеке определенно угрожал пожар. Книги были везде: валялись раскрытые на столах,

грудами высились на полу. Некоторые Стрендж положил корешками вверх, чтобы не потерять нужное место.

Волшебник стоял в дальнем углу комнаты. С их последней встречи он сильно исхудал, щеки были выбриты кое-как, волосы встрепаны. При появлении мистера Норрелла Стрендж не поднял головы.

— Семеро из Нориджа в тысяча сто двадцать четвертом году, — прочел он вслух из книги, которую держал в руках. — Четверо из Эйсгарта в Йорке на Рождество тысяча сто пятьдесят первого, двадцать три из Эксетера в тысяча двести первом, один — из Хетерседжа в Дербишире в тысяча двести сорок третьем. Всех заколдовали и увели в Страну Фей. Ему так и не удалось с этим справиться.

Стрендж говорил совершенно спокойно, и мистер Норрелл, каждое мгновение ожидавший удара, огляделся, чтобы увидеть того, к кому обращался Стрендж.

— Простите? — произнес он.

— Джону Аскглассу, — сказал Стрендж, и не подумав обернуться. — Ему так и не удалось предотвратить похищения христиан жителями Страны Фей. С чего я взял, что у меня получит-

ся? — Он прочел еще несколько строк. — Мне понравился ваш лабиринт, — дружелюбно сказал он. — Хикмена?

— Что? А, нет. Де Шепа.

— Де Шепа? Что вы говорите? — Стрендж в первый раз прямо посмотрел на своего учителя. — Я всегда считал его незначительным исследователем без единой собственной мысли в голове.

— Он никогда не нравился тем, кто ценит пустые эффекты, — нервно ответил мистер Норрелл, гадая, как долго продлится миролюбивое настроение Стренджа. — Он изучал лабиринты, магические тропы, многоходовые заклинания, — в общем, такого рода предметы. Подробное описание его магии содержится в «Наставлениях» Белазиса, — мистер Норрелл замялся, — хотя их вы не читали, потому что единственный экземпляр находится здесь, на третьей полке от окна. — Он показал рукой в сторону окна и тут только заметил, что полка опустела. — Или на полу, — предположил он. — В той стопке.

— Я обязательно прочту, — заверил его Стрендж.

— Ваш лабиринт тоже достоин похвалы, — сказал мистер Норрелл. — Я полночи пытался из него выбраться.

— Я поступил, как всегда, — беспечно ответил Стрендж. — Скопировал ваш лабиринт и внес кое-какие усовершенствования. Давно я здесь?

— Простите?

— Давно я во Тьме?

— С начала декабря.

— А сейчас какой месяц?

— Февраль.

— Три месяца! — воскликнул Стрендж. — Только три! Я думал, прошли годы!

Много раз мистер Норрелл воображал себе этот разговор. И всегда рисовал себе разгневанного Стренджа и себя, пытающегося оправдаться. И вот они встретились. Спокойствие Стренджа ошеломило мистера Норрелла. Постоянная тупая боль в глубине его маленькой дрожащей души проснулась и выпустила когти. Руки мистера Норрелла затряслись.

— Я был вашим врагом! — выпалил он. — Я уничтожил вашу книгу — все экземпляры, кроме собственного. Я клеветал и плел интриги. Ласселс и Дролайт болтали, будто вы убили жену. И я позволял им!

— Все верно, — произнес Стрендж.

— Но это ужасные преступления! Почему вы не злитесь?

Стрендж задумался, пытаясь найти разумное объяснение.

— Наверное, дело в том, что со времен нашей последней встречи я был деревьями, реками и холмами, говорил со звездами, землей и ветром. Невозможно пропустить через себя всю английскую магию и остаться прежним. Говорите, я должен злиться?

Мистер Норрелл кивнул.

На лице Стренджа появилась знакомая ироничная ухмылка.

— Успокойтесь! Скоро разозлюсь.

— Вы сделали это, чтобы унизить меня? — спросил мистер Норрелл.

— Унизить? — изумленно переспросил Стрендж. — Нет! Я сделал это, чтобы спасти жену!

Наступило краткое молчание, во время которого мистер Норрелл старательно прятал глаза.

— Чего вы хотите от меня? — спросил он хрипло.

— Того же, что и всегда, — помощи!

— Чтобы расколдовать ее?

— Да.

Мистер Норрелл задумался.

— Через сто лет после того, как наложено за-

клинание, наступает благоприятный момент для некоторых ритуалов, и…

— Благодарю покорно, — ответил Стрендж с легким оттенком той иронии, что отличала его в прежние времена, — однако я надеюсь отыскать что-нибудь не столь отдаленное по времени.

— Смерть того, кто наложил заклинание, обычно приводит к освобождению от чар, но…

— Да-да, смерть! — перебил его Стрендж. — Смерть! Я часто думал об этом в Венеции. Имея в распоряжении мощь всей английской магии, я мог бы убить его тысячью разных способов! Сбросить с вершины скалы, сжечь молнией, поднять горы и обрушить их ему на голову! Если бы я рисковал лишь своей свободой, я так бы и поступил. Но речь не о моей свободе, а о свободе Арабеллы. Если я погибну, она навечно останется под властью чар. И тогда я стал искать другой выход. Я вспомнил, что в целом мире, во всех возможных мирах есть единственный человек, который способен мне помочь. Я решил, что пришло время к нему обратиться.

Мистер Норрелл заволновался:

— Нет-нет, я более не считаю, что как волшебник превосхожу вас! Разумеется, я прочел гораздо больше книг и готов сделать все, что в моих си-

лах, но не уверен, что у меня получится лучше!

Стрендж нахмурился:

— Что? О чем вы? Я не имел в виду вас! Я говорил о Джоне Аскглассе. Помогите мне вызвать Джона Аскгласса.

Мистер Норрелл тяжело задышал. Казалось, воздух вокруг завибрировал, словно от низкого звука случайно задетой струны. С внезапной болью он осознал, что его окружает непроглядная тьма, в небе сияют незнакомые звезды, а все часы в доме стоят. И этому мгновению суждено длиться вечно, тьма задавит его, задушит своей тяжестью. И в это мгновение было легко поверить, что Джон Аскгласс рядом, на расстоянии заклинания, глубокие тени в углу — складки его плаща, а дым от свечей — крылья воронов на его шлеме.

Стренджа, напротив, ничуть не пугали древние страхи. Он склонился к мистеру Норреллу и с пылкой полуулыбкой зашептал:

— Бросьте, мистер Норрелл! Разве вам не наскучила служба у лорда Ливерпуля? Пусть другие заговаривают скалы и морской берег. Скоро волшебников, способных справиться с этим нехитрым делом, в Англии будет предостаточно! Давайте вместе совершим нечто великое!

Мистер Норрелл молчал.

— Вы боитесь. — Стрендж разочарованно отпрянул.

— Боюсь! — воскликнул мистер Норрелл. — Еще бы, конечно боюсь! Эта затея — чистое безумие! Но дело в другом. У нас ничего не получится. Допустим, нам удастся вызвать Джона Аскгласса, почему бы нет, если мы будет действовать сообща. Но с чего вы взяли, что он согласится помочь? Короли не склонны удовлетворять ничье праздное любопытство, а этот король особенно!

— Если для вас это праздное любопытство… — начал Стрендж.

— Нет, — перебил его Норрелл, — не для меня! *Для него*. Что ему до двух пропавших женщин? Вы представляете Джона Аскгласса обычным человеком, таким же, как вы и я. Но его похитили и воспитали в волшебной стране. Для него образ мыслей бруга естественен. В бруге жили христианские пленники, и он был одним из них. Для него все это не такое уж несчастье. Он просто не поймет вас.

— Тогда я объясню ему. Мистер Норрелл, я изменил Англию ради спасения жены. Я изменил мир. И я не побоюсь вызвать кого угодно, будь он сам Джон Аскгласс! Ну же, сэр! Что толку спорить?

Сначала нужно придумать, как его вызвать. С чего начнем?

Мистер Норрелл вздохнул:

— Это будет не так просто, как с прочими людьми. Магия, связанная с Джоном Аскгласcом, имеет свои особенности.

— Например?

— Прежде всего, как его вызывать. Заклинание вызова требует точного имени. Все имена, под которыми мы знаем Джона Аскгласса, не настоящие. Как утверждают историки, он был похищен некрещеным и стал безымянным ребенком в бруге. «Безымянный раб» — так он сам себя называл. Разумеется, эльфы дали ему имя по своему обычаю, но, вернувшись в Англию, Джон Аскгласс от него отказался. Что до прочих титулов — Король-ворон, Черный Король, Король Севера, — так называли его другие, но не он сам.

— Да-да, знаю! — вскричал Стрендж. — Но разве Джон Аскгласс — не настоящее имя короля?

— Ничего подобного! Так звали молодого норманнского аристократа, который умер летом тысяча девяносто седьмого года. Король клялся, что этот человек был его отцом, но многие сомневались в их родстве. Я полагаю, путаница с именами неслучайна. Джон Аскгласс не хо-

тел, чтобы волшебники досаждали ему своими просьбами.

— Что же мне делать? — Стрендж нетерпеливо прищелкнул пальцами. — Посоветуйте.

Мистер Норрелл заморгал маленькими глазками. Он не привык быстро думать.

— Если мы используем простое английское заклинание вызова — ибо нет ничего лучше, — тогда элементы заклинания сами отыщут его настоящее имя. Нам нужен посланец, тропа и подарок[175]. Если мы выберем орудия, которые знали Короля, и знали хорошо, нам не потребуется точное имя, они сами найдут его и приведут к нам. Вы понимаете?

Несмотря на страх, мистера Норрелла вдохновляла перспектива сотворить колдовство — новое колдовство! — вместе со Стренджем.

— Нет, — ответил Стрендж, — ничего не понимаю.

— Этот дом построен на землях Короля, из камней старинного аббатства. Река, которая протекает всего в двухстах ярдах от этой комнаты,

---

[175] Примечания: 175

Три традиционных элемента английского заклинания вызова. Посланец находит вызываемого, тропа приводит его к тому, кто творит заклинание, а подарок (или дар) обязывает вызываемого предстать перед чародеем.

часто несла короля в его королевской барке. В огороде растут груша и яблоня — прямые потомки тех семечек, которые выплюнул король, сидя летним вечером в саду аббатства. Пусть камни аббатства будут нашими посланцами, река — нашей тропой, а яблоки и груши будущего урожая — нашими подарками. Тогда мы просто назовем его «королем». Камни, река и деревья не знают другого короля, кроме Джона Аскгласса!

— Отлично, — согласился Стрендж. — А какое заклинание вы посоветуете? Они есть у Белазиса?

— Даже три.

— Попробуем их?

— Пожалуй, не стоит. — Мистер Норрелл выдвинул ящик стола и достал оттуда лист бумаги. — Вот лучшее из всех, что я знаю. Я не часто практиковался в заклинаниях вызова, но всегда начинаю с него. — Он протянул листок Стренджу.

Листок покрывал мелкий, аккуратный почерк мистера Норрелла. Сверху на листе было написано: «Заклинание вызова мистера Стренджа».

— Это заклинание вы применили, когда вы-

зывали Марию Авессалом[176], — объяснил Норрелл. — Я кое-что в нем поправил. Опустил *флорилегии*, которые вы слово в слово скопировали у Ормскирка. Понимаете, я не знаток, но эта часть показалась мне полной бессмыслицей. Добавил *эпитом* сохранения и избавления, и *скиммер* мольбы, хотя сомневаюсь, что в нашем случае это поможет[177].

— Теперь это в такой же степени ваше заклинание, как и мое, — сказал Стрендж без всякой зависти или ревности.

— Нет-нет, — поправил его мистер Норрелл. — Замысел целиком принадлежит вам. Я всего лишь подчистил края.

— Хорошо! Итак, мы готовы?

— Еще кое-что.

---

[176] Примечания: 176

В июле 1809 года в Призрачном доме в присутствии мистера Сегундуса, мистера Хонифута и Генри Вудхоупа.

[177] Примечания: 177

Флорилегий, эпитом и *скиммер* — названия частей заклинания.

В XIII–XIV веках эльфам нравилось включать в свои заклинания обращения к различным христианским святым. Эльфы не принимают христианства, но весьма уважают христианских святых, считая их могущественными волшебниками, покровительства которых следует добиваться. Эти обращения и называют *флорилегии* (букв. «собирание цветов»). Именно эльфы обучили им своих хозяев-христиан. Когда в Англии победил протестантизм и культ святых был упразднен, флорилегии превратились в набор бессмысленных магических слов.

3 (*прод.*) *Эпитом* — концентрированная форма заклинания внутри другого заклинания, используемая для усиления его силы. Эпитом со-

хранения и избавления защищает волшебника от вызываемых духов.
Скиммер (североанглийское «оживлять, сверкать») — слова или амулеты. Скиммер мольбы используется для задабривания вызываемых духов.

— Что?

— Мы должны позаботиться о безопасности миссис Стрендж, — объяснил мистер Норрелл.

Стрендж бросил на Норрелла странный взгляд, в котором читалось недоумение: не слишком ли поздно мистер Норрелл вспомнил о безопасности Арабеллы? Однако мистер Норрелл уже закопался в толстый том, который достал с полки, и ничего не заметил.

— Это заклинание описано в *«Liber Novus»* Частона. Вот и оно! Мы должны проложить волшебную тропу и поставить дверь, чтобы миссис Стрендж нашла путь из Страны Фей. Иначе она угодит в ловушку, и нам потребуются века, чтобы ее найти.

— А, это, — сказал Стрендж. — Я уже все подготовил. И поставил сторожа у двери. Ее ждут.

Стрендж взял огарок свечи, вставил в подсвечник, зажег и начал читать заклинание[178]. Стрендж призывал камни аббатства найти короля, призывал реку привести короля, обещал яблоки и груши следующего урожая в дар королю.

---

[178] Примечания: 178

В заклинании вызова огромное значение имеет фактор времени. Волшебник должен точно определить время вызова, иначе вызываемый может появиться в любое время и сочтет свои обязательства исполненными. Весьма удобный способ — использование свечи. Волшебник приказывает вызываемому явиться, когда свеча потухнет.

В конце Стрендж велел королю явиться, когда погаснет свеча.

Пламя вспыхнуло и погасло…

…и в это мгновение…

…в это мгновение комнату заполнили вороны. Черные крылья мелькали, словно взмахи рук, словно всполохи темного пламени. Крылья и когти были повсюду. Карканье оглушало. Вороны бились в стены и в окна, налетали на Стренджа. Обхватив голову руками, он упал на пол. Некоторое время крылья еще бились, затем в мгновение ока все стихло.

Свечи погасли. Стрендж перекатился на спину, кругом была кромешная тьма.

— Мистер Норрелл? — позвал он.

Никто не ответил.

В непроглядной тьме Стрендж поднялся на ноги. На ощупь отыскал стол, нашарил перевернутую свечу, вынул из кармана трутницу и зажег фитиль.

Стрендж поднял свечу над головой — в библиотеке царил хаос. На полках не осталось ни одной книги. Столы и стремянки валялись перевернутые. Несколько прекрасных кресел превратились в груду щепок, пригодных только для растопки камина. И везде толстым слоем, словно свежевы-

павший снег, лежали черные перья.

Мистер Норрелл полулежал, полусидел, спиной прислонившись к столу. Глаза его были открыты, но в них ничего не отражалось. Стрендж провел свечой у его лица.

— Мистер Норрелл? — снова позвал он.

— Пожалуй, теперь мы привлекли его внимание, — прошептал он потрясенно.

— Пожалуй, так и есть, сэр. Вы понимаете, что случилось?

Все еще шепотом мистер Норрелл продолжил:

— Книги обратились в воронов. Я смотрел на «Источник сердца» Хью Понтифекса и видел, как она изменяла форму. Король часто использовал этот прием — хаос из черных птиц. Я читал о нем в детстве. Ради этого стоило жить, мистер Стрендж! Ради этого не жалко и умереть! Для хаоса из черных птиц в языке сидов, языке его детства, есть название, но со временем оно утратилось[179].

Он схватил Стренджа за руку:

— Книги целы?

Стрендж вытащил из груды перьев книгу и прочел название: «Семь дверей и сорок два клю-

---

[179] Примечания: 179

Хаос воронов описывается также в рассказе о дочери перчаточника из Ньюкасла (гл. 39, примеч. 1).

ча» Пирса Руссиньоля. Волшебник наугад открыл книгу и начал читать:

— «…и ты попадешь в необычное место — страну, похожую на шахматную доску, где бесплодные скалы чередуются с плодовыми садами, вересковые пустоши — с полями, где созревают колосья, а зеленые лужайки — с выжженными солнцем пустынями. В этой стране бог всех чародеев Гермес Трисмегист выставил часовых на каждом мосту и у каждых ворот: барана, змею…»

— Так? — с сомнением спросил Стрендж.

Мистер Норрелл кивнул. Он вынул из кармана носовой платок и вытер кровь с лица.

Волшебники сидели на полу среди книг и перьев и некоторое время просто молчали. Мир съежился до пространства, освещенного свечой.

Наконец Стрендж спросил:

— Как близко к нам он должен находиться, чтобы творить такую магию?

— Джон Аскгласс? Да где угодно, хоть в сотне миров от нас — в самом сердце ада.

— И все-таки стоит попробовать?

— Попробовать?

— Ну, если окажется, что он рядом, мы… — Стрендж задумался, — можем пойти к нему навстречу.

— Хорошо, — сказал мистер Норрелл со вздохом, но без особой надежды.

Первое и единственное приспособление для определения местоположения — серебряное блюдо с водой. Серебряное блюдо мистера Норрелла стояло на столике в углу библиотеки, но после хаоса воронов блюдо исчезло, а столик превратился в щепки. Волшебники отправились на поиски блюда и вскоре обнаружили его в камине, в груде черных перьев и разорванных книжных страниц.

— Нам нужна вода, — сказал мистер Норрелл. — Я всегда посылаю Лукаса набрать воду из реки. Текучая вода лучше всего подходит для определения местоположения, а течение в реке Харт быстрое, даже летом. Я скоро вернусь.

Однако мистер Норрелл не привык обслуживать себя сам, и ему потребовалось время, чтобы собраться. Теперь волшебник стоял на лужайке перед домом и рассматривал незнакомые звезды. Он не чувствовал, что находится в центре Башни Тьмы в самом сердце Йоркшира, — ему казалось, будто весь мир исчез, а они со Стренджем на необитаемом острове или неприступной скале. Эта мысль расстроила его гораздо меньше, чем можно было ожидать. Окружающий мир

всегда занимал слишком мало места в голове волшебника, посему он воспринял его потерю философически.

На берегу мистер Норрелл опустился на колени в покрытую инеем траву, чтобы зачерпнуть воды. Над ним сияли чужие звезды. Он выпрямился (голова кружилась с непривычки) — и его накрыло ощущение творящегося в эту самую минуту колдовства. Ему еще не приходилось сталкиваться с такой сильной магией. Если бы мистера Норрелла спросили, на что это похоже, он ответил бы, что весь Йоркшир словно вывернулся наизнанку. Пару мгновений он был не в состоянии сообразить, в какой стороне дом. Мистер Норрелл обернулся, споткнулся и врезался в мистера Стренджа, который непонятно откуда возник перед ним.

— Я думал, вы в библиотеке! — удивился мистер Норрелл.

Стрендж вытаращил глаза:

— Я и *был* там! Только что я читал «Привратника Аполлона» Губерта. А теперь очутился здесь!

— Так вы не выходили за мной?

— Разумеется, нет! Что происходит? И где, ради всего святого, вы пропадали?

— Я искал плащ, — пробормотал мистер Нор-

релл. — Ума не приложу, куда Лукас его задевал.

Стрендж приподнял бровь и вздохнул:

— Полагаю, вы почувствовали то же самое? За мгновение до того, как я тут очутился, мне показалось, что ветер, вода и пламя стали одним целым.

— Да, — ответил Норрелл.

— А в воздухе поплыл аромат диких трав и горных склонов?

— Да, — повторил Норрелл.

— Эльфийская магия?

— Без сомнения! — воскликнул Норрелл. — Это часть заклинания, что держит вас внутри Вечной Тьмы. — Волшебник огляделся. — Какова она по размеру?

— Кто?

— Тьма.

— Не уверен, ведь она движется вместе со мной, но говорят, что Башня совпадает по размеру с приходом в Венеции, где я жил. Скажем, пол-акра?

— Пол-акра! Стойте на месте!

Мистер Норрелл поставил блюдо в траву и двинулся к мосту. Вскоре в темноте виднелся уже только его седой парик — в свете звезд он казался панцирем водяной черепашки, неспешно ползущей по своим делам.

Мир снова дрогнул, и два волшебника очутились на мосту.

— Ради всего святого… — начал Стрендж.

— Теперь поняли? — мрачно спросил мистер Норрелл. — Заклинание не дает нам удаляться друг от друга. Оно схватило и меня. Магия эльфов известна своей прискорбной неточностью. Полагаю, эльф назвал вас английским волшебником или каким-то другим неточным именем. И теперь под власть заклинания попадает любой английский волшебник, который осмелится вступить в его пределы.

Стрендж только вздохнул, да и что тут скажешь?

Мистер Норрелл повернул к дому.

— Вот превосходная иллюстрация того, — заметил он, — как важно знать точное имя, если беретесь колдовать.

За его спиной Стрендж только возвел очи горé.

В библиотеке они поставили блюдо с водой на стол.

Как ни странно, но открытие, что он заточен вместе с Джонатаном Стренджем во Тьме, не испугало мистера Норрелла, а, напротив, воодушевило. Он бодро напомнил Стренджу, что они еще не знают настоящего имени Джона Аскгласса, а стало быть, найти его магическим или иным способом будет непросто.

Стрендж, который сидел, подперев голову рука-

ми, мрачно взглянул на Норрелла:

— Попробуйте Джона Аскгласса.

И мистер Норрелл попробовал. Он разделил поверхность воды на четыре части светящимися линиями и нарек каждую своим именем: Рай, Ад, Земля и Волшебная страна. Немедленно в той части, где была Земля, вспыхнул синеватый огонек.

— Наконец-то! — Стрендж даже подпрыгнул от радости. — Вы видите, сэр? Все не так безнадежно, как мы думали.

Норрелл легонько постучал по поверхности воды — линии исчезли. Он снова разделил воду на четыре части и нарек новыми именами: Англия, Шотландия, Ирландия, Иные Земли. Синеватый огонек вспыхнул в той части, где была Англия. И снова Норрелл стучал по воде, делил воду на части, сужая границы. Синеватый огонек и не думал гаснуть. Внезапно мистер Норрелл издал удивленный возглас.

— Что случилось? — спросил Стрендж.

— Кажется, у нас получилось! Он здесь, в Йоркшире! — вскричал волшебник.

67. Боярышник

Февраль 1817 года

Чилдермасс пересекал вересковую пустошь. Посреди пустоши высилось уродливое деревце, на котором болтался повешенный. Отсутствие плаща и рубашки позволяло рассмотреть то, что при жизни пряталось под одеждой: странные отметины на коже. Грудь, спину и руки повешенного испещряли синие значки, нанесенные так густо, что кожа казалась скорее синей, чем белой.

На пути к дереву Чилдермасс думал, что отметины — жестокая шутка убийцы. В бытность матросом ему доводилось слышать о странах, где исповеди преступников перед казнью варварскими способами наносят на их тело. Издалека значки выглядели написанными на коже, вблизи оказалось, что они под ней.

Чилдермасс спешился и развернул тело лицом к себе — лицо покойника побагровело и раздулось, а глаза вылезли из орбит и налились кровью. Чилдермасс долго изучал искаженные черты, пока не узнал старого знакомца.

— Винкулюс, — произнес он.

Карманным ножом он перерезал веревку, стянул с мертвеца штаны и ботинки и всмотрелся в него: голое двуногое животное посреди заснеженной бесплодной пустоши.

Странные значки покрывали каждый дюйм тела, за исключением лица, ладоней, причинного места и ступней, словно синекожий человек натянул белые перчатки и маску. Чем дольше Чилдермасс всматривался в значки, тем яснее понимал: они нанесены неспроста.

— Это письмена Короля, — наконец промолвил он. — Книга Роберта Финдхельма.

В воздухе закружили острые льдистые снежинки, ветер задул с новой силой.

Чилдермасс подумал о Стрендже и Норрелле в двадцати милях отсюда и расхохотался. Какая разница, кто прочтет книги в аббатстве Хартфью? Самая ценная книга на свете лежала перед ним, голая и мертвая, заносимая снегом и продуваемая ветром.

— Стало быть, эта ноша выпала мне, — сказал Чилдермасс. — Величайшая честь и величайшее бремя, доставшееся человеку в наш век.

Сейчас, однако, ноша представлялась в большей степени бременем, нежели честью. Самая неудобная форма для книги. Чилдермасс понятия

не имел, как давно умер Винкулюс и когда начнет разлагаться? Можно закинуть тело на лошадь, но как объяснить прохожим, откуда он взял труп повешенного? Можно спрятать тело и вернуться за ним с повозкой. Сколько времени это займет? К тому же тело могут найти. В Йорке хватает врачей, готовых заплатить за свежий труп, не задавая лишних вопросов.

«Можно наложить заклинание сокрытия», — подумал Чилдермасс.

А как быть с собаками, лисами и воронами? Их заклинаниями не обманешь. Однажды книгу уже съели. Нельзя, чтобы это случилось снова.

Самым разумным казалось скопировать значки, но его записная книжка, перо и чернила остались в аббатстве Хартфью. Что делать? Начертить их палкой на замерзшей земле? Если бы вокруг были деревья, он мог бы разжечь костер и углем нацарапать символы на коре. Однако рядом не было ничего, кроме кривого боярышника.

Чилдермасс посмотрел на свой нож. Вырезать значки на собственной коже? Этот план обладал несколькими неоспоримыми достоинствами. Во-первых, так он в точности скопирует расположение знаков. Чем ближе к голове, тем важнее? Возможно. Во-вторых, так значки легче и сохра-

нить, и скрыть. Показывать ли их Стренджу или Норреллу, он пока не решил.

Однако символы слишком плотно покрывали тело Винкулюса и выглядели очень замысловато. Даже если у него хватит умения перенести все точки, круги и завитушки на кожу — в чем Чилдермасс сомневался, — резать придется глубоко, чтобы значки сохранились надолго.

Чилдермасс скинул плащ и сюртук, расстегнул ворот сорочки и закатал рукав. Для пробы он попытался вырезать на внутренней стороне предплечья значок, расположенный на том же месте у Винкулюса. Результат его не обрадовал. Кровь заливала рану, и от боли кружилась голова.

«Здесь столько символов, что к концу операции я просто истеку кровью. Да, кстати, а как я собирался копировать символы со спины? Положу-ка я труп на лошадь, а если кто-нибудь спросит, откуда он взялся, придется стрелять. Не слишком хороший план, но другого у меня нет», — рассуждал Чилдермасс, натягивая сюртук и плащ.

Пивовар щипал жухлую траву на пригорке, откуда ветер сдул снег. Чилдермасс подошел к лошади, достал из саквояжа веревку и ящик с пистолетами, зарядил их и насыпал на полку порох. Затем обернулся, чтобы проверить, как

там покойник? Какой-то человек — мужчина — склонился над телом Винкулюса. Чилдермасс сунул пистолеты в карманы плаща и бросился к дереву.

Незнакомец в черных башмаках и черном дорожном плаще присел на корточки на заснеженной земле над телом Винкулюса. Чилдермасс решил было, что это Стрендж, но незнакомец был ниже ростом и более хрупкого сложения. Одет он был как богатый и модный джентльмен, разве что прямые черные волосы отпустил не по моде. Длинные локоны придавали ему сходство с методистским проповедником или поэтом-романтиком.

«Я знаю его, — подумал Чилдермасс. — Он волшебник. Я хорошо его знаю. Почему я не могу вспомнить его имя?»

Вслух Чилдермасс сказал:

— Этот труп — мой, сэр! Оставьте его в покое!

Незнакомец поднял глаза.

— Твой, Джон Чилдермасс? — спросил он с мягкой иронией. — А я думаю, что мой.

Чилдермасс удивился, что, несмотря на богатую одежду и властный вид, речь незнакомца звучала грубовато даже для его ушей. Акцент явственно выдавал в нем северянина, но Чилдермасс не

мог вспомнить, где так говорят. Может быть, в Нортумбрии? В холодных землях, что лежат за Северным морем? Самое удивительное, что в речи незнакомца слышалось что-то неуловимо французское.

— Вы ошибаетесь. — Чилдермасс поднял пистолеты. — Мне придется выстрелить в вас, сэр, но я этого не хочу. Оставьте тело в покое и ступайте своей дорогой.

Незнакомец не ответил. Какое-то мгновение он смотрел на Чилдермасса, а затем, словно утратив к нему всякий интерес, вернулся к трупу.

В поисках лошади или коляски, которая привезла незнакомца, Чилдермасс огляделся. Пусто. Посреди заснеженной равнины были лишь двое мужчин, лошадь, труп и одинокое дерево.

«Но где же коляска? — спросил себя Чилдермасс. — На нем ни пятнышка, словно только что от камердинера. И где его слуги?»

Мысли эти встревожили Чилдермасса. Он не сомневался, что без труда справится с бледным, тощим, поэтического вида незнакомцем, но кучер и парочка лакеев значительно осложнили бы дело.

— Вы владелец ближних земель, сэр? — спросил Чилдермасс.

— Да.

— А где ваша лошадь? Коляска? Где ваши слуги?

— У меня нет лошади, Джон Чилдермасс. Нет кареты. И здесь только один из моих слуг.

— Где?

Не поднимая глаз, незнакомец показал бледным тонким пальцем.

Чилдермасс в смятении смотрел на него. Вокруг не было никого, только ветер шевелил сухую траву. О ком он говорит? О ветре? Снеге? Чилдермассу доводилось слышать о средневековых чародеях, которые считали силы природы своими слугами. Наконец Чилдермасс понял.

— Что? Нет, сэр, вы ошибаетесь. Я не ваш слуга.

— Еще три дня назад ты кичился этим, — сказал незнакомец.

Хозяином Чилдермасса мог быть только один человек. А что, если незнакомец и есть мистер Норрелл? Или одно из его воплощений? В прошлом волшебники умели являться в разных обличьях, отражающих ту или иную черту их характера. Чилдермасс пытался вообразить, какая черта Гильберта Норрелла явила себя в образе бледного красавца со странным акцентом и властными манерами. Из всех странных

событий последнего времени это было бы самое невероятное.

— Сэр! — крикнул он. — Я вас предупреждаю! Оставьте тело в покое!

Незнакомец еще ниже склонился над трупом, затем выдернул что-то из собственного рта — крошечную светящуюся жемчужину, отливающую розовым и серебристым, — и положил ее в рот Винкулюса. Мертвое тело содрогнулось. Это не было похоже ни на судорогу больного, ни на дрожь здорового, скорее на трепет, с которым березовая роща встречает приход весны.

— Отойдите от тела, сэр! — вскричал Чилдермасс. — Предупреждаю в последний раз!

Незнакомец, не поднимая глаз, принялся водить кончиком пальца по телу, словно что-то писал.

Чилдермасс прицелился в левое плечо незнакомца, намереваясь только попугать его. Пистолет не подвел, показалось облачко дыма, запахло порохом, из ствола вылетели искры, но сама пуля замерла в воздухе, словно Чилдермасс видел сон. Она вращалась, разбухала, меняясь на глазах. Внезапно пуля выбросила крылья и, обернувшись чибисом, взмыла в небеса. Самое удивительное, что разум Чилдермасса оставался спокойным и

твердым как камень.

Незнакомец провел рукой над телом Винкулюса — символы пришли в движение и закрутились, словно водовороты. Это продолжалось некоторое время, после чего незнакомец, вероятно удовлетворившись результатом, встал.

— Ты ошибаешься, — сказал он Чилдермассу. — Это не труп. Он жив.

Незнакомец подошел и встал прямо напротив Чилдермасса. Немного торжественно, словно родитель, который стирает грязь с лица ребенка, он лизнул палец и начертил в воздухе символы на веках, губах и напротив сердца Чилдермасса. Затем он легонько стукнул Чилдермасса по левой руке — пистолет упал на снег, и незнакомец начертил символ на его ладони. Наконец он отвернулся и приготовился уходить, но, очевидно что-то вспомнив, начертал еще один символ над порезом на щеке Чилдермасса.

Ветер закручивал снежные вихри. Пивовар беспокойно заржал. Еще мгновение падающий снег и тени удерживали фигуру худощавого темноволосого мужчины в плаще и башмаках, затем видение пропало.

Чилдермасс моргал.

— Где я? — раздраженно спрашивал он. — И с

какой стати болтаю сам с собой? Не время витать в облаках!

Пахло порохом, а один из его пистолетов лежал в снегу. Когда Чилдермасс поднял его, стол еще хранил тепло от выстрела. Все это было более чем странно, но Чилдермасс не успел удивиться, как откуда-то сбоку раздался звук.

Винкулюс барахтался на земле, пытаясь встать. Он неуклюже сучил руками и ногами, словно новорожденный, еще не осознающий собственного тела. Встав, он закачался, голова моталась из стороны в сторону. Затем открыл рот и что-то крикнул Чилдермассу. Однако звук, вылетевший изо рта, не походил на крик — словно пустая оболочка звука, без плоти и крови.

Это было самое удивительное зрелище, которое видел Чилдермасс в своей жизни, — голый синий мужчина с налитыми кровью глазами беззвучно кричал посреди занесенной снегом пустоши. На несколько мгновений Чилдермасс растерялся. Затем решил применить заклинание, названное Жилем де Марстоном «Восстановление Утраченного Покоя», но по здравом размышлении вынул бутылку красного вина, которую подарил ему Лукас, и показал Винкулюсу. Тот сразу успокоился и впился глазами в бутылку.

Спустя четверть часа они сидели на пожухлой траве под деревом и закусывали яблоками красное вино. Винкулюс был одет в рубашку и штаны и завернут в лошадиную попону. Для человека, совсем недавно болтавшегося в петле, он весьма резво приходил в себя. Глаза его по-прежнему были налиты кровью, но взгляд стал куда более осмысленным. Говорил он хрипло, то и дело заходился кашлем, однако излагал свои мысли вполне разумно.

— Кто-то пытался тебя повесить, — рассказывал Чилдермасс. — Не знаю кто и почему. К счастью, я подоспел вовремя и обрезал веревку.

Здесь он почувствовал легкое беспокойство — перед мысленным взором явственно возникло мертвое тело Винкулюса, лежащее на земле, и чья-то тонкая бледная рука. Кто это был? Память ускользала от Чилдермасса.

— Расскажи мне, — продолжил он, — как человек становится книгой. Я знаю, что Роберт Финдхельм дал книгу твоему отцу, чтобы тот отвез ее некоему человеку в Дербиширских холмах.

— Последнему человеку в Англии, который мог прочесть послание Короля, — прохрипел Винкулюс.

— Однако твой отец не довез до него книгу. Вместо этого он съел ее на пивном состязании в Шеффилде.

Винкулюс сделал еще глоток и вытер губы тыльной стороной ладони.

— Четыре года спустя родился я. Мое младенческое тело покрывали синие письмена. В семнадцать я отправился на поиски того человека в Дербишире — он был еще жив. Звездной летней ночью Книга Короля и ее последний Читатель встретились и выпили вина. Мы сидели на гребне холма в Бреттоне, смотрели на Англию, и он читал мне пророчество о ее судьбе.

— То самое пророчество, о котором ты рассказал Стренджу и Норреллу?

Винкулюс, зашедшийся в приступе кашля, кивнул. Откашлявшись, он добавил:

— И еще безымянному рабу.

— Кому? — нахмурился Чилдермасс. — Кто это?

— Человек, — отвечал Винкулюс. — Помимо прочего, я хранил его историю. Сначала он был рабом. А скоро будет королем. Настоящее имя его было утрачено в момент рождения.

Чилдермасс задумался.

— Ты о Джоне Аскглассе?

Винкулюс раздраженно хмыкнул:

— Если бы я имел в виду Джона Аскгласса, я бы так и сказал! Он вообще не волшебник. Простой человек, как все. — На мгновение он задумался. — Только черный.

— Никогда не слыхал о таком, — сказал Чилдермасс.

Винкулюс посмотрел на него с удивлением:

— Откуда? Ты прожил жизнь за пазухой мэйферского чародея. Тебе известно не больше, чем ему.

— И что с того? — вскинулся Чилдермасс. — Разве этого мало? Норрелл — умнейший человек, как и Стрендж. Да, они ошибались — людям свойственно ошибаться, но их заслуги неоспоримы. Не заблуждайся: я — человек Джона Аскгласса или мог бы стать им, если бы Король был здесь. Однако ты не станешь отрицать, что заслуга возрождения английской магии принадлежит им обоим, а вовсе не Королю.

— Им обоим? — с издевкой переспросил Винкулюс. — Им обоим? Ты так ничего и не понял! Они — всего лишь заклинание Джона Аскгласса! И всегда были только его заклинанием! А сейчас Король вершит свою магию!

68. «Да»

Февраль 1817 года

Синеватые вспышки на воде то исчезали, то появлялись.

— Что там? Что происходит, мистер Норрелл? — воскликнул Стрендж.

Норрелл ударил по поверхности воды, заново провел светящиеся линии, прошептал несколько слов, но вода в блюде осталась темной и неподвижной.

— Он ушел, — произнес мистер Норрелл.

Стрендж закрыл глаза.

— Очень странно, — удивленно продолжал мистер Норрелл. — Что, по-вашему, он мог делать в Йоркшире?

— О, он точно решил свести меня с ума! — воскликнул Стрендж и голосом, полным гнева и обиды, продолжил: — Почему он пренебрег мною? После всего, что я сделал, почему не захотел хотя бы взглянуть на меня, поговорить со мной?

— Он старый волшебник и старый король, — бросил мистер Норрелл. — Едва ли его легко удивить.

— Волшебники уважают своих наставников. Я всегда восхищался вами. Я хотел выразить свое восхищение ему!

— Однако прежде всего вы хотели освободить миссис Стрендж, — напомнил ему Норрелл.

— Да-да, разумеется, — ответил Стрендж раздраженно. — И все же… — Он замолчал.

Какое-то время оба молчали, затем Норрелл задумчиво сказал:

— Вы упомянули, что волшебнику свойственно желание произвести впечатление на своего учителя. Ваше замечание напомнило мне одну историю, которая произошла в тысяча сто пятьдесят шестом году…

Стрендж вздохнул.

— …В тот год Джон Аскгласс страдал от некоей хвори, что случалась с ним время от времени. Когда Король поправился, в своем доме в Ньюкасле он решил отпраздновать выздоровление. Короли и королевы преподносили ему роскошные дары — золото, рубины, слоновую кость и редкие пряности. Волшебники дарили волшебные подарки — невидимые покровы, поющие деревья, ключи от потайных комнат, и каждый стремился превзойти остальных. Король в свойственной ему величавой манере благодарил всех одинаково.

Последним к Королю подошел волшебник, которого звали Томас Годблесс. Руки волшебника были пусты. Он сказал: «Государь, я принес тебе деревья и холмы, ветер и дождь». Короли и королевы, благородные дамы и господа и прочие волшебники онемели от подобной дерзости. Однако в первый раз после выздоровления на лице Короля заиграла улыбка.

Стрендж задумался.

— Теперь и я среди этих королей и королев. У меня не нашлось для него достойных даров. Где вы прочли эту историю?

— В «Наставлениях» Белазиса. В юности я страстно увлекался Белазисом, и этот эпизод всегда казался мне особенно загадочным. Я пришел к заключению, что Томас Годблесс заставил деревья и холмы приветствовать Короля неким волшебным образом, например кланяться при его появлении. Меня обрадовало, что я разрешил загадку, которая оказалась не по плечу Белазису, но впоследствии забыл о ней, не видя смысла в подобном волшебстве. Много лет спустя я обнаружил похожее заклинание в «Языке птиц» Ланчестера, который взял его из какой-то древней книги, ныне утерянной. Ланчестер признавался, что не знает, для чего предназначено заклина-

ние, а я думаю, это то самое, которое применил Томас Годблесс. Давайте его применим, коли вы так жаждете поговорить с Джоном Аскглассом. Попросим Англию приветствовать Короля.

— И что нам это даст? — спросил Стрендж.

— На первый взгляд в этом нет никакого практического смысла, но мы напомним Джону Аскглассу о его связи с Англией, окажем ему знаки внимания, которых Король ждет от своих подданных.

Стрендж пожал плечами:

— Хорошо, все равно больше ничего не приходит в голову. Где у вас «Язык птиц»?

Он оглядел комнату. Книги лежали там, куда упали, перестав быть воронами.

— Сколько здесь книг? — спросил Стрендж.

— Четыре-пять тысяч, — ответил Норрелл.

Волшебники взяли по свече и отправились на поиски.

Джентльмен с волосами, как пух на отцветшем чертополохе, энергично шагал по обнесенной стеной дороге к деревне Старкросс. Стивен тащился за ним — от одной смерти к другой.

Теперь Англия наполнилась для него ужасом и горем. Очертания ветвей казались застывшими всхлипами, сухие листья, трепетавшие на

ветру, напоминали о повешенном Винкулюсе, разорванный лисой кролик в кустах — о леди Поул, которой вскоре суждено погибнуть от руки джентльмена с волосами, словно пух на отцветшем чертополохе.

Только смерть и ужас, ужас и смерть окружали его, и Стивен был бессилен что-либо изменить.

В гостиной Старкросс-Холла леди Поул яростно водила пером по бумаге. Стол уже был завален исписанными листками.

Раздался стук, и вошел мистер Сегундус.

— Простите, могу я поинтересоваться, кому вы пишете? Сэру Уолтеру?

Она мотнула головой:

— Лорду Ливерпулю и редактору «Таймс»!

— Неужели? — удивился мистер Сегундус. — Я только что закончил письмо к сэру Уолтеру, но ничто не обрадует его больше, чем пара строк, написанных рукой вашей милости, — всего несколько слов о том, что вы здоровы и освободились от чар.

— Надеюсь, в своем письме вы упомянули об этом. Простите, мистер Сегундус, но, пока моя дорогая миссис Стрендж и бедный Стивен находятся во власти злобного духа, я не могу думать ни о чем другом. Немедленно отошлите эти

письма! А я займусь посланиями архиепископу Кентерберийскому и принцу-регенту!

— Возможно, сэру Уолтеру будет удобнее обратиться к таким высоким особам?

— С какой стати? — возмущенно воскликнула леди Поул. — Я не собираюсь никого просить о том, с чем прекрасно справлюсь сама! Довольно беспомощности! Я и так провела столько времени в бездействии и не собираюсь менять одну зависимость на другую! К тому же сэру Уолтеру не понять всей чудовищности деяний мистера Норрелла!

Вошел слуга мистера Сегундуса Чарльз и доложил, что в деревне происходит нечто необычное. Высокий чернокожий мужчина, тот самый, что привез ее милость в Старкросс-Холл, разгуливает по деревне с серебряной короной на голове в сопровождении всклокоченного господина в зеленом сюртуке.

— Стивен! Стивен и тот, кто заколдовал нас! — воскликнула леди Поул. — Соберитесь, мистер Сегундус! Чтобы уничтожить его, потребуются все ваши магические способности! Освободите Стивена, как освободили меня!

— Уничтожить духа? — ужаснулся мистер Сегундус. — Нет, нет, я не могу! Здесь нужен более

могущественный волшебник…

— Ерунда! — вскричала ее милость, сверкая глазами. — Вспомните, что сказал Чилдермасс. Вы долгие годы изучали магию. Просто попробуйте!

— Право, я не знаю… — беспомощно пролепетал мистер Сегундус.

Однако леди Поул не дослушала. Она выбежала из комнаты, и так как мистер Сегундус почитал своим долгом защищать ее милость, ему оставалось лишь последовать за ней.

Наконец-то волшебники в аббатстве Хартфью нашли нужную книгу — она лежала на столе и была открыта на странице с заклинанием. Впрочем, они по-прежнему не знали, как обращаться к Джону Аскглассу. Норрелл ссутулился над блюдом, без конца повторяя всевозможные имена и титулы, но вода в блюде оставалась темной и неподвижной.

— А как его звали в Стране Фей? — спросил Стрендж.

— Это имя утеряно, — ответил Норрелл.

— Мы пробовали Короля Севера?

— Пробовали.

Стрендж задумался на мгновение, затем спросил:

— А то странное имя, о котором вы упоминали?

Имя, которым король сам себя называл? Безымянный…

— Безымянный раб?

— Да, попробуйте его.

Норрелл явно сомневался в успехе этой затеи, но послушался Стренджа. Неожиданно в воде сверкнул синеватый огонек. Безымянный раб находился в Йоркшире — там, где недавно был Джон Аскгласс.

— Вот видите! — вскричал Стрендж. — Напрасно мы тревожились. Он все еще здесь!

— Едва ли это один и тот же человек, — перебил его Норрелл. — Здесь что-то не так.

— Мистер Норрелл, вы меня удивляете! Кто это может быть? Сколько в Йоркшире безымянных рабов?

Мистер Норрелл не нашелся с ответом на столь разумный вопрос.

— А теперь приступим.

Стрендж поднял книгу и начал читать заклинание. Волшебник обращался к английским деревьям и английским холмам, к солнечному свету, воде, птицам, земле и камням. Он призывал их все, одного за другим, покориться воле безымянного раба.

Стивен и джентльмен подходили к мосту, что

вел в деревню Старкросс.

В деревне стояла тишина. Девушка в ситцевом платье и шерстяной шали переливала молоко из подойника в кадку для сыра. Мужчина в гетрах и широкополой шляпе шел по улице, рядом с ним плелся пес. Когда мужчина завернул за угол, девушка улыбнулась ему, а пес радостно загавкал. В другое время эта простая домашняя сценка порадовала бы Стивена, но сейчас он задрожал от страха — что, если джентльмен с волосами, как пух от чертополоха, ударит или задушит девушку, а он снова будет стоять и смотреть, не в силах помочь?

Джентльмен уже ступил на мост. Стивен последовал за ним, и вдруг…

…все изменилось. Солнце вышло из-за тучи и засверкало в просветах стволов — сотни крошечных солнечных зайчиков заплясали между ветвями. Мир стал похож на лабиринт. Все словно напоминало о старом суеверии — шагая по мостовой, нельзя наступать на края каменных плит — или о странном колдовстве, именуемом «Донкастерские квадраты», которое выполнялось на доске наподобие шахматной. Внезапно все вокруг обрело особый смысл. Стивен не решался сделать ни шагу. Ему мнилось, что, если насту-

пить на *эту* тень или *то* солнечное пятно, мир навеки изменится.

— Стойте! — вскричал он. — Я не готов! Я не собирался! Я не знаю, что делать!

Поздно. Стивен посмотрел вверх.

Узор голых ветвей на фоне неба складывался в буквы. Стивен не хотел читать, но не мог оторваться. Деревья спрашивали его.

— Да, — отвечал он деревьям.

Теперь их мудрость принадлежала ему.

Выше прочерченной в небе линией тянулась гряда холмов, на свежевыпавшем снегу лежала ее синяя тень. Холмы олицетворяли твердость и холод. В лице Стивена они приветствовали долгожданного Короля. Одно его слово — и горы сокрушат его врагов. Горы спрашивали его.

— Да, — отвечал он горам.

Теперь их сила и достоинство принадлежали ему.

Темные воды ручья под мостом пропели ему свой вопрос.

— Да, — отвечал он ручью.

И земля спросила его…

— Да, — ответил Стивен.

Грачи, сороки, дрозды и зяблики спрашивали Стивена…

— Да, — отвечал им он.

Затем спросили камни…

— Да, — ответил Стивен. — Да, да, да.

Отныне Англия лежала в его черных ладонях. Теперь он волен казнить или миловать. Ни одно преступление не останется безнаказанным. Каждая обида, нанесенная его бедной матери, будет отмщена стократно. Одно мгновение — и Англия превратится в пустыню. Он обрушит крыши домов на головы их обитателей. Прикажет холмам пасть, а долинам провалиться сквозь землю. Сейчас он призовет кентавров, сорвет с неба звезды и луну. Сейчас, сейчас, сейчас!

В бледных солнечных лучах Стивен видел бегущих леди Поул и мистера Сегундуса. При виде джентльмена в зеленом сюртуке в глазах ее милости зажглась ненависть. Бедный мистер Сегундус выглядел смущенным и потерянным.

Джентльмен повернулся к Стивену и что-то сказал. Стивен не расслышал: голоса холмов и деревьев гремели в ушах. Он снова промолвил:

— Да.

Джентльмен рассмеялся и поднял руку, собираясь наложить заклятье на леди Поул.

Стивен закрыл глаза. Он обращался к камням моста.

— *Да, — ответили камни.* Мост взвился вверх, словно взбесившийся жеребец, и сбросил джентльмена в воду.

Стивен обратился к ручью.

— *Да, — ответил ручей.* Ручей сжал джентльмена в железных объятиях и потащил за собой.

Стивен слышал, что леди Поул говорит с ним, чувствовал прикосновение ее рук, бледный мистер Сегундус что-то бормотал, но у Стивена не было времени им ответить. Кто знает, сколько еще мир будет послушен его воле? Он спрыгнул с моста и пошел по берегу ручья.

Деревья приветствовали его, они клялись в вечной дружбе и напоминали о давно минувших днях. Солнечные лучи называли его Королем и радовались его возвращению. У Стивена не было времени признаться, что они приняли его за другого.

Стивен подошел к месту, где берега ручья круто взмывали вверх, образуя глубокий карьер, в котором добывали песчаник для жерновов. По обеим сторонам валялись грубо вырубленные глыбы, каждая в половину человеческого роста.

В том месте, где ручей удерживал своего пленника, бурлила и кипела вода. Стивен опустился на колени и склонился над водой.

— Простите, — произнес он. — Вы хотели мне только добра.

Волосы джентльмена плыли по воде, словно серебряные змеи. Лицо его менялось. Злоба и ненависть почти лишили его человеческих черт. Глаза вылезли из орбит, на лице закурчавилась шерсть, зубы обнажились в жутком реве.

Где-то внутри Стивена раздался голос: «Если ты убьешь меня, то никогда не узнаешь своего имени!»

— Я — безымянный раб, — сказал Стивен. — Я всегда был им и не хочу быть никем иным.

Стивен обратился к глыбам. Они взмыли в воздух и опустились на голову джентльмена. Стивен обратился к камням и булыжникам — и они обрушились сверху. Джентльмен был несказанно стар и очень силен. Уже после того, как кости и мясо раздавило и раскрошило, Стивен все еще чувствовал, как они силятся соединиться посредством магии. Тогда Стивен обратился к гряде холмов, что опоясывала долину. Земля и скалы осыпались сверху на камни и валуны, и вскоре на этом месте вырос высокий холм.

Долгие годы между Стивеном и окружающим миром висело пыльное серое стекло. В тот миг, когда дыхание джентльмена прервалось, стекло

вдребезги разлетелось. Стивен стоял и беспомощно ловил воздух ртом.

И тут его союзники и слуги поняли свою ошибку. Деревья и холмы начали осознавать, что Стивен не тот, за кого они его приняли.

Один за другим союзники покидали Стивена. Когда ушел последний, Стивен упал на землю, опустошенный и бесчувственный.

В Падуе Грейстилы собрались после завтрака в маленькой гостиной на первом этаже. В семействе царил разлад. Доктор Грейстил завел привычку курить трубку в доме, а тетушка и Флора решительно возражали. Тетушка пыталась спорить, но доктор оставался непреклонен. Курение трубки — единственное удовольствие, доступное ему в последнее время, так как они давно уже не выходят, посему он не намерен от него отказываться. Сестра возразила, что он мог бы выходить с трубкой на улицу, на что доктор ответил, что под дождем курить непросто, потому что намокает табак.

Теперь он курил в гостиной, тетушка Грейстил беспрестанно кашляла, а Флора, которая во всем винила себя, взирала на них с несчастным выражением. Так прошел час. Неожиданно доктор поднял глаза и изумленно воскликнул:

— Моя голова почернела, как смоль!

— Что ж тут удивительного? Со временем так происходит со всеми, кто курит табак! — заметила его сестра.

— Папа, о чем ты говоришь? — Встревоженная Флора отложила вышивку.

Доктор Грейстил смотрел в зеркало — то, что появилось в доме в достопамятный час, когда день обратился в ночь, а Стрендж навестил Падую. Флора подошла и встала за спиной отца. Ее взволнованный возглас заставил тетушку подняться с кресла и присоединиться к племяннице.

Там, где в зеркале отражалась голова доктора Грейстила, образовалось темное пятно, которое двигалось и менялось на глазах, увеличиваясь в размерах. Постепенно на месте пятна возникла человеческая фигура, бегущая по бесконечному коридору. Когда фигура приблизилась, оказалось, что это женщина. Несколько раз она в страхе оглядывалась, словно опасалась преследования.

— Кто ее так напугал? — гадала тетушка. — Ланселот, ты что-нибудь видишь? Кто-то преследует ее? Ах, бедняжка! Ланселот, сделай же что-нибудь!

Доктор Грейстил подошел к зеркалу, положил руки на гладкую поверхность и надавил. Зеркало

не поддалось. Он стоял в нерешительности, сомневаясь, не опасно ли надавить сильнее.

— Осторожнее, папа! — заволновалась Флора. — Не разбей его!

Женщина в зеркале подбежала так близко, что Грейстилы могли различить кружево и стеклярус на ее платье. А затем беглянка одним прыжком вскочила на раму. Поверхность зеркала размягчилась, словно облако или туман. Флора подтолкнула кресло к стене, чтобы облегчить женщине спуск. Три пары рук протянулись, чтобы подхватить беглянку, защитить от того, что так ее пугало.

На вид даме было лет тридцать — тридцать два. На ней было платье цвета осенней листвы, дыхание сбилось от бега. Безумным взглядом она обвела незнакомую комнату, чужие лица.

— Это Страна Фей? — спросила она.

— Нет, мадам, — ответила Флора.

— Англия?

— Нет, мадам. — По лицу Флоры потекли слезы. Чтобы умерить волнение, она прижала руку к груди. — Это Падуя. Меня зовут Флора Грейстил. Вы меня не знаете, но я жду вас по просьбе вашего мужа. Я обещала ему, что встречу вас здесь.

— Джонатан здесь?

— Нет, мадам.

— Вы — Арабелла Стрендж! — изумленно промолвил доктор Грейстил.

— Да, — ответила женщина.

— Ах, моя дорогая! — воскликнула тетушка, прижав одну руку ко рту, а другую — к сердцу. — Ах, моя дорогая! — Затем обе руки запорхали вокруг дамы. — Ах, моя дорогая! — в третий раз воскликнула тетушка и, залившись слезами, прижала Арабеллу к груди.

Стивен проснулся. Он лежал на мерзлой земле в узкой долине. Солнце ушло, стало серо и холодно. Долину сдавили валуны, булыжники и земля, превратив в могильную яму. Глыбы перегородили реку, но сквозь запруду пробивался ручеек. Корона, скипетр и держава валялись неподалеку в луже грязной воды. Стивен с трудом встал на ноги.

Вдали кто-то кричал: «Стивен! Стивен!» Он решил, что это леди Поул.

— Я освободился от пут, — промолвил Стивен. — Теперь все кончено.

Он поднял корону, скипетр и державу и пошел вперед.

Стивен не знал, куда идет. Он убил джентльмена и позволил тому убить Винкулюса. Теперь он

никогда не вернется домой, если считать Лондон домом. Что скажут английские судьи и присяжные чернокожему, виновному в смерти двоих? Стивен покончил с Англией, и Англия покончила с ним. Он шел вперед.

Спустя некоторое время Стивену показалось, что местность вокруг уже не похожа на Англию. Его окружали массивные колонны древесных стволов, сучья толщиной в два человеческих торса изгибались под невероятными углами. И хотя стояла зима, на ветках шиповника алели кроваво-красные и белели снежно-белые цветы.

Англия осталась позади. Стивен ни о чем не жалел. Он не оглядывался, просто шагал вперед.

Он подошел к широкому низкому кургану. Проход посередине больше походил на разверстую пасть, чем на дверь, хотя и не выглядел зловеще. У входа Стивена ждали. «Я знаю это место, — подумал Стивен. — Это „Утраченная Надежда“! Разве такое возможно?»

Не только дворец обратился холмом, все вокруг стало неузнаваемым. Внезапно лес показался Стивену свежим и невинным. Деревья больше не подавляли своей мощью. Между ветками проглядывала холодная зимняя лазурь. То тут, то там вспыхивали звезды, и Стивен уже не помнил,

утренние или вечерние. Он поискал глазами древние кости и ржавые доспехи — отвратительные символы кровожадной натуры джентльмена с волосами, как пух на отцветшем чертополохе. Стивен обнаружил их прямо под ногами: зажатые между корнями, заплетенные ежевикой и боярышником. Совсем скоро мох и ржавчина обратят их в пыль, а после от них и вовсе ничего не останется.

Фигура у входа показалась Стивену знакомой, они не раз встречались на балах в «Утраченной Надежде». Изменения не обошли стороной и его: чертами старый знакомец все больше походил на эльфа, глаза блестели, брови кустились. Его волосы вились и курчавились, как руно молодого барашка или папоротник ранней весной, а на лице проступал легкий подшерсток. Он выглядел старше, хотя и наивнее.

— Добро пожаловать! — вскричал эльф.

— Это «Утраченная Надежда»? — спросил тот, кто раньше был Стивеном Блэком.

— Да, дедушка.

— Не понимаю. Я думал, «Утраченная Надежда» — величественный дворец. А это… — Тот, кто раньше был Стивеном Блэком, помедлил. — Я не могу подобрать слова.

— Это бруг, дедушка. Мир под холмом. Дворец Утраченной Надежды отныне изменится! Старый король мертв. Новый король грядет! С его приходом мир забудет старые печали. Грехи старого короля рассеются, как утренний туман. Мир станет таким, каким сделает его новый король. Его добродетели украсят леса и равнины!

— Новый король? — Тот, кто раньше был Стивеном Блэком, опустил глаза. В одной руке он держал скипетр, в другой — державу.

Дух забавлялся его изумлением.

— Изменения, которые ты произвел в Стране Фей, далеко превосходят все, что произошло в Англии!

Они миновали громадный зал. Новый король уселся на древний трон. Толпа подданных приветствовала его. Некоторых он знал, некоторые лица казались новыми — скорее всего, он просто никогда не видел их в истинном обличье. Долгое время он молчал.

— Этот дом, — промолвил король, — грязен и не прибран. Его обитатели проводили время в праздности и бесконечных удовольствиях. Вы радовались злодеяниям, которые ныне надлежит забыть. Я часто наблюдал за вами, и сердце мое наполнялось печалью. Отныне все здесь изме-

нится[180].

В миг, когда начало действовать заклинание, над аббатством Хартфью поднялся сильный ветер. Двери хлопали во Тьме, черные занавеси вздымались на окнах, черные листы бумаги взлетали с черных столов и пускались в дикую пляску. Колокол древнего аббатства, забытый в башенке над конюшней, звонил что есть мочи.

В зеркалах и циферблатах замелькали видения. Ветер поднял штору, и видения возникли в окнах. Они были так многочисленны и менялись так часто, что волшебники не успевали их разглядеть. Мистер Норрелл узнавал знакомые картины: ветка падуба из библиотеки на Ганновер-Сквер, ворон на фоне собора Святого Павла, словно эмблема Ворона-в-полете, огромная страшная кровать в уонсфордской гостинице. Остальные он видел впервые: корявый боярышник; человек, распятый молодыми деревцами; стена из грубых валунов в узкой долине; пузырек без крышки, плывущий по волнам.

---

[180] Примечания: 180

Как ни странно, но множество королей и принцев волшебной страны были людьми. Джон Аскгласс, Стивен Блек и Алессандро Симонелли — лишь трое из этого славного ряда. Эльфы по природе своей ленивы и бездеятельны. Они уважают высокое происхождение, почести и богатство, но тяжкий труд правления — не по ним.

Наконец прочие видения исчезли, осталось только одно. Оно целиком заполнило высокие окна библиотеки. Огромный, идеально круглый, неправдоподобно блестящий черный камень в тонком каменном ободке на склоне черного холма. Сравнение с холмом пришло в голову мистеру Норреллу, потому что по цвету камень напомнил ему сгоревший вереск на пустоши, только чернота на ощупь казалась гладкой, как шелк или хорошо выделанная кожа. Неожиданно камень то ли сдвинулся, то ли повернулся. Мистер Норрелл не успел рассмотреть, но у него осталось тягостное ощущение, что камень моргнул.

Ветер стих. Колокол перестал звонить.

Мистер Норрелл облегченно вздохнул. Стрендж стоял, скрестив руки на груди. Он глубоко ушел в свои думы.

— Как вы это сделали? — спросил мистер Норрелл. — Последнее видение показалось мне самым неприятным. Я решил, что это — глаз.

— Это и был глаз, — промолвил Стрендж.

— Чей? Вероятно, чудовища! Жуткое зрелище!

— И впрямь чудовища, — согласился Стрендж. — Хотя и не такого, какого вы себе вообразили, — то был глаз ворона.

— Ворона? Но он занимал целое окно!

— Должно быть, ворон так огромен или…

— Или? — Мистер Норрелл вздрогнул.

Стрендж неприятно усмехнулся:

— Или мы с вами слишком малы! Приятно, не правда ли, посмотреть на себя со стороны? Я хотел, чтобы Джон Аскгласс увидел меня и, пусть на миг, мое желание исполнилось. Или не сам Король, а кто-то из его присных. Для него мы с вами меньше птичьего глаза и, вероятно, столь же малозначительны. Кстати, о Джоне Аскглассе. Интересно, где он сейчас?

Мистер Норрелл снова уселся перед блюдом. Спустя пять минут он воскликнул:

— Мистер Стрендж, нигде нет и следа Джона Аскгласса! Однако я видел миссис Стрендж и леди Поул. Последняя — в Йоркшире, а ваша жена — в Италии. В Стране Фей не осталось и следов их пребывания. Обе совершенно освободились от чар!

Наступило молчание. Стрендж резко отвернулся.

— Все это довольно странно, — продолжил мистер Норрелл. — Мы сделали то, что сделали, но ума не приложу *как*. Полагаю, Джон Аскгласс просто увидел, что творится неладное, протянул руку и расставил все по местам! К несчастью, он не счел нужным освободить нас от власти закли-

нания. Смотрите, Тьма не рассеялась.

Мистер Норрелл замолчал. Такова теперь его участь! Участь, исполненная страха и одиночества! К своему удивлению, мистер Норрелл не испытывал страха. Напротив, вспоминая о годах, проведенных в Лондоне на службе у министров и адмиралов, вдали от любимой библиотеки, волшебник удивлялся, как это вынес.

— Хорошо, что я не понял, что глаз принадлежал ворону, — добродушно заметил он, — иначе испугался бы не на шутку!

— Вам повезло, сэр, — откликнулся Стрендж хрипло. — Зато я, похоже, излечился от желания предстать перед ним. Отныне Джон Аскгласс может не обращать на меня внимания — я буду только рад!

— И то правда, сэр, — согласился мистер Норрелл. — Знаете, мистер Стрендж, вам следует избавиться от несбыточных желаний. Предаваться пустым мечтам опасно для волшебника!

И мистер Норрелл пустился в подробный пересказ не слишком занимательной истории о волшебнике, жившем в четырнадцатом веке в Ланкашире. Своими праздными желаниями волшебник причинял множество неудобств жителям родной деревушки, то обращая коров в

облака, то кастрюли — в корабли, то заставляя соседей разговаривать красками, а не словами и творя прочие магические безобразия.

Поначалу Стрендж почти не отвечал Норреллу, а замечания его казались бессвязными и нелогичными. Затем он стал прислушиваться все с большим вниманием и вскоре заговорил в своей обычной манере.

Среди множества талантов мистера Норрелла способность читать в сердцах ближних явно не значилась. Стрендж ни разу не упомянул об освобождении жены, посему мистер Норрелл решил, что это событие не слишком тронуло ученика.

69. Стренджисты и норреллиты

Февраль — весна 1817 года

Чилдермасс ехал шагом, рядом плелся Винкулюс. Вокруг простиралась заснеженная вересковая пустошь, похожая на широкую пуховую перину. Вероятно, именно это сравнение пришло в голову Винкулюсу, который принялся подробно расписывать, в какой мягкой постели собирается провести нынешнюю ночь и какой обильный ужин его ожидает вечером. Естественно, он ни секунды не сомневался, что оплатит все эти излишества Чилдермасс. Еще удивительнее, что Чилдермасс не спорил. Он был занят единственным вопросом: надо ли показать Винкулюса Стренджу и мистеру Норреллу? С одной стороны, во всей Англии не найдется более подготовленных людей, с другой — неизвестно, как они себя поведут. Чилдермасс поскреб щеку. На месте рваной раны на смуглой щеке появился ровный, словно серебристая линия, шрам.

Внезапно Винкулюс перестал болтать и встал как вкопанный. Человек-книга сбросил попону с плеч и закатал рукава сюртука.

— Что случилось? — спросил Чилдермасс.

— Я изменился! — воскликнул Винкулюс. — Смотри! — Он стянул сюртук и расстегнул рубашку. — Слова стали другими! И на руках! На груди! Везде!

Не обращая внимания на холод, Винкулюс прямо на дороге начал раздеваться. Обнажившись, синекожий дьявол радостным танцем встречал перемены.

Чилдермасс спешился. Он был в ужасе. Спасти книгу Джона Аскгласса от смерти и уничтожения, а теперь наблюдать, как она саморазрушается!

— Мы должны скорее добраться до гостиницы! — заявил Чилдермасс. — Возьмем чернила и бумагу и перепишем все, что получится. Ты должен вспомнить все слова до последнего!

Винкулюс уставился на него как на сумасшедшего.

— Зачем? — удивился он.

— Это магия Джона Аскгласса! Мысли Джона Аскгласса! Единственная запись! Мы должны сохранить каждое слово.

Винкулюс удивленно таращился на Чилдермасса.

— Зачем? — переспросил он. — Если сам Джон Аскгласс не считает нужным их сохранять?

— Но почему так неожиданно? Без всякой при-

чины?

— Причин хватает, — заявил Винкулюс. — Раньше я был Пророчеством. Теперь то, что я предсказывал, сбылось. Разве я мог остаться прежним и стать преданием? Ты хочешь, чтобы я стал сухой, словно книжная пыль, историей?

— И кто ты теперь?

Винкулюс пожал плечами:

— Возможно, теперь я — поваренная книга. Или роман. Или собрание проповедей!

Эти предположения развеселили Винкулюса, и он снова захихикал, пританцовывая.

— Надеюсь, ты по-прежнему остался магической книгой. Винкулюс, неужели ты ни разу не попытался разобрать, что написано на твоем теле?

— Я — книга. — Винкулюс остановился, не закончив па. — И непростая. Задача книги — нести слова. Что я и делаю. А читать — задача читателя.

— Но последний читатель умер!

Винкулюс равнодушно пожал плечами.

— Ты должен помнить хоть что-нибудь! — возбужденно вскричал Чилдермасс, схватив Винкулюса за руку. — Например, рогатый круг, перечеркнутый линией? Он повторялся несколь-

ко раз! Что он означал?

Винкулюс вырвал руку.

— Он означал прошлый вторник. Или трех свинок — одну из них в соломенной шляпке! Или Салли, танцующую в лунном свете и потерявшую свою хорошенькую розовую сумочку! — Она ухмыльнулся и погрозил пальцем Чилдермассу. — Я тебя раскусил! Надеешься стать следующим читателем?

— Возможно, — отвечал Чилдермасс. — Хотя я не знаю, с чего начать. Впрочем, не вижу более подходящего претендента. Однако, что бы ни случилось, отныне я не выпущу тебя из виду. Я стану твоей тенью!

Винкулюс помрачнел и принялся натягивать одежду.

Весна вернулась в Англию. Птицы ходили по вспаханным бороздам. Солнце прогревало камни. Дожди и ветра помягчели, а воздух наполнили ароматы земли и травы. Леса подернулись дымкой, столь неуловимой, что едва ли ее можно было назвать зеленью, скорее намеком на зелень, словно деревья видели зеленые сны и погружались в зеленые думы.

Весна вернулась, а Стрендж с Норреллом — нет. Тьма по-прежнему окружала аббатство Хартфью,

и Норрелл оттуда не вышел. Люди гадали, кто из волшебников убьет другого раньше, в какой степени они заслуживают подобной участи и не пора ли кому-нибудь все это выяснить?

Однако не успели утихнуть пересуды, как Башня Тьмы исчезла, прихватив с собой аббатство Хартфью. Дом, парк, мост и часть реки исчезли вместе с ней. Дороги к аббатству теперь разворачивались в обратную сторону или выводили на задворки, куда никто не собирался идти. Дом на Ганновер-Сквер и оба дома Стренджа — на Сохо-Сквер и в Клане[181] — постигла та же участь. В Лондоне единственным живым существом, способным войти в дом Стренджа, был кот Джереми Джонса по имени Снегирь. И впрямь, кот не признавал исчезновения дома и всякий раз, как ему приходило такое желание, проскальзывал между домами номер тридцать и номер тридцать два. Каждый, кому довелось за этим наблюдать, соглашался, что не видал более странного зре-

[181] Примечания: 181

Многие годы спустя жители Клана утверждали, что если зимой в лунную ночь встать рядом с определенным деревом и, приподнявшись на цыпочках, вытянуть шею и заглянуть в щель между ветками другого, то можно увидеть Эшфер. При луне под снегом он выглядит жутким, потерянным и одиноким. Позднее деревья разрослись, и дом пропал из виду.

лища[182].

Лорд Ливерпуль и прочие министры на публике заявляли, что сожалеют об исчезновении Норрелла и Стренджа, но втайне ликовали, что избавились от головной боли. И Стрендж, и Норрелл лишь выдавали себя за респектабельных людей. Оба занимались если не черной магией, то волшебством весьма мрачного толка, чего правительство никак не одобряло. Теперь министры обратили свои взоры на новых чародеев, появлявшихся как грибы после дождя. Эти волшебники не отличались особой образованностью и едва ли владели магическими умениями, однако обнаруживали не меньшую сварливость, чем Норрелл и Стрендж, посему требовалось принять меры, чтобы их утихомирить. Планы мистера Норрелла восстановить суд Пяти Драконов (раньше представлявшиеся совершенно неуместными) внезапно оказались более чем

---

[182] Примечания: 182

В описанном нет ничего необычного, как свидетельствует следующий отрывок из «Современного волшебника» (осень 1812-го): «Где дом Пейла? Где дом Стокси? Почему никто не видел их? Дом Пейла стоял в Уорвике, известна даже улица. Дом Стокси окнами выходил на собор в Эксетере. А где замок Короля-ворона в Ньюкасле? Те, кому посчастливилось увидеть его, утверждали, что по красоте и великолепию он превосходил все замки на земле, но кто видел его в наши дни? Никто. Он просто исчез. Некогда все эти дома стояли, но, когда волшебники умерли или ушли, дома пропали. Только волшебник может войти в свой дом и выйти из него».

своевременными[183].

На второй неделе марта в «Йоркской хронике» появилось объявление, созывающее старых членов Ученого общества волшебников, а также тех, кто хотел бы к нему присоединиться, собраться в следующую среду (традиционный для Общества день) на заседание.

Это любопытное объявление оскорбило многих старейших членов Общества. Всякий, у кого в кармане завалялась монетка в один пенни, мог его прочесть. Кроме того, неизвестный автор приглашал вступить в ряды Общества любого желающего, на что не имел никакого права, кем бы он ни был.

Когда старейшие члены Общества прибыли в «Старую звезду», они обнаружили там около пятидесяти волшебников (или тех, кто считал себя таковыми). Самые удобные места уже заняли, и старые члены (в том числе мистер Сегундус, мистер Хонифут и доктор Фокскасл) вынуждены были устроиться на помосте вдали от камина.

---

[183] Примечания: 183

Множество новоиспеченных чародеев обращались к лорду Ливерпулю и прочим министрам с просьбой разрешить им отправиться на поиски Стренджа и мистера Норрелла. Некоторые даже составляли списки предметов, как магических, так и обычных, совершенно необходимых в дороге, в надежде, что правительство окажет помощь в их приобретении. Некий Бич из Плимута потребовал себе полк драгун.

Впрочем, место оказалось на редкость удачным — отсюда можно было без труда обозреть новых волшебников.

Однако едва ли зрелище вселило радость в сердца прежних членов Общества. Публика собралась самая разношерстая. («Сомневаюсь, что среди них есть джентльмены», — заметил доктор Фокскасл.) Здесь были двое фермеров и несколько лавочников, а также бледный светловолосый юноша с нарочитыми манерами, уверявший соседей, что сообщение в газете поместил сам Джонатан Стрендж и что он должен прибыть с минуты на минуту, дабы обучать их магии! Куда бóльшие надежды внушало присутствие духовного лица: чисто выбритого, сурового джентльмена лет пятидесяти-шестидесяти в черном. Священника сопровождала собака, такая же седая и почтенная, как и ее хозяин, и юная, рвущаяся в бой темноволосая особа в красном бархате, которая выглядела куда менее солидно.

— Мистер Тейлор, — обратился к своему помощнику доктор Фокскасл, — возможно, вам следовало бы намекнуть этому джентльмену, что мы не приводим на собрание Общества наших родственников.

Мистер Тейлор юркнул в толпу.

Со своего места старейшие члены Общества имели возможность наблюдать, что суровый священнослужитель вовсе не так сдержан, как им показалось. Он что-то резко ответил слуге.

Мистер Тейлор вернулся с ответом.

— Мистер Редрут приносит Обществу свои извинения, но он не волшебник. Он увлекается магией, но не владеет магическими приемами. А вот его дочь практикует волшебство. У мистера Редрута три дочери и сын, и все считают себя волшебниками. Сын и другие две дочери не желают заводить знакомства среди себе подобных, предпочитая штудировать магические книги в тиши кабинета.

Некоторое время старейшие члены Общества безуспешно пытались отыскать логику в этом нагромождении фактов.

— Полагаю, его собака также не чужда магическому искусству, — заметил доктор Фокскасл, чем вызвал смех у прочих членов Общества.

Вскоре стало понятно, что собравшиеся отчетливо разделились на две группировки. Одной из первых тихо и торопливо заговорила мисс Редрут, юная особа в красном бархате. Девушка явно не привыкла выступать перед публикой, поэтому не все собравшиеся расслышали сло-

ва, но изложение поражало экспрессией. Мисс Редрут утверждала, что Стрендж — это все, а Гильберт Норрелл — ничто! Совсем скоро доброе имя Стренджа будет восстановлено, а мистер Норрелл подвергнется всеобщему осуждению. Магия освободится от оков, которые наложил на нее Гильберт Норрелл! Эти рассуждения вкупе с цитатами из утраченного творения Стренджа «История и практика английской магии» вызвали гневный отпор некоторых волшебников, заявивших, что книга Стренджа полна отсылок к черной магии, а сам Стрендж — убийца! Он убил не только свою жену, но, вероятно, и своего учителя, мистера Норрелла![184]

Спор разгорался, когда к собранию присоединились еще двое участников. Оба выглядели не слишком респектабельно: потрепанные сюртуки, длинные немытые патлы. Однако если один из них производил впечатление настоящего бродяги, то другой был почище и вид имел человека делового и даже важного.

Бродяга, не полюбопытствовав взглянуть на собравшихся, уселся на пол и потребовал джина и горячей воды. Второй встал в центре комнаты,

---

[184] Примечания: 184

Эти обвинения прекратились после того, как в начале июня 1817 года Арабелла Стрендж вернулась в Англию.

окинул собрание загадочным взглядом, отвесил поклон мисс Редрут и обратился к присутствующим со следующей речью:

— Дамы и господа! Некоторые из вас должны меня помнить. Десять лет назад в Йоркском соборе, когда мистер Норрелл творил свою магию, я был там. Меня зовут Джон Чилдермасс. До недавнего времени я служил у мистера Норрелла. А это, — он показал на сидящего на полу бродягу, — Винкулюс, уличный маг из Лондона.

Больше ему не дали сказать ни слова. Все заговорили разом. Старейшие члены Общества были оскорблены тем, что покинули свои удобные кресла у камина ради того, чтобы выслушивать наставления слуги. Впрочем, возмущались далеко не все собравшиеся, особенно из новоиспеченных. Все они разделялись на стренджистов и норреллитов, однако никто не имел чести знать своих героев, поэтому возможность оказаться поблизости от человека, хорошо знавшего обоих волшебников, вызвала всеобщее возбуждение.

Чилдермасса шум нисколько не смутил. Он подождал, когда публика утихомирится, затем продолжил:

— Я пришел сказать вам, господа, что соглашение с Гильбертом Норреллом более не

действительно. Вы можете быть волшебниками, коли желаете.

Один из собравшихся пожелал узнать, скоро ли явится Стрендж? Другого интересовало, когда ждать возвращения мистера Норрелла?

— Нет, джентльмены, — ответил Чилдермасс. — Они не вернутся, придется вам довольствоваться моим обществом. Едва ли Стренджа и Норрелла вскоре увидят в Англии. Во всяком случае, это произойдет не на нашем веку.

— Почему? — спросил мистер Сегундус. — Куда они исчезли?

Чилдермасс улыбнулся:

— Куда уходят волшебники? За небо, на ту сторону дождя.

Один из норреллитов заметил, что Стренджу не резон возвращаться в Англию. Здесь его непременно повесят за убийство.

Восторженный светловолосый юноша едко возразил, что именно норреллиты скоро окажутся в большом затруднении. Учение Норрелла основано на следовании книжной магии. Как его последователи намерены выйти из положения, если все книги исчезли вместе с аббатством

Хартфью?[185]

— Вам не нужна ни библиотека аббатства Хартфью, джентльмены, ни библиотека на Ганновер-Сквер, — заявил Чилдермасс. — Я доставил вам кое-что получше. Книгу, которую страстно желал заполучить мистер Норрелл. Книгу, о существовании которой Стрендж не догадывался. Я доставил вам книгу Джона Аскгласса.

Крики, возгласы. Мисс Редрут разразилась речью в защиту Джона Аскгласса, требуя называть его королем, словно Джон Аскгласс собирался войти в Ньюкасл и взять управление Северной Англией в свои руки.

— Постойте! — вскричал доктор Фокскасл. Его звучный голос постепенно перекрыл прочие голоса. — Где вы видите книгу? Вас обманывают, джентльмены! Держу пари, этот мошенник решит выманить наши денежки! Не так ли, сэр? — обратился он к Чилдермассу. — Что скажете? Подавайте сюда вашу книгу, если она действительно существует!

---

[185] Примечания: 185

Редко кто из современных чародеев считает себя одновременно приверженцем Стренджа и Норрелла, за исключением Джона Чилдермасса, который неизменно заявляет, что до определенной степени чтит обоих. Примерно с тем же успехом человек мог бы утверждать, что одновременно поддерживает и вигов, и тори, так что слова Чилдермасса оставляют всех в недоумении.

— Еще как существует, — ответил Чилдермасс, мрачно усмехнувшись одной половиной рта. — И мне от вас ничего не нужно. Винкулюс, вставай!

В Падуе Грейстилы вместе со слугами изо всех сил старались сделать пребывание миссис Стрендж в доме как можно более приятным. Утешения доктора Грейстила были главным образом философические. Он пытался выудить из памяти все истории, в которых люди, по преимуществу женщины, с достоинством преодолевали удары судьбы, зачастую не без помощи друзей. Миникелло и Фрэнк со всех ног бросались открывать перед миссис Стрендж двери, даже если она и не собиралась никуда выходить. Бонифация, для которой годовое заточение в Стране Фей представлялось чем-то вроде пребывания на жестоком холоде, непрестанно старалась растопить этот лед своей сердечностью и добротой. Тетушка Грейстил посылала в город за лучшими винами и деликатесами, купила самые мягкие перины и пуховые подушки, словно надеясь, что, преклонив на них голову, Арабелла тут же забудет все свои беды. Однако лучшим лекарством для Арабеллы стали беседы с Флорой.

Однажды утром обе сидели за вышиванием. Внезапно Арабелла раздраженным жестом ото-

двинула работу и подошла к окну.

— Меня снедает беспокойство, — промолвила она.

— Этого следовало ожидать, — согласилась Флора. — Не волнуйтесь, скоро все образуется, и вы станете прежней.

— Вы думаете? — вздохнула Арабелла. — Честно говоря, я уже не помню, какой я была прежде.

— Тогда я вам напомню. Вы всегда были веселы и вечно придумывали какие-нибудь проделки. Вы никогда не выходили из себя, даже если вас к этому принуждали. Каждое ваше слово свидетельствовало об уме и талантах, несмотря на то что вы часто сталкивались с непониманием.

Арабелла рассмеялась.

— Боже мой, какой одаренной я была! Однако, — заметила она с лукавой усмешкой, — я не склонна слишком доверять вашему портрету — мы же никогда раньше не встречались.

— Мне рассказывал о вас мистер Стрендж. Это его слова.

— Вот как, — промолвила Арабелла и отвернулась.

Флора опустила глаза и тихо сказала:

— Когда он вернется, вы излечитесь от беспокойства. И снова будете счастливы.

После паузы Арабелла сказала:

— Я не уверена, что мы с ним снова увидимся.

Флора взялась за рукоделие. Спустя некоторое время она заметила:

— Как странно, что он в конце концов вернулся к своему старому учителю.

— Странно? Мне это вовсе не кажется странным. Я никогда не считала их ссору серьезной и была уверена, что через месяц они вновь станут лучшими друзьями.

— Вы меня удивляете! — воскликнула Флора. — От мистера Стренджа мы не слышали ни единого доброго слова о мистере Норрелле, а мистер Норрелл печатал в магических журналах всякие гадости о мистере Стрендже!

— Ах, это пустяки. — Арабелла ничуть не удивилась. — Оба упрямцы, каких поискать! У меня нет причин для любви к мистеру Норреллу, но одно я знаю твердо — прежде всего он волшебник, а прочее неважно. Джонатан такой же. Их обоих интересуют только книги и магия. Никто так не понимает природы волшебства, как они, и поэтому сейчас они вместе.

Летели недели, и Арабелла все чаще улыбалась. Она с удовольствием окунулась в жизнь нового окружения. Дни ее проходили в общении

с друзьями. Званые обеды, знакомства, прогулки и прочие нехитрые удовольствия — мелкие домашние хлопоты постепенно излечивали воспаленный разум и раненый дух. Она редко вспоминала об отсутствующем муже, разве что в душе не уставала благодарить его за то, что свел ее с Грейстилами.

Когда в Падуе появился молодой ирландский капитан, многие заметили, что он очарован Флорой, хотя сама она утверждала, что все это выдумки. При Ватерлоо под жестоким огнем неприятеля капитан вел в бой кавалерийский полк, однако рядом с Флорой немедленно утрачивал всю свою храбрость. Он краснел всякий раз, когда смотрел на нее, и терялся, когда Флора входила в комнату. Обычно офицер прибегал к помощи миссис Стрендж, чтобы выманить Флору на прогулку в Прато-делла-Валле (прекрасный сад в центре города) или нанести очередной визит общим знакомым Бакстерам. Арабелла всегда с радостью помогала юноше.

Однако порой, посреди этой безмятежной жизни у Грейстилов, у Арабеллы случались тяжелые минуты. Привычка танцевать ночи напролет лишила ее сна. Иногда в ночной тишине Арабелла слышала жалобные звуки флейт и скрипок — они

призывали ее танцевать, чего Арабелле хотелось меньше всего на свете.

— Разговаривайте со мной, — просила она Флору и тетушку Грейстил. — Разговаривайте со мной, и тогда мне будет легче с этим справиться.

Тогда одна из них или обе сидели с ней до утра, болтая о чем придет в голову. Иногда Арабелла чувствовала потребность в движении, которой было так тяжело противиться, что она вставала с постели и принималась мерить шагами их общую с Флорой спальню. Случались ночи, когда доктор Грейстил и Фрэнк жертвовали сном, чтобы бродить с ней по ночным улицам Падуи.

В одну из таких ночей Арабелла и доктор Грейстил прогуливались вокруг собора, обсуждая планы возвращения в Англию в следующем месяце. Арабеллу немного страшила встреча со старыми друзьями, доктор успокаивал ее. Внезапно Фрэнк издал удивленный возглас и показал рукой вверх.

Прямо над ними звезды сдвигались, образуя новый рисунок созвездий. Поодаль возвышалась древняя каменная арка. В этом не было ничего удивительного — в Падуе много загадочных дверных проемов, арок и галерей. Однако эта арка отличалась от прочих. Падую выстроили в

Средние века из розовато-золотистого кирпича, эту арку сложили из темного северного камня. С обеих сторон арки возвышались статуи Джона Аскгласса, их лица были полускрыты крыльями воронов на шлеме. Под аркой стоял высокий мужчина.

Арабелла в смятении остановилась.

— Вы не уйдете далеко? — спросила она доктора Грейстила.

— Мы с Фрэнком будем рядом, — заверил ее доктор. — Не сойдем с этого места. Если что, просто окликните нас.

Арабелла подошла к арке. Мужчина под аркой читал книгу. Он поднял глаза — Арабелла мгновенно узнала это выражение, такое родное: он совершенно ушел в себя и теперь силился вспомнить, где находится.

— На этот раз ты явился без грома и молнии, — сказала она.

— Тебе рассказали? — Стрендж смущенно усмехнулся. — Немножко перемудрил. Представление вышло не в лучшем вкусе. Наверное, в Венеции я слишком много времени проводил с лордом Байроном и что-то перенял от него.

Они немного прошлись, и с каждым шагом над их головами появлялись новые звезды.

— Ты хорошо выглядишь, Арабелла, — сказал он. — Я боялся… Чего я боялся? Ах, меня терзала тысяча страхов. Я боялся, что ты не захочешь со мной разговаривать. Но ты здесь, и я очень рад тебя видеть.

— А я рада, что твоя тысяча страхов осталась позади, — ответила она. — По крайней мере, в том, что касается меня. Ты нашел способ рассеять Тьму?

— Нет, еще нет. Хотя, сказать по правде, все это время мы работали не покладая рук… появилось несколько новых гипотез относительно наяд… и у нас не было времени серьезно заняться этим вопросом. Впрочем, несколько мест в «Привратнике Аполлона» Губерта выглядят весьма многообещающе. Мы не теряем надежды.

— Я рада. Я чувствую себя несчастной, когда думаю, что ты страдаешь.

— Прошу тебя, не печалься. Мои страдания не столь уж велики. Поначалу было тяжело, потом я привык. Мы с Норреллом не первые волшебники, которые трудятся под властью чар. В двенадцатом веке Роберт Диммок сыграл злую шутку с эльфом и после не мог говорить, а только пел, — представляешь, как он терзал слух своих близких! А в четырнадцатом веке жил волшеб-

ник, у которого была серебряная нога, — должно быть, она доставляла ему большие неудобства. К тому же, возможно, Тьма не такое уж зло для нас двоих. Мы намерены покинуть пределы Англии и наверняка встретимся с опасными типами. Английский волшебник — существо грозное. А два английских волшебника грозны вдвойне! Что уж говорить о двух английских волшебниках, закутанных Непроницаемой Тьмой? Полагаю, их не устрашится разве что полубог!

— Куда вы отправитесь?

— О, выбор велик! Этот мир — лишь один среди многих. Не имея возможности путешествовать, волшебник рискует стать слишком… ограниченным, *провинциальным*.

— Понравится ли это мистеру Норреллу? — спросила Арабелла. — Он никогда не любил путешествовать, даже до Портсмута.

— А в этом как раз состоит преимущество нашего способа путешествий! При желании он может даже не выходить из дому. Мир, все существующие миры придут к нам сами. — Стрендж остановился и огляделся по сторонам. — Дальше я не пойду. По некоторым причинам, связанным с заклятьем, нам с Норреллом теперь нельзя далеко отходить друг от друга. Арабелла, — промолвил

он с непривычной для себя серьезностью, — я не могу выразить, как меня мучила мысль, что ты под землей. Я был готов на все — на все, что угодно, — чтобы тебя вернуть.

Арабелла взяла его руки в свои, глаза ее просияли.

— И ты меня спас, — прошептала она.

Они долго смотрели друг на друга, и в эту минуту все между ними стало по-прежнему, будто они никогда не разлучались. Однако Арабелла не решилась остаться со Стренджем во Тьме, а Стрендж не стал об этом просить.

— Придет день, — промолвил Стрендж, — я найду нужное заклинание и рассею Тьму. И тогда я вернусь к тебе.

— Да. Придет день. Я буду ждать.

Стрендж кивнул и приготовился шагнуть во Тьму, но замешкался.

— Белл, — сказал он, — не носи черное. Ты не вдова. Будь счастлива. Я хочу думать, что ты счастлива.

— Обещаю. А как я должна думать о тебе?

Стрендж задумался, затем рассмеялся:

— Думай, что я носом зарылся в книгах!

Они поцеловались. Затем Стрендж круто повернулся и пропал во Тьме.

Благодарности

Прежде всего следует поблагодарить замечательного Джайлса Гордона, которого нам всем так не хватает. Я с гордостью называла его своим литературным агентом. Называю и сейчас.

И спасибо Джонни Геллеру за все, что он сделал после смерти Джайлса.

За поддержку, когда эта книга только начиналась, я признательна Джеффу Райману, Алисон Пейс (которой мне тоже очень недостает), Тинч Минтер и ее писательской группе, особенно Джулиан Холл.

За ободрение по ходу работы: моим родителям Дженет и Стюарту, Патрику и Терезе Нильсен Хайден, Элен Датлоу, Терри Уиндлингу и Нилу Гейману, чья щедрость к другим писателям не перестает меня изумлять.

Всем, кто помогал мне с языками: Стюарту Кларку, Саманте Эванс, Патрику Марселу и Джорджии Грилли. За помощь в сложных вопросах военной и флотской истории наполеоновских времен: Николасу Блейку (нет надобности добавлять, что все оставшиеся ошибки целиком на

моей совести). За глубокие замечания и подсказки — Антонии Тилл. За книги, которые были мне постоянной подмогой: Элизабет Лонгфорд («Веллингтон»), Кристоферу Гибберту и Бену Уэйнребу («Энциклопедия Лондона»).

Джонатану Уайтленду, который не жалел времени, чтобы мой «Мак» работал и роман писался.

И главное, Колину, который делал все, чтобы я могла писать, который никогда не жаловался и без которого эта книга едва ли увидела бы свет.

Примечания

Том I. Мистер Норрелл

С. 15. *…но теперь, когда время пришло и я здесь, в Вентворт-Вудхаусе…* — Вентворт-Вудхаус — живописный загородный дом в деревне Венворт в Южном Йоркшире, самый большой частный дом в Британии. Фактически это два здания: более старое, барочное, образует западный фасад, более позднее — восточный. В Вентворт-Вудхаусе снято множество фильмов и сериалов, в том числе «Жены и дочери» по роману Элизабет Гаскелл и «Тринадцатая сказка» по роману Дианы Сеттерфилд.

С. 29. *Он взвесил всех волшебников прошлого на весах и нашел их очень легкими.* — Ср. Дан. 5: 27 — «Ты взвешен на весах и найден очень легким».

… он естественнее смотрелся бы на вересковой пустоши, или в темной подворотне, или, возможно, в романе госпожи Радклиф. — Анна Радклиф (1764–1823) — английская писательница, автор готических романов «Удольфские тайны», «Итальянец, или Исповедальня кающихся, облаченных в черное» и др.

С. 34. *…верхняя комната таверны «Старая звезда» на Стоунгейт была переполнена.* — Стоунгейт — старинная улица в Йорке, на месте древней римской дороги; здесь располагались лавки ювелиров и книгоиздателей. (Упомянутая выше улица Кофе-Ярд примыкает к Стоунгейт.) Таверна «Старая звезда» *(Ye Olde Starre Inn)* считается древнейшей в Йорке (она существует с середины XVII века) и гордится несколькими привидениями, в том числе привидениями двух кошек, по легенде замурованных в колонне.

С. 47. *Голос жаловался на солдат, что вошли в церковь и разбили несколько витражей. Через сто лет они вернулись и сломали алтарную преграду, изуродовали статуи, забрали пожертвования. Как-то они точили наконечники стрел о край купели, через три столетия палили из ружей в доме капитула.* — Йоркский собор страдал от человеческих рук много раз: при Вильгельме Завоевателе, при датчанах, затем во времена Реформации: сперва при Генрихе VIII, затем при Елизавете I (тогда была уничтожена алтарная преграда и сбиты лица у части статуй) и, наконец, во время Гражданской войны.

С. 56–57. *…магия — респектабельное занятие; не менее респектабельное, чем юриспруденция, и*

куда более, нежели медицина… внушить мысль, что магия не менее респектабельна, чем Церковь? — Для английского джентльмена были допустимы лишь четыре рода занятий: он мог стать офицером либо выбрать одну из трех ученых профессий: юриста, врача или священника.

С. 61. *Затем я познакомился с капитаном Херстом и позвал его к Будлу…* — «Будл» — один из старейших и престижных лондонских клубов, основанный в 1762 году лордом Шелбурном и названный по имени главного кельнера, Эдварда Будла.

…что, если он обнаружит в основании дома двух драконов — красного и белого, сплетенных в извечной борьбе и знаменующих грядущую погибель мистера Годсдена? — Лассельс намекает на эпизод, описанный в «Истории бриттов» Гальфрида Монмутского: в основании некой башни по слову Мерлина нашли двух драконов, красного и белого, которые немедля вступили в схватку. Глядя на них, Мерлин изрек свое знаменитое пророчество о грядущих бедствиях Британии.

С. 62. *…проскользнул в уголок, снял с полки «Простое истолкование всего Откровения Иоанна Богослова» Джона Непера и стал читать.* — Шотландский математик Джон Непер (1550–1617),

изобретатель логарифмов (его имя носит число *e*) и забытых, но некогда незаменимых при расчетах палочек Непера, занимался и смежными дисциплинами: алхимией, астрологией, магией (сохранилась легенда, по которой он выдавал себя за колдуна) и богословием. Толкование на Апокалипсис он считал главным трудом своей жизни; книга эта, переведенная на многие языки, оказала заметное влияние на развитие религиозной и политической мысли.

С. 69. *…приказал Дэйви ехать на Стрэнд в салон мистера Аккермана.* — Рудольф Аккерман (1764–1834) — английский гравер, издатель книг и журналов по искусству, торговец картинами.

…на первой странице была помещена гравюра работы мистера Рептона… — Хэмфри Рептон (1752–1818) — знаменитый английский ландшафтный дизайнер и архитектор.

С. 71. *…он еще держит палатку у церкви Святого Христофора на Бирже.* — Церковь Святого Христофора на Бирже — одна из примерно пятидесяти церквей, выстроенных Кристофером Реном после Большого Пожара. До нашего времени не сохранилась; сейчас на ее месте стоит здание Английского банка.

По преданию, волшебница Нимуэ заточила

Мерлина на верхушке боярышника. — Более распространена версия, по которой Нимуэ (Вивианна) заточила его под камнем или в пещере.

С. 76. *…сообщил ли кто-нибудь герцогу Портлендскому о моем прибытии в Лондон?* — Уильям Кавендиш-Бентинк, 3-й герцог Портлендский, маркиз Тичфелдский, виконт Вудстокский (1738–1809) — британский премьер-министр в 1783-м, а затем в 1809–1812 годах; в обоих случаях был номинальным главой правительства, в то время как реальной властью обладали более сильные политики, сначала лорд Норт и Фокс, затем — Каннинг (министр иностранных дел) и Каслри, который возглавлял военное министерство.

С. 81. *…и как-то в разгар пьяного кутежа получил по голове бутылкой мадеры от Ричарда Бринсли Шеридана.* — Ричард Бринсли Шеридан (1751–1816) — английский драматург, автор «Школы злословия», владелец театра Друри-Лейн, а также довольно скандальный политический деятель, член палаты общин, виг.

…становился похож на персонажа с гравюры мистера Роулендсона или мистера Гилрея. — Томас Роулендсон (1756–1827) — английский художник, автор пейзажей, этюдов, карикатур и иллюстраций. Джеймс Гилрей (1757–1815) — ан-

глийский рисовальщик и гравер, знаменитый карикатурист. Оба художника создали великое множество политических карикатур.

С. 82. *…возможно, удалось бы сделать состояние на призовых деньгах…* — Во время Наполеоновских войн в Англии действовала система, по которой захваченное вражеское судно, торговое или военное, продавали с торгов, а вырученные средства делили между командами, участвовавшими в захвате; при этом на долю капитанов приходилась четвертая часть добычи. Система эта вызывала большие нарекания; многие капитаны, вместо того чтобы сражаться с неприятелем, охотились на его купеческие суда.

С. 86. *Художник — итальянец — был в то время совершенно неизвестен, а позже, ободренный покровительством мистера Уинтертауна, переехал в Лондон.* — Англичане были едва ли не главными заказчиками и покупателями видов Венеции. Так, Каналетто, создатель венецианской школы, более девяти лет прожил в Лондоне.

С. 89. *Что вы думаете…..о мадам д'Арбле?* — Мадам Д'Арбле, в девичестве Фанни Берни (1752–1840), английская романистка; описывала вхождение в жизнь добродетельных, но неопытных девушек.

С. 106. *Озаглавлю «Как жаль ее покойницей назвать».* — Лассельс перефразирует название трагедии елизаветинского драматурга Джона Форда (1586–1639) «Как жаль ее развратницей назвать». Пьеса была опубликована в 1633 году, но из-за своего содержания (кровосмесительная связь между братом и сестрой) не переиздавалась и не ставилась до XX века.

С. 109. *Как было замечено (дамой бесконечно более умной, нежели автор этих строк), мир благорасположен к тем, кто женится или умирает в юные лета.* — Джейн Остен, «Эмма», ч. 2, гл. 4: «Натура человеческая столь благорасположена к тем, кто находится в чрезвычайных обстоятельствах, что обо всяком, кто заключает в молодые лета семейный союз или умирает, непременно сказано будет доброе слово» (пер. М. Кан).

С. 114. *Он боялся, что мистер Каннинг иронически скривит губы, лорд Каслри сделает непроницаемое лицо, а граф Чатемский совершенно растеряется.* — Джордж Каннинг (1770–1827) — премьер-министр Великобритании в 1827 году, министр иностранных дел в 1807–1809-м и с 1822 года, тори. Он был сторонником борьбы за особые интересы Великобритании, отличные от целей континентальных держав, и противником вме-

шательства в европейскую политику, если того не требовали экономические, военные или политические интересы Лондона. Многие исследователи считают его родоначальником современной британской дипломатии; Роберт Стюарт виконт Каслри (Каслрей, Кестльри), впоследствии 2-й маркиз Лондондерри (1769–1822) — английский государственный деятель, военный министр (1805–1806 и 1807–1809), министр иностранных дел (1812–1822). В 1809 году его разногласия с Каннингом привели к дуэли, на которой Каннинг был легко ранен. Скандал вызвал правительственный кризис и падение кабинета Портленда; Джон Питт, второй граф Чатемский (1756–1824), английский военный и политик, старший брат Уильяма Питта Младшего. В отличие от прославленных отца и брата, запомнился главным образом ленью и неорганизованностью.

…первого лорда казначейства (которого многие сегодня на французский манер именуют премьер-министром). — С начала XVIII века главой британского кабинета министров был первый лорд казначейства; эта должность примерно соответствует должности премьер-министра во Франции, но официально глава кабинета стал именоваться премьером только в 1905 году.

С. 115. *...Нельсон был всего лишь моряком, а покойный мистер Питт — всем.* — Уильям Питт Младший (1759–1806) — английский государственный деятель, лидер «новых тори», в 1782–1783 — министр финансов, в 1783–1801 и в 1804–1806 — премьер-министр. Важнейшей целью своей жизни Питт считал борьбу с Францией — главным соперником Великобритании. Смерть Питта в январе 1806 года открыла дорогу коалиционному «министерству всех талантов» Фокса и Гренвилла (1806–1807), на смену которому пришло правительство лорда Портлендского (1807–1809), который после дуэли между Каннингом и Каслри вынужден был уступить свой пост вигу Персивалю.

С. 118. *Французы намеревались курсировать по Бискайскому заливу в поисках британских кораблей, и если не удастся эти корабли захватить, то хотя бы помешать их капитанам осуществить свои недобрые замыслы.* — В 1806 году Наполеон издал декрет о Континентальной блокаде, запрещавший всем подвластным Франции странам и ее союзникам торговать с Британией. В блокаде участвовали Франция, Италия, Нидерланды, Испания и Дания, а с 1807 года по Тильзитскому договору — Россия и Пруссия. Британия ответила

контрблокадой — запретом нейтральным государствам торговать с Францией и ее союзниками. Британские корабли в Бискайском заливе охотились на любые суда, которые пытались доставить во Францию зерно, сахар, кофе и другие товары. В целом британская контрблокада была успешнее наполеоновской Континентальной блокады, поскольку невольные союзники Франции, в частности Россия, продолжали тайком продавать Британии пеньку, лес и другие необходимые для флота материалы.

С. 125. *…волшебник имел долгую и приятную беседу с первым лордом… адмиралтейства: лордом Малгрейвом…* — Генри Фипс, 1-й граф Малгрейв (1755–1831) — британский политик и военный, министр иностранных дел в кабинете Уильяма Питта Младшего, первый лорд адмиралтейства в 1807–1810 годах.

С. 129. *«Меня просят показать волшебных существ, — сетовал он, — единорогов, мантикор и прочее в том же роде».* — Мантикора (в переводе с фарси — людоед) — самое кровожадное и опасное из вымышленных существ: львиное туловище, три ряда зубов и хвост с ядовитым жалом и отравленными шипами. Часто упоминалось в средневековых бестиариях.

С. 130. *…я посоветовал бы «Эдинбургское обозрение».* — «Эдинбургское обозрение» (1802–1929) — ежеквартальное периодическое издание. Было создано тремя одаренными литературными критиками: Ф. Джеффри, С. Смитом и Г. Брумом; отличалось либеральной направленностью.

С. 131. *…получил письмо от молодого книготорговца по фамилии Мюррей.* — Джон Мюррей (1778–1843) — «король книгоиздателей», друг большинства выдающихся литераторов своего времени, создатель «Ежеквартального обозрения», главного конкурента «Эдинбургского обозрения». Если «Эдинбургское обозрение» было журналом вигов, то «Ежеквартальное обозрение» — журналом тори. Джон Мюррей унаследовал отцовский книгоиздательский дом в пятнадцать лет, и 1807 год — самое начало его грядущего взлета: в этом году он начал печатать «Мармион» Вальтера Скотта, купил долю в «Эдинбургском обозрении» и создал (при поддержке Каннинга) «Ежеквартальное обозрение».

С. 133. *«История Короля-ворона для детей», изд-во Лонгмана, 1807, с гравюрами Томаса Бевика.* — Томас Бевик (1753–1828) — резчик по дереву и гравер на меди, особенно знаменит гравюрами с изображением животных и птиц.

С. 135. *…Мюррей вынужден был продать журнал другому издателю — Томасу Нортону Лонгману.* — Томас Нортон Лонгман (1771–1842), как и Мюррей, унаследовал издательское дело своего отца. Его первым грандиозным коммерческим успехом стала покупка прав на учебник английской грамматики в 1799 году; это направление (учебники английского языка и словари) остается для издательства «Лонгман» главным по сей день.

С. 176. *У нас появился шоколад карак.* — Карак — сорт венесуэльского шоколада.

С. 179. *…Стивен столкнулся с дородным джентльменом в синем сюртуке и бедфордской шляпе…* — Бедфордская шляпа — круглая шляпа типа канотье, но с более высокой тульей. Брат Джейн Остен, преподобный Джеймс Остен, заказывал такие в лавке Локка на Сент-Джеймс-стрит.

С. 181. *…недолго думая, послал за мистером Бейли.* — Мэтью Бейли (1761–1823) — британский врач шотландского происхождения, лейб-медик Георга III, автор первой английской книги по патологоанатомии.

С. 183. *…мистер Персиваль, маленький, аккуратный правовед с непримечательной внеш-*

ностью, занимающий высокий пост канцлера казначейства… — Спенсер Персиваль (1762–1812) — английский политик и юрист, канцлер казначейства в правительстве Портленда, затем — премьер-министр Англии с 1809 года до своего убийства сумасшедшим в 1812 году. Отличался замкнутым характером и крайней религиозной нетерпимостью.

…спросил лорд Хоксбери. — Роберт Бенкс Дженкинсон, маркиз Хоксбери (после смерти отца в декабре 1808 года — 2-й граф Ливерпуль, 1770–1828) — английский политик: министр внутренних дел, затем военный министр в правительстве Питта Младшего и Персиваля, премьер-министр Англии в 1812–1827 годах. Несмотря на долгий срок правления, оставался в тени таких выдающихся людей, как Каннинг, Каслри и Веллингтон.

С. 197. *Я только что говорил об этом с герцогом Девонширским…* — Уильям Кавендиш, 5-й герцог Девонширский (1748–1811) — британский аристократ и политик. Ему трижды предлагали стать министром, он трижды отказывался. Свои доходы от медных рудников он вложил в курортный город Бакстон, превратив его в копию Бата.

С. 198. *…завтра же отправимся в Мэншн-хаус и*

поговорим с лорд-мэром… — Мэншн-хаус — официальная резиденция лорд-мэра лондонского Сити.

Том II. Джонатан Стрендж

С. 233. *В феврале 1666 года ирландец Валентин Грейтрейкс имел обстоятельный разговор на древнееврейском с пророками Моисеем и Аароном в коридорчике около огромного бельевого шкафа.* — Валентин Грейтрейкс (1629–1683) — ирландский целитель, утверждавший, что может лечить болезни возложением рук. В 1666 году совершил поездку в Англию, чтобы излечить виконтессу Конвей от головных болей (ее ему, правда, вылечить не удалось), а по пути возлагал руки на многих больных. Слава Грейтрейкса была так велика, что королевский астроном Флэмстид даже ездил к нему в Ирландию в надежде поправить свое слабое здоровье (тоже безрезультатно).

С. 269. *Он даже пытался убедить остальных министров нанять мистера Бекфорда, мистера Льюиса и миссис Радклиф, чтобы они состряпали описание какого-нибудь ужасного сна…* — Уильям Бекфорд (1760–1844) — английский писатель, автор готического романа «Ватек»; Мэтью Грегори Льюис (1775–1818) — другой известный автор

готических романов. Его роман «Монах» снабжен подзаголовком «Сновидения, сверхъестественные ужасы, таинственные силы, ведьмы и привидения, являющиеся в полночь».

С. 272. *Предметом спора стал вопрос: может ли принц Уэльский совершить поступок, который опозорит страну?* — Георг Август Фредерик, принц Уэльский, будущий английский король Георг IV (1762–1830). Отличался необузданным характером и сильно развитыми порочными наклонностями. В 1795 году женился на своей кузине, дочери герцога Брунвикского Каролине (только на этом условии парламент соглашался оплатить его долги). Через несколько недель после рождения их единственной дочери принц разъехался с женой, после чего долго (и безуспешно) пытался с ней развестись. В 1811 году принял регентство в связи с умственным расстройством отца, в 1820 году вступил на престол. Не обладая добрыми свойствами отца, Георг IV чувствовал такой же тупой страх перед переменами; к счастью для страны, у него не было упрямого мужества, которое помогало Георгу III достигать своей цели.

С. 272–273. *…два месяца назад Бат посетил маркиз Уэлсли.* — Ричард Коли Уэлсли, 2-й граф

Морнингтонский (1760–1842) — британский политик, губернатор Мадраса, генерал-губернатор Бенгалии, затем вице-король Ирландии. Несмотря на множество собственных достижений, всю жизнь отчаянно завидовал младшему брату Артуру (впоследствии — герцогу Веллингтону). Во время упоминаемых событий (1809–1812) был министром иностранных дел в кабинете Спенсера Персиваля.

С. 273. *Он объяснял различные достоинства бобовых, посаженных или собранных в новолунье и в полнолунье, на Бельтайн и в день летнего солнцеворота…* — Бельтайн — кельтский праздник начала лета. Считалось, что в эту ночь природные духи особенно активны. День летнего солнцеворота (Иванова ночь) — тоже один из самых мистических дней у многих народов.

С. 275. *Миссис Бренди предложила ему бокал констанцского вина…* — Южноафриканское десертное вино из винодельческого поместья Констанция в Капской колонии.

С. 284. *…она получила записку из магазина «Хейг и Чиппендейл».* — Томас Чиппендейл (1718–1779) — великий английский мебельщик, чье имя стало синонимом англизированного рококо. Ко времени описываемых событий лавкой вла-

дел его сын, тоже Томас (1749–1822). Томас Хейг — партнер Чиппендейла.

Ты не мог бы заглянуть к «Веджвуду и Байерли»? Надо узнать, когда будет готов обеденный сервиз. — Джосайя Веджвуд (1730–1795) — знаменитый английский керамист, создатель нескольких новых разновидностей фарфора и фаянса (особо славился фарфор с белым рельефом в виде камеи), дед Чарльза Дарвина.

С. 287. *…я попросил настоятелей храмов Святой Марии на ручье и Святого Петра ради нервов леди Поул временно отменить колокольные звоны…* — Церковь Святой Марии на ручье (Мэрилебоун) названа по протекавшему там некогда ручью Тайберн.

…порекомендовал ей «Белинду» миссис Эджуорт. — Мария Эджуорт (1767–1849) — англо-ирландская писательница, автор книг для детей и взрослых. Ее романом «Белинда» (1801) особенно восхищалась Джейн Остен; высокого мнения о творчестве Эджуорт был и Вальтер Скотт.

С. 292. *…намерены устроить сражение по правилам Оноре Боне…* — Оноре Боне (ок. 1340 — ок. 1410) — бенедиктинский монах, автор трактата «Древо сражений».

С. 299. *Шкаф погрузили на баруш-ландо и привез-*

ли в Париж. — Баруш-ландо — четырехместная коляска с откидным верхом, модная в XIX веке.

С. 304. *Леди Веллингтон — маленькая несчастная женщина, мнением которой супруг нисколько не дорожил…* — Кэтрин Сара Доротея Уэлсли, герцогиня Веллингтон, урожденная Пакенхем (1773–1831). Когда Артур Уэлсли, будущий герцог Веллингтон, первый раз сделал ей предложение, отец Китти отказал незавидному жениху. За следующие десять лет Артур сделал блистательную военную карьеру, а Китти постарела и подурнела. Тем не менее он все же женился на ней. Брак, хотя в нем и родились двое сыновей, был несчастливым. Китти боялась и боготворила мужа до крайности; сам же герцог предпочитал общество умных женщин.

С. 306. *…судьбой библиотеки герцога Роксбургского*. — Джон Кер, 3-й герцог Роксбургский (1740–1804) — шотландский аристократ и библиофил. В 1761 году во время поездки по Европе влюбился в Христину Софию Альбертину, старшую дочь герцога Мекленбург-Стрелицкого, чья младшая дочь, Шарлотта, стала женой Георга III. Принцесса Христина умерла незамужней в 1794 году. Последние сорок лет жизни герцог собирал редкие книги; к 1804 году в его собрании было

10 000 изданий.

С. 307. *…первопечатные книги, созданные такими гениями, как Уильям Кэкстон из Лондона и Вальдарфер из Венеции.* — Уильям Кэкстон (1422–1491) — английский первопечатник, издатель и переводчик. Христофор Вальдарфер — один из первых немецких типографов в Италии. В 1470–1472 годах жил в Венеции. Особенно славился его «Декамерон» Боккаччо. Герцог Роксбургский, будучи в Италии, приобрел единственный сохранившийся экземпляр этого издания — до тех пор полагали, что оно полностью утрачено.

С. 310. *«Rosa et Fons»* — «Роза и фонтан» *(лат.)*.

…ранее неизвестная поэма Кретьена де Труа… — Кретьен де Труа (ок. 1135 — ок. 1183) — французский поэт, автор пяти романов артуровского цикла.

«Exercitatio Magica Nobilissima» — «Опыты благороднейшей магии» *(лат.)*.

С. 314. *«Благословение святого Серло» был захвачен у французов и прежде назывался «Le Temple Foudroyé».* — *«Le Temple Foudroyé»* (храм, поражаемый молнией) — высший аркан в Китайском таро, соответствует *«La Maison Dieu»* («Башне») в Марсельском таро.

С. 315. *…ответил офицер в ментике и белых*

гусарских штанах. — В британской армии гусары появились значительно позже, чем в других европейских армиях. Только в 1806 году четыре полка легких драгун получили название «гусарских» и форму с ментиком, доломаном и ташкой, как у венгерских гусар.

С. 318. *Ее младшие братья и сестры — тоже фанатичные поклонники лорда Веллингтона. Самый красивый солдатик в детской получает это славное имя, и на его долю выпадает больше приключений, чем на долю всех остальных обитателей сундука с игрушками, вместе взятых.* — В числе этих фанатичных поклонников была и маленькая Шарлотта Бронте. Из подаренных ее брату деревянных солдатиков она выбрала самого красивого и назвала его Веллингтоном; он стал героем историй, которые сочиняли Шарлотта, Эмили, Энн и Бренуэлл Бронте.

С. 323. *Моя фамилия Брисколл. Я состою капелланом при ставке*. — Преподобный Сэмюэль Брисколл (1788–1848) — любимый капеллан Веллингтона, впоследствии личный капеллан его светлости. Во время войны на Пиренейском полуострове Веллингтон неоднократно жаловался в военное ведомство на нехватку армейских капелланов и на то, что присланные капелланы

(обычно младшие приходские священники без всякой дополнительной подготовки) не находят общего языка с солдатами. Брисколла его светлость упоминал как единственный пример образцового капеллана.

С. 327. *…сидели два старших офицера Веллингтона — генеральный квартирмейстер полковник сэр Джордж Мюррей и генерал-адъютант сэр Чарльз Стюарт…* — Джордж Мюррей (1772–1846) — британский военный и политик шотландского происхождения. Участвовал во многих сражениях — у его золотой медали, полученной за войну на Пиренейском полуострове, было шесть пряжек (больше пряжек получили лишь трое, в том числе Веллингтон). В 1833–1835 годах Мюррей был президентом Королевского географического общества; его именем названы река и гора в Австралии. Чарльз Уильям Стюарт (1778–1854), 3-й маркиз Лондондерри, 1-й барон Стюарт, младший брат виконта Каслри. С Веллингтоном у него сложились неприязненные отношения, и Веллингтон добился отправки Стюарта в Лондон, но тот, воспользовавшись своими связями, сумел вернуться обратно. С 1835 года — английский посол в Санкт-Петербурге.

С. 331. *…приглашал бы самых знаменитых кра-*

савиц в истории — Елену Прекрасную, Клеопатру, Лукрецию Борджиа, деву Мариан и мадам де Помпадур. — Дева Мариан — возлюбленная Робин Гуда в английских народных балладах; остальные красавицы читателю, вероятно, известны.

С. 343. *…Юлию Цезарю, Александру Македонскому, Карлу Великому, Уильяму Шекспиру, Джону Уэсли и так далее.* — Джон Уэсли (1703–1791), священник, основавший методистское движение в Англиканской церкви.

С. 344. *Воздух Англии — воздух свободы.* — Эту (или очень похожую) фразу произнес Уильям Мюррей, 1-й граф Марсфилд (1705–1793) — британский юрист и законодатель, противник рабства. В 1772 году на суде по делу беглого раба Марсфилд вынес вердикт, что в Англии и Уэльсе рабство противоречит закону. По этому вердикту были освобождены четырнадцать или пятнадцать тысяч чернокожих, находящихся в рабстве на территории Англии. Вердикт, впрочем, не распространялся на колонии — окончательно рабство в Британской империи запретили только в 1834 году.

С. 346. *Самым известным разведчиком был, несомненно, майор Колхаун Грант из 11-го пехотного полка.* — Колхаун Грант (1780–1829) — бри-

танский офицер, разведчик. В 1812 году попал в плен к французам, но сумел передавать сведения о неприятеле даже из плена; когда его отправили на допрос в Париж, бежал по дороге.

С. 347. *Одному из самых знаменитых и жестоких повстанческих вождей, Херонимо Саорнилю…* — Дон Херонимо Саорниль (р. 1771, дата смерти неизвестна), испанский партизан, командир отряда «Вольные гусары Кастильи-ла-Вьехи». В 1813 году Веллингтон присвоил ему звание полковника, однако в мае того же года Саорниль предстал перед трибуналом по обвинению, предъявленному муниципалитетами нескольких городов, пострадавших от непосильных контрибуций, дебошей, учиненных войсками, и разграбления церквей. С помощью награбленных денег подкупил тюремщиков и бежал из тюрьмы; дальнейшая его судьба неизвестна.

С. 350. *…красивый молодой человек по имени Фицрой Сомерсет, исполнявший при Веллингтоне обязанности секретаря…* — Фицрой Джеймс Генри Сомерсет, 1-й барон Реглан (1788–1855) — британский военный. Был секретарем Веллингтона во время кампании на Пиренейском полуострове, в 1814 году женился на его племяннице. В битве при Ватерлоо потерял руку и впоследствии,

чтобы этот недостаток был не так заметен, носил одежду с особым покроем рукава, который и получил его имя. В звании фельдмаршала командовал английскими войсками во время Крымской войны, умер под Севастополем от холеры.

С. 373. *Ни даже кому-либо из тринадцати сыновей и дочерей.* — От брака с Софией-Шарлоттой Мекленбург-Стрелицкой (1744–1818) у Георга III было 13 детей: Георг-Август-Фредерик, принц Уэльский (впоследствии король Георг IV), Фредерик-Август, герцог Йоркский, Уильям-Генрих, герцог Кларенский (впоследствии король Вильгельм IV), Эдуард-Август, герцог Кентский, Эрнст-Август, герцог Камберлендский (впоследствии король Ганноверский), Август-Фредерик, герцог Сассекский, Адольф-Фредерик, герцог Кембриджский, Шарлотта-Августа-Матильда, королева Вюртембергская, Елизавета, ландграфиня Гессен-Гомбургская, и другие.

С. 376. *Работа Антонио Веррьо, итальянского джентльмена…* — Антонио Веррьо (1639–1707) — английский художник итальянского происхождения, автор огромных барочных фресок на мифологические темы. Росписи Виндзорского дворца, выполненные Антонио Веррьо, ныне утрачены.

Миссис Гвин, сэр, одна из фавориток Карла Второго. — Нелл Гвин (1650–1687) — английская актриса, фаворитка Карла II.

С. 387. *Многие подтверждают, что наш отец укрощал помешанных одним взглядом.* — Доктор Фрэнсис Уиллис (1718–1807) лечил короля во время первого приступа его болезни, после которого король пробыл в ремиссии двенадцать лет. Когда в 1801 году болезнь вернулась, доктор Уиллис был уже слишком стар и врачами короля назначили его сыновей.

С. 390. *Мистер Фокс поведал мне, что три воскресенья назад он посетил церковь Святого Ведаста на Фостер-лейн…* — Чарльз Джеймс Фокс (1749–1806) — британский политический деятель, министр иностранных дел в 1782, 1783, 1806 годах, ярый защитник свободы (сумел провести через парламент резолюцию с требованием отмены рабства, поддерживал отделение Американских колоний, приветствовал Французскую революцию); с Георгом III всю жизнь был на ножах.

…заберет меня и вас в благословенный Ганновер! — Георг III был не только английским королем, но и курфюрстом (впоследствии королем) Ганноверским; во время одной из своих многочисленных ссор с министрами пригрозил

уехать в Ганновер, чем и вынудил их пойти на попятную.

…она поет о прелестном юном создании, которое король боготворил в юности и от которого отказался по принуждению друзей. — Молодой Георг III влюбился в пятнадцатилетнюю леди Сару Леннокс (1745–1826), дочь второго герцога Ричмондского, однако советники короля, не желая уступать влияние родственникам леди Сары, отговорили его от брака. Леди Сара в семнадцать лет вышла замуж за Чарльза Бенбери, но вскоре бежала с любовником, который бросил ее после рождения дочери. Муж через парламент добился развода, и в 1776 году леди Сара вступила в брак с обедневшим офицером Джорджем Нейпиром, которому родила восьмерых детей.

С. 405. *Все восхищались новой картиной мистера Лоренса, на которой были изображены оба волшебника.* — Сэр Томас Лоренс (1769–1830) — английский живописец-портретист, личный художник короля и председатель Академии художеств; после смерти Джошуа Рейнольдса считался величайшим живописцем Англии. Среди его моделей были Вальтер Скотт, Веллингтон, Питт Младший. Современники отмечали, что Лоренс бессовестно льстит своим моделям.

С. 432. *И от кого — от Марии Буллуорт!* — Внимательные читатели наверняка уже приметили необычайное сходство Марии Буллуорт с Марией Рашуорт (урожденной Бертрам) из «Мэнсфилд-парка» Джейн Остен.

С. 435. *Заседал он в Блекфрайарс.* — Блекфрайарс («Черные братья») — доминиканский монастырь в лондонском Сити. После секуляризации монастырей при Генрихе VIII стал собственностью короны; именно в нем папский легат слушал дело о разводе Генриха VIII с Екатериной Арагонской.

С. 438. *Коллегия юристов гражданского права* — существовавшая до 1858 года корпорация, готовившая специалистов по римскому праву, в отличие от судебных иннов, готовивших специалистов по общему праву. В коллегию входили доктора права Оксфордского и Кембриджского университетов, утвержденные председателем Церковного апелляционного суда.

С. 439. *Джордж Крукшенк изобразил мистера Норрелла…* — Джордж Крукшенк (1792–1878) — английский художник, политический карикатурист и книжный иллюстратор.

С. 440. *На карикатуре мистера Роулендсона…* — Томас Роулендсон (1756–1827) — английский художник, карикатурист, книжный иллюстра-

тор.

С. 442. *Это было радикальное издание, ратовавшее за политические реформы, эмансипацию католиков и иудеев…* — Эмансипация католиков (предоставление британским и ирландским католикам равных прав с протестантами) на протяжении многих десятилетий оставалась главным вопросом английской политики. К началу XIX века католики уже могли открыто исповедовать свою религию и владеть землей, но не могли занимать государственные посты. И Георг III, и Георг IV были ярыми противниками католической эмансипации. Лишь в 1829 году герцог Веллингтон (в то время премьер-министр), сломив сопротивление короля, провел закон о католической эмансипации, по которому католики могли избираться в парламент и занимать почти все государственные должности; впрочем, еще до 1871 года они не имели права учиться в университетах. Те же законы распространялись на иудеев: Дизраэли не смог бы стать членом парламента, если бы много раньше его отец, рассорившись с лондонской синагогой, не крестил детей в англиканстве.

С. 444–445. *Представьте, что мистер Дэви, мистер Фарадей и другие великие ученые мужи*

начинают свои лекции с выражений презрения в адрес Исаака Ньютона. Или наши наиболее прославленные эскулапы предваряют сообщение об очередном открытии в медицине рассказами о злонамеренности Уильяма Гарвея. — Гемфри Дэви (1778–1829) — английский химик и физик, один из основателей электрохимии, член, а затем и председатель Лондонского королевского общества. Майкл Фарадей (1791–1867) — английский физик, основоположник учения об электромагнитном поле. Уильям Гарвей (1578–1657) — английский врач, создатель современной физиологии и эмбриологии.

С. 445. *Иосиф Аримафейский, пришедший из Святой земли и посадивший чудесное дерево, защищающее Англию от зла…* — По преданию, Иосиф Аримафейский посетил Британию, основал в Гластонбери христианскую общину, спрятал там чашу Тайной вечери (святой Грааль) и посадил веточку от тернового венца Спасителя. Терновник, во всяком случае, растет в Гластонбери и посейчас.

С. 456. *…Король-ворон был любимым приемным сыном короля Оберона…* — Оберон — в средневековой европейской традиции король эльфов. Во французском повествовании «Гюон из Бордо» он

— сын феи Морганы и Юлия Цезаря, прекрасный лицом, но уродливый телом, и наделен удивительной властью. В английской литературе (у Шекспира и других авторов) Оберон — непостоянный дух, размером и могуществом уступающий своим литературным предшественникам. Сюзанна Кларк использует французское написание его имени *Auberon* вместо английского *Oberon*, показывая, что речь идет о грозном Обероне французских преданий; позже, в 45-й главе, он упоминается уже в английском своем написании.

С. 464. *…немедленно предложил вместе ехать к леди Шарлотте Гревиль…* — Леди Шарлотта Гревиль, урожденная Кавендиш-Бентинк (1775–1862) — близкий друг герцога Веллингтона; молва утверждала, что у них роман.

С. 473. *Когда мне понадобится представление в духе Воксхолл-Гарденс, я вам скажу!* — Воксхолл-Гарденс — увеселительный сад в Лондоне; существовал с 1661 по 1859 год.

С. 497. *Это кофейня «Иерусалим» на Кауперс-корт.* — Кофейня «Иерусалим» на Кауперс-корт была местом деловых встреч для капитанов и купцов, торгующих с Китаем, Ост-Индией и Австралией. В пору своего расцвета успешно

конкурировала с «Ллойдом».

С. 518. *Вечером сели играть в экарте.* — Экарте — карточная игра для двоих, отчасти сходная с вистом.

С. 519. *Это у Касл-Идриса…* — Касл-Идрис («замок Идриса») — холм в Шропшире, в нескольких милях от вала Оффы, на котором сохранились остатки древних укреплений; в мифологии валлийских кельтов Идрис — великан, обладавший обширными познаниями в поэзии, астрономии и философии.

Том III. Джон Аскгласс

С. 530. *Именно по этим признакам люди и узнали, что к ним приходила* Даоин сид *— Волшебная рать.* — «Даоин сид» (люди холмов) в кельтской мифологии — волшебные существа, обитающие под землей и в холмах, в пещерах, в расщелинах скал и на чудесных островах в океанах. Сиды (ши) прекрасны лицом, но чрезвычайно опасны и нередко похищают людей. Представление о сидах отразилось в образе эльфов и фей более поздних традиций, а также других сверхъестественных существ, например банши.

С. 531. *На Рождество король Генрих призвал графов, епископов, аббатов и самых знатных под-*

данных королевства в Вестминстер… — Генрих I Боклерк (1068–1135) — младший сын Вильгельма Завоевателя, король Англии и герцог Нормандии.

С. 532. *Хронист Ордерик Виталий, тридцать лет спустя описывая эти события, повествует…* — Ордерик Виталий (1075–1142) — норманнский монах, хронист, автор «Церковной истории» — самого полного описания англо-норманнской жизни его дней.

С. 535. *Лорду Сидмуту, министру внутренних дел.* — Генри Аддингтон Сидмут, 1-й виконт Сидмутский (1757–1844) — премьер-министр Великобритании в 1801–1804 годах, во время описываемых событий — министр внутренних дел в правительстве графа Ливерпуля. В борьбе против луддитов добился значительного ограничения гражданских прав (причем не только для рабочих, но и для всех слоев населения). Яро (хотя и безуспешно) противостоял эмансипации католиков и парламентской реформе.

С. 569. *Особенно сейчас, когда нам угрожают иоанниты.* — Совпадение с названием рыцарского ордена случайно и объясняется происхождением от одного и того же имени Иоанн (в английском произношении Джон).

С. 572. *...мог быть монахом одного из могущественных северных аббатств — Фаунтинз, Риво...* — Фаунтинз и Риво — цистерцианские аббатства в Йоркшире; в настоящее время представляют собой живописные руины.

О Джоне Аскглассе говорили, что он беседовал с Мерлином, Аэндорской волшебницей... — Аэндорская волшебница — в Библии волшебница, по требованию Саула вызвавшая дух пророка Самуила (I Цар. 7–25).

С. 594. *Лорд Байрон покинул Англию в апреле 1816 года, спасаясь от настойчивых кредиторов и обвинений в жестоком обращении с женой и соблазнении собственной сестры.* — В 1814 году единокровная сестра Байрона Августа родила дочь, отцом которой до сих пор считается Байрон.

С. 595. *Компанию ему составляли другой поэт, Шелли, миссис Шелли и еще одна совсем молодая дама, почти девочка, которая представилась как миссис Клермонт.* — На самом деле мисс Джейн (Клер) Клермонт, сводная сестра Мэри Шелли. В пятнадцать лет бежала из дома вместе с Мэри и ее возлюбленным; их любовный треугольник просуществовал восемь лет. В Италии у нее была недолгая связь с Байроном, от которого она роди-

ла дочь Аллегру.

Кроме того, присутствовал весьма странный молодой человек, который все время говорил ерунду, — некий мистер Полидори. — Джон Полидори (1795–1821) — врач Байрона, автор повести «Вампир». Как-то между Байроном и Шелли зашел разговор о сверхъестественном; каждый из присутствующих решил на пари написать по страшной истории, однако до конца дело довели только два нелитератора: Полидори написал повесть «Вампир», а девятнадцатилетняя Мэри Шелли — роман «Франкенштейн».

С. 600. *Я поставил его вот сюда, между «Курьезами» Д'Израэли и «Эммой» мисс Остен.* — Исаак Д'Израэли (1776–1846) — библиофил, автор сборников по истории литературы, отец Бенжамина Дизраэли, 1-го виконта Биконсфилда, премьер-министра Англии и писателя. Мюррей дружил с Д'Израели и впоследствии помогал его сыну издавать газету. Мюррей печатал и его книги, и книги Джейн Остен. «Мюррей — мошенник, но очень мил», — писала Джейн Остен сестре. «Эмма» понравилась Мюррею, однако он предложил автору всего 450 фунтов, затребовав в придачу авторские права на «Чувства и чувствительность» и «Мэнсфилд-парк», то есть фактически заплатил

за саму «Эмму» всего 150 фунтов!

С. 683. *Vermittlung. Wir bitten Ihre Vermittlung. Wie kann man das sagen?* — Посредничество. Мы просим вашего посредничества. Как это сказать? *(нем.)*

С. 689. *…Грейстил сел в гондолу и направился в палаццо графини Альбрицци.* — Изабелла Теотохи, графиня д'Альбрицци (1770–1836) — итальянская писательница, хозяйка литературного салона; ее называли венецианской мадам де Сталь.

С. 692. *Кто смертен, тот не должен искать того, что за пределом смерти. — Байрон Дж. Г.* Манфред. Акт II, сц. IV. Пер. И. Бунина.

С. 707. *…друг лорда Байрона — некий Скроуп Дэвис…* — Скроуп Бердмор Дэвис (1782–1852) — английский денди, игрок и бретер, университетский друг лорда Байрона. Ему адресована значительная часть писем Байрона из Италии. Сохранилось также эпистолярное наследие самого Скроупа — письма Байрону, Мюррею и другим.

С. 709. *Левкрота* — мифическое существо, впервые упомянутое в «Естественной истории» Плиния Старшего под названием левкрокота: «Левкрокота — животное, обладающее необычайной скоростью; размером она с дикого осла, с ногами коня, шеей, хвостом и грудью как у льва,

головой барсука, раздвоенным копытом, пасть достигает ушей, а вместо зубов одна сплошная кость; говорят, что это животное может подражать человеческому голосу».

С. 736. Tempesta — буря *(ит.)*.

С. 756. *У Лассельса был камердинер, который любил читать рассказы об убийствах и повешениях в «Ньюгейтском календаре»*. — «Ньюгейтский календарь» — первоначально ежемесячное издание, в котором сообщалось о казнях, затем — отдельные иллюстрированные выпуски, рассказывающие о жизни самых известных преступников. Ко времени описываемых событий это было издание в шести томах, которое включало в себя биографии известных преступников, в свое время отбывавших наказание в Ньюгейтской тюрьме. Авторы статей подробно объясняли, как пороки привели их героев на виселицу, так что чтение это считалось очень нравоучительным и душеполезным.

С. 759. *Покупательница — хорошенькая дама в спенсере…* — Спенсер (по имени лорда Спенсера, который изобрел этот вид одежды, отрезав прожженные фалды фрака) — короткая курточка с длинными рукавами, закрывающими кисти рук. Мужчины носили спенсер очень недолго

на рубеже XVIII–XIX веков; в эпоху регентства он стал частью женского костюма. Примерно тогда же в женскую моду вошли элементы военного мундира — гусарские застежки и галун. Мода на спенсеры держалась до конца 1820-х, пока носили платья с завышенной талией.

С. 809. *…голое двуногое животное…* — В. Шекспир. Король Лир. Пер. Б. Пастернака: «Лучше было бы тебе лежать в могиле, чем подставлять свое голое тело под удары непогоды. Неужели вот это, собственно, и есть человек? Присмотритесь к нему. На нем все свое, ничего чужого. Ни шелка от шелковичного червя, ни воловьей кожи, ни овечьей шерсти, ни душистой струи от мускусной кошки! Все мы с вами поддельные, а он — настоящий. Неприкрашенный человек — и есть именно это бедное, голое двуногое животное, и больше ничего».

Е. Доброхотова-Майкова